K 48 4/2
п. 2

К 48 1/2

К 48 1/2

РАБОЧІЕ

НА

СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.

604

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. И. СЕМЕВСКАГО.

Томъ II.

Положеніе рабочихъ послѣ 1870 г.

Изданіе И. М. Сибирякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 7 л., 28.
1898.

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28
2683

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

14633.31

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 14633
„31" VII 1931 г.

МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА.

СТРАН.

Глава I. Правила о рабочихъ Устава о золотопромышленности 1870 г. 1

Глава II. Законодательныя и административныя мѣры относительно рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ съ 1870 г. до половины 1890-хъ гг. Циркуляры о пріисковыхъ рабочихъ генер. губ. Вост. Сибири Синельникова.—Правила 1872 г. о рабочихъ ссыльно-каторжныхъ на промыслахъ.—Предложенія иркутскихъ комитетовъ 1873 и 1875 гг.—Циркуляръ Шелашникова.—Инструкція горнымъ исправникамъ 1874 г.—Правила 1876 г. объ охраненіи пріисковыхъ рабочихъ Восточной Сибири при выходѣ ихъ съ промысловъ.—Циркуляры бар. Фредерикса.—Законъ 1876 г. о двухлѣтнемъ наймѣ на амурскіе промыслы.—Правила 1880 г., утвержденныя Шелашниковымъ, о производствѣ работъ.—Циркуляры ген. губ. Вост. Сибири Анучина 1883 г. и гр. Игнатьева 1886 г.—Вопросъ о высылкѣ рабочихъ на пріиски въ Западной Сибири.—Преобразованіе горной администраціи въ Сибири въ 1888 г.—Правила для производства горныхъ работъ 1892 г. 8

Глава III. Общеконтрактные рабочіе на промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго и Семипалатинско-Семирѣченскаго округовъ съ 1870 до половины 1890-хъ годовъ. Рабочіе—киргизы и другіе инородцы. — Меньшая продолжительность рабочаго дня, чѣмъ въ другихъ горныхъ округахъ Сибири.—Воскресный отдыхъ.—Вознагражденіе за трудъ.—Пища.—Жизнь киргизовъ въ юртахъ и землянкахъ.—Неудовлетворительная организація медицинской помощи.—Отсутствіе школъ.—Размѣръ заработка 66

Глава IV. Общеконтрактные рабочіе на промыслахъ Томской губ. съ 1870 г. до начала 1890-хъ гг. Наемъ рабочихъ и контракты съ золотопромышленниками.—Размѣръ задатка.—Неявившіеся рабочіе.—Праздники.—Продолжительность рабочаго дня.—Разряды рабочихъ.—Размѣръ уроковъ.—Подземныя работы.—Вознагражденіе за трудъ.—Пища.—Винныя порціи.—Жилища.—Заборъ товаровъ и припасовъ изъ пріисковыхъ лавокъ.—Семейства рабочихъ.—Народныя чтенія и спектакли.—Артельныя расправы.—Денежные штрафы.—Списки рабочихъ, не подлежащихъ найму.—

СТРАН.

Горные исправники.—Продолжительность операціи.—Медицинская помощь.—Несчастные случаи.—Школы.—Побѣги съ промысловъ.—Величина заработка и додачи.—Долги рабочихъ.—Разсчетъ.—Рабочіе, оставшіеся на зиму 88

Глава V. Общеконтрактные и отрядные рабочіе на промыслахъ Енисейскаго округа съ 1870 г. до начала 1890-хъ гг. Арендная система.—Доходъ золотопромышленниковъ.—Наемъ рабочихъ.—Размѣръ задатка.—Контракты.—Право передачи рабочихъ другимъ золотопромышленникамъ.—Обращеніе общеконтрактныхъ въ золотничниковъ.—Круговая порука.—Срокъ найма.—Время явки и путешествіе на пріиски.—Зимовья.—Количество неявившихся.—Техника золотопромышленности.—Разряды рабочихъ.—Продолжительность рабочаго дня.—Ночныя работы.—Экстренныя работы.—Уроки на торфахъ и пескахъ общеконтрактныхъ рабочихъ.—Уроки на торфахъ отрядныхъ рабочихъ.—Уроки на ортовыхъ работахъ.—Недоработка уроковъ.—Соединеніе урочныхъ и старательскихъ работъ.—Мѣсячное жалованье.—Поурочное вознагражденіе.—Поденная плата.—Плата за старательское и подъемное золото.—Жилища рабочихъ.—Пища.—Винныя порціи.—Торговля виномъ.—Пріисковая пѣсня.—Женщины на пріискахъ.—Несовершеннолѣтніе рабочіе.—Пріисковыя лавки и таксы.—Лѣченіе рабочихъ.—Праздничные дни.—Кровопусканія.—Смертность рабочихъ.—Церковь и школа.—Тѣлесныя наказанія и артельныя расправы.—Выдореніе изъ тайги.—Карцеры.—Аресты.—Списки рабочихъ, не подлежащихъ найму.—Досрочный разсчетъ рабочихъ.—Штрафы.—Пріисковая правительственная администрація.—Побѣги рабочихъ.—Заработки.—Додачи.—Долги и ихъ отработка.—Разсчетъ и выходъ рабочихъ.—Зимняя операція. 141

Глава VI. Общеконтрактные рабочіе и ссыльнокаторжные на промыслахъ Олекминскаго округа съ 1870 до начала 1890-хъ гг. Наемъ рабочихъ.—Задатки.—Путь на пріиски.—Контракты.—Техника работъ.—Доходы предпринимателей.—Продолжительность рабочаго дня.—Подземныя работы.—Величина уроковъ.—Старательскія работы.—Вознагражденіе за трудъ.—Подъемное золото.—Жилища и пища рабочихъ.—Винная порція.—Продажа вина на пріискахъ.—Спиртоносы.—Пріисковыя лавки.—Таксы.—Условія нравственной жизни рабочихъ.—Гигіеническія условія.—Медицинская помощь.—Несчастные случаи и вознагражденіе за нихъ.—Школы.—Наказанія.—Горная администрація.—Побѣги рабочихъ.—Величина валового заработка.—Додача.—Выходъ рабочихъ съ промысловъ.—Ссыльнокаторжные рабочіе 290

Глава VII. Общеконтрактные рабочіе на золотыхъ промыслахъ Амурской и Приморской областей. Историческія свѣдѣнія о золотопромышленности.—Число рабочихъ.—Предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ теперь спросъ на нихъ.—Задатки.—Путешествіе рабочихъ на пріиски.—Техника работъ.—Доходность золотого дѣла.—Продолжительность рабочаго дня.—Величина уроковъ.—Плата за трудъ.—Подъемное и старательское золото.—Пища.—Винныя порціи.—Тайная продажа вина.—Жилища.—Пріисковыя лавки.—Семейства рабочихъ.—Денежные штрафы и другія наказанія.—Горная администрація.—Праздники и льготные дни.—Болѣзни.—Врачебная помощь.—Школы.—Побѣги.—Заработки.—Додачи.—Долги.—Возвращеніе съ пріисковъ 505

Глава VIII. Ссыльно-каторжные и вольнонаемные рабочіе на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ послѣ 1861 года. . 565

СТРАН.

Глава IX. Старатели-золотничники съ 1870 г. до половины 1890-хъ гг. Старатели-золотничники на частныхъ промыслахъ въ округахъ Енисейскомъ, Семипалатинскомъ, Тобольско-Акмолинскомъ, Марінскомъ, Алтайскомъ, Ачинскомъ, Минусинскомъ, Канскомъ, Нижнеудинскомъ и областяхъ Забайкальской и Амурской.—Старатели-золотничники на кабинетскихъ промыслахъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ 588

Глава X. Волненія и стачки рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ съ 1870 по 1895 г. 647

Глава XI. Законодательное регулированіе положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ въ послѣдніе годы. Законъ 20 февраля 1895 г. о наймѣ рабочихъ на частные золотые промыслы и его подготовка.—Основанныя на немъ обязательныя постановленія Томскаго горнозаводскаго присутствія.—Законъ 2 іюня 1897 г. о продолжительности рабочаго дня.—Необходимость различныхъ другихъ мѣръ на пользу пріисковыхъ рабочихъ.—Вопросъ объ обезпеченіи увѣчныхъ и семействъ убитыхъ пріисковыхъ рабочихъ.—Капиталъ имени М. А. Сибирякова.—Общество вспомоществованія горнорабочимъ въ Томскѣ.—Необходимость законодательныхъ мѣръ для обезпеченія рабочихъ на случай болѣзни и лишенія трудоспособности.—Хищническая добыча золота и необходимость ея легализированія. 720

Дополненія 845

ГЛАВА I.

Правила о рабочихъ Устава о золотопромышленности 1870 г.

Весною 1870 г. было утверждено имп. Александромъ II мнѣніе Государственнаго Совѣта относительно новаго Устава о частной золотопромышленности и повелѣно было ввести этотъ уставъ въ дѣйствіе. По этому уставу завѣдываніе золотыми промыслами сосредоточено было въ горномъ департаментѣ министерства государственныхъ имуществъ [1]). Производство золотого промысла было дозволено лицамъ всѣхъ состояній, пользующихся гражданскою правоспособностью, какъ русскимъ подданнымъ, такъ и иностранцамъ [2]), за нѣкоторыми исключеніями [3]); собственно къ ра-

---

[1]) Главный мѣстный надзоръ по управленію сибирскими промыслами былъ порученъ: по Восточной Сибири—генералъ-губернатору и въ извѣстныхъ случаяхъ Совѣту Главнаго Управленія; по Западной Сибири—начальнику Алтайскихъ горныхъ заводовъ (за исключеніемъ частной золотопромышленности Березовскаго округа Тобольской губерніи, подчиненной вѣдѣнію главнаго начальника Уральскихъ горныхъ заводовъ). Ближайшій надзоръ надъ промыслами на мѣстѣ ихъ производства былъ возложенъ на окружныхъ ревизоровъ и полицію. Въ округахъ, гдѣ находятся значительные золотые промыслы, мѣстные губернаторы должны были назначать особыхъ исправниковъ. Полиція и особые исправники, при исполненіи своихъ обязанностей, должны были руководствоваться правилами Устава и инструкціею, утверждаемою министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ.

[2]) Выс. утверж. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 22 января 1885 г. занятія золотопромышленностью въ Приморской области дозволено было впредь исключительно русскимъ подданнымъ. *Розановъ.* „Сводъ дѣйств. узак. о частной золотопр.“, изд. 2-ое 1891 г., стр. 2.

[3]) Лицамъ бѣлаго духовенства дозволено было имѣть участіе въ золотопромышленныхъ товариществахъ, но личное производство золотого промысла имъ воспрещалось. Занятіе золотопромышленностью и участіе въ ней были воспрещены также служащимъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ по горному управленію повсемѣстно, чинамъ полиціи, судебнаго и горнаго вѣдомствъ, а также служащимъ по главному и

ботамъ на пріискахъ допускаются и ссыльно-поселенцы, какъ еврейскаго, такъ и прочихъ вѣроисповѣданій.

Добычу золота, какъ поверхностными, такъ и подземными работами слѣдуетъ производить безъ вреда для здоровья и опасности для жизни рабочихъ. Въ работы на золотые промыслы дозволено было наниматься русскимъ подданнымъ и иностранцамъ по условіямъ, заключаемымъ съ золотопромышленниками по одиночкѣ или артелями. Въ Амурской и Приморской областяхъ наемъ рабочихъ изъ иностранцевъ ограниченъ былъ одними китайцами; прочіе же иностранцы могли допускаться лишь по особымъ каждый разъ разрѣшеніямъ главнаго начальника Восточной Сибири. Въ работы на сибирскіе золотые промыслы (за исключеніемъ промысловъ, находящихся въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской и въ населенныхъ мѣстахъ сѣверо-восточной и восточной части Алтайскаго горнаго округа) могли наниматься ссыльно-поселенцы; увольненіе ихъ на работы и наемъ производился на основаніи особыхъ узаконеній о паспортахъ ссыльныхъ (Уст. о Пасп.) и о наймѣ (Зак. Гражд., ст. 2250—2268), съ соблюденіемъ особыхъ правилъ (см. ниже). На золотыхъ пріискахъ, разрабатываемыхъ исключительно старательскими работами, рабочіе допускались къ этимъ работамъ только артелью, не менѣе 10 человѣкъ [1]).

Правила о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы состояли въ слѣдующемъ. Сроки найма опредѣлены были для сибирскихъ крестьянъ и мѣщанъ не долѣе одного года и для крестьянъ и мѣщанъ прочихъ частей имперіи не долѣе семи лѣтъ (послѣднее правило противорѣчило общему закону о томъ, что наемъ долженъ производиться не долѣе, чѣмъ на пять лѣтъ). Договоры о наймѣ рабочихъ должны были совершаться не иначе, какъ явочнымъ порядкомъ. Въ условіяхъ о наймѣ должны быть означены: пріискъ, на который нанимается рабочій, число рабочихъ часовъ въ сутки, родъ работъ, для которыхъ онъ нанимается, а также и размѣръ особаго вознагражденія за старательскія работы, праздничные дни, въ которые нанимающійся свободенъ отъ работъ, условія о помѣщеніи и удовлетвореніи рабочаго пищею, вещами и припасами, размѣры вычетовъ за самовольное уклоненіе отъ работъ и за

общему губернскимъ управленіямъ Восточной и Западной Сибири—въ предѣлахъ той части Сибири, гдѣ они состоятъ на службѣ, и женамъ, и неотдѣленнымъ дѣтямъ означенныхъ лицъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ воспрещено ихъ мужьямъ и отцамъ. (Позднѣйшее по этому предмету разъясненіе см. у *Розанова*, изд. 2-ое, стр. 14). Къ производству золотого промысла и къ участію въ немъ также не допускались: евреи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ воспрещено постоянное жительство, и лишенные всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ,—повсемѣстно. (Позднѣйшее разъясненіе относительно евреевъ см. *Розановъ*, стр. 14—15).

[1]) П. С. З. т. XLV, № 48399.

другія нарушенія хозяйственныхъ интересовъ золотопромышленника, размѣръ вычета въ случаѣ неявки на пріискъ въ извѣстный срокъ, размѣръ наемной платы и задатковъ, выдаваемыхъ рабочему, какъ деньгами, такъ и вещами. Рабочіе могли наниматься артелями, и въ этомъ случаѣ въ условіи о наймѣ долженъ быть опредѣленъ и порядокъ внутренняго управленія ими. Исправное выполненіе рабочими заключеннаго артелью договора могло быть обезпечено или круговою порукою цѣлой артели, или ручательствомъ того сельскаго или мѣщанскаго общества, къ которому причислены рабочіе, составляющіе артель. Если рабочій опоздаетъ явиться на пріискъ къ условленному сроку, вслѣдствіе трудной болѣзни или прекращенія сообщенія, засвидѣтельствованныхъ священникомъ, полиціею или сельскимъ начальствомъ, онъ освобождается отъ опредѣленнаго въ условіи вычета за просрочку. По прибытіи на пріискъ рабочій отдаетъ свой паспортъ золотопромышленнику и получаетъ отъ него разсчетный листъ, въ которомъ могутъ быть обозначены условія найма. Всякая выдача рабочему деньгами, вещами или припасами, а также произведенные съ него вычеты вносятся въ разсчетный листъ въ собраніи артели или одиночныхъ рабочихъ. Для сохраненія внутренняго порядка между рабочими и для болѣе удобнаго производства самыхъ работъ каждому промышленнику дозволялось раздѣлять своихъ рабочихъ на рабочія партіи. Въ каждую такую партію промышленникъ назначаетъ отъ себя старосту, а рабочіе съ своей стороны двухъ выборныхъ, которые вмѣстѣ со старостой составляютъ партіонную расправу, которой предоставлялось подвергать рабочихъ по словесному приговору за маловажные проступки денежнымъ взысканіямъ до 3 руб., или аресту до 7 дней, или наказанію розгами до 20 ударовъ. Если рѣшеніемъ партіонной расправы золотопромышленникъ или рабочій останется недоволенъ, то они могли жаловаться мѣстному исправнику. Если золотопромышленникъ дозволитъ рабочему отлучиться съ пріисковъ, то онъ выдаетъ ему особый билетъ за своею подписью. Если рабочій, при производствѣ работъ, подвергнется, вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ предписанныхъ въ законѣ мѣръ предосторожности, смерти или тяжкому увѣчью, сдѣлавшему его, по удостовѣренію ближайшаго врача и мѣстнаго исправника, неспособнымъ къ труду, то золотопромышленникъ обязанъ вознаградить его семейство или его самого выдачею тройной за весь наемный срокъ платы. При легкомъ же увѣчьи, происшедшемъ вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ узаконенныхъ мѣръ предосторожности и требующемъ врачебнаго пособія и временнаго призрѣнія, больной помѣщается въ лазаретѣ до совершеннаго выздоровленія, безъ всякаго вычета изъ условленной платы. Вознагражденіе рабочихъ или ихъ семействъ въ тѣхъ случаяхъ, когда смерть или увѣчье рабочаго послѣдовали отъ вины золотопромышленника,

должно было производиться по правиламъ, изложеннымъ въ ст. 657—661 Зак. Гражд. Разсчетъ между предпринимателемъ и рабочимъ производится ежегодно по окончаніи промысловой операціи. По исполненіи срока найма рабочій получаетъ отъ золотопромышленника свой паспортъ и окончательно разсчитывается по условію. Если рабочіе, по соглашенію съ золотопромышленникомъ, останутся на промыслахъ на позднее осеннее время, послѣдній обязанъ принять на свой счетъ всѣ мѣры къ благополучному возвращенію рабочихъ до тѣхъ пунктовъ, откуда дальнѣйшій ихъ возвратъ въ мѣста жительства становится безопаснымъ. Удовлетвореніе рабочихъ слѣдующею имъ по условію платою производится предпочтительно предъ всякими другими взысканіями съ золотопромышленника изъ суммъ, причитающихся за добытое золото. Лицо, завѣдующее полицейскою частью на золотомъ пріискѣ, обязано удостовѣриться до наступленія времени отправленія золота, добытаго во второй половинѣ промысловаго года, опросомъ золотопромышленника, имѣется ли у него достаточное количество денегъ для разсчета съ рабочими, и, въ случаѣ недостаточности средствъ пріисковаго управленія, поступить такъ, какъ предписано Высоч. утв. мнѣніемъ Комитета министровъ 30 мая 1867 г. (см. т. I, стр. 527).

Правила о наймѣ ссыльно-поселенцевъ на сибирскіе золотые промыслы были раздѣлены на правила объ увольненіи ихъ и правила о наймѣ. По правиламъ объ увольненіи при выдачѣ паспортовъ для работъ на золотыхъ промыслахъ долженъ былъ взыскиваться съ ссыльно-поселенцевъ годовой окладъ податей, съ нихъ причитавшихся, недоимки же за предшествующіе годы предписывалось отмѣчать на паспортѣ съ тѣмъ, чтобы золотопромышленникъ взыскивалъ ихъ при разсчетѣ съ рабочимъ. Ссыльно-поселенцу, оставшемуся въ долгу по найму на золотой пріискъ, паспортъ не выдается до уплаты имъ долга, и наняться къ другому золотопромышленнику дозволялось не иначе, какъ если этотъ послѣдній приметъ на себя долгъ прежнему хозяину. Волостное правленіе или смотритель поселенія, въ случаѣ нарушенія двухъ предшествующихъ правилъ, подвергается взысканію числящихся на ссыльно-поселенцѣ долговъ. По наступленіи времени, удобнаго для отправленія на золотые пріиски, выдается ссыльно-поселенцу мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ или смотрителемъ поселенія особый путевой видъ; они же наблюдаютъ за своевременною отправкою ссыльно-поселенцевъ. Неявившіеся на пріискъ рабочіе, а также бѣжавшіе съ промысловъ, должны были препровождаться мѣстнымъ сельскимъ полицейскимъ начальствомъ къ золотопромышленникамъ для выполненія своихъ обязанностей по найму. За увольненіе каждаго ссыльно-поселенца, явившагося на пріискъ, золотопромышленникъ былъ обязанъ, по окончаніи работъ, уплатить по 1 р. 50 к. въ экономическій капиталъ ссыльныхъ и по 1 р. для

устройства осѣдлости ссыльно-поселенцевъ. Паспортъ неявившагося на золотой пріискъ ссыльно-поселенца золотопромышленникъ отсылаетъ, при удостовѣреніи исправника о неявкѣ, въ мѣстное казначейство и кромѣ того извѣщаетъ о томъ волостное правленіе или смотрителя поселенія, которымъ выданъ паспортъ.

Что касается постановленій о наймѣ ссыльно-поселенцевъ, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что правила о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы (за исключеніемъ того, что паспортъ ссыльно-поселенца выдавался на руки не рабочему, а нанимателю) примѣнялись и къ ссыльно-поселенцамъ. Затѣмъ относительно поселенцевъ въ правилахъ, приложенныхъ къ Уставу о частной золотопромышленности, мы встрѣчаемъ слѣдующія особыя постановленія. Ссыльно-поселенцы отправляются изъ мѣстъ ихъ водворенія на золотые пріиски партіями подъ начальствомъ старосты и двухъ или болѣе помощниковъ, избираемыхъ ссыльно-поселенцами, которые и вручаютъ этому старостѣ выданные имъ путевые виды. За неповиновеніе на пути старостѣ ссыльно-поселенцы подвергаются наказанію розгами до 20 ударовъ, по приговору большинства лицъ, составляющихъ партію. Наблюденіе за безостановочнымъ слѣдованіемъ партіи было возложено на мѣстныя полицейскія и волостныя управленія. По прибытіи на пріискъ путевые виды отдаются золотопромышленнику, который вручаетъ рабочимъ разсчетные листы [1]).

Наиболѣе обстоятельную критику новаго Устава о золотопромышленности мы находимъ въ статьѣ горнаго инженера А. Лоранскаго „Наши законы о золотопромышленности“, которая имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что она была напечатана въ оффиціальномъ изданіи того правительственнаго учрежденія, которому принадлежитъ завѣдываніе горными промыслами [2]). Авторъ такимъ образомъ объясняетъ необходимость особыхъ постановленій о пріисковыхъ рабочихъ: „Въ тайгѣ за тысячи верстъ не только отъ городовъ, гдѣ можно найти работу, но даже отъ простого жилого мѣста, вдали отъ судебныхъ учрежденій, рабочіе находятся въ полной зависимости отъ нанимателя, должны исполнять его прихоти и подчиняться его произволу. На фабрикѣ или заводѣ, расположенномъ близъ села или города, рабочій, въ случаѣ нарушенія заводчикомъ контракта или вообще притѣсненій, можетъ легко найти себѣ работу въ другомъ мѣстѣ и кромѣ того получить болѣе или менѣе скорое удовлетвореніе въ судѣ; въ тайгѣ же, удаленной на громадное разстояніе отъ жилыхъ мѣстъ, онъ не можетъ оторваться легко отъ промысла и идти искать себѣ другихъ работъ: для этого нужны средства и силы. Вслѣдствіе этого рабочій долженъ безропотно переносить многія притѣсненія,

[1]) П. С. З. т. XLV, № 48401.

[2]) „Горный Журналъ“ 1872 г. №№ 3, 7—8.

и только когда они дойдутъ до чрезмѣрности, когда всякому терпѣнію наступаетъ конецъ, тогда ему остается одно—бѣжать и можетъ быть умереть отъ голода и изнуренія... Подобныя-то обстоятельства обязываютъ принять особыя мѣры для гарантированія интересовъ рабочаго класса и порождаютъ нужду въ законодательствѣ, спеціальномъ для золотыхъ промысловъ".

Разобравъ прежніе законы о золотопромышленности и существенные ихъ недостатки, Лоранскій переходитъ къ разсмотрѣнію новаго Устава о золотопромышленности 1870 г. Между прочимъ онъ съ сочувствіемъ отмѣчаетъ устраненіе монополіи относительно права занятія золотопромышленностью и предоставленіе его всѣмъ, за небольшими исключеніями. Разсматривая измѣненія и дополненія, внесенныя новымъ уставомъ въ законы о наймѣ рабочихъ, онъ совершенно не одобряетъ того, что при указаніи условій, которыя должны быть, оговорены въ контрактѣ при наймѣ рабочаго, исключенъ параграфъ, которымъ прежде опредѣлялось, что работы должны продолжаться не долѣе, какъ съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера. „Такимъ образомъ", говоритъ Лоранскій, золотопромышленникамъ данъ полный произволъ". Изъ новыхъ дополненій онъ считаетъ полезнымъ постановленіе, что въ случаѣ просрочки рабочаго въ явкѣ на пріискъ къ условленному сроку, происшедшей вслѣдствіе трудной болѣзни или прекращенія сообщенія, золотопромышленникъ не имѣетъ права производить опредѣленнаго въ условіи вычета: авторъ полагаетъ, что эта статья можетъ несомнѣнно принести пользу рабочимъ.

Совершенно иного мнѣнія авторъ о статьѣ, обязывающей золотопромышленника вознаграждать рабочаго или его семейство выдачею тройной за весь наемный срокъ платы въ случаѣ, если рабочій при производствѣ работъ, вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ предписанныхъ въ законѣ мѣръ предосторожности, подвергнется смерти или тяжкому увѣчью. Лоранскій полагаетъ, что она „можетъ принести гораздо болѣе пользы золотопромышленникамъ, чѣмъ рабочимъ. Прежде въ подобныхъ случаяхъ пріисковое управленіе привлекалось къ суду и присуждалось къ уплатѣ вознагражденія на основаніи ст. 657—661 т. X 1 ч. Зак. Гражд., по которымъ взысканіе несравненно болѣе строго, теперь же многіе случаи, которые должны быть разсмотрѣны на основаніи этихъ статей, будутъ причисляться къ новой статьѣ. Хотя въ примѣчаніи къ этой статьѣ и говорится, что въ тѣхъ случаяхъ, когда смерть или увѣчье рабочаго послѣдовали отъ вины золотопромышленника, вознагражденіе производится по правиламъ, изложеннымъ въ 657—661 ст., но такъ какъ съ одной стороны непринятіе мѣръ предосторожности есть вина золотопромышленника, а съ другой, почти что всякая вина можетъ быть разсматриваема, какъ несоблюденіе золотопромышленникомъ мѣръ предосторожности, то, слѣдовательно, вознагражденіе рабочихъ будетъ вполнѣ зависѣть отъ усмотрѣнія полицейскихъ властей. А кому неизвѣстно, что эти власти въ большинствѣ случаевъ тянутъ на сторону сильнѣйшаго. Самая 107 ст. новаго золотопромышл. Устава" („добычу золота... надлежитъ производить безъ вреда для здоровья и опасности для жизни рабочихъ"), „несоблюденіе которой

можетъ повести къ оштрафованію золотопромышленника въ пользу рабочаго, выражена крайне глухо. Если бы при этомъ были изданы правила промысловыхъ работъ, несоблюденіе которыхъ влекло бы за собою наказаніе золотопромышленника, то эта статья принесла бы пользу рабочимъ, но пока подобныхъ правилъ нѣтъ, пока ясно и точно не опредѣлено, въ какихъ случаяхъ пострадавшій рабочій долженъ получить вознагражденіе по той или другой статьѣ, до тѣхъ поръ новое правило въ большинствѣ случаевъ пользы рабочимъ приносить не будетъ“ [1]). Г. Лоранскій недоумѣваетъ также, „почему жизнь или здоровье человѣка, нанявшагося на полгода, стоитъ дешевле, чѣмъ того, кто нанялся на годъ, на два и т. д., притомъ же самое вознагражденіе во многихъ случаяхъ будетъ очень незначительно“. Чернорабочіе обыкновенно получали трехрублевое мѣсячное жалованье, слѣдовательно, нанявшійся на 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ и получившій тяжкое увѣчье, сдѣлавшее его неспособнымъ къ пропитанію, получилъ бы всего 45 руб., значительную часть которыхъ онъ истратилъ бы на проѣздъ домой; ремесленникъ же, получающій 10 руб. въ мѣсяцъ, получилъ бы, при наймѣ на 5 мѣсяцевъ, 150 руб., но на пріискахъ всего болѣе чернорабочихъ“.

Оказывается такимъ образомъ, что недостатки и пробѣлы, существовавшіе въ прежнихъ законахъ о наймѣ рабочихъ на золотые промысла, не были пополнены новымъ Уставомъ о золотопромышленности: имъ, по словамъ Лоранскаго, „не введено никакихъ существенныхъ измѣненій и улучшеній“, и „вопросъ объ улучшеніи положенія промысловыхъ рабочихъ все еще стоитъ на очереди и требуетъ разрѣшенія“ [2]). Дѣйствительно, новыя правила не регулировали продолжительности рабочаго дня, не опредѣляли количества праздниковъ, не ограничивали труда женщинъ и малолѣтнихъ рабочихъ, не опредѣляли размѣра пищевого довольствія рабочаго, весьма въ недостаточномъ размѣрѣ устанавливали вознагражденіе за увѣчья, не указывали причинъ, дающихъ рабочему возможность прекратить договоръ и проч. Впрочемъ эти недостатки закона 1870 г. во многихъ отношеніяхъ объясняются крайнею неудовлетворительностью тогдашняго общаго фабричнаго законодательства. Многія изъ этихъ сторонъ жизни рабочаго не регулированы или неудовлетворительно регулированы и закономъ 1895 г. (см. ниже). Сохраненіе на пріискахъ тѣлесныхъ наказаній по правиламъ 1870 г. даже и для полноправныхъ рабочихъ (по приговору артельной расправы) также объясняется тѣмъ, что тѣлесныя наказанія во всей Россіи допущены въ томъ же размѣрѣ по приговорамъ волостныхъ судовъ.

---

[1]) Замѣтимъ съ своей стороны, что на основаніи этого правила все-таки мѣстная администрація заставляла золотопромышленниковъ выдавать пособія (на олекминскихъ промыслахъ до 900 р.) пострадавшимъ рабочимъ, на что въ болѣе раннюю эпоху мы не встрѣчали указаній.

[2]) „Горный Журналъ“ 1872 г. № 3, стр. 509—511, № 7—8, стр. 340—353, 355—356, 363—368.

ГЛАВА II.

Законодательныя и административныя мѣры относительно рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ съ 1870 г. до половины 1890-хъ гг.

Циркуляры о пріисковыхъ рабочихъ генер. губ. Вост. Сибири Синельникова.—Правила 1872 г. о рабочихъ ссыльно-каторжныхъ на промыслахъ.—Предложенія иркутскихъ комитетовъ 1873 и 1875 гг.—Циркуляръ Шелашникова.—Инструкція горнымъ исправникамъ 1874 г.—Правила 1876 г. объ охраненіи пріисковыхъ рабочихъ Восточной Сибири при выходѣ ихъ съ промысловъ.—Циркуляры бар. Фредерикса.—Законъ 1876 г. о двухлѣтнемъ наймѣ на амурскіе промысла.—Правила 1880 г., утвержденныя Шелашниковымъ о производствѣ работъ.—Циркуляры ген.-губ. Вост. Сибири Анучина 1883 г. и гр. Игнатьева 1886 г.—Вопросъ о высылкѣ рабочихъ на пріиски въ Западной Сибири.—Преобразованіе горной администраціи въ Сибири въ 1888 г.—Правила для производства горныхъ работъ 1892 г.

При изложеніи постановленій устава о золотопромышленности 1870 г. относительно пріисковыхъ рабочихъ было указано на то, что этотъ уставъ не могъ измѣнить къ лучшему ихъ положенія, а между тѣмъ многія стороны ихъ быта заслуживали самаго серьезнаго вниманія. Для этого необходимы были законодательныя мѣры, болѣе благопріятныя для рабочихъ, но многое могла сдѣлать и мѣстная высшая администрація. Къ сожалѣнію, вниманіе администраціи нерѣдко отвлекалось отъ болѣе существенныхъ къ менѣе важнымъ явленіямъ жизни рабочихъ, и она принимала мѣры не столько для улучшенія ихъ быта на самыхъ пріискахъ, сколько для устраненія условій, содѣйствующихъ непроизводительной тратѣ рабочими ихъ заработка по выходѣ съ промысловъ. Намъ уже извѣстны мѣры, принятыя съ этою цѣлью генералъ-губернаторомъ Вост. Сибири Муравьевымъ въ 1848 г. и затѣмъ ежегодно подтверждаемыя. Мы упоминали также о нѣкоторыхъ другихъ распоря-

женіяхъ съ этою цѣлью: такъ въ 1866 г. Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири постановилъ, чтобы рабочіе, выходящіе съ енисейскихъ промысловъ, во избѣжаніе разврата и мотовства, получали разсчетъ не въ Енисейскѣ, а въ промысловыхъ конторахъ. Затѣмъ въ 1870 г., разсмотрѣвъ вновь вопросъ о принятіи мѣръ противъ пьянства пріисковыхъ рабочихъ, тотъ же Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что, кромѣ существующаго запрещенія открывать питейныя заведенія ближе 50 вер. отъ золотыхъ промысловъ, необходимо такое же запрещеніе и относительно устройства оптовыхъ винныхъ складовъ, изъ которыхъ рабочіе „легко пользуются виномъ“. Заключеніе это было одобрено генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Корсаковымъ, и 19 сентября 1870 г. онъ обратился къ министру финансовъ съ просьбою объ утвержденіи законодательнымъ порядкомъ предположенія Главнаго Совѣта Управленія, а въ слѣдующемъ году преемникъ Корсакова, Синельниковъ, просилъ министра финансовъ возможно скорѣе рѣшить это дѣло, такъ какъ указанная мѣра совершенно необходима для предупрежденія пьянства между рабочими.

Въ іюлѣ 1871 г. начальникъ енисейскаго губернскаго жандармскаго управленія, подполковникъ Банинъ, заявилъ высшей администраціи Восточной Сибири, что ежегодный обзоръ частныхъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа и наблюденія за выходомъ оттуда рабочихъ привели его къ заключенію, что выдача денегъ, заработанныхъ въ тайгѣ на промыслахъ, порождаетъ много преступленій и причиняетъ вредъ рабочимъ: вся масса рабочихъ сѣверной и южной тайги (до 14 тысячъ чел.) останавливается на зимовьяхъ, „гдѣ, несмотря на запрещеніе, продается спиртъ, очень часто даже приправленный одурѣвающимъ веществомъ; рабочихъ опаиваютъ, обираютъ, и очень часто и убиваютъ, и слѣды убійства въ тайгѣ пропадаютъ, потому что эта толпа движется на пространствѣ 300 вер. безъ всякаго надзора“; промысловая же полиція „безсильна остановить или предотвратить преступленія, вслѣдствіе чего много рабочихъ гибнетъ и почти всѣ выходятъ безъ гроша“. Имѣя въ виду постановленія Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири о томъ, чтобы рабочіе разсчитывались непремѣнно въ тайгѣ, подполковникъ Банинъ просилъ разрѣшить, въ видѣ опыта, по окончаніи работъ на промыслахъ дѣлать на мѣстѣ полный разсчетъ рабочимъ на разсчетныхъ листахъ, а для полученія по нимъ денегъ отправлять рабочихъ сѣверной системы въ Енисейскъ, а южной системы въ село Каргино, такъ какъ рабочіе должны неминуемо слѣдовать черезъ эти пункты [1]). Очевидно, что предложеніе Банина не

[1]) Подполковникъ Банинъ считалъ необходимымъ наблюдать за правильностью разсчета рабочихъ, такъ какъ онъ производится „не всегда добросовѣстно“.

заключало въ себѣ никакихъ существенныхъ мѣръ, а только переносило мѣсто растраты денегъ изъ тайги опять въ Енисейскъ, гдѣ, какъ видно изъ постановленія Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири 1866 г., выходящіе послѣ разсчета пріисковые рабочіе предавались особенному разврату и мотовству.

Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ не нашелъ достаточныхъ основаній къ отмѣнѣ постановленія 1866 г. о разсчетѣ рабочихъ въ пріисковыхъ конторахъ, но, въ виду предложенія Банина, онъ написалъ енисейскому губернатору 7 августа 1871 г. слѣдующее: „Представленія подполковника Банина обнаруживаютъ, что... указанныя Главнымъ Управленіемъ въ 1848 г. правила и мѣры для охраненія рабочихъ отъ пьянства мало или вообще слабо исполняются ближайшими начальствами, и что главная причина зла заключается въ пьянствѣ". „Возможность пріобрѣтать вино даже по таежнымъ ночлегамъ . . . превосходитъ уже всякій предѣлъ послабленій со стороны ближайшаго мѣстнаго начальства". Синельниковъ просилъ енисейскаго губернатора, во-первыхъ, сдѣлать распоряженіе о соблюденіи правилъ 1848 г. и о томъ, чтобы мѣстные исправники и засѣдатели во время прослѣдованія съ промысловъ рабочихъ неослабно наблюдали за устраненіемъ продажи вина по таежнымъ зимовьямъ и вообще по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ это не разрѣшено", и во вторыхъ обратить особенное вниманіе на оптовые винные склады, расположенные вблизи золотыхъ пріисковъ.

Отвергнувъ предложеніе Банина, Синельниковъ не остался однако равнодушнымъ къ растратѣ рабочими ихъ заработковъ, добытыхъ такимъ страшно тяжелымъ трудомъ, и хотя и понималъ, что, на основаніи существующихъ законовъ, онъ можетъ сдѣлать весьма немногое въ этомъ отношеніи, однако пожелалъ испробовать новую мѣру. „Я признаю священнымъ долгомъ", писалъ Синельниковъ енисейскому губернатору, „приступить къ испытанію мѣръ болѣе дѣйствительныхъ, чтобы трудовая копѣйка рабочихъ служила не только къ безбѣдному прокормленію ихъ съ семействами, но и къ улучшенію земледѣльческаго и промышленнаго быта поселянъ вообще, подорваннаго пьянствомъ и всякаго рода распущенностью. Въ этихъ видахъ" онъ просилъ енисейскаго губернатора [1]) „войти нынѣ же въ сношенія и соглашенія съ золотопромышленниками и управляющими пріисками о томъ, чтобы нанима-

[1]) „Пользуясь правилами, изъясненными въ примѣчаніи къ 2484 ст. Горн. Уст. (изд. 1857 г.), гдѣ въ договорѣ о наймѣ должно быть, между прочимъ, обусловлено, пунктъ к", весь размѣръ наемной платы, размѣръ задатка, а „также остальное, когда, гдѣ и кому именно выдавать". Любопытно, что Синельниковъ ссылается не на новой Уставъ о золотопромышленности 1870 г., а на старыя правила, которыя давали болѣе опоры для защиты интересовъ рабочихъ.

тели въ предстоящую новую золотопромышленную операцію, съ сентября 1871 г., постарались включить въ договоры съ рабочими изъ крестьянъ, поселенцевъ и разночинцевъ Восточной Сибири, конечно, съ согласія наемщиковъ... о выдачѣ одной половины заработанной платы по окончаніи работъ на золотыхъ промыслахъ въ руки трудившимся рабочимъ, а другой половины по прибытіи наемщиковъ на мѣсто жительства и причисленія; эту послѣднюю половину я полагаю", продолжаетъ Синельниковъ, „получать чрезъ особо командируемыхъ довѣренныхъ отъ меня адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій, отъ горныхъ исправниковъ, при разсчетныхъ книжкахъ, и раздавать рабочимъ на мѣстахъ жительства и причисленія" чрезъ адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій (!). Синельниковъ просилъ енисейскаго губернатора предложить земскимъ и горнымъ исправникамъ разъяснить нанимающимся на промысла рабочимъ цѣль предпринимаемой мѣры, а также и то, что „вѣрность полученія" ими денегъ „на мѣстахъ жительства и причисленія" будетъ вполнѣ обезпечена генералъ-губернаторомъ.

Какъ ни наивны были нѣкоторыя мѣропріятія Синельникова, но онъ принималъ къ сердцу интересы пріисковыхъ рабочихъ; это видно изъ того, что черезъ два дня послѣ того, какъ онъ предложилъ енисейскому губернатору принять вышеизложенныя мѣры для охраненія выходящихъ съ промысловъ рабочихъ отъ пьянства и преступленій, онъ вновь писалъ тому же лицу (9 августа 1871 г.): „Я не могу не обратить особаго вниманія на тѣ обстоятельства, которыя способствуютъ обиранію пьянствующихъ рабочихъ съ происходящимъ при этомъ скупомъ выносимаго съ пріисковъ краденаго золота. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, на мѣстахъ выхода и прослѣдованія рабочихъ осенью стекаются мелкіе барышники и торговцы, преимущественно изъ евреевъ, а также непотребныя женщины, которыя, пользуясь разгуломъ рабочихъ, доходящихъ до безобразій, разными приманками, играми въ карты и кости и другими ухищреніями выманиваютъ заработанныя деньги... до тѣхъ поръ, пока у рабочихъ ничего не останется; вслѣдствіе этого несчастные труженики, лишась средствъ къ прокормленію въ теченіе наступающаго холоднаго времени, нанимаются вновь на пріиски, пропивая такимъ же образомъ взятыя задаточныя деньги".

Синельниковъ предписывалъ мѣстной полиціи: 1) Въ мѣстахъ выхода съ пріисковъ и дальнѣйшаго прослѣдованія рабочихъ тщательно осмотрѣть всѣ винные подвалы и питейныя заведенія, чтобы убѣдиться, соблюдаютъ ли ихъ хозяева требованія закона. 2) Пересмотрѣть паспорты и виды людей, прибывающихъ на промысловыя дороги для эксплуатированія рабочихъ, и за всякую неисправность въ паспортахъ, а также людей, „замѣченныхъ въ злонамѣренныхъ видахъ", тотчасъ же возвращать подъ надзоромъ полиціи въ мѣста ихъ жительства, а также всѣхъ „непотребныхъ женщинъ." 3) Наблюдать, „чтобы не было игры въ карты и спаиванья", для чего у питейныхъ домовъ и вездѣ, гдѣ производится какая бы

то ни было торговля, ставить жандармовъ и людей, „уличенныхъ въ отступленіи отъ законнаго порядка, немедленно отправлять въ свои мѣста жительства“ и вообще стараться, чтобы рабочіе нигдѣ не оставались и совершали свое путешествіе возможно скорѣе. „Я вполнѣ увѣренъ“, наивно прибавляетъ Синельниковъ, „что если бы исправники и прочіе чины убѣждали бы рабочихъ не предаваться соблазну, то всѣ эти неустройства были бы въ гораздо меньшемъ размѣрѣ“. Онъ просилъ губернатора командировать съ тою же цѣлью чиновниковъ особыхъ порученій, а, если можно, и предсѣдателя губернскаго правленія, обѣщая также отправить своихъ адъютантовъ и попросить жандармскаго офицера выѣхать съ командою [1]).

Синельниковъ заботился также и объ упорядоченіи совершенія договоровъ о наймѣ между рабочими и золотопромышленниками. Въ то же время, когда онъ писалъ енисейскому губернатору объ охраненіи рабочихъ при выходѣ съ промысловъ, онъ отправилъ (18 августа 1871 г.) губернаторамъ въ Восточной Сибири слѣдующій циркуляръ: „По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ наемъ рабочихъ на частные золотые промысла, въ особенности изъ ссыльно-поселенцевъ, совершается во время разгула по выходѣ рабочихъ съ промысловъ. Увлекаемые большими задатками и находясь въ пьяномъ состояніи, наемщики привыкли къ написанію за нихъ контрактовъ самими нанимателями, безъ предварительнаго взаимнаго соглашенія условій найма, какъ бы слѣдовало по закону; послѣ сего контракты свидѣтельствуются и выдаются волостными правленіями и смотрителями поселеній промышленникамъ и довѣреннымъ отъ нихъ безпрепятственно. Признавая такой вкоренившійся порядокъ злоупотребленіемъ и вредомъ для нанимающагося класса рабочихъ“, Синельниковъ просилъ сдѣлать распоряженіе „о совершеніи найма на частные золотые промысла не иначе, какъ по взаимнымъ соглашеніямъ между нанимателями и нанимающимися и по прочтеніи симъ послѣднимъ составленныхъ договоровъ, которые свидѣтельствовать не прежде исполненія этого обряда“ [2]).

По окончаніи выхода рабочихъ съ промысловъ осенью 1871 г. Синельниковъ нашелъ нужнымъ обратиться и къ содѣйствію гласности и съ этою цѣлью напечаталъ въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (1871 г. № 59) циркуляръ губернаторамъ и начальникамъ областей отъ 26 октября, въ которомъ повторилъ факты, приведенные имъ въ предложеніяхъ енисейскому губернатору и въ циркулярѣ о совершеніи договоровъ. „Для устраненія этихъ безпорядковъ“, продолжаетъ онъ, „я предложилъ... губернаторамъ и начальникамъ областей принять и съ своей стороны принялъ надлежащія мѣры, которыя... принесли свою долю пользы до того, что даже нѣкоторые изъ рабочихъ внесли на сохраненіе командированному мною полковнику Купенкову 2050 руб.“ Повторивъ

[1]) Арх. Горн. Департ., дѣло отдѣл. частн. золотопром. 1871 г. № 58, л. 2—15.
[2]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2549, № $^{126}/_{71}$, л. 34.

уже извѣстныя намъ распоряженія, Синельниковъ продолжаетъ: „Для предупрежденія злоупотребленій со стороны волостныхъ писарей при выдачѣ билетовъ нанимающимся на частные золотые пріиски поставить въ непремѣнную обязанность, какъ горныхъ исправниковъ, такъ и вообще всѣхъ городскихъ и земскихъ полицій, казачьихъ и инородческихъ управленій, чтобы при засвидѣтельствованіи условій было объясняемо, сколько вычтено изъ получаемыхъ задатковъ у каждаго рабочаго въ счетъ податей и другихъ разрѣшенныхъ начальствомъ сборовъ по каждому предмету особо... Въ особенности предписать горнымъ исправникамъ, ревизорамъ и прочимъ лицамъ, на частные пріиски командируемымъ, строго наблюдать, чтобы рабочимъ была производима свѣжая и здоровая пища въ положенномъ количествѣ, чтобы они были помѣщаемы опрятно и просторно, чтобы больницы были устроены со всѣми удобствами и вообще за всѣмъ, что относится до охраненія ихъ здоровья, предупреждая притомъ, что для повѣрки этого важнаго и необходимаго для охраненія рабочихъ устройства я буду посылать довѣренныхъ лицъ, и если ими будутъ открыты упущенія, то исправники будутъ удалены отъ должностей... Горные ревизоры особенно наблюдаютъ за правильностью работъ, а въ случаѣ возникающихъ жалобъ и за справедливымъ распредѣленіемъ ихъ между рабочими. А къ обязанности ближайшей горныхъ исправниковъ относится добросовѣстное составленіе таксъ на продукты и вещи, какъ-то: сахаръ и прочее продовольствіе изъ магазиновъ, устраиваемыхъ золотопромышленниками. Я никакъ не могу думать", продолжаетъ Синельниковъ, „чтобы сами они участвовали въ возвышеніи платы до безобразныхъ размѣровъ, и полагаю, что это — дѣло приказчиковъ, но не менѣе того золотопромышленники обязаны близко слѣдить за этимъ, ибо *до меня доходятъ весьма грустныя по этому предмету свѣдѣнія*. Все это подлежитъ, наблюденію и губернскихъ жандармскихъ управленій, и я прошу оныя, чтобы объѣзды по наблюденію *совершались не безплодно*; повѣрку эту можно... дѣлать оцѣнкою вещей, состоящихъ на рабочихъ, купленныхъ ими въ магазинахъ, что частью и мною лично или моими адъютантами и при мнѣ чиновниками будетъ исполняемо при обратномъ слѣдованіи рабочихъ." Въ заключеніе Синельниковъ требовалъ, чтобы волостныя правленія, при наймѣ рабочихъ, объявили имъ изъ этого циркуляра все до нихъ относящееся [1]).

Не прошло и мѣсяца, какъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири разослалъ новый циркуляръ по вопросу объ огражденіи интересовъ пріисковыхъ рабочихъ (отъ 20 ноября 1871 г.) [2]).

[1]) Циркуляръ этотъ перепечатанъ изъ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" въ книгѣ *Струкаловскаго* „Сборникъ узаконеній о частныхъ золотомъ и горномъ промыслахъ." Ирк. 1877 г., ч. I, стр. 94—98.

[2]) Напечатанъ въ „Иркут. Губерн. Вѣдом." 1871 г., № 70.

„Свѣдѣнія о безпорядкахъ", говоритъ въ немъ Синельниковъ, „которыя вынудили меня принять мѣры, объявленныя въ циркулярѣ 26 октября..., подтвердились изслѣдованіями на мѣстахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ открылись новыя неустройства... Командированный мною, завѣдующій работами каторжныхъ, полковникъ Купенковъ, между прочимъ, донесъ:

„Что часть рабочихъ, не исполнившихъ своихъ работъ или по болѣзни, или по нерадѣнію, отправляются съ работъ безъ средствъ къ прокормленію себя въ дорогѣ по мѣстамъ, большею частью мало населеннымъ, а тѣ, которые... имѣютъ средства, должны проживать ихъ во время пути отъ несоразмѣрныхъ цѣнъ даже за хлѣбъ.

„Что въ селѣ Витимѣ, гдѣ обыкновенно часть рабочихъ получаетъ разсчетъ, на 124 дома содержится 4 винныхъ склада купцовъ Домбровскаго, Голдобина, Мятлева и Исаева, 3 трактира, 5 ренсковыхъ погребовъ, 15 питейныхъ заведеній, кромѣ 25 закрытыхъ; въ складѣ купца Домбровскаго полковникъ Купенковъ открылъ противозаконную продажу вина, запрещенныя спеціи, о чемъ составилъ актъ; кромѣ того почти всѣ дома въ Витимѣ приспособлены къ противозаконной продажѣ вина и разгулу. Крестьяне хлѣбопашествомъ почти совсѣмъ не занимаются; тамъ же проживаютъ 37 еврейскихъ семействъ съ цѣлью, какъ оказалось по дознанію, пріобрѣтенія хищническаго золота и обиранія рабочихъ." Полиція нашла, что вывѣшиваніе на домахъ флаговъ и иллюминація во время выхода рабочихъ съ промысловъ возбуждаетъ разгулъ и потому воспретила и то, и другое. Рабочіе сдали на сохраненіе полковнику Купенкову 3365 руб.

Синельниковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы рабочіе, возвращающіеся съ промысловъ, не проводились черезъ Енисейскъ, и потому большая часть ихъ, по переправѣ черезъ Енисей, направлялись по енисейскому тракту и старой ачинской дорогѣ до г. Ачинска; только 500 рабочихъ получили разрѣшеніе зайти не надолго въ Енисейскъ. Принудительный обходъ этого города пріисковыми рабочими былъ, конечно, крайне невыгоденъ для мѣстныхъ жителей, и енисейское городское общество просило Синельникова отмѣнить сдѣланное имъ распоряженіе, но тотъ въ разсматриваемомъ циркулярѣ выразилъ ему за это порицаніе въ слѣдующихъ энергическихъ выраженіяхъ, живо характеризующихъ личность этого генералъ-губернатора: „Енисейское городское общество, вѣроятно, полагало, что я дѣлаю мои распоряженія относительно охраненія благосостоянія народа только по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя получаю съ почтою, и не знало, что въ проѣздъ мой по Енисейской губерніи немного было станцій, на которыхъ бы я не говорилъ съ собравшимся народомъ часами объ ихъ бытѣ. Вотъ на чемъ, т.-е. на живомъ словѣ народа, я основываю мои распоряженія, и когда шла рѣчь о работахъ (на промыслахъ), то объясненіе въ народѣ сводилось къ одному отзыву,—что при слѣдованіи до г. Енисейска заработанная копѣйка еще держится, а тамъ ужъ ухнешь все до остатка: такая ужъ, видно, доля наша. Разсматривая же приговоръ (енисейскаго) общества съ другой стороны", продолжаетъ Синельниковъ, „я нахожу, что не въ видахъ правительства помогать благоустройству города въ ущербъ благосостоянію народа, т.-е. поднять

временно торговлю, давъ поводъ увлекшемуся рабочему израсходовать послѣднюю, тяжкимъ трудомъ добытую, копѣйку".

Въ томъ же циркулярѣ Синельниковъ объявилъ, что золотопромышленники, для предотвращенія затрудненій въ продовольствіи возвращающихся съ промысловъ рабочихъ, вызвались разсчитывать ихъ въ своихъ резиденціяхъ, „гдѣ будутъ устроены больницы и гдѣ рабочіе будутъ... пріобрѣтать покупкою на дорогу сухари... Вмѣстѣ съ тѣмъ на пути слѣдованія рабочихъ по незаселеннымъ мѣстностямъ до станціи Жигаловой, въ такъ называемыхъ сухарницахъ, будутъ заготовляемы сухари для продажи рабочимъ, по выдаваемымъ отъ конторъ ассигновкамъ, по возможно сходнымъ цѣнамъ и даже часть пути рабочіе будутъ дѣлать на пароходахъ, принадлежащихъ компаніямъ, что сниметъ тяжесть съ населенія кормить рабочихъ, и рабочіе будутъ проходить Витимъ безостановочно" [1]).

Въ своихъ заботахъ объ уменьшеніи пьянства пріисковыхъ рабочихъ Синельниковъ не ограничился принятыми мѣрами; препровождая только что изложенный циркуляръ министру финансовъ Рейтерну, онъ писалъ ему: „Золотопромышленность, приносящая государству значительные доходы, конечно, должна быть поддержана энергически и во всѣхъ отношеніяхъ, но поддержаніе золотопромышленности вмѣстѣ съ виноторговлею невозможно безъ явнаго ущерба правительственныхъ доходовъ, самой золотопромышленности и упадка нравственнаго и физическаго состоянія народа, какія бы денежныя средства ни были употребляемы для поддержанія населенія... Я воздержался объяснить въ циркулярахъ моихъ о тѣхъ безпорядкахъ, которые найдены на золотыхъ промыслахъ, гдѣ *по большей части* рабочіе *помѣщались весьма неудобно, содержались скудно*, черезъ что должны были покупать изъ пріисковыхъ же складовъ *по высокимъ цѣнамъ* необходимые для жизни продовольственные припасы и потребности и по окончаніи работъ возвращаться *большею частью не только съ весьма умѣренными заработками, но и съ долгами управленіямъ золотыхъ пріисковъ* потому, что и *самые разсчеты заработанныхъ денегъ не всегда были справедливы*; кончающіе же работы съ успѣхомъ и сохранившіе заработанныя деньги составляютъ меньшую половину. Всѣ эти неустройства едва ли доходили прежде до свѣдѣнія начальства, ибо лица, обязанныя близко наблюдать за порядкомъ, были *широко вознаграждаемы за молчаніе*... Конечно, при этомъ можетъ возродиться вопросъ: почему же рабочіе идутъ на золотые пріиски? идутъ потому, что имъ выдаются впередъ задатки даже до 75 руб. сер., контракты заключаются частію во время разгула по окончаніи работъ, и рабочіе, пропивъ деньги и видя, что возвращаться домой по пустыннымъ мѣстамъ не съ чѣмъ, опять поступаютъ на работу и, наконецъ, идутъ на „авось будетъ лучше".

Указывая далѣе на сильное развитіе пьянства вообще, Синельниковъ утверждалъ, что „необходимо принять немедленно энергическія мѣры": уменьшить число питейныхъ домовъ и подваловъ, а на разстояніи 50 верстъ отъ золотыхъ пріисковъ

---

[1]) „Иркут. Губ. Вѣд." 1871 г. № 70; перепечатано *Струкаловскимъ* въ „Сборникѣ узаконеній о частныхъ золотомъ и горномъ промыслахъ". Ирк. 1877 г., ч. I, стр. 98—103.

закрыть ихъ вовсе, въ особенности подвалы, которые, будучи почти исключительно въ рукахъ евреевъ, еще вреднѣе питейныхъ домовъ; не допускать до продажи вина ссыльно-поселенцевъ и предоставить мнѣ право распорядиться этимъ на тѣхъ началахъ, которыя необходимы, по моему усмотрѣнію, для блага народа." Сообщая далѣе, что торговля хищническимъ золотомъ, особенно въ питейныхъ домахъ, производится въ весьма широкихъ размѣрахъ, Синельниковъ винилъ въ этотъ и золотопромышленниковъ, „которые за приносимые рабочими самородки платятъ весьма умѣренно, что и поставлено имъ на видъ."

Письмо Синельникова къ министру финансовъ Рейтерну съ приложеніемъ его циркуляра отъ 20 ноября 1871 г. изъ горнаго департамента были сообщены въ департаментъ неокладныхъ сборовъ, который 18 февраля 1872 г. отвѣчалъ слѣдующее: „Изъ письма сего и циркуляра видно, что генералъ-губернаторъ находитъ необходимымъ, въ числѣ прочихъ мѣръ, во 1-хъ) воспретить открытіе оптовыхъ складовъ на разстояніи 50 вер. отъ золотыхъ пріисковъ, во 2-хъ) воспретить питейную торговлю ссыльно-поселенцамъ и въ 3-хъ) чтобы продажа крѣпкихъ напитковъ была производима не иначе, какъ по полученіи особой записки за подписью и печатью исправниковъ или командированныхъ генералъ-губернаторомъ чиновниковъ." Нужно замѣтить, что послѣдней мѣрѣ, которою Синельниковъ въ своемъ циркулярѣ грозилъ нѣсколькимъ виноторговцамъ, особенно эксплуатировавшимъ выходящихъ съ промысловъ рабочихъ, онъ, очевидно, вовсе не желалъ придать общаго значенія (отчего и не упомянулъ о ней въ письмѣ къ Рейтерну); онъ находилъ ее полезною лишь какъ наказаніе за злоупотребленія отдѣльныхъ торговцовъ и, вѣроятно, только во время прохода рабочихъ съ пріисковъ.—По словамъ департамента неокладныхъ сборовъ, министерство финансовъ отвѣчало 2 декабря 1871 г., что воспрещеніе открывать оптовые склады вина на разстояніи 50 вер. отъ золотыхъ пріисковъ, „какъ неудобопримѣнимое на практикѣ и ведущее къ развитію тайной безпатентной торговли виномъ", не можетъ быть допущено. Относительно воспрещенія ссыльно-поселенцамъ питейной торговли министерство финансовъ нашло нужнымъ предварительно снестись съ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири. „Наконецъ, что касается до требованія, чтобы производство питейной торговли было допускаемо не иначе, какъ по особымъ запискамъ отъ исправниковъ или командируемыхъ генералъ-губернаторомъ чиновниковъ, то такое требованіе (?), какъ неимѣющее законнаго основанія, не можетъ быть признано правильнымъ и потому, по мнѣнію департамента, подлежитъ отмѣнѣ (?)." Мѣра, которою грозилъ Синельниковъ четыремъ виноторговцамъ-эксплуататорамъ, изъ которыхъ у одного были даже найдены одуряющія спеціи, была, конечно, нѣсколько наивна, такъ какъ обнаруживала вѣру въ правильность дѣйствій тѣхъ самыхъ исправниковъ, о подкупности которыхъ онъ писалъ Рейтерну, но пока это была только угроза и, слѣдовательно, отмѣнять было нечего [1]). Были ли достаточны или нѣтъ мѣры, предложенныя Синельниковымъ для ограниченія пьянства пріисковыхъ рабочихъ, во всякомъ случаѣ онѣ были внушены ему искреннимъ желаніемъ блага народа. Въ 1873 г. Синельниковъ вновь возобновилъ ходатайство о дозволеніи винныхъ складовъ не ближе 50 вер. къ пріисковому району, но вновь встрѣтилъ отказъ, а въ 1879 г. было отклонено такое же ходатайство одного изъ преемниковъ Синельникова [2]).

Мы видѣли, что главное вниманіе сибирской администраціи было обращено на охраненіе рабочихъ отъ пьянства и мотовства во время

[1]) Арх. Горн. Департ., отдѣл. частн. золотопр., дѣло 1872 г. № 4, л. 2—7.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Управл. К. 2763, № 8/12, т. I, л. 57—59, т. II, л. 242—243.

выхода ихъ съ пріисковъ, между тѣмъ, хотя и въ меньшей степени, рабочіе пропивали также не мало денегъ, идя на промысла. Поэтому енисейскій губернаторъ въ январѣ 1870 г. представилъ Совѣту Главнаго Управленія Восточной Сибири предложеніе енисейскаго губернскаго совѣта обязать золотопромышленниковъ отправлять рабочихъ на пріиски артелями отъ 25 до 50 чел. подъ командою, сверхъ артельнаго старосты,—приказчиковъ и казаковъ съ тѣмъ, чтобы во время прохода рабочихъ черезъ селеніе закрывались питейныя заведенія. Предсѣдательствовавшій въ Совѣтѣ Главнаго Управленія В. С. генералъ-маіоръ Дитмаръ нашелъ, что предложенный порядокъ препровожденія рабочихъ можетъ быть приведенъ въ исполненіе не иначе, какъ по соглашенію золотопромышленниковъ. Въ октябрѣ 1871 г. енисейскій губернаторъ Лохвицкій представилъ отзывы золотопромышленниковъ, которые отказывались отправлять рабочихъ на промысла небольшими партіями и потому считалъ необходимымъ, чтобы партіи рабочихъ слѣдовали на промысла подъ наблюденіемъ казаковъ. Совѣтъ Главнаго Управленія, соглашаясь съ предложеніями енисейскаго губернатора, считалъ достаточнымъ назначить для этого 15 казаковъ. Синельниковъ въ январѣ 1872 г. ходатайствовалъ передъ министромъ финансовъ о разрѣшеніи закрывать на время прохода рабочихъ кабаки въ селеніяхъ, расположенныхъ по тракту, и предлагалъ отнести расходъ на содержаніе 15 казаковъ на счетъ золотопромышленниковъ. Но ни та, ни другая мѣра не были разрѣшены центральною администраціею: министръ финансовъ Рейтернъ высказался противъ первой мѣры на томъ основаніи, что въ дѣйствующемъ уставѣ о питейномъ сборѣ нѣтъ правила, которымъ мѣстному начальству предоставлялось бы прекращать въ подобныхъ случаяхъ торговлю виномъ и потому такое распоряженіе могло бы подать виноторговцамъ поводъ взыскивать тѣ убытки, которые они понесли. Отнесеніе расхода на содержаніе 15 казаковъ на счетъ золотопромышленниковъ было бы также несогласно съ духомъ Устава о частной золотопромышленности 1870 г., которымъ, въ видахъ развитія этого промысла, прекращены „всѣ существовавшіе косвенные сборы съ золотопромышленниковъ“ [1]).

Выше было упомянуто о постановленіи Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири относительно того, что квитанціи на простой бумагѣ, выданныя промысловыми конторами рабочимъ въ случаѣ неимѣнія денегъ съ обязательствомъ произвести платежи не тотчасъ по окончаніи срока найма, должны быть удостовѣрены мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ и тогда онѣ должны быть принимаемы за безспорные документы, по которымъ слѣдуетъ производить взысканія непремѣнно исполнитель-

[1]) Арх. Горн. Департ., отд. золотопр., дѣло 1872 г., № 4, л. 14—22.

нымъ порядкомъ. Хотя вскорѣ послѣ того правительство приняло мѣры для охраненія въ подобныхъ случаяхъ интересовъ рабочихъ и расплаты съ ними наличными деньгами, подобныя квитанціи все-таки иногда выдавались. Поэтому въ 1871 г. енисейская контрольная палата замѣтила, что по существующимъ законамъ подобнаго рода документы не должны быть принимаемы къ свидѣтельству и просила разъясненія, какъ поступать въ виду противорѣчія постановленія Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири съ существующими законами.

Синельниковъ въ циркулярѣ отъ 23 февраля 1872 г., напечатанномъ въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 72), опубликовалъ постановленіе Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири (24—31 января того же года), въ которомъ указывалось, что, въ виду установленныхъ правительствомъ мѣръ на случай неимѣнія золотопромышленникомъ средствъ для разсчета, рабочіе по окончаніи срока найма должны всегда получать вознагражденіе за свой трудъ наличными деньгами и что пріемъ отъ золотопромышленниковъ квитанцій „нельзя считать обязательнымъ для рабочихъ. Но, принимая во вниманіе, что... при допущеніи выдачи рабочимъ квитанцій люди эти пріобрѣтутъ возможность сберегать трудовыя деньги отъ мотовства и пропоя на домашнія нужды и хозяйство, Совѣтъ Главнаго Управленія положилъ удержать въ своей силѣ заключеніе Совѣта (1851 г.) о выдачѣ рабочимъ квитанцій съ тѣмъ: а) что ежели рабочіе пожелаютъ воспользоваться“ этою мѣрою, то могутъ оставлять свои деньги въ промысловыхъ конторахъ и брать отъ мѣстныхъ горныхъ исправниковъ разсчетныя книжки для полученія по нимъ денегъ изъ рукъ лицъ, уполномоченныхъ генералъ-губернаторомъ, а именно его адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій; б) чтобы выдаваемыя промышленниками квитанціи писались на гербовой бумагѣ, а въ случаѣ неимѣнія ея оплачивались гербовыми пошлинами при самомъ засвидѣтельствованіи на счетъ золотопромышленниковъ; в) чтобы выдача этихъ квитанцій производилась только въ такихъ случаяхъ, когда сами рабочіе добровольно изъявятъ на то свое желаніе, причемъ въ квитанціяхъ должно быть указано время и мѣсто полученія денегъ [1]).

Утверждая это постановленіе Совѣта, Синельниковъ, безъ сомнѣнія, руководствовался желаніемъ хоть такимъ образомъ сохранить отъ растраты заработки рабочихъ, но цѣль эта далеко не всегда достигалась, такъ какъ появились особаго рода промышленники, занимавшіеся скупомъ квитанцій. Вслѣдствіе этого въ 1876 г. въ газетахъ появился слухъ, что предполагается воспретить перепродажу квитанцій и подвергать отвѣтственности скупающихъ ихъ лицъ и что кромѣ того

[1]) Перепечатано въ сборникѣ *Струкаловскаго*, ч. I, 108—110.

имѣется въ виду организовать особую коммиссію для изысканія мѣръ съ цѣлью уменьшенія пьянства между пріисковыми рабочими [1]).

Если стремленія Синельникова ограничить пьянство рабочихъ встрѣчали препятствія въ интересахъ виноторговцевъ и въ фискальной системѣ, основанной на продажѣ вина, то тѣ мѣры, которыя отвѣчали потребностямъ золотопромышленниковъ и казны, легко находили осуществленіе. Такою мѣрою было обращеніе ссыльно-каторжныхъ на пріисковыя работы, удовлетворявшее съ одной стороны потребности золотопромышленниковъ въ рабочихъ рукахъ и съ другой уменьшавшее расходы казны на содержаніе ссыльныхъ.

Въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1871 г. (№ 82) былъ напечатанъ циркуляръ по этому предмету Синельникова отъ 21-го декабря того же года, въ которомъ онъ заявлялъ, что еще его предшественникомъ сдѣлано представленіе объ устройствѣ центральной тюрьмы, что онъ самъ возобновилъ это представленіе и что тюрьму эту предполагается устроить въ упраздненномъ Александровскомъ винокуренномъ заводѣ. Отсюда каторжныхъ, безнадежныхъ къ исправленію, предполагалось назначать на Сахалинъ, на Карійскіе золотые промыслы, или на самыя трудныя изъ частныхъ золотопромышленныхъ работъ, подающихъ надежду къ исправленію на болѣе легкія промысловыя работы и, наконецъ, „надежныхъ, но слабыхъ силами“, на исправленіе и проведеніе дорогъ, что теперь составляетъ „тяжкую обязанность для народа“. „При распредѣленіи такимъ образомъ каторжныхъ на работы, по недостатку рудничныхъ, совпадающмеъ и съ Высочайшею волею, объявленною одному изъ моихъ предмѣстниковъ, о работахъ каторжныхъ на заводахъ, они будутъ выносить кару, опредѣленную закономъ за ихъ преступленія. Есть работы на частныхъ пріискахъ, которыя не легче рудничныхъ, напр., работы въ Олекминской системѣ почетнаго гражданина Базанова, углубленныя свыше 10 саж., на которыхъ находятся уже посланные для опыта 160 чел. каторжныхъ; подобныя же работы имѣются и на другихъ системахъ“. Синельниковъ по вопросу о примѣненіи труда ссыльно-каторжныхъ на промыслахъ высказывалъ слѣдующія соображенія: 1) замѣна свободныхъ рабочихъ каторжными можетъ возвратить земледѣлію много рабочихъ рукъ, теперь отъ него отрываемыхъ. 2) Казна сохранитъ тѣ средства, которыя были бы употреблены на содержаніе каторжныхъ, отправленныхъ на пріисковыя работы, а сами каторжные пріобрѣтутъ средства на обзаведеніе хозяйствомъ по окончаніи срока каторги, слѣ-

[1]) „Сибирь“ 1876 г. № 37, стр. 5—6. Ср. ниже правила объ охраненіи рабочихъ, утвержденныя генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири бар. Фредериксомъ 21 апрѣля 1876 г.

довательно, казна сдѣлаетъ сбереженія и на ихъ хозяйственномъ устройствѣ. 3) Предполагая испросить имъ нѣкоторыя льготы для поощренія усердія къ работѣ и хорошаго поведенія, Синельниковъ выражалъ надежду, что льготы эти принесутъ большую пользу, содѣйствуя успѣшности работъ и исправленію каторжныхъ. 4) Синельниковъ выражалъ надежду, что когда каторжные привыкнутъ къ работамъ и въ особенности когда, по истеченіи года, они будутъ имѣть заработки, составляющіе ихъ собственность, которые, до окончанія ихъ сроковъ каторги, будутъ храниться въ банкѣ, то не будетъ надобности и въ конвоѣ, и вслѣдствіе этого заработки еще болѣе увеличатся (такъ какъ содержаніе конвоя должно было производиться на счетъ каторжныхъ); тогда конвой будетъ замѣненъ круговою порукою. 5) Золотопромышленники не будутъ терпѣть убытковъ вслѣдствіе побѣговъ ссыльно-каторжныхъ, такъ какъ имъ не будутъ выдавать задатковъ. 6) Хищничество золота при работахъ каторжанъ невозможно, такъ какъ находимые самородки будутъ принадлежать всей партіи, находящейся на работѣ, а не одному нашедшему, а потому всѣ будутъ наблюдать, чтобы самородки представлялись въ конторы золотопромышленниковъ, да и пьянства на пріискахъ будетъ менѣе, такъ какъ арестанты не будутъ имѣть права отлучаться съ промысловъ далѣе опредѣленной границы. Наконецъ, каторжные будутъ оставаться на работы и на зимнее время.

Синельниковъ приглашалъ къ себѣ золотопромышленниковъ въ Красноярскѣ и Иркутскѣ, и они „безъ затрудненій“ приняли его предложеніе о присылкѣ каторжныхъ къ нимъ на промысла. Правда, они выражали сомнѣніе въ томъ, будетъ ли возможно назначать каторжныхъ на работы мелкими партіями, но Синельниковъ высказалъ въ циркулярѣ убѣжденіе, что нѣкоторыя затрудненія въ этомъ отношеніи представятся, быть можетъ, лишь въ первый годъ. Золотопромышленники, кромѣ того, какъ видно, побаивались каторжниковъ, но Синельниковъ заявлялъ „по опыту“, что они не хуже въ нравственномъ отношеніи ссыльно-поселенцевъ, нанимаемыхъ на пріиски: „преступленія первыхъ были, можетъ быть, дѣломъ минутнаго увлеченія, подъ вліяніемъ пьянства и проч., послѣдніе же, большею частью, не принимаемые обществами... люди, дошедшіе до ссылки постоянно порочною жизнью. Самъ проникшись извѣстною идеею, Синельниковъ немедленно требовалъ сочувствія ей и отъ другихъ, и потому онъ высказываетъ въ циркулярѣ нѣсколько рискованное мнѣніе, что изъ золотопромышленниковъ „только тѣ могутъ не желать работъ каторжныхъ на ихъ пріискахъ, которые не сочувствуютъ пользѣ края или тѣ, которые по неустройству на промыслахъ удобныхъ помѣщеній или ненадлежащему продовольствію рабочихъ, не желаютъ посѣщеній администраціи, хотя во всякомъ слу-

чаѣ", прибавляетъ онъ, „я не оставлю безъ наблюденія какъ содержаніе, такъ и вообще устройство рабочихъ на пріискахъ" [1]).

16 августа 1872 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ генералъ-губернатору Восточной Сибири было временно предоставлено отправлять ссыльно-каторжныхъ на частные золотые промыслы съ согласія владѣльцевъ. Вслѣдствіе этого 21 ноября того же года Синельниковымъ были одобрены временныя правила по этому предмету, по которымъ арестанты, посылаемые на промысла, должны были удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: а) принадлежать къ категоріи осужденныхъ въ работы на срокъ не болѣе 12-лѣтняго; б) имѣть отъ роду не болѣе 45 лѣтъ и в) пользоваться здоровьемъ, способнымъ къ перенесенію тяжкаго труда [2]). Арестантамъ, отправляющимся на пріиски, предоставлялось право, по взаимному соглашенію, раздѣляться на артели по 10 чел. въ каждой, и артель должна была по круговой порукѣ отвѣчать за проступки каждаго изъ своихъ членовъ. Они снабжались казенною одеждою по положенію и кормовыми деньгами до мѣста работъ, а затѣмъ всякое довольство отъ казны прекращалось. Содержаніе конвоя въ дорогѣ, заготовленіе подводъ для перевозки арестантскихъ вещей, паузковъ или баржъ для перевозки по рѣкамъ, лѣкарствъ, кухонной посуды и проч. производилось на счетъ арестантскаго заработка. Пищевое довольствіе на пути выдавалось арестантамъ въ слѣдующемъ размѣрѣ въ день: 2 ф. сухарей, 1 ф. солонины, 12 зол. крупы, 8 зол. соли и $^1/_{50}$ кирпича чая. Конвойному офицеру разрѣшалось 2 раза въ недѣлю выдавать арестантамъ винную порцію въ размѣрѣ $^1/_{100}$ ведра и улучшать пищу прибавленіемъ овощей и проч. На пріискѣ арестанты производятъ обыкновенныя и старательскія работы на тѣхъ же условіяхъ, какъ и вольнонаемные рабочіе и за одинаковую съ ними плату; но вознагражденіе за подъемное золото поступаетъ не лицу, нашедшему его, а дѣлится между десяткомъ, стоявшемъ въ забоѣ, поровну на каждаго. Пища арестантамъ и конвою производится на промысловый счетъ и въ томъ же размѣрѣ, какъ вольнонаемнымъ рабочимъ; больные, также на счетъ пріиска, лѣчатся въ пріисковой больницѣ. Путевые расходы и по содержанію управленія распредѣляются между арестантами поровну и въ концѣ года вычитаются изъ заработка каждаго. Пріобрѣтеніе одежды и добавочныхъ къ обязательному пищевому до-

[1]) Перепечатано въ Сборникѣ *Стржалковскаго*, ч. I, 103—107.

[2]) На основаніи отзыва министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-губернатору Восточной Сибири отъ 28 ноября 1875 г., въ работы на пріиски слѣдовало назначать ссыльно-каторжныхъ, окончившихъ установленный срокъ испытанія и перешедшихъ въ разрядъ исправляющихся, т.-е. освобожденныхъ отъ оковъ. По распоряженію генералъ-губернатора отъ 4 сентября 1875 г. на частные золотые промысла не должно было назначать менѣе 100 чел. ссыльно-каторжныхъ.

вольствію припасовъ (чаю, сахару, масла, табаку, мыла и проч.) производится также на счетъ арестантовъ. При окончательномъ разсчетѣ 50% чистаго заработка отчислялось въ запасный капиталъ ссыльно-каторжныхъ, а остальная половина, составлявшая собственность арестантовъ, поступала на храненіе въ кредитное учрежденіе и выдавалась имъ при выходѣ на поселеніе. Офицеръ, завѣдовавшій арестантами на промыслахъ, имѣлъ право подвергать ихъ за маловажные проступки слѣдующимъ взысканіямъ: денежнымъ штрафамъ изъ заработка до 3 р., наложенію оковъ, содержанію въ карцерѣ болѣе или менѣе продолжительное время (на хлѣбѣ и водѣ или на полномъ пищевомъ довольствіи) и тѣлесному наказанію розгами до 100 ударовъ. По артельному ручательству офицеръ могъ подвергать находящихся съ провинившимися въ одной артели только денежнымъ взысканіямъ. За побѣгъ арестанта на каждаго изъ находящихся съ нимъ въ одной артели офицеръ налагаетъ штрафъ въ 3 р., а за другіе проступки не болѣе 1 р. на каждаго [1]).

О работахъ ссыльно-каторжныхъ на промыслахъ Олекминскаго округа мы будемъ говорить ниже, теперь же упомянемъ только о тѣхъ каторжанахъ, которые находились на другихъ промысловыхъ системахъ. Каторжные (47 чел.), находившіеся на промыслахъ Верхнеамурской компаніи, заработали съ іюня 1872 по январь 1873 г., за исключеніемъ расходовъ, 1754 руб., т.-е. въ среднемъ по 37 руб. Затѣмъ въ 1873 г. было отправлено (до 13 марта), по желанію промысловыхъ управленій, на пріиски Переяславцевой 113 чел., купца Тетюкова въ Приморской области 75 чел., Переяславцевой въ Нерчинскомъ округѣ 70 чел. каторжныхъ [2]). О трудѣ ссыльно-каторжныхъ на пріискахъ мы находимъ также нѣкоторыя свѣдѣнія въ циркулярѣ преемника Синельникова бар. Фредерикса отъ 26 марта 1876 г. Въ 1875 г. ссыльно-каторжныхъ находилось на пріискахъ Нерчинскаго округа: Дарасунскихъ братьевъ Бутиныхъ до 460 чел., Маломальскомъ Переяславцевой 85 чел. и Елизаветинскомъ купца Голдобина 60 чел. Изъ отчета нерчинскаго горнаго исправника видно, что при поступленіи на пріиски большая часть каторжныхъ, по непривычкѣ къ тамошнимъ работамъ, не отрабатывала уроковъ, выполнявшихся вольными людьми, такъ что пріисковое управленіе Бутиныхъ уменьшило для нихъ уроки сравнительно съ вольными рабочими и такимъ образомъ дало каторжнымъ возможность постепенно, безъ потери силъ, пріучиться къ работамъ [3]).

---

[1]) *Розановъ* „Сводъ дѣйствующихъ узаконеній о частной золотопромышленности". Спб. 1883 г., стр. 102—111.

[2]) Арх. Иркутск. Горн. Управл., К. 2544, № 48/103, л. 206. Ср. „Записки сенатора Н. П. Синельникова", „Историч. Вѣст." 1895 г. № 5, стр. 695, 697, 700, 701; № 6, стр. 30, 34.

[3]) „Иркут. Губерн. Вѣдом." 1876 г. № 27 или Сборникъ *Стрѣлковскаго*, ч. I, стр. 132—133.

Въ 1876 г. бар. Фредериксъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ссыльно-каторжные, находящіеся на работахъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ, получали заработанныя ими деньги во время слѣдованія ихъ черезъ Иркутскъ отъ Главнаго Управленія Восточной Сибири, а на мѣстахъ причисленія чрезъ волостныя правленія, и чтобы полицейскимъ начальствомъ не принимались къ засвидѣтельствованію довѣренности и передаточныя надписи ссыльныхъ на полученіе этихъ денегъ. При этомъ былъ указанъ такой случай: одинъ арестантъ заработалъ 423 р. и передалъ талонъ на эти деньги политическому (т.-е. за польское возстаніе) ссыльному Дрелингу за 6 ведеръ спирта для тайной продажи на пріискахъ [1]).

Еще въ концѣ 1871 г. (15 декабря) состоялось въ высшей степени важное постановленіе Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири по вопросу о возвращеніи на пріиски бѣжавшихъ и доставленіи неявившихся рабочихъ, которое тогда же было утверждено Синельниковымъ и препровождено циркулярно губернаторамъ Восточной Сибири, но не было еще тогда напечатано. „На основаніи 7 ст. Высочайше утвержденныхъ въ 24 день мая 1870 г. правилъ о наймѣ ссыльно-поселенцевъ на сибирскіе золотые промысла неявившіеся на пріиски рабочіе, а также бѣжавшіе съ промысловъ препровождаются мѣстнымъ начальствомъ къ золотопромышленникамъ для выполненія своихъ по найму обязанностей до истеченія срочнаго времени и что посему это узаконеніе въ отношеніи рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ должно быть исполняемо безъ отступленія. Что же касается рабочихъ изъ крестьянъ, мѣщанъ и проч. свободныхъ состояній, то такъ какъ приведенное выше узаконеніе, касаясь однихъ ссыльно-поселенцевъ, къ помянутымъ рабочимъ относиться не можетъ, и въ правилахъ о наймѣ рабочихъ вообще не помѣщено никакого узаконенія о высылкѣ бѣжавшихъ и неявившихся, посему Совѣтъ Главнаго Управленія *не считаетъ возможнымъ установлять какія бы то ни было мѣры касательно препровожденія бѣжавшихъ или неявившихся рабочихъ, крестьянъ, мѣщанъ и проч.*, тѣмъ болѣе, что въ 4 ст. правилъ о наймѣ ихъ изложены условія, какія должны быть помѣщаемы въ договорахъ, и въ томъ числѣ: п. е—размѣры вычетовъ съ рабочаго за самовольное уклоненіе отъ работъ и за другія дѣянія, клонящіяся къ нарушенію хозяйственныхъ интересовъ золотопромышленниковъ и п. ж—размѣръ вычета съ рабочаго въ случаѣ неявки его на пріискъ въ условленный срокъ. Слѣдовательно, золотопромышленники могутъ включать въ договоры найма и условія объ отвѣтственности рабочихъ въ случаѣ неявки или побѣга. Самая пересылка бѣжавшихъ и неявившихся рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ

[1]) „Сибирь“ 1877 г. № 1, стр. 1.

должна производиться на счетъ золотопромышленника, и для этого золотопромышленники каждой системы обязаны имѣть общаго довѣреннаго, которому и выдавать авансомъ извѣстное количество денегъ на кормовыя и одежду пересылаемыхъ рабочихъ. По поимкѣ бѣглыхъ сельскія полицейскія начальства должны обращаться къ упомянутымъ довѣреннымъ съ требованіемъ о высылкѣ денегъ и, по полученіи таковыхъ, высылать рабочаго. Для высылки же неявившихся довѣренные должны представлять деньги при самыхъ требованіяхъ своихъ о высылкѣ. Причемъ само собою разумѣется, что употребленныя на пересылку деньги золотопромышленники могутъ относить на счетъ пересылавшихся рабочихъ. Препровожденіе рабочихъ по жилымъ мѣстамъ, согласно 7 ст. правилъ, должно лежать на обязанности сельскихъ полицейскихъ начальствъ; по мѣстамъ же таежнымъ, т.-е. въ районѣ золотыхъ промысловъ, обязанность эту, согласно 19 ст. Уст. о частной золотопр., должны относить воинскіе чины, командированные въ распоряженіе мѣстной полиціи“ [1]).

Циркуляръ этотъ произвелъ очень сильное впечатлѣніе и вызвалъ негодованіе золотопромышленниковъ. Вотъ что говорилъ по этому поводу одинъ довѣренный золотопромышленника: „прежде, года два тому назадъ... былъ обычай, какъ срокъ подходитъ идти рабочимъ на пріиски, такъ сейчасъ ихъ формируютъ въ партіи и подъ конвоемъ доставляютъ на пріискъ, а нынѣшній генералъ-губернаторъ (Н. П. Синельниковъ) разослалъ циркуляръ всѣмъ полицейскимъ и волостнымъ правленіямъ, въ которомъ и объяснилъ, что на договоръ золотопромышленниковъ съ рабочими слѣдуетъ смотрѣть, какъ на чисто гражданскую сдѣлку, гдѣ потерпѣвшая сторона можетъ искать свои убытки только судомъ, а вмѣшательство администраціи въ эти договоры совсѣмъ не у мѣста, и препровождать на пріиски рабочихъ людей, не лишенныхъ правъ состоянія, какъ каторжниковъ, подъ конвоемъ не только не слѣдуетъ, но даже имъ, генералъ-губернаторомъ, будетъ строго преслѣдоваться. Этимъ циркуляромъ онъ подрѣзалъ крылья золотопромышленникамъ. Безъ большихъ задатковъ народъ не пойдетъ, а получивъ ихъ, не является подъ разными предлогами. До циркуляра-то стоило намъ написать въ волостное правленіе, что, молъ, такой-то не явился, и дѣло въ шляпѣ; его, какъ арестанта, подъ карауломъ къ намъ и предоставятъ; а теперь—извольте вѣдаться съ нимъ судомъ! Такъ этимъ генералъ-губернаторъ огорчилъ всѣхъ золотопромышленниковъ, что они сообща подавали жалобу министру финансовъ, указывая въ ней тотъ страшный

---

[1]) „Иркут. Губерн. Вѣд.“ 1873 г. № 21 или въ Сборникѣ *Стрѣлковскаго*, I, 111—112.

вредъ, который можетъ послѣдовать отъ отмѣны обязательной явки рабочихъ на пріиски, и представьте: просьбу ихъ не уважили!“ [1])

Однако золотопромышленники не падали духомъ и старались такъ или иначе обезпечить себѣ исправную доставку рабочихъ на пріиски. Въ январѣ 1873 г. иркутскій окружной исправникъ подалъ Синельникову записку, изъ которой оказывалось, что золотопромышленники, нанимая крестьянъ и поселенцевъ, сдаютъ этихъ людей въ Иркутскѣ для отправки этапнымъ порядкомъ на мѣсто работъ; военный караулъ доводитъ партію только до селенія Хомутово (24 вер. отъ Иркутска), а затѣмъ отсюда до самыхъ пріисковъ. Обязанность эта возлагается на сельскія общества, которыя для присмотра за рабочими должны наряжать караульныхъ, отводить квартиры рабочимъ, доставлять имъ пищу на отпускаемыя отъ золотопромышленника деньги по 10 к. на чел. въ сутки и для отвоза нѣкоторыхъ наряжать подводы, что крайне стѣсняетъ крестьянскія общества, обремененныя и безъ того многими повинностями, „тѣмъ болѣе, что при скудно выдаваемомъ рабочимъ содержаніи на пищу многіе изъ нихъ переводятъ (т.-е. продаютъ) свою одежду и при воспрещеніи никого не хотятъ слушать, считая себя не арестантами, а людьми свободными, послѣдствіемъ чего является необходимость снабжать рабочихъ, въ особенности въ зимнее время, отъ станціи до станціи теплою одеждою“. Получивъ эту записку иркутскаго исправника, Синельниковъ разослалъ ее начальникамъ губерній и областей при особомъ циркулярѣ отъ 27 января 1873 г., въ которомъ, напомнивъ правила о наймѣ рабочихъ на золотые промысла 1870 г. и приведя утвержденныя имъ постановленія Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири 15 декабря 1871 г., въ заключеніе просилъ каждаго губернатора: 1) предписать немедленно объ исполненіи узаконеннаго и подтвержденнаго порядка относительно препровожденія на пріиски бѣжавшихъ и неявившихся рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ на счетъ золотопромышленниковъ, которые должны имѣть для каждой системы общаго довѣреннаго, снабженнаго потребнымъ количествомъ денегъ на про-

---

[1]) *Мишла* (*М. И. Орфановъ*). „Въ дали. (Изъ прошлаго). Разсказы изъ вольной и невольной жизни“. М. 1883 г. стр. 64—65. Повидимому ко времени генералъ-губернаторства Синельникова относится такой фактъ, разсказываемый Лопатинымъ: „Въ настоящее время на южной системѣ енисейскаго округа... за то только, что бѣглаго рабочаго поймали и привязали на веревку, прогнаны всѣ служащіе и исправникъ лишился мѣста“. „Замѣтки о положеніи рабочихъ на енисейскихъ золотыхъ пріискахъ“. „Извѣст. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ т. II, № 4 (1871 г.), стр. 41. Отраженіе жалобъ золотопромышленниковъ на отмѣну высылки бѣглыхъ рабочихъ этапнымъ порядкомъ см. въ „Енисейск. Губернск. Вѣдом.“ 1874 г. № 31, стр. 119. На отмѣну высылки бѣглыхъ рабочихъ этапнымъ порядкомъ енисейскіе золотопромышленники жаловались, между прочимъ, и въ запискѣ, представленной министру госуд. имуществъ въ 1892 г.

питаніе и одежду пересылающихся рабочихъ и 2) строжайше подтвердить о нераспространеніи этого порядка на рабочихъ изъ крестьянъ, мѣщанъ и проч. свободныхъ сословій. Это распоряженіе Синельниковъ приказалъ напечатать въ „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ [1]).

Въ декабрѣ 1872 г. уполномоченный по дѣламъ компаній Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова Н. Черныхъ и уполномоченный компаніи наслѣдниковъ Трапезникова, Ѳ. К. Трапезниковъ (Олекминскаго округа) представили Синельникову докладныя записки, въ которыхъ жаловались на то, что рабочіе не выполняютъ контрактныхъ условій, не доработываютъ уроковъ, вслѣдствіе чего и золота намыто менѣе, чѣмъ въ прежніе годы, оказываютъ неповиновеніе служащимъ, предаются пьянству, поддерживаемому спиртоносами, похищаютъ подъемное золото изъ разрѣзовъ; они указывали также на то, что волостныя правленія не содѣйствуютъ высылкѣ рабочихъ и взысканію съ нихъ долговъ и что вообще администрація оказывается безсильною въ прекращеніи этихъ безпорядковъ.

По полученіи названныхъ записокъ, а также и представленій нѣкоторыхъ другихъ лицъ, Синельниковъ въ январѣ 1873 г. нашелъ нужнымъ разсмотрѣть возбужденные по частной золотопромышленности вопросы въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ окружного ревизора, инженеръ-полковника Таскина, въ составъ котораго входили окружные ревизоры Кокшаровъ и Дубровинъ, полковникъ Купенковъ и горный исправникъ Лукьяновъ и кромѣ того приглашенные, въ качествѣ членовъ комитета, по усмотрѣнію предсѣдателя, золотопромышленники и уполномоченные. Въ засѣданіи 3 февраля 1873 г. комитетъ этотъ постановилъ: по отзывамъ присутствовавшихъ въ засѣданіи комитета золотопромышленниковъ, явленія эти, „хотя и бывали прежде, но значительно усилились въ послѣднее время вслѣдствіе той безнаказанности, въ какую нынѣ поставлены рабочіе изъ мѣщанъ и крестьянъ съ освобожденіемъ ихъ отъ тѣлеснаго наказанія, замѣнить которое на промыслахъ другимъ почти не представляется возможнымъ, потому что денежные штрафы не достигаютъ цѣли, такъ какъ подвергаются имъ преимущественно рабочіе, состоящіе и безъ того у управленія въ значительномъ долгу, безнадежномъ ко взысканію, а на аресты, при неимѣніи на промыслахъ одиночныхъ карцеровъ, рабочіе смотрятъ, какъ на отдохновеніе. Не раздѣляя этого убѣжденія золотопромышленниковъ и находя съ своей стороны, что однѣми принудительными и карательными мѣрами нельзя достигнуть въ отношеніи успѣха работъ того, что можно сдѣлать справедливымъ денежнымъ вознагражденіемъ и добровольнымъ въ полномъ смыслѣ слова соглашеніемъ“, комитетъ подробно разобралъ жалобы золотопромышленниковъ. 1) „Практика показала, что

[1]) См. 1873 г. № 21, или Сборникъ *Стрыкаловскаго*, ч. I, 110—113.

когда рабочему задаютъ урокъ, превышающій его силы, то онъ работаетъ лѣниво. Кромѣ того, справедливость требуетъ замѣтить, что не всегда недоработку слѣдуетъ относить къ лѣности, и по мнѣнію комитета недоработка часто происходитъ отъ грязи и мокроты въ разрѣзахъ, крайне затрудняющихъ работу, и отъ истощенія рабочихъ вслѣдствіе недостатка времени на отдыхъ и малопитательной пищи, получаемой рабочимъ отъ хозяина. Одна несправедливость влечетъ за собою другую, и рабочій, не получая, что слѣдуетъ отъ хозяина, считаетъ и себя въ правѣ небрежно относиться къ своимъ обязанностямъ. По контракту рабочій бываетъ ежедневно на работѣ въ лѣтнее время 13, а въ зимнее около 8 часовъ. При совершенномъ отсутствіи растительной пищи, при постоянно одной и той же похлебкѣ, приготовленной изъ ячныхъ крупъ и солонины, безъ всякихъ овощей, отпускаемаго нынѣ 1 ф. мяса недостаточно. Дурное качество якутскаго мяса извѣстно, а если къ этому прибавить еще далекій перегонъ скота по мѣстностямъ, неимѣющимъ достаточно подножнаго корма, отъ чего онъ худѣетъ, небрежный засолъ, неимѣніе на пріискахъ опытныхъ скотобойцевъ и то, что покупаемое въ Томскѣ мясо доставляется нерѣдко изъ Иркутска въ омулевыхъ бочкахъ, придающихъ ему отвратительный запахъ, то нельзя и не согласиться, что приготовляемая изъ него пища едва ли можетъ возвратить рабочему потраченныя силы, для возстановленія которыхъ онъ вынужденъ на свой счетъ улучшать пищу въ прямой ущербъ своего заработка. Изъ этого слѣдуетъ, что золотопромышленники должны обратить вниманіе на пищу рабочихъ, и если нельзя увеличить дачу мяса, то по крайней мѣрѣ чаще варить кашу, заготовлять капусту, рыбу, гдѣ возможно, для разнообразія, и слѣдить за кашеварами, не позволяя имъ, какъ было замѣчено, приготовлять обѣдъ съ вечера. Не менѣе необходимы и дни отдыха, увеличить число коихъ до начала промывки не представляется особенно затруднительнымъ... 2) Примѣры неповиновенія рабочихъ служащимъ, не остававшіеся, впрочемъ, безнаказанными, въ этомъ году бывали въ большемъ ли числѣ противъ прежнихъ лѣтъ, рѣшить трудно, такъ какъ прежде подобные случаи всегда оканчивались словесными разбирательствами, и потому навести справку въ дѣлахъ горнаго исправника не представлялось возможнымъ; но неповиновеніе это вызывалось самими же служащими— дурнымъ и крайне грубымъ обращеніемъ. Справедливыя требованія рабочихъ не всѣми сносятся терпѣливо и нерѣдко оканчиваются самоуправствомъ со стороны служащихъ. Разбирательства подобныхъ жалобъ часто доказывали, что обѣ стороны были неправы". 3) „Пьянство (впрочемъ не вездѣ) оказалось преимущественно предъ окончаніемъ работъ во время наемки на новую операцію, когда взамѣнъ запрещенныхъ бутылокъ съ водкою, для привлеченія къ найму, отпускались

усиленныя винныя порціи. Въ остальные мѣсяцы на иныхъ пріискахъ даже вовсе не было спирту. Способствовали пьянству и спиртоносы... Но чтобы доказать, что пьянство дошло до крайнихъ предѣловъ, на это нужны и факты, которыхъ не представлено". 4) „Радикальною мѣрою къ пресѣченію хищничества золота можетъ быть... возвышеніе платы за него, по примѣру пріисковъ Кабинета Его Величества, гдѣ плата доведена уже до 2 руб. за золотн." 5) „Жалобы на волостныя правленія вполнѣ справедливы. Дѣйствительно, послѣднія неохотно выполняютъ требованія пріисковыхъ управленій о высылкѣ рабочихъ, отказываютъ во взысканіи съ нихъ долговъ и весьма часто задерживаютъ присылку паспортовъ и билетовъ, а иногда, получивъ деньги въ подати и уплативъ ими частные долги за рабочихъ, требуютъ таковыя вновь, а при невысылкѣ вызываютъ ребочихъ въ мѣста причисленій подъ предлогомъ неувольненія обществомъ или по семейнымъ обстоятельствамъ". Горный исправникъ верхнеудинскаго и баргузинскаго округовъ предложилъ чаще выдавать рыбочимъ винныя порціи, „необходимыя по условіямъ таежной жизни и трудной пріисковой работы". Комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что необходимо составить проектъ нормальнаго контракта, гарантирующаго права и рабочихъ, и владѣльцевъ пріисковъ, а пока опредѣлилъ, что необходимо устроить на пріискахъ на счетъ золотопромышленниковъ одиночные карцеры, чтобы примѣнять эту мѣру взысканія къ лицамъ, изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія, предложить золотопромышленникамъ обратить вниманіе на улучшеніе пищи рабочихъ и назначеніе дней отдыха, а для прекращенія хищничества увеличить плату за подъемное золото; ходатайствовать въ законодательномъ порядкѣ объ отнесеніи винныхъ складовъ и питейныхъ заведеній отъ пріисковыхъ резиденцій, по крайней мѣрѣ, на 30-верстное разстояніе и объ утвержденіи нормальнаго контракта.

Нѣкоторыя изъ указанныхъ комитетомъ мѣръ были предложены или предписаны Синельниковымъ въ его циркулярѣ отъ 13 марта 1873 г., въ которомъ онъ предлагалъ начальникамъ губерній и областей: 1) Воспретить по всѣмъ золотымъ промысламъ выдачу спирта рабочимъ при наймѣ ихъ даже чарками. 2) Предложить золотопромышленникамъ озаботиться устройствомъ летучихъ кордоновъ для преслѣдованія спиртоносовъ и хищниковъ золота. 3) Обязать золотопромышленниковъ въ Верхнеудинскомъ и Баргузинскомъ округахъ немедленно привести въ удовлетворительное состояніе казармы и больницы и позаботиться о заготовленіи необходимыхъ для продовольствія рабочихъ припасовъ хорошаго качества. 4) Предупредить рабочихъ, что виновные въ разныхъ проступкахъ будутъ подвергаемы промысловою полиціею аресту въ одиночныхъ карцерахъ на время до 7 дней и проч. [1]).

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2544, № 48/103, л. 82—97, 146 об.—151, 210—215.

Иркутскій комитетъ 1873 г. нашелъ нужнымъ составленіе нормальнаго контракта для найма рабочихъ. Вслѣдствіе этого 8 февраля 1874 г. Синельниковъ разослалъ губернаторамъ Восточной Сибири циркуляръ [1]), въ которомъ предписывалъ горнымъ исправникамъ заняться составленіемъ нормальнаго контракта, на основаніи проекта договора, выработаннаго въ 1866 г. (см. т. I, стр. 530—531). Вслѣдствіе этого предписанія былъ составленъ проектъ нормальнаго контракта олекминскимъ горнымъ исправникомъ Винниковымъ (см. ниже), получены были также мнѣнія начальниковъ Енисейской губ. и Якутской области. Затѣмъ 7 марта 1875 г. преемникъ Синельникова, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, бар. Фредериксъ, приказалъ учредить для составленія нормальнаго контракта комитетъ изъ нѣсколькихъ окружныхъ ревизоровъ и горныхъ исправниковъ съ правомъ приглашать золотопромышленниковъ въ свои засѣданія. Въ комитетъ этотъ былъ переданъ, кромѣ ранѣе полученныхъ матеріаловъ, и проектъ контракта, присланный въ мартѣ 1875 г. военнымъ губернаторомъ амурской области, бар. Оффенбергомъ. Къ концу апрѣля проектъ контракта былъ составленъ комитетомъ и затѣмъ, по предложенію его, было предписано окружнымъ ревизорамъ, во время поѣздки лѣтомъ 1875 г. по промысламъ, показывать его болѣе опытнымъ золотопромышленникамъ. Олекминскій золотопромышленникъ Ѳ. К. Трапезниковъ представилъ въ комитетъ свои замѣчанія на составленный этимъ послѣднимъ проектъ нормальнаго контракта, въ которыхъ онъ доказывалъ неудобство и стѣснительность его для обѣихъ сторонъ въ виду большого разнообразія въ условіяхъ пріисковой жизни въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири [2]).

Иркутскій комитетъ 1873 г. высказался также за устройство одиночныхъ карцеровъ на промыслахъ для лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Вопросъ этотъ имѣетъ свою исторію. Нѣкоторыя промысловыя управленія обратились къ олекминскому горному исправнику Лукьянову съ заявленіемъ, что было бы полезно, „по примѣрамъ прежняго времени“, подвергать рабочихъ изъ мѣщанъ и крестьянъ за пьянство, лѣность и грубость наказанію розгами, такъ какъ на пріискахъ только эта мѣра можетъ служить средствомъ къ исправленію. Полковникъ Купенковъ, осматривавшій пріиски Олекминской системы, къ которому обращались съ подобными же заявленіями, пришелъ къ убѣжденію о необходимости устройства при каждомъ пріискѣ помѣщеній для одиночнаго заключенія рабочихъ. Исправникъ Лукьяновъ въ августѣ 1872 г. вошелъ съ представленіемъ къ якутскому губернатору о разрѣшеніи учредить на золотыхъ пріискахъ одиночные карцеры для содержанія

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2566, № 206/152, л. 1.
[2]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2566, № 206/152, л. 189—192.

въ нихъ на хлѣбѣ и водѣ рабочихъ изъ мѣщанъ и крестьянъ, а якутскій губернаторъ, соглашаясь на это предложеніе, просилъ генералъ-губернатора утвердить его распоряженіе объ устройствѣ карцеровъ на главныхъ резиденціяхъ. Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири, на обсужденіе котораго генералъ-губернаторъ передалъ этотъ вопросъ, рѣшилъ 25 апрѣля 1873 г. предложить эту мѣру на разрѣшеніе сената. Но сенатъ въ 1875 г. опредѣлилъ отмѣнить распоряженіе объ учрежденіи карцеровъ на золотыхъ промыслахъ и ходатайство генералъ-губернатора объ узаконеніи этой мѣры оставить безъ разсмотрѣнія, давъ ему знать, что съ представленіемъ по этому предмету онъ можетъ обратиться въ министерство внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ [1]).

Черезъ нѣсколько лѣтъ якутское областное начальство вновь вошло съ ходатайствомъ объ устройствѣ на золотыхъ промыслахъ карцеровъ для одиночнаго заключенія на хлѣбѣ и водѣ. Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири запросилъ по этому предмету представителей мѣстной администраціи. Исправники Забайкальской области отнеслись къ этому предложенію отрицательно, находя, что „мѣра эта явится излишнею жестокостью, озлобляющею рабочихъ, и что ею, при неудовлетворительномъ составѣ пріисковыхъ служащихъ, будутъ злоупотреблять“, если же предоставить примѣненіе этой мѣры однимъ исправникамъ, то цѣль была бы не достигнута въ виду обширности района, находящагося въ завѣдываніи исправниковъ. Енисейскій губернскій совѣтъ также нашелъ ненужнымъ устройство карцеровъ, которое затѣмъ было отвергнуто и Совѣтомъ Главнаго Управленія Восточной Сибири въ засѣданіи 24 августа 1878 г. [2]).

Въ 1874 г. Синельниковъ оставилъ постъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, и отъѣздъ его неблагопріятно отразился на характерѣ распоряженій относительно пріисковыхъ рабочихъ. Мы видѣли, что Синельниковъ требовалъ возвращенія бѣжавшихъ и отсылки неявившихся на пріиски рабочихъ лишь тогда, если они были изъ ссыльнопоселенцевъ, но и то подъ условіемъ, чтобы довѣренные золотопромышленниковъ были снабжены средствами на прокормленіе этихъ рабочихъ

---

[1]) Разсматривая представленія иркутскаго генералъ-губернатора Синельникова, сенатъ замѣтилъ, что одиночное заключеніе на хлѣбѣ и водѣ допускается Сводомъ военныхъ постановленій, какъ спеціальное дисциплинарное наказаніе для нижнихъ воинскихъ чиновъ (строгій арестъ), и не относится къ мѣрамъ полицейскаго исправленія и что учрежденіе на счетъ частныхъ лицъ особыхъ карцеровъ, какъ мѣсть заключенія рабочихъ на золотыхъ пріискахъ, составляетъ отступленіе отъ ст. 2 XIV т. Свода Законовъ, Устава содержащихся подъ стражею. Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2544, № 48/103, л. 253—255. Сравн. ниже въ главѣ объ енисейскихъ промыслахъ.

[2]) Изъ бумагъ А. К. Субботина.

и одежду для нихъ. Инымъ духомъ проникнутъ циркуляръ отъ 8 мая 1874 г. предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири генералъ-лейтенанта Шелашникова. „Господа земскіе исправники", говоритъ онъ, „вопреки неоднократныхъ распоряженій, какъ г. генералъ-губернатора, такъ и моихъ, не обращаютъ должнаго вниманія на побѣги рабочихъ съ золотыхъ промысловъ и неявку наемщиковъ на пріиски". При этомъ Шелашниковъ уже не дѣлаетъ никакого различія между рабочими ссыльно-поселенцами и рабочими изъ крестьянъ и другихъ сословій. Далѣе онъ указываетъ на бездѣйствіе волостныхъ правленій въ дѣлѣ высылки бѣжавшихъ и неявившихся рабочихъ. Когда бѣжавшій является на мѣсто своего жительства, то мѣстныя власти, не обращая вниманія на производившуюся о немъ переписку, безъ всякихъ справокъ выдаютъ новый билетъ; по всей вѣроятности не ведется списковъ бѣжавшихъ съ пріисковъ и неявившихся туда рабочихъ. Между тѣмъ „бѣжавшій, нанявшись на другой пріискъ, старается взять побольше задатокъ и сдѣлать, сколь возможно больше, забора вещами и товарами и снова бѣжать, разсчитывая на такое же снисхожденіе и покровительство своего начальства". Шелашниковъ винитъ волостныя правленія и въ томъ, что нѣкоторые нанявшіеся рабочіе высылали иногда вмѣсто себя другихъ лицъ, неспособныхъ къ пріисковымъ работамъ, иной разъ несовершеннолѣтнихъ или стариковъ старше 50 лѣтъ. Нерѣдко волостное и сельское начальство дозволяютъ также рабочимъ, оставшимся послѣ окончанія операціи въ долгу, наниматься въ работы на слѣдующую операцію къ другому золотопромышленнику, не обращая никакого вниманія на незаработанный долгъ, несмотря на заблаговременное о немъ заявленіе. Шелашниковъ предписывалъ земскимъ исправникамъ производить съ волостныхъ правленій въ извѣстныхъ случаяхъ денежныя взысканія въ пользу золотопромышленниковъ. Наконецъ, Шелашниковъ обратилъ вниманіе на то, что волостныя правленія медлятъ высылкою паспортовъ, требуя съ пріисковыхъ рабочихъ податей и повинностей въ большихъ размѣрахъ, „почему-то не обозначавшихся въ прежде выданныхъ паспортахъ" [1]). Обращая вниманіе начальниковъ губерній и областей на всѣ эти безпорядки, Шелашниковъ просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы волостными правленіями и другими присутственными мѣстами 1) велись шнуровыя книги для записи нанявшихся на пріиски рабочихъ съ обозначеніемъ срока найма, свѣдѣній о взысканіи податей и повинностей, побѣга, неявки, долговъ рабочихъ и т. п. и 2) „тѣмъ рабочимъ, которые будутъ завиняемы въ подобныхъ поступкахъ, ни подъ какимъ предлогомъ не дозволять въ послѣдующія

[1]) Въ циркулярѣ приведены въ видѣ примѣра 7 взысканій съ крестьянъ Верхнеудинскаго и Иркутскаго округовъ отъ 96 до 258 руб.

операціи наниматься къ другимъ золотопромышленникамъ, не отработавъ предварительно прежнихъ долговъ; или же по желанію золотопромышленниковъ долги эти должны быть взыскиваемы изъ получаемыхъ вновь при наймѣ задатковъ и немедленно высылаемы прежнимъ нанимателямъ съ предупрежденіемъ", что если это не будетъ исполняться волостными правленіями и другими присутственными мѣстами, то взысканія будутъ обращаться на нихъ [1]).

Во всемъ этомъ циркулярѣ, если не считать требованія болѣе аккуратнаго записыванія уплачиваемыхъ нанимателями податей, что предписывалось и интересами золотопромышленниковъ, нѣтъ ни одного слова въ защиту пріисковыхъ рабочихъ. Распространяясь такъ много о дѣйствіяхъ волостныхъ правленій, вредныхъ преимущественно для золотопромышленниковъ, Шелашниковъ вовсе не затронулъ ни дурного положенія рабочихъ на пріискахъ, ни той эксплуатаціи, которой они подвергались при выходѣ съ нихъ.

Въ 1874 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ была утверждена инструкція для горныхъ исправниковъ частныхъ золотыхъ промысловъ, нѣкоторые пункты которой касаются положенія рабочихъ. Горные исправники должны были надзирать за сохраненіемъ общественнаго порядка на золотыхъ промыслахъ. Исправникъ обязанъ также наблюдать, чтобы рабочимъ отпускалась хорошая пища, какъ слѣдуетъ устроены были жилища и больницы, чтобы были въ исправности дороги на пріиски, мосты и переправы и были бы теплыя помѣщенія для остановокъ въ разстояніи не далѣе 20 вер. одно отъ другого, чтобы соблюдались правила о слѣдованіи рабочихъ на пріиски и обратно. Горный исправникъ разсматриваетъ жалобы, приносимыя рабочими на рѣшеніе партіонной расправы. Онъ обязанъ неослабно наблюдать, чтобы работы на промыслахъ производились безъ вреда для здоровья и опасности для жизни рабочихъ, чтобы контракты соблюдались обѣими сторонами. „Не вмѣшиваясь въ хозяйственныя распоряженія промышленниковъ, исправникъ приглашаетъ ихъ или управляющихъ дѣлами въ собраніе въ своемъ присутствіи съ требованіемъ отъ нихъ за ихъ подписью орписи припасовъ и вещей, которые пріобрѣтены для снабженія рабочихъ, съ показаніемъ ихъ цѣнности при заготовленіи, а также и процента на употребленный для того капиталъ, росписи эти повѣряетъ и сличаетъ цѣны въ общемъ собраніи съ надлежащими документами, а вѣрность цѣнъ удостовѣряетъ" своею подписью. Свѣренныя такимъ образомъ росписи или таксы должны были храниться въ конторахъ и выставляться на дверяхъ магазиновъ, для вѣдома рабо-

[1]) „Ирк. Губерн. Вѣдом." 1874 г. № 58; перепечатано въ Сборникѣ *Струкаловскаго*, ч. I, 113—119.

чихъ, за подписью исправника. Горный исправникъ обязанъ былъ слѣдить, чтобы разсчетныя книги съ рабочими велись исправно, а разсчетные листы находились на рукахъ у послѣднихъ и въ случаѣ справедливыхъ жалобъ рабочихъ на неправильный разсчетъ и дороговизну припасовъ и товаровъ сравнительно съ установленными таксами оказывать рабочимъ законное удовлетвореніе, а также принимать мѣры для того, чтобы хозяева могли дать полный разсчетъ рабочимъ. Исправникъ обязанъ былъ оказывать золотопромышленникамъ содѣйствіе въ вытребованіи нанявшихся рабочихъ, въ поимкѣ и возвращеніи бѣжавшихъ, подвергая ихъ взысканію по закону, а за грубость, лѣность, игру въ карты и кости и т. п. проступки, по рѣшенію партіонной расправы, производить надлежащее наказаніе виновнымъ. Исправникъ содѣйствуетъ прекращенію похищенія золота, наблюдаетъ, чтобы не было на промыслахъ и по близости ихъ продажи и разноса спиртныхъ напитковъ и чтобы золотопромышленники не давали рабочимъ вина въ счетъ платы и не дозволяли себѣ держать его безъ ограниченія, а сообразовались бы всегда „съ самою необходимою ихъ потребностью по числу рабочихъ и служащихъ“ для раздачи его порціями и съ тѣмъ, чтобы на провозъ туда вина въ опредѣленномъ количествѣ золотопромышленники получали каждый разъ свидѣтельство отъ губернатора. „Въ случаѣ возникновенія между рабочими на частныхъ золотыхъ промыслахъ явнаго неповиновенія установленнымъ властямъ цѣлыми массами, а равно въ случаѣ бунта или возмущенія, горный исправникъ можетъ призывать на помощь военныя команды, руководствуясь Высочайше утвержденными 18 іюля 1872 г. правилами о разграниченіи правъ и обязанностей военныхъ и гражданскихъ властей при усмиреніи народныхъ безпорядковъ. Но при этомъ строго воспрещается употреблять въ отношеніи зачинщиковъ неповиновенія, если они не изъ поселенцевъ, тѣлесное наказаніе, а слѣдуетъ таковыхъ, по подробномъ и возможно скоромъ изслѣдованіи дѣла, отправлять по принадлежности къ суду“ [1]).

[1]) О всѣхъ происшествіяхъ на пріискахъ исправникъ представляетъ генералъ-губернатору и мѣстному губернатору ежемѣсячныя вѣдомости. О всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ своихъ по надзору за частными промыслами исправникъ ведетъ особый журналъ, который, по окончаніи лѣтняго періода работъ, онъ представляетъ на ревизію въ общее губернское или областное управленіе. Кромѣ того, исправникъ представляетъ начальнику губерніи ежегодный отчетъ о состояніи ввѣренныхъ ему золотыхъ промысловъ, губернскому статистическому комитету годичную вѣдомость о числѣ всѣхъ находившихся на промыслахъ разнаго званія лицъ, о количествѣ добытаго золота, а также о разнаго рода преступленіяхъ и происшествіяхъ и, наконецъ, экспедиціи о ссыльныхъ свѣдѣнія о суммахъ, подлежащихъ поступленію въ поселенческій капиталъ отъ золотопромышленниковъ за находившихся у нихъ въ работѣ ссыльно-поселенцевъ. „Собраніе узаконеній“ 1874 г. № 47; перепечатано въ книгѣ *Л. Розанова* „Сводъ дѣйствующихъ узаконеній о частной золотопромышленности въ Россіи“. Спб. 1883 г., стр. 78—83.

21 апрѣля 1876 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, бар. Фредериксъ, утвердилъ временныя (на 2 года) правила для охраненія рабочихъ частныхъ золотыхъ промысловъ при выходѣ ихъ послѣ работъ, выработанныя Совѣтомъ Главнаго Управленія Восточной Сибири на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ губернаторами.

По этимъ правиламъ земскій исправникъ въ своемъ округѣ обязанъ былъ лично и чрезъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ земской и волостной полиціи принимать дѣятельное участіе въ сопровожденіи рабочихъ. Предъ наступленіемъ времени выхода рабочихъ окружной исправникъ требуетъ, если встрѣтится надобность, отъ начальника мѣстной команды необходимое число нижнихъ чиновъ для содѣйствія полиціи. Исправникъ распредѣляетъ подвѣдомственныхъ ему земскихъ чиновниковъ и казаковъ, ненужныхъ на пріискахъ и переданныхъ въ его распоряженіе горными исправниками, по главнымъ пунктамъ прохода рабочихъ, имѣя въ виду прежде всего селенія, лежащія въ смежности съ тайгою, селенія многолюдныя и переправы черезъ рѣки; распредѣленіе же волостныхъ и сельскихъ начальниковъ по остальнымъ пунктамъ слѣдованія рабочихъ предоставляется участковымъ засѣдателямъ [1]). Въ видахъ сохраненія рабочими ихъ заработка горные исправники обязаны постоянно приглашать рабочихъ къ передачѣ имъ, по окончаніи работъ, денегъ, заработанныхъ на пріискахъ, для отсылки въ волостныя правленія и инородныя управы и выдачи рабочимъ по возвращеніи ихъ въ мѣста жительствъ. По окончаніи промысловыхъ работъ, въ присутствіи горныхъ исправниковъ, гдѣ это возможно (такъ какъ они не могутъ быть въ день разсчета на всѣхъ пріискахъ) и въ присутствіи другихъ административныхъ лицъ, находящихся на промыслахъ, золотопромышленники обязаны сдѣлать рабочимъ полнѣйшій разсчетъ и выдать каждому квитанцію на причитающуюся ему сумму, а деньги вывозить въ резиденціи. По прибытіи рабочихъ въ резиденціи, горные исправники, получивъ лично деньги отъ тѣхъ, которые довѣрили отослать ихъ въ мѣста ихъ причисленія, записываютъ эти деньги, выдаютъ рабочимъ квитанціи, а полученныя суммы немедленно отсылаютъ по принадлежности въ волостныя правленія и инородныя управы и въ то же время подробно увѣдомляютъ земскихъ исправниковъ, которымъ вмѣняется въ обязанность слѣдить за точной и безотлагательной ихъ выдачей рабочимъ, сельскимъ же и инородческимъ управленіямъ

---

[1]) Такое распредѣленіе должно производиться ежегодно не позже 1 сентября для того, чтобы чиновники, подвѣдомственные исправнику, могли сдѣлать предварительныя распоряженія: 1) относительно учрежденія секретныхъ постовъ при началѣ дорогъ, ведущихъ въ тайгу, для наблюденія за выѣзжающими на встрѣчу рабочимъ съ цѣлью тайной скупки золота, запрещенной продажи спирта и проч.; 2) относительно высылки изъ селеній, лежащихъ на пути рабочихъ, всѣхъ тѣхъ пріѣзжихъ, которые не имѣютъ вполнѣ законныхъ видовъ или не могутъ съ точностью опредѣлить цѣли своего пріѣзда, а также извѣстныхъ полиціи развратныхъ женщинъ и учрежденія строгаго надзора за появленіемъ лицъ, которыя были замѣчены въ прежніе годы въ эксплуатаціи рабочихъ; 3) относительно предупрежденія жителей, что имъ воспрещается принимать и держать у себя лицъ, прибывшихъ съ цѣлью обирать рабочихъ и что въ случаѣ стачки для непомѣрнаго повышенія цѣнъ на хлѣбъ и другіе жизненные припасы они будутъ подвергаться строгой законной отвѣтственности, равно какъ и за противузаконную продажу вина и выманиваніе денегъ у рабочихъ и 4) относительно тщательнаго освидѣтельствованія питейныхъ заведеній.

предписывается, чтобы они, по предъявленіи квитанцій, немедленно и безъ малѣйшаго притѣсненія производили уплату по нимъ денегъ и не удерживали изъ нихъ безъ согласія рабочихъ никакихъ взысканій; если же квитанція будетъ предъявлена къ платежу не тѣмъ лицомъ, отъ котораго высланы деньги, а постороннимъ, и передаточная надпись на квитанціи не будетъ засвидѣтельствована полицейскимъ управленіемъ, то, не производя по такой квитанціи уплаты денегъ, доносили бы объ этомъ исправнику для разслѣдованія, не была ли эта квитанція пріобрѣтена отъ владѣльца какимъ нибудь незаконнымъ способомъ [1]). Если откроется, что сельскія и инородческія управленія будутъ замедлять выдачу денегъ по квитанціямъ, дѣлать по этому поводу какія либо притѣсненія, или требовать отъ нихъ платы за выдачу денегъ, то виновныхъ въ этомъ слѣдовало подвергать суду, какъ за лихоимство. При этомъ, однако, всѣмъ исправникамъ ставилось на видъ, что „предлагаемыя мѣры охраненія заработанныхъ денегъ отнюдь не должны имѣть характера принудительнаго и могутъ быть приводимы въ дѣйствіе не иначе, какъ съ добровольнаго, сознательнаго согласія самихъ рабочихъ.“ На основаніи мнѣнія, что рабочіе „большую часть денегъ проматываютъ изъ задатковъ при наймѣ на золотые пріиски“, получая по 60 руб. и болѣе, въ разсматриваемыхъ правилахъ предлагалось: „пригласить золотопромышленниковъ единодушными мѣрами стараться принимать на промысла рабочихъ съ задатками не болѣе, какъ отъ 20 до 30 руб. каждому.“ Горнымъ исправникамъ было поставлено въ обязанность строжайше слѣдить, чтобы разсчитанные рабочіе не оставались въ тайгѣ, а немедленно высылались въ жилыя мѣста. Пути слѣдованія рабочихъ съ промысловъ должны были оставаться тѣ самые, какіе установились годами, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями [2]). Во время слѣдованія партіи рабочихъ лица, обязанныя наблюдать за ними, между прочимъ должны были: а) смотрѣть за тѣмъ, чтобы рабочіе слѣдовали съ промысловъ въ мѣста жительства безостановочно лишь съ необходимымъ отдыхомъ; б) учреждать въ селеніяхъ, гдѣ ночуютъ рабочіе, особые караулы около питейныхъ домовъ, чтобы не допускать продажи вина въ недозволенное время, а также и около частныхъ домовъ, хозяева которыхъ заподозрѣны въ спаиваніи рабочихъ, въ допущеніи у себя игры въ карты, кости и орлянку; в) не допускать никакой торговли внѣ селеній. Проходъ черезъ Енисейскъ и селеніе Казачинское, Енисейскаго округа, какъ пункты ближайшіе къ пріискамъ, безусловно воспрещался, такъ какъ въ противномъ случаѣ они переполнялись бы рабочими и сдѣлалось бы невозможнымъ соблюденіе порядка; дозволялось приходить только мастеровымъ, избравшимъ этотъ городъ постояннымъ мѣстомъ жительства и оставившимъ въ немъ и въ селѣ Казачинскомъ свои семейства. Губернаторы командируютъ ежегодно во время выхода рабочихъ особыхъ чиновниковъ для контроля за соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ правилъ и для участія въ сопровожденіи партій [3]).

---

[1]) Послѣднее правило, очевидно, было вызвано случаями скупки квитанцій, о чемъ мы упоминали выше.

[2]) Напр., по иркутской губ. дозволять находиться въ селеніи Витимскомъ самое короткое время лишь для заготовленія нужныхъ на дорогу припасовъ; по забайкальской области, въ Нерчинскомъ округѣ, рабочіе не должны были допускаться на правый берегъ Шилки въ селеніе Срѣтенское, а въ читинскомъ округѣ указывался такой путь, чтобы значительная часть пріисковыхъ рабочихъ миновала Читу; въ Якутской области не дозволялось останавливаться въ Олекминскѣ.

[3]) При составленіи этихъ правилъ Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири не принялъ, между прочимъ, слѣдующихъ предложеній губернаторовъ: а) о воспрещеніи

Въ циркулярѣ отъ 26 марта 1876 г. бар. Фредериксъ опубликовалъ тѣ замѣчанія, какія онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать по поводу представленныхъ ему оффиціальныхъ отчетовъ о дѣйствіи частныхъ золотыхъ промысловъ въ операцію 1875 г. Бар. Фредериксъ нашелъ повтореніе тѣхъ же, допускаемыхъ волостными правленіями безпорядковъ (относительно найма рабочихъ на промыслы), на которые уже было обращено вниманіе Главнаго Управленія Восточной Сибири. „Кромѣ того," говоритъ бар. Фредериксъ, „нѣкоторыя изъ окружныхъ полицейскихъ управленій на ходатайства пріисковыхъ управленій и горныхъ исправниковъ о высылкѣ бѣжавшихъ или неявившихся рабочихъ изъ числа нелишенныхъ правъ состоянія отзывались, что, за силою журнала Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири 30 октября—4 декабря 1871 г..., золотопромышленники должны командировать за такими рабочими своихъ довѣренныхъ." Въ названномъ здѣсь журналѣ, утвержденномъ Синельниковымъ 15 декабря 1871 г. и выше нами изложенномъ, рѣзко различались рабочіе—изъ ссыльно-поселенцевъ и изъ другихъ сословій и было прямо сказано, что „Совѣтъ Главнаго Управленія не считаетъ возможнымъ установлять какія бы то ни было мѣры касательно препровожденія бѣжавшихъ или неявившихся рабочихъ крестьянъ, мѣщанъ и проч.", а для пересылки рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ золотопромышленники обязывались имѣть общаго довѣреннаго; поэтому полицейскія управленія, руководствуясь этимъ циркуляромъ, имѣли полное основаніе отклонять отъ себя высылку рабочихъ, нелишенныхъ правъ состоянія. Правда, послѣ того былъ опубликованъ иного рода циркуляръ Шелашникова по этому вопросу, но Синельниковъ опирался на Высочайше утвержденныя правила о наймѣ рабочихъ, приложенныя къ новому уставу, а Шелашниковъ болѣе имѣлъ въ виду интересы золотопромышленниковъ. Теперь бар. Фредериксъ уже относилъ исполненіе предписанія Синельникова къ числу безпорядковъ.

Считая необходимымъ прекратить перечисленные въ его циркулярѣ „безпорядки", бар. Фредериксъ рекомендовалъ къ исполненію слѣдующія мѣры: 1) требованіе о высылкѣ билетовъ для находящихся уже на золотыхъ пріискахъ рабочихъ возложить преимущественно на горныхъ исправниковъ, обязавъ ихъ взыскивать за этихъ рабочихъ деньги въ подати и повинности съ пріисковыхъ управленій и высылать по принадлежности, а волостныя правленія и другія полицейскія мѣста

отлучекъ съ мѣста жительства лицамъ, замѣченнымъ въ прежніе годы въ эксплоатаціи рабочихъ, такъ какъ подобное запрещеніе, по его мнѣнію, было бы вообще стѣснительно, б) объ отправкѣ въ волостныя правленія денегъ, заработанныхъ на золотыхъ промыслахъ рабочими безъ ихъ на то согласіе, „такъ какъ подобная мѣра была бы противна законамъ о правахъ собственности." „Иркут. Губерн. Вѣдом." 1876 г., № 34; перепечатано въ книгѣ *Стрѣкаловскаго*, ч. I, стр. 134—140.

должны немедленно высылать квитанціи съ точнымъ обозначеніемъ, сколько и за какое время уплачено. 2) Допустить горныхъ исправниковъ къ контролю (относительно взысканія съ увольняемыхъ податей и повинностей) волостныхъ правленій и другихъ мѣстъ, отъ которыхъ зависитъ увольненіе на пріиски рабочихъ. 3) „Разъяснить полицейскимъ мѣстамъ и лицамъ, что по заключенію Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири, изложенному въ журналѣ“ 30 октября—4 декабря 1871 г., „нанявшіеся на золотые промысла рабочіе люди изъ нелишенныхъ правъ состоянія, въ случаѣ неявки ихъ туда или побѣга, хотя и не должны быть высылаемы этапнымъ порядкомъ, но тѣмъ не менѣе мѣстныя власти, въ случаѣ обнаруженія подобныхъ личностей, должны обязывать ихъ подписками къ непремѣнной явкѣ на пріиски, выдавая для сего проходные виды, по которымъ безъ законныхъ причинъ нигдѣ проживать нельзя, а слѣдовать по назначенію, съ отсылкою этихъ подписокъ пріисковымъ управленіямъ, куда должны явиться рабочіе, и затѣмъ, въ случаѣ нарушенія ими подписокъ, поступать съ подобными людьми, какъ съ неисполнителями контрактовъ и нарушителями обязательствъ, данныхъ правительственному лицу или мѣсту.“ Нужно замѣтить, что ничего подобнаго нѣтъ въ журналѣ Совѣта 30 октября — 4 декабря 1871 г., утвержденномъ Синельниковымъ 15 декабря того же года, и только что изложенное предписаніе въ циркулярѣ бар. Фредерикса составляетъ не разъясненіе циркуляра Синельникова, а значительное измѣненіе его правилъ относительно полноправныхъ рабочихъ. Наконецъ, въ циркулярѣ бар. Фредерикса предписывалось „полицейскимъ мѣстамъ и лицамъ о неупустительномъ исполненіи циркулярнаго распоряженія Главнаго Управленія Восточной Сибири, напечатаннаго въ 58 номерѣ „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1874 г. [1]) относительно отработки наемщиками на золотыхъ промыслахъ остающихся владѣльцамъ долговъ или взысканія таковыхъ изъ вновь получаемыхъ рабочими задатковъ“.

Но если бар. Фредериксъ своимъ „разъясненіемъ“ уничтожилъ циркуляръ Синельникова о невысылкѣ на пріиски бѣжавшихъ и неявившихся рабочихъ, нелишенныхъ правъ состоянія, и подтвердилъ циркуляръ, подписанный Шелашниковымъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, не оставилъ безъ вниманія и положенія рабочихъ и даже въ условіяхъ ихъ вознагражденія за трудъ нашелъ объясненіе и для развитія тайной продажи спирта и хищенія золота. Бар. Фредериксъ свидѣтельствуетъ, что незаконная торговля спиртомъ дошла „въ послѣднее время, преимущественно въ Олекминской системѣ, до огромныхъ размѣровъ“ и подобно своимъ предшественникамъ, находитъ, что этому много способствуютъ существующіе вблизи золотыхъ промысловъ и резиденцій вин-

[1]) Отъ 8 мая 1874 г. подписанное Шелашниковымъ и изложенное нами выше.

ные склады, „изъ которыхъ, какъ извѣстно, вино отпускается даже дробно и о необходимости отнесенія которыхъ на 50-верстное разстояніе было заявлено министерству финансовъ уже неоднократно.“ Преслѣдованію спиртоносовъ, по словамъ бар. Фредерикса, мѣшали: 1) неудовлетворительность казаковъ, командируемыхъ на пріиски, неспособность ихъ къ исполненію полицейскихъ обязанностей и даже незнаніе нѣкоторыми изъ забайкальскихъ казаковъ русскаго языка и 2) незначительное денежное вознагражденіе, выдаваемое за подъемное золото, удержаніе изъ причитающихся за него денегъ долговъ“, состоящихъ за рабочими „и непринятіе отъ нихъ мелкаго золота въ счетъ подъемнаго [1]). Для улучшенія казачьихъ отрядовъ на пріискахъ бар. Фредериксъ сдѣлалъ распоряженіе о назначеніи вмѣсто забайкальскихъ казаковъ иркутскихъ, причемъ выбрано было для этой службы много грамотныхъ, но такъ какъ срокъ службы на пріискахъ годовой и долѣе можно оставлять лишь тѣхъ казаковъ, которые изъявятъ на то согласіе, то, слѣдовательно, составъ ихъ отрядовъ постепенно мѣнялся; поэтому бар. Фредериксъ рекомендовалъ золотопромышленникамъ въ ихъ собственныхъ интересахъ составлять на свой счетъ особые отряды изъ отставныхъ солдатъ и другихъ благонадежныхъ людей для помощи горной и земской полиціямъ [2]). Съ цѣлью прекратить тайную продажу съ пріисковъ подъемнаго золота бар. Фредериксъ просилъ губернаторовъ предложить золотопромышленникамъ, „какъ самую раціональную противъ этого мѣру и въ видахъ собственной ихъ выгоды, возвысить вознагражденіе, выдаваемое рабочимъ за подъемное золото, принимать въ счетъ его не только крупный, но и мелкій металлъ, не удерживать изъ слѣдуемыхъ за него денегъ долговъ, допущенныхъ подъ общую отработку и не уменьшать этого вознагражденія при уплатѣ за подъемное золото припасами изъ пріисковыхъ магазиновъ. Съ осуществленіемъ этого предложенія“, продолжаетъ бар. Фредериксъ, „и при достаточной подачѣ рабочимъ людямъ винныхъ порцій, необходимость которыхъ при тяжеломъ пріисковомъ трудѣ едва ли будетъ кто либо оспаривать [2]), можно вполнѣ разсчитывать, что пріобрѣтеніе спирта тайно и притомъ за баснословную цѣну черезъ промѣнъ въ большинствѣ случаевъ на хищническое золото потеряетъ свою приманку для рабочихъ,

---

[1]) Спиртоносы за золотникъ золота давали бутылку спирта, правда, разбавленнаго на половину водою, а олекминскіе золотопромышленники отъ 60 к. до 1 руб. „Сибирь,“ 1875 г., № 11, стр. 5.

[2]) Тоже предложеніе бар. Фредериксъ повторилъ въ слѣдующемъ 1877 г. См. „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1877 г. № 34 или Сборникъ *Струкаловскаго*, ч. I, стр. 148—149.

[3]) Заявленіе о необходимости подачи рабочимъ винныхъ порцій мы встрѣчаемъ и въ сибирской печати. См. „Сибирь“ 1875 г., № 11, стр. 5.

и они сознаютъ собственныя свои выгоды отъ сдачи подъемнаго золота по принадлежности пріисковымъ управленіямъ, а не на сторону спиртоносамъ почти задаромъ, не говоря уже о томъ, что при сдѣлкахъ съ послѣдними рабочіе рискуютъ подвергнуться въ случаѣ обнаруженія продажи золота строжайшему наказанію по закону." Въ виду признанной такимъ образомъ необходимости выдачи рабочимъ на пріискахъ винныхъ порцій, бар. Фредериксъ нашелъ возможнымъ размѣръ допускаемаго на пріискй ввоза спирта, по свидѣтельствамъ губернаторовъ [1]), увеличить на первое время до $1^1/_2$ вед. на чел. съ разрѣшенія губернаторовъ. Основываясь на доставленныхъ ему оффиціальныхъ отчетахъ, бар. Фредериксъ утверждалъ, что „казармы для помѣщенія на пріискахъ рабочихъ находились въ удовлетворительномъ состояніи, а больничныя помѣщенія, въ особенности на промыслахъ Олекминской системы, были содержимы вполнѣ безукоризненно; „но, къ сожалѣнію," продолжаетъ онъ, рядомъ съ такимъ отраднымъ явленіемъ выступаютъ нѣкоторые факты весьма неутѣшительные... Въ пищу рабочимъ отпускались хотя и удовлетворительные припасы, но безъ различія въ количествѣ ихъ на нѣкоторыхъ промыслахъ (Витимской системы Якутской области)", гдѣ это „было необходимо по качеству... припасовъ, напримѣръ, при отпускѣ солонины вмѣсто свѣжаго мяса, выдававшихся въ одинаковомъ размѣрѣ по 1 ф. на чел. въ день. Между тѣмъ при крайне тяжелыхъ на нѣкоторыхъ пріискахъ земляныхъ работахъ и неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, для рабочаго одного обѣда изъ фунта мяса было недостаточно, особенно если принять въ соображеніе, что изъ солонины, заготовляемой до наступленія морозовъ на круглый годъ, не только не получается хорошаго навара, но и самыя порціи выходятъ незначительныя", и вслѣдствіе этого рабочіе „для поддержанія своихъ силъ выписываютъ изъ пріисковыхъ магазиновъ пшеничную муку, масло, чай, сахаръ и проч., затрачивая такимъ образомъ на добавочную пищу не мало изъ своей заработанной платы." Бар. Фредериксъ замѣтилъ также, что на частныхъ пріискахъ Нерчинскаго округа, несмотря на незначительность разстоянія нѣкоторыхъ изъ нихъ одинъ отъ другого, рабочихъ кормятъ весьма неодинаково: „на однихъ пріискахъ выдается рабочему въ сутки мяса $1^1/_2$ ф., хлѣба $4^1/_2$ ф. и чай, на другихъ мяса отъ 1 до $1^1/_4$ ф., хлѣба отъ $3^1/_2$ до 4 ф. и квасъ, а на иныхъ рабочіе

[1]) Во 2-мъ примѣчаніи 2538 ст. Горнаго Устава (изд. 1857 г.) сказано: „Въ 1850 г. постановлено правиломъ, съ строгимъ наблюденіемъ посредствомъ мѣстныхъ властей, чтобы въ черту пріисковъ горячіе напитки ввозились лишь въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ собственно для употребленія на порцію рабочимъ людямъ, опредѣливъ даже по усмотрѣнію главнаго мѣстнаго начальства самое количество, какое потребно будетъ по числу рабочихъ, и съ тѣмъ, чтобы на провозъ туда вина заводскія конторы получали особыя каждый разъ свидѣтельства губернаторовъ".

не получаютъ ни чая, ни квасу“ и, утоляя жажду во время лѣтнихъ работъ сырою водою, разстраиваютъ себѣ желудокъ. „Судя по частнымъ свѣдѣніямъ“, продолжаетъ бар. Фредериксъ, „нѣкоторыя изъ пріисковыхъ управленій допускали замѣну заработной платы разными продуктами и товарными вещами, съ наложеніемъ при отпускѣ ихъ рабочимъ значительныхъ на дѣйствительную стоимость процентовъ [1]), уменьшая этимъ и безъ того незначительный у большинства рабочихъ заработокъ вслѣдствіе невоздержности ихъ къ горячимъ напиткамъ. Наконецъ, бар. Фредериксъ упомянулъ въ своемъ циркулярѣ о томъ, что на двухъ пріискахъ во время работъ обваломъ земли задавило двухъ людей.

Бар. Фредериксъ нашелъ нужнымъ обратить вниманіе губернаторовъ Восточной Сибири на приведенные факты и просить ихъ внушить черезъ горныхъ исправниковъ уполномоченнымъ и управляющимъ пріисками необходимость болѣе внимательнаго съ ихъ стороны наблюденія за безопаснымъ производствомъ земляныхъ работъ подъ опасеніемъ за повтореніе несчастныхъ случаевъ отъ обваловъ земли строжайшаго взысканія по закону. Бар. Фредериксъ предписалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и окружнымъ горнымъ ревизорамъ преслѣдовать виновныхъ въ небрежномъ веденіи земляныхъ работъ на пріискахъ, но всѣ эти предписанія едва-ли достигали цѣли, такъ какъ въ это время не было даже выработано еще точныхъ правилъ о производствѣ пріисковыхъ работъ. Бар. Фредериксъ поручилъ также губернаторамъ предложить черезъ горныхъ исправниковъ золотопромышленникамъ, въ случаѣ неимѣнія свѣжаго мяса, выдавать рабочимъ солонину въ большемъ противъ перваго количествѣ, непремѣнно во время лѣтнихъ работъ снабжать ихъ для питья кирпичнымъ чаемъ или квасомъ и внимательно слѣдить, чтобы рабочимъ отпускали изъ пріисковыхъ магазиновъ только самые необходимые товары и припасы, не принадлежащіе къ предметамъ роскоши и притомъ по таксамъ, составляемымъ добросовѣстно и утверждаемымъ мѣстною горною полиціею. Горные исправники должны были заботиться и о томъ, чтобы рабочіе получали за свой трудъ условленное въ контрактѣ вознагражденіе деньгами и чтобы ихъ не принуждали брать вмѣсто денегъ товары и разные продукты изъ пріисковыхъ складовъ [2]).

[1]) Приводя этотъ фактъ изъ циркуляра бар. Фредерикса, газета „Сибирь“ прибавляетъ: „подобному способу расплаты одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ приписываетъ и частые побѣги рабочихъ.“ „Сибирь“ 1876 г., № 19, стр. 1—2.

[2]) „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1876 г., № 27; перепечатано въ книгѣ *Струкаловскаго* ч. I, стр. 123—133. Въ газетѣ „Сибирь“ (1877 г., № 1) появилось слѣдующее извѣстіе: „Вслѣдствіе циркуляра г. генералъ-губернатора о безпорядкахъ на золотыхъ пріискахъ главноуправляющіе пріисками Олекминской системы согласились увеличить дачу рабочимъ соленаго мяса на 1/4 ф., варить кашу вмѣсто двухъ по три раза въ недѣлю и лѣтомъ отпускать рабочимъ квасъ“.

Циркуляръ этотъ былъ полезенъ уже тѣмъ, что оффиціально подтверждалъ существованіе большихъ злоупотребленій относительно рабочихъ на нѣкоторыхъ пріискахъ, но онъ не могъ, конечно, достигнуть своей цѣли, такъ какъ имѣлъ характеръ скорѣе увѣщанія, чѣмъ обязательнаго постановленія. Въ этомъ скоро убѣдился и самъ бар. Фредериксъ, которому не далѣе, какъ въ слѣдующемъ году пришлось принять болѣе рѣшительныя мѣры.

Не прошло и полугода со времени опубликованія циркуляра 1876 г., какъ до бар. Фредерикса стали доходить свѣдѣнія о повтореніи на нѣкоторыхъ промыслахъ и въ операцію 1876 г. ранѣе замѣченныхъ безпорядковъ, причемъ ему указывали на то, что они опять главнымъ образомъ вызываются незаконною торговлею виномъ спиртоносами, съ которыми пріисковая казачья команда имѣла даже серьезное столкновеніе [1]). На пріискахъ одной компаніи начиналось даже волненіе, вызванное, по словамъ бар. Фредерикса, также дѣйствіями спиртоносовъ, для прекращенія котораго ему пришлось прибѣгнуть „къ особеннымъ экстреннымъ мѣрамъ“.

Въ виду этихъ фактовъ и другихъ полученныхъ имъ свѣдѣній о безпорядкахъ въ дѣлѣ частной золотопромышленности, бар. Фредериксъ нашелъ нужнымъ въ концѣ 1876 г. образовать особый временный комитетъ для внимательнаго обсужденія указанныхъ безпорядковъ и мѣръ къ ихъ искорененію. Познакомившись со всѣми имѣющимися по этому предмету данными, комитетъ поставилъ слѣдующіе вопросы, которые бар. Фредериксъ передалъ на разсмотрѣніе и заключеніе мѣстныхъ золотопромышленниковъ и ихъ уполномоченныхъ: 1) на какое разстояніе отъ золотыхъ промысловъ и ихъ резиденцій должны быть отнесены винные склады? 2) Не слѣдуетъ ли установить ежедневную выдачу винныхъ порцій пріисковымъ рабочимъ, въ какомъ размѣрѣ и на чей счетъ? Въ случаѣ установленія подачи порцій на счетъ золотопромышленника, чѣмъ замѣнить ихъ для рабочихъ, не пьющихъ вина? 3) Не должно ли установить нормы вознагражденія за подъемное золото особо по каждой системѣ? 4) Какую проектировать мѣру наказанія за противозаконный провозъ спирта въ округъ золотыхъ промысловъ, а въ особенности за промѣнъ его на шлиховое золото? 5) Не слѣдуетъ ли исходатайствовать увеличенія вознагражденія за открытіе хищническаго золота? 6) „Такъ какъ правительство, освободивъ золотопромышленниковъ отъ процентной подати съ золота, взимавшейся до 1877 г. въ доходъ казны [2]) и сдѣлавъ имъ такимъ образомъ громадное облегченіе,

[1]) См. „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1876 г. № 71.

[2]) Процентная подать съ золота не взималась въ 1877—1880 гг. *Штофъ*. „Горныя подати на Западѣ Европы и у насъ“. „Горн. Журн.“ 1889 г. № 10, стр. 143—144.

въ правѣ требовать, чтобы промышленники позаботились съ своей стороны о благосостояніи многочисленнаго класса" пріисковыхъ рабочихъ, „то чѣмъ именно возможно улучшить положеніе рабочихъ не только во время работъ, но и въ пути слѣдованія на пріиски и обратно? (напримѣръ: увеличеніемъ дачи говядины до $1^1/_2$ ф. въ день на человѣка и выдачею чая съ масломъ, а въ пути — даровыми помѣщеніями и отпускомъ пищи по таксѣ съ умѣренными цѣнами)".

Изъ отвѣтовъ, полученныхъ на эти вопросы отъ золотопромышленниковъ и ихъ уполномоченныхъ, оказалось слѣдующее: 1) За необходимость удаленія винныхъ складовъ отъ золотыхъ промысловъ и ихъ резиденцій на значительное разстояніе высказались почти всѣ золотопромышленники, но при этомъ большинство голосовъ, опредѣлившихъ minimum этого разстоянія въ 50 верстъ, признало неизбѣжнымъ вовсе прекратить торговлю виномъ по рѣкѣ Ленѣ между городами Киренскомъ и Олекминскомъ. 2) Большинство голосовъ высказалось за подачу рабочимъ винныхъ порцій по $^1/_{100}$ ведра каждому на счетъ золотопромышленниковъ съ замѣною этихъ порцій для людей, непьющихъ вина, выдачею извѣстнаго количества, соотвѣтственной стоимости, масла, сахару и чаю, но только одни изъ этого большинства предлагали производить выдачу винныхъ порцій ежедневно, а другіе—по усмотрѣнію пріисковыхъ управленій. 3) Относительно нормы вознагражденія за подъемное золото высказаны были весьма разнообразныя мнѣнія, но minimum вознагражденія былъ указанъ въ 1 руб. 44 к. 4) Вознагражденіе за открытіе хищническаго золота большинствомъ голосовъ было признано необходимымъ увеличить до 2 руб. за золотникъ, съ распространеніемъ этого вознагражденія, какъ на частныхъ лицъ, такъ и на состоящихъ на государственной службѣ. 5) Большинство голосовъ изъявило согласіе на выдачу рабочимъ на промыслахъ говядины по $1^1/_2$ ф. въ день на чел. и на безплатное снабженіе ихъ въ пути не только хлѣбомъ и сухарями, но также чаемъ и приваркомъ при проходѣ отъ резиденціи до пріисковъ, а при возвращеніи оттуда по таксѣ съ тѣмъ, чтобы хлѣбъ и сухари отпускались также безплатно.

Обо всемъ этомъ бар. Фредериксъ объявилъ въ циркулярѣ отъ 22 апрѣля 1877 г., напечатанномъ въ „Иркут. Губерн. Вѣдом.", причемъ выразилъ золотопромышленникамъ и ихъ уполномоченнымъ „признательность за сочувствіе къ пріисковымъ рабочимъ и за готовность помочь имъ" и выразилъ надежду, „что и всѣ прочіе владѣльцы золотыхъ промысловъ Восточной Сибири и ихъ уполномоченные, не имѣвшіе возможности принять личнаго участія въ разсмотрѣніи возбужденныхъ комитетомъ вопросовъ, отнесутся къ положенію пріисковыхъ рабочихъ такъ же сочувственно, какъ и ближайшіе промышленники". Заявленіе, сдѣланное золотопромышленниками на нѣкоторые вопросы

комитета, говоритъ бар. Фредериксъ, „вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе мое, выраженное“ въ циркулярѣ 1876 г., „о необходимости въ видахъ собственной пользы золотопромышленниковъ подачи рабочимъ винныхъ порцій въ достаточномъ количествѣ и увеличенія вознагражденія за подъемное золото съ улучшеніемъ пищевого довольствія“. Выражая надежду, что золотопромышленники будутъ болѣе, чѣмъ прежде, заботиться объ улучшеніи быта пріисковыхъ рабочихъ, бар. Фредериксъ ставилъ имъ на видъ, что для этого дана имъ и полная возможность дарованнымъ правительствомъ громаднымъ облегченіемъ—отмѣною процентной подати съ золота, на счетъ которой относились всѣ издержки по содержанію управленія частною золотопромышленностью и особаго полицейскаго надзора на пріискахъ, доходящія до 168 тысячъ руб. въ годъ, которыя теперь падаютъ на счетъ государственнаго казначейства. Бар. Фредериксъ обѣщалъ возобновить ходатайство передъ правительствомъ объ отнесеніи винныхъ складовъ отъ золотыхъ промысловъ и ихъ резиденцій по крайней мѣрѣ на 50-верстное разстояніе и ходатайствовать „въ свое время“ объ увеличеніи вознагражденія за открытіе хищническаго золота до 2 руб. за золотникъ съ распространеніемъ этого вознагражденія на лицъ, состоящихъ на государственной службѣ.

Желая немедленно привести въ исполненіе одобренныя имъ предположенія золотопромышленниковъ, не требующія сношеній съ министерствами и другими правительственными учрежденіями, бар. Фредериксъ предписалъ горнымъ исправникамъ предложить всѣмъ золотопромышленникамъ и ихъ уполномоченнымъ, чтобы пріисковые рабочіе съ наступающей же операціи снабжались говядиною въ размѣрѣ, признанномъ необходимымъ большинствомъ лицъ, заинтересованныхъ въ золотопромышленномъ дѣлѣ, „а именно по $1^1/_2$ ф. въ день на чел. съ выдачею въ пути отъ резиденцій и другихъ ближайшихъ жилыхъ мѣстъ до пріисковъ и обратно того пищевого довольствія“, какое этимъ большинствомъ также признано необходимымъ, „чтобы рабочимъ отпускались достаточныя для подкрѣпленія силъ винныя порціи, въ особенности въ ненастное время“ съ выдачею взамѣнъ этихъ порцій непьющимъ вина рабочимъ соотвѣтственнаго количества масла, чая и проч., за исключеніемъ предметовъ роскоши, или съ занесеніемъ въ разсчетные листы денежной стоимости винныхъ порцій тѣмъ изъ рабочихъ, которые отъ нихъ откажутся, и чтобы за подъемное золото выдавалось увеличенное вознагражденіе, наименьшій размѣръ котораго опредѣленъ экспертами изъ золотопромышленниковъ въ 1 руб. 44 к. за золотникъ. Наблюденія за исполненіемъ этого распоряженія бар. Фредериксъ возложилъ на горныхъ исправниковъ [1]).

[1]) „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1877 г., № 34 или сборникъ *Струкаловскаго*, ч. I, стр. 142—149.

Циркуляры Синельникова и бар. Фредерикса показываютъ, что мѣстная администрація обратила въ 70-хъ гг. вниманіе на положеніе пріисковыхъ рабочихъ, но законодательная дѣятельность по этому предмету въ разсматриваемое время, послѣ изданія новаго Устава о золотопромышлнности, была крайне недостаточна. Мы видѣли какъ несовершенны были постановленія этого Устава относительно пріисковыхъ рабочихъ, и однако его недостатки исправлены не были.

Министръ финансовъ, препровождая въ 1870 г. генералъ-губернатору Восточной Сибири новый Уставъ о золотопромышленности, между прочимъ, сообщилъ о Высочайшемъ повелѣніи допустить частную золотопромышенность въ областяхъ Амурской и Приморской и въ туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ на основаніи новаго Устава съ тѣми измѣненіями, какія могутъ быть признаны необходимыми по мѣстнымъ условіямъ по соглашенію мѣстнаго начальства съ министерствомъ финансовъ. Вслѣдствіе этого у военныхъ губернаторовъ Амурской и Приморской областей были затребованы свѣдѣнія.

Между тѣмъ Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири зимою 1870—71 г. разсматривалъ вопросъ о продленіи годового срока найма рабочихъ на пріиски Амурской области до 2 лѣтъ и оставленіи рабочихъ по окончаніи работъ на Амурѣ. Въ заключеніи своемъ, утвержденномъ генералъ-губернаторомъ Синельниковымъ въ апрѣлѣ 1871 г., Совѣтъ принялъ во вниманіе, что разрѣшеніе найма на 2 года могло бы поставить рабочихъ въ полную зависимость отъ золотопромышленниковъ, что правилами объ амурской золотопромышленности разрѣшенъ наемъ на золотые промысла китайцевъ, которые отличаются трудолюбіемъ и спокойствіемъ, что кромѣ нихъ можно нанимать еще и корейцевъ, съ охотою переселяющихся въ Южноуссурійскій край и что по окончаніи годового срока найма золотопромышленники могутъ тотчасъ же возобновлять условія съ рабочими. Въ виду всего этого Совѣтъ Главнаго Управленія остался при прежнемъ заключеніи, которое онъ высказывалъ еще въ журналѣ 6 февраля—20 марта 1870 г. и не нашелъ основанія ходатайствовать о дозволеніи нанимать рабочихъ на амурскіе золотые промысла на 2 года. По вопросу объ оставленіи рабочихъ по окончаніи работъ въ Амурской области Совѣтъ Главнаго Управленія остался также при своемъ мнѣніи, что если послѣ 10 сентября будутъ оставаться на Амурѣ только рабочіе, вновь нанятые на золотые промысла, а также и тѣ, которые найдутъ себѣ заработокъ по селеніямъ и казачьимъ станицамъ Амурской области, „то затрудненія, предвидѣнныя отъ праздно остающагося простого народа, устранятся сами собою, при чемъ, конечно, ненашедшіе себѣ работы на пріискахъ и по селеніямъ области должны быть обращаемы къ мѣстамъ своего постояннаго жительства“.

Военный губернаторъ Амурской области генералъ-маіоръ Педашенко въ своемъ донесеніи отъ 16 ноября 1873 г., между прочимъ, писалъ, „что, сообразивъ просьбы золотопромышленниковъ объ измѣненіи Устава съ дѣйствительною необходимостью, согласно мѣстнымъ условіямъ, онъ находитъ, что необходимо продлить срокъ найма рабочихъ на промысла Амурской и Приморской областей до 2 лѣтъ. По поводу возраженій противъ этой мѣры Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири онъ замѣтилъ: 1) что подданнымъ Китайской имперіи, живущимъ по близости Амурской области, ихъ начальство не разрѣшаетъ наниматься; 2) корейцы не выносятъ тяжелыхъ работъ на пріискахъ; 3) возобновить тотчасъ же договоръ найма по окончаніи годового срока паспорта золотопромышленникамъ крайне трудно въ виду требованій 2251 ст. X т. Гр. Зак. ч. I. [1]), которыя на пріискѣ почти невыполнимы по дальности разстоянія золотыхъ промысловъ отъ мѣстъ наемки рабочихъ, разсчитывать же на полный порядокъ въ дѣлопроизводствѣ волостныхъ правленій при настоящей степени развитія крестьянскаго населенія невозможно“ и 4) закабаленіе рабочихъ зависитъ, по мнѣнію Педашенко, не отъ срока найма, а отъ того, въ какой степени мѣстная полиція исполняетъ свои обязанности.

Разсмотрѣвъ донесеніе военнаго губернатора Амурской области, Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири въ мартѣ 1874 г. на этотъ разъ согласился ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о продленіи срока найма рабочихъ на пріиски Амурской и Приморской областей до 2 лѣтъ и кромѣ того, согласно мнѣнію г.-м. Педашенко, Совѣтъ нашелъ нужнымъ еще разъ ходатайствовать (предъ министромъ государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніе котораго съ 1874 г. поступило горное управленіе) о запрещеніи открытія питейныхъ заведеній и оптовыхъ складовъ. Совѣтъ Главнаго Управленія призналъ также необходимымъ просить нашего посланника въ Пекинѣ, чтобы онъ вошелъ въ сношеніе съ китайскимъ правительствомъ объ отмѣнѣ запрещенія китайцамъ наниматься на пріиски и о дозволеніи нанимать туда же и манджуръ.

Въ 1875 г. министерство государственныхъ имуществъ внесло въ государственный совѣтъ представленіе о дозволеніи сибирскимъ крестьянамъ, мѣщанамъ и ссыльно-поселенцамъ наниматься на золотые промысла Амурской и Приморской областей на сроки до 2 лѣтъ, что и было дозволено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта

---

[1]) „Сибирскій поселенецъ или крестьянинъ нанимающійся въ работу, долженъ имѣть дозволеніе отъ мірского общества того селенія, въ коемъ онъ состоитъ. Дозволеніе сіе дается не болѣе, какъ на одинъ годъ, а потомъ можетъ быть возобновлено; оно должно быть явлено и записано въ волостномъ правленіи“.

въ началѣ 1876 г. съ тѣмъ, чтобы при выдачѣ паспорта ссыльно-поселенцамъ, нанимаемымъ на промыслы этихъ областей, подати съ нихъ взыскивались за все время разрѣшенной имъ отлучки и чтобы сборы съ золотопромышленниковъ взимались въ двойномъ количествѣ, если срокъ найма ссыльно-поселенца будетъ болѣе года [1]).

Увольняемымъ на сибирскіе золотые промыслы крестьянамъ и мѣщанамъ выдавались паспорты, которые, по прибытіи на пріискъ, они отдавали золотопромышленникамъ и получали отъ нихъ разсчетные листы. Такъ какъ при такомъ порядкѣ для рабочихъ оказывалось возможнымъ наниматься сразу къ нѣсколькимъ золотопромышленникамъ, получать въ значительныхъ размѣрахъ задатки и затѣмъ совсѣмъ не являться на работу, то генералъ-губернаторъ Восточной Сибири призналъ необходимымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы рабочіе, нанимающіеся на пріиски, по полученіи паспортовъ, оставляли ихъ у нанимателей, а эти послѣдніе взамѣнъ того выдавали засвидѣтельствованные городскими и сельскими властями печатные на гербовой бумагѣ виды для слѣдованія къ мѣсту назначенія. По всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ Государь соизволилъ въ 1879 г. на утвержденіе этого распоряженія [2]).

Объ указанныя законодательныя мѣры были вызваны потребностями золотопромышленниковъ, потребности же рабочихъ пока вызывали вниманіе лишь мѣстной администраціи [3]).

Въ 1878 г. въ горномъ департаментѣ была составлена новая форма годовыхъ отчетовъ по дѣламъ частной золотопромышленности, представляемыхъ министру государственныхъ имуществъ и въ горный департаментъ горнымъ отдѣленіемъ Главнаго Управленія Восточной Сибири и алтайскимъ горнымъ правленіемъ; по этой формѣ требовалось сообщеніе многихъ статистическихъ свѣдѣній и относительно рабочихъ;

---

[1]) Арх. Горн. Департ., отд. частн. золотопр., № 650/68, ч. II, л. 152—174 и по описи всеподд. докладовъ 1875 г. № 34; „Сборникъ главнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ по управленію Восточною Сибирью, изд. по распоряженію генералъ-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина“, т. VII, Иркут. 1884 г., стр. 108—122; 2-е П. С. З. т. 52, № 57223.

[2]) П. С. З. т. LIV, № 59863.

[3]) Упомянемъ еще объ одномъ правительственномъ распоряженіи. Въ новомъ Уставѣ о частной золотопромышленности нѣтъ никакихъ постановленій относительно обязанностей жандармскихъ штабъ-офицеровъ Енисейской и Иркутской губ. по надзору за частными золотыми промыслами. Но такъ какъ на пріискахъ въ началѣ 70-хъ годовъ находились среди служащихъ и рабочихъ политическіе преступники (поляки, сосланные за возстаніе 1863 г.), то генералъ-губернаторъ Восточной Сибири вошелъ съ представленіемъ объ оставленіи тамъ жандармскаго надзора на прежнемъ основаніи. По докладу министра финансовъ, Государь въ январѣ 1871 г. на это соизволилъ. Арх. Горн. Департ. по описи всеподд. докладовъ 1871 г. № 21.

отчеты по ней стали составляться съ 1879 г. Хотя эти отчеты и не во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаютъ довѣрія, но во всякомъ случаѣ важно, что центральная администрація выразила желаніе подробнѣе ознакомиться съ положеніемъ пріисковыхъ рабочихъ. Это повліяло и на мѣстную администрацію. Въ 1880 г. Главное Управленіе Восточной Сибири разослало горнымъ исправникамъ и горнымъ ревизорамъ программы для ихъ годовыхъ отчетовъ, въ которыхъ относительно рабочихъ требовалось сообщить свѣдѣнія еще болѣе подробныя, чѣмъ для отчетовъ въ горный департаментъ [1]).

Въ 1880 г. въ „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ были опубликованы „для неупустительнаго руководства и исполненія въ видѣ опыта“ правила о производствѣ земляныхъ работъ на золотыхъ пріискахъ, составленныя для промысловъ Восточной Сибири по распоряженію пресѣдательствовавшаго въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири генералъ-лейтенанта Шелашникова. При производствѣ работъ предписывалось руководствоваться слѣдующими правилами относительно рабочихъ: 1) запрещалось назначать въ какія бы то ни было работы въ ортахъ (подземныя работы) мальчиковъ моложе 14 лѣтъ, а женщинъ и дѣвушекъ какого бы то ни было возраста. 2) Работа мальчиковъ не моложе 10 лѣтъ, женщинъ и дѣвушекъ въ открытыхъ разрѣзахъ и вообще на поверхности земли опредѣляется условіями между нанимающимися и нанимателями. 3) Ночныя работы, съ 9 ч. веч. до 5 ч. у., для мальчиковъ, женщинъ и дѣвушекъ не допускаются. 4) Въ каждый періодъ рабочаго времени, продолжающійся не менѣе 5 ч., долженъ быть перерывъ для пріема пищи не менѣе, какъ на полчаса и не менѣе полутора часа при 8-часовой работѣ. 5) Не должно допускать къ присмотру за дѣйствующими механизмами и машинами на пріискахъ мужчинъ моложе 18 лѣтъ, погонщиковъ же при лошадяхъ моложе 12 лѣтъ. 6) Всѣ подземныя работы, когда на нихъ задолжается болѣе 25 чел., должны быть подъ ближайшимъ и отвѣтственнымъ наблюденіемъ уставщиковъ или смотрителей работъ. 7) Высота песковаго забоя не должна быть болѣе 2 арш. Въ томъ случаѣ, если горнымъ ревизоромъ будутъ найдены при исполненіи работъ существенныя упущенія, послѣдствіемъ которыхъ можетъ быть вредъ или опасность для рабочихъ, владѣлецъ или управляющій пріискомъ, независимо отъ исполненія указаній ревизора, обязаны по его требованію замѣнить уставщика или смотрителя работъ другимъ болѣе знающимъ и способнымъ. Въ концѣ этихъ правилъ указаны взысканія за ихъ нарушенія, но такъ какъ эти послѣднія мѣры

[1]) „Сборн. главнѣйшихъ оффиц. докум. по управленію Восточной Сибирью“. Изд. по распор. генер.-губер. Вост. Сиб. Д. Г. Анучина, т. VII, вып. I. Иркут. 1884 г., стр. 319—327, 330—347, 360—362.

подлежали утвержденію въ законодательномъ порядкѣ, то генералъ-лейтенантъ Шелашниковъ представилъ ихъ министру государственныхъ имуществъ, но онѣ не были утверждены [1]).

Въ 1879 г. генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Анучинъ. При отправленіи его на этотъ постъ иркутскій голова Катышевцевъ представилъ ему записку, въ которой, между прочимъ, касался и золотопромышленности. Хотя авторъ ея самъ былъ прежде золотопромышленникомъ, тѣмъ не менѣе онъ описываетъ положеніе рабочихъ на пріискахъ Олекминскаго округа весьма мрачными красками. Катышевцевъ предлагаетъ слѣдующія мѣры для улучшенія положенія рабочихъ: 1) Учредить въ Иркутскѣ одну общую контору для найма рабочихъ, въ которую съ каждаго пріиска заблаговременно заявляли бы, сколько нужно рабочихъ и къ какому времени ихъ доставить. Съ учрежденіемъ такой конторы рабочіе также знали бы, куда имъ обращаться съ предложеніемъ своего труда и препровождались бы на мѣсто работъ партіями за присмотромъ довѣреннаго отъ конторы и отъ правительства. Задатки выдавались бы конторой въ размѣрахъ дѣйствительно необходимыхъ для удовлетворенія неотложныхъ нуждъ ищущихъ работы—для уплаты податей, пріобрѣтенія одежды и пр., и путешествіе рабочихъ на пріиски совершалось бы въ большемъ порядкѣ, чѣмъ теперь. 2) Пищу улучшить и расходовать на нее вдвое болѣе, чѣмъ теперь. Это было бы выгодно и для самихъ золотопромышленниковъ, такъ такъ рабочіе, получая улучшенное довольствіе и винную порцію, не стали бы продавать золото спиртоносамъ и съ бо́льшимъ стараніемъ исполняли бы уроки. 3) Устроить для рабочихъ помѣщенія, удовлетворяющія требованіямъ гигіены. 4) Для завѣдыванія больницами, которыя слѣдуетъ обставить на подобіе городскихъ, пригласить знающихъ свое дѣло докторовъ. 5) Неспособныхъ къ работамъ отправлять съ пріисковъ на лошадяхъ въ пріюты, которые необходимо устроить въ извѣстномъ количествѣ по ленскому тракту и поручить завѣдыванію волостного начальства. 6) Установить съ общаго согласія золотопромышленниковъ однообразную таксу безъ наложенія процентовъ на товары и припасы въ хозяйскихъ магазинахъ. 7) Условиться относительно заработной платы рабочимъ и за старательскія работы, при чемъ уроки назначать добросовѣстно. 8) Учредить вспомогательную кассу для рабочихъ [2]).

---

[1]) „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ 1880 г. №№ 11 и 12; перепечатано (кромѣ отдѣла о взысканіяхъ) въ книгѣ *Л. Розанова* „Сводъ дѣйствующихъ узаконеній о частной золотопромышленности въ Россіи“. Спб. 1883 г., стр. 87—94; ср. изд. 2-е 1891 г., стр. 99—101.

[2]) „Восточ. Обозр.“ 1882 г., № 12, стр. 6—7.

Въ мартѣ 1880 г. нѣкоторые золотопромышленники подали генералъ-губернатору Восточной Сибири записку по вопросу о подати съ золота, въ которой было, между прочимъ, сказано, что „положеніе многочисленнаго рабочаго на промыслахъ сословія, мы должны въ томъ сознаться, требуетъ существеннаго улучшенія“ [1]).

Въ предписаніи, данномъ окружнымъ ревизорамъ въ маѣ 1881 г., генералъ-губернаторъ Анучинъ, между прочимъ, просилъ ихъ представить свое мнѣніе относительно изысканія мѣръ къ тому, чтобы зарабатываемыя рабочими деньги не употреблялись на разгулъ, а поступали бы въ ихъ семьи на улучшеніе хозяйства. Черезъ годъ предсѣдательствующій въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири генералъ-лейтенантъ Педашенко подтвердилъ окружнымъ ревизорамъ, чтобы они обратили вниманіе на „отсутствіе твердыхъ отношеній между золотопромышленниками, ихъ довѣренными и служащими съ одной стороны и рабочими съ другой“, на „обираніе возвращающихся съ пріисковъ рабочихъ разными аферистами и виноторговцами“ и на „изысканіе мѣръ, чтобы заработанныя деньги не употреблялись на разгулъ“. „Изъ отчетовъ горныхъ исправниковъ Олекминской и Енисейской системъ“, говоритъ Педашенко, „усматривается, что несчастные случаи при горныхъ работахъ далеко не такъ рѣдки, чтобы не обратить на нихъ особенное вниманіе“. Однако, еще черезъ годъ, въ маѣ 1883 г., генералъ-губернатору Восточной Сибири пришлось вновь подтверждать окружнымъ ревизорамъ относительно внимательнаго изслѣдованія причинъ несчастныхъ случаевъ на пріискахъ; что касается продолжавшейся работы несовершеннолѣтнихъ, на которую обратилъ вниманіе Педашенко, то генералъ-лейтенантъ Анучинъ счелъ необходимымъ, чтобы въ непродолжительномъ времени были выработаны наставленія о порядкѣ употребленія въ работы малолѣтнихъ соотвѣтственно ихъ возрасту и разнымъ мѣстнымъ условіямъ, для чего онъ и просилъ представить ему не позже 1 ноября свѣдѣнія и соображенія, необходимыя для установленія такихъ правилъ [2]).

Въ циркулярѣ отъ 22 февраля 1883 г. начальникамъ губерній и областей Восточной Сибири генералъ-лейтенантъ Анучинъ объявилъ, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ „на нѣкоторыхъ частныхъ золотыхъ пріискахъ Восточной Сибири продолжаютъ повторяться различные безпорядки и злоупотребленія. Свѣдѣнія, полученныя генералъ-гу-

[1]) Труды Комитета, учрежденнаго генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири 29 октября 1880 г. по вопросамъ золотопромышленности“. Вып. I-й. Сборникъ матеріаловъ. Иркут. 1880 г., стр. 29.

[2]) „Приложеніе первое къ вып. I Сборника главнѣйш. оффиц. документовъ по управл. Восточн. Сиб.“ Печат. по распор. Д. Г. Анучина, т. VII, Иркут. 1884 г., стр. 4—14.

бернаторомъ, указывали прежде всего на различныя нарушенія закона, допускаемыя пріисковою полиціею, такъ напр. оказалось: „что заведенный однимъ горнымъ исправникомъ особый штрафной журналъ... и выданный завѣдывающему полицейскою частью на пріискѣ, никогда и никѣмъ не былъ ревизуемъ; что записанныя въ этотъ журналъ наказанія за маловажные проступки налагались всегда на рабочихъ по личному усмотрѣнію пріисковой полиціи, а часто даже по заявленіямъ служащихъ промысловаго управленія, безъ всякаго участія партіонной расправы; что при назначеніи наказанія рабочимъ пріисковая полиція не руководствовалась подлежащими законами и подвергала даже тѣлесному наказанію" (полноправныхъ рабочихъ?), „и кромѣ того практиковалось также заключеніе рабочихъ на хлѣбъ и на воду даже до 9 сутокъ; что по нѣкоторымъ уголовнымъ преступленіямъ пріисковая полиція, какъ видно изъ упомянутаго штрафного журнала, не производила надлежащаго изслѣдованія для привлеченія виновныхъ къ законной отвѣтственности, а назначала имъ произвольныя наказанія по личному своему воззрѣнію, какъ, напр., одинъ крестьянинъ за кражу часовъ во время пожара былъ выдержанъ подъ арестомъ 6 сутокъ, и что пріисковая полиція оставляетъ безъ разслѣдованія даже такія происшествія объ увѣчьяхъ, причиненныхъ рабочимъ при производствѣ работъ, отъ которыхъ черезъ нѣсколькой дней послѣдовала смерть". Между тѣмъ, продолжаетъ ген.-лейт. Анучинъ, законом и распоряженіями правительства установлено, чтобы пріисковые рабочіе за маловажные проступки подвергались наказаніямъ по приговорамъ партіонной расправы, чтобы горные исправники не подвергали тѣлесному наказанію рабочихъ, если они не изъ ссыльно-поселенцевъ; чтобы ссыльно-поселенцы за преступленія и проступки, подлежащіе по общимъ законамъ наказанію, не восходящему до заключенія въ рабочемъ домѣ, и признаваемые въ отношеніи къ ссыльно-поселенцамъ маловажными (803 ст. Уст. о ссыльн.), подвергались наказанію болѣе или менѣе строгому въ предѣлахъ, указанныхъ 804 ст. Уст. о ссыльн. по непосредственному усмотрѣнію и распоряженію мѣстнаго начальства, но съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ 838 ст. того же закона [1]) и чтобы заключеніе пріисковыхъ рабочихъ на хлѣбъ и на воду отнюдь не практиковалось (см. выше разъясненія сената въ указѣ по 1-му департаменту 9 апрѣля 1875 г.).

Генералъ-губернаторъ обратилъ также вниманіе на неисполненіе

[1]) А именно, наказаніе „розгами до 30 ударовъ и заключеніе подъ стражу или употребленіе въ городскую или сельскую общественную работу на время до 7 дней опредѣляются виновнымъ окончательно и приводятся въ исполненіе: въ селеніяхъ—волостными правленіями, земскими засѣдателями или мѣстными смотрителями; наказаніе розгами свыше 30 ударовъ или отдача въ работу или заключеніе на срокъ долѣе 7 дней могутъ быть приведены въ дѣйствіе не иначе, какъ съ разрѣшенія полиціи".

правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промысла. Оказалось, что въ контрактахъ, заключаемыхъ съ рабочими, нерѣдко, вопреки закону, не называется пріискъ, на который нанимается рабочій, а также не указывается опредѣленно и самый родъ работъ, и что пріисковыя управленія, взявшись доставить рабочихъ на пріискъ за условленную плату, потомъ вносятъ ее въ разсчетные листы въ увеличенномъ размѣрѣ и прочее.

Въ заключеніе генералъ-губернаторъ просилъ начальниковъ губерній и областей объявить горнымъ исправникамъ, что они должны позаботиться объ учрежденіи на промыслахъ партіонныхъ расправъ (какъ это разъяснено уже журналомъ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири 24 августа 1878 г.), рѣшенію которыхъ подлежатъ по закону и ссыльно-поселенцы, и предписать окружнымъ полицейскимъ управленіямъ выдавать штрафныя книги для записыванія въ нихъ исполненныхъ приговоровъ партіонной расправы и наказаній, налагаемыхъ на ссыльно-поселенцевъ самими горными исправниками съ тѣмъ, чтобы книги эти подвергались своевременно ревизіи полицейскихъ управленій [1]).

Въ томъ же 1883 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири обратилъ вниманіе на выдачу рабочимъ вина на пріискахъ. Въ циркулярѣ отъ 28 іюня начальникамъ губерній и областей онъ говоритъ: „Изъ дѣлъ Главнаго Управленія Восточной Сибири усматривается, что на нѣкоторыхъ золотыхъ пріискахъ, кромѣ порцій, водка рабочимъ отпускается на отливъ и даже въ значительныхъ размѣрахъ. Отъ такого порядка выдачи на отливъ, порождающаго между рабочими взаимную торговлю ею, является пьянство, влекущее за собою не только уменьшеніе заработковъ, но и разнаго рода преступленія“. Генералъ-губернаторъ просилъ, чтобы горные исправники строго и неуклонно наблюдали за точнымъ исполненіемъ закона, разрѣшающаго выдачу водки рабочимъ только въ порцію, чтобы винныя порціи отпускались только тѣмъ рабочимъ, которымъ онѣ назначены пріисковымъ управленіемъ безъ права передачи другому лицу, чтобы онѣ не уносились въ казармы или вообще на сторону и чтобы размѣръ суточной выдачи вина не превышалъ двухъ сотыхъ ведра водки одному человѣку. Правила эти генералъ-губернаторъ приказалъ напечатать и разослать горнымъ исправникамъ съ тѣмъ, чтобы они были вывѣшены въ казармахъ рабочихъ, пріисковыхъ магазинахъ и вообще на самыхъ видныхъ мѣстахъ. Дневная порція вина была опредѣлена въ нихъ такимъ образомъ: не болѣе „двухъ сотыхъ ведра водки въ 40° на полугаръ“.

---

[1]) „Сборн. главнѣйш. оффиц. докум. по управ. Восточ. Сиб.“ Изд. по распор. Д. Г. Анучина, т. VII, вып. I, Иркут. 1884 г., стр. 424—431.

Въ тотъ же день, 28 іюня 1883 г., генералъ-губернаторъ Анучинъ далъ еще другое, болѣе подробное предписаніе по тому же предмету, въ которомъ говоритъ: устройство питейныхъ заведеній ближе 50 вер. отъ золотыхъ пріисковъ воспрещено, относительно же ввоза вина на пріиски закономъ и основанными на немъ распоряженіями правительства постановлено: чтобы въ черту пріисковъ крѣпкіе напитки ввозились лишь въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, собственно для употребленія на порцію рабочимъ людямъ; чтобы ввозъ вина на пріиски не превышалъ одного ведра на каждаго рабочаго въ годъ; чтобы ввозимое вино употреблялось собственно на порціи рабочимъ, въ видѣ улучшенія ихъ содержанія, а отнюдь не на продажу (распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири 28 августа 1850 г. и подтвержденіе его въ циркулярѣ 13 марта 1873 г.) и чтобы золотопромышленники не давали рабочимъ вина въ счетъ платы и не дозволяли себѣ держать его въ неограниченномъ количествѣ. „Между тѣмъ изъ дѣлъ Главнаго Управленія Восточной Сибири усматривается..., что нѣкоторыми промысловыми управленіями расходовалось на каждаго пріисковаго рабочаго въ операцію до трехъ ведеръ спирта..., что кромѣ порціи промысловое управленіе отпускало рабочимъ водку на отливъ даже цѣлыми бутылками; что водка, въ видѣ вознагражденія, отпускалась рабочимъ въ дополненіе къ установленной платѣ за подъемное золото...; что однимъ пріисковымъ управленіемъ покупалось на водку и самое золото“. Однако, генералъ-губернаторъ находилъ и смягчающія обстоятельства относительно этихъ нарушеній золотопромышленниками существующихъ правилъ: золотопромышленники отступаютъ отъ установленныхъ правилъ по ввозу и расходованію вина главнымъ образомъ для устраненія хищничества золота, противъ котораго всѣ мѣры оказываются безсильными. Развитію его сильно способствуютъ спиртоносы „или же, подъ предлогомъ поисковъ, развѣдки и разработки золотосодержащихъ розсыпей. Личности послѣдней категоріи считаются самыми опасными, такъ какъ, поселившись вблизи богатыхъ пріисковъ на мѣстности, занятой ими подъ пріискъ, и получивъ свидѣтельство на провозъ спирта“, привозятъ его „въ неограниченномъ размѣрѣ и затѣмъ, сдѣлавъ соотвѣтственную обстановку для тайнаго скупа хищническаго золота, пріобрѣтаютъ послѣднее на спиртъ, почти всегда ускользая отъ законнаго преслѣдованія. При этомъ нельзя не замѣтить, что успѣшной покупкѣ золота немало помогаетъ и недостаточная выдача пріисковыми управленіями рабочимъ водки въ порцію. Поэтому для удержанія всего находимаго рабочими золота въ рукахъ пріисковыхъ владѣльцевъ, довѣренныя отъ нихъ лица старались прибѣгать къ разнымъ средствамъ, и такъ какъ одно увеличеніе платы за подъемное золото оказалось мѣрою недѣйствительною, то они и стали выдавать рабочимъ за каждые 3 золотн. сдаваемаго ими металла, сверхъ установленной денежной платы, еще, въ видѣ награды, по одной сотой ведра водки. А какъ на нѣкоторыхъ пріискахъ рабочія артели находили золото до 30 и болѣе золотн. въ день и какъ употребленіе за одинъ разъ всего причитающагося имъ за сданное золото вина невозможно, то и установили отпускъ водки на отливъ даже цѣлыми бутылями... По всѣмъ выше изъясненнымъ причинамъ общій годовой расходъ спирта простирается... собственно на пріисковыхъ рабочихъ до двухъ ведеръ на каждаго годового работника, а со включеніемъ того количества вина, которое расходуется на служащихъ, казачью команду, разныхъ поставщиковъ и возчиковъ отъ $2^1/_2$ до 3 вед. спирта въ 80° на пріисковаго работника, вмѣсто установленнаго въ 1850 г. одного ведра собственно на лѣтняго рабочаго.

„Имѣя въ виду, что въ лѣтній періодъ рабочихъ на пріискахъ бываетъ въ $2^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ въ зимній, вслѣдствіе чего средняя цифра рабочихъ въ годъ

(годовыхъ работниковъ) составляетъ только 70% лѣтнихъ; что тѣ обстоятельства и условія, при которыхъ установлена въ 1850 г. норма для ввоза вина на пріиски, съ теченіемъ времени сильно измѣнилась; что въ дѣлахъ Главнаго Управленія не только не содержится никакихъ указаній на соблюденіе установленной въ 1850 г. нормы для ввоза вина на пріиски, но, напротивъ того, изъ сообщенныхъ золотопромышленниками свѣдѣній усматривается, что количество ввозимаго на пріиски вина всегда превышало установленную норму; что при трудной, особенно ортовой работѣ, нерѣдко въ сырости и на дождѣ или зимою при сильномъ морозѣ выдача рабочему двухъ сотыхъ ведра водки въ день, не опьяняя, производитъ подкрѣпляющее на его здоровье дѣйствіе; что употребленіе водки въ размѣрѣ до полуторыхъ сотыхъ (трехъ рюмокъ) ведра въ день лицомъ, даже не занятымъ физическимъ трудомъ, считается въ обыкновенномъ быту совершенно умѣреннымъ; что умѣренная выдача рабочимъ водки признается полезною и всѣми бывшими на пріискахъ врачами; что несогласный съ дѣйствительною потребностью ввозъ крѣпкихъ напитковъ въ черту золотыхъ пріисковъ и недостаточное удовлетвореніе рабочихъ винными порціями ведетъ къ развитію спиртоносничества и тайной торговли золотомъ", генералъ-губернаторъ Восточной Сибири пришелъ къ заключенію, что „опредѣленный въ 1850 г. размѣръ годовой пріисковой потребности въ винѣ, по ведру на одного рабочаго въ годъ, представляется недостаточнымъ. Поэтому „въ виду ходатайства золотопромышленниковъ и съ цѣлью возможнаго уменьшенія хищничества золота", ген.-лейт. Анучинъ призналъ возможнымъ разрѣшить ввозъ на пріиски „спирта или вина и проч. крѣпкихъ напитковъ въ количествѣ, не превышающемъ $2^1/_2$ вед. спирта въ 80° на каждаго годового пріисковаго работника" [1]).

Несмотря на то, что этотъ циркуляръ написанъ въ смыслѣ защиты золотопромышленниковъ отъ обвиненія въ незаконныхъ выдачахъ вина рабочимъ, онъ въ сущности подтверждаетъ заявленія мѣстной печати о томъ, какъ съ помощью вина золотопромышленники умѣли эксплоатировать рабочихъ.

Въ 1879 г., по соглашенію между генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири бар. Фредериксомъ и архіепископомъ иркутскимъ Веніаминомъ, возникло предположеніе о принятіи мѣръ къ улучшенію нравственности рабочаго населенія золотыхъ пріисковъ, находящихся въ предѣлахъ Иркутской губерніи. Архіепископъ Веніаминъ предполагалъ назначать особыхъ священниковъ съ псаломщиками тамъ, гдѣ находится рабочихъ не менѣе 200 чел., а для того, чтобы они могли безпрепятственно посѣщать богослуженіе, опредѣлить нерабочіе дни: 3 дня въ великій постъ для говѣнія, исповѣди и причастія, два послѣднихъ дня страстной недѣли, по крайней мѣрѣ 3 дня Пасхи и затѣмъ 12 дней изъ двунадесятыхъ праздниковъ и царскихъ дней (итого 20 дней въ году), а въ прочіе праздники и воскресные дни освобождать рабочихъ для присутствія на ранней литургіи съ дозволеніемъ начинать послѣ

[1]) Въ примѣчаніи къ циркуляру пояснено, что „подъ числомъ годовыхъ пріисковыхъ работниковъ (среднее число рабочихъ за весь годъ) разумѣется частное, полученное черезъ раздѣленіе всѣхъ бывшихъ на пріискѣ поденщинъ рабочихъ людей на число дней въ году". „Сборн. главн. оффиц. докум. по управ. Вост. Сиб. Изд. по распор. генер.-губ. Анучина, т. VII, вып. 1-й, стр. 464—475, ср. 544—545.

нея работы. Бар. Фредериксъ по вопросу объ освобожденіи пріисковыхъ рабочихъ отъ работъ въ главнѣйшіе праздники вошелъ въ сношеніе съ министромъ государственныхъ имуществъ гр. Валуевымъ, прося его исходатайствовать освобожденіе рабочихъ отъ работы всего на 13 дней въ году, но на это ходатайство не послѣдовало никакого отвѣта.

Въ декабрѣ 1880 г. архіепископъ иркутскій обратился къ новому генералъ-губернатору Восточной Сибири Анучину съ просьбою поддержать ходатайство бар. Фредерикса, а затѣмъ частнымъ образомъ сообщилъ ему свои „соображенія о церквахъ и причтахъ на золотыхъ пріискахъ“, въ которыхъ, между прочимъ, перечисляя праздничные дни (счетомъ 24), когда должна, по его мнѣнію, прекращаться и обязательная, и старательская работа, онъ дѣлалъ, однако, слѣдующую оговорку: „освобожденіе отъ работъ въ эти дни можетъ замѣниться освобожденіемъ отъ работъ въ тѣ 2 дня въ мѣсяцъ, какіе золотопромышленники обязаны давать рабочимъ для отдыха“.

Въ 1884 г. ген.-лейт. Анучинъ просилъ министра государственныхъ имуществъ статсъ-секретаря Островскаго увѣдомить его, какое послѣдовало распоряженіе по ходатайству бар. Фредерикса объ освобожденіи рабочихъ отъ работъ въ главнѣйшіе церковные праздники и нѣкоторые высокоторжественные дни. Министръ государственныхъ имуществъ отвѣчалъ, что ходатайству бар. Фредерикса бывшій министръ государственныхъ имуществъ гр. Валуевъ не далъ дальнѣйшаго хода, и при этомъ прибавилъ, что и онъ съ своей стороны не считаетъ возможнымъ входить съ представленіемъ объ утвержденіи предположенія бар. Фредерикса въ виду того, что оно касается „весьма важнаго общаго вопроса о праздничныхъ дняхъ для рабочихъ, разрѣшеніе коего не можетъ послѣдовать по частному случаю“ [1]).

Въ 1881 г. циркуляромъ отъ 29 апрѣля горное отдѣленіе Главнаго Управленія Восточной Сибири, по приказанію генералъ-губернатора, предписало горнымъ исправникамъ и завѣдующимъ пріисками о каждомъ несчастномъ случаѣ сообщать отдѣленію свѣдѣнія о причинахъ его и о принятыхъ по этому поводу мѣрахъ. Несмотря на то, свѣдѣнія эти или вовсе не представлялись, или представлялись не въ полномъ видѣ и въ большинствѣ случаевъ долго спустя послѣ происшествія.

---

[1]) „Сборн. глав. оффиц. докум.“, изд. Д. Г. Анучинымъ, т. VII, вып. 1-й, стр. 517—547. Нѣсколько лѣтъ позднѣе появилось слѣдующее газетное извѣстіе: „Святѣйшій синодъ озаботился скорѣйшимъ осуществленіемъ постройки на золотыхъ пріискахъ церквей съ учрежденіемъ особыхъ причтовъ и освобожденія рабочихъ на тѣхъ пріискахъ въ праздничные дни отъ работы для посѣщенія церкви“ („Нов. Время“ 1889 г., № 4790). Черезъ годъ въ той же газетѣ мы находимъ извѣстіе, что заботами св. синода приступлено къ постройкѣ на пріискахъ церквей, но объ освобожденіи отъ работъ рабочихъ уже ничего не упоминалось (1890 г. № 5141).

Вслѣдствіе этого предсѣдательствующій въ Совѣтѣ Главнаго Управленія ген.-лейт. Педашенко просилъ въ августѣ 1884 г. подтвердить горнымъ исправникамъ о томъ, чтобы они доносили о каждомъ несчастномъ случаѣ и представляли копію съ акта [1]).

Синельниковъ приказалъ не впускать рабочихъ, возвращающихся съ золотыхъ пріисковъ, въ г. Енисейскъ въ видахъ охраненія ихъ отъ разгула и кутежей въ этомъ городѣ (см. выше).

По словамъ корреспондента „Вост. Обозр.“, послѣдствія этой мѣры были неблагопріятны: „распоряженіе генералъ-губернатора Синельникова о невпускѣ пріисковыхъ рабочихъ въ городъ и большія торговыя села много лѣтъ возбуждало недовольство въ средѣ населенія и преимущественно торговаго люда, который ходатайствовалъ объ измѣненіи этого распоряженія, но безуспѣшно, и пріисковый рабочій попрежнему съ перевоза, гдѣ стояла земская и городская полиція, гнался, какъ преступникъ, подъ конвоемъ казаковъ до ближайшей деревни, и въ городъ попадали только тѣ, „чей путь лежалъ черезъ него“, и люди тароватые, заплатившіе оброкъ въ пользу полиціи. Рабочему предоставлялось мотать деньги по деревнямъ, но въ городъ путь ему былъ безусловно закрытъ и попадали въ него лишь рабочіе безденежные или пропившіеся по деревнямъ, изъ которыхъ они возвращались или окольными путями, или въ то время, когда конвой съ перевоза былъ снятъ... Торговля, вынуждаемая обстоятельствами, должна была искать другихъ путей для своего сбыта. И вотъ съ тѣхъ поръ на встрѣчу рабочимъ стали выѣзжать торговцы въ ближайшія деревни, лежавшія на пути выхода рабочихъ; не обходилось, конечно, при этомъ безъ поборовъ, которые брала съ торговцевъ земская власть, допускавшая послѣ этого явныя нарушенія закона“, какъ напр. продажу вина изъ лавокъ, торговавшихъ одеждою, обувью и проч. товарами. „Дома терпимости также высылали своихъ агентовъ въ ближайшія деревни и результатомъ всего этого былъ“, по мнѣнію корреспондента, едва ли не большій вредъ для рабочаго, съ котораго за все брали втридорога.

При проѣздѣ лѣтомъ 1885 г. новаго генералъ-губернатора Восточной Сибири гр. Игнатьева, крестьяне Казачинской волости обратились къ нему съ просьбою о дозволеніи пропуска рабочихъ чрезъ село Казачинское, мотивируя ее тѣмъ, что слѣдованіе рабочихъ чрезъ ближайшія деревни, минуя это село, вызываетъ со стороны общества новыя повинности въ видѣ караула за проходомъ рабочихъ. Гр. Игнатьевъ разрѣшилъ впускать рабочихъ какъ въ Енисейскъ, такъ и въ село Казачинское съ предупрежденіемъ, что если при этомъ откроются безпорядки, то прежнее распоряженіе опять войдетъ въ силу [2]).

---

[1]) „Сборн. главн. оффиц. док.“, т. VII, вып. 1-й, приложеніе, стр. 44—45.

[2]) „Восточное Обозрѣніе“ 1886 г., № 1, стр. 6—7. Послѣдствія допущенія рабочихъ въ Енисейскъ сказались немедленно: „Вслѣдствіе начавшихся кражъ и разбоевъ полиція начала водворять рабочихъ изъ города по мѣстамъ ихъ причисленія. Золотопромышленники, нанявшіе рабочихъ, начали вопіять, потому что выданные задатки пропадутъ за рабочими съ удаленіемъ ихъ изъ города. Въ виду этого, слышно, золотопромышленники намѣрены ходатайствовать о томъ, чтобы впускъ рабочихъ въ

Желаніе охранить заработки пріисковыхъ рабочихъ отъ растраты по окончаніи работъ побудило администрацію Восточной Сибири разрѣшить выдачу на промыслахъ вмѣсто денегъ квитанцій, по которымъ рабочій могъ получить деньги въ пріисковой резиденціи; но мѣра эта не только не достигла своей цѣли, а даже повела къ злоупотребленіямъ, на которыя обратилъ вниманіе гр. Игнатьевъ въ 1886 г. Оказалось, какъ видно изъ его циркуляра, что рабочіе нерѣдко не получали полнаго разсчета немедленно по окончаніи работъ, а вмѣсто того имъ выдавали ордера для полученія заработанныхъ денегъ въ какомъ-либо городѣ съ назначеніемъ срока иногда даже въ нѣсколько мѣсяцевъ; однако и такія обязательства не оплачивались золотопромышленниками въ срокъ, вслѣдствіе чего рабочіе обращались съ жалобами въ различныя присутственныя мѣста. Кромѣ того, рабочіе бывали вынуждены сбывать ордера по дешевой цѣнѣ, и торговцы сосѣднихъ съ пріисками мѣстностей скупали ихъ подъ условіемъ взять у нихъ часть платы товаромъ. Гр. Игнатьевъ потребовалъ, чтобы не была допускаема выдача ордеровъ на извѣстный срокъ, но чтобы въ случаѣ желанія рабочихъ имъ выдавались вмѣсто денегъ квитанціи, написанныя на гербовой бумагѣ, уплата по которымъ производилась бы безъ замедленія въ ближайшей пріисковой резиденціи; если же рабочіе пожелаютъ, чтобы деньги были выданы на пріискѣ, то требованіе ихъ должно быть удовлетворено. Случалось также, что пріисковыя управленія на вопросъ горнаго исправника, хватитъ ли у нихъ денегъ для разсчета съ рабочими, отвѣчали утвердительно, а при разсчетѣ средствъ для этого не хватало. Графъ Игнатьевъ грозилъ за подобныя неправильныя заявленія владѣльцамъ пріисковъ или ихъ уполномоченнымъ отвѣтственностью по закону [1]).

Въ 1888 г. начальнику горнаго управленія Восточной Сибири Карпинскому вновь пришлось дать горнымъ исправникамъ предписаніе о недопущеніи выдачи ордеровъ на извѣстные сроки, и онъ приказалъ вывѣсить на всѣхъ пріискахъ на видныхъ мѣстахъ объявленія, чтобы рабочіе не принимали ордеровъ на полученіе денегъ отъ довѣренныхъ, а если они ихъ примутъ, то жалобы объ удовлетвореніи по нимъ ра-

---

Енисейскъ на слѣдующее время былъ вновь окончательно запрещенъ, такъ какъ отъ этого страдаютъ и золотопромышленники, и сами рабочіе, и остаются въ барышахъ только торговцы, кабатчики и дома терпимости". „Сибирская Газета" 1886 г. № 49, стр. 1483.

[1]) „Иркут. Губер. Вѣд." 1886 г., № 24. „Восточное Обозрѣніе", уважаемый органъ, посвященный защитѣ интересовъ сибирскаго населенія, скептически отнеслось къ этому циркуляру: „Мы вѣримъ въ добрыя пожеланія администраціи", сказано было въ этой газетѣ, „но отнюдь не можемъ думать, чтобы подобные циркуляры, хотя и проникнутые похвальною любовью къ рабочему, могли имѣть желанное дѣйствіе... Все это заставляетъ возможно скорѣе подумать о болѣе радикальномъ огражденіи интересовъ рабочихъ" (1886 г. № 31, стр. 2—3).

бочихъ будутъ оставляемы безъ послѣдствій [1]). Въ 1891 г. мы были въ Иркутскѣ свидѣтелями, какъ рабочіе приходили жаловаться въ горное управленіе на выдачу имъ ордеровъ и встрѣчали лишь отказъ на свою жалобу.

Военный губернаторъ Забайкальской области опубликовалъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ циркуляръ отъ 12 февраля 1886 г. о порядкѣ найма рабочихъ на золотые промыслы: это было только разъясненіе и указаніе надлежащимъ учрежденіямъ и лицамъ относительно примѣненія существующихъ въ законѣ правилъ; разъясненія эти были сдѣланы по порученію приамурскаго генералъ-губернатора въ отвѣтъ на ходатайство Забайкальскаго областного совѣта о возстановленіи дѣйствія циркуляра бывшаго военнаго губернатора Забайкальской области ген.-лейт. Педашенко отъ 20 декабря 1878 г., воспрещавшаго наемъ рабочихъ не въ мѣстахъ причисленія, а вблизи пріисковъ или на самыхъ пріискахъ. „Основаніемъ къ этому ходатайству", сказано въ циркулярѣ, „было желаніе областного начальства оградить рабочихъ, выходящихъ съ пріисковъ въ мѣста осѣдлаго населенія или такъ называемыя резиденціи пріисковъ, какъ-то: с. Горбицы, Баргузинъ, с. Укырское и др., гдѣ рабочіе послѣ невольнаго воздержанія на пріискахъ, имѣя въ рукахъ деньги, заработанныя тяжелымъ трудомъ, подвергаются пьянству, разгулу, картежной игрѣ и обману со стороны недобросовѣстныхъ людей, проматываютъ, иногда въ одинъ-два дня, заработокъ цѣлаго лѣта, а часто и послѣднюю одежду и затѣмъ" принуждены бываютъ „принимать вновь невыгодныя предложенія о новомъ наймѣ со стороны золотопромышленниковъ, зачастую недобросовѣстно относящихся къ печальному положенію промотавшагося рабочаго. Нанимаясь такимъ образомъ изъ года въ годъ въ работы на пріиски, безъ личной явки въ мѣста причисленія по просроченнымъ паспортамъ или свидѣтельствамъ объ отсрочкѣ, а иногда и вовсе безъ видовъ, если личность нанимающагося хорошо извѣстна нанимателю,—рабочіе разстраиваютъ окончательно свое домохозяйство, оставленное часто на однихъ женщинъ или малолѣтнихъ, вынуждаютъ общество въ силу круговой поруки платить за отсутствующихъ подати и нести повинности. Между тѣмъ, при соблюденіи въ точности существующихъ на наемъ рабочихъ законоположеній", по мнѣнію забайкальскаго губернатора, „достаточно ограждающихъ нанимающагося отъ эксплуатаціи нанимателя", а общество въ своевременной уплатѣ и выполненіи повинностей, „подобныя печальныя послѣдствія найма рабочихъ и промотаніе задаточныхъ денегъ, по неявкѣ въ мѣста причисленія, если совершенно не уничтожатся, то значительно умалятся". Приведя затѣмъ и разъяснивъ требуемыя закономъ условія, безъ соблюденія которыхъ договоры о наймѣ признаются недѣйствительными, забайкальскій губернаторъ указывалъ на то, что золотопромышленники могутъ принимать рабочихъ на пріиски и не въ мѣстахъ причисленія, а въ городахъ, резиденціяхъ и проч. лишь тогда, когда нанимающійся представитъ разрѣшеніе общества на наемъ на новый срокъ, засвидѣтельствованное въ томъ волостномъ правленіи или соотвѣтствующемъ учрежденіи, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ нанимающійся. Въ заключеніе губернаторъ говоритъ: при соблюденіи всѣхъ указанныхъ правилъ „устранится существующій незаконный порядокъ найма рабочихъ на промысла, влекущій за собою вредныя послѣдствія одинаково и для золотопромышленниковъ, и для рабочихъ, какъ напримѣръ: неповиновеніе рабочихъ и бунты, бывшіе въ прежнее

[1]) Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2773, № 148/137, л. 15 об.

время въ Забайкальѣ на пріискахъ Ононской системы бр. Сабашниковыхъ и Чикойской—купца Краузе", причемъ на послѣднихъ волненіе возникло, „какъ было дознано слѣдствіемъ, исключительно отъ несоблюденія законныхъ правилъ при наймѣ рабочихъ на золотые промысла и послѣдовавшихъ затѣмъ дѣйствій хозяина, необусловленныхъ договоромъ"; такимъ образомъ возстановится также „право общества не увольнять въ работы на пріиски и другія мѣста своихъ членовъ, замѣченныхъ въ пьянствѣ, въ нерадѣніи къ поддержанію оставленнаго домохозяйства высылкою денегъ, неисправно оплачивающихъ подати" и проч.[1]).

„Восточное Обозрѣніе" отрицательно отнеслось и къ этому циркуляру: „Не знаемъ, насколько важно опредѣленіе мѣста наемки рабочихъ, т.-е. на пріискахъ, въ мѣстахъ ли выхода, или въ мѣстахъ жительства: ни отъ кого не тайна, что въ одномъ мѣстѣ рабочій попадаетъ въ силки управляющаго, въ другомъ спеціально нанятаго для закабаленія рабочихъ довѣреннаго, а въ третьемъ угодливаго и подкупливаго волостного писаря. Весь актъ найма рабочаго заключается въ закабаленіи его посредствомъ задатковъ; совершеніе же акта—пустая формальность, о которой онъ не думаетъ... Можно смѣло сказать, что, такъ называемый, „общій контрактъ" не бываетъ извѣстенъ нанимающемуся. Каждый рабочій, зная, что подъ этимъ актомъ уже подписались многіе, не обращаетъ вниманія на тѣ условія, подъ которыми онъ подписывается или подписываются за него другіе. Часто пьяный, съ тяжелой головой послѣ похмѣлья, онъ только жаждетъ поскорѣе взять задаточныя деньги и погрузиться въ попойки... Что рабочіе не знаютъ своего контракта, это общеизвѣстный фактъ".

Говоря о распоряженіяхъ сибирской администраціи относительно пріисковыхъ рабочихъ послѣ 1870 г., намъ приходилось до сихъ поръ приводить данныя, касающіяся Восточной Сибири; въ Западной Сибири принималось въ этомъ отношеніи гораздо менѣе мѣръ.

Мы видѣли, что въ 1871 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ запретилъ приводить по этапу неявившихся на пріиски рабочихъ. Въ 1875 г., при производствѣ разслѣдованія по жалобѣ одного рабочаго генералъ-губернатору Западной Сибири на задержаніе заработанныхъ имъ денегъ и нанесеніе ему золотопромышленникомъ побоевъ, оказалось, что почти по всей Томской губ. вошло въ обыкновеніе рабочихъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, заключившихъ контракты, но не явившихся на пріиски, высылать туда этапнымъ порядкомъ, примѣняя къ нимъ п. 7 приложенія къ ст. 111 Устава о частн. золотопр., относящейся только къ ссыльно-поселенцамъ, при чемъ предварительно рабочихъ сажали даже въ тюрьмы. Вслѣдствіе этого 24 іюля 1876 г. состоялось постановленіе томскаго губернскаго правленія, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „окружныя полицейскія управленія, высылая этапнымъ порядкомъ для работъ на частные золотые промыслы нанявшихся на оные, но не явившихся или отлучившихся крестьянъ и мѣщанъ, поступаютъ не на основаніи закона, а самопроизвольно, ибо въ законѣ, какъ вообще въ правилахъ о личномъ наймѣ въ работу, такъ

[1]) „Забайкальскія Областныя Вѣдомости" 1886 г., №№ 8—9, стр. 1—4.

и въ частности по найму въ работу на частные золотые промыслы не содержится предписанія отправлять мѣщанъ и крестьянъ этапнымъ порядкомъ для работъ къ частнымъ лицамъ. Полиціямъ предоставлено только закономъ (2275 ст. I-й ч. X т.) понуждать рабочихъ стать непремѣнно въ урочное время на работу, мѣры же взысканія съ подобныхъ рабочихъ за уклоненіе отъ работъ и неявку на оныя законъ указываетъ: 1) обусловливать контрактомъ денежные вычеты изъ платы (п. е., ж. § 4 прилож. къ ст. 110 Устава о частн. золотопр.), 2) подвергать взысканіямъ по распоряженію партіонной расправы. За такимъ яснымъ указаніемъ въ законѣ мѣръ на подобные случаи полиціи не имѣютъ права и слѣдовательно не должны придумывать и примѣнять по своему усмотрѣнію правила для большаго еще обезпеченія золотопромышленниковъ въ исправномъ исполненіи рабочими своихъ обязанностей, а тѣмъ болѣе полиція не должны брать подобныхъ рабочихъ подъ арестъ и заключать въ тюрьмы, что иногда бывало. И безъ такихъ тяжкихъ мѣръ для рабочихъ со стороны полиціи золотопромышленники могутъ находить большее для себя обезпеченіе въ исправности рабочихъ при исполненіи слѣдующихъ условій на основаніи закона: а) нанимать крестьянъ и мѣщанъ въ силу 5 и 6 §§ прилож. къ 110 ст. Устава о частн. золотопр. артелями подъ круговымъ ручательствомъ артели или общества въ исправности работъ, и въ этомъ случаѣ трудъ отлучившагося или неявившагося ляжетъ на поручителей и ущерба нанимателю не послѣдуетъ; б) не задолжать рабочихъ до такой степени, чтобы при разсчетѣ долгъ могъ превышать дозволенную 2268 ст. I-й ч. X т. Св. Зак. сумму, т.-е. 1 р. 50 к.; в) не обременять рабочихъ работою сверхъ условленныхъ контрактомъ на основаніи п. 5 § 4 прилож. къ 110 ст. Устава о частн. золотопр. часовъ въ сутки".

Вслѣдствіе циркулярнаго распоряженія о томъ, томскіе золотопромышленники подали 19 марта 1877 г. докладную записку томскому губернатору съ просьбою отмѣнить это распоряженіе и распространить на рабочихъ изъ крестьянъ и мѣщанъ 6, 7 и 13 п. п. правилъ о наймѣ ссыльно-поселенцевъ, т.-е. подвергать ихъ приводу по этапу. Эта докладная записка была предложена губернаторомъ на разсмотрѣніе томскаго губернскаго совѣта, который въ журналѣ своемъ отъ 11 августа 1877 г., опираясь на вышеуказанную 2275 ст. I-й ч. X т. и вполнѣ соглашаясь съ доводами золотопромышленниковъ, нашелъ, что было бы справедливо предоставить полицейскимъ управленіямъ право отсылать неявившихся на промысла „этапнымъ порядкомъ не въ родѣ арестантовъ, на представленныя для этого золотопромышленниками деньги; впрочемъ, въ предупрежденіе произвола, право это предоставить полиціямъ въ томъ только случаѣ, когда неявившіеся на пріиски въ заключенномъ контрактѣ предоставятъ это право нанимателю". Но такъ какъ это заключеніе

было основано не на буквальномъ постановленіи закона, а только на примѣненіи его, то Совѣтъ положилъ представить объ этомъ на благоусмотрѣніе генералъ-губернатора Западной Сибири. Однако Совѣтъ Главнаго Управленія Западной Сибири нашелъ, что предложенное губернскимъ совѣтомъ примѣненіе 2275 ст. было бы произвольнымъ измѣненіемъ какъ этого закона, такъ и правилъ о наймѣ на пріиски рабочихъ изъ мѣщанъ и крестьянъ. Что касается до предложенія губернскаго совѣта о включеніи въ договоры условія о правѣ золотопромышленника отправлять рабочаго по этапу, то это предложеніе противно 1528 ст. 1-й ч. X т. Затѣмъ Совѣтъ не нашелъ никакого основанія ходатайствовать о распространеніи на рабочихъ изъ крестьянъ и мѣщанъ правилъ, установленныхъ для ссыльно-поселенцевъ, по совершенному отсутствію къ тому достаточныхъ основаній, кромѣ выгодности такой мѣры для самихъ золотопромышленниковъ [1]).

Въ 80-хъ гг. золотопромышленники опять возобновляли такое же ходатайство. Уполномоченный золотопромышленника Асташева подалъ министру внутреннихъ дѣлъ записку съ просьбою о возстановленіи отмѣненной генералъ-губернаторомъ Западной Сибири Казнаковымъ высылки на пріиски рабочихъ посредствомъ сельской и этапной стражи [2]), но это ходатайство было, разумѣется, оставлено безъ послѣдствій.

Въ 1882 г. въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось извлеченіе изъ журнала Томскаго Губернскаго Совѣта 31 марта 1882 г., разсматривавшаго вопросъ объ упорядоченіи взаимныхъ отношеній между золотопромышленниками и пріисковыми рабочими, главнымъ образомъ съ цѣлью устранить побѣги рабочихъ съ промысловъ. Фактическій матеріалъ о пріискахъ Томской губ. былъ доставленъ Совѣту горнымъ исправникомъ Маріинской тайги и Алтайскаго округа, но въ виду Совѣта имѣлись и другіе оффиціальные и частные матеріалы.

Горный исправникъ предложилъ, между прочимъ, слѣдующія мѣры для сокращенія побѣговъ: 1) ограничить количество ввозимаго на пріиски спирта до одного ведра въ годъ на каждаго рабочаго и чтобы, при выдачѣ рабочимъ порцій, разбавленный спиртъ былъ не ниже 40°, чѣмъ и можетъ уменьшиться стремленіе рабочихъ къ тайной покупкѣ спирта; 2) обязать золотопромышленниковъ отпускать по $1^1/_2$ ф. мяса на каждаго рабочаго, такъ какъ при крайне тяжелыхъ на нѣкоторыхъ пріискахъ земляныхъ работахъ и неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ одного обѣда изъ фунта мяса для рабочаго недостаточно и проч. По мнѣнію губернскаго совѣта мѣры, предложенныя горнымъ исправникомъ, не исчерпывали вопроса и мало могли бы улучшить положеніе рабочихъ. Ограниченіе ввоза спирта на пріиски однимъ ведромъ на каждаго человѣка, съ предоставленіемъ горному исправнику контроля за правильностью его расходованія, едва-ли можетъ оказать сколько-нибудь благопріятное вліяніе. Не говоря уже о томъ, что контроль горнаго исправника окажется совершенно фиктивнымъ, извѣстно, что

[1]) Арх. кузнецкаго горн. исправ. (томской губ.), нарядъ бумагамъ къ свѣдѣнію и руководству, дѣло 1890 г. № 52, л. 14—17.

[2]) „Восточн. Обозрѣніе“ 1886 г., № 17, стр. 3.

спиртъ отпускается золотопромышленниками въ порцію рабочимъ ежедневно, если они исполнятъ заданный имъ урокъ въ размѣрѣ, условленномъ по контракту. Затѣмъ вино отпускается рабочимъ за случайно поднятое во время работъ золото, т.-е., по мнѣнію губернскаго совѣта, за услугу мнимую, такъ какъ хозяинъ, еслибы не опасался похищенія золота рабочими, могъ бы воспретить подъемъ его, и тогда золото было бы снято съ машины безъ особаго за него вознагражденіе. Съ другой стороны тайная торговля виномъ въ сосѣдствѣ съ золотыми промыслами и скупъ краденаго золота спиртоносами приняли огромные размѣры. Не имѣя возможности оказывать спиртоносамъ противодѣйствіе собственною властью, не рискуя подвергнуться обвиненію въ самоуправствѣ, золотопромышленники вынуждены были силою обстоятельствъ скупать у своихъ собственныхъ рабочихъ поднятое ими во время работъ и утаенное золото за отпускъ вина, которое является такимъ сильнымъ средствомъ въ рукахъ спиртоносовъ. По мнѣнію золотопромышленниковъ здѣсь нѣтъ нарушенія закона (695 ст. Улож. о наказ.) [1]), такъ какъ вино отпускается не въ видѣ платы за произведенную работу, а за случайно поднятое золото изъ песковъ, за вывозку которыхъ на промывательныя машины рабочіе получаютъ полную установленную плату. Если бы не отпускалось вино, то рабочій получилъ бы деньги въ силу установившагося обычая выдавать вознагражденіе за подъемное золото, чтобы устранить переводъ его, при чемъ вознагражденіе выдается, несмотря на то, отработалъ ли рабочій взятый впередъ задатокъ; но рабочій всегда предпочтетъ продать золото на сторону за вино, если онъ не можетъ получить его на пріискѣ; приходится давать вино, чтобы противодѣйствовать спиртоносамъ и уменьшить похищеніе подъемнаго золота. Мы видимъ такимъ образомъ, что Губернскій Совѣтъ старается оправдать спаиваніе рабочихъ золотопромышленниками.

Въ существующихъ законоположеніяхъ о личномъ наймѣ, продолжаетъ Совѣтъ, встрѣчаются пробѣлы, ставящіе администрацію въ затрудненіе при разбирательствѣ жалобъ, возникающихъ изъ условій найма. Въ виду этого, по мнѣнію Губернскаго Совѣта, никакія частныя мѣропріятія помочь не могутъ и необходимо коренное измѣненіе въ законодательномъ порядкѣ существующихъ постановленій и изданіе новаго устава о личномъ наймѣ, который съ точностью опредѣлилъ бы юридическія права и взаимныя обязательства обѣихъ сторонъ, а также указалъ бы вполнѣ ясно обязанности и полицейской власти относительно способовъ понужденія нанявшихся рабочихъ къ выполненію условій найма.

Въ виду этихъ соображеній Губернскій Совѣтъ считалъ необходимымъ, чтобы въ дѣйствующемъ уставѣ о золотопромышленности (прилож. IV къ 2412 ст. т. VII Уст. горнаго по продолж. 1876 г.) были сдѣланы слѣдующія дополненія и измѣненія: 1) Волостныя правленія, инородныя и мѣщанскія управы сибирскихъ губерній обязаны при выдачѣ паспортовъ отмѣчать въ платежныхъ книгахъ количество депегъ, взысканныхъ въ государственныя подати, въ губернскіе и земскіе налоги, мірскіе сборы и натуральныя повинности и въ пополненіе недоимокъ прежнихъ лѣтъ. 2) Рабочіе, желающіе, по окончаніи срока паспортовъ, возобновить условія найма, не обязаны являться сами въ мѣста причисленій для полу-

[1]) „За продажу питей изъ мѣстъ раздробительной продажи въ долгъ....., а также за платежъ виномъ вмѣсто денегъ, по обязательствамъ или за произведенныя работы, виновные въ томъ подвергаются въ 1—3-й разъ денежному взысканію отъ 5 до 50 р.; изобличенные въ семъ нарушеніи закона болѣе 3-хъ разъ подвергаются денежному взысканію 100 р. и лишаются права производить торговлю напитками". „Уложеніе о наказаніяхъ" 1866 г., ст. 695.

ченія новыхъ видовъ, но золотопромышленнику, у котораго они нанялись, предоставляется самому обращаться въ подлежащія мѣста для истребованія новыхъ видовъ, причемъ волостныя правленія, инородныя и мѣщанскія управы, если золотопромышленникъ вмѣстѣ съ требованіемъ паспорта представитъ въ уплату за рабочаго сумму, равную той, какая показана по платежной книгѣ, взысканную за минувшій годъ, обязаны не позже 6 дней по полученіи о томъ заявленія выслать золотопромышленнику для рабочаго видъ, если къ тому не встрѣтится законныхъ препятствій и съ тѣмъ, чтобы при требованіи золотопромышленниками новыхъ паспортовъ непремѣнно были прилагаемы и засвидѣтельствованныя горнымъ исправникомъ просьбы о томъ самихъ рабочихъ. 3) Число рабочихъ часовъ не должно превышать 12 въ сутки, за исключеніемъ времени на обѣдъ, отдыхъ и завтракъ, при чемъ на тѣхъ пріискахъ, гдѣ работы производятся не по часамъ, а по урокамъ, размѣръ уроковъ долженъ быть разсчитанъ на 12-часовую работу средняго рабочаго. Могущіе возникнуть недоразумѣнія и споры разрѣшаются горнымъ исправникомъ. Далѣе Губернскій Совѣтъ проектировалъ слѣдующія правила. Горный исправникъ строго наблюдаетъ, чтобы на каждомъ разрабатывающемся пріискѣ были устроены партіонныя расправы и чтобы никакія наказанія рабочихъ не производились безъ ихъ приговора; за отступленіе золотопромышленника или его служащихъ отъ этого правила виновные подвергаются наказанію, какъ за самоуправство. Помѣщенія рабочихъ должны быть построены изъ бревенъ, просторны, свѣтлы, сухи, съ деревяннымъ поломъ, имѣть двойныя рамы зимою и внутри казармы должны быть не ниже 4 арш. Помѣщенія рабочихъ должны быть приспособлены къ этимъ требованіямъ въ теченіе 3 лѣтъ послѣ изданія настоящихъ правилъ. Далѣе слѣдуютъ правила объ обязанности для золотопромышленника имѣть больницу, если у него болѣе 70 чел. рабочихъ, а также о высылкѣ на пріискъ полиціею и волостными правленіями неявившихся и бѣжавшихъ рабочихъ [1]).

Напечатаніе этого документа вызвало появленіе въ газетѣ „Сибирь“ статьи „Къ вопросу о пріисковыхъ рабочихъ“, написанной г. Вагинымъ, авторомъ монографіи въ газетѣ „Амуръ“ — „Договоры найма на золотые пріиски“, съ содержаніемъ которой мы уже знакомы. Привѣтствуя появленіе этого документа въ печати, какъ рѣдкое исключеніе изъ правила вершить мѣстныя дѣла подъ покровомъ канцелярской тайны, г. Вагинъ не скрываетъ однако же своего удивленія по поводу многихъ мнѣній, высказанныхъ въ этомъ документѣ. Онъ повторяетъ не разъ уже высказанную имъ справедливую мысль, что не слѣдуетъ называть „побѣгами“ неявку рабочихъ на промысла или самовольную съ нихъ отлучку. „По общепринятымъ юридическимъ понятіямъ, подъ словомъ „побѣгъ“ разумѣется тайная отлучка изъ мѣста пребыванія, обязательнаго по закону. Это — преступленіе, подлежащее извѣстному наказанію. Отлучка солдата изъ полка, арестанта изъ тюрьмы, каторжнаго съ работъ, ссыльнаго изъ мѣста причисленія — будутъ побѣги. Но неявка работника на условленную работу и самовольный уходъ его отъ хозяина прежде срока найма считаются гражданскими правонарушеніями, неисполненіемъ частнаго договора; они влекутъ за собой только гражданскія послѣдствія и то лишь въ такомъ случаѣ, если будетъ предъявленъ искъ къ на-

[1]) Спиртоносовъ Губернскій Совѣтъ предлагалъ подвергать высшей мѣрѣ взысканія, опредѣленнаго въ 694 ст. Улож. о наказ. въ первый разъ — денежному взысканію въ 300 руб. и конфискаціи всѣхъ найденныхъ у нихъ напитковъ, а во второй разъ — сверхъ того еще и 3-мѣсячному аресту. „Томск. Губерн. Вѣд.“ 1882 г., №№ 29 и 30.

рушителю". Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе на то, что Губернскій Совѣтъ признаетъ спаиваніе рабочихъ золотопромышленникомъ законнымъ и предпочитаетъ его спаиванію спиртоносами. Переходя къ разбору его предложеній для улучшенія положенія рабочаго, г. Вагинъ указываетъ на то, что совѣтъ признаетъ новыя правила необходимыми только „для лицъ свободныхъ состояній". „Слѣдовательно", продолжаетъ онъ, „огромный процентъ пріисковыхъ рабочихъ, а именно, ссыльные, долженъ быть исключенъ изъ дѣйствія новыхъ правилъ. Или положеніе ссыльныхъ на пріискахъ не требуетъ улучшенія? Скажутъ, что въ самомъ проектѣ нѣтъ такого ограниченія. Правда; но зачѣмъ же было говорить объ немъ раньше. И притомъ нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ совѣтомъ правилъ уже существуютъ, хотя и въ другомъ видѣ въ отношеніи къ ссыльнымъ; слѣдовательно ясно, что предлагаемыя имъ нынѣ правила относятся только къ свободнымъ лицамъ". Далѣе авторъ указываетъ на то, что процентъ неявки и отлучекъ рабочихъ такъ незначителенъ, что нѣтъ никакой надобности въ новыхъ мѣрахъ къ обезпеченію въ этомъ отношеніи промышленниковъ, тѣмъ болѣе, что относительно ссыльныхъ уже существуютъ принудиныя правила.

Губернскій Совѣтъ, продолжаетъ г. Вагинъ, „установилъ подробныя правила о понужденіи рабочихъ къ исполненію принятыхъ на себя обязательствъ; но совѣтъ ничего не говоритъ о такихъ же мѣрахъ понужденія золотопромышленниковъ... Рабочіе, какъ извѣстно, нерѣдко впадаютъ на пріискахъ въ неоплатные долги. Обязанность отработывать эти долги создаетъ кабалу. Губернскій совѣтъ не предполагаетъ никакихъ мѣръ противъ закабаленія рабочихъ и даже косвенно узаконяетъ его, предоставляя самому золотопромышленнику требовать паспорта на рабочихъ. Правда, онъ обусловливаетъ это подачей просьбъ самими рабочими, но развѣ трудно золотопромышленнику достигнуть и подачи такихъ просьбъ, и засвидѣтельствованія ихъ горнымъ исправникомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда безграмотные рабочіе вовсе на подачу ихъ не согласны... Пріисковыя расправы по закону должны существовать и теперь, но законъ этотъ, очевидно, не исполняется. Будетъ ли онъ исполняться по изданіи предположенныхъ совѣтомъ правилъ? И почему совѣтъ ничего не говоритъ о запрещеніи самому исправнику и другимъ полицейскимъ чинамъ подвергать рабочихъ наказаніямъ по своему усмотрѣнію? Вѣдь произволъ ихъ въ этомъ отношеніи навѣрно будетъ побольше произвола золотопромышленниковъ... Предположенія исправника о томъ, чтобы рабочимъ давали не менѣе $1^1/_2$ ф. мяса въ сутки совѣтъ, очевидно, считаетъ плодомъ исправничьяго легкомыслія и не считаетъ даже нужнымъ упомянуть о немъ... Каковы бы ни были проектируемыя губернскимъ совѣтомъ мѣры, но чтобы онѣ были дѣйствительны, слѣдовало обезпечить ихъ исполненіе. Развѣ это возможно при нынѣшнемъ пріисковомъ надзорѣ, состоящемъ на жалованьѣ у золотопромышленниковъ? Развѣ это возможно безъ контроля общественнаго мнѣнія, безъ гласности вообще и безъ гласнаго суда въ частности? Не останутся ли мѣры эти только на бумагѣ?" [1])

Предложенія томскаго губернскаго Совѣта не имѣли никакихъ послѣдствій отчасти, быть можетъ, потому, что вскорѣ за тѣмъ начались подготовительныя работы по составленію проекта новыхъ правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промысла; мы скажемъ о нихъ ниже, а

[1]) „Сибирь" 1882 г., №№ 39—42.

теперь остановимся на нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ управленіи горнымъ промысломъ, происшедшихъ въ 80-хъ гг.

Въ 1888 г. горныя управленія въ Сибири преобразованы на слѣдующихъ основаніяхъ: для завѣдыванія горною промышленностью въ Сибири и Степномъ генералъ-губернаторствѣ учреждены горныя управленія въ гг. Томскѣ и Иркутскѣ съ непосредственнымъ подчиненіемъ ихъ министерству государственныхъ имуществъ по горному департаменту [1]). Томское горное управленіе должно завѣдывать горными промыслами въ губерніяхъ тобольской, томской и енисейской (кромѣ золотоносной Бирюсинской системы) и въ областяхъ: Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской; а иркутское въ мѣстностяхъ, входящихъ въ составъ Приамурскаго генералъ-губернаторства, въ Якутской области, въ Иркутской губ. и въ золотоносной Бирюсинской системѣ Енисейской губ. Въ инструкціи горнымъ управленіямъ [2]) было, между прочимъ, предписано окружнымъ инженерамъ руководствоваться закономъ 1 іюня 1882 г. (112—126 ст. Уст. о промышл., изд. 1887 г.) о рабочихъ малолѣтнихъ [3]).

2 іюля 1888 г. была издана инструкція по надзору за частною горною промышленностью въ горныхъ округахъ Европейской Россіи, Урала и Кавказа, но въ 21 § инструкціи томскому и иркутскому горнымъ управленіямъ, утвержденной министромъ государственныхъ имуществъ 7 октября 1888 г., окружнымъ инженерамъ относительно работъ на промыслахъ предписано было также руководствоваться инструкціею 2 іюля [4]). Въ „Правилахъ для веденія горныхъ работъ въ видахъ ихъ

[1]) Томское горное управленіе, впредь до устройства въ Томскѣ сплавочной лабораторіи и необходимыхъ для горнаго управленія помѣщеній, было оставлено въ Барнаулѣ, откуда оно было переведено въ Томскъ въ 1891 г.

[2]) Инструкція эта для Томскаго и Иркутскаго горныхъ управленій была подписана 7 октября 1888 г.

[3]) *Розановъ*, изд. 2-е, 69—77. Распредѣленіе подвѣдомственныхъ горнымъ управленіямъ территорій на горные округа по числу горныхъ инженеровъ см. Ibid. стр. 80—81; распредѣленіе частныхъ золотыхъ пріисковъ на горно-полицейскіе округа по надзору горныхъ исправниковъ. Ibid., стр. 82—83.

[4]) Въ инструкціи этой, между прочимъ, указаны тѣ мѣры, какія долженъ принять окружный инженеръ въ случаѣ неисполненія правилъ, имѣющихъ въ виду безопасность работъ; въ крайнемъ случаѣ, если будетъ усмотрѣна непосредственная опасность для рабочихъ, для предупрежденія которой не остается времени, нужнаго для принятія указанныхъ въ инструкціи мѣръ, окружной инженеръ могъ потребовать немедленнаго прекращенія работъ, представляющихъ опасность. Получивъ извѣстіе о несчастномъ случаѣ, сопровождавшемся увѣчьемъ или смертью, окружной инженеръ былъ обязанъ немедленно отправиться на мѣсто происшествія для изслѣдованія причины несчастія и принятія надлежащихъ мѣръ къ устраненію дальнѣйшихъ опасностей или къ спасенію пострадавшихъ; сдѣлавъ надлежащій допросъ, онъ составляетъ о случившемся протоколъ съ своимъ заключеніемъ. Взысканія, проектированныя ген.-лейт. Шелашниковымъ (см. выше), не были установлены.

безопасности", приложенныхъ къ „инструкціи по надзору за частною горною промышленностью", мы находимъ разныя техническія постановленія и кромѣ того было сказано, что къ работамъ въ подземныхъ выработкахъ никоимъ образомъ не должно допускать женщинъ [1]).

16 января 1892 г. министромъ государственныхъ имуществъ были утверждены „Правила для производства горныхъ работъ на золотыхъ промыслахъ въ видахъ безопасности", содержащія въ себѣ лишь техническія предписанія о производствѣ работъ въ открытыхъ разрѣзахъ уступами, о подземныхъ работахъ и проч. Съ изданіемъ этихъ правилъ утратили значеніе „Правила о производствѣ пріисковыхъ подземныхъ и открытыхъ работъ", составленныя по распоряженію ген.-лейт. Шелашникова (см. выше). Правилами 1892 г. было между прочимъ предписано вскрытіе торфовъ и выемку золотоносныхъ пластовъ въ глубокихъ разрѣзахъ производить уступами не болѣе 3 аршинъ высоты [2]). По наблюденію пріискового врача, эта высота уступовъ слишкомъ значительна (см. ниже гл. V).

---

[1]) *Розановъ*, „Сводъ дѣйств. узакон. о частн. золотопр. въ Россіи". Спб. 1891 г., Изд. 2-е, стр. 84—98.

[2]) *Васильевъ*. Дополненія къ „Своду дѣйств. узакон. о частн. золотопр. въ Россіи", составленному Л. Розановымъ. СПБ. 1892 г., стр. 25—28.

ГЛАВА III.

Общеконтрактные рабочіе на промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго и Семипалатинско-Семирѣченскаго округовъ съ 1870 до половины 1890-хъ годовъ.

Рабочіе-киргизы и другіе инородцы. — Меньшая продолжительность рабочаго дня, чѣмъ въ другихъ горныхъ округахъ Сибири.—Воскресный отдыхъ. — Вознагражденіе за трудъ.—Пища.—Жизнь киргизовъ въ юртахъ и землянкахъ.—Неудовлетворительная организація медицинской помощи.—Отсутствіе школъ.—Размѣръ заработка.

Положеніе рабочихъ въ разныхъ золотопромышленныхъ округахъ Сибири въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе одинаково: оно измѣняется лишь въ зависимости отъ того, развита ли болѣе крупная или мелкая золотопромышленность, преобладаютъ ли хозяйскія работы или вольностарательскія (артели, такъ называемыхъ, золотничниковъ). Но бытъ пріисковыхъ рабочихъ областей Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской представляетъ рѣзкія особенности вслѣдствіе того, что рабочими на пріискахъ этой мѣстности являются преимущественно киргизы. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ восьмидесятыхъ годовъ, рабочіе на промыслахъ Акмолинской и Семипалатинской областей были преимущественно или даже исключительно киргизы. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ (1893—94 гг.) если не всѣ, то по крайней мѣрѣ 90% рабочихъ пріисковъ Семипалатинской области киргизы, а въ Семирѣченской области рабочіе изъ калмыковъ и дунганъ. Что касается Тобольско-Акмолинскаго округа, то, по отчетамъ Томскаго горнаго управленія за 1889—90 гг., инородцы составляли на здѣшнихъ пріискахъ 28—30% всѣхъ рабочихъ [1]).

---

[1]) Арх. Томск. Горн. Упр.; „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 520.

Всего рабочихъ на промыслахъ Семипалатинской области было въ 1870 г.—1382 ч., въ 1879 г. въ Семипалатинской области 1776 ч., Акмолинской 90 ч., въ 1882—89 гг., *въ среднемъ* за 8 лѣтъ, на промыслахъ Семипалатинской области было 1458 ч., Акмолинской области (со включеніемъ золотничниковъ) 1522 ч.; въ 1890 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ горномъ округѣ — 2155 ч., въ Тобольско-Акмолинскомъ— 1536 ч. об. п.[1]); въ 1896 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ— 5219 ч. об. п., въ Тобольско-Акмолинскомъ 1591 ч. об. п. [2]).

На промыслахъ Киргизской степи всѣ условія иныя, чѣмъ въ другихъ горныхъ округахъ Сибири: здѣсь рабочіе въ теченіе всей операціи живутъ на пріискахъ съ семьей, со всѣмъ домашнимъ инвентаремъ и скотомъ. Здѣшніе рабочіе киргизы „кочуютъ лѣтомъ и живутъ зимою на такъ называемыхъ „зимнихъ стойбищахъ“ и „кыстау“ (зимовка), въ районѣ которыхъ по преимуществу расположены пріиски для добычи золота. Отработавъ въ день заданное или урокъ, киргизъ идетъ десятка два саженъ отъ разрѣза (иногда и полверсты) въ свою юрту, домой, къ своимъ семьѣ и очагу и тутъ остается свободнымъ до слѣдующаго утра... Кончилась операція, киргизъ-рабочій также всѣмъ коштомъ двигается къ зимовкѣ. Такое передвиженіе въ Семипалатинской области не превышаетъ 40—60, а въ Акмолинской 15—20 верстъ[3]). По словамъ г. Коцовскаго, «на пріискахъ Семипалатинской области рабочіе состоятъ исключительно изъ мѣстныхъ киргизовъ», русскіе же, которыхъ здѣсь сравнительно мало, занимаютъ мѣста, гдѣ необходимо профессіональное знаніе, какъ-то: кузнецовъ, плотниковъ, шорниковъ и т. д. Тяжелое впечатлѣніе „производитъ рабочій-киргизъ. Весь въ рубищѣ, а зачастую наполовину обнаженный, онъ съ какимъ-то наивнымъ выраженіемъ лица» лѣниво исполняетъ свою работу. „Вся тяжесть непривычнаго труда, все неумѣнье выражается въ его жестахъ и обращеніи съ инструментами. Киргизъ по природѣ своей склоненъ къ лѣни... Вся тяжесть работы у нихъ лежитъ на женахъ, самъ же киргизъ является повелителемъ, посвящая всѣ дни сну, ѣдѣ и разъѣздамъ по сосѣднимъ ауламъ. Но не прочно ихъ благосостояніе, все построенное на скотоводствѣ. Достаточно одного или двухъ лѣтъ падежа скота, составляющаго въ степи обыкновенное явленіе, благодаря безпечности киргизовъ, какъ все благосостояніе послѣдняго разрушается прахомъ, и онъ, окруженный большой семьей, съ уцѣлѣвшимъ отъ падежа скотомъ, незначительнымъ домашнимъ скарбомъ и юртой, отправляется на пріискъ

---

[1]) Свѣдѣнія о числѣ рабочихъ съ 1870 г. см. въ *Дополненіи I* (въ концѣ этого тома).

[2]) „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 11, стр. 249.

[3]) „Вѣстникъ Золотопр.“ 1892 г. № 12, стр. 168; 1894 г. № 3, стр. 72.

наниматься рабочимъ“ [1]). По оффиціальному свидѣтельству, „кромѣ безвыходной нужды и взысканія податей, киргиза ничто не заставитъ идти въ работу и отказаться отъ приволья лѣтнихъ кочевокъ“ [2]).

Въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ горномъ округѣ киргизы нанимаются на пріиски большею частію изъ ближайшихъ волостей; наемъ производится зимою, съ октября по январь. Являются они на пріискъ сами, безъ понудительныхъ мѣръ, начиная съ послѣднихъ чиселъ марта, хотя срокъ явки по договорамъ, заключеннымъ ими съ золотопромышленниками, назначается обыкновенно 1-го апрѣля; впрочемъ большинство рабочихъ приходитъ въ апрѣлѣ, а нѣкоторые и въ маѣ. Оканчивается срокъ найма 1-го октября [3]). По договору рабочихъ-киргизовъ Усть-Каменогорскаго уѣзда Семипалатинской области съ золотопромышленницею Степановою 1888 г., они обязались явиться на ея пріискъ „по первому извѣщенію черезъ управляющаго, никакъ не позже 1-го апрѣля“, или тогда, когда они будутъ извѣщены, „въ противномъ случаѣ, за неявку кого-либо изъ насъ, по какимъ бы-то ни было причинамъ, къ означенному сроку подвергаемъ себя отвѣтственности по 30 к. за каждый просроченный день, а по окончательной неявкѣ къ работамъ до истеченія условленнаго срока, то есть по 1-е октября, виновный долженъ возвратить полученный имъ задатокъ и обязанъ уплатить неустойки 25 руб. сер. единовременно“ [4]). На случай неявки къ назначенному сроку и неотработки долга къ 1-му октября, нанявшіеся киргизы ставили „въ обезпеченіе по себѣ“ поручителей, которые „съ приложеніемъ тамги“ отвѣчали „за неявку и неотработку долга всецѣло“. Расходы при полученіи паспортовъ рабочіе принимали по этому договору на свой счетъ.

Относительно размѣра задатка мы имѣемъ мало точныхъ свѣдѣній. На пріискѣ Смирнова въ Зайсанскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, въ операцію 1892—93 г., средній размѣръ задатка—8 р.; на пріискѣ Степановой того же уѣзда, въ операцію 1893 г., средній задатокъ—16 руб. По свидѣтельству г. Коцовскаго, задатокъ въ Семипалатинской области рѣдко превышаетъ трехмѣсячный окладъ [5]). На только что упомянутомъ пріискѣ Смирнова задатокъ въ операцію 1893 г. составлялъ 43% всего заработка, на пріискѣ Степановой въ томъ же году—50%. По оффиціальному свидѣтельству, задатки нерѣдко пропа-

---

[1]) „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 9, стр. 170.

[2]) Донес. окруж. ревиз. Семип.-Семирѣч. окр. въ Арх. Томск. Горн. Упр.

[3]) „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 522, 1894 г. № 8, стр. 215.

[4]) Арх. Томск. Горн. Упр. По договору киргизовъ того же уѣзда съ золотопромышленникомъ Брюхановымъ неустойка за неявку назначена та же, а за просроченные дни опредѣлена пеня по 15 к.

[5]) „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 20, стр. 333; № 22, стр. 373; № 9, стр. 170.

дают, а оставшіеся паспорты вызывают недоразумѣнія, такъ какъ иногда оказывается, что взялъ задатокъ не тотъ, кому выданъ паспортъ; но мы увидимъ ниже, что побѣги вовсе не составляютъ особенно частаго явленія [1]).

Большинство пріисковыхъ рабочихъ Семипалатинской области нанимается по контрактамъ [2]). На Кокчетавскихъ промыслахъ (нынѣ Тобольско-Акмолинскаго горнаго округа) пріиски, въ первое время по ихъ открытіи (т.-е. съ конца 30-хъ годовъ) работались также контрактными рабочими; теперь же здѣшніе пріиски разрабатываются старателями-золотничниками, и контрактными рабочими производятся работы только на весьма немногихъ пріискахъ съ болѣе богатыми розсыпями и обильныхъ водою. Золотопромышленники нанимаютъ тутъ мѣстныхъ киргизовъ безъ всякихъ задатковъ, а если и даютъ ихъ, то товарами и припасами, а не деньгами [3]).

Не явилось на пріиски Семипалатинской области въ 1879 году 5% нанятыхъ рабочихъ, въ 1880 г.—4%, въ 1881 г.—2%, въ 1884 г.—4%, въ 1889—болѣе 2%, въ 1890 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ—2%, въ 1891 г. болѣе 2%, въ 1892 г.—менѣе 1%; слѣдовательно число неявившихся рабочихъ постепенно уменьшается. Въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ въ 1890 г. неявившихся не было вовсе, что, впрочемъ, объясняется малымъ количествомъ контрактныхъ рабочихъ [4]).

Пріиски киргизской степи по своему внѣшнему виду не похожи на пріиски въ тайгѣ: это скорѣе лѣтнее стойбище киргизовъ. „Только присутствіе среди цѣлаго ряда разбросанныхъ тамъ и сямъ киргизскихъ юртъ нѣсколькихъ невзрачныхъ на видъ домиковъ, въ которыхъ помѣщаются управляющіе, служащіе и мастеровые или, какъ тутъ называютъ, заводъ“, — указываютъ, по словамъ г. Коцовскаго, на то, что это не стойбище киргизовъ [5]).

Такъ какъ среднее содержаніе золота на промыслахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа весьма ничтожно, то существованіе здѣсь золотого промысла въ его нынѣшней формѣ хозяйскаго предпріятія оказывается возможнымъ лишь благодаря незначительной толщинѣ

---

[1]) Замѣч. окружн. инженера Семип.-Сем. окр. (1889 г.) на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ въ дѣлѣ Томск. Горн. Упр.

[2]) „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 9, стр. 170; 1897 г. № 11, стр. 249.

[3]) „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 23, стр. 356.

[4]) Отч. о золотопр. Запад. Сиб. въ Горн. Деп.; „Горн. Жур.“ 1882 г. № 9, стр. 384; *Н. Богомюбскій*, „Краткій очеркъ горн. пром. въ Запад. Сибири“, 1891 г. стр. 23; „Горн. Жур.“ 1891 г. № 12, стр. 520; 1894 г. № 8, стр. 214.

[5]) „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 182.

торфовъ [1]), отсутствію работъ, требующихъ откачиванія воды, отведенія руслъ рѣкъ и т. п., а также дешевизнѣ рабочихъ рукъ и „неприхотливости требованій рабочихъ".

Орудіемъ горныхъ работъ являются здѣсь ломъ (необходимый въ Семипал. обл. потому, что въ золотоносномъ пластѣ встрѣчается очень много камней), кайла и лопата. Промываютъ пески на промыслахъ Семипалатинской области на ручныхъ бутарахъ и иногда кулибинкахъ. Доставленные къ бутарѣ пески выгружаются на ея чугунное рѣшето, на которомъ и подвергаются протиркѣ. При постоянномъ притокѣ воды протирщики перемѣшиваютъ пески и разбиваютъ глину гребками. Только на одномъ пріискѣ Степанова г. Коцовскій нашелъ золотопромывательную машину, приводимую въ дѣйствіе наливнымъ колесомъ [2]).

Относительно продолжительности рабочаго дня на промыслахъ Киргизской степи мы имѣемъ слѣдующія оффиціальныя свѣдѣнія. Въ 1879 г. рабочій день въ Семипалатинской и Акмолинской областяхъ равнялся 12 часамъ; въ 1880 г. въ Акмолинской также, а въ Семипалатинской число рабочихъ часовъ колебалось между 8 и 12 часами, въ среднемъ же равнялось 10-ти; въ 1881 году въ Семипалатинской—7—12 ч., въ среднемъ 9 ч., въ Акмолинской до 10 ч.; въ 1883—84 гг. въ обѣихъ областяхъ не болѣе 10 ч. Въ 1889 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ maximum 12 ч., minimum 10 ч., въ среднемъ 10 ч.; въ Тобольско-Акмолинскомъ max. 10 ч., minim. 7 ч., среднее 8 ч. Въ 1890 г. продолжительность времени, употребляемаго на исполненіе урока при горныхъ работахъ въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ и Тобольско-Акмолинскомъ округахъ, колебалась между 8 и 11 часами, а средняя продолжительность рабочаго дня считалась въ первомъ округѣ 9 ч., а во второмъ $9^1/_2$ ч. Въ 1891 г. въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ съ съ 1-го марта по 1-е мая продолжительность рабочаго дня показана въ 7 ч., а съ 1-го мая по 1-е октября—10 ч., въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ съ 1-го марта по 1-е мая — 8 ч., а съ 1-го мая по 1-е октября—12 ч. По словамъ горнаго исправника Крахалева, продолжительность рабочаго дня на промыслахъ киргизской степи „не превышаетъ 12 ч., *включая сюда и* тѣ три часа, которые идутъ на завтракъ (съ 7 до 8 ч. утра) и на обѣдъ (съ 12 до 2 ч. дня), слѣдовательно работа продолжается не болѣе 9 ч." Въ 1893 г., по свидѣтельству мѣст-

---

[1]) Толщина торфовъ въ этомъ округѣ колеблется между 1/4 и 3 аршинами, въ среднемъ же равняется въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ 2,07 ар., въ Зайсанскомъ 2,45 ар. „Горн. Журн." 1894 г. № 8, стр. 212, *Н. Богомбскій*, стр. 16.

[2]) Прежде, въ 1868—70 гг., на пріискахъ Семипалатинской и Семирѣченской областей было 8—10 золотопромывательныхъ чашъ. „Вѣстн. Золот." 1893 г. № 23, стр. 356; 1894 г. № 7, стр. 141—142, „Горн. Жур." 1871 г. № 7, стр. 140, ст. *Сборовскаго* въ „Зап. Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ." т. XIX, 89—90.

наго окружнаго инженера, на однихъ промыслахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго горнаго округа продолжительность рабочаго дня колебалась между 7 и 10 часами, на другихъ 7—8 ч., средняя же продолжительность рабочаго дня, по его мнѣнію, равняется 8 ч.; въ 1896 г. на промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго округа продолжительность рабочаго дня равнялась 5—10 час. По словамъ г. Коцовскаго, на промыслахъ Семипалатинской области работы начинаются съ разсвѣтомъ, идутъ до 11—12 ч., затѣмъ для обѣда и отдыха дается одинъ или два часа, послѣ чего снова приступаютъ къ работамъ. Уроки на большинствѣ пріисковъ оканчиваются между 3 и 5 часами, но на нѣкоторыхъ пріискахъ Колбинской системы работы легче и оканчиваются къ 2 ч. [1]). Такимъ образомъ, судя по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, можно было бы думать, что продолжительность рабочаго для за послѣдніе 15 лѣтъ уменьшилась. Но, по болѣе подробнымъ свѣдѣніямъ въ отчетѣ мѣстнаго окружнаго инженера, на промыслахъ Семипалатинской области за 1888 годъ оказывается, что изъ 33 пріисковъ на 4-хъ продолжительность рабочаго дня равнялась 12 ч., на 1-мъ—11 ч., на 6-ти—10 ч., на 5-ти—10—12 ч., на 6-ти—9 ч., на 2-хъ 9—10 ч., на 3-хъ—8 ч., на 1-мъ—8—10 ч., на 1-мъ— 8—9 ч., на 4-хъ—7—8 ч., слѣдовательно на половинѣ пріисковъ продолжительность рабочаго дня равнялась 10—12 ч., въ среднемъ же на всѣхъ промыслахъ нѣсколько менѣе 10 ч. [2]). Такимъ образомъ, измѣненія сравнительно съ началомъ 80 годовъ не замѣтно, но во всякомъ случаѣ продолжительность рабочаго дня на золотыхъ промыслахъ киргизской степи менѣе, чѣмъ въ другихъ горныхъ округахъ Сибири.

Въ контрактахъ продолжительность рабочаго дня не всегда точно обозначается: такъ въ договорѣ Степановой (Усть-Каменог. у. Семипал. обл.) съ рабочими-киргизами (1888 г.) сказано: „изъ рабочаго дня должно полагаться намъ на завтракъ 1 ч., на обѣденное время и отдыхъ 2 ч. въ день; работа должна быть даваема намъ урочная,“—и затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе размѣровъ урока. Количество рабочихъ часовъ не обозначено очевидно потому, что оно зависѣло отъ времени окончанія урока [3]). Въ договорѣ съ Брюхановымъ (того же уѣзда) киргизы обязывались работать съ 5 ч. утра до 7 ч. вечера, за исключеніемъ полуторачасового отдыха для обѣда, слѣдовательно $12^1/_2$ ч., но тутъ же пояснено, что урочную работу они обязываются выполнять безъ недоимки.

---

[1]) Отч. о золот. Запад. Сиб. въ Горн. Деп.; „Горн. Жур.“ 1882 г. № 9, стр. 385; 1891 г. № 12, стр. 521, 1894 г. № 8, стр. 216; 1895 г. № 11, стр. 299; Арх. Томск. Горн. Упр.; *Н. Боголюбскій*, стр. 18; „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 12, стр. 169; 1894 г. № 10, стр. 182; 1897 г. № 11, стр. 249.

[2]) Дѣло Том. Горн. Упр., отчетъ за 1888 г. № 31/2, л. 47—52.

[3]) Ibid.

Хотя приведенныя выше оффиціальныя показанія о продолжительности рабочаго дня и не вполнѣ одинаковы, но все-таки видно, что рабочій день на промыслахъ киргизской степи не такъ великъ, какъ, напр., въ Енисейскомъ или Олекминскомъ округахъ. По условію, выработанному мѣстными золотопромышленниками на съѣздѣ въ Усть-Каменогорскѣ въ 1894 году, опредѣлено: „начинать работу въ 5 ч. утра и продолжать до окончанія урока, полагая при этомъ на завтракъ 1 ч. и на обѣдъ 2 ч., *но оканчивая урокъ въ 8 рабочихъ часовъ.*“ Въ этомъ же условіи указанъ и размѣръ урока (см. ниже), за неисполненіе котораго назначенъ денежный штрафъ. Въ условіи не пояснено, дозволяется-ли рабочимъ, не окончившимъ урока въ 8 часовъ, продолжать работать и долѣе, или работа непремѣнно прекращается въ 4 ч. пополудни и съ неокончившаго урокъ берется штрафъ [1]). Въ первомъ случаѣ опредѣленіе продолжительности рабочаго дня оказывается призрачнымъ, во второмъ рабочій терпитъ большой матеріальный ущербъ, а невыработка возможна, такъ какъ хотя урокъ назначенъ умѣреннѣе, чѣмъ на промыслахъ Восточной Сибири, но максимальное разстояніе отвоза (100 саженъ) слишкомъ велико. Точное регулированіе продолжительности рабочаго дня должно было-бы вызвать отмѣну урочной системы и замѣну ея задѣльною платою безъ всякаго опредѣленія размѣра урока. Золотопромышленники могутъ возразить, что на готовомъ пищевомъ довольствіи дурной рабочій, пожалуй, готовъ будетъ получать и самую небольшую плату лишь бы только имѣть возможность мало работать, но отъ излишней лѣности въ работѣ золотопромышленники защищены правомъ досрочнаго разсчета рабочихъ.

Въ горныхъ работахъ продолжительность рабочаго дня зависитъ отъ размѣра урока. До сихъ поръ въ Семипалатинской области размѣръ уроковъ колебался весьма значительно; по свидѣтельству г. Коцовскаго, на большинствѣ пріисковъ уроки не превышаютъ 1 куб. сажени на 1-го забойщика, 1-го накладчика и 1-го возчика, хотя бываютъ уроки и значительно большіе, а именно—2 куб. саж. на 1 забойщика, 1-го накладчика и 2-хъ возчиковъ [2]); но бываютъ уроки и болѣе значительные: по по договору со Степановою, на пескахъ и торфахъ, на двухъ человѣкъ и 1 лошадь, полагалось добыть и вывезти, съ начала промывки по $1^1/_4$ куб. саж. (съ 1-го августа по 1-е октября по 1 куб. саж.). Бываютъ уроки и $1^1/_2$ куб. саж. на 2-хъ человѣкъ и 1 лошадь [3]). Если вскрытіе торфа будетъ производиться съ ручною откаткою на тачкахъ, то урокъ на 3 человѣкъ назначался тотъ же, что при лошади на двухъ. По договору

---

[1]) „Вѣст. Золот.“ 1894 г. № 3, стр. 72.
[2]) „Вѣст. Золот.“ 1894 г. № 9, стр. 170.
[3]) *Шостакъ.* „Золот. въ Томск. Горн. обл.“, 1896 г., табл. 5-я.

съ Брюхановымъ назначено вырабатывать и отвозить одну куб. саж. золотоноснаго пласта двумя рабочими на одной хозяйской лошади, а торфа вскрывать двумя рабочими и одною лошадью $1^1/_3$ куб. саж. съ отвозомъ не далѣе ста саженъ, а безъ лошади, ручнымъ откатомъ, тремъ человѣкамъ полагалась одна куб. саж. съ откатомъ не далѣе 50 саж., а если отвалъ будетъ ближе, то $1^1/_2$ куб. саж. Если вѣрить показанію горнаго исправника Крахалева, уроки на пріискахъ Семипалатинской области исполняются безъ напряженія силъ и на столько не велики, что рабочіе не рѣдко оканчиваютъ ихъ къ 4—5 ч. вечера. Г. Крахалевъ говоритъ, что, окончивъ довольно рано свой урокъ, киргизы „работаютъ тогда по доброй волѣ, на правахъ старателей, получая за то особую плату (60—70 к. съ куб. саж. вскрытаго торфа). „Такимъ образомъ“ (?), продолжаетъ г. Крахалевъ, „физическому переутомленію рабочихъ здѣсь нѣтъ мѣста“ (?) [1]). Напротивъ г. Коцовскій въ своемъ описаніи пріисковъ Семипалатинской области, хотя и утверждаетъ, что уроки на большинствѣ промысловъ оканчиваются между 3 и 5 часами, но рѣшительно отрицаетъ существованіе сверхъурочныхъ старательскихъ работъ контрактныхъ рабочихъ. „Сверхъ контрактнаго урока“, говоритъ онъ, „*рабочіе не вырабатываютъ ничего болѣе*,“ и здѣсь, какъ мнѣ сообщали управляющіе пріисками, невозможно ввести старательскую работу, т. е. работу сверхъурочную, за которую назначается отдѣльная плата“ [2]).

По условію, выработанному золотопромышленниками въ 1894 г. на съѣздѣ въ Усть-Каменогорскѣ, „рабочіе должны вырабатывать ежедневно на двухъ человѣкъ и одну лошадь до 1 куб. саж. золотоноснаго пласта съ зачисткою по почвѣ“ и до $1^1/_6$ куб. сажени торфовъ. Этотъ урокъ можетъ быть задаваемъ только при отвозкѣ не далѣе 100 с., а затѣмъ пріисковое управленіе или прибавляетъ по 1 лошади съ человѣкомъ на 2 саж. или уменьшаетъ урокъ на одну четверть.

Въ томъ же условіи относительно экстренныхъ работъ сказано: „по выполненіи заданнаго урока, пріисковое управленіе не должно задавать рабочимъ, въ тотъ же день, другую работу, но въ случаѣ несчастья: наводненія, прорыва плотинъ и канавъ или пожара, рабочіе обязуются явиться по первому призыву днемъ и ночью и *взамѣнъ этого пользоваться отдыхомъ въ слѣдующій день столько часовъ, сколько будетъ употреблено на сверхурочную работу*“. Это правило, хотя оно должно было-бы существовать повсемѣстно, является нѣкоторою новостью. Въ другихъ горныхъ системахъ, на нѣкоторыхъ пріискахъ полагается денежное вознагражденіе за экстренныя работы, но въ большинствѣ случаевъ оно

[1]) „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 12, стр. 169.
[2]) „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 182.

отсутствуетъ, и пріисковыя управленія, повидимому, ограничиваются поднесеніемъ винной порціи. Въ условіи, выработанномъ усть-каменогорскими золотопромышленниками, далѣе сказано: „не вышедшіе на таковую (экстренную) работу подвергаются наказанію, какое будетъ постановлено правилами артельной расправы“ [1]).

Очень важная и выгодная для рабочихъ особенность промысловъ киргизской степи состоитъ въ томъ, что по воскресеньямъ здѣсь работъ не бываетъ [2]), всегда празднуются также, такъ называемые, „высокоторжественные дни“. Впрочемъ по воскресеньямъ рабочіе отрабатываютъ иногда такіе дни, въ которые они почему-либо не могли работать. Такъ напр., киргизы, чтобы быть свободными въ праздникъ Байрама (24, 25 и 26 іюня), должны работать три воскресенья. Въ наши церковные праздники, кромѣ воскресенья, киргизы работаютъ [3]). Впрочемъ на нѣкоторыхъ пріискахъ и „высокоторжественные дни“ рабочимъ приходится отрабатывать въ другіе дни. Такъ напр., по договору со Степановою (усть-камен. у.), рабочіе киргизы обязываются „работать ежедневно, исключая воскресные и высокоторжественные дни“; но если послѣдніе будутъ приходиться въ рабочіе дни, то киргизы обязывались безпрекословно отработать ихъ въ первый воскресный день до этого праздника. По оффиціальнымъ отчетамъ 1879—1890 гг. среднее количество рабочихъ дней въ теченіе операціи въ Семипалатинской области колебалось между 86 и 108, но чаще было ближе къ этой послѣдней цифрѣ, а въ Акмолинской области между 76 и 122. Въ 1893 году въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ наибольшее количество дней достигало на одномъ пріискѣ 173, а наименьшее на 4 пріискахъ—22—39 дней. Наиболѣе же обычнымъ числомъ рабочихъ дней, въ теченіе операціи, т. е. съ 1-го апрѣля по 1-е октября, мѣстный горный инженеръ считаетъ 100—170. Въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ въ 1893 и 94 гг. среднее число рабочихъ дней равнялось 82 и 115, наименьшее 12, наибольшее 274 [4]).

Зимою горныхъ работъ на промыслахъ киргизской степи вообще не производится, и на пріискахъ оставляютъ лишь караульныхъ. Исключенія очень рѣдки. Относительно Семипалатинской области только въ отчетѣ за 1887 годъ мы находимъ извѣстіе, что на промыслахъ Свято-Макарьевскаго товарищества, *„на которыхъ ведутся исключительно подземныя работы*, рабочіе задолжаются круглый годъ“. Но въ отчетѣ за слѣдующій годъ сказано, что золотоносные пески добывались на этомъ

[1]) „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 3, стр. 72.

[2]) „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 12, стр. 169.

[3]) „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 182; „Сводъ замѣч. на проектъ прав. о наймѣ раб. въ дѣлахъ Том. Горн. Упр.

[4]) „Горн. Жур.“ 1894 г. № 8, стр. 216; 1895 г. № 11, стр. 298.

пріискѣ въ открытыхъ разрѣзахъ [1]). По словамъ окружного инженера Сборовскаго, „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Семипалатинской области и можно бы производить работы до 1-го ноября и даже дольше, но... рабочіе, въ особенности изъ инородцевъ, до того привыкли къ установленнымъ срокамъ операціоннаго времени, что позже 1-го октября ни за что не остаются", и потому „зимнія работы не прививаются". Въ Кокчетавской системѣ Тобольско-Акмолинскаго округа промывка песковъ производится въ зимніе мѣсяцы лишь на двухъ-трехъ пріискахъ; но она весьма ничтожна, и, по словамъ г. Крахалева, представляетъ „скорѣе избавленіе отъ голодовки тѣхъ бѣднѣйшихъ... старателей, которымъ ни жить зимою нечѣмъ, ни дѣваться некуда [2]). Плата за работу на промыслахъ киргизской степи весьма ничтожна. По оффиціальному отчету о золотопромышленности въ Западной Сибири въ 1879 году, рабочіе за 6 мѣсяцевъ получали въ Семипалатинской области 25—30 р., слѣд. по 4—5 р. въ мѣсяцъ. Дѣйствительно это было наиболѣе обычною платою, но изъ отчета о золотопромышленности въ Семипалатинской области за 1879 г. видно, что на нѣкоторыхъ промыслахъ плата падала и ниже 3 р. въ мѣсяцъ, а на одномъ пріискѣ поднималась до 8 р. [3]). Въ 1883 году, по отчету о золотопромышленности въ Западной Сибири, рабочіе въ Семипалатинской области получали 20—50 р. въ лѣто, на нѣкоторыхъ же пріискахъ полагалось мѣсячное жалованье отъ 4 р. до 5 р. 50 к. Въ отчетахъ за 1884 — 87 гг. указана та же плата за все лѣто, а мѣсячное жалованье иногда повышалось до 6 р. Въ 1889 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ, по свидѣтельству мѣстнаго окружнаго инженера, рабочая плата падала иногда и до 2 р. въ мѣсяцъ. [4]). Въ 1888 г. въ Семипалатинской области, если считать операцію въ 6 мѣсяцевъ, вознагражденіе въ мѣсяцъ колебалось между 2 р. 50 к. и 7 р. 50 к., то есть равнялось 8—25 к. въ день, а по отчету за 1889 г. maximum платы на двухъ пріискахъ доходилъ до 60—65 р. въ операцію [5]). Въ 1890 г. плата въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ

---

[1]) Арх. Том. Гор. Упр. Въ 1895 г. подземныя работы были на одномъ пріискѣ Тобольско-Акмолинскаго округа. *Сборовскій* въ „Зап. Запад. Сиб. Отд. Геогр. Общ.", кн. XIX, 89.

[2]) „Горн. Жур." 1894 г. № 8, стр. 216; „Вѣстн. Золот." 1894 г., № 12, стр. 169.

[3]) На пріискахъ арендатора Никонова рабочіе получали 4—5 р. въ мѣсяцъ; на пріискахъ Степановыхъ 20—50 р. за 6 мѣсяцевъ; на пріискахъ Касаткиныхъ 25—30 р. за 6 мѣсяцевъ; на пріискахъ Симоновыхъ 17 р. 50 к.—30 р. за то же время; на пріискѣ Перфильева 4—5 р. въ мѣсяцъ; у Сабурова 22 р. 50 к. за шесть мѣсяцевъ; на пріискѣ Сурова и Пухова и на пріискахъ Проскуряковыхъ 30 р. Арх. Том. Горн. Упр. № 1046/220, л. 100.

[4]) Дѣла Горн. Деп. и Томск. Горн. Упр.

[5]) А именно: въ 1888 г. на пріискахъ Валитова 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, на пріискахъ Самсоновыхъ 30—40 р. за 6 мѣсяцевъ, на пріискахъ Степановой 4 р.

округѣ равнялась 3 р. 60—7 р. 50 к. въ мѣсяцъ и 20—70 р. въ операцію Въ 1891 г., по свидѣтельству Н. Боголюбскаго, въ томъ же горномъ округѣ мѣсячное жалованье равнялось 4—6 р., а за операцію—22 р. 50 к.—60 р.; мы видѣли, что операція продолжалась 6 мѣсяцевъ, слѣдовательно maximum платы въ мѣсяцъ равнялся 10 р. Въ 1893 г., по свидѣтельству мѣстнаго окружного инженера, плата мужчинамъ равнялась въ мѣсяцъ 3—6 р., въ среднемъ 5 р., а за операцію 18—93 р. въ среднемъ—27 р. 50 коп. Максимальную плату получали безъ сомнѣнія, мастеровые. По крайней мѣрѣ на Ивановскомъ пріискѣ Сурова въ Семирѣченской области таранчинцы и киргизы получали по 5 р., русскіе по 7 р., мастеровые отъ 15 до 25 р. въ мѣсяцъ [1]). По свидѣтельству г. Коцовскаго, на пріискахъ Семипалатинской области рабочіе получали слѣдующее мѣсячное жалованье: забойщикъ и накладчикъ 3 р. 50 к.—6 р., возчикъ 3 р.—5 р., пробойщикъ (протирщикъ) 3 р. 50 к.—6 р., табунщикъ 7 р.—7 р. 50 к., поторжные до 5 р. Ремесленники, по бо́льшей части изъ русскихъ, получали мѣсячное жалованье: кузнецы 10—25 р., плотники и шорники 10—20 р. Въ Акмолинской области рабочему платили на золотыхъ промыслахъ 4—8 р. въ мѣсяцъ или 20—25 р. за операцію. Нужно впрочемъ помнить, что контрактныхъ рабочихъ на Кокчетавскихъ промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго округа весьма немного: въ 1890 г. хозяйственнымъ способомъ разработывалось 4 пріиска, причемъ плата мужчинамъ равнялась 8 р. 85 к. въ мѣсяцъ, вѣроятно на собственномъ продовольствіи, по крайней мѣрѣ на трехъ пріискахъ, работавшихся хозяйственными работами въ 1893 году, мѣсячная плата забойщику въ 9 р. была назначена на своемъ содержаніи.

Поденная плата на пріискахъ Тобольско-Акмолинскаго и Семипалатинско-Семирѣченскаго округовъ равнялась 15 к.—1 р. 30 к., но платою наиболѣе обычною было 30 к. [2]).

---

50 к. въ мѣсяцъ, у Касаткиныхъ 30—35 р. во всю операцію, на пріискѣ Сильверстова 30—40 р. въ операцію, у Брюханова 15—25 р. (!) въ операцію, на пріискѣ арендаторши Хотимской 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, на пріискахъ компаніи Степанова и Попова 25—35 р. въ лѣто, на пріискахъ Москвина 5 р.—7 р. 50 к. въ мѣсяцъ, у Степановыхъ 25—40 р., у Афонина и Грековой 20—40 р., за операцію, на пріискѣ Смирнова 50 р. Въ операцію 1889 г. плата была почти вездѣ та же, что и въ предыдущій годъ, но на нѣкоторыхъ показана нѣсколько выше: такъ на пріискѣ Брюханова мы не находимъ уже 15 р. платы за все лѣто, на пріискахъ компаніи Степанова и Попова плата значительно повышена (45—65 р. въ операцію), на пріискахъ Степановыхъ 30—60 р. въ операцію. Дѣло Том. Горн. Упр., отчетъ за 1888 г. Изъ договора со Степановою видно, что мѣсячная плата у нея колебалась между 3 р. 30 к. и 5 р. 65 к.

[1]) „Горн. Жур.“ 1891 г. № 12, стр. 522; 1894 г. № 8, стр. 216; *Н. Боголюбскій*, стр. 19; „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 16, стр. 234.

[2]) „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 9, стр. 170, № 10, стр. 182; 1893 г. № 10, стр. 156,

Плата подросткамъ-возчикамъ Семипалатинской области въ 1879 г. равнялась 18 р. за 6 мѣсяцевъ. Подростки нанимались въ этой мѣстности не моложе 15-тилѣтняго возраста. Въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ подросткамъ платили въ 1890 г. 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, а по свидѣтельству Крашенинникова, въ 1893 г. подросткамъ-возчикамъ — *4 р. на собственномъ содержаніи!* [1])

Женщины, находящіяся при различныхъ занятіяхъ на пріискахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа, получали мѣсячную плату 3 р. 50—5 р. 50 к., на хозяйскомъ содержаніи. Въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ 6 р.—6 р. 75 к. въ мѣсяцъ на своемъ продовольствіи [2]).

При ничтожной мѣсячной платѣ, вычетъ за недоработку уроковъ назначается весьма большой. По договору со Степановою (1888 г.) за каждую недоработанную куб. сажень вычитали изъ мѣсячной платы на пескахъ 1 р. 20 к., на торфахъ—60 к. По условію, составленному Усть-Каменогорскими золотопромышленниками на съѣздѣ 1894 г., неокончившіе урокъ должны платить пріисковому управленію за каждую недоработанную 1/4 куб. саж. по 75 к., разлагая отвѣтственность эту на дѣйствительно виновныхъ.

Кромѣ мѣсячнаго жалованья, на многихъ пріискахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа существуетъ плата за подъемное золото, „т.-е. такое, которое поднято въ забоѣ или снято съ вашгердовъ, какъ непроскочившее черезъ отверстіе рѣшетъ“. За это золото платятъ отъ 1 р. до 1 р. 50 к. за золотникъ. Есть такіе пріиски, какъ Казанскій Москвина, на которомъ подъемное золото составляетъ чуть ли не четверть всего добытаго на этомъ пріискѣ золота, благодаря его крупности [3]). По договору со Степановою за самородки менѣе 1 ф. платили по 1 р. за золотникъ, а за самородокъ болѣе 1 ф. плата назначалась по усмотрѣнію управляющаго, причемъ вообще плата за самородки выдавалась нашедшему его, а не дѣлилась „на компанію“.

По договору съ Брюхановымъ, ему предоставлялось передавать рабочаго по своему усмотрѣнію другому золотопромышленнику. На съѣздѣ въ Усть-Каменогорскѣ въ 1894 г. было постановлено, что вообще въ случаѣ перевода рабочаго съ одного пріиска на другой ему должно было платить на пути прежнее жалованье, перевозить и кормить семью рабочаго на счетъ хозяина.

№ 23, стр. 356; „Горн. Жур.“ 1891 г. № 12, стр. 523; 1895 г. № 11, стр. 299; *Шостакъ*, табл. 5-я.

[1]) Дѣла Горн. Деп. и Том. Горн. Упр.; „Горн. Жур.“ 1891 г. № 12, стр. 523; „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 23, стр. 356.

[2]) „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 522—523; 1894 г. № 8, стр. 217; „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 23, стр. 356.

[3]) „Горн. Жур.“ 1894 г. № 8, стр. 216.

Горныя работы на промыслахъ киргизской степи производятся не всегда за мѣсячное вознагражденіе, а иногда изъ подряда, но за скудную плату. Такъ въ 1889 и 93 гг. за вскрышу торфовъ и добычу песковъ съ подряда платили 60—80 к. за 1 куб. саж. [1]). По словамъ г. Коцовскаго, торфа очень рѣдко снимаются въ Семипалатинской области контрактными рабочими и, по бо́льшей части, на эту работу задолжаются вольные киргизы съ платою за добытую кубическую сажень отъ 50 к. до 1 р., причемъ инструменты, таратайка и упряжь хозяйскіе, а торфовщикъ долженъ имѣть свою лошадь или быка *и кормиться на свой счетъ* [2]). На кокчетавскихъ промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго округа за вскрышку торфа и отвозъ на отвалъ платятъ по 1 р., а за перевалку по 60 к. съ кубической сажени; за добычу песковъ и подвозку ихъ на бутару по 1 р. 20 к. съ кубической сажени; за добычу и промывку песковъ на ручныхъ бутарахъ—по 5 к. съ таратайки, что составляетъ немного болѣе 2 р. 40 к. съ кубической сажени. Плата эта назначается при возкѣ не далѣе 100 саж. При вскрышѣ торфа рабочіе должны имѣть здѣсь при такомъ способѣ найма не только свое содержаніе и своихъ лошадей, но также свои таратайки и свои инструменты. При добычѣ же и промывкѣ песковъ (по 5 к. съ таратайки) золотопромышленникъ даетъ отъ себя рабочимъ бутару, таратайку и необходимые инструменты [3]).

На одномъ пріискѣ Семипалатинской области въ 1888 г. добывалось рудное золото; средняя плата за поденщину равнялась здѣсь мужчинамъ—40 к., женщинамъ—30 к. и дѣтямъ—10 к. Въ 1889 г. средняя плата рабочему на томъ же пріискѣ считалась—37 к. въ день [4]).

Относительно продовольствія хозяйскихъ рабочихъ на промыслахъ Семипалатинской области въ отчетѣ о тамошней золотопромышленности за 1879 г. годъ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: „пища рабочимъ приготовляется въ весеннее время отъ пріиска; а въ лѣтнее время женами ихъ и родственниками изъ отпускаемыхъ имъ отъ пріиска на каждаго рабочаго: въ мартѣ и апрѣлѣ крупы 1/4 фунта, мяса 1 ф. и печенаго хлѣба, со дня прихода на работу и до окончанія операціоннаго времени, по 4 ф. въ сутки, а съ 1-го мая по 1-ое октября, первыхъ двухъ предметовъ“ (т.-е. крупы и мяса) не выдается; слѣдовательно лѣтомъ рабочіе получали отъ пріисковаго управленія только одинъ хлѣбъ. Точно такое же пищевое довольствіе выдавалось рабочимъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа въ 1889 г., т.-е. 10 лѣтъ

---

[1]) Арх. Том. Горн. Упр.; „Горн. Журн.“ 1894 г. № 8, стр. 216.
[2]) „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 7, стр. 141, № 10, стр. 182.
[3]) „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 23, стр. 356.
[4]) Арх. Том. Горн. Упр., дѣло 1888 г. № 31/2 и отчетъ за 1889 г.

позднѣе, только весною рабочимъ выдавалась еще соль [1]). Въ отчетѣ за 1890 г, сказано, что на нѣкоторыхъ пріискахъ мясо, крупа, соль, печеный ржаной хлѣбъ и иногда кирпичный чай отпускаются во всю операцію [2]). Водки киргизы не пьютъ [3]), и потому винной порціи имъ не выдается. По отчету за 1893 г. на тѣхъ промыслахъ, гдѣ пищевое довольствіе не измѣняется въ теченіе всей операціи, рабочимъ постоянно отпускали и кирпичный чай. На такихъ пріискахъ припасы выдавались въ слѣдующемъ количествѣ: печенаго ржаного хлѣба отъ 110 до 120 ф. въ мѣсяцъ, бараньяго мяса 25—35 ф., поваренной соли 4—6 ф., крупъ (просо, гречиха и пшено) 15—30 ф., кирпичнаго чаю $^1/_4$—$^1/_2$ ф. Число пріисковъ, на которыхъ отпускался лѣтомъ одинъ хлѣбъ, было не особенно велико,—по свидѣтельству г. Сборовскаго, не болѣе семи (изъ 69 работавшихся пріисковъ). „На послѣднее обстоятельство, впрочемъ", продолжаетъ г. Сборовскій, „обращено вниманіе" мѣстной полицейской власти, „и вѣроятно въ 1894 г. болѣе не будетъ продолжаться подобное, черезъ чуръ скромное довольствіе" (въ 1894 г. на большинствѣ пріисковъ рабочимъ выдавали еще по 1 ф. сала). Женщины, занимавшіяся приготовленіемъ пищи для служащихъ и рабочихъ, получали готовое содержаніе, а также мастеровые изъ русскихъ — плотники, кузнецы и т. п. [4]). На съѣздѣ золотопромышленниковъ къ Усть-Каменногорскѣ въ 1894 г. относительно продовольствія рабочихъ было постановлено, что „пріисковое управленіе обязано выдавать на рабочихъ ежедневно по 4 ф. ржаного печенаго хлѣба, по 1 ф. свѣжаго или соленаго мяса [5]), по 1 ф. просяной крупы, пшена или пшеничной муки; продукты эти должны быть вполнѣ годные къ употребленію; кромѣ сего полагается ежемѣсячно по четверти кирпича чаю и 3 ф. соли; такая же порція выдается по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ". На этомъ же съѣздѣ постановлено, что „не вышедшіе на работу по лѣности или притворству не получаютъ никакого содержанія". Когда мы увидимъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находится врачебное дѣло на здѣшнихъ промыслахъ, мы поймемъ весь вредъ этого постановленія, такъ какъ пріисковое управленіе само совершенно не компетентно въ томъ, чтобы рѣшить, боленъ ли рабочій, или притворяется, да и вообще не слѣдуетъ дозволять лишать пищи на промыслахъ рабочаго, нанятаго на хозяйскомъ

---

[1]) Арх. Том. Горн. Упр., дѣло № 1046—220, л. 101 и отч. за 1889 г.

[2]) „Горн. Журн." 1891 г. № 12, стр. 522; нѣкоторыя подробности см. въ „Сиб. Вѣстн." 1891 г. № 96.

[3]) „Вѣстн. Золот." 1892 г. № 12, стр. 169—170.

[4]) „Горн. Жур." 1894 г. № 8, стр. 216—217; „Вѣстн. Золот." 1894 г. № 10, стр. 182—183; *Шостакъ*, табл. 5-я; ср. *Сборовскій* въ „Зап. Зап. Сиб. Отд.", XIX, 87.

[5]) Съ 1895 г. дѣйствительно стали выдавать по 1 ф. мяса на всѣхъ промыслахъ Семиналатинско-Семирѣч. окр. „Вѣстн. Золот." 1896 г. № 14, стр. 268.

продовольствіи. А между тѣмъ подобное правило, только въ еще болѣе рѣшительной формѣ, мы встрѣчаемъ и въ договорѣ Степановой съ киргизами, по которому рабочіе до 1-го мая получали 4 ф. ржаного хлѣба и 1 ф. мяса въ день, а съ 1-го мая только хлѣбъ, но они лишались и его, если „въ случаѣ *болѣзни* или *лѣности*“ не выйдутъ на работу. По договору же съ Брюхановымъ, во все время пребыванія на промыслахъ съ 1-го апрѣля, рабочіе должны были получать только одинъ хлѣбъ по 4 ф. въ день [1]).

Въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ на большинствѣ пріисковъ работали старатели-золотничники, а потому въ 1890 г. на 24 пріискахъ (изъ 26 дѣйствовавшихъ въ это время) рабочіе были на собственномъ продовольствіи.

На Ивановскомъ пріискѣ Сурова въ Семирѣченской области содержаніе чернорабочихъ въ 1890—92 гг. стоило 3—4 рубля, мастеровыхъ 6—8 р. въ мѣсяцъ; есть указаніе, что въ Усть-Каменогорскомъ округѣ въ 1889 г. содержаніе рабочаго во всю операцію стоило 15 р. [2]).

Никакихъ бараковъ для рабочихъ золотопромышленники въ степныхъ областяхъ не строятъ, потому что киргизы почти всегда являются на работы со своими юртами, семействами и скотомъ. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ включено обязательство рабочихъ имѣть свое помѣщеніе; иногда холостые рабочіе живутъ въ юртахъ семейныхъ товарищей, но бываетъ и хуже. „Многіе изъ рабочихъ киргизовъ“, говоритъ г. Коцовскій, „до такой степени обнищали, что не имѣютъ юртъ и помѣщаются въ какихъ-то жалкихъ землянкахъ, привести которыя въ состояніе болѣе или менѣе удобное для жилья рабочій не можетъ, владѣлецъ же пріиска не считаетъ своею обязанностію заботиться объ устройствѣ помѣщенія для рабочихъ. Освобождать золотопромышленниковъ киргизской степи отъ постройки жилья для рабочихъ, основываясь только на томъ, что киргизъ привыкъ жить въ юртѣ, не основательно... Большинство нынѣшнихъ рабочихъ киргизовъ принадлежитъ къ числу людей, матеріальное благосостояніе которыхъ раньше было значительно лучше; въ то лучшее время у нихъ имѣлось достаточное количество всякаго скота, въ томъ числѣ и овецъ, изъ шерсти которыхъ выкатывалась кошма, необходимая для юрты. Въ силу обстоятельствъ (падежа скота и т. д.) киргизъ потерялъ все и отправился наниматься на пріискъ. Отъ прежняго благосостоянія у него осталось только двѣ-три головы скота и юрта. Послѣдняя

---

[1]) Въ Семипалатинской области существуетъ на пріискахъ такое правило: если три холостыхъ киргиза помѣщаются въ юртахъ семейнаго, и жена этого послѣдняго приготовляетъ для нихъ пищу, то ей разрѣшается ежемѣсячно брать изъ лавки на 1 р. товара. Впрочемъ холостыхъ рабочихъ киргизовъ очень мало. „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 182.

[2]) „Вѣстн. Золот.“ 1892 г. № 16, стр. 234; „Сиб. Вѣстн.“ 1891 г. № 96.

изъ года въ годъ приходить въ ветхость, ремонтировать же ее или построить новую рабочій не имѣетъ возможности... Съ увѣренностью можно сказать, что всѣ нынѣ существующія юрты сооружены въ то лучшее время, когда матеріальное благосостояніе киргизовъ было иное, и не пройдетъ нѣсколько лѣтъ, какъ эти юрты придутъ въ такую ветхость, что киргизы-рабочіе принуждены будутъ ихъ бросить и перейти въ землянки или какое-либо другое помѣщеніе... Привычка киргиза проводить лѣто въ юртѣ будетъ оставлена, и онъ принужденъ будетъ искать другое жилье, о постройкѣ котораго, какъ мнѣ кажется, и долженъ озаботиться золотопромышленникъ". Г. Коцовскій совершенно основательно настаиваетъ на томъ, что золотопромышленниковъ слѣдуетъ обязать устраивать для рабочихъ жилища или по крайней мѣрѣ исправлять существующія у нихъ юрты „согласно тѣмъ условіямъ, къ которымъ привыкли киргизы". Въ Зайсанскомъ у. Семипалатинской области юрты замѣнены землянками, вырытыми въ горахъ самими рабочими; эти землянки безъ половъ и печей походятъ скорѣе на ямы, чѣмъ на жилыя помѣщенія [1]).

Въ пріисковыхъ лавкахъ за деньги или въ счетъ заработка рабочіе могутъ получать съѣстные припасы, разный красный товаръ, обувь, табакъ, и т. под. [2]). Къ сожалѣнію, по словамъ г. Сборовскаго, мѣстною полицейскою властью обнаружено, что не всѣ золотопромышленники относятся къ дѣлу снабженія рабочихъ товарами одинаково добросовѣстно: одни дѣйствительно преслѣдуютъ цѣль доставить рабочему товаръ по возможности лучше и сравнительно недорогой по цѣнѣ; другіе же на этой продажѣ строятъ чуть-ли не все благополучіе пріиска, сбывая рабочему за дорогую цѣну никуда негодный товаръ [3]). Правда, въ 1889 г. горный исправникъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа составилъ таксу, въ которой были приняты во вниманіе интересы рабочихъ, но золотопромышленники нашли себѣ защитника въ лицѣ мѣстнаго окружнаго инженера Игнатьева, который въ своемъ донесеніи въ томское горное управленіе, 28 ноября 1889 г., писалъ: „Въ настоящее время горнымъ исправникомъ составлена такая такса цѣнъ на товары, что нѣкоторые зототопромышленники ради избѣжанія убытка при продажѣ спрашивали меня, имѣютъ ли они право" не держать товара на пріискахъ. „Многіе мелкіе золотопромышленники не имѣютъ

[1]) „Вѣстн. Золот." 1894 г. № 9, стр. 170; № 10, стр. 182—3; 1896 г. № 24, стр. 447.

[2]) Въ договорѣ со Степановою (1888 г.) сказано: „выдача намъ въ плату изъ пріисковаго магазина припасовъ и товарныхъ вещей должна быть производима по отработкѣ долга или взятаго при наймѣ задатка, — словомъ по усмотрѣнію управляющаго".

[3]) „Горн. Журн." 1894 г. № 8, стр. 217—218.

возможности покупать товаръ если не изъ первыхъ рукъ, то отъ большихъ фирмъ; поэтому при таксѣ, составленной по цѣнамъ какой-нибудь большой оптовой фирмы, мелкій золотопромышленникъ всегда долженъ продавать въ убытокъ". „Я не могу согласиться", продолжаетъ Игнатьевъ, „съ замѣчаніемъ исправника, ...что нельзя имѣть никакой вѣры въ заявленіе золотопромышленниковъ въ дѣлѣ назначенія цѣнъ. Они должны быть спрошены, такса должна быть выработана совмѣстно съ ними, при ихъ согласіи безъ всякаго давленія и послѣ того утверждена" [1]). Немудрено, что, находя себѣ такихъ защитниковъ, многіе золотопромышленники путемъ продажи припасовъ и товаровъ на пріискахъ эксплоатируютъ рабочихъ. „Таксы на пріискахъ киргизской степи", говоритъ г. Коцовскій, „хотя и нельзя считать особенно высокими, но во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе незначительное жалованье рабочихъ, вполнѣ достаточны, чтобы къ концу операціи поглотить у рабочаго весь денежный заработокъ". Онъ находитъ, что нужно уменьшить цѣны на необходимые товары и припасы. „Не знаю", продолжаетъ онъ, „почему сложилось убѣжденіе, что золотопромышленникъ долженъ получать на товары и припасы десять, пятнадцать и двадцать процентовъ барыша. Я думаю, что для золотопромышленника вполнѣ достаточно тѣхъ выгодъ, какія онъ получаетъ отъ разработки пріиска, и онъ не долженъ гнаться въ ущербъ рабочимъ за барышами на товарахъ и припасахъ. Но даже допустивъ, что это послѣднее необходимо, такъ такъ пріобрѣтеніе товаровъ связано съ нѣкоторыми заботами и трудомъ, то и тогда барышъ 5—8% вполнѣ достаточенъ, чтобы вознаградить эти труды" [2]).

Въ санитарномъ отношеніи, по словамъ окружнаго инженера Сборовскаго, положеніе рабочихъ на промыслахъ Семипалатинско-Семирѣченской области „не можетъ считаться не только блестящимъ, но даже порядочнымъ, ибо юрты, въ коихъ живутъ киргизы, благодаря присущей имъ неряшливости, содержатся въ самомъ неопрятномъ видѣ". Точно также „далеко не на всѣхъ пріискахъ можно видѣть, чтобы помѣщеніе для служащихъ и рабочихъ, такъ сказать, привилегированнаго на пріискахъ сословія, соотвѣтствовало самымъ неприхотливымъ гигіеническимъ условіямъ. Если иногда и встрѣчаются болѣе или менѣе чистыя помѣщенія, то все-таки они выстроены изъ сырцоваго кирпича, обыкновенно тѣсны, низки, сыры, а потому и не могутъ быть полезны для здоровья проживающихъ въ нихъ, и пожалуй юрты, которыя, благодаря своему

[1]) Арх. Томск. Горн. Управ.

[2]) „Вѣстн. Золот." 1894 г. № 10, стр. 182—3. По таксѣ Устькаменогорскаго и Зайсанскаго уѣздовъ 1894 г. пудъ ржаной муки стоилъ 55—90 к., пудъ мяса 1 р. 40 к., 1 ф. сахару 25 к., сапоги выростковые 3 р. 50 к.—7 р. пара. „Вѣстн. Золот." 1894 г. № 3, стр. 72. Срав. другую таксу въ „Вѣстн. Золот." 1892 г. № 12, стр. 168.

устройству, могутъ постоянно провѣтриваться; въ видахъ сохраненія здоровья, будутъ болѣе безопасны. Впрочемъ есть пріиски, на которыхъ имѣются, не только для управляющихъ, но и для служащихъ и рабочихъ, очень хорошія деревянныя постройки; но такихъ пріисковъ очень немного. Правда, лѣсъ довольно дорогъ и доставать его надо издалека" [1]).

Относительно медицинской помощи на промыслахъ киргизской степи, мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ оффиціальныхъ источникахъ. Въ отчетѣ о золотопромышленности въ Западной Сибири за 1879 г. сказано, что „на пріискахъ Семипалатинской и Акмолинской областей медицинской частью завѣдуетъ Усть-Каменогорскій уѣздный врачъ" (слѣдовательно особаго пріисковаго врача нѣтъ). „Лекарей не имѣется, а замѣняются они вольнонаемными фельдшерами; *медикаменты имѣются не на всѣхъ пріискахъ, а только на нѣкоторыхъ*" [2]) (много ли поможетъ фельдшеръ безъ лекарствъ? Въ 1887 г. только на нѣкоторыхъ пріискахъ Семипалатинской области находились вольнонаемные фельдшера; лекарства были также не на всѣхъ промыслахъ, а только на нѣкоторыхъ [3]). Въ подобномъ же видѣ организована была медицинская помощь и въ 1890 году; что же касается Тобольско-Акмолинскаго округа, то въ отчетѣ за 1890 годъ весьма категорически сказано, что „на пріискахъ этой мѣстности *не имѣлось ни больницъ, ни аптекъ, ни фельдшеровъ, ни ветеринаровъ;* заболѣвающіе рабочіе обращались за медицинскою помощью въ городъ Кокчетавъ, гдѣ по желанію и поступали въ уѣздную больницу на свой собственный счетъ". Это и объясняетъ, почему въ отчетахъ 1880 — 87 гг. совершенно умалчивается о медицинской части на промыслахъ Акмолинской области. Въ 90-хъ годахъ въ центрѣ кокчетавскихъ пріисковъ была учреждена, на счетъ золотопромышленниковъ, одна больница съ аптекой на 10 кроватей и при ней фельдшеръ, но и то золотопромышленники считали это для себя непосильнымъ бременемъ. Въ 1893 году въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ было 13 фельдшеровъ и фельдшерицъ на пріискахъ 18-ти золотопромышленныхъ компаній и единоличныхъ хозяевъ. Тамъ, гдѣ находились фельдшера, были устроены больничные или пріемные покои, но бывало и такъ, что существовали больничные покои при отсутствіи фельдшеровъ. Аптеки были на 15 пріискахъ [4]). По словамъ г. Коцовскаго, „санитар-

[1]) „Горн. Журн." 1894 г. № 8, стр. 218—219.

[2]) Буквально то же повторено относительно пріисковъ Семипалатинской области въ отчетахъ за 1880, 81, 83, 84 и 85 гг.

[3]) А именно: наслѣдниковъ Самсонова, купца Касаткина, купчихи Степановой, купцовъ Москвина, Степанова, Брюханова и Валитова.

[4]) Арх. Горн. Деп.; „Горн. Журн." 1882 № 9, стр. 387; 1891 г. № 12, стр. 523; 1894 г. № 12, стр. 219; 1895 г. № 11, стр. 299. „Вѣстн. Зол." 1894 г. № 4, стр. 88; ст. *Сборовскаго* въ „Зап. Запад. Сиб. Отд." кн. XIX, 86, 88; „Вѣстн. Золот." 1897 г. № 11, стр. 249.

ное состояніе пріисковъ" Семипалатинской области неудовлетворительно, аптеки также неудовлетворительны. „Фельдшера хотя и имѣются почти на каждомъ пріискѣ, но большинство изъ нихъ изъ какихъ-то отставныхъ солдатъ, яко-бы исполнявшихъ въ полку обязанности фельдшеровъ и, какъ мнѣ кажется, имѣющихъ очень слабое представленіе о медицинѣ. Впрочемъ, рабочіе изъ киргизъ... какъ-то недовѣрчиво относятся къ русской медицинѣ" (развѣ можно при такихъ условіяхъ и говорить объ истинной медицинской помощи?) „и при болѣзняхъ всегда обращаются къ своимъ народнымъ лекарямъ и медицинскимъ средствамъ, въ родѣ ртути, киновари, ...александрійскаго листа, опія, стручковаго перца и т. п., которые, по ихъ мнѣнію, излечиваютъ отъ всѣхъ болѣзней". На съѣздѣ золотопромышленниковъ Усть-Каменогорскаго и Зайсанскаго уѣздовъ въ 1894 году было постановлено „имѣть на каждомъ пріискѣ нормальную аптеку и пріемный покой", но это постановленіе не было исполнено, какъ видно изъ того, что, по словамъ оффиціальнаго отчета за 1896 г., „больницъ и пріемныхъ покоевъ на пріискахъ нѣтъ, но фельдшера были почти на каждомъ пріискѣ". На томъ же съѣздѣ постановлено, что лекарства должны выдаваться безплатно, но рабочіе не могутъ брать ихъ для передачи постороннимъ лицамъ [1]).

На томъ же съѣздѣ въ Усть-Каменогорскѣ въ 1894 г. былъ поставленъ вопросъ, должно ли выдавать жалованье больнымъ рабочимъ, и рѣшено было, что за время болѣзни жалованья рабочимъ вовсе не полагается, кромѣ случаевъ ушиба и пораненія на самой работѣ или же отъ свойства работы (напр., въ водѣ), когда рабочіе должны получать половинное жалованье. Если же болѣзнь произошла по винѣ самого управленія, то больные получаютъ полное жалованье. До этого постановленія рабочіе, какъ и въ другихъ золотопромышленныхъ системахъ, въ случаѣ болѣзни и нахожденія въ больницѣ, жалованья не получали, такъ какъ мѣсяцъ считается въ тридцать рабочихъ дней [2]), но въ другихъ мѣстахъ они получали въ это время все необходимое пропитаніе. Относительно этого съѣздъ въ Усть-Каменогорскѣ постановилъ, что больнымъ наружными болѣзнями или поврежденіями выдается не менѣе половины порціи, назначенной для здоровыхъ, а больнымъ внутренними болѣзнями по особому указанію фельдшера.

Въ 1890 г. на пріискахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа всего чаще бывали слѣдующія болѣзни: перемежающіяся лихорадки, воспаленіе горла, горячки, ревматизмы, цынга и др. По словамъ г. Ко-

---

[1]) „Вѣстн. Золот." 1894 г. № 10, стр. 183; № 24, стр. 416; № 3, стр. 72; 1897 г. № 11, стр. 249.

[2]) По крайней мѣрѣ такое условіе мы находимъ въ договорахъ Степановой (1888 г.) и Брюханова.

цовскаго, несмотря на неудовлетворительное санитарное состояніе пріисковъ, „процентъ заболѣванія здѣсь очень незначительный, что можно объяснить хорошимъ, здоровымъ климатомъ, а главное тѣмъ, что пріисковая обстановка степи очень мало нарушаетъ народныя привычки киргизовъ. Между рабочими-киргизами замѣтно развитіе, главнымъ образомъ, слѣдующихъ болѣзней: цынги, сифилиса и въ особенности лихорадки и ревматизма—послѣднія отъ условій пріисковыхъ работъ“ [1]).

Несчастныхъ случаевъ на пріискахъ Семипалатинско-Семирѣченской области бываетъ, повидимому, немного; это объясняется тѣмъ, что работы ведутся, за немногими исключеніями, въ довольно мелкихъ разрѣзахъ, глубиною ниже человѣческаго роста. Впрочемъ, прежде о незначительныхъ случаяхъ не заставляли сообщать, и только недавно повсюду завели книги для записки несчастныхъ случаевъ и завѣдующихъ пріисками обязали доносить мѣстнымъ властямъ о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ бы ни были они маловажны [2]).

На съѣздѣ въ Усть-Каменогорскѣ въ 1894 г. было постановлено, что увѣчные и разнаго рода неспособные къ работѣ, сдѣлавшіеся таковыми благодаря работѣ на пріискахъ, должны получать пособіе отъ золотопромышленниковъ. Но на составленіе необходимаго для этого капитала золотопромышленники согласились жертвовать слишкомъ мало: всего по 10 коп. съ рабочаго въ годъ! Разсчитывая собрать такимъ образомъ всего по нѣсколько сотъ рублей въ годъ, золотопромышленники все-таки просили Усть-Каменогорскаго уѣзднаго начальника выработать уставъ о выдачѣ пособій изъ капитала, который такимъ образомъ составится [3]). Подобные факты показываютъ, что доброхотныя даянія гг. золотопромышленниковъ будутъ очень мало помогать увѣчнымъ, и необходимо, чтобы государство установило или единоличную отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи въ приличномъ размѣрѣ, или государственное страхованіе.

Школъ и церквей на степныхъ пріискахъ нигдѣ нѣтъ [4]).

Въ договорахъ съ рабочими здѣсь, какъ и въ другихъ золотопромышленныхъ системахъ, установлены штрафы за провинности. Такъ, по договору со Степановою, за самовольную отлучку, мнимую болѣзнь и наемъ другого лица вмѣсто себя, безъ согласія управляющаго, полагается за каждый день штрафъ по 30 коп.; такой же штрафъ назначенъ и за жестокое обращеніе съ животными. По договору съ Брюха-

---

[1]) Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 183.

[2]) „Горн. Журн.“ 1894 г. № 8, стр. 220. Въ 1896 г. несчастныхъ случаевъ на промыслахъ Семип.-Сем. окр. было 2. „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 11, стр. 249.

[3]) „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 24, стр. 416.

[4]) Ст. *Сборовскаго* въ Зап. Запад. Сиб. Отд. Геогр. Общ., кн. XIX, 1896 г. стр. 91.

новымъ, за самовольную отлучку съ пріиска опредѣленъ штрафъ по 50 коп. за каждый прогульный день. Начальникъ Томскаго горнаго управленія въ отчетѣ за 1889 годъ увѣряетъ, что „неустойки взыскиваются очень рѣдко, штрафы также, хотя обо всемъ этомъ и говорится въ договорахъ“ [1]). Въ договорѣ со Степановою на рабочихъ возлагается обязанность „составить изъ среды своей артельную расправу“ на основаніи правилъ, установленныхъ въ законѣ, и вполнѣ подчиняться ей. Въ договорѣ съ Брюхановымъ упоминается о правѣ хозяина разсчитать рабочаго и ранѣе срока.

Полицейская власть на промыслахъ киргизской степи находилась въ рукахъ горнаго исправника Семипалатинско-Акмолинскаго горнополицейскаго округа, но 1-го мая 1893 г. эта должность упразднена, и обязанности исправника возложены на уѣздныхъ начальниковъ [2]).

Бѣжало съ пріисковъ Семипалатинскаго округа въ 1879 г. 6,7% рабочихъ, поймано 42% бѣжавшихъ; въ 1880 г. бѣжало 2,7%, поймано 12% бѣжавшихъ; въ Акмолинской области въ томъ же году бѣжало 17% рабочихъ, пойманныхъ не было. Въ 1881 г. въ Семипалатинской области бѣжало 1,5% рабочихъ, изъ числа ихъ поймано 50%; въ 1888 г. бѣжало 1,7%, изъ нихъ поймано 12%. Въ 1890 г. съ пріисковъ Семипалатинскаго округа бѣжало 4,7%, изъ нихъ поймано 35%; въ 1893 г. бѣжало 2,5%, изъ нихъ поймано 61%; въ 1896 г. бѣжало 0,4% [3]). Эти цифры показываютъ, что жалобы въ нѣкоторыхъ газетныхъ корреспонденціяхъ [4]) на громадные побѣги съ пріисковъ Семипалатинскаго округа сильно преувеличены.

Общій размѣръ вознагражденія рабочихъ въ теченіе всей операціи былъ указанъ выше, данныхъ же о томъ, какую часть заработка составляли задатокъ, заборъ на промыслахъ и додача, мы имѣемъ очень мало. На Ильинскомъ пріискѣ Смирнова, въ Зайсанскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, въ теченіе операціи 1893 г., продолжавшейся съ 1-го февраля по 1-е октября, 146 рабочихъ заработали въ среднемъ всего по 30 рублей. Въ томъ числѣ задатокъ составлялъ 43%, заборъ деньгами на пріискахъ 5%, заборъ припасами и товарами 28% и додача 24%. На Михайловскомъ пріискѣ Степановой того же уѣзда 72

---

[1]) Арх. Томск. Горн. Упр.

[2]) „Горн. Жур.“ 1894 г. № 7, стр. 75. Казачьей команды на промыслахъ Семипалатинской области въ 1879 г. было 9 ч. Съ 1 мая 1880 г. казаки замѣнены вольнонаемными полицейскими стражниками, которыхъ въ 80-хъ гг. было на промысл. Семипобл. отъ 14 до 26, въ 1890 г. въ Семип.-Семирѣч. горн. окр. 23, въ Тоб. Акм. 2.

[3]) Дѣло Горн. Деп.; „Горн. Журн.“ 1882 г. № 9, стр. 384; 1891 г. № 12, стр. 521; 1894 г. № 8, стр. 214, 215; Арх. Том. Горн. Управ.; „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 11, стр. 249.

[4]) Напр. въ „Сибир. Вѣстн.“ 1888 г. № 37, стр. 3.

рабочихъ въ операцію 1893 г. (съ 28 марта по 21 авг.) заработали въ среднемъ всего по 34 р., въ томъ числѣ задатокъ составлялъ 50%, заборъ деньгами на промыслахъ 19%, заборъ припасами и товарами 7% и додача 24% [1]). Мѣстный окружный инженеръ въ донесеніи своемъ въ томское горное управленіе (1889 г.) говоритъ: рабочимъ киргизамъ при окончательномъ разсчетѣ „приходится получить пустяки", а именно за вычетомъ задатка „половину годовой платы (рублей 14), которую они постепенно помѣсячно и получаютъ". На съѣздѣ золотопромышленниковъ въ Усть-Каменогорскѣ было постановлено: всѣ разсчеты съ рабочими производить только деньгами, выдавая на одну треть всей заработанной въ операцію платы такой лишь товаръ, какъ сапоги, шапка и рубаха". Судя по отчетамъ пріисковъ Смирнова и Степановой, правило это (по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ пріисковъ) не уменьшаетъ, а скорѣе увеличиваетъ выдачу товарами и припасами, такъ какъ эта выдача составляла на пріискѣ Смирнова 28%, а на пріискѣ Степановой даже лишь 7% всего заработка. Въ 1894 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ средній размѣръ заработка на 40 пріискахъ равнялся 44 р., причемъ додача составляла 18% [2]).

Время разсчета на промыслахъ киргизской степи позже, чѣмъ на многихъ другихъ золотопромышленныхъ системахъ, а именно 1-го октября.

Въ продолженіе всего года оставалось рабочихъ для карауловъ и корма скота въ 1879 г. на промыслахъ Семипалатинской области лишь 3%, въ Акмолинской 5%, въ 1880 г. въ первой 1,5%, во второй 6%. Въ 1888 г. на Свято-Макарьевскомъ пріискѣ съ рудничымъ золотомъ задолжалось на весь годъ 177 человѣкъ, такъ что въ этомъ году годовые рабочіе составляли въ Семипалатинской области 8,5% всѣхъ рабочихъ. Но въ 1890 г. на промыслахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа оставалось на весь годъ опять 1,4% рабочихъ, а въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ—около 3% [3]).

---

[1]) „Вѣстн. Золот." 1894 г. № 20, стр. 333; № 22, стр. 373.

[2]) *Шостакъ*, табл. 5-я.

[3]) Дѣла Горн. Деп. и Томск. Горн. Упр.; „Горн. Жур". 1882 г. № 9, стр. 385; 1890 г. № 12, стр. 520.

ГЛАВА IV.

Общеконтрактные рабочіе на промыслахъ Томской губ. съ 1870 г. до начала 1890-хъ гг.

Наемъ рабочихъ и контракты съ золотопромышленниками. — Размѣръ задатка.— Неявившіеся рабочіе.—Праздники.—Продолжительность рабочаго дня.—Разряды рабочихъ.—Размѣръ уроковъ.—Подземныя работы.—Вознагражденіе за трудъ.—Пища.— Винныя порціи.—Жилища.—Заборъ товаровъ и припасовъ изъ пріисковыхъ лавокъ.— Семейства рабочихъ.—Народныя чтенія и спектакли.—Артельныя расправы.—Денежные штрафы.—Списки рабочихъ, не подлежащихъ найму.—Горные исправники.—Продолжительность операціи.—Медицинская помощь.—Несчастные случаи.—Школы.— Побѣги съ промысловъ.—Величина заработка и додачи. — Долги рабочихъ.—Разсчетъ.—Рабочіе, оставшіеся на зиму.

Золотые промыслы Томской губ. состоятъ изъ промысловъ Маріинскаго округа (за разработку которыхъ уплачивается 3%-ая подать съ золота и подесятинная за землю) и Алтайскаго горнаго округа; эти послѣдніе въ свою очередь можно раздѣлить на промыслы въ мѣстахъ, разрѣшенныхъ для частной промышленности (правый берегъ Томи, система Абакана, Телецкаго озера и пріиски по рѣчкамъ Сюри и Ѳедоровкѣ, на которыхъ уплачивается отъ 5 до 15% подати съ золота) и на промыслы двухъ большихъ компаній по лѣвому берегу рѣки Томи (Асташевыхъ и Южно-Алтайской компаніи) съ уплатою 17% со всего добытаго золота [1]). Во время управленія Алтайскимъ горнымъ округомъ Ю. И. Эйхвальдомъ лучшія золотоносныя площади округа, до тѣхъ поръ изъятыя изъ частной эксплуатаціи, въ 1880 г. были отданы въ аренду В. И. Асташева и К°; черезъ годъ контрактъ былъ заключенъ на другія площади съ золотопромышленною компаніею Мальцева [2]).

[1]) „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 15, стр. 252.

[2]) „Алтай“, сборникъ, изд. подъ редак. Голубева, Томскъ 1890 г., стр. 381.

Договоръ съ Асташевымъ намъ неизвѣстенъ, но Мальцевъ по контракту, между прочимъ, обязался „не допускать при разработкѣ промысловъ старательскихъ работъ“, при чемъ подъ старательскими слѣдовало понимать „работы, производимыя отдѣльными рабочими въ разбросъ безъ заранѣе составленной технической смѣты и безъ техническаго надзора за горными работами со стороны арендатора“ [1]). Вѣроятно, такое же условіе было включено и въ договоръ съ Асташевымъ, по крайней мѣрѣ, въ одной корресподенціи изъ Барнаула въ 1882 г. сказано слѣдующее: „Зло отъ отдачи сказаннымъ компаніямъ лѣваго берега рѣки Томи уже осязательно выразилось тѣмъ, что компаніи немедленно согнали съ золотоносныхъ рѣчекъ золотничниковъ, запретивъ имъ не только добычу золота, но даже жительство тамъ, лишивъ этимъ способомъ хозяйствъ, осѣдлости и заработковъ не одну тысячу народа“ [2]).

Всего рабочихъ въ Маріинскомъ округѣ было въ 1882—89 гг. въ среднемъ по 2138 рабочихъ ежегодно, въ Алтайскомъ округѣ по 2841 чел. Въ 90-хъ годахъ количество рабочихъ въ Маріинскомъ округѣ уменьшилось, и въ 1894 г. ихъ было 1825 чел., а въ Алтайскомъ въ томъ же году 3435 [3]).

На промыслахъ Алтайскаго округа золотопромышленность представляетъ болѣе крупныя формы предпріятій, чѣмъ въ Маріинскомъ: въ 1882—89 гг. на одинъ пріискъ Маріинскаго округа приходилось въ среднемъ по 22 рабочихъ, а въ Алтайскомъ по 50 чел.

Общеконтрактныхъ рабочихъ на пріискахъ Маріинскаго округа въ 1891 г. было 62% всего числа (остальные 38% составляли золотничники) [4]).

По оффиціальному отчету о состояніи частныхъ золотыхъ промысловъ Алтайскаго горнаго округа за 1887 г. наемъ рабочихъ производился частію на промыслахъ осенью во время общаго разсчета, но большею частію въ волостяхъ, куда они выходили по окончаніи работъ, „не употребляя приэтомъ ни спаиванія, ни другихъ какихъ либо приманокъ“ [5]), но это послѣднее свидѣтельство опровергается показаніями частныхъ лицъ, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ промысловъ [6]). Часть рабочихъ нанималась съ 1-го октября, т.-е. послѣ раз-

---

[1]) Арх. Главнаго Управленія Алтайскаго горнаго округа въ Барнаулѣ, дѣло № 6322/53, л. 11.

[2]) „Восточное Обозрѣніе“, 1882 г. № 22, стр. 7.

[3]) См. въ концѣ тома *Дополненіе I* и *Шостакъ*, „Золотопромышленность въ Томск. горн. области“. Т. 1896 г., таблица II.

[4]) Дѣло отд. частн. золотопром. Горнаго Департ., № 80, донесеніе 24 декабря 1891 г. начальника Томскаго Горнаго Управленія.

[5]) Дѣла Горн. Департ.

[6]) „Сибирскій Вѣстникъ“, 1886 г., № 77, стр. 3.

счета, на цѣлый годъ, остальные же заключали контрактъ осенью въ городахъ и волостяхъ и являлись на промысла въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ (съ декабря до марта). Срокомъ окончанія найма въ Маріинскомъ и Алтайскомъ округахъ теперь всегда назначается въ договорахъ 1-ое октября, но въ дѣйствительности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ работы оканчиваются ранѣе. Такъ по отчетамъ томскаго горнаго управленія за 1889 и 90 гг. въ Томскомъ горномъ округѣ „работы продолжаются до послѣднихъ чиселъ сентября, кромѣ системы весьма быстрыхъ рѣчекъ Терсей“ (Алтайскаго округа), „гдѣ разсчетъ производится нѣсколько ранѣе“ [1]). По отчету горнаго исправника Алтайскаго горнаго округа за 1888 г., промывка золота начиналась въ половинѣ апрѣля и продолжалось до 1-го октября [2]). По договору съ К° Иваницкаго, Жилля и Потапова 1888 г. (Алтайскаго округа) пріисковое управленіе обязывалось, согласно Горному Уставу, „во время дурной погоды послѣ 10 сентября имѣть при промывальняхъ теплое помѣщеніе для вашгердовъ“, если пріисковое управленіе „пожелаетъ опредѣлять насъ для производства на оныхъ ручной промывки эфелей и пробъ“, а также обязывалось, на основаніи „Правилъ о наймѣ рабочихъ“, съ окончанія работъ 1-го октября „принять на свой счетъ всѣ мѣры къ благополучному выходу“ рабочихъ „до тѣхъ пунктовъ, откуда дальнѣйшее путеслѣдованіе становится безопаснымъ“; такое же условіе постановлялось и относительно тѣхъ рабочихъ, которые согласятся остаться на промыслахъ послѣ 1 октября. Для промысловъ, расположенныхъ въ Алтайскомъ округѣ по верховьямъ р. Томи, срокъ найма 1-го октября слишкомъ поздній: рабочимъ приходится спускаться въ лодкахъ внизъ по Томи, и здѣсь ихъ захватываетъ иногда шуга (нѣчто въ родѣ снѣга, или такъ называемаго сала, образующагося въ водѣ), такъ что ѣдутъ какъ въ кашѣ. Иногда послѣ этого рѣка становится, а не то вновь дѣлается оттепель.

Какъ и въ другихъ округахъ, пріисковыя управленія предоставляли себѣ въ контрактахъ право разсчитать рабочаго во всякое время и по какимъ бы то ни было причинамъ, иной разъ даже съ угрозою возложить на виновнаго происшедшіе отъ того убытки; иногда же перечислялись въ договорѣ причины, по которымъ рабочій можетъ быть уволенъ до срока. Въ договорѣ съ К° Плотникова и Жилля (1890 г., Мар. окр.) такими причинами являются: неспособность къ работѣ, часто повторяющіяся недоработки, лѣность, неповиновеніе и „всякіе предосудительные поступки“,—условія, не отличающіяся особенною опредѣленностью. Въ договорѣ Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г., Алтайск. окр.)

---

[1]) Арх. Томск. Горн. Управленія; „Горный Журналъ“, 1891 г., № 12, стр 524.
[2]) Арх. горн. исправника въ Кузнецкѣ.

поводомъ къ досрочному разсчету могутъ быть, кромѣ „предсудительныхъ поступковъ“, „излишество“ разсчитываемаго рабочаго и „сокращеніе работъ“.

Пріисковыя управленія предоставляли себѣ право переводить рабочихъ съ одного пріиска на другой; въ нѣкоторыхъ договорахъ опредѣляется количество верстъ, которое они должны были проходить въ день (25—30 вер.) и дневное вознагражденіе, которое должны были приэтомъ получать (20—30 к. въ день). За неисполненіе требованія о переходѣ на другой пріискъ въ нѣкоторыхъ договорахъ опредѣленъ штрафъ 3 руб. въ день.

Какъ и въ другихъ округахъ, пріисковыя управленія предоставляли себѣ даже право передавать рабочихъ другимъ компаніямъ. Иногда это условіе не сопровождается въ договорѣ никакими оговорками, иногда пояснено, что рабочіе на пріискахъ другой К° должны исполнять тѣ же правила, какимъ они должны были подвергаться и у нанявшаго ихъ золотопромышленника, но иногда, наоборотъ, они обязываются подчиняться условіямъ, установленнымъ на томъ пріискѣ, куда ихъ передавали [1]); встрѣчаемъ также оговорку, что принимающее рабочихъ пріисковое управленіе уплачиваетъ передающему ихъ долги рабочихъ.

За неявку на промысла рабочіе подлежали по договорамъ извѣстнымъ денежнымъ пенямъ. Такъ, по договору съ Плотниковымъ и Жиллемъ (1890 г., Мар. окр.), въ случаѣ неявки рабочаго на пріискъ пріисковому управленію предоставлялось просить о понужденіи его къ выполненію контракта или взыскать съ него исполнительнымъ порядкомъ выданныя въ задатокъ и вообще неотработанныя деньги съ неустойкою въ 10 руб. [2]). За несвоевременную явку на пріиски въ извѣстныхъ намъ договорахъ обыкновенно назначается штрафъ по 1 р. въ сутки и лишь въ одномъ контрактѣ 50 к. Въ одномъ договорѣ (1871 г.) рабочіе обязываются отработать просроченные дни послѣ 1-го октября, хотя бы они и не были въ долгу.

Задатки при наймѣ на пріиски Томской губ. колебались въ 80-хъ и первой половинѣ 90-хъ гг. отъ 10 до 80 р.; есть извѣстіе, что при наймѣ въ 1882 г. на пріиски Данилова (Бійскаго окр.) въ с. Каратузѣ (Минус. окр. Енис. губ.) задатокъ доходилъ даже до 100 р. [3]). Сред-

---

[1]) Впрочемъ, такое правило мы встрѣтили лишь въ одномъ контрактѣ 1870 г. съ золотопромышленникомъ Триполитовымъ, Маріин. окр.

[2]) Въ нѣкоторыхъ же контрактахъ за неявку на промысла рабочимъ грозила „отвѣтственность по закону какъ за нарушеніе святости контракта, такъ и за захватъ чужой собственности подъ видомъ взятаго задатка, и всѣ убытки отъ этого“ рабочіе обязывались „заплатить, на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, своею собственностью или отработать по первому требованію“.

[3]) „Сибирская Газета“, 1882 г., № 7, стр. 1198.

ними задатками въ 1889—90 гг. томское горное управленіе считало 25—40 р. [1]) Весьма значительная часть задатка шла на уплату податей. Изъ списка рабочихъ, нанятыхъ на Неожиданный пріискъ Южноалтайской К° въ 1888 г., видно, что весь задатокъ колебался между 15 и 60 р., въ томъ числѣ на руки выдавалось деньгами (иногда въ два—три пріема) 5—50 р.; не всѣ, но многіе рабочіе дѣлали заборъ и товарами, который иногда доходилъ до 25 р.; на подати въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставлялось до 30 р. [2]). Горная администрація жаловалась въ своихъ отчетахъ на то, что волостныя правленія эксплоатировали рабочихъ, требуя съ нихъ непомѣрно высокія суммы въ уплату податей, такъ что нерѣдко приходилось выплачивать по 30—40 р. въ годъ [3]).

Въ контрактахъ съ рабочими пріисковыя управленія договаривались, что могутъ отправлять ихъ на промысла по своему усмотрѣнію, пѣшкомъ или на лошадяхъ; въ послѣднемъ случаѣ рабочіе принимали прогоны на свой счетъ и обязывались не дѣлать дневокъ на пути; въ нѣкоторыхъ договорахъ рабочіе обязывались дѣлать въ сутки (подъ угрозою штрафа по 1 р. за каждую самовольную дневку) не менѣе извѣстнаго разстоянія (20—25 вер.). Иногда назначалось, черезъ сколько дней по заключеніи контракта рабочіе должны были явиться на пріискъ. Въ договорѣ съ Даниловымъ (1877 г., Алт. окр.) рабочіе обязывались прилично вести себя на дорогѣ, не пьянствовать, слушаться партіоннаго прикащика, въ противномъ случаѣ они подвергали себя „артельной или полицейской расправѣ тотчасъ же на мѣстѣ сдѣланныхъ проступковъ или по прибытіи на пріискъ". Въ нѣкоторыхъ договорахъ назначалось рабочему на пути между послѣднимъ жилымъ мѣстомъ и пріискомъ по $2^1/_2$—3 ф. хлѣба въ день каждому. Въ Алтайскомъ округѣ рабочіе обыкновенно отправлялись на пріиски на подводахъ, нанимаемыхъ въ складчину. По договору съ Хотимскимъ (1871 г., Мар. окр.) во время пути на пріискъ рабочіе отвѣчали артелью за побѣгъ каждаго должника; въ извѣстныхъ намъ позднѣйшихъ договорахъ такого условія мы не встрѣчаемъ. Нужно замѣтить, что нѣкоторые пріиски Томскаго горнаго округа находятся въ самомъ близкомъ разстояніи отъ жилыхъ мѣстъ, но есть и такіе, разстояніе которыхъ отъ селеній доходитъ до 180 вер.

Не явилось на промысла Томской губ. въ 1870 г. всего 1,4% нанятыхъ рабочихъ, въ 1871 г. 0,5%, въ 1876 г.—1,1%, въ 1878 г.—

---

[1]) Отчетъ за 1889 г. въ Арх. Том. Горн. Управл., за 1890 г.—въ „Горномъ Журналѣ" 1891 г., № 12, стр. 525.

[2]) Арх. Неожиданнаго пріиска Южноалтайской К°.

[3]) Ср. „Вѣстн. Золотопром.", 1893 г., № 14, стр. 230—231.

2,4%, въ 1879 г.—1,2%, въ 1880 г.—1,3%, въ 1881 г.—1,4%, въ 1883 г.—0,5%, въ 1885 г.—0,7%, въ 1889 г.—6,2%, въ 1890 г.—1,3%, въ 1891 г.—0,6% [1]). Такимъ образомъ число неявившихся рабочихъ, за исключеніемъ 1889 г., было ничтожно.

Рабочіе на пріискахъ Томской губ., какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири, обязывались въ договорахъ работать ежедневно, не исключая воскресныхъ дней. Праздниковъ въ извѣстныхъ намъ договорахъ назначалось весьма немного—отъ 9 до 13 (наименьшее количество, т.-е. 9, въ договорахъ К° Жилля, Иваницкаго и Потапова, Алтайскаго округа, и на пріискѣ Попова, арендуемомъ имъ у Южно-алтайской К°). Въ Маріинскомъ округѣ, по словамъ чиновника Соколова, посѣтившаго его въ 1890 г., наиболѣе обычнымъ являлось предоставленіе рабочимъ 10 праздничныхъ дней, въ томъ числѣ одинъ день Рождества, Новый годъ, одинъ день масляницы, три дня Пасхи, Троица, Ильинъ день [2]); но по нѣкоторымъ договорамъ праздновали еще 1-е октября (Покровъ Св. Богородицы), 6-го декабря (Николинъ день), не одинъ, а два дня Рождества и масляница, но не праздновали Ильина дня. Въ договорахъ упоминается еще объ одномъ льготномъ днѣ въ мѣсяцъ, но съ различными оговорками: по однимъ только въ теченіе лѣтней операціи, по другимъ въ тѣ мѣсяцы, въ которые не приходится какого либо праздника или праздниковъ Рождества, масляницы, Пасхи. При такихъ оговоркахъ установленіе одного льготнаго дня въ мѣсяцъ мало увеличивало количество дней отдыха.

По договорамъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ рабочіе всего чаще обязывались работать, за исключеніемъ времени отдыха, 13—13½ ч. [3]), но иногда продолжительность рабочаго дня доходитъ въ нихъ и до 15 ч. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ не опредѣляется даже вполнѣ точно продолжительность отдыха. Такъ, въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Даниловымъ (1877 г.), по которому рабочіе обязывались работать на его золотыхъ промыслахъ, „находящихся по разнымъ мѣстамъ Восточной и Западной Сибири и въ Алтайскомъ округѣ“, сказано: „На работу выходить, не исключая воскресныхъ и табельныхъ

---

[1]) „Томск. Губер. Вѣдом.“, 1874 г. № 6; Арх. Горн. Департ.; „Горный Жур.“, 1882 г., № 9, стр. 384; „Сибирь“, 1877 г., № 5, стр. 3; 1879 г., № 14, стр. 1—2; Отчетъ Томск. Горн. Упр. за 1889 г. (Дѣло Томск. Горн. Управ., л. 11); „Горный Журналъ“ 1891 г. № 12, стр. 520; *Н. Богомюбскій*, „Краткій очеркъ состоянія горнаго промысла въ Западной Сибири“, Том., 1893 г., стр. 23.

[2]) Арх. Том. Горн. Управ., Дѣло 1891 г., № 12.

[3]) Впрочемъ, въ договорѣ съ Щепетильниковымъ (1871 г., Мар. окр.) рабочій день долженъ былъ продолжаться съ 5 ч. у. до 6 ч. веч. съ отдыхомъ съ 15 мая по 1 августа 2 ч. и съ 1 августа по 1 сентября 1 часъ, такъ что рабочій день былъ опредѣленъ въ 11—12 ч.

дней, каждое число не позже 5 ч. утра и сходить не ранѣе 8 ч. пополудни безъ всякихъ отговорокъ на неудобство времени, какъ-то холода и ненастье, съ тѣмъ, однакоже, чтобы въ продолженіе этихъ часовъ мы могли пользоваться необходимымъ временемъ на продолженіе нашего обѣда съ необходимымъ отдыхомъ *по существующему уже на то порядку.* Если же къ назначеннымъ 8-ми часамъ, т.-е. къ концу дневной работы, заданный и принятый урокъ не будетъ исполненъ по очевидной лѣности и нерадѣнію, что легко можетъ быть видимо по сравненію съ другими усердными работниками, то всякій изъ насъ обязанъ работать и позже 8-ми часовъ, дабы отдать урокъ сполна". Въ договорахъ Южноалтайской К° конца 80-хъ и начала 90-хъ гг. также встрѣчаемъ обязательство начинать работу *не позже* 5 ч. у., и здѣсь это правило дѣйствительно примѣнялось, такъ какъ на Неожиданномъ пріискѣ этой К° работа начиналась номинально въ 5-мъ часу у., но по такимъ часамъ, которые шли на 2 ч. впередъ, такъ что въ дѣйствительности горныя работы начинались въ 3-мъ часу утра: такъ было по крайней мѣрѣ во время посѣщенія нами въ 1891 г. пріисковъ этой К°. Золотопромышленникъ Поповъ, арендующій одинъ изъ пріисковъ Южноалтайской К°, въ договорѣ 1890 г. откровеннѣе назначаетъ начало работъ въ 4 ч. у., окончаніе въ 8 ч., съ тѣмъ, что съ 1 октября по 1 мая на обѣдъ съ отдыхомъ полагался 1 ч., завтракать же рабочіе должны были до начала работъ; съ 1 мая по 1 августа—$^1/_2$ ч. на завтракъ и $1^1/_2$ ч. на обѣдъ и отдыхъ, а съ 1 августа по 1 октября также $^1/_2$ ч. на завтракъ и $1^1/_4$ ч. на обѣдъ и отдыхъ, слѣдовательно лѣтомъ продолжительность рабочаго дня, за исключеніемъ отдыха, равнялась 14 часамъ. Мы видимъ въ этомъ договорѣ, какъ золотопромышленники дорожатъ каждою четвертью часа рабочаго времени. Въ договорѣ К° Иваницкаго, Жилля и Потапова (1887 г.) начало работъ назначено въ 4 ч. у., окончаніе въ 8 ч. веч., „съ тѣмъ, однако, чтобы въ продолженіе этихъ часовъ" рабочіе „могли пользоваться необходимымъ временемъ" на обѣдъ и отдыхъ „по существующему уже на то порядку", т.-е. продолжительность отдыха точно не опредѣлена.

По оффиціальнымъ отчетамъ о золотопромышленности въ Западной Сибири на пріискахъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ продолжительность рабочаго дня указана въ 1879 г.—12 ч.; въ 1881 и 85 гг.—maximum 11 ч., minimum 7 ч. (вѣроятно зимою), среднее 9 ч., въ 1883—84, 1887, 1889, 1890 гг.—не болѣе 10 ч. [1]); по отчету 1888 г. среднее

[1]) Мы увидимъ ниже, что въ отчетѣ одной К° Алтайскаго округа за 1887 г. указано высшее число часовъ 15; въ отчетѣ горнаго исправника о пріискахъ Алтайскаго округа за 1890 г. maximum числа рабочихъ часовъ указано 12 (Арх. горн. исправника въ Кузнецкѣ).

число рабочихъ часовъ въ сутки—10 [1]). Въ 1891 г. по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ съ 1 октября по 1 марта число рабочихъ часовъ равнялось 8, съ 1 марта по 1 мая—10 ч., съ 1 мая по 1 октября—12 ч. [2]). По донесенію томскаго окружного инженера Реутовскаго (1892 г.) на пріискахъ лучшихъ компаній рабочій день продолжается не болѣе 10 ч. [3]). Въ передовой статьѣ „Вѣстника Золотопромышленности“ 1894 г. (№ 23, стр. 384), редактируемаго г. Реутовскимъ, указана еще меньшая продолжительность дѣйствительной работы: „на пріискахъ Томскаго горнаго округа число рабочихъ часовъ въ день... можно принять въ среднемъ въ $10^2/_3$ и $11^1/_2$ часовъ, изъ коихъ $1^1/_2$ ч. дается на обѣдъ и послѣобѣденный отдыхъ, по $^1/_4$ ч. на утренній и вечерній чай и $8^2/_3$ и $9^1/_2$ ч. собственно на работы“. По нашему мнѣнію, редакторъ „Вѣстника Золотопромышленности“, указывая эти нормы, прикрасилъ дѣйствительность, увлекаясь гуманнымъ желаніемъ опредѣлить законодательнымъ путемъ болѣе умѣренную норму продолжительности рабочаго дня (въ статьѣ обсуждается вопросъ о сокращеніи рабочихъ часовъ). По крайней мѣрѣ на пріискахъ Южноалтайской К°, принадлежащей къ числу благоустроенныхъ, въ 1891 г. мы слышали, что рабочій день, за исключеніемъ отдыха, продолжался лѣтомъ 11—13 ч., причемъ уроки отрабатывались къ 6—8 ч. по мѣстнымъ часамъ, но случалось, что запаздывали и болѣе. Случилось, напримѣръ, что во время порчи промывательной машины работа была остановлена на 3 ч. и подвозка песковъ была невозможна, а между тѣмъ отъ рабочихъ потребовали окончанія урока, такъ что они окончили его въ 1-мъ часу ночи съ берестяными свѣчами [4]). Нѣкоторыя компаніи не скрываютъ въ своихъ отчетахъ большой продолжительности рабочаго дня. Такъ въ отчетѣ Южноалтайской К° о дѣйствіи въ 1887 г. пріисковъ по системѣ р. Балыксы сказано, что высшее число рабочихъ часовъ 15, среднее 13, меньшее 11; впрочемъ въ отчетахъ о тѣхъ же пріискахъ за 1889 и 1890 г. указано уже высшее число рабочихъ часовъ 12, среднее $10^1/_2$, меньшее 9, а въ отчетѣ за 1890 г. о пріискахъ той же К° по системѣ р. Лебеди—высшее число рабочихъ часовъ 12, среднее 10, меньшее 8 [5]). Въ 1896 г. мѣст-

---

[1]) Арх. Горн. Департ.; „Горный Журналъ“, 1882 г., № 9, стр. 385; 1891 г., № 12, стр. 521.

[2]) *Н. Боголюбскій*, „Кратк. очеркъ сост. горн. промыс. въ Запад. Сиб. и въ Енис. губ. въ 1891 г.“, Том. 1893 г., стр. 18.

[3]) Арх. Горн. Департ., отд. частн. золотопром., 1882 г. № 80.

[4]) Какой вздоръ пишутъ нѣкоторые золотопромышленники въ своихъ отчетахъ, видно изъ отчета Ивановскаго пріиска (Алт. окр.) К° Иваницкаго, Жилля и Потапова за 1888 г., въ которомъ сказано, что число рабочихъ часовъ въ сутки высшее 10, меньшее 3, среднее 5! (Арх. горн. исправника въ Кузнецкѣ).

[5]) Арх. Южноалтайской К° на Неожиданномъ пріискѣ.

ный окружный инженеръ г. Реутовскій въ своемъ журналѣ говоритъ, что лѣтомъ общая продолжительность рабочаго дня, за исключеніемъ отдыха, равняется 10—12 ч., а зимою не болѣе 7—8 ч., такъ что въ среднемъ „годовая продолжительность рабочаго дня едва ли будетъ больше 10 ч.“ [1]).

Въ нѣкоторыхъ контрактахъ золотопромышленникамъ предоставляется право назначать рабочихъ и на ночныя работы, продолжительность которыхъ равняется 12 ч., но въ дѣйствительности ночныхъ работъ, если не ошибаемся, здѣсь не бывало; случается, впрочемъ, что, при поломкѣ золотопромывательной машины, ее заставятъ поправить ночью. На экстренныя работы (тушеніе пожаровъ, укрѣпленіе плотинъ и проч.) рабочіе должны были выходить во всякое время дня и ночи. Вознагражденія за эти работы въ извѣстныхъ намъ договорахъ не назначается; въ одномъ договорѣ Алтайскаго округа рабочіе даже прямо обязываются „никакой особой платы“ за этотъ трудъ „не требовать“, а въ другомъ изъ имѣющихся у насъ договоровъ (Миллера 1885 г., Мар. окр.) сказано, что вознагражденіе за помощь со стороны рабочихъ во время пожаровъ и наводненій будетъ зависѣть отъ золотопромышленника.

Рабочіе на пріискахъ Томскаго горнаго округа распредѣлялись по своимъ занятіямъ въ 1889 г. слѣдующимъ образомъ: горными работами при разработкѣ пріисковъ занято было 40—60%, развѣдками не болѣе 5% [2]), ремесленниковъ 15—20%, поторжныхъ 15—40% [3]). По свидѣтельству того же окружного инженера въ 1891 г. на горныя работы въ Маріинскомъ округѣ „задолжалось“ не болѣе $^1/_2$ всѣхъ рабочихъ, „а собственно на выемку торфа и пласта не болѣе $^1/_3$, и то тогда, когда дѣло обставленно образцово и примѣрно“ [4]). Подробнѣе и нѣсколько иначе говоритъ объ этомъ начальникъ томскаго горнаго управленія въ своемъ донесеніи въ горный департаментъ въ 1891 г. По его словамъ, въ 1889 г. изъ 1350 общеконтрактныхъ рабочихъ Маріинскаго округа 1160 чел. состояло на пріискахъ, работающихъ открытыми разрѣзами, и 190 чел.—подземными (ортовыми) работами. Изъ 1160 чел. общеконтрактныхъ рабочихъ на пріискахъ, работающихъ открытыми разрѣзами, „собственно горными работами занята только половина, а остальные — конюхи, хлѣбопеки, кашевары, кузнецы, слесаря, плотники, поторжные и пріисковая прислуга; изъ 580 чел., употребляемыхъ только на горныя работы, $^1/_3$ забойщиковъ, $^1/_3$ воз-

[1]) „Вѣстникъ Золотопр.“, 1896 г., № 11, стр. 223—224.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ отчета за тотъ же годъ 5—7%.

[3]) Арх. Томск. Горн. Управл. дѣло съ отчетами окружныхъ инженеровъ за 1889 г.

[4]) Арх. Томск. Горн. Управл., дѣло 1891 г., № 12.

чиковъ и 1/3 состоящихъ при машинахъ, отвальщиковъ, галечниковъ и машинистовъ; очевидно, что занимается *добычею* золотосодержащихъ песковъ только 1/6 часть, т.-е. 200 чел." [1]) Н. Боголюбскій число забойщиковъ и возчиковъ на пріискахъ Западной Сибири и Енисейскаго округа принимаетъ въ 30% всей команды; наконецъ мѣстный окружной инженеръ Реутовскій полагаетъ, что одни забойщики составляютъ отъ 15 до 20% всѣхъ рабочихъ [2]).

Въ отчетахъ разнымъ пріисковыхъ управленій можно найти также свѣдѣнія, выраженныя въ числѣ поденщинъ для опредѣленія процентнаго отношенія различныхъ работъ. Въ 1890 г. на Андабинскомъ пріискѣ Южноалтайской К° Лебедской системы горныя работы заняли 66% рабочихъ поденщинъ, а поторжныхъ рабочихъ, ремесленниковъ и конюховъ 34%; на Царево-Александровскомъ пріискѣ той же системы горныя работы составили 70% поденщинъ, а поторжныхъ, ремесленниковъ и конюховъ 30%; на Албасскомъ пріискѣ той же системы горныя 60%, остальныя 40% [3]). Печатные отчеты разныхъ пріисковъ составляются нѣсколько иначе, а именно тутъ же указываются число больныхъ поденщинъ и проведенныхъ на отдыхѣ. Въ 1893 г. на Боголюбскомъ, Анастасіевскомъ и Стефановскомъ пріискахъ Р. Буткевича Маріинскаго округа поденщинъ горнорабочихъ было 55%, разночинцевъ, конюховъ, мастеровыхъ и проч. 37%, поденщинъ на отдыхѣ 5%, больныхъ поденщинъ 3% [4]). Въ томъ же году на Кундустуюльскихъ пріискахъ Маріинскаго округа Р. Буткевича поденщины горнорабочихъ составляли 57%, разныхъ другихъ рабочихъ 35%, поденщинъ на отдыхѣ 5% и больныхъ поденщинъ 3% [5]).

На промыслахъ Томской губ. горныя работы производятся также поурочно, какъ и въ другихъ мѣстахъ. О неудобствѣ этой системы для рабочихъ томскій губернаторъ Тобизенъ писалъ въ 1892 г. въ министерство государственныхъ имуществъ: „Понятно, что успѣхъ земляныхъ работъ, производимыхъ на поверхности, находится въ прямой зависимости отъ состоянія погоды, такъ что работы идутъ гораздо успѣшнѣе въ сухую погоду, чѣмъ въ ненастье, между тѣмъ эта разница не принимается во вниманіе при заключеніи условій съ рабочими, что и служитъ поводомъ къ постояннымъ спорамъ и пререканіямъ. Очень часто случается, что при хорошей погодѣ опытные рабочіе кончаютъ свой урокъ за 2—3 ч. до конца рабочаго дня и уходятъ съ работы. Но нерѣдко случается, что при ненастной погодѣ, проработавъ

[1]) Арх. Горн. Департ., дѣло отд. частн. золотопр., № 80.
[2]) „Вѣстникъ Золотопром." 1896 г., № 11, стр. 224.
[3]) Арх. Южноалтайской К°.
[4]) „Вѣстн. Золотопром.", 1894 г., № 3, стр. 76.
[5]) „Вѣстн. Золотопром.", 1894 г., № 5, стр. 113.

цѣлый рабочій день, забойщикъ не имѣетъ возможности исполнить опредѣленнаго условіемъ урока, и тогда золотопромышленникъ, желающій злоупотребить своимъ правомъ, можетъ штрафовать рабочаго или заставлять его работать послѣ окончанія рабочаго дня безъ особаго за это вознагражденія [1])".

Процессъ возрастанія уроковъ на горныхъ работахъ продолжался и въ 70-хъ, и въ 80-хъ гг.

По договорамъ золотопромышленниковъ Маріинскаго округа Петрова и Триполитова (1870 г.) 4 чел. съ ручною откаткою (на тачкахъ) не далѣе 20 саж. должны были добыть $1^1/_4$ куб. саж. торфа или песку, а съ [двумя лошадьми зимою вдвое болѣе—$2^1/_2$ куб. саж. торфа, а лѣтомъ 3 саж. торфа или песку (въ 1863 г. на пріискѣ Триполитова полагалось добыть зимою 2 саж. на 4 чел. при 2 лошадяхъ). По договорамъ маріинскихъ золотопромышленниковъ Щепетильникова и Никифорова (1871 г.) урокъ былъ уже болѣе, а именно при *ручной* откаткѣ 2 чел. должны были добыть на торфахъ $1^1/_4$ куб. саж. (при чемъ $^1/_4$ куб. саж. считалась старательскою), а на пескахъ добыть и промыть 3 чел. — $1^1/_4$ куб. саж. (причемъ также $^1/_4$ куб. саж. считалась старательскою). Наконецъ, по договору золотопромышленника Маріинскаго округа Хотимскаго урокъ былъ еще болѣе: 2 чел. при *ручной* откаткѣ на тачкахъ должны были добыть $1^1/_2$ куб. саж. талаго торфа или песку, при мерзлой же землѣ ставилось такое количестве людей, сколько потребуется. Во второй половинѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ гг. ручная откатка встрѣчается нѣсколько рѣже. По договорамъ золотопромышленниковъ Пушникова 1886 г. (маріинскаго окр.) и Иванова 1888 г. (алт. окр.) при ручной откаткѣ не далѣе 50 саж. 1 куб. саж. торфа или песку должны были добыть 2 чел., а при разстояніи болѣе 50 саж. 3 чел.; по договорамъ золотопромышленника алтайскаго округа Данилова (1877 и 80 гг.) 3 чел. на тачкахъ должны были добыть 1 куб. саж. торфа, а работа сверхъ того считалась старательскою. По договорамъ Южно-алтайской К° (80-хъ и 1890 г.) 3 чел. на тачкахъ съ 1 октября по 1 мая должны были добыть не менѣе 1 куб. саж. торфа или песку. При добычѣ торфа и песку на лошадяхъ съ 1 октября по 1 мая 2 чел. по разнымъ договорамъ второй половины 80-хъ и 1890 г. обязывались добыть 1—$1^1/_2$ куб. с. [2]), а съ 1 мая по 1 октября $1^1/_2$—$1^3/_4$ куб. с., причемъ въ нѣкоторыхъ договорахъ пояснялось, что $^1/_4$ — $^3/_4$ с. (сверхъ 1 куб. с.) считалось старательскою работою. [3]).

Томскій окружной инженеръ Реутовскій въ отчетахъ за 1889 и 1890 гг. говоритъ: „на выработку 1 куб. с. торфа или пласта по общепринятому положенію для людей, непривыкшихъ къ труду, задолжается 2 чел. и 1 лошадь, что постоянно и принимается за хозяйскій урокъ. Но практика показала, что эта производительность работы съ пріобрѣтеніемъ навыка,

---

[1]) Дѣло Горн. Департ., отд. частн. золотопром. о выработкѣ проекта закона 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промысла, 1882 г. № 80.

[2]) $1^1/_2$ куб. с. съ 15 февраля по 1 мая по договорамъ Пушникова (1886 г. Мар. окр.) и Иванова (1888 г., Алт. окр.).

[3]) По договору Миллера (1885 г., Мар. окр.) $1^3/_4$ куб. с. торфа на 2 чел. и лошадь полагалось добыть съ 1 апрѣля, а песку съ начала промывки.

а главное съ измѣненіемъ величины и формы кайлы и лопаты сообразно свойствамъ грунта, можетъ быть значительно увеличена (до $1^1/_2$ и даже $1^3/_4$ куб. с.), не отягощая (?) дневныхъ усилій рабочаго [1])". Горный исправникъ Алтайскаго горнаго округа въ отчетѣ за 1890 г. наиболѣе обычными уроками считаетъ на торфахъ на двухъ человѣкъ съ одною лошадью: съ 1 октября по 1 марта 1 куб. с., съ 1 марта по 1 октября $1^1/_2$ куб. с., на пескахъ съ 1 мая по 1 октября добычу и промывку на машинѣ $2^1/_3$ куб. с. тремя рабочими при двухъ хозяйскихъ лошадяхъ [2]). Въ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ, составленный горнымъ департаментомъ въ 1892 г., г. Реутовскій говоритъ, что урокъ въ $1^1/_2$ с. на 2 чел. при хозяйской лошади существуетъ на большинствѣ промысловъ Томскаго горнаго округа, что при средней крѣпости пластовъ и хорошемъ забойщикѣ урокъ этотъ исполняется въ теченіе 10 ч., что лучшія пріисковыя управленія не задаютъ урока болѣе $1^1/_2$ куб. с. и увеличеніе его до $1^3/_4$ куб. с. считаетъ уже нежелательнымъ (въ 1889—90 гг. онъ не находилъ еще его обременительнымъ). Наконецъ, въ статьѣ о пріискахъ Томской губ. [3]) г. В. Р. говоритъ: „Размѣръ уроковъ съ октября по мартъ на двоихъ обыкновенно бываетъ въ 1 с. [4]) для забойщика и возчика, съ марта по май $1^1/_2$ с. и съ мая по октябрь $1^1/_2$ с. и очень рѣдко $1^3/_4$ с. [5]). „Чтобы понять значеніе этого замѣра", продолжаетъ г. В. Р., „должно обратить вниманіе на то, что въ случаѣ рыхлыхъ пластовъ, при совокупности хорошихъ условій (хорошаго состоянія дороги, недальней возки, а главное хорошей погоды) эта работа не превышаетъ обыкновенныхъ нормъ, т.-е. усиліе, скорость и работа рабочаго, выраженная въ пудофутахъ, не болѣе той, которая можетъ примѣняться безъ вреда для здоровья рабочихъ. Въ случаѣ же вязкихъ, мясниковатыхъ пластовъ эта работа больше нормальной, но не столько по величинѣ развиваемаго усилія, сколько по затратѣ употребляемаго на то времени; такъ, для мясниковатыхъ пластовъ замѣръ въ $1^1/_2$ с. великъ, такъ такъ рабочій долженъ работать на два часа болѣе обыкновеннаг оили употреблять болѣе усилія и обна-

[1]) Дѣло Томск. Горн. Управ. съ отчетомъ за 1889 г.; „Горный Журналъ", 1891 г. № 12, стр. 524.

[2]) Арх. алт. горн. исправника въ Кузнецкѣ.

[3]) „Вѣстн. Золотопром.", 1894 г. № 17, стр. 277.

[4]) На Андабинскомъ пріискѣ Южноалтайскаго Дѣла, въ операцію 1895/6 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ, сверхъ 1 урочной куб. с. на 2 чел., работали еще $^1/_4$ куб. с. за добавочную плату. „Вѣстн. Золотопром", 1895 г., № 24, стр. 418.

[5]) Замѣтимъ отъ себя, что урокъ въ $1^3/_4$ с. на 2 рабочихъ и 1 лошадь въ лѣтнее время мы встрѣтили: въ договорѣ Миллера 1885 г. (Мар. окр.), Пушникова 1886 г. (Мар. окр.), Иванова 1887 и 88 гг. (Алт. окр.), въ отчетѣ за 1888 г. К° Иваницкаго, Жилля и Потанова (Алт. окр.); урокъ въ $1^2/_3$ с. на пескахъ въ отчетѣ Асташева 1888 г. (Алт. окр.).

руживать бо́льшую скорость пропорціонально указанному числу лишней работы. Но работа въ мясниковатыхъ, сильно связныхъ пластахъ, какими нужно считать пласты сравнительно немногихъ пріисковъ, рѣдко когда бываетъ съ замѣромъ въ $1^1/_2$ с., обыкновенно же въ $1^1/_4$ или 34 куб. арш. А при такихъ замѣрахъ она близко подходитъ къ нормальной“ [1]).

В. Р. на основаніи наблюденій на трехъ пріискахъ (одномъ Ачинскаго и двухъ Алтайскаго округа) произвелъ „опытъ исчисленія работы пріисковаго рабочаго“. При этомъ онъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ, не подтвердившимъ столь категорически высказаннаго г. Реутовскимъ мнѣнія въ его отчетахъ за 1889 — 90 г.: 1) Работа въ мясниковатыхъ пластахъ при урокѣ въ $1^1/_2$ куб. с. больше нормальной на $^2/_3$ часа“ (нормальною работою авторъ считаетъ 8 ч. дѣйствительнаго труда). „2) Урокъ въ $1^3/_4$ с. даже при самыхъ рыхлыхъ пластахъ долженъ быть избѣгаемъ, такъ какъ, хотя напряженіе и не выше напряженія нормальной работы, но такая работа имѣетъ всѣ условія для большой продолжительности“ (т.-е. длится на 1 ч. 39 м. долѣе нормальной). „3) Во время дождя и ненастной погоды урокъ долженъ быть уменьшенъ по крайней мѣрѣ на $^1/_4$ куб. с. 4) Работа возчика въ большинствѣ случаевъ можетъ считаться нормальной только“ при разстояніи „забоя отъ машины не болѣе, какъ на 87 с.“ (не многовато ли ?); „во всѣхъ другихъ случаяхъ она выше нормальной по продолжительности [2])“.

Ортовыя (подземныя) работы также встрѣчаются въ Томскомъ горномъ округѣ, хотя и не такъ часто, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ, напримѣръ, въ Олекминскомъ. Въ отчетѣ за 1889 г. окружной инженеръ Томскаго округа говоритъ: „Съ каждымъ годомъ количество ортовыхъ работъ увеличивается вслѣдствіе открытія такъ называемыхъ увальныхъ розсыпей, т.-е. такихъ, которыхъ положеніе не въ площади данной рѣчки, а въ увалахъ, ограничивающихъ длину“. Мы уже указывали на то, что въ Маріинскомъ округѣ въ 1889 г. изъ числа 1160 чел. общеконтрактныхъ рабочихъ 190 чел., т.-е. $16\,^0/_0$, занимались ортовыми работами.

Въ договорахъ золотопромышленниковъ Маріинскаго округа Триполитова (1870 г.) и Петрова (1870 г.) такъ опредѣленъ урокъ ортовыхъ работъ: „становясь въ забой по 3 чел., должны вырабатывать, съ откаткою на тачкахъ въ указанное мѣсто разстояніемъ не ближе 15 с., по 2 арш., а далѣе (т.-е. при большемъ разстояніи откатки) по 6 четвертей въ день, заготовляя сами нужный для укрѣп-

[1]) „Вѣстн. Золот.“, 1894 г., № 17, стр. 277.

[2]) „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., № 20, стр. 326—328; № 23, стр. 391—392; ср. слова г. Реутовскаго въ „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 11, стр. 224.

ленія лѣсъ, какъ-то: стойки, огнивы, столбы и подхваты. Размѣръ выработки опредѣленъ здѣсь такъ: $1^1/_2$—2 арш., но это не значитъ $1^1/_2$—2 куб. арш., а указываетъ величину такъ называемаго „погона", т.-е. сколько при извѣстной высотѣ и ширинѣ забоя должны рабочіе выработать по длинѣ подземнаго хода. Если принять высоту и ширину забоя равными 1 с.. то при выработкѣ въ длину въ $1^1/_2$ арш. 3 чел. добудутъ всего $^1/_2$ куб. с., или $13^1/_2$ куб. арш., а при выработкѣ 2 арш. въ длину добудутъ всего $^2/_3$ куб. с., или 18 куб. арш. Во второй половинѣ 80-хъ гг. и въ 1890 г. наиболѣе обычнымъ размѣромъ урока было $^1/_2$ куб. с. уже не на 3, а на 2 чел., но бываетъ и болѣе—до $20^1/_4$ куб. арш.[1]). Напримѣръ въ договорѣ съ К° Плотникова и Жилля (1890 г., маріинскаго округа) на пріискахъ Александровскомъ и Ивановскомъ, „при добычѣ песковъ изъ ортъ, заложенныхъ изъ открытаго разрѣза, т.-е. безъ подъема въ шахты, 2 чел. должны вырабатывать $^1/_2$ куб. с. съ закрѣпленіемъ орта огнивами и подхватами, причемъ подвозка и заготовленіе крѣпей дѣлается особыми рабочими. Нужно замѣтить, что ширина и высота забоя, какъ и въ вышеупомянутыхъ договорахъ 1870 г., не указаны, а это открывало возможность для злоупотребленій. Этотъ недостатокъ устраненъ въ договорѣ Южноалтайской К°, гдѣ 2 чел., т.-е. забойщихъ и возчикъ, обязывались вырабатывать, „при 1 с. ширины и высоты орты, погону $1^1/_2$ арш.[2]), съ откаткой песковъ не болѣе 30 с., съ закрѣпленіемъ означеннаго погону готовыми огнивами и стойками, которыя должны мы сами подтащить съ поверхности къ забою ортъ". По договору съ золотопромышленникомъ Пушниковымъ (1886 г. мар. окр.) рабочіе обязывались въ 12-часовую смѣну (слѣдовательно, и въ случаѣ установленія ночныхъ работъ) вырабатывать зимою вдвоемъ $^1/_2$ куб. с. „съ откатомъ песковъ на машину или въ запасныя кучи на указанное мѣсто не болѣе 50 с. отъ мѣста работъ, далѣе же этого разстоянія на откатъ песковъ прибавлять людей по разсчету", а лѣтомъ 2 чел. должны были вырабатывать $20^1/_4$ куб. арш. По одному договору маріинскаго округа (1890 г.) зимній урокъ 2 рабочихъ съ 1 октября по 15 марта равнялся $17^1/_2$ куб. арш., а съ 15 марта по 1 октября—20 куб. арш. съ откатомъ на тачкахъ не далѣе 35 с., съ закрѣпленіемъ ортъ огнивами и подхватами, причемъ подвозить и заготовлять крѣпи должны были особые рабочіе. При работѣ въ открытыхъ разрѣзахъ нерѣдко часть выработки (свыше 1 куб. с. на 2 рабочихъ и 1 лошадь) считалась старательскою; такъ и при ортовой работѣ по договору съ К° Плотникова и Жилля (1890 г.) 9 куб. арш. считались хозяйскою работою, а $4^1/_2$ куб. арш. старательскою.

Какъ мы видѣли, вмѣстѣ со старательскою работою урокъ на двоихъ рабочихъ и 1 лошадь доходилъ въ сутки, при работѣ въ открытыхъ разрѣзахъ, до $1^3/_4$ куб. с., но въ одномъ договорѣ Алтайскаго округа для такъ называемыхъ отрядныхъ рабочихъ онъ былъ еще болѣе. „Если управленіе выгоднымъ найдетъ производить выработку торфовъ въ увеличенномъ количествѣ", сказано въ этомъ договорѣ, „чѣмъ, конечно, дастъ возможность и къ увеличенной заработкѣ рабочаго въ видѣ отрядной работы, то каждый изъ наемниковъ такое

---

[1]) Урокъ при ортовыхъ работахъ болѣе 18 куб. аршинъ на 2 рабочихъ окружный инженеръ Реутовскій считаетъ обременительнымъ. „Вѣстн. Золот." 1896 г. № 11, стр. 224.

[2]) Впрочемъ съ 1 мая по 1 октября назначено погону 2 арш.

распоряженіе обязанъ принять безпрекословно, на слѣдующихъ основаніяхъ, а именно: каждые 2 чел. при 1 лошади обязаны вырабатывать каждодневно—въ будни и праздники—*по 2 куб. с.* (!), изъ которыхъ 1 с. должна считаться хозяйскою, а вторая—старательскою..., раздѣляя плату на обоихъ рабочихъ поровну". Работы эти называются отрядными, а потому и должны производиться артелями, количество которыхъ опредѣляется управленіемъ, а также управленію предоставляется право и назначенія въ эту работу людей по своему выбору, отказываться же никто не имѣетъ права, а также и настоятельно требовать въ оную назначенія".

Въ случаѣ недоработки урока пріисковымъ управленіямъ предоставлялось договорами право или оставить рабочаго на работѣ послѣ 8 ч., или присоединить недоработку къ уроку слѣдующаго дня, или произвести вычетъ изъ заработной платы. По одному договору Алтайскаго округа, въ случаѣ недоработки, плата, причитающаяся въ этотъ день, должна быть уменьшена на $^1/_3$ поденнаго заработка. По договору К° Жилля и Плотникова (1890 г., Мар. окр.) „всякая недоработка на торфахъ и пескахъ всегда вычитается изъ старательскаго заработка". По договору съ Щепетильниковымъ (1871 г., Мар. окр.) рабочій въ этомъ случаѣ подвергался взысканію по усмотрѣнію хозяина. По договору съ Хотимскимъ (1871 г., Мар. окр.) за каждый недоработанный часъ контора могла вычесть съ рабочаго 50 к., за половину дня 2 руб. и за цѣлый день 3 руб.

Плата за исполненіе уроковъ на горныхъ работахъ устанавливалась въ слѣдующемъ размѣрѣ. По договорамъ съ золотопромышленниками маріинскаго округа 1871 г. Щепетильникова и Никифорова 2 чел. на торфахъ за очень большой урокъ (1 хозяйская сажень и $^1/_4$ старательской *съ ручнымъ откатомъ*) получали вознагражденіе за хозяйскую сажень 3-рублевое мѣсячное жалованье, слѣдовательно по 10 к. въ день на каждаго, а за старательскую сажень по 1 руб., т.-е. за $^1/_4$ с. 25 к. на двоихъ, значитъ, каждый рабочій получалъ въ день всего $22^1/_2$ к.; на пескахъ за старательскую сажень была назначена плата въ будни 2 руб. (слѣдовательно, всего въ день приходилось на каждаго по 35 к.) и въ праздники 3 руб. (т.-е. всего на каждаго по $47^1/_2$ к.). По договору съ Даниловымъ (1877 г., алт. окр.) при вскрышѣ торфа зимою до 1 мая на торфахъ 2 чел. при 1 лошади должны были вырабатывать $1^1/_4$ куб. с., а съ 1 мая по 1 октября—$1^1/_2$ с. (1 с. хозяйская, а остальное—старательская работа). За урочную сажень въ будни была назначена плата въ 40 к., а за старательскую—60 к., слѣдовательно, до 1 мая каждый рабочій получалъ за исполненіе урока по $27^1/_2$ к., а лѣтомъ по 35 к. При добычѣ песковъ съ начала промывки до 1 октября 2 чел. при 1 лошади должны были выработать $1^1/_2$ куб. с. (1 хозяйская и $^1/_2$ с. старательская) съ платою въ будни за хозяйскую сажень 40 к., а за старательскую 80 к., слѣдовательно, каждый рабочій получалъ за исполненіе урока въ будни 40 к. Въ праздничные и табельные дни вся выработка, какъ на торфахъ, такъ и на пескахъ считалась старательскою; слѣдовательно, лѣтомъ въ праздники на торфахъ каждый рабочій получалъ за исполненіе урока 45 к., а на пескахъ 60 к. По договору съ тѣмъ же

золотопромышленникомъ Даниловымъ (80-хъ гг.) при томъ же размѣрѣ урока, плата была нѣсколько повышена, а именно на торфахъ за урочную сажень въ будни платили 56 к., за старательскую 1 р.; при такой платѣ на каждаго рабочаго въ будни приходилось зимою 40 к., лѣтомъ 53 к. На пескахъ за урочную сажень въ будни платили 60 к., за старательскую 1 р. 20 к., слѣдовательно, каждый рабочій получалъ за исполненіе урока въ будни 60 к. Такъ какъ въ праздничные дни вся выработка, какъ на торфахъ, такъ и на пескахъ, считалась старательскою, то въ такіе дни лѣтомъ на торфахъ каждый рабочій получалъ за исполненіе урока 75 к., а на пескахъ 90 к. Въ 1888 г. на пріискахъ Данилова (Алт. окр.) забойщики, свальщики и промывальщики (какъ видно, безъ различія будней и праздниковъ) получали на торфахъ до 1 мая по 40 к. въ день, а на пескахъ съ 1 мая до 1 октября по 75 к., возчики же и отвальные на торфахъ зимою—35 к., на пескахъ лѣтомъ 65 к. По договору съ золотопромышленникомъ Миллеромъ (Мар. окр., 1885 г.) при выработкѣ на торфахъ двумя человѣками и одною лошадью 1 куб. с. забойщикъ получалъ въ будни всего 24 к., въ воскресенье и табельные дни 60 к.; за выработку $1^1/_4$ куб. с. забойщику платили въ будни 30 к. и въ праздники 85 к., за выработку $1^1/_2$ куб. с. въ будни 36 к. и въ праздники 1 р., за выработку $1^3/_4$ куб. с. забойщику въ будни 42 к., въ праздники 1 р. 5 к. На пескахъ за выработку $1^3/_4$ куб. с. вдвоемъ при 1 лошади съ отвозкою на машину забойщикъ долженъ былъ получать въ будни 60 к., въ праздники 1 р. 30 к. Плата возчикамъ была нѣсколько менѣе. По договору съ К° Плотникова и Жилля (1890 г., Мар. окр.) съ 1 мая изъ $1^1/_2$ с. торфу и песку, добываемыхъ двумя человѣками при 1 лошади изъ открытыхъ разрѣзовъ, 1 с. считалась хозяйскою, а $^1/_2$ старательскою; за хозяйскую сажень торфа и песку платили 20 к., а за старательскую торфа 1 р. 20 к. и песку 1 р. 40 к., причемъ изъ каждаго выработаннаго рубля забойщикъ получалъ 53 к., а возчикъ или откатчикъ 47 к. По воскресеньямъ и праздникамъ вся выработка считалась старательскою.

По отчету горнаго исправника 1890 г. о золотыхъ промыслахъ Алтайскаго округа, горнорабочіе (забойщики, свальщики, промывальщики, возчики и отвальщики) на торфахъ съ 1 октября по 1 марта, за выработку 1 куб. с. двумя рабочими при 1 лошади, получали въ будни каждый 30—35 к., въ праздники 45—50 к.[1]), съ 1 марта по 1 мая за выработку $1^1/_2$ куб. с. тѣмъ же количествомъ рабочихъ они получали въ будни каждый 40—45 к. (въ Южноалтайскомъ Дѣлѣ 35—40 к.), въ праздники 60—65 к. (въ Южноалтайскомъ Дѣлѣ $52^1/_2$ до 80 к.), а съ 1 мая по 1 октября въ будни 60—65 к., въ праздники 90—95 к. На пескахъ съ 1 мая по 1 октября за добычу и промывку на машинѣ $2^1/_3$ куб. с. тремя рабочими при 2 хозяйскихъ лошадяхъ каждый рабочій получалъ въ будни 70—75 к., въ праздники 1 р. 5 к.—1 р. 10 к. (въ Южноалтайскомъ Дѣлѣ 40—60 к. въ будни и 90 к.—1 р. 20 к. въ праздники[2]). Весьма близкія къ этимъ цифры вознагра-

---

[1]) Въ Южноалтайскомъ Дѣлѣ до 70 к.

[2]) Арх. горн. исправника Алтайск. округа въ Кузнецкѣ. Въ 1887 г. плата въ Алтайскомъ округѣ, судя по отчету горнаго исправника, была менѣе (Дѣло Горнаго Департ.).

жденія каждому рабочему за исполненіе тѣхъ же уроковъ приводитъ и окружной инженеръ Томскаго горнаго округа въ своихъ отчетахъ 1889—90 гг., а именно съ 1 октября по 1 марта въ будни 30 к., въ праздники 45 к., съ 1 марта по 1 мая—40 к. въ будни и 60 к. въ праздники, съ 1 мая по 1 октября на торфахъ въ будни 60 к., въ праздники 90 к., на пескахъ въ будни 60 — 65 к., въ праздники 1 р. 5 к.—1 р. 20 к. [1]).

За ортовыя работы по договору съ золотопромышленникомъ Ивановымъ (1888 г.) платили зимою забойщику 30 к., откатчику 20 к., лѣтомъ забойщику 60 к., откатчику 45 к. въ день. Въ Южноалтайскомъ Дѣлѣ въ 1890 г. при ортовыхъ работахъ забойщикъ въ разное время года получалъ въ будни 35—60 к., въ праздники 70 к.—1 р. 20 к., откатчикъ въ будни 30—50 к., въ праздники 60 к.—1 р.

Добыча торфа у нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ Томскаго горнаго округа производилась отрядными рабочими съ платою въ 1889—90 гг. отъ 1 р. 30 к. до 2 р. за сажень [2]).

Въ зимнее время обыкновенно, а нерѣдко и лѣтомъ вознагражденіе за исполненіе хозяйскаго урока горнорабочіе получали въ видѣ мѣсячнаго жалованья. Размѣръ его за послѣднія 25 лѣтъ значительно увеличился.

По договорамъ съ золотопромышленниками Триполитовымъ и Петровымъ (1870 г., Мар. окр.) зимою рабочимъ назначена была плата по 4 р., а лѣтомъ съ 1 апрѣля по 1 октября 3 р. 15 к. въ мѣсяцъ, считая каждый мѣсяцъ въ 30 рабочихъ дней (за старательскую работу при промывкѣ песковъ сверхъ того назначалась плата по 10 к. съ каждой вывезенной таратайки). По договору съ Хотимскимъ (1871 г. Мар. окр.) до открытія промывки горнорабочіе получали мѣсячное жалованье 3 р. 15 к. въ мѣсяцъ, а лѣтомъ поденную плату за исполненіе урока. По договорамъ съ Щепетильниковымъ и Никифоровымъ (1871 г. Мар. окр.) мѣсячное жалованье равнялось 3 р., а за старательскую сверхурочную добычу торфа и песковъ назначена была повышенная задѣльная плата. По договорамъ съ Пушниковымъ (Мар. окр., 1886 г.) и Иванова (1880 г.) за вскрышу торфа и добычу песковъ въ зимнее время ручнымъ откатомъ назначена была плата зимою по 4 р. въ мѣсяцъ,

---

[1]) Дѣло Томск. Горн. Управл. по отчету за 1889 г.; „Горн. Журналъ", 1891 г. № 12, стр. 524—525. Горный инженеръ поясняетъ, что въ нѣкоторыхъ договорахъ хозяйская сажень отличается отъ старательской, и за первую платятъ 12—20 к., а за старательскую на торфахъ не менѣе 1 р. 20 к. и на пескахъ не менѣе 1 р. 50 к. (мы видѣли, что бываетъ и менѣе), причемъ въ праздники выработка считается старательскою. Въ другихъ договорахъ нѣтъ различія между хозяйскою и старательскою саженью, но плата въ праздники увеличивается въ $1^1/_2$ раза. Зимою вознагражденіе бываетъ вдвое менѣе, чѣмъ лѣтомъ. На нѣкоторыхъ пріискахъ Маріинскаго округа плата въ день за исполненіе урока ниже указанной. См. „Вѣстн. Золотопр.", 1893 г., № 15, стр. 252.

[2]) Отчеты окруж. горн. инж. въ дѣлахъ Томск. Горн. Управл.; „Горный Журналъ", 1891 г., № 12, стр. 525.

лѣтомъ по 10 р.; при работѣ съ лошадью за исполненіе извѣстнаго урока полагалась зимою мѣсячная плата отъ 5 до 10 р.; въ развѣдкахъ и поисковыхъ партіяхъ по договору назначена была плата отъ 4 до 12 р. По договору съ К° Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г.) мѣсячная плата зимою до 1 апрѣля назначена 4 р., лѣтомъ 3 р. 50 к., за старательскія же работы зимою и лѣтомъ полагалась особая плата съ сажени. По договору съ К° Плотникова и Жилля (1890 г., Мар. окр.) на пріискахъ Вавиловскомъ, Александровскомъ и Ивановскомъ назначена мѣсячная плата съ 1 октября по 1 марта забойщику 8 р., возчику, откатчику, отвальнымъ и проч. по 6 р.; съ 1 марта по 1 мая при выработкѣ урока прибавляется 1/4 часть жалованья; съ 1 мая выработка и плата за нея раздѣлялись на хозяйскую и старательскую; въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ назначено жалованье 7—12 р. въ мѣсяцъ [1]).

На нѣкоторыхъ пріискахъ и лѣтомъ горные рабочіе получали мѣсячное жалованье: такъ, въ 1886 г. на промыслахъ Ц—го забойщикъ получалъ 23—27 р., возчикъ 20—23 р. въ мѣсяцъ [2]). Въ 1888—89 г. по отчетамъ окружного инженера Томскаго горнаго округа нѣкоторые золотопромышленники платили горнорабочимъ мѣсячное жалованье отъ 10 до 23—25 р. (какъ всегда, на хозяйскомъ содержаніи), въ 1891 г. отъ 12 до 23 р. [3]). По словамъ томскаго окружного инженера въ замѣчаніяхъ (1892 г.) на проектъ горнаго департамента о наймѣ рабочихъ на золотые промысла забойщикъ получаетъ жалованья не менѣе 21 р., возчикъ 19 р. [4]).

Плата за подъемное золото на частныхъ промыслахъ Томской губ., какъ и въ другихъ мѣстахъ, за послѣднія 25 лѣтъ значительно повысилась. Въ 1870—72 гг. за подъемное золото платили 1 р.—1 р. 50 к. за золотн., въ 1876 и 78 гг. 1 р. [5]). Бывала плата общеконтрактнымъ рабочимъ за золотн. золота и менѣе 1 р. (по крайней мѣрѣ по контрактамъ). По договору съ золотопромышленникомъ Даниловымъ Алтайскаго округа (1877 г.) за мелкое подъемное золото (не болѣе 5 золот.) назначена была плата по 96 к. за золот., при вѣсѣ золотины отъ 5 до 24 золотн. по 70 к., отъ 24 до 48 золотн. по 50 к. съ золотн., а за вѣсящее болѣе 1/2 ф. по усмотрѣнію пріисковаго управленія. По договору съ тѣмъ же Даниловымъ 80-хъ гг. и съ Пушниковымъ 1876 г. за найденное золото вѣсомъ до 1 ф. назначена была плата по 2 р. за золотникъ. По договору съ К° Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г.) за мелкое золото до 5 золотн. плата назначена по 1 р. 50 к. съ золотн., за

---

[1]) Такая же плата въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ назначена по договору съ Даниловымъ 1877 г.

[2]) „Сибирскій Вѣстн.“ 1886 г., № 77, стр. 3.

[3]) Дѣла Томск. Горн. Управл.; *Н. Богомюбскій*, стр. 19.

[4]) Дѣло Отд. Частн. Золот. Горн. Департ., № 80.

[5]) „Томск. Губерн. Вѣдом.“ 1874 г., № 6, стр. 5; „Сибирь“, 1877 г., № 5, стр. 3 1879 г., № 14, стр. 1.

золотины отъ 5 до 24 золотн. по 1 р., а отъ 24 золотн. по усмотрѣнію управленія. По договору съ золотопромышленникомъ Ивановымъ (1888 г.) за подъемное золото до 1/8 ф. платили по 80 к. съ золотн., отъ 1/8 до 1/2 ф. по 30 к., а болѣе 1 ф. не менѣе 25 к. съ золотн. По договорамъ съ Южноалтайскою К° 80-хъ и 1890 г. назначена плата по 1 р. 44 к., въ дѣйствительности же платили по 1 р. 92 к.; по договору съ Поповымъ (1890 г., Алт. окр.)—2 р. По договору съ К° Жилля и Плотникова на пріискахъ Вавиловскомъ, Александровскомъ и Ивановскомъ (1890 г., Мар. окр.) плата за подъемное золото равнялась 2 р. 40 к. съ золотн. По отчету томскаго окружного инженера за 1889 г. плата за золотникъ золота, добытаго на старательскихъ работахъ по окончаніи контрактнаго дневного срока, равнялась 2—3 р. [1]).

Мастеровые на пріискахъ всегда получали и теперь получаютъ мѣсячное жалованье. Въ 1870—72 г.г. жалованье машинистамъ, плотникамъ, кузнецамъ и проч. равнялось 5—25 р., въ 1876—78 гг. — 5—30 р. [2]). Въ 1878 г. на Варваринскомъ пріискѣ Цыбульскаго (Алтайскаго) округа плотники получали 6—10 р., машинисты 10—15 р., кузнецы 7—15 р., хлѣбопеки 7—13 р. По договору съ золотопромышленникомъ Даниловымъ 1877 г. разночинцы, т.-е. артельные старосты, нарядчики, кузнецы, молотобойцы, слесаря, плотники, угольщики, промывальщики, конюхи, коновалы, хлѣбопеки и проч. должны были получать мѣсячнаго жалованья 5—10 р. По договорамъ съ золотопромышленниками Алтайскаго округа Даниловымъ (80-хъ гг.), Южноалтайской К° (1890 г.) и Поповымъ (1890 г.) плотники получали жалованья 8—21 р., кузнецы 12—25 р., молотобойцы 8—15 р., караульные 6—20 р., конюхи 8—15 р. и проч. [3]). Въ 1894 г., если перевести мѣсячное жалованье мастеровыхъ на поденное, они получали на 4 пріискахъ Маріинскаго округа 60—70 к., а на 48 пріискахъ Алтайскаго округа отъ 40 до 85 к. (по показаніямъ золотопромышленниковъ) [4]),

Женщины [5]) въ Южноалтайской К° по договорамъ 1880-хъ и 1890 г. должны были получать 3 р.—4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, но въ дѣйствительности въ 1890 г. на Неожиданномъ пріискѣ женщины, исполнявшія обязанности прислуги и занимавшіяся печеніемъ хлѣба, получали 4—6 р.; на пріискахъ Лебедской системы Южноалтайской К° въ 1890 г. огородницы, прачки, стряпки, квасоварки, поломойки, коров-

---

[1]) Дѣло Томск. Горн. Управл. съ отчетами за 1889 г.

[2]) „Томск. Губерн. Вѣдом.“ 1874 г., № 6; „Сибирь“, 1877 г., № 5, 1879 г., № 14, стр. 1.

[3]) См. *Дополненіе II.*

[4]) *М. Шостакъ.* „Золотопр. въ Томской горн. области“. Томск. 1896 г., таб. V.

[5]) Женщины во всемъ Томскомъ горномъ округѣ составляли въ 1896 г. 6 1/2 % рабочихъ. „Вѣст. Золот.“ 1897 г., № 11, стр. 249.

ницы и др. получали 4 р. 50 к.—12 р. мѣсячнаго жалованья. На пріискахъ Алтайскаго окр. Асташева женщины получали въ 1887 г. въ мѣсяцъ жалованья отъ 3 до 12 р. и на пріискахъ Кузнецовыхъ въ томъ же году 3—6 р. На промыслахъ Алтайскаго округа женщины несутъ иногда и нѣкоторыя мужскія обязанности, напр. бываютъ отвозчицами, если умѣютъ справляться съ лошадьми, и тогда получаютъ рублей по 14 въ мѣсяцъ. На пріискѣ, арендуемомъ Поповымъ, я видѣлъ въ 1891 г. бабу, одѣтую въ мужскіе штаны, которая работала наравнѣ съ мужчинами на промывальной машинѣ, протирая на ней песокъ и гальку; она получала 15 р. въ мѣсяцъ.

Несовершеннолѣтніе рабочіе въ возрастѣ 14—17 л., какъ видно изъ отчета томскаго окружного инженера за 1889 г., исполняли „легкія поторжныя работы", преимущественно погонщика лошади при уборкѣ изъ-подъ люковъ эфеля и гальки. Въ томъ же отчетѣ сказано, что работа подростковъ является исключеніемъ [1]). Въ 1890 г., по отчету алтайскаго горнаго исправника, несовершеннолѣтніе рабочіе старше 16 л. получали за отвозъ гальки 5—12 р. въ мѣсяцъ. На Неожиданномъ пріискѣ Южноалтайской К° въ 1890 г. подростки не менѣе 14 л. зимою чистили снѣгъ и служили при конномъ дворѣ, а лѣтомъ отвозили отъ промывальной машины эфель и гальку; зимой они получали 5—8 р., лѣтомъ 8—14 р. въ мѣсяцъ. Средняя заработная плата подросткамъ на пріискахъ Южноалтайскаго Дѣла Балыксинской системы равнялась въ 1889 г.—7 р., въ 1890 г.—8 р. На Андабинскомъ пріискѣ Лебедской системы Южноалтайской К° въ 1890 г. подростки получали 4—12 р. На пріискахъ Асташева они получали въ 1887 г. 5—12 р., на пріискахъ Кузнецовыхъ въ 1887 г. 7—15 р. въ мѣсяцъ [2]).

Продовольствіе общеконтрактныхъ рабочихъ на пріискахъ Томскаго горнаго округа было такое же, какъ и въ другихъ горныхъ округахъ Сибири, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ работаютъ киргизы.

По договору съ золотопромышленникомъ Триполитовымъ (1870 г. Мар. окр.) общеконтрактные рабочіе должны были получать на каждаго человѣка въ мѣсяцъ ржаной муки по 2 п. 20 ф., говядины свѣжей или соленой по 35 ф., крупы ячной $7^1/_2$ ф., соли 2 ф., скоромнаго масла и топленаго сала 1 ф. Въ договорахъ съ Никифоровымъ (1871 г., Мар. окр.) и Щепетильниковымъ (1871 г., Мар. окр.) относительно продовольствія мы находимъ очень оригинальное условіе: рабочіе должны были получать пищу, „установленную Горнымъ Уставомъ" (?) и обязывались „особыхъ прихотей, закономъ не установленныхъ, не требовать". Какъ извѣстно, Горнымъ Уставомъ вовсе не былъ опредѣленъ размѣръ пищевого пайка рабочихъ, который этими договорами вполнѣ предоставлялся, слѣдовательно, про-

---

[1]) Въ 1896 г. подростки на промыслахъ Томскаго горнаго округа составляли 4% рабочихъ. Ibid.

[2]) Арх. горн. исправ. въ Кузнецкѣ.

изволу пріисковаго управленія. По договору съ Хогимскимъ (1871 г., Мар. окр.) рабочіе должны были получать печенаго хлѣба, „сколько кто можетъ употребить въ пищу“, (но обязывáясь его не разбрасывать), мяса свѣжаго или соленаго по 1 ф. въ день, крупы по $^1/_4$ ф., и только! По договорамъ съ Даниловымъ (1877 г., Алт. окр.) и съ К° Иваницкаго, Жилля и Потапова полагалось говядины свѣжей или соленой по 1 ф., ячной крупы по $^1/_4$ ф. въ день, соли, сколько понадобится, ржаной муки 2 п. 20 ф. въ мѣсяцъ; если же кто захочетъ въ постные дни поститься, тотъ вмѣсто 1 ф. говядины долженъ довольствоваться 1 ф. крупы или гороху. По договору съ тѣмъ же Даниловымъ 80-хъ гг. продовольствіе рабочихъ нѣсколько улучшено: вмѣсто 1 ф. говядины они должны были получать $1^1/_4$ ф. и прибавленъ въ мѣсяцъ 1 ф. топленаго сала, хотя, конечно, продовольствія этого все-таки весьма недостаточно. По договору съ золотопромышленникомъ Миллеромъ (1885 г., Мар. окр.) мяса полагалось $1^1/_4$ ф. въ день, а о салѣ или маслѣ нѣтъ и помину. По договорамъ съ Пушниковымъ (1886 г.) и Ивановымъ (1888 г.) назначено $^1/_2$ ф. топленаго сала въ мѣсяцъ, но за то мяса — всего по 1 ф. въ день. По договору съ К° Плотникова и Жилля 1890 г. на пріискахъ Вавиловскомъ, Александровскомъ и Ивановскомъ рабочіе должны были получать мяса по 1 ф. въ день, масла въ мѣсяцъ $^1/_4$ ф. и сала $^1/_2$ ф.; въ поисковыхъ же партіяхъ взамѣнъ печенаго хлѣба они должны были получать по 2 п. сухарей, а вмѣсто свѣжаго или соленаго, вяленое мясо по $22^1/_2$ ф. По договорамъ съ Южноалтайской К° 1880-хъ и 1890 г. рабочимъ было назначено 2 п. 20 ф. ржаной муки (въ дѣйствительности же въ 1891 г. выдавалось 2 п. ржаной муки и 20 ф. пшеничной), а съ 1 мая по 1 сентября еще 5 ф. на квасъ, 8 ф. крупъ, 4 ф. соли, по 1 ф. масла или сала, говядины по $1^1/_2$ ф. Въ поисковыхъ партіяхъ сверхъ этого пайка рабочимъ полагалось по $^1/_2$ кирпича чаю въ мѣсяцъ, если же не случится свѣжаго или соленаго мяса, то рабочіе должны были получать по 1 ф. въ день вяленаго и не требовать квасу.

По отчету о золотопромышленности въ Западной Сибири за 1881 г., на промыслахъ Томской губ. свѣжаго или соленаго мяса отпускалось рабочимъ отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ ф. и въ праздничные дни масло [1]); по отчетамъ 1883—84 г.—масла $^1/_2$ ф. или взамѣнъ его 1 ф. сала, по отчету за 1887 г. сала или масла 1 ф. [2]) На нѣкоторыхъ пріискахъ и во второй половинѣ 80-хъ гг. выдавали по 1 и $1^1/_4$ ф. мяса. По отчетамъ мѣстнаго окружнаго инженера въ 1889—90 гг. въ Томскомъ горномъ округѣ выдавали рабочимъ на пріискахъ муки 2 п. 10 ф. (въ 1891 г. до 2 п. 25 ф), крупы 10 ф., мяса *до* 1 п. 5 ф., сала 1 ф., масла $^1/_2$ ф. (въ 1891 г. о маслѣ не упоминается), соли 5 ф. въ мѣсяцъ [3]).

Окружной инженеръ Томскаго округа говоритъ: „пищевое довольствіе... не на всѣхъ пріискахъ одинаково, къ тому же зимою оно меньше, чѣмъ лѣтомъ... На очень немногихъ изъ пріисковъ уцѣлѣлъ обычай выдавать всего 1 ф. мяса въ день, $^1/_4$ ф. масла, $2^1/_2$ п. ржаной муки, 6—7 ф. крупы, 3 ф. соли“. Въ пайкѣ средней величины прибавляется

[1]) „Горн. Журн.“, 1882 г., № 9, стр. 386.
[2]) Дѣла Горнаго Департамента.
[3]) „Горный Журналъ“, 1891 г. № 12, стр. 526; *Н. Боголюбскій*, стр. 20.

1/4 ф. мяса въ день и 1/4 ф. масла въ мѣсяцъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, встрѣчается максимальный паекъ, состоящій изъ 2 1/4 п. ржаной муки, 1/4 п. пшеничной, 8 ф. крупы, 1 ф. масла, 4 ф. соли, 1 п. 5 ф. мяса [1]), причемъ, говоря вообще, продовольствіе на пріискахъ Алтайскаго округа лучше, чѣмъ въ Маріинскомъ [2]).

Провизія, получаемая рабочими, не всегда доброкачественная. По словамъ чиновника министерства государственныхъ имуществъ Соколова, посѣтившаго пріиски Маріинскаго округа въ 1890 г., на Ивановскомъ пріискѣ, принадлежащемъ Савелію Буткевичу, рабочихъ въ продолженіе 2 мѣсяцевъ кормили тухлымъ мясомъ. „Остатки этого мяса, вывѣшенные между амбарами", говоритъ г. Соколовъ въ своемъ донесеніи министерству, рабочіе „показывали мнѣ": они „не могли его ѣсть и питались все время чаемъ [3]).

Женщины, исполнявшія разныя работы на пріискахъ, получали по нѣкоторымъ договорамъ меньше мяса, чѣмъ мужчины, а именно вмѣсто 1 1/4—1 1/2 ф. по 1 ф. [4]).

Относительно приготовленія пищи въ договорѣ Данилова (80-хъ гг. Алт. окр.) сказано: „варить пищу, печь хлѣба и приготовлять квасъ мы должны сами, не требуя ни хлѣбопека, ни кашевара. Для болѣе удобнаго учета... мы должны соединиться въ небольшія артели; изъ каждой... мы должны выбрать по одному человѣку для полученія припасовъ". Напротивъ, на пріискахъ Асташева (системы рр. Мраса и Кондомы Алтайскаго округа) въ операцію 1887 г. для одинокихъ людей во время лѣта давался кашеваръ, который приготовлялъ пищу для артели; припасы получалъ онъ для артельнаго котла ежедневно. Женатые брали припасы на руки и готовили пищу для себя сами, кромѣ хлѣба, который отпускался всѣмъ готовый изъ пекарни. Зимою нѣкоторые одинокіе люди столовались у семейныхъ, если находили это удобнымъ по роду и мѣсту работъ [5]).

Относительно времени принятія пищи рабочимъ г. Реутовскій говоритъ; „въ 6 ч. они пьютъ чай, употребляя на это 1 ч.; за часъ или полтора до обѣда нѣкоторые подобѣдываютъ съ тратою на это 1/2 часа; на обѣдъ, считая въ томъ числѣ и отдыхъ, идетъ 2 ч., на вечерній

---

[1]) „Вѣстн. Золотопр.", 1896 г., № 11, стр. 222.

[2]) „Вѣстн. Золотопр.", 1893 г., № 16, стр. 259.

[3]) Дѣло Томск. Горн. Управл. 1891 г., № 12.

[4]) Договоры съ золотопромышленниками Алтайскаго округа Даниловымъ 80-хъ гг., Южноалтайскою К° 80-хъ и 1890 г., Попова 1890 г.

[5]) Арх. алт. горн. испр. въ Кузнецкѣ. Въ договорѣ съ Южноалтайскою К° 1880-хъ гг. сказано: „обѣдать и ужинать должны мы за общимъ столомъ, кромѣ людей семейныхъ, если они пожелаютъ". Въ договорѣ 1890 г. оговорка относительно семейныхъ исключена.

чай въ 4 ч.—1 ч. и на паужинъ—1/2 ч. Ужинъ... всегда происходитъ по окончаніи работъ“ [1]).

О выдачѣ рабочимъ винныхъ порцій встрѣчаемъ упоминаніе въ нѣкоторыхъ контрактахъ еще начала 70-хъ гг. По договору съ Хотимскимъ (1871 г. Мар. окр.) управленіе обѣщало рабочимъ „въ видѣ награды за усердіе къ работѣ... въ теченіе лѣта отпускать нѣсколько винныхъ порцій въ праздничные и табельные дни“. По договору съ Южноалтайской К° 80-хъ гг. уже точно опредѣлено было выдавать рабочимъ винную порцію 2 раза, а въ поисковыхъ партіяхъ 3 раза въ недѣлю, но если кто не будетъ наказанъ артелью за дурное поведеніе, то управленіе можетъ лишить артель винныхъ порцій (въ договорѣ 1890 г. эти постановленія были исключены) [2]). Въ нѣкоторыхъ договорахъ конца 80-хъ и начала 90-хъ гг. сказано, что рабочіе не имѣютъ права сами требовать винныхъ порцій и что выдача ихъ зависитъ отъ пріисковаго управленія.

По отчету горнаго исправника Алтайскаго округа за 1890 г., „винныя порціи на нѣкоторыхъ пріискахъ подаются по 2 раза, а на нѣкоторыхъ 1 разъ въ недѣлю въ размѣрѣ 1/100 ведра, крѣпостью 40° и кромѣ того особо, при усиленныхъ работахъ въ праздничные дни и въ дни отдыха, по назначенію управленій пріисками, отъ 1 до 3 порцій. Въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ подаются винныя порціи 3 раза въ недѣлю“. На пріискахъ Данилова въ 1888 г. винныя порціи давались въ недѣлю до 1 мая 1/80, а съ 1 мая 2/80 ведра крѣпостью 36—40°. На Ивановскомъ пріискѣ Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г..) винныя порціи отпускались 1 разъ въ недѣлю по 1/100 ведра и кромѣ того въ дождливую погоду лѣтомъ [3]). По словамъ г. Реутовскаго, на пріискахъ Томской губ. еженедѣльно выдается рабочимъ 1/50—1/100 ведра водки, что составляетъ на рабочаго отъ 1/2 до 1 ведра въ годъ [4]). По свидѣтельству чиновника минист. госуд. имуществъ Соколова (1890 г.) на нѣкоторыхъ пріискахъ Марі-

---

[1]) Дѣло Отд. Частн. Золотопр. Горн. Департ., № 80.

[2]) Въ дѣйствительности въ Южноалтайской К° по системѣ р. Балыксы подавалось рабочимъ въ 1887 г. 2 винныхъ порціи въ недѣлю и особо въ праздничные дни. Въ отчетѣ за 1890 г. о тѣхъ же пріискахъ прибавлено: „и въ дни отдыха по назначенію пріисковаго управленія отъ 1 до 3 порцій“. Тоже въ отчетѣ о пріискахъ Южноалтайской К° по системѣ р. Лебедь за 1890 г. (Арх. Южноалтайской К° на Неожиданномъ пріискѣ).

[3]) Арх. алт. горн. испр. въ Кузнецкѣ. Въ 1884 г. на Веселовскомъ пріискѣ Томской губ. водка выдавалась не менѣе 2 разъ въ недѣлю всей безъ исключенія командѣ при обыкновенной работѣ; работавшіе же въ сырости получали чарку ежедневно. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1885 г., № 25, стр. 3.

[4]) Дѣло Томск. Горн. Управл. 1891 г., № 12; „Вѣстн. Золотопр.“, 1894 г., № 24, стр. 415; 1893 г., № 15, стр. 253, № 16, стр. 259.

инскаго округа порціи „пропиваются заранѣе съ согласія хозяевъ на Пасхѣ и по большимъ праздникамъ. Такъ на пріискѣ Буткевича хорошему работнику нынѣ была выдана бутылка спирта и рубашка за всѣ порціи во всю операцію, а худшему работнику—бутылка водки въ придачу съ рубашкой“ [1]). Нѣкоторыя компаніи дозволяли рабочимъ уступать, т.-е. перепродавать другъ другу свои порціи [2]).

Не довольствуясь винными порціями, выдаваемыми пріисковыми управленіями въ слишкомъ незначительномъ количествѣ, рабочіе покупали спиртъ у спиртоносовъ, а не то и у самихъ золотопромышленниковъ. По словамъ журнала томскаго губернскаго совѣта 31 марта 1882 г., тайною торговлею спиртомъ занимаются „сами золотопромышленники, ихъ управляющіе, а главное, такъ называемые, спиртоносы“ [3]).

Стоимость содержанія и помѣщенія рабочаго, по свидѣтельству томскаго окружного инженера въ его отчетѣ за 1889 г., обходится въ $6^1/_2$—8 р. [4]), въ статьѣ же г. В. Р. о пріискахъ Томской губ. (1893 г.) оно опредѣлено на промыслахъ Маріинскаго округа вмѣстѣ съ леченіемъ въ 5 р., а безъ расходовъ на это послѣднее въ 3 р. 6 к.—3 р. 33 к., на промыслахъ же, арендуемыхъ у Кабинета, дѣйствующихъ на общемъ основаніи и расположенныхъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ по правую сторону р. Томи, по системѣ Абакана и частью по лѣвому берегу р. Томи, содержаніе рабочихъ стоитъ 6 р. въ мѣсяцъ, что объясняется нѣсколько улучшеннымъ содержаніемъ, большею стоимостью припасовъ и бо́льшими тратами на медицинскую часть [5]).

По нѣкоторымъ договорамъ Маріинскаго округа начала 70-хъ гг. рабочіе обязывались выстраивать для себя жилища на промыслахъ въ свободное отъ работъ время и безъ всякой платы. Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Даниловымъ (1877 г., Алт. окр.) сказано: „помѣщеніе на пріискахъ для жилища нашего, состоящее въ общихъ казармахъ, должно быть отъ хозяина, а если кто (изъ семейныхъ) не пожелаетъ жить въ таковыхъ, тотъ устраиваетъ жилье для себя своимъ счетомъ и не иначе, какъ съ дозволенія пріисковаго управленія“ [6]). По договору съ К° Плотникова и Жилля 1890 г. (мар. окр.) „помѣщенія для жительства и баня должны быть устроены пріисковымъ управ-

---

[1]) Дѣло Томск. Горн. Управл. 1891 г., № 12.

[2]) „Сибирскій Вѣстникъ“, 1888 г., № 19, стр. 3—4.

[3]) „Томск. Губер. Вѣдом.“, 1882 г., № 29. О торговлѣ водкой на пріискахъ Маріинскаго округа см. еще „Сиб. Вѣстн.“, 1886 г., № 77, стр. 3; „Сибирская Газета“, 1884 г., № 13, стр. 340.

[4]) Дѣло Том. Горн. Управл. съ отчетами за 1889 г.

[5]) „Вѣстн. Золотопр.“, 1893 г., № 15, стр. 253, № 16, стр. 259.

[6]) Тоже и въ договорѣ съ нимъ 80-хъ гг. и въ договорѣ съ К° Иваницкаго, Жилля и Потапова 1888 г.

леніемъ, во временныхъ же командировкахъ въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ, гдѣ нѣтъ постояннаго жительства, тамъ устраивать для себя шалаши".

Рабочіе на пріискахъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ, по словамъ „Сибирской Газеты", помѣщались „въ казармахъ длиною и шириною отъ 8 до 10 арш. съ нарами кругомъ стѣнъ съ чрезвычайно узкими окошечками, пропускающими весьма слабые лучи свѣта, и, конечно, безъ всякой вентиляціи. Въ подобныхъ-то помѣщеніяхъ тѣснятся отъ 20 до 25 чел. При этомъ полы никогда не моются, накапливается толстый слой грязи, а съ нею появляется безчисленное множество насѣкомыхъ" [1]). Въ 1883 г. маріинскій окружной врачъ нашелъ на Благонадежномъ пріискѣ Королева, что „помѣщеніе рабочихъ, казармы содержатся грязно и неопрятно; по размѣрамъ своимъ они не соотвѣтствуютъ помѣщающемуся въ нихъ числу рабочихъ людей, такъ что на каждаго человѣка не приходится даже и $^1/_2$ куб. с. воздуха" [2]). По свидѣтельству чиновника Соколова (1890 г.) отвратительныя помѣщенія для рабочихъ были на Петровскомъ пріискѣ Савелія Буткевича: здѣсь лѣтомъ 8, а зимою 11 рабочихъ жили въ такомъ помѣщеніи, которое ежеминутно грозило разрушеніемъ. Эта казарма была подперта полусгнившими бревнами, такъ какъ углы ея обвалились. Все строеніе сгнило и было настолько ветхо, что г. Соколовъ не рѣшился оставаться въ немъ болѣе 5 мин. „Остальныя казармы на Петровскомъ пріискѣ представляютъ не лучшее помѣщеніе, а между прочимъ по оффиціальнымъ даннымъ и по заявленію самого Буткевича на его пріискѣ работаютъ 40 чел." Въ возраженіи на донесеніе Соколова мѣстный горный исправникъ сообщаетъ, что лѣтомъ рабочіе не живутъ въ казармахъ, а устраиваютъ себѣ шалаши.

Изъ отчета томскаго окружного инженера за 1889 г. видно, что количество воздуха, приходящагося на 1 рабочаго на нѣкоторыхъ пріискахъ, весьма недостаточно: „величина помѣщеній рабочихъ", говоритъ онъ, „весьма разнообразна: на большинствѣ пріисковъ Маріинскаго округа, праваго берега р. Томи, на пріискахъ Асташева и К° на каждаго рабочаго приходится 6—10 и даже 12 куб. арш. воздуха [3]). Это количество увеличивается вдвое для пріисковъ Абакана и К° Мальцева" (Южноалтайскаго Дѣла). „Казармы на пріискахъ Королева даютъ рабочему

---

[1]) „Сибирская Газета", 1882 г., № 20.

[2]) Арх. Дмитріевскаго волостного правленія въ с. Тисулѣ, дѣло Маріин. горн. испр., № 6/14, л. 249.

[3]) Слѣдовательно, напрасно въ своемъ донесеніи въ горный департаментъ по поводу записки Соколова г. Реутовскій утверждалъ, что въ помѣщеніяхъ для рабочихъ на пріискахъ Маріинскаго округа приходится на человѣка „minimum $^3/_4$ куб. с." Дѣло Том. Горн. Управл. 1891 г., № 12.

до 50 куб. арш. воздуха. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что показанное количество воздуха лѣтомъ значительно увеличивается вслѣдствіе помѣщенія нѣкоторыхъ рабочихъ въ отдѣльныхъ небольшихъ избушкахъ". Въ другомъ мѣстѣ отчета г. Реутовскій говоритъ, что рабочій лишенъ „сноснаго помѣщенія" [1]). Но въ 1892 г. въ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ, составленный горнымъ департаментомъ, г. Реутовскій сообщаетъ, что „лучшія пріисковыя управленія строятъ прекрасныя казармы для рабочихъ (5 арш. высоты, 12 арш. ширины и 12 арш. длины), съ сѣнями для просушки бѣлья, одежды и обуви, съ койками отдѣльно для каждаго человѣка и съ разсчетомъ, чтобы на каждаго приходилось не менѣе 1 куб. саж. воздуха [2]).

Жилища рабочихъ на частныхъ пріискахъ Томской губ. раздѣляются, по словамъ В. Р., на три разряда. У рабочихъ Южноалтайскаго Дѣла „отлично устроенныя казармы", въ которыхъ каждымъ двумъ человѣкамъ предоставляется отдѣльная койка, на каждаго рабочаго приходится значительно болѣе 1 куб. с. воздуха (?) [3]) и для всѣхъ отдѣльныя сѣни для сушки бѣлья, одежды и обуви. По этому типу строятся всѣ новыя казармы и перестраиваются старыя. Ко второму разряду относятся помѣщенія рабочихъ на промыслахъ Алтайскаго Золотопромышленнаго Дѣла, товарищества Кузнецовыхъ, золотопромышленниковъ Данилова, Родюкова, Королева, Буткевича и др. Казармы на этихъ промыслахъ, „хотя и представляютъ свѣтлыя, высокія и сухія помѣщенія, но уступаютъ казармамъ перваго разряда рабочихъ: онѣ не имѣютъ особыхъ сушильныхъ отдѣленій, въ нихъ нѣтъ также отдѣльныхъ коекъ и теплыхъ сѣней. Онѣ не менѣе 4—$4^1/_2$ арш. высоты и такихъ размѣровъ, что на каждаго рабочаго приходится не менѣе 1 куб. саж. воздуха. „Впрочемъ, на многихъ пріискахъ", продолжаетъ г. В. Р., „уже приступлено къ перестройкѣ этихъ казармъ" по типу перваго разряда. Высота казармъ третьяго разряда до $3^1/_2$—4 арш. съ содержаніемъ воздуха въ большинствѣ случаевъ не менѣе 1 куб. с. „На 20 такихъ пріискахъ было произведено измѣреніе казармъ, причемъ оказалось, что 9 изъ нихъ давали рабочему немного менѣе 1 куб. с., но другія значительно превосходили 1 куб. с. для каждаго рабочаго [4]).

Одежду, разныя вещи и съѣстные припасы, добавочные къ получаемому отъ пріисковыхъ управленій пищевому довольствію, рабочіе

---

[1]) Дѣло Том. Горн. Управл.

[2]) Дѣло Горнаго Департ., Отд. Частн. Золотопр., № 80.

[3]) Въ 1891 г., какъ сообщилъ намъ кузнецкій врачъ, на всѣхъ пріискахъ Южноалтайскаго Золотого Дѣла приходилось въ среднемъ $5^1/_2$ куб. метр. воздуха на 1 рабочаго, на пріискѣ Данилова на р. Ѳедоровкѣ 5 куб. метр. и на пріискѣ Иваницкаго въ Усинской системѣ $5^1/_2$ куб. метр., т.-е. всего нѣсколько болѣе $^1/_2$ куб. саж.

[4]) „Вѣстн. Золотопром.", 1894 г., № 17, стр. 276, 1896 г., № 12, стр. 241, 243.

пріобрѣталя въ счетъ заработка изъ пріисковыхъ лавокъ. Въ нѣкоторыхъ договорахъ начала 70-хъ гг. не упоминалось еще о томъ, что цѣны за всѣ вещи и припасы опредѣляются таксою, утвержденною горнымъ исправникомъ (хотя въ дѣйствительности такое утвержденіе уже требовалось), напримѣръ, по договору съ золотопромышленникомъ Маріинскаго округа Хотимскимъ (1870 г.) заборъ производился изъ пріисковыхъ магазиновъ „по установленной управленіемъ цѣнѣ“. Въ нѣкоторыхъ договорахъ того же времени устанавливется правило, что выдача вещей изъ пріисковыхъ лавокъ въ счетъ заработка производится всего одинъ разъ въ мѣсяцъ; такъ въ договорахъ Щепетильникова и Никифорова (Маріинскаго округа 1871 г.) сказано: „товарныя вещи изъ амбара получать намъ 1-го числа каждаго мѣсяца, а въ прочіе дни отпуска просить не должны“. Въ договорѣ съ Даниловымъ (1877 г.) упоминается объ „утвержденной“ таксѣ; съ своей стороны рабочіе по этому договору „строго“ обязывались „въ излишествѣ ничего не требовать и не брать, и взявши никуда не проматывать“, за что, въ противномъ случаѣ, они подвергались „отвѣтственности и должному исправительному взысканію“ (sic!) [1]).

Бывшій томскій губернаторъ Тобизенъ, въ своей запискѣ въ горный департаментъ 1892 г. сообщаетъ, что „магазины многихъ большихъ пріисковъ снабжены не только продуктами и товарами, составляющими предметы первой необходимости, но и весьма значительнымъ количествомъ предметовъ роскоши, совершенно несоотвѣтствующихъ потребностямъ рабочихъ. Въ магазинахъ имѣются бакалейные товары, почти никогда не потребляемые въ домашней жизни рабочаго класса, а также довольно дорогія матеріи, употребляемыя только на праздничные костюмы, въ какихъ нѣтъ никакой надобности на пріискахъ. Отпускъ подобныхъ товаровъ сокращаетъ выдачу заработковъ наличными деньгами при полученіи окончательнаго разсчета... Нѣкоторые пріисковые магазины запасаются и извѣстнымъ количествомъ аптечныхъ товаровъ самаго низкаго сорта (одеколона, киндербальзама и т. п.). Это становится уже явнымъ обходомъ закона, безусловно воспрещающаго продажу спирта, потому что рабочіе цѣлыми бутылками берутъ, напримѣръ, одеколонъ и, несмотря на сравнительно высокую цѣну, пьютъ его вмѣсто спирта или водки, разстраивая этимъ свое здоровье“ [2]). Если въ этихъ словахъ мы и находимъ слишкомъ широкое обобщеніе отдѣльныхъ случаевъ (какъ напр., питье одеколона), то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что рабочіе весьма значительную часть своего заработка оставляютъ въ пріисковыхъ лавкахъ [3]). По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ

[1]) Тоже, въ договорѣ съ Даниловымъ 80-хъ гг.

[2]) Дѣло Горн. Департ., отд. частн. золотопромышл. 1882 г., № 80.

[3]) См. ниже о распредѣленіи заработковъ.

сибирскими газетами, хозяева пріисковъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ получали въ 1880 г. на разныхъ вещахъ и припасахъ отъ 50 до 112% барыша, въ 1881 г.—отъ 26 до 92% и въ 1882 г.—отъ 40 до 180%. Такъ напримѣръ, кирпичъ чаю, стоившій съ доставкой 1 р.—1 р. 20 к., продавался на пріискахъ 1 р. 40—1 р. 80 к.; фунтъ сахару, обходившійся съ доставкой 31—35 к., продавался за 50 к. и проч. [1]). По словамъ чиновника Соколова (1890 г.), на маріинскихъ пріискахъ ржаная мука продавалась по 1 р. 20 к. за пудъ въ то время, когда пудъ съ доставкой стоилъ не болѣе 60 коп., пудъ соли 1 р. 50 к. вмѣсто 70 коп. Окружной же инженеръ Томскаго горнаго округа увѣряетъ въ возраженіи на записку Соколова, что пріисковыя управленія получаютъ на товарахъ барыша всего 10—20%. Однако, тотъ же окружной инженеръ г. Реутовскій, въ своемъ отчетѣ за 1889 г., писалъ: „нельзя не отмѣтить, что таксы составляются *въ широкихъ размѣрахъ* (sic!); онѣ“ (т.-е. цѣны въ нихъ) „настолько велики, что даже солидныя компаніи, повидимому не гонящіяся за барышемъ отъ продажи товара, имѣютъ 15—20 тысячъ чистаго дохода на 600—700 чел. команды. Это приблизительно“, означаетъ, „что каждый рабочій несетъ въ кассу золотопромышленной фирмы свой лѣтній мѣсячный заработокъ, который рѣдко ниже 23 — 25 рублей“. Въ другомъ мѣстѣ того же отчета авторъ упоминаетъ „о высокихъ цѣнахъ товаровъ и ихъ недоброкачественности“ [2]). Въ замѣчаніяхъ (1892 г.) на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промысла, г. Реутовскій говоритъ, что „года четыре тому назадъ... въ таксахъ, утверждаемыхъ горнымъ исправникомъ, былъ крайній произволъ, и доходъ съ пріисковыхъ товаровъ и припасовъ давалъ мѣстами 80—100%, но всегда не ниже 50—60%; въ настоящее время крайній процентъ барыша 20—25%“ [3]).

Въ „Вѣстникѣ Золотопромышленности“ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о размѣрѣ забора рабочихъ на промыслахъ Томскаго горнаго округа и барышахъ золотопромышленниковъ. „Величина забора измѣняется отъ 3 р. 90 к.—5 р. въ мѣсяцъ до 6, 8 и даже 9 рублей. Это увеличеніе забора зависитъ отъ количества женщинъ и дѣтей на пріискахъ. На Абаканскихъ, напримѣръ, пріискахъ Кузнецовыхъ (Алтайскаго горнаго округа), „гдѣ на 373 годовыхъ рабочихъ приходится

[1]) Данныя эти сгруппированы г. Соловымъ въ статьѣ „Государственная защита пріисковыхъ рабочихъ въ Сибири“. „Юридическій Вѣстникъ“ 1887 г., № 11, стр. 442.

[2]) Томск. Горн. Управл. дѣло 1891 г., № 12 и дѣло съ отчетомъ за 1889 г.

[3]) Въ печатной статьѣ 1893 г. г. В. Р. утверждаетъ, что прибыль золотопромышленниковъ Томскаго горнаго округа отъ продаваемыхъ ими товаровъ и припасовъ составляетъ 20% ихъ стоимости. „Вѣстн. Золотопром.“, 1893 г., № 15, стр. 253—254, № 16, стр. 259.

303 женщинъ и дѣтей, ежемѣсячный заборъ на человѣка доходитъ до $8^1/_2$ руб. Двѣ трети этой суммы идетъ собственно на товары и треть на припасы. Рабочій, кромѣ пріисковаго положенія, беретъ: $^1/_2$ кирпича чаю, сахару 2—3 фунта, масла 2 ф., сала 2 ф., пшеничной муки $^1/_2$ пуда, многіе берутъ и крупчатку“ [1]). Въ сборникѣ „Алтай“ авторъ статьи о частной золотопромышленности сравниваетъ лавки на золотыхъ пріискахъ и на обь-енисейскомъ каналѣ: „на пріискахъ лавочки содержатся самими золотопромышленниками и составляютъ для нихъ одну изъ доходнѣйшихъ статей предпріятія. На многихъ бѣдныхъ пріискахъ эта статья является иногда единственной доходной статьей, возмѣщая убытки отъ самаго промысла... Въ этихъ лавочкахъ рабочіе спускали едва не всѣ свои заработки, такъ какъ цѣны на всѣ предметы здѣсь тройныя. На каналѣ это дѣло поставлено совершенно иначе, и цѣны на всѣ главные предметы здѣсь почти одинаковы съ томскими. Управленіе канала заключило условіе съ торговцемъ Колосовымъ, по которому этотъ послѣдній, открывая здѣсь на каждомъ стану свои лавочки, обязывается продавать изъ нихъ товары по опредѣленной въ контрактѣ цѣнѣ и непремѣнно установленной доброкачественности; образцы этихъ товаровъ за печатями хранятся въ конторѣ каждаго стана, и рабочіе, получивъ недоброкачественный товаръ, могутъ всегда его обмѣнить или отдать обратно“ (стр. 425) [2]).

Это показываетъ, что горные исправники плохо охраняли интересы рабочихъ въ дѣлѣ составленія таксъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, за что иногда и получали замѣчанія отъ высшаго начальства. Такъ напримѣръ, въ 1878 г. томскій губернаторъ писалъ горному исправнику частныхъ золотыхъ промысловъ томской губерніи: „Вы представили ко мнѣ при отчетѣ о дѣйствіи частныхъ золотыхъ промысловъ за 1876—1877 операціонный годъ таксу припасамъ и матеріаламъ, продававшимся въ томъ году на частныхъ золотыхъ промыслахъ Томской губерніи. По сравненію показанныхъ въ таксѣ цѣнъ съ цѣнами справочными, существующими въ г. Томскѣ, первыя далеко превышаютъ послѣднія, и повышеніе это положительно ничѣмъ не оправдывается. Если взять затрату на провозъ этихъ матеріаловъ и припасовъ, что, конечно, должно имѣть вліяніе на повышеніе цѣнъ пріисковыхъ, то съ другой стороны нужно взять въ разсчетъ оптовую покупку тѣхъ матеріаловъ, которая всегда влечетъ за собою значительное пониженіе цѣнъ раздробительныхъ“. Губернаторъ предписывалъ горному исправнику „обратить особенное вниманіе на столь значительное возвышеніе

[1]) „Вѣстн. Золотопром.“, 1893 г., № 15, стр. 253, № 16, стр. 259.

[2]) Рабочіе Южноалтайской К°, какъ намъ передавали въ 1891 г., выражали неудовольствіе на то, что имъ не дозволяли покупать у крестьянъ кое-что изъ съѣстного: масло, капусту, огурцы.

пріисковыхъ цѣнъ на припасы и матеріалы и принять самыя строгія мѣры" для ихъ пониженія, „дѣйствуя въ этомъ случаѣ, гдѣ представится возможность, и путемъ убѣжденія, такъ какъ произвольное повышеніе цѣнъ разоряетъ рабочихъ" [1]). При сравненіи цѣнъ на пріискахъ съ томскими цѣнами, оказывалось, что первыя превосходили вторыя (не принимая во вниманіе стоимости доставки) на 5—150% (одинъ товаръ даже на 300%). Такъ напримѣръ, ситцевая рубашка стоила въ Томскѣ 1 рубль, на пріискахъ 2 р., рубашка холщевая въ Томскѣ 60 коп., на промыслахъ 1 р. 20 к., сукно крестьянское аршинъ въ Томскѣ 13 коп., на промыслахъ 25 коп. [2]); а между тѣмъ это были еще цѣны „общей таксы" на пріискахъ, которая, повидимому, представляетъ среднія цифры; по крайней мѣрѣ, при сравненіи цѣнъ такой общей таксы за 1883 г. съ цѣнами на отдѣльныхъ промыслахъ, оказывается, что на различныхъ пріискахъ можно было встрѣтить цѣны и болѣе, и менѣе общей пріисковой таксы.

Если мы сравнимъ пріисковыя цѣны 1878 г. съ цѣнами 1851—52 г. [3]), мы замѣчаемъ весьма сильное вздорожаніе нѣкоторыхъ товаровъ: такъ напримѣръ, въ 1851 г. бродни стоили 1 р. 35 к.—1 р. 45 к., въ 1878 г.—2 р.—2 р. 60 к., сапоги кунгурскіе въ 1851 г.—1 р. 90 к.—2 р. 40 к., въ 1878 г. 4 р. 50 к.—6 р.; цѣна другихъ товаровъ, какъ напримѣръ, азямовъ, измѣнилась менѣе: въ 1851 г. разные сорта ихъ стоили отъ 1 р. 90 к. до 5 р. 75 коп., въ 1878 г. отъ 2 р. 75 к. до 6 р. 50 к.

Кромѣ пріисковыхъ лавокъ бываютъ и другіе способы эксплоатаціи рабочихъ: такъ въ 1888 г. на Петропавловскомъ пріискѣ бр. Должиковыхъ (Абаканской системы) у старшаго стражника была большая лотерея (болѣе чѣмъ на 400 р.), гдѣ подписчиками были одни рабочіе [4]).

Приводить на промысла женъ и дѣтей рабочіе могли только съ согласія пріисковаго управленія. По договору съ Триполитовымъ (1870 г., Мар. окр.), если кому и дозволялось привести ихъ съ собою, пріисковое управленіе могло употреблять ихъ въ домашнія работы, а за ослушаніе и дурное поведеніе высылать съ пріиска во всякое время. Въ договорѣ съ Даниловымъ 80-хъ гг. пояснено, что за исполняемыя ими работы (мытье половъ и бѣлья, уходъ за коровами и огородами, приготовленіе пищи, шитье бѣлья и т. п.) женщины должны получать поденную или мѣсячную плату по назначенію управленія; исполняющія постоянныя обязанности кухарки, прачки и проч. должны были полу-

[1]) Архивъ Дмитріевскаго волостного правленія въ селѣ Тисулѣ, дѣло 1878 г. № 21.

[2]) См. *Дополненіе III.*

[3]) См. т. I нашего труда, стр. 551—552.

[4]) „Сибирскій Вѣстн.", 1888 г., № 19, стр. 4.

чать пищу отъ управленія (хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ мужчины), тѣ же, на которыхъ не будетъ лежать никакихъ обязанностей, получаютъ только муку и соль, и то за плату по пріисковой таксѣ; по договору съ Южноалтайской комп. 1890 г., ненанятыя на постоянныя работы женщины должны были платить въ мѣсяцъ 2—3 р., а за уклоненіе отъ работъ управленіе могло штрафовать женщинъ отъ 3 до 6 р. въ мѣсяцъ (также и по договору съ Поповымъ 1890 г. Алт. окр.). По договору съ комп. Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г.), женщины могли быть высланы съ пріисковъ не только за дурное поведеніе, но и за уклоненіе отъ работъ, плата же за продовольствіе женщинъ, не имѣющихъ постоянныхъ занятій, назначалась по усмотрѣнію управленія. По договору съ Поповымъ (1890 г. Южноалтайская комп.) женщины, пришедшія на пріискъ съ мужьями, не могли уходить съ пріиска до общаго срока контракта. Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Пушниковымъ (1886 г., Мар. окр.) не упоминается о необходимости согласія пріисковаго управленія на приводъ женщинъ, а сказано только, что рабочій, приведшій съ собою жену на пріискъ, обязанъ платить за ея содержаніе 3 р. въ мѣсяцъ [1]). По договору съ комп. Плотникова и Жилля (1890 г.) на пріискахъ Вавиловскомъ, Александровскомъ и Ивановскомъ (Мар. окр.) за продовольствіе хлѣбомъ и помѣщеніе жены рабочаго съ него производился вычетъ 2 р. въ мѣсяцъ, остальные же припасы онъ долженъ былъ брать въ амбарѣ по таксѣ или покупать, у кого найдетъ возможнымъ. Въ договорахъ обыкновенно поясняется, что высылка женщинъ за дурное поведеніе должна производиться на счетъ того лица, съ кѣмъ онѣ пришли.

Въ Томскомъ горномъ округѣ семейная жизнь на промыслахъ развита болѣе, чѣмъ гдѣ либо на другихъ сибирскихъ пріискахъ, и женщины допускаются сюда всего свободнѣе, если не считать промысловъ, гдѣ работаютъ киргизы, перекочевывающіе въ кибиткахъ съ своими семействами (см. гл. III): въ 1889 г. въ томскомъ горномъ округѣ при 5183 рабоч. м. п. было на промыслахъ 3378 женщ. и 1330 дѣтей [2]); въ 1890 г. на 5093 раб. м. п. было 2012 женщ. и 2188 дѣтей [3]). На пріискѣ Южноалтайской комп. я видѣлъ въ 1891 г. одного рабочаго, живущаго въ особой избушкѣ съ 8-ю дѣтьми. И тѣмъ не менѣе женщинъ все еще недостаточно: въ 1890 г. на пріискахъ Южноалтайской комп. по системѣ р. Балыксы былъ случай скотоложства.

Въ нѣкоторыхъ контрактахъ встрѣчались условія, чтобы рабочіе не держали на пріискахъ скота и собакъ, по крайней мѣрѣ безъ раз-

---

[1]) Тоже по договору съ золотопромышленникомъ Ивановымъ 1888 г. Алт. окр.
[2]) Дѣло Том. Горн. Управл. съ отчетомъ за 1889 г.
[3]) „Горный Журналъ“, 1891 г., № 12, стр. 520.

рѣшенія. Но на промыслахъ Южноалтайской комп. по системѣ р. Балыксы рабочимъ дозволяли держать свой скотъ; до 1891 г. рабочіе, имѣвшіе скотъ, платили управленію за сѣно по 12 р. въ годъ (т. е. по 2 р. за каждый изъ 6-ти зимнихъ мѣсяцевъ), но съ этого времени управленіе нашло такой порядокъ для себя невыгоднымъ и предоставило рабочимъ самимъ заготовлять сѣно.

Жизнь рабочихъ на промыслахъ крайне однообразна, всякія разумныя развлеченія совершенно отсутствуютъ и потому пріятно упомянуть, какъ о рѣдкомъ исключеніи, что на Неожиданномъ пріискѣ Южноалтайской комп. недавно устроено особое зданіе для народныхъ чтеній и спектаклей, которые живо интересуютъ рабочихъ и приносятъ имъ большую пользу: несмотря на то, что приходится рано вставать, рабочіе простаиваютъ весь спектакль, какъ бы поздно онъ ни оканчивался [1]). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на этомъ пріискѣ рабочіе послѣ спектакля, устроеннаго служащими, получили разрѣшеніе устроить свое театральное представленіе и сыграли „Короля Максимиліана“ [2]).

Во многихъ договорахъ рабочихъ съ золотопромышленниками упоминается объ устройствѣ артельныхъ расправъ (двухъ выборныхъ въ которыя выбирали рабочіе, старосту же назначало пріисковое управленіе), а также о „полицейскомъ исправленіи“ или „взысканіи“ у горнаго исправника.

Объ артельной расправѣ упоминается, напр., въ договорѣ съ Триполитовымъ (1870 г., Мар. окр.), въ договорѣ же съ Щепетильникоимъ (1871 г., Мар. окр.) вмѣсто артельной расправы говорится только о „полицейскомъ взысканіи“. Въ договорѣ съ Даниловымъ (1877 г.) хотя и сказано объ избраніи артелью двухъ выборныхъ, но главное значеніе придается назначаемому управляющимъ артельному старостѣ, „который“, какъ сказано въ договорѣ, „по силѣ закона за проступки наши, лѣность и вообще за дурное поведеніе можетъ насъ наказывать; но если предоставленная мѣра на исправленіе (sic) не будетъ достигать цѣли, то о таковыхъ долженъ вести свой журналъ для преставленія его горному исправнику на зависящее распоряженіе“. По этому же договору за дурное поведеніе на пути на промысла рабочіе подвергали себя „артельной или полицейской расправѣ на мѣстѣ сдѣланныхъ проступковъ или по прибытія на пріискъ“ [3]). По договору съ Даниловымъ 80-хъ гг. артельный староста могъ „наказывать“ рабочихъ и „штрафовать отъ 1 до 3 р. въ сутки“. За побѣгъ съ пріиска, кромѣ другихъ каръ, бѣжавшій подвергался „законному исправительному взысканію“; „полицейскому взысканію“ подлежали также виновные въ „самовольной и тайной перестановкѣ

[1]) „Вѣст. Золотопр.“ 1896 г., № 12, стр. 241, № 20, стр. 353; 1897 г., № 14, стр. 316.

[2]) Одинъ изъ варіантовъ этой комедіи напечатанъ въ сборникѣ „Народный театръ“, изд. Е. Лавровой и Н. Попова, М. 1896 г., стр. 48—61.

[3]) По договору съ Даниловымъ 80-хъ гг. прикащихъ, сопровождавшій артель, могъ передавать „буйнаго наемника ближайшему начальству для законнаго взысканія и дальнѣйшаго отправленія съ тою же артелью“.

урочныхъ кольевъ" и кромѣ того лишенію платы за этотъ день (тоже въ договорѣ съ Южноалтайскою К° и Поповымъ 1890 г., Алт. окр., и по договору съ Ивановымъ 1887 г., Алт. окр.; по послѣднему контракту они лишались даже не обычной, а старательской платы). О наказаніи артелью за дурное поведеніе и „законномъ исправительномъ взысканіи" за побѣгъ упоминается и въ договорахъ Южноалтайскій К° 80-хъ и 1890 г.; но очевидно пріисковому управленію не всегда удавалось добиться желательнаго ему приговора, такъ какъ въ договорахъ этихъ сказано, что если за ослушаніе и дерзости виновный не будетъ наказанъ артелью, то пріисковое управленіе можетъ или само оштрафовать его, или жаловаться полиціи [1]). По договору съ К° Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г., Алт. окр.) также устанавливается артельная расправа, по приговору которой виновный подвергался денежному штрафу за каждый проступокъ до 3 р. или наказанію розгами до 20 ударовъ, а если эти мѣры не достигали цѣли, то такихъ рабочихъ слѣдовало представлять горному исправнику на зависящее распоряженіе [2]).

Во время посѣщенія нами въ 1891 г. пріисковъ Южноалтайской комп. намъ разсказывали о нѣкоторыхъ случаяхъ тѣлесныхъ наказаній по приговору артельной расправы.

Томскій губернскій совѣтъ въ своемъ журналѣ 31 марта 1882 г. одною изъ причинъ побѣговъ рабочихъ съ пріисковъ считалъ „строгость взысканій". Горный исправникъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ въ своемъ представленіи губернскому совѣту считалъ необходимымъ „безусловно воспретить золотопромышленникамъ, ихъ управляющимъ и служащимъ подвергать рабочихъ по собственному усмотрѣнію за проступки какому-либо наказанію, а тѣмъ болѣе дозволять по отношенію къ рабочимъ ручную расправу". Губернскій совѣтъ нашелъ, что это предложеніе не можетъ даже представлять „предмета обсужденія, такъ какъ подобныя дѣйствія не только воспрещены, но и караются закономъ" и считалъ необходимымъ, чтобы никакія наказанія рабочихъ не производились безъ приговора партіонной расправы [3]). Но эти пожеланія не осуществлялись; по крайней мѣрѣ въ 1884 г. въ „Сибирскую Газету" сообщили съ пріисковъ Маріинской системы слѣдующій фактъ: „золотопромышленникъ К—въ задаетъ громадные уроки своимъ рабочимъ. Недавно, сидя у окна, онъ увидѣлъ, что рабочій уменьшилъ замѣръ на нѣсколько вершковъ, переставивъ колышекъ. К—въ тотчасъ же зазвалъ этого рабочаго и съ помощью урядника Н—дова, живущаго

[1]) Тоже въ договорѣ съ Поповымъ (1890 г. алт. окр.).

[2]) Въ договорѣ съ Алтайскимъ Золотопромышленнымъ Дѣломъ В. И. Асташева находимъ такое оригинальное постановленіе: „если кто либо изъ устроенныхъ нами самими при наймѣ или въ работахъ на пріискѣ артелей окажется виновнымъ въ ослушаніи или въ оскорбленіи завѣдывающихъ работами и не будетъ наказанъ артелью, то пріисковое управленіе имѣетъ право лишить артель, въ которой находится виновный, половины порціи мяса, а также винныхъ порцій".

[3]) „Том. Губерн. Вѣдом.", 1882 г., №№ 29 и 30.

на сосѣднемъ пріискѣ Б—лина, повалилъ его на полъ и билъ пинками до тѣхъ поръ, пока рабочій не лишился чувствъ и тогда еле живой былъ отправленъ въ пріисковую больницу [1]).

Въ 1887 г. въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ появилась корреспонденція съ алтайскихъ пріисковъ о дурномъ обращеніи съ рабочими на пріискахъ К° Мальцева (впослѣдствіи Южноалтайское Дѣло) [2]). Томскій губернаторъ послалъ по этому поводу запросъ горному исправнику, и тотъ отвѣчалъ слѣдующее: Въ теченіе 6-тилѣтняго моего завѣдыванія промыслами Мальцева и К° не было ни одного случая, чтобы кто-либо изъ рабочихъ и служащихъ принесъ жалобу на дерзкое обращеніе г. Сычева... Не то время, чтобы рабочіе добровольно подставляли свои спины подъ арапникъ, и никто изъ управляющихъ на это, при всемъ желаніи, не рѣшится, зная, какія послѣдствія отъ этого неминуемо произойдутъ. Рабочимъ хорошо извѣстно, что управленіе пріиска подвергать ихъ тѣлесному наказанію не можетъ, и никто изъ нихъ не допуститъ до этого. При нанесеніи оскорбленія не только дѣйствіемъ, но словами кѣмъ-либо изъ служащихъ, рабочій обязательно обратится въ первый же пріѣздъ горнаго исправника на пріискъ съ жалобою и тогда только успокоится, когда на виновнаго будетъ наложена мѣра взысканія. Рабочіе, дѣйствительно за маловажные проступки, согласно 110 ст. Устава о Частн. Золотопр., по словесному приговору артельной расправы, подвергаются тѣлесному наказанію; при этомъ пріисковый полицейскій стражникъ активнаго участія не принимаетъ, а наблюдаетъ, чтобы наказаніе было приведено въ исполненіе и чтобы не было какихъ-либо истязаній [3]).

Въ нѣкоторыхъ договорахъ начала 70-хъ гг. мы находимъ еще условіе, чтобы съ рабочими обходились „безъ обиды и притѣсненія, человѣколюбиво, не причиняя“ имъ „никакихъ побоевъ или какихъ либо жестокостей, *вредныхъ здоровью*“; въ контрактахъ же 80-хъ гг. мы не находимъ уже этой послѣдней прибавки и предписывается обхожденіе съ рабочими „безъ притѣсненій и жестокостей“, или „безъ обидъ“,

---

[1]) № 31, стр. 779. Въ печати было заявлено еще о слѣдующемъ случаѣ самоуправства пріисковой администраціи: управляющій на пріискѣ въ К—мъ округѣ арестовалъ двухъ инородцевъ „по подозрѣнію будто бы въ скупѣ золота, заковалъ ихъ въ кандалы и закованныхъ выгонялъ нѣсколько дней на работу. Освободившись, инородцы жаловались кому-то, но жалобы ихъ остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“. „Сибирскій Вѣст.“, 1886 г., № 77, стр. 3.

[2]) Въ ней было между прочимъ сказано, что управляющій С—въ бьетъ арапникомъ рабочихъ, „а если найдется изъ нихъ такой, что вздумаетъ вооружиться противъ начальническаго арапника, то онъ немедленно отправляется съ пріиска за конвоемъ до р. Б—сы и тамъ прежде, чѣмъ онъ сядетъ въ лодку, его предварительно, по распоряженію того же управляющаго, при помощи стражниковъ и конюховъ, угостятъ березовой кашей такъ, что онъ плыветъ до жилого мѣста еле живой. Жаловаться у насъ не полагается, да и каждому рабочему извѣстно, къ чему ведутъ жалобы: какъ разъ челобитчика ждетъ отъ непосредственнаго пріисковаго начальника, къ которому онъ обратится съ жалобой, угощеніе еще обиднѣе. „Сиб. Вѣстн.“, 1887 г., № 44, стр. 3.

[3]) Арх. Кузнецк. Горн. испр., 1890 г., № 27, нарядъ т. 1.

побоевъ и притѣсненій", или „человѣколюбиво, безъ обидъ и притѣсненій" [1]).

Въ видѣ наказанія рабочихъ переводили иногда на другую работу: такъ напр., забойщика, если онъ неправильно велъ забой или въ чемъ либо провинится, дѣлали галечникомъ; это не только давало меньшій заработокъ, но и считалось постыднымъ.

Штрафы по контрактамъ разсматриваемаго времени опредѣлялись въ размѣрѣ 50 к.—1 р. 50 к. за прогульный день (всего чаще 1 р.) [2]), за дурное поведеніе и разныя провинности до 3 р. По договору съ Ивановымъ (1887 г., Алт. окр.) съ невышедшаго самовольно на работу золотопромышленникъ имѣлъ право „сдѣлать вычетъ, замѣняя прогульный день праздничнымъ, т.-е. старательскимъ, а за самовольную отлучку съ пріиска „виновный" подвергается штрафу отъ 3 до 5 р. за каждый прогульный день". По договорамъ съ Южноалтайской комп. (80-хъ и 1890 г.) и Поповымъ (Алт. окр., 1890 г.) за несвоевременный выходъ на работу промысловое управленіе могло налагать штрафъ за каждый просроченный часъ по 30 к.; „за неявку на работы, за самовольную отлучку, лѣность, пьянство, неповиновеніе, драку и буйство управленіе" могло штрафовать рабочихъ „по своему усмотрѣнію отъ 1 до 3 р. или же предать законной отвѣтственности, какъ нарушителей порядка и контракта [3])".

Въ отчетахъ 1887 и 1890 гг. о пріискахъ Алтайскаго округа мѣстный горный исправникъ говоритъ: „штрафами за ослушаніе и неисполненіе договора рабочихъ не обременяютъ; хотя иногда и случается записка штрафовъ въ разсчетные листы, но это дѣлается лишь для острастки; при окончательныхъ же разсчетахъ штрафы обыкновенно прощаются [4]). Тоже говорили намъ и на пріискахъ Южноалтайской комп. въ 1891 г.

Въ Алтайскомъ округѣ, какъ и во многихъ другихъ горныхъ системахъ, золотопромышленники пользовались съ разрѣшенія горнаго исправника совершенно незаконно правомъ лишать рабочихъ возможности вновь наниматься на промысла, давая о нихъ, безъ всякой про-

---

[1]) Въ договорѣ съ Триполитовымъ (1870 г., Мар. окр.) за „явное неповиновеніе, оказанное на пріискѣ", виновнымъ грозили наказаніемъ на основаніи ст. 263, 266, 268, 269 и 273 Улож. о Наказ., какъ за „возстаніе противъ властей, правительствомъ установленныхъ".

[2]) Впрочемъ, по договору съ Миллеромъ (1885 г.), за самовольную отлучку съ работъ назначенъ штрафъ въ 3 р.

[3]) По договору съ К° Плотникова и Жилля (1890 г., Мар. окр.), на пріискахъ Вавиловскомъ, Александровскомъ и Ивановскомъ штрафы, взысканные по приговорамъ артельной расправы, должны были по окончаніи операціи быть внесены въ мѣстное отдѣленіе общества Краснаго Креста.

[4]) Арх. Горн. Департ. и горн. испр. въ Кузнецкѣ Томск. губ.

вѣрки, самыя неодобрительныя аттестаціи. Горные исправники не только разрѣшали, но даже прямо требовали представленія списковъ „такихъ людей, коихъ не слѣдуетъ имѣть въ работѣ на промыслахъ“. На основаніи такихъ списковъ, представленныхъ отдѣльными пріисковыми управленіями, горный исправникъ составлялъ сводный списокъ и разсылалъ его на промысла. Въ спискѣ за 1884—85 г., составленномъ горнымъ исправникомъ Томской губ., было поименовано 719 рабочихъ (!) [1]), въ томъ числѣ противъ именъ 225 человѣкъ нѣтъ никакого объясненія, почему ихъ не слѣдуетъ нанимать, а противъ именъ остальныхъ 494 раб. стоитъ одна изъ слѣдующихъ отмѣтокъ: „по слабости“, „по негодности и неспособности“, „старъ“, „негодный“, „больной“, „по лѣности и бѣгству съ пріисковъ“, „по слабости и грубости“, „грубіянъ“, „продавецъ вина“, „бѣглецъ“, „бунтовщикъ“, „буйный“, „грубіянъ и лѣнтяй“, „грубіянъ, бѣгаетъ и картежникъ“, „спиртоносъ“, „скупщикъ золота“, „по негодности и дрянь“, „слабоумный“, „разстройщикъ“, „воръ“, „крайне вредный“, „говорунъ и требовательный“, „опасный негодяй“, „бунтовщикъ, возмутитель команды, крайне вредный“. Противъ одной характеристики: „грубіянъ“ написано карандашемъ: „вздоръ“, но зачеркнуто чернилами. Противъ именъ нѣкоторыхъ рабочихъ не только нѣтъ свѣдѣній, почему ихъ не слѣдуетъ нанимать, но даже не указано, у какого золотопромышленника они работали и, слѣдовательно, на основаніи чьего отзыва они внесены въ списокъ [2]). Все это показываетъ, какія злоупотребленія были возможны при пользованіи этимъ правомъ аттестаціи рабочихъ, неизвѣстно на основаніи какого закона предоставленнаго золотопромышленникамъ.

Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ до 1889 года всѣми частными промыслами Томской губ. завѣдывалъ одинъ горный исправникъ. До 1 іюля 1881 года онъ получалъ ничтожное жалованье (280 р. въ годъ), а съ этого времени, по новому штату, содержаніе его было увеличено [3]). Но горный исправникъ этимъ не довольствовался и получалъ еще нѣсколько тысячъ рублей отъ золотопромышленниковъ. Въ 1889 г., когда въ Том-

---

[1]) У золотопромышленниковъ Васильева, Цыбульскаго, Данилова, Королева, Петрова, Сорокина, Иваницкаго, Ильина, Лелюхина, Асташева, Навалихина, Ѳедорова, Алексѣева, Михайлова и Буткевичъ.

[2]) Арх. Томской Полиціи, дѣло горн. исправ. Томск. губ. 1884 — 85 г. № 82/12, л. 61—93. Въ архивѣ кузнецкаго горнаго исправника мы видѣли представленный въ 1887 г. К° Иваницкаго, Потапова и Жилля „списокъ рабочихъ людей, коихъ не слѣдуетъ по разнымъ *уважительнымъ* причинамъ имѣть въ работѣ на золотыхъ промыслахъ. Къ слову „*уважительнымъ*“ кто-то прибавилъ „*не*“, очевидно считая несерьезными причины, на основаніи которыхъ этимъ рабочимъ воспрещаютъ наемку на промысла.

[3]) Назначено 800 руб. жалованья, 400 столовыхъ и 400 квартирныхъ; въ 1890 г. онъ кромѣ того получалъ на разъѣзды и наемъ писцовъ для канцеляріи 600 р.

скомъ горномъ округѣ было уже два горныхъ исправника, все-таки районъ, находящійся въ ихъ завѣдываніи, былъ слишкомъ великъ, а именно, подъ вѣдѣніемъ одного исправника состояло 118 пріисковъ, другого—70 пріисковъ, которые, при крайне неудобныхъ путяхъ сообщенія, нелегко обозрѣвать, какъ слѣдуетъ. По словамъ томскаго губернатора Тобизена, въ 1892 году въ Маріинскомъ округѣ разрабатывалось 106 пріисковъ [1]). „Для того, чтобы одинъ разъ въ годъ въ теченіе лѣтней операціи посѣтить каждый изъ разрабатывающихся пріисковъ, исправникъ имѣетъ лишь 3 лѣтнихъ мѣсяца, въ теченіе которыхъ общее состояніе дороги только и дѣлаетъ возможнымъ проѣздъ по тайгѣ. При этомъ, не считая немногихъ мѣстностей, по которымъ объѣздъ пріисковъ можно совершать въ колесныхъ экипажахъ, исправнику приходится проѣхать не менѣе 1500 верстъ верхомъ по таежнымъ тропамъ, совершенно недоступнымъ для какихъ бы то ни было повозокъ. Сверхъ того, въ тайгѣ существуютъ болотистыя мѣстности, гдѣ въ лѣтнее время даже верхомъ нельзя безопасно проѣхать и приходится пользоваться, такъ-называемыми, волокушами, т.-е. двумя длинными жердями, передніе концы которыхъ прикрѣпляются къ бокамъ вьючныхъ лошадей, а задніе волокутся по болоту; по серединѣ этихъ жердей устраивается сидѣнье и такимъ примитивнымъ экипажемъ долженъ пользоваться чиновникъ, который не можетъ рисковать потерею въ болотахъ провозимыхъ имъ оффиціальныхъ бумагъ, документовъ и, нерѣдко, шлиховаго золота и довольно крупныхъ денежныхъ суммъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ путешествія по тайгѣ исправнику остается менѣе сутокъ на посѣщеніе и проѣздъ съ одного пріиска на другой, и онъ не имѣетъ возможности внимательно слѣдить за всѣми подробностями пріисковой жизни и точнымъ исполненіемъ требованій закона. Обширность общей золотоносной площади, подвѣдомственной одному горному исправнику, во многихъ экстренныхъ случаяхъ не позволяетъ ему быстро и своевременно являться на пріиски, на которыхъ присутствіе его могло бы быть полезнымъ и даже необходимымъ. Наконецъ, горные исправники буквально завалены массою разнообразной, чисто канцелярской работы, отвлекающей ихъ отъ точнаго исполненія прямыхъ обязанностей администраторовъ и отъ постояннаго личнаго наблюденія за подробностями хода живого дѣла. Въ матеріальномъ отношеніи исправники не могутъ считаться вполнѣ обезпеченными опредѣленнымъ имъ по штату содержаніемъ, почему... они до извѣстной степени находятся въ зависимости отъ золотопромышленниковъ, дающихъ имъ пособія въ видѣ канцелярскихъ, разъѣздныхъ и т. п.“ [2]).

[1]) Въ дѣйствительности ихъ было въ этомъ году 99. „Сборн. Стат. Свѣд. о горнозаводск. производ. Россіи въ 1892 г.“, стр. 66—74.

[2]) Дѣло Горн. Денарт., отд. част. зол., 1882 г., № 80.

Указанная зависимость горныхъ исправниковъ отъ золотопромышленниковъ мѣшала имъ, какъ слѣдуетъ, исполнять свои обязанности, и допросъ рабочихъ исправникомъ при объѣздѣ пріисковъ нерѣдко обращался въ простую формальность или подавалъ лишь поводъ къ добавочному побору съ золотопромышленника [1]). Исправникъ Некрасовъ (80-хъ гг.) оставилъ по себѣ память, какъ человѣкъ крайне жестокій. Другого исправника Алтайскаго округа не обвиняли въ жестокости, но зато алчность его въ срываніи кушей истощила даже великое терпѣніе Южноалтайской Комп. и, какъ я слышалъ отъ покойнаго А. И. Деспота-Зеновича, жалоба этой компаніи доходила даже до министерства внутреннихъ дѣлъ. Одинъ рабочій маріинской тайги, бесѣдовавшій со мною въ 1891 г., сказалъ: „исправники мазу держатъ компанейскую“ (т.-е. золотопромышленныя компаніи подмазываютъ ихъ своими взятками).

Въ 70-хъ гг. въ распоряженіи томскаго горнаго исправника состоялъ казачій отрядъ, а въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ гг. на промыслахъ Томскаго горнаго округа были вольнонаемные стражники [2]). Стражники получали въ 1888 г. въ Алтайскомъ округѣ жалованья по 120 руб. въ годъ. По словамъ томскаго губернатора Тобизена, „стражники распредѣляются по большимъ пріискамъ, должны имѣть наблюденіе за порядкомъ и на нѣсколькихъ мелкихъ пріискахъ и поочередно переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто. При этомъ они получаютъ отъ 8 до 10 р. мѣсячнаго жалованья, а столъ и квартиру... отъ владѣльцевъ пріисковъ“. Очевидно, что при такихъ условіяхъ стражники болѣе зависятъ отъ золотопромышленниковъ, за дѣйствіями которыхъ должны наблюдать, чѣмъ отъ ближайшаго своего начальника, котораго нерѣдко видятъ только зимой, послѣ окончанія лѣтней операціи, *и въ сущности играютъ роль пріисковыхъ прикащиковъ*“.

Окружной инженеръ одинъ на весь Томскій горный округъ; въ 1892 г. въ его завѣдываніи было 173 пріиска.

Работы на большинствѣ пріисковъ Томскаго горнаго округа производятся только до 1 октября. По оффиціальнымъ отчетамъ алтайскаго горнаго управленія, на промыслахъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ

---

[1]) Обычный поборъ мѣстнаго горнаго исправника въ 1877 г. равнялся 1 р. 50 к. —2 р. за каждаго нанятаго рабочаго. „Это берется открыто и узаконено обычаемъ, такъ что были случаи, когда горные исправники съ неаккуратно вносящихъ эту плату золотопромышленниковъ взыскивали ее черезъ полицейскія управленія, вѣдѣнію коихъ въ Сибири подлежатъ иски, истекающіе изъ безспорныхъ обязательствъ, и полиція признавала такіе иски горныхъ исправниковъ подлежащими ея юрисдикціи и чинила по нимъ удовлетвореніе“. „Вост. Обозр.“, 1887 г., № 45, стр. 5.

[2]) Въ 1870—72 гг. казаковъ было 73 ч., въ 1879—45 ч. Въ 1889 г. вольнонаемныхъ стражниковъ было 35 и урядниковъ 12.

высшее число рабочихъ дней въ 1879 г., въ теченіе весенней и лѣтней операціи, доходило до 240, меньшее до 180. Въ 1880—81 гг. maximum числа рабочихъ дней въ операцію было 263, minimum 144; сверхъ лѣтняго операціоннаго времени, т.-е. послѣ 1 октября, высшее число рабочихъ дней равнялось 60, minimum 30. Въ 1883 г. въ операцію maximum 280, minimum 200; сверхъ операціоннаго времени maximum 90, minimum 35. Въ 1889 г. maximum числа рабочихъ дней во время операціи доходилъ до 300, minimum 120; сверхъ операціи maximum 85, minimum 30 [1]). Слѣдовательно, продолжительность операціи все увеличивалась.

Мы видѣли, что рабочимъ давали слишкомъ недостаточное количество дней отдыха, но, не вынося почти безпрерывной работы, они отъ времени до времени оставались въ казармахъ, чтобы отдохнуть. Вотъ что говоритъ мѣстный горный инженеръ г. Реутовскій, доказывая необходимость воскреснаго отдыха для рабочихъ: „Необходимо установить одинъ день въ недѣлѣ (воскресный), который былъ бы общимъ отдыхомъ для всей команды. Противъ такихъ общихъ отдыховъ всей команды всегда возстаютъ наши промышленники; они возражаютъ: „сибирское лѣто очень короткое, каждый день дорогъ, и въ такіе свободные для всѣхъ рабочихъ дни придется совершенно напрасно и непроизводительно продовольствовать всю команду“. Такія возраженія „не имѣютъ достаточныхъ основаній“, такъ какъ все равно „рабочій отыскиваетъ способы къ отдохновенію и подъ видомъ болѣзни или же другихъ какихъ-нибудь причинъ остается въ казармѣ и не выходитъ на работу... Въ Томскомъ горномъ округѣ рабочіе въ операцію (принимая операцію въ 5 мѣсяцевъ) создаютъ себѣ свободныхъ дней отъ 7 до 15% (отъ 10 до 22 дней) сверхъ тѣхъ дней, въ которые они дѣйствительно были больны [2]). Въ другой статьѣ г. Реутовскій говоритъ: „Количество льготныхъ дней увеличивается едва не съ каждымъ годомъ вслѣдствіе мало-по-малу вырабатываемаго сознанія самихъ завѣдующихъ дѣлами, что отъ отдохнувшаго рабочаго можно ожидать большей производительности [3]).

Въ 1883 г. маріинскій окружной врачъ нашелъ на Благонадежномъ пріискѣ Королева (Мар. окр.), что „команда рабочихъ на половину состоитъ изъ людей изнуренныхъ, слабосильныхъ“, что, кромѣ тяжести работъ, объяснялось дурными помѣщеніями, отвратительнымъ состояніемъ больницы, вообще нарушеніемъ „закономъ установленныхъ гигіе-

---

[1]) Дѣла Горн. Департ. и Том. Горн. Управл.; „Горный Журн.“, 1882 г., № 9, стр. 385.

[2]) „Вѣстн. Золотопр.“, 1894 г., № 23, стр. 384.

[3]) „Вѣст. Золотопр.“, 1896 г., № 12, стр. 243.

ническихъ и діэтетическихъ правилъ“ [1]). На пріискахъ Южноалтайской Комп. въ 1891 г. мы слышали, что только немногіе, самые сильные рабочіе легко отрабатываютъ урокъ; большинство же такъ устаетъ, что, починивъ себѣ одежду, спѣшитъ лечь отдыхать.

Во всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактахъ золотопромышленниковъ Томской губ. они обязываются лечить рабочихъ безплатно [2]). Иногда, впрочемъ, въ этомъ отношеніи встрѣчаются довольно странныя оговорки. Въ договорѣ 1870 г. съ золотопромышленникомъ Триполитовымъ сказано: „если же кто изъ насъ будетъ боленъ, то за все время нахожденія въ больницѣ никакой платы съ управленія не получать и пользоваться содержаніемъ, по назначенію фельдшера, но если кто подъ предлогомъ (болѣзни) находился въ больницѣ или будетъ притворяться больнымъ съ цѣлью уклоняться отъ работъ, то управленіе не только дѣлаетъ вычетъ за всѣ употребленные медикаменты, но вычитаетъ изъ заработка за каждый прогульный день по 1 р. 50 к.“. Допуская, слѣдовательно, что фельдшеръ не умѣетъ отличить притворной болѣзни отъ дѣйствительной, пріисковое управленіе тѣмъ самымъ признавало, что и въ случаѣ дѣйствительной болѣзни возможны подобные вычеты, какъ бы по недоразумѣнію. Въ договорѣ съ Даниловымъ 80-хъ годовъ сказано: „если кто изъ насъ заболѣетъ, то за все время нахожденія въ больницѣ никакой платы съ управленія требовать мы не вправѣ; равнымъ образомъ управленіе съ больного никакого вычета производить не должно ни за время болѣзни, ни за самое леченіе. Но если кто изъ насъ скроетъ при наймѣ какія либо застарѣлыя болѣзни и, явившись на пріискъ, вступитъ для излеченія таковыхъ въ больницу, то съ такого рабочаго управленіе вправѣ не только сдѣлать вычетъ за медикаменты, но и вправѣ заставить отработать время, потерянное для излеченія даже и послѣ 1 октября [3]).

Г. Реутовскій въ докладѣ о бытѣ пріисковыхъ рабочихъ въ Томской губ. говоритъ: „преобладающею болѣзнью является ревматизмъ, какъ слѣдствіе частаго промоканія на открытыхъ работахъ въ дождливое время и несовершеннаго высушиванія непромокаемыхъ шапокъ, куртокъ и сапоговъ, которые выдаются рабочимъ „на счетъ“ пріисковаго управленія во время работъ въ мокрыхъ разрѣзахъ и водянистыхъ

---

[1]) Арх. Дмитр. волости. правл. въ Тисулѣ, дѣло маріинскаго горн. испр. 1884 г., № 6/14, л. 249—252.

[2]) О безвозмездности леченія упоминается и въ отчетахъ о золотопромышленности въ Западной Сибири.

[3]) Въ договорѣ съ Поповымъ (1890 г., Алт. окр.) сказано: „кто изъ насъ будетъ боленъ, то обязываемся являться каждое утро на раскомандировку и заявлять объ этомъ смотрителю работъ, а иначе подвергаемся той же отвѣтственности, какъ за неявку на работы“.

шурфахъ [1]). Количество больныхъ измѣняется отъ 3,5 до 7% (поденщинъ). Но мы встрѣчаемъ въ отчетахъ (напр., Лебедской системы Южноалтайской Комп.) указанія и на 10—12% больныхъ поденщинъ.

Въ 70-хъ и 80-хъ г.г. на промыслахъ Томской губ. не было особаго врача, постоянно тамъ живущаго, и пріисковыя больницы посѣщали врачи маріинскій, бійскій и кузнецкій [2]). По отчету томскаго горнаго управленія за 1890 г. „главный надзоръ за больницами имѣли маріинскій и кузнецкій окружные врачи, которые, въ теченіе пріисковаго года, осматривали больницы нѣсколько разъ. На средства золотопромышленныхъ компаній лѣваго берега р. Томи и Абаканскихъ промысловъ содержался особый врачъ, который въ теченіе всей операціи безотлучно находился въ тайгѣ [3]). На содержаніе медицинской части на промыслахъ Алтайскаго округа золотопромышленники издерживали отъ 2 до 3 р. на годового рабочаго [4]).

При каждой больницѣ находился фельдшеръ; обыкновенно, они получали жалованья отъ 240 до 500 р. въ годъ, но иногда и болѣе, напр. фельдшеръ на Неожиданномъ пріискѣ Южноалтайской К° получалъ въ 1890 г. 700 р. жалованья и 308 р. столовыхъ [5]).

Состояніе больницъ въ началѣ 80-хъ г.г. „Сибирская Газета“ характеризуетъ слѣдующими словами: „Что предлагаетъ большинство пріисковыхъ управленій для больныхъ? Нѣчто похожее на больницу съ съ голыми нарами и фельдшера съ его универсальными и неизмѣнными лѣкарствами: слабительнымъ и рвотнымъ. При этомъ, заподозривая каждаго рабочаго въ отлыниваніи отъ работъ, ему даютъ уменьшенную порцію съѣстного, вполнѣ надѣясь, что голодъ скорѣе всего принудитъ больного возвратиться къ работамъ и такимъ образомъ заполучить обыкновенную порцію“ [6]). А вотъ оффиціальное описаніе больницы на Благонадежномъ пріискѣ Королева (мар. окр.), сдѣланное маріинскимъ окружнымъ врачемъ въ 1883 г.: „больница представляетъ собою какую-то отвратительную трущобу. Въ ней я засталъ 20 ч. рабочихъ въ грязномъ оборванномъ отреньѣ, валяющихся безъ всякой подстилки,

---

[1]) Выдача такой обуви и одежды въ этомъ случаѣ обязательна для пріисковыхъ управленій.

[2]) До 1885 г. одинъ маріинскій, затѣмъ и кузнецкій, а въ отчетѣ за 1887 г. упоминается и бійскій.

[3]) „Горный Журналъ“, 1891 г., № 12, стр. 526; ср. „Вѣст. Золотопр.“, 1894 г., № 24, стр. 415.

[4]) „Вѣст. Золотопр.“, 1893 г., № 16, стр. 259.

[5]) Въ 1883 г. маріинскій окружной врачъ нашелъ, что фельдшеръ на Благонадежномъ пріискѣ Королева „не имѣетъ требуемыхъ закономъ аттестацій и въ познаніяхъ своихъ далеко не соотвѣтствуетъ своему назначенію“. Арх. Дмитр. волостн. правл. въ Тисулѣ, дѣло горн. испр. 1884 г., № 6/14, л. 250—252.

[6]) „Сиб. Газета“, 1882 г., № 20.

частью на грязныхъ нарахъ, частью на голомъ полу. Пища, даваемая больнымъ, не сообразуется съ родомъ болѣзни и скорѣе способствуетъ окончательной потерѣ силъ, чѣмъ ихъ возстановленію и укрѣпленію. Такъ напр., рабочій, получившій ушибъ или одержимый другою какою нибудь наружной болѣзнью, долженъ довольствоваться 1/4 ф. мяса, что въ совокупности съ отсутствіемъ всего другого, кромѣ воды, и ограниченнаго количества ржаного хлѣба, при удушливой и зловонной атмосферѣ норы, называемой больницею, вполнѣ здороваго человѣка можетъ истощить, сдѣлать слабосильнымъ и повергнуть въ болѣзнь". Только въ январѣ 1885 г., т. е. почти черезъ 2 года съ управленія Благонадежнаго пріиска взята была подписана съ обязательствомъ „принять всѣ зависящія" отъ него „мѣры къ устраненію на будущее время подобныхъ недостатковъ" (дурныхъ казармъ, невѣжественнаго фельдшера, недостаточнаго продовольствія больныхъ и ихъ ужаснаго помѣщенія [1]).

Въ 1892 г. томскій губернаторъ Тобизенъ въ запискѣ, представленной въ горный департаментъ и рисующей вообще въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ пріисковые порядки, говоритъ: „Медицинскую часть на большихъ пріискахъ, гдѣ работаетъ по 100 и больше чел., можно признать, если не обезпеченною, то все же болѣе удовлетворительно обставленною. На такихъ пріискахъ устроены больнички съ просторными и соотвѣтствующими требованіямъ гигіены помѣщеніями, аптеки снабжены въ достаточномъ количествѣ разнообразными медикаментами, содержатся опытные фельдшера..... Нельзя того же сказать о пріискахъ мелкихъ золотопромышленниковъ, не имѣющихъ возможности обставить медицинскую часть собственными средствами и не предпринимающихъ ничего для устройства ея общими силами" [2]). Такъ какъ большинство пріисковъ, особенно въ Маріинскомъ округѣ, принадлежитъ мелкимъ золотопромышленникамъ, то уже и этотъ отзывъ о состояніи медицинской части мало утѣшителенъ. Еще болѣе ясное понятіе объ этомъ дѣлѣ даетъ мѣстный окружной инженеръ, г. Реутовскій. Въ докладѣ (1894 г.) о бытѣ рабочихъ на пріискахъ Томской губ. онъ говоритъ: „При разсмотрѣніи устройства 30 имѣющихся на пріискахъ больницъ установлено, что въ большинствѣ случаевъ онѣ совсѣмъ не удовлетворяютъ требованіямъ гигіены: помѣщенія не имѣютъ правильной вентиляціи и отапливаются желѣзными печами, обусловливающими значительныя и рѣзкія колебанія температуры, по количеству воздуха не всегда достаточны для наличнаго числа людей, не всегда содержатся въ долж-

[1]) Арх. Дмитр. волост. правл. въ Тисулѣ, дѣло маріинскаго горн. испр. 1884 г. № 6/14, л. 249—252.

[2]) Дѣло Горн. Департ., отд. частн. золотопр., № 80.

ной чистотѣ. Большинство (sic!) такихъ помѣщеній имѣетъ характеръ временныхъ построекъ, плохо приспособленныхъ для зимы" [1]).

Недавно на Неожиданномъ пріискѣ Южноалтайскаго Дѣла образованъ пріютъ для роженицъ на 4 кровати (и столько же кроватей для дѣтей [2]).

Смертность въ пріисковыхъ больницахъ составляла въ 1870 г. 1% всѣхъ рабочихъ, въ 1871 г.—0,6%, въ 1872 г.—1,3%, въ 1876 г.—1,4%, въ 1878—79 г.—1,1% [3]). Въ 1888 г. на промыслахъ Алтайской системы умерло рабочихъ 0,5%, дѣтей 3,2% [4]).

Относительно несчастныхъ случаевъ на промыслахъ мы могли найти въ оффиціальныхъ источникахъ лишь слѣдующія данныя. Въ 1878 г. 5 ч. было „задавлено забоями" [5]). Въ 1879 г. было убитыхъ во время горныхъ работъ 1 и во время рубки лѣса 2. Въ 1881 г. убитыхъ во время работъ 1, въ 1883 г.—2 [6]). Въ 1884 г. на пріискѣ Кузнецкаго округа было сразу завалено землею 24 ч.; изъ нихъ 2 тотчасъ же умерло, остальные сильно пострадали [7]). Въ 1885 г. убитъ во время работъ 1, получило увѣчья 6. Въ 1887 г. общее число пострадавшихъ 6 (всѣ поправились); въ 1888 г. пострадалъ 1 (поправился). Въ 1889 г. пострадало при горныхъ работахъ 8, изъ нихъ 6 поправилось, а 2 умерло. Въ 1890 г. несчастныхъ случаевъ при горныхъ работахъ было 15, поправилось 10 ч., умерло 5. Въ 1891 г. изъ 10 пострадавшихъ умеръ 1; въ 1892 г. изъ 13 пострадавшихъ всѣ поправились; въ 1893 г. изъ 15 пострадавшихъ умерло 5 [8]).

Въ отчетѣ за 1889 г. г. Реутовскій говоритъ: „для рабочаго, лишеннаго силы, престарѣлаго и искалѣченнаго, остается одно средство—помощь міра, сума".

Школъ на пріискахъ Томскаго горнаго округа въ 1890 г. было только 2, съ курсомъ сельскихъ народныхъ училищъ министерства народнаго

---

[1]) „Вѣстн. Золотопр.", 1894 г., № 24, стр. 415. Тоже повторяетъ г. Реутовскій и въ позднѣйшей статьѣ въ „Вѣстн. Золотопр.", 1896 г., № 12, стр. 243.

[2]) „Вѣст. Золотопр.", 1896 г., № 20, стр. 353.

[3]) „Томск. Губ. Вѣд.", 1874 г., № 6; „Сибирь", 1877 г., № 5, стр. 3, 1879 г., № 14, стр. 2; „Сибирская Газета", 1881 г., № 7.

[4]) Отчетъ алтайскаго горн. испр. въ его архивѣ въ Кузнецкѣ.

[5]) Арх. Дмитр. волостн. правл. въ с. Тисулѣ, переписка исправника 1878 г., № 13.

[6]) Отчеты о золотопромышленности въ Западной Сибири въ Горномъ Департаментѣ.

[7]) „Алтай", стр. 426.

[8]) Отчеты въ Горномъ Департаментѣ и Томскомъ Горномъ Управленіи; „Горн. Журналъ", 1891 г., № 12, стр. 527; *Н. Богомобскій*, 22; „Сборникъ стат. свѣдѣн. о горнозав. производ. Россіи" (Сборники за 87—92 гг.); „Вѣст. Золотопр.", 1896 г., № 12, стр. 243.

просвѣщенія: 1) на Неожиданномъ пріискѣ Балыксинской системы Южноалтайской комп., Кузнецкаго округа [1]), въ которой преподаваніемъ занималась учительница, а затѣмъ учитель, окончившій курсъ въ омской учительской семинаріи; въ продолженіе 1889—90 г. въ ней было 24—42 мальчика и 9—20 дѣвочекъ, и 2) на Андабинскомъ пріискѣ Лебедской системы Южноалтайской комп. (Бійскаго округа), построенное на 30 ч., гдѣ преподавала учительница; кромѣ того 3 дѣтей рабочихъ учились на счетъ компаніи въ городскомъ училищѣ въ Бійскѣ [2]). Въ февралѣ 1894 г. была открыта школа въ Маріинскомъ округѣ на пріискахъ системы р. Кундата на 20 ч. на счетъ золотопромышленниковъ Маріинскаго округа, которые обязались давать на школы по 1 р. съ каждаго рабочаго и еще нѣкоторую сумму на содержаніе учениковъ. При открытіи школы въ нее вступило 16 мальчиковъ [3]), а въ 1896 г. въ ней училось 25 мальчиковъ и 2 дѣвочки; изъ нихъ дѣвочки и 4 мальчика приходили съ сосѣдняго пріиска, а 21 мальчикъ находились постоянно при школѣ въ домѣ общежитія. Желающихъ поступить въ школу очень много, но вслѣдствіе тѣсноты школьнаго помѣщенія приходилось отказывать. Одеждой дѣти были снабжены достаточно. Мѣстное пріисковое населеніе относится къ школѣ весьма сочувственно [4]). Въ 1894 г. разрѣшено было открыть школу съ курсомъ сельскаго приходского училища для дѣтей обоего пола на Пророко-Ильинскомъ пріискѣ Абаканской системы (Бійскаго окр.), принадлежавшемъ гг. Кузнецовымъ и комп. [5]). Въ началѣ 1896 г. горный исправникъ Маріинскаго округа сзывалъ золотопромышленниковъ и, по желанію начальника губерніи, предложилъ имъ устроить на пріискахъ домашнія школы грамотности, гдѣ дѣти рабочихъ обучались бы читать, писать и нѣкоторымъ молитвамъ, на что золотопромышленники согласились, принявъ на свой счетъ расходы на покупку учебниковъ и письменныхъ принадлежностей. На Неожиданномъ пріискѣ Южноалтайскаго Дѣла въ 1895 г. была открыта воскресная школа.

Въ 1896 г. въ Томскомъ горномъ округѣ было всего 5 школъ и въ нихъ около 150 учениковъ, а именно, въ школѣ на Пророко-Иль-

---

[1]) Учреждена въ 1887—88 гг.

[2]) Отчетъ Южноалтайскаго Дѣла въ Архивѣ этой компаніи на Неожиданномъ пріискѣ.

[3]) „Вѣст. Золотопр.“, 1894 г., № 23, стр. 398.

[4]) Программа пріисковой школы равна программѣ народныхъ училищъ; сверхъ того старшимъ ученикамъ школы были сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, огородничествѣ и садоводствѣ; изъ садика и огорода при школѣ цѣлое лѣто получались овощи для ученическаго стола. Ученики записывали также метеорологическія наблюденія и пріучались заниматься съ младшими отдѣленіями. „Вѣст. Золотопр.“, 1896 г., № 21, стр. 372.

[5]) „Томскій Справочный Листокъ“, 1894 г., № 40.

инскомъ пріискѣ Т-ва Кузнецовыхъ 30 ч. учащихся (въ томъ числѣ 15 дѣтей), на Неожиданномъ пріискѣ Южноалтайскаго Дѣла 42 ч. (въ томъ числѣ 16 дѣтей), на Андабинскомъ пріискѣ Южноалтайскаго Дѣла 29 ч. (въ томъ числѣ 7 дѣтей), на Адіаксинскомъ пріискѣ Алтайскаго Дѣла 15 ч. (въ томъ числѣ 6 дѣтей) и на Больше-Никольскомъ пр. въ Маріинскомъ округѣ 30 ч. По свидѣтельству г. Реутовскаго, рабочіе еще плохо понимаютъ пользу школы и, несмотря на даровое обученіе, посылаютъ въ нее дѣтей только подъ вліяніемъ принужденія и долгихъ убѣжденій [1]).

Въ 1896 г. на пріискахъ Томскаго горнаго округа было 4 церкви [2]). Требы исполнялись или особыми священниками, живущими на промыслахъ, или священниками сосѣднихъ селеній, или, наконецъ (на Андабинскомъ пріискѣ Южноалтайской комп.), пріѣзжающимъ 2 раза въ годъ миссіонеромъ. Томскій губернаторъ Тобизенъ въ запискѣ, представленной въ 1892 г. въ горный департаментъ, скорбитъ о томъ, что на пріискахъ священники (гдѣ нѣтъ своихъ) „бываютъ очень рѣдко, чтобы не сказать никогда, такъ что въ большинствѣ случаевъ нѣтъ даже возможности пригласить и доставить священника для исполненія требъ“; окружной же инженеръ Реутовскій въ отчетѣ за 1889 г. справедливо замѣчаетъ, что и существующія на пріискахъ церкви были „недоступны“ рабочему „вслѣдствіе требованія работать постоянно: цѣлый день и почти всѣ праздники“.

Отношенія между служащими или хозяевами и рабочими, какъ свидѣтельствуетъ мѣстный окружной инженеръ, г. Реутовскій, „въ высшей степени ненормальны... Съ одной стороны золотопромышленники и служащіе, вмѣсто того, чтобы смягчить эти отношенія, представляющія результатъ нашей печальной исторіи, всепрощеніемъ грубыхъ выходокъ рабочаго, человѣческимъ къ нему вниманіемъ, устроеніемъ его быта въ самомъ широкомъ смыслѣ слова и облегченіемъ его труда, требуютъ возврата ко временамъ невозвратнымъ, когда лучшимъ возмездіемъ ошибокъ рабочаго служило грубое и звѣрское наказаніе, недостойное ни образованнаго человѣка, ни просто человѣка. Съ другой стороны, рабочіе, озлобленные часто вполнѣ несправедливыми требованіями, нерѣдко непосильнымъ трудомъ и отсутствіемъ вполнѣ нормальныхъ условій жизни, выказываютъ столько ненависти, столько злобы, что они переходятъ всѣ границы разумнаго и справедливаго“ [3]).

Рабочіе рѣдко рѣшаются жаловаться на разныя притѣсненія и злоупотребленія со стороны пріисковаго управленія, по крайней мѣрѣ

[1]) „Вѣст. Золотопр.“, 1895 г., № 24, стр. 418, 1896 г., № 3, стр. 57, № 12, стр. 244.

[2]) „Вѣстн. Золотопр.“, 1896 г., № 12, стр. 244.

[3]) „Вѣстн. Золотопр.“, 1896 г., № 12, стр. 244.

мы встрѣтили объ этомъ мало извѣстій. Въ 1885 г. въ Томскъ пришла цѣлая партія рабочихъ (26 ч.) съ пріиска Батурина жаловаться хозяину и властямъ на притѣсненія управляющаго промыслами. Всѣ они единогласно заявили, что имъ задавали непосильную работу, мучили штрафами и скверно кормили [1]).

Главною формою протеста рабочихъ было бѣгство съ промысловъ, которое въ 70-хъ гг. происходило въ значительныхъ размѣрахъ: въ это десятилѣтіе бѣжало съ промысловъ Томской губерніи отъ 4 до 9% рабочихъ (изъ нихъ было поймано отъ 9 до 52%), въ 80-хъ гг. бѣжало отъ 1,2 до 6% рабочихъ (изъ нихъ поймано отъ 29 до 51%) [2]). Въ 1890 г. бѣжало 2% рабочихъ (изъ нихъ поймано 36%), въ 1891 г. бѣжало 1,4% (поймано 74% бѣжавшихъ) [3]), въ 1896 г. бѣжало около 2% всѣхъ рабочихъ.

За побѣгъ съ пріиска по догору съ золотопромышленникомъ Даниловымъ (80-хъ гг., Алт. окр.) „сверхъ законнаго исправительнаго взысканія бѣжавшій подвергается: отработкѣ всѣхъ дней, которые онъ находился въ отлучкѣ съ пріиска, всѣхъ расходовъ по поимкѣ и возвращенію его и единовременному взысканію 3 р. въ пользу поимщика". По договорамъ съ Южноалтайскою К° (80-хъ гг. и 1890 г.) постановлено тоже, но въ пользу поимщика должно было взыскивать 6 р. Пойманные рабочіе отправляются еще, какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ, къ горному исправнику съ просьбою подвергнуть ихъ „законной мѣрѣ взысканія [4])".

Относительно размѣра заработка рабочихъ въ лѣтнюю операцію мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. По оффиціальнымъ отчетамъ рабочіе, трудившіеся съ половины марта до 1 октября, зарабатывали (при готовомъ продовольствіи) въ 1887 г. отъ 90 до 130 р., въ 1889 г. также до 130 р. на человѣка, въ Алтайскомъ округѣ въ 1890 г. отъ 90 до 150 р. [5]). По словамъ Н. Боголюбскаго (1891 г.), въ Томскомъ горномъ округѣ рабочій могъ заработать на торфахъ отъ 60 до 90 р., на пес-

---

[1]) „Сибирскій Вѣстн.", 1885 г., № 15, стр. 7—8.

[2]) „Том. Губ. Вѣдом.", 1874 г., № 6; „Сибирь", 1877 г., № 5, 1879 г., № 14. Отчеты о золотопромышленности въ Западной Сибири въ Горномъ Департ. и Томск. Горн. Управл., „Горный Журналъ", 1882 г., № 9, стр. 384.

[3]) „Горн. Журналъ", 1891 г. № 12, стр. 520; *Н. Боголюбскій*, 23; „Вѣстн. Золот.", 1897 г., № 11, стр. 249.

[4]) Напр., прошеніе К° Ненашева и Чернядевой горному исправнику 1887 г. Арх. горн. исправн. въ Кузнецкѣ.

[5]) Дѣла Горнаго Департ. Том. Горн. Управл. и горн. испр. въ Кузнецкѣ. По вычисленію „Сибирской Газеты" (1882 г., № 20) заработокъ рабочаго въ 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ доходилъ, хотя и рѣдко, до 105 р. На Веселомъ пріискѣ Иваницкаго (Алт. окр.) въ 1890 г. „полугодовой заработокъ рабочаго простирался до 75 р." (отчетъ въ Арх. Кузнец. горн. исправн.).

кахъ отъ 90 до 130 р. (стр. 19). Пересмотрѣвъ 24 разсчетныхъ книжки рабочихъ Неожиданнаго пріиска Южноалтайской К° за 1890 г., мы нашли, что заработокъ ихъ колебался отъ 94 до 189 р. На Нижнетулуюльскомъ и Николаевскомъ пріискахъ Буткевича (Мар. окр.) въ 1893 г. рабочіе, трудившіеся съ февраля и апрѣля по октябрь, заработали въ среднемъ по 113 р. [1])".

Въ другихъ источникахъ мы находимъ свѣдѣнія о годовомъ заработкѣ рабочихъ. По отчету о золотопромышленности въ Западной Сибири за 1879 г., „рабочій персоналъ мужского пола получилъ годовой заработной платы въ сложности, кромѣ безвозмездныхъ помѣщеній и продовольствія въ Алтайскомъ округѣ, до 180 р., въ Маріинскомъ и Томскомъ 170 р., въ 1881 г. по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ обѣихъ системахъ до 180 р. [2]) По вычисленію „Сибирской Газеты [3])", за 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ рабочій могъ заработать до 105 р., въ 7 зимнихъ до 70 р., слѣдовательно, во весь годъ до 175 р. На Ивановскомъ пріискѣ по р. Усѣ Жилля и К° на одного годового рабочаго причиталось платы въ 1884—89 гг. отъ 125 до 146 р.; на Георгіевскомъ пріискѣ Алтайскаго округа той же компаніи отъ 133 до 151 р. [4]). По отчету о золотопромышленности въ Западной Сибири въ 1885 г., рабочіе м. п. получали „годовой заработной платы въ сложности, кромѣ безвозмездныхъ помѣщенія и продовольствія, въ Маріинскомъ и Алтайскомъ округахъ до 180 р." По свѣдѣніямъ „Сибирскаго Вѣстника [5])", плата пріисковому рабочему колебалась отъ 100 до 180 р. въ годъ. Въ 1890 г. въ Алтайскомъ горномъ округѣ, по отчету горнаго исправника, годовой заработокъ рабочаго колебался отъ 120 до 300 р. [6]). На Неожиданномъ и Андабинскомъ пріискахъ Южноалтайской К° въ 1890 г. средній годовой заработокъ рабочаго равнялся 180 р. [7]) По свѣдѣніямъ Н. Боголюбскаго (19 стр.), за 1891 г. вознагражденіе годовымъ рабочимъ колебалось отъ 120 до 250 р. въ годъ. По словамъ г. Реутовскаго (1892 г.),

---

[1]) „Вѣстн. Золотопр.", 1894 г., № 24, стр. 420.

[2]) „Том. Губ. Вѣдом.", 1882 г., № 24. На Александровскомъ пріискѣ Данилова (Мар. окр.) въ 1879 г. средняя заработная плата мужчинамъ равнялась 125 р., на Успенскомъ пріискѣ Цыбульскаго (1881 г., Алт. окр.)—120 р., на Ивановскомъ пріискѣ Цыбульскаго до 140 р., на Александровскомъ пріискѣ Данилова (Алт. окр., 1880 г.)—125 р., на Веселомъ пріискѣ Цыбульскаго (1880 г., Алт. окр.)—170 р., на Петропавловскомъ пріискѣ Цыбульскаго (1880 г.)—118 р.

[3]) 1882 г., № 20.

[4]) Свѣдѣнія эти сообщены мнѣ г. Жиллемъ.

[5]) 1886 г., № 48, стр. 3.

[6]) Арх. горн. испр. въ Кузнецкѣ.

[7]) Отчетъ въ Архивѣ К° на Неожиданномъ пріискѣ. Пересмотрѣвъ здѣсь 32 рабочихъ книжки годовыхъ рабочихъ за 1890 г., мы нашли, что заработокъ годовыхъ рабочихъ колебался отъ 75 до 314 р.

годовой средній заработокъ рабочихъ томской тайги не болѣе 180—200 р.[1]), а раздѣляя его по мѣстностямъ, онъ принимаетъ средній заработокъ на пріискахъ Маріинскаго округа 140 р., на пріискахъ Алтайскаго округа, дѣйствующихъ на общемъ основаніи, въ 154 р. (въ томъ числѣ 14 р. за подъемное и старательское золото [2]), въ компаніи Асташева 169 р. (въ томъ числѣ 6 р., за подъемное золото), въ Южноалтайской К°—218 р. (въ томъ числѣ 14 р. за подъемное золото, и 20—30 р. за старательское [3]). Въ 1894 г. средній годовой заработокъ на 4 пріискахъ Маріинскаго округа равнялся 123 р. и на 48 пріискахъ Алтайскаго округа 180 р. [4]).

Мастеровые въ 1888 г., на пріискахъ Асташева (Алт. окр.) зарабатывали отъ 120 до 300 р., на Ивановскомъ пріискѣ К° Иваницкаго, Потапова и Жилля (того же округа) въ 1888 г. отъ 100 до 200 р. По отчетамъ томскаго окружного инженера и горнаго исправника Алтайскаго округа, мастеровые заработывали въ 1888—90 гг. на пріискахъ Томскаго горнаго округа 120—250 р. [5]).

Женщины за изготовленіе пищи, стирку бѣлья и домашнее услуженіе получали на пріискахъ въ 1881 г. отъ 40 до 60 р. въ годъ, въ 1885 г. отъ 40 до 70 р., а иногда и болѣе [6]).

Средній заработокъ всѣхъ рабочихъ въ одну поденщину на Воскресенскомъ, Козьмо-Воздвиженскомъ и Нижне-Воскресенскомъ пріискахъ Буткевича (Мар. окр.) равнялся въ 1893 г. 45 к.; на пріискахъ Боголюбскомъ, Анастасіевскомъ, Стефановскомъ, Антонидіевскомъ и Отрадномъ Буткевича (Мар. окр.) въ 1893 г.—48 к. [7]), т.-е. гораздо менѣе, чѣмъ въ Восточной Сибири: на промыслахъ Витимской системы Олекминскаго округа средній заработокъ въ поденщину равнялся въ 1888 г. 98 к., въ Зейскихъ К° Амурской области въ 90-хъ гг.—1 р. 31 к.

---

[1]) Записка, представленная въ Горный Департаментъ.

[2]) На пріискахъ Маріинскаго округа годовой рабочій зарабатываетъ: забойщикъ 150—174 р., возчикъ 133—150 р., поторжной 106—123 р. „Вѣстн. Золотопр.“, 1893 г., № 15, стр. 253. По свидѣтельству г. Голубева, забойщикъ можетъ заработать до 166 р. другіе рабочіе до 141 р. „Алтай“, 423.

[3]) „Вѣстн. Золотопр.“, 1893 г., № 15, стр. 252, № 16, стр. 259—260; ср. 1896 г., № 11, стр. 224—225.

[4]) *М. Шостакъ.* „Золотопр. въ Томск. горн. обл.“, Том., 1896 г., табл. V.

[5]) Архивы Горн. Департ. и горн. испр. въ Кузнецкѣ.

[6]) „Том. Губ. Вѣдом.“, 1882 г., № 24, стр. 263—264; Дѣла Горнаго Департамента. На пріискахъ Алтайскаго округа Данилова женщины въ 1879—80 г. и на Веселомъ пріискѣ Цыбульскаго въ 1880 г. получали въ годъ 36 р., на Успенскомъ пріискѣ его же въ 1880—81 г.—30 р. Арх. Дмитр. волостн. правл. въ Тисулѣ, дѣла горнаго исправника.

[7]) „Вѣстн. Золотопр.“, 1894 г., № 4, стр. 94 и № 6, стр. 138 (не считая больныхъ и льготныхъ поденщинъ).

Относительно размѣра додачи, т.-е. суммы, получаемой рабочимъ при разсчетѣ, за вычетомъ изъ общей суммы заработка, задатка и забора деньгами и припасами на промыслахъ, мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. По отчетамъ томскаго окружного инженера Реутовскаго за 1889 и 1890 гг., „величина додачи послѣ операціи не превышала 100 р. и всегда находилась въ зависимости отъ размѣра полученнаго при наймѣ задатка [1])". Но, не говоря уже о томъ, что это показаніе слишкомъ неопредѣленно, нужно помнить, что далеко не всѣ рабочіе получаютъ додачу: нѣтоторымъ при разсчетѣ не приходится никакой доплаты, а другіе остаются въ долгу. По свидѣтельству чиновника Соколова, посѣтившаго пріиски Маріинскаго округа въ 1890 г., на пріискѣ Савелія Буткевича изъ 40 рабочихъ только 3 къ концу операціи должны были получить додачу [2]). На Веселомъ пріискѣ Иваницкаго, по отчету пріисковаго управленія за 1890 г., додача рабочимъ „была и бываетъ различна: отъ 12 до 50 р. и болѣе на человѣка, а всего при разсчетѣ за операцію 1890 г. на 16 ч.—500 р. [3]), слѣдовательно, въ среднемъ на каждаго около 31 р. По отчету Южноалтайской К° за 1890 г., на Неожиданномъ пріискѣ высшій размѣръ додачи равнялся 100 р., но большинство получило отъ 25 до 50 р. [4]). На Андабинскомъ пріискѣ той же компаніи Лебедской системы, по отчету за 1890 г., размѣръ додачи указанъ отъ 30 до 90 р. [5]). В. Р. въ статьѣ о промыслахъ Томской губ. считаетъ среднею додачею на промыслахъ Маріискаго округа 30 р. [6]). Тотъ же авторъ раздѣляетъ общеконтрактныхъ рабочихъ (на промыслахъ Томской губ.), составляющихъ $^4/_5$ всѣхъ рабочихъ, на 3 разряда: къ первому изъ нихъ относятся тѣ ($^1/_5$ всѣхъ рабочихъ: рабочіе Южноалтайскаго Дѣла), которые могутъ получить при разсчетѣ до 100 р. Высокій размѣръ заработка зависитъ, какъ отъ нѣсколько увеличенной платы, въ сравненіи съ таковою же на другихъ пріискахъ, такъ и отъ платы за большее количество подъемнаго и старательскаго золота: эта послѣдняя, къ сожалѣнію, распредѣляется крайне неравномѣрно, такъ какъ дозволеніе стараться вполнѣ зависитъ отъ пріисковаго управленія. Такіе рабочіе—аристократы тайги, они имѣютъ... заработокъ такого раз-

---

[1]) Дѣло Томск. Горн. Управл.; „Горн. Журн.", 1891 г., № 12, стр. 525.

[2]) Дѣло Томск. Горн. Управл., 1891 г., № 12.

[3]) Арх. горн. испр. въ Кузнецкѣ,

[4]) Изъ 32 рабочихъ Неожиданнаго пріиска Южноалтайской К°, нанятыхъ на весь годъ, разсчетныя книжки которыхъ за 1890 г. мы просмотрѣли, додачу получили 25 ч. отъ 1 до 76 р., а изъ 18 рабочихъ, работавшихъ съ декабря и января по октябрь, додачу получили 12 ч. въ размѣрѣ отъ 1 до 52 р.

[5]) Арх. Южноалтайской К° на Неожиданномъ пріискѣ.

[6]) „Вѣстн. Золотопр.", 1893 г., № 15, стр. 253, 254 (при этомъ наименьшія величины додачъ при разсчетѣ указаны въ 6—20 р., наибольшія—58—95 р.).

мѣра, что изъ него могутъ дѣлать сбереженія, даже и въ томъ случаѣ, когда они на пріискѣ съ семьей... Ко второму разряду рабочихъ (другая $^1/_5$ часть всѣхъ рабочихъ: рабочіе Алтайскаго Золотопромышленнаго Дѣла, т-ва Кузнецовыхъ, Данилова, Родюхова, Королева, Буткевича и др.) относятся тѣ, чистый доходъ" (т.-е. додача) „которыхъ не выше 65—70 р., который, однако, нерѣдко значительно увеличивается подъемнымъ и старательскимъ золотомъ... Наконецъ третій разрядъ общихъ рабочихъ ($^2/_5$ всѣхъ рабочихъ), чистый дивидендъ" (т.-е. додача) „которыхъ не можетъ быть болѣе 50 р. [1]). Но тутъ указанъ максимальный размѣръ додачи, что же касается наиболѣе обычной ея величины, то, какъ мы сейчасъ видѣли, тотъ же авторъ считаетъ среднею додачею для Маріинскаго округа 30 р. Въ 1894 г. на 4 пріискахъ Маріинскаго округа средній размѣръ додачи равнялся 36 р., а на 48 пріискахъ Алтайскаго округа 48 р. [2]).

На основаніи отчетовъ нѣкоторыхъ промысловъ мы можемъ вычислить, какъ распредѣляется заработокъ рабочаго. На пріискахъ Маріинскаго округа, перечисленныхъ ниже въ примѣчаніи, задатокъ составлялъ отъ 7 до 31,5% всей выдачи, выдача деньгами въ операцію равнялась 8—37%, заборъ припасами и товарами 13,5 до 40%, уплата податей 3—10% и додача 20—32% [3]). В. Р. наиболѣе обычнымъ распредѣленіемъ заработка рабочихъ Маріинскаго округа считаетъ: изъ 140 (145?) р., приходящихся на долю годового работника, онъ истрачиваетъ: 72 р. (50%) на припасы и товары, 18 р. (12%) на уплату податей, 25 р. (17%) онъ получаетъ въ задатокъ и 30 (21%) составляетъ додачу при окончательномъ разсчетѣ. Тутъ совершенно не упомянуто о выдачѣ деньгами во время операціи: вѣроятно, часть этой суммы слѣдуетъ искать подъ рубрикою —

---

[1]) „Вѣстн. Золотопр.", 1894 г., № 17, стр. 276—277.

[2]) *Шостакъ*, „Золотопром. въ Томск. горн. обл." Том. 1896 г., табл. V.

[3]) На пріискѣ Боголюбскомъ, Анастасіевскомъ и Стефановскомъ Р. Буткевича (Мар. окр.) въ операцію 1892—93 г. задатокъ составлялъ 20% всей выдачи, сумма, выданная въ продолженіе всей операціи 8%, выдано припасами и товарами 40%, уплачено податей и паспортныхъ 4% и додача при разсчетѣ 28% („Вѣст. Золотопр.", 1894 г., № 4, стр. 94). На пріискахъ Воскресенскомъ, Козьмо-Воздвиженскомъ и Нижне-Воскресенскомъ М. и Р. Буткевичей (Мар. окр.) въ операцію 1892—93 г. задатокъ составлялъ 21% всей выдачи, сумма, выданная въ продолженіе операціи 9,5%, выдано припасами и товарами 33,5%, уплачено податей 4% и додача 32% („В. З.", 1894 г., стр. 138). На Александровскомъ пріискѣ Авксентьева (Мар. окр.) въ операцію 1893 г. задатокъ составлялъ 7% всей выдачи, сумма, выданная во время операціи,—37%, выдано припасами и товарами 33%, уплачено податей 3%, додача 20% („В. З.", 1894 г. № 21, стр. 351). На промыслахъ Ново-Покровскомъ, Больше-Никольскомъ и Варваринскомъ Родюкова (Мар. окр.) въ операцію 1892—93 г. выдача деньгами составляетъ 53%, а товарами и припасами 47% („В. З." 1894 г., № 23, стр. 397). На Нижне-Тулукольскомъ и Николаевскомъ пріискахъ Из. Буткевича (мар. окр.) въ операцію 1893 г. задатокъ составлялъ 31,5% всей выдачи, выдано деньгами во время операціи 21%, забрано припасами и товарами 13,5%, уплачено податей 10%, додача 24% („В. З.", 1894 г. стр. 420).

„на уплату податей", а другую часть—въ рубрикѣ забора припасами, такъ какъ иногда, подъ видомъ выдачи денегъ, рабочимъ отпускается на сибирскихъ промыслахъ вино [1]). По отчету Южноалтайской К° на Неожиданномъ пріискѣ въ операцію 1890 г., при среднемъ годовомъ заработкѣ въ 180 р., средній заборъ рабочаго въ амбарѣ — 80 р. (44% всего заработка) [2]). В. Р. говоритъ, что изъ своего заработка въ 218 р. годовой рабочій Южноалтайской К° 58 р. (26%) употребляетъ на пріобрѣтеніе припасовъ и товаровъ (первыхъ на 28 р., вторыхъ на 30 р.), 20 р. на подати (9%) и не менѣе 120 р. получаетъ на пріискѣ деньгами (55%). На промыслахъ К° Асташева В. Р. принимаетъ заработокъ годового рабочаго въ 169 р., изъ которыхъ 77 р. (46%) онъ оставляетъ въ магазинѣ (забирая на 34 р. припасами и на 43 р. товарами), 20 р. уплачиваетъ въ видѣ податей и получаетъ вообще деньгами 65—70 р. (около 40% всего заработка [3]).

Нужно замѣтить, что на основаніи контрактовъ выдача рабочимъ денегъ на пріискахъ во время операціи до разсчета вполнѣ зависѣла отъ усмотрѣнія пріисковаго управленія..

Золотопромышленники постоянно жаловались, что за рабочими пропадаетъ очень много долговъ. Подъ вліяніемъ такихъ жалобъ, томскій губернаторъ Тобизенъ, въ запискѣ, представленной въ горный департаментъ въ 1892 г., даже утверждалъ, будто бы „всякій золотопромышленникъ отчисляетъ 20—25% оборотнаго капитала на безнадежные долги [4])". Это опровергается точными указаніями В. Р., что на пріискахъ Маріинскаго округа въ 1892 г., при общей суммѣ расходовъ 47319 р., долговъ за рабочими осталось всего 5910 р., т.-е. около 1,5%; а на пріискахъ Алтайскаго округа, арендуемыхъ у Кабинета на общемъ основаніи (кромѣ Южноалтайской К° и промысловъ Асташева), въ 1890 г., при общей суммѣ расхода въ 389,116 р., долговъ за рабочими осталось 3211 р., т.-е. менѣе 1% всѣхъ расходовъ [5]). Такъ какъ всѣхъ рабочихъ (годовыхъ) на Маріинскихъ пріискахъ, по словамъ того же автора, считалось 1088, то слѣдовательно на 1 годового рабочаго приходилось долгу 5 р. 43 к., т.-е. ничтожная прибавочная сумма къ стоимости рабочаго [6]). На пріискахъ алтайскихъ, арендуемыхъ у Кабинета на общемъ основаніи, годовыхъ рабочихъ числилось 1148; слѣдовательно, раздѣляя всю сумму долга (3211 р.) на число всѣхъ годовыхъ рабочихъ, мы получимъ на каждаго изъ нихъ добавочный расходъ въ 2 р. 80 к.

Но если жалобы золотопромышленниковъ на убытки отъ пропажи

---

[1]) „Вѣстн. Золотопр.", 1893 г. № 15, стр. 253.

[2]) „Арх. Неожиданнаго пріиска Южноалтайской К°.

[3]) „Вѣстн. Золотопр.", 1893 г., № 16, стр. 260; 1896 г., № 11, стр. 225.

[4]) Дѣло Горн. Департ., Отд. Части. Золотопр., № 80.

[5]) „Вѣст. Золотопр.", 1893 г., стр. 253 и 259.

[6]) По отчету томскаго окружного инженера за 1889 г. стоимость *мытняго* рабочаго со всѣми накладными расходами (т.-е. при раздѣленіи *всѣхъ* расходовъ на число рабочихъ) равнялась 300 р.

долговъ за рабочими крайне преувеличены, то для отдѣльныхъ рабочихъ долгъ, оставшійся послѣ разсчета, нерѣдко является тяжелымъ бременемъ, такъ какъ сплошь и рядомъ они остаются отработывать его на слѣдующую операцію. Правда, прежде всего должниками числятся неявившіеся, бѣжавшіе и умершіе рабочіе, но и за работавшими до разсчета нерѣдко оставались долги [1]). По словамъ чиновника Соколова, посѣтившаго пріиски Маріинскаго округа въ 1890 г., на пріискахъ Савелія Буткевича изъ 40 рабочихъ только 3 не имѣли долгу и получили въ концѣ операціи додачу. За нѣкоторыми рабочими числилось долгу по 150 р. и болѣе, а между тѣмъ къ числу ихъ принадлежали люди семейные и не кутящіе [2]). По словамъ „Сибирскаго Вѣстника“ [3]), рабочіе, бывшіе на пріискахъ Ц—го, разсказывали, что они по нѣсколько лѣтъ не могли разсчитаться и вырваться съ этихъ промысловъ. Около Тисуля (Мар. окр.) намъ попался въ 1891 г. одинъ ямщикъ, который разсказывалъ, что должниковъ, не желающихъ остаться для отработки долга, теперь отпускаютъ, а прежде Цыбульскій не давалъ послѣ разсчета паспортовъ, заставляя отработывать долгъ съ зачетомъ по 1 р. въ день. „И нашего брата хвалить нельзя“, прибавилъ ямщикъ: „есть лодыри,—деньги возьмутъ, а работать не хотятъ,—только мало такихъ людей. Такихъ исправники прежде сѣкли,—оно по моему и стоитъ, но только битьемъ не заставишь людей работать, а у которыхъ золотопромышленниковъ рабочимъ хорошо жить, у тѣхъ всѣмъ интересно работать“.

По контрактамъ рабочіе, оставшіеся должными, обязывались уплатить долгъ при разсчетѣ или дать росписку и расплатиться немедленно, какъ только наймется къ другому хозяину, или остаться отработывать долгъ и послѣ разсчета. По договору съ Триполитовымъ (1870 г., Мар. окр.) золотопромышленникъ могъ даже передать должниковъ другимъ хозяевамъ.

Разсчетъ съ рабочими и выдачу денегъ золотопромышленники обязывались по договорамъ произвести на пріискѣ или по выходѣ съ него въ первомъ жиломъ мѣстѣ.

О томъ, какого рода эксплуатаціи золотопромышленниками подвергаются иногда рабочіе при разсчетѣ, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Соколова, посѣтившаго пріиски Маріинскаго округа въ 1890 г.: „Если есть среди нихъ счастливцы, у которыхъ остаются остаточныя деньги за работу къ концу операціи, то хозяева-евреи практикуютъ слѣдующую систему уплаты этихъ денегъ, которая производилась при

[1]) Въ одной изъ пересмотрѣнныхъ нами разсчетныхъ книжекъ Южноалтайской К° (1890 г.) мы нашли у одного лѣтняго рабочаго долгъ въ 58 р.

[2]) Арх. Том. Горн. Управ., дѣло 1891 г., № 12.

[3]) 1886 г., № 77, стр. 3.

мнѣ на глазахъ въ бытность мою въ с. Тисулѣ въ первыхъ числахъ октября, когда производится обыкновенно разсчетъ рабочимъ и происходитъ возвращеніе послѣднихъ съ пріисковъ. Хозяева на пріискахъ отговариваются неимѣніемъ денегъ и выдаютъ квитанціи на остаточную заработанную сумму. Въ с. Тисулѣ Дмитріевской волости, которое является, такъ сказать, центромъ маріинской тайги, находится масса еврейскихъ лавокъ, принадлежащихъ пріисковымъ хозяевамъ. Послѣдніе обязываютъ рабочихъ покупать по даннымъ квитанціямъ необходимые товары, при чемъ подразумѣваются самыя ненужныя и излишнія вещи—разныя шали, шарфы, гармоніи и проч. Рабочему предоставляется выборъ—или совсѣмъ не получить денегъ, или взять означенную въ квитанціи сумму предлагаемыми товарами. Конечно, товары при этомъ „отпускаются“ по невозможнымъ цѣнамъ. Рабочій долженъ прибѣгнуть къ послѣднему средству и брать вовсе иногда ненужныя для себя вещи единственно для того, чтобы хоть что нибудь получить по квитанціи и выбрать поставленную тамъ сумму хотя бы товарами по возвышенной цѣнѣ. Чтобы очистить себѣ деньги, эти товары потомъ закладываются въ кабакахъ или у тѣхъ же евреевъ и въ большинствѣ случаевъ пропиваются. Въ результатѣ получается рабочій такъ или иначе безъ денегъ и, доведенный до крайности; онъ идетъ къ тому же обобравшему его хозяину-еврею. Подобная система практиковалась во всей силѣ въ первыхъ числахъ октября въ Тисулѣ и вызвала вмѣшательство земскаго засѣдателя, который поставилъ сотника въ лавкѣ Романа Буткевича для надзора и пресѣченія означеннаго злоупотребленія. Но что значитъ одинъ сотникъ въ борьбѣ съ цѣлой стачкой пріисковыхъ хозяевъ? Рабочему поставлены такія ловушки, которыхъ онъ не минетъ, если только не будетъ принято особыхъ экстраординарныхъ мѣръ для уничтоженія злоупотребленій, развращающихъ все пріисковое населеніе“ [1]).

Въ 1889 г. на промыслахъ всего Томскаго горнаго округа оставалось на весь годъ мужчинъ 850 (въ томъ числѣ въ Алтайскомъ округѣ до 600 и въ Маріинскомъ до 250), женщинъ 550 и дѣтей 370 (вмѣстѣ—19% всего лѣтняго *пріисковаго населенія*); въ 1890 г. 800 ч. мужчинъ, 320 женщинъ и 188 дѣтей (14% лѣтняго пріисковаго населенія) [2]).

Для нанявшихся въ зимнія работы на промыслахъ Алтайскаго округа въ 1888 г. давался двухнедѣльный отдыхъ.

---

[1]) Дѣло Том. Горн. Управл., 1891 г. № 12. О кутежахъ рабочихъ и эксплуатаціи ихъ мѣстнымъ населеніемъ при возвращеніи ихъ съ промысловъ Томской губ., см. въ разсказѣ *Наумова*: „Паутина“. О продажѣ рабочими въ Тисулѣ краденаго золота см. „Вѣст. Золотопр.“, 1894 г., № 18, стр. 293.

[2]) „Горный Журналъ“, 1891 г., № 12, стр. 520.

ГЛАВА V.

Общеконтрактные и отрядные рабочіе на промыслахъ Енисейскаго округа съ 1870 г. до начала 1890-хъ гг.

Арендная система. — Доходъ золотопромышленниковъ. — Наемъ рабочихъ. — Размѣръ задатка.—Контракты.—Право передачи рабочихъ другимъ золотопромышленникамъ. — Обращеніе общеконтрактныхъ въ золотничниковъ. — Круговая порука. — Срокъ найма. — Время явки и путешествіе на пріиски.—Зимовья.—Количество неявившихся. — Техника золотопромышленности.—Разряды рабочихъ.—Продолжительность рабочаго дня.—Ночныя работы.—Экстренныя работы.—Уроки на торфахъ и пескахъ общеконтрактныхъ рабочихъ.—Уроки на торфахъ отрядныхъ рабочихъ.—Уроки на ортовыхъ работахъ.—Недоработка уроковъ.—Соединеніе урочныхъ и старательскихъ работъ.—Мѣсячное жалованье.—Поурочное вознагражденіе.—Поденная плата.—Плата за старательское и подъемное золото.—Жилища рабочихъ.—Пища.—Винныя порціи.—Торговля виномъ.—Пріисковая пѣсня.—Женщины на пріискахъ.—Несовершеннолѣтніе рабочіе.—Пріисковыя лавки и таксы.—Лѣченіе рабочихъ.—Праздничные дни.—Кровопусканія.—Смертность рабочихъ.—Церковь и школа.—Тѣлесныя наказанія и артельныя расправы.—Выдвореніе изъ тайги.—Карцеры.—Аресты.—Списки рабочихъ, не подлежащихъ наемкѣ.—Досрочный разсчетъ рабочихъ.—Штрафы.—Пріисковая правительственная администрація.—Побѣги рабочихъ.—Заработки.—Додача.—Долги и ихъ отработка.—Разсчетъ и выходъ рабочихъ.—Зимняя операція.

Въ Енисейскомъ округѣ золотопромышленность съ самаго ея начала (въ концѣ 30-хъ годовъ) стала развиваться необыкновенно быстро и достигла своего апогея въ 1847 году, когда въ обѣихъ частяхъ этого округа было добыто 1212 пудовъ шлиховаго золота; затѣмъ до 1853 г. количество добываемаго золота стало быстро уменьшаться, въ слѣдующіе 4 года оно вновь пошло въ гору и въ 1857 году равнялось 992 п., но затѣмъ начинается быстрый упадокъ золотопромышленности этого округа. Всего очевиднѣе уменьшеніе количества добываемаго золота, если мы возьмемъ среднія цифры по десятилѣтіямъ: въ 40-хъ годахъ въ Енисей-

скомъ округѣ добывалось въ среднемъ по 714 п. въ годъ, въ 50-хъ годахъ—по 831 п., въ 60-хъ—по 501 п., въ 70-хъ по 358 и въ 80-хъ по 224 п. [1]). Среднее количество рабочихъ въ обѣихъ частяхъ Енисейскаго округа было слѣдующее: въ 40-хъ годахъ (1841—49 г.) въ среднемъ по 14757 человѣкъ, въ 50-хъ — по 20968 ч. [2]), въ 60-хъ — по 14398, въ 70-хъ—по 12668, въ 80-хъ — по 9659 ч. въ годъ. Если мы сравнимъ среднюю годовую добычу золота въ 40-хъ и 80-хъ годахъ, то увидимъ, что количество добываемаго золота уменьшилось болѣе чѣмъ втрое и въ то же время, несмотря на нѣкоторыя техническія улучшенія, на добычу 1 пуда требуется вдвое большее количество людей: въ 40-хъ годахъ для добычи каждаго пуда нужно было въ теченіе всей операціи 21 человѣкъ, въ 50-хъ—25 ч., въ 60-хъ—28 ч., въ 80-хъ годахъ 43 ч. Это главнымъ образомъ объясняется обѣднѣніемъ пріисковъ золотомъ, такъ какъ самые богатые промысла были уже выработаны: въ 1842 г. среднее содержаніе золота въ ста пудахъ песку равнялось въ Енисейскомъ округѣ 5 зол. 29 дол., а въ 1890 г. въ сѣверной части Енисейскаго округа всего 31 долѣ, въ южной же части даже 28 дол. Но отчасти это объясняется и тѣмъ, что техническія улучшенія были не особенно велики, да это и не удивительно, такъ какъ съ половины 60-хъ годовъ въ Енисейскомъ округѣ все болѣе развивается мелкая золотопромышленность, все болѣе увеличивается количество старателей золотничниковъ, частью въ видѣ самостоятельныхъ артелей, частью въ видѣ артелей, содержимыхъ подрядчиками, и вмѣстѣ съ тѣмъ развивается арендная система.

Сравнительно съ прежними громадными барышами, золотопромышленность Енисейскаго округа въ разсматриваемый періодъ стала дѣломъ гораздо менѣе выгоднымъ, но все таки далеко не столь убыточнымъ, какъ это хотѣли представить нѣкоторые. Золотопромышленникъ Н. Латкинъ въ концѣ 60-хъ годовъ писалъ о сѣверно-енисейской системѣ: „Въ настоящее время выгоднымъ считаютъ работать пріиски, которые даютъ сами по себѣ безъ лажа отъ 20 до 30 к. сер. пользы, если же какой-либо пріискъ даетъ болѣе 30%, то это считается уже богатымъ дѣломъ; такихъ промысловъ, какіе были прежде, которые давали отъ рубля до 2 рублей на рубль выгоды, теперь встрѣчается

---

[1]) См. о 40-хъ и 50-хъ годахъ таблицы золотопромышленности Восточной Сибири, составленныя *Л. Карпинскимъ* въ „Извѣстіяхъ восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества", 1890 г., т. XXI, № 4. О слѣдующихъ десятилѣтіяхъ см. данныя въ I т. моей книги, стр. 559 и во II т. *Дополненіе* I.

[2]) Для тѣхъ годовъ, относительно которыхъ не приведено данныхъ въ I т. нашего труда, мы беремъ свѣдѣнія изъ неизданной таблицы, сообщенной намъ г. Савинскимъ.

очень рѣдко“ [1]). Мы понимаемъ ламентаціи золотопромышленника, вспоминающаго о барышахъ въ 100—200%, но все таки и съ барышами въ 20—30% жить было можно. Нѣкоторыя оффиціальныя лица представляютъ дѣло такъ, какъ будто енисейскіе золотопромышленники работаютъ едва ли только не изъ одной чести. Такъ окружной инженеръ сѣверно-енисейской системы въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ. „При разработкѣ розсыпей съ существующимъ нынѣ малымъ содержаніемъ золота и при томъ несовершенными способами, добыча золота обходится немногимъ дешевле нарицательной стоимости его при теперешнемъ курсѣ кредитнаго рубля, и если золотой промыселъ даетъ какія-либо выгоды, то только немного болѣе капитальнымъ лицамъ, ведущимъ дѣло на наличныя деньги и то благодаря только существующей еще разницѣ въ курсѣ; всѣ остальныя, занимающіяся золотымъ промысломъ лица ведутъ дѣло вслѣдствіе неподготовки ихъ къ какому нибудь иному труду, другіе въ силу сдѣланныхъ уже на постановку дѣла спеціальныхъ затратъ и наконецъ третьи потому, что золотой промыселъ составляетъ почти единственную отрасль промышленности въ округѣ“. Окружной инженеръ южно-енисейской системы въ отчетѣ за тотъ же 1889 г. уже прямо утверждаетъ, что золотое дѣло въ его округѣ принесло въ этомъ году убытокъ: „явленіе крайне неутѣшительное“, продолжаетъ онъ, „и показывающее дѣйствительно, что люди живутъ одной надеждой на счастливый годъ, могущій съ избыткомъ вознаградить убытки прежнихъ лѣтъ“. Авторъ отчета указываетъ, что ежегодно налагаютъ много „арестовъ“ на золото вслѣдствіе несостоятельности золотопромышленниковъ въ расплатѣ съ рабочими и на плачевное положеніе золотопромышленности и ея сомнительное будущее въ виду зависимости отъ чисто случайныхъ причинъ—большаго или меньшаго содержанія золота и величины лажа: „съ ихъ увеличеніемъ золотопромышленникъ оживаетъ, съ уменьшеніемъ приближается къ безвыходному положенію“ [2]). Однако дѣло оказалось не безнадежнымъ, и изъ отчета за 1890 г. Томскаго горнаго управленія мы узнаемъ, что при средней цѣнѣ въ этомъ году полуимперіала въ 6 р. 50 к. золотопромышленники южно-енисейской системы получили 6% чистаго дохода. „Разсчетъ этотъ показываетъ“, сказано далѣе въ отчетѣ, „что положеніе золотопромышленности не настолько печально“, какъ это можетъ казаться; но если принять во вниманіе, что въ исчисленіе расходовъ „не вошла уплата подесятинной подати за пріиски и аренды, и что только незначительное число промышленниковъ производитъ разработку розсыпей на свои капиталы и

[1]) „Очеркъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа“, 1869 г., стр. 47—48.

[2]) Дѣло по отчету томскаго горнаго управленія за 1889 г. въ канцеляріи этого управленія.

на своихъ собственныхъ пріискахъ, а что остальные независимо отъ высокой аренды должны пользоваться кредитомъ, уплачивая отъ 10 до 20%, то дѣлается понятнымъ, что значительная часть заработка лицъ занимающихся на мѣстѣ золотопромышленностью, распредѣляется между ничѣмъ не рискующими владѣльцами пріисковъ и тѣми, кто снабжаетъ товарами пріисковые магазины" [1]). Это послѣднее внѣ всякихъ сомнѣній, но тутъ мы имѣемъ уже дѣло не съ неотвратимыми природными условіями (содержаніе золота въ пескахъ), а съ причинами соціальными, которыя указываютъ не на невозможность золотопромышленности въ данной мѣстности, а на необходимость измѣненія ея существующихъ формъ. Относительно 1892 г. къ болѣе утѣшительнымъ выводамъ пришелъ и окружной инженеръ южно-енисейской системы г. Стемпневскій, столь мрачно настроенный два года ранѣе: „чистый дивидендъ отъ разработки золотыхъ розсыпей составилъ", по его словамъ, „въ общемъ... 10,5%. Конечно, отдѣльныя компаніи, какъ напр., наслѣдниковъ Асташева, Переплетчикова, М. Шарыпова, Потапова, Лыскова, Прейна и немногихъ другихъ, получили гораздо больше 10,5%; другія работали безъ прибыли и убытка; третьи же, особенно получившія обстановку пріисковъ въ кредитъ за высокіе проценты, понесли убытокъ" [2]).

Мы можемъ привести однако очень вѣское доказательство, что и компаніи, которыя вели дѣло въ кредитъ и платили большіе проценты, могли получать доходы, значительно превышающіе тѣ среднія цифры, какія мы находимъ въ оффиціальныхъ отчетахъ. Мы возьмемъ для этого пріиски В. И. Базилевскаго въ періодъ времени съ 1877 по 1887 г. Обстановка дѣла велась здѣсь въ кредитъ, вслѣдствіе чего все покупалось приблизительно на 10% дороже; затѣмъ эта компанія принадлежитъ какъ разъ къ числу тѣхъ, на золото которыхъ, вслѣдствіе несостоятельности въ расплатѣ съ рабочими, нерѣдко налагался арестъ; наконецъ, она не упомянута въ числѣ болѣе богатыхъ и въ приведенныхъ выше словахъ окружного инженера Стемпневскаго (въ отчетѣ за 1892 г.). И что же однако оказывается? Общій расходъ на пріискахъ этой компаніи за 11 лѣтъ (1877 — 1887 г.) равнялся 2,281,760 р., а барыша получено 732,162 р., т. е. компанія имѣла чистаго дохода 32% [1]). Г. Ячевскій обращаетъ вниманіе на то, что свѣдѣнія о барышахъ золотопромышленниковъ обыкновенно относятся къ оборотному капиталу, такъ какъ, по здѣшнимъ понятіямъ въ золотомъ дѣлѣ, основ-

[1]) „Горный Журналъ", 1891 г., № 12, стр. 535.

[2]) „Вѣстникъ Золотопр.", 1892—93 г., № 16, стр. 234; благопріятенъ отзывъ того же горнаго инженера и объ операціи 1893 г., „Вѣст. Золотопр.", 1897 г., № 15, стр. 248.

[3]) „Статистика по золотымъ пріискамъ В. И. Базилевскаго съ 1877 по 1887 г." (рук. сообщ. Л. Ѳ. Пантелѣевымъ).

ного капитала, погашаемаго въ болѣе или менѣе значительный періодъ времени, не полагается" (стр. 12). Въ данномъ случаѣ можно не сомнѣваться въ томъ, что основной капиталъ К° Базилевскаго, являющейся наслѣдницею старинной богатой К° Малевинскаго, давно уже погашенъ, но если даже изъ 32% и отчислить кое-что въ процентъ погашенія, то все-таки нельзя не признать, что енисейскимъ золотопромышленникамъ жить еще было можно. Укажемъ и на болѣе новыя данныя. Изъ отчета южно-енисейскихъ промысловъ Н. В. Асташева за 1892—93 г. видно, что за золото, за исключеніемъ казенныхъ пошлинъ и арендъ, было получено 331,392 р., чистой прибыли считалось 83,245 р., слѣдовательно расходовъ было произведено 248,147 р.; на эту сумму прибыль въ 83,245 р. составляетъ 33% [1]). Впрочемъ въ 1895 г. золотые промысла сѣверно-енисейской системы, если вѣрны вычисленія мѣстнаго окружнаго инженера г. Внуковскаго, принесли въ среднемъ только $3^1/_2$% прибыли на затраченный капиталъ. Указавъ на высокую арендную плату, онъ утверждаетъ, что „большинство работаетъ, сводя лишь концы съ концами или даже въ убытокъ" [2]).

Горный инженеръ Ячевскій, посѣтившій въ 1891 г. пріиски сѣверно-енисейской системы, свидѣтельствуетъ, что срокъ аренды опредѣляется тамъ отъ 2 до 5 лѣтъ, и что о болѣе долгосрочной арендѣ онъ не слыхалъ.

„Въ основѣ арендныхъ условій ставится обязательство арендатору нести на себѣ какъ всѣ казенныя, такъ и внутреннія таежныя повинности и поставить на работы опредѣленное минимальное число людей; затѣмъ, изъ сдаваемаго арендаторомъ золота, согласно условію... отчисляется въ пользу владѣльца пріиска извѣстное число полуимперіаловъ, которое колеблется въ предѣлахъ отъ 300 до 750 полуимперіаловъ съ пуда, т.-е. достигаетъ свыше 20%. Средняя арендная плата стоитъ на 450—500 полуимперіалахъ. Конечно, въ сравненіи съ этими цифрами казенная 3-хъ-процентная подать перестаетъ играть въ дѣлѣ какую бы то ни было роль, и становится понятнымъ, что при такихъ тяжелыхъ арендныхъ условіяхъ нельзя работать бѣдныхъ пріисковъ, т.-е. нельзя работать ихъ съ правильнымъ коммерческимъ разсчетомъ. Въ числѣ условій арендной платы ставится обыкновенно и параграфъ, обусловливающій родъ работъ, т.-е. должны ли онѣ быть общехозяйскія [3]) или старательскія, или же опредѣляется процентное отношеніе тѣхъ и другихъ. На такихъ условіяхъ берутъ въ аренду пріиски, какъ отдѣльныя довольно состоятельныя личности, такъ и цѣлыя компаніи, даже такія, какъ напр., Базилевскаго и Ратькова-Рожнова.

„Второй типъ аренды пріисковъ составляетъ переходъ къ мелкой стара-

[1]) „Вѣстн. Золот.", 1894 г., № 1, стр. 21. Правда въ 1895 г. южноенисейскіе промысла Асташева принесли убытокъ, однако на нихъ нашлись и покупатели, и арендаторы. Ibid. 1896 г., стр. 15 и 393.

[2]) „Вѣстн. Золот.", 1896 г., стр. 150.

[3]) Т.-е. съ наймомъ, такъ называемыхъ, общеконтрактныхъ рабочихъ на хозяйскомъ продовольствіи.

тельской работѣ и отличается отъ предыдущаго тѣмъ, что арендаторъ сдаетъ добываемое имъ золото не непосредственно въ золотосплавочную, а владѣльцу пріиска или его довѣренному и получаетъ съ нихъ условленную плату за золотникъ шлиховаго золота. Арендаторами на такихъ условіяхъ бываютъ обыкновенно лица, необладающія никакими средствами, а пользующіяся необыкновенно легкимъ, но за то чрезвычайно дорогимъ кредитомъ". Крупные капиталисты кредитуютъ мелкихъ предпринимателей, „и эта операція зовется здѣсь „обстановленіемъ пріиска". Иногда такого мелкаго золотопромышленника обстанавливаетъ владѣлецъ пріиска или его довѣренный, но чаще всего благодѣтелемъ является постороннее лицо, причемъ кредитъ дается не денежный, а товарный, и при этомъ выставляются цѣны не рыночныя и къ нимъ прибавляются еще проценты; утверждаютъ, что обстановка, пріобрѣтенная въ кредитъ, обходится процентовъ на 50 дороже пріобрѣтенной на наличныя деньги или при условіи матеріально-обезпеченнаго кредита [1]). Обставленный разъ такимъ образомъ золотопромышленникъ является безотвѣтнымъ работникомъ капиталиста, и только случай можетъ сдѣлать его самостоятельнымъ. Естественно, что такой режимъ вызываетъ отпоръ со стороны арендатора, выражающійся въ утайкѣ части золота и въ сбываніи его на сторону по курсовой цѣнѣ... Вообще положеніе этого типа арендаторовъ, а ихъ очень много,—крайне жалкое.

„Артельная старательская работа существуетъ почти на всѣхъ пріискахъ, а на многихъ является единственнымъ средствомъ эксплоатаціи.

„Промежуточною формою между арендою пріиска съ золотника и артельною работою является особый типъ старательской работы, состоящей въ томъ, что нѣкоторый участокъ пріиска сдается съ золотника мелкому предпринимателю, который съ своей стороны ставитъ на немъ или собственныя, или артельныя работы. При этой операціи дѣлается напр. слѣдующій коммерческій оборотъ: арендаторъ пріиска получаетъ по 3 р. 50 к. за золотникъ, старатель" (мелкій предприниматель) „довольствуется уже 3 р. или даже 2 р. 80 к., а артельщику" (т.-е. члену артели) „отдаетъ за 1 р. 80 к. до 2 р. 50 к.".

Такимъ образомъ, по словамъ г. Ячевскаго, существуетъ „4 разновидности арендной и старательской работы: 1) аренда за попудную плату; 2) аренда цѣлаго пріиска съ полученіемъ арендаторомъ платы съ золотника шлиховаго золота; 3) аренда части пріиска на такихъ же условіяхъ; 4) артельная золотничная работа" [2]).

Такъ какъ большинство пріисковъ Енисейскаго округа разрабатывается не золотничными, а хозяйскими рабочими, то мы и будемъ говорить здѣсь о положеніи общеконтрактныхъ рабочихъ, о золотничникахъ же скажемъ въ особой главѣ.

---

[1]) По словамъ г. Стемпневскаго, за обстановку дѣла въ кредитъ приходится платить нерѣдко до 30% за операцію или за 10 мѣсяцевъ. „Вѣст. Золотопр." 1895 г. № 1, стр. 10. Въ сѣверно-енисейской системѣ въ 1896—97 г. платили „обстанавливающимъ" 20%. „Вѣст. Золот." 1897 г. стр. 140.

[2]) *Ячевскій.* „Очеркъ современнаго состоянія причинъ упадка и условій для возрожденія енисейской золотопромышленности". „Горный Журналъ", 1892 г., августъ—сентябрь. Ср. *Уманьскій.* „Очерки золотопромышленности въ Енисейской тайгѣ", 1888 г., стр. 55—67; „Вѣст. Золот.", 1896 г., № 7, стр. 150.

Наемъ рабочихъ, если онъ производился не на самыхъ пріискахъ, золотопромышленники обыкновенно поручали особымъ довѣреннымъ, съ которыми и заключали съ этою цѣлью подробное условіе. Такъ напр., по договору, заключенному осенью 1870 г. Удерейскою Комп. Бенардаки и Рязановыхъ, довѣренный долженъ былъ нанимать на годовой срокъ рабочихъ не моложе 18 и не старше 40 лѣтъ, женатыхъ брать не болѣе 3% (по договору съ Комп. Малевинскаго 1868 г.—5%), задатокъ давать не болѣе 50 р., а въ среднемъ до 40 р., стараясь уменьшать по возможности эти цифры, на пріиски высылать рабочихъ партіями по 50 чел. Изъ числа неявившихся компанія принимаетъ на свой счетъ не болѣе 3%, остальные же ставятся на счетъ нанимателя. За наемку на этихъ условіяхъ довѣренный долженъ былъ получать отъ компаніи по 5 р. съ человѣка съ тѣмъ, чтобы всѣ расходы по найму падали на его счетъ. Иной разъ эти довѣренные имѣли на мѣстахъ наемки своихъ факторовъ, которые взыскивали съ рабочаго за посредничество по наемкѣ нѣсколько рублей. [1]).

Рабочіе нанимаются на промыслы Енисейскаго округа въ Красноярскомъ и Ачинскомъ округахъ Енисейской губерніи и въ Маріинскомъ и Томскомъ Томской губерніи, такъ что ихъ жилища отстоятъ отъ южной системы на 300 — 500 верстъ, а отъ сѣверной на 500—1,000 верстъ [2]); впрочемъ, наемка производится также въ Енисейскѣ, Енисейскомъ и Канскомъ и отчасти Минусинскомъ округахъ. Наиболѣе обычное время наемки съ октября до конца февраля.

Въ сѣверно-енисейской системѣ ссыльно-поселенцы составляли въ 1880 — 87 гг. отъ 24 до 39% рабочихъ, въ южно-енисейской системѣ въ 1882—84 гг.—41—47%, а въ 1889—90 гг.—17—18%.

Иногда рабочимъ не по доброй волѣ приходится наниматься на пріиски. „Много рабочихъ“, сообщаетъ авторъ статьи объ Енисейскѣ (1878 г.), „отдано на промысла за недоимки, которыя нынѣ, какъ и подати, усиленно, какъ говорятъ крестьяне, по случаю войны взыскивались съ нихъ. Недоимки же числится болѣе за поселенцами“ [3]). Другой корреспондентъ изъ Енисейска той же газеты говоритъ: „Случается весьма нерѣдко, что крестьянъ, на которыхъ числится недоимка, почему-либо не нанимаютъ золотопромышленники. Тогда сельскіе старосты берутъ недоимщиковъ-крестьянъ и ведутъ въ городъ и тутъ подыскиваютъ нанимателя, какой только подвернется подъ руку, не спрашивая уже ни желанія, ни согласія недоимщиковъ, не выторговывая ни жалованья,

[1]) Ср. „Восточное Обозрѣніе“, 1892 г., № 22, стр. 7; „Сибирскій Вѣстникъ“ 1892 г., № 52, стр. 4.

[2]) Записка, поданная енисейскими золотопромышленникали министру государственныхъ имуществъ въ 1892 г.

[3]) „Сибирь“, 1878 г., № 26, стр. 5.

ни содержанія, а лишь только стараются сполна получить числящіеся на нихъ долги. Такого рода запродажа людей за недоимки не составляетъ исключенія, а едва ли не обыкновенное явленіе въ нашемъ округѣ“ [1]). Я также слышалъ на пріискахъ, что бываютъ случаи принудительной отдачи на промысловыя работы недоимщиковъ. На пріиски рабочаго гонятъ не только необходимость уплатить подати и недоимки, но и долги. По выходѣ съ промысловъ одинокій рабочій поселяется въ какой-нибудь крестьянской семьѣ; проживъ заработокъ, онъ поступаетъ на хозяйское содержаніе и живетъ такимъ образомъ до весны, когда „мужикъ-кормилецъ отправляется въ городъ и, имѣя въ рукахъ паспортъ, запродаетъ своего нахлѣбника“ и получаетъ въ свои руки задатокъ, нерѣдко съ лихвою возвращая свои затраты [2]).

Въ прежніе годы золотопромышленники чувствовали недостатокъ въ рабочихъ и потому ихъ агенты прибѣгали ко всякимъ способамъ достать нужное количество рабочихъ—подпаиваніе, подкупъ волостного писаря или старшины и проч. [3]). Но въ началѣ 90-хъ годовъ золотопромышленники не терпѣли недостатка въ рабочихъ. „Повидимому, Сибирь входитъ въ тотъ фазисъ“, говоритъ г. Ячевскій, „когда предложеніе начинаетъ превышать спросъ: не только на енисейскіе промысла, но даже на олекминскіе стремится вольный, незаконтрактованный людъ, и ѣдетъ онъ туда не изъ одной Сибири, но и изъ Европейской Россіи [4]). Это, впрочемъ, признаютъ и нѣкоторые изъ золотопромышленниковъ: такъ г. Саввиныхъ, золотопромышленникъ южно-енисейской системы, говоритъ, что „съ каждымъ годомъ процентъ вольнаго народа, идущаго на пріиски, увеличивается настолько, что въ послѣдніе годы нѣкоторымъ приходится, не найдя работы, возвращаться въ деревни“ [5]).

По свидѣтельству горнаго исправника сѣверной части Енисейскаго округа, въ 1875 г. при наймѣ выдавали задатки отъ 40 до 60 руб. [6]). Въ 1876 г. въ Енисейскѣ давали пріисковымъ рабочимъ задатки отъ

---

[1]) „Сибирь“, 1885 г., № 27, стр. 7—8. Тоже подтверждаетъ и начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1882 г., прибавляя, что волостное начальство получаетъ отъ нанимателя до 3 руб. за каждаго отпущеннаго изъ волости рабочаго. Такъ какъ ссыльно-поселенцамъ предоставлено закономъ наниматься въ отхожій промыселъ, то они „являются, какъ бы пріуроченными рабочими къ дѣлу золотопромышленности“. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2768 № 63/53, л. 832, 835.

[2]) „Сибирь“ 1878 г. № 26, стр. 5.

[3]) „Волжско-Камская газета“ 1873 г., № 73, стр. 289.

[4]) Въ 1892 г., по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, на промыслахъ Енисейской губерніи было „болѣе чѣмъ достаточное предложеніе рабочихъ рукъ со стороны населенія Тобольской и другихъ губерній“, пришедшаго на пріисковыя работы вслѣдствіе неурожая 1891 г. въ этихъ губерніяхъ. „Вѣст. Золот.“ 1893 г. № 10, стр. 155.

[5]) „Сибирскій Вѣстникъ“ 1890 г. № 64.

[6]) Арх. Горн. Испр., дѣло № 130, л. 122.

20 до 50 р. [1]). По отчету горнаго исправника сѣверной части енисейскаго округа за 1881 г., задатки выдавались въ размѣрѣ отъ 25 до 70 р. Г. Ячевскій, посѣтившій сѣверно-енисейскій округъ въ 1891 г., свидѣтельствуетъ, что размѣръ задатковъ уменьшился.

Въ подписяхъ на контрактахъ мы находимъ указанія на тѣ задатки, какіе рабочіе получали при самомъ наймѣ; но на пути на промыслы размѣръ задатковъ увеличивался, такъ какъ, пропивая разныя вещи, они вновь забирали ихъ у сопровождавшаго партію довѣреннаго въ счетъ будущаго заработка. На основаніи отчетовъ горныхъ исправниковъ за 80-ые годы, мы можемъ указать средніе размѣры тѣхъ суммъ, которыя рабочіе сѣверно-енисейской системы (считая въ томъ числѣ и золотничниковъ) забирали деньгами и натурою до прихода ихъ на пріиски. Въ 1881 г. 4213 рабочихъ „получили въ задатокъ, на уплату податей, вещами, вообще до прибытія ихъ на пріиски въ среднемъ по 58 р.“, въ 1882 г. 3058 рабочихъ получили въ среднемъ по 54 р., въ 1883 г. 3401 человѣкъ въ среднемъ по 59 р., въ 1884 г. 3610 ч.—по 55 р., въ 1885 г. 3151 ч.—по 57 р., въ 1886 г. 3124 ч.—по 47 р. [2]), въ 1888 г. 2650 рабочихъ по 57 р., въ 1889 г. 2560 чел. по 41 р. [3]). Данныя 1886 и 1889 годовъ показываютъ, что задатки дѣйствительно обнаруживали тенденцію къ пониженію. Въ 1892 г. бывали случаи, что рабочіе, нанявшіеся въ Томскѣ подъ вліяніемъ голода съ маленькими задатками (5—10 р.), узнавъ въ Енисейскѣ, что задатки тамъ гораздо выше, отказывались идти на промысла [4]). По свѣдѣніямъ мѣстнаго окружного инженера, задатки равняются теперь въ сѣверно-енисейской системѣ 25—50 р. [5]).

На основаніи отчетовъ горныхъ исправниковъ можно также опредѣлить, какую часть составляла общая сумма задатковъ изъ всей суммы, выданной пріисковымъ рабочимъ даннаго округа въ извѣстную операцію деньгами или натурою. Такъ въ сѣверной части Енисейскаго округа задатки деньгами и вещами составляли въ операцію 1881 г. 36% всѣхъ выданныхъ рабочимъ денегъ, въ операцію 1882 г.—32%, въ 1883 г.—34%, въ 1884 г. — 32%, въ 1885 г. — 31%, въ 1886 г. — 30%, въ 1888 г.—32%, въ 1889 г. только 23%. Нужно замѣтить впрочемъ, что

---

[1]) Въ имѣющихся у насъ контрактахъ сѣверно-енисейской системы мы находимъ слѣдующіе задатки: въ контрактахъ Базилевскаго 1870 г.—въ одномъ min. 20 р., maxim 60 р., въ другомъ—поселенцамъ по 7 р., крестьянамъ 40—50 р.; въ контрактѣ 1875 г. — min. 2, maxim. 10 р., въ контрактѣ 1877 г. 15 — 40 р., въ договорѣ 1878 г. 13—70 р., 1883 г. 12—50 р.; въ контрактахъ Кытманова 1871—72 г. 5—60 р.

[2]) Арх. Гор. Испр. сѣв.-енис. округа.

[3]) Отчеты томскаго горнаго управленія въ его канцеляріи въ Томскѣ.

[4]) „Сиб. Вѣст.“ 1892 г. № 123, стр. 2.

[5]) „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 7, стр. 149.

такъ какъ многіе золотничники, а также отрядные рабочіе (нанимающіеся на вскрытіе торфа) вовсе не берутъ задатковъ, то процентъ, составляемый задатками общеконтрактныхъ въ общей суммѣ выданныхъ имъ денегъ, въ дѣйствительности выше.

Въ южно-енисейской системѣ, по отчету мѣстнаго горнаго исправника за 1880 г., задатки равнялись 25—60 р. [1]). Въ отчетѣ за 1883 г. горный исправникъ той же системы, желая объяснить побѣги рабочихъ выдачею имъ большихъ задатковъ, говоритъ: „При наймѣ крестьянина наниматель прежде всего оплачиваетъ за него подати и повинности, которыя взимаются въ размѣрѣ отъ 25 до 30 р., а за ссыльно-поселенца менѣе; затѣмъ временемъ вошло въ обычай выдавать наемнику на руки отъ 20 до 40 р., а иногда и по 50 р. Добавивъ къ суммѣ податей, количество полученное на руки, да заборъ, дѣлаемый почти всегда вещами на дорогу, а также на наемъ подводъ и продовольствіе въ дорогѣ, каждый (?) такой рабочій является на пріискъ съ долгомъ въ 80 р. и только въ рѣдкихъ случаяхъ 50 или 60 р.“. Но изъ данныхъ, приводимыхъ въ томъ же отчетѣ, видно, что эти цифры сильно преувеличены, а именно оказывается, что 3499 ч. получили „въ задатокъ при наймѣ деньгами и вещами до прибытія на пріискъ“ въ среднемъ по 42 р.; въ 1884 г. 2597 рабочихъ получили въ среднемъ по 41 р. и въ 1885 г. по 50 р. [2]). Сравнивъ эти среднія цифры съ такими же средними Сѣверно-енисейской системы, мы видимъ, что въ этой послѣдней задатки больше: это вполнѣ естественно въ виду большей отдаленности отъ жилыхъ мѣстъ сѣверно-енисейскаго округа [3]). Въ 1895 г. енисейскіе золотопромышленники рѣшили выдавать рабочимъ, нанимаемымъ на промыслахъ, не болѣе 10 р., а въ мѣстахъ причисленія — не болѣе 40 р. [4]).

Общая сумма задатка, выданная рабочимъ на промыслахъ южно-енисейской системы, составляла въ 1883 г. 25% всей выдачи, въ 1884 и 1885 гг. — 22%, въ 1888 г. — 17,5%. Но нужно помнить, что такъ какъ задатокъ чаще получали повидимому общеконтрактные рабочіе [5]),

---

[1]) Въ контрактахъ 70-хъ годовъ мы встрѣтили задатки: въ договорѣ съ Асташевымъ 1875 г. 11—61 р., Удерейской К° 1872 г.—25—47 р. Въ 5 контрактахъ, заключенныхъ осенью 1870 г. на пріискахъ, задатки гораздо менѣе: по контракту К° Кузнецова и Щеголева поселенцы получили при наймѣ по 7 р., крестьяне 10—24 р., по двумъ контрактамъ Черныхъ 3—20 р., по двумъ другимъ 3—50 р.

[2]) Арх. Горн. Испр. южно-енис. округа.

[3]) Въ 1893 г. на пріискахъ Асташева (южно-енисейскаго округа) средній задатокъ равнялся всего 24 р. „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., стр. 47.

[4]) „Вѣст. Золот.“ 1895 г., стр. 403.

[5]) Отрядные рабочіе, нанимающіеся артелью для вскрытія торфа, чаще нанимаются безъ задатка. Ср. *Ячевскій*, 26, 36.

чѣмъ золотничники и притомъ получали его въ большемъ размѣрѣ, то въ заработкѣ первыхъ задатки составляли большій процентъ.

Полученный задатокъ истрачивается еще до прихода на пріиски. Весьма часто значительная часть его,—по мнѣнію одного мѣстнаго наблюдателя треть или даже половина,—выдается одеждой, „безъ которой оборванные наемщики не могутъ двинуться въ путь и которая оцѣнивается значительно выше ея стоимости“; 25—30 р. уходитъ немедленно на уплату податей, около 5 р. на выправку билета, да на пути еще рабочій израсходуетъ 10—15 р. [1]). Сходны съ этимъ и показанія г. Уманьскаго: „Частью... задатка пользуется волостной писарь, который кладетъ въ карманъ съ каждаго рабочаго по 2 р. 50 к., вписываемыхъ въ разсчетный листъ рабочаго подъ наименованіемъ „за засвидѣтельствованіе контракта“ [2]), берутъ еще иногда и на „пожарные инструменты“ (рубля два), что также идетъ въ карманъ волостного писаря“ (который, впрочемъ, безъ сомнѣнія, дѣлится этими поборами съ своимъ начальствомъ). „Остальное идетъ на уплату податей или квартирному хозяину..., а часть еще... пропивается“ (стр. 73) [3]). Но нужно замѣтить, что въ пьянствѣ рабочихъ во время найма очень часто бываютъ виновны сами золотопромышленники. Вотъ что мы узнаемъ изъ отчета томскаго управленія за 1888 г. о Енисейскомъ горномъ округѣ: „Выдача задатковъ рабочимъ, нанимающимся на промыслахъ послѣ окончанія операціи, производилась большею частью вещами, частью же и водкой, какъ это особенно водится на южныхъ промыслахъ, въ виду будто бы трудностей найма и несогласія остаться на зимнія работы при другихъ условіяхъ.

Въ 1872 г. генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири былъ вновь возбужденъ вопросъ объ ограниченіи размѣра задатковъ. Золотопромышленники въ 1873 г. высказались за то, чтобы дозволено было выдавать задатки: крестьянамъ отъ 40 до 70 *и болѣе* рублей (т.-е. были противъ всякаго ограниченія относительно крестьянъ), а поселенцамъ 25—40 р. Но енисейскій губернаторъ Лохвицкій находилъ достаточнымъ задаткомъ 30—40 р. для крестьянъ и 10—20 р. для поселенцевъ, съ тѣмъ, чтобы эти нормы были обязательны для всѣхъ золотопромышленниковъ. Онъ считалъ также „необходимымъ допустить уплату денегъ изъ зара-

---

[1]) „Устои“ 1882 г. № 12, стр. 6.

[2]) Въ договорахъ 1877 г. съ К° Зотовыхъ (сѣверно-енисейскаго округа) прямо сказано, что „всѣ расходы по заключенію договора“ падаютъ на рабочихъ и входятъ въ число выданныхъ задатковъ.

[3]) Ср. „Устои“ 1882 г. № 12, стр. 24. Въ договорѣ съ Харченко 1882 г. рабочіе принимали на свой счетъ „расходы во время найма, какъ-то подати, гербовыя пошлины и другія повинности, которыя должны причисляться къ суммѣ задатка“. О томъ, что нѣкоторые золотопромышленники ставили на счетъ рабочихъ расходы по заключенію контракта, свидѣтельствовалъ въ 1882 г. и начальникъ енисейскаго жандармскаго правленія.

ботка по требованію волостныхъ правленій" за тѣхъ крестьянъ и поселенцевъ, которыхъ „общества за неплатежъ податей и неисполненіе разныхъ повинностей отдаютъ на промысла". Генералъ-губернаторъ приказалъ передать предложеніе енисейскаго губернатора на обсужденіе золотопромышленниковъ, но, повидимому, этого сдѣлано не было [1]).

При наймѣ рабочихъ на промысла составлялись, какъ и въ прежнее время, контракты, содержаніе которыхъ измѣнялось сообразно съ тѣмъ, нанимались ли общеконтрактные рабочіе, рабочіе на вскрытіе торфа, ремесленники или старатели-золотничники. Рабочіе, сами приходившіе на промысла, нанимались иногда и безъ всякихъ письменныхъ договоровъ, хотя это и противорѣчило закону 1870 г. Свидѣтельствовались контракты обыкновенно въ волостныхъ и окружныхъ полицейскихъ управленіяхъ, а также у горныхъ исправниковъ, но при этомъ никто не наблюдалъ за тѣмъ, чтобы договоры не заключали въ себѣ противозаконныхъ условій [2]). Содержаніе контрактовъ не всегда было извѣстно нанявшимся, тѣмъ болѣе, что они нерѣдко подписывали ихъ въ пьяномъ видѣ [3]). Въ 1874 г. вновь возникъ-было вопросъ о составленіи нормальнаго контракта, и исправникъ южно-енисейской системы доставилъ проектъ такого договора енисейскому губернатору, причемъ рѣшилъ эту задачу очень просто, списавъ съ небольшими измѣненіями контрактъ Асташева. Впрочемъ, никакихъ практическихъ примѣненій эти предположенія не имѣли.

Золотопромышленники обыкновенно выговаривали себѣ не только право переводить рабочихъ съ одного пріиска на другой (причемъ о вознагражденіи за теряемое при этомъ время ими не упоминается, или размѣръ его предоставляется усмотрѣнію компаніи), но даже право передавать ихъ и другимъ золотопромышленникамъ, противъ чего протестовала сибирская печать еще въ 60-хъ годахъ. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ такая передача устанавливалась безъ всякихъ оговорокъ или даже съ поясненіями, что для совершенія ея нѣтъ надобности въ согласіи рабочаго; въ другихъ договорахъ выговаривалось право такой передачи лишь въ случаѣ сокращенія или прекращенія работы; въ третьихъ поясняло́сь, что рабочіе могутъ передаваться подъ условіемъ соблюденія заключаемаго ими договора, въ четвертыхъ дѣлалась оговорка, что при такой передачѣ золотопромышленникъ, передающій рабочихъ, долженъ получить всѣ числящіеся за ними долги; въ пятыхъ передача допускалась лишь для отработки у другого золотопромышленника своего долга первой компаніи. По словамъ г. Уманьскаго, рабочіе

---

[1]) Арх. Горн. Испр. сѣв.-енис. окр., дѣло 1874 г. № 18.

[2]) Встрѣчаются, впрочемъ, контракты, и вовсе незасвидѣтельствованные.

[3]) Отчетъ начальника енис. жанд. упр. за 1882 г. въ Арх. Ирк. Горн. Управ.

часто передавались „отъ одного хозяина къ другому (особенно если они должны хозяину) или en masse, или по одиночкѣ". Въ циркулярѣ исправника сѣверно-енисейскаго округа Ѳедорова (1885 г.) было сказано: „Передача рабочихъ отъ одного золотопромышленника другому и условія о такой передачѣ въ контрактѣ, какъ прямо противорѣчащія закону, воспрещаются, и переходъ отъ одного къ другому можетъ совершиться лишь по добровольному согласію заинтересованныхъ лицъ, т.-е. рабочихъ и золотопромышленника" [1]).

Въ нѣкоторыхъ контрактахъ золотопромышленники предоставляли себѣ право обратить общеконтрактныхъ рабочихъ въ старателей-золотничниковъ [2]). Едва ли можно было считать законнымъ такое условіе контракта, не только дозволявшее золотопромышленнику измѣнять по своему усмотрѣнію систему работъ, но даже не гарантировавшее рабочему заранѣе опредѣленнаго вознагражденія за трудъ. Въ договорахъ компаній Григоровыхъ и Полежаева (1877 г.) и Харченка (1883 г., сѣверно-енисейскаго округа) устанавливалось подобное же право компаній обращать общеконтрактныхъ рабочихъ въ золотничниковъ, но покрайней мѣрѣ была опредѣлена плата за золотникъ по 1 р. 50 к., по договору же Удерейской К° 1872 г. (юж.-енис. окр.) въ этомъ случаѣ плата по усмотрѣнію компаніи назначалось въ размѣрѣ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к.

Нерѣдко въ договорахъ съ общеконтрактными устанавливалась круговая порука рабочихъ (на основаніи 2486 ст. VII т. Св. Зак.), а въ нѣкоторыхъ договорахъ съ рабочими, нанятыми для добычи торфа, пояснялось, что они обязываются круговою порукой отработать или уплатить свои долги.

Послѣ изданія новаго устава о золотопромышленности 1870 г. положеніе рабочихъ измѣнилось въ томъ отношеніи, что былъ уничтоженъ прежній обязательный срокъ прекращенія промывки золота 10 сентября вездѣ, гдѣ нѣтъ теплыхъ промываленъ, и вслѣдствіе этого срокъ работъ былъ продленъ до 1 октября. Срокъ этотъ впрочемъ установился не сразу. Срокомъ найма общеконтрактныхъ рабочихъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ назначалось въ договорахъ какъ сѣверной, такъ и южной части Енисейскаго округа 10 или 11 сентября. Однакоже и тогда конюхи и „состоящіе при разныхъ заведеніяхъ"

[1]) „Сибирская Газета" 1885 г. № 17, стр. 420.

[2]) Такъ напр., въ договорѣ 1875 г. В. И. Базилевскаго (сѣв. енис. окр.) сказано: „если управленіе найдетъ нужнымъ поставить на тѣхъ и другихъ промыслахъ, такъ называемыя, золотничныя работы, то мы обязываемся безпрекословно производить „работы по указанію управленія съ платою за каждый золотникъ шлиховаго золота", какая будетъ производиться прочимъ золотничнымъ рабочимъ, при этомъ совершенно подчиняясь тѣмъ условіямъ, „какія будутъ заключены съ другими золотничниками."

нанимались до 1 октября; съ первой же половины 70-хъ гг. срокомъ найма общеконтрактныхъ рабочихъ назначалось обыкновенно 1 октября [1]). Это отдаленіе осенняго срока работъ, особенно для рабочихъ сѣверно-енисейской системы, очень неудобно: прежде рабочіе успѣвали уходить съ промысловъ еще въ теплое время, а теперь они подвергались всѣмъ послѣдствіямъ холодной погоды, задерживались на той сторонѣ Енисея вслѣдствіе ледохода, который прекращаетъ движеніе карбазовъ. Сообщеніе съ другимъ берегомъ поддерживается тогда только лодками, которыя въ виду опасности перевоза берутъ слишкомъ дорого и задерживаютъ народъ, скопленіе котораго содѣйствуетъ развитію пьянства, кражъ и грабежей [2]). Впрочемъ, въ дѣйствительности большинство золотопромышленниковъ сѣверно-енисейской системы разсчитывало рабочихъ гораздо ранѣе 1 октября [3]). Операціонный годъ на пріискахъ стали считать съ 1 октября по 30 сентября [4]). Тѣ рабочіе, которые оставались на промыслахъ лишь на зимнюю операцію, нанимались до 1-го марта, 1-го апрѣля или до конца апрѣля [5]).

Что касается найма рабочихъ на добычу торфа, то для этого не существовало такихъ однообразныхъ сроковъ, но очень часто рабочіе нанимались для этой работы на октябрь мѣсяцъ (а въ первой половинѣ 70-хъ гг. съ 10 сентября), но такія работы бываютъ иногда и лѣтомъ.

Относительно времени явки на промысла въ общихъ договорахъ всего чаще попрежнему постановлялось, что рабочіе обязаны явиться по первому извѣщенію или на пріиски, или въ извѣстное сборное мѣсто для отправленія подъ надзоромъ нанимателя. Иногда прибавлялось, что послѣ заключенія договора рабочіе не должны оставлять мѣсто жительства до полученія вызова на работу, въ другихъ же договорахъ сказано, что срокъ явки долженъ быть опредѣленъ въ разсчетныхъ листахъ. По договору съ В. И. Базилевскимъ 1891 г. (сѣв.-енис. окр.) явка на пріиски рабочихъ ранѣе назначеннаго срока была воспрещена.

Въ контрактахъ обыкновенно постановлялось, что путь на пріиски и обратно рабочіе должны совершать на свой счетъ, и только во время путешествія по нежилымъ мѣстамъ въ тайгѣ имъ выдавали отъ золотопромышленника сухари—по контрактамъ сѣверно-енисейскаго округа по 2—3 ф. въ день (съ обязательствомъ пройти 25—30 в. ежедневно) или 20 ф. на весь путь отъ Енисейска до промысловъ, а въ контрак-

---

[1]) „Устои“ 1882 г. № 12, стр. 23, 25; „Вост. Обоз.“ 1882 г. № 36, стр. 7—8; „Сибирь“ 1880 г. № 5, стр. 5.

[2]) „Восточное Обозрѣніе“ 1882 г. № 36, стр. 7.

[3]) „Сибирская Газета“ 1882 г. № 47, стр. 1198.

[4]) „Вост. Обозр.“ 1883 г. № 22, стр. 8; „Вѣст. Золот.“ 1896 г., стр. 149.

[5]) Какъ и въ старые годы, бывали иногда случаи, что въ формальномъ и засвидѣтельствованномъ договорѣ вмѣсто точнаго обозначенія срока оставлялось пустое мѣсто.

тахъ южно-енисейской системы 10—12 ф. За самовольную дневку въ контрактахъ сѣверно-енисейскаго округа Харченко (1882 г.) и Кытманова (1884 г.) назначенъ штрафъ въ первомъ по 1 р., во второмъ по 2 р. съ человѣка. Въ нѣкоторыхъ договорахъ ясно выражено обязательство рабочихъ *ѣхать* на пріиски на свой счетъ, если это будетъ признано необходимымъ пріисковымъ довѣреннымъ [1]). Въ договорѣ съ К° Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г., юж.-енис. окр.) сказано: „Всѣ путевые расходы по доставкѣ насъ къ мѣсту работъ, какъ-то прогоны и продовольствіе пищею, не превышающіе стоимостью 25 к. въ сутки на человѣка, какъ намъ, такъ и сопровождающимъ насъ довѣреннымъ (!), должно быть отнесено на нашъ счетъ въ томъ количествѣ, какое будетъ причитаться по общему разсчету на каждаго человѣка".

Мѣстные наблюдатели свидѣтельствуютъ объ эксплоатаціи рабочихъ во время пути на промысла. Вещи, пропитыя рабочими за безцѣнокъ, вновь скупаются у заимщиковъ по самой сходной цѣнѣ и выдаются почти совершенно голымъ рабочимъ, которомъ онѣ ставятся на счетъ по пріисковой таксѣ, какъ совершенно новыя, такъ что по приходѣ на мѣсто рабочіе иногда состояли должными компаніи болѣе 60—70 р. [2]). Окружной инженеръ сѣверно-енисейскаго округа Внуковскій въ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ свидѣтельствуетъ, что на счетъ рабочихъ ставили всѣ путевые расходы не только по ихъ доставкѣ, но и „по командировкѣ довѣреннаго" [3]). Онъ же въ отчетѣ за 1888 г. говоритъ, что „дорожныя издержки рабочихъ (одежда, прогоны и содержаніе въ дорогѣ) составляли отъ 10 до 50 р., что зависѣло отъ большей или меньшей дальности" пути „и отъ большей или меньшей честности прикащика, сопровождавшаго партію". По отчету южно-енисейскаго горнаго исправника за 1882 г., расходы на одежду, прогоны и дорожное содержаніе рабочихъ составили на каждаго отъ 6 до 18 р., на нѣкоторыхъ промыслахъ даже до 40 р.

По словамъ сѣверно-енисейскаго окружного инженера, г. Внуковскаго, въ отчетѣ за 1888 г., „лишь очень немногіе золотопромышленники" отпускали на свой счетъ на путевое довольствіе рабочимъ сверхъ 3 ф. сухарей, по 1 ф. маса и кирпичный чай [4]). А по отчету южно-

---

[1]) Такъ въ договорахъ съ Асташевымъ 1870 и 1887 гг.

[2]) „Сибирь" 1881 г. № 29, стр. 5; „Сибирская Газета" 1884 г. № 32, стр. 791, ср. *Уманьскій*, стр. 73.

[3]) Дѣло канцеляріи томск. горн. упр.

[4]) Въ статьѣ о сѣверно-енисейскихъ промыслахъ, напечатанной въ „Вѣст. Золот." (1896 г. № 7), г. Внуковскій говоритъ о выдачѣ на пути 2 ф. сухарей и 1 ф. мяса въ сутки уже какъ объ общемъ правилѣ. Ср. обязательное постановленіе томскаго присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ 16 и 23 февраля 1896 г. въ „Вѣст. Золот." 1896 г № 6, стр. 133.

енисейскаго окружного инженера Стемпневскаго за тотъ же годъ, „при слѣдованіи на промысла, нѣкоторыя изъ управленій выдавали рабочимъ порціонныя деньги по разсчету на 3 ф. сухарей и 1 ф. мяса въ сутки, другія же вовсе этого не дѣлали, отпуская лишь на руки небольшія дополнительныя къ задаткамъ суммы и то въ счетъ будущихъ заработковъ“ [1]).

На пути въ тайгѣ встрѣчаются только зимовья, таежныя почтовыя станціи, въ разстояніи 30 слишкомъ верстъ одно отъ другого; на половинѣ этого разстоянія находятся такъ называемыя „половинки“, гдѣ проѣзжающіе лошадей не перепрягаютъ, но остаются отдохнуть, напиться чаю и первоначальная цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы дать пріютъ рабочимъ, высылаемымъ зимою для поправки дороги. На нѣкоторыхъ зимовьяхъ Ново-нифантьевской пріисковой дороги казармы для рабочихъ имѣли въ первой половинѣ 80-хъ гг. очень печальный видъ: стѣны всѣ въ щеляхъ, окна были закрыты рогожами, потолки сгнили и еле-еле держались на подставкахъ. Это объясняется тѣмъ, что въ то время енисейская казенная палата стала считать зимовья, построенныя золотопромышленниками на отведенной имъ землѣ, казенными оброчными статьями и сдавала ихъ съ торговъ (сенатъ позднѣе уважилъ жалобы золотопромышленниковъ и отдалъ ихъ обратно въ полное ихъ распоряженіе). Золотопромышленники не соглашались на поправки, не зная получатъ ли они обратно зимовья, взятыя въ аренду однимъ лицомъ. Казармы были настолько тѣсны, что на нарахъ едва помѣщалось 100 человѣкъ, остальнымъ же приходилось валяться подъ нарами, несмотря на то, что казармы содержались крайне нечисто. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ пріисковыхъ дорогъ были устроены казачьи кордоны, которые должны были не допускать провоза въ тайгу спирта и водки безъ особаго разрѣшенія губернатора. Но торговля спиртомъ тайно все-таки производилась, и на самой дорогѣ были пустопорожныя мѣста, заявленныя въ качествѣ пріисковъ, хозяева которыхъ занимались исключительно продажею спирта, составлявшею главный доходъ зимовщиковъ. Зимовщики забрали въ свои руки и „половинки“ и на нихъ также устроили безпатентные кабаки. Каждый изъ нихъ обязанъ имѣть въ зимовьяхъ нѣкоторый запасъ хлѣба, мяса и овса и отпускать эти продукты проѣзжающимъ и прохожимъ по цѣнамъ, утверждаемымъ, какъ и на пріискахъ, горнымъ исправникомъ. Цѣны на зимовьяхъ въ 1891 г. въ сѣверной части Енисейскаго округа были слѣдующія: 1 ф. чернаго хлѣба — 6 к., фунтъ сухарей — 7 к., фунтъ соленаго мяса 10 к., пудъ овса 1 р. 20 к., яйца — 10 к. за штуку, курица—1 р. 50 к., фунтъ бѣлаго хлѣба—15 к. Такія цѣны

[1]) Дѣло томск. горн. управ.

возможны только потому, что въ тайгѣ не допускается свободнаго поселенія всѣхъ желающихъ и вслѣдствіе этого, здѣсь нѣтъ никакой конкуренціи [1]).

Извѣстная часть нанявшихся рабочихъ не являлась на пріиски. Въ контрактахъ золотопромышленникамъ предоставлялось право ходатайствовать о высылкѣ ихъ при помощи внутренней стражи съ возложеніемъ расходовъ на неявившихся или дозволялось на мѣсто ихъ нанять другихъ, хотя бы и „съ передачею въ цѣнѣ“ и съ возложеніемъ расходовъ также на виновнаго, обязаннаго въ этомъ случаѣ отвѣчать всѣмъ своимъ имуществомъ.

Количество рабочихъ, неявившихся на промысла сѣверной части Енисейскаго округа изъ всего числа нанятыхъ рабочихъ въ 1873—77 г., было ниже 1%, въ 1878 г. нѣсколько болѣе, а въ 1879 г. это количество сразу поднялось до 3,65%, въ среднемъ же за 7 лѣтъ оно равнялось 1,17%. Въ началѣ 80-хъ гг. количество неявившихся изъ числа всѣхъ нанятыхъ было болѣе значительно (въ 1880 г. 4,7%, въ 1881 г.—4,1 и въ 1882 г. 3,6%), а въ среднемъ за 9 л. этого десятилѣтія оно равнялось 2,4%. Гораздо менѣе колеблется процентъ неявившихся на промысла Южно-енисейской системы: въ среднемъ за 7 лѣтъ 70-хъ гг. онъ равнялся 1,07, а въ среднемъ за 8 л. 80-хъ гг.—1% [2]). Мы видимъ такимъ образомъ, что процентъ неявившихся былъ весьма не великъ, и потому жалобы на неявку рабочихъ въ запискѣ, поданной енисейскими золотопромышленниками въ 1892 г. министру государственныхъ имуществъ и директору горнаго департамента, были крайне преувеличены. Нѣсколько усилилась неявка рабочихъ во время работъ по проведенію Сибирской желѣзной дороги [3]).

Общеконтрактные рабочіе обыкновенно обязываются договоромъ исполнять всѣ работы, какія прикажутъ: быть на развѣдкѣ, работать въ открытомъ разрѣзѣ или ортѣ, наконецъ исполнять какія-либо негорныя работы. Развѣдка производится посредствомъ шурфовки преимущественно осенью и зимою [4]). Когда золотоносный пластъ найденъ, его из-

---

[1]) *Уманьскій*, стр. 40—41, 104—105; „Сибирская Газета“ 1884 г. № 18, стр. 461; „Вост. Обозр.“ 1890 г. № 31, стр. 10; *Ячевскій*, стр. 18.

[2]) „Приложеніе I къ выпуску I сборника главныхъ оффиціальныхъ документовъ по управленію Восточною Сибирью“, т. VII, отч. горн. отд. глав. управ. за 1882 г.; Архивы горныхъ исправниковъ; отчеты окружныхъ инженеровъ и томск. горн. управ. „Сборн. статист. свѣд. о горныхъ произв. Россіи за 1891 г.“ и ст. *Н. Богомюбскаго* въ „Вѣст. Золотопр.“ 1892 г. №№ 11 и 16.

[3]) „Вѣст. Золотопр.“ 1895 г., стр. 107, 163, 403, 1896 г. стр. 18.

[4]) Шурфами называютъ глубокія квадратныя ямы, каждая сторона которыхъ равняется 3 арш.... Осенняя шурфовка дѣлается позднею осенью.. почвенную воду выкачиваютъ въ это время изъ шурфовъ посредствомъ ручныхъ помпъ. Зимняя шурфовка дѣлается съ „выморозкой“: прокапываютъ землю, разогрѣвая до незамерзшаго

влекаютъ или посредствомъ открытыхъ разрѣзовъ, снимая сверху такъ называемый торфъ, или посредствомъ „ортъ, проводимыхъ отъ боковъ разрѣзовъ вглубь; иногда при очень значительной глубинѣ орты замѣняются шахтами, отличающимися отъ первымъ тѣмъ, что входъ въ нихъ идетъ не горизонтально и пески извлекаютъ не въ тачкахъ, а бадьями“ [1]). Открытыя работы производятся только весною и лѣтомъ, а ортовыя и шахтовыя и зимою.

Вскрытіе торфовъ въ лѣтнее время производится обыкновенно урочными работами общеконтрактныхъ рабочихъ, осенью же и зимою чаще вольными торфовщиками. Добыча торфа и песковъ производится, какъ и въ другихъ горныхъ округахъ Сибири, самыми простыми пріемами при помощи кайлы, лопаты и лома. Порохъ и динамитъ употребляли въ огромномъ размѣрѣ, преимущественно для разрыва крупныхъ валуновъ. Подвозка на промывальныя машины, а также отвозка торфа, эфеля и гальки производится на лошадяхъ въ двухколесныхъ опрокидывающихся таратайкахъ [2]), но изрѣдка еще и въ ручныхъ тачкахъ [3]). Подземными работами добыча песковъ въ сѣверной части Енисейскаго округа производилась рѣдко: въ 1889 г. только на 7 пріискахъ. Въ южной части Енисейскаго округа ортовыя и шахтовыя работы встрѣчались чаще: въ 1880 г. изъ 141 пріиска на 18, въ 1884 г. на 22 пріискахъ, а въ 1894 почти $^2/_3$ золота получилось въ южно-енисейскомъ горномъ округѣ изъ ортовыхъ и шахтовыхъ выработокъ [4]).

Промывальными машинами чаще всего бываютъ бочки и чаши [5]), причемъ къ паровымъ двигателямъ прибѣгаютъ очень рѣдко. По словамъ г. Ячевскаго, во всей сѣверной енисейской тайгѣ не было въ 1891 г. ни одной дѣйствующей паровой машины; напротивъ, въ южно-енисейской системѣ на Дополнительномъ участкѣ Прокопьевскаго пріиска Асташева мы видѣли чашу, приводимую въ движеніе паровою силою. Впервые паровая машина появилась въ южной части Енисейскаго округа въ

мѣста, оставляютъ замерзать, потомъ, разогрѣвъ осторожно дно, копаютъ дальше; опять оставляютъ замерзать и т. д. Такимъ образомъ замерзшія стѣнки шурфа не позволяютъ просачиваться почвенной водѣ“. *Уманьскій*, 123.

[1]) *Уманьскій*, 124—125.

[2]) На Дополнительномъ участкѣ Прокопьевскаго пріиска Асташевыхъ (южн. енис. окр.) по желѣзнымъ рельсамъ.

[3]) Пакулевскій или американскій шлюзовой способъ теперь совершенно забытъ въ енисейской тайгѣ. *Ячевскій*, стр. 41.

[4]) Отч. горн. испр. въ его архивѣ; „Вѣст. Золотопр.“ 1895 г. № 1, стр. 10 Описаніе ортовыхъ работъ см. *Уманьскій*, стр. 125.

[5]) Описаніе бочки см. *Ячевскаго*, стр. 37—39, ср. „Вѣстн. Золотопр.“ 1893 г. № 6, стр. 86. Описаніе зимней золотопромывальной чаши на пріискахъ Асташева см. „Вѣстн. Золотопр.“ 1895 г. № 1 и 3.

1883 г. [1]). Довольно распространена также теперь на промыслахъ Енисейскаго округа, такъ называемая, „кулибинка“ [2])—усовершенствованный видъ прежней бутары: она представляетъ систему двухъ параллельныхъ шлюзовъ, на которыхъ промывка песковъ производится движеніемъ ихъ водою безъ всякихъ другихъ растирочныхъ механизмовъ [3]).

Устройство золотопромывальныхъ машинъ значительно усовершенствовалось: въ 50-хъ гг. бочешныя машины промывали отъ 15 до 20 тысячъ пудовъ песку въ день, а въ настоящее время бочка промываетъ болѣе легкихъ песковъ 40 — 50 тысячъ, а болѣе связныхъ и слегка мясниковатыхъ 25—30 тысячъ пудовъ. Въ прежнее время чаши старинаго устройства едва могли протирать отъ 5 до 6 тысячъ пудовъ въ день, а теперь даже сильно связныхъ и глинистыхъ песковъ чашечныя машины протираютъ отъ 15 до 20 тысячъ пудовъ въ день [4]). Постепенное развитіе техники видно изъ количества песка, промытаго въ теченіи года на каждаго рабочаго, хотя извѣстное значеніе тутъ должны также имѣть увеличеніе интензивности труда (такъ какъ добыча песковъ производится трудомъ рабочихъ безъ помощи машинъ) и замѣна ручной отвозки отвозкою на лошадяхъ. Въ сѣверно-енисейской системѣ въ 1846—49 гг. на 1 промысловаго рабочаго приходилось среднимъ числомъ 9984 п. промытыхъ песковъ въ годъ; въ первой половинѣ 50-хъ гг. (въ 1850, 51 и 54 гг.) промывали среднимъ числомъ въ годъ на 1 рабочаго по 14574 п. золотоноснаго песку; въ 60-хъ гг. въ среднемъ (за все десятилѣтіе) промывали въ годъ уже по 23060 п. и затѣмъ въ два слѣдующія десятилѣтія среднее количество промываемаго песку остается то же: въ 70-хъ гг. (по выводу за 7 л. — 1870, 74 — 79 гг.), въ 80-хъ гг. (по выводу за 9 л.—1880, 82—89 гг.) на каждаго работника промывалось болѣе 23000 пудовъ. Напротивъ, въ южно-енисейской тайгѣ количество песку, промываемаго въ теченіе года каждымъ рабочимъ, продолжаетъ увеличиваться: въ 1846—49 гг. это количество рав-

---

[1]) Арх. горн. испр. южно-енис. окр. 1883 г. № 56.

[2]) По имени ея изобрѣтателя, горнаго инженера К. А. Кулибина.

[3]) Описаніе „кулибинки“ см. у *Ячевскаго*, стр. 39—40 и въ книгѣ „Сибирь и великая сибирская желѣзная дорога“, 1893 г. стр. 191, ср. „Вѣст. Золотопр.“ 1893 г. № 6, стр. 86. Въ 1889 г., по отчету томскаго горнаго управленія, въ сѣверной части енисейскаго округа изъ всѣхъ 161 промывальныхъ приборовъ было 95 бутаръ (59%), 31 бочка (19%), 31 шлюзъ системы К. А. Кулибина (19%) и 4 американки (менѣе 3%). Въ томъ же году въ южноенисейской системѣ изъ 205 приборовъ для промывки золота было бутаръ 102 (50%), бочекъ 55 (27%), „кулибинокъ“ 32 (15,5%), чашъ 13 (6%) и американокъ 3 (1,5%). „Сбор. стат. свѣд. о горнов. промыш. Россіи въ 1889 г.“, ч. I, стр. 100—112. Слѣдовательно, чаши употреблялись только въ Южно-енисейской системѣ.

[4]) *Н. Латкинъ*. „Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее“. Спб. 1892 г., стр. 247.

нялось въ среднемъ 7240 п. въ годъ, въ 1850, 51 и 54 гг. въ среднемъ 11326 п., въ 60-хъ гг. по 19258 п., въ 70-хъ (1870, 74—79 гг.) болѣе 23000 п. и, наконецъ, въ 80-хъ (1880, 82—89 гг.) въ среднемъ болѣе 29000 п. въ годъ. При сравненіи съ прошлымъ слѣдуетъ впрочемъ принять во вниманіе, что въ послѣднее время много промывалось прежнихъ отваловъ, не требующихъ труда для вскрытія.

Положеніе пріисковыхъ рабочихъ не одинаково: оно значительно измѣняется въ зависимости отъ того, на какихъ условіяхъ поступаетъ рабочій на пріискъ. Сравнительно съ положеніемъ рабочихъ *общеконтрактныхъ*, составляющихъ главный контингентъ рабочихъ на промыслахъ, нѣсколько лучше положеніе *отрядныхъ*, нанимаемыхъ артелью изъ задѣльной платы (обыкновенно для вскрыши торфа) и *окладныхъ*, которые получаютъ опредѣленную мѣсячную плату. Общеконтрактные могутъ быть подраздѣлены на 2 разряда—зимнихъ и лѣтнихъ, изъ которыхъ гораздо хуже положеніе первыхъ. Такъ какъ главныя работы въ тайгѣ производятся лѣтомъ, то на зиму оставляютъ лишь меньшую часть рабочихъ, и конкуренція ищущихъ заработка значительно понижаетъ плату зимнихъ рабочихъ. Окладные и отрядные рабочіе приходили въ тайгу въ началѣ мая на свой собственный счетъ, такъ какъ въ это время оказывалась нужда въ большомъ количествѣ рабочихъ. Пользуясь этимъ, окладные и отрядные нанимались на условіяхъ гораздо болѣе выгодныхъ, чѣмъ общеконтрактные.

Общеконтрактные рабочіе раздѣлялись на 2 большихъ разряда—песковыхъ и поторжныхъ. Къ первому разряду причислялись рабочіе, добывавшіе или промывавшіе пески, ко второму—состоявшіе при всѣхъ вспомогательныхъ работахъ. Песковые въ свою очередь раздѣлялись на забойщиковъ, непосредственно добывающихъ пески, подкатчиковъ, возчиковъ, отвальныхъ, подхватчиковъ (въ подъемныхъ работахъ), а лѣтомъ на машинѣ—свальщиковъ, эфельщиковъ, галечниковъ и промывальщиковъ. Къ поторжнымъ причисляются конюхи, плотники, кузнецы, молотобойцы и различные чернорабочіе [1]).

Забойщики, принимаясь за работу, сначала „подкайливаютъ“ пластъ земли снизу; при глубокомъ подкайливаніи и при нѣкоторой рыхлости пласта иногда большая глыба вдругъ обрушивается на рабочихъ и калѣчитъ ихъ или убиваетъ до смерти. Подкайливающіе глыбу забойщики вбиваютъ въ нее сверху желѣзные ломы и ими отворачиваютъ эту глыбу; затѣмъ они разбиваютъ ее кайлами и вмѣстѣ съ возчиками складываютъ въ таратайки. Всего тяжелѣе работа забойщика, но весьма непріятна и работа галечника, котораго изъ нижняго люка машины обдаетъ грязною

---

[1]) *Уманьскій*, стр. 69, 74, 98—99.

водою, пока онъ сваливаетъ промытую уже гальку въ таратайку для отвоза на отвалъ [1]).

По закону о частной золотопромышленности 1838 г. было опредѣлено время начала работы (5 ч. утра) и окончаніе ея (8 ч. вечера) и требовалось, чтобы въ договорѣ была указана продолжительность отдыха. По уставу о золотопромышленности 1870 г. всѣ эти требованія, регулирующія продолжительность рабочаго дня, были уничтожены и предписывалось только, чтобы въ договорѣ между золотопромышленникомъ и рабочимъ было назначено опредѣленное по соглашенію количество часовъ работы. Ослабленіе охраны труда немедленно отразилось неблагопріятно для рабочихъ на ихъ контрактахъ съ хозяевами. Такъ уже въ контрактѣ, заключенномъ въ сентябрѣ 1870 г. съ К° Рязанова, Горохова и другихъ (сѣв.-енис. сист.) начало работъ было опредѣлено въ 4 ч. утра (вмѣсто установленныхъ прежнимъ закономъ 5 ч.), окончаніе въ 8 ч., а на обѣдъ и отдыхъ дано было всего полтора часа, слѣдовательно продолжительность рабочаго дня равнялось $14^1/_2$ ч. [2]). Въ южной части Енисейскаго округа въ договорѣ Черныхъ 1870 г. рабочій день опредѣленъ въ 13 ч. дѣйствительной работы и въ контрактахъ съ Вилямовскимъ и съ К° Кузнецова и Щеголева (того же года) въ $13^1/_2$ ч. Въ договорѣ съ Асташевымъ (1870 и 75 гг.) продолжительность рабочаго дня была опредѣлена въ 14 ч. (начало работъ въ 5 ч. утра, конецъ въ 8 ч. и 1 ч. на обѣдъ и отдыхъ) [3]), а по договору 1887 г. начало работъ въ 4 ч. утра и 2 часа перерывовъ въ 3 пріема. Даже въ договорѣ на ортовую работу съ Дряминымъ (1890 г. въ сѣвер.-енис. сист.) опредѣлена продолжительность рабочаго дня въ 13 ч.

Но мы видѣли, что уже и ранѣе, еще въ 50-хъ гг., опредѣленіе количества рабочихъ часовъ во многихъ контрактахъ совершенно уничтожалось оговоркой, устанавливающей, вмѣсто извѣстной продолжительности рабочаго дня, размѣръ урока, до окончанія котораго рабочіе не должны были оставлять работы [4]). Въ контрактѣ съ Кытмановымъ

---

[1]) „Сибирь“ 1881 г. № 29 стр. 5.

[2]) Зимою продолжительность рабочаго дня была естественно менѣе и потому въ договорѣ съ тою же К° (1872 г.) на зимнюю операцію было опредѣлено начинать работу не позже 5 ч. утра и оканчивать не позже 7 ч. вечера „или по окончаніи уроковъ“.

[3]) Горный исправникъ Южно-енисейскаго округа въ проектѣ нормальнаго контракта (1874 г.) предлагалъ установить продолжительность рабочаго дня въ 13 часовъ.

[4]) Такъ напр. въ договорѣ съ В. Базилевскимъ (1875 г.) сказано: „Хотя на основаніи горныхъ положеній и опредѣляется для работъ времл съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера“ (въ это время такого закона относительно золотыхъ промысловъ уже не существовало), „за исключеніемъ времени, обыкновенно даваемаго на чай утромъ и пополудни и обѣдъ съ отдыхомъ, всего около 2 ч., но мы, зная по опыту, что усердный и здоровый работникъ заданную ему работу можетъ окончить и ранѣе этого времени, а потому

(1885 г., сѣв.-енис. сист.) рабочіе обязывались „выходить въ зимнее время не позже 5 ч. утра и не оставлять работы безъ дозволенія до 7 ч. вечера (причемъ продолжительность отдыха вовсе не опредѣлена), въ лѣтнее же время производить работу по общепринятому правилу, т. е. выходить на работу не позже 4 ч. утра [1]) и не оставлять ее до 8 ч. вечера (продолжительность отдыха и здѣсь не опредѣлена), а „на урочной работѣ—до окончанія заданныхъ уроковъ". Опредѣленіе продолжительности отдыха отсутствуетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ контрактахъ, а установленіе времени окончанія работы также сопровождается оговоркою: „или до окончанія урока". Въ договорѣ съ К° Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г., юж.-енис. сист.) сказано: „такъ называемые разночинцы, а равно находящіеся на всѣхъ безурочныхъ, такъ называемыхъ поторжныхъ работахъ, должны работать безъ опредѣленія суточнаго числа рабочихъ часовъ, насколько потребуетъ самое дѣло, во всякомъ-же случаѣ выходить на работу не позже 4-го часа утра и оставлять работу не раньше 8-го ч. вечера" (продолжительность отдыха не опредѣлена), „*но съ тѣмъ, что въ случаѣ дѣйствительной надобности* (?!) *сказанное время работъ можетъ быть увеличено мѣстнымъ управленіемъ*" (??). Изъ этого видно, какъ ловко г. Жилль умѣетъ составлять свои контракты съ рабочими [2]).

Въ договорѣ 1875 г. съ отрядными рабочими, нанявшимися на промысла Асташева (юж.-енис. окр.) на вскрышу торфа также опредѣлено лишь обычное время начала и окончанія работъ (5 ч. утра и 8 ч. вечера, въ договорѣ 1887 г. 7—8 ч. вечера), а продолжительность отдыха не указана.

Таковы постановленія о контрактахъ относительно продолжительности рабочаго дня; посмотримъ, какова она была въ дѣйствительности. Въ оффиціальномъ отчетѣ о золотопромышленности въ Восточной Сибири за 1879 г., представленномъ министру государственныхъ имуществъ, сказано, что въ сѣверной части Енисейскаго округа высшее число часовъ

для собственной пользы своей желаемъ производить работы, не стѣсняясь временемъ, а поурочно." Такое же условіе въ договорахъ съ Удерейскаго К° (1872 г.) и Вострогинымъ (1881 г.); срав. т. I нашего труда, стр. 357.

[1]) Въ контрактѣ съ Иг. Кытмановымъ (1884 г.) сказано, что „на основаніи горныхъ положеній опредѣляется время для работъ отъ 4 ч. утра" (?!) и потому рабочіе обязываются выходить на работу не позже этого времени. Тутъ мы находимъ уже прямо фальсификацію закона въ интересахъ золотопромышленника.

[2]) Въ договорахъ съ Базилевскимъ 1890 и 91 г. рабочій день опредѣленъ въ 13 ч. дѣйствительнаго труда, но съ слѣдующею оговоркою: „при случаяхъ, бывающихъ отъ общаго нерадѣнія и нежеланія выполнить урка или, такъ называемой, *общей стачки* между всею артелью съ цѣлью вынудить сбавку урка, управленію предоставляется право держать насъ на работѣ до выработки заданнаго урка".

работы въ сутки въ теченіе лѣтней операціи было 13, меньшее 11, среднее 12 [1]) По отчету горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа за 1880 г., въ лѣтнее время (съ мая до 20 сентября) количество рабочихъ часовъ было отъ 8 до 13; впрочемъ, исправникъ оговаривается, „что хорошіе и прилежные работники“ (т. е. вѣроятно, особенно сильные) „заданные имъ уроки оканчивали въ 3, 4 и 5 ч. пополудни“ (т.-е. начиная работу въ 4—5 ч., работали все-таки 10—12 ч.). Какъ было уже упомянуто, уставомъ о частной золотопромышленности 1870 г. было уничтожено опредѣленіе времени начала и окончанія работъ; результатомъ этого было то, что лѣтомъ на нѣкоторыхъ промыслахъ стали начинать работу не раннимъ утромъ, а даже ночью. Въ томъ же отчетѣ за 1880 г. исправникъ сѣверно-енисейской системы говоритъ, что „на нѣкоторыхъ пріискахъ для облегченія работъ въ жаркіе дни съ согласія рабочихъ былъ заведенъ порядокъ высылать... на работы въ 2 и 3 ч. утра“ (!!) и „оканчивать ихъ ранѣе или въ обѣдъ давать отдыхъ на 2 и 3 часа“. Въ весеннее время (отъ прихода рабочихъ на пріискъ для лѣтнихъ работъ до открытія промывки) и осенью (отъ 20 сентября до 1 ноября) число рабочихъ часовъ, по словамъ того же исправника, равнялось 8—10 [2]), а на утренній чай и обѣдъ давалось въ день 2 ч. Зимою работы начинались съ разсвѣтомъ и оканчивались съ сумерками, при чемъ „въ виду краткости зимняго дня“ на обѣдъ рабочимъ назначался всего 1 ч., а чай они должны были пить предъ выходомъ на работу и по окончаніи ея [3]). По словамъ начальника енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1882 г., горныя работы на промыслахъ „оканчиваются нерѣдко очень поздно вечеромъ“ и „въ концѣ лѣта... производятся даже при огнѣ... Работая до *18 ч.* (!), иногда по колѣно въ водѣ, рабочіе, едва успѣвъ кое-какъ отдохнуть и просушить намокшее платье и обувь, снова выходятъ на работу, начинающуюся съ ранняго утра“ [4]). По отчету 1887 г. о золотопромышленности Вост. Сибири maxim. числа рабочихъ часовъ доходитъ до 14 (maxim. 14, min. 8, среднее 12). Тотъ же min. и maxim. указанъ и въ отчетѣ томскаго горнаго управленія за 1888 г., а между тѣмъ въ томъ же дѣлѣ томскаго горнаго управленія есть несомнѣнныя данныя, указывающія на болѣе высокій maxim. количества рабочихъ часовъ, а въ отчетѣ за 1888 г. окружной инженеръ сѣверно-енисейскаго округа писалъ: „Пріисковая работа несомнѣнно тяжела, а въ тѣхъ случаяхъ, когда число рабочихъ

[1]) Дѣло Горнаго Департамента.

[2]) Золопромышленникъ А. Саввиныхъ въ заявленіи горному исправнику 1878 г. говоритъ, что „осенью обыкновенно почти на всѣхъ пріискахъ работаютъ вечерами при освѣщеніи“ (Арх. горн. испр. южн.-енис. окр., дѣло № 9545).

[3]) Арх. испр. сѣв.-енис. окр., дѣло 1880 г. № 24.

[4]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2768 № 63/53, л. 834 об.

часовъ доводилось до 15 въ сутки, она положительно изнурительна; поэтому „слѣдуетъ лишь удивляться“, продолжаетъ г. Внуковскій, „что при такихъ условіяхъ изъ числа 2650 ч.“ (нанятыхъ внѣ пріисковъ) „не явилось только 65 ч. (2,5%) и бѣжало 77 ч. (3%) [1]). Окружной инженеръ южно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ, что съ 1 октября по 1 апрѣля, когда производятся подготовительныя работы, „число рабочихъ часовъ въ сутки не превышаетъ 9—11“, лѣтомъ же при промывкѣ песковъ работы въ разрѣзахъ продолжаются 11—14 ч. [2]). Наконецъ, по отчету томскаго горнаго управленія за 1890 г. maximum числа часовъ, употребляемыхъ рабочими для исполненія урока въ лѣтнюю операцію на промыслахъ сѣверно-енисейской системы, равняется 15, min. 9, среднее 10 ч., а въ южно-енисейской maxim. $15^1/_2$ (!), min. 9 ч.; въ зимнюю операцію въ сѣверно-енисейской системѣ maxim. 9, min., 6, среднее 8, и южно-енисейской maxim 10, min. 7 [3]). Такимъ образомъ, даже по свѣдѣніямъ окружныхъ инженеровъ, имѣющихъ основаніе не представлять положеніе рабочихъ въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ, количество рабочихъ часовъ въ лѣтнюю операцію доходило до $15—15^1/_2$, а что средняя, наиболѣе обычная продолжительность рабочаго дня была не такова, какъ можно думать на основаніи показанія томскаго горнаго управленія, опредѣляющаго ее въ 10 ч. дѣйствительнаго труда, это видно изъ словъ г. Ячевскаго, командированнаго горнымъ департаментомъ въ 1891 г. въ сѣверноенисейскую тайгу, слѣдовательно, лица также оффиціальнаго, но независимаго отъ золотопромышленниковъ: „время работы на пріискахъ“, говоритъ г. Ячевскій, „крайне продолжительно. Становой“ (управляющій „станомъ“, т.-е. пріискомъ) „выгоняетъ“ рабочихъ до свѣта въ 3—4 ч., и они, не позавтракавши, сейчасъ отправляются по своимъ мѣстамъ; затѣмъ около 7—8 ч. утра они пьютъ чай, т. е. завтракаютъ. Чаепитіе происходитъ тутъ же, вблизи работъ, или чаще рабочіе идутъ въ казармы. На это уходитъ около полчаса времени. Въ 12 ч.—обѣдъ, на который дается $1—1^1/_2$ ч., и около 5 ч. пополудни дается $^1/_2$ ч. на второй чай, а послѣ окончанія работъ около 9 ч. вечера ужинъ“ (т. е., $14^1/_2—16$ ч. работы). „На самомъ дѣлѣ въ лѣтнее время на“ (ночной) „отдыхъ приходится рабочему не болѣе 6 ч.: съ 9 ч. вечера до 3 ч. утра. Во всякомъ случаѣ, за вычетомъ всѣхъ перерывовъ, лѣтній

---

[1]) Дѣло канцеляріи томскаго горн. управ. отч. за 1888 г. № 31/2. Напротивъ, въ печатной статьѣ тоже лицо увѣряетъ, что „число часовъ лѣтней работы не превосходитъ 13, но до этой предѣльной цифры... доходитъ рѣдко“ („Вѣст. Золот.“ 1896 г. №№ 7, стр. 149). Очевидно окружные инженеры откровеннѣе въ донесеніяхъ начальству, чѣмъ въ печатныхъ статьяхъ.

[2]) Дѣло канц. томск. горн. управ., отч. за 1889 г., л. 399.

[3]) „Горный Журналъ“ 1891 г. № 12, стр. 521.

рабочій день не менѣе 14—15 ч. [1]) Послѣ этого насъ не удивятъ уже слѣдующія показанія неоффиціальныхъ лицъ. „По обычаю работа на пріискахъ, говоритъ г. Уманьскій, начинается въ 3 ч. утра, а на нѣкоторыхъ даже раньше, а оканчивается, при всей интензивности урочной работы, для худшихъ рабочихъ въ 7—8 вечера, а на нѣкоторыхъ пріискахъ даже въ 10. Особенно часто случается это осенью, въ дождливые дни". Въ это время окончаніе уроковъ затягивается, да и пріисковая администрація становится требовательнѣй. Весною рабочимъ дѣлаются различныя послабленія изъ опасенія побѣговъ, „но осенью этой опасности нѣтъ". На многихъ пріискахъ съ неумолимою строгостью требуютъ въ это время выполненія уроковъ... Осенью дни становятся коротки, работа начинается въ сумеркахъ, при огнѣ, и съ огнями оканчивается. У забоевъ, гдѣ кайлятъ землю, и по дорогѣ къ машинѣ зажигаютъ факелы изъ березовой коры, иногда смоляные костры; красной точкой пылаетъ огонекъ на эфельномъ и галечномъ отвалахъ... На нѣкоторыхъ пріискахъ въ это время работа... оканчивалась въ 9—10, иногда даже въ 11 ч. вечера" (стр. 79, 156). Корреспондентъ одной газеты съ сѣверныхъ промысловъ Енисейскаго округа также говоритъ о работѣ „съ 3 ч. утра до 10 и болѣе часовъ вечера, за исключеніемъ 1 часа на два чая и 1 ч. на обѣдъ" [2]). По словамъ другого мѣстнаго наблюдателя, рабочіе „выходятъ на работу часа въ 2 или 3 утра, а кончаютъ ее около 9—10 ч. вечера и около 7 осенью; на обѣдъ въ 11 ч. полагается $1^1/_2$ ч., на чай въ $3^1/_2$ ч.—$^1/_2$ ч.", слѣдовательно они работали въ сутки отъ 14 до 18 ч.! [3]) Если даже признать maximum работы 18 ч. исключеніемъ, то во всякомъ случаѣ мы видимъ, что 13—15 ч. составляетъ явленіе довольно обычное во время лѣтней операціи. Понятно, что пріисковые рабочіе въ нѣсколько лѣтъ совершенно вырабатывались, и необходимость установленія законодательнымъ путемъ посильной для пріисковаго рабочаго нормы труда вполнѣ ясна.

[1]) „Горн. Журн." 1892 г. августъ—сентябрь. Въ 1891 г., по словамъ горн. инж. Н. Боголюбскаго, продолжительность рабочаго дня равнялась съ 1 октября по 1 марта въ сѣверно-енисейскомъ округѣ 8 ч., въ южно-енисейскомъ—9 ч., съ 1 марта по 1 мая въ сѣверно-енисейскомъ—10, въ южно-енисейскомъ 11, съ 1 мая по 1 октября въ первомъ—15, во второмъ—14 ч. „Обыкновенно", говоритъ г. Боголюбскій, „*изъ означеннаго числа часовъ* въ періодъ времени съ 1 октября по 1 мая дается отъ $1^1/_2$ до 2 ч. на обѣдъ, а съ 1 мая по 1 октября — $1^1/_2$ ч. на обѣдъ и сверхъ того по $^1/_2$ до $^3/_4$ ч. на утренній и вечерній чай или завтракъ". („Вѣст. Золот." 1892 г. № 16, стр. 225). Предположеніе г. Боголюбскаго, что въ оффиціальныхъ отчетахъ, откуда онъ заимствовалъ свои данныя, продолжительность рабочаго дня, показана *со включеніемъ* отдыха,— совершенно произвольно, ни на чемъ не основано. Свидѣтельство г. Ячевскаго показываетъ это очень наглядно.

[2]) „Сиб. Вѣст." 1886 г. № 43, стр. 3.

[3]) „Сибирь" 1881 г. № 29, стр. 5. Тотъ же авторъ говоритъ: „на отдыхъ рабочимъ дается ночью часа 4 лѣтомъ и 6 осенью".

Въ извѣстныхъ намъ контрактахъ мы встрѣтили только одно указаніе на ночныя работы въ Енисейскомъ округѣ въ разсматриваемый періодъ [1]). Въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ южно-енисейскимъ исправникомъ въ 1874 г., послѣ предложенія установить днемъ 13 рабочихъ часовъ въ сутки, далѣе сказано: если же пріисковое управленіе признаетъ нужнымъ производить работы днемъ и ночью посмѣнно, то мы обязываемся работать и въ ночное время, лишь бы работа эта не превышала 12 рабочихъ часовъ [2]).

Въ случаяхъ экстренныхъ и не терпящихъ отлагательства, какъ-то укрѣпленія плотинъ, канавъ, ортъ, шурфовъ, устройства водопровода, отвода воды и тушенія пожаровъ, рабочіе должны были по всѣмъ контрактамъ работать во всякое время дня и ночи „со всевозможною скоростью и усердіемъ“ подъ страхомъ отвѣтственности за всѣ убытки въ случаѣ уклоненія отъ работы; при томъ о какомъ либо вознагражденіи за эту работу въ контрактахъ не упоминается, а въ нѣкоторыхъ договорахъ, какъ напр. 1882 г. съ Харченко (сѣв.-енис. окр.) и прямо опредѣляется: „никакой особой платы за оную не требовать“. Только въ контрактѣ 1875 г. рабочихъ, нанявшихся для вскрыши торфа на промысла Базилевскаго (сѣв.-енис. окр.), въ случаѣ „какихъ-либо экстренныхъ работъ, какъ-то: укрѣпленія плотинъ и дамбъ, отвода русла“ они обязывались „по требованію управленія работать, получая за таковые дни плату, равную общей заработкѣ за вскрышу торфа; а въ такихъ случаяхъ, какъ тушеніе пожаровъ, огражденіе отъ наводненія и пр. должны *безвозмездно* выходить по первому требованію“. Что безвозмездность этихъ работъ была, по крайней мѣрѣ для общеконтрактныхъ рабочихъ, общимъ правиломъ, видно изъ того, что она устанавливалась и проектомъ контракта, составленнымъ южно-енисейскимъ исправникомъ въ 1874 году.

Переходя къ разсмотрѣнію величины уроковъ на горныхъ работахъ, мы напомнимъ, что въ первой половинѣ 60-хъ гг. наиболѣе обычный урокъ на торфахъ былъ слѣдующій: при талой землѣ безъ лошадей, т. е., при ручной откаткѣ, полагалось вскрывать 1 куб. сажень 4 рабочими, а при 1 хозяйской лошади двумя, но по мѣрѣ того, какъ старательскія работы сливались съ урочными, размѣръ обязательнаго урока увеличивался, и уже въ первой половинѣ 60-хъ гг. въ нѣкоторыхъ контрактахъ является обязательная прибавка $^1/_4$ или даже $^1/_2$ кубич. сажени. Въ началѣ 70-хъ гг. изрѣдка встрѣчаются еще прежніе умѣренные уроки [3]), но вообще въ 70-хъ и 80-хъ гг. уроки имѣютъ болѣе значи-

[1]) Въ контрактѣ съ Асташевымъ 1870 г. при ортовыхъ работахъ.
[2]) Арх. испр. юж. енис. окр. дѣло 1874 г. № 10, л. 36.
[3]) Такъ напр., по договору съ Фунтусовымъ (1870 г., сѣв.-енис. окр.).

тельный размѣръ. Въ договорѣ съ Кытмановымъ (1884 г.) до 10 мая на талыхъ и мерзлыхъ торфахъ 2 человѣка при 1 хозяйской лошади должны были вырабатывать 1 куб. сажень, а съ 10 мая по 1 октября они должны были вскрывать $1^1/_2$ куб. сажени. Въ контрактахъ съ В. И. Базилевскимъ мы уже въ самомъ началѣ 70-хъ гг. находимъ тяжелыя нормы уроковъ, притомъ недостаточно опредѣленныя, т.-е. указанія на minimum и maximum работы, дающія широкій просторъ произволу пріисковой конторы. Такъ уже по контракту 1870 г. послѣ упоминанія объ урочныхъ и старательскихъ работахъ, рабочіе, нанявшіеся на его промысла, обязываются на талыхъ торфахъ вырабатывать отъ 1 до $1^3/_4$ куб. саж. на 2 рабочихъ, а съ ручнымъ откатомъ на 2—3 и не болѣе 4 ч., смотря по свойству торфа и близости откатки въ отвалъ, а на мерзлыхъ торфахъ и до открытія промывки назначеніе уроковъ предоставлялось усмотрѣнію пріисковаго управленія. Въ договорѣ съ Базилевскимъ и Малевинскимъ (1875 г.) повторяются тѣ же самыя условія, но при ручной откаткѣ назначается выработка 1 куб. саж. на 2 или 3 ч. (о 4 уже не упоминается) [1]). Въ договорѣ съ К° Базилевскаго (1877 г.) уже вовсе откинута минимальная норма лѣтней выработки торфа (1 куб. саж. на 2 ч. при 1 хозяйской лошади) и опредѣлено, что до 1 іюля 2 человѣка при 1 лошади обязываются вырабатывать $1^1/_2$ куб. сажени, а съ 1 іюля—$1^3/_4$ куб. саж. [2]) Въ договорѣ съ Базилевскимъ 1883 г. (сѣв.-енис. окр.) повышается еще болѣе максимальная норма выработки, а именно въ лѣтнее время на 2 человѣкъ при 1 лошади назначено отъ 1 до 2 куб. саж. Наконецъ въ договорѣ съ Базилевскимъ 1891 г. совершенно откинута минимальная и удержана новая максимальная норма (2 человѣка при 1 лошади должны были вырабатывать отъ $1^1/_2$ до 2 куб. саж. при отвозкѣ не далѣе 50 саж.) и при томъ установлена весьма тяжелая норма для работы съ ручною откаткою (1 саж. должны были вырабатывать не болѣе 2 человѣкъ, тогда какъ въ 1870 г. для такого же урока назначалось 2—4 человѣка. [3]) Эта исторія контрактовъ В. И. Базилевскаго наглядно показываетъ, какъ усиливались требованія, предъявляемыя рабочимъ, какъ увеличивалась напряженность труда: такъ какъ добыча торфа производилась, какъ въ 60-хъ гг., такъ и позднѣе, руками рабочихъ, то слѣдовательно это увеличеніе уроковъ несомнѣнно сопровождалось увели-

[1]) Тоже и въ договорѣ 1877 г. съ К° Григоровыхъ и Полежаева, сѣв.-енис. окр.

[2]) Въ этомъ договорѣ точно опредѣлена и выработка мерзлыхъ торфовъ, причемъ установлена не легкая норма, а именно $1^1/_2$ куб. саж. мерзлаго торфа должны были вырабатывать, смотря по свойству его, 3—5 человѣкъ.

[3]) По договору съ Востротинымъ (1880 г.) 2 человѣка при 1 лошади должны были вырабатывать $1^1/_2$—2 куб. сажени, а то же количество при ручномъ откатѣ 2—3 ч.; тутъ, слѣдовательно, урокъ при ручномъ откатѣ еще болѣе повышенъ.

ченіемъ напряженности труда. Въ настоящее время, по словамъ мѣстнаго окружного инженера г. Внуковскаго, „въ лѣтнюю операцію *средній* урокъ земляныхъ работъ въ породахъ болѣе или менѣе рыхлыхъ и при отвозкѣ *до 100 с.*“ (!) равняется на торфахъ $1^{3}/_{4}$ куб. саж. на 2 рабочихъ при 1 лошади, въ породахъ же болѣе или менѣе связныхъ—$1^{1}/_{4}$ саж. [1])

Въ извѣстныхъ намъ контрактахъ южной части Енисейскаго округа мы лишь однажды встрѣтили ту минимальную норму, которая иногда упоминается въ контрактахъ начала 70-хъ гг. сѣверно-енисейскаго округа (1 куб. саж. на 2 человѣка при хозяйской лошади во время лѣтней операціи [2]): тутъ уже въ договорахъ 1870 г. требуется при этихъ условіяхъ выработка $1^{1}/_{4}$ до $1^{3}/_{4}$ куб. саж. [3]). Разсматривая коллекцію контрактовъ Асташева 70-хъ и 80-хъ годовъ, мы видимъ, что урокъ при выработкѣ торфа съ отвозкой на лошадяхъ остается почти безъ измѣненія, такъ какъ съ начала 70-хъ гг. онъ былъ установленъ въ повышенной нормѣ, при ручной же откаткѣ онъ нѣсколько увеличивается [4]). Изъ другихъ извѣстныхъ намъ договоровъ южно-енисейскаго округа упомянемъ, что по контракту 1872 г. съ Удерейскою К° въ лѣтнюю операцію 2 человѣка при 1 лошади должны были вырабатывать 1—$1^{3}/_{4}$ к. с., а при ручной откаткѣ то же количество 2—4 человѣка. Тяжелыя условія установлены въ договорѣ съ Вилямовскимъ 1870 г.: 2 рабочихъ должны были вскрыть 1 к. с. въ день *ручнымъ* откатомъ, а съ лошадью 2 человѣка обязывались выработать 1 к. с. не только талаго, но даже и мерзлаго торфа; если же сажень вырабатывали при 1 лошади болѣе 2 человѣкъ, то это считалось уже лѣностью, и плата съ сажени понижалась.

Что касается добычи золотоносныхъ песковъ, отвозки ихъ къ

---

[1]) „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 7, стр. 149.

[2]) Въ договорѣ 1870 г. съ К° Кузнецова и Щеголева, но при ручномъ откатѣ то же количество должны были выработать 3 человѣка.

[3]) Въ договорѣ 1871 г. К° Ячменева и Хотимскаго 2 человѣка при 1 лошади должны были выработать $1^{1}/_{4}$ к. с., въ договорѣ 1870 г. Черныхъ съ 1 февраля до 1 мая 2 человѣка при 1 лошади—$1^{1}/_{2}$ куб. с. и съ 1 мая по 11 сентября 2 человѣка при 1 лошади—$1^{3}/_{4}$ к. с.

[4]) По договору съ Асташевымъ (1870 г.) 3 человѣка при 2 лошадяхъ должны были выработать 2 к. с., а при ручномъ откатѣ 3 человѣка 1 куб. с.; по другому договору того же года 2 человѣка съ 1 лошадью должны были выработать $1^{1}/_{2}$ к. с. талаго торфа, а при ручномъ откатѣ 1 к. с. 3—4 человѣка. Въ договорѣ съ нимъ же 1875 г. различается выработка торфа въ зимнюю и лѣтнюю операцію; съ 1 октября по 1 мая 2 человѣка при одной хозяйской лошади должны были вырабатывать 1 к. с., а при ручномъ откатѣ то же количество 4 чел.; съ 1 же мая по 1 октября 2 чел. при 1 лошади обязывались вырабатывать $1^{1}/_{2}$ к. с., а ручнымъ откатомъ 3 чел. 1 к. с. Наконецъ, въ договорѣ съ Асташевымъ 1887 г. уроки при конной отвозкѣ остаются тѣ же, а при ручной откаткѣ 2 человѣка обязывались выработать 1 к. с. торфа,—урокъ очень большой.

машинѣ и промывки съ уборкою эфеля и гальки, то въ первой половинѣ 60-хъ гг. наиболѣе типичнымъ урокомъ было исполненіе всѣхъ этихъ работъ по 1 к. с. песковъ на 3 человѣка съ необходимымъ количествомъ лошадей. Такой урокъ мы и находимъ въ договорѣ съ Фунтусовымъ (1870 г., сѣв.-енис. окр. [1]), въ другихъ же извѣстныхъ намъ контрактахъ сѣверно-енисейскаго округа назначаются уроки лишь на добычу и отвозку песковъ на машину.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа по контрактамъ Базилевскаго (1870, 75, 78 и 83 гг.) при добычѣ и отвозкѣ песковъ на машину (безъ промывки) 3—4 человѣка должны были вырабатывать 3—4 к. с. песку при 2 лошадяхъ [2]). По словамъ г. Ячевскаго (стр. 28), урокъ доходитъ до 2 к. с. песковъ на 2 рабочихъ и 1 лошадь. По договору съ К° Кытманова и Фунтусова (1871 г.) 4 человѣка должны были добыть и отвезти 3 к. с. при 2 лошадяхъ [3]). По договору съ Базилевскимъ (1890 г.) 2 человѣка должны были выработывать при отвозкѣ не далѣе 50 саж. и удобномъ грунтѣ не менѣе 2 к. с., а при связномъ и крѣпкомъ не менѣе $1^1/_2$ к. с., при ручномъ же откатѣ не менѣе $^1/_2$ к. с. на каждаго человѣка. По договорамъ съ Харченко (1883 г.) и Кытмановымъ (1884 г.) 2 человѣка при 1 лошади должны были выработывать по $1^1/_2$ куб. саж. песку [4]).

По договору съ Асташевымъ (1870 г) при наймѣ на его промысла Енисейской губерніи *добыть* 2 к. с. должны были 3 человѣка, а добыть 1 к. с., промыть на машинѣ, перепустить на вашгердахъ и отвезти гальку и эфель въ отвалы должны были не болѣе 3 человѣкъ. По контракту съ Асташевымъ 1862 г. 1 к. с. должны были добыть 2 человѣка, а въ 1870 г. 2 к. с. должны были добыть уже не 4, а 3 человѣка: такимъ образомъ напряженность труда несомнѣнно возросла, но сравнительно съ договоромъ 1867 г., по которому 5 человѣкъ должны

---

[1]) По договору съ Кытмановымъ (1872 г.) не болѣе 3 человѣкъ на 1 к. с. съ нужнымъ количествомъ лошадей; по договору же съ Виламовскимъ (1870 г.) на добычу и промывку 1 к. с. песковъ (но безъ отвозки эфеля и гальки) полагалось всего 2 человѣка.

[2]) Такой же урокъ установленъ въ договорѣ К° Григоровыхъ и Полежаева (1877 г.) и Вострогина (1880 г.).

[3]) Такой же урокъ въ контрактѣ съ Кытмановымъ (1884 г.) и Харченко (1883 г.).

[4]) По словамъ г. Внуковскаго, на промыслахъ сѣверно-енисейскаго округа теперь въ лѣтнюю операцію „средній урокъ въ породахъ болѣе или менѣе рыхлыхъ и при отвозкѣ до 100 с.“ на пескахъ равняется $1^1/_2$ с. на 2 человѣкъ при 1 лошади, въ породахъ болѣе или менѣе связныхъ 1 с. „Вѣстн. Золот.“ 1896 г. № 7, стр. 149. Но по свидѣтельству самихъ золотопромышленниковъ maximum урока на 2 человѣкъ при 1 лошади равняется 2 саж. *Шостакъ*. „Золотопромышленность Томской области“. Т. 1896 г., таб. 5.

были добыть 4 к. с. песковъ, урокъ нѣсколько уменьшенъ [1]). По договору съ Асташевымъ 1875 г. южно-енисейскаго округа при добычѣ золотосодержащихъ песковъ съ отвозкою на машину (но безъ промывки) на 3 человѣкъ полагалось при 1 лошади 2 к. с. [2]), а по договору съ нимъ же 1887 г. южно-енисейскаго округа 4 человѣка при 2 лошадяхъ должны были добыть и отвезти на машину 3 куб. с. [3]).

Упомянемъ еще о двухъ договорахъ южной части Енисейскаго округа. По контракту съ К° Кузнецова и Щеголева (1870 г.) одинъ забойщикъ долженъ былъ добыть 1 куб. с. песковъ съ накладкою въ таратайки (но безъ отвозки), а добыть, отвезти къ машинѣ и промыть съ уборкою эфеля и гальки 1 куб. с. должны были 2 человѣка съ необходимымъ количествомъ лошадей: слѣдовательно, уроки здѣсь были тяжелѣе, чѣмъ по контракту Асташева 1870 г. По договору съ Удерейскою К° 3—4 человѣка при 2 лошадяхъ должны были вырабатывать и отвозить на машину 3—4 куб. с.

Что касается отрядныхъ рабочихъ, нанимавшихся спеціально для вскрытія торфа, то въ 60-хъ гг. въ Енисейскомъ округѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ контрактахъ устанавливался для нихъ такой урокъ: 2 человѣка на хозяйской лошади должны были вскрыть 1 куб. с. торфа. Такой урокъ мы встрѣчаемъ нерѣдко въ 70-хъ и 80-хъ гг. [4]). Въ договорѣ съ Асташевымъ 1887 г. (южн. части енис. окр.) отрядныхъ рабочихъ, нанявшихся на работу въ октябрѣ мѣсяцѣ, условія нѣсколько болѣе льготныя, а именно въ верхнемъ пластѣ торфа рабочіе должны были выполнять такой же урокъ, т.-е. 2 человѣка при 1 лошади вскрывать не менѣе 1 куб. с. въ день, но въ нижнемъ пластѣ торфа не менѣе $^3/_4$ с. и въ ненастную погоду вообще не менѣе $^1/_2$ с. По договору съ Базилевскимъ 1878 г. на работу въ октябрѣ „или до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ торфахъ сильной мерзлоты“, 2 рабочихъ при 1 лошади и при отвозкѣ отъ разрѣза не далѣе 100 с. должны были вырабатывать уже не менѣе $1^1/_2$ куб. с., а по договору съ нимъ

---

[1]) Сравнительно съ договоромъ 1867 г. нѣсколько уменьшены уроки и на добычу съ промывкою песковъ: по договору 1876 г. добыть 1 куб. с. песковъ, промыть на машинѣ и отвезти гальку и эфель въ отвалы должны были $2^1/_2$ человѣка вмѣсто прежнихъ 3, какъ было по договору Асташева 1861—62 г.; въ договорѣ же 1870 г. мы находимъ возвращеніе къ прежней нормѣ добычи съ промывкой песковъ 1 куб. с. на 3 человѣкъ.

[2]) И при этомъ сдѣлана оговорка, что при подвозкѣ песковъ на машину вагонами пріисковое управленіе должно давать сверхъ того по 1 погонщику на каждую лошадь.

[3]) А при подвозкѣ вагонами 3 человѣка должны были добыть 2 куб. с., для доставки же песковъ на машину управленіе должно давать нужное количество лошадей съ погонщикомъ.

[4]) Г. Уманьскій также считаетъ его наиболѣе обычнымъ.

же 1882 г. въ лѣтнее время съ 1 іюня по 1 октября 2 рабочихъ должны были вскрывать и отвозить въ отвалъ при 1 лошади отъ 1 до 2 куб. с. [1]).

Таковы свидѣтельства контрактовъ. Дѣйствительный размѣръ выработки вычисленъ Н. С. Боголюбскимъ. Принявъ, „что на разрѣзныя работы, т.-е. на вскрышу торфовъ, на добычу и промывку песковъ“ употребляется 60% рабочихъ [2]), г. Боголюбскій вычислилъ, что въ сѣверной части Енисейскаго округа на 1 такого рабочаго выработано въ годъ 32,23 куб. с. торфовъ и 21,49 куб. с. песковъ, итого 53,72 куб. с., а въ южной части Енисейскаго округа 43,65 куб. с. торфовъ и 26.62 куб. с. песковъ, итого 70,27 куб. с. Но авторъ поясняетъ, что тутъ „для опредѣленія объема выработки приняты всѣ рабочіе, задолжаемые въ разрѣзахъ; если же нужно знать количество земляной выработки, причитающейся на 1 изъ числа занятыхъ только горными работами, т.-е. забойщиковъ и возчиковъ, тогда число этихъ послѣднихъ нужно принять въ 30% общаго числа рабочей команды или вдвое менѣе противъ взятаго... числа рабочихъ, поэтому приведенныя... количества земляной выработки нужно увеличить вдвое“. Слѣдовательно, *добыто* и отвезено на машину (но не промыто) торфовъ и песковъ въ сѣверной части Енисейскаго округа 107,44 куб. с., а въ южной части 140,54 куб. с. на каждаго человѣка, занятаго въ собственно горныхъ работахъ. Продолжительность операціи авторъ принимаетъ съ марта по октябрь, т.-е. 7 мѣсяцевъ и считаетъ по 27 рабочихъ дней въ мѣсяцъ, что составитъ 189 рабочихъ дней [3]), при чемъ максимальная средняя выработка равняется (въ юж.-енис. окр.) 0,74 куб. с. на человѣка въ 1 поденщину. „Эта дневная выработка“, по мнѣнію г. Боголюбскаго, „хотя и требуетъ значительнаго мускульнаго труда, но не превосходитъ нормы, существующей въ Высочайше утвержденномъ положеніи для строительныхъ работъ (§ 30, б) [4])... Такимъ образомъ 3 привычныхъ забойщика при 1 возчикѣ и 2 лошадяхъ подаютъ на промывку 3 куб. с. песковъ въ поденщину или по 3/4 куб. саж. на человѣка, а нѣкоторыя болѣе ловкія и дружныя въ работѣ артели вырабатываютъ по 0,8 куб. с. въ день на 1 человѣка. „Эта работа“, продолжаетъ г. Боголюбскій, „по исчисленію, составленному на основаніи научнаго источника [5]) не представляетъ чрезмѣрной затраты рабочей силы и не превосходитъ обыкновенной работы здороваго человѣка“.

Вычисленія г. Боголюбскаго требуютъ многихъ поясненій и оговорокъ. Во первыхъ, г. Боголюбскій (судя по даннымъ промысловъ В. И. Базилевскаго за 11 л.) принялъ слишкомъ высокій процентъ рабочихъ (60%), занятыхъ вскрышею

---

[1]) Лошадей и орудія труда отрядные рабочіе получаютъ отъ хозяевъ.

[2]) Цифра эта вѣроятно нѣсколько велика, по крайней мѣрѣ на промыслахъ В. И. Базилевскаго за 11 л. (1877 — 87 гг.) поденщины на торфахъ и на пескахъ составляли 46% всего числа рабочихъ поденщинъ, не считая больныхъ и льготныхъ. „Статист. по золот. пріиск. В. И. Базилевскаго“, рукопись, сообщенная Л. Ѳ. Пантелѣевымъ.

[3]) Окружной инженеръ южно-енисейскаго округа въ отчетахъ за 1889 и 90 гг. также считаетъ операціонный годъ 190 дней рабочихъ и 20 дней льготныхъ.

[4]) Для копанія земли изъ рвовъ, глубиною до 2 арш. и шириною не менѣе 2 арш. съ выбрасываніемъ или накладываніемъ прямо на тачки на кубическую сажень полагается землекоповъ 1,5—2 чел. „Урочное положеніе для строит. работъ“, изд. *Н. К. Мартынова*. Спб. 1897 г., стр. 16.

[5]) Авторъ ссылается на сочиненіе *Недзялковскаго* „Собраніе таблицъ и формулъ“.

торфовъ, добычею и промывкою песковъ: на промыслахъ Базилевскаго эти работы требуютъ 46% всѣхъ поденщинъ, не считая больныхъ и льготныхъ. А если мы уменьшимъ число поденщинъ на этихъ работахъ въ такой пропорціи, то выработка одной поденщины соотвѣтственно возрастетъ и дойдетъ до 0,96 куб. с. въ южной части Енисейскаго округа и до 0,74 въ сѣверной части Енисейскаго округа [1]). Затѣмъ нужно помнить, что возчики не болѣе половины своего времени или даже менѣе отдаютъ собственно земляной работѣ, а въ остальное время сопровождаютъ лошадей [2]), и слѣдовательно забойщику приходится добыть гораздо болѣе вычисленнаго г. Боголюбскимъ средняго количества земли. Наконецъ, нужно обратить вниманіе на то, что далеко не всѣ горныя пріисковыя работы производятся съ помощію лошадей; во многихъ контрактахъ 70-хъ и 80-хъ гг. наряду съ конною силою при отвозкѣ торфовъ и песковъ упоминается о ручной откаткѣ, что же касается золотничниковъ, то среди нихъ ручная откатка преобладаетъ, а между тѣмъ весьма большой процентъ пріисковъ Енисейскаго округа разрабатывается золотничниками. Это обстоятельство значительно измѣняетъ дѣло. Изъ контрактовъ мы видѣли, что урокъ на торфахъ въ $1^1/_2$ куб. с. на 2 человѣкъ при 1 лошади сталъ появляться въ 70-хъ гг. (въ 60-хъ гг. урокомъ считалась 1 к. с., а $^1/_4$ или $^1/_2$ к. с. обыкновенно добывалось за повышенное вознагражденіе), а въ нѣкоторыхъ договорахъ дошелъ въ 1891 г. и до 2 с., при ручной же откаткѣ въ началѣ 70-хъ гг. назначался урокъ въ 1 куб. с. на 4 человѣка, а въ 1891 г. мѣстами на 2 человѣкъ. Слѣдовательно—максимальный урокъ 1 куб. с. на торфахъ на 1 человѣка и $^1/_2$ лошади при конной отвозкѣ или $^1/_2$ с. на 1 человѣка при ручной откаткѣ. Когда г. Боголюбскій получаетъ средній урокъ въ $^3/_4$ с. на 1 человѣка для всей южно-енисейской системы, то, при значительномъ количествѣ золотничниковъ, очевидно, что этотъ урокъ приближается къ максимальному, какъ его опредѣляютъ по договорамъ золотопромышленники. Важную роль при опредѣленіи размѣровъ уроковъ играетъ также промерзаніе почвы, и мы видѣли, что урокъ въ осенніе мѣсяцы бываетъ обыкновенно меньше, чѣмъ въ лѣтніе. Этимъ отчасти можетъ объясняться и то, что средняя выработка въ сѣверно-енисейской системѣ менѣе, чѣмъ въ южной. Наконецъ, имѣетъ значеніе большая или меньшая дальность откатки. Все это не позволяетъ признать правильнымъ выводъ г. Боголюбскаго ни относительно размѣра дневной выработки, ни относительно необременительности горныхъ работъ.

По свидѣтельству енисейскихъ золотопромышленниковъ въ запискѣ, поданной г. директору горнаго департамента въ 1892 г., „въ общемъ средняя величина выработки земли на 2 рабочихъ при 1 лошади колеблется между $^3/_4$ [3]) и 2 куб. с. въ день. „Выработка эта“, продолжаютъ золотопромышленники, „не составляетъ maximum'а напряженія физическихъ силъ рабочаго, что наглядно и подтверждается тѣмъ, что такіе же рабочіе, но пришедшіе по волѣ для заработка на золотые промысла и получающіе плату съ выработанной куб. сажени земли“

[1]) На пріискахъ Кузнецова Алтайскаго и Минусинскаго округовъ поденщины на торфахъ и пескахъ составили 53,7%, принимая во вниманіе больныя и льготныя поденщины“. „Отч. общ. врач. Енис. губ. за 1891—92 г.“, стр. 103.

[2]) Ср. докладъ Кузнецова, ibid., стр. 102.

[3]) Очевидно при мерзлой почвѣ.

(т.-е. отрядные) „при совершенно одинаковыхъ съ общеконтрактными условіяхъ [1]) вырабатываютъ въ день отъ $1^3/_4$ до $2^1/_2$ куб. с. (т.-е. на 2 человѣкъ при 1 лошади [2]). Но такая выработка не можетъ считаться среднею нормою для цѣлаго года.

Приведемъ еще данныя относительно промысловъ Базилевскаго сѣверно-енисейскаго округа за 1877—87 гг.: въ 11 лѣтъ было добыто 139.798 куб. саж. торфа въ 221.691 людскихъ поденщинъ; слѣдовательно, среднимъ числомъ на каждую сажень нужно было 1,58 людскихъ поденщинъ (и 0,59 лошадиныхъ поденщинъ), т.-е. 1 человѣкъ съ помощію лошадиной силы добывалъ и отвозилъ въ отвалъ въ день 0,63 куб. саж. торфа (процентъ ручной работы на этихъ промыслахъ не великъ: всего 3% торфа было добыто при отвозкѣ на тачкахъ [3]). Нужно помнить, что при опредѣленіи средней добычи торфа принимается во вниманіе и осенняя выработка на мерзлыхъ торфахъ.

Что касается добычи и *промывки* песковъ, то на промыслахъ Базилевскаго сѣверно-енисейскаго округа въ 1877—87 гг. на производство такой работы для 1 куб. сажени требовалось въ среднемъ 2,6 человѣка и 1 лошадь [4]).

Уроки на ортовыхъ работахъ указываются въ слѣдующихъ размѣрахъ въ извѣстныхъ намъ контрактахъ Енисейскаго округа. По договору Черныхъ (1870 г., юж.-енис. сист.) урокъ на ортовыхъ работахъ назначенъ слѣдующій: въ каждую орту опредѣлялись 2 человѣка, т.-е. забойщикъ и откатчикъ, которые, разработывая орты вышиною по толщинѣ золотосодержащаго пласта, но не менѣе, какъ до 3 арш., а шириною въ $3^1/_2$ арш., должны были добыть и выкатать песковъ „погону не менѣе 6 четвертей въ каждомъ забоѣ ежедневно“ (т.-е. $15^3/_4$ куб. арш. или болѣе $^1/_2$ к. с. на двоихъ, т.-е. почти по 8 куб. арш. на каждаго, и раскрѣплять орты приготовленнымъ лѣсомъ. По договору съ К° Ячменева и Хотимскаго (1871 г., юж. енис. окр.) 2 человѣка, забойщикъ и откатчикъ на тачкѣ, должны были вырабатывать въ ортахъ $^1/_2$ куб. с. и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпить орты и ставить стойки и подхваты. По договору съ Асташевымъ (1870 г.) при подземныхъ работахъ рабочіе должны были вырабатывать въ смѣну „съ каждой погонной сажени по длинѣ ортъ по 1 арш. съ поставкою 3 стоекъ или огнивъ съ выкаткою песковъ на указанное мѣсто.“ По договору съ Сѣкистовымъ (1891 г., сѣв. част. енис. окр.) рабочіе на пріискѣ Вознаграждающемъ на 2 забойщиковъ и 1 возчика при $4^1/_2$ арш. ширины и $2^3/_4$ вышины, добывали погону 6 четвертей (т.-е. всѣ около $^2/_3$ куб. с.). Уроки на подземныхъ работахъ были въ Енисейскомъ округѣ больше, чѣмъ въ Олекминскомъ.

---

[1]) Это несправедливо: пища отрядныхъ нѣсколько лучше, — они получаютъ болѣе мяса.

[2]) Дѣло отд. част. золотопр. гор. деп. по состав. проект. правилъ о наймѣ рабочихъ.

[3]) По отдѣльнымъ годамъ были слѣдующія колебанія: отъ 0,73 до 1,78 чел. на 1 куб. саж. торфа и отъ 0,47 до 0,68 лошади на 1 куб. саж. торфа въ день

[4]) „Статистика по золотымъ промысламъ В. И. Базилевскаго“, рукопись, сообщенная Л. Ѳ. Пантелѣевымъ.

Относительно недоработки уроковъ на торфахъ и пескахъ рабочіе или обязывались въ контрактахъ отработать на другой день сверхъ слѣдующаго урока, или еще сверхъ того рабочій лишался платы за недоработанное количество [1]). По договору К° Кузнецова и Щеголевыхъ рабочіе, лишаясь платы за недоработку урока, обязуются исполнить ее на другой день сверхъ урока или подвергаются вычету вдвое противъ слѣдующей имъ платы; но недоработку, происшедшую вслѣдствіе причинъ, отъ нихъ независящихъ, въ вину имъ ставить не слѣдовало. По контрактамъ золотопромышленника Харченко (1882 г.) и Кытманова (1884 г., сѣв.-енис. окр.) въ случаяхъ недоработки на торфахъ или пескахъ дневной заработокъ уменьшался на $^1/_2$. По контракту съ Асташевымъ (1887 г., юж.-енис. окр.) за невыработку уроковъ „виновные лишаются полной назначенной имъ за выработку поденной платы, а разсчитываются изъ оклада 3 р. въ мѣсяцъ". Отрядные рабочіе, нанявшіеся для вскрытія торфа на пріискъ Асташева въ 1875 г., выговорили, чтобы въ ненастную погоду вычета за недоработку урока съ нихъ не дѣлали. Впрочемъ, г. Уманьскій утверждаетъ, что условія контрактовъ объ отработкѣ на другой день недоработанныхъ уроковъ не выполнялись. По его словамъ, „на пріискахъ принято" что „всякій день отвѣчаетъ за себя", такъ какъ плата вписывается поденно, и никогда не заставляютъ рабочихъ отработывать на другой день недоработанное сегодня, потому что это было бы нарушеніемъ обычнаго права", а видимое и рѣзкое нарушеніе этого права „влечетъ за собою со стороны рабочихъ глухой протестъ, выражающійся въ упорно дурной работѣ скопомъ, что иногда заставляетъ компанію сдѣлать уступку, и во всякомъ случаѣ возбуждаетъ опасеніе вызвать подобный протестъ (стр. 79)".

Общія старательскія работы, составляющія продолженіе урочныхъ работъ, которыя были прежде добровольными, въ 60-хъ гг. на громадномъ большинствѣ пріисковъ сдѣлались обязательными и слились съ урочными работами. О такомъ сліяніи упоминается и въ нѣкоторыхъ контрактахъ (какъ это мы видѣли и въ договорахъ конца 60-хъ годовъ [2])".

Въ разсматриваемый періодъ мы не встрѣтили уже ни одного контракта Енисейскаго округа (не исключая и договоровъ съ отрядными рабочими и ремесленниками), по которому праздничная работа была бы необязательною, и о прежнемъ существованіи праздничныхъ старательскихъ работъ напоминаетъ только повышенная плата въ праздничные дни. Къ тому же въ законѣ 1870 г. не было указано

[1]) По контрактамъ Асташева (1870 и 75 гг.) рабочіе лишались за недоработку въ будни старательской платы.

[2]) Напр. въ контрактахъ съ Базилевскимъ 1870 и 75 гг. и въ контрактѣ съ Вострогинымъ 1881 г.; послѣдній см. въ „Устояхъ" 1882 г. № 12, стр. 27.

дней, въ которыхъ не должно было производиться работъ, тогда какъ по закону 1838 г. въ контрактахъ не должно было заключать обязательства работать въ воскресные и „торжественные“ дни. Въ 60-хъ гг. сліяніе старательскихъ работъ съ прежними урочными выразилось въ прибавкѣ къ прежней обязательной куб. сажени еще $^1/_4$ или $^1/_2$ куб. с. Намекъ на эти полуторные уроки мы встрѣчаемъ въ контрактѣ съ Асташевымъ (1870 г.) по которому рабочіе обязывались „сверхъ опредѣленной выше... старательской, т.-е. *полуторной* работы, никакихъ другихъ стараній не требовать, если само управленіе не сочтетъ для себя полезнымъ гдѣ-либо по мѣстнымъ удобствамъ допустить ихъ“; а въ договорѣ съ К° Жилля, Иваницкаго и Потапова (1888 г., сѣв. част. енис. окр.) установленъ обязательный въ будни и праздники „старательскій“ урокъ въ $^1/_4$ саж. или пѣсковъ по 10 таратаекъ къ хозяйскому уроку на двоихъ съ 1 лошадью—зимою въ 1 куб. с. на торфахъ, а лѣтомъ въ $1^1/_4$ куб. с. на торфахъ и пескахъ.

Послѣ того, какъ бывшія старательскія работы окончательно слились съ прежними „хозяйскими“, нѣкоторыми контрактами допускались по окончаніи такихъ, уже значительно увеличенныхъ, уроковъ необязательныя „старанія“. Такъ въ договорѣ 1870 г. съ К° Кузнецова и Щеголевыхъ южно-енисейскаго округа сказано: „когда сверхъ урочныхъ работъ пожелаемъ мы стараться на торфахъ или пескахъ въ будничные или праздничные дни послѣ окончанія обязательныхъ... урочныхъ выработокъ, то за выработанную такимъ образомъ кубическую сажень торфовъ и песковъ съ промывкою послѣднихъ компанія должна платить“, какъ въ праздничные дни. Въ 1871 г. управляющій промыслами К° Малевинскаго предложилъ главной конторѣ, во избѣжаніе накопленія долговъ за рабочими, дозволить: 1) вольное стараніе на золотѣ и 2) вскрытіе торфа изъ отрядной платы въ случаѣ надобности вмѣстѣ съ отрядными рабочими. И то, и другое было разрѣшено [1]). Но иногда золотопромышленникъ предоставлялъ себѣ право *требовать* работы въ усиленномъ размѣрѣ. Такъ напр. по договору золотопромышленника Харченко (1882 г., сѣв.-енис. окр.) были установлены слѣдующіе уроки на торфахъ: до 10 мая на торфахъ талыхъ и мерзлыхъ 2 человѣка при 1 лошади должны были выработать 1 куб. с., а съ 15 мая $1^1/_2$ куб. с. Хотя это урокъ весьма значительный, но въ договорѣ сказано было слѣдующее: „если управленіе выгоднымъ найдетъ производить выработку торфовъ въ увеличенномъ количествѣ, то каждый изъ наемниковъ таковое распоряженіе обязанъ принять безпрекословно на слѣдующихъ основаніяхъ, а именно: каждые 2 чело-

[1]) Арх. В. И. Базилевскаго въ Енисейскѣ, операція 1870 — 71 г., дѣло по описи № 11.

вѣка при 1 лошади обязаны выработать каждодневно въ будни и праздники по 2 (!) куб. с., изъ которыхъ 1 должна считаться хозяйскою, а другая" старательскою и оплачиваться повышенною платою. „Помянутыя въ семъ пунктѣ работы называются отрядными, а потому и должны производиться артелями, количество которыхъ опредѣляется управленіемъ, а также управленію предоставляется право назначенія людей по своему выбору; отказываться же никто не имѣетъ права, а также и настоятельно требовать въ оную назначенія". Обыкновенно такими отрядными работами занимаются особыя артели рабочихъ, приходящія въ тайгу и заключающія контракты на вскрышу торфа; установленіе же подобныхъ артелей отрядныхъ рабочихъ по желанію пріисковаго управленія мы встрѣтили въ Енисейскомъ округѣ только въ контрактѣ Харченко.

Переходя къ вопросу о вознагражденіи за трудъ пріисковыхъ рабочихъ, мы остановимся прежде всего на мѣсячномъ жалованьи. Въ 60-ые годы мѣсячное вознагражденіе для горныхъ рабочихъ было въ обычаѣ лишь въ зимнюю операцію. Теперь, послѣ того, какъ прежнія старательскія работы окончательно слились съ „хозяйскими", мы встрѣчаемъ мѣсячное жалованье и для горнорабочихъ.

По контракту съ К° Хотимскаго и Ячменева (1871 г., южн.-енис. окр.) они должны были получать съ 10 сентября по 1 мая 7 р., а съ 1 мая по 10 сентября не менѣе 15 р. въ мѣсяцъ. По договору 1872 г. съ Игн. Кытмановымъ (сѣв.-енис. окр.) забойщики должны были получать 20 р., возчики песковъ и турфовые вообще, „какъ и при другихъ занятіяхъ", отъ 15 до 18 р. съ начала промывки песковъ, а зимою 8—10 р. въ мѣсяцъ. По договору съ тѣмъ же Кытмановымъ 1884 г., жалованье горнорабочихъ нѣсколько выше: до 10 мая за вскрышу торфовъ они должны были получать 10—12 р. въ мѣсяцъ, а съ 10 мая по 1 октября забойщикамъ, свальщикамъ и промывальщикамъ полагалось 20—22 р. [1]), возчикамъ 18—19 р. въ мѣсяцъ, люковщикамъ и пробщикамъ 17—18 р., галечнымъ и эфельнымъ 14—16 р. По договору съ Харченко (1882 г., сѣв.-енис. окр.) плата нѣсколько менѣе: до 10 мая рабочіе на торфахъ должны были получать 8—12 р., а съ 15 мая до 1 октября на торфахъ забойщикъ 17—18 р., возчики 16—17 р. а на пескахъ забойщики 18—20 р., возчики 17—18 р., при отвозѣ гальки и эфеля 14—16 р. По договору съ К° Базилевскаго и Малевинскаго (1878 г. сѣв. енис. окр.) рабочіе зимою до 1 апрѣля должны были получать 6—10 р. въ мѣсяцъ, съ апрѣля до промывки 10—15 р., а затѣмъ на торфахъ и пескахъ поденную плату. Въ договорахъ Асташева 1870 и 87 гг. при обозначеніи мѣсячной платы указано, что мѣсяцъ долженъ былъ считаться въ 30 рабочихъ дней.

На ортовыхъ (подземныхъ) работахъ по договору Черныхъ (1870 г., южн.-енис. окр.) до открытія промывки забойщики и откатчики песковъ изъ ортъ должны были получать по 7 р. въ мѣсяцъ. По договору Дрямина (1890 г.) на пріискѣ Вознаграждающемъ (сѣв.-енис. окр.) рабочимъ за ортовую работу пола-

[1]) Въ подписяхъ къ договору съ Кытмановымъ (1885 г.) встрѣчаемъ также плату въ 23 и 25 р.

галось съ 1 октября по 1 мая 8—12 р. въ мѣсяцъ, а съ 1 мая по 1 октября отъ 12 р. до 20 р. 50 к. по разрядамъ, опредѣленіе которыхъ должно было зависѣть отъ управленія, смотря „по работѣ и усердію къ ней“. Въ 1891 г. пріискъ этотъ принадлежалъ Сѣкистову, и по контракту съ нимъ рабочіе должны были получать въ зимнюю операцію 10—12 р., а въ лѣтнюю 15—23 р. По словамъ хозяина пріиска, забойщики получали лѣтомъ 22—25 р., возчики около 22 р.

Въ шурфовыхъ и поисковыхъ партіяхъ по договору съ К° Кузнецова и Щеголевыхъ (1870 г., юж. енис. окр.) назначена была рабочимъ плата, „по усмотрѣнію компаніи“, отъ 15 до 25 р. въ мѣсяцъ „съ тѣмъ, что за эту плату они обязаны работать непремѣнно дни мѣсяца будничные и праздничные и никакой особой платы за праздничные дни, равно какъ никакого старанія не требовать“. По договору съ Асташевымъ (1875 г., южн.-енис. окр.) рабочіе въ развѣдочныхъ и поисковыхъ партіяхъ въ зимніе и осенніе мѣсяцы должны были получать плату по 6 р., а въ весенніе и лѣтніе 15—20 р., „включая въ то число и праздничные дни“, въ которые они должны были работать обязательно, не требуя повышенной платы. На пріискахъ Базилевскаго и Малевинскаго (въ сѣверной части енис. окр.) въ операцію 1874—75 г. въ развѣдкахъ было назначено мѣсячное жалованье рабочимъ 7—10 р. Такое же жалованье полагалось въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ въ лѣтнее время по договору 1888 г. съ К° Иваницкаго, Жилля и Потапова (южн. енис. окр.).

Въ нѣкоторыхъ контрактахъ горнорабочіе не выдѣляются изъ числа другихъ рабочихъ, и при томъ указывается лишь въ общихъ чертахъ maximum и minimum платы рабочимъ. Такъ по договору съ К° Базилевскаго и Черемныхъ (1890 г., южн. енис. окр.) рабочіе „за общую работу“ съ 1 октября по 1 мая должны были получать отъ 8 до 15 р. въ мѣсяцъ, „смотря по усердію и старанію“, а съ 1 мая по 1 октября отъ 13 р. 50 к. до 24 р., „по 8 разрядамъ, опредѣленіе коихъ вполнѣ должно зависѣть отъ управленія по работѣ и усердію къ ней. Въ случаѣ, если кто выговоритъ особую плату, то должно быть оговорено при подписи.“ По договору же съ Базилевскимъ 1891 г., при наймѣ на его промысла сѣверно-енисейскаго округа, опредѣлена плата зимою отъ 9 до 14 р., а лѣтомъ отъ 12 до 22 р. въ мѣсяцъ. Такое неопредѣленное назначеніе рабочей платы въ контрактѣ очевидно слишкомъ мало гарантируетъ интересы рабочихъ и оставляетъ большой просторъ произволу пріисковаго управленія.

Въ отчетахъ горныхъ исправниковъ мы находимъ данныя о мѣсячномъ жалованіи „чернорабочихъ“, подъ которыми, очевидно, разумѣются горнорабочіе. Въ южно-енисейскомъ округѣ, по отчету 1880 г., они получали зимою 6 — 9 р., а лѣтомъ, т.-е. со времени промывки, 9—24 р.; по отчетамъ 1883—85 гг., зимою 7—14 р., а лѣтомъ „въ будни отъ 15 до 25 р., въ праздники отъ 30 до 45 р.“, т.-е. это означаетъ, что за 30 будничныхъ дней рабочіе получали отъ 15 до 25 р., а въ праздничные дни повышенную плату отъ 1 р. до 1 р. 50 к. въ день. По отчету 1888 г., чернорабочіе получали зимою 6—10 р., лѣтомъ 12—22 р., по отчету 1889 г., зимою 8—10, лѣтомъ 15—22 р., по отчету 1890 г., „средняя заработная плата“ чернорабочихъ зимою 8—10 р., лѣтомъ 18—22 р. Въ сѣверно-енисейскомъ округѣ, по отчетамъ горнаго исправника за 1881—82 гг., чернорабочіе получали въ мѣсяцъ платы отъ 8 до 30 рублей. По даннымъ за 1891 г., рабочіе получали

зимою въ обѣихъ частяхъ Енисейскаго округа 8—10 р., а лѣтомъ въ сѣверной части 18—27 р., а въ южной 15—22 р. мѣсячнаго жалованья. „Вольные рабочіе", т.-е. вѣроятно отрядные, нанимавшіеся преимущественно на вскрышу торфа, получали въ сѣверно-енисейскомъ округѣ отъ 20 до 25 р. и рѣдко до 28 р. По свидѣтельству окружного инженера южноенисейскаго округа, рабочіе получаютъ тамъ мѣсячное жалованье (лѣтомъ?) отъ 18 до 25 р., а въ сѣверно-енисейскомъ округѣ, по словамъ г. Внуковскаго, зимою 8—12 р. въ мѣсяцъ, лѣтомъ 18—25 р. [1])

Въ 80-хъ годахъ, по свидѣтельству г. Уманьскаго, лѣтнее жалованье конюхамъ, забойщикамъ и подкатчикамъ доходило до 22 р. въ мѣсяцъ, а на крупныхъ пріискахъ до 24 р., возчикамъ и различнымъ чернорабочимъ 15—18 р., весною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ рабочіе первой категоріи получали 12 р., второй 8 р. Для средняго рабочаго, какимъ г. Уманьскій считаетъ подкатчика, наиболѣе обычная мѣсячная плата была весною 10 р., лѣтомъ 21 р. (мѣсяцъ считали въ 30 рабочихъ дней). По словамъ г. Чудновскаго, среднее жалованье забойщика въ мѣсяцъ въ лѣтнее время на торфахъ 19—20 р., возчика 17—18 р., на пескахъ же забойщикъ получалъ 22—24 р,, возчикъ 18—19 р., другіе рабочіе 15—18 р. [2])

Мѣстный золотопромышленникъ г. Саввиныхъ, сравнивая вознагражденіе за трудъ въ 50-хъ и 80-хъ годахъ, говоритъ: „какъ могъ быть довольнымъ своимъ положеніемъ въ то время (въ первой половинѣ 50-хъ годовъ) рабочій на пріискахъ, когда онъ получалъ зимой и лѣтомъ плату отъ 3 до 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ? Есть ли что-нибудь схожее въ положеніи, прежняго рабочаго съ положеніемъ нынѣшняго получающаго въ мѣсяцъ зимой отъ 9 до 15 р. и лѣтомъ отъ 18 до 34 р.?-[3]) Но дѣло въ томъ, что хотя, какъ мы увидимъ, *легальные* заработки рабочаго въ настоящее время выше, чѣмъ въ 50-ые года (нелегальные, похищеніе золота, нужно думать, сильно уменьшились съ истощеніемъ пріисковъ Енисейскаго округа), но во всякомъ случаѣ не въ такой степени, какъ это можно думать на основаніи размѣровъ жалованья, указанныхъ г. Саввиныхъ. Онъ не поясняетъ, что прежнее жалованье 3 р—4 р. 50 к. въ мѣсяцъ представляло лишь вознагражденіе за такъ называемую хозяйскую или урочную работу, и оно дополнялось гораздо болѣе значительнымъ вознагражденіемъ за старательскій трудъ; а жа-

---

[1]) „Вѣстн. Золот." 1892 г. № 16, стр. 225 и ст. г. *Ячевскаго* въ „Горномъ Журналѣ" 1892 г., августъ—сентябрь; „Вѣст. Золот." 1893 г. № 15, стр. 247; 1896 г. № 7, стр. 149.

[2]) *Уманьскій* стр. 69—70; *С. Чудновскій.* „Енисейская губернія", Т. 1885 г. стр, 108; ср. „Сибирь" 1878 г. № 36, стр. 5, 1881 г. № 29, стр. 5, „Сибирская Газета" 1883 г. № 2, стр. 43.

[3]) „Сибир. Вѣст." 1890 г. № 66.

лованье, указываемое г. Саввиныхъ для настоящаго времени, заключаетъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, относительно чернорабочихъ, и прежнюю старательскую плату [1]).

Относительно мѣсячнаго жалованья мастеровыхъ и, такъ называемыхъ, разночинцевъ мы имѣемъ свѣдѣнія, во-первыхъ, въ контрактахъ, а во-вторыхъ, въ особыхъ „окладахъ“ или „назначеніяхъ“ относительно вознагражденія на томъ ими другомъ пріискѣ. Въ контрактахъ очень часто опредѣлялось жалованье только въ зимнее время, а относительно лѣта указывалась лишь прибавляемая къ этому мѣсячному жалованью старательская плата.

Такъ по договору съ Базилевскимъ 1870 г. опредѣлено, что за производство ремесленныхъ работъ и конюхамъ назначеніе платы зависитъ отъ управленія, и затѣмъ указано назначенное имъ вознагражденіе въ зимніе мѣсяцы отъ 6 до 12 р., съ открытія же промывки по усмотрѣнію управленія прибавляется еще такъ называемая старательская плата. По контрактамъ 70-хъ годовъ на нѣсколькихъ промыслахъ Енисейскаго округа зимнее вознагражденіе мастеровымъ и разночинцамъ было почти совершенно одинаково: кузнецамъ 8—12 р., плотникамъ и столярамъ 7—12 р., хлѣбопекамъ 8—12 р. На пріискахъ Базилевскаго (Маріинскомъ, Константиновскомъ и Татьянинскомъ сѣв.-енис. окр.) въ 1871 г. весною съ 1 апрѣля до начала промывки рабочіе по „назначеніямъ платы“ получали повышенный сравнительно съ зимою мѣсячный окладъ: кузнецы 15—20 р., плотники 12—17 р., молотобойцы 10—12 р., хлѣбопеки 10—18 р., кашевары 10—12 р., конюхи 10 — 15 р. Въ лѣтнее время въ 1871 г. отъ начала промывки до 11 сентября на Маріинскомъ пріискѣ Базилевскаго одни рабочіе получали такую же или почти

---

[1]) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ контрактахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ можно встрѣтить прежнее ничтожное мѣсячное жалованье, которое дополнялось въ такихъ случаяхъ особымъ добавочнымъ вознагражденіемъ. Такъ по контракту съ Асташевымъ 1870 г. назначено было чернорабочимъ зимою до открытія промывки золота жалованье по 3 р. въ мѣсяцъ, какими бы работами они ни занимались, а съ начала промывки было назначено *сверхъ того* за выполненіе опредѣленныхъ уроковъ поденная и праздничная плата. Разница прежней и новой системы наглядно видна изъ разсчетныхъ книгъ Асташева: такъ въ разсчетной книгѣ по Сергіевскому пріиску 1870—71 г. мы встрѣчаемъ чаще всего мѣсячное жалованье отъ 3 р. до 7 р. 50 к. и лишь изрѣдка болѣе—12—18 р., но за то находимъ еще значительный заработокъ на старательскихъ работахъ, который въ суммѣ для всѣхъ рабочихъ почти равнялся мѣсячной платѣ. Напротивъ, въ разсчетной книгѣ 1881 г. по управленію Гудкова совсѣмъ не встрѣчаемъ трехрублеваго жалованья, а находимъ оклады въ 6—30 р., но за то совсѣмъ отсутствуютъ старательскіе заработки. По договору съ К° Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г. юж. енис. окр.) сверхъ „хозяйскихъ“ уроковъ назначены были еще „старательскіе уроки“ на торфахъ и пескахъ (по 1/4 куб. с. торф. или по 10 таратаекъ песковъ), за которые для понужденія рабочихъ къ выработкѣ большихъ уроковъ и установлено было двойное вознагражденіе. „Чернорабочіе, состоящіе на земляныхъ урочныхъ работахъ“, сказано въ этомъ контрактѣ, „за исполненіе хозяйскихъ уроковъ получаютъ въ мѣсяцъ съ 1 мая по 1 октября по 3 р. 15 к., съ 1 октября по 1 мая 4 р.“, считая 30 будничъ дней труда, а за „старательскія работы“ производится особая повышенная плата съ сажени или поденно.

такую же мѣсячную плату, но съ прибавленіемъ повышенной поденной платы въ праздники (1 р.—2 р. 50 к.) или нѣсколько повышенное мѣсячное жалованье (напр. сторожа весною 10—12 р., а лѣтомъ 18 р.), но уже безъ старательской платы; на пріискахъ же Константиновскомъ и Татьянинскомъ „разночинцы“ и ремесленники получали поденную плату (въ праздники повышеннаго размѣра). На Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева и Дополнительномъ къ нему участкѣ разночинцы и ремесленники получали въ 1872 г. слѣдующее мѣсячное жалованье: кузнецы зимою 9—25 р., лѣтомъ 14—25 р., слесарь весь годъ по 25 р., плотники зимою 7—12 р., лѣтомъ 13—25 р., молотобойцы зимою 8—9 р., лѣтомъ 14—15 р., хлѣбопеки зимою 8—10 р., лѣтомъ 12—15 р., кашевары зимою 8, лѣтомъ 15 р., конюхи зимою 8 р., лѣтомъ 15—16 р., причемъ никакой старательской платы лѣтомъ не полагалось [1]).

По отчетамъ горнаго исправника южно-енисейскаго округа (а съ 1888 г. окружныхъ инженеровъ), жалованье мастеровымъ (плотникамъ, кузнецамъ, шорникамъ и пр.) равнялось въ 1880 г. зимою 9—16 р., лѣтомъ 12—26 р., въ 1883—85 гг. кузнецамъ зимою 14—20 р., лѣтомъ 20—30 р., плотникамъ зимою 10—20 р., лѣтомъ 19—30 р.; въ 1888—89 гг. кузнецамъ зимою 10—12 р., лѣтомъ 18—25 р., плотникамъ зимою 10—15 р., лѣтомъ 18—25 р. По отчетамъ исправника сѣверно-енисейскаго округа, въ 1881 г. кузнецы получали 10—30 р., плотники 10—23 р.; въ 1882 г. плотники 10 — 35 р. По свидѣтельству г. Ячевскаго (1891 г.) мастеровые—плотники и кузнецы, нанимавшіеся по особому контракту, получали жалованья отъ 25 р. до 40 р. По словамъ г. Внуковскаго, въ сѣверно-енисейскомъ округѣ мастеровые (плотники, кузнецы, шорники и др.) получаютъ 25—35 р. въ мѣсяцъ. [2]) Слѣдовательно, плата мастеровымъ за послѣднюю четверть вѣка несомнѣнно повысилась.

Мѣсячное жалованье женщинъ было, какъ и въ другихъ системахъ, ниже вознагражденія за мужской трудъ.

На Константиновскомъ пріискѣ Базилевскаго (сѣв.-енис. окр). въ 1871 г., стряпки получали съ 1 апрѣля по 11 сентября 3—6 р. (но стряпка управляющаго 13 р.), прислуга служащихъ и управляющаго 5—6 р., прачки 6 р. мукосѣйки и кусочницы по 3 р., на Татьянинскомъ и Преображенскомъ пріискахъ его же женщины получали въ 1871 г. въ апрѣлѣ 3—6 р., а затѣмъ лѣтомъ поденную плату, кромѣ стряпокъ, которыя получали 4—10 р. въ мѣсяцъ. Зимою 1874—75 г. на пріискахъ Малевинскаго (сѣв. енис. окр.) женщинамъ платили 3—8 р. въ мѣсяцъ. На Петропавловскомъ пріискѣ Кытманова женщины получали въ 1882—83 г.: зимою 3—6 р., лѣтомъ 5—18 р. въ мѣсяцъ. На Прокопьевскомъ промыслѣ и Дополни-

---

[1]) По нѣкоторымъ контрактамъ назначеніе мѣсячнаго жалованья нѣкоторыхъ разрядовъ рабочихъ предоставлялось усмотрѣнію промысловаго управленія; по контракту съ К° Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г. южн. енис. окр.) разночинцамъ, а по договору съ Востротинымъ (1880 г. сѣв.-енис. окр.) ремесленникамъ и конюхамъ.

[2]) „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 7; стр. 149.

тельномъ къ нему участкѣ Асташева мѣсячное жалованье женщинъ въ 1872 г. равнялось зимою 4—6 р., лѣтомъ 6 р. По отчетамъ горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа женщины получали въ 1881 г. 3—18 р., въ 1882 г. 3—15 р. въ мѣсяцъ; въ южно-енисейскомъ округѣ, по отчетамъ исправника, въ 1884—85 гг. зимою 3—8 р., лѣтомъ 6—18 р., въ 1888—89 гг. зимою 3—5 р., лѣтомъ 7—15 р.

Что касается вознагражденія несовершеннолѣтнимъ, то на пріискахъ Базилевскаго (сѣв.-енис. окр.) въ 1872—73 гг., мальчики получали, смотря по возрасту, 3—6 р., а на Петропавловскомъ пріискѣ Кытманова (сѣв.-енис. окр.) несовершеннолѣтнимъ платили лѣтомъ 1873 г. 15—17 р. въ мѣсяцъ. Вообще, по отчетамъ горныхъ исправниковъ въ сѣверно-енисейскомъ округѣ, несовершеннолѣтніе получали въ 1881—82 гг. 3—18 р., а въ южноенисейскомъ въ 1883—85 гг. лѣтомъ 9—18 р., въ 1889 г. 9—12 р.

Кромѣ общеконтрактныхъ, на пріискахъ бываютъ окладные и отрядные рабочіе, приходящіе въ тайгу въ началѣ мая на собственный счетъ и нанимающіеся на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Окладные получали въ 80-хъ годахъ жалованья отъ 25 до 35 р. въ мѣсяцъ, и оно выдавалось помѣсячно, а не за 30 дней. [1]) Въ 1887 году вслѣдствіе счастливой операціи и обилія золота плата вольнымъ рабочимъ доходила до 40 р., за то въ предшествовавшемъ году они возвращались домой съ пустыми руками, не найдя работы на промыслахъ [2]).

Сравнительно съ 60-ми годами мѣсячное вознагражденіе рабочихъ сдѣлалось явленіемъ болѣе частымъ, напротивъ, вознагражденіе съ сажени добытаго торфа или добытаго и промытаго песка стало менѣе распространеннымъ; это находится несомнѣнно въ связи съ окончательнымъ соединеніемъ старательскихъ работъ съ „хозяйскими“. Тѣмъ не менѣе мы все-таки встрѣчаемъ въ контрактахъ Енисейскаго округа вознагражденіе съ куб. сажени.

Такъ, въ общемъ контрактѣ съ Фунтусовымъ (1870 г. сѣв.-енис. окр.) за вскрышу 1 куб. с. торфа съ откаткою въ отвалъ 2 рабочими назначено въ будни 1 р., въ праздники 2 р., при 1 лошади въ будни 80 к., въ праздники 1 р. 60 к. По договору Кытманова (1872 г. сѣв. енис. окр.) за вскрышу 1 куб. с. торфа съ откаткою на тачкахъ платили 2 рабочимъ въ будни 1 р., въ праздники 1 р. 50 к., а при 1 хозяйской лошади въ будни 80 к., въ праздники 1 р. Слѣдовательно, на каждаго человѣка приходилось въ будни 40—50 к., въ праздники 50—75 к. За добычу песковъ, вывозку на машину и промывку съ уборкой эфеля и гальки за каждую выработанную и промытую сажень въ будни 1 р. 20 к. на человѣка, а въ праздники и воскресенье плата неизвѣстна, такъ какъ въ контрактѣ оставлено пустое мѣсто, несмотря на то, что онъ былъ засвидѣтельствованъ волостнымъ правленіемъ. Такъ какъ по контракту 1870 г. для исполненія всѣхъ этихъ работъ

[1]) *Уманьскій*, стр. 111.

[2]) „Сиб. Вѣстн.“ 1887 г. № 94, стр. 3.

полагалось по 3 ч. на 1 к. с. въ день, то, слѣдовательно, рабочіе по контракту Кытманова 1872 г. на пескахъ могли заработать въ среднемъ лишь по 40 к.; размѣръ праздничнаго заработка неизвѣстенъ. По договору съ Асташевымъ (1870 г. сѣв.-енис. окр.) рабочіе за выработку 1 к. с. на двоихъ съ 1 хозяйскою лошадью должны были получать въ будни 60 к., въ праздники 1 р. 20 к. (т.-е. на человѣка въ будни по 30 к., въ праздники по 60 к.) за выработку въ будни болѣе сажени полагалась „старательская“ плата въ размѣрѣ праздничнаго вознагражденія по 1 р. 20 к. съ сажени.

Если мы припомнимъ данныя о вознагражденіи за добычу торфа въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 60-хъ годахъ, то увидимъ, что плата при конной отвозкѣ мало измѣнилась, при ручной же откаткѣ, хотя вознагражденіе съ *сажени* осталось почти то же, но за то урокъ, который назначался прежде на трехъ, стали давать на 2 человѣкъ, т. е., трудъ сталъ интензивнѣе, и, слѣдовательно, увеличеніе вознагражденія на каждаго работника сопровождалось увеличеніемъ напряженности работъ.

Оригинальное условіе, какъ было уже упомянуто, мы находимъ въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Харченко (1882 г., сѣв. енис. окр.). За выработку урока на торфахъ (до 10 мая по 1 куб. с. на 2 человѣкъ при 1 хозяйской лошади, а съ 15 мая по 1 октября по $1^1/_2$ куб. с. на торфахъ, а также при добычѣ и промывкѣ песковъ) рабочіе получали мѣсячное жалованье; но управленіе предоставляло себѣ право „производить выработку торфовъ въ увеличенномъ количествѣ“, а именно по 2 куб. с. на 2 человѣкъ при 1 лошади; при этомъ 1 с. должна была считаться хозяйскою, а другая старательскою, и за первую рабочіе должны были получать по 80 к., а за вторую по 1 р. 60 к., раздѣляя эту плату на обоихъ рабочихъ поровну, слѣдовательно, при такой работѣ робочіе могли получать по 1 р. 20 к. каждый въ день, но едва ли многіе могли вырабатывать по 1 куб. с. торфа на каждаго рабочаго и едва ли такое чрезмѣрное напряженіе силъ могло продолжаться долго.

Въ контрактѣ съ Вилямовскимъ (1870 г. южн.-енис. окр.) установлены весьма тяжелыя условія относительно вознагражденія за трудъ (какъ и относительно размѣра урока). За вскрышу 1 куб. сажени торфа *ручнымъ откатомъ* 2 рабочими платили въ будни 95 к., въ воскресенье и праздники 2 р.; за вскрышу 1 куб. с. на хозяйской лошади съ отвозкою въ отвалъ 2 рабочими *мерзлаго* торфа 80 к. въ будни и 1 р. 60 к. въ праздники, при чемъ мерзлымъ считался лишь тотъ торфъ, „когда мерзлота залегаетъ не менѣе $^3/_4$ арш. по стѣнѣ забоя“; за выработку 2 рабочими на 1 хозяйской лошади талаго торфа полагалась уже меньшая плата—50 к. въ будни и 1 р. 20 к. въ праздники съ сажени (за выработку сверхъ урока въ будни платили какъ въ праздники). Если же при 1 лошади на выработку 1 с. торфа потребуется болѣе 2 человѣкъ, то это считалось уже лѣностью, и въ такомъ случаѣ была назначена еще меньшая, никогда не встрѣчавшаяся намъ плата 40 к. съ сажени въ будни (въ праздники 1 р.). При промывкѣ песковъ на машинѣ 2 человѣка, считая въ томъ числѣ забойщика, возчика

и промывальщика, должны были получать за каждую добытую и промытую сажень 80 к. въ будни и 1 р. 60 к. въ праздники; за сверхъурочную выработку песковъ въ будни назначена была праздничная плата, но лишь въ томъ случаѣ, если на пару лошадей вырабатывалось не менѣе 1 лишней куб. с. По договору Черныхъ (1870 г. южн.-енис. окр.), рабочіе на Александровскомъ пріискѣ за вскрышу 1 к. с. на 2 человѣкъ при 1 лошади должны были получать 70 к., а за выработку сверхъ урока 1 р. 70 к. съ сажени, при чемъ о повышенной платѣ въ праздники не упомянуто.

По договору съ комп. Кузнецова и Шеголевыхъ (1870 г. южн.-енис. окр.) плата съ сажени производилась лишь въ праздничные дни (въ будни же полагалось мѣсячное жалованье), а именно, зимою и лѣтомъ за добычу и отвозку 1 к. с. торфа 2 рабочими при 1 лошади 2 р., а ручнымъ откатомъ 3 р.; лѣтомъ за 1 к. с. промытыхъ въ праздники песковъ по 3 р. съ сажени.

„Вскрыша турфовъ въ лѣтнее время", говоритъ г. Ячевскій, „производится обыкновенно урочными работами" (общеконтрактными рабочими), „осенью же и зимою чаще задѣльно, такъ называемыми турфовщиками". Плата такимъ отряднымъ рабочимъ, нанимавшимся почти исключительно для вскрыши торфа, иногда выше, по крайней мѣрѣ въ будни, чѣмъ общеконтрактнымъ, что отчасти объясняется большею трудностью работы осенью и весною сравнительно съ лѣтней работой. Иногда въ такихъ контрактахъ совершенно уничтожается различіе въ вознагражденіи между будними и праздничными днями. Въ контрактахъ съ отрядными рабочими, обыкновенно, также назначается minimum ежедневной выработки, но съ оговоркой о возможности большей выработки, иногда за повышенную плату, а не то прямо назначается задѣльная плата съ сажени.

По договору съ Асташевымъ „на отрядную вскрышу торфа" (1875 г., южн.-енис. окр.) 2 человѣка съ 1 хозяйскою лошадью обязывались вырабатывать *не менѣе* 1 куб. с. съ платою 1 р. 50 к. за 1 с., какъ въ будни, такъ и въ праздники. Въ договорѣ съ Асташевымъ 60-хъ годовъ (1862, 65, 67 гг.) плата на торфахъ отряднымъ рабочимъ колебалась отъ 80 к. до 1 р. съ сажени въ будни и отъ 1 р. 70 к. до 3 р. въ праздники (на 2 рабочихъ при 1 хозяйской лошади). Сравнительно съ этимъ вознагражденіемъ плата 1 р. 50 к. съ сажени въ будни и праздники, назначенная по договору 1875 г., конечно, выше. По этому послѣднему договору рабочіе должны были вскрывать торфъ съ 11 сентября „до того времени, пока не будетъ возможности работать по случаю мерзлоты". По договору съ Асташевымъ 1887 г. „отрядная вскрыша торфа" должна была производиться еще позднѣе—въ октябрѣ мѣсяцѣ, и потому вслѣдствіе болѣе трудной выработки въ осеннее время плата съ сажени въ будни и праздники назначена еще выше—по 2 р., но вслѣдствіе исполненія работы въ болѣе позднее время пришлось оговорить возможность выработки менѣе 1 к. с. на 2 человѣкъ съ хозяйскою лошадью (въ нижнемъ пластѣ торфа; въ ненастную же погоду даже $^1/_2$ саж. на 2 человѣка), слѣдовательно, дневной заработокъ каждаго рабочаго могъ быть и не выше, чѣмъ въ 1875 г.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа, по договору съ Базилевскимъ 1872 г., отрядные рабочіе должны были получать въ будни за сажень торфа при

конной отвозкѣ 70 к., а въ праздники и за выработку сверхъ урока въ будни по 1 р. 40 к.; по договору 1875 г. плата еще ниже,—65 к. въ будни и 1 р. 35 к. въ праздники. По контракту 1878 г. рабочіе, нанявшіеся для отрядныхъ работъ на вскрышу торфа, обязывались добывать на 2 человѣкъ при 1 лошади не менѣе $1^1{}_2$ к. с., причемъ и получали 1 р. за куб. сажень, а по договору съ тѣмъ же Базилевскимъ 1882 г., при ежедневномъ урокѣ отъ 1 до 2 к. с., назначено было вознагражденіе 1 р. 20 к. съ сажени безъ различія въ будни и праздники [1]). Въ 60-хъ годахъ по договорамъ съ тою же компаніей (тогда комп. Малевинскаго, 1866, 68 и 69 гг.) за 1 куб. с. платили въ будни 2 человѣкамъ при 1 лошади 80 к., въ праздники 1 р. 50 к.—1 р. 80 к. съ сажени. Плата 1878 г. почти та же, что и въ 60-хъ гг., но minimum урока съ 1 с. повысился до $1^1/_2$ куб. с. на 2 рабочихъ при 1 лошади, а по договору 1882 г. плата нѣсколько выше (если считать въ извѣстный періодъ времени, напр. въ мѣсяцъ), но также есть стремленіе натянуть размѣръ ежедневнаго урока до 2 с. въ день на 2 человѣкъ. Въ договорахъ съ Кытмановымъ 1872 и 1883 гг. удержано различіе вознагражденія въ будни и праздники: по договору 1872 г. послѣ 11 сентября рабочіе обязались вскрывать каждую куб. саж. торфа на 2 человѣкъ и 1 лошадь за плату 1 р. 50 к. въ будни и 3 р. въ праздники, а за выработку въ будни болѣе 1 с. назначена была „старательская“, т.-е. праздничная плата; по договору же 1883 г. рабочіе должны были получать меньшую плату по 1 р. въ будни и по 2 р. въ праздники съ сажени, и также за выработку въ будни болѣе 1 с. на 2 человѣкъ имъ давалась праздничная плата. Въ 60-хъ годахъ по договорамъ той же комп. (тогда Рязановыхъ или Рязановыхъ и Баландина, 1863, 65 и 67 гг.) отрядные рабочіе должны были получать за 1 с. торфа 1 р.—1 р. 40 к. въ будни и 2 р.—2 р. 40 к. въ праздники; слѣдовательно, въ 1872 г. плата была повышена сравнительно съ 60-ми годами, а въ 1883 г. понижена до minimum'а платы 60-хъ годовъ. Судя по свидѣтельству г. Уманьскаго, можно думать, что плата отряднымъ рабочимъ съ сажени во второй половинѣ 80-хъ гг. была вообще не выше, а скорѣе ниже, чѣмъ въ 60-хъ годахъ. „Обыкновеннно отрядные“, говоритъ г. Уманьскій, „обязываются по контракту при 2 людяхъ вывести въ день 1 куб. с. земли, за что получаютъ отъ 80 к. до 1 р., смотря по свойству почвы и разстоянію отвоза. За землю, вывезенную сверхъ обязательной сажени, что соотвѣтствуетъ прежнимъ общимъ старательскимъ работамъ, они получаютъ двойную плату, а за недовозъ дѣлается двойной вычетъ“. Въ 60-хъ годахъ средняя плата для отрядныхъ рабочихъ на торфахъ равнялась съ сажени 86 к. въ будни, но за то была повышенная плата въ праздники, о которой теперь г. Уманьскій не упоминаетъ, какъ о явленіи, по его словамъ, рѣдкомъ. Если однако г. Уманьскій утверждаетъ, что при такихъ условіяхъ отрядной сильный и ловкій рабочій могъ заработать въ мѣсяцъ отъ 35 до 40 р., то это могло быть достигнуто лишь страшною напряженностью труда; отрядные или рабочіе средней силы зарабатывали, по его словамъ, 25—30 р. въ мѣсяцъ [2]).

---

[1]) Г. Уманьскій указываетъ на это, какъ на явленіе весьма распространенное: „Прежде“, говоритъ онъ, воскресенья и праздники „работали съ увеличенною платою“, но теперь это почти вышло изъ моды“ (стр. 119).

[2]) Отличается отъ другихъ контрактовъ вознагражденіемъ за трудъ договоръ К° Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г. юж.-енис. окр.). Урочною работою считалась на двухъ при 1 лошади добыча торфа зимою 1 куб. с., лѣтомъ $1^1/_4$ к. с. (а при ручной откаткѣ 3 людьми) или добыча и отвозка на машину такого же количества песку; за исполненіе такого урока рабочіе получали мѣсячное жалованье 3 р. 15 к.—

По словамъ г. Внуковскаго, отрядные рабочіе сѣверно-енисейскаго округа зарабатываютъ теперь до 35 р. въ мѣсяцъ [1]).

Очень распространена была прежде на промыслахъ Енисейскаго округа поденная плата, обыкновеко неодинаковая, въ будни и въ праздники; она назначалось и горнымъ рабочимъ, и мастеровымъ, и разночинцамъ.

Весьма обычною была она на промыслахъ В. И. Базилевскаго. По договору съ нимъ (1870 г.), до открытія промывки горнорабочіе должны были получать на торфахъ въ будни по 10 к. [2]), въ праздники по 50 к.; при добычѣ и отвозкѣ песковъ забойщики, свальщики въ бочки и промывальщики 1-го разряда должны были получать въ будни по 40 к., а въ „старательскіе“ (т.-е., праздничные) дни по 1 р. 25 к.; возчики песковъ въ будни по 35 к., въ праздники 1 р.; отвозчики гальки и эфеля, пробщики и промывальщики 2-го разряда въ будни 35 к., въ праздники 80 к.; отвальные на галькѣ и эфеляхъ, уборщики камней отъ забоевъ, караульные при машинахъ въ будни 25 к., въ праздники 80 к.; при всѣхъ прочихъ работахъ чернорабочій получалъ ежедневно до промывки 10 к., а въ старательскіе дни 50 к., съ начала же промывки „въ горныхъ поторжныхъ работахъ“ 35 к. въ будни и 80 к. въ старательскіе дни; ремесленникамъ и конюхамъ назначена по этому контракту мѣсячная плата [3]). Въ дѣйствительности же плата на промыслахъ Базилевскаго была нѣсколько выше опредѣленной въ этомъ контрактѣ [4]). Вслѣдствіе этого, въ болѣе позднемъ контрактѣ съ Базилевскимъ и комп. Малевинскаго (1878 г., сѣв.-енис. окр.), мы находимъ нѣкоторое повышеніе платы, а именно, со времени промывки на торфахъ каждый работникъ долженъ былъ получать въ будни по 40 к., въ старательскіе же дни 1 р. 25 к.; при добычѣ и отвозкѣ песковъ забойщики, свальщики и промывальщики 1-го разряда должны были получать въ будни 50 к., въ старательскіе дни 1 р. 50 к., возчики песковъ 40 к., въ праздники 1 р. 25 к., отвальные гальки и эфеля, пробщики и промы-

---

4 р. въ мѣсяцъ. Но сверхъ того они были обязаны выработать 1/4 к. с. „старательскаго урка“ и за него получали на торфахъ зимою 2 р., лѣтомъ 1 р. 50 к., а на пескахъ 2 р. за сажень. Слѣдовательно къ 10—13 коп. платы въ день изъ мѣсячнаго жалованья прибавлялась еще каждому рабочему на торфахъ 16 — 25 к., на пескахъ 18 к., т.-е. въ суммѣ получался заработокъ, ничтожность котораго прикрывалась хитросплетеніями контракта.

[1]) „Вѣстн. Золотопр.“ 1896 г. № 7, стр. 149.

[2]) По контракту 1875 г. (сѣв. енис. окр.) по 20 к.

[3]) Напротивъ, по договору съ К° Фунтусова (1870 г., сѣв.-енис. окр.) мастеровые и разночинцы должны были получать поденную плату, а именно, съ начала промывки машинисты въ будни 50 к., въ праздники 1 р. 50 к, кузнецы въ будни 30—50 к., въ праздники 1 р. — 1 р. 50 к., плотники и конюхи въ будни 30 — 40 к., въ праздники 1 р.—1 р. 30 к.. слесаря въ будни 40 к., въ праздники 1 р. 50 к., хлѣбопеки въ въ будни 40 к., въ праздники 1 р.; бондари, кашевары и сторожа въ будни 30 к., въ праздники 1 р.; молотобойцы въ будни 25 к., въ праздники 1. До начала промывки всѣ они должны были получать ежедневно такую плату, какая лѣтомъ полагалась въ будни. Находящіеся въ остальныхъ промысловыхъ работахъ, кромѣ горныхъ, должны были получать 3 р. въ мѣсяцъ, а съ открытіемъ ея — въ будни по 50 к., въ праздники по 80 к. Такова же плата въ договорѣ съ Кытмановымъ 1872 г.

[4]) См. табл. въ *Дополненіи IV*.

вальщики 2-го разряда въ будни 35 к., въ старательскіе дни 1 р., уборщики камней и караульные при машинахъ въ будни 30 к., въ праздники 80 к. Въ горныхъ поторжныхъ работахъ рабочіе должны были получать съ начала промывки по 35 к. въ будни и по 1 р. въ старательскіе дни, а въ разныхъ поторжныхъ работахъ по пріиску въ будни по 30 к., въ старательскіе дни 80 к. [1]).

Въ южно-енисейскомъ округѣ по договору съ Асташевымъ въ 1887 г. плата была выше, чѣмъ по договору съ нимъ же 1870 г.: за вскрышу торфа лѣтомъ съ 1 мая по 1 октября забойщики и возчики должны были получать въ будни 50 к. (въ 1870 г. 40 к.), въ праздники 1 р.; на пескахъ забойщики, промывальщики и пробщики въ будни 60 к. (въ 1870 г. 40 к.), въ праздники 1 р. 20 к. (въ 1870 г. 1 р.), свальщики въ будни 80 к. (въ 1870 г. 40 к.), въ праздники 1 р. 60 к. (въ 1870 г. 1 р.), разборщики, отвальные въ будни 50 к. (въ 1870 г. 40 к.), въ праздники 1 р., за разныя поторжныя работы въ будни 40 к., въ праздники 80 к. (въ 1870 г. въ будни 25 к., въ праздники 1 р.) [2]).

По показаніямъ золотопромышленниковъ, поденная плата рабочимъ и мастеровымъ колебалась въ 1894 г. въ южно-енисейскомъ округѣ отъ 35 до 70 к. и въ сѣверно-енисейскомъ отъ 45 к. до 1 р. [3]).

Кромѣ обязательныхъ работъ, на всѣхъ пріискахъ рабочими добровольно промывалось еще старательское золото. „Добываютъ его рабочіе“, говоритъ г. Уманьскій, „послѣ окончанія урочныхъ работъ изъ прежнихъ отваловъ, изъ заброшенныхъ ортъ, а часто и изъ ортъ, еще работающихся, что есть уже кража, часто также съ чужого пріиска. Промытое въ свободные часы золото это сдается въ контору, причемъ рабочіе получаютъ за него плату большею частью „особыми припасами“. Записывается старательское золото рабочему въ листикъ лишь въ томъ случаѣ если количество его превышаетъ золотникъ, что случается рѣдко [4]). Кромѣ старательскаго золота, на многихъ пріискахъ попадается такъ называемое „подъемное“, за которое выдается „особая плата“. Эта „фартовая“ сторона пріисковой жизни и возможность частенько добывать старательское золото на выпивку особенно привлекаютъ рабочихъ на пріиски, заставляя смотрѣть сквозь пальцы на темныя стороны ихъ существованія“. „Практика пріисковой жизни“,

---

[1]) По договору съ Востротинымъ (1880 г. сѣв.-енис. окр.) плата нѣсколько меньше.

[2]) Плату на промыслахъ Шанявскаго (1874 г. юж.-енис. окр.) см. въ табл. *Дополненія IV.*

[3]) *Постажъ.* „Золотопр. въ Томской горной области“. Т. 1896, табл. V.

[4]) Крестьянинъ Реймерсъ въ своемъ заявленіи министру государственныхъ имуществъ говоритъ, что не всегда вознагражденіе за старательское золото рабочій получаетъ деньгами, а вмѣсто того ему выдаютъ порцію спирта и затѣмъ предлагаютъ товарныя вещи, сахаръ, масло и проч. Изъ журнала на записку старательскаго золота на Надеждинскомъ пріискѣ купцовъ Крутовскаго и Водовозова (1874 г.) видно, что *нѣкоторые* рабочіе зарабатывали иногда на золотѣ въ день отъ 15 к. до 4 р., но и здѣсь рабочимъ вмѣсто денегъ выдавалось иной разъ мясо, сало, масло и проч.

говоритъ г. Уманьскій въ другомъ мѣстѣ, „привела къ необходимости уплачивать рабочему деньги за находимые имъ во время работы самородки изъ-за опасенія утайки ихъ со стороны рабочаго“, (стр. 77, 144). Обычай платить за подъемное золото, дающій рабочему возможность нѣсколько увеличивать свой заработокъ, выводитъ изъ себя золотопромышленниковъ и лицъ, служащихъ ихъ интересамъ, какъ напр. горнаго инженера В. Кулибина [1]). Обычай платить за подъемное золото оплакиваютъ золотопромышленники и въ запискѣ, поданной ими въ 1892 г. министру государственныхъ имуществъ.

„Названіе „подъемнаго золота“, сказано въ этой запискѣ, „остается у насъ отъ старыхъ временъ, когда золотопромышленныя компаніи въ силу необходимости должны были разрѣшать рабочимъ поднимать крупныя золотины и самородки, которые, не проходя по своему объему сквозь промывальные приборы, не могли быть улавливаемы и потому непроизводительно пропадали въ отвалахъ, а теперь, подъ видомъ „подъемнаго золота“, намъ приходится выкупать у рабочихъ уже мелкое и пылеобразное, которое должно быть отвозимо вмѣстѣ съ песками на машину. Такое золото рабочіе или уносятъ съ песками въ казармы, или промываютъ тутъ же, въ разрѣзахъ,—на лопатахъ, и запретить имъ дѣлать это золотопромышленникъ, въ виду разныхъ угрозъ, стачекъ и открытаго съ ихъ стороны сопротивленія, опять-таки не имѣетъ возможности. Сплошь и рядомъ (?) случается, что рабочіе совершаютъ по ночамъ цѣлые походы (?) съ цѣлью кражи богатыхъ песковъ, а на слѣдующій день или уклоняются отъ работы подъ предлогомъ болѣзни, или просто оказываются пьяными, такъ какъ результатъ ихъ ночного воровства преимущественно реализуется тотчасъ же, благодаря расплодившимся въ тайгѣ скупщикамъ спиртоторговцамъ.“ Какъ ни непріятенъ золотопромышленникамъ этотъ обычай, но рабочіе умѣютъ отстаивать въ этомъ отношеніи свои интересы. „Изъ-за энергичной охраны отъ хищенія золотосодержащихъ песковъ“, жалуются далѣе золотопромышленники, *„всегда происходитъ цѣлый рядъ серьезныхъ столкновеній рабочихъ съ пріисковыми управленіями,* и подобные случаи на бѣдныхъ золотомъ пріискахъ обусловливались уже однимъ тѣмъ, что рабочіе, не имѣя возможности поживиться привычною кражею, въ своемъ озлобленіи дѣлали управленію всевозможныя придирки. Выкупая хищническое золото, называемое рабочими подъемнымъ, золотопромышленникъ допускаетъ и такія уступки, какъ напр., немедленная уплата за него денегъ [2]) безъ малѣйшаго намека на возмѣщеніе состоящаго за принесшимъ золото долга, простирающагося иногда до сотни рублей, и уплачиваетъ ему за это золото отъ 2 р. 40 к. до 3 р. за золотникъ, тогда какъ другой разъ, особенно, если пріискъ золотопромышленникомъ арендуется, оно самому ему приходится въ 3 р. 50 к. и 4 р. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ принято еще подавать $^1/_{100}$ ведра даровой водки, но тѣмъ не менѣе все же изъ такого подъемнаго золота владѣльцамъ пріисковъ достается лишь какая-нибудь $^1/_4$ или $^1/_5$ часть его (?), а остальное уносится рабочими“ [3]). Очевидно, рабочіе иначе смотрятъ на это

[1]) См. его замѣчанія на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ въ Арх. Иркут Горн. Управ.

[2]) Мы видѣли изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ Уманьскаго и Реймерса что это бываетъ далеко не всегда.

[3]) Дѣло отд. частн. золотопр. горн. департ. 1882 г. № 80.

дѣло, стараясь такимъ путемъ увеличить свой заработокъ; подобно тому, какъ крестьяне не считаютъ тайный увозъ лѣса кражей, потому что лѣсъ „Божій“, никто его не растилъ, такъ и рабочіе смотрятъ на скрытое въ землѣ золото, какъ на общее достояніе.

Плата за подъемное золото въ теченіе разсматриваемаго періода постепенно возрастала.

По контрактамъ первой половины 70-хъ годовъ она обыкновенно равнялась 1 р.—1 р. 20 к. съ золотника, причемъ иногда дѣлалась оговорка, что эта плата выдается, если найденное золото не превышаетъ ½ ф., за золото же бо́льшаго вѣса и за самородки она выдавалась по усмотрѣнію пріискового управленія. По контракту съ Базилевскимъ (1875 г., сѣв.-енис. окр.) вознагражденіе уже повышено до 1 р. 50 к. съ золотника золота, если оно не тяжелѣе 1 ф.[1]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ контрактахъ вознагражденіе было ниже указанной нормы. Такъ по договору съ Асташевымъ 1870 г. за подъемное золото вѣсомъ до ½ ф. назначена была плата всего по 75 к. за золотникъ, а при большемъ вѣсѣ самородка даже по 50 к.; по договору съ нимъ же 1875 г. (юж.-енис. окр.) за подъемное золото вѣсомъ до 12 зол. полагалось по 1 р. за золотникъ, отъ 12 до 48 з. по 75 к., отъ 48 з. до 1 ф. и болѣе—по 50 к., а „за прочіе драгоцѣнности и рѣдкости“ (какъ это часто прибавлялось и въ другихъ контрактахъ), по усмотрѣнію пріискового управленія. Во второй половинѣ 70-хъ и первой—80-хъ годовъ плата за подъемное золото повышается, и въ контрактахъ нерѣдко назначено по 2 р. за золотникъ, но встрѣчается и меньшая плата, какъ напр. въ договорѣ съ Востротинымъ (1880 г., сѣв.-енис. окр.) всего 1 р. съ золотника. Изъ отчета горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа за 1882 г. видно, что въ это время плата за подъемное и старательское золото колебалась между 2 и 3 р., причемъ она была выше тамъ, гдѣ возможно было сбывать золото тайнымъ скупщикамъ[2]). Но плата въ 3 р. была въ это время явленіемъ не частымъ, и крестьянинъ Реймерсъ въ своемъ заявленіи министру государственныхъ имуществъ (1880 г.) справедливо говоритъ, что золотопромышленники платятъ рабочимъ за подъемное и старательское золото отъ 2 р. до 2 р. 50 к. за золотникъ. Во второй половинѣ 80-хъ годовъ, по свидѣтельству г. Уманьскаго (стр. 144), за подъемное золото платили 2—3 р. за золотникъ, если же вѣсъ самородка превышалъ 1 ф., то по усмотрѣнію компаніи. По договору съ Базилевскимъ (1891 г., сѣв. части Енис. окр.) плата съ золотника подъемнаго золота назначена 2 р. 40 к., по договору К° Базилевскаго и Черемныхъ (1890 г., юж.-енис. окр.) нѣсколько менѣе — 2 р. 24 к. и по договору съ Асташевымъ (1887 г., юж.-енис. окр.) и съ Дрямінымъ (1890 г., сѣв.-енис. окр. на ортовыя работы) по 3 р. за золотникъ, но и въ эти годы встрѣчались золотопромышленники, старавшіеся и въ этомъ отношеніи урѣзать рабочаго. Такъ, столь искусная въ такомъ урѣзываніи К° Жилля, Иваницкаго и Потапова въ договорѣ 1888 г. (юж.-енис. окр.) назначила плату за золотникъ всего по 1 р. 50 к., если вѣсъ подъемнаго золота не болѣе 1 ф., а при большемъ вѣсѣ плата полагается по усмотрѣнію компаніи, но не менѣе, какъ за 1 ф.; эта послѣдняя прибавка давала возможность разсчитать рабочихъ и за

---

[1]) Въ дѣйствительности на промыслахъ Базилевскаго (сѣв.-ен. окр.) 1870 — 73 гг. за подъемное и старательское золото платили по 2 р. за золотникъ.

[2]) Арх. горн. испр. сѣвер. енис. окр. 1882 г., дѣло № 29.

болѣе тяжелый самородокъ, какъ за 1 ф. Въ 1894 г. плата за золотникъ золота, по показаніямъ золотопромышленниковъ Енисейскаго округа, колебалась отъ 2 р. 20 к. до 3 р. 50 к. [1]).

Очень важно отмѣтить, насколько значительный процентъ составляла плата за старательское и подъемное золото въ общемъ заработкѣ рабочаго. Мы видѣли выше, что на промыслахъ Базилевскаго въ 1877—87 гг. плата за старательское и подъемное золото *даже вмѣстѣ со всею платою старателямъ-золотничникамъ* составляла 5,4% всей платы, выданной рабочимъ. Изъ этого видно, насколько вздуты жалобы золотопромышленниковъ о томъ, что рабочіе посредствомъ подъемнаго золота обогащаются на хозяйскій счетъ. Замѣтимъ еще, что, напр., въ 1882 г. подъемное и старательское золото, добытое на промыслахъ сѣверно-енисейскато округа, составляло лишь 3% всего добытаго золота.

Относительно жилыхъ помѣщеній рабочихъ въ старыхъ контрактахъ Енисейскаго и другихъ округовъ мы встрѣчали обязательства рабочихъ выстраивать ихъ для себя безъ всякаго вознагражденія въ дни, предоставляемые имъ для этого пріисковымъ управленіемъ по приходѣ на пріискъ. Въ извѣстныхъ намъ контрактахъ 70-хъ годовъ мы почти не встрѣчаемъ, а въ договорахъ 80-хъ годовъ и вовсе не встрѣчаемъ такого условія [2]).

Въ оффиціальныхъ источникахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ указаніе на неудовлетворительное состояніе жилищъ для рабочихъ на золотыхъ промыслахъ. Такъ въ 1871 г. начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія Банинъ въ донесеніи Главному Управленію Восточной Сибири говоритъ, что нѣкоторыя изъ казармъ для рабочихъ „ветхи и требуютъ значительнаго исправленія“ [3]). Въ 1875 г. горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа Лукьяновъ сообщалъ, что помѣщенія для

---

[1]) *Шостакъ*, табл. V.

[2]) Переживаніе старыхъ условій мы находимъ въ договорѣ съ Асташевымъ 1870 г., по которому рабочіе обязываются сами строить помѣщенія, если ихъ не будетъ устроено отъ хозяина, но въ другомъ договорѣ съ тѣмъ же золотопромышленникомъ и въ томъ же году (сѣв.-енис. окр.) сказано: „постройка жилищъ нашихъ на пріискахъ должна быть отъ управленія“. Въ договорѣ съ Асташевымъ 1875 г. (южен. окр.) вновь повторяется обязательство рабочихъ строить для себя жилища на промыслахъ, если это окажется нужнымъ, а въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ устраивать для себя палатки и балаганы. Въ договорѣ съ К° Зотовыхъ (1877 г., сѣв. енис. окр.) рабочіе на такихъ пріискахъ или мѣстахъ, гдѣ нѣтъ построекъ, обязывались не требовать жилыхъ помѣщеній во время работъ и должны были жить въ приготовленныхъ ими самими шалашахъ. По договору съ Удерейскою К° (1872 г., юж. енис. окр.) рабочіе обязывались безплатно строить для себя жилища въ свободное отъ работъ время только „при расшурфовкахъ или разработкахъ новыхъ пріисковъ“.

[3]) Арх. Иркут. Горн. Управл. К. 2545 № 57/112, л. 295 и К. 2568, л. 235 об

рабочихъ „лишь на немногихъ пріискахъ удовлетворяютъ потребностямъ, а большею частью состоятъ изъ тѣхъ остатковъ, которые выстроены еще до обѣднѣнія здѣшней тайги золотомъ и только кое-какъ поддерживаются. Но выносливость русской натуры и давняя привычка къ подобной обстановкѣ дѣлаютъ незамѣтными эти недостатки, и мнѣ нигдѣ не приходилось слышать жалобъ на дурное помѣщеніе, а потребовалъ лишь я, чтобы нѣкоторыя казармы, устроенныя съ двойными нарами, были передѣланы какъ вредныя въ гигіеническомъ отношеніи, потому въ нихъ на верхнихъ нарахъ нестерпимый жаръ, а на нижнихъ холодъ, не уменьшающійся и при постоянной топкѣ желѣзныхъ печей“ [1]). Въ отчетѣ исправника сѣверной части Енисейскаго округа за 1881 г. мы находимъ также неблагопріятныя свѣдѣнія о жилищахъ рабочихъ: казармы „отапливались кирпичными и желѣзными печами, вентилировались послѣдними и устроенными въ потолкахъ и стѣнахъ отдушинами. Казармы рабочихъ вообще нельзя назвать вполнѣ удовлетворительными въ гигіеническомъ отношеніи“: онѣ „бываютъ опрятными и съ чистымъ воздухомъ только въ то время, когда рабочіе находятся на работахъ, возвращаясь же съ нихъ, они приносятъ съ собою грязь и мокрую одежду, которая тутъ же и сушится; начинается куреніе табаку, ѣда черемши, и атмосфера, въ особенности ночью, несмотря на открытіе вентиляторовъ, дѣлается невыносимою“ [2]). Крайне неутѣшительны и болѣе поздніе свѣдѣнія въ отчетѣ за 1888 г. окружного инженера сѣверной части Енисейскаго округа. По его словамъ „помѣщенія для рабочихъ устроены въ высшей степени плохо. Не говоря уже о томъ, что въ общей казармѣ, нераздѣленной даже перегородкою, помѣщаются мужчины, женщины и дѣти, что, конечно, не остается безъ вліянія на нравственность, но онѣ тѣсны, отапливаются желѣзными печами, у которыхъ рабочіе сушатъ промокшую обувь и одежду, не провѣтриваются и содержатся крайне грязно, короче—помѣщенія эти невозможны и въ гигіеническомъ отношеніи“ [3]). Г. Ячевскій обратилъ особенное вниманіе на вредное вліяніе казарменной жизни на рабочихъ. Столь же неблагопріятны оффиціальныя извѣстія о жилищахъ рабочихъ на промыслахъ южно-енисейскаго округа. Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1882 г. далъ дурной отзывъ о жилищахъ рабочихъ на 7 тамошнихъ промыслахъ [4]). Мѣстный окружной инженеръ въ отчетѣ за 1888 г. прямо говоритъ, что казармы, гдѣ помѣщались рабочіе, „*за немногими исключеніями*,

[1]) Ibid. К. 2574 № 189/243, л. 234.
[2]) Арх. горн. испр. южн. енис. окр., дѣло 1882 г. № 19.
[3]) Дѣло канцеляріи Томскаго Горнаго Управленія № 31/2.
[4]) Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2768 № 73/53, л. 837.

устроены крайне неудовлетворительно, какъ по несоотвѣтствующему количеству заключающагося въ нихъ воздуха сравнительно съ числомъ людей, такъ и въ отношеніи опрятности. На нѣкоторыхъ промыслахъ казарменныя зданія по своей ветхости не отвѣчали своему назначенію, доставляя рабочимъ въ дождливое время даровыя души" (sic!) [1]).

Послѣ приведенныхъ оффиціальныхъ свидѣтельствъ такихъ лицъ, которыя имѣютъ основанія вовсе не представлять дѣло въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ, не покажутся невѣроятными и подобныя же показанія представителей печати [2]). Докторъ Крутовскій совершенно справедливо говоритъ: золотопромышленники обыкновенно „ссылаются на то, что не стоитъ расходоваться на основательныя постройки при такомъ ненадежномъ дѣлѣ, какъ золотое: сегодня пріискъ работается, а черезъ годъ-два приходится все бросать. Однако мы видимъ одну и ту же безобразную картину на всѣхъ промыслахъ, и тѣхъ даже, которые работаются десятки лѣтъ. Заботясь о своей экономіи и сокращеніи расходовъ, владѣлецъ пріиска забываетъ, что вся эта экономія тяжелымъ гнетомъ ложится на здоровье рабочихъ, вынужденныхъ въ подобномъ ужасномъ помѣщеніи проводить свой отдыхъ отъ утомительнаго дневного труда" (стр. 8).

Общеконтрактные рабочіе попрежнему получали готовое содержаніе отъ хозяевъ, количество котораго опредѣлялось въ контрактахъ. Главною составною частью его было мясо, и въ договорахъ 70-хъ годовъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ его назначено было, какъ и прежде, по 1 ф., причемъ всегда встрѣчаемъ оговорку, что мясо можетъ быть свѣжее или соленое. Въ южной части енисейскаго округа уже въ началѣ 70-хъ (и даже во второй половинѣ 60-хъ) годовъ находимъ въ договорѣ назначеніе мяса болѣе 1 ф. [3]). Напротивъ, въ 80-хъ годахъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ контрактахъ, чаще назначается въ день по $1^1/_4$ ф. мяса, хотя встрѣчается иногда и 1 ф., какъ напр. въ договорѣ Харченко (1882 г.) [4]). Крупы ячной или гречневой обыкновенно назначалось и въ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ по $^1/_4$ ф. ежедневно (или 7—8 ф. въ мѣсяцъ) и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ болѣе [5]); изъ нея варили ежедневно такъ называемыя „щи",

[1]) Дѣло Томск. Горн. Управ. 1881 г. № 31/2.

[2]) „Сибирь" 1881 г. № 29, стр. 5—6; *Уманьскій*, стр. 107.

[3]) Такъ по договору Черныхъ (1870 г.) опредѣлено выдавать говядины въ мѣсяцъ $37^1/_2$ ф., а по договору съ К° Калининыхъ-Шушляевыхъ даже $1^1/_2$ ф. въ день.

[4]) Въ нѣкоторыхъ договорахъ, какъ напр. Кытманова (1871 и 84 гг.), прибавлена оговорка относительно выдачи рабочимъ вмѣсто мяса потроховъ, которые рабочіе должны были принимать безпрекословно, а именно, по договору 1871 г. голова, осердіе и проч. за 1 пудъ, а по договору 1884 г. голова и осердіе за 20 ф. мяса.

[5]) По договору съ К° Рязановыхъ и Горохова 10 ф.; въ договорѣ съ Асташевымъ (1887 г.) опредѣлено выдавать ячной крупы зимою по $^1/_4$ ф., лѣтомъ по $^1/_2$ ф. въ день.

а въ нѣкоторые дни и кашу. Соль выдавалась или въ неограниченномъ количествѣ, или по 2—3 ф. въ мѣсяцъ. Въ нѣкоторыхъ договорахъ 1870—72 гг. о выдачѣ сала еще вовсе не упоминается [1]), въ большинствѣ же извѣстныхъ намъ контрактовъ 70-хъ годовъ назначено по $^1/_2$ ф. топленаго сала, а въ 80-хъ и 90-хъ годахъ по 1 ф. въ мѣсяцъ [2]). Только въ договорѣ съ Вилямовскимъ (1870 г.) была нѣсколько болѣе удовлетворена сильная потребность рабочихъ въ жировыхъ веществахъ, а именно, назначено сала по 4 ф. въ мѣсяцъ. Ржаной хлѣбъ выдавался по однимъ договорамъ въ неограниченномъ количествѣ, по другимъ по 4 ф. въ день, а не то назначалось печенаго хлѣба или ржаной муки на хлѣбъ и квасъ по 2 п. 20 ф. въ мѣсяцъ [3]). Въ нѣкоторыхъ контрактахъ встрѣчаемъ условія относительно постной пищи, такъ, въ договорѣ съ К° Кытманова и Фунтусова (1871 г., сѣв.-енис. окр.) сказано: „кто изъ насъ пожелаетъ имѣть пищу постную, то отпускать намъ крупы $^1/_4$ ф. въ день, $^1/_4$ ф. масла постнаго въ мѣсяцъ и затѣмъ, по окончаніи поста, мы не можемъ за оный требовать мяса“; по договору съ Асташевымъ (1870 г., сѣв.-енис. окр.) во время постовъ для желающихъ вмѣсто мяса отпускалось постное масло; по договору съ К° Жилля, Иваницкаго и Потапова порція мяса замѣнялась ежедневнымъ отпускомъ $^1/_4$ ф. крупы или гороха. Въ договорѣ съ К° Ячменева и Хотимскаго (1871 г.), сверхъ обычныхъ условій относительно содержанія рабочихъ, прибавлено: „пищу съ 10 сентября по 1 мая мы должны имѣть 3 раза въ сутки, а съ 1 мая по 10 сентября 4 раза, т.-е. время на завтракъ, обѣдъ, паужинъ и ужинъ“. Въ договорѣ съ Харченко (1882 г.) сказано: „пища должна приготовляться на общей для всѣхъ рабочихъ, такъ называемой, артельной кухнѣ“, приготовленіе же ея отдѣльно безъ разрѣшенія управленія не дозволялось. Наконецъ въ нѣкоторыхъ договорахъ есть постановленія относительно пропитанія рабочихъ въ поисковыхъ партіяхъ и т. п.; такъ, въ контрактѣ съ К° Кузнецова и Щеголевыхъ 1870 г. послѣ обычныхъ условій относительно пищи рабочихъ сказано: „тамъ же, гдѣ не будетъ возможно имѣть всѣхъ этихъ припасовъ (напр. въ партіяхъ и командировкахъ), получать

---

[1]) Такъ напр., въ договорахъ съ Асташевымъ, Фунтусовымъ, Базилевскимъ и съ К° Рязановыхъ и Горохова (1870 г. сѣв.-енис. окр.).

[2]) По договору съ Асташевымъ 1887 г. масла зимою $^1/_2$ ф., лѣтомъ $^3/_4$ ф. въ мѣсяцъ или взамѣнъ сало въ двойномъ количествѣ; по договору съ К° Жилля, Иваницкаго и Потанова (1888 г.) по $^1/_2$ ф. топленаго масла и сала.

[3]) Очень часто въ контрактахъ прибавлялась угроза штрафомъ за разбрасываніе хлѣба по стоющей компаніи цѣнѣ или по двойной цѣнѣ, а не то и по усмотрѣнію пріисковаго управленія. Въ договорѣ съ К° Зотовыхъ (1877 г.) прибавлено, что если не будетъ обнаружено, кто именно растратилъ или утаилъ хлѣбъ, то штрафу подвергаются всѣ помѣщающіеся въ казармахъ.

намъ на продовольствіе наше сушеной говядины или крупы (одно взамѣнъ другой) по $^3/_4$ ф. и сухарей ржаныхъ по $2^1/_2$ ф. въ день на человѣка, затѣмъ болѣе никакой пищи для продовольствія нашего не требовать". Въ договорѣ съ Асташевымъ 1875 г. вовсе не упоминается о выдачѣ въ подобныхъ случахъ сушеной говядины, а назначено только по $2^1/_4$ ф. ржаныхъ сухарей и по $^1/_4$ крупы, но въ договорѣ 1887 г. къ этому прибавлено $^3/_4$ ф. сушеной говядины.

Въ договорахъ съ отрядными рабочими, нанявшимися на вскрышу торфа, мяса назначалось въ большемъ количествѣ—отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ ф. на человѣка, а остальные припасы въ томъ же размѣрѣ, какъ и для общеконтрактныхъ. „Стряпка" по нѣкоторымъ договорамъ (напр., съ Базилевскимъ 1882 г., сѣв. енис. окр.) назначается отъ пріискового управленія; по контракту съ Кытмановымъ (1872 г.) рабочіе обязывались „стряпку для приготовленія пищи имѣть на свой счетъ", съ тѣмъ, что за содержаніе ея компанія не должна была производить вычета; а по договору Кытманова съ отрядными рабочими (1883 г.) они должны были сами приготовлять пищу, не требуя за то отъ управленія никакой платы, дрова же полагались отъ пріиска. Напротивъ, по договорамъ Базилевскаго съ отрядными рабочими (1878—82 гг.) стряпка должна была быть отъ пріискового управленія.

Если мы сравнимъ контракты съ „положеніями о содержаніи рабочихъ", то увидимъ, что въ дѣйствительности оно было нѣсколько лучше, чѣмъ было назначено по контракту: такъ напр., по договору съ Базилевскимъ (1870 г.) общеконтрактные рабочіе должны были получать мяса 1 ф., а сала вовсе не было назначено, между тѣмъ по „положенію" чернорабочіе получали мяса по $1^1/_4$ ф. (и только женщины по 1 ф.) въ день и сала по $^1/_2$ ф. въ мѣсяцъ, чернорабочіе же отрядные, ремесленники, мужская прислуга, хлѣбопеки, конюховскіе старосты и др. должны были получать по $1^1/_2$ ф. мяса, а послѣдніе сверхъ того въ мѣсяцъ по 20 ф. пшеничный муки, 2 ф. масла, $^1/_2$ ф. фамильнаго чая и коновалы по $^1/_2$ кирпича чая. По общему контракту съ Кытмановымъ (1885 г.) при наймѣ на Петропавловскій пріискъ назначено мяса по $1^1/_4$ ф., а по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ пріисковымъ управленіямъ за операцію 1883 г., рабочіе получали по $1^1/_2$ ф. мяса.

По оффиціальнымъ отчетамъ о золотопромышленности Восточной Сибири, въ 1880 г. въ сѣверно-енисейскомъ округѣ рабочій получалъ въ мѣсяцъ 1 п. мяса, масла и сала вмѣстѣ $1^1/_2$ ф., крупы 8 ф., соли 3 ф.; въ слѣдующемъ году муки или печенаго хлѣба 3 п., мяса отъ $37^1/_2$ ф. до 1 п. 5 ф.; въ южно-енисейскомъ округѣ въ 1883 г. мяса отъ 35 ф. до 1 п. 10 ф., сала отъ $^1/_2$ до 1 ф. По отчету за 1886 г., количество сала уже повышено до $1^1/_2$ ф. и, кромѣ того, указано $1^1/_2$ ф. масла, но едва-ли

это справедливо [1]). По отчетамъ окружного инженера сѣверно-енисейской системы за 1888—91 гг., рабочіе получали въ мѣсяцъ мяса свѣжаго или соленаго отъ 37 1/2 ф. до 1 п. 5 ф., крупы 7—9 ф., соли 3 ф., сала или масла 1 1/2 ф. [2]). Кромѣ того разъ или два въ недѣлю рабочимъ приготовляли кашу; лѣтомъ на всѣхъ пріискахъ они получали также и квасъ. Кирпичный чай отпускался лишь въ счетъ платы. По отчетамъ окружного инженера южно-енисейской системы за тѣ же годы, мясо выдавалось отъ 37 ф. до 1 п. 10 ф., сала или масла 1/2—1 ф., крупы до 8 ф., хлѣба и соли, сколько потребуется. По словамъ г. Ячевскаго, посѣтившаго сѣверно-енисейскій округъ въ 1891 г., всѣ рабочіе получаютъ мяса 1 1/2 ф. [3]), почти всегда соленаго; свѣжее только въ концѣ лѣта и осенью, что подтверждаетъ и окружной инженеръ сѣверно-енисейской системы въ отчетѣ за 1889 г. [4]). Существенный недостатокъ питанія рабочихъ—крайнее однообразіе пищи: они неизмѣнно ѣдятъ мясной супъ съ крупой. „Ни картофеля, ни капусты нѣтъ на пріискахъ“, говоритъ г. Ячевскій, „но не потому, чтобы ихъ нельзя имѣть, а потому, что объ этомъ не заботятся, и что привозъ въ тайгу вольными людьми овощей воспрещается изъ опасенія, что они будутъ скупать золото и торговать спиртомъ. Въ прежнее время Лопатинъ, а въ послѣднее у Базилевскаго и Черемныхъ заводили въ тайгѣ огороды, доставлявшіе необходимую для правильнаго питанія рабочихъ зелень“. Горный исправникъ южно-енисейскаго округа въ 1882—83 гг. предложилъ золотопромышленникамъ заготовлять, по мѣрѣ возможности, соленую капусту, „стоимость которой при покупкѣ ея въ зимнее время не превышаетъ цѣны крупы“, а, между тѣмъ, приготовленіе изъ нея щей вносило бы нѣкоторое разнообразіе въ пищу рабочихъ и было бы полезно на случай заболѣванія цынгою. Предложеніе это, по словамъ исправника, было принято многими золотопромышленниками; рабочіе, получавшіе капусту, были этимъ очень довольны, и на 1884 г. многіе заготовили ее въ значительномъ количествѣ [5]).

Оффиціальныя лица неоднократно даютъ одобрительные отзывы о пищѣ пріисковыхъ рабочихъ, какъ, напр., начальникъ енисейскаго жан-

---

[1]) Въ отчетѣ за 1887 г. приведено совершенно фантастическое свѣдѣніе, будто масла полагается отъ 4 до 10 ф., а мяса отъ 1 1/2 до 3 п. на 1 рабочаго.

[2]) Позднѣе давали сала 1 ф., рѣже масла 1/2 ф. въ мѣсяцъ. *Шостакъ*, таб. V. „Вѣст. Золотопр.“ 1896 г. № 7, стр, 149.

[3]) Такое количество мяса считалъ наиболѣе обычнымъ и г. Уманьскій (стр. 70).

[4]) Докторъ Крутовскій упоминаетъ въ своемъ докладѣ въ обществѣ енисейскихъ врачей объ употребленіи, кромѣ солонины, зимняго мерзлаго мяса.

[5]) Золотопромышленникъ южной части енисейскаго округа также свидѣтельствуетъ, что употребленіе соленой капусты и соленой черемши, какъ приправы къ щамъ, довольно распространено. „Сибир. Вѣст.“ 1890 г. № 66.

дармскаго управленія въ 1871 и 74 гг. и горные исправники сѣверно-енисейской системы въ 1881 г. и южно-енисейской въ 1883—85 гг. [1]). По мнѣнію г. Уманьскаго, пищу, получаемую обще-контрактными рабочими, нельзя признать дурною, если сравнить ее съ содержаніемъ чернорабочаго въ Россіи, но „слѣдуетъ замѣтить", продолжаетъ онъ, „что у сибирскихъ промысловыхъ рабочихъ потребности развиты гораздо больше", чѣмъ въ европейской Россіи: такъ, напр., сахаръ составляетъ „неизбѣжную потребность", такъ какъ употребленіе его „вошло въ обычай среди пріисковыхъ рабочихъ" (стр. 70—72).

Однако не всегда рабочіе на промыслахъ Енисейскаго округа получали хорошую пищу. Врачъ, служившій въ южной системѣ енисейской тайги, говоритъ: „на всѣхъ промыслахъ, безъ исключенія, въ пищу дается солонина", которая „нерѣдко бываетъ испорчена"; на одномъ пріискѣ „меня остановили рабочіе, прося посмотрѣть, чѣмъ ихъ кормятъ. Это было какъ разъ во время обѣда. На столѣ около помѣщенія рабочихъ стоялъ большой чанъ, изъ котораго поднимался густой паръ. Вокругъ стола сидѣли рабочіе. Еще не доходя до стола, я ощущалъ гнилой запахъ испорченнаго мяса. Щи изъ него, наполнявшія чанъ, имѣли видъ краснобурой жидкости весьма непріятнаго запаха, на поверхности которой плавала густая красноватая пѣна и значительное количество червей. Вынутые куски мяса представлялись темногрязноватыми и были пронизаны большимъ количествомъ червей. Такіе случаи, конечно, рѣдки, но, какъ показываетъ приведенный примѣръ, все-таки возможны" [2]). Впрочемъ, по словамъ золотопромышленника Саввиныхъ, рабочіе довольно зорко смотрятъ за качествомъ пищи; „кому неизвѣстно", говоритъ онъ, „что если хлѣбопекъ на пріискѣ испекъ неудачно хлѣбъ, то эти хлѣбы не будутъ съѣдены рабочими, а будутъ брошены, да и мало того: это даетъ поводъ рабочимъ иногда, смотря по настроенію, заявить свое неудовольствіе въ такой грубой формѣ, что это и возможно только на пріискахъ" [3]). Какъ бы то ни было, крайнее однообразіе пищи, весьма ничтожное количество жировъ и обыкновенно отсутствіе приправъ составляютъ существенные недостатки пріисковой пищи. Нужно обратить также вниманіе на то, что солонина бываетъ не всегда свѣжа и что въ опредѣленной рабочему порціи мяса есть и извѣстная доля костей; наконецъ, лучшее мясо вообще, конечно, идетъ на долю служащихъ, казаковъ, конюховъ и т. д., а рабочимъ даютъ похуже, что останется.

---

[1]) Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2545, № 57/112, л. 295, К. 2568 № 167/221, л. 235 об. и Арх. Горн. Испр. юж.-енис. сист.

[2]) *Н. Д.* „Санитарный очеркъ золотыхъ промысловъ" „Сборн. сочин. по судебн. медиц.", 1875 г., т. I, 157—158.

[3]) „Сибир. Вѣстн." 1890 г. № 64.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что о выдачѣ чая на счетъ пріисковаго управленія въ 70-хъ и 80-хъ годахъ *простымъ рабочимъ* нигдѣ не упоминается, и что это составляло привилегію лишь нѣкоторыхъ „разночинцевъ“; поэтому свидѣтельство доктора Крутовскаго, что „чай 1 разъ въ день отпускается рабочимъ отъ конторы“ въ примѣненіи къ Енисейскому округу не подтверждается. Есть, впрочемъ, указаніе на попытку (1893 г.) замѣнить квасъ чаемъ, но она вызвала неудовольствіе рабочихъ [1]).

Бывали случаи, хотя и рѣдко, что на пріискахъ не хватало заготовленнаго для рабочихъ продовольствія: такой случай былъ въ 1881 г. на Боголюбскомъ пріискѣ Черноолпакова (южн.-енис. окр.) и обнаружился онъ вслѣдствіе жалобы пріисковаго управленія на „самовольное уклоненіе отъ работы команды рабочихъ“. По этому поводу мѣстный горный исправникъ Кубе далъ такой приказъ 18 января 1881 г.: „Такъ какъ по заявленію конюха, доставившаго донесеніе“ (объ ослушаніи рабочихъ), „на пріискѣ г. Черноолпакова нѣтъ муки и прочихъ припасовъ для содержанія команды рабочихъ людей и въ 17 число сего января *они были голодны цѣлыя сутки* (!!), то поэтому прошу промысловое управленіе предварительно, до моего прибытія на пріискъ, озаботиться заготовленіемъ для содержанія рабочихъ муки и проч., а въ противномъ случаѣ рабочіе будутъ мною съ пріиска уволены и обо всемъ этомъ донесено г. начальнику Енисейской губерніи“ [2]).

Приготовленіемъ пищи занимались на пріискахъ повара, стряпки и кашевары, а наблюдали за этимъ на болѣе значительныхъ промыслахъ матерьяльные и становые, а на мелкихъ сами владѣльцы или арендаторы. „Хлѣбъ приготовляется однимъ хлѣбопекомъ на весь пріискъ и“, по словамъ г. Ячевскаго, „почти всегда очень хорошо. Обѣдъ варится артельнымъ кашеваромъ въ громадномъ котлѣ. Когда мясо сварено, онъ вынимаетъ его, разрѣзываетъ на мелкіе кусочки и раскладываетъ порціями на доскахъ. Рабочіе приходятъ со своими котелками; каждый беретъ свою кучку мяса, наливаетъ въ котелокъ щей и отправляется обѣдать. Все это дѣлается довольно чисто и опрятно. Изъ отчетовъ окружныхъ инженеровъ (1888—89 гг.) видно, что хотя пища готовилась въ общихъ котлахъ, но нѣкоторые семейные рабочіе получали провизію на руки и готовили себѣ отдѣльно.

Рабочіе являются на пріиски изъ мѣстъ своего постояннаго жительства сильно истощенными. Объясняя это ихъ зимнимъ голоданіемъ внѣ промысловъ, енисейскіе золотопромышленники въ своей запискѣ 1892 г. говорятъ: „Положительно замѣчено, что въ первый мѣсяцъ по

---

[1]) „Вѣстн. Золотопр.“ 1894 г. № 7, стр. 145.

[2]) „Арх. Горн. Испр. южн. енис. окр., дѣло 1881 г. № 5.

приходѣ на пріискъ рабочіе употребляютъ пищи гораздо болѣе, чѣмъ въ послѣдующіе затѣмъ мѣсяцы и, несмотря на физическій трудъ, замѣтно полнѣютъ"; но при этомъ сами золотопромышленники свидѣтельствуютъ, что весною, въ началѣ операціи, и уроки задаются болѣе умѣренные, чѣмъ впослѣдствіи. Это истощеніе рабочаго, кромѣ зимней голодовки", признаваемой золотопромышленниками и не особенно хорошо рекомендующей пріисковые заработки и вліяніе пріисковыхъ порядковъ, объясняется также и утомительнымъ путешествіемъ на пріиски, во время котораго рабочіе обыкновенно получали лишь нѣкоторое количество сухарей и принуждены были проходить безъ дневокъ до 25 верстъ въ сутки. „При такомъ способѣ путешествія", говоритъ г. Клеменцъ, „устаютъ до полнаго изнеможенія и рабочіе, идущіе впервые на пріиски, сытые деревенскіе парни" [1]). Этимъ, вѣроятно, и объясняется, что нѣкоторыя пріисковыя управленія предпочитаютъ везти рабочихъ на промысла на лошадяхъ, конечно, на счетъ самихъ рабочихъ.

Стоимость „содержанія" (т.-е. прокормленія) рабочаго на нѣкоторыхъ промыслахъ Енисейскаго округа въ 1861—63 гг. равнялась 5 р.—6 р. 60 к. въ мѣсяцъ. Въ 1871 г. золотопромышленникъ Лопатинъ опредѣлялъ стоимость пропитанія рабочаго въ Енисейскомъ округѣ въ 7—8 р. въ мѣсяцъ. На пріискѣ, гдѣ служилъ г. Уманьскій (въ половинѣ 80-хъ годовъ), содержаніе рабочаго обошлось по 7 р. 50 к. Наконецъ, по отчету томскаго горнаго управленія за 1888 г., помѣщеніе и содержаніе рабочихъ на подвѣдомственныхъ ему промыслахъ обходились въ 6 р.—6 р. 50 к. Мы вычислили стоимость содержанія общеконтрактнаго рабочаго въ день на промыслахъ В. И. Базилевскаго, сѣверно-енисейскаго округа, за 11 лѣтъ (1877—87 гг.) на основаніи отчета его управленія за эти годы. Оказалось, что въ 1877 г. стоимость дневного прокормленія равнялась 22,3 к., въ 1878—79 гг.—21,2 к., въ 1880 г.—28,5 к., въ 1881 г.—36,9 к., въ 1881 г.—39,2 к., въ 1883 г.—35,9 к., въ 1884 г.—37,8 к., въ 1885 г.—30 к., въ 1886 г.—27,1 к., въ 1887 г.—25,9 к., а въ среднемъ за всѣ 11 лѣтъ—30,5 к. [2]). Въ контрактахъ В. И. Базилевскаго содержаніе рабочихъ за эти годы не измѣнялось (только сала вмѣсто $^1/_2$ ф. въ мѣсяцъ было позднѣе назначено 1 ф.) и, слѣдовательно, измѣненіе стоимости содержанія нерѣдко объясняется колебаніемъ цѣнъ на съѣстные припасы, но не всегда. Такъ, напр., по даннымъ того же отчета, въ 1881 г. ржаная мука обошлась пріисковому управленію 1 р. 56 к., а въ 1887 г.—1 р. 66 к., говядина въ 1881 г.—3 р. 11 к., въ 1887 г.—3 р. 50 к., соль въ 1881 г.—1 р.

[1]) „Восточное Обозрѣніе" 1892 г. № 11, стр. 13.

[2]) „Статистика по золот. пріискамъ В. И. Базилевскаго", рукопись, сообщенная Л. Ѳ. Пантелѣевымъ.

19 к., въ 1887 г.—2 р. 24 к., масло коровье въ 1881 г.—10 р. 74 к., въ 1887 г.—11 р. 30 к. за пудъ, т.-е. всѣ эти припасы были дороже въ 1887 г., а между тѣмъ стоимость дневного пропитанія рабочаго равнялась въ 1881 г.—36,9 к., а въ 1887 г.—25,9 к., т.-е. на 11 к. дешевле. Удешевленіе это нельзя объяснить и тѣмъ, что пища стала готовиться для нѣсколько большаго количества рабочихъ (въ 1881 г.—101,563 поденщины, въ 1887 г.—107,611.). Не объясняется ли это явленіе качественнымъ ухудшеніемъ пищи рабочихъ въ дѣйствительности, несмотря на то, что по контрактамъ оно оставалось почти неизмѣннымъ? Впрочемъ, всего дороже обошлось прокормленіе рабочихъ въ 1882 г., и горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа объясняетъ это въ своемъ отчетѣ дороговизною припасовъ и уменьшеніемъ числа рабочихъ въ этомъ году.

Въ шестидесятыхъ годахъ администрація два раза поднимала вопросъ о выдачѣ рабочимъ винныхъ порцій въ виду ихъ привычки къ употребленію вина и чтобы предупредить какъ тайное его пріобрѣтеніе на пріискахъ, такъ и тѣ кутежи при выходѣ изъ тайги, которые вызывались долгимъ воздержаніемъ. У золотопромышленниковъ спрашивали мнѣнія по этому предмету, собирали свѣдѣнія о томъ, въ какихъ размѣрахъ выдаются винныя порціи, но все это ни къ чему не привело. Въ 1873 г. начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія Банинъ вновь обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ: „Торговля спиртомъ и водкой не уменьшается“, писалъ онъ. „Рабочіе послѣ страшнаго труда съ жадностью бросаются на приносимую тайно водку и спиртъ и не щадятъ ничего для уплаты; зато, конечно, за неимѣніемъ денегъ крадется золото и идетъ спиртоносамъ. Небезполезно было бы разрѣшеніе выдавать рабочимъ передъ обѣдомъ и ужиномъ винную порцію за плату, утвержденную начальствомъ, которую золотопромышленики должны были бы вносить въ разсчетные листы рабочихъ. Это подкрѣпляло бы ихъ силы, особенно благодѣтельно бы дѣйствовало въ сырые, ненастные дни, и они, пользуясь порціей за ничтожную плату (не дороже 5 к.), не бросались бы такъ на приносимую тайно водку, продаваемую за высшую цѣну“ [1]). Въ подтвержденіе своего предположенія Банинъ могъ бы сослаться на опытъ, сдѣланый въ половинѣ 60-хъ годовъ на Пріютинскомъ пріискѣ Даниловыхъ (южн. ч. енис. окр.), гдѣ, *по желанію рабочихъ*, но на ихъ счетъ выдавались въ ненастное время винныя порціи по $^1/_{100}$ ведра и даже именно съ тою платою, какую Банинъ предлагалъ установить, т.-е. по 5 к. за порцію, плату умѣренную, если принять во вниманіе, что въ 1863 г. ведро полугара обходилось въ 4—7 р.

По поводу предложенія Банина были затребованы мнѣнія золото-

[1]) Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2555 № 106/160, л. 300.

промышленниковъ, но нѣкоторые изъ нихъ, какъ видно изъ предписанія генералъ-губернатора Восточной Сибири Синельникова (24 іюля 1874 г.), „жестоко возстали на такое предложеніе потому", ѣдко, но справедливо замѣчаетъ генералъ-губернаторъ, „что если рабочіе будутъ знать, что они могутъ получать отъ золотопромышленниковъ винную порцію за 5 или 6 к., то не станутъ платить тому же золотопромышленнику за ту же порцію 50 или 60 к. и что означеннымъ разрѣшеніемъ подрывается тайная продажа спирта и водки самими золотопромышленниками". Въ виду такого отношенія къ дѣлу владѣльцевъ промысловъ, Синельниковъ потребовалъ точнаго исполненія 20-ой статьи инструкціи, данной министромъ внутреннихъ дѣлъ 10 мая 1874 г. [1]), „съ предвареніемъ исправниковъ, что, въ случаѣ допущенія золотопромышленниками продолжающагося зла— тайной продажи этими господами вина и спирта и отпуска винныхъ порцій рабочимъ по несоразмѣрнымъ цѣнамъ, горные исправники будутъ удаляемы не только отъ должностей, но и отъ службы" [2]).

Въ 1876 г. при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, баронѣ Фредериксѣ, былъ вновь поставленъ, какъ мы видѣли (см. гл. II), вопросъ: не слѣдуетъ ли установить ежедневную выдачу винныхъ порцій пріисковымъ рабочимъ, въ какомъ размѣрѣ и на чей счетъ. Въ учрежденномъ для рѣшенія этого и другихъ вопросовъ комитетѣ большинство голосовъ высказалось за подачу рабочимъ винныхъ порцій по $^1/_{100}$ ведра каждому на счетъ золотопромышленниковъ съ замѣною этихъ порцій для людей, не пьющихъ вина, выдачею соотвѣтственнаго количества масла, сахару и чаю, но только одни изъ этого большинства предлагали выдавать порціи ежедневно, а другіе—по усмотрѣнію пріисковыхъ управленій. На основаніи такого рѣшенія комитета, баронъ Фредериксъ и предписалъ циркуляромъ 22 апрѣля 1877 г. предложить золотопромышленникамъ отпускать рабочимъ достаточныя для подкрѣпленія силъ винныя порціи, въ особенности въ ненастное время, съ выдачею взамѣнъ ихъ порцій тѣмъ изъ рабочихъ, которые вина не пьютъ, соотвѣтственнаго количества масла, чая и другихъ предметовъ, за исключеніемъ относящихся къ предметамъ роскоши или съ занесеніемъ въ разсчетные листы денегъ по стоимости порцій тѣмъ изъ рабочихъ, которые отъ нихъ откажутся". Предложенія Фредерикса, относительно выдачи вина рабочимъ, все-таки привели къ нѣкоторымъ практическимъ

---

[1]) По этой статьѣ инструкціи горный исправникъ обязанъ былъ наблюдать, чтобы не было на промыслахъ и вблизи ихъ продажи спиртныхъ напитковъ, „*чтобы золотопромышленники не давали рабочимъ вина въ счетъ платы*", чтобы они могли имѣть вино лишь въ самомъ необходимомъ количествѣ для раздачи его порціями и наконецъ, чтобы на провозъ его получали каждый разъ свидѣтельство отъ губернатора.

[2]) Арх. Горн. Испр. южно-енис. окр. дѣло 1874 г. № 34, л. 46—47.

послѣдствіямъ: на пріискахъ въ 1891 г. на видныхъ мѣстахъ были прибиты объявленія съ распоряженіемъ генералъ-губернатора объ обязательной подачѣ рабочимъ два раза въ недѣлю винной порціи по $^1/_{100}$ ведра, причемъ запрещалась только одновременная подача рабочимъ болѣе 2 порцій [1]).

Въ контрактахъ золотопромышленниковъ мы рѣдко встрѣчаемъ условіе о выдачѣ вина рабочимъ, а если и встрѣчаемъ, то, обыкновенно, въ такой формѣ, которая мало связывала владѣльцевъ пріисковъ. Такъ, въ договорѣ съ Фунтусовымъ (1870 г.) сказано: „въ видѣ награды за наше усердіе къ работамъ управленіе обѣщаетъ намъ въ теченіе лѣта отпускать нѣсколько винныхъ порцій въ праздничные и табельные дни". Въ такомъ видѣ обѣщаніе винныхъ порцій очевидно служило лишь побужденіемъ къ аккуратной выработкѣ очень тяжелыхъ уроковъ. И, дѣйствительно, по этому контракту полагалось, напр., на двоихъ вскрыть и отвезти въ отвалъ безъ лошади 1 куб. с. торфа. Тутъ поневолѣ приходилось посулить рабочимъ за столь тяжелый трудъ самую дорогую для нихъ награду—винную порцію. Точно такое же условіе повторяется въ договорѣ Кытманова (1872 г.), а въ оффиціальномъ отчетѣ о Петропавловскомъ пріискѣ Кытманова за 1883 г. пріисковое управленіе сообщало, что „винная порція дается рабочимъ сообразно времени года, а также состоянію погоды и степени способности работъ: отъ 2 до 4 порцій въ недѣлю"; слѣдовательно, и здѣсь винная порція была наградою за исполненіе трудной работы. По договору Черныхъ (1870 г.) было установлено, чтобы въ праздничные дни, въ которые рабочіе для своей „пользы" будутъ находиться на старательскихъ работахъ, за выработку уроковъ подавалась имъ винная порція, полагая въ среднемъ на каждаго изъ нихъ въ мѣсяцъ по $^1/_{20}$ ведра или „полуштофу вина полугарнаго". Наконецъ, въ договорѣ съ Асташевымъ 1887 г. (южн.-енис. окр.) сказано: „подача винныхъ порцій предоставляется усмотрѣнію г. управляющаго промыслами или довѣреннаго его, сами же требовать ихъ мы никакого права не имѣемъ". Такимъ образомъ, выдача винныхъ порцій оставалась и по этому недавнему договору необязательною для пріисковаго управленія. Какъ же часто въ дѣйствительности выдавались винныя порціи?

По словамъ горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1875 г., „винныя порціи подносились отъ одного до трехъ разъ въ недѣлю, при трудныхъ же работахъ или въ сырую погоду ежедневно" [2]). Изъ отчета горнаго исправника того же округа за 1881 г. видно, что желаніе усилить напряженность труда горно-рабочихъ

---

[1]) *Ячевскій* въ „Горномъ журналѣ" 1892 г. №№ 8—9.

[2]) Арх. Иркут. Гор. Упр. К. 2574 № 189/243, л. 231.

заставило золотопромышленниковъ еще увеличить выдачу вина: „Винныя порціи, какъ улучшеніе содержанія", писалъ этотъ исправникъ, „подавались вообще рабочимъ для поддержанія ихъ силъ отъ 2 до 5 разъ въ недѣлю, исключая экстренныхъ случаевъ, когда порціи эти давались не только каждый день, но и по 2 и по 3 въ день въ случаяхъ спѣшныхъ и нетерпящихъ отлагательства работъ. Также на нѣкоторыхъ пріискахъ давалось по 2 и по 3 порціи вина каждому рабочему въ праздничные дни, когда никакихъ работъ на пріискахъ этихъ не производилось". Исправникъ южно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1880 г. сообщаетъ, что „винныя порціи подаются рабочимъ [1]) два раза въ недѣлю, а старательные рабочіе за выработки уроковъ [2]) получаютъ порціи ежедневно, а также и тѣ, которые работаютъ въ водянистыхъ мѣстахъ". Изъ отчета за 1883 г. южно-енисейскаго горнаго исправника видно, что и здѣсь въ праздничные дни, въ которые совсѣмъ не бываетъ работъ (а такихъ дней было очень мало), винныя порціи (по $^1/_{100}$ ведра) подавались два раза въ день. Въ 1888 г. въ сѣверно-енисейскомъ округѣ, какъ видно изъ отчета мѣстнаго окружного инженера, рабочіе отъ двухъ до четырехъ разъ въ недѣлю получали по винной порціи; „послѣдняя однако же въ большинствѣ случаевъ отпускалась *только какъ поощрительная мѣра* за исполненіе заданнаго урока". Въ южной части Енисейскаго округа въ томъ же году, по словамъ мѣстнаго окружного инженера, „винныя порціи выдавались рабочимъ большею частью 2 раза въ недѣлю, на нѣкоторыхъ же промыслахъ, смотря по трудности работъ, ежедневно". Въ число этихъ порцій не входятъ отпускавшіяся за подъемное золото. „Къ подобной мѣрѣ прибѣгаютъ однако же только мелкіе золотопромышленники, не стѣсняясь за 30°-ую водку взимать по 7 доль изъ сданнаго золота, т.-е., иначе говоря, продавать ведро 80° спирта по 75 р." Не знаемъ, выдавалась ли у крупныхъ золотопромышленниковъ водка лучшаго качества, но что во всякомъ случаѣ водка отпускалась рабочимъ за принесенное золото, мы были этому сами свидѣтелемъ въ 1891 г. на одномъ изъ наиболѣе богатыхъ пріисковъ южно-енисейской системы. Золотопромышленники Енисейскаго округа въ своей запискѣ 1892 г. говорятъ: „Долголѣтнее наблюденіе и опытъ убѣдили насъ въ неудержимомъ, доводящемъ до болѣзненной жадности, стремленіи рабочихъ къ спиртнымъ напиткамъ, а потому мы, на основаніи циркулярнаго распоряженія генералъ-губернатора Синельникова" (т.-е. барона Фредерикса), „и ввели уже въ обычай выдачу имъ винныхъ порцій не менѣе двухъ-трехъ разъ въ недѣлю, а при трудныхъ работахъ почти ежедневно. Такой обычай въ глазахъ рабочихъ пере-

[1]) Въ отчетѣ 1883 г. сказано: „всѣмъ рабочимъ".

[2]) Въ отчетѣ за 1883 г. прибавлено: „съ начала промывки"

шелъ уже теперь въ безусловное право, и они настоятельно требуютъ себѣ винныхъ порцій даже тогда, когда и не заслуживаютъ оныхъ. Мало того, они требуютъ передачи такихъ же порцій за непьющихъ таварищей,—пріисковымъ же управленіямъ, въ виду ихъ полнаго безсилія (?), приходится удовлетворять подобныя требованія". Такимъ образомъ, несомнѣнно, что количество вина, выдаваемое рабочимъ на пріискахъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ значительно возрасло, но оно выдавалось, главнымъ образомъ, за исполненіе извѣстныхъ уроковъ или вмѣсто платы за подъемное золото. „Крѣпко вошло въ обычай", говоритъ г. Ячевскій, „чтобы за всякую сверхурочную работу платить спиртомъ. Это дѣлается какъ по отношенію къ отдѣльнымъ рабочимъ, такъ и по отношенію къ цѣлымъ командамъ. Я никогда не слышалъ, чтобы рабочему кто-нибудь посулилъ хоть гривенникъ за особую его услугу; напротивъ, всегда приходится слышать одну неизмѣнную фразу: получишь порцію. Результатомъ явилось то, что масса пріисковыхъ рабочихъ страдаетъ алкогольнымъ отравленіемъ, при которомъ, какъ при морфиноманіи, спиртъ становится органической потребностью. Неоспоримо, что и прежніе золотопромышленники пользовались изъ-за личной выгоды склонностью рабочихъ къ водкѣ и, такимъ образомъ, постепенно пріучили ихъ къ обилію винныхъ подачекъ, какъ къ необходимому аттрибуту пріисковой жизни". Но, справедливо осуждая допущеніе винной порціи не какъ удовлетвореніе извѣстной потребности рабочихъ, а какъ орудіе выжиманія изъ нихъ большей прибавочной стоимости, г. Ячевскій перегибаетъ дугу въ другую сторону и высказывается противъ всякой обязательной выдачи вина рабочимъ, хотя, если бы такая выдача производилась въ извѣстномъ ограниченномъ количествѣ, она вовсе не должна была вызывать „алкогольнаго отравленія" рабочихъ. Г. Ячевскій съ сожалѣніемъ говоритъ о томъ, что обычай покупать всякую сверхъурочную работу винными порціями „повліялъ и на высшую въ краѣ административную власть", и затѣмъ сообщаетъ о вывѣшенномъ на пріискахъ распоряженіи генералъ-губернатора относительно обязательной выдачи два раза въ недѣлю винной порціи (см. выше). Онъ не замѣчаетъ, что между порицаемымъ имъ обычаемъ и заботой администраціи о выдачѣ рабочему вина въ весьма умѣренномъ количествѣ нѣтъ рѣшительно ничего общаго, и потому между указанными двумя явленіями вовсе нѣтъ причинной связи. „Мотивомъ такого распоряженія", продолжаетъ г. Ячевскій, „какъ утверждаютъ, было сознаніе, основанное на заявленіи врачей", что при „тяжелой пріисковой работѣ водка необходима, какъ подкрѣпляющее питательное (?) средство... Указываютъ еще на другой мотивъ", что, съ установленіемъ обязательной выдачи водки, „она сама по себѣ должна потерять часть привлекательности въ глазахъ рабочаго и должна, съ другой стороны, въ

нѣкоторой степени, ослабить ея значеніе въ рукахъ золотопромышленниковъ". Въ дѣйствительности, задумываясь еще въ 1863 г. надъ введеніемъ обязательныхъ ежедневныхъ винныхъ порцій въ обиходъ пріисковой жизни, высшее начальство Восточной Сибири надѣялось такимъ образомъ достигнуть того, что рабочіе не будутъ съ такою жадностью набрасываться на запретное для нихъ вино и не будутъ пропивать своихъ заработковъ. Возобновленіе этого вопроса въ 1876 г. при баронѣ Фредериксѣ было вызвано особеннымъ усиленіемъ спиртоношества и вызваннымъ имъ на одномъ пріискѣ волненіемъ, для усмиренія котораго администрація прибѣгла „къ особеннымъ экстреннымъ мѣрамъ". Такимъ образомъ, г. Ячевскій не совсѣмъ правильно понимаетъ мотивы дѣйствія администраціи, а между тѣмъ ему кажется, что онъ побѣдоносно разбиваетъ ихъ: „ни мотивы этихъ распоряженій", говоритъ онъ, „не выдерживаютъ критики, ни послѣдствія не оправдываютъ надеждъ, возлагавшихся на эту мѣру. Пріисковая работа по своему характеру никоимъ образомъ не можетъ быть причислена къ разряду тяжелыхъ работъ (?!). Она и легче, и здоровѣе рудничной и заводской работы [1]), видѣть же въ спиртѣ постоянно подкрѣпляющее или питательное средство" (кто это считалъ водку питательною?) „для врача, по меньшей мѣрѣ, непростительно. Но разъ обычай получилъ санкцію высшей мѣстной власти, то онъ не допускаетъ борьбы со зломъ со стороны нѣкоторыхъ разумныхъ предпринимателей. Пристрастившійся къ водкѣ рабочій находитъ поощреніе (?) въ этомъ отношеніи даже въ высшемъ начальствѣ". Все приведенное показываетъ, что г. Ячевскій не уяснилъ себѣ этого вопроса и, самъ того не замѣчая, говоритъ, быть можетъ, со словъ золотопромышленниковъ, недовольныхъ тѣмъ, что ихъ обязываютъ къ новымъ затратамъ и притомъ мѣшаютъ дѣлать изъ вина орудіе эксплоатаціи силъ рабочаго.

Г. Ячевскій винитъ врачей въ томъ, что они доказываютъ необходимость обязательныхъ выдачъ винныхъ порцій, а между тѣмъ, за полгода до напечатанія его статьи, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ сибирскихъ врачей, В. М. Крутовскій, высказался, напротивъ, за уничтоженіе на пріискахъ обычая выдавать винныя порціи, такъ какъ частая выдача ихъ создаетъ у рабочихъ привычку къ вину. Но этотъ пунктъ его симпатичнаго доклада вызвалъ совершенно справедливыя возраженія въ „Восточномъ Обозрѣніи". „Авторъ, увлекаясь теоретическими научными

---

[1]) Нужно замѣтить, что въ другомъ мѣстѣ своей статьи г. Ячевскій самъ указываетъ на слишкомъ большую продолжительность лѣтняго рабочаго дня на пріискахъ, который, по его словамъ, „не менѣе 14—15 часовъ" и на то, что „урокъ дается далеко не малый—до 2 куб. с. песковъ на 2 рабочихъ и 1 лошадь". Напомнимъ еще, что на пріискахъ, особенно южно-енисейскаго округа, есть и подземныя работы.

соображеніями", говоритъ въ этой газетѣ г. Клеменцъ, „приписываетъ разстройство здоровья рабочихъ такимъ явленіямъ, которыя вовсе не составляютъ принадлежности одной пріисковой жизни, напр., употребленію табаку и водки. Употребленіе того и другого распространено не на однихъ пріискахъ. Гигіенисты могутъ, сколько угодно, доказывать вредность спиртныхъ напитковъ для организма и употребленія наркотическихъ веществъ, но тѣмъ не менѣе, начиная отъ голаго дикаря и оканчивая англійскою лэди, всѣ прибѣгаютъ къ нимъ... Пьютъ рабочіе и напиваются не отъ порцій, а отъ вина, покупаемаго на сторонѣ или у своего же хозяина за свой собственный счетъ, пьютъ при наймѣ и при разсчетѣ" [1]).

Заработки рабочихъ на пріискахъ значительно уменьшаются, а иногда и сводятся къ нулю, благодаря высокимъ цѣнамъ на товары въ пріисковыхъ лавкахъ. Весьма важнымъ средствомъ эксплоатаціи рабочихъ является также продажа спирта рабочимъ, которою, не смотря на противозаконность такой торговли, занимались многіе изъ золотопромышленниковъ. Въ подтвержденіе этого сошлемся на свидѣтельство лица, управлявшаго позднѣе промыслами Асташева (въ южн.-енис. окр.) П. Гудкова: „всякому изъ золотопромышленниковъ извѣстно (хотя открыто никто ни на кого не укажетъ)", писалъ онъ въ 1877 г., „что въ средѣ ихъ есть такіе, которые злоупотребляютъ выдачею рабочимъ спирта, а чаще водки... *прямо въ плату* или за вещи, принесенныя... съ чужого пріиска, а, можетъ быть, даже и за золото, тоже, конечно, съ другого пріиска" [2]). Горный исправникъ южно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1883 г. также свидѣтельствуетъ, что „сбытомъ и распродажею спирта... занимаются нѣкоторые золотопромышленники... преимущественно еврейской націи". По словамъ г. Уманьскаго, „крупные капиталисты... гнушаются мелочною торговлею спиртомъ, доставляя спиртъ оптомъ мелкимъ арендаторамъ, а тѣ уже производятъ раздробительную продажу. Торговля эта, благодаря ея запрещенному характеру и страсти къ спирту пріисковыхъ рабочихъ, приноситъ и арендаторамъ крупные барыши. За бутылку спирта въ 30—40° (воды прибавлять не жалѣютъ) берутъ отъ 1 до 2 р., а такъ какъ изъ ведра спирта получается бутылокъ 40", то такое ведро, стоющее въ Енисейскѣ около 10 р., продается за 40—80 р. Торговля спиртомъ прикрывалась тѣмъ, что для выдачи вина рабочимъ „въ порцію", мѣстная администрація дозволяла ввозъ на пріиски опредѣленнаго количества спирта, соотвѣтственно числу рабочихъ. Но на всякомъ пріискѣ, по свидѣтельству г. Уманьскаго, его держали въ количествѣ, далеко превышавшемъ дѣйствительную въ немъ

[1]) „Вост. Обозр." 1892 г. № 11, стр. 13—14.
[2]) Дѣло Арх. Горн. Испр. южн.-енис. окр. 1877 г. № 31.

потребность, и нерѣдко выдавали за старательское золото какъ своимъ рабочимъ, такъ и чужимъ. По свидѣтельству мѣстнаго наблюдателя, въ южноенисейской тайгѣ разсчетные листы рабочихъ были наполнены (въ 1880 г.) выдачами „со счета кассы", что означало спиртъ, проданный по 2 р. за бутылку, т.-е. по 32 р. за ведро [1]). Нѣкоторые золотопромышленники устраивали двойную спекуляцію на пьянствѣ рабочихъ: во-первыхъ, они дорого продавали имъ вино, а, во-вторыхъ, донимали штрафами за пьянство. Рабочіе, находившіеся на пріискѣ X — ва въ 1884 г., разсказывали, что управленіе пріиска въ уплату за подъемное золото выдавало водку по 20 к. за крючекъ, а также и бутылками, смотря по количеству принятаго золота, и если рабочіе, взявшіе водку, съ похмѣлья на другой день не выходили на работу, ихъ штрафовали 3 р., которые и удерживались при разсчетѣ, но тѣмъ изъ оштрафованныхъ рабочихъ, которые послѣ разсчета поступали вновь въ работу на слѣдующую операцію, штрафъ слагался со счета [2]). Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1872 г.: „носится слухъ, и весьма основательный, что въ число платы идутъ водка и спиртъ по баснословнымъ цѣнамъ (бутылка спирта до 5 р.), но доказать этого невозможно: рабочіе не выдадутъ" [3]). „Прежде бывало", разсказываетъ авторъ одной изъ статей о енисейской золотопромышленности, „торговали водкою и спиртомъ такъ называемые „спиртоносы"; цѣдыя состоянія сколачивали они этою торговлею. Теперь же кулаки-золотопромышленники, изъ которыхъ иные раньше были сами спиртоносами, совсѣмъ отбили у нихъ хлѣбъ". По словамъ г. Уманьскаго, пріобрѣтеніе краденаго золота въ обмѣнъ на спиртъ мелкими золотопромышленниками „въ значительной степени уменьшило въ послѣднее время" (во второй половинѣ 80-хъ годовъ) „спеціальное спиртоношество" [4]). Отъ самихъ управляющихъ пріисками намъ приходилось слышать, что спиртоносамъ не зачѣмъ ходить, такъ какъ на многихъ пріискахъ и безъ того можно купить вино. И спиртоносы иногда являются лишь агентами мелкихъ золотопромышленниковъ или подрядчиковъ-

---

[1]) *Уманьскій*, стр. 62, 147; „Сибирь" 1880 г. № 5, стр. 5. О продажѣ на пріискахъ спирта 50—60° по 2 р. за бутылку см. также „Сибирь" 1878 г. № 36, стр. 5; ср. „Сибир. Газ." 1885 г. № 9, стр. 218, 1884 г. № 37, стр. 914.

[2]) „Сиб. Газ." 1884 г. № 46, стр. 1131. О громадныхъ барышахъ золотопромышленниковъ отъ торговли водкой см. „Сибир. Вѣстн." 1886 г. № 43, стр. 3; ср. № 93, стр. 3 и „Сиб. Газ." 1884 г. № 40, стр. 981. По словамъ золотопромышленника Черемныхъ, рабочіе платили за бутылку спирта по 3 — 5 р. „Вѣстн. Золот." 1892 г. № 11, стр. 154.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2555 № 106/160, л. 296. О солидарности въ этомъ отношеніи рабочихъ свидѣтельствуетъ и г. Ячевскій.

[4]) „Сибирь" 1881 г. № 29, стр. 5; *Уманьскій*, стр. 148.

золотничниковъ. Про такихъ золотопромышленниковъ, дающихъ спиртъ въ обмѣнъ на краденое золото, говорятъ, что они „моютъ золото на деревянной бочкѣ".

О настоящихъ спиртоносахъ сообщилъ въ 1880 г. слѣдующія свѣдѣнія крестьянинъ (бывшій титулярный совѣтникъ) Карлъ Реймерсъ: „Спиртоношествомъ занимаются крестьяне и поселенцы, живущіе въ ближайшихъ отъ промысловъ деревняхъ, люди—или бросившіе хлѣбопашество, или не желающіе заняться какимъ-либо честнымъ трудомъ... Одни изъ нихъ, побѣднѣе, отправляются пѣшкомъ, а побогаче—на лошадяхъ, всегда вооруженные револьверами и ножами, пробираются по извѣстнымъ имъ... тропинкамъ и такимъ порядкомъ достигаютъ до промысловъ, гдѣ собираются партіями, имѣя изъ среды своихъ опытныхъ по ихъ профессіи начальниковъ. Заготовленный ими спиртъ складываютъ въ „заранѣе вырытыя" ямы. Послѣ этого спиртоносы „подъ видомъ рабочихъ" разсыпаются по пріискамъ, отыскиваютъ знакомыхъ имъ рабочихъ и сообщаютъ имъ, что спиртъ пришелъ. При этомъ извѣстіи рабочіе, имѣющіе золото, являются въ лѣсъ, сдаютъ золото, а неимѣющіе его приносятъ одежду и обувь... Если кто изъ спиртоносовъ настигается казаками, то старается откупиться, а въ случаѣ несогласія доставляется въ канцелярію горнаго исправника, гдѣ отъ него отбираютъ спиртъ, вещи, золото и проч. Куда все это поступаетъ", говоритъ Реймерсъ, „это тайна или, по крайней мѣрѣ, мнѣ не извѣстно... Спиртоносы, имѣя на каждомъ пріискѣ на своей сторонѣ рабочихъ, дѣйствуютъ смѣло, и дерзость ихъ до того доходитъ, что они являются въ домъ золотопромышленника вооруженными, требуютъ мяса, хлѣба, за что платятъ. Отказать спиртоносу не посмѣетъ ни одинъ золотопромышленникъ, арестовать его и представить къ исправнику—тѣмъ менѣе. Попытка золотопромышленниковъ организовать на свой счетъ летучую команду казаковъ для ловли спиртоносовъ не привела ни къ какимъ результатамъ [1]). По словамъ другого лица, спиртоносы отправлялись изъ Енисейска, начиная съ іюня мѣсяца, и особенно увеличивалось ихъ число въ августѣ, когда у рабочихъ появляются деньги и золото: „идутъ они, кто на лодкахъ до рѣки Пита, а кто горою, смотря по количеству спирта (возятъ ведеръ по 40 на одного), который разливаютъ въ мелкую посуду и везутъ на лошадяхъ по тропамъ, имъ только извѣстнымъ... Денежные рабочіе иногда покупаютъ у нихъ спиртъ для перепродажи на пріиски своимъ товарищамъ". Спиртоносы и сами появляются ночью на пріискахъ, въ рабочихъ казармахъ, когда служащіе спятъ. При дѣлежѣ добычи артелью спиртоносовъ, дѣло оканчивалось иногда убійствомъ, чтобы завладѣть долею товарища; случалось, что спиртоносы убивали среди пріиска рабочихъ, сдѣлавшихъ на нихъ доносъ. Спиртоносы, по словамъ г. Уманьскаго, „составляютъ идеалъ для каждаго рабочаго": объ ихъ подвигахъ „любятъ поговорить вечеркомъ или въ минуты отдыха среди работы" [2]).

Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1882 г. прямо приписываетъ развитіе спиртоношества недостаточной выдачѣ водки рабочимъ на промыслахъ: онъ говоритъ, что спиртоносовъ „почти не замѣчается тамъ, гдѣ рабочіе довольствуются водкою

---

[1]) Арх. Горн. Деп., дѣло отдѣленія частной золотопромышленности 1880 г. № 71.
[2]) „Сибирь" 1876 г. № 46; *Уманьскій*, стр. 148.

ежедневно“ [1]). Въ новѣйшее время вновь встрѣчаемъ жалобы на усиленіе спиртоношества [2]).

Пріисковая жизнь самымъ развращающимъ образомъ дѣйствуетъ на рабочихъ, среди которыхъ есть безнадежные пьяницы и игроки. По словамъ одного мѣстнаго наблюдателя, „хотя на отдыхъ рабочимъ и дается ночью часа 4 лѣтомъ и 6 осенью, но и этимъ временемъ рабочіе не всегда пользуются для отдыха; иные цѣлыя ночи на пролетъ проводятъ въ азартныхъ играхъ, какъ-то: штосъ, стуколка, „трынка“ и проигрываютъ до послѣдней копѣйки свой заработокъ,—иные же уходятъ съ краденымъ золотомъ на другіе станы, проводя тамъ ночи въ кутежахъ; на утро въ концѣ истощенный рабочій едва тащится на работу, гдѣ „за лѣнь“ будутъ угощать его ругательствами, а иногда и побоями [3]). Золотопромышленники стараются выдворить картежниковъ съ своихъ промысловъ, такъ какъ выигрышъ они сейчасъ же несутъ продавать, кутятъ, поднимаютъ ссоры. Особенно сильная картежная игра бываетъ во время разсчета. Впрочемъ, не всѣ пріисковые рабочіе пьяницы: по словамъ золотопромышленника Черемныхъ, „на пріискахъ случается до 10% и совсѣмъ непьющихъ рабочихъ, получающихъ въ замѣнъ спирта масло, сахаръ и проч... Попадаются изъ сибирскихъ крестьянъ такіе, которые не прочь выпить даровой хозяйскій крючекъ водки, но въ то же время расходовать на это своихъ денегъ не станутъ... Это явленіе въ послѣднее время стало встрѣчаться все чаще и чаще“ [4]).

Горемычная доля пріисковыхъ рабочихъ хорошо изображена въ слѣдующей пѣснѣ, которую до сихъ поръ распѣваютъ на енисейскихъ золотыхъ промыслахъ:

„Молодцы отъ Мясникова
Съ молодцами Голубкова [5])
Въ кабачкѣ сошлись.
Они водки много пили,
Очень рѣзко говорили,
Ну и... подрались!
Подрались и помирились,
А потомъ развеселились,
Стали пѣсни пѣть:

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2768 № 63/53 л. 835.

[2]) „Вѣст. Золот.“ 1894 г. № 10, стр. 190—191.

[3]) *В—въ*. „Замѣтки о золотопромышленности въ Енисейскомъ округѣ“, „Сибирь“ 1881 г. № 29, стр. 5. Въ неизданномъ письмѣ золотопромышленнику Крутовскому (1873 г.) мы находимъ извѣстіе, что „весь Надеждинскій пріискъ спился, сломали казенку запечатанную, и кутили всѣ, сколько есть на пріискѣ; нарочный конюхъ посланъ за помощникомъ исправника для разбирательства“. О развращающемъ вліяніи золотыхъ промысловъ на рабочихъ см. „Сибирь“ 1881 г. № 29; *Уманьскій*, стр. 119.

[4]) „Вѣст. Золот“. 1892 г. № 11, стр. 154.

[5]) Мясниковъ и Голубковъ—енисейскіе золотопромышленники 40—50-хъ годовъ.

„Мы по собственной охотѣ
Были въ каторжной работѣ—
Въ Сѣверной тайгѣ.
Тамъ пески мы промывали,
Людямъ золото искали,—
Себѣ не нашли.
Пріисковые порядки
Для однихъ хозяевъ сладки,
А для насъ—бѣда!
Какъ исправникъ съ ревизоромъ
По тайгѣ пойдутъ дозоромъ,
Ну, тогда смотри!
Одинъ спьяна, другой сдуру
Такъ отлупятъ тебѣ шкуру,
Что только держись.
Тамъ не любятъ шутить шутки,
Тамъ работали мы въ сутки
Двадцать два часа!
Щи хлебали съ тухлымъ мясомъ,
Запивали жидкимъ квасомъ—
Мутною водой.
А, бывало, хлѣба корка
Станетъ въ горлѣ, какъ распорка,
Ничѣмъ не пропхнешь.
Много денегъ намъ сулили,
Только мало получили:
Вычетъ одолѣлъ.
Выпьемъ съ горя на остатки,
Поберемъ мы всѣ задатки—
И опять въ тайгу!“ [1])

Въ контрактахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, какъ и въ прежнее время, мы находимъ обыкновенно условіе, что рабочіе не могутъ приводить своихъ женъ на промысла безъ разрѣшенія пріисковаго управленія [2]), причемъ женщины должны исполнять возложенную на нихъ работу за извѣстное вознагражденіе; въ такомъ случаѣ онѣ получали содержаніе, обыкновенно, наравнѣ со всѣми рабочими, если же отказывались исполнять работу, то мужья должны были уплачивать за нихъ или отрабо-

[1]) Пѣсня эта записана въ 1887 г. Ѳ. В. Стратоновичемъ со словъ рабочаго на Александровскомъ (бывшій Алымовскій) пріискѣ Базилевскаго и Черемныхъ въ южно-енисейскомъ округѣ. Одинъ недостающій куплетъ этой пѣсни заимствованъ изъ варіанта, напечатаннаго въ „Русской Жизни“ 1894 г. № 50. Другой варіантъ напечатанъ въ „Сиб. Газ.“ 1886 г. и перепечатанъ въ книгѣ „Отголоски Сибири“, сборникѣ стихотвореній, изд. подъ ред. Ив. Брута. Т. 1889 г., стр. 85—86.

[2]) Въ случаѣ нарушенія этого правила по договорамъ съ Асташевымъ (1875 и 87 гг.) пріисковое управленіе могло выслать женщину въ первое жилое мѣсто, а съ виновнаго вычесть по 5 р. „съ каждой личности“.

тывать отъ 3 р. до 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ [1]), а иногда прибавляется, что въ случаѣ уклоненія женщины отъ возлагаемой на нее работы, какого-либо ослушанія или дурного поведенія пріисковое управленіе можетъ выслать ее съ промысла, причемъ мужья не должны оставлять своихъ работъ и обязаны отправить женъ на свой счетъ.

Въ двухъ изъ извѣстныхъ намъ договорахъ (съ Асташевымъ въ 1875 и 87 гг.) прибавлено, что за дѣтей рабочіе должны вносить половину, а по договору съ К° Кузнецова и Щеголевыхъ (1870 г.) назначенъ вычетъ за содержаніе женъ и дѣтей по 3 р. 50 к., въ договорѣ же съ К° Ячменева и Хотимскаго (1871 г.) за жену, дѣтей и родственниковъ полагается вычетъ по 4 р. за каждаго. По отчетамъ южно-енисейскаго горнаго исправника за 1883 и 85 гг., за женщинъ назначался вычетъ 3—5 р., а за дѣтей 2—4 р., а въ 1888 и 89 гг., по отчетамъ окружныхъ инженеровъ, за женъ и дѣтей одинаково по 3—5 р. Въ нѣкоторыхъ договорахъ прибавлено, что указанный вычетъ производится только за хлѣбъ, или за хлѣбъ, соль и крупу, т.-е. жена рабочаго имѣла право за взносимыя ея мужемъ деньги получать не полное содержаніе, а только хлѣбъ и названные припасы. Въ договорѣ съ Кытмановымъ (1872 г.) сказано: „женщинъ и родственниковъ при себѣ на пріискѣ мы безъ дозволенія управленія имѣть не должны, въ противномъ же случаѣ, должны платить назначенную сумму за ихъ содержаніе по 4 р. с. въ мѣсяцъ“; такой договоръ какъ будто давалъ рабочему право держать при себѣ женщину и безъ разрѣшенія управленія, лишь внося за нее ежемѣсячно извѣстную сумму; но, быть можетъ, это только недостаточно умѣло выраженное запрещеніе приводить ихъ съ собою; по крайней мѣрѣ, въ договорѣ съ Кытмановымъ 1885 г. сказано, что рабочіе безъ дозволенія управленія не имѣютъ права держать на пріискѣ женъ и дѣтей [2]). Изъ разсчетныхъ книгъ видно, что вычеты за содержаніе женщинъ, дѣйствительно, производились. Впрочемъ, на пріискахъ сѣверно-енисейскаго округа я слышалъ, что путная баба можетъ выработать вычитаемыя за ея содержаніе деньги мытьемъ бѣлья на рабочихъ (по 50 к. въ мѣсяцъ) и работою на сѣнокосѣ. Въ отчетѣ горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа (1881 г.) сказано, что на содержаніе членовъ семейства рабочаго, не исполнявшихъ никакихъ обязанностей на промыслахъ, выдавалась (конечно, за указанный вычетъ) одна ржаная мука, какъ это мы, впрочемъ, видѣли и изъ нѣкоторыхъ договоровъ [3]).

По условію на наемку рабочихъ для К° Бенардаки и Рязанова (1870 г.), наниматель обязывался принимать не болѣе 3% женатыхъ

---

[1]) Послѣдняя цыфра—въ договорѣ съ Асташевымъ 1875 г., а по договору съ нимъ же 1887 г.—4 р. Въ нѣкоторыхъ договорахъ опредѣленіе размѣра вычета предоставляется усмотрѣнію промысловаго управленія.

[2]) Отмѣтимъ еще, что по договору съ Базилевскимъ (1878 г.) съ общеконтрактныхъ рабочихъ вычетъ за женъ полагался въ размѣрѣ 5 р., а съ отрядныхъ, нанявшихся на вскрышу торфа, по 3 р. На промыслахъ Асташева въ 1895 г. взыскивали за содержаніе женщинъ по 4 р. въ мѣсяцъ. „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 1, стр. 15.

[3]) Нерѣдко въ томъ же пунктѣ договора, гдѣ запрещается приводить съ собою женъ безъ разрѣшенія пріискового управленія, мы находимъ запрещеніе имѣть при себѣ лошадей, рогатый скотъ и собакъ, а въ разсчетныхъ книгахъ иногда вычеты за содержаніе женъ и лошадей ставились въ одной графѣ.

рабочихъ, но въ дѣйствительности ихъ было болѣе. По оффиціальнымъ даннымъ количество женщинъ на промыслахъ Енисейскаго округа въ 1880, 82—84 и 86—87 гг. колебалось между 7 и 9%, въ 1884 г. спустилось въ южно-енисейскомъ округѣ почти до 5%, а въ 1887 г. было даже менѣе 2%; въ 1881 г. женщины на промыслахъ всего Енисейскаго округа составляли 6% рабочихъ [1]). (Если же взять всѣхъ рабочихъ, находившихся на пріискахъ и резиденціяхъ со всѣми женщинами и дѣтьми, то женщины, работавшія и неработавшія, составляли въ 1871 г. въ сѣверно-енисейскомъ округѣ 9%, а въ южно-енисейскомъ въ 1883 и 85 гг. 11%, въ 1884 г. 8%). Позднѣе количество женщинъ на промыслахъ сѣверно-енисейскаго округа осталось то же, а именно, въ 1889—90 гг. 7—9%, но на промыслахъ южной части этого округа оно значительно возросло, а именно, въ 1888—90 гг. равнялось 14—15% [2]), а потомъ опять уменьшилось, такъ что въ 1895 г. въ южно-енисейскомъ округѣ всѣ женщины составляли 9% [3]).

Относительно несовершеннолѣтнихъ рабочихъ енисейскій губернаторъ Педашенко разослалъ въ 1886 г. горнымъ исправникамъ запросъ, работаютъ ли на золотыхъ промыслахъ малолѣтніе, сколько ихъ, и какими работами они занимаются. На это исправникъ сѣверно-енисейской системы отвѣчалъ, что малолѣтніе рабочіе въ его округѣ находятся лишь на нѣкоторыхъ промыслахъ, что ихъ всего 65 человѣкъ въ возрастѣ отъ 13 до 16 л. и что большая часть ихъ состоитъ въ погонщикахъ лошадей при доставкѣ на промывальныя машины песковъ и при отвозкѣ торфовъ и гальки, нѣкоторые же находятся въ услуженіи въ конторахъ и у служащихъ [4]). Въ 1888—89 гг. несовершеннолѣтніе рабочіе нанимались въ Енисейскомъ округѣ въ возрастѣ отъ 14 до 17 л. [5]).

Какъ видно изъ оффиціальныхъ данныхъ, количество дѣтей, работавшихъ на промыслахъ въ Енисейскомъ округѣ, колебалось прежде отъ 1 до 4% [6]); то же было и въ 1889—90 гг. на промыслахъ сѣверно-

---

[1]) Судя по отчетамъ горнаго исправника южно-енисейской системы за 1883—84 гг. и сѣверно-енисейской за 1881 г., въ этихъ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ показано только число женщинъ, находившихся въ работѣ.

[2]) Повидимому въ южно-енисейскомъ округѣ показано не число работавшихъ, а число всѣхъ женщинъ.

[3]) „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 7, стр. 149.

[4]) Арх. Горн. Испр. сѣв.-енис. окр. 1886 г. № 13.

[5]) Дѣла канцеляріи томскаго горнаго управленія.

[6]) Тутъ, очевидно, имѣются въ виду только несовершеннолѣтніе, находившіеся въ работѣ; если же взять все пріисковое населеніе, то несовершеннолѣтніе въ сѣверно-енисейскомъ округѣ составятъ въ 1881 г. 4%, а въ южно-енисейскомъ въ 1883 г.—7%, въ 1884 и 85 гг. 5% всѣхъ рабочихъ, находившихся тогда на пріискахъ и резиденціяхъ. Арх. юж.-енис. горн. испр., отчеты за эти года.

енисейскаго округа, а въ южно-енисейскомъ число дѣтей значительно возрасло и равнялось 8—9% [1]).

Золотопромышленники стремились къ уменьшенію числа женщинъ на промыслахъ, считая ихъ лишь обремененіемъ въ виду обязанности давать имъ хлѣбъ, хотя и за извѣстный вычетъ. Они указываютъ обыкновенно на то, что присутствіе женщинъ на промыслахъ вызываетъ среди рабочихъ раздоры, такъ какъ они, обыкновенно, живутъ съ нѣсколькими мужчинами; бываютъ случаи, когда рабочій прямо заявляетъ золотопромышленнику, что онъ не ручается за себя и можетъ убить такую-то, живущую съ нимъ, женщину, и ее приходится выдворять. Мнѣ самому приходилось слышать такіе разсказы; отраженіе ихъ можно встрѣтить и въ печати [2]). Несомнѣнно, пріисковая жизнь дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на женщинъ [3]), но лица, разсказывающія все это, мало задумываются надъ тѣмъ, что виноваты въ этомъ золотопромышленники, которые стараются, какъ можно больше, сократить притокъ на пріиски женатыхъ мужчинъ: пока на промыслахъ одна женщина будетъ приходиться на 11—14 мужчинъ (какъ это было въ 1889—90 гг. на промыслахъ сѣвер.-енис. окр.), иныхъ нравовъ и быть не можетъ. Дайте рабочему возможность приводить съ собою жену, и онъ не будетъ предаваться разврату ни на пріискахъ, ни при выходѣ съ нихъ и сохраннѣе донесетъ свой заработокъ.

Въ общихъ контрактахъ рабочихъ съ золотопромышленниками, обыкновенно, упоминается о томъ, что нужныя имъ обувь и одежду рабочіе должны брать изъ хозяйскихъ лавокъ на пріискахъ въ счетъ платы за работу. Хотя въ разсматриваемое время, на основаніи циркуляровъ высшей мѣстной администраціи, таксы товаровъ должны были утверждаться горными исправниками и, дѣйствительно, утверждались ими, но въ контрактахъ, особенно первой половины 70-хъ годовъ, о цѣнахъ товаровъ говорится въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто они исключительно зависѣли отъ самихъ золотопромышленниковъ. Такъ, напр., въ договорѣ съ К° Фунтусова (1870 г.) сказано: „одежду и обувь должны имѣть свою собственную, но въ случаѣ надобности брать намъ оную и другія вещи въ счетъ нашей заработки изъ запасовъ управленія *по установленной отъ онаго цѣнѣ*“; впрочемъ, въ договорѣ того же года съ К° Базилевскаго (сѣв.-енис. окр.) говорится уже объ установленной по таксѣ цѣнѣ [4]). По договору К° Горохова, Рязанова и др. (1870 г.)

[1]) Вѣроятно, тутъ показаны несовершеннолѣтніе не только работавшіе, а всѣ находившіеся на промыслахъ.

[2]) См. напр., въ газетѣ „Сибирь“ 1878 г. № 26, стр. 5.

[3]) Это видно, напр., изъ книги г. *Уманьскаго*, стр. 117, 157, 158.

[4]) Также и въ договорѣ съ Асташевымъ 1870 г., а въ договорѣ съ нимъ же 1887 г. говорится объ „*утвержденной* таксѣ“. Въ договорахъ съ Базилевскимъ 1877 и 83 гг. упоминается объ „утвержденной мѣстнымъ начальствомъ таксѣ“.

товарныя вещи, одежду и обувь рабочіе должны были „получать на пріискѣ по выпискамъ въ разсчетные листы по цѣнамъ, стоющимъ компаніи, съ наложеніемъ процентовъ на задолженный капиталъ“ (слѣдовательно, о таксѣ тутъ также не упоминается), полученныя вещи рабочіе обязывались „отнюдь не растрачивать и не продавать“. Въ договорѣ той же компаніи 1872 г. также говорится о цѣнѣ, „установленой“ пріисковымъ управленіемъ, но въ договорѣ 1885 г. рѣчь идетъ уже о „цѣнахъ таксы, утвержденной исправникомъ“; относительно размѣра выдачи въ этомъ послѣднемъ договорѣ сдѣлана оговорка, что онъ долженъ зависѣть отъ „усмотрѣнія управленія“ и величины заработка, „настоятельно же требовать“ выдачи рабочіе не имѣли права. Въ договорахъ съ Асташевымъ (1870 и 87 гг.) воспрещается требовать изъ пріисковыхъ лавокъ „предметы, къ роскоши относящіеся и званію рабочихъ неприличные“. К° Иваницкаго, Жилля и Потапова (южно-енис. окр.) въ договорѣ съ рабочими 1888 г. установила и въ этомъ отношеніи очень стѣснительныя для рабочихъ правила: „одежда и обувь“, сказано въ этомъ договорѣ, „должны быть наши собственныя, если же у кого изъ насъ таковыхъ собственныхъ не окажется, то *въ случаѣ крайней необходимости*[1]), онъ можетъ въ счетъ заработка брать изъ хозяйскихъ запасовъ необходимыя одежныя вещи, но таковыя имѣетъ право получать *не болѣе 1 раза въ 2 мѣсяца*[2]); азямъ, полушубокъ, шапку и опояску рабочій можетъ получать не болѣе, какъ по 1 штукѣ во весь срокъ работъ; изъ тѣхъ же хозяйскихъ запасовъ рабочіе могутъ пріобрѣтать чай, сахаръ и другіе предметы или чрезъ покупку ихъ на наличныя деньги, или въ счетъ заработной платы, но въ послѣднемъ случаѣ не иначе, какъ по усмотрѣнію управленія“; „требовать отпуска въ долгъ этихъ предметовъ безъ разрѣшенія управленія никто не имѣетъ права“. Въ заключеніе пояснено, „что всѣ одежныя вещи, чай, сахаръ, табакъ и прочіе припасы, полученные рабочими изъ хозяйскихъ запасовъ, должны отпускаться по утвержденной начальствомъ таксѣ“.

Продажа рабочимъ необходимыхъ для нихъ товаровъ играетъ теперь большую роль въ промысловомъ бюджетѣ. По словамъ г. Уманьскаго, „нерѣдко можно встрѣтить любопытное явленіе, что пріиски, признанные негодными въ промышленномъ отношеніи, при существующей въ тайгѣ нормѣ содержанія золота, въ соединеніи съ торговлею начинаютъ приносить барышъ (стр. 61)“.

---

[1]) Лишь „въ крайнихъ случаяхъ“ допускается заборъ изъ пріисковыхъ запасовъ „самыхъ необходимыхъ вещей“ и въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ исправникомъ южно-енисейскаго округа въ 1874 г. (постановленіе это было взято изъ контракта Асташева).

[2]) По договору съ К° Ячменева и Хотимскаго (1871 г.) 1 разъ въ мѣсяцъ.

Въ нѣкоторыхъ контрактахъ рабочимъ воспрещалось брать изъ пріисковыхъ лавокъ предметы роскоши; такія же предписанія, напоминающія старыя времена золотопромышленности, пытались давать и нѣкоторые горные исправники. Въ 1885 г. исправникъ сѣверно-енисейскаго округа разослалъ циркуляръ, которымъ запрещалъ рабочимъ на пріискахъ носить кунгурскіе сапоги, красныя рубахи, ѣсть соленую рыбу, сласти, закуски и т. п., принадлежащіе, по мнѣнію исправника, къ предметамъ роскоши [1]). Подобныя попытки регламентаціи потребленія (вмѣсто болѣе строгаго нормированія цѣнъ въ таксахъ) не достигаютъ цѣли. „Прежде", говоритъ золотопромышленникъ Саввиныхъ, „не каждому давали на пріискахъ и по $^1/_2$ ф. сахару въ мѣсяцъ. А теперь даже большимъ должникамъ даютъ" (т.-е. отпускаютъ въ счетъ заработка) „ежемѣсячно, кромѣ нужныхъ вещей, 2—3 ф. сахару и столько же масла или сала, не говоря уже о другомъ" (но вѣдь сахаръ, масло и сало не должны считаться для рабочаго предметомъ роскоши при его крайне напряженномъ трудѣ). Рабочіе, имѣющіе небольшой долгъ, „берутъ больше и много выписываютъ муки пшеничной, мяса, крупчатки и проч., а одежда и обувь доходятъ до франтовства. Попробуйте теперь," продолжаетъ г. Саввиныхъ, „какъ было лѣтъ 20 тому назадъ, дать" много задолжавшему рабочему „холста на шаравары и рубашку. Да это для него будетъ такимъ оскорбленіемъ, что онъ и дня послѣ этого не пробудетъ на пріискѣ (?). Пунцовая рубашка, плисовыя или триковыя шаравары, сапоги, однорядка (а не азямъ: они уже вышли изъ моды)—вотъ въ общемъ внѣшность пріисковаго рабочаго теперь" [2]). Г. Саввиныхъ забываетъ только пояснить, когда рабочему удавалось на пріискахъ франтить такимъ образомъ при почти безпрерывной работѣ. По крайней мѣрѣ, при проѣздѣ по енисейскимъ промысламъ въ 1891 г., мы видѣли такими франтами, и то рѣдко, только конюховъ, которые отвозили насъ съ одного пріиска на другой.

Золотопромышленники пользуются монополіею торговли на пріискахъ. „Въ настоящее время въ золотоносныхъ районахъ", говоритъ г. Ячевскій, „рабочій, въ силу существующихъ узаконеній, въ періодъ промысловой операціи является" какъ бы „крѣпостнымъ человѣкомъ, потому что онъ на это время подчиняется особымъ узаконеніямъ. Въ золотоносную тайгу не можетъ явиться никто, кромѣ человѣка со свидѣтельствомъ на право заниматься золотымъ промысломъ; въ районѣ пріисковъ нельзя открыть лавки, нельзя поселиться какому-нибудь ремесленнику,—все это запрещается" и „смѣлыхъ пришельцевъ моментально выдворяютъ изъ тайги подъ конвоемъ казаковъ". По мнѣнію г. Ячев-

[1]) „Сиб. Газ." 1885 г. № 15, стр. 369.
[2]) „Сиб. Вѣстн." 1890 г. № 64.

скаго, „необходимо, чтобы рабочій получалъ деньги не заразъ, а по частямъ, чтобы онъ имѣлъ возможность расходовать ихъ по своему усмотрѣнію, чтобы не былъ обязанъ пріобрѣтать нужныя ему вещи въ одномъ пріисковомъ магазинѣ, а пользовался для того свободнымъ выборомъ“.

Однако, вольные торговцы начинаютъ понемногу проникать въ енисейскую тайгу. Въ 1882 г. мѣстные золотопромышленники просили высшее начальство о воспрещеніи частной свободной торговли на промыслахъ, которая, однако, „если и велась, то велась съ большими стѣсненіями, была обложена большими поборами въ пользу горныхъ исправниковъ и ихъ семей, которые обирали въ долгъ бѣднаго торговца“. Енисейскій губернаторъ, по словамъ одной газеты, нашелъ просьбу золотопромышленниковъ неправильной, такъ какъ не нашелъ въ законѣ дозволенія стѣснять эту торговлю въ районѣ промысловъ. По словамъ этой газеты, „допущеніе свободной торговли неминуемо повліяетъ на пониженіе пріисковыхъ таксъ, которыя хотя и утверждались горнымъ исправникомъ, но были всегда на руку хозяевамъ, содержавшимъ его на свой счетъ“ [1]). По словамъ г. Уманьскаго, „въ половинѣ 80-хъ годовъ появились частныя лавочки, разъѣзжаютъ торговцы, притомъ рабочему не воспрещаютъ покупать и на чужихъ пріискахъ, но торговая монополія удерживается въ рукахъ золотопромышленниковъ, благодаря тому, что рабочіе получаютъ плату только въ концѣ операціи, по сдачѣ золота, а до тѣхъ поръ принуждены брать все въ кредитъ“ (стр. 130). В. Кулибинъ, усердный защитникъ интересовъ золотопромышленниковъ въ замѣчаніяхъ 1887 г. на выработанный въ Иркутскѣ проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промысла говоритъ: „Слѣдовало бы опредѣлить, имѣютъ ли право въ районахъ золотопромышленныхъ округовъ производить торговлю дозволенными вещами и припасами пріѣзжающіе вольные торговцы, какъ „это, напр., практикуется въ Енисейскомъ округѣ“. Но даже и онъ полагаетъ, что „нельзя обязать рабочаго брать все ему необходимое непремѣнно въ магазинахъ пріиска, на которомъ онъ работаетъ, если цѣна на эти предметы будетъ ниже на другомъ пріискѣ“. Въ отчетѣ томскаго горнаго управленія за 1888 г. мы находимъ указанія, что „въ тайгу въ лѣтнее время иногда изъ ближайшихъ деревень привозились овощи, покупаемыя рабочими на расхватъ“. По словамъ г. Кулибина, „везутъ на пріиски и рыбу, и картофель, и капусту.., и многое другое“ [2]).

Относительно того, что цѣны, опредѣленныя въ пріисковыхъ таксахъ нерѣдко были слишкомъ обременительны для рабочихъ, можно

---

[1]) „Восточ. Обозр.“ 1882 г. № 36, стр. 7.
[2]) „Вѣст. Золот.“ 1894 г. № 7, стр. 145.

найти указанія и въ оффиціальныхъ источникахъ. Такъ, начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія, подполковникъ Банинъ, въ 1871 г. писалъ: въ нѣкоторыхъ пріисковыхъ лавкахъ „цѣны непомѣрно высокія", что дѣлаетъ рабочихъ „постоянными должниками хозяевъ". Даже побѣги съ пріисковъ Банинъ объясняетъ тѣмъ, что золотопромышленники, „желая на всемъ имѣть наживу, назначаютъ на товарныя вещи двойную цѣну и тѣмъ ставятъ рабочаго неоплатнымъ должникомъ, потому что товары, отпускаемые изъ магазиновъ, составляютъ необходимую потребность рабочаго [1])". Подобное же оффиціальное свидѣтельство мы имѣемъ и относительно конца 80-хъ годовъ. „Нельзя не замѣтить", сказано въ отчетѣ томскаго горнаго управленія за 1888 г., „что таксы бываютъ иногда слишкомъ высоки, такъ что даже солидныя компаніи, повидимому не гоняющіяся за барышемъ отъ продажи упомянутыхъ товаровъ по таксамъ, имѣютъ 15—20 тысячъ *чистаго дохода* на 600—700 человѣкъ рабочей команды; такимъ образомъ каждый рабочій оставляетъ въ пользу золотопромышленника или компаніи" не менѣе 23—25 р. изъ своего лѣтняго заработка [2]).

Пріисковыя таксы въ разсматриваемый періодъ утверждались горными исправниками, съ собраній же золотопромышленниковъ съ цѣлью регулированія таксъ, подобныхъ тѣмъ, какія были въ 60-хъ годахъ, не происходило, несмотря на то, что они предписывались § 14 инструкціи горнымъ исправникамъ 1874 г. [3]); по крайней мѣрѣ, мы не нашли указаній на такія собранія.

О порядкѣ утвержденія таксъ горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа сообщаетъ въ 1881 г. слѣдующее: „Исполняя (?) § 14 инструкціи горныхъ исправниковъ, я ежегодно требую отъ подвѣдомственныхъ лицъ пріисковыхъ управленій, чтобы они представляли на мое утвержденіе таксы въ 2 экземплярахъ для каждаго работающагося пріиска... Онѣ разсматриваются мною, исправляются, въ чемъ окажутся преувеличенныя цѣны, и одинъ изъ представленныхъ экземпляровъ каждой таксы, по сдѣланіи на немъ надписи объ утвержденіи его и послѣдовавшихъ исправленіяхъ, отсылается въ приславшее ихъ пріисковое управленіе для руководства и помѣщенія на дверяхъ пріисковаго магазина", чтобы рабочимъ и служащимъ были извѣстны утвержденныя цѣны; другой же экземпляръ съ исправленіями на немъ цѣнъ, сдѣланными мною въ отосланномъ экземплярѣ, остается отпускомъ при моемъ дѣлопроизводствѣ". Утвержденіе таксъ, по словамъ этого исправника, производилось имъ въ апрѣлѣ и маѣ, причемъ для провѣрки цѣнъ, выставленныхъ золотопромышленниками, исправникъ руководствовался справочными цѣнами въ Енисейскѣ на 1 марта [4]).

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2545, № 57/112, л. 295.
[2]) Дѣло канцеляріи Томскаго Горнаго Управленія 1888 г. № 31/2, л. 562 об.
[3]) *Розановъ.* „Сводъ дѣйств. узаконенія о частн. золотопр." изд. 2, стр. 128.
[4]) Дѣло Ирк. Горн. Упр., 1881 г. № 35, л. 39—40, 84.

Исправникъ южно-енисейскаго горнаго округа въ отчетѣ за 1883 г. говоритъ: „Неравномѣрность цѣнъ на нѣкоторые предметы является вслѣдствіе того, что состоятельные золотопромышленники закупаютъ все на наличныя деньги и потому пріобрѣтаютъ все дешевле и доброкачественнѣе; тѣ же, которые берутъ товары въ кредитъ, не только не пользуются уступкою, но иногда съ трудомъ запасаются ими по возвышеннымъ цѣнамъ и еще съ надбавкою немалыхъ процентовъ, а вовсе неимущіе берутъ эти товары здѣсь на пріискахъ, и тѣмъ они уже приходятся еще несравненно дороже. Ввиду этого“ уравнять цѣны „на всѣхъ пріискахъ“, по мнѣнію горнаго исправника, „невозможно“ [1]). Г. Уманьскій также говоритъ: хозяева сами берутъ товары въ кредитъ у городскихъ торговцевъ съ платою“ (управленіе пріисковъ, гдѣ онъ служилъ платило 12%), „а если къ этому прибавить стоимость провоза, то и имъ товары не обходятся дешево“ (стр. 130). Мы видѣли, однако, что, по свидѣтельству томскаго горнаго управленія (1888 г.), болѣе крупныя компаніи наживали хорошія деньги на продажѣ товаровъ и припасовъ рабочимъ. Что касается времени утвержденія таксъ, то, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ пріисковъ, оно затягивалось до іюля и даже до августа мѣсяца.

На основаніи дѣлъ о таксахъ архива горнаго исправника южной части Енисейскаго округа, мы составили таблицы цѣнъ на промыслахъ этого округа за 1879, 1880, 1888 и 1889 гг. Если мы сравнимъ цѣны за эти годы на наиболѣе нужные для рабочихъ товары съ цѣнами 1864 г., то увидимъ, что подешевѣлъ только сахаръ, остальные же товары изъ тѣхъ, на которые обратило вниманіе собраніе золотопромышленниковъ 1864 г., вздорожали, не смотря на то, что цѣны 60-хъ годовъ были въ свою очередь, за исключеніемъ чая, дороже цѣнъ 50-хъ годовъ [2]). Для сѣверной части енисейскаго округа, мы имѣемъ данныя относительно 1878 — 80 и 1889 гг. Сравнивая цѣны на промыслахъ сѣверной и южной частей Енисейскаго округа мы замѣчаемъ странное явленіе, что онѣ на сѣверно-енисейскихъ промыслахъ въ большинствѣ случаевъ дешевле, не смотря на то, что сѣверные промысла отстоятъ далѣе отъ торговыхъ центровъ Сибири и, слѣдовательно, доставка туда должна быть дороже. То же самое явленіе мы замѣчали въ 60-хъ годахъ относительно промысловъ Олекминскаго округа сравнительно съ Енисейскимъ. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что въ сѣверно-енисейскомъ округѣ мы находимъ болѣе крупныя промышленныя предпріятія, чѣмъ въ южномъ.

Исправникъ сѣверно-енисейскаго округа писалъ въ началѣ 80-хъ

---

[1]) Дѣло Арх. Горн. Испр. южн.-енис. окр. 1883 г. № 56.

[2]) Это можно видѣть изъ таблицы цѣнъ, напечатанной въ *Дополненіи V.*

годовъ, что при утвержденіи таксъ онъ руководствуется енисейскими справочными цѣнами на 1 марта. Мы имѣемъ справочныя цѣны г. Енисейска за мартъ 1889 г.: 1 п. сахара стоилъ тамъ 7 р. 80 к. За провозъ въ тайгу платили въ 1884 г., по словамъ г. Уманьскаго (стр. 60), 50—60 к. съ пуда; если мы примемъ 60 к. съ пуда, то, слѣдовательно, 1 п. сахара обходился золотопромышленнымъ компаніямъ 8 р. 40 к. за пудъ, т. е., по 21 к. за фунтъ, а продавался по 32—40 к., т. е., съ барышемъ въ 52—90%. Если даже исключить отсюда проценты, уплачиваемые многими золотопромышленниками за кредитъ, то все-таки они получали на сахарѣ весьма немалый барышъ. Кирпичъ чаю стоилъ въ Енисейскѣ 1 р. 10 к., въ тайгѣ 1 р. 30 к.—1 р. 60 к., 1 ф. черкасскаго табаку въ Енисейскѣ 24 к., въ тайгѣ 30—35 к., аршинъ холста (1-й сортъ) въ Енисейскѣ $11^1/_2$ к., въ тайгѣ 15—22 к., т.-е. на нѣкоторыхъ промыслахъ почти вдвое; конецъ дабы въ Енисейскѣ 2 р. 65 к., на промыслахъ 2 р. 80 к.—3 р. 40 к., пара барановыхъ рукавицъ въ въ Енисейскѣ 35 к., на промыслахъ 55—65 к., киргизскіе полушубки въ Енисейскѣ 2 р. 40 к., въ тайгѣ 3 р. 50 к.—4 р. 50 к. и проч. [1]). Промысла южно-енисейской системы лежатъ ближе къ Красноярску, чѣмъ сѣверно-енисейскіе, и слѣдовательно при большей дешевизнѣ доставки товара должны бы стоить дешевле, а между тѣмъ очень часто мы видимъ обратное [2]). Закупка на промыслахъ хлѣба, по отчету горнаго исправника за 1889 г., производилась преимущественно въ Канскомъ и Енисейскомъ округахъ, и лишь весьма немногіе, болѣе состоятельные, золотопромышленники имѣли устроенные на берегу Енисея близъ села Усть-Тунгузскаго склады, куда и закупали во время лѣтней навигаціи сплавной хлѣбъ изъ Минусинскаго округа. На мѣстѣ покупки въ этомъ году пшеничная мука стоила 1 р.—1 р. 30 к., а съ перевозкою изъ Енисейскаго и Канскаго округовъ 1 р. 40 к.—1 р. 95 к. за пудъ, на промыслахъ же она продавалась за 2 р.—2 р. 60 к.; если взять среднюю стоимость пуда пшеничной муки съ доставкою (около 1 р. 70 к.) и среднюю продажу на промыслахъ 2 р. 30 к., то окажется, что прибыль

---

[1]) Арх. Горн. Испр. сѣв. енис. окр., дѣло 1889 г № 4.

[2]) Относительно стоимости доставки на южно-енисейскіе промысла мы имѣемъ слѣдующія оффиціальныя свѣдѣнія. По отчетамъ мѣстнаго горнаго исправника въ 1880 г., доставка кладей на пріиски производилась по слѣдующимъ цѣнамъ: изъ енисейскаго округа 40—60 к., канскаго—50—65 к., красноярскаго—80—85 к. и изъ г. Томска по 1 р. 10 к. за пудъ; въ 1883 г. изъ Енисейска 30—45 к., изъ канскаго округа 30—40 к., красноярскаго 50—70 к., изъ Томска 1 р. 25 к.—1 р. 70 к. (Арх. южн.-енис. горн. испр., дѣло 1880 г. № 41, 1883 г. № 56); въ 1888 г. изъ енисейскаго округа 25—45 к., изъ канскаго 40—50 к, изъ красноярскаго 60—75 к., изъ томскаго 1 р. 60 к.—2 р. (дѣло томск. горн. упр. 1888 г. № 31/2). Поставка припасовъ въ тайгу не обогащала массы мѣстныхъ крестьянъ, а давала возможность наживаться только кулакамъ. См. „Сибирь“ 1879 г. № 9.

золотопромышленника превосходила 35%. Рабочіе очень много закупаютъ на промыслахъ масла и сала. Въ 1888 г., по отчету окружного инженера южно-енисейскаго округа, 1 п. коровьяго масла на мѣстѣ покупки обходился въ 9—14 р., на промыслахъ же онъ продавался по таксамъ 12—20 р., пудъ сала на мѣстѣ покупки стоилъ 6—8 р., а на пріискахъ 1 п. топленаго сала продавался за 7 р. 20 к.—16 р.; пудъ сахару на мѣстѣ покупки стоилъ 8—10 р., а на пріискахъ продавался по 14—20 р.

Мы приводили цѣны пріисковыхъ таксъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ утверждались горнымъ исправникомъ, золотопромышленники же очень часто желали назначить болѣе дорогія цѣны. Въ этомъ отношеніи очень любопытно письмо горнаго исправника Поротова въ главную контору В. И. Базилевскаго отъ 7 мая 1872 г. „Разсмотрѣвъ представленную ко мнѣ конторою Отраднаго пріиска К° Малевинскаго... таксу", писалъ исправникъ, „я нахожу, что цѣны... выставленныя въ той таксѣ, весьма высоки, въ особенности на сахаръ, что можно видѣть изъ прилагаемой при семъ вѣдомости, а потому я утвердить тѣхъ цѣнъ не могу. Имѣя по сему предмету строжайшее распоряженіе г. генералъ-губернатора Восточной Сибири, не дозволяющее допускать возвышенія цѣнъ на предметы, отпускаемые изъ магазиновъ, противъ дѣйствительной ихъ стоимости, я, вслѣдствіе этого, возвращаю означенную таксу въ главную квартиру г. Базилевскаго и покорнѣйше прошу пересоставить оную сообразно съ существующими цѣнами въ Енисейскѣ и провозною на товары платою отъ г. Енисейска до промысловъ" [1]). Уполномоченный В. И. Базилевскаго возражалъ, что провозная плата дороже указанной горнымъ исправникомъ и соглашался сбавить только цѣну на сахаръ съ 60 к. до 50 к. за фунтъ. Не знаемъ, какъ рѣшенъ былъ исправникомъ вопросъ о таксѣ В. И. Базилевскаго на операцію 1872 г., но въ слѣдующемъ 1873 г. многія изъ указанныхъ въ его таксахъ цѣнъ явились въ томъ же видѣ, другіе же припасы и товары продавались дешевле [2]). Въ 1880 г. управляющій промыслами В. И. Базилевскаго и Черемныхъ (сѣв.-енис. окр.) писалъ горному исправнику, что не можетъ согласиться на назначенную имъ цѣну кирпичнаго чаю въ 1 р. 80 к., такъ какъ самому управленію онъ обходится въ 1 р. 90 к., а между тѣмъ на промыслахъ Асташева (того же округа) въ этомъ году цѣна чая назначена была въ 1 р. 50 к., на пріискахъ Баландина въ 1 р. 60 к. [3]).

---

[1]) Къ этому письму было приложена вѣдомость, изъ которой мы приводимъ нѣкоторыя данныя въ *Дополненіи VI.*

[2]) А именно крупа ячная и гречневая 2 р. 10 к. за пудъ, пшеничная мука 2 р. 10 к., сахаръ 50 к. за фунтъ, ситецъ аршинъ—26 к. и сукно крестьянское—20 к. Арх. В. И. Базилевскаго въ Енисейскѣ.

[3]) Дѣло Ирк. Горн. Упр. 1881 г. № 35, л. 129—131, 137.

При утвержденіи таксъ горные исправники нѣсколько ограничивали чрезмѣрныя притязанія золотопромышленниковъ, сбавляя цѣны нѣкоторыхъ товаровъ и припасовъ, но нельзя не замѣтить, что они дѣлали это довольно несистематично, быть можетъ, руководствуясь нерѣдко не только тѣмъ, во что дѣйствительно обошелся товаръ пріисковому управленію, сколько особыми соображеніями, основанными на личныхъ отношеніяхъ къ тому или другому пріисковому управленію. Такъ, напр., при утвержденіи таксъ на 1880 г. горный исправникъ южно-енисейскаго округа справедливо обратилъ вниманіе на слишкомъ высокую цѣну сахара и у нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ понизилъ цѣну съ 60—55 к. за фунтъ до 40 к., но у другихъ осталось 60 и 50 к., и между прочимъ 50 к. было оставлено у такого крупнаго золотопромышленника, какъ В. И. Асташевъ, который могъ, конечно, заготовить сахаръ по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ какой-нибудь мелкій предприниматель, которому цѣна была сбавлена до 40 к. Точно также въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 1889 г. только у одного крупнаго золотопромышленника А. П. Кытманова цѣна сахара равнялась 40 к., а у всѣхъ остальныхъ была не болѣе 35 к. По словамъ г. Уманьскаго, ржаная мука, которая въ 1884 г. покупалась въ городѣ весною по 37 к. за пудъ, въ тайгѣ продавалось по 2 р. 25 к.; а пшеничная, стоившая 50 коп., продавалась по 2 руб. 55 коп.; между тѣмъ провозъ въ тайгу стоилъ всего 50—60 к. за пудъ [1]), бывало иной разъ и такъ, напр., въ 1879 г., что почти всѣ таксы оставались въ совершенно неприкосновенномъ видѣ, и пониженіе весьма многихъ цѣнъ разражалось надъ какою нибудь одною компаніею [2]), между тѣмъ какъ у другихъ компаній оставались безъ пониженія и болѣе высокія цѣны. Словомъ, въ этомъ дѣлѣ сказывалась не какая-либо правильная система, а скорѣе, личное усмотрѣніе и произволъ. Чаще другихъ товаровъ и припасовъ горные исправники южной части Енисейскаго округа понижали цѣны на сахаръ, кирпичный чай, ржаную муку, коровье масло, черкасскій табакъ, холстъ, спички. Не смотря на эти пониженія цѣны оставались крайне неравномѣрными на разныхъ промыслахъ.

Данныя о барышахъ, получаемыхъ золотопромышленниками, мы можемъ почерпнуть изъ статистическихъ свѣдѣній о промыслахъ В. И. Ба-

---

[1]) *Уманьскій*, стр. 60. Другіе примѣры слишкомъ большихъ цѣнъ товаровъ и припасовъ на промыслахъ см. „Сибирь“ 1878 г. № 36, стр. 5, 1880 г. № 5, стр. 5. Нужно замѣтить еще, что при продажѣ рабочимъ припасовъ въ большомъ размѣрѣ практиковалось обвѣшиваніе. *Уманьскій*, стр. 96. Въ 1885 г. исправнику сѣверно-енисейскаго округа пришлось напомнить золотопромышленникамъ, что не дозволяется записывать огуломъ выдачу вещей и припасовъ какъ на пріискахъ, такъ и во время найма. „Сиб. Газ.“ 1885 г. № 17, стр. 420.

[2]) Въ данномъ году компаніею Шарыпова и Мильштейна.

зилевскаго (сѣв.-енис. окр.) за 1877 — 87 гг. [1]) Сравнивъ стоимость заготовки и продажную цѣну 2 припасовъ, на которые на пріискахъ существуетъ большой запросъ, а именно масло и сахаръ, мы найдемъ, что барышъ на масло составлялъ въ 1878 г. 31%, въ 1879 г. 22—51%, въ 1880 г. 63%; на сахаръ: въ 1878 г. 72%, въ 1879 г. 61%, въ 1880 г. 78—86%. Неудивительно послѣ этого, что К° Бозилевскаго получила на этихъ промыслахъ въ теченіе 11 лѣтъ барыша „отъ отпуска товаровъ, припасовъ, матерьяловъ и имущества“ 86,520 р. или среднимъ числомъ ежегодно 7865 р. [2])

Въ 60-хъ годахъ Корсаковъ, исполнявшій тогда должность генералъ-губернатора Восточной Сибири, запретилъ золотопромышленникамъ особымъ циркуляромъ брать плату за лѣченіе рабочихъ. Поэтому почти во всѣхъ контрактахъ 70-хъ, 80-хъ и начала 90-хъ годовъ упоминается о томъ, что лѣченіе рабочихъ на золотыхъ промыслахъ производится безвозмездно и лишь поясняется, что за дни болѣзни рабочіе не имѣютъ права требовать платы. Въ договорѣ Базилевскаго (1891 г. сѣв.-енис. окр.) сказано: „Въ случаѣ, если мы, нанявшіеся, находясь на пріискахъ у Базилевскаго, заболѣемъ, то лѣченіе и содержаніе должно быть на счетъ Базилевскаго, за исключеніемъ заболѣванія отъ пьянства, дракъ и т. п., зависящихъ отъ нашей вины или неосторожности: въ этихъ случаяхъ лѣченіе и содержаніе должно быть на счетъ виновнаго съ запискою въ листокъ для отработки, безъ всякаго со стороны Базилевскаго вознагражденія“. По договорамъ съ Асташевымъ (1875 и 87 гг. южн.-енис. окр.) безплатное лѣченіе обѣщалось рабочимъ впредь до выздоровленія только „во время болѣзни, приключившейся отъ причинъ, независящихъ отъ золотопромышленника, или въ случаѣ *легкаго* увѣчья“. По договору съ К° Кытманова и Фунтусова (1871 г.) безплатное содержаніе и лѣченіе больныхъ рабочихъ было обѣщано лишь въ теченіе 5 дней, а затѣмъ больные должны были платить за прокормленіе ихъ и лекарства по 15 к. въ день, что уже было нарушеніемъ предписанія Корсакова (см. т. I, 415—416).

По договору съ Асташевымъ (1870 г.), лѣченіе производилось безплатно, но если бы кто изъ рабочихъ „скрылъ при наймѣ какія-либо застарѣлыя болѣзни и подъ уклончивостью (sic) отъ работъ вошелъ на излеченіе въ больницу, то компанія имѣетъ право не только дѣлать вычетъ за всѣ употребленные во время болѣзни медикаменты, но и заставить отрабатывать всѣ дни нахожденія въ больницѣ и послѣ раз-

---

[1]) См. *Дополненіе VI.*

[2]) „Статистика по золотымъ пріискамъ В. И. Базилевскаго“. На пріискахъ Асташева (южн.-енис. окр.) въ операцію 1895 г. чистый доходъ отъ продажи припасовъ былъ около 15% на затраченный капиталъ „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 1 стр. 15.

счета; а въ контрактѣ съ К° Иваницкаго, Жилля и Потапова (1888 г.) съ такихъ рабочихъ сверхъ того опредѣленъ штрафъ по 50 к. въ день. А между тѣмъ въ отчетахъ горнаго исправника южно-енисейскаго округа за 1874, 75 и 80 гг. и въ отчетѣ начальника енисейскаго жандармскаго управленія за 1874 г. сказано, что лѣченіе вездѣ производится безвозмездно.

Крайне тяжелый трудъ на золотыхъ промыслахъ очень вредно отзывается на здоровьѣ рабочихъ. По наблюденіямъ доктора Крутовскаго, общій типъ промысловаго рабочаго рисуется слѣдующимъ образомъ: „къ 40—50 годамъ жизни послѣ 10—16 л. пріисковой работы рабочій представляетъ изъ себя преждевременно состарившагося субъекта съ расширенными венами, перерожденными артеріями, съ гипертрофированнымъ сердцемъ, которое уже отказывается работать; появляются отеки, застой крови, эмфизема легкихъ, гипертрофія и перерожденіе печени, параличи и масса другихъ заболѣваній, начиная нефритами и оканчивая общимъ маразмомъ. Все это хроническія, неисправимыя нарушенія цѣлости организма, обязанныя своимъ происхожденіемъ условіямъ пріисковой жизни и работъ. Вотъ тотъ печальный типъ пріисковаго инвалида, искалѣченнаго непосильнымъ трудомъ, для котораго нѣтъ спокойнаго угла, нѣтъ богадѣльни, и удѣлъ его преждевременной старости—нищета, голодъ, холодъ и смерть или въ больницѣ, или гдѣ-нибудь подъ заборомъ“ [1]).

Очень вредно вліяетъ на здоровье рабочихъ, при чрезвычайной интензивности ихъ труда, крайне малое количество праздничныхъ и льготныхъ дней.

По договору съ золотопромышленникомъ Черныхъ (1870 г.) рабочіе зимою до 1 марта, а по другому договору того же года до 25 апрѣля, имѣли 2 льготныхъ дня въ теченіе мѣсяца, а лѣтомъ льготой могло пользоваться, „по усмотрѣнію завѣдующаго, то число рабочихъ, какое будетъ имъ отпущено по очереди“, слѣдовательно, здѣсь назначеніе рабочимъ отдыха совершенно зависѣло отъ произвола пріисковаго управленія. По другому договору Черныхъ (того же года), находившимся въ ортовыхъ работахъ было предоставлено 2 льготныхъ дня. По договору съ Навалихинымъ (1871 г.) и съ К° Зотовыхъ (1877 г.), рабочимъ былъ назначенъ всего 1 льготный день въ мѣсяцъ [2]). По договору съ Дряминымъ (1890 г. на ортовую работу), рабочимъ опредѣлены были слѣдующіе праздники: 3 дня Пасхи, 2 дня Рождества, 2 дня масляницы, 1 день Троицы и 1 день Благовѣщенія и кромѣ того зимою до 1 мая по 1 льготному дню, лѣтомъ же

[1]) *Крутовскій.* „Предварительныя данныя о вліяніи условій жизни и работы на золотыхъ промыслахъ на физическое здоровье рабочихъ 1892 г. отд. от., стр. 31. (Приложеніе къ протоколамъ общества врачей Енисейской губ.).

[2]) Въ проектѣ контракта, составленномъ горнымъ исправникомъ южно-енисейскаго округа (1874 г.), предлагалось установить 8 праздниковъ и по 1 льготному дню въ мѣсяцъ „для отдыха, починки одежды и обуви“.

назначеніе льготныхъ дней предоставлено было усмотрѣнію пріисковаго управленія. По договорамъ съ Базилевскимъ (1890—91 гг.), праздники назначены тѣ же, а льготныхъ дней дается кромѣ того по 1 дню въ мѣсяцъ въ теченіе всего года [1]). По словамъ г. Уманьскаго, въ его время, въ 80-хъ годахъ, на пріискахъ было всего 6 дней праздниковъ въ году, и кромѣ того льготный день ежемѣсячно (стр. 119—120). Окружной инженеръ южно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1888 г. свидѣтельствуетъ, что льготный день давался 1 разъ въ мѣсяцъ, а въ слѣдующемъ году онъ говоритъ уже о 2 льготныхъ дняхъ, „только не цѣлою артелью, а поочередно“, и еще праздновали 10 церковныхъ праздниковъ въ году. По словамъ Ячевскаго, въ сѣверно-енисейскомъ округѣ зимою рабочимъ давали 2 льготныхъ дня. Во время моей поѣздки по промысламъ Енисейскаго округа въ 1891 г. я слышалъ, что льготныхъ дней въ мѣсяцъ обыкновенно назначаютъ то 1, то 2, но были пріиски, гдѣ не полагалось ни одного льготнаго дня.

И суровый климатъ, и работа въ сырыхъ мѣстахъ должны были содѣйствовать усиленію заболѣваній. Исправникъ сѣверно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1881 г. писалъ: „Пріиски сѣверной системы находятся приблизительно на 60° сѣв. шир. на сѣверо-востокъ отъ Енисейска въ мѣстности гористой, покрытой лѣсами и болотами, почему климатъ ихъ суровый и сырой съ очень короткимъ и позднимъ лѣтомъ и съ продолжительной зимой. Лѣто начинается съ первыхъ чиселъ іюня, а въ концѣ сентября бываетъ уже зимній путь“. Ночи даже въ іюлѣ холодныя, а въ маѣ и августѣ случаются холодные утренники, такъ что замерзаетъ вода [2]). По словамъ исправника южно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1883 г., „климатъ южной системы вообще сносный, но отъ продолжительнаго таянія снѣга въ лѣсахъ въ продолженіе весеннихъ мѣсяцевъ является сильная влага и сырость, отчего развивается среди рабочихъ цынготная болѣзнь ногъ. Южные промысла находятся приблизительно подъ 58° сѣв. шир. и разбросаны на пространствѣ почти 200 верстъ въ длину и ширину... На возвышенныхъ мѣстахъ условія работъ, въ особенности ортовыхъ, весьма сносны, но въ низменныхъ при открытыхъ работахъ даже и въ сухое время года бываетъ сырость и мокрота, порождающія большой процентъ заболѣванія“.

Здоровье пріисковыхъ рабочихъ сильно подрывается еще частыми кровопусканіями, которыя невѣжественные фельдшера иногда производятъ въ такихъ случаяхъ, когда это можетъ самымъ вреднымъ об-

---

[1]) На промслахъ Базилевскаго 1877 — 87 гг. льготныя поденщины составляли 4,3% всего числа поденщинъ (количество же больныхъ поденщинъ 3,1%), а тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 7,4%, т. е., 2,2 дня въ мѣсяцъ. На промыслахъ Удерейской К° (1876 г.) у мужщинъ было 7,7% нерабочихъ дней (льготныхъ больныхъ и прогульныхъ поденщинъ), т. е. 2, 3 дня въ мѣсяцъ; на Гавриловскомъ пріискѣ К° Рязановыхъ и Гороховыхъ въ 1874—75 г. 7%, т. е. 2, 1 нерабочихъ дня въ мѣсяцъ.

[2]) „Приложеніе I къ выпуску I Сборн. офф. докум. по управ. Вост. Сиб.“ т. VII. Отчетъ горн. ревиз. енис. окр., стр. 4. „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 7, стр. 148.

разомъ отозваться на рабочемъ. По свидѣтельству врача, служившаго на промыслахъ южно-енисейскаго округа, „почти на каждомъ промыслѣ существуетъ обычай еженедѣльно производить общее кровопусканье извѣстному числу рабочихъ“, послѣ чего имъ дается двухдневный отдыхъ. „Золотопромышленники въ большинствѣ случаевъ тоже смотрятъ на кровопусканье, какъ на средство неизбѣжное и весьма цѣлебное... На промыслахъ трудно встрѣтить рабочаго, у котораго кровь не была бы пущена нѣсколько разъ; не мало найдется и такихъ, у которыхъ кровопусканье дѣлается въ годъ два, три раза. Это само по себѣ громадное зло увеличивается еще тѣмъ, что кровопусканья, производимыя безъ всякаго разбора, часто дѣлаются въ началѣ острыхъ или во время теченія хроническихъ процессовъ“ [1]). Врачъ В. М. Крутовскій, 20 лѣтъ позднѣе, также говоритъ: „что касается кровопусканій, то извѣстно, что простой народъ любитъ къ нимъ прибѣгать въ различныхъ случаяхъ при заболѣваніи, но нигдѣ и никогда бросаніе крови, даже безъ всякой болѣзни, не достигаетъ такой частоты и такой сильной потребности, какъ это бываетъ на промыслахъ“. Въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ разсказываетъ слѣдующій фактъ изъ недавняго прошлаго. На одинъ изъ пріисковъ южной системы былъ на мѣсто фельдшера приглашенъ студентъ 5 курса. Онъ не хотѣлъ шаблонно относиться къ своимъ обязанностямъ и сталъ отказывать рабочимъ ставить кровавыя банки и пускать кровь безъ всякой видимой причины... Рабочіе остались ужасно недовольны подобною мѣрою фельдшера и черезъ исправника просили или перемѣнить его, или заставить удовлетворять ихъ потребностямъ къ кровоизвлеченіямъ... Студенту пришлось уступить... Сколько разъ приходилось и мнѣ“, продолжаетъ г. Крутовскій, „слышать отъ рабочихъ слѣдующую фразу: „На пріискахъ, баринъ, если водки не пить да крови не пускать,—пропадешь совсѣмъ!“ [2]).

Въ настоящее время найдено научное объясненіе этой настоятельной потребности рабочихъ. Г-жа Манассеина, въ своей статьѣ объ усталости [3]), говоритъ: „Ранке доказалъ, что усталыя мышцы, доведенныя тѣмъ или инымъ способомъ до полнаго истощенія, снова пріобрѣтаютъ способность сокращаться, если ихъ подвергнутъ вліянію кровотеченія“. Теперь очевидно, что вредный обычай кровопусканія исчезнетъ на золотыхъ пріискахъ лишь тогда, когда трудъ рабочихъ будетъ введенъ въ извѣстныя границы, и ихъ не будутъ доводить до такого крайняго переутомленія, при которомъ продолженіе работы возможно лишь послѣ кровопусканія.

---

[1]) *Н. Д.* „Санитарный очеркъ золотыхъ промысловъ“. „Сборн. соч. по судеб. медицинѣ“. 1875 г. т. I.

[2]) „Восточ. Обозр.“ 1892 г. № 24, стр. 9—10.

[3]) „Сѣв. Вѣстн.“ 1892 г. кн. 4, стр. 160.

Медицинская часть на пріискахъ была по прежнему въ неудовлетворительномъ состояніи. „Въ больницахъ“, писалъ въ началѣ 1871 г. начальникъ Енисейскаго жандармскаго управленія, „на большинствѣ пріисковъ южной части Енисейскаго округа не содержится надлежащей чистоты, а у нѣкоторыхъ грязь и нечистота доходятъ до безобразія: больные поступаютъ въ больницы и остаются въ томъ же бѣльѣ, въ которомъ работали въ разрѣзахъ; постельнаго бѣлья нѣтъ; аптеки въ той же системѣ, за исключеніемъ больницъ крупныхъ золотопромышленниковъ, находятся въ жалкомъ состояніи“ [1]). На Алексѣевскомъ пріискѣ Ягунова, по словамъ того же жандармскаго офицера, въ 1870 г. въ больницѣ была „грязь и нечистота, аптека безъ медикаментовъ, больные безъ присмотра, въ рубищахъ, грязи и, въ заключеніе всего, не получаютъ никакой пищи, кромѣ ржаного хлѣба: одинъ изъ больныхъ, ушибленный землей“ вслѣдствіе допущеннаго подкайливанія въ забояхъ и находившійся въ больницѣ 3 недѣли, получалъ „къ хлѣбу еще $^1/_2$ ф. сырого мяса въ сутки“, которое ему предоставлялось употреблять въ пищу „по своему усмотрѣнію“ [2]). Въ отчетѣ горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа за 1874—75 г. указано на то, что лучше другихъ больницы на пріискахъ Асташева, Толмачева и Кытманова, а на одномъ пріискѣ больные жаловались, что ихъ „лѣчатъ діэтою, даже не всегда даютъ мяса, а содержатъ на ржаномъ хлѣбѣ и кирпичномъ чаѣ, что, конечно, не поддерживаетъ выздоравливающихъ, а только длитъ слабое ихъ состояніе“ [3]). Но каковы бы ни были отзывы представителей администраціи о состояніи медицинской части на промыслахъ, мы не вполнѣ можемъ на нихъ положиться, такъ какъ они не компетентны въ этомъ вопросѣ: настоящіе судьи въ этомъ дѣлѣ—врачи. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, какъ отзывался Кривошапкинъ о больницахъ Енисейскаго округа въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ гг.; а вотъ что говоритъ о нихъ врачъ, служившій въ первой половинѣ 70-хъ годовъ на промыслахъ южной части Енисейскаго округа:

Здѣсь или на каждомъ пріискѣ есть „своя собственная больница, или же существуетъ одна общая больница для нѣсколькихъ сосѣднихъ промысловъ“; есть однако же „и такіе промыслы, которые не имѣютъ своихъ больницъ и не могутъ помѣщать заболѣвшихъ рабочихъ на другіе промыслы“, такъ какъ не вошли „съ этими послѣдними ни въ какое соглашеніе...“ „Промысловыя больницы въ большинствѣ случаевъ малы, тѣсны, грязны, зимою холодны, безъ всякой вентиляціи или съ крайне недостаточною. На зиму многія изъ нихъ закрываются по случаю прекращенія работъ въ это время года“. Нѣкоторыя изъ больницъ, по описанію автора, просто ужасны. Одна изъ нихъ „въ январѣ мѣсяцѣ, когда холода дости-

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2545, дѣло № 57/112, л. 295.
[2]) Ibid. № 58/113, л. 2.
[3]) Ibid. К. 2574, № 189/243, л. 236.

гали 30° R. и болѣе, представляла слѣдующій видъ: это была небольшая комната съ неровнымъ и до крайности грязнымъ поломъ; входъ въ нее прямо съ улицы; входная дверь затворяется не плотно, и въ самомъ низу ея находится нѣсколько довольно большихъ, ничѣмъ не заколоченныхъ, щелей, черезъ которыя несетъ страшный холодъ; рамы ординарныя, сверху до низу покрытыя льдомъ, со множествомъ щелей; посреди́нѣ стѣны, противоположной окнамъ, стоитъ большая желѣзная печь. Такимъ образомъ больные съ одной стороны находятся подъ дѣйствіемъ жара желѣзной печки, съ другой—подъ вліяніемъ холода, имѣющаго свободный доступъ черезъ множество щелей въ окнахъ, дверяхъ и полу. Кровати разставлены тѣсно; тюфяки на нихъ грязные, ничѣмъ не прикрытые, а на нѣкоторыхъ кроватяхъ ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Больные ходятъ въ тѣхъ же грязныхъ рубахахъ и штанахъ, въ которыхъ они были на работѣ. Ни одѣялъ, ни простынь, ничего нѣтъ; покрываются армяками, шубами или чѣмъ попало". Въ другой больницѣ на нѣкоторыхъ кроватяхъ не было вовсе матрацовъ или лишь какая-нибудь подстилка. Въ 2 окнахъ совсѣмъ не было рамъ, и они были заколочены досками, сквозь которыя свободно проникалъ вѣтеръ, а между тѣмъ дѣло было весною, когда по временамъ стояли сильные холода.

Остальныя больницы, по словамъ автора, хотя и лучше, „однако оставляютъ желать весьма многаго. Помѣщенія для больницъ въ большинствѣ случаевъ выбираются наименѣе пригодныя, кое-какъ сколоченныя, какъ, впрочемъ, и большинство промысловыхъ построекъ, особенно предназначенныхъ для рабочихъ. Крыши устроены весьма плохо; при всякомъ, сколько-нибудь значительномъ, дождѣ или таяніи снѣга въ различныхъ мѣстахъ оказывалась течь. Во многихъ больницахъ вентиляціи нѣтъ никакой, въ другихъ же она производится посредствомъ круглыхъ отверстій, просверленныхъ въ верхней части стѣны подъ потолкомъ. Рамы вездѣ ординарныя и почти во всѣхъ больницахъ не створчатыя и не поднимающіяся. Слѣдовательно, въ тѣхъ больницахъ, гдѣ нѣтъ отверстій въ стѣнахъ, невозможно производить вентиляцію даже и такимъ путемъ", и приходилось, для очищенія воздуха, просто отворять дверь. „Можно себѣ представить, какъ это бываетъ удобно въ то время, когда холода достигаютъ 20° и болѣе". Матрацовъ, постельнаго бѣлья, бѣлья для больныхъ и перевязочнаго матеріала въ больницахъ крайне мало. „Нерѣдко случается, при большомъ стеченіи больныхъ, что нѣкоторые изъ нихъ принуждены лежать на полу; хорошо еще, если для нихъ найдется матрацъ, а то они ложатся прямо на полу на какомъ-нибудь армякѣ, шубѣ и проч." Матрацы представляютъ обыкновенно холстяные мѣшки, набитые сѣномъ или соломой, которые „употребляютъ до тѣхъ поръ, пока они не загрязнятся до послѣдней возможности и вообще не сдѣлаются никуда негодными". Постельное бѣлье и бѣлье для больныхъ „имѣется только въ весьма немногихъ больницахъ, да и въ большей части этихъ послѣднихъ рѣдко употребляется только въ экстренныхъ случаяхъ, когда ожидается посѣщеніе какого-либо начальствующаго лица. Въ обыкновенное время лежатъ въ больницѣ въ томъ же грязномъ бѣльѣ, въ которомъ они были на работахъ. Часто эти грязныя рубахи и штаны остаются на нихъ несмѣняемыми въ продолженіе двухъ, трехъ и болѣе недѣль. Перевязочные матеріалы, какъ-то: корпія, компрессы, бинты находятся въ больницахъ въ крайне ничтожномъ количествѣ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ ихъ. Поэтому очень часто бываетъ, что язва или рана, вмѣсто того, чтобы быть перевязанной посредствомъ корпіи, просто обмотана какою-нибудь грубою грязною тряпкою. Чистый бинтъ на больномъ—большая рѣдкость, потому что онъ употребляется большею частью до тѣхъ поръ, пока совершенно не загрязнится и не пропитается разными отдѣленіями раны или язвы. Бываетъ и

такъ, что грязный бинтъ, служившій одному больному, тотчасъ же употребляется для другого“ [1]).

Пищу больные, по свидѣтельству того же врача, получали такую же, какъ и здоровые рабочіе, съ тою только разницею, что она отпускалась имъ въ значительно меньшемъ количествѣ. „Она ограничивается главнымъ образомъ мясомъ и чернымъ хлѣбомъ. Почти во всѣхъ больницахъ больной получаетъ только 1/2 ф. мяса [2]). На самомъ дѣлѣ и этого не бываетъ; въ счетъ идутъ кости, слѣдовательно, собственно мяса окажется гораздо меньше... Разницы между больными относительно количества пищи не дѣлается.., и всѣ одинаково подвергаются голодной діэтѣ... О молокѣ и бѣломъ хлѣбѣ, когда они оказываются необходимыми, не можетъ быть и рѣчи. Назначить больному молоко возможно только въ рѣдкихъ, совершенно исключительныхъ, случаяхъ и при томъ на болѣе богатыхъ промыслахъ... Нужно еще замѣтить, что на всѣхъ промыслахъ безъ исключенія въ пищу, какъ здоровымъ, такъ и больнымъ, дается солонина, которая „нерѣдко бываетъ испорчена“ [3]).

Въ сентябрѣ 1875 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, баронъ Фредериксъ, предложилъ енисейскому губернатору обревизовать больницы и аптеки на золотыхъ промыслахъ, командировавъ для этого одного изъ членовъ енисейской врачебной управы. Губернаторъ просилъ врачебную управу дать свое заключеніе по этому вопросу, но она лишь *черезъ 4 года*, т.-е. въ іюнѣ 1879 г. отозвалась, что „распоряженіе это не могло быть приведено въ исполненіе вслѣдствіе того, что на каждомъ изъ членовъ управы лежатъ обязанности, недопускающія отлучекъ, въ особенности на продолжительное время, какое потребовалось бы для командировки, а потому управа предполагаетъ съ своей стороны назначить“ для этой цѣли мѣстныхъ окружныхъ врачей. Послѣ этого прошло еще 9 мѣсяцевъ прежде, чѣмъ енисейскій губернаторъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія уже другого генералъ-губернатора Восточной Сибири [4]), а самой ревизіи пріисковыхъ больницъ, если мы не ошибаемся, и вовсе не было. Въ отчетѣ горнаго исправника южно-енисейской системы за 1883 г. изъ 47 больницъ 18 называются благоустроенными, а о больницахъ на промыслахъ Асташева, Саввиныхъ, Захарова, Мотонина и Хилкова сказано, что онѣ „представляются по пріисковому быту образцовыми, остальныя же будетъ справедливѣе назвать пріемными покоями“. При всѣхъ больницахъ состояло 18 фельдшеровъ, „которые завѣдывали и остальными“, слѣдовательно на

---

[1]) Крайне печальное положеніе больницъ на енисейскихъ промыслахъ подтверждается и другими наблюдателями: см. „Сибирь“ 1881 г. № 29, ср. „Енис. Губерн. Вѣдом.“ 1874 г. № 31, стр. 119.

[2]) По словамъ г. Уманьскаго, въ его время, т.-е. въ 80-хъ годахъ, выдавали больнымъ 1 ф. мяса или солонины (стр. 120).

[3]) *Н. Д.* „Санитарный очеркъ золотыхъ промысловъ“. Сборн. соч. о судебн. медицинѣ“ 1875 г. т. I, 161.

[4]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2568 № 167/221, л. 243.

1 фельдшера приходилось въ среднемъ по $2^1/_2$ больницы [1]). Въ отчетѣ окружного инженера южно-енисейскаго округа сказано было, что болѣе благоустроенныя больницы находились на промыслахъ Асташева, Хилкова, Иваницкаго, Захарова, Саввиныхъ и на 1 пріискѣ Переплетчикова (изъ 20 имъ разработываемыхъ), „на остальныхъ же были собственно пріемные покои“ [2]). Въ отчетѣ за слѣдующій 1889 г. тотъ же окружной инженеръ къ числу названныхъ „болѣе благоустроенныхъ“ прибавилъ еще больницу Базилевскаго, а объ остальныхъ сказалъ, что въ нихъ „врачебная помощь подается *крайне медленно*, и въ серьезныхъ случаяхъ какъ рабочіе, такъ и служащіе подвергаются вслѣдствіе этого большой опасности“ [3]).

При пріисковыхъ больницахъ всегда бываютъ аптеки.

„По количеству имѣющихся въ нихъ средствъ“, говоритъ врачъ, служившій на енисейскихъ промыслахъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, „аптеки весьма разнообразны, нѣкоторыя имѣютъ большой выборъ лѣкарственныхъ веществъ и притомъ въ достаточномъ количествѣ. Такихъ аптекъ, впрочемъ, весьма немного... При этомъ обыкновенно наиболѣе дѣйствительныхъ лѣкарственныхъ веществъ нѣтъ. Неудовлетворительность состава аптекъ понятна, потому что составленіемъ аптечныхъ каталоговъ занимаются фельдшера. Въ рѣдкихъ случаяхъ удается врачу добиться того, чтобы золотопромышленники или ихъ управляющіе обращались къ нему съ просьбой составить аптечный каталогъ или по крайней мѣрѣ присылали къ нему на просмотръ каталогъ, составленный фельдшеромъ... Легко себѣ представить, каковъ будетъ каталогъ, составленный фельдшеромъ, который нигдѣ ничему не обучался и едва умѣетъ читать и писать... Инструментами и другими необходимыми вещами большинство аптекъ снабжено или въ ничтожномъ количествѣ, или ихъ совсѣмъ нѣтъ. Есть и такія больницы, которыя не имѣютъ фельдшерскихъ наборовъ и даже клистирныхъ трубокъ“. Когда этотъ врачъ пріѣхалъ на промысла, „ни въ одной изъ больницъ не было гипса,— вещества, служащаго для накладыванія неподвижныхъ повязокъ при переломѣ и проч.“... Несмотря на то, что онъ обратился черезъ исправника съ формальнымъ предложеніемъ къ золотопромышленникамъ пріобрѣсти гипсъ для больныхъ, только немногіе изъ нихъ запаслись имъ. Понятно, что онъ не встрѣтилъ на промыслахъ ни одного рабочаго, вполнѣ выздоровѣвшаго послѣ перелома ноги или руки: „всѣ они въ большей или меньшей степени остались калѣками съ весьма значительной хромотой“ [4]).

Въ 1875 г. начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія предлагалъ обревизовать пріисковыя аптеки черезъ особо командированныхъ врачебною управою врачей, такъ какъ врачи на промыслахъ нахо-

---

[1]) Арх. Испр. южн. енис. окр. 1883 г. № 56.

[2]) Дѣло Томск. Горн. Упр. 1888 г. № 31/2, л. 465.

[3]) Дѣло Томск. Горн. Упр. по отчету за 1889 г., ср. отчетъ 1890 г. въ „Горномъ Журналѣ“ 1891 г. № 12, стр. 530.

[4]) „Сборн. соч. по судебн. медицинѣ“ 1875 г. т. I. Во время моей поѣздки въ 1891 г. я также слышалъ жалобы на то, что гипсъ имѣется весьма плохого качества.

дятся „въ полной зависимости отъ золотопромышленника“ и потому они по необходимости „на многое смотрятъ сквозь пальцы“ [1]).

Какъ бы ни были приличны по внѣшности пріисковыя больницы, и то лишь на болѣе крупныхъ промыслахъ, врачебная помощь не можетъ быть въ хорошемъ состояніи, если въ извѣстномъ пріисковомъ районѣ не будетъ хорошаго врача и порядочныхъ фельдшеровъ, а между тѣмъ это-то главное условіе и не выполняется. „Приглашая врача“, говоритъ г. Н. Д., „золотопромышленники смотрятъ на это, какъ на неизбѣжную, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень непріятную обязанность [2]). Они прямо высказываютъ, что легко могутъ обойтись съ одними только фельдшерами. Во всякомъ случаѣ для нихъ желательно, чтобы врачъ ограничивался только производствомъ судебно-медицинскихъ вскрытій и исполненіемъ другихъ оффиціальныхъ требованій и оставался по возможности безучастнымъ къ положенію рабочихъ въ гигіеническомъ и санитарномъ отношеніяхъ... При такихъ условіяхъ столкновенія съ золотопромышленниками могутъ происходить на каждомъ шагу и чаще всего по поводу освидѣтельствованія рабочихъ въ способности или неспособности ихъ къ промысловымъ работамъ... Такъ какъ золотопромышленники въ огромномъ большинствѣ случаевъ предполагаютъ со стороны рабочихъ притворство, то на врача, признавшаго того или другого изъ нихъ больнымъ или неспособнымъ къ работамъ, смотрятъ весьма недоброжелательно и видятъ въ немъ своего личнаго врага“.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что золотопромышленники умѣли находить и подходящихъ къ ихъ требованіямъ врачей. Въ 1881 г. съ сѣверныхъ промысловъ Енисейскаго округа въ одну изъ мѣстныхъ газетъ сообщали слѣдующее: „врачъ нашъ получаетъ отъ золотопромышленниковъ 5000 р. въ годъ жалованья, но никогда промысловыхъ больницъ не посѣщаетъ, никогда никого не лѣчитъ, и если бываетъ здѣсь съ весны до осени, то исключительно ради своего дѣла по разработкѣ арендуемыхъ имъ пріисковъ“; обязанности же его исполнялъ нанятый имъ отъ себя за 2000 р. въ годъ фельдшеръ. А между тѣмъ въ этомъ году на промыслахъ свирѣпствовалъ дифтеритъ [3]). На каждой системѣ промысловъ Енисейскаго округа было по 1 врачу. Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія Банинъ въ отчетѣ за 1873 г. также

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2568 № 167/221, л. 253 об.

[2]) Жалованье, платимое доктору, раскладывается между золотопромышленниками пропорціонально числу рабочихъ на ихъ пріискахъ. *Уманьскій*, стр. 100.

[3]) „Сибирь“ 1881 г. № 50, стр. 3. Въ слѣдующемъ году въ этой же газетѣ о пріисковыхъ больницахъ Енисейскаго округа было сказано: „На одномъ пріискѣ служитъ за фельдшера цырюльникъ, взятый изъ парикмахерской; онъ отбываетъ службу и за фельдшера, и за самого доктора, никогда не посѣщающаго больницъ“. „Сибирь“ 1882 г. № 7, стр. 4.

говоритъ: „лѣченіе больныхъ въ большей части больницъ весьма жалкое, надзоръ врачей (одинъ на цѣлой системѣ съ устарѣлыми познаніями) недостаточенъ".

Но, можетъ быть, въ новѣйшее время врачебный персоналъ болѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію? Въ отчетѣ томскаго горнаго управленія за 1889 г. о сѣверно-енисейскомъ округѣ сказано: „общій надзоръ за лѣченіемъ фельдшерами и состояніемъ больницъ имѣлъ врачъ, обязанный, по условію съ золотопромышленниками посѣщать больницы не менѣе 1 раза въ мѣсяцъ, кромѣ экстренныхъ, случаевъ" [1]). Но авторъ отчета умолчалъ, насколько исправно исполнялъ докторъ принятую на себя обязанность, а между тѣмъ въ 1891 г. при посѣщеніи этого округа мы слышали даже отъ лицъ, хорошо относившихся къ врачу, что онъ, какъ человѣкъ весьма пожилой, не могъ вполнѣ удовлетворительно исполнять свой долгъ. Окружной инженеръ южно-енисейскаго округа оказался болѣе откровеннымъ, и потому въ отчетѣ томскаго горнаго округа за 1889 г. мы находимъ о врачебной части слѣдующія свѣдѣнія: „общее состояніе медицинской части въ южной системѣ Енисейскаго округа было удовлетворительное (?), хотя и не въ такой степени, какъ это было бы желательно; главной причиной этому служитъ то, что пріисковый врачъ *самъ занимается разработкою пріисковъ, что и отвлекаетъ его отъ надлежащаго исполненія медицинскихъ его обязанностей*" [2]). Несмотря на заключенный золотопромышленниками контрактъ, вмѣняющій въ обязанности пріисковому врачу посѣщать лѣтомъ каждый пріискъ не менѣе 1 раза въ мѣсяцъ, обязательство это исполняется лишь въ отношеніи ближайшихъ промысловъ, болѣе же отдаленные пользуются только услугами плохихъ фельдшеровъ. Развитіе мелкой золотопромышленности и незначительное содержаніе золота въ пескахъ не позволяютъ привести больничное дѣло въ надлежащее положеніе; отсутствіе же прямыхъ узаконеній, касающихся постановки медицинской части на промыслахъ, въ зависимости отъ количества рабочихъ, не даютъ возможности окружному инженеру принимать понудительныя мѣры; въ такихъ случаяхъ онъ принужденъ ограничиваться только предложеніями улучшить дѣло безъ всякой однако же надежды, что таковое улучшеніе послѣдуетъ". Назвавъ нѣсколько золотопромышленниковъ, на промыслахъ которыхъ больницы устроены лучше, чѣмъ на другихъ (имена ихъ мы уже приводили), составитель отчета говоритъ: „на остальныхъ, не смотря на многократныя настоянія со стороны окружного инженера,

---

[1]) Дѣло Томск. Горн. Управ. Въ отчетѣ за 1890 г., напечатанномъ въ „Горн. Журн." 1891 г. № 12, это мѣсто измѣнено едва-ли не въ ущербъ правдѣ (ср. стр. 528).

[2]) Указаніе на это мы находимъ и въ отчетѣ окружного инженера южно-енисейскаго округа за 1888 г. Дѣло Томск. Горн. Упр. 1888 г. № 31/2, л. 465.

врачебная помощь подается крайне медленно, и въ серьезныхъ случаяхъ какъ рабочіе, такъ и служащіе подвергаются вслѣдствіе этого большой опасности“ [1]). Въ отчетѣ томскаго горнаго управленія за 1890 г. уже не упоминается о занятіи южно-енисейскаго пріисковаго врача золотопромышленностью, но тѣмъ не менѣе указано на его „крайнее невниманіе“ относительно большинства золотыхъ промысловъ этого округа [2]). Понятно, что при такомъ отношеніи пріисковыхъ врачей къ своимъ обязанностямъ, доктору Крутовскому пришлось подвести весьма печальный итогъ ихъ дѣятельности: „за все долгое существованіе енисейскихъ промысловъ“, говоритъ онъ въ своемъ докладѣ, „медицинская часть и врачебная помощь на нихъ была поставлена очень плохо, никто не интересовался“ вопросомъ о вліяніи тяжелаго пріискового труда на здоровье рабочихъ, „больничныхъ отчетовъ и журналовъ не осталось и не опубликовано“. Мы видѣли, правда, что въ трудахъ Кривошапкина и въ статьѣ Н. Д. можно найти любопытныя данныя о положеніи рабочихъ въ санитарномъ отношеніи, но все-таки въ общемъ упрекъ доктора Крутовскаго справедливъ.

Такъ какъ, даже въ лучшемъ случаѣ, врачъ на основаніи договора лишь разъ въ мѣсяцъ посѣщаетъ каждую пріисковую больницу, то понятно, какое огромное значеніе играютъ фельдшера въ дѣлѣ медицинской помощи на пріискахъ. Каковы они были въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, мы видѣли изъ свидѣтельства Кривошапкина; посмотримъ, стали ли они лучше въ первой половинѣ 70-хъ годовъ.

Н. Д. въ своей статьѣ говоритъ о нихъ: „очень немногіе имѣютъ фельдшерскія свидѣтельства, большинство же—фельдшера только по названію, никогда, нигдѣ и ничему не обучавшіеся. Нерѣдко случается, что какой-нибудь простой, едва умѣющій читать и писать рабочій на слѣдующій годъ фигурируетъ уже въ качествѣ фельдшера. При наймѣ фельдшеровъ золотопромышленники обыкновенно не спрашиваютъ фельдшерскихъ свидѣтельствъ и не считаютъ необходимымъ знать мнѣніе врача о томъ, можно ли принять того или другого искателя мѣста. Къ сожалѣнію, противъ такихъ порядковъ врачъ ничего сдѣлать не въ состояніи своими единичными усиліями. Многіе золотопромышленники и управляющіе, между которыми очень часто можно встрѣтить людей невѣжественныхъ и малограмотныхъ, нанимая ничего не знающаго фельдшера, видятъ въ этомъ для себя даже особенную выгоду. Такой мнимый фельдшеръ, изъ боязни потерять свое мѣсто, всѣми силами старается дѣлать угодное промысловому управленію: очевидно-больныхъ онъ признаетъ здоровыми и въ извѣстные опредѣленные дни щедрою рукою производитъ кровопусканія... Одинъ изъ такихъ фельдшеровъ на вопросъ,—умѣетъ ли онъ записать и разобрать рецептъ, даетъ утвердительный отвѣтъ, и диктуемый вслѣдъ за этимъ рецептъ записываетъ съ такою бойкостью и размашистостью, что одно уже это наводитъ на сильныя подозрѣ-

[1]) Дѣло Томск. Горн. Упр. по отчету за 1889 г. л. 21.

[2]) „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 530. Въ 1894 г. въ южно-енисейскомъ округѣ было 2 врача и 1 женщина-врачъ. „Вѣстн. Золотопр.“ 1894 г. № 11, стр 205.

нія, которыя тотчасъ же и оправдываются: вмѣсто рецепта красуются одни только крючки и каракули. Другой фельдшеръ на тотъ же самый вопросъ отвѣчаетъ также утвердительно, но прописанный рецептъ разобрать отказывается, отзываясь слабостью зрѣнія и невозможностью читать безъ очковъ... Въ рукахъ такихъ-то людей находится лѣченіе больныхъ и уходъ за ними; легко себѣ представить, какъ все это ведется... Вообще, у фельдшеровъ страсть прибѣгать къ употребленію сильнодѣйствующихъ средствъ: сулемы, каломеля, наперсточной травы, опія и проч. [1])... Кромѣ невѣжества, фельдшера и quasi-фельдшера отличаются крайнею степенью нахальства. Весьма часто они выдаютъ себя рабочимъ за докторовъ, стараются подорвать довѣріе къ врачу, считаютъ себя стоящими внѣ контроля и вольными дѣлать все, что имъ угодно, тѣмъ болѣе, что многіе изъ управляющихъ и служащихъ на промыслахъ предпочитаютъ обращаться за медицинскою помощью и совѣтами не къ врачу, а къ фельдшерамъ, у которыхъ единственное стремленіе—угодить промысловому управленію... Къ замѣчаніямъ и требованіямъ врача фельдшера относятся крайне небрежно" [2]).

„Мелкіе золотопромышленники", писалъ г. Уманьскій уже во второй половинѣ 80-хъ годовъ, „по большей части не нанимаютъ отдѣльнаго фельдшера, но подряжаютъ фельдшера съ сосѣдняго пріиска, съ обязательствомъ посѣщать больныхъ или ежедневно, или два, три раза въ недѣлю". „*Изрѣдка попадаются*" и знающіе свое дѣло фельдшера: такимъ былъ напр., по свидѣтельству г. Уманьскаго, одинъ сосланный за возстаніе полякъ, бывшій студентъ кіевскаго университета. „Больныхъ онъ осматривалъ очень внимательно, лѣчилъ прилежно, хотя и дешевыми самодѣльными лѣкарствами (онъ самъ получалъ за операцію 120 р. при своихъ лѣкарствахъ). Его постоянно можно было видѣть на худой клячѣ... разъѣзжавшимъ въ разныхъ направленіяхъ по тайгѣ" (стр. 99, 121). Мнѣ самому пришлось встрѣтить на Александровскомъ пріискѣ Базилевскаго очень знающаго и хорошаго фельдшера (его фамилія Аппельбергъ), также не по доброй волѣ смѣнившаго 5 курсъ медицинскаго факультета на дѣятельность въ пріисковой тайгѣ: по общему свидѣтельству, онъ дѣлалъ операціи гораздо лучше промыслового врача, интересовавшагося болѣе золотопромышленностью, чѣмъ пріисковыми рабочими. Къ несчастію въ послѣдствіи онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ этого времени мы также встрѣчаемъ указанія на плохой составъ пріисковыхъ фельдшеровъ. Такъ начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія Банинъ въ отчетѣ за 1870 г. говоритъ: „недостатокъ въ знающихъ дѣло фельдшерахъ ощу-

---

[1]) Авторъ любопытной статьи о енисейской золотопромышленности говоритъ: „фельдшерами даются такія сильныя средства и въ такой большой дозѣ, что каждое такое лѣченіе, по сознанію самихъ медиковъ, часто однакожъ очень недальнихъ, сокращаетъ жизнь рабочихъ лѣтъ на десять". „Сибирь" 1881 г. № 29.

[2]) „Сборн. соч. по судебн. медиц." 1875 г. т. I.

тителенъ", и потому „приходится приглашать на эти должности поляковъ изъ политическихъ ссыльныхъ, конечно, по своимъ познаніямъ имѣющихъ на это право. Въ крайней необходимости прибѣгать къ этой мѣрѣ я лично убѣдился" [1]). Въ отчетѣ за 1873 г. то-же лицо говоритъ: „хорошихъ фельдшеровъ весьма мало, поэтому лѣченіе больныхъ на пріискахъ въ большей части больницъ весьма жалкое" [2]).

Въ 1874 г. на пріискахъ южной части Енисейскаго округа было 15 больницъ и при нихъ фельдшера; завѣдывали ими пріисковый врачъ и вольнопрактикующій лѣкарь. Въ отчетѣ мѣстнаго горнаго исправника за слѣдующій 1875 г. показано уже 39 больницъ (очевидно, въ это число были включены всѣ пріемные покои); завѣдывалъ медицинскою частью 1 врачъ. Въ 1883 г. больницъ на промыслахъ той же системы было 47; въ нихъ кроватей 303, т.-е. приблизительно 1 кровать на 15 человѣкъ пріисковыхъ рабочихъ. Изъ 47 больницъ 18 исправникъ называетъ благоустроенными, а остальныя онъ считаетъ болѣе справедливымъ назвать пріемными покоями; фельдшеровъ было 18. Пріисковый врачъ получалъ отъ золотопромышленниковъ 4000 р. [3]). Въ 1888 и 89 гг. въ южно-енисейской системѣ было 40 больницъ съ 260 кроватями: по 21 чел. на 1 кровать въ 1888 г. и по 22 чел. въ 1889 г. Въ 1891 г. въ южно-енисейскомъ округѣ было 18 больницъ, а на остальныхъ пріискахъ были или пріемные покои, или же больные лѣчились на сосѣднихъ пріискахъ другихъ владѣльцевъ, гдѣ были больницы. Врачъ былъ одинъ. Въ 1893 г. въ мѣстѣ жительства пріисковаго врача южно-енисейскаго горнаго округа выстроена была центральная больница. Лучшія больницы были на пріискахъ Асташева, Переплетчикова, К° Черемныхъ и Ратькова-Рожнова [4]).

Въ сѣверно-енисейской системѣ въ 1881, по отчету горнаго исправника, было 35 больницъ съ 294 койками (около 20 чел. рабочихъ на 1 кровать). Заболѣвающіе рабочіе тѣхъ пріисковъ, гдѣ больницъ не было, помѣщались въ больницахъ сосѣднихъ промысловъ по соглашенію пріисковыхъ управленій. При каждой больницѣ былъ фельдшеръ, а за фельдшерами и больницами наблюдалъ вольнопрактикующій врачъ, получавшій съ золотопромышленниковъ за операцію 5000 р. жалованья и за это обязанный посѣщать 2 раза въ мѣсяцъ каждую больницу, кромѣ экстренныхъ случаевъ. Въ 1888 г. въ этой системѣ было 24 больницы и 188 кроватей, а въ 1890 г. 25 больницъ и 181 кровать (20—23 чел. рабочихъ на 1 кровать). Въ 1891 г. здѣсь было только 14 больницъ, а

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2545 № 57/112, л. 295.

[2]) Ibid. К. 2560 № 130/184, л. 358.

[3]) Отчеты горн. испр. въ его архивѣ.

[4]) Отчеты окруж. инж. въ арх. Томск. Горн. Управ.; „Вѣстн. Золот." 1892 г. № 16, стр. 226, 1893 г. № 15, стр. 248.

на остальныхъ пріемные покои. Врачъ получалъ жалованья въ размѣрѣ 1 р. или 1 р. 25 к. за каждаго рабочаго, такъ что содержаніе его составляло около 4000 р. въ годъ. Онъ пользовался правами государственной службы и исполнялъ обязанности судебнаго врача. Въ 1892 г. въ сѣверно-енисейской системѣ было 12 больницъ; лѣкарствъ, по свидѣтельству г. Черемныхъ, выписывалось приблизительно на 1 р. на каждаго рабочаго. Въ 1895 г. здѣсь было 11 больницъ на 145 кроватей [1]).

Что касается болѣзней рабочихъ, то мы остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя находятся въ связи съ мѣстными условіями.

„Изъ наружныхъ заболѣваній", говоритъ Н. Д., „наиболѣе часты обмороженія, переломы различныхъ костей и другія, болѣе тяжелыя, поврежденія и разнаго рода хроническія язвы". Случаются „переломы и вывихи позвоночника съ воспаленіемъ хребетнаго мозга и даже его раздавливаніемъ, послѣдствіемъ чего являются или смерть, или параличи нижнихъ конечностей", а въ другихъ случаяхъ бываютъ „переломы реберъ съ воспаленіемъ легкихъ или легочной плевы; всего чаще случаются переломы кистей рукъ и ногъ". Причины такихъ поврежденій заключаются частью въ небрежности, неосмотрительности самихъ рабочихъ, главнымъ же образомъ, въ характерѣ пріисковыхъ работъ. По закону [2]) земляныя работы на золотыхъ пріискахъ „должны вестись уступами, при чемъ высота каждаго изъ нихъ не должна превышать $1^1/_2$ арш.", очевидно съ цѣлью предупредить несчастные случаи при подобнаго рода работахъ. „Къ сожалѣнію, это правило выполняется только на немногихъ промыслахъ, въ большинствѣ же ихъ высота уступовъ достигаетъ 3 и болѣе аршинъ... Нерѣдко случается, что рабочій, отбивая землю, вслѣдствіе ли потери равновѣсія, или отъ того, что часть откапываемой имъ массы обрушивается, падаетъ внизъ. Понятно, что происходитъ разница въ результатахъ паденія, упадетъ ли онъ съ высоты $1^1/_2$ арш. или 3 и болѣе. Въ первомъ случаѣ дѣло обходится иногда только легкимъ ушибомъ, въ послѣднемъ зачастую происходитъ переломъ руки или ноги. Послѣдствія бываютъ еще плачевнѣе, если на упавшаго такимъ образомъ рабочаго свалится болѣе или менѣе значительная масса земли, которая придавитъ его. Именно, въ этихъ случаяхъ нерѣдко бываютъ или переломы позвоночниковъ, или другія поврежденія, обусловливающія въ концѣ концовъ смерть или неизлѣчимыя разстройства. На промыслахъ встрѣчается также большое число страдающихъ язвами на ногахъ, часто весьма длительными и упорными. Эти язвы происходятъ главнымъ образомъ *вслѣдствіе расширенія венъ на конечностяхъ*... Нерѣдко рабочіе принуждены тамъ работать въ сырости и грязи и притомъ, исполняя тотъ или другой тяжелый трудъ, оставаться постоянно на ногахъ съ ранняго утра до 8 ч. вечера. Понятно, что такое продолжительное стояніе на ногахъ, повторяющееся безъ отдыха изо дня въ день, должно вести къ застою крови въ венахъ конечностей, послѣдовательному ихъ расширенію и къ происходящимъ отъ того разстройствамъ питанія, которыя въ концѣ концовъ обусловливаютъ образованіе язвъ.—Изъ внутреннихъ болѣзней наиболѣе часты перемежныя лихорадки, цынга и ревматизмъ, нерѣдко влекущіе за собою тотъ или другой порокъ сердца... Въ

[1]) „Горн. Журн." 1891 г. № 12, стр. 528; *Ячевскій*, стр. 32; „Вѣст. Золот." 1892 г. № 16, стр. 226, 1892—93 гг. № 20, стр. 306, 1896 г. № 2, стр. 149.

[2]) Вѣроятно здѣсь имѣется въ виду какой-либо циркуляръ мѣстной административной власти.

числѣ причинъ заболѣванія перемежною лихорадкою надо упомянуть и то обстоятельство, что рабочіе во время отдыха ложатся на землю, подчасъ весьма сырую". Цынга „одна изъ самыхъ распространенныхъ болѣзней между рабочими. Какъ извѣстно, она обнаруживается припухлостью и кровоточивостью десенъ, опухолями рукъ и ногъ...: иногда вся нога представляется багрово-красною, плотною какъ дерево и не можетъ сгибаться [1])... Случаи заболѣванія цынгою начинаютъ появляться въ январѣ; число ихъ все болѣе и болѣе увеличивается и достигаетъ наибольшей цыфры въ апрѣлѣ и, частью, въ маѣ. Лѣтомъ цынготнобольныхъ очень немного. На нѣкоторыхъ промыслахъ цынга развита весьма сильно, и страдающіе ею составляютъ почти половину всѣхъ больныхъ; на другихъ же промыслахъ ихъ бываетъ значительно меньше... Исключительное питаніе соленою говядиною имѣетъ рѣшительное вліяніе на заболѣваніе рабочихъ цынгой... Такую же роль играетъ отсутствіе въ пищѣ зелени и овощей... Наибольшее число цынготныхъ больныхъ замѣчается на промыслахъ, лежащихъ въ мѣстностяхъ наиболѣе болотистыхъ, особенно тамъ, гдѣ работы производятся въ ортахъ. Въ ортахъ (подземныхъ ходахъ) рабочимъ въ такихъ мѣстностяхъ приходится быть постоянно въ сырости и водѣ, доходящей иногда до колѣна" и дышать спертымъ воздухомъ, который портится еще болѣе отъ освѣщенія сальными свѣчами. „Число цынготныхъ видимо начинаетъ уменьшаться со времени появленія черемши, цѣлебное дѣйствіе которой противъ цынги не подлежитъ никакому сомнѣнію... Едва сходитъ снѣгъ, какъ черемша уже показывается во множествѣ. На вкусъ она довольно пріятна, но имѣетъ въ высшей степени рѣзкій и невыносимый запахъ. Достаточно съѣсть небольшое количество ея, чтобы запахъ при дыханіи сохранялся сутки и болѣе. Рабочіе охотно ѣдятъ черемшу, какъ въ сыромъ видѣ, такъ и во щахъ и проч. [2]) Ревматизмы точно такъ же составляютъ на промыслахъ довольно частую болѣзнь, что объясняется необходимостью работать въ сырости и грязи. Это опять-таки всего болѣе примѣнимо къ промысламъ, гдѣ работы производятся въ ортахъ. Кромѣ того къ числу причинъ заболѣванія ревматизмомъ нужно отнести сильные холода". Губительно дѣйствуетъ также на здоровье рабочихъ на промыслахъ потребленіе ими цѣльнаго, неочищеннаго спирта. Тамъ трудно встрѣтить рабочаго, который не употреблялъ бы спирта; часто попадаются между ними такіе, которые выпиваютъ цѣлую чашку или стаканъ спирта не поморщившись... Вслѣдствіе употребленія въ большомъ количествѣ неочищеннаго спирта у рабочихъ развиваются пораженія желудка и кишекъ, неизлѣчимыя болѣзни печени, а также бываютъ случаи скоропостижной смерти отъ острaго отравленія алкоголемъ" [3]).

---

[1]) Отъ цынги „десны пухнутъ, всѣ зубы шатаются, а тѣло, начиная съ ногъ покрывается синими пятнами и язвами". „Сиб. Листокъ" 1893 г. № 76.

[2]) По словамъ г. Уманьскаго (стр. 39), „люди, пораженные цынгою, которые едва уже въ состояніи были передвигаться съ мѣста на мѣсто, съ появленіемъ черемши совершенно выздоравливали въ какихъ-нибудь 2 недѣли. Для цынготныхъ больныхъ устраиваютъ въ мѣстности, изобилующей черемшею, избушку, гдѣ они живутъ до выздоровленія, получая съ пріисковъ провизію. Они ѣдятъ черемшу сырою, ѣдятъ въ щахъ, нагираются ею съ головы до пятъ".

[3]) „Сборн. соч. по суд. медиц." 1871 г. т. I, стр. 146—168. Есть указаніе на то, что пріисковыя женщины разносятъ сифилитическую заразу. „Сибирь" 1881 г. № 29. Въ 1883 г. на сѣверно-енисейскихъ промыслахъ была эпидемія оспы. „Сиб. Газ." 1883 г. № 22, стр. 573.

Г. Саввиныхъ увѣряетъ, что заболѣваніе цынгою въ послѣднее время весьма незначительно [1]); напротивъ, изъ отчета томскаго горнаго управленія за 1889 г. мы узнаемъ, что „особенно часты заболѣванія *цынгою* (въ началѣ весны), ревматизмомъ и лихорадочными болѣзнями; а по отчетамъ окружного инженера южно-енисейскаго округа за 1888 и 89 гг. господствующими болѣзнями на промыслахъ были *цынга*, ревматизмъ, Брайтова болѣзнь и лихорадки и „многія другія, происходящія какъ отъ характера и свойства работъ, такъ и отъ однообразія употребляемой пищи“ [2]).

Золотопромышленники стремились въ 50-хъ годахъ выдворить изъ тайги заболѣвшихъ рабочихъ, не дожидаясь ихъ выздоровленія (см. т. I, стр. 224); то же явленіе повторялось и позднѣе. 30 августа 1870 г. одинъ изъ земскихъ засѣдателей Енисейскаго округа увѣдомилъ горнаго исправника южно-енисейской системы, что нѣкоторыя промысловыя управленія вывозятъ заболѣвшихъ рабочихъ въ деревню Мотыгино (первое жилое мѣсто при выѣздѣ изъ южно-енисейской тайги) „и тамъ оставляютъ ихъ на произволъ судьбы, не давъ никакихъ средствъ“ на путешествіе до мѣста причисленія, почему земскому засѣдателю приходится отправлять этихъ рабочихъ на подводахъ, „что̀ весьма обременительно для жителей“. Вслѣдствіе этого горный исправникъ циркуляромъ 23 сентября того же года предписалъ промысловымъ управленіямъ не вывозить заболѣвшихъ рабочихъ изъ тайги и помѣщать ихъ въ больницы впредь до выздоровленія [3]).

На основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній о заболѣваемости и смертности пріисковыхъ рабочихъ въ Енисейскомъ округѣ [4]), мы вычислили, что въ 70-хъ годахъ въ южной его части заболѣвало 18—40% рабочихъ; а въ сѣверной части заболѣваемость была сильнѣе: отъ 33 до

---

[1]) „Сиб. Вѣстн.“ 1890 г. № 66.

[2]) Въ 1881 г. на промыслахъ сѣверно-енисейскаго округа было всего больныхъ 3043 ч. м. п.; изъ нихъ были больны лихорадками 729, скорбутомъ (цынгою) 703, горячками 443 (умерло 7), ревматизмомъ 230, воспаленіемъ дыхательныхъ органовъ 221 (умерло 10), поносами 176, воспаленіями брюшныхъ органовъ 99, ушибами и переломами 80, рожами, опухолями и вередами 77, венерическою болѣзнью 74, золотухой и худосочіемъ 65, воспаленіемъ глазъ 63 и проч. Дѣло арх. горн. испр. южн. енис. окр. 1882 г. № 19. Въ 1883 г. на промыслахъ южной части Енисейскаго округа было всего больныхъ 1801 муж. и 61 женщ.; изъ нихъ: цынгою 730 м., 20 ж. (умерло 13 м., 2 ж.), перемежающеюся лихорадкою 360 м., 2 ж. (умерло 8 м., 2 ж.), ревматизмомъ и ломотою 220 м., слизистымъ поносомъ 120 м., 7 ж. (умерло 3 м.), вывихами 90 м., сифилисомъ 58 м., 12 ж. и проч. Арх. испр. южн. енис. окр. дѣло 1883 г. № 56.

[3]) Арх. горн. испр. южн.-енис. окр. дѣло 1870 г. № 18, л. 49. По отчетамъ горнаго исправника южн.-енис. окр. 1875 г. послѣ 10 сентября въ пріисковыхъ больницахъ оставалось 16 ч., въ 1883 г. 17 м. и 1 ж.; въ 1881 г. въ сѣверн.-енис. окр. оставался на выздоровленіи по окончаніи операціи 1 ч.

[4]) См. *Дополненіе VII.*

46% рабочихъ [1]). Процентъ смертности въ 70-хъ годахъ колебался въ южной части округа отъ 0,3% до 0,5%, въ сѣверной части отъ 0,4% до 1,2% (въ среднемъ 0,6% всѣхъ рабочихъ). Въ 80-хъ годахъ заболѣваемость и въ южной, и въ сѣверной части Енисейскаго округа усилилась и колебалась въ южной между 29 и 61%, а въ сѣверной между 29 и 56% (въ 1890 г. заболѣло даже 74% рабочихъ). Процентъ смертности въ 80-хъ годахъ колебался въ южно-енисейскомъ округѣ отъ 0,3% до 1,7%, а въ среднемъ равнялся 1,1% всѣхъ рабочихъ; а въ сѣверно-енисейскомъ округѣ отъ 0,4% до 0,7% всѣхъ рабочихъ.

На основаніи оффиціальныхъ отчетовъ о золотопромышленности Восточной Сибири подъ рубрикой происшествій мы высчитали [2]), что за 16 л. (1873—85 и 1888—90 гг.) было задавленныхъ обваломъ во время работъ во всемъ Енисейскомъ округѣ 22 чел., „убито при работахъ“ 6 ч., задавленныхъ возомъ 2 чел., еще смертныхъ случаевъ во время работъ 3 чел. и того 33 случая смерти во время самыхъ работъ [3]). Но нельзя не отмѣтить еще и такія рубрики, въ которыхъ указаны жертвы тяжелыхъ условій пріискового труда и труднаго пути на пріиски и обратно; таковы: 9 самоубійствъ, 75 скоропостижно умершихъ, 11 утонувшихъ, 3 замерзшихъ, 15 найденныхъ мертвыхъ тѣлъ, и не совсѣмъ ясна рубрика нечаянныхъ смертныхъ случаевъ, которыхъ было всего 22.

Какъ относилась горная администрація къ этимъ несчастнымъ случаямъ, видно, напр., изъ отчета горнаго ревизора частныхъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа за 1883 г.: „вообще нужно замѣтить, что несчастныхъ... случаевъ получается процентъ ничтожный, и если эти случаи повторяются ежегодно, то ихъ, скорѣе всего, можно приписать неосторожности самихъ рабочихъ“ [4]). Но изъ мѣстныхъ газетъ мы видимъ, что далеко не всегда были повинны сами рабочіе и почему золотопромышленники обыкновенно оказывались правыми. „Въ южной тайгѣ“, писалъ въ 1884 г. корреспондентъ „Сибирской Газеты“, „на пріискѣ Х—кова нынѣ было 2 случая задавливанія до смерти рабочихъ землею. Рабочіе, оставшіеся въ живыхъ, показали, что управляющій пріискомъ, мѣщанинъ И—въ, велъ работы неправильно, не

[1]) Этотъ процентъ заболѣвшихъ, по всей вѣроятности: менѣе дѣйствительнаго, такъ какъ фельдшера по небрежности не всегда заносятъ въ списки всѣхъ больныхъ и къ тому же не на всѣхъ промыслахъ есть фельдшера. *Н. Д.* „Санитарный очеркъ золот. промысловъ“. „Сбор. соч. по суд. медиц.“ 1875 г. т. I, стр. 161.

[2]) См. *Дополненіе VIII.*

[3]) Н. Боголюбскій объясняетъ болѣе частые несчастные случаи при работахъ въ южно-енисейскомъ округѣ тѣмъ, что здѣсь торфа толще. „Вѣсти. Золот.“ 1892 г. № 16, стр. 226.

[4]) „Приложеніе I къ выпуску I сборника гл. оффиц. докумен. по управ. Восточ. Сибирью“ т. VII, стр. 15.

согласно съ Горнымъ Уставомъ, въ чемъ, правда, онъ самъ сознался, и что подтвердила экспертиза. Такъ, напр., стѣны забоя, вышиною болѣе 3 арш., велись на 1 уступъ, тогда какъ Горный Уставъ (т.-е. правила 1880 г., опубликованныя Шелковниковымъ) „предписываетъ вести ихъ на 2 уступа. Мало этого, управляющій заставлялъ рабочихъ подкайливать забой такъ сильно, что они не разъ заявляли управляющему объ угрожающей имъ опасности быть заживо погребенными, но онъ не принялъ заявленія рабочихъ, и вотъ 25 февраля были заживо погребены, кажется, 3 человѣка и черезъ мѣсяцъ еще одинъ или двое [1]). На пріискѣ Б—дина задавило до смерти 2 человѣка“ [2]).

Когда на енисейскихъ промыслахъ открыли рудное золото и стали для разработки его примѣнять динамитъ, то это вызывало иногда весьма серьезныя несчастья, какъ это случилось въ 1887 г. на пріискѣ Хилкова. Завѣдующій пріискомъ зарядилъ забой динамитомъ, не предупредивъ рабочихъ, чтобы они оставили работы; произошелъ взрывъ, и нѣсколько несчастныхъ убито наповалъ и ранено,—кто легко, кто тяжело. Дѣло стали замазывать; что это будетъ такъ,—никто и не сомнѣвался вслѣдствіе того, что „у того же Хилкова было замазано въ 1883 г. дѣло объ обвалившейся ортѣ, а въ 1884 г. о томъ, что нѣсколько человѣкъ убито“ [3]).

Въ концѣ 1888 г. на Козьмодемьянскомъ пріискѣ на р. Рыбной, арендованномъ опять таки Хилковымъ, также случилось несчастіе при добычѣ руднаго золота: взрывомъ динамита изувѣчило 2 служащихъ. Сообщая объ этомъ, корреспондентъ мѣстной газеты говоритъ: „это уже другой взрывъ на этомъ пріискѣ; въ первый разъ здѣсь, 2 года тому назадъ, также пострадали рабочіе, какъ при этомъ часто бываетъ, оказавшіеся сами виноватыми“. По правиламъ объ употребленіи взрывчатыхъ веществъ при горныхъ работахъ (1887 г.) работами динамитомъ должны завѣдывать спеціалисты, которыхъ Хилковъ у себя не имѣлъ [4]).

Какъ относятся нѣкоторые золотопромышленники къ своимъ пострадавшимъ рабочимъ, видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ докторомъ Крутовскимъ. Въ концѣ 1891 г. въ красноярскую городскую больницу поступилъ рабочій 40 съ небольшимъ лѣтъ, который уже 15 л. работалъ въ южной тайгѣ и изъ нихъ 13 л. у г. М—на. Въ 1889 г., „при окончаніи работъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, была заложена штольня, которую плохо закрѣпили; произошелъ обвалъ и

[1]) Какъ мы увидимъ ниже, хотя управляющій пріискомъ Х—кова былъ совершенно виноватъ, дѣло это было замято.

[2]) „Спб. Газ.“ 1884 г. № 38, стр. 932.

[3]) „Новое Время“ 1887 г., 17 мая. Изъ дальнѣйшаго видно, что несчастіе это произошло на Козьмодемьянскомъ пріискѣ на р. Рыбной.

[4]) „Спб. Вѣст.“ 1889 г. № 11, стр. 7. Ср. *Розановъ*, „Сводъ дѣйств. узак. о частн. золотопр. въ Россіи“, изд. 2-е. Спб. 1891 г., стр. 20.

двухъ рабочихъ засыпало землею. Послѣ этого сейчасъ же разсчитали всю команду и 2 изуродованныхъ рабочихъ оставили на пріискѣ съ какимъ-то невѣжею фельдшеромъ и караульнымъ. Такимъ образомъ, всю зиму до весны, 8 мѣсяцевъ, несчастные провалялись на пріискѣ, и имъ не была оказана медицинская помощь,—врача не вызывали. Наконецъ, когда весною снова на пріискъ, другой уже, пришла команда рабочихъ, то и больныхъ перевезли на новый пріискъ, и здѣсь они стали настоятельно требовать пріисковаго врача. Послѣдній явился и отправилъ больного въ больницу Асташева. Три или четыре мѣсяца пролежалъ больной въ этой больницѣ и, какъ неизлѣчимый, былъ обратно препровожденъ на пріискъ М. Здѣсь вновь онъ валяется безъ всякаго призора до окончанія работъ, и тогда его вывозятъ въ первую на пути деревню, даютъ 10 р. денегъ и оставляютъ на произволъ судьбы. На эти 10 р. больной дотащился до Красноярска, подалъ прошеніе, куда слѣдуетъ, и получилъ отъ М. 150 р. вознагражденія за свое уродство. Между тѣмъ у него была сломана правая нога въ шейкѣ бедра, неправильно срослась съ значительнымъ укороченіемъ всей ноги, и вотъ этотъ еще сравнительно молодой человѣкъ дѣлается калѣкою, не имѣетъ возможности пропитывать себя, ему нѣтъ пристанища, и вотъ расплата хозяина съ рабочимъ за 13-лѣтній тяжелый трудъ“ [1]). Позднѣе г. Крутовскому приходилось наблюдать и другіе подобные случаи.

Выше были приведены данныя о количествѣ рабочихъ, умершихъ отъ болѣзней, и о числѣ умершихъ вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ случаевъ. Сложивъ то и другое, мы можемъ вычислить процентъ умершихъ на все количество рабочихъ [2]). Оказывается, что въ 70-хъ годахъ смертность рабочихъ на промыслахъ сѣверной и южной системъ Енисейскаго округа колебалась между 4 и 11 на 100. Такая смертность кажется незначительною, но относительно этого мы находимъ слѣдующее разъясненіе г. Н. Д:, „Число умирающихъ на промыслахъ сравнительно невелико, но, впрочемъ, было бы весьма опрометчиво выводить изъ этого какія-либо заключенія въ смыслѣ, благопріятномъ для пріисковъ. Каждый годъ происходитъ смѣна рабочихъ и при наймѣ ихъ въ большинствѣ случаевъ обращается вниманіе на то, чтобы они были, по возможности здоровы. Рабочіе съ неизлѣчимыми болѣзнями, обыкновенно, тѣмъ или другимъ путемъ удаляются съ промысловъ... За весьма рѣдкими исключеніями, на промыслахъ умираютъ только тѣ, которые заболѣли какою нибудь тяжелою острою болѣзнью или получили такія травматическія поврежденія, отъ которыхъ смерть неизбѣжна“ (стр. 162). Въ 80-хъ годахъ смертность на пріискахъ значительно усилилась и равнялась въ 1883 г. во всемъ округѣ 14 чел. на тысячу, а въ южной части округа въ 1888 г.—15 и въ 1889 г.—17 чел. на тысячу. Такъ какъ смертность въ Россіи во всемъ населеніи въ среднемъ выводѣ за 15 л. (1862—78) равнялась 36,7 чел. на тысячу [3]), то мы видимъ, что

[1]) Докладъ *Крутовскаго* обществу енисейскихъ врачей, отдѣльный тискъ, стр. 18.

[2]) См. *Дополненіе IX.*

[3]) *Эрисманъ.* „Курсъ гигіены“, т. II приложеніе стр. 61.

смертность на пріискахъ въ эти годы, если принять во вниманіе, что тамъ находятся главнымъ образомъ взрослые рабочіе, громадно. Вообще, въ Россіи смертность въ возрастѣ между 15 и 50 годами равнялась 19% всей смертности [1]), слѣдовательно при общей смертности въ 36 чел. на тысячу въ этомъ возрастѣ должно умирать 6,8 чел. на тысячу, а мы видѣли, что въ нѣкоторые годы и особенно въ 1883 г. во всемъ округѣ и въ 1880—81, 88 и 89 гг. въ южной его части, далеко перешла за эти предѣлы.

Въ южно-енисейскомъ округѣ въ 1874—75 гг. было 2 походныхъ церкви, при которыхъ состояли 1 священникъ и 1 дьяконъ: на ихъ содержаніе и жалованье золотопромышленники отпускали по условію 4000 р. Въ 1889 г. здѣсь было 3 церкви, которыя, вслѣдствіе недостаточности „денежныхъ средствъ у большинства золотопромышленниковъ“ южно-енисейскаго округа, по словамъ отчета за этотъ годъ томскаго горнаго управленія, находятся въ весьма плачевномъ положеніи. Пріисковый священникъ по заключенному контракту получалъ за каждаго рабочаго въ годъ отъ промысловыхъ управленій по 75 к. Въ 1890 г. на средства, пожертвованныя служащими К° Асташева, была построена часовня“ [2]), въ которой намъ пришлось быть въ 1891 г. Она можетъ быть скорѣе названа небольшою церковью, построенною весьма изящно и содержимою въ порядкѣ, но на богослуженіи мы видѣли только однихъ служащихъ: всѣ рабочіе были на работахъ. Впрочемъ, рабочіе рѣдко посѣщаютъ церковь и послѣ того, какъ по закону 1895 г. они бываютъ свободны зимою по воскресеньямъ. Въ 1893 г. на Александровскомъ пріискѣ на рч. Боровой была построена церковь на общія средства золотопромышленниковъ [3]). „Меньше всего“, говоритъ г. Уманьскій, „нуждаются золотопромышленники въ священникѣ, которому многіе не уплачиваютъ даже слѣдуемое ему жалованье по числу рабочихъ. Священникъ по преимуществу занимается крестинами, такъ какъ свадьбы здѣсь бываютъ рѣдко вслѣдствіе преобладанія въ тайгѣ внѣбрачнаго сожительства, а погребаютъ рабочихъ безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ“ („какъ собакъ“, выражаются рабочіе). „Церковь пустуетъ, и служеніе въ ней происходитъ только по самымъ большимъ праздникамъ, да и то не всегда“.

Въ концѣ 1894 г. на Таломъ пріискѣ Асташева открылась церковно-

---

[1]) Ibid. стр. 75.

[2]) „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 530.

[3]) „Сиб. Вѣстн.“ 1895 г. № 180; „Вѣстн. Золотопр.“ 1893 г. № 15, стр. 248. Въ сѣверной части Енисейскаго округа 1881 г. было 3 церкви; при нихъ 1 священникъ и 1 псаломщикъ. На жалованье и содержаніе золотопромышленники отпускали по 74 к. за каждаго рабочаго, находившагося на пріискахъ къ 1 іюлю. То же количество церквей было и въ 1896 г. „Вѣстн. Золотопр.“ 1896 г. № 7, стр. 149.

приходская школа, въ которой изъявили желаніе учиться 31 человѣкъ (24 мальчика и 7 дѣвочекъ), почти все дѣти рабочихъ. При ней былъ устроенъ безплатный интернатъ на 12 человѣкъ. Большую часть средствъ на эту школу давало пріисковое управленіе; затѣмъ служащіе пожертвовали въ 1895 г. 2% своего содержанія, и кромѣ того въ пользу школы данъ былъ спектакль. На промыслахъ Асташева (южно-енис. окр.) есть также безплатная библіотека для служащихъ и рабочихъ. Осенью 1896 г. школа закрылась вслѣдствіе ликвидаціи золотопромышленнаго дѣла Асташева [1]).

Въ 60-хъ годахъ въ весьма многихъ договорахъ золотопромышленниковъ съ рабочими встрѣчались упоминанія о тѣлесномъ наказаніи рабочихъ. Напротивъ, въ 70-хъ годахъ въ извѣстныхъ намъ контрактахъ такія условія встрѣчаются очень рѣдко. Въ договорѣ рабочихъ съ комп. Кузнецова и Щеголевыхъ (въ сентябрѣ 1870 г.) за уклоненіе отъ работъ и самовольную отлучку съ пріиска компанія могла налагать на рабочихъ штрафъ или „подвергать виновныхъ на основаніи 2501 ст. VII т. Св. Зак. (изд. 1857 г.) домашнему исправленію артельной расправы, а на основаніи 2502 и 2503 ст. полицейскому исправленію“, т.-е. просить горнаго исправника о наказаніи виновнаго. О взысканіи съ рабочихъ за извѣстные поступки „по суду артельной расправы“ (но безъ прямого намека на тѣлесное наказаніе, такъ какъ расправа могла наложить и денежное наказаніе или арестъ) упоминается и въ договорѣ 1888 г. съ комп. Иваницкаго, Жилля и Потапова. Уже на основаніи этого рѣдкаго упоминанія о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ договорахъ слѣдуетъ заключить, что въ обращеніи съ рабочими произошло сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ значительное смягченіе, но тѣмъ не менѣе пріисковые нравы и въ самое послѣднее время были весьма суровы. При наказаніи рабочихъ розгами, исправники, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, у которыхъ дѣлопроизводство въ порядкѣ, дѣлали письменное постановленіе, напр., въ такомъ родѣ: „1876 г. іюля 22 дня горный исправникъ южной части енисейскаго округа, подполковникъ К. постановилъ крестьянина Я. С — ва, находящагося въ работѣ на золотыхъ промыслахъ полковника Асташева, за картежную игру и проматываніе вещей на основаніи“ (для обозначенія статьи оставлено мѣсто) „ст., II кн. XV т. Св. Зак. уголовныхъ и 17 § инструкціи для исправниковъ горныхъ наказать десятью ударами розогъ“ [2]). Но нерѣдко исправникъ не безпокоился и составлять приговоръ, и наказаніе производилось по запискѣ золотопромышленника. Напр., золотопромышленникъ К. Квятковскій пишетъ въ 1881 г.

---

[1]) „Вѣст. Золотопр.“ 1895 г., стр. 32, 1896 г., стр. 15, 1897 г. стр. 31, 251.

[2]) Арх. Горн. Испр. юж.-енис. окр. дѣло 1876 г. № 46.

горному исправнику южно-енисейскаго округа: „Поселенецъ южнаго округа Казачинской волости“ (такой-то) „уклоняется отъ работъ, лѣнится и притворяется больнымъ уже нѣсколько (дней), а фельдшеръ не признаетъ въ немъ никакой болѣзни. А потому имѣю честь покорнѣйше просить васъ сдѣлать со стороны вашей распоряженіе: взыщите съ него, какъ слѣдуетъ, котораго при семъ посылаю для надлежащаго съ него взысканія или наказанія“. Помѣта карандашемъ: „если не боленъ, то наказать“ и затѣмъ приписка: „наказанъ Ермолаевымъ“ [1]). О тѣлесномъ наказаніи рабочихъ ходатайствовали не только мужчины, но и женщины: такъ „завѣдующая Степановскимъ пріискомъ А. Квятковская“ пишетъ въ 1889 г. горному исправнику южно-енисейскаго округа: „Препровождаю при семъ на ваше усмотрѣніе рабочаго Степановскаго пріиска ссыльноселенца Г. Б — ва за самовольное уклоненіе отъ работъ“. Помѣта карандашемъ: „наказанъ 15 ударами розогъ“ [2]).

Другою инстанціей, куда золотопромышленники могли обращаться съ жалобами на рабочихъ, были партіонныя или артельныя расправы. Относительно нихъ въ журналѣ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири 24 августа 1878 г. сдѣлано было слѣдующее заключеніе: „вниманіе мѣстнаго начальства должно быть обращено на развитіе тѣхъ началъ, какія положены въ основаніе правилъ о наймѣ рабочихъ Устава о золотопромышленности, объ устроительствѣ рабочихъ партій, назначеніи старостъ и выборныхъ для партіонной расправы, на правильное и цѣлесообразное исполненіе этихъ правилъ, а не на измышленія новыхъ, какъ недопускаемыхъ закономъ. Между тѣмъ рабочіе на промыслахъ не вездѣ раздѣлены на партіи и артели и не вездѣ существуютъ партіонныя расправы, которыя могли бы примѣнять взысканія, опредѣленныя въ правилахъ о наймѣ рабочихъ, но это доказываетъ только невниманіе горныхъ исправниковъ къ прямымъ своимъ обязанностямъ или непониманіе смысла самими промышленниками своихъ интересовъ, непосредственно связанныхъ съ устройствомъ быта ихъ рабочихъ и развитія самодѣятельности къ ихъ исправленію“.

Вслѣдствіе этого постановленія Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа разослалъ мѣстнымъ золотопромышленникамъ циркуляръ, въ которомъ говоритъ: „Объ устройствѣ на промыслахъ артельныхъ расправъ для взысканій съ рабочихъ за маловажные проступки по проѣздамъ моимъ по пріискамъ я неоднократно уже обращался лично къ золотопромышлен-

---

[1]) Ibid. дѣло 1881 г. № 5.

[2]) Ibid. 1889 г. № 4. Но изъ этого дѣла видно, что пріисковый врачъ нашелъ одного рабочаго малокровнымъ и страдающимъ катарромъ желудка и потому далъ заключеніе, что его можно назначать только на лѣтнюю работу.

никамъ, управляющимъ и довѣреннымъ, и нынѣ, вслѣдствіе выше объясненнаго заключенія Совѣта Главнаго Управленія", онъ снова просилъ ихъ заявить ему, желаютъ они или не желаютъ учредить расправы, и затѣмъ, когда онѣ будутъ учреждены, донести о званіяхъ, именахъ и фамиліяхъ артельныхъ старостъ и выборныхъ отъ артелей [1]).

При выборѣ рабочими членовъ партіонной расправы составлялся письменный приговоръ, препровождавшійся на утвержденіе горнаго исправника. Вотъ, напр., приговоръ рабочихъ Михайловскаго и Александровскаго пріисковъ о выборахъ въ члены партіонной расправы, составленной 19 мая 1885 г.: „Мы, нижеподписавшіеся, люди разнаго званія, составили съ общаго нашего согласія настоящій приговоръ въ томъ, что за грубость, лѣность къ работамъ, пьянство, картежныя игры и тому подобные проступки, сдѣланные кѣмъ либо изъ насъ, мы, по общему нашему словесному приговору, согласны подвергать провинившагося артельной расправѣ (на основаніи ст. 101 и 102 Общ. Полож. о крестьянахъ), для чего и выбрали изъ среды нашей членами" (слѣдуютъ имена 2 крестьянъ [2]).

Приводимъ для образца одинъ изъ приговоровъ артельной расправы: 1881 г. марта 16 дня мы, нижеподписавшіеся рабочіе Екатерининскаго пріиска потомственной почетной гражданки Анастасіи Егоровой Рязановой, артельный староста крестьянинъ (такой-то), выборные крестьяне (2 человѣка) „симъ приговорили рабочаго нашей артели крестьянина" (такого-то) „за грубости служащимъ и самовольную отлучку съ работъ наказать 20 ударами розогъ". Пріисковое управленіе препроводило осужденнаго вмѣстѣ съ этимъ приговоромъ къ горному исправнику съ просьбою подвергнуть его наказанію, что и было исполнено (безъ приговора партіонной расправы горный исправникъ по закону не имѣетъ права наказывать нелишенныхъ правъ состоянія рабочихъ).

Иногда приговоръ пишется не отъ имени только артельнаго старосты и членовъ артельной расправы, а отъ имени всѣхъ рабочихъ, но подписывается только 3 рабочими, очевидно, составляющими артельную расправу; на основаніи такого приговора были наказаны горнымъ исправникомъ 4 крестьянина за побѣгъ съ Дополнительнаго участка къ Прокопьевскому пріиску Асташева, а безъ такого приговора по закону горный исправникъ не могъ подвергнуть крестьянъ тѣлесному наказанію [3]). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приговоръ не тодько пи-

---

[1]) Арх. горн. испр. сѣв.-енис. окр. 1879 г. № 23, л. 3.

[2]) Подписалось 28 человѣкъ (почти все крестьяне); изъ нихъ только 1 оказался грамотнымъ, а за другихъ руку приложилъ какой-то мѣщанинъ.

[3]) Въ числѣ подписавшихъ этотъ приговоръ былъ и ссыльнопоселенецъ.

шется отъ имени рабочихъ, но и подписывается многими изъ нихъ [1]).

Въ 1876 г. горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа, въ донесеніи енисейскому губернскому правленію по вопросу объ устройствѣ на промыслахъ одиночныхъ карцеровъ (см. ниже), ссылаясь на подобное же мнѣніе исправника Витимской системы Олекминскаго округа, настаивалъ на „необходимости изданія особыхъ, по возможности болѣе строгихъ правилъ объ исправительныхъ наказаніяхъ рабочихъ за маловажные проступки". Сравнивъ § 12 правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промысла (о томъ, что золотопромышленникъ или рабочій, недовольный рѣшеніемъ партіонной расправы, можетъ жаловаться исправнику) съ § 17 Инструкціи горному исправнику (по которому исправникъ производитъ взысканіе *по рѣшенію партіонной расправы*), онъ предлагалъ поставить исправниковъ, „при опредѣленіи мѣры взысканія, въ независимость отъ приговоровъ артельной расправы" и спрашивалъ, какъ поступить, если при исполненіи 12 ст. правилъ о наймѣ рабочихъ исправникъ не одобритъ рѣшенія партіонной расправы. „Раздѣленіе рабочихъ на артели", продолжаетъ онъ, „существуетъ здѣсь только у золотничниковъ, а не у общеконтрактныхъ, а потому у по-

---

[1]) Вотъ одинъ изъ такихъ приговоровъ: „1881 г. іюня 6 дня мы, нижеподписавшіеся рабочіе золотопромышленника А. С. Калашникова, рабочаго же изъ среды нашей, крестьянина" (такого-то) „за неисполненіе принятыхъ на себя обязанностей, за кражу хозяйскихъ вещей на 40 р. и побѣгъ съ пріиска съ общаго согласія приговорили наказать его розгами 20 ударами, въ чемъ и подписуемся" (слѣдуютъ подписи 27 крестьянъ). Приговоръ былъ исполненъ горнымъ исправникомъ. Или вотъ еще подобный же приговоръ: „1876 г. іюня 22 дня мы, нижеподписавшіеся люди, находящіеся въ разныхъ работахъ на Ильинскомъ пріискѣ К° Кирьянова и Киркилло составили сей приговоръ всей артелью въ нижеслѣдующемъ: находясь съ нами вмѣстѣ въ работѣ на Ильинскомъ пріискѣ, крестьянинъ изъ поселенцевъ... Ю—въ, подъ предлогомъ мнимой болѣзни, не выходилъ на работу болѣе 40 дней, и управленіе не вынуждало его выйти на работу; но когда была выписка намъ изъ магазина припасовъ и необходимыхъ вещей, тогда и Ю—въ явился къ хозяину Кирьянову и объявилъ, что онъ здоровъ и пойдетъ на работу; вслѣдствіе этого была сдѣлана и ему выписка, и онъ, получивши выписку, въ ночь бѣжалъ. Во время мнимой болѣзни дѣлалъ въ казармѣ безпорядки, начиналъ даже драку изъ среды нашей съ рабочими. За все вышеизложенное приговариваемъ Ю—ва подвергнуть взысканію на основаніи горнаго устава о частной золотопромышленности. Приговоръ этотъ просимъ представить г. горному исправнику и препроводить туда Ю—ва, въ чемъ и подписуемся" (слѣдуютъ подписи 10 крестьянъ). Арх. Горн. Испр. южн.-енис. окр. 1876 г. № 46. Подобнымъ же образомъ рабочіе „разныхъ званій, округовъ и волостей" на Магдалининскомъ пріискѣ (сѣв.-енис. окр.), разрабатываемомъ Климантовичемъ, „артельнымъ приговоромъ" присудили трехъ товарищей за пьянство и буйство („въ силу данной правительствомъ" имъ „власти взыскать съ виновныхъ за разные безпорядки") къ наказанію 20 ударами розогъ съ представленіемъ осужденныхъ къ горному исправнику (слѣдуютъ 9 подписей). Арх. Горн. Испр. сѣв.-енис. окр. дѣло 1887 г. № 7.

слѣднихъ нѣтъ ни старостъ, ни выборныхъ (? ср. выше), слѣдовательно, не существуетъ и самой расправы, да если бы и образовались рабочія партіи, то въ нихъ могутъ быть и мѣщане, и крестьяне, и поселенцы. Послѣдніе, какъ неизъятые отъ тѣлеснаго наказанія, штрафуются розгами, но какъ поступать съ мѣщаниномъ и крестьяниномъ, если онъ принадлежитъ къ той же партіи и настолько же виновенъ, какъ и поселенецъ? Вотъ почему, по мнѣнію моему, необходимо подробное разъясненіе 12 ст. правилъ о наймѣ Устава о частной золотопромышленности изд. 1870 г.. въ которой указано только, что недовольная сторона жалуется исправнику, и не объяснено, что можетъ дѣлать онъ, нужно ли тутъ новое рѣшеніе партіонной расправы, указываемое § 17 инструкціи. Контракты, заключаемые золотопромышленниками съ рабочими, обязательны для обѣихъ сторонъ, и кто бы изъ послѣднихъ ни подписалъ ихъ, мѣщанинъ ли, крестьянинъ ли, поселенецъ ли, онъ носитъ на пріискахъ одно общее названіе рабочаго, подчиняясь всѣмъ контрактнымъ условіямъ, а потому и подвергаться долженъ одной общей для всѣхъ мѣрѣ взысканія“ [1]).

Однако мечты горнаго исправника о правѣ подвергать тѣлесному наказанію безъ приговора артельной расправы крестьянъ и мѣщанъ, къ счастью, и до сихъ поръ остались мечтами, хотя о распространеніи на нихъ тѣлесныхъ наказаній и хлопотали къ стыду своему золотопромышленники Енисейскаго округа еще въ 1892 г. (см. ниже).

Впрочемъ, нѣкоторые золотопромышленники расправлялись съ рабочими и не прибѣгая къ помощи горнаго исправника или артельной расправы. Такъ напр., начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія Банинъ въ августѣ 1870 г. донесъ генералъ-губернатору Восточной Сибири о слѣдующемъ: „При объѣздѣ моемъ“, писалъ онъ, „промысловъ южной части Енисейскаго округа, на Алексѣевскомъ пріискѣ купца Ягунова рабочіе объявили мнѣ жалобу на жестокое обращеніе съ ними хозяина Ягунова, между которыми рабочій А—мъ С—ъ былъ избитъ имъ палкою, а Иванъ Г—въ наказанъ розгами. На спросъ мой казака, онъ подтвердилъ это, объяснивъ, что, дѣйствительно, имъ наказаны розгами *по приказанію хозяина*“ (совершенно противозаконному), „котораго онъ ослушаться не смѣлъ, ибо, при командированіи его на промысла, *онъ получилъ приказаніе отъ командира слушаться хозяина* (!)“. Ягуновъ, на вопросъ Банина о томъ, какъ онъ позволилъ себѣ наказывать рабочихъ розгами, отвѣтилъ, „что всегда будетъ пороть ихъ, пока они будутъ бѣгать, что имѣетъ на то право“ и прибавилъ: „вы не знаете законовъ, оттого такъ и говорите“. Банинъ нашелъ, что на этомъ пріискѣ многіе рабочіе не имѣли паспортовъ и приказалъ горному исправнику поступить съ ними, какъ съ бродягами (безпаспортные рабочіе выгодны для золотопромышленника тѣмъ, что они народъ совершенно беззащитный, и ихъ можно эксплоатировать, какъ угодно). Кромѣ жестокаго обращенія на

---

[1]) Арх. Горн. Испр. сѣв.-енис. окр., донесеніе горн. испр. въ енисейское губернское правленіе 14 апрѣля 1876 г., № 1614.

этомъ пріискѣ, Банинъ считалъ поводомъ къ побѣгамъ и непомѣрно высокія цѣны на товары [1]).

Любопытнѣе всего, какъ окончилось дѣло Ягунова: онъ судился въ Енисейскомъ городовомъ судѣ и былъ приговоренъ въ 1873 г. къ аресту на 1 мѣсяцъ. Онъ аппеллировалъ въ енисейскій губернскій судъ, и тотъ отмѣнилъ приговоръ енисейскаго городового суда „за неподачею самими обиженными жалобы на Ягунова", предоставивъ обиженнымъ жаловаться на него, если желаютъ. Дѣло, очевидно, на томъ и покончилось, такъ какъ по прошествіи 3 лѣтъ потерпѣвшіе рабочіе вѣроятно находились въ совершенно другомъ мѣстѣ Сибири, и Ягуновъ, а по примѣру его и другіе золотопромышленники могли безнаказанно продолжать самовольную расправу съ рабочими.

„Власть пріисковаго хозяина надъ рабочими", говоритъ г. Уманьскій, „далеко значительнѣе обычной, чисто экономической власти предпринимателя надъ трудящимися... Неповиновеніе ему рабочихъ артелью наказывается какъ возстаніе противъ властей. Съ другой стороны администрація, бездѣятельная въ отправленіи своихъ прямыхъ обязанностей, является дѣятельною пособницей хозяевъ въ ихъ отношеніяхъ къ рабочимъ. Званіе поселенца даетъ возможность наказывать поселенцевъ-рабочихъ розгами безъ суда по усмотрѣнію администрацію. Наказанію подвергаются строптивые, лѣнивые, притворно-больные, пойманные бѣглые. Нерѣдко розгами ограничиваются и наказанія за крупныя преступленія, въ родѣ кражи золота, покушенія на убійство служащаго, такъ какъ въ тайгѣ не любятъ доводить дѣло до острога, что лишило бы компанію рабочаго въ нужную пору. Въ большинствѣ случаевъ администрація не производитъ разслѣдованія вины рабочихъ, довольствуясь одною жалобою хозяина, что, конечно, открываетъ полный просторъ произволу. Наказаніе по закону не должно превышать 20 ударовъ, но практика доводитъ это число до нѣсколькихъ сотенъ... Иногда наказаніе производится при резиденціи исправника въ „казачьей", иногда на пріискѣ, если желаютъ внушить спасительный страхъ другимъ рабочимъ, товарищамъ наказываемаго... Добиться приговора артели для наказанія розгами рабочихъ-крестьянъ очень трудно, почему крестьяне въ большинствѣ случаевъ не подвергаются тѣлесному наказанію или же подвергаются произвольно, съ нарушеніемъ закона. Прежде произвольное наказаніе рабочихъ крестьянъ случалось чаще, но въ настоящее время администрація избѣгаетъ этого", такъ какъ имѣла „по этому поводу непріятности вслѣдствіе жалобъ потерпѣвшихъ лицъ!" (стр. 85—87).

Отъ золотопромышленниковъ „часто можно услышать разсужденіе объ удивительныхъ свойствахъ лѣченія розгами, которое будто бы

---

[1]) Въ 1873 г. съ Иннокентіевскаго пріиска юж.-енис. окр. купчихи Андреевой бѣжало значительное число рабочихъ вслѣдствіе жестокаго обращенія управляющаго пріиска. „Енис. Губ. Вѣд.", 1874 г., № 31, стр. 119.

дѣлаетъ больныхъ здоровыми, строптивыхъ послушными, а нерадивыхъ исправными. И дѣйствительно, розги доводятъ усилія рабочихъ до виртуозности... больные, изъ страха наказанія, усердно работаютъ въ душныхъ и смрадныхъ ортахъ, съ невѣроятными усиліями исполняютъ уроки... На одномъ изъ пріисковъ подобный больной, воротясь изъ орты, сталъ писать управляющему записку; въ ней онъ просилъ прощенія, что не въ силахъ работать, потому что, какъ писалъ онъ, ему совѣстно, что „нанявшись какъ конь, не въ силахъ работать какъ лошадь“. Не дописавъ записки, рабочій припалъ головою къ нарамъ; когда пришли „выгонять на работу“, нашли его уже мертвымъ съ недоконченною запиской въ сжатой рукѣ... За ревностное исполненіе наказанія урядникъ и казаки получаютъ отъ золотопромышленниковъ подарки: табакъ, сахаръ, которые иногда вписываются въ расходную книгу подъ рубриками: „за считаніе“ и „за сѣченіе“. Нѣкоторые изъ золотопромышленниковъ и ихъ довѣренныхъ пріобрѣтаютъ своего рода страсть къ сѣченію; для удовлетворенія ея они не останавливаются передъ обманами и подлогами. Крестьяне-рабочіе могутъ быть наказаны лишь по приговору артельной расправы, а такъ какъ вырвать подобный приговоръ у рабочихъ очень трудно, то иногда рабочаго застращиваютъ высылкой по этапу на родину, убѣждая добровольно поддаться наказанію, иногда же составляютъ подложные приговоры“ [1]). Тѣлесныя наказанія практикуются и въ послѣдніе годы. Въ 1893 г. корреспондентъ одной сибирской газеты писалъ, что горный исправникъ и урядникъ жестоко наказываютъ рабочихъ изъ поселенцевъ; „самая меньшая порція, какую отпускаютъ провинившемуся рабочему,—это 50 розогъ, а то даютъ 100 и 200“ [2]).

Приведенные факты, документы и свидѣтельства какъ оффиціальныхъ, такъ и неоффиціальныхъ лицъ показываютъ, что о беззащитности золотопромышленниковъ отъ ихъ рабочихъ, повидимому, не могло бы быть и рѣчи, а между тѣмъ енисейскіе золотопромышленники все недовольны.

Въ запискѣ своей, представленной министру государственныхъ имуществъ и директору горнаго департамента въ 1892 г. [3]) они пишутъ: „партіонныя расправы въ настоящее время на пріискахъ не существуютъ [4]), да и въ періодъ ихъ существованія ими разбирались лишь тѣ дѣла, которыя касались чисто лич-

---

[1]) „Восточ. Обоз.“, 1885 г., № 36, стр. 6—7, ср. 1882 г., № 36, стр. 4 и „Сиб. Газ.“, 1884 г., № 31, стр. 779.

[2]) „Сиб. Листокъ“, 1893 г., № 76.

[3]) См. разборъ этой записки въ моей замѣткѣ „Притязанія золотопромышленниковъ“, „Русскія Вѣдомости“, 1895 г., № 7.

[4]) Но мы видѣли, что при отсутствіи артельной расправы приговоръ постановляло извѣстное количество рабочихъ.

ныхъ интересовъ послѣдней. Въ данномъ случаѣ она была бы, дѣйствительно, безпощадна и безпощадна до жестокости. Такъ напр., изъ-за какой-нибудь украденной кѣмъ-либо изъ товарищей порціи мяса или пары онучъ, его подвергали такому варварскому наказанію, что пріисковому управленію приходилось даже защищать несчастнаго. Между тѣмъ, когда проступокъ рабочихъ касался интересовъ хозяйскихъ, какъ напр., изувѣченія лошади, стоющей сотни рублей, порчи инструмента, хозяйскаго имущества, оскорбленія служащихъ или уклоненія рабочаго отъ выполненія контракта, то эта же самая партіонная расправа судить его положительно отказывалась [1]) или еще того хуже, если и судила, то такъ, что отбивала у пріискового управленія всякую охоту впредь обращаться къ ея суду. Въ доказательство отсутствія всякаго уваженія къ партіонной расправѣ со стороны ея избирателей, можно указать на тѣ случаи, когда она, осудивъ какой-нибудь проступокъ по своему личному убѣжденію, безъ спроса артели, подвергалась за это со стороны послѣдней такому жестокому избіенію, что представляющіе ее выборные не смѣли даже жаловаться, опасаясь худшихъ послѣдствій. Члены партіонныхъ расправъ, живя въ однѣхъ казармахъ съ рабочими, естественно находятся подъ ихъ постояннымъ давленіемъ и потому, при всей даже своей безусловной честности и безпристрастномъ отношеніи къ данному проступку, они не могутъ судить его противъ воли рабочей артели, руководимой всегда (?) ссыльнымъ элементомъ (?), не останавливающимся передъ преступленіемъ, которое здѣсь въ глухой тайгѣ и, особенно же въ дорогѣ, такъ легко выполнить".

Въ этихъ словахъ несомнѣнно есть извѣстное преувеличеніе, но тѣмъ не менѣе они рисуютъ ростъ самосознанія рабочихъ, развитіе въ нихъ чувства человѣческаго достоинства и пониманія противоположности ихъ интересовъ съ интересами хозяевъ. Тѣмъ не менѣе съ перваго взгляда все-таки совершенно непонятенъ тотъ трагическій тонъ, въ который впадаютъ въ приведенномъ мѣстѣ своей записки енисейскіе золотопромышленники: если нехороши артельныя расправы, то вѣдь золотопромышленники имѣютъ такой вѣрный оплотъ своей власти, какъ пользующіеся отъ нихъ огромною субсидіей горные исправники? Но бѣда въ томъ, что эти исправники по закону не имѣли права, безъ приговора артельной расправы, подвергать крестьянъ и мѣщанъ тѣлесному наказанію, а число рабочихъ изъ ссыльнопоселенцевъ, съ которыми могъ распорядиться такимъ образомъ по своему усмотрѣнію горный исправникъ, все уменьшается: вотъ причина тревоги золотопромышленниковъ [2]). Казалось бы, въ рукахъ ихъ самихъ и горнаго исправника находится не мало другихъ мѣръ для весьма чувствительнаго нака-

[1]) Приведенные нами документы указываютъ однако на факты совершенно противоположные.

[2]) Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1882 г. писалъ: партіонныя расправы не желательны золотопріискателямъ, которые видятъ въ нихъ умаленіе своего значенія и ограниченіе той власти, которою они такъ широко пользуются по отношенію къ рабочимъ". Арх. Ирк. Горн. Упр. 2768, № 63/53, л. 833 об.

занія рабочихъ, но нѣтъ, имъ нужно именно тѣлесное наказаніе. Что это именно такъ, видно изъ слѣдующихъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія словъ енисейскихъ золотопромышленниковъ въ той же, уже цитированной нами, запискѣ: „весьма желательно, чтобы разбирательство всевозможныхъ столкновеній между хозяевами и рабочими было возложено на горнаго исправника взамѣнъ несуществующей партіонной расправы съ тѣмъ, чтобы горный исправникъ, располагая и теперь всевозможными средствами къ немедленному удовлетворенію претензій рабочихъ къ золотопромышленникамъ, въ то же время *имѣлъ право примѣнять тѣ же мѣры взысканія въ отношеніи провинившихся рабочихъ*“, а исправнику только и недоставало права безъ приговора артельной расправы подвергать тѣлесному наказанію полноправныхъ рабочихъ.

Для огражденія рабочихъ отъ разныхъ жестокостей на промыслахъ въ ихъ договоры съ предпринимателями вносились прежде условія въ родѣ слѣдующихъ. Управленіе К° Фунтусова въ контрактѣ 1870 г. обязывается обходиться съ рабочими „безъ обиды и притѣсненія, человѣколюбиво, не причиняя имъ *тяжкихъ побоевъ* или какихъ-либо жестокостей, здоровью вредныхъ“ [1]). Но въ другихъ договорахъ мы встрѣчаемъ этотъ пунктъ уже въ смягченной редакціи. Такъ, В. И. Базилевскій въ договорѣ 1870 г. обязывается „не допускать со стороны своихъ прикащиковъ дѣлать“ рабочимъ „какія-либо притѣсненія или обиды“ [2]), а Асташевъ — „обходиться человѣколюбиво“. Несмотря на эти условія въ контрактахъ, служащіе, по словамъ г. Ячевскаго, „вносятъ въ обращеніе съ рабочими *безпредѣльную грубость*“; они дозволяютъ себѣ иной разъ и побои, но въ рабочихъ начинаетъ уже развиваться чувство собственнаго достоинства, и бываютъ случаи, когда побои, наносимые рабочимъ какимъ-либо управляющимъ пріиска, вызываютъ серьезныя волненія. Не удивительно, что при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находятся на промыслахъ рабочіе, тяжеломъ трудѣ, суровыхъ наказаніяхъ и нерѣдкихъ штрафахъ,—между ними и служащими устанавливаются отношенія весьма недоброжелательныя [3]).

Иногда артельная расправа сверхъ тѣлеснаго наказанія приговаривала рабочаго и къ выдворенію изъ тайги. Такъ напр., въ іюнѣ 1881 г. „выбранные отъ рабочей артели Троицкаго пріиска К° Рязановыхъ“ (южно-енис. окр.) „находящіеся въ работѣ у купца Первухина“ приговорили одного находившагося вмѣстѣ съ ними въ работѣ крестьянина „за пьянство, грубости, наносимыя хозяину и служащимъ его“ и „за невыходъ на работу подъ предлогомъ мнимой болѣзни къ наказа-

[1]) Тоже самое въ договорахъ Игн. Кытманова 1872 г., К° Кузнецова и Щеголевыхъ 1870 г. и Асташева 1870 г.

[2]) Тоже самое въ договорѣ К° Полежаева 1877 г. и Удерейской К° 1872 г.

[3]) Ср. *Уманьскій*, стр. 114.

нію розгами 25 ударами, а какъ нарушителя контракта и вообще человѣка подозрительнаго выдворить съ промысловъ въ мѣсто его жительства" (Кежемскую волость Енисейскаго округа). Золотопромышленникъ Первухинъ препроводилъ этотъ приговоръ къ горному исправнику, и по его просьбѣ онъ былъ немедленно исполненъ [1]).

Въ 1873 г. горный исправникъ сѣверной части Енисейскаго округа (какъ вѣроятно и исправники другихъ системъ) получилъ распоряженіе начальника Енисейской губерніи объ устройствѣ карцеровъ на золотыхъ пріискахъ для одиночнаго заключенія рабочихъ за маловажные проступки. Объявивъ это распоряженіе мѣстнымъ золотопромышленникамъ, онъ предложилъ имъ составить смѣту стоимости этой постройки при резиденціи исправника и затѣмъ приступить къ ея выполненію или на деньги, собранныя съ пріисковыхъ управленій, или съ помощью присланныхъ ими людей и лошадей. Золотопромышленники въ отвѣтъ на это 27 іюня постановили, что мѣстная золотопромышленность приходитъ въ упадокъ вслѣдствіе выработки пріисковъ и потому, при ежегодномъ уменьшеніи количества рабочихъ, они не могутъ принять на себя значительныхъ расходовъ по устройству карцеровъ. Они указывали также на то, что отъ заключенія рабочихъ въ карцеры за маловажные проступки и потери времени на пересылку ихъ туда и обратно они будутъ терять каждаго человѣка, по крайней мѣрѣ, на 10 дней, и это отзовется уменьшеніемъ количества промываемаго золота до $^1/_4$ ф. на каждаго, что составитъ въ теченіе операціи весьма крупный и совершенно непроизводительный расходъ, причемъ отъ недомывки золота потеряетъ и казна. Поэтому золотопромышленники просили губернатора ходатайствовать „объ отмѣнѣ устройства карцеровъ какъ при резиденціи горнаго исправника, такъ и вообще на пріискахъ сѣверной системы" или же о постройкѣ ихъ на средства казны, безъ всякаго участія въ расходахъ золотопромышленниковъ [2]). Горный исправникъ представилъ этотъ отзывъ енисейскому губернатору, и тотъ разъяснилъ, что „если Совѣтъ Главнаго Управленія, разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, не нашелъ лишь препятствій къ устройству карцеровъ на главныхъ и многолюдныхъ резиденціяхъ, то очевидно, что такое заключеніе совѣта не обязательно для малолюдныхъ пріисковъ".

Сенатъ въ 1875 г. отклонилъ ходатайство генералъ-губернатора Восточной Сибири объ учрежденіи карцеровъ, предоставивъ ему обратиться по этому предмету въ министерство государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ (см. выше гл. II). Когда въ концѣ 1875 г. якутское областное правленіе возбудило вопросъ объ устройствѣ на промыс-

[1]) Арх. Горн. Испр. южн.-енис. окр. 1881 г., дѣло № 8.
[2]) Горн. Испр. сѣв.-енис. окр. дѣло 1873 г. № 10, л. 18.

лахъ одиночныхъ карцеровъ, и постановленіе его было сообщено золотопромышленникамъ сѣверно-енисейскаго округа, они въ данныхъ ими подпискахъ остались при мнѣніи, изложенномъ ими въ постановленіи отъ 23 іюня 1873 г. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія енисейскаго губернскаго правленія, горный исправникъ съ своей стороны пояснилъ, что въ сѣверно-енисейской системѣ „раздробленіе крупныхъ пріисковъ на золотничныя работы все болѣе и болѣе увеличивается, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшаются и средства для недешевыхъ построекъ... Если выстроить карцеръ при резиденціи исправника, то, по разбросанности и отдаленности отъ нея нѣкоторыхъ пріисковъ на 50 и болѣе верстъ, много потратится времени на пересылку рабочихъ въ ущербъ добычи золота". А если допустить даже, что „одиночные карцеры устроились бы на болѣе многолюдныхъ пріискахъ (хотя это многолюдство и не превышаетъ 336 рабочихъ, и то на одномъ Петропавловскомъ пріискѣ Асташева), то кто же будетъ подвергать виноватыхъ этой мѣрѣ взысканія? Казакъ пріисковаго отряда? Но они большею частью ведутъ себя такъ, что рабочіе не видятъ въ нихъ власти и смотрятъ какъ на равнаго. Исправникъ по донесенію пріисковаго управленія?" Но нельзя рѣшать дѣло безъ личнаго разбирательства, а постоянные разъѣзды исправника остановили бы все дѣлопроизводство. Дозволить самимъ управляющимъ заключать въ карцеръ виноватыхъ рабочихъ можно было бы только меньшинству, остальные же не всегда будутъ пользоваться этимъ дозволеніемъ съ полною справедливостью [1]).

Въ 1878 г. Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири отвергъ ходатайство якутскаго областного начальства о необходимости устройства на промыслахъ карцеровъ для одиночнаго заключенія на хлѣбѣ и водѣ [2]).

Однако въ началѣ 90-хъ годовъ въ резиденціи горнаго исправника сѣверной части Енисейскаго округа былъ карцеръ изъ 3 комнатъ: 2 для одиночнаго заключенія и одна общая, болѣе значительнаго размѣра; приговоренные горнымъ исправникомъ къ аресту содержались на хлѣбѣ и водѣ [3]).

---

[1]) Арх. Горн. Испр. сѣв.-енис. окр., донесеніе енис. губ. прав. 14 апрѣля 1876 г., № 1614.

[2]) Изъ матеріаловъ, сообщенныхъ г. Субботинымъ (въ Томскѣ).

[3]) Бываютъ случаи, когда рабочіе приговариваютъ члена своей артели къ тѣлесному наказанію, а горный исправникъ замѣняетъ это наказаніе арестомъ. Такъ въ 1889 г. рабочіе Екатерининскаго пріиска Хилкова (южн.-енис. окр.) приговорили своего товарища, мѣщанина Т., за то, что онъ часто былъ пьянъ, напоилъ около 10 рабочихъ другого пріиска и отлучился на нѣсколько дней, съ общаго согласія всей артели, состоящей изъ 10 чел.", къ 20 ударамъ розогъ, но исправникъ вмѣсто того арестовалъ его на 5 сутокъ (Арх. испр. южн.-енис. окр., 1889 г., № 4).

Въ апрѣлѣ 1881 г. исправникъ южно-енисейскаго округа получилъ слѣдующее слезное моленіе отъ одного золотопромышленника: „Насколько я крѣпился, не хотѣлъ безпокоить васъ... Но, положительно, не стало ни малѣйшей возможности: грубости, дерзости и, наконецъ, упрямство и невыходъ на работу, и замахиваніе полѣньями на казака заставили меня убѣдительнѣйше просить: войдите въ наше бѣдное положеніе. Представляю при семъ поселенческаго сына К—ва и крестьянина Ф—ва, которые до того подлецы и негодяи, что и высказать невозможно: бросаются съ полѣньями на казака и не идутъ на работу, отзываясь тѣмъ, что они крестьяне, и ихъ драть не смѣютъ и бить тоже; приговора тоже не даютъ, отзываясь тѣмъ, что они опасаются мести, что они могутъ ихъ при первомъ удобномъ случаѣ чѣмъ-нибудь заразить“ (убить). „Ради Бога... дайте какое-либо наказаніе: просто дѣлаютъ бунтъ“. Резолюція горнаго исправника (очевидно безъ всякаго разбирательства на мѣстѣ): „на четыре сутки арестовать на хлѣбъ и на воду, отобрать... трубку и табакъ“.

Исправникъ сѣверной части Енисейскаго округа въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ принималъ относительно рабочихъ мѣру, инструкціею горнымъ исправникамъ 1874 г. вовсе не предусмотрѣнную и не основанную на законѣ [1]): какъ и исправники нѣкоторыхъ другихъ горныхъ округовъ Сибири, онъ составлялъ списки рабочихъ, подвергавшихся за разные проступки взысканіямъ и бѣжавшихъ съ промысловъ, но притомъ разсылалъ ихъ золотопромышленникамъ своей системы въ печатномъ видѣ, выражая желаніе, чтобы показанные въ спискѣ рабочіе „не были нанимаемы въ новую операцію“, такъ какъ они „уже заявили о своей недобропорядочности“.

Въ одномъ такомъ печатномъ спискѣ, составленномъ въ 1889 г., перечислены, во-первыхъ, 62 чел. мѣщанъ, крестьянъ, рядовыхъ и ссыльно-поселенцевъ, которые „были подвергаемы горнымъ исправникомъ, согласно 2538 ст. Горнаго Устава, должному взысканію“. Проступки, вызвавшіе наказаніе, были слѣдующіе: продажа рабочимъ спирта, наемка одновременно у двухъ золотопромышленниковъ, побѣгъ съ пріиска, уклоненіе отъ работъ подъ видомъ болѣзни, непослушаніе управляющему, требованіе лишней порціи вина и дерзости служащему, пьянство съ рабочими, развратная жизнь, подстрекательство къ дракѣ и нанесеніе раны, невыходъ на работы и требованіе разсчета, угрозы служащему, праздношатательство по пріискамъ послѣ разсчета и проч. Затѣмъ слѣдовалъ списокъ 96 человѣкъ, бѣжавшихъ съ пріисковъ. Въ другомъ печатномъ спискѣ рабочихъ, находившихся на промыслахъ сѣверно-енисейскаго округа въ 1889—90 г., кромѣ наказанныхъ за разныя преступленія и проступки, включенъ еще перечень находившихся на промыслахъ К° Базилевскаго и Черемныхъ въ южно-енисейскомъ горномъ округѣ и участвовавшихъ „въ бунтѣ“ 9, 10 и 23 марта 1890 г. „Желательно было бы“, говоритъ въ началѣ всего печатнаго списка исправникъ, „чтобы поименованные въ спискѣ рабочіе не были нанимаемы въ новую операцію“. Въ перечнѣ наказанныхъ рабочихъ (85 человѣкъ), кромѣ вышеприведенныхъ проступковъ, мы между прочимъ находимъ еще: нанесеніе дерзостей

[1]) Составленіе списковъ *бѣжавшихъ* рабочихъ основывается, какъ увидимъ ниже, на циркулярѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири.

казаку, кражу вещей, подстрекательство рабочихъ къ неповиновенію управленію, неоднократное оскорбленіе служащихъ и возмущеніе команды рабочихъ. Въ томъ же спискѣ значилось 88 должниковъ и 204 чел., участвовавшихъ „въ бунтѣ“ на промыслахъ К° Базилевскаго и Черемныхъ.

Повторяемъ, введеніе такихъ списковъ (которое, если не лишало вполнѣ рабочихъ права найма въ извѣстномъ золотопромышленномъ округѣ, такъ какъ хозяева не всегда строго придерживались этихъ списковъ, то все-таки, такъ сказать, ограничивало это право) не основано на законѣ. Въ Витимской системѣ Олекминскаго округа мы также встрѣтили у горнаго исправника, такъ называемую, „черную книгу“, въ которую заносились имена наказанныхъ рабочихъ, и представитель компаніи Промышленности въ Бодайбинской резиденціи не нанималъ тѣхъ, имена которыхъ были внесены въ эту книгу; но тамъ, по крайней мѣрѣ, списки такихъ рабочихъ, сколько намъ извѣстно, не печатались.

Пріисковыя управленія имѣютъ въ рукахъ такое сильное средство наказанія рабочихъ, какъ разсчитываніе ихъ ранѣе срока найма. Между тѣмъ, какъ въ контрактахъ обыкновенно оговорено, что рабочіе не имѣютъ права требовать разсчета до срока, золотопромышленники предоставляютъ себѣ это право съ тѣмъ только, чтобы рабочимъ была выдана причитающаяся до дня разсчета плата [1]). Золотопромышленники, вѣроятно, гораздо чаще пользовались бы этимъ правомъ, еслибы ихъ не сдерживало то, что многіе изъ рабочихъ, которыхъ имъ хотѣлось бы разсчитать, состоятъ у нихъ еще въ долгу. Тѣмъ не менѣе, количество разсчитанныхъ до срока бываетъ довольно значительное [2]). Взамѣнъ уволенныхъ, а также и бѣжавшихъ золотопромышленники нерѣдко предоставляли себѣ въ контрактахъ право нанимать другихъ рабочихъ, хотя „и съ передачею задатковъ“, причемъ за эту передачу и въ уплату долга, который могъ остаться за рабочими при разсчетѣ, виновные отвѣчали „своею собственностью“.

Наиболѣе обыкновенною формою наказанія рабочихъ являются штрафы, о которыхъ говорится въ каждомъ контрактѣ.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ договорахъ оговорено, что пріисковое управленіе можетъ увольнять рабочихъ до срока „по нерадѣнію, слабости здоровья, неспособности къ работамъ или другимъ причинамъ“, въ другихъ же нѣтъ и этой неопредѣленной оговорки, а просто такое досрочное увольненіе предоставляется усмотрѣнію управленія.

[2]) Такъ, по отчетамъ горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ въ сѣверно-енисейскомъ округѣ, въ 1881 г. было 80 ч. разсчитано „по болѣзни, неспособности къ работамъ, за грубости и лѣность“, въ 1882 г.—73 чел. по тѣмъ же причинамъ и за пьянство, въ 1883 г.—81 чел., въ 1884 г.—33 ч., въ 1885 г.—42 ч., въ 1886 г.—64 ч., въ 1888 г.—24 ч., въ 1889 г.—23 ч.; въ южной части Енисейскаго округа въ 1883 г. разсчитано „по неспособности“ 58, въ 1885 г.—51 ч., въ 1888 г.—92 ч.

Чаще всего штрафы назначаются за уклоненіе отъ работъ. Такъ, напр. въ договорѣ съ Фунтусовымъ (1870 г.) сказано: „во время работы не должно быть между нами лѣности и нерадѣнія, и съ пріиска безъ позволенія не отлучаться, не окончивши своихъ уроковъ подъ предлогомъ ложной болѣзни и проч., въ противномъ случаѣ контора въ правѣ взыскивать съ насъ за каждый недоработанный часъ по 50 к., за половину дня по 2 р., а за цѣлый день по 3 р.“ По контрактамъ съ В. И. Базилевскимъ (1870, 75 и 83 гг.) штрафъ за опозданіе на работу, оставленіе ея раньше времени и уклоненіе отъ нея подъ разными предлогами назначенъ по 1 р. въ день, по договору съ нимъ же 1878 г. 1—3 р., а по договору съ Вострогинымъ (1880 г.) по 3 р. По договору съ И. Кытмановымъ (1885 г.) за самовольную отлучку и уклоненіе отъ работъ назначенъ штрафъ 1—2 р. По договору съ Харченко (1882 г.) за каждый прогульный день—2 р., а по контрактамъ съ К° Ячменева и Хотимскаго (1871 г.) и съ К° Калининыхъ-Шушляевыхъ (1870 г.) по 3 р. [1]). По договору съ Вилямовскимъ (1870 г.) за ослушаніе и невыполненіе приказаній назначенъ штрафъ 50 к.—2 р. съ занесеніемъ штрафовъ въ книгу, которая должна быть за скрѣпой артельнаго старосты или старшины, а за неявку на работу и лѣность 2—5 р. По нѣкоторымъ контрактамъ (напр. съ К° Жилля, Иваницкаго и Потапова 1888 г.), въ случаѣ невыхода на работу въ назначенное время, рабочіе сверхъ штрафовъ въ 50 к. обязуются отработать такое же количество дней по истеченіи срока контракта въ слѣдующую операцію [2]).

Обыкновенно въ контрактахъ назначались также штрафы за дурное поведеніе рабочихъ (пьянство, игру въ карты, ссоры и драки, пріемъ къ себѣ постороннихъ лицъ, неповиновеніе и грубости служащимъ и проч.). По договорамъ съ Асташевымъ (1875 г.), Кытмановымъ (1872 г.) и Базилевскимъ (1891 г.) за всѣ эти проступки назначенъ штрафъ 1—3 р., а по договору съ этимъ послѣднимъ 1885 г. отъ 3 до 5 р.

За неявку на пріиски, побѣгъ съ нихъ или оставленіе работъ ранѣе условленнаго въ контрактѣ срока, по договору съ Базилевскимъ (1891 г.), назначена неустойка въ *50 рублей*. По договору Асташева (1887 г.), бѣжавшіе подвергаются штрафу въ 5 р. въ пользу поимщика. По контракту Черныхъ (1870 г.), бѣжавшій съ пріиска, кромѣ отвѣтственности по закону, обязанъ по высылкѣ на промыселъ уплатить за каждый день, проведенный въ бѣгахъ, по 1 р.

За утраченный инструментъ, по договорамъ Асташева (1875 и 87 гг.), полагалась уплата или отработка двойной его стоимости, а по договору съ Удерейскою К° (1872 г.) по „стоющей цѣнѣ“.

За изувѣченіе лошади, по договору К° Ячменева и Хотимскаго (1871 г.), рабочій долженъ былъ платить 75 р., а по договорамъ Асташева (1875 и 87 гг.) стоимость лошади; за дурное же обращеніе съ рабочимъ скотомъ безъ изувѣченія его по 3 р. за каждый разъ.

По договору Базилевскаго (1891 г.) рабочіе обязывались: „въ разрѣзахъ, въ мѣстахъ, приготовленныхъ къ работамъ, въ добытыхъ или доставляемыхъ для промывки пескахъ не рыться, золота изъ нихъ не выбирать и самихъ песковъ

---

[1]) По проекту нормальнаго контракта, составленному исправникомъ южн.-енис. округа въ 1874 г., за каждый прогульный день назначенъ штрафъ 1—3 р., „который долженъ быть или отработанъ, или внесенъ въ промысловое управленіе наличными деньгами“.

[2]) По договору В. И. Базилевскаго (1875 г.) съ отрядными рабочими, нанявшимися на вскрышу торфа, за каждый „самовольно прогульный день“ назначенъ штрафъ въ 3 р.

никакимъ образомъ не пріобрѣтать съ цѣлью сдачи изъ нихъ золота, какъ будто подъемнаго или старательскаго; въ противномъ же случаѣ всякій разъ, какъ это окажется, управленіе имѣетъ право штрафовать 5 р. и кромѣ того не давать за такое золото платы".

За растрачиваемый рабочими хлѣбъ въ разныхъ договорахъ назначался вычетъ, равный или стоимости растрачиваемаго, или двойной стоимости, или по усмотрѣнію управленія [1]). Въ договорѣ съ К° Зотовыхъ (1877 г.) прибавлено, что если не будетъ обнаружено, кто утаилъ или растратилъ хлѣбъ, то штрафу подвергаются всѣ, помѣщающіеся въ казармахъ; въ случаѣ растраты хлѣба, соли и другихъ припасовъ управленіе предоставляло себѣ право назначить изъ среды рабочихъ старосту на всѣ казармы для присмотра за отпускаемымъ продовольствіемъ и сбереженія его и назначить ему жалованья 15 р. въ мѣсяцъ на счетъ рабочихъ.

По свидѣтельству г. Уманьскаго, особенно донимали рабочихъ штрафами осенью [2]). Бывало и такъ, что тѣмъ изъ оштрафованныхъ рабочихъ, которые вновь нанимались на работу на слѣдующую операцію, штрафъ слагался со счета [3]). Во время поѣздки по Енисейскому округу (въ 1891 г.) я слышалъ, что не всѣ золотопромышленники взыскиваютъ штрафъ, отчасти потому, что взыскивать не изъ чего. По словамъ окружного инженера сѣверно-енисейскаго округа, г. Внуковскаго, рабочіе бывали въ такомъ долгу у хозяевъ, что писать штрафы было бы безполезно: все равно ничего не получишь [4]).

Въ контрактахъ съ золотопромышленниками рабочіе всегда обязывались хорошо вести себя на промыслахъ. Такъ въ договорѣ Фунтусова (1870 г.) сказано: „во все время контрактнаго срока обязаны мы вести себя честно, никакихъ грубостей, какъ управляющему, такъ, равно, служащимъ и нарядчикамъ отнюдь не дѣлать, самовольно никуда не отлучаться и быть всегда въ почтительномъ повиновеніи, въ противномъ случаѣ каждый изъ насъ подлежитъ наказанію по законамъ". По договору К° Зотовыхъ (1877 г.) рабочіе, кромѣ того, обязывались „не самовольничать и не пьянствовать, не принимать постороннихъ людей" и быть вѣжливыми не только съ прикащиками и служащими, но и съ ихъ семействами. По договору съ Базилевскимъ (1891 г.), рабочіе обязывались не играть въ карты и вообще въ азартныя игры, ссоръ и драки не затѣвать, съ пріисковъ своего хозяина даже въ свободное отъ работъ время не отлучаться. По договору Кытманова (1872 г.), рабочіе обязывались быть „въ подчиненномъ повиновеніи". Въ договорѣ Асташева (1887 г.) мы встрѣчаемъ между прочимъ обязательство вина и спирта не покупать и не продавать и никакою торговлею не заниматься, съ

---

[1]) По договоору К° Кузнецовыхъ и Щеголева (1870 г.), записывался въ разсчетный листъ штрафъ въ 1 р. 50 к.

[2]) Стр. 155. У одного золотопромышленника къ концу операціи на каждомъ рабочемъ накапливалось штрафовъ по 15—20 р. „Сиб. Вѣстн." 1886 г., № 93, стр. 3.

[3]) „Сиб. Газ." 1884 г., № 46, стр. 1131.

[4]) Въ операціи 1892—93 г. на промыслахъ Асташева (южн.-енис. окр.) съ 355 годовыхъ рабочихъ было удержано штрафовъ 532 р. „Вѣстн. Золотопр.", 1894 г., № 2, стр. 47.

ворами и другими подозрительными людьми связи не имѣть и къ себѣ не принимать, о всякихъ подозрительныхъ людяхъ, ихъ худыхъ поступкахъ и намѣреніяхъ доводить непремѣнно до свѣдѣнія промысловаго управленія.

Въ отчетѣ горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа за 1881 г. сказано: „Поведеніе рабочихъ, принимая во вниманіе разновидность пріисковаго населенія, вообще было удовлетворительно, но менѣе, чѣмъ въ предъидущемъ году: жалобъ отъ пріисковыхъ управленій на ослушаніе, грубости, лѣность и уклоненіе отъ работъ было болѣе. Такое измѣненіе въ поведеніи рабочихъ я отношу къ тому, что въ текущемъ году существовали, существуетъ и понынѣ въ Енисейскомъ округѣ, дороговизна на хлѣбъ, отчего было меньше и бѣжавшихъ рабочихъ, такъ какъ имъ было бы труднѣе прокормиться въ жилыхъ мѣстахъ, и рабочіе“, которые желали бы бѣжать съ пріисковъ, „въ силу уже необходимости не дѣлали побѣговъ, но зато подъ разными предлогами уклонялись отъ работъ и, вообще, дѣйствіями своими вызывали жалобы, подговаривали и другихъ рабочихъ къ неповиновенію или вліяли на нихъ своими примѣромъ“.

Рабочимъ приходилось бѣжать съ пріисковъ или самовольно расправляться со служащими вслѣдствіе того, что попытки жаловаться представителямъ правительственной администраціи не приводили ни къ чему; да это и неудивительно, въ виду того, что администрація, вѣдающая пріисковое дѣло, находится въ полной матеріальной зависимости отъ золотопромышленниковъ.

Въ высшей степени интересныя разоблаченія по этому предмету были сдѣланы въ 1883 г. въ „Восточномъ Обозрѣніи“ въ статьѣ „Узаконенное хищничество“.

„Горные исправники и весь причтъ горнаго міра,—говоритъ авторъ статьи,—смотрятъ на свое закономъ положенное и изъ казначейства государственнаго получаемое жалованье только какъ на ничтожную „добавку“ къ тому *„жалованью“*, которое уплачивается имъ золотопромышленниками. Послѣднее „жалованье“ распадается на двѣ составныя части: а) собственно жалованье, фигурирующее обыкновенно подъ рубриками: „на содержаніе арестантовъ, казаковъ“ и т. п., и б) „содержаніе“. Первое, какъ золотопромышленниками, такъ и горными чиновниками признается вполнѣ *законнымъ*: оно назначается ежегодно въ общемъ собраніи золотопромышленниковъ въ точно формулированномъ „постановленіи“, хранимомъ при дѣлахъ у „распорядителя дороги“. „Содержаніе“ собирается съ тѣхъ же золотопромышленниковъ, но уже безъ всякихъ „постановленій“, хотя и въ точно опредѣленной ими формѣ. Въ собраніи, напр., золотопромышленниковъ сѣверной системы Енисейскаго округа, состоявшемся 29 декабря 1882 г., „постановлено“ уплатить въ операцію нынѣшняго года: горному исправнику—по 1 р. 20 к. съ каждаго пріисковаго рабочаго, помощнику горнаго исправника—по 30 к., кромѣ того, въ томъ же собраніи опредѣлено выдавать на „содержаніе“ горному исправнику по 1 р.; помощнику исправника—50 к., горному ревизору (теперь они называются окружными инженерами)—по 1 руб., помощнику ревизора—по 50 коп.

съ каждаго рабочаго... [1]) „Какъ видитъ читатель, „хищеніе“ въ данномъ случаѣ выступаетъ открыто и смѣло, въ полномъ дезабилье... Въ Сибири, благодаря ея исключительному положенію, вслѣдствіе значительно меньшаго развитія общественнаго простора для проявленія общественной иниціативы и гласности, эти „хищенія“ считаются чѣмъ-то вполнѣ нормальнымъ и естественнымъ: правительственные агенты, на которыхъ возложена спеціальная обязанность—посредничество между двумя сторонами, капиталистами-золотопромышленниками и рабочими, состоятъ въ полномъ подчиненіи у *одной* стороны—капиталистовъ, доставляющихъ имъ въ 10 разъ больше доходовъ, чѣмъ правительство... Не ясно ли, что при подобныхъ условіяхъ правительственные агенты, вмѣсто роли посредниковъ, должны очутиться въ роли покровителей и ревностныхъ слугъ капитала? Призванные ограждать интересы рабочихъ въ такой же мѣрѣ, какъ и интересы капиталистовъ, правительственные чиновники только усиливаютъ эксплоатаціонное могущество послѣднихъ, ослабляя, стало быть, податную силу главнаго плательщика... налоговъ“.

Поборы эти до такой степени вошли въ обычай въ горномъ мірѣ, до такой степени казались вполнѣ законными, что когда между горнымъ исправникомъ сѣверной системы Енисейскаго округа и его помощникомъ произошло столкновеніе изъ-за дѣлежа „жалованья“, получаемаго отъ золотопромышленниковъ, то помощникъ исправника подалъ въ Енисейское окружное полицейское управленіе *оффиціальную жалобу* на исправника, и послѣднее приняло ее и вошло въ ея разслѣдованіе, а исправникъ обратился по этому дѣлу съ конфиденціальнымъ письмомъ къ енисейскому губернатору. Помощникъ исправника былъ удаленъ, по ходатайству исправника [2]).

---

[1]) Въ письмѣ 1880 г. въ министерство государственныхъ имуществъ крестьянина Реймерса указаны слѣдующіе платежи съ каждаго рабочаго: исправнику до 2 р., помощнику 1 р.... командиру казаковъ 25 к., канцеляріи исправника 25 к..., горнымъ чиновникамъ до 2 р. Арх. горн. депар. дѣло отд. частной золотопромышленности 1880 г., дѣло № 71.

[2]) „Восточное Обозрѣніе“ 1883 г., № 22, стр. 7—9. Въ „Сибирской Газетѣ“ былъ напечатанъ въ 1884 г. разсчетъ того, какое жалованье и содержаніе отъ казны и золотопромышленниковъ получали представители правительственной администраціи на пріискахъ сѣверно-енисейской системы. Горный исправникъ „получаетъ до 12,000 р., изъ которыхъ проживаетъ около 8,000 руб. Въ прошлую операцію было всѣхъ рабочихъ 4,062 чел.; гг. золотопромышленники платятъ исправнику за каждаго рабочаго 2 р. 20 к., на содержаніе канцеляріи и 3 казаковъ—8,936+1,000 руб. казеннаго жалованья—9,936 руб., да за выписку паспортовъ съ 1,200 штукъ въ операцію, по 2 руб. съ каждаго, 2,400 руб., а всего 12,336 руб. Помощнику исправника на содержаніе канцеляріи, одного казака, отопленіе и освѣщеніе по 50 к. (за каждаго рабочаго), итого казенныхъ 500+2,031 руб. Окружному ревизору“ (по нынѣшнему, окружному инженеру) „по одному рублю съ человѣка—4,062 руб., его помощнику по 50 к.—2,031 руб.“ (теперь помощника ревизора на пріискахъ Енисейскаго округа нѣтъ, но зато въ каждой системѣ есть отдѣльный окружной инженеръ). Въ то время и жандармскому офицеру назначалось по одному рублю съ человѣка. „Сибирская Газета“ 1884 г., № 29, стр. 728.

Въ 1884 г. у исправника сѣверно-енисейской системы вновь завязалась полемика съ его помощникомъ. Исправникъ донесъ губернатору, что его помощникъ медлитъ производствомъ слѣдствій, а послѣдній сослался на то, что не имѣетъ средствъ на разъѣзды, такъ какъ 30 коп. пайка, отпускаемаго ему золотопромышленниками съ каждаго рабочаго, недостаточно. Дѣло въ томъ, что золотопромышленники опредѣлили выдавать исправнику съ его помощникомъ по 1 р. 50 к. съ рабочаго; деньги долженъ былъ собирать исправникъ и дѣлиться съ помощникомъ по своему усмотрѣнію. Исправникъ изъ 1 р. 50 к. взялъ 1 р. 20 к. себѣ, а 30 к. отдалъ помощнику [1]).

Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1882 г. писалъ, что жалованье горныхъ исправниковъ, по крайней мѣрѣ „въ 30 разъ меньше получаемаго ими вознагражденія отъ золотопромышленниковъ". Въ 1881 г. исправникъ сѣверно-енисейской системы получалъ казеннаго жалованья въ годъ всего 280 р., квартирныхъ, на канцелярскіе расходы и разъѣздныхъ 513 р., итого 793 р. Помощнику исправника жалованья и квартирныхъ 570 р.; въ 1883 г. добавочнаго жалованья помощнику южно-енисейскаго горнаго исправника было выдано 82 р. Но позднѣе жалованье горному исправнику было увеличено до полуторыхъ тысячъ рублей.

Военный отрядъ въ южно-енисейской системѣ состоялъ въ 1880 г. изъ 3 урядниковъ и 68 казаковъ. Казаки получали пищевое довольствіе отъ золотопромышленниковъ и, кромѣ того, денежное вознагражденіе отъ 3 до 6 р. въ мѣсяцъ. Въ 1883 г. въ южно-енисейской системѣ казаки, сверхъ пропитанія наравнѣ со служащими, получали отъ золотопромышленниковъ по 6—25 р. въ мѣсяцъ лѣтомъ и по 5—10 р. зимою, несмотря на то, что отъ казны на ихъ содержаніе шла также значительная сумма, а именно: на жалованье, порціоны, провіантское, фуражное и приварочное довольствіе имъ было выдано 4381 р. (урядниковъ въ этомъ году было 3 и казаковъ 40) [2]). Въ сѣверно-енисейской системѣ въ 1881 г. было 3 урядника и 40 казаковъ; кромѣ казеннаго содержанія (на всѣхъ 4112 р.), казаки получали отъ золотопромышленниковъ жалованья отъ 10 до 30 р. въ мѣсяцъ и кромѣ того на каждаго человѣка содержаніе натурою [3]). Такимъ образомъ, казаки нахо-

---

[1]) „Сибирская Газета", 1884 г., № 38, стр. 932; „Вост. Обозр.", 1885 г., № 6, стр. 6—7.

[2]) Въ 1890 г. въ южно-енисейской системѣ было 3 урядника и 38 казаковъ.

[3]) Они получали въ мѣсяцъ ржаной муки отъ 1 п. 20 ф. до 2 п. 10 ф., пшеничной муки отъ 20 ф. до 1 п. 20 ф., говядины отъ 1 п. 5 ф. до 1 п. 20 ф., соли 3 ф., крупъ 7½ ф., масла 2 ф., 1 кирпичъ чаю и 2 ф. сахару. Въ 1890 г. на промыслахъ сѣверно-енисейской системы было 3 урядника и 28 казаковъ. Арх. Горн. Испр.; „Горн. Журн.", 1891 г., № 12, стр. 520.

дятся въ матеріальной зависимости отъ золотопромышленниковъ. Кромѣ того, многіе изъ казаковъ, для увеличенія своихъ средствъ, занимались старательскими работами, „ставя на второй планъ“, по словамъ начальника енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1882 г., свои „полицейскія обязанности. Закупая такимъ образомъ полицейскую власть, пріисковыя управленія мало церемонятся съ рабочими, которые, понимая всю невыгодность своего положенія, терпѣливо переносятъ многое, и только крайняя несправедливость золотопріискателей и ихъ довѣренныхъ заставляетъ иногда рабочихъ высказывать свои претензіи, послѣ которыхъ претендовавшему попасть въ число пріисковыхъ рабочихъ въ операцію будущаго года не всегда возможно“ [1]).

О нравственномъ уровнѣ казачьей команды сама администрація была невысокаго мнѣнія; по словамъ окружного инженера южно-енисейской системы въ отчетѣ за 1888 г., „промысловые казаки своими нравственными качествами, пожалуй, превосходятъ еще самыхъ отчаянныхъ ссыльнопоселенцевъ“ (sic!).

Относительно жалобъ рабочихъ на пріисковыя управленія южно-енисейскій горный исправникъ въ 1870 г. разослалъ слѣдующій циркуляръ: „Почти что ежедневно являются ко мнѣ рабочіе съ различныхъ пріисковъ съ пустяшными жалобами и просьбами, которыя могутъ быть удовлетворены не иначе, какъ на мѣстѣ. Относя подобный безпорядокъ къ праздношатательству рабочихъ, крайне вредному для дѣла, а также къ неимѣнію со стороны промысловыхъ управленій надлежащаго надзора за рабочими и желая отстранить его (т.-е. безпорядокъ) на будущее время, я счелъ необходимымъ подтвердить распоряженія моихъ предмѣстниковъ, а потому вмѣняю промысловымъ управленіямъ въ обязанность слѣдующее: 1) Ежегодно къ 1 января доставлять ко мнѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, книгу на записку жалобъ рабочихъ для засвидѣтельствованія. 2) Объявить всѣмъ рабочимъ, чтобы они не смѣли отлучаться съ промысла безъ вѣдома пріисковаго начальства и только по крайне уважительнымъ причинамъ; въ случаѣ надобности кому-либо для принесенія жалобы, жалобы эти вносили бы“ въ имѣющіяся для этого „на промыслѣ книги; записанныя въ книгу жалобы и будутъ мною при посѣщеніи промысловъ на мѣстѣ разбираться,—объявивъ при этомъ рабочимъ, что за всякую самовольную отлучку съ промысла они будутъ подвергнуты строгому законному взысканію. 3) На промыслахъ же дальнихъ отъ резиденціи моей находящіеся для порядка казаки обязаны мнѣ черезъ каждыя 2 недѣли доносить о занесенныхъ въ книгахъ жалобахъ“. Наконецъ, исправникъ предписывалъ, чтобы жалобныя

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2768, № 63/53, л. 834.

книги были доступны для каждаго находящагося на промыслѣ рабочаго подъ страхомъ отвѣтственности промысловаго управленія [1]).

Однако рабочіе, очевидно, продолжали приходить съ жалобами къ горному исправнику южно-енисейской системы, такъ какъ въ 1876 г. онъ подтвердилъ, чтобы „всѣ свои претензіи, какъ на промысловыя управленія и служащихъ, такъ и на всѣхъ своихъ товарищей", рабочіе записывали въ заготовленныя для этого тетради, „но отнюдь не отлучались бы съ пріиска съ заявленіями этихъ претензій". Горный исправникъ обѣщалъ, что эти жалобы будутъ разобраны на мѣстѣ имъ самимъ или его помощникомъ при объѣздѣ промысловъ; за самовольную же отлучку съ пріиска съ жалобою, „незаслуживающею особеннаго вниманія", грозилъ рабочимъ взысканіемъ прежде всякаго разбирательства [2]).

Енисейскіе золотопромышленники въ запискѣ, поданной въ 1892 г. министру государственныхъ имуществъ, въ очень радужномъ видѣ изображаютъ заботливость мѣстной полиціи и горной администраціи объ удовлетвореніи жалобъ рабочихъ.

„По условіямъ пріисковой жизни", сказано въ этой запискѣ, „жалобы рабочихъ на золотопромышленниковъ могутъ быть слѣдующія: на назначеніе непосильныхъ уроковъ, на отпускъ плохой пищи, на назначеніе цѣнъ на товары и припасы выше утвержденной таксы, на неправильные вычеты и штрафы и на замедленіе или уклоненіе вовсе отъ разсчета рабочихъ. Въ первомъ случаѣ удостовѣряется въ справедливости жалобы на мѣстѣ окружной инженеръ и, буде признаетъ, что задаваемый урокъ рабочимъ, дѣйствительно, слишкомъ обременителенъ..., тутъ же дѣлаетъ распоряженіе о сокращеніи до извѣстной нормы урока и объявляетъ объ этомъ рабочимъ... При отпускѣ рабочимъ въ пищу недоброкачественныхъ припасовъ та же пріисковая администрація, убѣдившись черезъ пріисковаго врача въ справедливости поступившихъ заявленій, немедленно опечатываетъ или уничтожаетъ оные, обязывая золотопромышленника пріобрѣсти надлежащаго качества припасы или же, при невозможности выполнить это,—разсчитать рабочихъ... Если-бы горный исправникъ или окружной инженеръ признали неправильнымъ вычетъ, сдѣланный за что-либо золотопромышленникомъ изъ заработка рабочаго, а равно поставленный послѣднему штрафъ или же назначеніе рабочему платы въ меньшемъ противъ договора размѣрѣ, то во всѣхъ этихъ случаяхъ они немедленно, своею властью возстановляютъ нарушенное право рабочаго".

Все это, конечно, должно бы дѣлаться такъ, какъ разсказываютъ золотопромышленники, но еслибы все это исполнялось, мѣстнымъ наблюдателямъ, какъ напр. г. Уманьскому, не пришлось бы свидѣтельствовать, что „въ рабочей средѣ бродитъ глухое недовольство, которое нерѣдко проявляется въ безпорядкахъ, массовыхъ побѣгахъ, насиліяхъ надъ служащими" (стр. 114).

[1]) Арх. южн.-енис. горн. испр. дѣло 1870 г., № 18, л. 11, 12.

[2]) Арх. горн. испр. южн.-енис. окр., дѣло 1876 г., № 23, л. 1.

Мало вѣря въ успѣшность жалобъ, рабочіе наказываютъ иногда пріисковыя управленія умышленною медлительностью въ работѣ. По словамъ золотопромышленника Черемныхъ, рабочіе, въ случаѣ недовольства, „продѣлываютъ стачку по всѣмъ правиламъ своего обычнаго права съ энергичнымъ давленіемъ на непослушныхъ и проч.; словомъ произведутъ „выморозку“, какъ иногда это называютъ, вполнѣ законно. Проработаютъ они всѣ опредѣленные часы и сдѣлаютъ $^2/_5$ обычнаго замѣра, кончаемаго въ обыкновенную пору въ полномъ объемѣ за два, три часа ранѣе. Проведутъ все это такъ безошибочно законно, что и жаловаться начальству не будетъ ни малѣйшаго основанія“ [1]).

Относительно побѣговъ рабочихъ мы находимъ въ контрактахъ слѣдующія условія. Въ договорахъ Базилевскаго (1870, 75, 78 и 83 гг.) сказано: „если кто изъ насъ отъ работъ бѣжитъ, въ такомъ случаѣ предоставляемъ управленію право ходатайствовать о высылкѣ таковыхъ изъ мѣста жительства на пріискѣ черезъ сельскую стражу и по высылкѣ употреблять въ работу по своему усмотрѣнію, ставя на счетъ расходы, по пересылкѣ ихъ послѣдовавшіе“. Подобное же условіе мы находимъ и въ контрактахъ Удерейской К° (1872 г.), Вострогина (1880 г.) и Асташева (1875 и 87 гг.), при чемъ въ этихъ послѣднихъ назначенъ еще 5-рублевый штрафъ въ пользу поимщика. Мы видимъ такимъ образомъ, что и въ договорахъ 1872 и 75 гг., т.-е. составленныхъ вскорѣ послѣ циркуляра ген.-губ. Синельникова 15 декабря 1871 г., устанавливается высылка черезъ сельскую стражу не только бѣжавшихъ ссыльнопоселенцевъ, но и рабочихъ свободныхъ состояній. Синельниковъ въ этомъ циркулярѣ заявилъ, что онъ не считаетъ возможнымъ принимать какія бы то ни было мѣры относительно препровожденія на пріиски бѣжавшихъ или неявившихся рабочихъ изъ крестьянъ, мѣщанъ и вообще лицъ свободныхъ состояній, высылка же рабочихъ изъ ссыльнопоселенцевъ должна производиться на счетъ предпринимателей. Циркуляръ Синельникова былъ крайне непріятенъ золотопромышленникамъ [2]), и мы видѣли (см. гл. II), что распоряженія Шелашникова и барона Фредерикса о высылкѣ рабочихъ проникнуты уже другимъ духомъ, чѣмъ циркуляръ по этому предмету Синельникова. Однако авторъ одной статьи

[1]) „Вѣстн. Золотопр.“, 1892—93 г., № 21, стр. 321.

[2]) Какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ „Енисейскихъ Губ. Вѣдомостей“: „Бѣжавшіе рабочіе не только остаются безнаказанными за побѣгъ, но даже рѣдко возвращаются къ своимъ хозяевамъ вслѣдствіе того, что отмѣнена высылка по этапамъ рабочихъ на казенный счетъ. Золотопромышленники не рѣшаются высылать впередъ на возвращеніе бѣжавшихъ рабочихъ деньги, которыхъ требуютъ иногда волостныя правленія до 20 р. на человѣка и, кромѣ того, пойманные и высланные рабочіе, одѣтые на счетъ золотопромышленника, снова бѣгутъ, и такимъ образомъ золотопромышленники лишаются денегъ, затраченныхъ вторично на одежду и обувь“. „Енис. Губ. Вѣдом.“, 1874 г., № 31, стр. 119.

о пріисковыхъ рабочихъ, напечатанной въ началѣ 80-хъ годовъ, свидѣтельствуетъ, что пересылка рабочихъ производилась тогда „въ такой отвратительной формѣ, которая, пожалуй, не уступитъ способу препровожденія каторжанъ на рудники: „мнѣ пришлось", говоритъ онъ, „встрѣтить двухъ бѣглыхъ рабочихъ, препровождавшихся на пріиски; руки ихъ были въ нарушникахъ", которые были прикрѣплены къ *одному* горизонтальному, ломообразному желѣзному шесту. Хороша работа, на которую приходится препровождать „вольнонаемныхъ" людей въ такомъ видѣ" [1]). По словамъ г. Уманьскаго, на пріискахъ нерѣдко можно было видѣть (въ половинѣ 80-хъ годовъ) „казаковъ и служащихъ, отправляющихся на поиски въ тайгу съ веревками у сѣделъ, иногда съ собаками, что напоминаетъ поиски бѣглыхъ негровъ во времена американскаго рабства" (стр. 90).

Пойманный рабочій иногда подвергался тяжкимъ побоямъ. Такъ напр., поселенецъ П—ко, бѣжавшій въ 1877 г. съ пріиска золотопромышленника Данилова (южн.-енис. окр.), послѣ поимки, на допросѣ у горнаго исправника, показалъ, что вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія и неспособности къ промысловымъ работамъ задумалъ бѣжать, но, отойдя не болѣе 1 версты отъ пріиска Ракитовый Кустъ, былъ настигнутъ служащимъ Эпштейномъ, который наносилъ ему тяжкіе побои, пока сопровождалъ его до пріиска, прикладомъ ружья, а когда сломалъ прикладъ, то и самымъ стволомъ. Заявивъ, что вслѣдствіе этихъ побоевъ онъ не можетъ работать, рабочій ссылался въ подтвержденіе своихъ словъ на фельдшера. Для характеристики промысловыхъ нравовъ весьма любопытно, что довѣренный золотопромышленника Данилова самъ прислалъ избитаго къ горному исправнику съ просьбою освидѣтельствовать черезъ промысловаго врача, можно ли немедленно заставить избитаго работать или слѣдуетъ дать ему льготу. Пріисковый врачъ нашелъ, что „рабочій оказался сильно избитымъ, замѣтны большія синевицы на обѣихъ рукахъ, на ногахъ и плечахъ, поэтому слѣдуетъ непремѣнно помѣстить его въ больницу для излѣченія. Годенъ ли онъ или негоденъ будетъ къ работѣ послѣ такихъ сильныхъ побоевъ", врачъ въ то время опредѣлить еще не могъ. Горный исправникъ возвратилъ рабочаго на пріискъ съ предложеніемъ „*позаботиться* [2]) объ излѣченіи рабочаго", а затѣмъ прислать его обратно, для переосвидѣтельствованія. Въ началѣ августа 1882 г. у одного золотопромышленника бѣжало четверо рабочихъ. Погнавшись за ними вмѣстѣ съ казакомъ и конюхами верхами, хозяинъ настигъ одного изъ нихъ, закинулъ на него арканъ и такимъ образомъ тащилъ его 16 верстъ; тесть хозяина на пріискѣ избилъ рабочаго до

[1]) „Устои", 1882 г., № 12, стр. 18, 27.
[2]) Курсивъ подлинника.

полусмерти. Черезъ 3 дня несчастнаго отправили еще для наказанія къ исправнику, но тотъ помѣстилъ его въ больницу. Рабочій къ 1 іюля долженъ былъ хозяину около 25 р., слѣдовательно, во время побѣга долгъ его былъ ничтоженъ, такъ какъ въ уплату долга онъ проработалъ мѣсяцъ. Рабочій заявилъ, что бѣжалъ съ пріиска вслѣдствіе варварскаго обращенія съ рабочими хозяина и его тестя [1]).

Енисейскіе золотопромышленники въ своей запискѣ 1892 г. вздыхаютъ о тѣхъ временахъ, когда бѣжавшихъ крестьянъ и мѣщанъ высылали обратно на пріискъ по этапу: „хотя уставомъ о частной золотопромышленности", говорятъ они, „и предоставлено золотопромышленнику право возвращенія на пріискъ неявившихся и бѣжавшихъ рабочихъ", т.-е. только ссыльноно-поселенцевъ, „но *съ отмѣною высылки полноправныхъ этапнымъ порядкомъ*, какъ было прежде, такимъ правомъ на практикѣ пользоваться золотопромышленникамъ вовсе (?) не приходится... Сельскія и волостныя власти приводъ бѣжавшихъ обыкновенно откладываютъ до слѣдующаго года, за который снова требуютъ взноса податей и повинностей, безъ чего, конечно, не выдаютъ нужныхъ паспортовъ" (взысканіе по суду, по мнѣнію золотопромышленниковъ, за неимѣніемъ имущества у рабочихъ не возможно).

Что касается причинъ побѣговъ, то начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія Банинъ (въ 1871 г.) винилъ въ нихъ отчасти и самихъ золотопромышленниковъ, которые „назначаютъ на товарныя вещи двойную цѣну" и такимъ образомъ дѣлаютъ рабочаго „неоплатнымъ должникомъ" [2]). Другой начальникъ того же жандармскаго управленія въ 1882 г. писалъ: „отлучки рабочихъ съ промысловъ не такъ значительны, какъ о нихъ говорятъ золотопромышленники, и большинство отлучившихся бываетъ на тѣхъ промыслахъ, гдѣ обращеніе съ рабочими болѣе жестоко, гдѣ тяжесть работъ недостаточно вознаграждается денежною платою и гдѣ строгость наказаній и требованій превышаютъ границы терпѣнія" [3]). По словамъ горнаго исправника южноенисейскаго округа, въ отчетѣ за 1885 г. побѣгамъ „способствуетъ и эксплоатація мелкихъ золотопромышленниковъ, которые, обстанавливаясь всѣмъ въ кредитъ, не имѣютъ возможности отпускать въ уплату своимъ рабочимъ товары по тѣмъ цѣнамъ, по которымъ отпускаетъ богатый или состоятельный золотопромышленникъ, пріобрѣтающій товары за наличныя деньги". Наконецъ, нѣкоторые горные исправники видѣли причину побѣговъ въ большихъ задаткахъ и послабленіяхъ волостныхъ правленій [4]).

---

[1]) „Сиб. Газ." 1882 г., № 38, стр. 908, ср. № 40, стр. 968.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2545, № 57/112, л. 296.

[3]) Ibid. К. 2768, № 63/53, л. 835 об.

[4]) Отчеты горн. испр. южн.-енис. окр. въ его архивѣ за 1883—85 гг.

Горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1881 г. уменьшеніе за этотъ годъ количества бѣжавшихъ съ промысловъ ставитъ въ связь съ увеличеніемъ дороговизны на хлѣбъ. По справочнымъ цѣнамъ за 1885—88 гг. цѣна куля ржаной муки въ среднемъ для всей Енисейской губерніи равнялась въ 1885 г.—4 р. 62 к., въ 1886 г.—4 р. 83 к., въ 1887 г.—6 р. 42 к., въ 1888 г. она въ первые 8 мѣсяцевъ составляла въ среднемъ 6 р. 73 к. Параллельно съ этимъ увеличеніемъ цѣнъ на хлѣбъ, процентъ бѣжавшихъ долженъ былъ бы въ эти годы, согласно мнѣнію горнаго исправника, уменьшаться, а между тѣмъ мы видимъ обратное: въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 1886 г. бѣжало 1,5% рабочихъ муж. пола, а въ 1888 г.—3%; въ южно-енисейскомъ округѣ въ 1886 г. бѣжало 4,3%, а въ 1888 г.—6,2%. Слѣдовательно, рѣшающаго значенія цѣна на хлѣбъ въ вопросѣ о побѣгахъ не имѣла. Къ тому же выводу мы придемъ, если сопоставимъ процентъ бѣжавшихъ съ промысловъ Енисейскаго округа съ цѣнами на хлѣбъ и въ болѣе продолжительный періодъ, а именно съ 1878 по 1890 г. [1]).

По словамъ г. Уманьскаго, „часть бѣглыхъ слѣдуетъ причислить къ бѣглецамъ по профессіи, которые и нанимаются съ тѣмъ, чтобы, забравши товаровъ, при первой возможности улепетнуть; значительная часть, не будучи бѣглецами по профессіи, бѣгутъ тоже вслѣдствіе причинъ экономическихъ, но къ нимъ примѣшиваются и другія — тяжесть работы и жестокость обращенія. Экономическія причины преобладаютъ въ весеннихъ побѣгахъ, когда рабочіе оказываются въ большомъ долгу у хозяина—или вслѣдствіе зимнихъ работъ, или вслѣдствіе взятаго при наемкѣ задатка и стоимости слѣдованія въ тайгу; въ серединѣ лѣта въ побѣгахъ преобладаютъ причины нравственныя. Случается, что съ пріисковъ бѣгутъ рабочіе цѣлыми десятками, иногда бѣгутъ въ горы на короткое время, спасаясь отъ грозящаго тѣлеснаго наказанія, и потомъ возвращаются назадъ, войдя въ компромиссъ съ хозяиномъ“ [2]). По словамъ одного мѣстнаго наблюдателя, причиною побѣговъ бываетъ иногда неопредѣленная тоска, особенно весною, когда оживаетъ природа [3]). Но, безъ сомнѣнія, наиболѣе частою причиною побѣговъ была тяжелая жизнь на пріискахъ — дурное обращеніе, обремененіе непосильными уроками и т. п. [4]).

[1]) „Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта населенія Енисейской губерніи“. Ирк. 1893 г. т. IV, вып. 6, стр. 51. Ср. „Вѣстн. Золотопр.“, 1894 г., № 5, стр. 109—111.

[2]) Стр. 89—90. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ операцію 1873 г. съ Иннокентіевскаго пріиска южной системы купчихи Андреевой изъ 70 чел. рабочихъ бѣжало 34 ч. вслѣдствіе жестокаго обращенія управляющаго пріискомъ. „Москов. Вѣдо м.“ 1874 г., № 256.

[3]) „Сиб. Вѣст.“, 1887 г., № 68, стр. 4.

[4]) О побѣгахъ съ промысловъ П—лина, Хилкова (35% рабочихъ), Баландина,

Въ 70-хъ годахъ (1873—79 г.) средній процентъ бѣжавшихъ съ промысловъ сѣверно-енисейской системы равнялся 3,8%, южно-енисейской системы—6,8%, а въ 80-хъ гг. съ промысловъ сѣверно-енисейской системы—2,2%, южно-енисейской—5,7%. Такимъ образомъ побѣги въ 80-хъ годахъ менѣе, чѣмъ въ 70-хъ годахъ на промыслахъ обѣихъ системъ, а въ 1891 г. они оказываются въ сѣверно-енисейской системѣ менѣе средней цифры предшествующаго десятилѣтія, а въ южно-енисейской системѣ почти равняются этой средней цифрѣ [1]). Изъ этого видно, что жалобы енисейскихъ золотопромышленниковъ (въ запискѣ 1892 г.) на увеличеніе побѣговъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія совершенно несправедливы. Но во время постройки сибирской желѣзной дороги побѣги дѣйствительно усилились [2]). Енисейскіе золотопромышленники жаловались на пріемъ желѣзнодорожными подрядчиками безпаспортныхъ рабочихъ [3]).

Въ 1878 г. горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа сообщилъ енисейскому губернскому правленію слѣдующее: „Циркуляромъ г. генералъ-губернатора Восточной Сибири, Синельникова,.. предлагалось золотопромышленникамъ", ради прекращенія побѣговъ рабочихъ съ золотыхъ промысловъ, „напечатаніе именныхъ списковъ бѣжавшихъ съ нихъ рабочихъ, съ тѣмъ, чтобы списки эти розданы были нанимателямъ для избѣжанія новаго найма этихъ бѣглецовъ. На основаніи этого циркуляра горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа „неоднократно предлагалъ" золотопромышленникамъ „составить и отпечатать эти списки, но они отъ этого уклонялись всегда" изъ опасенія большого труда и значительныхъ расходовъ, нужныхъ на напечатаніе этихъ списковъ. Считая печатаніе ихъ важнымъ средствомъ для уменьшенія побѣговъ, горный исправникъ рѣшился принять на себя трудъ составленія списковъ [4]). Двумя такими печатными списками мы воспользовались выше. Въ одномъ изъ нихъ, составленномъ въ 1889 г., поименовано 96 бѣжавшихъ рабочихъ, въ другомъ, 1890 г.,—88 рабочихъ съ обозначеніемъ въ обоихъ случаяхъ долга, оставшагося за ними.

Относительно общихъ заработковъ рабочихъ на промыслахъ Енисейскаго округа мы имѣемъ за 80-е годы въ отчетахъ горныхъ испра-

---

Мотонина (17%) и Тонконогова см. „Сиб. Газ.", 1884 г., № 32, стр. 791, № 46, стр. 1131, 1885 г., № 34, стр. 878, 1886 г., № 16, стр. 502, № 26, стр. 823. Г. Уманьскій слышалъ, что на нѣкоторыхъ пріискахъ для предупрежденія побѣговъ казармы рабочихъ строились съ рѣшетчатыми окнами, на ночь вносились „параши", двери запирались на замки и кругомъ казармы расхаживали часовые (стр. 112).

[1]) См. *Дополненіе X*.

[2]) „Вѣстн. Золот." 1894 г., № 10, стр. 190; 1895 г., № 10, стр. 163, 1896 г., № 1, стр. 18.

[3]) „Вѣстн. Золот.", 1895 г., № 18, стр. 294.

[4]) Арх. горн. испр. сѣв.-енис. окр., дѣло 1878 г., № 43, л. 1.

никовъ свѣдѣнія по слѣдующему образцу. Напр., по отчету исправника сѣверной части Енисейскаго округа за 1881 г., заработокъ рабочихъ всей системы пріисковъ былъ слѣдующій: 4109 человѣкъ, неимѣющихъ семействъ и хозяйствъ въ жилыхъ мѣстахъ, заработали—на хозяйской работѣ 388650 р., на старательской 14764 р., итого 403414 р.; 1655 человѣкъ, имѣющихъ семейства и хозяйства, заработали: на хозяйскихъ работахъ 197923 р., на старательской 24496 р., итого 222419 р. А всѣми рабочими заработано 625834 р. Такимъ образомъ, за 1881 г. здѣсь сообщены данныя о заработкѣ 5764 чел. [1]), т.-е. всѣхъ рабочихъ сѣверно-енисейской системы, но при этомъ не указано отдѣльно количества общеконтрактныхъ и золотничныхъ рабочихъ; слѣдовательно, мы можемъ сдѣлать средній выводъ о заработкахъ рабочихъ не по этимъ двумъ категоріямъ, а лишь относительно всѣхъ рабочихъ извѣстной системы. Сдѣлавъ такое вычисленіе, мы получили, что въ сѣверно-енисейской системѣ рабочіе заработывали въ среднемъ въ 1881 г. по 108 р., въ 1882 г. по 112 р., въ 1883 г. по 90 р., въ 1884 г. по 142 р., въ въ 1885 г. по 129 р., въ 1886 г. по 142 р., въ 1888 г. по 125 р., въ 1889 г. по 129 р. Если взять среднюю изъ всѣхъ этихъ цифръ, то окажется, что средній заработокъ рабочихъ въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 80-хъ годахъ равнялся 122 р.

Въ оффиціальныхъ отчетахъ о золотопромышленности Восточной Сибири мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о „средней заработной платѣ“, причемъ, очевидно, имѣется въ виду валовой *годовой* заработокъ: въ 1879 г. въ сѣверно-енисейской системѣ: рабочихъ муж. п. 140 р., женщинъ 84 р., дѣтей 38 р.; въ енисейскомъ округѣ вообще: въ 1880 г. мужчинъ 140 р., женщинъ 90 р., дѣтей 60 р. [2]); въ 1881 г.—мужчинъ 150 р., женщинъ 80 р., дѣтей 60 р. [3]).

Окружной инженеръ сѣверно-енисейской системы въ отчетѣ за 1889 г., приводя данныя, полученныя отъ горнаго исправника, по которымъ средній заработокъ рабочаго равнялся 129 р., съ своей стороны говоритъ: „Средняя цифра заработка *въ операцію* составляла: для рабочаго мужчины 125 р., для женщины 80 р. и для несовершеннолѣтняго 60 р., причемъ ссыльнопоселенцы и инородцы получали плату наравнѣ съ рабочими изъ другихъ сословій“. Въ отчетѣ за 1890 г., быть можетъ, замѣтивъ, что его среднія цифры противорѣчатъ проводимымъ имъ са-

---

[1]) Изъ нихъ 4109 чел. (т.-е. 71%), составлявшихъ тотъ рабочій пролетаріатъ, который съ самаго начала сибирской золотопромышленности содѣйствовалъ ея развитію.

[2]) Арх. горн. департ.

[3]) „Горн. Журн.“, 1882 г., № 9, стр. 374. Горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа принималъ въ половинѣ 70-хъ годовъ средній годовой заработокъ рабочаго въ 80—100 р. Арх. Горн. Испр. дѣло 1875 г., № 30, л. 123.

мимъ даннымъ горнаго исправника, тотъ же окружной инженеръ значительно повысилъ среднюю цифру заработка, а именно, по его словамъ, *„средній заработокъ“ въ операціи „не превышалъ“* 160 р.; а средніе заработки женщинъ и несовершеннолѣтнихъ показаны тѣ же, что и въ предъидущемъ году [1]).

Въ южно-енисейской системѣ, по отчетамъ горнаго исправника, средній заработокъ рабочихъ равнялся въ 1883 г. 147 р., въ 1884 г. 167 р., въ 1885 г. 157 р. [2]).

Является вопросъ, можемъ ли мы при опредѣленіи средняго заработка рабочихъ пользоваться свѣдѣніями, сообщаемыми въ отчетахъ горныхъ исправниковъ? Отчеты эти оказываются не вполнѣ пригодными для нашей цѣли или, лучше сказать, требующими извѣстной поправки, благодаря смѣшенію въ нихъ общеконтрактныхъ и золотничныхъ рабочихъ, способы вознагражденія которыхъ различны: общеконтрактный рабочій получаетъ извѣстное денежное вознагражденіе *сверхъ готоваго содержанія*, золотничникъ же, работая за опредѣленную плату съ золотника добытаго имъ золота, самъ покупаетъ себѣ содержаніе въ пріисковыхъ лавкахъ. Такъ какъ, слѣдовательно, въ его денежномъ вознагражденіи заключается и стоимость его содержанія, то это валовое денежное вознагражденіе золотничника должно обыкновенно превышать вознагражденіе чернорабочаго общеконтрактнаго, хотя за вычетомъ стоимости содержанія можетъ быть и ниже его. Въ прежніе періоды мы вездѣ высчитывали заработокъ рабочаго *при готовомъ содержаніи*. Теперь на основаніи отчетовъ горныхъ исправниковъ мы сдѣлать этого не можемъ, такъ какъ тутъ включенъ повышенный заработокъ нѣкоторой части рабочихъ на своемъ содержаніи и, благодаря этому, вся сумма заработка нѣсколько повышена. Слѣдовательно, *среднія цифры заработка рабочихъ, вычисляемыя на основаніи отчетовъ горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ* [3]) *выше дѣйствительныхъ*, если имѣть въ виду заработокъ при готовомъ содержаніи, и значительно ниже дѣйствительныхъ сравнительно со всею стоимостью вознагражденія (вмѣстѣ съ пищевымъ довольствіемъ).

Правда, въ отчетахъ горныхъ исправниковъ обыкновенно различается вознагражденіе на хозяйской работѣ „старательской“ или „золотничной“. На основаніи этихъ отчетовъ мы вычислили, что въ сѣверной части Енисейскаго округа заработокъ на „старательской“ работѣ составлялъ въ 1881 г. 6% общаго заработка всѣхъ рабочихъ, въ 1882 г.—11%, въ 1883 г.—9%, въ 1884 г.—11%, въ 1885 г.—15%, въ 1886 г.—

---

[1]) „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 527.

[2]) Арх. горн. испр. южн.-енис. сист.

[3]) Послѣдніе приводятъ цифры, полученныя отъ горныхъ исправниковъ.

10%, въ 1888 г. заработокъ на „золотничной“ работѣ составлялъ 11%, въ 1889 г. 10% [1]). Въ южной части Енисейскаго округа заработокъ на „старательской или золотничной работѣ“ составлялъ болѣе значительный процентъ общаго заработка, а именно: въ 1883 и 84гг.—32%, въ 1885 г. — 22%. Но вычислить отдѣльно средній заработокъ общеконтрактныхъ рабочихъ и золотничниковъ на основаніи этого источника всетаки невозможно, какъ потому, что очень часто неизвѣстно точное число тѣхъ и другихъ, такъ и потому, что одинъ и тотъ же рабочій бываетъ иной разъ одно время золотничнымъ, а другое—общеконтрактнымъ. Мы знаемъ, что въ 1880 г. въ сѣверной части Енисейскаго округа старатели-золотничники составляли 21% всего числа рабочихъ этой мѣстности. Судя по этому и имѣя въ виду, что валовой заработокъ золотничниковъ долженъ быть выше заработка общеконтрактныхъ (такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ и содержаніе этихъ рабочихъ), мы думаемъ, что приведенное нами процентное отношеніе старательскаго и золотничнаго заработка рабочихъ сѣверной части Енисейскаго округа къ общему заработку всѣхъ рабочихъ этой мѣстности едва ли можно считать точнымъ; скорѣе можно думать, что оно ниже дѣйствительнаго [2]). Но предположимъ, что оно именно таково и попробуемъ исключить изъ этой части общаго заработка стоимость содержанія золотничниковъ. Авторъ одной статьи о пріисковыхъ рабочихъ Енисейскаго округа [3]) принимаетъ стоимость содержанія золотничника равною 60% его заработка (90 р. изъ 150 р.). Но авторъ разумѣетъ тутъ не только „содержаніе“ въ обычномъ на пріискахъ смыслѣ этого слова, т.-е. пищевой паекъ рабочаго, а также и заборъ разныхъ вещей изъ пріисковой лавки, который дѣлаютъ и общеконтрактные рабочіе. Мы же хотимъ выдѣлить изъ вознагражденія золотничниковъ стоимость ихъ „содержанія“, т. е. пропитанія, такъ какъ общеконтрактные получаютъ пищу отъ хозяина. Для того, чтобы опредѣлить, хотя приблизительно, какой процентъ заработка золотничники тратили на пропитаніе, мы выдѣлили изъ расчетной книги по дѣламъ К° Малевинскаго за операцію 1874—75 г. всѣхъ золотничниковъ (118 чел.) и вычислили, что стоимость ихъ содержанія равняется 26% вознагражденія, полученнаго за добытое ими золото. Если мы примемъ для круглаго счета 30%, уменьшимъ размѣръ старательскаго заработка, указаннаго въ отчетахъ горныхъ исправниковъ, на 30%, сложимъ его съ заработкомъ на хозяйской работѣ и раздѣлимъ на все число рабочихъ, то получимъ, если и не точную, то все таки

[1]) Въ отчетахъ нѣкоторыхъ пріисковъ сказано: „на старательской и золотничной работѣ“.

[2]) Впрочемъ, нѣкоторою поправкою могутъ служить старательскіе заработки общеконтрактныхъ рабочихъ, которые включены въ общую сумму заработка.

[3]) „Устои“, 1882 г., № 12, стр. 6—8.

болѣе близкую цифру средняго вознагражденія рабочихъ, считая его при готовомъ содержаніи. А именно, *въ сѣверной части Енисейскаго округа*: въ 1881 г.—106 р., въ 1882 г.—108 р., въ 1883 г.—88 р., въ 1884 г.—138 р., въ 1885 г.—124 р.; въ 1886 г.—138, въ 1888 г.—120 р., въ 1889 г.—126 р., а въ среднемъ за 9 лѣтъ 118 р. *Въ южной части Енисейскаго округа* въ 1883 г. 138 р., въ 1884 г.—159 р., въ 1885 г.—141 р., а въ среднемъ за 3 года 146 р. При этомъ, на указанномъ выше основаніи, мы склонны думать, что эти цифры скорѣе выше, чѣмъ ниже дѣйствительныхъ.

Другое обстоятельство, на которое слѣдуетъ обратить вниманіе при анализѣ данныхъ о среднихъ заработкахъ рабочихъ, это бо́льшая или меньшая продолжительность операціи.

По отчету окружного инженера южно-енисейскаго округа за 1888 г., „число рабочихъ дней въ году, за исключеніемъ высокоторжественныхъ праздниковъ и льготныхъ дней, въ операцію отчетнаго года составляло для годовыхъ рабочихъ 338, для операціонныхъ 171 день“. Но въ отчетѣ окружного инженера того же округа за 1889 г. мы находимъ иныя цифры. „Годовой рабочій, считая годъ съ 1 октября, имѣетъ льготныхъ 44 дня, рабочихъ же 321, *операціонный, считая операцію съ 1 марта по 1 октября*,—льготныхъ 20 и рабочихъ 190. *Приведенныя цифры можно отнести къ категоріи высшихъ*; что же касается среднихъ и меньшихъ, то о нихъ... ничего сказать нельзя, такъ какъ помянутыя свѣдѣнія... окружнымъ ревизорамъ золотопромышленниками не доставлялись“. Эти же цифры окружной инженеръ показалъ въ своемъ отчетѣ и за 1890 г. [1]). По отчету окружного инженера сѣверно-енисейскаго округа за 1890 г., въ *операціонное время* высшее число рабочихъ дней 250, среднее 185 и меньше 30, а *сверхъ операціоннаго времени* высшее 100, среднее 75, меньшее 30. Очевидно окружной инженеръ сѣверно-енисейской системы относилъ къ операціонному періоду большее количество времени, чѣмъ инженеръ южно-енисейскаго округа, и присоединялъ къ операціи и осень. Соотвѣтственно этому и въ отчетѣ горнаго исправника сѣверно-енисейской системы за 1880 г. въ операцію включаются весна, лѣто и осень, а о зимнихъ работахъ совсѣмъ не упоминается. „Временемъ весеннихъ работъ“, сказано въ этомъ послѣднемъ отчетѣ, „называется періодъ“ съ „прихода рабочихъ весною на пріиски для лѣтнихъ работъ до открытія промывки, но такъ какъ приходъ рабочихъ на пріиски былъ не въ одно время... и промывка золота“ открывалась неодновременно, „то періодъ этотъ можно приблизительно опредѣлить 30—60 днями... Періодъ лѣтнихъ работъ считается съ открытія промывки золота и до окончанія, т.-е. съ мая по 15 и 20 сентября и имѣетъ дней отъ 110 до 130... Осеннія работы считаются съ 15—20 сентября по 15—20 октября и по 1 ноября, такъ что число дней для нихъ отъ 30 до 45“. Такимъ образомъ, minimum количества рабочихъ дней (за исключеніемъ зимы) горный исправникъ считалъ 170, maximum 235. Но окружной инженеръ сѣверно-енисейской системы въ отчетѣ за 1889 г. даетъ гораздо меньшія цифры: по его словамъ, „высшее

---

[1]) Томское горное управленіе при сводкѣ отдѣльныхъ отчетовъ ошибочно помѣстило ихъ въ графѣ высшихъ и среднихъ чиселъ рабочихъ дней въ операціонное время. „Горн. Журн.“ 1891 г., № 12, стр. 521.

число рабочихъ дней *въ операцію* было 200, меньшее 18, на большинствѣ же пріисковъ работы производились среднимъ числомъ въ теченіе 110 дней", а рабочіе, оставшіеся на пріискахъ по окончаніи операціи, проработали нѣкоторые 98, большинство 60, остальные же только 30 дней". Слѣдовательно, maximum количества рабочихъ дней въ теченіе года 298, minimum 48, а наиболѣе обыкновенное 140 дней, въ теченіе же операціи наиболѣе обыкновенное 110 дней [1]).

Такъ какъ показанія эти значительно разнятся между собою, то мы опредѣлимъ среднее число рабочихъ дней, проработанное каждымъ рабочимъ (безъ различія возраста и пола), на промыслахъ Енисейскаго округа за тѣ годы, въ которые это позволяютъ наши матеріалы.

Въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 1881 г. всего поденщинъ, за исключеніемъ больныхъ и не бывшихъ въ работѣ по разнымъ случаямъ, было 1.038.381; такъ какъ число рабочихъ въ этомъ году равнялось здѣсь 5,764 чел., то получимъ въ среднемъ 180 поденщинъ. Въ 1882 г. въ сѣверно-енисейскомъ округѣ поденщинъ, также за исключеніемъ больныхъ и небывшихъ въ работѣ, было 717.461 [2]), а рабочихъ об. п.—4,278 [3]), слѣдовательно, среднее число поденщинъ на каждаго 168. Въ 1883 г. въ томъ же округѣ такихъ же поденщинъ было 855.892, а число рабочихъ обоего пола 4.463 [4]), слѣдовательно, среднее число поденщинъ на каждаго рабочаго 192. Въ среднемъ за 1881—83 гг. количество поденщинъ на каждаго рабочаго равнялось 180.

Въ южно-енисейскомъ округѣ въ 1881 г. такихъ же поденщинъ было 913.880, а число рабочихъ 4.424, среднее число поденщинъ на каждаго 207. Въ 1882 г. въ той же системѣ рабочихъ поденщинъ 802.039, число рабочихъ 4.297, среднее число поденщинъ на каждаго 187. Въ 1883 г. въ томъ же округѣ поденщинъ 1.010.819, рабочихъ 4.682, среднее число поденщинъ на каждаго 216. Въ среднемъ за 1881—83 гг. число поденщинъ на каждаго рабочаго равнялось 203.

Большее количество рабочихъ поденщинъ въ южно-енисейскомъ округѣ объясняется, во-первыхъ, нѣсколько болѣе мягкимъ климатомъ, что̀ даетъ возможность немного ранѣе начинать и позднѣе оканчивать операцію. А во-вторыхъ, бо̀льшимъ количествомъ рабочихъ, оставляемыхъ на зиму, что̀ вызывается ортовыми и шахтовыми работами на нѣко-

---

[1]) По оффиціальнымъ отчетамъ въ министерство государственныхъ имуществъ за 1880 и 81 гг. число рабочихъ дней въ теченіе операціи равнялось maximum 130, minimum 110, въ среднемъ 120 днямъ. Арх. Горн. Департ., „Горн. Журн." 1882 г. № 9, стр. 374.

[2]) Свѣдѣнія о числѣ поденщинъ за 1881—83 г. вычислены на основаніи данныхъ, приведенныхъ въ „Приложеніи II къ выпуску 1 оффиціальныхъ документовъ по управленію Восточной Сибирью", т. VII, Иркутскъ, 1885 г.

[3]) „Приложеніе I къ выпуску I Сборн. оффиц. докум. по̀ упр. Вост. Сиб.", отч. горн. отд. Глав. Упр. Вост. Сиб. за 1882 г., стр. 9.

[4]) Отчетъ о золотопромышленности В. Сибири за 1883 г. въ горн. департаментѣ.

торыхъ промыслахъ. Въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 1881 г. рабочіе, пробывшіе на промыслахъ весь годъ, составляли лишь 8% всего числа рабочихъ, а въ 1888 г. по отчету окружного инженера еще менѣе—5%. Напротивъ того, въ южно-енисейскомъ округѣ, по отчетамъ горныхъ исправниковъ, рабочихъ, пробывшихъ круглый годъ на пріискахъ, было въ 1883 г.—35%, въ 1884 г.—33%, въ 1885 г.—34%. Бо́льшимъ количествомъ поденщинъ въ южно-енисейской системѣ объясняется и бо́льшій заработокъ рабочихъ въ этой части Енисейскаго округа.

Размѣръ средняго вознагражденія за каждую поденщину безъ различія возраста и пола виденъ изъ слѣдующихъ цифръ. Если мы раздѣлимъ полученный нами средній заработокъ рабочаго въ сѣверно-енисейской системѣ въ 1881 г. (106 р.) на среднее число поденщинъ (180), то мы получимъ среднее вознагражденіе за поденщину 59 к., въ той же сѣверно-енисейской системѣ среднее вознагражденіе за поденщину въ 1882 г. равнялось 64 к., а въ 1883 г.—46 к., а въ среднемъ за 1881—83 гг. составляло 56 к. Въ статистическихъ свѣдѣніяхъ за 11 лѣтъ съ 1877 по 1887 г. относительно промысловъ В. И. Базилевскаго сѣверно-енисейскаго округа мы нашли данныя о числѣ поденщинъ за каждый годъ и итогъ платы обще-контрактнымъ и золотничникамъ. Первыхъ было громадное большинство, потому что итогъ „платы рабочимъ“ (очевидно общеконтрактнымъ) за 11 л. равнялся 620.024 р., а итогъ „платы золотничникамъ и за старательское и подъемное золото“, также за 11 л., равнялся всего 35,225 р, слѣдовательно, эта вторая сумма изъ всей рабочей платы составляла лишь 5,4%. Такимъ образомъ, заработокъ золотничниковъ (быть можетъ, нѣсколько повышенный сравнительно съ общеконтрактными, такъ какъ въ составъ его входятъ расходы на пропитаніе) составлялъ очень ничтожный процентъ, и мы можемъ игнорировать мало замѣтное повышеніе поденной платы, которое можетъ получаться вслѣдствіе этого. Раздѣляя итоги платы рабочимъ на число рабочихъ поденщинъ, мы получили слѣдующій средній дневной заработокъ на пріискахъ В. И. Базилевскаго: въ 1877 г.—58 к., въ 1878 г.—56 к., въ 1879 г.—51 к., въ 1880 г.—60 к., въ 1881 г.—53 к., въ 1882 г.—65 к., въ 1883 г.—64 к., въ 1884 г.—79 к., въ 1885 г.—61 к., въ 1886 г.—57 к., въ 1887 г.—70 к. Въ среднемъ выводѣ за всѣ эти годы дневной заработокъ рабочаго равняется 61 к. Изъ этихъ цифръ, относящихся къ промысламъ Базилевскаго, видно, что дневной заработокъ постепенно повышался. Въ 1877—79 г. онъ составлялъ въ среднемъ 55 к., въ 1881—83 г.—61 к. (слѣдовательно, на 5 к. выше средняго заработка за эти годы на всѣхъ промыслахъ сѣверно-енисейскаго округа) и въ 1884—87 гг.—67 к.

Въ южно-енисейскомъ округѣ средній заработокъ рабочаго въ

1883 г. равнялся 138 р., а среднее число поденщинъ было здѣсь 216, слѣдовательно, средній заработокъ въ поденщину равнялся 64 к., т.-е. равнялся среднему заработку рабочихъ сѣверно-енисейскаго округа въ 1882 г., но былъ выше ихъ заработка въ 1881 г. и гораздо выше заработка 1883 г.

Заработки рабочихъ Енисейскаго округа близки къ заработкамъ въ Томскомъ горномъ округѣ, но гораздо ниже, чѣмъ въ Олекминскомъ и Амурскомъ округахъ.

Желательно было бы сравнить средній заработокъ рабочихъ Енисейскаго округа первой половины 80-хъ годовъ съ заработками первой половины 60-хъ годовъ, чтобы опредѣлить, какому измѣненію подверглось вознагражденіе за трудъ, Къ сожалѣнію, для 60-хъ годовъ мы не имѣемъ такихъ общихъ цифръ для всѣхъ промысловъ сѣверной и южной системъ Енисейскаго округа; въ своемъ мѣстѣ (см. т. I, стр. 445). мы могли сдѣлать выводъ лишь относительно средняго годового заработка промысловъ главнѣйшихъ золотопромышленныхъ компаній южно-енисейской системы за 1860—63 гг. и получили средній заработокъ въ 80 р.; между тѣмъ для всѣхъ промысловъ южно-енисейской системы въ 1883—85 гг. средній заработокъ равнялся 146 р., что̀ составляетъ повышеніе въ 80%. Это даетъ намъ возможность сказать, что размѣръ заработка въ теченіе 20 лѣтъ несомнѣнно повысился, но указать размѣръ этого повышенія съ полною точностью мы не можемъ, такъ какъ тутъ сравниваются не вполнѣ одинаковыя величины: для 60-хъ годовъ средній заработокъ лишь нѣкоторыхъ промысловъ, а для 80-хъ годовъ всѣхъ промысловъ южной системы. Къ тому же увеличеніе вознагражденія можетъ отчасти объясняться увеличеніемъ продолжительности операціи, а, слѣдовательно, количества рабочихъ дней.

Попробуемъ еще сравнить размѣры заработковъ на промыслахъ отдѣльныхъ компаній, насколько это возможно по имѣющимся у насъ матеріаламъ. Средній заработокъ на промыслахъ Удерейской К° Бенардаки, Рязановыхъ и др. равнялся въ 1860 и 1862 гг. 79 р. и въ 1863 г. — 67 р. 50 к., а въ среднемъ за 3 года равнялся 75 р. Между тѣмъ по разсчетной книгѣ Удерейской К°, Бенардаки и Рязанова за 1876 г. средній заработокъ 165 рабочихъ м. п. равнялся 96 р. на каждаго, а каждой изъ 24 женщинъ 16 р. [1]) или для 189 рабочихъ обоего пола средній заработокъ равнялся 86 р., слѣдовательно, съ первой половины 60-хъ до половины 70-хъ годовъ заработокъ повысился на 15%. Рабочихъ дней на каждаго рабочаго м. п. въ 1876 г. приходилось въ среднемъ 188 и среднее поденное вознагражденіе равнялось 51 к.; для каждой женщины среднее поденное вознагражденіе равнялось 13 к., а въ среднемъ для рабочихъ обоего пола получается 41 к., т.-е. поденное вознагражденіе меньшее, чѣмъ средняя плата за поденщину въ первой половинѣ 80-хъ годовъ. На промыслахъ Савви-

[1]) Арх. А. А. Савиныхъ, „Разсчетная съ рабочими Удерейской К° гг. Бенардаки и Рязановыхъ (операціи 1876 г. № 11“), съ № 198 по 394.

ныхъ (прежней Удерейской К°) въ операцію 1880 г. 222 рабочихъ м. п. заработали въ среднемъ по 130 р., работая также въ среднемъ по 170 дней, что составляетъ по 76 к. въ день [1]). 28 женщинъ заработали почти по 18 р., работая по 160 дней, что составляетъ въ среднемъ по 11 к. въ день.—На промыслахъ Асташева (Прокопьевскомъ, Спасопреображенскомъ и Казанскомъ) въ 1862 г. средній заработокъ равнялся 71 р. 83 к. [2]). По разсчетной же книгѣ съ рабочими Асташева въ операцію 1881 г.—121 рабочихъ м. п. получили въ среднемъ по 187 р., а 12 женщинъ по 46 р. 67 к., а тѣ и другія (133 раб. об. п.) въ среднемъ по 174 р. Слишкомъ большое возвышеніе заработка (на 143%) нѣсколько случайно: оно объясняется тѣмъ, что въ имѣвшейся у насъ одной части разсчетной книги по промысламъ Асташева за этотъ годъ не мало мастеровыхъ и отрядныхъ рабочихъ, такъ что рабочіе м. п. работали круглый годъ (среднее количество рабочихъ дней на каждаго рабочаго м. п. 305); средняя поденная плата мужчинъ 61 к. въ день. Женщины получили въ среднемъ по 22 к. въ день, проработавъ по 210 дней [3]). Но во всякомъ случаѣ общая тенденція повышенія заработка со времени 60-хъ годовъ несомнѣнна [4]).

Въ сѣверной части Енисейскаго округа на промыслахъ Гавриловскомъ и Никольскомъ и Усть-Питской резиденціи К° Рязановыхъ, Гороховыхъ и Мошарова въ операцію 1860 г. 201 рабочій м. п. заработали въ среднемъ по 72 руб. (средняя рабочая плата въ день 65 к.; среднее количество рабочихъ дней 114) [5]). На Гавриловскомъ пріискѣ К° Рязановыхъ, Горохова и др. въ операцію 1869—70 гг. 414 рабочихъ заработали въ среднемъ по 84 р. (повышеніе заработка сравнительно съ 1860 г. на 16%). Точно такой же размѣръ заработка рабочихъ м. п. мы встрѣчаемъ на томъ же пріискѣ и въ операцію 1874—75 г., причемъ среднее число рабочихъ дней (53 рабочихъ м. п.) было 144 и средняя поденная плата составляла 59 к., слѣдовательно, повышеніе заработка было слѣдствіемъ не повышенія рабочей платы (средній заработокъ въ день даже понизился сравнительно съ 1860 г.), а увеличенія средняго количества рабочихъ дней [6]). Наконецъ, на томъ же пріискѣ въ операцію 1880—81 г., принадлежавшемъ тогда И. П. Кытманову и К°, средній заработокъ 109 рабочихъ мужчинъ равнялся 77 р. [7]),

---

[1]) Къ сожалѣнію, изъ разсчетной книги не видно, не было ли въ числѣ этихъ работниковъ золотничниковъ, что повышаетъ, отчасти фиктивно, размѣръ заработка. Арх. Саввиныхъ. Разсчетная книга съ рабочими опер. 1880 г. № 5.

[2]) На Сергіевскомъ промыслѣ Асташева въ 1870—71 г. 62 р., при среднемъ количествѣ 126 рабочихъ м. п. и средней поденной платѣ въ 50 к.

[3]) Арх. Дополн. участ. Прокопьев. пріиск., 1 часть „Разсчетной книги по управленію П. К. Гудкова“ за операцію 1881 г. (по описи № 7).

[4]) На пріискахъ южной части Енисейскаго округа М. А. Крутовскаго въ операцію 1872 г. 142 рабочихъ заработали въ среднемъ только по 82 р. (въ томъ числѣ около 6% за золотничныя работы). Рукоп., получ. отъ В. М. Крутовскаго.

[5]) Разсчетная книга по Гавриловскому и Никольскому пріискамъ и Усть-Питской резиденціи опер. 1860 г., съ № 1218 по 1401. Арх. Гавриловскаго пріиска Кытманова.

[6]) Средній заработокъ 12 женщинъ равнялся 56 р. „Разсчетная съ рабоч. по Гаврилов. пр. К° Рязановыхъ, Гороховыхъ и проч.“ операціи 1874—75 г. Арх. Гаврилов. пріиска Кытманова.

[7]) Количество рабочихъ дней неизвѣстно (на Петропавловскомъ пріискѣ Кытманова рабочіе мужчины проработали въ среднемъ въ операцію 1883 г. по 196 дней). Средній заработокъ 22 женщинъ на Гавриловскомъ пріискѣ 29 р. „Разсчетная съ рабочими Гавр. пріиска Кытманова“ операціи 1880—81 г. Арх. этого пріиска.

т.-е. сравнительно съ заработкомъ 1860 г. онъ повысился на 7%, а сравнительно съ 1870 г. понизился на 8%.—На Ольгинскомъ пріискѣ Малевинскаго въ 1866 г. средній заработокъ 43 рабочихъ м. п. (въ числѣ которыхъ были и годовые, но большинство работало лишь по нѣсколько мѣсяцевъ лѣтомъ или осенью) равнялся 78 р. Въ операцію 1880—81 г. на пріискахъ К° Базилевскаго (Отрадномъ, Михайловскомъ, Николаевскомъ и Константиновскомъ) и енисейской резиденціи 541 рабочій обоего пола заработали въ среднемъ по 82 р.[1]). На промыслахъ Константиновскомъ и Раздольномъ сѣверной части Енисейскаго округа В. И. Базилевскаго въ операцію 1886—87 г. заработокъ 154 мужчинъ равнялся въ среднемъ 127 руб., а средній заработокъ 22 женщинъ — 46 руб., слѣдовательно, средній заработокъ 176 рабочихъ обоего пола равнялся 117 руб.[2]). Такимъ образомъ и на этомъ примѣрѣ мы видимъ значительное возвышеніе заработка въ 80-хъ годахъ. Что касается того, насколько это увеличеніе зависѣло отъ возвышенія рабочей платы, то, чтобы опредѣлить это точнѣе, нужно было бы сравнить количество рабочихъ дней и размѣръ поденной платы въ разные періоды, но для этого мы не имѣемъ данныхъ; мы знаемъ только, что въ операцію 1887 г. на названныхъ промыслахъ Базилевскаго сѣверно-енисейскаго округа каждый изъ 154 мужчинъ проработалъ въ среднемъ по 183 дня и получилъ платы за каждый день по 70 к., а каждая изъ 22 женщинъ проработала въ среднемъ по 213 дней и получила по 22 к. въ день.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что заработки рабочихъ въ 80-хъ годахъ сравнительно съ 60-ми на промыслахъ Енисейскаго округа несомнѣнно возрасли, но не всегда это объясняется увеличеніемъ вознагражденія за трудъ, а иной разъ лишь увеличеніемъ продолжительности операціи, чего можно было ожидать и a priori въ виду уничтоженія по Уставу о золотопромышленности 1870 г. прежняго обязательнаго срока окончанія промывки золота.

Нужно помнить также, что приведенныя нами цифры заработковъ суть среднія для всѣхъ рабочихъ, безъ различія годовыхъ и лѣтнихъ, или операціонныхъ, что, слѣдовательно, лѣтніе заработки ниже приведенныхъ среднихъ цифръ, а годовые выше[3]). Но въ сѣверно-енисейской системѣ количество годовыхъ рабочихъ было ничтожно (въ 1881 г.—8%, въ 1888 г.—5%) и такъ какъ при томъ плата за трудъ зимою ниже, чѣмъ лѣтомъ, то слѣдовательно, заработокъ „въ операцію“ не много ниже полученной нами средней цифры заработка (118 р.)[4]).

---

[1]) „Счетъ платы рабочихъ въ операцію 1880—81 г. въ Арх. Базилевскаго въ Енисейскѣ.

[2]) Разсчетная книга пріисковъ Константиновскаго и Раздольнаго въ операцію 1886—87 г. Арх. Базилевскаго въ Енисейскѣ.

[3]) Г. Уманьскій считаетъ заработокъ средняго рабочаго въ лѣтнюю операцію 110 р., а во весь годъ 140 р. (стр. 71, 74); изъ этого видно, какъ невелика разница между лѣтнимъ и годовымъ заработкомъ.

[4]) Въ 70-хъ годахъ заработокъ на промыслахъ сѣверно-енисейской системы былъ меньше: горный исправникъ этой системы считалъ въ 1875 г. весь годовой заработокъ равнымъ 80—100 р., въ томъ числѣ задатокъ 40—60 р., заборъ на пріискахъ 20 р. и додача 20—25 р. Арх. Горн. Испр. сѣв.-енис. окр. дѣло 1875 г. № 30, л. 123.

Напротивъ, въ южно-енисейской системѣ количество годовыхъ рабочихъ было довольно велико (въ 1883 г.—34%, въ 1884 г.—29%, въ 1885 г.—37%), и потому полученную среднюю цифру заработка (146 р.) нужно значительно понизить, если мы желаемъ получить заработокъ въ (лѣтнюю) „операцію“ и безъ большой ошибки мы можемъ принять этотъ послѣдній заработокъ въ южно-енисейской системѣ въ первой половинѣ 80-хъ годовъ въ среднемъ въ 115—120 р. Н. С. Боголюбскій принимаетъ для 1891 г. плату рабочимъ за операцію въ сѣверно-енисейскомъ округѣ 90—135 р., а въ южно-енисейскомъ 72—125 р. [1]).

Разсмотримъ теперь, какую часть заработка рабочій получаетъ во время работъ на промыслахъ и какую при окончательномъ разсчетѣ (такъ называемая *додача* [2]). Данныя для этого представляютъ отчеты горныхъ исправниковъ (а съ 1888 г. окружныхъ инженеровъ), но, къ сожалѣнію, какъ мы уже знаемъ, въ нихъ не отдѣлены золотничники отъ общеконтрактныхъ рабочихъ, а это нѣсколько повышаетъ процентъ выдачи натурою [3]).

Такъ какъ задатокъ выдается частью деньгами, частью вещами, то на основаніи этихъ отчетовъ нельзя съ точностью вычислить, какую часть всей выдачи рабочіе получаютъ деньгами; но это можно видѣть изъ разсчетныхъ книгъ отдѣльныхъ промысловъ. Въ сѣверной части Енисейскаго округа на Гавриловскомъ пріискѣ К° Рязановыхъ, Гороховыхъ и др. въ операцію 1874—75 г. изъ выдачи, полученной рабочими до разсчета (вмѣстѣ съ задаткомъ), 56% было получено деньгами и 44% вещами, при чемъ заборъ до разсчета составлялъ 73% всего заработка. На пріискахъ Базилевскаго Константиновскомъ и Раздольномъ (сѣв.-енис. окр.) въ операцію 1886—87 г. рабочіе 62% выдачи до разсчета получили деньгами и 38% припасами, товарами, матеріалами и имуществомъ“, при чемъ заборъ до разсчета превосходилъ весь заработокъ рабочихъ, т.-е., рабочіе (почти всѣ) ничего не вынесли съ промысловъ. Для сравненія упомянемъ, что въ операцію 1860 г. на Гавриловскомъ пріискѣ весь заборъ до разсчета составлялъ 84% всего заработка, при чемъ 79% выдачи было получено деньгами и 21% вещами.

Въ южно-енисейскомъ округѣ на промыслахъ Удерейской К° Бенардаки и Рязановыхъ въ операцію 1876 г. весь заборъ до разсчета (вмѣстѣ съ задаткомъ) доставлялъ 88% всего заработка, при чемъ 57% этого забора было получено деньгами и 43% „припасами, товарами, матеріалами и имуществомъ“. На промыслахъ А. Саввиныхъ, арендовавшаго пріиски бывшей Удерейской К°, въ операцію 1880 г. заборъ до разсчета составлялъ 66% заработка, при чемъ 37% этого забора было получено деньгами, а 63% вещами. На Сергіевскомъ пріискѣ Аста-

---

[1]) Годовое же вознагражденіе рабочимъ, принятое имъ для сѣверно-енисейскаго округа (160—260) и для южно-енисейскаго (150—200 р.), несомнѣнно выше дѣйствительнаго средняго годового вознагражденія. „Вѣстн. Золотопр.“ 1892 г. № 16, стр. 225.

[2]) О томъ, какой процентъ всей выдачи составляетъ задатокъ, было указано выше (стр. 149).

[3]) См. *Дополненіе XI.*

шева въ операцію 1870—71 г. выдача до разсчета превосходила заработокъ, т.-е, почти всѣ рабочіе ничего не вынесли съ промысловъ, при чемъ 69% выдачи было получено рабочими деньгами и 31% вещами. На промыслахъ Асташева 1881 г. 133 рабочихъ об. п. забрали до разсчета 86% всего заработка, при чемъ 46% получили деньгами и 54% вещами.

Весьма значительную часть (по свѣдѣніямъ горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ $^1/_3$—$^2/_5$) всего заработка (вмѣстѣ съ додачею) рабочіе получали вещами и припасами изъ пріисковыхъ магазиновъ [1]). Относительно выдачи вещей окружной инженеръ сѣверно-енисейскаго округа въ своемъ отчетѣ за 1888 г. говоритъ, что „до отработки долга, съ которымъ рабочій явился на пріискъ, ему отказывали въ выдачѣ чего бы то ни было, даже предметовъ необходимости, но какъ только ему приходились на руки деньги“ (т.-е. заработокъ превышалъ заборъ), „отпускалось все по желанію, часто вещи совершенно ненужныя, вслѣдствіе чего заборъ нѣкоторыхъ рабочихъ одними только припасами доходилъ до 40 р.“; вообще же средній заборъ товарами и припасами, по словамъ этого окружного инженера, равнялся въ сѣверно-енисейскомъ округѣ 40 р.

По разсчетнымъ книгамъ южно-енисейскаго округа, бывшимъ въ нашихъ рукахъ, на промыслахъ Удерейской К° (Бенардаки и Рязановыхъ) средній заборъ въ операцію припасами, товарами, матеріалами и имуществомъ 165 рабочихъ м. п. равнялся 37 р. на каждаго; на промыслахъ Саввиныхъ въ операцію 1880 г.— по 53 р. на каждаго рабочаго м. п. На Сергіевскомъ пріискѣ Асташева въ операцію 1870—71 г. средняя выдача вещами равнялась 21 р., а на промыслахъ Асташева въ операцію 1881 г. 133 рабочихъ об. п. получили натурою всего по 81 р. на каждаго. Въ сѣверной части Енисейскаго округа на Гавриловскомъ пріискѣ К° Рязанова, Горохова и др. въ операцію 1874—75 г. средній заборъ на 65 рабочихъ об. п. равнялся 25 руб., а на пріискахъ Базилевскаго въ операцію 1886—87 г. средній заборъ 176 рабочихъ об. п. равнялся 45 р.

По свѣдѣніямъ горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ, додача составляетъ отъ $^1/_5$ до $^1/_3$ *всего* заработка. Горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа въ 1875 г. считалъ болѣе обычною додачею 15—25 р. Окружной инженеръ сѣверно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1888 г., между прочимъ, сообщаетъ, что „наличными деньгами на надобности рабочихъ и вообще при разсчетѣ“ рабочіе получили 124.704 р., что составляетъ въ среднемъ на каждаго 33 р. „Но если принять во

[1]) Тутъ вошли въ разсчетъ не только общеконтрактные, а также золотничники, вслѣдствіе чего процентъ забора натурою нѣсколько повышенъ. Изъ отчета окруж. инжен. южн. енис. окр. за 1890 г. видно, что на промыслахъ этого округа (вмѣстѣ съ додачею) было выдано деньгами 68%, вещами и припасами 32%. „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 529. О наиболѣе обычныхъ предметахъ забора рабочихъ см. *Уманьскій*, стр. 71.

вниманіе", продолжаетъ онъ, „что рабочіе, явившіеся для найма на пріиски, были наняты безъ задатковъ и золотничныя артели рабочихъ таковыхъ не получали, вслѣдствіе чего какъ тѣмъ, такъ и другимъ пришлось по разсчету, конечно, болѣе 30 р., и что не вся сумма... была выдана при разсчетѣ, а часть ея роздана до работъ, то окажется, что только немногіе рабочіе, не бравшіе задатковъ и довольствовавшіеся отпускаемымъ безплатно содержаніемъ, унесли съ пріисковъ бо́льшую часть заработанныхъ денегъ", а „остальные получили при разсчетѣ самую незначительную часть заработанной платы". Имѣя въ виду эти оговорки, мы приведемъ среднюю додачу (считая на *всѣхъ* рабочихъ) на промыслахъ сѣверно-енисейской системы: въ 1881 и 82 гг. *одной додачи* были выдано въ 1881 г. по 25 р., въ 1882 г.—29 р. (считая на каждаго рабочаго); въ слѣдующіе же годы додача разсчитана вмѣстѣ съ денежною выдачею во время работъ на пріискахъ *„на надобности рабочихъ"*; въ 1883 г. по 40 р., въ 1884 г.—38 р., въ 1885 г.—37 р., въ 1886 г.—43 р., въ 1888 г.—33 р., въ 1889 г.—41 [1]). На промыслахъ южно-енисейской системы *одной додачи* рабочими получено въ среднемъ въ 1883 г.—39 р., въ 1884 г.—52 р., въ 1885 г.—45 р., въ 1894 г. на 47 пріискахъ—47 р. [2]).

Укажемъ теперь размѣръ *одной додачи* на нѣкоторыхъ промыслахъ. Въ сѣверно-енисейской системѣ на Гавриловскомъ пріискѣ К° Рязановыхъ, Горохова и др. въ операцію 1874—75 г. изъ 55 рабочихъ м. п. получили додачу только 30 ч., т.-е. 56%, при чемъ средняя додача равнялось 41 р. (maxim. додачи 182 р.); изъ 12 работницъ додачу получили 8 (66%), въ среднемъ по 24 р. (maxim. додачи 76 р.). На Екатерининскомъ пріискѣ Базилевскаго въ операцію 1872—73 г. 124 рабочихъ об. п. получили въ среднемъ додачи по 31 р. (maximum 282 р.); на Татьянинскомъ пріискѣ Базилевскаго въ ту же операцію 46 человѣкъ об. п. получили въ среднемъ по 37 р. додачи (maximum 362 р.). На Петропавловскомъ пріискѣ И. Кытманова и В. Базилевскаго 1 октября 1883 г. 129 рабочихъ м. п. получили въ среднемъ додачи по 26 р. (maximum 153 р.), а 20 женщинъ получили додачи въ среднемъ по 29 р. (maximum 96 р.). На промыслахъ Константиновскомъ и Раздольномъ В. И. Базилевскаго въ операцію 1886—87 г. изъ 154 рабочихъ м. п. только 6, т.-е. 4%, получили додачу въ среднемъ по 52 р., а изъ 22 женщинъ только 1 (менѣе 5%) получила додачу въ 45 р.

Въ южной части Енисейскаго округа на промыслахъ Удерейской К° Бенардаки и Рязановыхъ, въ операцію 1876 г., изъ 165 рабочихъ м. п. 80 чел. получили додачу въ среднемъ по 30 р. (maximum 110 р.), а изъ 24 женщинъ 9

---

[1]) Въ 1894 г. на 27 пріискахъ сѣверно-енисейскаго округа додача (очевидно вмѣстѣ съ денежною выдачею на пріискахъ до разсчета), по показаніямъ золотопромышленниковъ, равнялось 66 р. *Шостакъ*, табл. V.

[2]) Въ операцію 1861—62 г. средній размѣръ додачи равнялся въ южно-енисейской системѣ 28 р. 60 к., слѣдовательно, средній размѣръ додачи съ тѣхъ поръ увеличился.

(т.-е. 37%) получили додачу по 9 р. (maximum 19 р.) [1]. На промыслахъ Савиныхъ (бывшихъ Удерейской К°) въ операцію 1880 г. изъ 213 рабочихъ м. п. 179 (т.-е. 84%) получили додачи въ среднемъ по 60 р. (maximum 356 р.), а изъ 28 женщинъ 23 (т.-е. 80%) получили додачи въ среднемъ по 17 р. (maximum 78 р.). Въ 1878 г. г. Савиныхъ писалъ въ оффиціальной бумагѣ горному исправнику, что въ этомъ году имъ было уплачено деньгами на 140 рабочихъ до 7500 р., т.-е. на каждаго въ среднемъ болѣе 53 р.: „это такая крупная додача денегъ при разсчетѣ", прибавляетъ г. Савиныхъ, „что я безошибочно предполагаю, что она изъ самыхъ высокихъ на пріискахъ южной части Енисейскаго округа" [2]. На Сергіевскомъ пріискѣ Асташева въ операцію 1870—71 г. изъ 99 рабочихъ м. п. получили додачу 33 чел. (т.-е. 33%) въ среднемъ по 10 р. (maximum 36 р.) [3]. На промыслахъ того же Асташева въ операцію 1881 г. изъ 121 рабоч. м. п. получили додачу 75 чел. (т.-е. 62%) въ среднемъ по 49 р. (maximum 297 р.), а изъ 12 женщинъ получили додачу 6 (50%), въ среднемъ по 18 р. (maximum 44 р. [4]). На промыслахъ К° Базилевскаго и Черемныхъ въ операцію 1888 г. 195 рабочихъ об. п. получили додачи въ среднемъ по 51 р. (maximum 228 р.). На Николаевскомъ пріискѣ Дементьева въ ту же операцію 1887—88 г. 23 рабочихъ об. п. получили додачи въ среднемъ по 45 р. (maximum 103 р.) [5].

Нѣкоторымъ дополненіемъ къ небольшой додачѣ рабочихъ служитъ тайно похищенное ими золото, но количество его учесть совершенно невозможно. Замѣтимъ только, что и авторъ одной статьи о пріисковыхъ рабочихъ Енисейскаго округа [6]), и г. Уманьскій отводятъ значительную роль въ заработкахъ рабочихъ кражѣ золота. Г. Ячевскій (стр. 27) указываетъ на образцовую солидарность рабочихъ въ утайкѣ золота. Лишь въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ удается, если не опредѣлить, то по крайней мѣрѣ заподозрить разницу между тѣмъ, что рабочій получилъ въ додачу за работу, и тѣмъ, что онъ дѣйствительно вынесъ съ промысловъ. Такъ напр., въ 1878 г. при разсчетѣ на пріискѣ Асташева одинъ рабочій получилъ 36 р., но при обыскѣ на дорогѣ по выходѣ съ пріиска при немъ было найдено 216 р. На вопросъ о томъ, откуда онъ получилъ остальныя деньги, рабочій отвѣчалъ, что онъ принесъ ихъ изъ дому. Его заподозрили въ тайной про-

---

[1]) Арх. Савиныхъ, Разсчетная 1876 г. № II (съ № 189 по 394). Въ операцію 1861—62 г. на промыслахъ Удерейской К° 72% рабочихъ получили додачу въ среднемъ по 24 р.

[2]) Арх. Горн. Испр. южн. енис. окр., дѣло 1878 г. № 9.

[3]) Арх. Дополнительнаго уч. Прокоп. пріиск.; Разсчетная книга по Сергіевскому пріиску, операція 1870—71 г. № 10, ч. II, съ № 232.

[4]) Арх. Дополн. уч. къ Прокоп. пр., Разсчетная съ рабочими по управленію П. К. Гудкова, операція 1881 г. ч. I, по описи № 7. Въ операцію 1861 — 62 г. на Прокопьев. пр. Асташева 27% рабочихъ получили додачи въ среднемъ по 33 р.; на Спасопреображенскомъ промыслѣ его же 67% получили додачи въ среднемъ по 28 р. и на Казанскомъ 28% въ среднемъ по 38 р.

[5]) Арх. Горн. Испр. южн.-енис. окр., дѣло 1888 г. № 27.

[6]) „Устои" 1882 г., № 12, стр. 8.

дажѣ вина и „переводѣ“ золота, но, несмотря на то, что фактическихъ данныхъ для обвиненія его не было, у него было отобрано 179 р., и деньги эти отосланы къ управляющему промыслами Асташева Гудкову, который подалъ прошеніе о разслѣдованіи дѣла въ Маріинское полицейское управленіе, а рабочій, крестьянинъ Томской губерніи, подалъ жалобу на отобраніе у него денегъ енисейскому губернатору. Чѣмъ кончилось это дѣло, намъ неизвѣстно [1]).

Многіе рабочіе остаются въ долгу у золотопромышленниковъ. Относительно задолженности рабочихъ горные исправники сообщаютъ свѣдѣнія по слѣдующимъ рубрикамъ: сколько долгу за 1) неявившимися, 2) бѣжавшими, 3) умершими, 4) разсчитанными по болѣзни, неспособности къ работѣ, за грубости и лѣность и 5) вообще за неотработавшими выдачъ (ко времени разсчета). Такъ напр., въ отчетѣ горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа за 1881 г. мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія: у золотопромышленниковъ осталось долговъ за рабочими—за 245 чел. неявившимися — 12.213 р., за 139 бѣжавшими— 7.742 р., за 27 умершими 1.168 р., за 80 разсчитанными по болѣзни, неспособности къ работамъ, за грубости и лѣность—2.699 р., за 820 вообще неотработавшими выдачъ — 17.365 р. Итого остается долговъ 41.187 р. (Если раздѣлить общую сумму долга на все число рабочихъ, находившихся на промыслахъ, то это составитъ всего 7 рублей добавочнаго расхода на человѣка). По этому образцу мы находимъ свѣдѣнія и въ отчетахъ другихъ горныхъ исправниковъ, а съ 1888 г. въ отчетахъ горныхъ инженеровъ. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 1881 г. за 1.311 рабочими осталось долгу въ среднемъ за каждымъ по 31 р. Въ слѣдующіе годы въ томъ же сѣверно-енисейскомъ округѣ—въ 1882 г. за 852 такими должниками (т.-е. считая съ неявившимися, бѣжавшими и умершими) было долгу въ среднемъ по 36 р., въ 1883 г. за 816 чел. по 37 р., въ 1884 г. за 483 должниками по 42 р., въ 1885 г. за 563 чел. по 35 р., въ 1886 г. за 574 должниками по 33 р., въ 1888 г. за 442 должниками по 34 р., въ 1889 г. за 406 должниками по 51 р. Въ среднемъ размѣръ долга за всѣ эти годы (1881—86, 88 и 89 г.) равняется 37 р. на каждаго должника.

Теперь изъ общей суммы долговъ рабочихъ сѣверно-енисейскаго округа мы выдѣлимъ долги, оставшіеся за тѣми изъ нихъ, которые проработали до разсчета. Такихъ въ 1881 г, было 820 чел. съ долгомъ на каждаго по 21 р., въ 1882 г. за 472 рабочими по 28 р., въ 1883 г. за 541 чел. по 25 р., въ 1884 г. за 312 рабочими по 35 р., въ 1885 г. за 418 рабочими по 30 р., въ 1886 г. за 352 должниками по 26 р.

[1]) Арх. Горн. Испр. южн.-енис. окр., дѣло 1878 г. № 11.

въ 1888 г. за 256 рабочими по 25 р., въ 1889 г. за 216 рабочими по 38 р.; средній долгъ ко времени разсчета за всѣ эти 8 лѣтъ былъ менѣе 29 р. на каждаго.

Отмѣтимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ промыслахъ сѣверно-енисейскаго округа. На Екатерининскомъ пріискѣ Базилевскаго къ концу операціи 1872—73 г. осталось 33 должника съ долгомъ около 13 р. на каждаго (maxim. долга 51 р.). На Петропавловскомъ пріискѣ К° Игн. Кытманова и В. И. Базилевскаго въ операцію 1883 г. къ 1 октября было 76 должниковъ м. п.; средній долгъ 13 р. (maxim. долга 49 р.). На Раздольномъ и Константиновскомъ пріискахъ Базилевскаго въ операцію 1886—87 г. оказалось 15 должниковъ (10% всѣхъ рабочихъ); въ среднемъ на каждаго приходилось по 28 р. долгу (maxim. долга 72 р.) и 1 должница (изъ 22 работницъ) съ долгомъ въ 2 р. На Гавриловскомъ пріискѣ Рязановыхъ, Горохова и др. въ операцію 1874—75 г. изъ 53 рабочихъ было 7 должниковъ (13%), въ среднемъ около 5 р., а должницъ не было вовсе. На томъ же Гавриловскомъ пріискѣ Кытманова (въ операцію 1880—81 г.) изъ 102 рабочихъ было 36 должниковъ (35%), въ среднемъ по 28 р. долгу [1]).

Въ южной части Енисейскаго округа въ 1883 г. за 489 чел. было долгу въ среднемъ по 54 р., въ 1884 г. за 542 рабочими по 39 р., въ 1885 г. за 674 рабочими по 44 р., въ 1888 г. за 989 рабочими по 44 р. на каждаго должника. За всѣ эти четыре года средній размѣръ долга на каждаго должника равнялся 45 р. (болѣе чѣмъ въ сѣвѣрно-енисейскомъ округѣ).

Если мы возьмемъ только тѣхъ рабочихъ, которые остались должны къ окончательному разсчету, то окажется, что въ 1883 г. ихъ было 289 чел. съ среднимъ долгомъ по 20 р. на каждаго должника, въ 1884 г. 177 чел. съ долгомъ по 35 р., въ 1885 г. 273 чел. съ долгомъ по 25 р., въ 1888 г. за 565 рабочими осталось въ среднемъ долгу по 38 р. Средній долгъ ко времени разсчета за эти четыре года равняется 29 р. на каждаго должника, т.-е. такой же, какъ и въ сѣверной части Енисейскаго округа. Въ операцію 1861—62 г. средній размѣръ долга въ южно-енисейской системѣ равнялся 25 р.

Укажемъ на нѣкоторые отдѣльные промысла южно-енисейскаго округа. На промыслахъ Удерейской К° Бенардаки и Рязановыхъ въ операцію 1876 г. изъ 161 рабоч. м. п., о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, было (если не считать неявившихся и бѣжавшихъ) 15 должниковъ (т.-е. 9%) по 27 р. въ среднемъ на каждаго (maxim. долга 49 р.). Изъ 24 работницъ ни одна не осталась въ долгу [2]).

---

[1]) Ср. о задолжавшихъ рабочихъ *Чудновскій*. „Енисейская губ.“ 1885 г., стр. 109.

[2]) Изъ 161 чел. 66 рабочихъ (т.-е. 41%) не получили додачи, но и не остались въ долгу. Разсчетная книга съ рабочими Удерейской К° за 1876 г. № II, съ № 198 по 394 (Арх. Саввиныхъ). Въ операцію 1861—62 г. должниковъ на промыслахъ Удерейской К° было гораздо болѣе, а именно 28%.

На промыслахъ Саввиныхъ (бывшихъ Удерейской К°) въ 1880 г. изъ 213 рабочихъ м. п. (не считая неявившихся и бѣжавшихъ, но вмѣстѣ съ умершими и разсчитанными по неспособности) было 29 должниковъ (т.-е. 13%), въ среднемъ за каждымъ долгу по 15 р. Изъ 28 работницъ долгъ былъ за 2, въ среднемъ по 6 р. [1]). На промыслахъ Асташева въ 1881 г. изъ 121 извѣстныхъ намъ рабочихъ остались должными 20 (т.-е. 16%), въ среднемъ долгъ равнялся 26 р. (maxim. долга 89 р.) [2]). Въ операцію же 1861—62 г. на Прокопьевскомъ промыслѣ Асташева было 73% должниковъ (долгъ въ среднемъ 29 р.), на Спасо-Преображенскомъ пріискѣ его же 26% должниковъ (долгъ въ среднемъ около 32 р.) и на Казанскомъ пріискѣ Асташева—70% должниковъ (долгъ въ среднемъ 16 р.).

Въ контрактахъ съ рабочими золотопромышленники всегда условливались, чтобы рабочіе оставшійся за ними долгъ отработывали и послѣ срока найма, а нѣкоторыя компаніи (напр. Зотовыхъ въ договорѣ 1877 г. и Кытманова 1872 г.) предоставляли себѣ право (если не найдутъ нужнымъ или возможнымъ удержать рабочихъ на своихъ промыслахъ) передать ихъ въ другую компанію для отработки этого долга. По договору съ В. И. Базилевскимъ 1891 г. (сѣверно-енисейск. окр.) должники обязывались уплатить долгъ „наличными деньгами тотчасъ же, не уходя съ пріисковъ его, или отработать на работѣ по назначенію“ хозяина сряду же по окончаніи срока условія, или въ срокъ, назначенный пріисковымъ управленіемъ. По договору съ К° Кытманова и Фунтусова (1870 г.) рабочіе обязывались отработать свой долгъ на тѣхъ же промыслахъ „или, поступивши къ другому золотопромышленнику (однако же съ согласія этой компаніи или ея управленія), непремѣнно внести весь долгъ безъ всякаго промедленія въ платежѣ и отпирательства“. К° Григоровыхъ и Полежаева (сѣв.-енис. окр.) по договору 1877 г. предоставила себѣ право относительно тѣхъ должниковъ, которые не захотятъ остаться на промыслахъ послѣ срока найма для отработки долга, ходатайствовать о высылкѣ ихъ изъ мѣста жительства съ помощью сельской стражи. По договору Асташева (1887 г.) должникъ, не отработавшій долга и по окончаніи срока, не имѣлъ права наниматься къ другому золотопромышленнику, если тотъ не приметъ на себя обязательства уплатить за должника всего долга.

Какъ ни строги всѣ эти условія контракта, золотопромышленникамъ далеко не всегда удавалось взыскивать съ рабочихъ свои долги. Горный исправникъ сѣверно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1881 г. говоритъ, что въ большинствѣ случаевъ эти долги не взыскиваются подлежащими учрежденіями „и въ дѣйствительности при бѣдности пріисковыхъ рабочихъ взыскивать“ ихъ „почти невозможно“, и потому

---

[1]) Разсчетная съ рабочими Саввиныхъ 1880 г. № 5.

[2]) Арх. Дополн. уч. Прокопьев. пр., Разсчетная съ рабочими по управленію Гудкова за операцію 1881 г. ч. I, № 7.

сумму, которую рабочіе остались должными хозяевамъ „нужно считать пропавшею безвозвратно“. Правильнѣе нужно было бы сказать—бо́льшую часть этой суммы, такъ какъ должники все-таки нерѣдко поступаютъ на тѣ же промысла, и тогда долгъ вычитается изъ заработка слѣдующаго года. Въ своей запискѣ 1892 г. енисейскіе золотопромышленники предлагали заставить волостное начальство не выдавать рабочимъ увольненій на пріиски прежде, чѣмъ они не уплатятъ или не отработаютъ состоящаго за ними долга. Но такія притязанія, конечно, не найдутъ удовлетворенія уже потому, что они идутъ въ разрѣзъ съ интересами государства; стѣсненіе рабочихъ въ хожденіи на промысла вызвало бы увеличеніе недоимокъ въ уплатѣ податей. Енисейскимъ золотопромышленникамъ такъ хотѣлось бы получить хоть часть тѣхъ долговъ, которые накопились за рабочими, что они готовы великодушно отказаться отъ половины этихъ мало надежныхъ взысканій. „Въ виду того“, говорятъ они въ запискѣ 1892 г., „что подобныхъ долговъ за рабочими за предшествовавшіе 10 лѣтъ числится до сотни тысячъ рублей и *вслѣдствіе невозможности получить оные*, мы находимъ необходимымъ, чтобы взысканія по этому предмету неупустительно производило само крестьянское общество черезъ волостные суды, съ отдачею въ случаѣ надобности должниковъ въ работу, и чтобы изъ возвращенныхъ такимъ образомъ суммъ половина обращалась на образованіе особаго фонда для обезпеченія быта престарѣлыхъ и лишившихся возможности работать промысловыхъ рабочихъ и ихъ семействъ“. Такъ великодушно отдаютъ енисейскіе золотопромышленники инвалидамъ пріисковаго труда такія суммы, которыя, по ихъ собственнымъ словамъ, невозможно взыскать (по свидѣтельству горнаго исправника сѣверно-енисейскаго округа „по бѣдности рабочихъ“). Изъ этого видно, что разсчитывать на серьезную помощь такимъ рабочимъ со стороны золотопромышленниковъ невозможно, пока не будетъ учреждено государственное страхованіе или изданъ законъ объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья рабочихъ.

По свидѣтельству окружного инженера южно-енисейскаго округа (въ отчетѣ за 1888 г.), разсчитываніе рабочихъ на промыслахъ этой системы начинается съ 20 сентября и продолжается съ перерывами до 10 октября. Окружной инженеръ сѣверно-енисейскаго округа въ отчетѣ 1889 г. считаетъ временемъ окончанія операціи 10 октября. Деньги по разчету рабочимъ сѣверно-енисейской системы выдаются теперь частью на пріискахъ, частью въ енисейскихъ резиденціяхъ.

Въ 1873 г. золотопромышленники южно-енисейской системы встрѣтили затрудненіе въ исполненіи предписанія генералъ-губернатора Восточной Сибири относительно выдачи рабочимъ причитающихся имъ денегъ въ жилыхъ мѣстахъ, и потому генералъ-губернаторъ разрѣшилъ осенью того же года не производить разсчета рабочихъ въ жилыхъ мѣстахъ тѣмъ золотопромышленникамъ, которые

не имѣли тамъ резиденцій. Но затѣмъ въ декабрѣ 1873 г. енисейскій губернаторъ подтвердилъ горному исправнику сѣверно-енисейскаго округа, чтобы рабочіе его системы получали деньги по разсчету не на пріискахъ, а въ деревнѣ Нифантьевой (на берегу Енисея близъ Енисейска). Въ отвѣтъ на это предписаніе горный исправникъ сѣверно-енисейской системы донесъ, что только 2 золотопромышленныя компаніи этой системы имѣютъ резиденціи въ деревнѣ Нифантьевой, нѣкоторыя имѣютъ ихъ въ Енисейскѣ, а арендаторы промысловъ, производящіе разработку незначительнымъ количествомъ рабочихъ, вовсе не имѣютъ резиденцій и въ большинствѣ случаевъ затрудняются производить разсчетъ въ деревнѣ Нифантьевой, такъ какъ для этого пришлось бы нанимать тамъ квартиры и содержать довѣренныхъ. Кромѣ того, разсчетъ въ этой деревнѣ „требуетъ заготовленія большаго противъ дѣйствительной потребности капитала, по невозможности опредѣлить вѣрно количество денегъ на разсчетъ рабочихъ“ въ Нифантьевой и на расчетъ тѣхъ, которые остаются на пріискахъ на зиму, такъ какъ рабочіе измѣняютъ иногда свои намѣренія, и такимъ образомъ можетъ не хватить денегъ для разсчета или на пріискахъ, или въ названной деревнѣ. Вслѣдствіе этого енисейскій губернаторъ въ 1874 г. далъ знать, что разсчеты съ рабочими должны производить въ Нифантьевой только тѣ золотопромышленники, которые имѣютъ тамъ свои резиденціи, а остальные обязаны разсчитываться съ рабочими на пріискахъ [1]).

Въ нѣкоторыхъ договорахъ включено условіе, что рабочіе могутъ требовать заработанныхъ ими денегъ только при разсчетѣ (такъ напр., по договору И. Кытманова, 1884 г.), по другимъ же договорамъ выдача денегъ до разсчета предоставлялась усмотрѣнію пріисковаго управленія. Послѣ того какъ генералъ-губернаторъ Синельниковъ для охраны заработковъ рабочихъ отъ растраты сталъ пропагандировать мысль о пересылкѣ денегъ рабочимъ, если они того пожелаютъ, на мѣсто ихъ жительства, въ нѣкоторыхъ договорахъ мы встрѣчаемъ условія въ родѣ слѣдующаго: „заработку нашу управленіе обязано заплатить намъ при разсчетѣ 1 октября, если же кто изъ насъ, согласно распоряженія г. генералъ-губернатора, половину причитающихся на 1 октября денегъ пожелаетъ получить по приходѣ въ свою волость, черезъ особыхъ чиновниковъ отъ г. генералъ-губернатора, а другую половину на пріискѣ въ первое число октября, то долженъ это оговорить при подписи своей“. Г. Ячевскій справедливо указываетъ на необходимость для рабочихъ получать деньги и ранѣе разсчета. „Пріисковый режимъ“, говоритъ онъ, „создалъ крайне зловредную форму разсчета рабочихъ. Перваго октября, послѣ окончанія работъ, бросается въ толпу въ одинъ день масса денегъ. Рабочій получаетъ возможность въ одинъ моментъ удовлетворить всѣ тѣ потребности, которыя онъ въ теченіе казарменной жизни вынужденъ былъ такъ или иначе умѣрять. Разгулъ рабочаго—естественное психическое послѣдствіе пріисковыхъ порядковъ, и никакими полицейскими мѣрами и нагайками онъ не можетъ быть уничтоженъ

[1]) Арх. Горн. Испр. сѣвер.-енис. окр. дѣло 1873 г. № 34, л. 163—165.

до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранена основная его причина. Необходимо, чтобы рабочій получалъ деньги не заразъ, а по частямъ, чтобы онъ имѣлъ возможность расходовать ихъ по своему усмотрѣнію".

Впрочемъ, небольшую часть заработка рабочіе получаютъ и во время работъ: такъ въ 80-хъ годовъ въ сѣверно-енисейской системѣ было выдано имъ на пріискахъ для отсылки семействамъ и вообще на поддержаніе хозяйства отъ 2 до 3% заработка, а въ южно-енисейской системѣ отъ 2 до 4%; выдано было деньгами на ихъ личныя надобности и на уплату долговъ разнымъ лицамъ въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 1881 г. 3,8%, въ 1882 г. 3,2% заработка, а въ южно-енисейскомъ округѣ (въ 1883—85 и 88 гг.) отъ 1,7 до 5,7%; наконецъ, на уплату податей и полученіе новыхъ видовъ въ 80-хъ годахъ отъ 2,5 до 5,8%, а въ южно-енисейскомъ округѣ отъ 3,4 до 5,2%, но это все-таки очень небольшая доля, въ видѣ же додачи рабочіе получали, какъ мы видѣли отъ $^1/_5$ до $^1/_3$ заработка.

Въ 1891 г. мы слышали отъ исправника сѣверно-енисейскаго округа, что разсчетъ рабочихъ производится довольно неаккуратно, но они относятся къ этому слишкомъ пассивно, и если получатъ нѣсколько рублей додачи, то махаютъ рукой на неправильность разсчета. Впрочемъ, начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1872 г. говоритъ, что хотя „разсчетъ рабочихъ по окончаніи лѣтнихъ работъ произведенъ довольно аккуратно, но за всѣмъ тѣмъ *поступаетъ много жалобъ*, которыхъ повѣрить по разбросанности пріисковъ невозможно" [1]).

Случалось, что золотопромышленникъ выдавалъ рабочимъ на пріискѣ вмѣсто денегъ квитанціи, по которымъ расплата производилась не всегда аккуратно. Такъ напр., не всегда исправно оплачивала свои квитанціи К° Полежаева и Булычевой [2]). Расплата квитанціями бываетъ и въ настоящее время и при томъ по нимъ въ жиломъ мѣстѣ вмѣсто денегъ рабочимъ иной разъ вручаютъ разную рухлядь изъ лавки владѣльца пріиска [3]). И прежде бывали случаи, что какая-нибудь разорившаяся компанія производила разсчетъ съ рабочими товарами и припасами, съ которыми эти бѣдняки не знали что дѣлать и принуждены были продавать первому встрѣчному за ничтожную цѣну [4]).

У нѣкоторыхъ компаній не хватало иной разъ денегъ на расплату съ рабочими и въ такомъ случаѣ на основаніи закона налагался арестъ на золото.

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2555, № 106/160, л. 296.
[2]) „Сиб. Газ." 1886 г. № 49, стр. 1482.
[3]) „Сиб. Вѣстн." 1895 г., прибавленіе къ № 73.
[4]) „Сиб. Вѣстн." 1886 г. № 42, стр. 3.

Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1872 г. говоритъ: „носится слухъ, и весьма основательный, что въ число платы“ (при разсчетѣ) „идутъ водка и спиртъ по баснословнымъ цѣнамъ (бутылка спирта до 5 р.)“ [1]). Эксплоатація рабочихъ при разсчетѣ производилась и въ другой формѣ. Такъ, въ первой половинѣ 80-хъ г. на Татьянинскомъ пріискѣ Базилевскаго главный бухгалтеръ каждую осень собиралъ разный хламъ и разыгрывалъ въ лотерею, на которую подписчиками являлись рабочіе съ платою по 2 р. за билетъ. Разыгрывали въ лотереи и на другихъ пріискахъ съ платою по 3 р. за билетъ такія, никому не нужныя вещи, какъ изношенныя платья со шлейфомъ, юбки, ночные чепчики, поломанные зонтики и т. п. и уговаривали рабочихъ брать билеты „изъ уваженія къ хозяину“ [2]). Я также слышалъ на пріискахъ Енисейскаго округа, что тамъ бываютъ лотереи при разсчетѣ, причемъ рабочіе ставятъ условіемъ выдачу водки.

Многіе рабочіе прокучиваютъ на обратномъ пути съ пріисковъ значительную часть полученныхъ ими денегъ, но кутежей, подобныхъ тѣмъ, какіе происходили въ сороковые года, теперь уже не бываетъ.

Въ 1875 г. сѣверно-енисейскій горный исправникъ въ своемъ донесеніи енисейскому губернатору указывалъ на то, что прежде срокъ окончанія работъ во всѣхъ компаніяхъ былъ одинъ, т.-е., 11 сентября, и тогда „какъ говорятъ, назначался сборный пунктъ, съ котораго рабочіе и отправлялись цѣлою массой“ (ср. т. I, стр. 153—154, 255—256). Теперь же срокъ окончанія работъ не одинаковъ и выходъ съ пріисковъ продолжается болѣе мѣсяца, въ теченіе котораго рабочіе уходятъ ежедневно партіями въ 10, 15 и 25 человѣкъ, а потому и сопровождать партіи отдѣльной казачьей командой совершенно невозможно. „Тутъ бываетъ не сопровожденіе въ буквальномъ смыслѣ, а скорѣе послѣдованіе за вышедшими и постоянное наблюденіе“, не отстанетъ ли кто отъ партіи по болѣзни и усталости [3]). Отъ Енисейска два отряда казаковъ сопровождали рабочихъ одинъ до границы Томской, а другой—Иркутской губерніи.

Климовскую дорогу (съ промысловъ южно-енисейскаго округа) корреспондентъ одной газеты называетъ мѣстомъ „разврата, сбыта краденаго золота, пьянства, картежныхъ игръ; сюда съ цѣлями легкой наживы являются шулера и всевозможные жулики, которые безцеремонно обираютъ рабочихъ, такъ что тѣ всѣ свои обновки, купленныя по баснословно-высокимъ цѣнамъ у хозяевъ пріисковъ или у торговцевъ, нахлынувшихъ въ тайгу, почти даромъ оставляютъ у зимовщиковъ“.

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2555, № 106/160, л. 296.
[2]) „Сиб. Газ.“ 1884 г. № 37, стр. 914, 1885 г. № 9, стр. 218—219.
[3]) Арх. Горн. Испр. сѣв.-енис. окр., дѣло 1875 г. № 30, л. 122.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ пьянства и разгула были преступленія: рабочіе иногда убивали товарищей, имѣющихъ деньги. Цѣны на зимовьяхъ въ 1884 г. были слѣдующія: за чашку спирта менѣе шкалика брали 50 к., фунтъ ржаного хлѣба 10 к., пшеничнаго 20 к., осьмушка махорки 30 к. [1]).

Прежде содержаніе зимовьевъ на Климовской дорогѣ было предпріятіемъ вольнымъ, но вотъ Переплетчиковъ заявилъ, будто бы для пріисковъ, мѣста подъ зимовьями, которыя и были ему отведены. Зимовья эти онъ сейчасъ же сдалъ въ аренду, и содержатели зимовьевъ стали обирать возчиковъ и рабочихъ [2]).

То же творилось и на Ново-нифантьевской дорогѣ, которая ведетъ изъ сѣверно-енисейской системы въ городъ Енисейскъ. На этой дорогѣ съ 1881 г. также появилось не мало пріисковъ, которые заявлены были исключительно съ цѣлью обиранія рабочихъ; они не разработывались и даже не развѣдывались, а между тѣмъ, на нихъ находились различныя постройки, въ которыхъ круглый годъ проживали хозяева. Такихъ пріисковъ насчитывали въ 1883 г. болѣе 10. Рабочіе постоянно жаловались на хозяевъ этихъ пріисковъ. Въ 1884 г. ихъ насчитывалось уже 20 [3]).

На Ново-нифантьевской дорогѣ было выстроено золотопромышленниками 6 зимовьевъ. Въ 1883 г. казна отдавала ихъ съ торговъ, но потомъ, по ходатайству золотопромышленниковъ, велѣно было передать зимовья въ ихъ пользу. Въ 1884 г. золотопромышленники нанимали подрядчиковъ для содержанія зимовьевъ и платили имъ отъ 75 до 700 р. за зимовье, смотря по разстоянію отъ Енисейска [4]). Зимовщикъ обязанъ былъ содержать въ исправности дорогу и помѣщеніе и имѣть своихъ лошадей для провоза почты и пассажировъ за опредѣленные прогоны. Здѣсь рабочимъ приходилось платить за фунтъ сухарей по 9 к., за фунтъ ржаного хлѣба отъ 9 до 15 к., за кринку молока 20—30 к., за шкаликъ водки на половину съ водой 20—60 к. [5]).

Въ деревнѣ Нифантьевой (на правомъ берегу Енисея, гдѣ былъ устроенъ перевозъ на лѣвую сторону) пропившіеся и обобранные рабочіе встрѣчали уже иной разъ предложенія вновь наняться на промысла, причемъ бывали и такіе наемщики, у которыхъ рабочіе подписывали предварительное условіе съ обязательствомъ наняться у того, у кого наемщикъ возьметъ подрядъ найма рабочихъ, такъ что, подписы-

---

[1]) „Сиб. Газ.“ 1884 г. № 45, стр. 1100.

[2]) „Сиб. Газ.“ 1883 г. № 2, стр. 43.

[3]) „Сиб. Газ.“ 1883 г. № 46, стр. 1176.

[4]) Въ 1891 г. зимовщики получали болѣе высокое вознагражденіе.

[5]) „Сиб. Газ.“ 1882 г. № 35, стр. 848, „Вост. Обозр.“ 1882 г. № 36, стр. 7, 1884 г. № 13, стр. 8.

вая предварительное условіе, рабочій даже не зналъ, на какихъ промыслахъ ему придется работать. Во время выхода рабочихъ въ Нифантьевскую деревню наѣзжали изъ Енисейска торгаши и сбывали рабочимъ, которыхъ не впускали довольно долгое время въ Енисейскъ, свои товары. Какъ только рабочіе закупали все, что имъ было нужно, засѣдатель выгонялъ ихъ на карбазъ и переправлялъ за Енисей, тамъ полиція осматривала виды рабочихъ и обыскивала ихъ и если находила золото, то подвергала аресту, а затѣмъ препровождала рабочихъ на старо-ачинскій или красноярскій трактъ [1]).

Какія затрудненія и опасности встрѣчались пріисковымъ рабочимъ при возвращеніи съ промысловъ въ суровое осеннее время, видно изъ слѣдующаго случая. Въ 1883 г. на Ново-нифантьевской дорогѣ возлѣ Питскаго зимовья во время выхода рабочихъ паромъ, устроенный черезъ р. Питъ, поднятый отъ ненастья водой, оборвало и унесло. Когда была устроена переправа уже не на канатѣ, а на веслахъ, то этотъ другой карбазъ унесло и посадило на мель. Между тѣмъ въ это время (6 октября) на берегу скопилось до 300 человѣкъ рабочихъ, ожидавшихъ переправы. Пришлось доставлять рабочимъ съ пріиска сухари, и въ четырехъ лодченкахъ они переправлялись въ теченіе трехъ дней на другой берегъ [2]).

Въ 1871 г. генералъ-губернаторъ Синельниковъ запретилъ возвращающимся рабочимъ входить въ городъ Енисейскъ. Мѣстное чиновничество съумѣло обратить это запрещеніе въ доходную статью, беря съ рабочихъ деньги за право посѣщенія города. Вслѣдствіе такихъ обходовъ запрещенія Енисейскъ оживлялся. По улицамъ сновала масса пьяныхъ съ пѣснями и музыкой, кабаки и притоны разврата были переполнены, тутъ же рабочіе сбывали и украденное золото [3]). Запрещеніе рабочимъ входить въ Енисейскъ было, наконецъ, отмѣнено въ 1885 г. генералъ-губернаторомъ Восточ. Сибири гр. Игнатьевымъ.

Новѣйшія свѣдѣнія показываютъ, что при выходѣ съ промысловъ рабочіе попрежнему встрѣчаютъ много искушеній, содѣйствующихъ опустошенію ихъ кармановъ. Окружной инженеръ южно-енисейскаго округа въ отчетѣ за 1888 г. говоритъ: послѣ разсчета рабочіе, не нанятые на зимнія промысловыя работы, выходятъ двумя дорогами—Мотыгинскою и Климовскою „партіями отъ нѣсколькихъ до 400 человѣкъ. Въ это время горнымъ исправникомъ командируется нѣсколько казаковъ для наблюденія за порядкомъ, сохраненіемъ тишины на

---

[1]) „Восточ. Обозр.“ 1882 г., № 36, стр. 7—8, 1884 г. № 13, стр. 8.

[2]) „Сиб. Газ.“ 1883 г. № 46, стр. 1176.

[3]) „Восточ. Обозр.“ 1882 г., № 36, стр. 7—8, „Устои“ 1882 г. № 12, стр. 15, ср. „Вост. Обозр.“ 1883 г, № 50, стр. 5. и „Сиб. Газ.“ 1885 г. № 52, стр. 1432“.

зимовьяхъ, предупрежденія пьянства и картежной игры, но подобныя командировки приносятъ мало пользы, такъ какъ промысловые казаки нравственными своими качествами, пожалуй, превосходятъ самыхъ отчаянныхъ ссыльнопоселенцевъ". Разсчетъ рабочихъ—самое веселое и... прибыльное время для многихъ лицъ, обрѣтающихся въ тайгѣ. Не только пріѣзжіе мелочные торговцы, но и нѣкоторые изъ золотопромышленниковъ устраиваютъ на перекрестныхъ дорогахъ походныя лавки, въ которыхъ можно найти (конечно, не каждому) все что угодно. Здѣсь рядомъ съ какимъ-нибудь... кускомъ ситца запрятано нѣсколько ведеръ спирта"... [1]). Эксплоатація рабочихъ, выходящихъ съ промысловъ, не прекращается и за предѣлами тайги. По свидѣтельству доктора Крутовскаго, „по низовью Ангары и по енисейскому тракту цѣлый рядъ селеній живетъ и кормится исключительно выходомъ осенью рабочихъ"; жители этихъ селеній называютъ обираніе рабочихъ „своею жатвою", дающею имъ хлѣбъ на цѣлый слѣдующій годъ [2]).

По окончаніи лѣтней операціи тутъ же на пріискахъ стараются нанять необходимое количество рабочихъ, для зимнихъ работъ [3]), причемъ дѣло не обходится безъ выдачи въ счетъ задатка извѣстнаго количества спирта. „Вездѣ на всѣхъ пріискахъ", говоритъ г. Уманьскій (я не слыхалъ объ исключеніяхъ, хотя и могутъ найтись праведники), часть задатка при наймѣ въ тайгѣ выдается спиртомъ по нѣсколько бутылокъ на брата, которыя вписываются въ разсчетный листикъ подъ наименованіемъ „особыхъ припасовъ" (стр. 64). То же подтверждаетъ и крестьянинъ Реймерсъ. Рабочіе, не возвращающіеся послѣ осенняго разсчета въ деревню, писалъ онъ въ 1880 г., „нанимаются къ тѣмъ золотопромышленникамъ, которымъ необходимо производить развѣдку пріиска, вскрышу глубокихъ торфовъ, проведеніе канавъ, ортовыя и шахтовыя работы для добычи песковъ для лѣтней промывки, постройку машинъ и проч." При этомъ они требуютъ, чтобы имъ дали до 10 дней отдыха, а „главное, выдачи имъ вмѣсто денегъ отъ 7 до 10 бутылокъ спирта [4])., назначая цѣну за бутылку 2 р." Въ разсчетный листъ рабочаго вносится общая сумма „за подати, одежду и отпущенный спиртъ", т.-е.,

---

[1]) Арх. Томск. Горн. Упр. дѣло 1888 г. № 31/2, л. 466—469. Новѣйшія свѣдѣнія см. въ „Сиб. Вѣстн." 1892 г. № 49, стр. 3—4.

[2]) „Отчетъ общества врачей Енисейской губерніи за 1889—90 г.", протоколъ № 11, стр. 3.

[3]) Часть рабочихъ, не оставаясь на всю зиму, остается для осеннихъ работъ, Такъ, въ 1888 г. въ сѣверно-енисейскомъ округѣ, по отчету окружного инженера, изъ 3.776 рабочихъ осталось для осеннихъ работъ (вскрыши торфа) 612 чел., а на зиму для производства развѣдокъ осталось только 204 чел.

[4]) Г. Уманьскій, подтверждая выдачу нѣсколькихъ бутылокъ спирта при осенней наемкѣ упоминаетъ и о денежныхъ задаткахъ въ 10—15 р. (стр. 156).

выдача большого количества спирта прикрывается огульною записью, въ которой главную роль какъ будто играетъ выдача на подати и одежду [1]).

Число рабочихъ, оставшихся на промыслахъ на весь годъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, было слѣдующее: въ сѣверной части Енисейскаго округа—въ 1879 г. 1745 чел. м. п. (изъ 6221 чел. м. п., бывшихъ въ этомъ году на лѣтней операціи, это составляетъ 28%), въ 1880 г.—228 чел. м. п. (4% мужчинъ), въ 1881 г.—480 чел. рабочихъ об. п. (8%), въ 1883 г.—575 ч. м. п. (14%), въ 1884 г.—589 ч. (13%), въ 1886 г.—245 ч. м. п. (7%), въ 1887 г. 282 ч. (8%), въ 1888 г.—204 ч. (5%), въ 1889 г.—59 ч. (1,6% мужчинъ), въ 1890 г.—72 ч. (2,2% мужчинъ).

Въ южной части Енисейскаго округа оставалось на промыслахъ на весь годъ: въ 1879 г.—1556 человѣкъ м. п. (25%), въ 1883 г.—1614 ч. (35%), въ 1884 г.—1200 ч. (33%), въ 1885 г.—1700 ч. (34%), а въ 1890 г.—2991 ч. об. п. (50%, очевидно—всего пріисковаго населенія) [2]). Такимъ образомъ, въ южно-енисейскомъ округѣ количество рабочихъ, оставшихся на весь годъ, въ теченіе 80-хъ годовъ значительно увеличилось и было гораздо болѣе, чѣмъ въ сѣверно-енисейской системѣ: это объясняется довольно значительнымъ развитіемъ въ этой системѣ подземныхъ работъ, а также вѣроятно и болѣе легкимъ допущеніемъ семействъ рабочихъ на промысла [3]).

Вознагражденіе за трудъ зимою, какъ мы видѣли, было гораздо менѣе лѣтняго. „Зимняя плата общеконтрактныхъ рабочихъ“, говоритъ г. Уманьскій, „ничтожна даже по сравненію съ городскою, принявъ во вниманіе таежныя цѣны... Зимній рабочій почти неизбѣжно входитъ въ долгъ и задолжалъ бы еще больше, если бы на большинствѣ пріисковъ заборъ не ограничивался управляющимъ или хозяиномъ, которые выдаютъ товары изъ амбара съ разсчетомъ, чтобы рабочій не зарвался сильно, что могло бы его побудить весною къ побѣгу“... „На зимнія работы нанимаются въ большинствѣ случаевъ самые невоздержные изъ рабочихъ, получающіе задатокъ на будущую операцію въ тайгѣ и пропивающіе его вмѣстѣ съ оставшимися отъ прошлой операціи деньгами. Такіе рабочіе живутъ въ тайгѣ безвыходно по 10—15 лѣтъ на одномъ и томъ же пріискѣ, такъ какъ безпаспортность ставитъ ихъ въ полную зависимость отъ хозяевъ“ (стр. 70, 74).

Дѣйствительно, значительная часть рабочихъ многіе годы проводятъ на промыслахъ. Такъ напр., на Новомаріинскомъ пріискѣ К° Базилевскаго и Ратькова-Рожнова оказалось, что изъ 77 рабочихъ 30 человѣкъ (39%) перебывали на пріискахъ отъ 1 года до 5 лѣтъ, 18 ч.

---

[1]) Арх. Горн. Департ., отдѣленіе частн. золотопр., дѣло 1880 г. № 71.

[2]) Отчеты Горн. Испр. и окруж. инж.; „Горн. Журн.“ 1891 г., № 12, стр. 520,

[3]) Въ 90-хъ годахъ на промыслахъ Асташева (южно-енис. окр.) была устроена зимняя теплая промывка золота. См. „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., стр. 15, 1895 г., стр. 294, 1896 г., стр. 14; „Сиб. Вѣстн.“ 1895 г., № 180.

(24%) отъ 6 до 10 л., 10 ч. (13%) отъ 12 до 15 л., 12 ч. (16%) 16—20 л., 6 ч. (7%) 21—26 л. и 1 ч.—даже 40 л.! Золотопромышленникъ Черемныхъ свидѣтельствуетъ, что это явленіе не исключительное; „какой огромный процентъ рабочихъ", говоритъ онъ, „не выходитъ съ промысловъ по 5, 10, 15 и даже 20 лѣтъ и живетъ здѣсь безвыходно!" [1]).

[1]) „Вѣстн. Золотопр." 1892 г. № 11, стр. 153—154.

ГЛАВА VI.

Общеконтрактные рабочіе и ссыльнокаторжные на промыслахъ Олекминскаго округа съ 1870 до начала 1890-хъ гг.

Наемъ рабочихъ.—Задатки.—Путь на пріиски.—Контракты.—Техника работъ.—Доходы предпринимателей.—Продолжительность рабочаго дня.—Подземныя работы.—Величина уроковъ.—Старательскіе работы.—Вознагражденіе за трудъ.—Подъемное золото.—Жилища и пища рабочихъ.—Винныя порціи.—Продажа вина на пріискахъ.—Спиртоносы.—Пріисковые лавки.—Таксы.—Условія нравственной жизни рабочихъ.—Гигіеническія условія.—Медицинская помощь.—Несчастные случаи и вознагражденіе за нихъ.—Школы.—Наказанія.—Горная администрація.—Побѣги рабочихъ.—Величина валового заработка.—Додача.—Выходъ рабочихъ съ промысловъ.—Ссыльнокаторжные рабочіе.

Наемъ рабочихъ на промысла Олекминскаго округа, какъ и въ другихъ горныхъ округахъ, производится частью на самихъ промыслахъ по окончаніи лѣтней операціи, частью въ разныхъ мѣстахъ Сибири. Въ началѣ 1872 г. якутскій губернаторъ писалъ генералъ-губернатору Восточной Сибири: „Нѣкоторыя изъ пріисковыхъ управленій", по окончаніи операціи „дозволяютъ своимъ приказчикамъ заманивать рабочихъ въ тайгу безплатною чаркою, а затѣмъ спаиваютъ ихъ на ихъ же счетъ до потери соображенія и вербуютъ невыгодными для рабочихъ условіями, которыхъ послѣдніе ни разсмотрѣть, ни сообразить во время найма не въ состояніи, и узнаютъ обязательность и невыгодность ихъ только впослѣдствіи, по тягости работъ и принудительнымъ мѣрамъ къ выполненію таковыхъ съ совершеннымъ изнуреніемъ силъ" [1]). Циркуляромъ генералъ-губернатора того времени было предписано не производить найма въ Витимской волости (Киренскаго округа) и въ Нохтуй-

[1]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2549. № 126—71, л. 156.

скомъ селеніи (Олекминскаго окр.) рабочихъ, принадлежащихъ къ другимъ волостямъ (въ этихъ двухъ мѣстахъ происходили, какъ мы увидимъ, особенно сильные кутежи по выходѣ рабочихъ съ промысловъ), а нанимать ихъ въ мѣстахъ причисленія; однако это воспрещеніе было впослѣдствіи забыто.

Но и въ мѣстахъ причисленія наемъ рабочихъ представлялъ весьма грустную картину. Олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за операцію 1873—74 г., указавъ на то, что контингентъ пріисковыхъ рабочихъ преимущественно состоитъ изъ ссыльно-поселенцевъ и бывшихъ ссыльно-каторжныхъ, говоритъ: „Находясь въ мѣстахъ причисленій въ самомъ жалкомъ положеніи, частью по лѣности, дурнымъ наклонностямъ, пьянству и т. п., частью по недовѣрію вообще къ нимъ мѣстнаго населенія, эти паріи, при появленіи пріискового довѣреннаго, съ радостью „рукоприкладствуютъ“ къ промысловымъ контрактамъ, никогда не читая ихъ, торопясь получить задатокъ деньгами и одеждою (обыкновенно не менѣе 50 руб.) и, такимъ образомъ, послѣ продолжительной голодовки, при лишеніяхъ въ самой необходимой одеждѣ, они сразу становятся сытыми и одѣтыми; но это благоденствіе продолжается не долго—много два три дня; затѣмъ все полученное въ задатокъ поголовно пропивается тутъ же до необходимости вновь идти къ нанимателю съ просьбою о выдачѣ второго комплекта одежды... Буйство и возмутительные въ это время поступки рабочихъ извѣстны всей Сибири“ [1]).

Для найма рабочихъ внѣ промысловъ золотопромышленныя компаніи отправляли своихъ довѣренныхъ, снабжая ихъ подробными инструкціями. Такъ Прибрежно-Витимская К° дала подобную инструкцію довѣренному, отправленному для найма рабочихъ на операцію 1872—73 г. въ Киренскомъ, Верхоленскомъ, Балаганскомъ и др. округахъ, въ которой было предписано давать задатки отъ 40 до 45 руб., иркутскихъ мѣщанъ не нанимать, кромѣ бывшихъ уже на промыслахъ и извѣстныхъ своимъ поведеніемъ, не нанимать рабочихъ старѣе 55 лѣтъ, а также тѣхъ людей, „на паспортахъ и билетахъ которыхъ имѣются надписи о ихъ неблагонадежности“, или которые значатся въ спискѣ, выданномъ довѣренному. При этомъ ему было дано три списка: 1) неспособныхъ рабочихъ, бывшихъ на пріискахъ К° [Промышленности; 2) рабочихъ, которыхъ „по разнымъ случаямъ не слѣдуетъ нанимать въ работу“, и 3) рабочихъ, находящихся на промыслахъ Ленскаго золотопромышленнаго Т-ва въ операцію 1871—72 г., замѣченныхъ „въ уклончивости отъ работъ, лѣности, грубостяхъ и совершенно неспособныхъ къ горнымъ работамъ“. Изъ этого видно, что золотопромышленныя компаніи

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 50 об.—51.

обмѣнивались между собою списками дурныхъ рабочихъ, желая обезопасить себя отъ ихъ найма [1]). Въ это время довѣренные встрѣчали иногда затрудненія въ наймѣ [2]).

Но въ концѣ концовъ дѣло налаживалось, и довѣренный доносилъ, что нанято столько-то „штукъ“, хотя затѣмъ начинались жалобы на неявку рабочихъ, трудность „выгонки“ и проч. Въ свою очередь, рабочіе жаловались на неправильные вычеты довѣренныхъ и т. п. [3])

Въ оффиціальномъ отчетѣ о золотопромышленности въ Восточной Сибири за 1879 г. о наймѣ рабочихъ на промысла Олекминскаго округа сказано: Въ Витимской системѣ „самый значительный наемъ рабочихъ производится К° Базанова, Сибирякова и Нѣмчинова въ Енисейской и Томской губерніяхъ... Прочіе золотопромышленники производятъ наемъ изъ рабочихъ, разсчитавшихся съ другихъ пріисковъ Олекминской и Витимской системъ, а также изъ Иркутской губерніи и Якутской области. Въ Олекминскомъ исправничествѣ рабочіе нанимаются большею частью въ Иркутской губерніи и областяхъ Якутской и Забайкальской“. По словамъ отчета за слѣдующій годъ, наемъ рабочихъ для пріисковъ Олекминскаго округа, включая... и витимскіе пріиски, въ послѣднее время производится большею частью на самыхъ пріискахъ изъ числа желающихъ остаться на слѣдующую операцію. Кромѣ того наемъ дѣлается въ г. Иркутскѣ, въ Качугскомъ и Витимскомъ селеніяхъ и даже въ Забайкальской области, въ Томской и Енисейской губерніяхъ. Въ видѣ опыта К° Базанова и Сибирякова командировала одного служащаго въ Вятскую губернію для найма до ста человѣкъ... плотниковъ“ [4]). Часть крестьянъ европейской Россіи нанималась и въ Томскѣ, куда они пріѣзжали въ качествѣ извозчиковъ [5]).

Въ 80-хъ гг. наплывъ рабочихъ все болѣе увеличивался, и наемъ ихъ постепенно стали производить все въ большей степени на самыхъ промыслахъ. Въ 1885 г. горный исправникъ Олекминской и Витимской системъ донесъ Якутскому губернатору, что въ 1883—84 гг. въ Витемской системѣ и въ Витимской волости замѣтенъ громадный наплывъ людей, ищущихъ заработка. Вслѣдствіе этого наемъ рабочихъ „*преимуще-*

---

[1]) Арх. К° Промышленности, дѣло № 454. Подобныя же инструкціи, съ ничтожными варіантами, давались и въ слѣдующіе года.

[2]) Въ ноябрѣ 1872 г. довѣренный Прибрежно-Витимской К° донесъ, что „по Ленѣ въ волостяхъ рабочихъ было очень мало, да и то все должники разныхъ компаній... Я удивляюсь, куда подѣвались люди: прежде, бывало, какъ только пріѣдешь, то сейчасъ начнутъ ходить къ найму“.

[3]) См. разсказъ рабочаго, нанявшагося на пріиски Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова въ газетѣ „Сибирь“, 1873 г. № 4, стр. 2.

[4]) Дѣло Горн. Деп.

[5]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 48.

ственно производится на пріискахъ [1]) изъ рабочихъ, изъявившихъ желаніе оставаться на другую операцію, разсчитанныхъ изъ другихъ компаній и приходящихъ на промысла по волѣ; „нѣкоторые нанимали чрезъ своихъ довѣренныхъ въ Витимѣ (запрещеніе этого, состоявшееся въ началѣ 70-хъ гг., утратило со временемъ силу) и на Мачинскихъ резиденціяхъ, а недостающее число пополнялось въ Якутской области и Иркутской губерніи [2]). „Практиковавшійся ранѣе способъ“ найма посредствомъ посылки довѣренныхъ „въ отдаленныя губерніи Сибири и частью Россіи, какъ невыгодный для К°, вслѣдствіе большихъ затратъ и вслѣдствіе того, что недостатка въ рабочихъ не ощущается при наймѣ ихъ на пріиска, оставленъ“ [3]). Объ этомъ явленіи—увеличеніи наплыва рабочихъ на пріиски Олекминскаго округа въ 80-хъ и 90-хъ гг., мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ свидѣтельствъ. „За послѣднія пять лѣтъ“, писалъ съ этихъ пріисковъ корреспондентъ газеты Сибирь“ въ 1887 г., „замѣчается усиленное движеніе рабочихъ на промысла, преимущественно изъ Западной Сибири и даже внутреннихъ губерній Россіи, которое съ каждымъ годомъ усиливается и вытѣсняетъ съ промысловъ прежній ссыльный элементъ; движеніе это объясняется распространившеюся ложною молвою о пресловутыхъ пріисковыхъ заработкахъ“ [4]). Въ 1892 г. набралось такъ много рабочихъ изъ голодающихъ мѣстностей Тобольской губерніи, что около 800 человѣкъ осталось безъ дѣла и увеличило собою массу бродячаго народа на пріискахъ и въ Витимѣ [5]). При этомъ рабочіе рисковали быть высланными изъ Витимска, такъ какъ полиція не допускаетъ такого скопленія людей безъ занятій [6]). „Въ тайгѣ такой наплывъ рабочихъ“, свидѣтельствовалъ витимскій горный исправникъ Траскинъ въ 1894 г., „что положительно нѣтъ отъ нихъ никакого отбоя... Я неоднократно писалъ и просилъ установить по р. Ленѣ заставы (!) [7]), дабы

[1]) Это замѣтно было уже и въ 1881 г. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 37—45, л. 256. Въ 1880 г. было нанято внѣ пріисковъ только 33% рабочихъ, въ 1881 г. — 38%, въ 1882 г. — 47%. „Прилож. I къ вып. I Сборн. оффиц. докум. по управл. Вост. Сиб.“, т. VII, Отч. Горн. Отд. за 1882 г., прил. № 3.

[2]) Отчасти конечно и въ Енисейской, Томской и Тобольской. „Памят. книжка Якут. обл.“ на 1891 г., стр. 108.

[3]) Арх. Витим. Горн. Исправ., дѣло 1885 г № 17; Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2772, № 135—124, л. 185.

[4]) „Сибирь“ 1887 г., № 14—15, стр. 15—16.

[5]) „Восточ. Обозр.“, 1892 г. № 31, стр. 4. Такъ что изъ населенныхъ мѣстъ нанимали только въ Витимѣ и Иркутскѣ. „Сибир. Вѣсти.“ 1892 г. № 51. Срав. *Кряжевъ*, „Письма объ обитателяхъ Олекм. тайги“, „Русск. Жизнь“, 1894 г., № 84.

[6]) „Вост. Обозр.“ 1896 г. № 27, стр. 2.

[7]) Мѣстный горный инженеръ говоритъ, что въ 1892 г. „были приняты даже мѣры не допускать лишній народъ въ тайгу, оказавшіяся къ счастью ненужными“ „Вѣстн. Зол.“ 1893 г. № 2, стр. 31.

не пропускать рабочихъ въ тайгу, но, не смотри на это, изъ Россіи—симбирцы, нижегородцы, вятичи, пермяки, пензенцы и уфимцы, со всей Сибири, даже и съ Амура, гдѣ есть свои богатые золотые промысла, рабочіе тянутся въ Витимскую систему. Я въ своей жизни много ѣздилъ, много видѣлъ, но такого народнаго стремленія въ теченіи многихъ лѣтъ въ одно мѣсто я нигдѣ не видѣлъ“ [1]). Иногда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и ранѣе замѣчалось лихорадочное стремленіе народа на пріиски. Въ 1879 г. число рабочихъ на промыслахъ Олекминскаго округа достигло небывалой цифры: около 10.000 чел. Соотвѣтственно этому особенно усердно производился и наемъ осенью 1878 г. Населеніе Красноярскаго и Ачинскаго округовъ было рѣшительно охвачено „золотою лихрадкою“: „олекминскіе наниматели... не десятками отсыпали задатки, а сотнями“. Крестьяне бросали свои хозяйства и закабаливали себя въ работу. Въ одной подгородной деревнѣ крестьянинъ, имѣвшій хорошее хозяйство, работавшій на девяти лошадяхъ, распродалъ все, что имѣлъ, и нанялся на Олекму,—и это былъ не единичный фактъ [2]).

Съ увеличеніемъ наплыва рабочихъ ихъ оказывалось для многихъ компаній достаточное количество на самихъ промыслахъ и нанимать въ другихъ мѣстахъ не приходилось. „Даже большія дѣла обходятся теперь безъ найма извнѣ“, читаемъ мы въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.), „а если и нанимаютъ, то лишь незначительное число рабочихъ. Такъ въ К° Промышленности въ 1889 г. внѣ пріисковъ вовсе не было наемки“.

5 сентября 1891 г. я присутствовалъ при наймѣ рабочихъ на Бодайбинской резиденціи К° Промышленности (на р. Витимѣ). Наемъ начался съ 25 августа и сопровождался медицинскимъ осмотромъ, который производилъ фельдшеръ. Рабочіе раздѣвались въ сѣняхъ и голые входили въ комнату. При мнѣ у одного рабочаго фельдшеръ нашелъ грыжу, и его не наняли; у другого оказались на шеѣ пластыри; его рѣшили полѣчить, и фельдшеръ приказалъ ему придти опять черезъ три дня, не нанимаясь въ другихъ компаніяхъ. При наймѣ наводили справки въ такъ называемой „грязной“ книгѣ, куда исправникъ съ 1882 г. заносилъ всѣхъ рабочихъ, въ чемъ нибудь провинившихся. На вопросъ мой, сообщаются ли свѣдѣнія изъ этой книги и другимъ золотопромышленникамъ, резидентъ К° Промышленности отвѣчалъ, что исправникъ и радъ былъ бы, чтобы ею руководствовались, но нанимаютъ, кого случится. Женатыхъ рабочихъ резидентъ К° Промышленности на этотъ разъ не нанималъ, такъ какъ стремились уменьшить число женатыхъ до 5%. Нѣсколькими днями позже я присутствовалъ

[1]) „Вост. Обозр.“, 1894 г., № 28.
[2]) „Сибирь“, 1878 г., № 45—46, стр. I.

при наймѣ рабочихъ и на главномъ стану К° Промышленности. Всего для работъ этой и Прибрежно-Витимской К° нужно было 2 тыс. рабочихъ; около тысячи рабочихъ осталось отъ прежней операціи; изъ остальной тысячи около 250 чел. К° по разнымъ причинамъ не хотѣла вновь нанять [1]), другіе сами не захотѣли остаться, но эта тысяча была легко замѣнена новыми рабочими (наемъ продолжался съ 25 августа по 10 сентября). Я видѣлъ, какъ при этомъ нѣкоторые рабочіе униженно просили принять ихъ вновь; однихъ брали послѣ нѣкотораго наставленія, другимъ, особенно „говорунамъ", „грубіянамъ" и т. п., рѣшительно отказывали. Во время найма на промыслѣ Бодайбинской К° многіе рабочіе были выпивши. Въ Ленскомъ Т-вѣ наемка производится въ теченіе всей операціи, но наибольшее количество рабочихъ въ операцію 1893—4 г. было нанято въ маѣ и іюнѣ, а затѣмъ въ сентябрѣ: въ операцію 1894—5 въ іюнѣ и іюлѣ [2]).

Въ 1874 г. задатокъ деньгами и одеждою при наймѣ внѣ промысловъ обыкновенно былъ не менѣе 50-ти рублей, а къ прибытію на пріискъ послѣ забора на пути и разныхъ путевыхъ расходовъ доходилъ до 75—150 руб. [3]). Офицеръ, завѣдывавшій рабочими-арестантами въ Олекминскомъ округѣ, считалъ въ 1875 г. средній задатокъ свободнаго рабочаго въ 45 руб. [4]). При наймѣ въ Витимѣ въ это же время по окончаніи операціи рабочіе получали задатокъ до 60 руб. [5]). Въ 1878 г. при наймѣ въ Енисейской губерніи задатки доходили до 70 руб. [6]).

Прибрежно-Витимская К° въ 1872 г. въ инструкціи довѣренному предписывала давать задатки при наймѣ въ Иркутской губерніи 40—45 руб., въ дѣйствительности же выданные имъ задатки колебались между 8 и 60 рублями. Въ инструкціяхъ той же К° за 1873—74 гг. предписывалось давать задатки въ 45—50 руб., а должникамъ компаніи 10—15 руб. [7]). Изъ списка рабочихъ-должниковъ Прибрежно-Витимской К° 1882 г. видно, что рабочіе получили при наймѣ въ задатокъ, на одежду и проч. отъ 2 до 131 руб., въ среднемъ 73 р., товарами и деньгами въ дорогѣ отъ 3 до 157 руб., въ среднемъ 38 р., и уплачено за провозъ отъ 53 до 215 руб. (лишь за нѣсколько человѣкъ не было

[1]) Напр., не хотѣли брать самовольно прогулявшихъ отъ 3 до 10 рабочихъ дней въ году.

[2]) „Вѣстн. Золот." 1895 г. стр. 331, 1896 г., стр. 188. Въ 1894 г. въ январѣ, февралѣ и мартѣ разсчиталось много рабочихъ съ пріисковъ Ленскаго Т-ва для найма на постройку сибирской жел. дор.

[3]) Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 50 об.—51 об.

[4]) Арх. витим. горн. испр., дѣло о рабочихъ-арестантахъ 1875 г. № 5.

[5]) Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло 1875 г. № 33, л. 10.

[6]) „Сибирь" 1878 г., № 45—46.

[7]) Арх. К° Пром., дѣло № 454.

платы за провозъ), въ среднемъ 75 р.; такимъ образомъ рабочіе эти явились на пріискъ съ долгомъ отъ 7 до 315 руб., въ среднемъ 186 р. [1]). Нельзя не придти въ изумленіе отъ такихъ громадныхъ долговъ, съ которыми рабочіе являлись на промысла К° Промышленности (въ Енисейскомъ округѣ мы не встрѣтили ничего подобнаго). Послѣ этого мы найдемъ скорѣе умѣренными, чѣмъ преувеличенными слѣдующія слова г. Калагеорги, штабъ-офицера для особыхъ порученій при иркутскомъ генералъ-губернаторѣ, командированнаго въ 1882 г. въ Олекминскій округъ для собранія свѣдѣній о мѣстной золотопромышленности: „Нанятые рабочіе препровождаются иногда съ мѣста найма ихъ партіями, при чемъ всѣ расходы по дорогѣ производятся нанимателями въ счетъ будущей заработной платы; расходы эти бываютъ очень велики, и взятые вмѣстѣ съ полученными при наймѣ задатками, *достигающими до 200 р.*, составляютъ нерѣдко сумму, которую рабочему приходится отработывать въ теченіе многихъ мѣсяцевъ“ [2]). Въ 1880 г. К° Промышленности нанимала рабочихъ въ Сибири и въ Вятской губерніи съ задатками отъ 50 до 150 руб. и даже болѣе, смотря по достоинству рабочаго, при чемъ тутъ очевидно еще не принимаются во вниманіе путевые расходы [3]). Въ 1881 г. Прибрежно-Витимская компанія при наймѣ рабочихъ въ Енисейской губерніи давала задатки въ 50—100 руб., также не считая дорожныхъ расходовъ [4]).

Съ первой половины 80-хъ годовъ, какъ мы видѣли, усиливается наплывъ рабочихъ на промысла, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ уменьшаться размѣръ задатковъ при наймѣ какъ на пріискахъ, такъ и внѣ ихъ. Въ 1880 г. при наймѣ на промыслахъ Витимской системы давали задатки въ 5—15 руб. [5]). Въ отчетѣ за 1884 г. исправникъ Витимской системы говоритъ: „задатки сами по себѣ не велики, но вмѣстѣ съ расходами по доставкѣ на пріиски они достигаютъ значительныхъ размѣровъ: до 100 руб. и болѣе [6])“. При наймѣ на промыслахъ по окончаніи операціи въ 1882 г. давали задатки отъ 20 до 30 руб. и двѣ бутылки водки. Иногда промысловыя управленія поручали наемъ рабочихъ мѣстнымъ купцамъ-міроѣдамъ, и тѣ вмѣсто денегъ старались всучить рабочему гнилой товаръ или водку, такъ что, по словамъ рабочихъ, задатокъ значился въ листикѣ 25—40 руб., „а на дѣлѣ-то только два дня пьянъ былъ“ [7]). Внѣ промысловъ и въ

[1]) Арх. К° Промышл. дѣло № 1156.
[2]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2765, № 37—30, л. 48.
[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 37—45, л. 257.
[4]) Арх. К° Промышл. № 1147.
[5]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 37—45, л. 256.
[6]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2771, № 110—100, л. 302.
[7]) „Сибирская Газета“ 1882 г. № 27.

1887—89 гг. рабочіе получали задатокъ 60—100 р. [1]). Но такъ какъ съ наплывомъ рабочихъ на пріиски наемъ ихъ внѣ промысловъ все сокращался, то и размѣръ задатковъ уменьшался, и наконецъ стали иной разъ нанимать и вовсе безъ задатка. Въ запискѣ г. Михайлова, въ которой изложены факты, собранные во время поѣздки въ 1890 г. иркутскаго генералъ-губернатора А. Д. Горемыкина на промысла Ленскаго горнаго округа, максимумъ задатка указанъ въ 45 руб., но сдѣлана оговорка, что чаще задатки въ 5, 10 и 15 руб. По словамъ главнаго управляющаго промыслами Ѳ. И. Базилевскаго въ запискѣ, поданной иркутскому генералъ-губернатору (1891 г.), на резиденціяхъ наемъ „въ большинствѣ случаевъ производится безъ задатковъ или съ очень ограниченнымъ задаткомъ", при наймѣ же внѣ промысловъ рабочій является на работу съ долгомъ въ 50—100 р. Въ дѣлѣ Базилевскаго давали въ это время настолько небольшіе задатки, что на 141 чел., нанятыхъ въ операцію 1888—89 г., пришлось въ среднемъ по 23 р. на человѣка [2]). И по моимъ наблюденіямъ въ 1891 г. нанимались на промыслахъ съ задаткомъ въ 10 р., а то и вовсе безъ задатка. Одинъ мѣстный наблюдатель также говоритъ, что задатки въ это время часто колебались между 3 и 10 рублями [3]). Нельзя сочувствовать тому порядку найма, когда, какъ это было въ 1882 г., рабочіе приходили на пріиски съ долгомъ въ 200—300 р., такъ какъ при этомъ несомнѣнно не мало денегъ пропадало непроизводительно—на кутежи, заборъ одежды, которая также пропивалась и проч., но теперешніе ничтожные задатки или отсутствіе задатковъ приводятъ къ тому, что пріисковыя управленія менѣе церемонятся съ рабочими и разсчитываютъ ихъ до срока найма за малѣйшую провинность. Вотъ что писалъ объ этомъ бывшій начальникъ иркутскаго горнаго управленія г. Карпинскій еще въ 1886 г.: „На нѣкоторые пріиски, гдѣ есть подъемное золото, рабочіе нанимаются охотно и даже идутъ туда безъ задатковъ, почему на такихъ пріискахъ долговъ за рабочими весьма мало,—такъ за то и пользуются же этимъ пріисковыя управленія! За малѣйшую провинность, за неповиновеніе какому-нибудь десятнику и часто не заслуживающему повиновенія, рабочаго выгоняютъ съ пріиска, не давая ему ни гроша на проѣздъ до дома и ни куска хлѣба. Результатомъ такого произвола является то, что въ теченіе пріисковой операціи третья часть рабочихъ перемѣняется: прогнанные съ одного пріиска рабочіе нанимаются

[1]) „Памятная книжка Якутск. обл. на 1891 г.", стр. 109.

[2]) Въ 1889 г., какъ видно изъ записки г. Михайлова, задатки 53 рабочихъ вмѣстѣ съ доставкою силавомъ обошлись почти въ 33 р. на человѣка. Въ Бодайбинской же К° въ томъ же году задатки *вмѣстѣ съ доставкою на лошадяхъ* 104 рабочихъ составили по 138 р. на каждаго.

[3]) „Сибир. Вѣстн." 1892 г. № 51.

на другой, съ котораго только-что тоже уволили рабочихъ. И такъ вся тайга переполнена шляющимися рабочими въ самое нужное для работъ время. Но это еще ничего, если прогнанный рабочій наймется на другой пріискъ, а то бываетъ и такъ, что шляется отъ одного къ другому и, не попавъ никуда, направляется на Бодайбинскую резиденцію, гдѣ для такихъ праздношатающихся людей даже устроена отдѣльная казарма, въ которой они и содержатся большею частью на счетъ К° Промышленности. Наконецъ такіе люди добираются какъ-нибудь до селенія Витима и тутъ уже становятся положительно бичемъ приленскихъ крестьянъ: тѣ должны и накормить ихъ, и везти на своихъ лошадяхъ, лишь бы только избавиться отъ такихъ непрошенныхъ гостей. Между тѣмъ пріисковыя управленія остаются въ сторонѣ, и какъ будто это дѣло вовсе ихъ не касается [1])". Это свидѣтельство оффиціальнаго лица освѣщаетъ съ новой стороны вопросъ о задаткахъ: мы видѣли, какъ много ратовали и администрація, и сибирская печать противъ большихъ задатковъ, считая ихъ средствомъ закабаленья рабочихъ. Однако всѣ принимаемыя правительствомъ и администраціею мѣры не достигали цѣли, такъ какъ онѣ разбивались о конкуренцію довѣренныхъ золотопромышленниковъ во время найма рабочихъ; теперь съ наплывомъ рабочихъ они нуждаются въ золотопромышленникахъ болѣе, чѣмъ тѣ въ рабочихъ. Нужно замѣтить, что часть задатка и прежде употреблялась производительно (на уплату податей и вспомоществованіе семьѣ). Однимъ словомъ, въ первой половинѣ 90-хъ годовъ приходилось безпокоиться не о томъ, что задатки слишкомъ велики, а о томъ, что рабочіе недостаточно гарантированы отъ произвольнаго досрочнаго разсчета, благодаря ничтожности задатковъ.

Укажемъ теперь размѣръ задатковъ, на основаніи имѣющихся у насъ подлинныхъ контрактовъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ крупныхъ компаній Олекминскаго округа, задатковъ, выдаваемыхъ *при самомъ подписаніи контракта* и означенныхъ въ подписяхъ. Въ К° Промышленности въ 1870 г. при наймѣ въ Витимѣ поселенцы на основаніи закона, дѣйствовавшаго до 1870 г., получали по 7 р. 50 к., а полноправные рабочіе 15 — 50 р.; въ 1874 г. при наймѣ на пріискахъ всѣ вообще рабочіе—отъ 7 р. 50 к. до 50 р.; въ 1878 г. при наймѣ на пріискахъ отъ 5 до 60 р., а нѣкоторые были наняты и безъ задатковъ. Въ договорахъ съ этою компаніею обыкновенно опредѣлялось, что сверхъ задатковъ „К° должна уплатить за каждаго въ счетъ задатковъ окладъ податей, недоимки же за предшествовавшіе годы, если съ кого будутъ слѣдовать, должны уже удерживаться при разсчетѣ, въ размѣрѣ, значущемся въ паспортахъ или билетахъ, и въ такомъ только случаѣ, если „рабочіе будутъ имѣть заслуженныя за К° деньги". „Взносы же на устройство осѣдлости и въ экономическій капиталъ о ссыльныхъ—2 р. 50 к.

[1]) „Извѣстія Восточно-Сибирскаго отдѣла Русскаго Геогр. Общества" 1886 г., т. XVII, №№ 3—4.

должны быть въ счетъ К°". То же опредѣлялось и въ договорахъ Бодайбинской К°, размѣръ же задатковъ въ ея контрактахъ колебался въ 1880 г. между 15 и 50 руб., въ 1883 г.—10—40 р. (задатокъ кузнеца въ 1884 г. равнялся 75 р.), но въ 1890 г. задатки упали до 3—5 р., а нѣкоторые нанимались и вовсе безъ задатковъ. Въ договорѣ съ Базилевскимъ 1878 г. задатки равнялись 5—40 р.

Относительно взноса за ссыльно-поселенцевъ въ экономическій капиталъ и на устройство ихъ осѣдлости нужно замѣтить, что, хотя вообще, согласно съ закономъ, золотопромышленники Олекминскаго округа принимали этотъ взносъ на свой счетъ, но одинъ изъ нихъ, Плетюхинъ, пытался въ 1885 г. взыскать эти деньги съ самихъ рабочихъ, и притомъ не только съ ссыльно-поселенцевъ, но даже и съ полноправныхъ рабочихъ, за которыхъ сборъ этотъ и не полагался по закону. Это возмутило не только рабочихъ, но даже и управляющаго его промыслами Кузнецова, который въ заявленіи, поданномъ по этому поводу генералъ-губернатору Восточной Сибири, писалъ: „Когда противъ подобныхъ беззаконій возстала рабочая команда Скалистаго пріиска въ 120 чел., то владѣлецъ распорядился, во-первыхъ, не выдавать никакой пищи и даже хлѣба рабочимъ, а во-вторыхъ, грозилъ... въ случаѣ несогласія рабочихъ... выдать додачу въ селѣ Витимѣ, что̀ заградило бы рабочимъ, въ силу существующихъ порядковъ, всѣ способы наняться на другіе пріиски. Мѣрами этими въ теченіе двухъ дней голодная команда рабочихъ была приведена къ соглашенію съ разсчетомъ, учиненнымъ Плетюхинымъ". Дознаніемъ, произведеннымъ горнымъ исправникомъ, донесеніе это подтвердилось, но Плетюхинъ утверждалъ, что взысканіе въ экономическій капиталъ ссыльныхъ съ 5 человѣкъ мѣщанъ и крестьянъ было сдѣлано будто-бы по ошибкѣ конторщика, что же касается удержанія по 2 р. 50 со всѣхъ поселенцевъ, то онъ считалъ это вполнѣ законнымъ: онъ указалъ на то, что, хотя въ § 8 правилъ о наймѣ ссыльно-поселенцевъ на золотые пріиски и сказано, что золотопромышленникъ обязанъ по окончаніи работъ уплатить за каждаго поселенца по 2 р. 50 к. въ экономическій капиталъ и на устройство ихъ осѣдлости, но что этотъ законъ будто бы обязываетъ золотопромышленника только представить деньги, взыскавъ ихъ съ поселенца, такъ какъ волостныя правленія не имѣютъ возможности сами производить эти взысканія. Правильность такого толкованія закона Плетюхинъ доказывалъ тѣмъ, что на увольнительномъ билетѣ поселенца прописано, что недоимка въ экономическій капиталъ состоитъ за нимъ, а не за золотопромышленникомъ. Иркутское горное отдѣленіе отвѣтило горному исправнику, что такое толкованіе закона противорѣчитъ ст. 680 XIV т. Уст. о ссыльн. и 2491 ст. VII т. Уст. Горн., гдѣ прямо сказано, что вышеупомянутые сборы въ размѣрѣ 2 р. 50 к. взыскиваются съ золотопромышленника, причемъ относительно рублеваго сбора на устройство

осѣдлости ссыльнопоселенцевъ даже пояснено, что онъ не долженъ быть вычитаемъ изъ ихъ задатковъ [1]).

На основаніи отчетовъ мѣстныхъ горныхъ исправниковъ 80-хъ годовъ мы можемъ опредѣлить, какой процентъ всего заработка рабочихъ составлялъ задатокъ со включеніемъ забора на пути и путевыхъ расходовъ. Въ операцію 1881 г. въ Витимской системѣ задатки составляли 15% всего заработка, въ 1882 г.—6%, въ 1883 г.—8%, въ 1884 г.—6%. Въ Олекминской системѣ въ 1883 г.—13%, въ 1885 г. во всемъ Олекминскомъ округѣ задатокъ составлялъ 5% всего заработка (отдѣльно же въ Олекминской системѣ болѣе 8%). Въ 1887 г. на промыслахъ обѣихъ системъ Олекминскаго округа задатокъ составлялъ 3% всего заработка, въ 1888 г.—4%, въ 1889 г.—3% [2]), въ 1890 г. въ Витимской системѣ 4,5%. Такимъ образомъ и изъ этихъ данныхъ видно пониженіе размѣра задатка въ 80-хъ годахъ.

Нанимаются рабочіе въ Олекминскомъ округѣ на одинъ годъ съ 10 сентября по 10 сентября (только въ К° Промышленности въ 1880—83 гг. мы встрѣтили двухлѣтній срокъ, и то при наймѣ внѣ пріисковъ въ разныхъ губерніяхъ Сибири и на востокѣ европейской Россіи) или на одну лѣтнюю операцію, также до 10 сентября (у Плетюхина до 11 сентября). Нанимавшіеся внѣ промысловъ на лѣтнюю операцію обязывались являться въ извѣстные дни февраля или марта, въ контрактахъ же Плетюхина начало работъ назначено 11 мая. Олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1875 г. говоритъ: „Съ марта мѣсяца начинаютъ являться рабочіе, нанятые на пріиски, и прибыль ихъ продолжается въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ, іюлѣ и даже августѣ. Послѣдніе два мѣсяца приходятъ на пріиски рабочіе, нанимавшіеся на сплавъ по р. Ленѣ до г. Якутска“. Они обязываются являться или къ 1-му марта, или къ 1 апрѣля; но это условіе соблюдается очень немногими рабочими, „по большей части тѣми, которые, промотавъ полученные задатки и не имѣя возможности прокормить себя въ жилыхъ мѣстахъ, являются на Мачинскія и Бодайбинскія резиденціи золотопромышленниковъ гораздо ранѣе срока, назначеннаго имъ контрактомъ [3])“.

Относительно путешествія рабочихъ на промысла мы находимъ въ контрактахъ слѣдующія условія. Въ договорѣ съ К° Промышленности 1870 г. сказано: „для того, чтобы отправиться на пріиски для работъ, мы должны быть готовы во всякое время и по полученіи проходныхъ видовъ обязаны явиться на сборный пунктъ, куда будетъ назначено, на собственный свой счетъ, а оттуда

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2772, № 129—118, л. 1—6.
[2]) „Памятн. книжка Якутск. обл. на 1891 г.“, стр. 111.
[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 192.

слѣдовать на пріиски и быть тамъ непремѣнно къ опредѣленному въ проходныхъ видахъ сроку. Если же управленіе К° признаетъ полезнымъ отправить до сборнаго пункта въ артели съ другими на подводахъ, то эти издержки, какія на насъ по раскладкѣ причтутся, предоставляемъ удержать изъ нашей платы. Въ дорогѣ держать намъ себя трезво и прилично, подчиняясь во всемъ распоряженіямъ партіоннаго приказчика. „Въ договорѣ съ К° Промышленности 1874 г. пояснено, что отъ сборнаго мѣста по таежной дорогѣ рабочіе должны дѣлать ежедневно переходы не менѣе 25 верстъ, а черезъ 2 дня въ третій могутъ имѣть дневку [1]); если пожелаетъ пріисковое управленіе, они должны ѣхать на подводахъ (въ счетъ ихъ заработка), сами же непремѣнно требовать подводъ не имѣютъ права. Въ контрактѣ 1878 г. прибавлено, что сухарей по зимовьямъ они должны были получать по 3 фунта въ сутки на каждаго человѣка. По контракту той же компаніи 1887 г. путевые расходы на подводахъ или сплавомъ рабочіе обязывались принять на свой счетъ, но въ размѣрѣ не болѣе 30 р. [2]). „Суточныя деньги“ на пути вмѣстѣ съ квартирными, если рабочіе продовольствовались сами, должны были получать въ счетъ ихъ заработка выбранные ими десятники, не болѣе 30 коп. въ сутки; дорогою по р. Ленѣ они должны были получать, очевидно также на свой счетъ, „половину кирпича чая на мѣсяцъ и черезъ каждое разстояніе въ 200 верстъ по 20 ф. ржаныхъ сухарей и не болѣе 1 руб. денегъ на каждаго человѣка. Если же кто... не выйдетъ въ путь на промысла въ назначенный срокъ и будетъ проживать въ мѣстахъ найма или въ пути слѣдованія безъ особаго на это письменнаго разрѣшенія, то сопровождающій партію довѣренный или служащій К° можетъ выслать таковыхъ черезъ мѣстное начальство, какъ неблагонадежныхъ, къ мѣсту работъ такимъ порядкомъ, какой найдетъ для себя удобнымъ, и всѣ произведенные по отправкѣ такимъ способомъ расходы виновный долженъ принять въ счетъ своей заработки. Если бы кто въ пути до пристани „Виска“ заболѣлъ и находился бы гдѣ либо на излѣченіи, то всѣ расходы по излѣченію его онъ долженъ принять на собственный счетъ. При дальнѣйшемъ слѣдованіи въ зимнее время отъ пристани „Виска“ до промысловъ К°, выдается намъ на весь путь по половинѣ кирпича чая, по 1 ф. соли повареной и на каждыя сутки по 3 ф. ржаныхъ сухарей за счетъ К° въ мѣстахъ, указанныхъ въ выдаваемыхъ на полученіе сухарей, такъ называемыхъ сухарницъ. При слѣдованіи отъ мѣста найма до пріисковъ“ пѣшими „рабочіе обязывались проходить ежедневно въ жилыхъ мѣстахъ не менѣе 25 верстъ, а по р. Ленѣ и Витиму одного станка въ сутки, съ дневками черезъ каждые два дня на третій“. Платы за время слѣдованія рабочихъ до промысловъ никакой не полагалось; но по прибытіи на пристань „Виска“, если ихъ будутъ употреблять въ работу, отъ которой они не имѣли права уклоняться, имъ полагалась плата, существовавшая въ К° Ленско-Витимскаго пароходства и полное на ея счетъ содержаніе.

Въ контрактѣ съ Бодайбинскою К° 1883 г. рабочіе обязывались отправиться изъ Иркутска 13 августа, принимали на свой счетъ расходы на пропитаніе и сплавъ отъ Качугской пристани до резиденціи „Виска“ и оговаривали, что

---

[1]) По договорамъ съ Малопатомскимъ Т-вомъ 1880 г. и Чаринскимъ Т-вомъ 1880 г. дневка полагалась черезъ 3 дня въ четвертый.

[2]) По договору съ Чаринскимъ Т-вомъ 1880 г. и наслѣдниками Трапезникова 70-хъ и 80-хъ гг.—не болѣе 20 р. По отчету горнаго исправника Витимской системы за 1875 г., на проходъ до промысловъ изъ волостей Иркутской губерніи, среднимъ числомъ до 1500 верстъ, тратится до 30 р. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 88.

во время плаванія на паузкѣ они должны получать содержаніе въ такомъ размѣрѣ: по 1 ф. мяса, по 2 ф. ржаныхъ сухарей, два раза кирпичный чай и два раза въ недѣлю кашу. Если во время плаванія по Ленѣ паузокъ, на которомъ они будутъ находиться, станетъ на мель, то они обязывались общими силами сталкнуть его, а въ случаѣ крайности даже и спуститься въ воду; грести на паузкѣ они обязались поочередно „безпрекословно и безъ всякой претензіи“ [1]). По договорамъ съ К° Плетюхина 1886 и 1889 гг. рабочіе обязывались явиться въ Качугъ не позже 1 мая „и въ случаѣ маловодія не должны быть въ претензіи“, если имъ придется пробыть тамъ до 15 мая, при чемъ содержаніе они должны были имѣть свое собственное. Изъ Качуга они должны были плыть на судахъ К° до села Витимскаго. Если К° найдетъ нужнымъ, она могла заставить рабочихъ нагружать и выгружать сплавляемыя тяжести; въ такомъ случаѣ Плетюхинъ не долженъ былъ дѣлать съ нихъ вычетъ за доставку до Витима и обязанъ былъ выдавать имъ на пути содержаніе—3 ф. хлѣба или 2 ф. сухарей и 1 ф. мяса въ сутки на человѣка, доставка же отъ Витима до пріиска на пароходахъ (а до открытія судоходства на подводахъ) должна быть на счетъ рабочихъ. По договору съ Ленскимъ Т-вомъ 1883 г. рабочіе въ томъ случаѣ, если бы пріисковое управленіе дало имъ возможность совершить путь на пріиски не пѣшкомъ, а „на сухопутныхъ или рѣчныхъ подводахъ“, принимали расходы на свой счетъ въ размѣрѣ не болѣе одной копѣйки съ каждаго человѣка съ версты. До резиденціи рабочіе должны были продовольствоваться на свой счетъ, а отъ резиденціи до пріисковъ (и обратно отъ Бодайбинской резиденціи до с. Витима) получать на хозяйскій счетъ по 3 ф. ржаныхъ сухарей [2]).

Въ докладѣ предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ Главнаго Правленія Восточной Сибири генералъ-губернатору 1885 г. (когда по иниціативѣ главнаго начальника тюремнаго управленія Галкина-Врасскаго началось составленіе новыхъ правилъ для найма рабочихъ на золотые промысла), было обращено вниманіе на то, что интересы рабочихъ при путешествіи ихъ на пріиски вовсе не охранены контрактами: пріисковое управленіе можетъ потребовать, чтобы они ѣхали на подводахъ, но рабочіе требовать этого не должны; обыкновенно не указывается также, „какая сумма должна быть крайнимъ предѣломъ расходовъ рабочаго по такой поѣздкѣ на пріискъ. Допускать подобный произволъ нанимателя въ контрактахъ, хотя бы и заключаемыхъ добровольно рабочими, никоимъ образомъ невозможно, тѣмъ болѣе, что нельзя сказать, чтобы золотопромышленники не пользовались выговореннымъ себѣ правомъ провозить на пріискъ рабочихъ на лошадяхъ“. При этомъ высшая администрація Восточной Сибири обратила вниманіе на тотъ же списокъ рабочихъ Прибрежно-Витимской К°, нанятыхъ въ операцію 1881—

[1]) Въ контрактѣ Бодайбинской К° 1890 г. правила о путешествіи рабочихъ на промысла тѣ же, что и въ К° Промышленности.

[2]) По договорамъ 1890—91 гг.—по 2½ ф. По контракту съ Ленскимъ Т-вомъ отъ резиденціи до пріиска рабочіе обязывались дѣлать по 25 верстъ въ сутки, и черезъ каждыя двое сутокъ полагался отдыхъ въ однѣ сутки, по договору же 1894 г. дневки для отдыха были отмѣнены.

82 г., на который и мы уже указывали и изъ котораго видно, что „изъ числа 258 рабочихъ, помѣщенныхъ въ спискѣ, большинству поставленъ въ счетъ расходъ на провозъ на лошадяхъ отъ 74 до 79 р., а рабочимъ, имѣющимъ при себѣ женъ, до 150 р., по причинѣ чего долги послѣднихъ рабочихъ, еще до прихода ихъ на пріискъ, достигаютъ 260 р.“ (даже болѣе, до 315 р.). „Нѣтъ ничего удивительнаго“, сказано далѣе въ этомъ докладѣ, „что при такихъ несправедливыхъ и неопредѣленныхъ условіяхъ контракта, при громадныхъ разстояніяхъ отъ мѣста найма рабочихъ до пріисковъ, при суровыхъ климатическихъ условіяхъ Сибири, при дороговизнѣ на всѣ жизненные продукты во многихъ округахъ, чрезъ которые рабочіе идутъ на пріиски, и при громадномъ числѣ питейныхъ заведеній во всѣхъ селеніяхъ,—часть нанявшихся рабочихъ отстаетъ на дорогѣ и не является на золотые промысла [1])“. Рабочимъ, если они даже были наняты въ Иркутскѣ, дѣйствительно нужно было проходить и проѣзжать громадное разстояніе, а именно: отъ Иркутска до Бодайбинской резиденціи—1709 верстъ [2]) да еще до пріиска нѣсколько десятковъ, а то и болѣе сотни верстъ; если же рабочій шелъ, напримѣръ, изъ Томской губерніи, то ему приходилось пропутешествовать и болѣе 3000 верстъ.

Мѣстные горные исправники, какъ извѣстно, находящіеся въ матеріальной зависимости отъ золотопромышленниковъ, стараются объяснить большіе долги, съ которыми рабочіе приходятъ на промысла, только непредусмотрительностью и кутежами рабочихъ. Такъ горный исправникъ Олекминскаго округа въ отчетѣ за 1874 годъ, указавъ на кутежи рабочихъ при наймѣ, продолжаетъ: „Послѣ окончанія найма команда рабочихъ отправляется къ мѣсту большею частью въ сопровожденіи нанимателя, не имѣя уже на рукахъ наличныхъ денегъ, вслѣдствіе чего во всемъ продолженіи пути повторяется необходимость новыхъ выдачъ одежныхъ вещей...; слѣдованіе же рабочихъ безъ присмотра, отдѣльными артелями или въ одиночку, представляетъ изъ себя совершенно безобразную картину: ежегодно въ январѣ, февралѣ и мартѣ по ленскому пути проѣзжающимъ приходится обгонять живыя чучела, на которыхъ вмѣсто теплой одежды—мѣшокъ, набитый сѣномъ, а ноги и голова обернуты въ тряпки, причемъ, какъ согрѣвательное средство, употребляется какая-нибудь ненужная нота“ [3]). Майоръ Ларіоновъ, наблюдавшій въ 1871—73 г. за выходомъ рабочихъ съ пріисковъ, говоритъ, что проходъ на пріиски партій рабочихъ въ 100, 150 и болѣе чело-

[1]) Дѣло канц. Иркут. Гор. Упр. 1883 г. № 11, л. 60—62.

[2]) „Восточ. Обозр.“ 1892 г. № 50, стр. 6.

[3]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 51. На безобразія рабочихъ, идущихъ на пріиски Олекминскаго округа, мы встрѣчаемъ указанія и въ печати. См. напр. „Сибирь“ 1880 г. № 11, стр. 6; „Сибир. Газета“ 1884 г, № 32, стр. 791.

вѣкъ „чрезвычайно отяготителенъ для поселянъ, черезъ деревни которыхъ они проходятъ. Кромѣ стѣсненія жителямъ, размѣщаясь на ночлеги и дневки въ домахъ ихъ, они ничего не приносятъ; въ маленькихъ селеніяхъ такія партіи просто выживаютъ семейства домохозяевъ изъ ихъ лачужекъ; не пустить нельзя, а плата за прокормъ самая скупая. Такимъ образомъ нанятыхъ рабочихъ провожаютъ до рѣки Лены и по Ленѣ до Орлинской волости, откуда, въ большинствѣ случаевъ, для дальнѣйшаго слѣдованія довѣренные компаніи распускаютъ ихъ въ разбродъ пѣшими, предоставляя всевозможныя съ ними хлопоты населенію и мѣстнымъ властямъ при понужденіи ихъ къ дальнѣйшему слѣдованію". Нерѣдко, промотавъ теплую одежду, рабочіе, какъ это видно изъ донесеній иркутскаго и киренскаго исправниковъ въ 1873 г., „рѣшительно остаются на попеченіи населенія", и „сельская власть должна стараться сбыть ихъ хотя при слѣдующихъ арестантскихъ партіяхъ, одѣвая отъ станціи до станціи". Горный исправникъ Витимской системы въ отчетѣ за 1881 г. говоритъ, что отъ Качуга до села Витимскаго рабочіе отправляются сплавомъ подъ надзоромъ нанимателей на свой счетъ, а изъ Витимскаго до Бодайбинской резиденціи (около 300 верстъ) на пароходахъ на счетъ золотопромышленниковъ (но, какъ видно изъ договоровъ Плетюхина 1886 и 89 гг., это было не всегда такъ) и на ихъ же счетъ отправляются съ резиденціи до промысловъ. „Рабочіе, нанятые для К° Промышленности и Прибрежно-Витимской, въ ноябрѣ и декабрѣ, въ Енисейской губерніи, Забайкальской области и въ Вятской губерніи, ѣхали до Усть-Кута, подъ надзоромъ служащихъ, на лошадяхъ, а оттуда шли пѣшкомъ, пропитываясь до Витимской резиденціи на свой счетъ; такимъ образомъ имъ приходилось пройти на пріиски пѣшкомъ до 1150 верстъ [1]). Калагеоргги же въ своей докладной запискѣ 1882 г. утверждаетъ, что „препровожденіе рабочихъ партіями практикуется рѣдко,—въ большинствѣ случаевъ слѣдованіе ихъ на пріискъ предоставляется имъ самимъ на собственныя средства [2])".

По договору рабочихъ съ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской за работу на баржахъ и пароходахъ они получали плату и содержаніе, принятыя въ К° Ленско-Витимскаго пароходства; а по свидѣтельству г. Карпинскаго нѣкоторые золотопромышленники этого не дѣлали; „опасаясь, что взявшіе задатки рабочіе не явятся, они собираютъ ихъ... и препровождаютъ на пріиски внизъ по Ленѣ на паузкахъ, внося въ разсчетныя книжки рабочихъ плату за проѣздъ и въ

---

[1]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2574, № 188—242, л. 75; 2766, № 37—45, л. 256; ср. „Горн. Журн." 1882 г. № 9, стр. 372.

[2]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 48.

то же время задолжая ихъ дорогой въ качествѣ рабочихъ на паузкахъ, а плату начинаютъ имъ производить только со времени прибытія на пріискъ. Такимъ образомъ они сплавляютъ необходимые для пріисковъ припасы, пользуясь даровымъ трудомъ рабочихъ, и въ то же время берутъ съ нихъ деньги за доставку ихъ на пріиски" [1]). Такъ поступалъ съ рабочими уже извѣстный намъ Плетюхинъ. Въ 1885 г. управляющій его промыслами заявилъ генералъ-губернатору, что при разсчетѣ рабочихъ 10-го сентября на Михайловскомъ пріискѣ Плетюхина съ нихъ (въ количествѣ около 160-ти чел.) былъ сдѣланъ вычетъ отъ 5 до 10 р. съ каждаго за провозъ до промысловъ, хотя это не только не было обусловлено контрактомъ, но никогда не допускалось ранѣе въ виду того, что рабочая команда, какъ нынѣ, такъ и всегда, спускала по рѣкѣ Ленѣ до селенія Витима нагруженные въ селеніи Качугскомъ паузки (барки) съ товарами и припасами, принадлежащими компаніи, а слѣдовательно занята была хозяйскою работою во все время пути. По произведенному исправникомъ дознанію самый фактъ подтвердился, но оказалось только, что вычетъ былъ сдѣланъ на основаніи условія съ рабочими [2]).

Авторъ статьи объ олекминскихъ и витимскихъ пріискахъ въ „Сибирскомъ Сборникѣ", упомянувъ о томъ, что рабочіе, нанятые въ Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерніяхъ, „отправляются на пріиски пѣшкомъ изъ мѣста наемки и должны прибыть на пріиски къ началу весны... для приготовительныхъ къ промывкѣ золота работъ", говоритъ далѣе, что „старый порядокъ передвиженія рабочихъ по Ленѣ на пріиски, удержавшійся и понынѣ въ большихъ компаніяхъ", состоитъ въ томъ, что „для продовольствія рабочихъ въ пути заготовляются сухари въ извѣстныхъ пунктахъ, въ которыхъ рабочіе должны запасаться ими отъ времени до времени. Сухарей выдается по 3 ф. въ сутки, конечно, со включеніемъ ихъ въ счетъ задаточныхъ денегъ, какъ вписываются въ задатокъ и всѣ предметы изъ одежды, выданные рабочимъ во время пути. Однимъ словомъ, золотопромышленникъ", продолжаетъ авторъ, „во всѣхъ случаяхъ доставки рабочихъ на пріиски" ничего „не теряетъ.., а потому тѣ жалобы, которыя сыплются изъ устъ золотопромышленниковъ на удаленность олекминскихъ и витимскихъ пріисковъ, не имѣютъ смысла; онѣ скорѣе были бы справедливы со стороны рабочихъ, которымъ приходится ломать ноги 1700—1800 верстъ за свой счетъ и страхъ. Рабочій, нанятый въ Иркутскѣ,—мы не говоримъ уже о тѣхъ, которые идутъ изъ Тобольской и Пермской губерній,—долженъ употребить *болѣе ста дней*, чтобы придти на пріискъ. Идти

[1]) „Извѣст. Восточ. Сиб. Отд. Геогр. Общ." 1886 г., т. XVII, № 3—4.
[2]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2772, № 129—118.

приходится въ сильный холодъ по тракту, который никогда не бываетъ хорошо проторенъ, по глубокому снѣгу, доходящему до щиколки“ [1]).

„Впрочемъ рабочему человѣку, идущему на пріиски“, продолжаетъ авторъ; „приходится испытывать не только физическія страданія, но и крайне недружелюбное отношеніе приленскихъ крестьянъ, заселяющихъ деревни по тракту. Это въ особенности отзывается на рабочихъ, идущихъ впередъ, когда пожива плоха, хотя тѣ же крестьяне охотно, съ распростертыми объятіями, встрѣчаютъ тѣхъ же людей, когда они идутъ обратно съ туго набитымъ кошелькомъ. Въ озлобленіи крестьянъ, конечно, нельзя винить; они по-своему дѣйствительно правы, такъ какъ представляютъ въ большинствѣ случаевъ людей очень бѣдныхъ, забитыхъ и задавленныхъ мѣстными кулаками. При этомъ нерѣдко бываетъ, что крестьянину за его гостепріимство, часто безъ всякой платы, приходится терпѣть со стороны своихъ гостей отъ кражъ, которыя, какъ говорятъ, въ послѣднее время стали повседневнымъ явленіемъ. Этому легко повѣрить въ виду совершеннаго неимѣнія нѣкоторыми рабочими средствъ платить за квартиру и тепловое, потому что большая часть денегъ бываетъ издержана еще на мѣстѣ наемки“.

Авторъ упоминаетъ еще объ одномъ способѣ передвиженія рабочихъ на пріиски въ зимнее время, который, по его мнѣнію, долженъ бы быть наиболѣе предпочтительнымъ, какъ самый гуманный и справедливый. Онъ состоитъ въ томъ, что рабочіе, нанятые въ Иркутскѣ, получаютъ отъ довѣреннаго извѣстную сумму, конечно въ счетъ будущаго заработка, покупаютъ лошадей, сани и, раздѣлившись на небольшія партіи, ѣдутъ на пріиски на свой счетъ. По пріѣздѣ на пріискъ они сдаютъ лошадей той же компаніи, въ которую нанялись работать, или, если это оказывается для нихъ почему-нибудь невыгоднымъ, продаютъ на другіе пріиски. Въ случаѣ удачной покупки лошадей и благополучнаго путешествія, пріѣхавшіе такимъ образомъ рабочіе являются на пріиски здоровыми и мало задолжавшими хозяевамъ сравнительно съ тѣми, которые совершили свой путь пѣшкомъ, хотя въ томъ и другомъ случаѣ рабочіе совершаютъ путешествіе на свой счетъ [2]).

---

[1]) „Морозы доходятъ до 40°, сѣверные вѣтры и мятели, особенно по р. Витиму, почти ежедневны, идти рабочему приходится рѣкою по льду или карабкаться нерѣдко по скаламъ и самому пробивать тропу по дорогѣ, занесенной мятелью. По приходѣ на ночлегъ рабочій не находитъ ничего утѣшительнаго: бѣдность жителей не позволяетъ удѣлять часть своего продовольствія, а что продается, то по такой высокой цѣнѣ, что рабочимъ невольно приходится воздерживаться отъ покупокъ по недостатку для этого денежныхъ средствъ: напримѣръ, 1 ф. хлѣба стоитъ отъ 8 до 10 к., 1 ф. мяса 12—15 к., гарнецъ картофеля 25—50 к., мелкая рыба 6 к. и т. д.“. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2544, № 48—103, л. 291.

[2]) „Сибирскій Сборникъ“ 1889 г., вып. 1, стр. 15—18.

Небольшіе пріиски пополняютъ составъ своей команды обыкновенно въ теченіе цѣлаго года изъ рабочихъ, не имѣющихъ въ тайгѣ опредѣленныхъ занятій [1]).

Какимъ образомъ накоплялись за рабочими огромные долги, какой эксплоатаціи они подвергались на пути,—видно изъ слѣдующаго. Въ газетѣ „Сибирь“ (1873 г.) напечатанъ разсказъ рабочаго относительно найма на пріиски Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова; онъ долженъ былъ явиться къ 15-му іюля въ Оёкскую слободу (рабочій нанимался для работъ съ осени). „Къ назначенному сроку явились мы въ Оёкъ и прожили ровно десять дней безъ всякаго дѣла; это была новая доходная статья довѣреннаго: онъ за каждыя сутки вычиталъ съ рабочаго по 40 коп., хотя всѣ они были на своихъ харчахъ. Потомъ началось снабженіе одеждой прокутившихся горемыкъ; кто не имѣлъ верхней одежды, долженъ былъ брать арестантскіе халаты съ тузомъ и отдавать за перебивку каждаго по 4 руб., хотя они были куплены по 70 коп., также и всякую вещь, на которую были наложены весьма порядочные проценты“. Во время пути, пользуясь слабостью рабочихъ къ крѣпкимъ напиткамъ, довѣренный дозволялъ продавать водку въ обмѣнъ на одежду и обувь, такъ какъ у нихъ не было наличныхъ денегъ. Пропитая одежда поступала обратно въ руки довѣреннаго, который опять продавалъ ее рабочимъ по прежней цѣнѣ. За подводы онъ бралъ по 7 р. 25 к. за 200 верстъ съ каждаго человѣка. На р. Ленѣ для нихъ были куплены паузки (дощаники) по 150 р. за каждый. Въ каютѣ довѣреннаго находилась бочка съ водкой, за стаканъ которой рабочіе платили 10 к. Пищей служили сухари съ порядочной долей мякины и по фунту солонины на человѣка. Во время путешествія по р. Витиму рабочимъ давали одни сухари. За 20 верстъ до Бодайбинской резиденціи ихъ высадили вслѣдствіе мелководья, и пришлось брести пѣшкомъ. Дѣлать привалы не дозволялось. Тутъ пришлось продавать разныя вещи и одежду якутамъ за безцѣнокъ. Нѣкоторые для того, чтобы нести вещи и дѣтей, нанимали рабочихъ [2]).

Относительно продовольствія на пути въ контрактахъ съ золотопромышленниками мы находимъ слѣдующія постановленія. По договору 1870 г. К° Промышленности при слѣдованіи отъ Витимской резиденціи до промысловъ и обратно по тайгѣ, рабочіе должны были получать на счетъ К° по 3 ф. сухарей на человѣка въ день. Въ договорѣ 1874 г. той же К° пояснено, что во время слѣдованія отъ мѣста жительства до резиденціи и обратно рабочіе должны имѣть свою пищу. Въ договорѣ 1887 г. той же К° мы находимъ постановленіе о выдачѣ рабочимъ кирпичнаго чая и сухарей на пути по р. Ленѣ (въ счетъ ихъ заработка), а также отъ пристани Виска до промысловъ К° [3]). Въ замѣчаніяхъ на проектъ 1887 г. найма рабочихъ на золотые промыслы Стрижевъ, одинъ изъ главныхъ служащихъ К° Промышленности, утверждалъ, что кромѣ того въ этой К° рабочимъ полагалось также на пути на пріиски по 1 ф. мяса, и онъ предлагалъ сдѣлать это общимъ правиломъ „для того, чтобы рабочій пришелъ на пріискъ неистощеннымъ и необозленнымъ отъ плохого питанія въ дорогѣ“. По договору К° наслѣдниковъ Трапезникова еще въ 70-хъ гг., кромѣ ржаныхъ сухарей, рабочіе на пути отъ

[1]) „Памят. Книж. Якут. Обл. на 1891 г.“, стр. 108.

[2]) „Сибирь“ 1873 г., № 4—5.

[3]) При выходѣ же съ промысловъ до Витима полагалось давать только соль и сухари по 3 ф. въ день на человѣка.

резиденціи до пріисковъ должны были получать по 1/4 кирпича чаю въ недѣлю, а при выходѣ съ пріисковъ до резиденціи чая не полагалось. Въ отличіе отъ другихъ компаній въ контрактѣ Вѣрнаго Т-ва рабочіе обязывались на пути отъ резиденціи до пріисковъ и обратно, т.-е. нежилою тайгою, имѣть собственное продовольствіе.

Когда генералъ-губернаторъ Восточной Сибири бар. Фредериксъ учредилъ въ 1876 г. временный комитетъ по вопросу объ устраненіи разныхъ безпорядковъ на промыслахъ, то относительно путевого довольствія рабочихъ золотопромышленники большинствомъ голосовъ согласились на безплатное снабженіе ихъ на пути не только хлѣбомъ и сухарями, но также чаемъ и приваркомъ при проходѣ отъ резиденціи до пріисковъ, а при возвращеніи оттуда съ платою по таксѣ, при чемъ хлѣбъ и сухари должны были отпускаться также безплатно. Въ своемъ циркулярѣ отъ 22 апрѣля 1877 г., напечатанномъ въ „Иркут. Губ. Вѣдом.“ (№ 34), бар. Фредериксъ объявилъ объ этомъ, и улучшеніе въ пищевомъ довольствіи рабочихъ на пути отъ резиденціи до промысловъ выразилось въ контрактахъ нѣкоторыхъ, но далеко не всѣхъ, компаній лишь прибавкою кирпичнаго чая, на выдачу же мяса мы не имѣемъ другихъ указаній, кромѣ приведенныхъ словъ г. Стрижева. Горный исправникъ Витимской системы потребовалъ отъ пріисковыхъ управленій, чтобы они извѣстили, исполняется ли этотъ циркуляръ. Плетюхинъ отвѣчалъ: „что касается содержанія рабочихъ въ пути до пріиска, то не только отъ Ленско-Витимскихъ пристаней, но даже во время плаванія по р. Ленѣ, начиная отъ селенія Качугскаго до самыхъ пріисковъ отпускался рабочимъ въ пищу печеный хлѣбъ, а за недостаткомъ его—сухари и ежедневно по полуфунту мяса съ приваркомъ на человѣка безвозмездно“. Плетюхинъ умалчивалъ только, что рабочіе вѣроятно обязывались работать за это на его паузкахъ, на которыхъ онъ сплавлялъ разныя тяжести на промысла, какъ это было по крайней мѣрѣ впослѣдствіи. Онъ прибавилъ также, что при выходѣ съ пріисковъ по окончаніи работъ рабочіе получаютъ безплатно сухари до жилыхъ мѣстъ [1]).

Въ контрактахъ предусматривался случай преждевременной явки рабочаго на пріисковую резиденцію или пребыванія на ней по разнымъ причинамъ. Въ договорѣ К° Промышленности 1870 г. сказано: „если по явкѣ на резиденціи мы тотчасъ на пріиски по распутицѣ или по другимъ причинамъ отправлены быть не можемъ, то за содержаніе свое платимъ по стоющимъ цѣнамъ за припасы, а за приготовленіе пищи и отопленіе жилыхъ помѣщеній по 60 к. въ мѣсяцъ“. Въ контрактѣ той же К° 1874 г. это условіе изложено иначе: если рабочіе явятся ранѣе назначеннаго срока на Ленско-Витимскую резиденцію, и тамъ не будетъ для нихъ никакой работы, то за продовольствіе, которое будутъ имъ тамъ отпу-

[1]) Арх. Витим. Гор. Испр., дѣло 1877 г. № 32.

скать—по 4 ф. хлѣба или 3 ф. сухарей и соль, управленіе можетъ записывать въ разсчетные листы стоимость этихъ продуктовъ. Кромѣ хлѣба и сухарей, во все это время рабочіе могли брать въ счетъ заработка: чаю по полъ-кирпича въ мѣсяцъ, мяса, если оно будетъ, по 1/2 ф. въ сутки, масла по 1 ф. въ мѣсяцъ и простого табаку также по 1 ф., но не болѣе назначеннаго количества [1]). Въ договорѣ той же К° 1887 г. это условіе опять измѣнено такимъ образомъ: если бы рабочіе прибыли на пристань Виска ранѣе назначеннаго срока, и не было бы тамъ для нихъ работъ, то они должны были довольствоваться ржаными сухарями и кирпичнымъ чаемъ въ счетъ будущаго заработка, а дрова для отопленія занимаемаго ими помѣщенія должны были заготовлять сами, пользуясь только лошадьми К° [2]).

Для храненія, пріема и выдачи припасовъ и товаровъ въ Витимской системѣ есть двѣ резиденціи: на р. Ленѣ при впаденіи р. Бодайбо, такъ называемыя Бодайбинскія резиденціи, гдѣ теперь живетъ и горный исправникъ, и въ с. Виска (въ 4 верстахъ отъ Витимска на р. Ленѣ); резиденціи же пріисковъ Олекминской системы, именующіяся Мачинскими, расположены по р. Ленѣ противъ с. Нохтуйска (мѣстопребываніе земскаго засѣдателя). Резиденціи эти, устраиваемыя лишь нѣкоторыми, болѣе зажиточными, компаніями въ мѣстахъ, удобныхъ для пріема припасовъ и товаровъ, заключаютъ въ себѣ амбары, склады, магазины. Тутъ же находятся и помѣщенія для служащихъ, рабочихъ и проѣзжающихъ на пріиски этихъ КК° [3]).

Для ремонта пароходовъ устроено на р. Витимѣ на Воронцовской пристани (почти на полъ пути отъ села Витимскаго къ Бодайбо) механическое заведеніе съ разными необходимыми станками, приводимыми въ дѣйствіе двумя паровыми машинами. Это въ то же время зимняя резиденція управленія К° Ленско-Витимскаго пароходства Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова; здѣсь расположены помѣщенія для служащихъ и рабочихъ, разсчитанныя на 500 душъ, больница съ аптекою и церковь. Съ 1887 г. на Воронцовской пристани сдѣланы существенныя улучшенія: выстроены новыя помѣщенія для служащихъ, а также для мастеровыхъ и рабочихъ съ кухнею, хлѣбопекарня, бани съ прачешной и наконецъ новая больница [4]).

---

[1]) То же въ договорѣ Бодайбинской К° 1880 г.

[2]) Олекминскій горный исправникъ Винниковъ въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ имъ въ 1874 г., предлагалъ установить такое правило, что рабочіе ни подъ какимъ видомъ не должны были являться на промыслы или резиденціи раньше опредѣленнаго срока, „и промысловое управленіе самовольно явившихся раньше имѣетъ право даже не принимать въ свое помѣщеніе до наступленія срока". Но якутскій губернаторъ нашелъ такое правило стѣснительнымъ для рабочихъ, такъ какъ въ тайгѣ они нигдѣ не могутъ найти пріюта, кромѣ пріисковъ. Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2636 № 218—16, л. 38, 40.

[3]) Описаніе Бодайбинской резиденціи см. „Сибирь" 1887 г. № 8, стр. 13; описаніе Мачинскихъ резиденцій см. *Аврамовъ*. „Золот. Олекма", стр. 16—20, 27.

[4]) „Памят. книжка Якут. Обл. на 1891 г.", стр. 122—128.

Въ 1891 г., по пути на промыслы Олекминскаго округа, я останавливался на Воронцовской пристани, осмотрѣлъ мастерскія, казармы рабочихъ, хорошо устроенную больницу, кухню для рабочихъ, „амбаръ", откуда отпускаются имъ въ счетъ заработка припасы и товары. Казармы очень свѣтлыя и довольно обширныя; печи лучше обыкновенныхъ: не желѣзныя, а каменныя, по одной на два прилегающихъ другъ къ другу помѣщенія. Въ казармѣ для холостыхъ обыкновенно помѣщали одного семейнаго, при чемъ на женщину возлагалась обязанность наблюдать за чистотой и мыть полы разъ въ недѣлю. Для семейныхъ рабочихъ были и особыя казармы. Зимою, какъ мнѣ сказали, здѣсь жило до 200 рабочихъ, но лѣтомъ они обыкновенно находились въ отлучкѣ—плавали на пароходахъ и баржахъ. Кухня свѣтлая и чистая, хлѣбопекарня также, но хлѣбопеки жаловались на страшное обиліе прусаковъ. Хлѣбъ замѣчательно вкусный и прекрасно пропеченный (полагалось по 4 ф. на человѣка, такіе 4-хъ-фунтовые хлѣбы и пекли); мясо было свѣжее, но показалось мнѣ неважнымъ, похлебка не дурная. Рабочіе начинали работать въ 5 часовъ утра. Въ 7 ч. они пили кирпичный чай; его полагалось по полъ кирпича на человѣка въ мѣсяцъ, но онъ варился въ общемъ котлѣ и его могли брать цѣлый день. Обѣдъ и ужинъ состоялъ только изъ одной похлебки (мясо $1^1/_2$ ф. въ день на человѣка), по праздникамъ же давали жареную говядину; въ Пасху выдавали яйца. Остающійся хлѣбъ рабочіе иногда промѣнивали на молоко; нѣкоторые содержали свой скотъ, покупая для него сѣно. Оканчивалась работа лѣтомъ въ 8 ч. Такъ какъ на два чая и обѣдъ полагалось $2^1/_2$ ч., то, слѣдовательно, лѣтній рабочій день продолжался $12^1/_2$ часовъ. Осенью работа оканчивалась въ 7 ч., зимою въ 6 ч., но тогда на обѣдъ давали $1—1^1/_2$ часа. Въ амбарѣ, откуда отпускали рабочимъ припасы и товары въ счетъ заработка, 1 ф. сахару по таксѣ стоилъ 30 коп., тогда какъ у Асташева въ южно-енисейской тайгѣ — 50 к. Видѣлъ нѣсколько разсчетныхъ листовъ, и тутъ оказались замѣчательно малые задатки: 5—20 руб. Чернорабочіе получали мѣсячное жалованье: лѣтомъ по 18 руб., зимою по 12 руб.

Воронцовская пристань, вслѣдствіе своего уединеннаго положенія и суровыхъ климатическихъ условій, представляетъ мѣсто, мало соблазнительное для жизни, несмотря на сравнительно значительные оклады служащихъ. Управляющій пристанью и капитанъ парохода жаловались мнѣ на отсутствіе здѣсь школы или по крайней мѣрѣ учителя: некому учить не только дѣтей рабочихъ, но и дѣтей служащихъ. Случалось нанимать учителей изъ поселенцевъ, но они пьянствуютъ и мало занимаются съ дѣтьми.

Лѣтомъ отъ Витима до Бодайбо и обратно сообщеніе производится на пароходахъ; для остановки проѣзжающихъ и рабочихъ въ

зимнее время устроены какъ по этой дорогѣ, такъ и по пути на пріиски отъ Мачинскихъ резиденцій зимовья. На берегу Витима зимовья эти состоятъ изъ домика для проѣзжающихъ и служащихъ, амбара съ сухарями, фуражемъ и т. п., конюшни, казармы для конюховъ и зимовья для проходящихъ рабочихъ. Проходитъ съ промысловъ на Виску не мало рабочихъ изъ числа разсчитанныхъ по требованію властей, по болѣзни и семейнымъ обстоятельствамъ, а главное разсчитанныхъ промысловыми управленіями за разныя провинности. Они тащатся пѣшкомъ, соединяясь въ группы изъ 3 — 10 человѣкъ, и бо́льшею частью несутъ свой багажъ на спинѣ въ мѣшкахъ, еле-еле вытаскивая ноги изъ глубокаго снѣга, едва успѣвая доплестись къ концу дня до слѣдующаго зимовья [1]); на пріискахъ они снабжаются открытымъ предписаніемъ объ отпускѣ имъ сухарей [2]). Содержаніе зимовьевъ распредѣляется между отдѣльными компаніями [3]).

До развитія пріисковъ въ Витимской системѣ вся доставка припасовъ на пріиски Олекминскаго округа дѣлалась черезъ Мачу, гдѣ также устроены склады. Въ настоящее время мачинскій путь отъ резиденціи до олекминскихъ промысловъ крайне запущенъ и еще въ началѣ 80-хъ гг. былъ не безопасенъ даже для верховой ѣзды. Главные промысла въ Олекминской системѣ отстоятъ отъ мачинскихъ резиденцій и отъ Нохтуйскаго селенія на 350 верстъ. На этомъ разстояніи только въ зимнее время существуетъ удобная экипажная дорога съ зимовьями черезъ каждыя 30 верстъ, лѣтомъ же сообщеніе производится верхомъ, и грузъ перевозятъ вьюками; только на разстояніи 70-ти верстъ отъ Мачи существуетъ телѣжный путь. Отъ Бодайбо есть удобная телѣжная дорога до Тихонозадонскаго пріиска Ленскаго Т-ва [4]). Исправленіе дорогъ лежитъ на обязанности компаній, которыя на общемъ собраніи постановляютъ, сколько рабочихъ и въ какое время должна поставить съ этою цѣлью каждая компанія. Между Бодайбинскою резиденціею и пріисками К° Промышленности теперь проводится желѣзная дорога на протяженіи болѣе 40 верстъ.

Я уже говорилъ о медицинскомъ освидѣтельствованіи рабочихъ при наймѣ въ Бодайбинской резиденціи К° Промышленности; объ этихъ медицинскихъ осмотрахъ упоминается и во многихъ контрактахъ съ

---

[1]) Зимовья по этому пути находятся на разстояніи 30 верстъ одно отъ другого. Нанимать подводы немыслимо: это стоитъ страшно дорого—20 коп. за версту съ лошади. „Восточ. Обозр.“, 1893 г. № 26, стр. 7.

[2]) „Сибирь“ 1887 г. № 24, стр. 11.

[3]) Ср. *Розановъ*: „Сводъ дѣйств. узак. о част. золот.“, изд. 2, стр. 26.

[4]) „Прилож. I къ вып. I-му Сборн. оффиц. докум. по управл. Вост. Сиб.“, т. VII, отчетъ о частн. золот. въ округахъ Олекминскомъ и Витимскомъ за 1883 г., стр. 31—33; „Памят. Книж. Якут. Обл. на 1891 г.“, стр. 120—122.

рабочими. Въ договорѣ К° Промышленности 1887 г. сказано, что на пристани Виска или по прибытіи на промысла рабочіе обоего пола подвергаются „полному медицинскому освидѣтельствованію, и оказавшіеся заболѣвшими въ пути отъ простуды и другими болѣзнями лѣчатся и содержатся на счетъ К°. Лица же, по освидѣтельствованіи пріисковымъ врачемъ или фельдшеромъ, оказавшіяся, по случаю хроническихъ и сифилитическихъ болѣзней, неспособными къ работамъ горнымъ и нетерпимыми на промыслахъ по случаю переходныхъ и вредныхъ для здоровья другихъ болѣзней, обязаны немедленно съ промысловъ возвратиться въ жилыя мѣста за собственный счетъ и уплатить промысловому управленію всѣ забранныя ими при наймѣ и въ пути деньги". Въ нѣкоторыхъ контрактахъ съ наслѣдниками Трапезникова 70-хъ и 80-хъ гг. устанавливается также медицинское освидѣтельствованіе рабочихъ, прибывшихъ на резиденціи, при чемъ оказавшіеся больными должны были лѣчиться и содержаться на счетъ К°, кромѣ зараженныхъ сифилисомъ, которые должны лѣчиться и продовольствоваться въ счетъ своего заработка. Въ другихъ контрактахъ съ Трапезниковыми того же времени сказано, что оказавшихся больными К° въ правѣ не принять, а заболѣвшіе послѣ подписанія условія лѣчатся на счетъ К°, кромѣ зараженныхъ сифилисомъ. Въ договорѣ съ Ленскимъ Товариществомъ 1883 г. также установленъ медицинскій осмотръ рабочихъ обоего пола при вступленіи ихъ на промысла.

За неявку на пріиски въ срокъ въ контрактахъ обыкновенно устанавливается обязательство отработать просроченное время послѣ 10-го сентября, а за опозданіе на сборный пунктъ или промедленіе на пути назначался денежный вычетъ или также отработка просроченнаго времени. По контракту К° Промышленности 1874 г. за опозданіе на сборный пунктъ безъ уважительныхъ причинъ полагался вычетъ въ размѣрѣ 1 р. 20 коп. за каждый день или отработка просроченнаго времени. По договору съ К° Арендаторовъ за промедленіе на пути на промысла съ Мачинской резиденціи назначенъ вычетъ по 1 р. за каждый просроченный день, а вообще въ случаѣ поздней явки устанавливалась отработка просроченныхъ дней. По договорамъ съ Плетюхинымъ 1886 и 1889 гг. рабочіе въ случаѣ явки на Качугскую пристань позже 1-го мая должны были платить штрафъ въ размѣрѣ 3 р. за каждый просроченный день.

Изъ числа рабочихъ, *нанятыхъ внѣ пріисковъ*, не явилось на промыслы Олекминскаго округа въ 1873 г.—6,6%, въ 1874 г.—6,5%, въ 1875 г.—9%, въ 1876 г.—9,4%, въ 1877 г.—5,6%, въ 1878 г.—4,5%, въ 1879 г.—3%; въ 1880 г. въ Олекминской системѣ не явилось 2,4%, въ Витимской—10%, а во всемъ округѣ почти 6%; въ 1881 г. въ Олекминской системѣ—3%, въ Витимской—7%, а во всемъ Олекминскомъ округѣ 4,5%; въ 1882 г. въ Олекминской—0,8%, въ

Витимской—3,4%, а во всемъ округѣ—1,4%. Если же взять на основаніи тѣхъ же данныхъ все количество рабочихъ м. п., *нанятыхъ какъ внѣ, такъ и на самыхъ промыслахъ*, то число неявившихся будетъ во всемъ Олекминскомъ округѣ въ 1880 и 1881 г. 1,7%, въ 1882 г.—0,6% [1]). На основаніи данныхъ о числѣ рабочихъ об. п. по отчетамъ о частной золотопромышленности, присылаемымъ въ горный департаментъ, процентъ неявившихся пріисковыхъ рабочихъ Олекминскаго округа будетъ еще менѣе: въ 1879 г. изъ всего числа нанятыхъ рабочихъ не явилось 2,3%, въ 1880 г.—1,4%, въ 1881 г.—1,6%, въ 1882 г.—0,6%, въ 1883 г.—0,7%, въ 1884 г.—0,8%, въ 1885 г.—0,7% [2]). Слѣдовательно, если въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ бумагахъ первой половины 80-хъ гг. говорится о 7—10% неявившихся рабочихъ олекминскихъ промысловъ, то тутъ имѣются въ виду данныя второй половины 70-хъ гг. относительно неявившихся изъ числа нанятыхъ *внѣ* пріисковъ.

Рабочіе, какъ и въ другихъ округахъ, нанимались здѣсь или на всѣ работы [3]),—такъ наз. общеконтрактные, или для исполненія какихъ нибудь спеціальныхъ обязанностей: плотника, кузнеца, конюха и т. п.; въ Енисейскомъ округѣ мы нашли очень много контрактовъ съ отрядными рабочими на вскрышу торфа; въ Олекминскомъ округѣ намъ не случилось встрѣтить ни одного такого контракта. Во всякомъ случаѣ отрядныхъ рабочихъ, нанимающихся на вскрытіе торфа, было въ Олекминскомъ округѣ гораздо менѣе, такъ какъ въ этомъ округѣ очень распространены шахтовыя работы, тогда какъ въ енисейской тайгѣ золотоносный песокъ гораздо чаще добывается изъ открытыхъ разрѣзовъ. Свидѣтельствуются контракты по мѣсту наемки [4]). Мы встрѣтили впрочемъ контракты, подписанные рабочими, но вовсе не засвидѣтельствованные.

Какъ мѣстная, такъ и высшая сибирская администрація обращала иногда вниманіе на то, что контракты плохо гарантируютъ интересы рабочихъ. Въ 1872 г. въ донесеніи олекминскаго горнаго исправника Лукьянова сказано: контракты, „по общему сознанію, требуютъ измѣненія съ непремѣннымъ уравненіемъ, по возможности, правъ и обязанностей нанимателей и нанимающихся. Доселѣ права на сторонѣ капитала и силы, которые эксплоатируютъ трудъ. Не разъ приходилось мнѣ слышать, что если хозяинъ исполнилъ относительно рабочаго обѣщанное

---

[1]) „Прилож. I къ вып. 1-му Сборн. глав. оффиц. докум. по управл. Вост. Сиб.“, т. VII, отчетъ горн. отд. Главн. Упр. Вост. Сиб. за 1882 г., прилож. 3.

[2]) Арх. Горн. Департ.; Енис. Губ. Вѣд. 1880 г. № 24, „Горн. Жур.“ 1882 г. № 9, стр. 371. „Прил. I къ вып. 1 сбор. оффиц. докум. Вост. Сиб.“, т. VII, отч. горн. отд. за 1882 г., стр. 9, Арх. Ирк. Горн. Упр., К. 2772, № 135—124, лист. 180.

[3]) Въ нѣкоторыхъ договорахъ—не исключая и уборки „всѣхъ нечистотъ“ (записка г-на Михайлова).

[4]) Напр., мы имѣемъ контракты, засвидѣтельствованные олекминскимъ горнымъ исправникомъ, якутскимъ окружн. исправникомъ, иркут. полицейскимъ управленіемъ и городовымъ маклеромъ, нотаріусомъ въ Перми и витимскимъ волостнымъ правленіемъ.

имъ“ (по контракту), „то послѣдній долженъ идти на работу, если бы пришлось ему и умереть на другой день“ [1]). Когда былъ поднятъ вопросъ о составленіи новыхъ правилъ о наймѣ рабочихъ, предсѣдательствующій въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Вост. Сибири ген.-лейт. Педашенко въ запискѣ 1885 г., представленной генералъ-губернатору, обратилъ вниманіе на контрактъ К° Промышленности Базанова и Сибирякова, „такъ какъ отъ этой К°, какъ самой богатѣйшей въ Восточной Сибири, должно ожидать наиболѣе согласованнаго съ законами контракта о наймѣ рабочихъ; однакожъ и изъ этого контракта видно слѣдующее: а) въ первомъ пунктѣ говорится: „нанялись мы нижеподписавшіеся для работъ на промыслы сказанной К°, находящіеся въ Олекминскомъ округѣ Якутской области по рѣчкамъ Накатами и др., и обязуемся явиться на сборное мѣсто, гдѣ таковое будетъ намъ назначено“;... б) въ третьемъ пунктѣ сказано: „всѣ вообще работы, въ чемъ бы онѣ ни состояли, обязуемся мы исполнять, гдѣ потребуетъ дѣло К°, на промыслахъ ли, резиденціяхъ, зимовьяхъ и пр. пунктахъ. На промыслахъ: вскрывать торфъ, добывать золотосодержащіе пески при открытыхъ и ортовыхъ работахъ, такъ равно отрядныя, старательскія и вообще пріисковыя поторжныя и горныя работы, однимъ словомъ, исполнять все безпрекословно и согласно назначенію приказчиковъ. На резиденціяхъ дѣланіе дамбъ, при нагрузкѣ и выгрузкѣ припасовъ и фуража, при вывозкѣ и переметкѣ сѣна, рубкѣ дровъ, ломкѣ барокъ и проч. работахъ, какія тамъ встрѣтиться могутъ, а также работъ... по зимовьямъ. Затѣмъ обязуемся быть въ развѣдочныхъ и разыскныхъ партіяхъ, если онѣ будутъ компаніей формированы“; в) наконецъ въ пятомъ пунктѣ перечислены самыя разнообразныя платы за работу различныхъ родовъ. „Такимъ образомъ“, продолжаетъ ген.-лейт. Педашенко, „оказывается, что на основаніи подобнаго контракта рабочій можетъ только знать съ увѣренностью, что онъ нанялся на промыслы К° Промышленности, находящейся въ Олекминскомъ округѣ, но на какомъ именно пріискѣ ему придется работать, какого рода работы онъ долженъ будетъ исполнять и какую плату получать за свой трудъ,—этого въ контрактѣ опредѣленно не выговорено, несмотря на то, что по указанію 1, 3 и 8 пп. 4 ст. правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы, въ условіи о наймѣ должны быть означены: пріискъ, на который рабочій нанимается, родъ работъ, для которыхъ онъ нанимается, и размѣръ наемной платы [2]). Понятно, что при такой неопредѣленности контракта рабочій становится „въ полную зависимость не только отъ золотопромышленника-

[1]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 462.

[2]) Нужно замѣтить, что и въ договорахъ другихъ компаній мы встрѣчаемъ такія же условія.

хозяина, но и отъ каждаго его приказчика, который, въ силу такого контракта, можетъ, по своему личному усмотрѣнію, перевести каждаго рабочаго на самыя невыгодныя работы. И такъ по первому же шагу при установленіи взаимныхъ отношеній нанимателя къ наемщику совершаются несправедливыя и несогласныя съ закономъ дѣйствія по отношенію къ послѣднему" [1]).

Весьма рѣшительно осуждаетъ также контракты олекминскихъ золотопромышленниковъ иркутскій генералъ-губернаторъ А. Д. Горемыкинъ въ замѣчаніяхъ (1893 г.) на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ: „Какъ я убѣдился лично при обзорѣ въ 1890 г. золотыхъ пріисковъ Олекминской и Витимской системъ", говоритъ онъ, „контракты заключались съ полнымъ нарушеніемъ интересовъ рабочихъ, создавая для нихъ, такъ сказать, кабальное положеніе. Обыкновенно составляется одинъ общій контрактъ для значительной массы рабочихъ, нанимающихся на одинъ или нѣсколько пріисковъ промышленника или К°, которымъ опредѣляется, что рабочіе обязуются безпрекословно исполнять всѣ работы, какія будутъ назначены пріисковымъ управленіемъ, быть въ полномъ повиновеніи этого управленія, увольненія и разсчета до истеченія контрактнаго срока не просить; пріисковому же управленію предоставляется полное право, во всякое время года, всѣхъ вмѣстѣ или каждаго порознь изъ нанявшихся передавать для работъ въ другія компаніи, или же вовсе отъ работъ увольнять, на что претензій и жалобъ рабочіе приносить не должны и объясненій о причинѣ разсчета требовать ни отъ кого права не имѣютъ... При заключеніи такого контракта рабочій, особенно нанимающійся въ первый разъ, не можетъ уяснить себѣ самыхъ главнѣйшихъ условій, какимъ онъ будетъ подчиняться въ продолженіе срока найма: онъ не можетъ составить точнаго представленія, какую долженъ отбывать работу, насколько та или другая работа соотвѣтствуетъ его физическимъ силамъ и на какой онъ можетъ разсчитывать заработокъ, ибо все это зависитъ отъ усмотрѣнія пріисковаго управленія, имѣющаго единственною цѣлью соблюдать только интересы промышленниковъ. Такими только кабальными отношеніями", продолжаетъ А. Д. Горемыкинъ, „можно объяснить часто повторяющіяся въ пріисковой сибирской жизни обоюдныя жалобы сторонъ, неповиновенія рабочихъ, перѣдко цѣлыми массами отказывающихся отъ работъ, и создающихъ такъ называемые бунты, а отсюда возникаетъ иногда необходимость высылать на пріиски воинскія команды и подвергать виновныхъ тяжкимъ уголовнымъ наказаніямъ" [2]).

---

[1]) Дѣло канц. Иркут. Горн. Упр. 1883 г. № 11, л. 56—58.

[2]) Дѣло отд. част. золот. Горн. Деп. съ проектомъ правилъ о наймѣ рабочихъ 1882 г. № 80.

Въ запискѣ иркутскаго генералъ-губернатора указано на право, предоставляемое контрактомъ пріисковымъ управленіямъ передавать рабочихъ на пріиски другихъ компаній. Дѣйствительно, такое условіе мы находимъ во всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактахъ Олекминскаго округа лишь съ небольшими варіантами. Въ договорѣ К° Промышленности 1870 г. ей предоставляется это право, но съ тѣмъ, чтобы рабочіе были переданы на тѣхъ же основаніяхъ, какія устанавливались этимъ договоромъ. Въ договорахъ той же компаніи 1878 и 1883 гг. это условіе выражено нѣсколько подробнѣе: „Если управленіе найдетъ нужнымъ передать кого либо изъ насъ или всѣхъ, по излишеству нанятыхъ для работъ или по невыгодности промысловъ, къ работамъ въ другія К°, но только въ здѣшней Олекминской системѣ, то мы не должны въ томъ спорить и обязуемся перейти безотговорочно и исполнять работы и у другихъ владѣльцевъ также съ должнымъ стараніемъ, но получать плату и содержаніе согласно сего контракта“ [1]). Сравнительно съ этимъ договоръ К° Промышленности и Прибрежно-Витемской 1887 г. представляетъ ухудшеніе, такъ какъ онъ устанавливаетъ лишь сохраненіе обязанностей рабочихъ, не упоминая объ обязанностяхъ К° [2]). По договору съ Ленскимъ Т-вомъ 1883 г. рабочіе „въ случаѣ миновація надобности“ въ ихъ трудѣ обязывались „поступить на изложенныхъ въ этомъ контрактѣ условіяхъ въ дѣла другихъ КК°“, и отказаться отъ этого они могли только внеся Т-ву свой долгъ [3]). На крайнюю несправедливость пріисковыхъ контрактовъ печать указывала еще съ самаго начала 60-хъ годовъ.

Наряду съ упоминаніемъ о правѣ К° передавать рабочихъ другимъ золотопромышленникамъ всегда устанавливается и право пріисковаго управленія разсчитать рабочихъ, когда ему вздумается, между тѣмъ какъ рабочіе обязаны непремѣнно оставаться до окончанія срока найма. По договору К° Промышленности 1870 г., если бы рабочіе „почему либо оказались безполезными (!) для пріиска“, то промысловое управленіе въ правѣ уволить ихъ „во всякое время съ отнесеніемъ на счетъ“ ихъ „убытковъ, какія отъ того произойти могутъ“. Въ договорахъ 1874, 78 и 83 гг. той же К° управленію предоставлялось право всегда разсчитать рабочаго „за какіе либо проступки или по неспособности его къ работамъ“. Право это К° сохранила и по договору 1887 г., и въ немъ упоминается о разсчитываніи ранѣе срока „за неблагонадежность, неспособность, пьянство, грубость, лѣность и другіе предосудительные поступки“. Въ договорахъ 1890—91 гг. Ленскаго Т-ва управленію пре-

---

[1]) То же въ договорахъ Бодайбинской К° 1880, 83 и 84 гг.

[2]) То же въ договорѣ Бодайбинской К° 1890 г.

[3]) Сходно съ этимъ и въ договорахъ той же К° 1890—91 гг.

доставлялось право разсчитать рабочихъ даже въ случаѣ сокращенія работъ на какомъ-либо пріискѣ. Въ договорѣ съ Трапезниковыми 70-хъ гг. управленіе могло разсчитать рабочихъ, признанныхъ неспособными „по свидѣтельству медика", а также за пьянство, грубости, лѣность и предосудительные поступки; въ случаѣ же увольненія рабочихъ съ пріисковъ „по недостатку припасовъ или по случаю прекращенія работъ", Трапезниковы обязывались со дня разсчета по 10-е сентября заплатить рабочимъ по 20 к. въ день и выдать безвозмездно „продовольственные листы" для обратнаго пути по ленскому тракту [1]). Рабочіе, разсчитанные до срока, обыкновенно имѣли по крайней мѣрѣ право немедленно получить свой заработокъ, о чемъ и упоминалось въ нѣкоторыхъ договорахъ. Но по контракту Аканакъ-Накатаминскаго Т-ва 1886 г. рабочіе не имѣли права требовать денегъ, числящихся за конторою „впредь до общаго разсчета 10-го сентября, *хотя бы и были ранѣе этого разсчитаны*", и до 10-го сентября должны были довольствоваться квитанціями. Это очевидно лишало ихъ возможности оставить пріисковый раіонъ, а между тѣмъ разсчитанныхъ рабочихъ исправники выдворяли съ промысловъ. Не понимаемъ, какъ примирялись эти противорѣчія, и еще болѣе — какъ могли свидѣтельствовать подобные договоры.

Г. Калагеорги въ запискѣ 1882 г. говоритъ: „Самый ретивый и хорошій работникъ не гарантированъ отъ произвольнаго увольненія; оказанное имъ неуваженіе кому либо изъ служащихъ въ управленіи лицъ можетъ послужить поводомъ къ обвиненію его въ дерзости, а затѣмъ къ увольненію съ пріиска. Другой причиной увольненія служитъ являющаяся иногда необходимость сокращенія работъ вслѣдствіе ошибочно составленной смѣты или по недостатку припасовъ. Въ этихъ случаяхъ золотопромышленники обязаны на основаніи контракта передать рабочихъ на другіе пріиски съ сохраненіемъ обоюдныхъ условій. Но исполненіе этихъ обязательствъ зависитъ единственно отъ доброй воли владѣльца пріиска; при затрудненіи передачи рабочихъ другому лицу, ничто ему не мѣшаетъ уволить въ одну недѣлю по-одиночкѣ необходимое число людей; предлогъ найти нетрудно. Хорошо, если уволенные неожиданно рабочіе найдутъ себѣ работу на другомъ пріискѣ; въ противномъ же случаѣ пришедшіе иногда издалека должны возвращаться домой, потерпѣвъ значительные расходы и испытавъ много лишеній. Конечно нельзя лишить хозяина права уволить работника нерадиваго, неспособнаго или даже вреднаго для дѣла, но съ другой стороны необходимо оградить рабочаго отъ произвола хозяина" [2]).

---

[1]) Въ договорѣ съ Трапезниковыми 80-хъ гг. нѣтъ этого условія.

[2]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 62—64.

При генералъ-губернаторѣ Синельниковѣ въ началѣ 70-хъ гг. администрація требовала измѣненія нѣкоторыхъ невыгодныхъ для рабочихъ правилъ контрактовъ. Такъ олекминскій горный исправникъ въ циркулярѣ отъ 7-го августа 1872 г. указалъ на то, что „условія оканчивающихся операцій во многомъ не сходны съ Горнымъ Уставомъ, напр., въ нихъ введены калтайскія работы“ (т.-е. оканчиваніе другими рабочими несработанныхъ ихъ товарищами уроковъ) [1]) и „излишняя вывозка на машину или въ отвалъ извѣстнаго числа таратаекъ песковъ и торфовъ за баню“, между тѣмъ какъ послѣдняя, „при тяжести работъ, служитъ не столько средствомъ къ поддержанію чистоты, сколько лѣкарствомъ при простудѣ и боли въ спинѣ отъ натуги, и самое человѣколюбіе требуетъ, чтобы пользованіе ею рабочими было безвозмездно“ [2]).

Въ контрактѣ витимскаго золотопромышленника Плетюхина 1889 г. заключаются четыре совершенно несходныхъ одинъ съ другимъ договора, причемъ рабочіе обязываются исполнять тотъ изъ нихъ, какой будетъ угодно выбрать золотопромышленнику. Рабочіе или должны быть общеконтрактными и получать вознагражденіе за исполненіе урока, а ремесленники—поденную плату, или по усмотрѣнію хозяина обратиться въ старателей-золотничниковъ на своемъ или хозяйскомъ содержаніи, при чемъ Плетюхинъ могъ установить три разныхъ условія. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ рабочіе были вполнѣ беззащитны передъ золотопромышленникомъ. Подобные договоры были возможны потому, что не существовало никакого контроля надъ заключеніемъ контрактовъ золотопромышленниковъ съ рабочими. Такъ, напр., Плетюхинъ свидѣтельствовалъ контракты у иркутскаго городского маклера, гдѣ ихъ вписывали въ книгу, брали извѣстныя пошлины, — и договоръ получалъ законную силу. Между тѣмъ было время (50-ые, начало 60-хъ гг.), когда въ Олекминскомъ округѣ договоры присылались на разсмотрѣніе мѣстнаго исправника, и онъ понуждалъ золотопромышленниковъ измѣнять слишкомъ обременительныя для рабочихъ условія. Мы слышали отъ бывшаго окружного инженера Ленскаго горнаго округа, что вслѣдствіе волненія рабочихъ на промыслахъ Плетюхина въ 1893 году якутскій губернаторъ понудилъ его измѣнить контрактъ.

Въ 1874 г. исправляющій должность олекминскаго горнаго исправника Винниковъ вновь поднялъ вопросъ, занимавшій администрацію Восточной Сибири и въ 60-хъ гг., о составленіи нормальнаго контракта между золотопромышленниками и рабочими; но составленный имъ проектъ контракта былъ весьма неудовлетворителенъ и почти не гарантировалъ

[1]) Такія калтайскія работы устанавливались, напримѣръ, въ контрактѣ Ленскаго Т-ва начала 70-хъ гг. Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2544, № 48—103, л. 128.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126 — 71, л. 457, Арх. К° Приб.-Витим., дѣло 1873 г. № 454, л. 1.

интересы рабочихъ. Предложеніе Винникова встрѣтило возраженіе со стороны золотопромышленниковъ, указывавшихъ, что невозможно предусмотрѣть всѣ разнообразныя условія въ одномъ нормальномъ контрактѣ. Послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ въ этомъ направленіи (въ 60-хъ и 70-хъ гг.) наконецъ додумались до той справедливой мысли, что нуженъ не нормальный контрактъ, а законодательное регулированіе отношеній хозяевъ и рабочихъ, и что въ предѣлахъ постановленія закона золотопромышленникамъ необходимо предоставить право устанавливать условія по своему усмотрѣнію.

Слѣдуетъ замѣтить, что на промыслахъ можно встрѣтить и рабочихъ, нанятыхъ безъ всякихъ контрактовъ. Такъ изъ дѣла о безпорядкахъ на Благовѣщенскомъ пріискѣ К° Сибирякова и Базанова въ маѣ 1882 г. видно, что пріисковое управленіе имѣло въ числѣ другихъ рабочихъ 220 такихъ, съ которыми вовсе не были заключены контракты. Указывая на этотъ фактъ, генералъ-лейтенантъ Педашенко въ запискѣ 1885 г. напомнилъ, что это составляло прямое нарушеніе 3 ст. правилъ о наймѣ рабочихъ, предписывавшей заключеніе договоровъ не иначе, какъ явочнымъ порядкомъ. Чиновникъ особыхъ порученій Осташкинъ, производившій слѣдствіе по этому дѣлу (тотъ самый, который пріобрѣлъ вслѣдствіе печальную извѣстность знаменитой якутской исторіи), обратилъ вниманіе на то, что промысловое управленіе этой К° налагаетъ на рабочихъ безъ контракта, въ случаѣ ихъ уклоненія отъ работъ и другихъ проступковъ, такіе денежные штрафы, какіе установлены въ контрактѣ, хотя, не заключивъ его вовсе, оно не имѣло на то права.

На пріискахъ оказывались иной разъ безпаспортные рабочіе, но въ этомъ всего болѣе были повинны волостныя правленія, производившія чрезмѣрныя вымогательства. Г. Калагеорги въ своей запискѣ 1882 г. говоритъ: „накопленію долговъ рабочихъ способствуетъ эксплоатація ихъ волостными правленіями“; суммы, вносимыя рабочими на уплату податей, „доходятъ до баснословныхъ размѣровъ: въ 1880 г. за одного крестьянина было вытребовано въ три пріема 65 руб., и все-таки паспортъ не выслали; при выпискѣ паспорта другому было послано въ 1881 г. 25 руб., но волостное правленіе потребовало еще 53 руб. „безъ объясненія, по какому разсчету“; то же волостное правленіе, получивъ за другого крестьянина 30 руб., потребовало еще 82 руб. безъ всякихъ объясненій; за четвертаго было послано 25 руб., но волостное правленіе потребовало 98 руб. недоимки, несмотря на то, что уволило его по паспорту на годъ безъ всякой оговорки о недоимкѣ [1]). „Подобныхъ

[1]) Тѣ же жалобы см. въ дѣлѣ Арх. Промыш. 1881 г. № 1147. Наиболѣе обычными размѣрами податей и другихъ повинностей управленіе К° Промышленности считало: за поселенцевъ 3 — 8 руб., за крестьянъ изъ ссыльныхъ 10 — 15 руб., за крестьянъ-старожиловъ 20—50 р.

примѣровъ", продолжаетъ г. Калагеорги, „можно привести очень много; перечисленныя волостныя правленія не составляютъ исключенія, и произвольное требованіе съ рабочихъ денегъ на уплату податей и недоимокъ составляетъ явленіе обыкновенное. Рабочіе поставлены въ невозможность оспаривать эти требованія и вынуждены просить пріисковое управленіе выслать за нихъ просимую сумму, такъ какъ въ противномъ случаѣ они разсчитываются и увольняются, потому что пріисковыя управленія не имѣютъ права держать людей безъ паспорта. Кромѣ излишняго требованія денегъ, волостныя правленія отличаются крайнею неаккуратностью въ высылкѣ паспортовъ рабочимъ, переписка тянется очень долго, высылается иногда паспортъ всего на три мѣсяца; пока онъ получится, срокъ его уже прошелъ. Все это дѣлается съ цѣлью разнаго рода вымогательствъ" [1]). И въ настоящее время приходится иногда хлопотать о высылкѣ паспорта въ теченіе одного, полутора года или даже двухъ лѣтъ, а между тѣмъ рабочій за неимѣніемъ законнаго вида можетъ быть высланъ въ это время съ промысловъ [2]).

Климатъ въ Олекминской и Витимской системахъ крайне суровый, такъ какъ онѣ расположены между 57° и 60° сѣв. шир. и 115°—117° восточн. долг. По наблюденіямъ, произведеннымъ на Вознесенскомъ пріискѣ Трапезниковыхъ, съ 1856 по 66 г., температура съ 29 сентября по 9 мая, т.-е. въ теченіе 222 дней, стоитъ ниже 0; морозы бываютъ въ каждомъ мѣсяцѣ, даже въ іюлѣ; первый снѣгъ выпадаетъ обыкновенно въ сентябрѣ, съ 3 по 22 ч., но бываетъ также въ концѣ мая и даже въ іюнѣ. Средняя годовая температура была—5,7° Ц. На Благовѣщенскомъ пріискѣ, на р. Накатами, средняя годовая температура около — 6°. Понятно, что при такомъ климатѣ на извѣстной глубинѣ должна быть вѣчно мерзлая почва. Однако слой вѣчной мерзлоты не такъ великъ, какъ это можно было бы ожидать на основаніи теоретическихъ предположеній. Самыя глубокія шахты Успенскаго пріиска по Аканакъ-Накатами достигаютъ 85 метр., но и въ нихъ слой вѣчно мерзлой почвы не превышаетъ 40—50 метр., и нижняя часть торфовъ и золотоносный пластъ талые; въ менѣе глубокихъ шахтахъ вѣчная мерзлота сковываетъ не только торфъ и пластъ, но и почву, т.-е. коренныя породы, а въ другихъ такихъ же шахтахъ она далеко не доходитъ до пласта; въ нѣкоторыхъ шахтахъ вѣчно мерзлые слои чередуются съ талыми и даже, какъ говорятъ, есть шахты, гдѣ мерзлоты совсѣмъ не было [3]).

---

[1]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 55.

[2]) „Восточ. Обозр." 1896 г. № 70, стр. 2.

[3]) *Обручевъ.* „Геологич. изслѣд. Олекм.-Витим. горной страны и ея золотоносныхъ розсыпей". Иркут. 1891 г. (оттискъ изъ XXII т. „Извѣст. Восточ.-Сибир. Отд. Географ. Общ.)" стр. 62—63.

Въ виду весьма значительной толщины торфа на многихъ пріискахъ, доходящей на Успенскомъ пріискѣ К° Промышленности до 120 арш. (хотя есть и промыслы съ 1/2 до 4 арш. торфа) [1]), въ Олекминскомъ округѣ значительно распространены ортовыя и шахтовыя работы, а именно въ 1883 г. изъ 47 дѣйствовавшихъ промысловъ онѣ производились на 20 [2]).

Если бы вѣчная мерзлота встрѣчалась повсемѣстно, то проведеніе шахтъ было бы облегчено и удешевлено во много разъ. Шурфовка въ мерзлотѣ, производимая оттаиваніемъ дна шурфа раскладываемыми пожогами изъ дровъ и, по освѣженіи шурфа отъ угара, выемкой оттаявшей отъ пожога, на глубину нѣсколькихъ вершковъ, породы не представляютъ особенныхъ затрудненій, хотя и обходится дорого; но какъ бы дорого ни стоила шурфовка въ мерзлотѣ, она ничто въ сравненіи съ тѣми затратами, которыя приходится дѣлать предпринимателямъ при шурфовкѣ талыхъ мѣстностей, которая производится зимой поочереднымъ промораживаніемъ и оттаиваніемъ шурфовъ, при чемъ весьма часто шурфъ протаиваетъ гдѣ нибудь больше, чѣмъ слѣдуетъ, и заливается водою [3]). Напротивъ, при добычѣ песковъ работы идутъ быстрѣе тамъ, гдѣ не приходится предварительно оттаивать землю. Вотъ какъ описываютъ этотъ послѣдній процессъ при подземныхъ работахъ: „Разрабатываемый золотосодержащій пластъ земли каждую ночь оттаивается посредствомъ пожога. Пожогъ этотъ устраивается такъ: на стѣнѣ, предназначаемой къ оттаиванію, кладется сухое смолистое дерево, которое и поджигается. Когда нѣсколько разгорится пожогъ, то его засыпаютъ гашеными углями, загораживаютъ прислоненными къ забою желѣзными листами или рѣшетками во всю ширину забоя, „и въ такомъ видѣ оставляется шахта до утра, съ открытымъ люкомъ, черезъ который проходитъ дымъ“. Но входъ въ шахты запираютъ рѣшетками, чтобы кто либо изъ рабочихъ, съ цѣлью увеличенія заработка, не вздумалъ спуститься въ шахту и подбавить углей къ забою, чтобы побольше протаяло, что́ нерѣдко и случалось и оканчивалось большею частью смертью угорѣвшихъ рабочихъ. Такимъ образомъ приготовляется талая земля для разработки на каждый день. Система эта вредно дѣйствуетъ на рабочихъ. Развивающіеся отъ пожога газы дѣйствуютъ разрушительно на дыхательные органы рабочихъ, и они всегда страдаютъ ма-

[1]) „Сборн. стат. свѣд. о горн. завод. производ. Россіи за 1891 г.“ СПБ. 1893 г., стр. 110—117.

[2]) „Прилож. I къ вып. 1 Сборн. главн. оффиц. докум. по упр. Восточ. Сиб.“ т. VII, отчетъ М. Шестакова о частн. золот. промыслахъ въ округахъ Олекминскомъ и Витимскомъ за 1883 г.“, стр. 17.

[3]) *Аврамовъ*. „Очеркъ золотопром. Олекмы“, 55—58. Объ усовершенствованіяхъ въ шурфовкѣ въ Ленскомъ Т-вѣ см. „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., стр. 210.

локоровіемъ, одышкой и головными болями. Пески изъ шахтъ поднимаются машиной въ желѣзныхъ или деревянныхъ окованныхъ желѣзомъ бадьяхъ, вмѣщающихъ до 100 пуд. песку [1]).

Несмотря на богатство многихъ олекминскихъ промысловъ, техника золотопромышленности очень мало подвинулась впередъ. Отвозка въ отвалъ добытыхъ торфовъ, доставка золотосодержащихъ песковъ на промывальныя машины и отвозка эфеля и гальки въ 70-хъ годахъ производилась просто на лошадяхъ въ полукруглыхъ таратайкахъ, вмѣщавшихъ до 30 пуд. песку. Только въ 1880 г. на Благовѣщенскомъ пріискѣ К° Сибирякова съ этою цѣлью была впервые устроена конножелѣзная дорога съ деревянными вагонами, вмѣщающими 80—100 п. Способъ этотъ примѣнили Бодайбинская К° и нѣкоторыя другія. Затѣмъ на томъ же Благовѣщенскомъ пріискѣ и на Прокопьевскомъ пріискѣ Бодайбинской К° былъ устроенъ подъемъ и отвозка торфа, песковъ и гальки по рельсамъ цѣпными канатами [2]). На Ивановскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К° я видѣлъ, какъ силою воды вагоны съ галькою поднимаются по наклонной плоскости вверхъ и затѣмъ бѣгутъ внизъ полукругомъ также по наклонной плоскости; въ извѣстномъ мѣстѣ особыми задержками по пути автоматически открываются боковыя спинки вагона, и галька вываливается, а разбѣжавшійся вагонъ задерживается особымъ рабочимъ посредствомъ рычага, придавливающаго вагонъ къ рельсамъ. На нѣкоторыхъ промыслахъ употребляются паровики для откачиванія воды изъ шахтъ и разрѣзовъ. При горныхъ работахъ для удаленія камней употребляются взрывчатыя вещества: порохъ, динамитъ, гремучій студень, гераклинъ, электрическіе запалы и проч. [3]) На Тихонозадонскомъ пріискѣ Ленскаго Т-ва въ 1889 г. производились опыты примѣненія гидравлическаго способа, который показали и мнѣ въ 1891 г. Разрушеніе цѣлика брызгаломъ производится замѣчательно быстро, но не удается передвигать такимъ образомъ къ зумпфу всѣ тяжелые камни. Горный инженеръ Шостакъ, устраивавшій здѣсь элеваторъ, передвигалъ ихъ дополнительнымъ брызгаломъ. Посредствомъ инжектора вода съ галькою и эфелями всасывалась на верхъ въ трубу, и тамъ было устроено въ одномъ мѣстѣ раздѣленіе: золото съ мелкими камешками падало внизъ и задерживалось на наклонной плоскости, какъ и въ обычныхъ золотопромывальныхъ машинахъ, а галька уносилась далѣе и должна была бы силою воды выбрасываться на галечный отвалъ. Примѣненіе этого способа пока не увѣнчалось успѣхомъ [4]).

---

[1]) „Сибирь“ 1878 г., № 9, стр. 6; *Аврамовъ*, стр. 69.

[2]) Отчетъ Шестакова, стр. 18; отчетъ Ирк. Гор. Упр. за 1889 г. въ Горн. Департ.

[3]) „Памят. Книж. Якут. Обл. на 1891 г.“, стр. 101, 119, 120.

[4]) Описаніе гидравлическаго способа сдѣлано г. Шостакомъ въ особой книгѣ.

Толщина золотосодержащаго пласта въ Олекминскомъ округѣ колеблется между 3 и 5 аршинами [1]). Среднее содержаніе золота въ 100 п. песку равнялось въ 60-хъ гг.—1 з. 36 д., въ 70-хъ гг. (1870, 76—79 гг.)—3 з. 69 д. и въ 80-хъ гг.—2 з. 77 д. [2]). Сообразно съ наиболѣе богатымъ содержаніемъ золота въ 70-хъ гг., въ это время добывалось и наибольшее количество золота. Въ 50-хъ гг. (1851—59 гг.) добывалось въ среднемъ по 97 п. въ годъ, въ 60-хъ по 270 п., въ 70-хъ по 703 п. и въ 80-хъ по 622 п. [3]).

Естественныя условія Олекминскаго округа — толщина торфовъ, отдаленность отъ торговыхъ центровъ и проч.—привели къ тому, что здѣсь развилась преимущественно крупная золотопромышленность. Въ 60-хъ гг., при общемъ измельчаніи золотопромышленности въ Сибири, въ Олекминскомъ округѣ все же приходилось среднимъ числомъ за это десятилѣтіе по 140 человѣкъ на пріискъ. То же было и въ 70-хъ гг., а именно въ среднемъ за 8 лѣтъ (1870, 73 — 79 гг.) приходилось на одинъ пріискъ по 167 чел. рабочихъ, а въ 80-хъ гг. началось и здѣсь измельчаніе промысловъ, а именно въ среднемъ за десять лѣтъ приходилось на одинъ пріискъ всего по 91 чел., т.-е. почти вдвое менѣе, чѣмъ въ 70-хъ гг. (мы беремъ во всѣхъ этихъ случаяхъ данныя горнаго вѣдомства, т.-е. число рабочихъ по разсчету на одинъ годъ [4]).

Въ 70-хъ годахъ, по даннымъ горнаго вѣдомства, на промыслахъ Олекминскаго округа въ среднемъ за 10 лѣтъ было 6,700 рабочихъ, въ 80-хъ—5,808, въ 90-хъ (1890—94)—7,125. Количество дѣйствительныхъ рабочихъ обоего пола было въ 80-хъ гг. minimum 10,543 ч. (въ 1881 г.), maximum 13,166 (въ 1889 г.), а въ среднемъ за девять лѣтъ — 11,627 ч. [5]).

На сибирскихъ промыслахъ принято опредѣлять стоимость производства, раздѣляя всѣ расходы на число годовыхъ рабочихъ; поэтому, встрѣчая выраженіе „стоимость годового рабочаго“, слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ не стоимость содержанія рабочаго вмѣстѣ съ его рабочею платою, а частное отъ раздѣленія всѣхъ расходовъ въ данномъ

О нѣкоторыхъ новѣйшихъ техническихъ улучшеніяхъ на промыслахъ Олекм. округа см. „Вѣст. Золот.“ 1895 г., стр. 276, 1896 г. стр. 210, 350, 352, 1897 г. стр. 82.

[1]) „Сборн. свѣд. по горнозав. произв. Россіи на 1891 г.“.

[2]) Но на нѣкоторыхъ промыслахъ содержаніе золота доходитъ до 5—10 зол. См. „Памятная книжка Якут. обл. на 1891 г.“, стр. 100.

[3]) См. табл. Карпинскаго въ „Трудахъ Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1890 г., т. XXI, № 4 и мои таблицы въ прил. къ I и II томамъ этой книги.

[4]) Въ 60-хъ гг. было промыто въ среднемъ за все десятилѣтіе по 16527 п. песковъ въ годъ на одного рабочаго, въ 70-хъ гг. въ среднемъ за 8 лѣтъ (1870, 73—79 гг.) по 11700 п., въ 80-хъ гг. въ среднемъ за 10 лѣтъ по 14140 п. на одного годового рабочаго.

[5]) См. *Дополненіе I.*

году на одного годового рабочаго. Такъ, напр., въ 1882 г. „стоимость годового рабочаго" на разныхъ промыслахъ Олекминскаго округа колебалась между 927 и 1,839 руб. (послѣдняя цифра въ К° Трапезникова), въ среднемъ же изъ 14 имѣющихся данныхъ — 1,334 р.; на Успенскомъ и Благовѣщенскомъ пріискахъ К° Промышленности и Прибрежно-Витимской около 1,470 р., въ Бодайбинской К°—1,054 р., въ К° Плетюхина 1,200 р., въ К° Базилевскаго 1,770 р., въ Ленскомъ Т-вѣ — 1,500 р. [1]), т.-е. сравнительно съ другими системами стоимость производства очень велика, что объясняется естественными условіями этой мѣстности. Въ 1887—89 гг. въ среднемъ за три года стоимость годового рабочаго равнялась въ К° Промышленности—1,747 р., въ Бодайбинской К°—1,562 р., въ К° Базилевскаго—1,450 р., въ Ленскомъ Т-вѣ 1,890 р. [2]), т.-е. только у Базилевскаго уменьшилась сравнительно съ 1882 г., а въ остальныхъ трехъ увеличилась. Вообще на промыслахъ Олекминскаго округа, по словамъ г. Михайлова, стоимость годового рабочаго колебалась въ концѣ 80-хъ гг. между 1,300 и 1,800 р. Бывшій начальникъ Иркутскаго Горнаго Управленія справедливо указалъ на то, что система эта не даетъ никакого понятія о сравнительной доходности разныхъ промысловъ, и полагаетъ, что „такая расцѣнка дѣлается съ умысломъ затемнить дѣло, что очень на руку управляющему при отчетности предъ своими хозяевами". Г. Карпинскій замѣчаетъ при этомъ, что, „разлагая расходы на число рабочихъ, они опредѣляютъ его стоимость крайне преувеличенно" [3]).

Одинъ мѣстный наблюдатель въ 1881 г. писалъ, что нѣкоторыя, болѣе крупныя К° Олекминской системы „дають *больше*, чѣмъ *рубль на рубль*, но онѣ кажутся бѣдными въ сравненіи съ пріисками К° Базанова, Нѣмчинова и Сибирякова Витимской системы по рр. Накатами и Аканаку, впадающимъ въ Бодайбо" [4]). По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ отчетовъ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской Базанова, Нѣмчинова и Сибирякова, пріиски этихъ компаній дали въ 1880 г. — 106%, въ 1882 г. — 86% и въ 1890 г. — 28% чистаго дохода, а въ среднемъ за 14 лѣтъ около 58%.

Во время путешествія иркутскаго генералъ-губернатора на пріиски Олекминскаго округа были собраны свѣдѣнія за три года (1887—89) относительно доходности нѣсколькихъ компаній. По *собственнымъ показаніямъ* пріисковыхъ управленій, К° Базилевскаго имѣла въ среднемъ

---

[1]) „Прилож. I къ вып. I-му Сборн. главн. док. по управ. Вост. Сиб." т. VII, отчетъ Шестакова о золот. въ Олекминск. и Витимск. окр. за 1883 г., стр. 23.

[2]) Записка К. П. Михайлова.

[3]) „Извѣст. Вост.-Сиб. отд. Геогр. Общ." 1886 г. т. XVII, № 3—4.

[4]) *Маліевъ*. „Нѣсколько словъ о золотыхъ промыслахъ въ Олекмин. округѣ Якут. обл.". „Сборн. сочин. по судебн. медиц." 1881 г. т. III, стр 102.

за эти 3 года 33% чистаго дохода, К° Промышленности и Прибрежно-Витимская 23% [1]), Демидовой 17,6%, Ленское Т-во 13%, Яково-Николаевское Т-во и Бодайбинская К° потерпѣли убытки. Послѣдняя К° понесла убытка болѣе полутора милліона рублей, а если къ этому прибавить, что первоначально было употреблено въ дѣло капитала 2.000,000 р., то проникшій въ печать слухъ о грозившей ей несостоятельности на 4 милліона, не представлялъ ничего неправдопододнаго. Однако К° нашла поддержку у одного крупнаго кяхтинскаго капиталиста и продолжала вести дѣло въ надеждѣ на лучшее будущее. Надежда эта не обманула ее, и въ операціонный 1893—94 г. дивидендъ дошелъ почти до полу-милліона. Ленское Т-во нѣсколько лѣтъ тому назадъ давало доходъ въ 1 милліонъ руб. Дѣло Базилевскаго прежде давало огромные доходы, но въ послѣдніе годы работы почти не производились. Дѣла Липаевыхъ и Патушинскаго въ Витимской системѣ и Демидовой въ Олекминской, а также нѣкоторые мелкіе пріиски даютъ несомнѣнный доходъ, прочіе же пріиски, если вѣрить мѣстному наблюдателю, „по скольку они разработываютъ свое золото, приносятъ убытокъ, и если нѣкоторые процвѣтаютъ, то исключительно благодаря побочнымъ доходамъ, главнымъ образомъ торговлѣ“ (т.-е. пріисковымъ лавкамъ, гдѣ рабочіе закупаютъ припасы и товары) „и скупу золота со стороны... Въ Олекминской системѣ мелкіе пріиски поставлены повидимому лучше... потому что тамъ въ большей мѣрѣ распространена система разработки старателями, не требующая никакихъ почти накладныхъ расходовъ... Но здѣсь уже на первый планъ выступаетъ не золото, а барышъ отъ припасовъ и товаровъ, отпускаемыхъ старателямъ“ [2]).

Въ контрактахъ обыкновенно опредѣлялось, что, по приходѣ на пріискъ, рабочіе могли одинъ день отдыхать, а затѣмъ поступали въ работу. „Рабочіе раздѣляются на два разряда: на надворныхъ и горныхъ. Къ первымъ относятся всѣ ремесленники: столяры, плотники, слесаря, кузнецы, портные, сапожники и т. п., назначаемые по наряду: прислуга, банщики, конюхи, сторожа при складахъ, амбарахъ, магазинахъ и т. д. Ко вторымъ: забойщики, возчики, свальщики, разборщики и промывальщики. Непосредственнымъ начальникомъ первыхъ, дающимъ каждый день въ контору отчетъ о ихъ дѣятельности, состоитъ надворный смотритель, а вторыхъ — становой, смотрители разрѣза, машинъ, отваловъ, торфа, гальки и другихъ мѣстъ, смотря по тому, гдѣ они находятся въ извѣстный день на работѣ“ [3]).

---

[1]) Въ 1889 г КК° Промышленности и Прибрежно-Витимская понесли убытокъ.

[2]) Зап. Михайлова; „Вост. Обозр.“ 1894 г. № 28, 1895 г. №№ 22 и 25, сравн. № 17—18. *О. О.* „Sibirische Briefe“ 1894, S. 292.

[3]) *Г-въ.* Олекминская Калифорнія. „Сборн. разсказ. изъ жизни пріисковаго люда“. Спб. 1888 г., стр. 256 (перепечат. изъ „Литер. Сборн. изд. Восточн. Обозр.“ 1885 г.).

Продолжительность рабочаго дня опредѣлялась въ контрактахъ такимъ образомъ: въ контрактѣ К° Промышленности 1870 г. назначено было работать съ 5 часовъ утра до 8 час. вечера съ промежуткомъ въ $2^1/_2$ часа для завтрака, обѣда и отдыха, т.-е. рабочій день равнялся $12^1/_2$ ч. Въ контрактахъ той же К° 1874 и 78 гг. продолжительность отдыха уменьшена, а именно, съ 10-го сентября по 1-ое мая—по $1^1/_2$ ч. въ день, а съ 1-го мая по 2 ч.; слѣдовательно лѣтній рабочій день равнялся 13 часамъ [1]), при чемъ въ договорѣ 1874 г. пояснено, что „назначеніе рабочихъ часовъ относится къ такимъ работамъ, которыя не могутъ быть опредѣлены уроками". По контракту той же К° 1887 г. назначено выходить на работу немедленно по сигнальному звонку, несмотря ни на какую ненастную и бурную погоду, уже часомъ ранѣе, т.-е. въ 4 часа, и работать съ 10 сентября по 1 апрѣля до 6 часовъ, а съ 1 апрѣля по 10 сентября до 8 часовъ вечера; при этомъ назначены были слѣдующіе промежутки для отдыха и принятія пищи: съ 1 апрѣля до 1 октября въ 7 часовъ утра давали $^1/_2$ часа на завтракъ, въ 11 ч. $1^1/_2$ часа на обѣдъ и въ 4 часа $^1/_2$ ч. на ужинъ; слѣдовательно, въ лѣтнее время рабочій день продолжался $13^1/_2$ часовъ, а въ зимнее время завтрака и паужина не полагалось, и на обѣдъ давали только часъ, т.-е. рабочій день продолжался 13 часовъ. Въ договорѣ съ К° Арендаторовъ 1875 г. и съ Плетюхинымъ 1886 и 89 гг. установленъ 13-ти-часовой рабочій день. Въ контрактахъ К° Трапезниковыхъ 1870-хъ и 80-хъ гг. и зимою, и лѣтомъ продолжительность рабочаго дня равняется 12-ти часамъ [2]), а въ одномъ договорѣ съ ними 1880-хъ гг. продолжительность рабочаго дня зимою опредѣлена въ $10^3/_4$ часа, въ апрѣлѣ—$12^1/_2$ часовъ, лѣтомъ до 10 сентября $13^1/_2$ часовъ. Въ договорахъ съ Базилевскимъ 1876, 78 и 80 гг. лѣтній рабочій день равняется 12-ти часамъ, зимній $10^1/_2$ часамъ. Въ договорѣ Ленскаго Т-ва 1883 г. установленъ такой порядокъ: „весною и лѣтомъ вставать въ 4 часа и выходить на работу въ пятомъ часу утра, несмотря ни на какую бурную или дождливую погоду. Отъ $7^1/_2$ до 8 часовъ имѣемъ $^1/_2$ часа на завтракъ, отъ 11 до часа пополудни — 2 часа на обѣдъ и отдыхъ, въ $4^1/_2$ часа—$^1/_2$ часа на ужинъ. Работать мы должны на поденной работѣ съ 10 марта до 10 сентября 12 час. въ сутки, а въ осеннее и зимнее время 10 часовъ. Часы выхода на работу, окончаніе ея и время для обѣда въ осенніе и зимніе мѣсяцы назначаются управленіемъ и зависятъ отъ увеличенія или уменьшенія дня. Проходъ отъ казармъ до мѣста работъ засчитывается въ рабочіе часы,—для сего полагается часъ на 4 версты [3]). По договорамъ этой К° 1890—91 гг., при той же продолжительности рабочаго дня, измѣнено время отдыха и уменьшено количество промежутковъ, а именно, лѣтомъ полагалось работать съ 5 час. утра до 11 час. и съ часу до 7 час., въ осеннее же и зимнее время съ 6 до 11 час. утра и отъ 12 до 5 час. вечера. Для подземныхъ работъ по этимъ контрактамъ продолжительность рабочаго дня опредѣлена въ 11 часовъ и зимою, и лѣтомъ, но въ до-

---

[1]) То же предлагалъ установить и горн. испр. Винниковъ въ своемъ проектѣ нормальнаго контракта, а якутскій губернаторъ считалъ необходимымъ или уменьшить продолжительность рабочаго дня на два часа, т.-е. установить продолжительность его въ 11 часовъ, или предоставить опредѣленіе рабочаго времени свободному договору хозяевъ и рабочихъ.

[2]) Такъ же въ контрактахъ съ Малопатомскимъ Т—омъ 1880 г. и Чаринскимъ Т-вомъ 1883 г.

[3]) Ни въ одномъ изъ контрактовъ другихъ компаній мы не встрѣтили такого постановленія.

говорѣ 1894 г. назначено уже для подземныхъ работъ 12 часовъ [1]). Для мастеровыхъ, работающихъ въ мастерскихъ, по договору 1894 г., и зимою, и лѣтомъ назначено 12 рабочихъ часовъ. При разстояніи отъ казармъ до мѣста работъ болѣе 1/2 версты въ договорахъ 1890—91 гг. на каждую версту полагалось по 8 минутъ на проходъ. О времени выхода на работу или ея окончанія рабочіе извѣщаются колоколомъ или свисткомъ, а по договору 1891 г. двумя звонками, при чемъ второй слѣдуетъ чрезъ 1/2 часа послѣ перваго. Рабочіе, находящіеся лѣтомъ на промывательной машинѣ, обязаны оставаться при смывкѣ и послѣ вечерняго звонка до окончанія ея.

Слѣдовательно въ контрактахъ Олекминскаго округа продолжительность зимняго дня устанавливается въ $10^1/_2$—$13^1/_2$, а лѣтняго въ 12—$13^1/_2$ часовъ; продолжительность подземныхъ работъ только въ одномъ договорѣ Ленскаго Т-ва 1891 г. опредѣлена въ 11 часовъ, но уже въ контрактѣ 1894 г. она повышена до 12 часовъ. Генералъ-лейтенантъ Педашенко въ запискѣ 1885 г. справедливо замѣтилъ, что продолжительность рабочаго дня въ 13—$13^1/_2$ часовъ слишкомъ велика [2]); но въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ началѣ 70-хъ годовъ, рабочій день на нѣкоторыхъ пріискахъ доходилъ и до 14 часовъ. „Работы легкой на пріискахъ почти нѣтъ“, говоритъ офицеръ, завѣдывавшій ссыльно-каторжными, въ своемъ отчетѣ за 1872 г.: „почти съ 4-хъ час. утра рабочіе зимою и лѣтомъ находятся на работѣ. Лѣтомъ работаютъ въ крѣпкомъ грунтѣ, котораго безъ кайлы и лома нельзя взять. Зимою, въ жестокіе морозы, работаютъ на шурфахъ или добываютъ лѣсъ, заваленный на сажень снѣгомъ. На пріискахъ же Базанова зимою устраиваются зданія, водокачки и приводы, а лѣтомъ всѣ находятся только на земляной работѣ. Зимою встаютъ въ 4 часа утра, пьютъ чай до работы, съ разсвѣтомъ выходятъ на работу, на обѣдъ дается часъ, съ работы сходятъ, когда стемнѣетъ. Лѣтомъ встаютъ *въ три часа утра*, на чай утромъ въ 7 часовъ даютъ 1/2 часа, на обѣдъ $1^1/_2$ часа, на вечерній чай въ 4 часа по-полудни 1/2 часа; съ работы, кто не окончилъ урока, сходитъ въ 8 часовъ. Рабочихъ часовъ лѣтомъ можно считать 14, зимою 9“ [3]). Въ отчетѣ горнаго исправника Витимской системы за 1879 г. сказано, что рабочіе „задолжаются работами отъ 10 до 14 часовъ въ сутки“ [4]). По отчету о частной золотопромышленности въ Восточной Сибири за 1883 г. на промыслахъ Витимской системы наибольшая продолжительность рабочаго дня равнялась 13-ти часамъ, наи-

[1]) По договорамъ 1891 и 94 гг. „при переходѣ съ дневной смѣны въ ночную или обратно рабочіе обязаны работать сверхъ своей смѣны еще 6 часовъ“.

[2]) Дѣло канц. Ирк. Гор. Упр. № 11, 1883 г., л. 67.

[3]) Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло о ссыльнокаторжныхъ, № 9, л. 109. Полковникъ Купенковъ въ запискѣ 1872 г. говоритъ: работа начинается на промыслахъ „лѣтомъ въ четвертомъ часу, а въ остальное время съ разсвѣтомъ“ (л. 146).

[4]) Арх. Витим. Горн. Испр.

меньшая 8-ми часамъ (первая, очевидно, лѣтомъ, вторая — зимою), а средняя продолжительность—$10^1/_2$ часовъ, въ Олекминской же системѣ наибольшая—12 часовъ, наименьшая 10, средняя 11 часовъ [1]). Бывшій иркутскій голова Катышевцевъ въ запискѣ, поданной имъ генералъ-губернатору Анучину, говоритъ, что работы начинаются въ 4 часа и оканчиваются въ 8, при чемъ „обыкновенно задаются уроки, невозможные для выполненія“ [2]). Въ отчетѣ Прибрежно-Витимской К° за 1882 г. пріисковое управленіе утверждаетъ, будто бы въ дѣйствительности продолжительность рабочаго дня на промыслахъ этой К° равнялась 11-ти часамъ. Одинъ изъ главныхъ представителей КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской, г. Стрижевъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ (1887 г.) говоритъ: „по договорамъ“ этихъ КК° полагается „рабочихъ часовъ: зимою 13, а лѣтомъ $13^1/_2$; въ дѣйствительности же оно бываетъ далеко меньше, потому что на утреннюю раскомандировку и на время послѣобѣденнаго сбора уходитъ гораздо больше времени, чѣмъ положено по контракту. Однимъ словомъ, время выхода на работу не означаетъ еще собственно начала работъ, слѣдовательно рабочій никогда не задолжаетъ себя 13—$13^1/_2$ часовъ на работѣ“. Къ сожалѣнію г. Стрижевъ все-таки не говоритъ, какова же дѣйствительная продолжительность рабочаго дня, между тѣмъ сторонніе наблюдатели,—какъ, напр., офицеръ, завѣдывавшій ссыльнокаторжными,—утверждали, что на промыслахъ К° Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова рабочій день доходитъ до 14 часовъ, что не противорѣчитъ и отчету горнаго исправника за 1879 г. Плетюхинъ въ своемъ отчетѣ за 1886 г. заявилъ, что дѣйствительная продолжительность рабочаго дня на его пріискахъ—12 часовъ [3]). Окружной инженеръ Ленскаго горнаго округа въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ: „Рабочихъ часовъ въ сутки по контракту полагается зимою 11 и лѣтомъ $13^1/_2$; на самомъ же дѣлѣ собственно горныя работы почти вездѣ урочныя и оканчиваются среднимъ числомъ въ половину (?) и не болѣе $^3/_4$ контрактнаго времени“ [4]). Но мы не считаемъ возможнымъ довѣрять этому свидѣтельству, будто бы „средняя продолжительность рабочаго дня“ равнялась 5—7 часамъ, такъ какъ даже г. Плетюхинъ показываетъ, что у него работаютъ по 12 час. Когда знаешь о 10-ти тысячныхъ субсидіяхъ окружнымъ инженерамъ отъ золотопромышленниковъ, теряешь вѣру въ ихъ оптимистическія показанія, а что свидѣтельство г. Штрауса слишкомъ оптимистично, видно, между прочимъ, изъ свидѣтельства г. Ка-

[1]) Арх. Горн. Деп.

[2]) „Восточн. Обозр.“ 1882 г., № 12, стр. 6.

[3]) Изъ бумагъ Субботина. По контрактамъ Плетюхина рабочіе обязаны были трудиться 13 часовъ.

[4]) Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канц. № 39, 1889 г., л. 213.

лагеорги (1882 г.), который хотя и утверждаетъ, что „уроки не особенно велики и для здороваго человѣка легко выполнимы“, но все-таки не рѣшается сказать, чтобы рабочіе *среднимъ числомъ* исполняли ихъ въ половину контрактнаго времени, а говоритъ только, что они оканчиваютъ ихъ „гораздо ранѣе 8 часовъ вечера“: на каждомъ пріискѣ ему „случалось встрѣчать въ шестомъ часу, а иногда раньше, очень много людей, окончившихъ свои дневные уроки“. Если принять во вниманіе, что рабочіе начинали трудиться въ четвертомъ часу утра, то это не покажется слишкомъ скорымъ окончаніемъ урока для нѣкоторыхъ, очевидно болѣе ловкихъ и сильныхъ, рабочихъ. При томъ, если урочная работа оканчивалась и ранѣе контрактнаго срока, то за нею слѣдовали еще старательская, необходимая для увеличенія слишкомъ незначительнаго заработка съ одной урочной работы. „Мнѣ кажется, я буду близокъ къ истинѣ“, писалъ докторъ Маліевъ въ началѣ 80-хъ годовъ, „если скажу, что старательный работникъ кончаетъ свой урокъ обыкновенно часа въ три, часто даже раньше, начиная его въ 4 и 5 часовъ“. Но „хорошіе работники послѣ урока обыкновенно работаютъ еще нѣкоторое время; управленія поощряютъ эту „старательную“ работу, уплачивая за нее вдвое дороже (и даже больше чѣмъ вдвое). При дороговизнѣ содержанія рабочаго, для управленія выгоднѣе, чтобы каждый рабочій сдѣлалъ какъ можно болѣе“ [1]). Въ настоящее время рабочій, при подходящемъ грунтѣ и исключительной ловкости, иногда кончаетъ урокъ въ 4 часа дня, но другія артели оканчиваютъ въ 6 часовъ, а лѣтомъ иногда и въ 8 часовъ вечера [2]). Авторъ одной основательной статьи о пріискахъ Олекминскаго округа говоритъ: „рабочіе нерѣдко отработываютъ уроки“ ($1^1/_2$ куб. саж. на 2 чел. при одной лошади) „къ паужину, къ 4-мъ час. дня“, но это случается, когда грунтъ сухой, не каменистый и не плотный; въ противномъ случаѣ отработка тѣхъ же $^3/_4$ куб. саж. на человѣка затягивается до ночи, а иногда и совершенно не вырабатывается [3]). Авторъ другой статьи говоритъ о „тяжеломъ 15-ти-часовомъ трудѣ“, который рабочіе не даромъ окрестили мѣткимъ, характернымъ прозвищемъ „вольной каторги“ [4]).

Почти во всѣхъ контрактахъ Олекминскаго округа золотопромышленники предоставляли себѣ право посылать рабочихъ по своему усмотрѣнію вмѣсто дневныхъ на ночныя работы. Въ договорѣ К° Промышленности 1870 г. сказано: „въ случаѣ могущей встрѣтиться надобности на производство вмѣсто дня въ ночное время работъ, отъ таковыхъ мы отказываться не должны, а выполнять ихъ въ точности,

[1]) „Сборн. сочин. по судебн. медиц.“ 1881 г., т. III, стр. 104.
[2]) „Восточн. Обозр.“ 1895 г. № 28.
[3]) „Сибирск. Сборн.“ 1889 г., вып. II, стр. 45.
[4]) „Сибирск. разсказы изъ жизни пріисковаго люда“, 255.

какъ бы и днемъ". Въ контрактахъ этой К° 1874, 78 и 83 гг. этотъ пунктъ выраженъ нѣсколько иначе, а именно, въ случаѣ производства работъ днемъ и ночью рабочіе должны были трудиться безпрекословно по половинѣ сутокъ каждой смѣны [1]), слѣдовательно продолжительность и дневной, и ночной работы должна была равняться 12-ти часамъ. Въ контрактѣ 1887 г. КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской исчезаетъ это естественное ограниченіе продолжительности рабочаго дня: „Въ случаѣ, если бы промысловое управленіе признало нужнымъ производить работы въ ночное время, то таковыя мы должны исполнять наравнѣ съ денными и обязаны выходить на работу въ тотъ часъ, въ который будетъ назначено отъ управленія КК°, и ночная работа засчитывается за слѣдующій день, который полагается для отдыха работавшимъ ночью". [2]). Въ одномъ изъ договоровъ съ Трапезниковыми 80-хъ годовъ сказано, что ночью рабочіе „должны отдавать такіе же уроки, какъ и днемъ, получая ту же плату, при чемъ освѣщеніе должно быть хозяйское". По контракту съ Базилевскимъ 80-хъ годовъ рабочіе должны были исполнять ночныя работы, если онѣ будутъ поставлены, „наравнѣ съ денными", при чемъ ночная смѣна должна была выходить на работу тотчасъ же по окончаніи дневныхъ горныхъ работъ. При переходѣ съ дневныхъ на ночныя работы управленіе должно было дать отдыхъ съ обѣда, т.-е. съ 11 час. утра, а выработанное считать за полный урокъ; ночная же выработка считалась за слѣдующій день, въ который рабочіе пользовались отдыхомъ. По договорамъ Ленскаго Т-ва назначеніе рабочихъ въ дневную или ночную смѣну вполнѣ зависѣло отъ управленія, при чемъ продолжительность ночныхъ работъ равнялась дневнымъ. Окружной инженеръ Ленскаго округа въ отчетѣ за 1889 г. увѣряетъ, что вообще „часы ночныхъ смѣнъ не превышаютъ 10", но если бы это было такъ, то почему бы и не сказать этого опредѣленно въ контрактахъ. Полковникъ Купенковъ въ 1872 г. писалъ: „Ортовыя работы ведутся въ теченіе сутокъ на 2 или на 3 смѣны безъ всякихъ перерывовъ, такъ что каждый рабочій долженъ пробыть подъ землею 8 часовъ... На двѣ смѣны въ ортахъ работаютъ тогда, когда мерзлый грунтъ оттаиваютъ при помощи огня. Въ нѣкоторые періоды производятся на пріискѣ ночныя работы, продолжающіяся 8 часовъ. Для этихъ работъ ведется особая очередь. Вообще легкой работы на пріискахъ почти нѣтъ; она скорѣе по свойству своего малоуступчиваго грунта и по числу рабочихъ часовъ можетъ быть отнесена къ тяжелымъ". Офицеръ, завѣдывавшій каторжными на пріискахъ, въ от-

---

[1]) Такъ же въ контрактахъ Бодайбинской К° 1880 и 83 гг., Плетюхина 1886 и 89 гг. и Аканакт-Накатаминскаго Т—ва 1887 г.

[2]) Такъ же въ договорѣ съ Бодайбинскою К° 1890 г.

четѣ за тотъ же годъ говоритъ: „зимою много бываетъ суточныхъ работъ въ 3 смѣны по 8 часовъ, не сходя съ работъ", т.-е. рабочіе трудятся тогда 8 часовъ безъ всякаго отдыха [1]). Въ 1882 году одна мокрая штольня на Благовѣщенскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К° работалась тремя смѣнами въ сутки, но уполномоченный Серебренниковъ настаивалъ, чтобы возчики смѣнялись только два раза [2]). Во время посѣщенія промысловъ Олекминскаго округа мы также слышали, что работа въ три смѣны производится лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, преимущественно въ совершенно мокрыхъ шахтахъ. Въ договорахъ Ленскаго Т-ва 1890, 91 и 94 гг. сказано: „въ случаѣ надобности управленіе можетъ назначить работу на три смѣны, въ продолженіе коихъ мы обязываемся работать безъ отдыха (всю смѣну) въ теченіе восьми часовъ".

Въ случаяхъ, „не терпящихъ отлагательства", какъ то: пожара, наводненія, укрѣпленія плотинъ, поправленія дамбъ, канавъ, ортъ, шахтъ, шурфовъ, отлива воды, отвода наледей и провода весенняго льда по каналамъ, рабочіе обязывались оказывать помощь во всякое время днемъ и ночью, въ будни и праздники, и даже въ часы отдыха, при чемъ о вознагражденіи за такую работу упоминается лишь въ немногихъ контрактахъ, а за уклоненія отъ работъ грозила отвѣтственность по закону. По нѣкоторымъ договорамъ Трапезниковыхъ 70-хъ и 80-хъ гг. за время, проведенное въ такихъ экстренныхъ работахъ, „сокращается срокъ или урокъ въ слѣдующее рабочее время, и за часы экстренной работы ставится двойная плата, опредѣленная поторжному рабочему по разсчету за столько же часовъ времени"; въ одномъ контрактѣ съ Трапезниковыми 80-хъ гг. есть условіе о соотвѣтственномъ сокращеніи рабочаго времени или урока въ случаяхъ экстренныхъ работъ, но постановленіе о двойной платѣ отсутствуетъ. По договорамъ съ Базилевскимъ 1876, 78 и 80-хъ гг. постановлено за экстренную работу давать рабочимъ „двойную плату поторжнаго рабочаго" [3]). По договорамъ Ленскаго Т-ва 1890, 91 и 94 гг. за экстренную работу назначалось вознагражденіе „по усмотрѣнію управленія", а за уклоненіе отъ такихъ работъ опредѣленъ былъ штрафъ въ контрактахъ 1890—91 гг. въ 2 р., а 1894 г.—10 р. (!). Нельзя не обратить вниманія на то, что въ контрактахъ такихъ богатыхъ К°, какъ К° Промышленности, отсутствуютъ условія о какомъ бы то ни было вознагражденіи за экстренныя работы [4]).

---

[1]) Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло о ссыльно-каторж. № 9, л. 110, 147.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766 № 47—39, л. 72.

[3]) То же въ контрактѣ Малопатомскаго Т—ва 1880 г.

[4]) Въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ горн. исправникомъ Винниковымъ въ 1874 г., онъ предлагалъ опредѣлить только выдачу винной порціи всѣмъ бывшимъ на экстренной работѣ.

Въ началѣ 70-хъ гг. управленіе Прибрежно-Витимской К° относило къ работамъ, „не терпящимъ отлагательства“, также разгрузку барокъ съ кладью. Рабочіе жаловались полковнику Купенкову, что ихъ заставили производить такую работу въ Троицынъ день; на это одинъ изъ служащихъ объяснилъ, что въ контрактѣ послѣ переименованія работъ, „не терпящихъ отлагательства“, прибавлено: „и проч. и проч.“, а такъ какъ разгрузку необходимо было произвести немедленно, то онъ и считалъ себя въ правѣ выслать на работу въ день, назначенный для отдыха [1]).

Подземныя работы начались въ Олекминской системѣ въ 1860 г. на Иннокентіевскомъ пріискѣ Пермикина, съ тѣхъ поръ стали все болѣе распространяться и теперь производятся въ очень большихъ размѣрахъ [2]). Въ 1891 г. я спускался въ одну изъ шахтъ Ивановскаго пріиска, видѣлъ тамъ вѣчную мерзлоту и взрываніе ея динамитомъ (взрывы эти производятъ особые рабочіе). Лѣстницы здѣсь были хорошія (не стремянки, какъ, напр., въ Салаирскомъ серебряномъ рудникѣ на Алтаѣ), но бленды со свѣчами тутъ не употреблялись. На нѣкоторыхъ пріискахъ Ленскаго Т-ва вмѣсто хорошихъ лѣстницъ въ шахтахъ были стремянки. Это очень утомительно для рабочихъ, тѣмъ болѣе, что при отсутствіи блендъ при спусканіи и подыманіи тогда приходилось держать факелъ. Не понимаю, какъ тамъ выносили изъ шахтъ заболѣвшаго или изувѣченнаго рабочаго. Подземныя работы на столько распространены теперь въ Ленскомъ горномъ округѣ, что въ 1896 г. $^5/_6$ всего золота было добыто подземными работами [3]).

Почти вездѣ земляныя работы въ Олекминской и Витимской, какъ и въ другихъ золотопромышленныхъ системахъ Сибири, производятся по урокамъ, и съ окончаніемъ урока рабочіе дѣлаются свободными; „обязательное число часовъ“, говоритъ въ своей запискѣ г. Калагеоргі, „относится только къ тѣмъ лицамъ, работа которыхъ не можетъ быть опредѣлена урокомъ, какъ-то: къ промывальщикамъ песковъ, свальщикамъ на машину, рабочимъ при уборкѣ камня изъ разрѣзовъ и ко всѣмъ, такъ называемымъ, поторжнымъ“.

Утромъ предъ началомъ работъ рабочіе собираются на „раскомандировку“ для распредѣленія работъ. „Порядокъ раскомандировки на торфы и пески“, по словамъ управленія Прибрежно-Витимской К° (1882 г.), „существуетъ очередной: уроки задаются смотрителями и обозначаются шнурами для того, чтобы рабочій могъ видѣть и провѣ-

---

[1]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2544 № 48—103, л. 110.

[2]) „Сибирь“ 1885 г. № 45, стр. 14; въ Бодайбинской К° подземныя работы производятся въ большей мокротѣ, чѣмъ въ другихъ ККº. „Вост. Обозр.“ 1895 г. № 22.

[3]) „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 2, стр. 31.

рить заданный ему урокъ, который замѣряется согласно контракту, а гдѣ грунтъ неспособный, то съ назначенія промысловаго управленія. Распредѣленіе на мѣстѣ работъ принадлежитъ смотрителямъ, на пескахъ же соблюдается, кромѣ того, порядокъ, чтобы, по возможности, всѣ артели имѣли одинаковое количество подъемнаго золота. Вообще за распредѣленіемъ работы наблюдаютъ каждодневно управляющіе промыслами и становой смотритель" [1]). Во время раскомандировокъ объявляются рабочимъ и всѣ распоряженія промысловаго управленія. Такъ въ контрактѣ Ленскаго Т-ва 1891 г. сказано: „Каждое особое распоряженіе, исходящее отъ промысловаго управленія и касающееся рабочихъ людей, должно быть сообщено на раскомандировкѣ рабочихъ людей и кромѣ сего вывѣшено при пріисковой конторѣ. Послѣ этого никто изъ рабочихъ не въ правѣ отговариваться незнаніемъ распоряженія, а за неисполненіе его подвергается штрафу до 5 р.". На промыслахъ въ разрѣзахъ, шахтахъ, развѣдкахъ и на машинахъ находятся пріисковые служащіе и казаки съ цѣлью слѣдить, чтобы рабочіе не похищали золота. Работы въ Олекминскомъ округѣ производятся или въ открытыхъ разрѣзахъ,—при чемъ предварительно снимается торфъ, покрывающій золотоносный пластъ,—или подъ землею.

Размѣръ урока на торфахъ слѣдующій. По контракту К° Промышленности 1870 г. 4 чел. должны были добыть три кубическія саж. торфа разрушистаго напластованія съ отвозкою на 2-хъ лошадяхъ. По контракту той же К° 1874 г. урокъ уменьшенъ: на вскрытіе торфа „при таломъ и способномъ грунтѣ" съ отвозкою его въ отвалы полагалось на 1 куб. саж. 2 чел. при 1 лош.—урокъ довольно умѣренный; при вскрытіи торфа „крѣпкаго и мясниковатаго напластованія" 5 чел. должны были добыть 2 куб. саж. при 2 лош., слѣдовательно по $^2/_5$ куб. саж. на каждаго. При откаткѣ торфа въ отвалъ на тачкахъ при таломъ грунтѣ полагалось 4 чел., а при мерзломъ 8 чел. на 1 куб. саж. Эта работа должна была считаться обязательною, а за сработанную сверхъ того производилась праздничная или старательская плата. При добычѣ мерзлаго торфа пріисковое управленіе опредѣляло количество рабочихъ по своему усмотрѣнію. По договору К° Промышленности 1878 г. урокъ былъ повышенъ (хотя онъ все-таки былъ менѣе назначеннаго въ контрактѣ 1870 г.), а именно, для вскрытія „талаго и способнаго торфа" полагалось уже не $^1/_2$ саж. на одного чел., какъ было въ 1874 г., а болѣе,—именно: на 8 чел. при 4-хъ лошадяхъ 5 куб. саж., а при вскрытіи „крѣпкаго и мясниковатаго напластованія" на 8 чел. 4 куб. саж. при 4-хъ лошадяхъ, т.-е. тотъ урокъ, который по контракту 1874 г. полагался при „таломъ и способномъ грунтѣ" [2]). По договору К° Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. уроки на таломъ „рѣчниковатомъ" (удобномъ) и „мясниковатомъ" остав-

[1]) Арх. К° Промышленности 1882 г. № 1156.

[2]) Такой же урокъ, какъ по договору КК° Промышленности 1878 г., назначенъ въ контрактахъ Бодайбинской К° 1880 и 83 гг., въ договорѣ же 1884 г. онъ еще болѣе увеличенъ, а именно, при таломъ и способномъ торфѣ полагалось на 4 чел. при 2 лошад. 3 куб. саж., т.-е. по $^3/_4$ куб. саж. на 1 чел. съ отвозкою на лошадяхъ.

лены тѣ же, но уже опредѣленъ точно урокъ на мерзломъ грунтѣ, разрушенномъ взрывчатыми матеріалами и пожогами, а именно 8 чел. при 4-хъ лошадяхъ должны были выработать 3 куб. саж., при чемъ „уборку камней, удобныхъ для разбивки и отвозки таратайкой", рабочіе „должны производить съ отвозкою въ отвалъ", при чемъ на каждые 10 уроковъ ставились отдѣльные отвальные. При выработкѣ мерзлыхъ торфовъ нужные для оттайки горючіе матеріалы подвозятся особыми людьми, но приготовлять пожоги и раскладывать по забоямъ должны сами рабочіе по указанію служащихъ. Урокъ при ручной откаткѣ на тачкахъ увеличенъ сравнительно съ договоромъ 1874 г., а именно, при откаткѣ не далѣе 60 саж. полагалось выработать и отвезти рѣчниковатаго, мясниковатаго и иловатаго торфа 1 куб. саж. уже не 4-мя, а 3-мя чел. По договору Бодайбинской К° 1890 г. уроки на торфахъ больше, чѣмъ въ ККº Промышленности и Прибрежно-Витимской, а именно, при таломъ рѣчниковатомъ грунтѣ 4 чел. при 2-хъ лошадяхъ должны были выработать три кубич. саж., при мясниковатомъ съ крупными камнями $2^1/_2$ кубич. саж., а при мерзломъ грунтѣ, разрушенномъ взрывчатыми матеріалами и пожогами — 2 кубич. саж. Слѣдовательно въ К° Промышленности на 1 рабочаго при отвозкѣ на лошадяхъ приходилось талаго рѣчниковатаго торфа $^5/_8$ куб. саж., а въ Бодайбинской К° $^6/_8$. По договору К° Арендаторовъ 1875 г. урокъ на торфахъ равнялся 1 куб. саж. на 2 чел. съ лошадью при таломъ и удобномъ грунтѣ; но съ 1-го мая по 10-ое сентября къ этому прибавлялась *обязательная* выработка $^1/_2$ куб. саж. за повышенную плату. По договору К° Трапезниковыхъ первой половины 70-хъ гг. при вскрытіи торфа на таломъ и удобномъ грунтѣ полагалось 1 куб. саж. на 2-хъ чел. при 1 лошади, а при мясниковатомъ не болѣе 3-хъ чел. [1]), при мерзломъ же или иномъ неудобномъ грунтѣ должны были ставить отъ 3-хъ до 8-ми чел. [2]) при 1 лошади съ отвозкою въ отвалы не далѣе 120-ти саж. (по договору 1878 г. не далѣе 150-ти саж., при чемъ на каждые 10 уроковъ назначался одинъ отвальный). Выработка 1 куб. саж. считалась обязательною, однако по желанію рабочихъ позволялось вырабатывать и болѣе обязательнаго урока, но за обыкновенное вознагражденіе [3]), а также за выработку урока меньшимъ количествомъ людей они должны были получать плату, сколько придется по разсчету за каждую выработанную кубич. саж. [4]). Въ договорѣ Трапезникова 80-хъ гг. обязательный урокъ уже значительно увеличенъ, а именно, 2 чел. при таломъ грунтѣ должны были вырабатывать не 1, а $1^1/_2$ куб. саж., при мясниковатомъ грунтѣ полагалось ставить по 3 чел. на $1^1/_2$ куб. саж., а при мерзломъ—4 человѣка при 1 лошади на 1 куб. саж. Выработка урока обязательна, но дозволялось вырабатывать и болѣе за повышенную плату. При ручной откаткѣ урокъ также увеличенъ, а именно, 3 человѣка при разстояніи 60 саж. должны были выработать 1 куб. саж. По договору съ Чаринскимъ Т-вомъ при таломъ и удобномъ грунтѣ полагался урокъ въ $1^1/_2$ куб. саж. на 2-хъ чел. при 1 лошади съ отвозкой въ отвалы не далѣе 75 саж., при мерзломъ грунтѣ, иловатомъ и тундрѣ по 4 чел. и 1 лош. Выработка урока обязательна, а за до-

---

[1]) По договору 1879 г. при мясниковатомъ грунтѣ — 5 чел. на 2 саж. при 2-хъ лошадяхъ.

[2]) По договору съ тою же К° 1878 г. отъ 3-хъ до 5-ти чел.

[3]) По договору 1878 г. той же К° назначена была повышенная плата.

[4]) При ручной откаткѣ урокъ измѣнялся такимъ образомъ: при удобномъ торфѣ и разстояніи отвала въ 25 саж. 1 куб. саж. должны были выработать 2 человѣка, при откаткѣ 25—50 саж. 4 чел., при мясниковатомъ торфѣ и откаткѣ 25 саж.—3 чел., при откаткѣ 25—50 с.—4 чел.

бытое сверхъ урока платили по той же цѣнѣ, а также за выработку меньшимъ количествомъ людей выдавалась плата, какая придется по разсчету за каждую выработанную сажень. Въ договорахъ съ Плетюхинымъ 1886 и 89 гг. относительно вскрытія торфа опредѣленъ размѣръ урока только при ручной откаткѣ, которая была сдѣлана для рабочихъ обязательною, и при томъ урокъ былъ назначенъ очень большой—1 куб. саж. на 2 чел. при разстояніи отвала не далѣе 40 саж. По договору съ Базилевскимъ 1876, 78 и 80-хъ гг. при вскрытіи съ отвозкою въ отвалъ полагалось талаго и удобнаго торфа $1^1/_4$ куб. саж. на двоихъ, а ручнымъ откатомъ то же количество на троихъ. На разстояніи болѣе 20 саж. на каждыя лишнія 10 саж. долженъ былъ прибавляться 1 чел. на тотъ же урокъ; мерзлаго мясниковатаго торфа полагалось 1 куб. саж. на 3-хъ чел., а мерзлаго и каменистаго на 4-хъ чел. съ 1 лош. Въ Ленскомъ Т-вѣ по договору 1883 г. назначены были такіе уроки: для вскрытія торфовъ съ отвозкою въ отвалъ при торфѣ таломъ, удобномъ для добычи, по $1^1/_2$ к. саж. на 2-хъ чел. при 1 лошади [1]); при торфѣ иловатомъ и тундрѣ по 1 куб. саж. на 2 чел. и 1 лош. [2]), при торфѣ съ крупными корнями и пнями на 1 куб. саж. 3 чел. и 1 лошадь; при торфѣ мерзломъ, глинистомъ, требующемъ предварительнаго оттаиванія огнемъ—по 2 чел. на 1 куб. саж., но приготовленіе дровъ должно было производиться другими людьми; съ ручною откаткою: при талыхъ удобныхъ торфахъ полагалось 3 чел. на 1 куб. саж., при торфѣ съ мерзлотою 4 чел.; разстояніе во всѣхъ этихъ случаяхъ не болѣе 35 саж., а при большемъ разстояніи прибавляется на каждыя 15 саж. разстоянія сверхъ 35 саж. по 1 чел. на забой. За выработку сверхъ урока по договору 1883 г. полагается повышенная старательская плата. Въ договорѣ 1890 г. откатка въ тачкахъ опредѣлялась по разстоянію „на основаніи казеннаго урочнаго положенія“.

Итакъ, въ договорахъ первой половины 70-хъ гг. мы находимъ еще умѣренные обязательные уроки на таломъ удобномъ торфѣ—1 куб. саж. на 2 чел. при 1 лошади. Въ договорѣ К° Арендаторовъ 1875 г. прибавляется уже обязательная выработка—$^1/_2$ саж. за повышенную плату, а въ договорѣ Базилевскаго 1876 г. встрѣчаемъ обязательную прибавку въ $^1/_4$ саж. безъ повышенія платы. Затѣмъ въ договорахъ Ленскаго Т-ва 1883 г., Бодайбинской К° 1884 г. и Трапезниковыхъ первой половины 80-хъ гг. появляется уже обязательный урокъ на таломъ удобномъ грунтѣ по $1^1/_2$ к. с. на 2 чел. и 1 лошадь [3]). Наконецъ въ договорахъ Плетюхина 1886 и 1889 гг. даже при ручной откаткѣ и при разстояніи до 40 саженъ назначается 1 куб. саж. на 2 чел. (впрочемъ у Трапезниковыхъ и въ первой половинѣ 70-хъ г. при разстояніи до 25 саж. задавался такой урокъ при ручной откаткѣ).

Горный исправникъ Винниковъ въ выработанномъ имъ въ 1874 г. проектѣ нормальнаго контракта предлагалъ установить такіе размѣры

---

[1]) То же и по договорамъ 1890—91 гг.

[2]) По договорамъ 1890—91 гг. на 3 чел. и 1 лош., т.-е. урокъ уменьшенъ.

[3]) Впрочемъ Купенковъ еще въ донесеніи 1872 г. указывалъ на уроки на торфахъ отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ куб. саж. на человѣка. Дѣло Арх. Витим. Горн. Испр. о сыл.-кат. 1872 г. № 9, л. 146.

урока на торфахъ: при таломъ удобномъ грунтѣ на 2 чел. при 1 лошади 1 куб. саж., а при мерзломъ или трудномъ для работъ напластованіи 4—8 чел. При откаткѣ торфа въ отвалы тачками при таломъ грунтѣ 4 чел., а при мерзломъ 8 чел. Въ Енисейскомъ округѣ мы видѣли значительное развитіе отрядныхъ работъ на торфахъ, при чемъ артели отрядныхъ рабочихъ заключали особые контракты. Такихъ контрактовъ въ Олекминскомъ округѣ мы не встрѣтили, но слѣдъ этихъ рабочихъ мы находимъ въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ Винниковымъ, гдѣ въ таблицѣ платы встрѣчаемъ указанія на вскрытіе талаго торфа при отвозкѣ на лошадяхъ 1 куб. саж. на 1 чел., т.-е. двойного количества противъ нормальнаго урока [1]).

Добыча золотоноснаго песку производилась или въ открытыхъ разрѣзахъ, или подземными работами. Разсмотримъ сначала размѣръ уроковъ въ открытыхъ разрѣзахъ.

По контракту К° Промышленности 1870 г. 4 рабочихъ должны были добыть 3 куб. саж. песку разрушистаго напластованія съ отвозкою таратайками при 2 лошадяхъ. По договору 1874 г. той же К° урокъ добычи и отвозки песковъ „удобнаго напластованія“ былъ уменьшенъ, а именно 2 чел. съ 1 лош. должны были добыть 1 куб. саж.; при напластованіи утесистаго или сланцеваго ребровика 5 чел. обязаны были добыть 2 куб. саж. при 2 лош., за добычу же сверхъ урока полагалась повышенная старательская плата. Въ договорахъ К° Промышленности 1878 и 1883 гг. урокъ на пескахъ былъ повышенъ сравнительно съ договоромъ 1884 г., а именно при удобномъ напластованіи 8 чел. должны были добыть 5 куб. саж. при 4 лош., а при напластованіи сланцеваго ребровика или мясниковатаго 8 чел. должны были добыть 4 саж., при томъ же количествѣ лошадей; при утесистомъ же ребровикѣ урокъ нѣсколько уменьшенъ, а именно 8 чел. добывали 3 куб. саж. при 4 лош. [2]). Въ договорѣ К° Промышленности 1887 г. оставленъ тотъ же урокъ, только при 3 или 4 лош., смотря по разстоянію возки. Въ договорѣ Бодайбинской К° 1890 г. урокъ болѣе, чѣмъ въ договорѣ К° Промышленности 1887 г., и болѣе, чѣмъ въ договорѣ Бодайбинской К° 1884 г., а именно: 4 чел. при 2 лош. должны были добыть и промыть песковъ при рѣчниковатомъ напластованіи 3 куб. саж., при напластованіи—рѣчникъ съ ребровикомъ и сланцеватый ребровикъ—$2^1/_2$ куб. саж. и при напластованіи утесистаго ребровика—2 куб. саж. По договорамъ К° Трапезниковыхъ 70-хъ гг. урокъ назначенъ большой: 5 чел. при 2 лош. должны были добыть и вывезти $3^1/_2$ куб. саж. Въ договорахъ Трапезниковыхъ 80-хъ годовъ урокъ еще болѣе увеличенъ, а именно то же количество песковъ должны были добыть изъ цѣлика и вывезти при 2 лош. не 5, а 4 чел. По договорамъ съ Базилевскимъ 1876, 78 и 80-хъ гг., забойщики и возчики песковъ на машину должны были 5 чел. съ 2 лош. добыть и отвезти 3 куб. саж. При ручной откаткѣ песковъ въ тачкахъ на разстояніи до 20 саж. съ отборкою крупнаго камня, очисткою его и откаткою въ особое мѣсто полагалось выработать и отвезти 1 куб. саж. на тропхъ; при разстояніи болѣе 10 саж. на

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 51.

[2]) Такой же урокъ въ контрактахъ Бодайбинской К° 1880 и 1883 гг. Въ договорѣ 1884 г. уроки увеличены.

каждыя 10 саж. откатки прибавлялся одинъ человѣкъ на каждый урокъ. По договору Ленскаго Товарищества 1883 г. 4 чел. при 2 лош. должны были добыть 3 куб. саж. Учетъ урока для каждой артели производился смотрителемъ разрѣза куб. мѣрою или опредѣленіемъ вѣса одной полной таратайки земли и числомъ вывезенныхъ таратаекъ, принимая вѣсъ одной кубической сажени среднимъ числомъ въ 1200 пуд. Такой же урокъ при добычѣ песковъ изъ разрѣзовъ назначенъ и въ договорахъ Ленскаго Т-ва 1890—91 гг., при добычѣ же песковъ изъ отваловъ и перевозкѣ ихъ на машину 4 чел. и 2 лош. должны были поставить $3^1/_2$ куб. саж., т.-е. значительно умѣреннѣе, чѣмъ въ договорѣ Трапезниковыхъ. По договору Малопатомскаго Т-ва 1880 г. урокъ при добычѣ и отвозкѣ песковъ изъ разрѣзовъ такой же, какъ и въ договорахъ Ленскаго Т-ва, при добычѣ же изъ готовыхъ отваловъ болѣе, а именно $3^1/_2$ куб. саж. должны были добыть и отвезти при 2 лош. не 4, а 3 чел. Огромные уроки были назначены въ Акапакъ-Накатаминскомъ Т-вѣ по договору 1886 г.: 2 чел. при 1 лош. должны были вывезти $1^1/_2$ куб. саж., а при откаткѣ на тачкахъ 2 чел. 1 куб. саж. У Плетюхина въ договорахъ 1886 и 89 гг. на пескахъ, какъ и на торфахъ, полагался огромный урокъ съ обязательною ручною откаткою въ тачкахъ (не далѣе 40 саж.)—1 куб. саж. на 2 чел. Такъ какъ въ 1 куб. саж. песку считается 1200 пуд. и такъ какъ въ тачкѣ помѣщается 5 пудовъ песку, то слѣдовательно возчикъ долженъ былъ сдѣлать 19200 саж. пути, т.-е. 38 верстъ, что едва ли возможно: нужно думать, что или разстояніе откатки было менѣе, или урокъ не выполнялся и рабочіе могли подвергаться штрафованію.

Итакъ, уроки на пескахъ при добычѣ изъ разрѣзовъ удобнаго напластованія и при отвозкѣ на лошадяхъ равнялись на каждаго человѣка $^1/_2$ саж. (договоръ К° Промышленности 1874 г.), $^3/_5$, $^5/_8$, $^7/_{10}$, $^3/_4$ и $^7/_8$ куб. саж. (послѣдній въ К° Трапезниковыхъ 80-хъ гг.), т.-е. замѣтно увеличеніе размѣровъ уроковъ на пескахъ, какъ и на торфахъ. Урокъ съ ручною откаткою доходилъ въ нѣкоторыхъ договорахъ до $^1/_2$ куб. саж. на человѣка. Уменьшеніе размѣра уроковъ К° Промышленности въ 1874 г., сравнительно съ контрактомъ 1870 г., вѣроятно было слѣлано въ виду тогдашнихъ заботъ высшей администраціи Восточной Сибири о пріисковыхъ рабочихъ. Въ проектѣ нормальнаго контракта горный исправникъ Винниковъ предлагалъ назначить урокъ при добычѣ золотосодержащаго песку изъ разрѣза съ доставкою на машину на лошадяхъ—1 куб. саж. на 2 чел., но считая въ томъ числѣ забойщиковъ, возчиковъ, свальщиковъ и разборщиковъ гальки.

Въ запискѣ завѣдывающаго ссыльно-каторжными рабочими на пріискахъ Олекминскаго округа 1876 г. указанъ такой размѣръ уроковъ на пескахъ: 10 чел. при 2 лош. должны были добыть отъ 4 до 6 куб. саж. золотосодержащаго пласта, т.-е. отъ $^2/_5$ до $^3/_5$ куб. саж. на человѣка, но при весьма небольшомъ количествѣ лошадей [1]).

При подземныхъ работахъ выработка была конечно менѣе, такъ какъ работа замедлялась установкою стоекъ, огнивъ и подхватовъ.

---

[1]) Дѣло Арх. Вит. Горн. испр. 1875 г. № 5 (о ссыльно-каторж.), л. 128.

Опредѣленіе уроковъ при добычѣ песковъ подземными работами въ контрактахъ К° Промышленности мы встрѣчаемъ впервые въ договорѣ 1874 г. [1]): въ ортовыхъ работахъ урокомъ полагается при добычѣ песковъ въ ортахъ, подкаткѣ и нагрузкѣ для подъема изъ шахтъ, считая 12 огнивъ въ одной погонной сажени, при ширинѣ орты 4 арш. и вышинѣ 3 арш., 3 чел. на 2 огнива, т.-е. по 2 куб. арш. на человѣка [2]). Въ договорѣ той же К° 1878 г. урокъ уже увеличенъ: „при добычѣ песковъ изъ ортъ и штоленъ дневной урокъ полагался: 2 забойщикамъ вынуть и подкатить къ зунфу шахты, на каждаго человѣка, по 3 куб. арш.; при ширинѣ ортъ въ 4 арш. ставить по 2 забойщика, которые обязаны выработать 6 куб. арш., при ширинѣ же ортъ въ 6 арш. ставить 3 забойщика, которые обязаны выработать 9 куб. арш.; стойки и огнивы установлять обязаны забойщики, равно въ случаѣ мерзлоты для оттаиванія предварительно класть дрова и уголь: подхваты устанавливаетъ особый плотникъ“. За выработку сверхъ урока полагалась повышенная старательская плата. „Въ случаѣ дальней отвозки песковъ изъ ортъ посредствомъ лошадей добавляется, смотря по отдаленности, 1 возчикъ съ лошадью на 1 или на 2 забоя, а забойщики обязаны подкатывать вагоны къ штольнѣ, гдѣ проложена конная дорога“ [3]). Въ контрактѣ К° Промышленности 1887 г. уроки въ подземныхъ выработкахъ опредѣлены подробнѣе, а именно: „При добычѣ песковъ изъ ортъ съ подкаткою песковъ ко двору шахты, зунфу, или устью штольни дневной обязательный урокъ полагается на каждаго человѣка при откаткѣ не менѣе 40 саж.“: а) при напластованіи рѣчниковатаго слабаго грунта по $3^1/_2$ куб. арш. на человѣка; б) при напластованіи рѣчниковатомъ со связью и съ ребровикомъ по 3 куб. арш.; в) при напластованіи съ задирокъ съ болѣе крѣпкимъ и крупнымъ ребровикомъ по $2^1/_2$ куб. арш. „Забойщиковъ ставится при ширинѣ орты, штольни и др. 4-аршинной 2, при 1 откатчикѣ, а при ширинѣ 6-ти аршинной 2 забойщика и 2 откатчика“, и эти рабочіе, кромѣ выработки указаннаго урока, обязаны ставить и укрѣплять стойки, огнивы, а въ случаѣ мерзлоты класть дрова и уголь. Для взрыва камней назначается особый бурильщикъ [4]). Въ договорѣ Трапезниковыхъ 1878 г. урокъ опредѣленъ такимъ образомъ: 2 рабочимъ выработать и выкатать ко двору шахты, „по размѣру орты шириною 5 арш. и вышиною 3 арш., погонной мѣры вдоль орты $^1/_2$ арш., что составитъ $7^1/_2$ куб. арш., и выбранное мѣсто закрѣпить.... Откатка песковъ ко двору шахты должна быть не далѣе 30 саж.“, въ противномъ случаѣ прибавляется на забой 1 чел. Въ договорѣ Трапезниковыхъ 80-хъ гг. увеличено и максимальное разстояніе откатки, и размѣръ выработки, а именно 2 чел. полагалось выработать и выкатать песковъ „по принятому размѣру ортъ 9 куб. арш., выработанное мѣсто закрѣпить, а крупный камень, оставшійся отъ работъ, убрать на указанное мѣсто... Откатка песковъ не должна превосходить 50 саж., въ противномъ же случаѣ ставится на забой 3 чел... Потребные для подземныхъ работъ освѣтитель-

---

[1]) Въ договорѣ этой К° 1870 г. объ ортовыхъ работахъ говорится условно: „если изъ насъ нѣкоторые потребуются для работъ ортами, штреками, шурфами“, то отказываться не должны.

[2]) Такой же урокъ предлагалъ установить горн. испр. Винниковъ въ проектѣ нормальнаго контракта 1874 г.

[3]) Тоже въ контрактахъ Бодайбинской К° 1880, 83 и 84 гг.

[4]) Тоже въ контрактѣ Бодайбинской К° 1890 г. Въ 1894—95 гг. въ Бодайбинской К° рабочій долженъ былъ выработывать уже $4^1/_2$ куб. арш., но въ мѣстахъ наиболѣе мокрыхъ и тамъ, гдѣ встрѣчается особенно твердая порода, урокъ остался въ 3 куб. арш. „Вост. Обозр.“ 1895 г. № 22.

ные матеріалы и горючіе для тайки забоевъ должны быть хозяйскіе", отъ рабочихъ же требовалось раскладывать ихъ по забоямъ и зажигать. По договорамъ съ Базилевскимъ 1876, 78 и 80 гг. забойщикъ и откатчикъ должны были $6^3/_4$ куб. арш. въ 1 или 2 забояхъ протаять, закрѣпить готовыми крѣпями и выкатать пески. По договору съ Ленскимъ Т-вомъ 1883 г. на каждаго человѣка полагалось выработать 3 куб. арш. [1]) „съ оттайкою мерзлоты дровами или углями, съ подкаткою подземнымъ ходомъ до мѣста подъема и съ постановкою крѣпи. Доставлять же до шахтъ матеріалы для оттайки и крѣпленія, а также устанавливать подхваты должны особо назначаемые для этого рабочіе". Въ договорѣ Ленскаго Т-ва 1891 г. вмѣсто назначенія уроковъ установлена задѣльная плата по количеству вынутыхъ пудовъ песку (см. ниже). По договору К° Арендаторовъ 1875 г. при добычѣ песковъ въ ортахъ и подъемѣ ихъ изъ шахтъ на поверхность назначено дневнымъ урокомъ на одного чел. поставить обязательно одно огниво, полагая 12 огнивъ въ одной погонной сажени, при чемъ въ одномъ огнивѣ или одной погонной четверти опредѣлено было считать половину въ старанье (слѣдовательно на двухъ урокъ былъ $^1/_2$ погон. арш.). По договору съ Малопатомскимъ Т-вомъ 1880 г. назначенъ былъ урокъ на Романовскомъ пріискѣ: „каждому человѣку протаять, выбрать, выкатать въ отвалъ или къ зунфу шахты,... принести крѣпи, закрѣпить выработку въ просѣчкахъ" въ штольняхъ различной ширины и вышины 4 куб. арш. или одну погонную четверть въ просѣчкахъ 4-хъ арш. ширины и 4-хъ вышины, а на Кадаликанѣ на Ненасытномъ пріискѣ—по $2^1/_4$ куб. арш. и приготовить пожоги на слѣдующій день. Если откатка земли будетъ далѣе 25 саж., то управленіе обязано прибавлять на каждые 16 куб. арш. земли 1 чел. сверхъ 4 чел., обязанныхъ ихъ выработать. „Подноска къ забоямъ угля, дровъ, крѣпей" возлагалась на обязанность рабочихъ „безъ помощи управленія, которымъ эти матеріалы должны быть доставлены только къ шахтѣ или ортѣ". По договору съ Чаринскимъ Т-вомъ 1880 г. 2 чел. обязывались выбрать и выкатать по принятому размѣру орты (6 арш. ширины и $3^1/_2$ арш. вышины) $^1/_2$ арш. погонной мѣры, что составляетъ $10^1/_2$ куб. арш. на 2, или $5^1/_4$ арш. на каждаго—самый большой изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ уроковъ подземной выработки [2]).

Слѣдовательно, въ подземныхъ выработкахъ по разнымъ договорамъ на каждаго человѣка приходилось добыть и откатить ко „двору" шахты, иногда въ вѣчной мерзлотѣ, по $2^1/_4$, $2^1/_2$, $3^3/_8$, $3^1/_2$, $3^3/_4$, 4, $4^1/_2$ и $5^1/_4$ куб. арш. (послѣдній урокъ по договору съ Чаринскимъ Т-вомъ 1880 г.). Офицеръ, завѣдывавшій ссыльно-каторжными рабочими, въ отчетѣ за 1876 г. такъ опредѣляетъ урокъ въ ортовыхъ работахъ: на 2 забойщиковъ и 2 откатчиковъ полагалось поставить 2 огнива, т.-е. выработать $^1/_2$ арш. погона при $4^1/_2$ арш. вышины и 5—6 и болѣе арш. ширины, т.-е. по $2^3/_4$, $3^3/_8$ и болѣе куб. аршинъ на человѣка [3]). Это свидѣтельство показываетъ, что требованія контрактовъ не оставались мертвою буквою.

Въ 1875 г., какъ мы видѣли, по договору К° Арендаторовъ по-

[1]) То же въ договорѣ Ленскаго Т—ва 1890 г.

[2]) „Откатка песковъ ко двору" шахты „должна быть не далѣе 20 саж., въ противномъ случаѣ управленіе обязано было прибавлять одного чел. на забой.

[3]) Дѣло Арх. Вит. Горн. Испр. 1875 г. о ссыльно-кат. № 5, л. 128 об.

лагалось на одного человѣка поставлять одно огниво, т.-е. выработать $^1/_4$ арш. погону, при чемъ половина считалась въ „стараніе“. Отсюда слѣдуетъ заключить, что было время, когда обязательная выработка на *двухъ* должна была равняться только $^1/_4$ арш. погону или на одного—$^1/_8$ арш. погону. Это подтверждается записною книжкою одного стараго пріисковаго служащаго (г. Субботина), который сообщаетъ между прочимъ слѣдующія свѣдѣнія объ ортовой выработкѣ песковъ зимою 1871 г. на Вознесенскомъ пріискѣ компаніи Трапезниковыхъ по рч. Хомолхо. „Одинъ забойщикъ и 1 возчикъ или откатчикъ должны выработать хозяйскихъ одну огниву, т.-е. пройти впередъ $^1/_4$ арш., вышиною $3^1/_2$, а шириною 4 арш., что составитъ... кубическихъ $3^1/_2$ арш.“ (на двоихъ). „Слѣдовательно, на кубическую сажень выходитъ 15,4 подепщинъ. Но сверхъ хозяйской огнивы вырабатываютъ еще старательскую 1 и даже 2, если оттайка была благопріятна и проникла на глубину 3 огнивъ... Вообще это обстоятельство не доведено до настоящей выработки. Рабочіе хозяйскую огниву кончаютъ рано,—такъ къ 12 ч. утра, что замѣчено предъ наступленіемъ льготныхъ дней масляницы. Можно сказать, что хозяйскій урокъ долженъ состоять изъ 2 огнивъ“ (это требованіе и было скоро введено въ контрактъ Трапезниковыхъ, какъ мы видѣли выше). „Начинаютъ работать въ ортахъ съ семи часовъ утра“ (ранѣе оттаиваются забои) „и когда подберутъ талые пески, идутъ на обѣдъ около 10 часовъ, забои немного затапливаютъ, преимущественно однимъ углемъ, и часа черезъ три, т.-е. въ одинъ часъ, какъ прогорятъ угли, выходятъ на работу и продолжаютъ до 3 часовъ хозяйскую и старательскую работу“. Тутъ мы наглядно видимъ, какъ въ ортовыхъ работахъ повторился тотъ же процессъ увеличенія уроковъ, что и въ надземныхъ работахъ: первоначально задаются небольшіе обязательные уроки, потомъ налагается обязательный старательскій урокъ, далѣе этотъ старательскій урокъ включается въ обязательную норму за обыкновенную плату, а затѣмъ урокъ растетъ и далѣе, при чемъ желающимъ предоставляется право увеличивать заработокъ добровольнымъ стараніемъ, но уже по окончаніи весьма значительнаго урока. Впрочемъ слишкомъ громадные уроки, какъ въ Чаринскомъ Т-вѣ (1880 г.), очевидно, вызываютъ раздраженіе рабочихъ: не даромъ на пріискахъ этого товарищества было волненіе въ 1884 г. Любопытно, что мотивомъ возможности увеличенія урока г. Субботинъ выставляетъ то, что передъ масляницею рабочіе очень рано оканчиваютъ заданную имъ работу. Такіе случаи бываютъ и теперь. Такъ г. Кряжевъ, быть можетъ, черезчуръ обобщая наблюденія, сдѣланныя имъ на нѣсколькихъ пріискахъ, говоритъ: „Обыкновенно къ кануну отдыха рабочіе отрабатываютъ двойной урокъ, чтобы и этотъ день имѣть свободнымъ. На однихъ пріискахъ рабочіе въ канунъ отдыха вовсе не ходятъ на ра-

боты, сдавъ урокъ за этотъ день, а на другихъ—рабочихъ заставляютъ придти хоть урокъ сдать“ [1]). Такимъ образомъ, передъ кануномъ отдыха, особенно напрягая свои силы, рабочіе выработываютъ двойной урокъ, чтобы затѣмъ имѣть, вмѣсто одного, два дня отдыха, но такое напряженіе, если и проходитъ имъ даромъ, то только потому, что они отдыхаютъ потомъ 2 дня, но ввести такой двойной урокъ ежедневно было бы совершенно невозможно при нынѣшнихъ размѣрахъ уроковъ.

За недоработку уроковъ въ контрактахъ назначались вычеты или штрафы, превышающіе размѣръ платы за недоконченную работу; гораздо рѣже встрѣчаемъ условія объ отработкѣ недоработаннаго урока. Въ контрактахъ Базилевскаго 1876, 78 и 80-хъ гг. сказано: „за недоработку уроковъ, за подвозъ неполныхъ таратаекъ песковъ и торфовъ, если урокъ заданъ счетомъ ихъ, за самовольную отлучку съ работъ и за поздній выходъ на оныя подвергаемъ себя вычетамъ изъ заработка *вдвое* противъ получаемой виновными изъ насъ въ тотъ день платы, но если недоработка произойдетъ отъ слишкомъ большой твердости грунта и не будетъ превышать на 1 чел. 1 куб. арш. въ подземныхъ работахъ или 3 куб. арш. въ работахъ открытыхъ, то вмѣсто штрафа выставлять“ (т.-е. заноситъ въ разсчетные листы уменьшенную) „плату, опредѣленную контрактомъ за работы поторжныя, т.-е. 30 коп.“ (въ договорѣ 80-хъ гг. 40 коп.) зимою и 60 коп. лѣтомъ“. По договору Ленскаго Т-ва 1883 г., „если урокъ не будетъ выработанъ до окончанія срока дневной работы, то приставленные къ этому уроку рабочіе должны его покончить и подогнать въ теченіе слѣдующихъ трехъ дней; въ противномъ случаѣ съ насъ вычитается за недоработку въ размѣрѣ платы за старательскую работу“. Но въ договорахъ Ленскаго Т-ва 1890 — 91 гг. не упоминается уже ни объ отработкѣ уроковъ, ни о вычетѣ въ размѣрѣ старательскаго вознагражденія, а назначенъ штрафъ въ размѣрѣ поденной платы. Въ договорѣ съ Аканакъ-Накатаминскимъ Т-вомъ 1886 г. сказано: „Въ порученныхъ намъ урочныхъ работахъ обязываемся отвращать недоработки, и если таковыя будутъ нами допущены изъ лѣности или нерадѣнія, то за недоработку уроковъ управленіе Т-ва имѣетъ право съ насъ вычитать изъ платы, слѣдующей намъ за урокъ“. При недоработкѣ урока въ подземныхъ работахъ рабочіе, должны были получать плату, положенную для поторжныхъ работъ, или даже менѣе, смотря по количеству вынутыхъ песковъ и по разсчету платы, слѣдующей за полный выработанный урокъ [2]). Г. Михайловъ въ своей

[1]) „Русская Жизнь“ 1894 г. № 44. По словамъ другого мѣстнаго наблюдателя, „стремленіе золотопромышленниковъ къ увеличенію интензивности труда и между прочимъ уроковъ, назначаемыхъ рабочимъ, несомнѣнно существуетъ“. „Восточ. Об.“ 1895 г. № 28, стр. 2.

[2]) Ср. „Сибирскій Сборникъ“ 1889 г., вып. II, стр. 45.

запискѣ (1890 г.), говоритъ, что на пріискѣ Патушинскаго „опредѣляется, несмотря ни на какія условія, выработать артели изъ 4 чел. 3½ куб. саж. песку, при чемъ за каждую такую сажень назначается плата по 1 руб. 50 коп., а за каждую недоработанную сажень вычитается по 5 руб. 40 коп.“ Далѣе, въ той же запискѣ г. Михайловъ высказываетъ мысль, что „всякія условія вычета за недоработку, а тѣмъ болѣе того количества урока, за которое назначалась увеличенная плата, безусловно должны быть запрещены“. Отъ одного олекминскаго золотопромышленника мы слышали, что рабочіе стараются нагнать недоработку въ слѣдующіе дни. Постановленіе объ отработкѣ недоработаннаго урока, кромѣ приведеннаго условія въ контрактѣ Ленскаго Т-ва 1883 г., мы встрѣтили изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ договоровъ только въ контрактѣ К° Промышленности 1870 г., гдѣ сказано: „если мы, почему бы то ни было, не выработаемъ назначенныхъ въ день уроковъ торфа или золотоноснаго песку... или же не окончимъ другой какой либо урочной работы, то мы должны все это отработать на другой день сверхъ урочной работы этого дня“. Въ контрактѣ К° Промышленности 1887 г. и въ сходномъ съ нимъ договорѣ Бодайбинской К° 1890 г. за недоработку урока „по лѣности и нерадѣнію“ назначенъ штрафъ каждый разъ по два рубля [1]).

Въ 50-хъ и 60-хъ гг. прежде необязательныя старательскія работы въ воскресные и праздничные дни сдѣлались постепенно обязательными, о чемъ мы и встрѣчали постановленія въ контрактахъ этого времени [2]). Подробныя условія объ этомъ золотопромышленникамъ приходилось вносить въ договоры до 1870 г., потому что по дѣйствовавшему тогда закону 1838 г. работы по воскресеньямъ и праздникамъ были необязательны. Послѣ того какъ это правило не было повторено въ законѣ 1870 г., золотопромышленники могли уже не церемониться съ рабочими, и слѣдъ прежней необязательности воскресной и праздничной работы остался только въ повышенной платѣ за эти дни (и то не во всѣхъ договорахъ) [3]), при чемъ въ договорахъ устанавливалась всегда обязательность работы какъ въ будни, такъ и въ праздники. Въ договорахъ

---

[1]) Въ концѣ 1871 г., по предложенію высшей мѣстной власти, должны были быть отмѣнены, такъ называемыя, „калтайныя работы, по которымъ рабочій, окончившій свой урокъ ранѣе другихъ, долженъ былъ помогать недоработавшимъ“. Арх. Ир. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 457.

[2]) Остатокъ этихъ старыхъ условій мы находимъ въ контрактѣ К° Промышленности 1870 г.

[3]) Такъ въ договорахъ съ Базилевскимъ 1876, 78 и 80 гг. рабочіе обязывались работать въ праздники за ту же плату, что и въ будни, и повышенное вознагражденіе полагалось лишь за сверхурочную работу. Ту же плату въ праздники, что и въ будни, рабочіе должны были получать и по договорамъ Ленскаго Т—ва 1883, 90, 91 и 94 гг. и Малопатомскаго Т—ва 1880 г.

К° Промышленности 1874, 76 и 83 гг. прямо сказано, что „всѣ производимыя въ воскресные и табельные дни работы считать старательскими“ (съ повышенною платою). Затѣмъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактовъ мы встрѣтили упоминаніе объ обязательномъ стараніи лишь въ договорѣ К° Арендаторовъ 1875 г., гдѣ на работахъ въ разрѣзахъ сверхъ урока—1 куб. саж. на 2 чел. съ 1 лошадью — съ 1-го мая по 10-е сентября полагалось еще выработать $^1/_2$ старательской кубической сажени, а при ортовой работѣ въ одномъ огнивѣ или одной погонной четверти, обязательныхъ для каждаго рабочаго, половину условлено было считать въ стараніе [1]).

Купенковъ въ своей запискѣ, составленной въ 1872 г., говоритъ, что хозяева, давая за старательскую работу повышенную плату, „въ то же время при посредствѣ этой приманки заставляютъ работать людей въ праздничные дни и сверхъ положеннаго урока, въ ущербъ ихъ силъ и времени для возстановленія ихъ. Сущность старательской работы заключается въ желаніи золотопромышленника, прокармливая меньшее число людей, выполнить ими возможно большее количество работы, т.-е. заставляя рабочихъ вмѣсто 25 дней работать 30, сберегать этимъ путемъ содержаніе отъ тѣхъ людей, которые потребовались бы на выполненіе работы въ остальные 5 дней или на $^1/_6$ часть команды“. При этой системѣ требовалось и меньшее количество лошадей [2]).

Въ другихъ договорахъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о старательскихъ работахъ въ смыслѣ необязательнаго добавочнаго сверхъ урока труда за повышенную плату (нѣкоторыя изъ такихъ постановленій мы приводили, когда говорили о размѣрахъ уроковъ). Такъ, напримѣръ, въ контрактахъ Базилевскаго 1876, 78 и 80-хъ гг. сказано: „При урочной работѣ, окончивъ данный намъ урокъ, мы въ тотъ день должны быть свободны, если сами не пожелаемъ заняться старательскою работою“. Въ договорѣ Ленскаго Т-ва 1883 г. сказано: „что выработается въ день сверхъ дневного урока, то называется старательскою работою“. Такія сверхурочныя старательскія работы болѣе въ обычаѣ тамъ, гдѣ менѣе подъемнаго золота.

Кромѣ общихъ сверхурочныхъ старательскихъ работъ, такими работами называются еще отдѣльныя старанія на золото. Въ этомъ смыслѣ главный управляющій Ѳ. Базилевскаго въ запискѣ 1890 г. го-

---

[1]) Въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ Винниковымъ въ 1874 г., онъ предлагалъ постановить, чтобы лѣтомъ рабочіе исполняли полуторный урокъ съ особою платою за добавочную половину урока (старательскую), въ зимнее же время въ будни работать одинъ урокъ, а добавочную работу (старательскую) производить только въ воскресные и праздничные дни, при чемъ всякая затѣмъ земляная добавочная работа должна производиться по обоюдному соглашенію.

[2]) Ср. „Сибирскій Сборникъ“ 1889 г., вып. II, стр. 45—47.

воритъ: „на Вѣрномъ пріискѣ нѣтъ подъемнаго золота, и только въ видѣ награды каждому рабочему поочередно дозволяется стараться, при чемъ, смотря по прилежанію и поведенію, управленіе дозволяетъ имъ представлять въ контору старательскаго золота отъ 20 до 70 руб.“ [1]). О подобныхъ же старательскихъ работахъ въ одной газетной статьѣ сказано: нѣкоторые разночинцы „получаютъ отъ станового старательскія записки на 15 руб.“ (очевидно съ правомъ намыть золота на 15 руб.). „Съ этими записками они идутъ къ штейгеру, который и отводитъ имъ пески“. Обыкновенно нѣсколько человѣкъ соединяются въ одну артель и общими силами устраиваютъ бутары и вашгерды для промывки песковъ, а нѣкоторые предпочитаютъ стараться въ одиночку, промывая пески на лоткахъ [2]). Въ К⁰ Промышленности поторжнымъ рабочимъ, не работающимъ въ шахтахъ и получающимъ поденное вознагражденіе (по 60 к. въ день) компанія раздаетъ билеты на старательскую работу въ мѣстахъ отработанныхъ или разработка которыхъ на счетъ компаніи не удобна. Тѣ изъ нихъ, которые не могутъ по роду своей службы или не желаютъ сами „стараться“, продаютъ свои билеты или отдаютъ съ половины такъ называемой „летучкѣ“, т.-е. рабочимъ, тайно добывающимъ золото, а иногда и якутамъ [3]). Когда начала строиться сибирская желѣзная дорога и рабочіе съ промысловъ стали уходить на желѣзнодорожныя работы, нѣкоторыи золотопромышленныя компаніи открыли старательскія работы для всѣхъ безъ исключенія рабочихъ, чтобы удержать ихъ на пріискахъ [4]). Бодайбинская К⁰, для облегченія положенія школьниковъ, даетъ имъ старательскія работы, и они, учась въ школѣ, въ то же время зарабатываютъ на свое содержаніе [5]).

Мы приводили уже отзывы нѣкоторыхъ оффиціальныхъ лицъ о тяжести пріисковаго труда. Генералъ-губернаторъ Синельниковъ въ циркулярѣ отъ 21 декабря 1871 г., по поводу введенныхъ при немъ работъ ссыльнокаторжныхъ на олекминскихъ пріискахъ, говоритъ: „есть работы на частныхъ пріискахъ, которыя не легче рудничныхъ, напримѣръ, работы на Олекминской системѣ почетнаго гражданина Базанова, углубленныя свыше 10 саж.“ [6]). Офицеръ, завѣдывавшій ссыльнокаторжными,

[1]) Въ договорѣ съ Плетюхинымъ 1889 г. рабочіе обязывались „никакого старанія не требовать“.

[2]) „Сибирь“ 1873 г. № 9; „Сибир. Сборн.“ 1889 г., 43. Въ такъ называемыхъ „отрядныхъ“ работахъ вознагражденіе полагается не за исполненіе извѣстнаго урока, а бываетъ задѣльное: угольщикамъ съ куб. саж. угля, пильщикамъ съ сотни тесу, дроворубамъ за куб. саж. дровъ, колесникамъ за каждое колесо, кожевникамъ за выдѣлку одной кожи, кирпичникамъ съ тысячи штукъ кирпича, за гонку смолы съ пуда и проч.

[3]) „Восточн. Обозр.“ 1894 г. № 127.

[4]) „Вост. Об.“ 1894 г. № 130.

[5]) „Вост. Об.“ 1895 г. № 23.

[6]) „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1871 г. № 82..

въ отчетѣ за 1876 г. говоритъ: „условія пріисковыхъ работъ, по свойству трудно уступающаго человѣческой силѣ грунта земли, по суровости климата, особеннымъ условіямъ мѣстности, изолированной отъ всякаго населенія, и по числу рабочихъ часовъ могутъ быть отнесены къ крайне тяжелымъ“ [1]). Г. Калагеорги въ 1882 г. свидѣтельствуетъ, что пріисковая работа „не легка: приходится работать подъ дождемъ, иногда по поясъ въ водѣ, подвергаться риску быть ушибленнымъ обвалившеюся землею и сдѣлаться калѣкой“. По словамъ мѣстнаго горнаго исправника (1872 г.), „силы рабочихъ къ концу операціи совершенно истощены, частью и самой погодой, холодной и съ дождемъ, послѣ котораго они иногда не успѣваютъ и обсушиться, какъ слѣдуетъ. Уклоняются въ это время отъ работъ не одни должники, для которыхъ заработокъ одного или нѣсколькихъ дней не можетъ значительно уменьшить цифру долга; уклоняются и тѣ, коимъ слѣдуютъ отъ управленій не малыя додачи, нисколько не обращая вниманія на то, что чрезъ прогулъ они теряютъ при разсчетѣ“ [2]). Якутскій губернаторъ въ отчетѣ за 1887 г. также говоритъ о „непосильной физической работѣ“ пріисковыхъ рабочихъ [3]). По словамъ олекминскаго горнаго исправника (1884 г.), „работы на пріискахъ исполняются обыкновенно принудительными мѣрами, въ особенности гдѣ нѣтъ подъемнаго золота, а безъ постояннаго надзора производятся только отрядныя работы“ [4]).

На пріискахъ занято работою небольшое количество женщинъ, которыя нанимаются для мытья половъ, стирки бѣлья и т. п. работъ, а также въ услуженіе у служащихъ [5]).

Что касается работы дѣтей, то ихъ бываетъ на работѣ еще менѣе; по словамъ витимскаго горнаго исправника (1882 г.), „11 дѣтей, имѣющихъ отъ роду отъ 8 до 15 лѣтъ, употреблялись лишь для прислугъ и посылокъ, имѣющія же 14 и 15 лѣтъ хотя и находились погонщиками лошадей при вагонахъ, но работали не болѣе шести часовъ въ сутки“ [6]). Въ отчетѣ за 1888 г. тотъ же исправникъ говоритъ: „очень небольшое число дѣтей отъ 10 до 15-ти лѣтняго возраста задолжалось въ прислугахъ, остальные находились безъ дѣла при родителяхъ“.

Плата за горныя работы, какъ и въ другихъ округахъ, была преимущественно поурочная, т.-е. за исполненіе извѣстнаго урока въ день.

---

[1]) Дѣло Арх. Витим. Горн. Испр. (о ссыльно-катор.) 1875 г. № 5, л. 129 об.

[2]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 466 об.

[3]) Арх. Канц. Ирк. Ген. Губ. № 611, л. 37.

[4]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 52.

[5]) Всего женщинъ на олекминскихъ промыслахъ въ 80-хъ гг. было отъ 8 до 11%. См. *Дополненіе I.*

[6]) Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2768, № 63—53, л. 5.

По договору К° Промышленности 1870 г. за вскрытіе 1 куб. саж. торфа полагалось по 1 руб., въ праздники по 2 руб. съ отвозкою въ отвалъ на лошадяхъ, а ручнымъ откатомъ въ будни по 2 руб. 40 коп., въ праздничные и табельные дни по 4 руб. 80 коп., т.-е. въ томъ и въ другомъ случаѣ рабочіе должны были получать плату каждый день, сколько будетъ причитаться имъ на каждаго человѣка за вскрытый ими торфъ по числу людей. Такъ какъ по этому договору предполагался урокъ при конной отвозкѣ по 3 куб. саж. на 4 чел., то слѣдовательно 1 чел. въ будни могъ получить по 75 к., а въ праздники по 1 руб. 50 к. По договору 1874 г. уроки были нѣсколько уменьшены, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшился и заработокъ, а именно за исполненіе урока каждый рабочій могъ получить въ будни 50—60 коп., въ праздники 1 руб. 20 коп., а за сверхурочную работу, какъ въ будни, такъ и въ праздники по разсчету праздничной платы съ сажени. По договору 1878 г. съ увеличеніемъ уроковъ была нѣсколько увеличена и плата, а именно за урочную работу рабочій могъ получить въ день 62—75 к. въ будни и 1 р. 24 к.—1 р. 50 к. въ праздники, а за работу на мерзлыхъ торфахъ, гдѣ число рабочихъ опредѣлялось по усмотрѣнію управленія, положена плата за поденщину не болѣе 50 коп. въ будни, а въ праздники до 1 руб. По договору КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. плата вообще нѣсколько возвышена, а именно въ зимнюю операцію каждый рабочій долженъ былъ получать за исполненіе урока при отвозкѣ на лошадяхъ въ будни 75 коп., въ праздники 1 руб. 20 к., а съ 10-го мая по 10-е сентября въ будни 90 к., въ праздники 1 р. 75 к.; при ручной откаткѣ за исполненіе большого урока въ зимнюю операцію каждому рабочему въ будни 90 коп., въ праздники 1 р. 20 к., въ лѣтнюю въ будни 1 р. 20 к., въ праздники 1 р. 60 к. По договору Бодайбинской К° 1890 г. за исполненіе большого урока плата нѣсколько выше, а именно въ зимнюю операцію въ будни 1 р. 10 к., въ праздники 2 р. 10 к.

По договору К° Арендаторовъ 1875 г. въ зимнюю операцію полагалась поденная плата по 20 коп. въ будни и по 60 коп. въ праздники, въ лѣтнюю же операцію за выработку *полуторнаго* урока (вмѣстѣ съ обязательною половиною старательскою) каждый человѣкъ получалъ съ отвозкою на хозяйскихъ лошадяхъ въ будни и въ праздники по 60 к., а ручнымъ откатомъ по 50 к. По договору К° Трапезниковыхъ первой половины 70-хъ гг. въ зимнюю операцію рабочіе получали поденную плату по 15 к. въ будни и 50 к. въ праздники, съ 1-го же мая по 10-е сентября за исполненіе урока, смотря по удобности грунта, каждый рабочій могъ заработать въ будни по 50—75 к., въ праздники отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к., при чемъ за сверхурочную выработку полагалась не повышенная, а та же плата. По договору Трапезниковыхъ 1878 г. за исполненіе урока, какъ съ отвозкою на лошадяхъ, такъ и ручнымъ откатомъ, рабочіе должны были получать: въ будни по 60 коп., въ праздники 1 руб. 90 коп., а за сверхурочную работу плата назначалась повышенная. По договору Трапезниковыхъ 1880 г. (при увеличеніи урока на таломъ грунтѣ) работникъ могъ заработать ежедневно въ будни 80—90 коп., въ праздники отъ 1 руб. 40 коп. до 1 руб. 65 коп. (при ручномъ откатѣ до 1 р. 80 к.), за сверхурочную же работу полагалась значительно повышенная плата. У Плетюхина по договорамъ 1886—89 гг. условіе о платѣ выражено такимъ образомъ: „за каждую куб. саж. отъ 1 до 2 р. въ будни и отъ 3 до 4 руб. въ праздничные и табельные дни“ (при чемъ никакого различія въ свойствѣ грунта не сдѣлано); такъ какъ 1 куб. саж. при ручной откаткѣ на тачкѣ должны были выработать 2 чел., то слѣдовательно каждый долженъ былъ получать за исполненіе этого огромнаго урока отъ 50 коп. до 1 руб. въ будни и отъ 1 р. 50 к. до 2 р. въ праздники, но условіе это выражено такъ неопредѣленно,

что Плетюхинъ всегда могъ записать не максимальную, а минимальную плату. Въ договорахъ Базилевскаго 1876 и 78 гг. рабочій на разныхъ сортахъ торфа получалъ въ зимнюю операцію отъ 40 до 90 к. въ день, а въ лѣтнюю—60—90 к., за сверхъурочную же работу назначена была значительно повышенная плата. По договору съ Ленскимъ Т-вомъ 1883 г. полагалось за исполненіе урока на таломъ грунтѣ по 90 к. съ значительно повышенной платой за сверхурочную работу. По договору съ Малопатомскимъ Т-вомъ 1880 г. за исполненіе урока рабочій получалъ 75 к. въ день и значительно повышенную плату за сверхурочную работу. По договору съ Чаринскимъ Т-вомъ 1880 г. рабочіе получали за исполненіе урока на торфахъ по 60—70 к. въ будни и праздники, а съ 1-го мая по 10-е сентября по 25 руб. въ мѣсяцъ, считая въ немъ и будни, и праздники, а за исполненіе сверхурочной работы назначена также плата по разсчету.

Итакъ лишь въ немногихъ договорахъ встрѣчаемъ зимою поденную плату на торфахъ въ будни 15—20 коп., въ праздники 50—60 коп., обыкновенно же зимою и лѣтомъ полагалась поурочная плата, или одинаковая въ будни и праздники, или въ праздники повышенная. Въ первомъ случаѣ, по извѣстнымъ намъ договорамъ, плата за исполненіе урока въ день равнялась 50—90 коп. (только въ договорѣ Базилевскаго встрѣчаемъ плату зимою 40 коп.), во-второмъ случаѣ рабочій получалъ въ будній день 50 коп.—1 руб. 20 к., въ праздники отъ 1 руб. до 2 руб. 10 коп. Одинъ случай мѣсячной платы лѣтомъ на горныхъ работахъ (въ Чаринскомъ Т-вѣ) былъ только что указанъ.

Плата за добычу золотоноснаго песку изъ открытыхъ разрѣзовъ производилась по договорамъ въ слѣдующемъ размѣрѣ. По контракту К° Промышленности 1870 г. „за добычу и подвозку на машину или къ приводу вагоннаго каната одной куб. саж. золотоноснаго пласта съ отвозкою камней въ отвалы въ будни по 1 р. 40 к., а въ праздничные и табельные дни по 2 р. 80 к., какъ будетъ причитаться на каждаго человѣка". Такъ какъ урокъ на пескахъ по этому договору былъ назначенъ въ размѣрѣ 3 куб. саж. на 4 чел., то слѣдовательно за исполненіе урочной работы каждый рабочій долженъ былъ получить въ день 1 р. 5 к., а въ праздники 2 р. 10 к. По договору 1874 г. той же К° уроки на удобномъ грунтѣ были уменьшены, и плата каждому рабочему за исполненіе урока равнялась 80—84 к. въ будній день и 1 р. 60 к.—1 р. 68 к. въ праздники (за исполненіе сверхъурочной работы въ будни и праздники назначалась старательская плата выше будничной, но нѣсколько ниже праздничной). По договорамъ К° Промышленности 1878 и 83 гг. урокъ былъ повышенъ, но плата осталась почти та же самая: 87½ коп. въ будни и 1 р. 75 к. въ праздники на каждаго человѣка (за сверхурочную работу полагалась праздничная плата). По договору К° Промышленности 1887 г. за исполненіе урока рабочій долженъ былъ получать въ будни 90 к., въ праздники 1 р. 83 к. По договору Болайбинской К° 1890 г. за исполненіе урока, превышающаго урокъ К° Промышленности, каждый рабочій долженъ былъ получать въ будній день 1 р. 10 к., въ праздникъ 2 р. 20 к. По договору К° Арендаторовъ 1875 г. за исполненіе обязательнаго полуторнаго урока на пескахъ каждый забойщикъ и возчикъ долженъ былъ получать въ будни и праздники по 70 к., прочіе же, находящіеся при промывкѣ песковъ — отвозчики гальки и эфеля, люковщики, отвальные и при поторжныхъ работахъ, въ будни по 55 к., въ праздники по 1 р. По договору Трапезниковыхъ первой половины

70-хъ гг. каждый забойщикъ и возчикъ долженъ былъ получать въ будни по 52 к., въ праздники по 1 р. за исполненіе урока; по договору же 1878 г. эта ничтожная плата была значительно увеличена, хотя урокъ остался все тотъ же: каждый рабочій получалъ за исполненіе его въ будни 82 к., въ праздники 1 руб. 90 к. Въ договорахъ Трапезниковыхъ 80-хъ гг. съ увеличеніемъ урока нѣсколько увеличена и плата, а именно, за исполненіе урока при добычѣ песковъ каждый изъ забойщиковъ и возчиковъ долженъ былъ получать въ будни 1 р. 5 к., въ праздники 1 р. 92 к. По договорамъ Базилевскаго 1876, 78 и 80-хъ гг. забойщики и возчики получали каждый за исполненіе урока въ будни и праздники по 90 к., а за сверхурочную работу повышенную плату. По договору Ленскаго Т-ва 1883 г. за исполненіе урока полагалось каждому по 90 к. въ будни и праздники, съ значительно повышенной платою за сверхурочную работу, по договорамъ же 1890—91 гг. о вознагражденіи болѣе возвышенномъ за сверхурочную работу не упоминается. По договорамъ Плетюхина 1886 и 89 гг. плата при добычѣ золотосодержащихъ песковъ столь же неопредѣленна, какъ и при добычѣ торфа, а именно, рабочій при ручной откаткѣ на тачкѣ долженъ былъ за исполненіе весьма тяжелаго урока получать въ будни 50 к.—1 р., въ праздники 1 р. 50 к.—2 р. По договору Чаринскаго Т-ва 1880 г. забойщики и возчики получали за исполненіе урока по 85 к. въ день въ будни и праздники, свальщики песковъ на машинѣ такое же вознагражденіе, а прочіе рабочіе при промывкѣ по 65 к.

Слѣдовательно плата за исполненіе уроковъ при добычѣ песковъ изъ открытыхъ разрѣзовъ была или одинаковая въ будни и праздники, или повышенная въ праздники. Въ первомъ случаѣ плата въ извѣстныхъ намъ договорахъ на каждаго рабочаго за исполненіе урока колебалась отъ 60 до 90 коп., во второмъ случаѣ—отъ 52 коп. до 1 руб. 10 коп. въ будни и отъ 1 руб. до 2 руб. 20 к. въ праздники [1]).

Что касается платы за уроки при добычѣ песковъ подземными работами, то въ договорахъ К° Промышленности мы впервые встрѣчаемъ опредѣленіе этой платы въ договорѣ 1878 г., хотя размѣръ урока при ортовой добычѣ песковъ былъ опредѣленъ уже ранѣе. По этому договору за исполненіе урока (3 куб. арш. на чел.) забойщикъ долженъ былъ получать въ зимнее время по 60 к., въ лѣтнее—по 90 к.; возчикъ зимой 50 к., лѣтомъ 70 к. За выработку сверхъ урока, считающуюся старательскою, полагалось въ зимнее время за каждый куб. арш. по 60 к., въ лѣтнее время по 75 к. Плата за сверхурочную работу должна была дѣлиться поровну на всѣхъ забойщиковъ и возчиковъ. По договору К° 1887 г. за исполненіе урока на ортовыхъ работахъ вознагражденіе нѣсколько повышено, а именно: съ 10-го сентября по 1-е мая 70 к. въ день, а въ лѣтнюю операцію 1 р. 20 к., за старательскую же сверхурочную выработку плата уменьшена: зимою 45 к. и лѣтомъ 60 к. за куб. арш. По договору съ Трапезниковыми первой половины 70-хъ гг. забойщики и возчики при ортовыхъ работахъ должны были получать зимою по 67½ к. на чел. въ будни и по 1 р. 5 к. въ праздники, лѣтомъ же будничная плата менѣе—55 к. на чел., а праздничная болѣе—2 руб. 45 к. По этимъ цѣнамъ рабочіе разсчитывались только за выработку полныхъ

---

[1]) Горн. исправ. Винниковъ въ проектѣ норм. контракта 1874 г. предлагалъ назначить за исполненіе уроковъ на пескахъ каждому рабочему 70 коп. въ будни и 1 руб. 40 коп. въ праздники.

уроковъ; за исполненіе же половинныхъ уроковъ забойщики получали въ будни 20 к. и въ праздники 60 к. По договору съ Трапезниковыми 1878 г. будничная лѣтняя плата повышена до 82 к. на чел., по договору Трапезниковыхъ 80-хъ гг. за увеличенный урокъ плата нѣсколько увеличена, а именно: зимою въ будни рабочій долженъ былъ получать за выработку урока 90 к. и 1 р. 35 к. въ праздники, а лѣтомъ 1 р. 35 к. въ будни и 1 р. 80 к. въ праздники. По договорамъ Базилевскаго 1876 и 78 гг. забойщики и откатчики должны были получать за исполненіе урока по 60 к. зимою и лѣтомъ, а за сверхурочную работу по 40 к. за куб. арш.; по договорамъ же 80-хъ гг. плата за тотъ же урокъ повышена: зимою 70 к., лѣтомъ забойщику 90 к., откатчику 70 к., а за сверхурочную работу по 50 к. аршинъ. По договорамъ Ленскаго Т-ва 1883 г. забойщикъ получалъ за исполненіе урока 40 к. и за сверхурочную работу 45 к. за каждый куб. арш.; по договору же 1890 г. за тотъ же урокъ забойщикъ — 50 к. и за каждый куб. арш. сверхурочной выработки 40 к. По договору Ленскаго Т-ва 1891 г. плата установлена не поурочная, а задѣльная, по количеству вынутыхъ пудовъ песку (см. ниже). По договору К° Арендаторовъ за исполненіе урока и обязательнаго старанія рабочіе должны были получать зимою 20 к. въ будни и 60 к. въ праздники, а лѣтомъ 52 к. въ будни и 2 р. 42 к. въ праздники. По договору Малопатомскаго Т-ва 1880 г. каждый рабочій получалъ 80 к. за исполненіе урока и 30—40 к. за выработку каждаго сверхурочнаго аршина. По договору Чаринскаго Т-ва 1880 г. зимою за выполненіе урока каждый рабочій получалъ 70 к., а лѣтомъ 83 к. въ день или 25 р. въ мѣсяцъ. Въ случаѣ недоработки *половины* урока рабочіе должны были получать по 35 к. въ день.

Слѣдовательно, плата при добычѣ песковъ подземными работами въ тѣхъ случаяхъ, когда она назначалась одинаковая въ теченіе всего года, колебалась отъ 40 до 80 коп.; при различномъ же вознагражденіи зимою и лѣтомъ,—зимою отъ 50 до 70 коп., лѣтомъ отъ 70 до 1 руб. 20 коп. въ день за исполненіе урока, кромѣ повышенной платы за сверхъурочную работу. Наконецъ въ третьихъ договорахъ плата различалась не только зимою и лѣтомъ, но еще въ будни и праздники. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ зимою въ будни она равнялась 20—90 коп., въ праздники 60 коп.—1 руб. 35 коп., лѣтомъ въ будни 52 коп.—1 руб. 35 коп., въ праздники 1 руб. 80 коп.—2 руб. 45 коп. [1]).

Особая система поурочнаго вознагражденія установлена въ послѣднее время при ортовыхъ работахъ въ Бодайбинской К°; размѣръ урока тамъ увеличенъ въ полтора раза: вмѣсто прежняго средняго урока въ 3 куб. арш. назначенъ урокъ въ $4^1/_2$ арш., причемъ рабочій получаетъ за первые 3 арш. 70 коп., за 4-ый 35 коп. и за остальные

---

[1]) Въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.) указанъ одинъ, довольно рѣдкій въ то время, случай, когда по договору всѣ рабочіе получали поденную плату 1 руб. 25 коп.—1 руб. 50 коп. за исполненіе извѣстнаго урока на торфахъ и пескахъ, но на всемъ своемъ содержаніи, которое забиралось изъ пріисковыхъ амбаровъ по таксѣ. Такъ какъ пищевое довольствіе въ это время на пріискахъ обходилось около 75 коп. на человѣка, то слѣдовательно вознагражденіе было меньше, чѣмъ на другихъ промыслахъ.

1/2 арш. тоже 35 коп., такъ что за полный урокъ приходится въ день 1 руб. 40 коп. на хозяйскихъ харчахъ [1]).

По договору Ленскаго Т-ва 1891 г. установлена не поурочная, а задѣльная плата съ пуда добытаго изъ ортъ и шахтъ песку съ вычетомъ за матеріалы (уголь, динамитъ, затравки, пистоны и свѣчи). Относительно этого перевода рабочихъ на задѣльную плату въ „Вѣстникѣ Золотопромышленности“ было сообщено слѣдующее: „Съ операціи 1891—92 г. выемочныя подземныя работы производились съ платою за пудъ вынутыхъ песковъ, причемъ изъ этой платы исключалась стоимость угля, употребленнаго на оттайку вѣчномерзлыхъ забоевъ, динамита и свѣчей. Переходъ этотъ, послѣ длиннаго ряда лѣтъ работъ съ урока или съ аршина безъ вычета за матеріалы, могъ быть осуществленъ только при условіи, что рабочіе убѣдятся въ выгодности его для себя. Поэтому управленіе первый годъ не извлекло изъ этого перехода никакой пользы, а вся экономія въ матеріалахъ увеличила заработки рабочихъ и указала управленію, до какихъ размѣровъ расходъ матеріаловъ можетъ быть сокращенъ безъ ущерба производительности рабочаго. Съ операціи слѣдующаго года (1892—93 г.) управленіе измѣнило цѣну и подѣлилось съ рабочими сбереженіями, вызванными сокращеніемъ матеріаловъ, отдавъ имъ половину этихъ сбереженій“ [2]). Дальнѣйшія свѣдѣнія мы находимъ въ „Восточ. Обозр.“, гдѣ сообщаютъ о „радикальной“ реформѣ въ организаціи работъ Ленскаго Т-ва: „Всѣ рабочіе переведены на свое содержаніе“, т.-е. на свои харчи, „они обязаны на свой же счетъ пріобрѣтать въ складахъ Т-ва динамитъ, уголь и свѣчи, потребные при работѣ въ шахтахъ. Горные рабочіе получаютъ плату съ пуда добытаго песку, которая разсчитана такъ, что въ нее вошли расходы на пищу и на вышеупомянутыя вспомогательныя средства. Если въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго времени задѣльная плата выходитъ менѣе установленной управленіемъ поденной (напр., для забойщиковъ 1 руб. 40 коп.), то рабочій разсчитывается по послѣдней, хотя объ этомъ и не упоминается въ контрактахъ; введя это условіе, управленіе находитъ, что оно не только не уменьшило вознагражденія рабочихъ, получаемаго ими при прежней системѣ, но дало случай расторопнымъ и прилежнымъ изъ нихъ заработать болѣе... Назначивъ рабочимъ задѣльную плату, управленіе заботится о томъ, чтобы заработокъ выходилъ болѣе или менѣе равномѣрнымъ; поэтому переводятъ ихъ изъ трудныхъ, маловыгодныхъ, работъ на болѣе легкія—и наоборотъ, наблюдая извѣстную очередь“. Многіе отрицательно относятся къ введенію задѣльной платы: „Отъ

---

[1]) „Вост. Об.“ 1895 г., № 22.

[2]) „Вѣстн. Золотопр.“ 1895 г., № 7, стр. 127.

рабочихъ, работающихъ на пріискахъ Т-ва, можно иногда слышать, что въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени имъ приходится тратить на содержаніе свое, динамитъ, уголь и свѣчи весь свой заработокъ". Къ сожалѣнію мы не имѣемъ матеріаловъ для того, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какъ отразилось введеніе задѣльной платы на заработкахъ рабочихъ. Плата съ пуда была выше въ 1895 г., чѣмъ въ 1891 г., при первомъ введеніи задѣльной платы, но это объясняется тѣмъ, что въ 1891 г. рабочіе были на хозяйскомъ содержаніи, а въ 1895 г. на своемъ [1]).

Въ собственно горныхъ работахъ, т.-е. при добычѣ и отвозкѣ торфа и пласта, преобладаетъ поурочная плата, но при выработкѣ шахтъ, шурфовъ и проч. встрѣчаемъ и поденное, а не поурочное вознагражденіе по договорамъ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. и Бодайбинской 1890 г. Въ этомъ случаѣ назначена плата зимою въ будни и праздники 50—70 коп., лѣтомъ 70 коп.—1 руб.; при перевозкѣ и промывкѣ песковъ—отъ 60 до 90 к. зимою и 60 коп.—1 руб. 20 коп. въ день лѣтомъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ работающіе въ шахтахъ получаютъ въ К° Промышленности вознагражденіе лѣтомъ 1 руб. въ день и зимою 90 коп. (кромѣ подъемнаго золота) [2]).

За поторжныя работы по договору К° Промышленности 1870 г. было назначено зимою по 15 коп. въ будни и 50 коп. въ праздники, лѣтомъ въ будни 45 коп., въ праздники 1 руб.; по договорамъ же К° Промышленности и Прибрежно-Витимской и Бодайбинской 1890 г. за поторжныя работы въ будни и праздники мужчинамъ 50—70 коп., женщинамъ 25—35 коп. [3]).

Поденная плата мастеровымъ и разночинцамъ была обыкновенно не одинакова зимою и лѣтомъ. Зимою она колебалась отъ 30 коп. до 1 руб., лѣтомъ же тамъ, гдѣ не дѣлалось различія между будними днями и праздниками, она равнялась 55 коп. — 1 руб., а тамъ, гдѣ существовало особое праздничное вознагражденіе, оно равнялось 1 руб.—2 руб. Сравнивая приведенныя въ таблицѣ данныя о поденной платѣ 70-хъ и 80-хъ гг., мы видимъ, что она несомнѣнно возросла.

Подростки моложе 16 лѣтъ, по договору Базилевскаго 1876 г., получали поденную плату 30 коп., а по договору 80-хъ гг. 40—50 коп. По договору Ленскаго Т-ва подросткамъ отъ 12 лѣтъ опредѣлена плата въ 50 коп.

Поденная плата женщинамъ равнялась 20 — 35 коп. [4]) и только

---

[1]) „Восточн. Об." 1895 г. №№ 22, 23 и 25.

[2]) „Восточн. Обозр." 1894 г. № 127.

[3]) См. данныя о поденной платѣ въ таблицѣ, напечатанной въ *Дополненіи XII.*

[4]) Средній заработокъ женской прислуги Аврамовъ принимаетъ въ 23 к. въ день (стр. 104).

въ договорѣ Базилевскаго 80-хъ гг. 40—50 коп. Въ договорѣ Ленскаго Т-ва 1891 г. сказано: „Если бы кто изъ рабочихъ получилъ разрѣшеніе привести съ собою свою семью, то мы обязуемся посылать въ работу пришедшихъ съ нами женщинъ или взрослыхъ дочерей за плату по 1 руб. за смѣну на своихъ харчахъ или же по 40 коп. и харчи. По договору 1895 г. женщины на своихъ харчахъ получали отъ 50 коп. до 1 руб. 20 коп. Если бы какая либо женщина была назначена въ прислуги, то она получаетъ по 40 коп. въ сутки и готовое содержаніе отъ лица, у котораго состоитъ въ услуженіи".

Мѣсячное жалованье въ Олекминскомъ округѣ менѣе распространено въ собственно горныхъ работахъ, чѣмъ въ Енисейскомъ округѣ, не считая впрочемъ развѣдокъ и шурфованія, но тѣмъ не менѣе оно встрѣчалось. Офицеръ, завѣдывавшій рабочими—ссыльно-каторжными на промыслахъ Сибирякова и Базанова, въ 1876 г. писалъ: „въ ортахъ и развѣдкахъ плата производится помѣсячно отъ 12 до 20 руб. въ мѣсяцъ и болѣе". По договору съ Чаринскимъ Т-вомъ 1880 г. рабочіе, находящіеся при отливѣ воды, уборкѣ камня, подчисткѣ ортъ, и погонщики получали плату зимою по 15 руб. въ мѣсяцъ, лѣтомъ по 20 руб., а при добычѣ песка изъ ортъ и готовыхъ отваловъ полагалась мѣсячная плата по 25 руб.

Мѣсячное жалованіе составляло всегдашнее и единственное вознагражденіе въ поисковыхъ или развѣдочныхъ партіяхъ; при этомъ рабочіе обязывались трудиться во всѣ дни мѣсяца и не требовать никакого старанія и повышенной платы въ праздничные дни. По договорамъ К° Промышленности 1870, 74, 78 и 83 гг. въ этомъ случаѣ полагалась мѣсячная плата 12—25 руб.; по договорамъ Трапезниковыхъ первой половины 70-хъ гг. назначена плата зимою 10 руб., лѣтомъ 15 руб., 1878 г. зимою 15 руб., лѣтомъ 25 руб., въ первой половинѣ 80-хъ гг. зимою 18, лѣтомъ 24 руб. По договору К° Арендаторовъ 1875 г. зимою 10— 15 руб., лѣтомъ 15—20 р. По контрактамъ Плетюхина 1886 и 89 гг. полагалась плата по усмотрѣнію управленія отъ 15 до 25 руб.; по договору Чаринскаго Т-ва 1880 г.—зимою 12 руб., лѣтомъ 25 руб.

Такимъ образомъ, по этимъ контрактамъ тамъ, гдѣ различается лѣтнее и зимнее вознагражденіе, лѣтняя плата колеблется между 15 и 25 руб., зимняя между 10 и 18 руб., а тамъ, гдѣ указана одна цифра для зимы и лѣта, 12—25 руб.

Въ отчетахъ горныхъ исправниковъ указывается размѣръ мѣсячнаго жалованья отдѣльно для мастеровыхъ и чернорабочихъ. По отчетамъ исправника Витимской системы за 1883 и 88 гг. чернорабочіе получали зимою 10—20 руб., лѣтомъ 15—30 руб. По отчету Прибрежно-Витимской К° за 1882 г. чернорабочіе получали жалованья отъ 18 до

35 руб., но въ слѣдственномъ дѣлѣ о волненіи въ 1882 г. на Благовѣщенскомъ пріискѣ этой К° мы находимъ указаніе, что мѣсячное жалованье простыхъ рабочихъ зимою равнялось 15—17 руб., т.-е. менѣе минимума, указаннаго въ отчетѣ К° [1]).

Мѣсячное жалованье мастеровыхъ и разночинцевъ въ 70-хъ гг. колебалось для взрослыхъ рабочихъ мужского пола между 6 и 30 руб., а лѣтомъ между 15 и 40 руб., въ 80-хъ гг. оно равнялось зимою 9—40 руб., а лѣтомъ 15—50 руб. Въ теченіе этихъ двухъ десятилѣтій мѣсячное вознагражденіе мастеровыхъ и разночинцевъ значительно возросло. По отчету горнаго исправника Витимской системы за 1882—83 гг. мѣсячное жалованье кузнецовъ и слесарей равнялось 15 — 50 руб.; плотниковъ, маляровъ, печниковъ и т. п. 15—45 руб.; по отчету того же исправника за 1878 г. кузнецы и слесаря получали 20 — 60 руб., плотники, столяры и проч. 18 — 45 руб. [2]). По отчету за 1890 г. мастеровые, а именно слесаря и кузнецы, получали въ годъ жалованья отъ 400 до 800 руб., плотники 300—600 руб., рабочіе при мастерскихъ 200 — 300 руб.; такъ называемые разночинцы — конюхи, караульные, прислуга и т. п. 200—400 руб. въ годъ [3]).

Мѣсячное жалованье женщинъ равнялось въ 70-хъ гг. 4 руб. 50 коп.—9 руб., во второй половинѣ 80-хъ гг. 8—20 руб.; въ 90-хъ гг. женщины получали обыкновенно 6—10 руб. въ мѣсяцъ, и только спеціалистки (хорошія кухарки, прачки) получали иногда больше — до 25 руб. [4]). По договору Плетюхина 1889 г. плата женщинамъ назначалась „по усмотрѣнію управленія“.

Золотопромышленники обыкновенно выговаривали въ контрактахъ право переводить рабочихъ съ одного пріиска на другой, и во многихъ договорахъ за время, потраченное на переходъ, назначалось вознагражденіе. Такъ въ договорахъ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. сказано: „со вступленія нашего на промыслахъ или на зимовьяхъ и Бодайбинской резиденціи въ работу и при дальнѣйшемъ переводѣ насъ тоже для работъ съ одного пункта на другой за время перехода полагается плата и довольствіе согласно сего обязательства“. Въ этомъ же родѣ есть условіе въ контрактѣ К° Трапезниковыхъ первой половины 70-хъ гг., въ договорѣ же 1878 г. сказано: „людямъ, переходящимъ съ пріиска на пріискъ по назначенію управленія, полагается плата за проходные дни: лѣтомъ въ будни по 50 к., а въ праздники по 1 р. на человѣка; зимою въ будни по 20 к., въ праздники по 50 к. на человѣка“. По договорамъ Базилевскаго 1876, 78 гг. при переходѣ съ одного мѣста на другое за каждыя

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766 № 47[a]—39, л. 59.

[2]) Тѣ же цифры указаны для всего Олекминскаго округа въ „Памят. Книж. Якут. Обл. на 1891 г.“, стр. 112; ср. „Сибир. Вѣстн.“ 1893 г. № 87. Нужно помнить, что за дни отдыха и болѣзни жалованья не полагалось.

[3]) Ср. таблицу въ *Дополненіи* XIII.

[4]) „Сибир. Вѣстн.“ 1892 г. № 97.

25 верстъ рабочіе получали 30 к. зимою и 60 к. лѣтомъ; по одному договору этой К° 80-хъ гг.—и зимою, и лѣтомъ по 50 к., а по другому—40 к. зимою и 60 к. лѣтомъ. По контракту Чаринскаго Т-ва 1880 г. за переходъ съ одного пріиска на другой полагалась ничтожная плата: 10 к. зимою и 20 к. лѣтомъ. По договорамъ Ленскаго Т-ва 1890—91 гг. за каждый переходъ болѣе 5 верстъ назначено вознагражденіе 50 к., а по договору 1894 г. 1 р., переходы же менѣе 5 верстъ рабочіе обязаны были дѣлать въ свободное отъ работъ время безплатно.

Въ Олекминскомъ округѣ весьма важную роль въ дѣлѣ вознагражденія рабочихъ играетъ подъемное золото. Въ контрактахъ этого округа, какъ и другихъ округовъ, мы встрѣчаемъ условія о представленіи подъемнаго золота пріисковому управленію и о размѣрѣ вознагражденія за него. Но подъемное золото встрѣчается не на всѣхъ промыслахъ Олекминскаго округа, и туда, гдѣ его нѣтъ, не такъ охотно нанимаются рабочіе, не такъ усердно тамъ и работаютъ. По словамъ мѣстнаго исправника (1876 г.), „работы на пріискахъ исполняются обыкновенно принудительными мѣрами, въ особенности, гдѣ нѣтъ подъемнаго золота“ [1]).

Въ договорѣ К° Промышленности 1870 г. сказано: „Золото, самородки и другія драгоцѣнности и рѣдкости, какія будутъ найдены нами во время работъ, вообще тотчасъ представлять въ пріисковую контору или тому смотрителю, который будетъ завѣдывать работами, подъ опасеніемъ за противное наказанія по военному суду“. По договору 1874 г. вознагражденіе полагалось „за подъемное крупное золото и самородки, находимые случайно при работахъ“, и при этомъ пояснено, что „крупнымъ подъемнымъ золотомъ“ считаютъ „тѣ золотины, которыя не будутъ проходить сквозь дыры бочечной рѣшетки“; рабочіе обязывались въ забояхъ не рыться и не выбирать золота подъ угрозою отвѣтственности. По договору К° Промышленности 1887 г., „находимое во время работъ въ забояхъ золото“ рабочіе должны были класть въ артельныя кружки, и вознагражденіе за него дѣлилось по усмотрѣнію управленія на всю артель или на всѣхъ лицъ, работавшихъ въ томъ забоѣ. „На розсыпи, находящіяся въ разрѣзѣ или шахтахъ и содержащія въ себѣ болѣе подъемнаго золота, такъ называемые золотые забои, промысловое управленіе и служащіе ставятъ для работъ артели, строго соблюдая очередь ихъ, въ видахъ того, чтобы всѣ рабочіе одинаково могли воспользоваться счастьемъ на подъемное золото. Въ видахъ же поощренія промысловому управленію не воспрещается для работъ въ золотые забои ставить по одиночкѣ или цѣлыми артелями и помимо очереди, и на это мы претензіи имѣть не должны. При всѣхъ вообще работахъ на золотосодержащихъ розсыпяхъ строго воспрещается рыться въ забояхъ и нарочно искать золото, чрезъ что, если у кого будетъ недоработокъ урока, то таковые лишаются платы какъ за произведенную въ этотъ день работу, такъ и за подъемное золото. Равнымъ образомъ строго воспрещается искать золото въ пескахъ при ихъ вывозкѣ... За золото, находимое случайно на работахъ каждымъ изъ насъ отдѣльно или цѣлою артелью и сдаваемое смотрителямъ или особымъ служащимъ, управленіе платитъ наличными деньгами или записываетъ въ разсчетные листы въ заслугу каждый очи-

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 52.

щенный отъ породы золотникъ". Слѣдовательно, по контракту управленіе оставляетъ за собою право не уплачивать за подъемное золото наличными деньгами, а записывать вознагражденіе въ разсчетные листы. За золото, „находимое на разборкѣ гальки на машинѣ, плата назначается та же", какъ и за остальное, „но съ тѣмъ, что пріисковое управленіе имѣетъ полное право плату эту дѣлить по своему усмотрѣнію на всѣхъ рабочихъ, задолжавшихся при промывальной машинѣ" [1]). Въ контрактахъ Трапезниковыхъ 70-хъ годовъ опредѣлено, что подъемнымъ золотомъ слѣдуетъ „считать золотины не менѣе 6-ти долъ"; подъ угрозою большого штрафа запрещалось пріобрѣтать подъемное золото посредствомъ хищнической промывки песковъ. Подъемное золото клалось въ кружки, и вознагражденіе за него дѣлилось на весь забой. Изобличенные въ утайкѣ золота лишались права на вознагражденіе за него и подвергались уголовному преслѣдованію, суду и взысканію по законамъ. По договору Трапезниковыхъ 80-хъ гг. деньги ни въ какомъ случаѣ не выдавались на руки, а записывались ежедневно и въ концѣ мѣсяца заносились въ разсчетныя книги. По договорамъ Базилевскаго 1876 и 78 гг. плата за подъемное золото записывалась въ счетъ нашедшаго его или дѣлилась на всю артель поровну на каждаго, какъ найдетъ это болѣе удобнымъ управленіе, и выдавалась при окончательномъ разсчетѣ за всю операцію, „за исключеніемъ цѣнности выданныхъ подъ найденныя драгоцѣнности марокъ или записокъ на полученіе изъ пріисковыхъ запасовъ или другихъ предметовъ". Въ контрактѣ Ленскаго Т-ва 1891 г., въ отличіе отъ контрактовъ КК° Промышленности 1887 г. и Бодайбинской 1890 гг., постановлено, что золото, находимое при разборкѣ гальки во время промывки, не считается подъемнымъ. Въ контрактѣ Малопатомскаго Т-ва 1880 г. сказано: „Если золото или другіе драгоцѣнные металлы найдены однимъ человѣкомъ, т.-е. не составляющимъ рабочей артели, какъ, напр., отвальнымъ, поторжнымъ, возчикомъ гальки и эфеля и проч., то плата производится ему одному, если же будетъ найдено кѣмъ-либо, составляющимъ рабочую артель, т.-е. забойщикомъ, возчикомъ, свальщикомъ, то плата въ такомъ случаѣ производится на всѣхъ рабочихъ, составляющихъ артель нашедшаго. Плата или записывается въ разсчетный листъ, или, если нашедшій пожелаетъ, производится деньгами при сдачѣ".

Слѣдовательно, въ контрактахъ: 1) обыкновенно не устанавливаются обязательства управленія немедленно выдавать на руки рабочимъ плату за подъемное золото; 2) иногда устанавливается очередь въ золотыхъ забояхъ, и 3) не всегда устанавливается раздѣленіе золота поровну на всѣхъ рабочихъ, трудящихся въ одномъ забоѣ или составляющихъ одну артель. Изъ отчетовъ горныхъ исправниковъ 70-хъ гг. видно, что рабочіе иногда скрывали найденное золото, чтобы не дѣлиться имъ съ артелью.

Авторъ статьи объ олекминскихъ промыслахъ въ „Сибирскомъ Сборникѣ" въ 1889 г., указавъ на то, что договорами признается за рабочими право на подъемное золото, говоритъ, что этимъ правомъ они пользуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, почти не соблюдая устанавливаемыхъ ограниченій относительно размѣра золотинъ, которыя

[1]) Подобное же постановленіе въ договорѣ Бодайбинской К° 1890 г.

слѣдуетъ считать подъемнымъ золотомъ и проч. [1]). „Но несмотря на это, подъемное золото представляетъ очень ненадежное основаніе для регулированія заработной платы, такъ какъ во-первыхъ золото рѣдко встрѣчается въ розсыпяхъ при обстоятельствахъ, благопріятныхъ для собиранія: въ большинствѣ случаевъ оно бываетъ разсѣяно въ пескахъ въ видѣ незначительныхъ крупинокъ, и во-вторыхъ — въ силу того обстоятельства", что подъемнаго золота бываетъ мало, рабочій „начинаетъ брать золотоносные пески и тайкомъ промывать ихъ для полученія золота". Это уже считается воровствомъ и преслѣдуется казачьею командою. По мнѣнію автора, подъемное золото не должно было бы служить основаніемъ для регулированія заработной платы, такъ какъ „кража и случай" не могутъ вознаграждать трудъ человѣка. Между тѣмъ, при нынѣшнихъ пріисковыхъ порядкахъ, подъемное золото служитъ главною приманкою на пріисковыя работы. „Не будь подъемнаго золота", писалъ г. Калагеорги въ 1882 г., „не нашлось бы желающихъ наняться на пріиски. Рѣшимость идти за тысячи верстъ на такую трудную работу является только вслѣдствіе возможности быстраго обогащенія при помощи подъемнаго золота, а также и посредствомъ воровства золота и другихъ аферъ. Безъ этихъ постороннихъ средствъ рабочій, какъ бы ревностно ни трудился, не въ состояніи сдѣлать сбереженія. На каждомъ пріискѣ работы крайне различаются между собой по степени представляемой ими выгоды для рабочихъ: при вскрышѣ торфовъ, проводѣ канавъ и т. п. работающіе лишены возможности поднять золото, тогда какъ при добычѣ золотосодержащихъ песковъ работа представляетъ шансы въ одинъ день вознаградить себя за долгій трудъ; наконецъ, и въ самомъ золотоносномъ пластѣ есть извѣстныя мѣста, отличающіяся богатствомъ подъемнаго золота. Распредѣленіе на эти мѣста дѣлается по очереди, при чемъ ловкіе люди умѣютъ иногда попадать не въ очередь; на одномъ же пріискѣ назначеніе на выгодныя мѣста дѣлается по жребію; этотъ послѣдній порядокъ... укрѣпляетъ рабочаго въ сознаніи, что не личный трудъ вознаграждается, а что весь успѣхъ его зависитъ исключительно отъ счастья". „Всѣ разсчеты рабочаго", продолжаетъ г. Калагеорги, „основаны на количествѣ подъемнаго золота и на возможности скорой наживы посредствомъ воровства золота. На пріиски, небогатые подъемнымъ золотомъ, рабочіе нанимаются неохотно, и большая часть ихъ состоитъ изъ людей или уволенныхъ большими компаніями за дурное

[1]) Однако олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1875 г. говоритъ: „на одномъ пріискѣ" К° Сибирякова и Базанова „вознагражденіе выдавалось только за крупное подъемное золото; высѣваемое же сквозь рѣшетку мелкое золото не считалось подъемнымъ и поступало въ распоряженіе мѣстнаго управленія". Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 93.

поведеніе, или же пришедшихъ на промыслы и не принятыхъ на богатые пріиски за неимѣніемъ въ нихъ надобности; эти люди волей-неволей нанимаются на маленькіе пріиски и все-таки имѣютъ въ виду не заработную плату, а полную возможность имѣть сношенія съ рабочими богатыхъ пріисковъ и служить имъ агентами для сбыта краденаго золота. Пріиски Сибирякова и К°, какъ самые богатые количествомъ подъемнаго золота, составляютъ главное мѣсто, откуда производится кража его [1]). Каждый рабочій старается утаить поднятое золото и не опускать его къ кружку; ущерба своимъ товарищамъ онъ этимъ не дѣлаетъ, такъ какъ всѣ члены артели съ общаго согласія поступаютъ точно такъ же" [2]).

Не слѣдуетъ однако преувеличивать выгодъ, приносимыхъ рабочимъ подъемнымъ золотомъ, о которомъ они начинаютъ мечтать при самой наемкѣ на пріискъ. „Мнѣ не разъ приходилось слышать", говоритъ г. Кряжевъ, „что рабочій еще въ жиломъ мѣстѣ, при наемкѣ на пріиски, заказывалъ себѣ сапоги съ разными фокусами, имѣя въ виду по окончаніи контрактнаго срока принести въ этихъ сапогахъ домой золото", но эти мечты далеко не всегда могутъ осуществиться. Пріискъ считается очень выгоднымъ (и такихъ немного), если въ немъ въ 100 пудахъ песку содержится 5, 6 золотниковъ золота. Найти такое золото не вездѣ крупное, весьма не легко, а тѣмъ болѣе если въ 100 пудахъ песку находится его 1—2 золот. Случаи очень большого заработка при находкѣ самородка лишь рѣдкія исключенія. Кромѣ того каждый самородокъ по обычаю долженъ быть „спрыснутъ", и на это расходуются нерѣдко всѣ полученныя за него деньги" [3]).

Подъемное золото встрѣчается не на всѣхъ промыслахъ и на нѣкоторыхъ лишь въ незначительномъ количествѣ. Такъ по отчету витимскаго горнаго исправника за 1881 г. изъ 8 компаній этой системы подъемное золото встрѣчалось въ то время лишь на пріискахъ 5 компаній; при томъ заработокъ на подъемномъ золотѣ составлялъ весьма неодинаковый процентъ всего заработка: на пріискахъ Прибрежно-Витимской К°—29%, К° Промышленности—4%, Бодайбинской К°—1%, К° Плетюхина почти 2%, на Степановскомъ пріискѣ Дмитріева—40% [4]).

---

[1]) Впрочемъ на одномъ пріискѣ этой К° вовсе нѣтъ подъемнаго золота.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 52, 53, 66, 67. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ упоминается о подъемномъ золотѣ, находимомъ въ галькѣ. Дѣйствительно, не даромъ около гальки на промывальной машинѣ находится караульный и казакъ. Находимое здѣсь золото опускаютъ въ кружку; часть его идетъ служащимъ на машинѣ, а остальная, „по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ промыслахъ", дѣлится между прислугою, конюхами, словомъ между незанятыми въ горныхъ работахъ и, слѣдовательно, не имѣющими иной возможности попользоваться подъемнымъ золотомъ.

[3]) „Русская Жизнь" 1894 г. № 50.

[4]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 37—45, л. 311.

Въ 1884 г. подъемное золото составляло около 6% всего золота, добытаго на Олекминской и Витимской системахъ. На олекминскихъ промыслахъ Базилевскаго заработокъ на подъемномъ золотѣ составлялъ слѣдующій процентъ всего заработка рабочихъ: въ 1877 г.—42%, въ 1878 г.—25%, 1879—7%, въ 1880 г.—16%, въ 1881 г.—12%, въ 1882 г.—21%, въ 1883 г.—23% [1]). Въ 1894 г. на пріискахъ К° Промышленности было уплачено за подъемное золото (болѣе 38 пудовъ) 439.776 р., что составляло 32% всего заработка. Въ Ленскомъ Т-вѣ подъемное золото составляло 5% всего добытаго въ операцію 1894 г. золота, а въ операцію слѣдующаго года 7%. Плата за подъемное золото составляла въ Ленскомъ Т-вѣ въ операцію 1893 г.—15%, въ 1894 г.—17%, въ 1895 г.—19% [2]).

Мы видѣли, что въ контрактахъ пріисковыя управленія не принимали на себя обязательства непремѣнно уплачивать за подъемное золото деньгами, а предоставляли себѣ право записывать его въ расчетную книгу. Въ дѣйствительности однако почти всегда плата за подъемное золото выдавалась на руки деньгами [3]). Въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.) сказано: „у рабочихъ деньги имѣются, ибо за подъемное золото они получаютъ наличными. Только въ одномъ дѣлѣ Базилевскаго плата за подъемное золото записывается въ книжку". Авторъ одной новѣйшей статьи объ олекминской тайгѣ также говоритъ: плата за подъемное золото „поступаетъ въ пользу рабочаго немедленно и непосредственно, хотя бы онъ и состоялъ должнымъ К°" [4]).

По контракту К° Промышленности 1870 г. за подъемное золото назначена плата по 60 к. за золотникъ [5]). Въ договорѣ этой К° 1874 г. назначена плата и за подъемное золото, и за самородки по 60 к. за золотникъ. По договору 1878 г. за подъемное золото и самородки до 1 ф. рабочіе должны были получать по 60 к.

---

[1]) Дѣло канц. Ирк. Ген. Губ., К. 2055, № 109—558, л. 143; Матеріалы сообщ. Л. Ѳ. Пантелѣевымъ. Въ К° Промышленности и Прибрежно-Витимской получено подъемнаго золота въ 1865 г. 5 пуд., въ 1869 г. 38 пуд., въ 1875 г. 18 пуд., въ 1879 г. 72 пуд., въ 1885 г. 48 пуд., въ 1889 г. 15 пуд. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189 — 243, л. 92.

[2]) „Восточн. Об." 1894 г. № 127; „Вѣстн. Золот." 1895 г., стр. 331, 1896 г. стр. 187, 1897 г., стр. 117.

[3]) Во время слѣдствія по поводу волненія на Благовѣщенскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К° (1882 г.) уполномоченный Серебренниковъ показалъ, что изъ платы наличными деньгами за подъемное золото золотопромышленникъ не можетъ сдѣлать вычета въ уплату долга рабочаго, „если не хочетъ рисковать, чтобы его подъемное золото ушло въ руки скупщиковъ хищническаго золота". Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 47—39, л. 76 об.

[4]) „Сибир. Вѣстн." 1892 г. № 51.

[5]) За самородки отъ ½ ф. до 1 ф. по 30 руб., отъ 1 до 2 ф. по 60 руб., отъ 2 до 3 ф. по 75 руб., а выше 3 ф. по 100 руб. за каждый, а за прочія драгоцѣнности и рѣдкости по усмотрѣнію управленія.

за золотникъ, а болѣе фунта по усмотрѣнію управленія, но не дороже 25—50 р. за штуку, а за драгоцѣнные камни и другія рѣдкости также по усмотрѣнію управленія, но однако не менѣе 10% ихъ стоимости. По контракту 1883 г. вознагражденіе за подъемное золото и самородки до 1 фунта было увеличено до 1 р. 44 к. за золотникъ; за золото же, находимое подъ надзоромъ служащаго при разборкѣ эфеля,—60 к. за золотникъ, и деньги эти должны были дѣлиться рабочими по усмотрѣнію управленія. Такимъ образомъ на пріискахъ одной К° существовали двѣ цѣны за золото, смотря по тому, гдѣ оно было найдено [1]); по контракту 1887 г. это различіе было устранено, и плата значительно поднята, а именно назначено по 2 р. 50 к. за золотникъ золота, будетъ ли оно найдено въ забоѣ или въ галькѣ на промывальной машинѣ. Въ договорѣ Бодайбинской К° 1880 г. за подъемное крупное золото и самородки до 1 ф. рабочіе должны были получать за золотникъ „по установленной правительствомъ платѣ“ (вѣроятно тутъ имѣется въ виду циркуляръ генералъ-губернатора Вост. Сибири 22 апрѣля 1877 г., по которому опредѣлено было платить за подъемное золото не менѣе 1 руб. 44 коп. за золотникъ), за самородки же такъ же, какъ по договору 1878 г. К° Промышленности, а по договору 1883 г. плата за золото, находимое въ забояхъ, повышена до 1 р. 44 к.; по договору Бодайбинской К° 1884 г. плата была повышена за крупное подъемное золото и самородки не болѣе 1 ф. до 2 руб. за золотникъ, а выше 1 фунта по 96 к. за золотникъ. Наконецъ, въ договорѣ Бодайбинской К° 1890 г. плата за золото повышена до 3 р., т.-е. болѣе чѣмъ въ договорѣ К° Промышленности 1887 г., безъ сомнѣнія потому, что подъемнаго золота на промыслахъ Бодайбинской К° было очень немного. По договору К° Арендаторовъ 1875 г. была назначена плата по 96 к. [2]), столько же и по договору К° Трапезниковыхъ первой половины 70-хъ годовъ; по ихъ договору 1878 г.—1 р. 44 к., а по договору 80-хъ г.—3 р. По контрактамъ Плетюхина 1886 и 1889 гг. плата за подъемное золото назначена меньшая, чѣмъ на другихъ промыслахъ въ это время, а именно, по 96 к. за золотникъ [3]). Въ контрактахъ Исаева, Герасимова, Катышевцева и Корзухина начала 70-хъ г. за подъемное золото назначено 1 р. за золотникъ. По договору Аканакъ-Накатаминскаго Т-ва 1886 г. за крупное подъемное золото и самородки до 1 ф. назначено по 3 р. за золотникъ, а выше фунта по усмотрѣнію управленія; за золото же, находимое подъ надзоромъ служащихъ, по 2 р. за золотникъ, и деньги эти должны были дѣлиться рабочими по усмотрѣнію управленія. По договорамъ Базилевскаго 1876 г. плата за подъемное золото назначена по 1 р. 68 к. за золотникъ, въ 80-хъ гг. по нѣкоторымъ договорамъ Базилевскаго та же плата, по другимъ—2 р., по третьимъ по 2 р. 50 к. По договору Ленскаго Т-ва начала 70-хъ гг. платили за золотникъ по 96 к. (и за самородки до 24 золот. вѣсомъ), 1883 г. по 1 р. 44 к.; по договорамъ 1890—91 гг. до 3 ф. не менѣе 2 р. за золотникъ подъемнаго и старательскаго золота, а выше 3 фун. по 1 руб. за золотникъ [4]).

---

[1]) Изъ записки Калагеорги (1882 г.) видно, что въ послѣдніе дни передъ разсчетомъ плата за подъемное золото увеличивалась до 2 р. для того, чтобы побудить рабочихъ не уносить краденаго золота, а сдавать его въ контору.

[2]) Но въ операцію 1877 г. на пріискахъ К° Арендаторовъ существовала плата въ 1 р. 50 к. Арх. Вит. Горн. Испр., дѣло 1877 г. № 32, л. 14.

[3]) Въ 1877 г. на Крещенскомъ пріискѣ Плетюхина вознагражденіе за подъемное золото равнялось 1 р. 44 к. Арх. Вит. Горн. Испр. 1877 г. № 32, л. 14.

[4]) Въ контрактѣ Вѣрнаго Т—ва начала 70-хъ гг. плата за подъемное золото вовсе не опредѣлена. По проекту нормальнаго контракта, составленнаго Винниковымъ.

И такъ въ контрактахъ К° Промышленности назначена плата по 60 к., въ другихъ КК° 96 к.—1 р. 68 к., въ 80-хъ годахъ плата повышается до 1 р. 44 к.—3 р., и только у Плетюхина находимъ плату 96 к. за золотникъ. Въ началѣ 90-хъ г. плата равнялась 2 р. 50 к.—3 р. 50 к. за золотникъ [1]).

Однако съ помощію нѣкоторыхъ ухищреній плата за подъемное золото въ дѣйствительности понижалась даже ниже 60 к. Такъ во время слѣдствія на промыслахъ К° Базанова 1876 г. было дознано, что припасы, забираемые рабочими изъ пріисковыхъ лавокъ, записываются по низшей цѣнѣ, чѣмъ тѣ же припасы въ обмѣнъ за подъемное золото: „Въ листикѣ рабочихъ“ цѣны за сахаръ, чай и масло „ставятся низшія, на кассу же“ (т.-е. какъ бы выданныя наличными деньгами) „эти же предметы отпускаются по цѣнѣ высшей“. Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы какъ можно дешевле получить отъ рабочихъ подъемное золото, за которое они берутъ на кассу названные предметы. Такъ, напр., цѣна фунта чаю записывается въ листикѣ 1 р. 20 к., а на кассу 1 р. 40 к., „и поэтому золото обходится владѣльцамъ золотникъ копѣекъ въ 40 или немного болѣе“ [2]). Мѣстный горный исправникъ въ отчетѣ за 1875 г. также говоритъ: „На промыслахъ К° Сибирякова и Базанова вознагражденіе за подъемное золото выдавалось по 60 к. за золотникъ, когда въ то же время на всѣхъ другихъ промыслахъ вознагражденіе это простиралось отъ 96 к. до 1 р. 92 к. за золотникъ. Кромѣ того вознагражденіе еще уменьшалось, когда рабочій за подъемное золото или на деньги, получаемыя за него, бралъ изъ промысловаго амбара разные припасы; напр., цѣна на сахаръ, при выдачѣ его въ счетъ платы, установлена 45 к. за фунтъ, а на деньги или за подъемное золото 60 к.; такимъ образомъ рабочій за золотникъ золота получаетъ не 60 к., а только 45 к., или фунтъ сахару“. Исправникъ считалъ необходимымъ увеличить вознагражденіе за подъемное золото и отмѣнить взысканіе долговъ изъ денегъ, причитающихся за это золото [3]).

Изъ свѣдѣній, сообщеннымъ намъ управленіемъ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской, видно, что въ 1865 г. на промыслахъ Прибрежно-Витимской К° выдавалась плата за подъемное золото по

въ 1874 г., предполагалось назначить за подъемное золото и самородки не болѣе ½ ф. по 60 к. за золотникъ, но якутскій губернаторъ нашелъ, что это вознагражденіе недостаточно и что его слѣдуетъ повысить до 1 р. 20 к.

[1]) „Сиб. Вѣст.“ 1892 г. № 51; „Вѣст. Золот.“ 1895 г. № 20, стр. 332. У мелкихъ золотопромышленниковъ вознагражденіе за золото иногда уменьшается посредствомъ фальшивыхъ вѣсовъ. *O. O.* „Sibirische Briefe“ 1894 г., S. 280, 281.

[2]) Арх. Ир. Горн. Упр. К. 2578, № 215—269, л. 20.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574 № 189—243, л. 93.

80 к., въ 1875 г. на промыслахъ обѣихъ КК° по 60 к. и 1 р. 20 к., въ 1879 г. по 60 к., 1 р. 44 к. и 2 р., въ 1885 г. по 60 к., 2 р. и 2 р. 50 к., въ 1889 г. по 3 р. Разница въ размѣрѣ платы очевидно зависѣла отъ большаго или меньшаго количества золота на разныхъ пріискахъ этихъ компаній.

Полковникъ Купенковъ при посѣщеніи имъ пріисковъ Олекминскаго округа въ 1872 г. обратилъ вниманіе на необходимость повышенія платы за подъемное золото [1]). Въ томъ же году на собраніи управляющихъ олекминскихъ промысловъ было постановлено возвысить плату за подъемное золото до 1 р. 20 к.; но, по словамъ мѣстнаго исправника, не отъ всѣхъ хозяевъ послѣдовало на это разрѣшеніе [2]).

Въ 1877 г. циркуляромъ генералъ-губернатора Восточн. Сибири было предложено золотопромышленникамъ платить за подъемное золото не менѣе 1 р. 44 к. за золотникъ, „какъ меньшій размѣръ платы, опредѣленный экспертами“, но горный исправникъ въ февралѣ 1878 г. донесъ, что золотопромышленники считаютъ это для себя невыгоднымъ и въ виду большого подъема золота по случаю крупности и богатства его. Такъ, напр., въ минувшую операцію на одномъ лишь пріискѣ К° Промышленности поднято за надзоромъ слишкомъ 26 пуд. золота, за которое и было уплачено рабочимъ по 60 к., слишкомъ 60 т. р.“, а если бы платить по 1 р. 44 к., то всего пришлось бы выдать рабочимъ еще до 84 т. р. [3]).

Въ 1872 г. собраніе управляющихъ золотыми промыслами, кромѣ К° Базанова, опредѣлило отнюдь не платить за подъемное золото спиртомъ подъ угрозою штрафа: за первый разъ 1000 р., за второй 2000 р. и въ третій 5000 р. въ пользу благотворительныхъ заведеній въ распоряженіе генералъ-губернатора Восточ. Сибири, но нѣкоторыя промысловыя управленія, какъ, напр., Базанова, заявили, что рабочіе настоятельно требуютъ спирта за подъемное золото [4]). Выдача водки за подъемное золото производилась на промыслахъ этой К° и въ началѣ 80-хъ г., какъ это видно изъ дѣла о волненіи рабочихъ на Благовѣщенскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К° 1882 г. Въ это время водка выдавалась на отливъ за подъемное золото за каждые 3 золотника по $^1/_{100}$ ведра [5]).

Кромѣ подъемнаго золота, заработокъ рабочихъ увеличивало еще старательское золото. Плата за него, какъ и за поднятое внѣ надзора, равнялась въ 1877 г.—1 р. 44 к., въ 1879 г. колебалась между 1 р.

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2544 № 48—103, л. 117.
[2]) Ibid. К. 2549, № 126—171, л. 470.
[3]) Арх. Вит. Горн. Испр. дѣло 1877 г. № 32, л. 26.
[4]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 46—71, л. 208.
[5]) Ibid. К. 2766, № 47—39, л. 73.

44 к. и 2 р., а въ 1882 г. между 1 р. 44 к. и 2 р. 50 к. [1]). Въ 1884 г. во всемъ Олекминскомъ округѣ было добыто старательскаго золота при хозяйскихъ работахъ болѣе 2-хъ пуд. и „внѣ хозяйскихъ работъ, т.-е. въ свое время", почти 3 пуд., обыкновенно же данныя о количествѣ старательскаго золота сообщаются вмѣстѣ со свѣдѣніями о подъемномъ золотѣ [2]). По договору К° Трапезниковыхъ 80-хъ гг. деньги за старательское золото, какъ и за подъемное, „ни въ какомъ случаѣ не выдаются на руки, а записываются ежедневно по табели и въ концѣ мѣсяца въ разсчетныя книжки. Мы уже указывали на печальныя особенности контракта Плетюхина 1889 г. и видѣли, что въ числѣ 4-хъ совершенно несходныхъ между собою контрактовъ, слитыхъ въ одинъ договоръ, съ правомъ хозяина выбрать изъ нихъ любой, кромѣ обыкновеннаго общаго контракта, есть такое условіе, по которому рабочіе получали на хозяйскихъ харчахъ поденную плату 50 к.—1 р. и по 48 к. съ золотника всего добытаго золота, т.-е. и подъемнаго. По третьему условію имъ назначена плата съ золотника на своихъ харчахъ: въ этомъ случаѣ они превращались въ обыкновенныхъ старателей-золотничниковъ и получали съ золотника по 1 р. 68 к. и за подъемное золото по 1 р. 92 к. По четвертому условію рабочіе получали на хозяйскомъ содержаніи поденную плату отъ 50 до 80 к. съ условіемъ добыть 2 золотника золота, а за добытое сверхъ того по 96 к. съ золотника.

Относительно помѣщеній рабочихъ мы обыкновенно находимъ въ контрактахъ Олекминскаго округа слѣдующее постановленіе: „Постройки для жительства нашего на резиденціяхъ и промыслахъ должны быть устроены отъ владѣльцевъ, равно бани и больницы".

Но въ договорѣ К° Промышленности 1874 г. встрѣчается постановленіе о постройкѣ жилищъ, въ случаѣ ихъ отсутствія, самими рабочими въ формѣ, весьма для нихъ невыгодной: помѣщенія должны быть устроены отъ К°, „но если готовыхъ помѣщеній при сборѣ окажется недостаточно, то обязаны мы построить ихъ сами, сколько намъ нужно, для чего и должно быть дано намъ время, достаточное для постройки необходимаго помѣщенія безъ особаго за то вознагражденія" [3]). Избушки или шалаши рабочіе должны были устраивать сами также „во временныхъ командировкахъ въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ постояннаго жительства" [4]). Отопленіе и освѣщеніе казармъ рабочіе должны были припасать сами въ свободное отъ работъ время. По

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766 № 37—45, л. 311; Арх. Витим. Горн. Испр. 1877 г. № 32, л. 26.

[2]) Дѣло канц. Ирк. Генералъ-Губернатора К. 2055, № 109—558, л. 143—146.

[3]) Это мѣсто было исключено въ договорахъ той же К° въ 1878 и 83 гг.

[4]) Все это повторилъ Винниковъ въ проектѣ нормальнаго контракта 1874 г., но якутскій губернаторъ замѣтилъ, что заставлять рабочихъ безплатно строить для себя помѣщенія несправедливо.

договору КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. постановленіе о жилищахъ рабочихъ развито подробнѣе: „Помѣщеніе для нашего жительства на промыслахъ и резиденціяхъ, а также бани и больницы должны быть отъ промысловыхъ компаній и отапливаться дровами, доставляемыми рабочими людьми и лошадьми К°, но распилка ихъ и отопленіе зданій должно производиться самими нами [1])... Во всѣхъ занимаемыхъ нами зданіяхъ, называемыхъ казармами, обязываемся соблюдать чистоту... помои и мусоръ выбрасывать въ указанное мѣсто... Если въ занимаемыхъ нами помѣщеніяхъ будутъ“ жить „женщины, и въ особенности оставшіяся на льготѣ, то онѣ обязаны соблюдать въ казармахъ, а также и около нихъ чистоту и порядокъ и, въ случаѣ уклоненія ихъ отъ исполненія этихъ работъ, таковыя женщины немедленно удаляются съ промысловъ въ жилыя мѣста. Эта работа возлагается на женщинъ въ виду того, что онѣ, состоя на льготѣ, изъ личныхъ своихъ интересовъ занимаются стиркою рабочимъ бѣлья, печеньемъ булокъ и проч., пользуясь готовыми помѣщеніями, отопленіемъ и освѣщеніемъ“. По договору К° Арендаторовъ 1875 г. жилища рабочихъ должны быть устроены отъ хозяевъ [2]). Въ договорахъ Трапезниковыхъ 70-хъ гг. къ этому прибавлено, что „помѣщенія должны быть удобныя“, и рабочіе обязывались сами приготовлять дрова для отопленія; лошади же для подвозки должны быть хозяйскія [3]). По договору съ Малопатомскимъ Т-вомъ 1880 г. помѣщеніе для рабочихъ должно быть устроено теплое и сухое.

Въ донесеніи генералъ-губернатору Восточной Сибири въ январѣ 1872 г. олекминскій горный исправникъ говоритъ, что большая часть казармъ не отличается опрятностью. На нѣкоторыхъ пріискахъ казармы старой постройки до того низки, что приходилось стоять, наклонивъ голову; „другія хотя и недавно выстроены, но съ двойными нарами, и въ нихъ, особенно наверху въ ночное время воздухъ удушливый [4]). Окна отчасти стеклянныя, отчасти слюдяныя, а есть и обтянутыя коленкоромъ (преимущественно на пріискахъ Базанова, гдѣ это вошло какъ

---

[1]) Обязательство строить шалаши и избушки въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ сохранено и въ этомъ договорѣ.

[2]) По договорамъ съ Плетюхинымъ 1886 и 89 гг. „кромѣ случаевъ временныхъ лѣтнихъ работъ, удаленныхъ отъ главнаго стана“; сходно съ этимъ и въ договорахъ Аканакъ-Накатамскаго Т—ва 1886 г., Базилевскихъ 80-хъ гг.,—и Ленскаго Т—ва 1883, 90—91 гг., по которымъ въ развѣдкахъ рабочіе должны были сами устраивать временныя помѣщенія—шалаши, палатки, балаганы и проч. По договорамъ Ленскаго Т—ва 1890 и 91 гг. рабочіе обязывались подчиняться въ казармѣ избранному ими старостѣ.

[3]) Теперь дрова и вода въ казармы рабочихъ доставляются на хозяйскихъ лошадяхъ особымъ рабочими. „Эта послѣдняя реформа“, говоритъ авторъ статьи въ „Сибир. Сбор.“, „совершилась на нашихъ глазахъ: мы еще застали то время, когда рабочіе обязаны были заготовлять то и другое для себя сами въ свободное отъ работъ время. Впрочемъ въ пріисковыхъ контрактахъ... сохранился тотъ пунктъ, по которому управленіе пріисками можетъ заставить рабочихъ обходиться въ этомъ случаѣ безъ посторонней помощи“ (1889 г. вып. II, 32).

[4]) Тутъ на поляхъ краснымъ карандашомъ, безъ сомнѣнія Синельниковымъ, написано: „въ особенности я бы желалъ, чтобы въ 2 яруса нары не было устраиваемо“.

бы въ обычай, несмотря на то, что коленкоръ, нѣсколько разъ перемѣняемый, обходится дороже стекла; нынѣ впрочемъ подряжено для строящихся новыхъ казармъ 2500 стеколъ, но они не были еще доставлены), отъ послѣднихъ свѣту больше, но проникаетъ вѣтеръ, а потому я предложилъ закрывать ихъ снаружи ставнями изъ кошмы; первыя же до того обледенѣли, что при входѣ съ трудомъ можно разсмотрѣть предметъ... На нѣкоторыхъ пріискахъ (Базанова и Малопатомскаго Т-ва) казармы строятся вновь и будутъ окончены къ началу операціи. Въ нихъ поставятся русскія печи, такъ что рабочіе могутъ изъ забираемыхъ ими припасовъ стряпать себѣ пищу и тѣмъ разнообразить обычную пріисковую. Лучшія казармы на Константиновскомъ пріискѣ Трапезниковыхъ и у Базилевскаго; на Вознесенсковъ же пріискѣ первой К° онѣ и тѣсны, и темны, и грязны. На пріискахъ Базанова семейные рабочіе помѣщаются вмѣстѣ съ прочими, для чего имъ обыкновенно отводится одинъ уголъ, отдѣляемый отъ наръ занавѣскою. Управляющій заявилъ, что на будущее время семейные будутъ имѣть помѣщенія, отдѣльныя отъ холостыхъ [1])".

Необходимость серьезныхъ улучшеній въ жилищахъ рабочихъ на олекминскихъ промыслахъ поддерживается и свидѣтельствомъ иркутскаго жандармскаго штабъ-офицера въ 1871 г. Онъ говоритъ, что казармы одно-этажныя и двухъ-этажныя „построены изъ тонкаго таежнаго лѣса за неимѣніемъ хорошаго строеваго; для лѣтняго времени онѣ довольны сносны, но для холоднаго и зимняго требуютъ заботливости": нужно было бы выбирать получше лѣсъ, хорошенько проконопатить казармы, сдѣлать оконныя рамы побольше и вставить стекла взамѣнъ слюды. Печи вездѣ желѣзныя. „Крыты казармы плохо—дранью или корой, такъ что въ ненастное время у нѣкоторыхъ крыши протекаютъ, и рабочій не можетъ согрѣться и обсушиться; на резиденціи Прибрежно-Витимской К° Сибирякова и Базанова казачья казарма даже вмѣсто мха поставлена на сѣнѣ. Какое же можетъ быть тепло?!" [2])

Въ донесеніи генералъ-губернатору въ октябрѣ 1872 г. горный исправникъ писалъ: „Предложивъ управляющимъ при первомъ осмотрѣ пріисковъ въ минувшемъ январѣ заняться исправленіемъ казармъ и больницъ, я въ іюнѣ мѣсяцѣ увидѣлъ уже, что на нѣкоторыхъ онѣ были не только приведены въ лучшее противъ прежняго положеніе, но и многія выстроены вновь... Прежде всего окончены исправленіемъ и новой постройкой казармы на пріискахъ Базанова... На Константиновскомъ пріискѣ Трапезниковыхъ казармы исправлены такъ, что вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію, хотя впрочемъ онѣ и раньше были изъ лучшихъ. На ихъ же другомъ пріискѣ, Вознесенскомъ, старыя казармы замѣ-

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549 № 126—71, л. 202—204.
[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2551 № 81—36, л. 195.

нены новыми [1]). Управленіе пріисками Пермикина сначала отказалось было рѣшительно отъ исправленія казармъ, походившихъ тамъ и внутренней грязью, и наружнымъ безобразіемъ на хлѣба, а не на жилье человѣческое, — отзываясь дальностью возки лѣса изъ-за 20 верстъ, но такъ какъ причины эти не заслуживали уваженія, я потребовалъ, чтобы въ тѣхъ казармахъ, гдѣ были двойныя нары, эти послѣднія были уничтожены, а кровли перекрыты; но вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе нашло возможнымъ выстроить одну новую казарму, затѣмъ появилась и другая, такъ что теперь, помѣстивъ въ нихъ рабочихъ, оно имѣетъ возможность исправить и тѣ изъ старыхъ, которыя еще не совсѣмъ смотрятъ развалинами... Новыя казармы выстроены на Петровскомъ пріискѣ Ленскаго Т-ва и на Романовскомъ Малопатомскаго; у Арендаторовъ онѣ только исправлены. Словомъ не осталось ни одного пріиска, на которомъ не было бы исправленія, хотя казармы и теперь еще не совсѣмъ удовлетворяютъ требованіямъ“ [2]).

Съ оставленіемъ Синельниковымъ поста генералъ-губернатора Восточной Сибири вниманіе мѣстной администраціи къ дѣлу улучшенія жилищъ рабочихъ вновь ослабѣло, и потому не мудрено, что г. Калагеорги пришлось (въ 1882 г.) сообщить малоотрадныя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи.

„Казармы“, говоритъ онъ, „болѣе или менѣе на всѣхъ пріискахъ одинаковы: деревянный домъ, раздѣленный на 2 или на 3 отдѣленія, имѣющія каждое по выходной двери на улицу, по срединѣ комнаты поставлена желѣзная печь, кругомъ устроены нары; семейные помѣщаются по угламъ, отдѣляя себя занавѣсками. Размѣръ комнатъ отъ 600 до 800 кв. футовъ при 9 или 10 фут. высоты; въ каждой комнатѣ живетъ отъ 20 до 25 человѣкъ, слѣдовательно, на каждаго приходится болѣе 300 куб. фут. воздуха“ (только!). „Но есть и такіе пріиски, гдѣ помѣщенія крайне тѣсны: на Крещенскомъ и другихъ, принадлежащихъ Плетюхину и К°, а также на пріискахъ Бодайбинской К°, въ казармахъ меньшихъ размѣровъ помѣщается иногда болѣе 30 чел.; тамъ часто рабочіе не имѣютъ своей постоянной койки: одинъ день въ комнатѣ спитъ 20 чел., а на другой ихъ собирается до 40. Правда, что эти пріиски составляютъ исключеніе; на всѣхъ же остальныхъ—рабочіе помѣщены довольно широко, и при поверхностномъ взглядѣ помѣщеніе ихъ можетъ показаться даже удовлетворительнымъ, въ особенности тамъ, гдѣ больше обращено вниманія на чистоту..., но тѣмъ не менѣе нельзя не желать серьезныхъ улучшеній и измѣненія конструкцій казармъ. Въ нынѣ существующихъ казармахъ невозможно соблюденіе опрятности и чистоты воздуха: желѣзная печь, находящаяся посреди комнаты, кромѣ отопленія, служитъ и для приготовленія пищи, на ней рабочіе сушатъ свое бѣлье и обувь. Варка пищи и развѣшанныя всюду грязныя тряпки распространяютъ такой тяжелый запахъ, что даже лѣтомъ, когда всѣ двери и окна постоянно отворены, при посѣщеніи казармъ нельзя не испытывать непріятнаго чувства; какой же

[1]) „Вообще на пріискахъ Трапезниковыхъ“, говоритъ исправникъ, „и заработки велики, и помѣщенія опрятны, и пища вкусна, такъ что отсюда рабочіе менѣе всего переходятъ на другіе, живутъ по нѣскольку лѣтъ и выносятъ заработки до 300 и болѣе рублей“. Во время своей поѣздки я слышалъ отъ рабочихъ, бывшихъ прежде на пріискахъ Трапезниковыхъ, самые лучшіе отзывы объ этой компаніи.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549 № 126—71, л. 470—473.

воздухъ долженъ быть въ нихъ зимою?! На пріискѣ Малопатомскаго Т-ва управляющимъ сдѣлано поползновеніе къ нѣкоторому улучшенію: въ казармѣ, состоящей изъ трехъ комнатъ, онъ помѣстилъ рабочихъ только въ двухъ крайнихъ, а среднюю предназначилъ для варки пищи и сушенія бѣлья; при этомъ сдѣлалъ проходныя двери. Къ сожалѣнію, эта мѣра не принесла пользы: рабочіе продолжаютъ по-прежнему готовить пищу и развѣшивать бѣлье подлѣ себя въ жилыхъ комнатахъ... Другой недостатокъ казармъ состоитъ въ томъ, что двери изъ жилыхъ комнатъ выходятъ прямо на улицу, нѣтъ ни сѣней, ни корридора; при безпрерывномъ хожденіи взадъ и впередъ, двери безпрестанно отворяются, на порогѣ накопляется отбиваемый отъ ногъ снѣгъ, который замерзаетъ и мѣшаетъ затворять плотно дверь, вслѣдствіе чего холодная струя воздуха проникаетъ спящихъ людей. Можно съ достовѣрностью предположить, что значительное число заболѣваній ревматизмомъ находится въ зависимости отъ дурного устройства казармъ. Третій недостатокъ состоитъ въ неимѣніи отхожихъ мѣстъ; на нѣкоторыхъ пріискахъ они устроены, но такъ далеко, что рабочіе, ночью въ особенности, не считаютъ нужнымъ пользоваться ими“ [1]).

Въ отчетѣ богатой Прибрежно-Витимской К° за 1882 г. сказано, что въ каждой казармѣ, вмѣщающей 24 куб. саж. воздуха, помѣщается отъ 18 до 22 чел. Хотя и это не Богъ знаетъ какъ просторно, но едва ли все-таки свѣдѣніе это справедливо, по крайней мѣрѣ на Благовѣщенскомъ пріискѣ этой К°, какъ видно изъ дѣла о волненіи рабочихъ въ томъ же 1882 г. Слѣдствіемъ было обнаружено, что казармы „по ветхости и тѣснотѣ помѣщенія не удовлетворяютъ своему назначенію... Помѣщенія рабочихъ представляютъ всѣ условія для развитія цынготной болѣзни... Казармы до того неудобны, что по заявленію, сдѣланному врачемъ Рабиновичемъ, только вызываютъ въ рабочихъ цынготныя и простудныя болѣзни, при чемъ сухость воздуха отъ желѣзныхъ печей въ зимнее время тоже скверно вліяетъ на здоровье помѣщающихся въ казармахъ людей [2])“.

По отчету горнаго исправника Олекминской и Витимской системъ за 1885 г., средній размѣръ „отдѣльныхъ номеровъ—11 кв. аршинъ, и при $3^3/_4$ арш. высоты въ каждомъ номерѣ живетъ отъ 15 до 20 чел., слѣдовательно на каждаго приходится около 400 куб. фут. воздуха“; казармы неудовлетворительны, „и нельзя не желать улучшеній... Справедливость требуетъ сказать, что новыя, построенныя въ послѣдніе годы, казармы замѣтно отличаются отъ старыхъ и бо̀льшимъ размѣромъ“, и лучшимъ устройствомъ [3]). Однако бывшій начальникъ иркутскаго горнаго управленія въ своемъ докладѣ (1886 г.) о положеніи рабочихъ на олекминскихъ промыслахъ говоритъ: „помѣщенія рабочихъ почти на всѣхъ промыслахъ совершенно неудовлетворительны: казармы

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 41—43.
[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 47—39, л. 82, 134, 135 об.
[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2772, № 135—124. л., 184 об.—185.

тѣсны, низки, грязны. На всѣхъ олемкинскихъ промыслахъ я нашелъ только одну порядочную казарму, построенную на Бодайбинской резиденціи К° Промышленности, обстановка которой вообще лучше другихъ, хотя и отъ этой К° можно было бы требовать бо́льшаго при ея значительныхъ оборотахъ [1])".

Всѣ эти оффиціальныя свидѣтельства, вообще весьма неутѣшительныя, подтверждаются и неоффиціальными показаніями [2]). Мои личныя наблюденія во время поѣздки въ 1891 г. на Витимскую и Олекминскую системы привели меня относительно жилищъ большинства рабочихъ къ неблагопріятнымъ выводамъ. Всѣ старыя казармы были въ высшей степени неудовлетворительны, не исключая и казармъ на главномъ стану такихъ богатыхъ компаній, какъ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимская. Новыя казармы (на нижнемъ пріискѣ Базилевскаго, на Водянистомъ пріискѣ и Воронцовской пристани К° Промышленности) выше и лучше, но это только отдѣльныя попытки, также не вполнѣ удовлетворительныя (хотя бы, напр., по отсутствію особыхъ помѣщеній для сушки одежды); огромное же большинство казармъ по тѣснотѣ помѣщенія, по размѣщенію вмѣстѣ холостыхъ и женатыхъ, по грязи и обилію клоповъ и другихъ насѣкомыхъ представляли весьма печальное зрѣлище. Когда я указывалъ на эту неблагопріятную сторону въ жизни пріисковыхъ рабочихъ, я слышалъ возраженія, что недостатки помѣщеній объясняются будто бы неувѣренностью хозяевъ въ томъ, что работы долго продлятся въ данной мѣстности, но при правильномъ веденіи дѣла, при извѣстномъ количествѣ развѣдокъ работы должны идти не на авось, и это оправданіе во всякомъ случаѣ не примѣняется къ такимъ богатымъ КК°, которыя уже четвертью столѣтія измѣряютъ продолжительность своей дѣятельности. Нужно замѣтить, что никакого освѣщенія въ казармахъ не полагалось (керосинъ здѣсь дорогъ и употребленіе его не въ обычаѣ), поэтому желающіе имѣть вечеромъ освѣщеніе должны были сами покупать свѣчи.

Впрочемъ новѣйшія извѣстія о казармахъ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской и нѣкоторыхъ другихъ представляютъ ихъ въ гораздо болѣе утѣшительномъ видѣ. „Для рабочихъ построены казармы съ койками на 2 чел. и столиками между коекъ", говоритъ мѣстный наблюдатель о КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской.

---

[1]) „Извѣст. Восточ. Сибир. Отд. Географ. Общ." 1886 г., т. XVII, № 3—4.

[2]) См. *Маліевъ*. „Сбор. соч. по суд. мед.", 1881 г. т. III, 108; „Сибир. Сбор." 1889 г. вып. I, 22—23, вып. II, 29; ср. „Сибир. Вѣстн." 1892 г. № 51. По свидѣтельству г. Кряжева, духота въ казармахъ бываетъ такъ велика, что „зимой рабочіе даже мохъ выдергиваютъ изъ стѣнъ, чтобы хоть немного освѣжить воздухъ". „Русск. Жизнь" 1894 г. № 44.

„При казармахъ устраивается теплая комната—передняя для просушки платья и обуви зимою послѣ окончанія шахтовыхъ работъ. Прежде, когда этой комнаты не было, рабочіе должны были сушить свои вещи въ общихъ камерахъ... Нынѣ казармы представляютъ собою опрятныя зданія достаточной высоты, свѣтлыя и теплыя. Для устройства новыхъ казармъ К° пользуется планомъ, предложеннымъ въ „Вѣстникѣ Золотопром.“, безъ всякихъ измѣненій. По срединѣ казармы стоитъ плита съ топкою особой системы, которая окончательно вытѣснила бывшія прежде въ ходу желѣзныя печки. Кухни, хлѣбопекарни и проч. устроены вездѣ хорошо и опрятно“. Съ Ленской К° сообщаютъ, что новыя казармы „строились хорошо и съ достаточнымъ количествомъ воздуха. Въ казармахъ вмѣсто желѣзныхъ печей начали строить плиты съ духовыми желѣзными шкафами. Типъ этотъ принятъ и другими пріисковыми управленіями съ небольшими измѣненіями“ [1]).

Мы встрѣтили не мало указаній на необходимость особыхъ помѣщеній для сушки одежды, чтобы сдѣлать болѣе сноснымъ воздухъ казармъ. Въ двухъ контрактахъ есть упоминанія о возможности устройства такихъ помѣщеній [2]). Однако въ позднѣйшихъ договорахъ этихъ компаній условіе это исключено: очевидно, оно осталось мертвою буквою, вѣроятно потому, что, устраивая помѣщенія для храненія одежды рабочихъ „вблизи работъ“, а не въ казармахъ или около нихъ, преслѣдовали болѣе полицейскія, чѣмъ санитарныя цѣли, а именно, желали прекратить похищеніе золота, уносимаго въ обуви и одеждѣ. Понятно, что рабочіе не могли сочувствовать такимъ заботамъ о ихъ здоровьѣ, такъ какъ похищеніе золота служитъ хотя и незаконнымъ, но все же

---

[1]) „Восточ. Об.“ 1894 г. № 127; „Вѣст. Золот.“ 1895 г., стр. 127.

[2]) „Если промысловое управленіе найдетъ нужнымъ“, сказано въ контрактѣ К° Промышленности 1878 г., „для сохраненія нашего здоровья и для соблюденія постоянной чистоты въ казармахъ, устроить въ извѣстномъ пунктѣ вблизи работъ особыя помѣщенія, въ которыхъ мы должны переодѣваться въ одежду, предназначенную собственно только для работъ, то отъ этого условія переодѣванія мы не должны отказываться, а обязываемся неупустительно исполнять слѣдующее: а) при выходѣ на работу заходить въ назначенное помѣщеніе, гдѣ въ особой комнатѣ снимать все чистое и нерабочее платье и надѣвать рабочую одежду и въ ней тотчасъ же идти на работу; б) возвращаясь съ работъ, каждый изъ насъ долженъ заходить въ то же помѣщеніе и тамъ переодѣваться указаннымъ выше порядкомъ, надѣвая платье нерабочее; в) ни подъ какимъ предлогомъ никто изъ насъ, возвращаясь съ работъ, не имѣетъ права уходить въ казармы въ рабочей одеждѣ, а долженъ оставлять таковую въ объясненномъ помѣщеніи и на указанномъ мѣстѣ и каждый изъ насъ непремѣнно обязанъ знать это мѣсто. Одежду, какъ предназначенную въ употребленіе при работѣ, такъ и для носки внѣ работъ, каждый изъ насъ долженъ имѣть свою, а употребляемая при работѣ должна состоять только изъ самыхъ необходимыхъ вещей. За нарушеніе условія, изложеннаго въ этомъ пунктѣ, подвергаемся взысканію по усмотрѣнію мѣстной полиціи“. (То же въ договорѣ Бодайбинской К° 1883 г.).

дополненіемъ ихъ заработковъ. Что именно такую цѣль преслѣдовали приведенныя условія контрактовъ,—видно изъ свидѣтельства г. Калагеорги, бывшаго на промыслахъ въ 1882 г.: „одинъ изъ управляющихъ пріискомъ при обсужденіи мѣръ для борьбы съ золотокрадствомъ высказался за пользу обыска и предложилъ выстроить отдѣльныя казармы для переодѣванія рабочихъ, какъ при выходѣ ихъ на работы, такъ и по окончаніи ихъ. Казармы эти должны быть раздѣлены на 2 части: въ одной изъ нихъ рабочіе будутъ раздѣваться и оставлять до окончанія работъ свое платье, а въ другой одѣваться въ рабочее платье; тутъ же могутъ быть устроены умывальники [1]). Во время посѣщенія нами въ 1891 г. Тихонозадонскаго пріиска Ленскаго Т-ва главный управляющій, г. Грауманъ, говорилъ намъ, что онъ мечтаетъ объ устройствѣ особыхъ раздѣваленъ для рабочихъ, но одинъ мѣстный докторъ высказалъ мнѣніе, что рабочіе не станутъ переодѣваться, и что поэтому онъ находитъ болѣе практичнымъ устройство такихъ высокихъ казармъ, чтобы можно было устроить полати на верху для просушки мокрой одежды и камины для вентиляціи воздуха.

Въ контрактахъ всегда упоминается о томъ, что отъ пріисковаго управленія должны быть устроены бани. Въ контрактахъ Базилевскаго 1876 и 78 гг. сказано: баню „отапливать должно на хозяйскій счетъ въ зимнее время по 1-ое мая два раза въ мѣсяцъ, а въ лѣтнее еженедѣльно по 2 раза; въ договорѣ 80-хъ гг. постановлено всегда топить ее 2 раза въ недѣлю; по договорамъ Ленскаго Т-ва 1883 и 91 гг. баня назначена одинъ разъ въ недѣлю. Г. Кряжевъ говоритъ: на одномъ пріискѣ „баня для рабочихъ была старая и очень маленькая, не больше избушки. Баня была одна какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Между тѣмъ команда рабочихъ состояла зимою изъ 300 человѣкъ, а времени для того, чтобы вымыться, было немного: баня топится только по субботамъ, и только послѣ работъ рабочій можетъ идти мыться, т. е. съ 5 час. вечера. Можно представить себѣ, какова тѣснота въ такой банѣ. Раздѣваться и одѣваться приходилось на крыльцѣ подъ открытымъ небомъ не только лѣтомъ, но даже зимою. Кромѣ того нерѣдко случалось, что не доставало воды; тогда раздѣтый рабочій выбѣгалъ съ шайкой изъ бани и черпалъ воду въ протекавшей вблизи рѣчкѣ“, не только лѣтомъ, но и зимою. „Каковы послѣдствія отъ раздѣваній и одѣваній зимою на улицѣ и отъ того, что мужчины и женщины моются вмѣстѣ,—обо всемъ этомъ нечего и говорить“ [2]). На нижнемъ пріискѣ Базилевскаго мы видѣли хорошо построенную баню, не знаемъ только, достаточна ли она для вмѣщенія всѣхъ рабочихъ.

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 84.
[2]) „Русс. Жизнь“ 1894 г. № 44.

Изъ донесенія г. Калагеорги (1882 г.) видно, что обыкновенно „рабочіе одинъ разъ въ недѣлю бываютъ въ банѣ, а затѣмъ никогда не моются, спятъ въ томъ же платьѣ, въ которомъ работаютъ, т.-е. въ грязномъ и пропитанномъ сыростью".

Продовольствіе на пріискахъ общеконтрактные рабочіе до послѣдняго времени вездѣ получали хозяйское, и лишь въ недавнее время они на нѣкоторыхъ промыслахъ переведены на свое содержаніе.

Относительно этого мы находимъ такія условія въ пріисковыхъ контрактахъ. По договору К° Промышленности 1870 г. рабочіе должны были получать на пріискахъ въ артели ежедневно ржаного печенаго хлѣба съ солью, сколько потребуется, говядины или солонины для щей по 1 ф. и крупы 1/4 ф. ежедневно и столько же крупы для каши каждый праздничный день. За разбрасываніе хлѣба они должны были отвѣчать „по стоющей К° цѣнѣ". По договору той же К° 1874 г. пищевое довольствіе опредѣлено такимъ образомъ: „На пріискахъ и резиденціяхъ и вообще въ мѣстахъ постоянныхъ работъ получать намъ продовольствіе пищею отъ промысловаго управленія ежедневно ржаного печенаго хлѣба 4 ф., свѣжаго или соленаго мяса по 1 ф.; затѣмъ въ мѣсяцъ: соли по 3 ф., масла коровьяго или сала по 1/2 ф. и крупы ячневой по 10 ф. на каждаго. Въ мѣстахъ же непостоянныхъ работъ, какъ, напр., въ поисковыхъ развѣдочныхъ партіяхъ, при проводѣ или исправленіи дорогъ и проч., гдѣ нѣтъ запасныхъ заготовленій, получать намъ каждодневно взамѣнъ печенаго хлѣба ржаныхъ сухарей по 3 ф., а взамѣнъ свѣжаго или соленаго мяса по 3/4 ф. сушенаго" [1]). По договору 1878 г. количество мяса увеличено до 1 1/2 ф., соли до 4 ф. [2]). По договору 1887 г. той же К° пищевое довольствіе улучшено введеніемъ въ него кирпичнаго чая, и рабочіе должны были получать „муки ржаной въ печеномъ хлѣбѣ по потребности, но не болѣе 3 ф. мукою на человѣка", мяса свѣжаго или соленаго 1 1/2 ф. ежедневно и кромѣ того въ мѣсяцъ ячневой или гречневой крупы 10 ф., коровьяго масла на кашу 3/4 ф., кирпичнаго чая полъ-кирпича [3]). „Щи и каша должны приготовляться въ общихъ артельныхъ котлахъ. При употребленіи свѣжаго мяса потроха, головы и ноги должны отпускаться въ счетъ мяса. Приготовленіе на пріискахъ и резиденціяхъ хлѣба, щей и каши, а также въ лѣтнее время кваса, должно быть производимо особою, отъ управленія назначенною, прислугою за счетъ КК°. По договору К° Арендаторовъ 1875 г. печенаго хлѣба полагалось по 4 1/4 ф., говядины 1 ф., крупы ячневой по 1/4 ф. въ день и столько же для каши въ воскресные дни, „каша же въ половинѣ недѣли должна быть экономическая; масла для каждой каши отпускать по 6 золот. на человѣка". Въ поисковыхъ партіяхъ вмѣсто хлѣба—сухари и сушенаго мяса по 3/4 ф.; остатки хлѣба они не должны были растрачивать, а передавать, кому слѣдуетъ, „и за такую аккуратность нашу, какъ бы въ вознагражденіе, полагается варить намъ съ 1 іюня по 15 августа квасъ"; въ противномъ же случаѣ „мы не имѣемъ права его требовать". По договорамъ Трапезниковыхъ 70-хъ гг. полагалось въ мѣсяцъ на каждаго рабочаго: печенаго хлѣба 3 пуда, соли 4 ф., крупы ячневой или гречневой 10 ф., масла 3/4 ф., мяса

---

[1]) То же по договору Бодайбинской К° 1880 г., только мяса по 1 1/4 ф. За разбрасываніе хлѣба опредѣлено вычитать двойную его стоимость.

[2]) То же по договору Бодайбинской К° 1883 г., но по контракту 1884 г — 1 1/4 ф. мяса.

[3]) То же по договору Бодайбинской К° 1890 г.

свѣжаго или соленаго 30 ф. „Приготовленіе хлѣба, кваса, щей и каши должно быть производимо хозяйскимъ коштомъ“, для чего „и избираются изъ среды нашей артельный староста, хлѣбопеки, кашевары и квасовары. Въ случаѣ недостатка, по неисправности подрядчиковъ, а не по винѣ управленія, котораго-либо изъ упомянутыхъ здѣсь продуктовъ, допускается замѣна одного другимъ“. Въ договорѣ той же К° 80-хъ гг. количество мяса увеличено до $1^1/_2$ ф. По договору съ Плетюхинымъ 1886 и 89 гг. мяса полагалось лишь $1^1/_4$ ф., печенаго хлѣба по 4 ф., крупы въ мѣсяцъ 10 ф., соли 4 ф., масла $^3/_4$ ф. въ мѣсяцъ; вмѣсто кваса выдавалось полъ-кирпича чаю. По договору Аканакъ-Накатаминскаго Т-ва 1886 г. мяса назначено по $1^1/_2$ ф. въ день, скоромнаго масла или сала $^1/_2$ ф. въ мѣсяцъ. По договору Базилевскаго 1876 г. говядины свѣжей или соленой по $1^1/_4$ ф., а по договору 1878 г. $1^1/_2$ ф. Въ одномъ договорѣ той же К° 1880-хъ гг. прибавлено, что „кромѣ положенія, получаютъ еще въ праздники Пасхи, Рождества Христова, масляницы и въ день коронаціи по одной крупичатой булкѣ и по 1 ф. мяса на каждаго“. По договору Ленскаго Т-ва 1883 г. къ обычнымъ предметамъ довольствія (4 ф. ржаного хлѣба, $1^1/_2$ ф. мяса въ день, 8 ф. крупы и $^1/_2$ ф. коровьяго мяса въ мѣсяцъ) прибавлено еще 2 ведра квашеной капусты на каждаго человѣка. Въ контрактѣ того же Т-ва начала 70-хъ гг. рабочіе обязывались не имѣть „никакой претензіи“ на приготовляемую имъ пищу. Въ договорахъ Т-ва 1890 и 91 гг. количество крупы уменьшено до 6 ф., капуста отпускалась „по усмотрѣнію управленія“ (т.-е. ея могло и не быть), но зато прибавлено на каждаго по $^1/_4$ кирпича чаю; въ лѣтнее время рабочіе получаютъ $3^1/_2$ ф. хлѣба и квасъ. По договору Малопатомскаго Т-ва 1880 г. масла скоромнаго полагалось по 1 ф. и мяса по $1^1/_2$ ф.

Такимъ образомъ въ различныхъ контрактахъ количество хлѣба въ день колебалось между 3 и $4^1/_2$ ф., мяса въ 70-хъ гг. полагалось по 1 ф., но съ конца этого десятилѣтія количество его было повышено во многихъ компаніяхъ до $1^1/_2$ ф. (однако еще въ концѣ 80-хъ гг. Плетюхинъ давалъ лишь $1^1/_4$ ф. мяса), крупы въ мѣсяцъ полагалось отъ 6 до 10 ф., соли 3—4 ф., масла $^1/_2$—1 ф.; кромѣ того въ нѣкоторыхъ компаніяхъ давали или квасъ, или $^1/_4$—$^1/_2$ кирпича чаю въ мѣсяцъ, а по договору Ленскаго Т-ва 1883 г. 2 ведра квашеной капусты.

Современныя свидѣтельства показываютъ, что въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ пища рабочихъ была крайне неудовлетворительна. По словамъ иркутскаго жандармскаго офицера въ отчетѣ за 1871 г., „рабочіе получаютъ по 1 ф. мяса на человѣка и крупу, изъ которой приготовляютъ кашицу, прибавляя ревеня, и кромѣ того 2 раза въ недѣлю крутую кашу съ масломъ изъ гречневой или ячменной крупы. Мясо свѣжее, доставляемое изъ Якутскаго, Вилюйскаго и Олекминскаго округовъ, вообще очень незавидное; скотъ хотя и не очень мелокъ, но плохъ, сала ничего нѣтъ. Лучше всего доставляется солонина изъ Иркутска; пища изъ нея приготовляется гораздо питательнѣе и вкуснѣе“ [1]).

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2551, № 81 — 36, л. 197. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ въ письмѣ отъ 30 ноября 1871 г. къ министру

Въ 1872 г. (9 янв.) по предложенію олекминскаго горнаго исправника, главноуправляющіе промысловъ постановили отпускать съ 1-го мая на счетъ хозяевъ по 1 ф. масла (вмѣсто прежняго $^1/_2$ ф.) въ мѣсяцъ [1]); относительно прибавки мяса главноуправляющіе сослались на то, что для настоящей операціи его доставлено на пріиски въ размѣрѣ 1 ф. на рабочаго и потому увеличить количество его невозможно, а взамѣнъ этого рѣшено было пополнить пищу прибавкою въ каждую недѣлю каши и масла столько, сколько позволяли сдѣланные запасы; для приправы они обѣщали купить лавроваго листу и перцу, а на будущее время заготовлять капусту.

„Нынѣ она въ количествѣ 800 ведеръ выписана была изъ Якутска на пріиски Базанова“, доносилъ горный исправникъ генералъ-губернатору, „но прислана такого дурного качества, что послѣ осмотра доктора уничтожена вся безъ остатка. Трудность заключаѣтся не въ покупкѣ капусты (она есть и въ Киренскѣ, и въ Якутскѣ), а въ доставкѣ. Приготовленная въ концѣ августа—она едва успѣетъ быть приплавлена съ послѣднимъ рейсомъ по Ленѣ и Витиму на резиденціи, гдѣ и оставляется до открытія навигаціи, и при неимѣніи хорошихъ погребовъ померзаетъ и портится... Въ лѣтніе мѣсяцы на нѣкоторыхъ пріискахъ собираютъ ревень, изъ котораго рабочіе и варятъ себѣ щи; посоленный онъ замѣняетъ капусту. Пища зимою не готовится въ общей кухнѣ (кромѣ пріисковъ Базанова и Ленскаго Т-ва), а приготовляется рабочими по казармамъ. Лучшія щи нашелъ я на Константиновскомъ пріискѣ Трапезниковыхъ. Пробовалъ пищу и приготовляемую въ мѣдныхъ котлахъ вмѣсто прежнихъ желѣзныхъ, но—или кашевары не искусны, или ужъ мясо плохо (оно впрочемъ было несоленое),—но только ни вкусу, ни питательности мною не найдено. У Базанова солонина плоха, такъ какъ, по разсказамъ, доставлена въ бочкахъ изъ подъ омулей и приняла ихъ вкусъ; хлѣбъ хорошъ повсемѣстно и выпеченъ надлежащимъ образомъ. Впрочемъ на одномъ пріискѣ встрѣтилъ я хлѣбъ, испеченный изъ затхлой муки... Квасъ зимой не приготовляется нигдѣ: онъ составляетъ принадлежность лѣтнихъ мѣсяцевъ; вкуса лука и не знаютъ“ [2]). Въ отчетѣ исправника за 1874 г. говорится о „несообразномъ съ трудомъ“ (т.-е. недостаточномъ) „количествѣ пищи“ [3]), а въ отчетѣ за тотъ же годъ офицера, завѣдывавшаго ссыльно-каторжными, онъ утверждалъ, что капусты, сравнительно съ прошлою операціею, выдавалось гораздо меньше и худшаго качества [4]).

финансовъ говоритъ: „на золотыхъ промыслахъ рабочіе... содержались скудно, чрезъ что должны были покупать изъ пріисковыхъ же складовъ по высокимъ цѣнамъ необходимые для жизни припасы и потребности“. Арх. Горн. Деп. отд. золот., дѣло 1872 г. № 4, л. 2. Офицеръ, завѣдывавшій ссыльнокаторжными, въ отчетѣ за 1872 г. также говоритъ, что рабочіе питаются „скудною и однообразною пищею“. Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло № 9, л. 110.

[1]) Въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг., какъ мы увидимъ ниже изъ оффиціальныхъ отчетовъ, обыкновенно давали рабочимъ $^1/_2$ ф. масла и $^1/_2$ ф. сала.

[2]) Синельниковъ на поляхъ написалъ: „желательно, чтобы приготовлялся квасъ и чтобы доставлялся лукъ; неужели и это растеніе невозможно сѣять на мѣстѣ?“ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 206.

[3]) Арх. Ир. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 55.

[4]) Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло 1873 года, № 19, л. 110.

Въ газетѣ „Сибирь“ былъ напечатанъ, со словъ рабочаго, слѣдующій разсказъ о продовольствіи въ началѣ 70-хъ годовъ на промыслахъ самой крупной компаніи: „Пища весьма плоха: 1 ф. говядины на человѣка въ сутки, это еще хорошо, но капусты и въ поминѣ нѣтъ: мы щей не ѣли, а какое-то варево съ ячменной крупой; два раза въ недѣлю гречневая жидкая каша; чаю рабочему не полагается, а каждый долженъ покупать свой по 1 р. за кирпичъ... Говядина дается двухъ сортовъ: соленая и свѣжая. Соленая отпускается съ сентября по іюнь мѣсяцъ; она приготовляется якутами и зовется якутское мясо; а съ іюня свѣжая, но она не свѣжая, а вяленая, употребляемая обыкновенно въ лѣтнихъ экспедиціяхъ... Говядина такая, что, когда откроешь бочку, въ которой она привезена, то по всей казармѣ такой запахъ, такая вонь, что хоть бѣги вонъ! Поваръ какъ ни промываетъ,—ничего не беретъ: цвѣтомъ синяя, противная. Великимъ постомъ давалось тоже мясо; кто не хотѣлъ скоромиться, — отпускались омули съ такимъ разсчетомъ, что одинъ омуль отвѣчалъ за 2 ф. говядины; слѣдовательно 1 омуль давался на 2 дня. Извольте тутъ быть сытымъ послѣ такой тяжелой работы! Откажешься отъ омулей,—предложатъ гороховый супъ, гдѣ, по поговоркѣ, „крупинка за крупинкой гоняется съ дубинкой“ [1]).

По словамъ отчета за 1875 г. витимскаго горнаго исправника, рабочимъ давали попрежнему 1 ф. свѣжаго или соленаго мяса, изъ котораго приготовлялся одинъ обѣдъ; 2 раза въ недѣлю давали кашу. „Но нельзя сказать, чтобы рабочій одною хозяйскою пищею поддерживалъ свои силы. При крайне тяжелыхъ земляныхъ работахъ и при неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, одного обѣда далеко недостаточно, особенно если принять въ соображеніе, что пригоняемый изъ Вилюйска и Забайкальской области скотъ, во время прогона на значительныхъ пространствахъ, при отсутствіи хорошаго корма, изнуряется и приходитъ на промысла крайне истощеннымъ и здѣсь также вслѣдствіе неимѣнія пастбищъ убивается ранѣе наступленія морозовъ и засаливается на круглый годъ. Изъ такой солонины не только не получается хорошаго навара, но и самыя порціи выходятъ въ $^1/_2$ ф. (!), вслѣдствіе чего для поддержанія своихъ силъ рабочіе выписываютъ изъ промысловыхъ амбаровъ чай, сахаръ, масло, пшеничную муку и проч., и на эту добавочную пищу уходитъ не мало изъ заработной платы. Желательно улучшеніе пищи рабочихъ прибавкою по крайней мѣрѣ $^1/_2$ ф. мяса на ужинъ и отпускомъ чаю отъ хозяевъ“ [2]).

Якутскій областной медицинскій инспекторъ Проскуряковъ послѣ обозрѣнія 1875 г. пріисковыхъ больницъ и между прочимъ посѣщенія Иннокентіевскаго пріиска Гинцбурга въ донесеніи якутскому губернатору писалъ: „По заявленію доктора Стоянова, главная причина цынги—ничтожная питательность якутскаго соленаго мяса, по преимуществу употребляемаго на пріискѣ Гинцбурга. Однообразіе пищи, недостатокъ

[1]) „Сибирь„ 1873 г. №№ 5 и 8. О дурномъ мясѣ на пріискахъ Базанова см. также „Сибир. Газ.“ 1884 г. № 8, стр. 204.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 86 об.

растительныхъ пищевыхъ веществъ и преимущественно овощей производятъ хроническое голоданіе, вслѣдствіе чего вновь прибывшіе рабочіе дѣлаются жертвою цынги, чему еще болѣе способствуютъ неблагопріятныя климатическія и почвенныя условія тайги и характеръ работъ“ [1]).

Въ 1876 г. окружной ревизоръ олекминскаго округа Вецель донесъ генералъ-губернатору, что „продовольствіе рабочимъ на золотыхъ промыслахъ Олекминской системы отпускается вездѣ одинаковое: въ дневную порцію на каждаго человѣка полагается $1^1/_4$ ф. мяса соленаго или свѣжаго и для приварка въ достаточномъ количествѣ крупа, капуста или ревень, соль и стручковый перецъ,—послѣдній дается по желанію; кромѣ того выдается квасъ и еженедѣльно два раза каша съ масломъ, за исключеніемъ, впрочемъ, пріисковъ Базанова и Сибирякова, гдѣ порція мяса, при вышесказанномъ же приварочномъ довольствіи, отпускается уполномоченнымъ Беклемишевымъ весьма скудная, а именно 1 ф. соленаго мяса на человѣка, изъ котораго по произведенной пробѣ получается только 36 золот., а если при этомъ отбросить кости, то мяса останется не болѣе 30 зол., что для дневной порціи рабочаго, при тяжелыхъ работахъ, весьма недостаточно“. По мнѣнію Вецеля, слѣдовало бы обязать всѣхъ золотопромышленниковъ выдавать рабочимъ не менѣе $1^1/_2$ ф. соленаго мяса, а свѣжаго не менѣе $1^1/_4$ ф. Генералъ-губернаторъ бар. Фредериксъ предписалъ горному исправнику наблюсти за тѣмъ, чтобы это предложеніе было исполнено на золотыхъ промыслахъ, а „въ случаяхъ отступленія отъ принятаго порядка вообще и уменьшенія отпуска говядины въ особенности, доносить безотлагательно“ [2]). Плохое продовольствіе рабочихъ на пріискахъ К° Базанова въ томъ же 1876 г., подтверждается и подполковникомъ Грамотинымъ, производившимъ слѣдствіе о причинахъ волненія на этихъ промыслахъ: „Я освѣдомился“, писалъ онъ генералъ-губернатору Восточной Сибири 28 ноября 1876 г., „что минувшею весною и зимою пріисковое управленіе, отпуская въ пищу рабочимъ соленое мясо, нерѣдко давало протухшее и худого качества. Мясо на промыслахъ есть въ настоящее время двухъ-и трехгодовалой засолки до 3000 пуд., которое издаетъ отъ себя запахъ и худого качества. Вообще могу сказать, что на пищу рабочихъ на промыслахъ мало обращается вниманія“ [3]).

Рабочимъ изъ ссыльнокаторжныхъ на промыслахъ отпускалась та же пища, что и свободнымъ рабочимъ, и вотъ что говорится о ихъ пищѣ въ отчетѣ за 1876 г.: „Пища арестантамъ приготовлялась и от-

---

[1]) Арх. Витим. Горн. Упр. 1875 г. № 20, л. 4.
[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 357.
[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2578, № 215—269, л. 19, ср. 28 об.

пускалась по примѣру прежнихъ лѣтъ: на завтракъ, паужинъ и ужинъ приварка не полагается, одного же фунта худосочной говядины въ день на человѣка крайне недостаточно, вслѣдствіе чего для поддержанія силъ и здоровья арестантовъ и для поощренія ихъ къ труду было необходимо выдавать имъ въ счетъ заработка масло и сахаръ“ [1]).

Всѣ эти оффиціальныя донесенія не могли не обратить вниманія высшей администраціи Восточной Сибири на крайнюю неудовлетворительность продовольствія пріисковыхъ рабочихъ, и мы видѣли (см. выше, стр. 42), что генералъ-губернаторъ бар. Фредериксъ нашелъ нужнымъ принять мѣры для его улучшенія. На его запросъ въ концѣ 1876 г. большинство золотопромышленниковъ изъявило согласіе выдавать рабочимъ говядины по $1^1/_2$ ф. въ день на человѣка, вслѣдствіе чего онъ и приказалъ циркуляромъ отъ 22 апрѣля 1877 г. предложить золотопромышленникамъ выдавать рабочимъ говядину въ этомъ количествѣ, а наблюденіе за исполненіемъ этого распоряженія возложилъ на горнаго исправника.

Витимскій исправникъ въ маѣ 1877 г. разослалъ запросъ мѣстнымъ пріисковымъ управленіямъ о томъ, какія мѣры приняты ими для исполненія воли генералъ-губернатора. Управленіе К° Промышленности сообщило, что прибавка рабочимъ мяса съ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ ф. въ сутки можетъ быть произведена только съ разрѣшенія владѣльца, почему этотъ вопросъ будетъ возбужденъ при посѣщеніи ими пріисковъ [2]). Управленіе Прибрежно-Витимской К° отвѣчало, что воля генералъ-губернатора имъ не исполнена, во-первыхъ, потому, что не получено никакого распоряженія отъ уполномоченнаго и владѣльцевъ промысловъ, а во-вторыхъ потому, что всѣ заготовленія по содержанію рабочихъ произведены по смѣтѣ на дѣйствующую операцію, и потому увеличить мясную порцію можно съ разрѣшенія владѣльцевъ только съ начала будущей весны. Хорошо извѣстный намъ золотопромышленникъ Плетюхинъ сообщилъ, что циркуляръ генералъ-губернатора имъ читанъ и „съ большимъ удовольствіемъ принятъ къ руководству. Жалѣю (?) объ одномъ только“, продолжаетъ онъ, „что я имѣлъ смѣлость за 3 года впередъ, т.-е. съ 1875 г. или, вѣрнѣе сказать, съ начала разработки принадлежащихъ мнѣ пріисковъ озаботиться объ улучшеніи быта промысловыхъ рабочихъ именно настолько, насколько позволяетъ возможность бороться со всевозможными препятствіями къ улучшенію, въ особенности въ продовольствіи. Такъ напр.: мяса соленаго или свѣжаго я отпускалъ и отпускаю ежедневно по $1^1/_4$ ф. на человѣка, чего нигдѣ на олекминскихъ пріискахъ, сколько мнѣ извѣстно, до полученія настоящаго циркуляра не бывало“ (?!); чай отпускался и отпускается безплатно и варится въ артельномъ котлѣ два раза въ день. Исправникъ не оставилъ заявленія Плетюхина безъ отвѣта и написалъ ему, что $1^1/_4$ ф. мяса выдавалось рабочимъ и ранѣе циркуляра генералъ-губернатора на промыслахъ КК°

[1]) Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло о ссыльнокат. 1875 г., № 5 л. 129 об.

[2]) Нѣсколько позднѣе, въ августѣ 1877 г., управленіе К° Промышленности дало знать горному исправнику, что, хотя владѣльцы промысломъ и были на нихъ лично, но вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ не рѣшенъ ими одними, и они обѣщали вырѣшить его по пріѣздѣ въ Иркутскъ вмѣстѣ съ другими золотопромышленниками и тогда сообщить управленію.

Прибрежно-Витимской и Промышленности съ 10 сентября 1876 г., а въ управленіи Владимірской К° выдавалось даже 1½ ф. На вопросъ о томъ, отпускается ли рабочимъ въ лѣтнее время квасъ, Плетюхинъ отвѣчалъ, что на Крещенскомъ пріискѣ квасъ замѣняется чаемъ. Въ октябрѣ 1877 г. управленія КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской донесли, что съ 10-го сентября рабочимъ выдается по 1½ ф. мяса.

Въ февралѣ 1878 г. горный исправникъ донесъ якутскому губернатору, что до 10 сентября 1877 г., вслѣдствіе незаготовленія мяса, рабочимъ отпускалось по 1¼ ф., кромѣ Владимірской К°, гдѣ выдавалось по 1½ ф., съ 10-го же сентября, согласно циркуляру генералъ губернатора, золотопромышленники разрѣшили отпускать по 1½ ф. мяса, что всѣми ими исполняется. До пригона рогатаго скота на пріискахъ К° Базанова и Сибирякова давалась рабочимъ солонина, а потомъ въ продолженіе всей операціи выдавалось свѣжее мясо. Въ приварокъ отпускались капуста, крупа, соль. Въ продолженіе лѣта варился квасъ [1]).

Въ мартѣ 1878 г. якутскій губернаторъ потребовалъ свѣдѣній о томъ, въ какое время и въ какомъ количествѣ рабочіе продовольствуются соленымъ мясомъ. Витимскій горный исправникъ отвѣчалъ, что въ Прибрежно-Витимской К° рабочіе получали соленое мясо съ 10-го сентября по 1 ноября 1877 г. „вслѣдствіе невозможности сохранить въ это время отъ порчи въ большомъ количествѣ свѣжее мясо и за неимѣніемъ подножнаго корма для рогатаго скота. Затѣмъ соленое мясо будетъ отпускаться въ продолженіе мая мѣсяца до пригона скота подрядчикомъ". Въ К° Промышленности ежедневно на 1 ф. свѣжаго мяса выдается ½ ф. соленаго, кромѣ апрѣля и мая мѣсяцевъ, въ которые до пригона скота выдавалось на ½ ф. свѣжаго 1 ф. соленаго. На Крещенскомъ пріискѣ Плетюхина, съ начала операціи выдавалось свѣжее мясо, что будетъ продолжаться до 1 іюня, а затѣмъ до пригона скота будетъ даваться соленое пополамъ со свѣжимъ. На промыслахъ Бодайбинской К° мясо выдавалось на половину соленое и на половину свѣжее, на остальныхъ же промыслахъ свѣжее мясо отпускалось рабочимъ круглый годъ. Въ это время, по словамъ исправника, во всей системѣ выдавалось рабочимъ по 1½ ф. мяса.

Въ отчетахъ о золотопромышленности Восточной Сибири находимъ слѣдующія свѣдѣнія о продовольствіи рабочихъ. По отчету за 1879 г. рабочіе получаютъ въ мѣсяцъ ячной муки „по потребности", крупы 7½ ф., мяса 1 п. 5 ф., соли—сколько потребуется; по отчету за 1881 г. полагалось муки или печенаго хлѣба 3 пуда, крупы 10 ф., мяса 1 п. 5 ф., масла ½ ф., сала ½ ф., соли 4—5 ф. [2]). По отчету 1882 г., муки ячной въ Витимской системѣ 2½—3 п., въ Олекминской 2¼ до 2½ пуд., крупы въ Витимской системѣ 10 ф., въ Олекминской 7—10 ф., мяса во всемъ округѣ 1 п. 5 ф., въ Витимской системѣ ½ ф. масла и ½ ф. сала, въ Олекминской 1 ф. масла, соли 4—5 ф. [3]). Въ отчетахъ за 1883—84 гг. добавлено, что сверхъ этого полагались въ приварокъ еще квашеная капуста и лукъ, перецъ и лавровый листъ, а на нѣкоторыхъ пріискахъ для питья рабочимъ

---

[1]) Арх. Вит. Горн. Испр. 1877 г. № 32.

[2]) „Горн. Журн." 1882 г. № 9, стр. 375.

[3]) „Прилож. I къ вып. I Сбор. глав. докум." т. VII, стр. 16.

приготовлялся квасъ [1]). По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Аврамовымъ (1884 г.), разночинцы перваго разряда (нарядчики и ремесленники) получали ржаной муки 2 пуд., пшеничной 20 ф., второго разряда (старосты артельный и конюховскій, промывальщики, старшіе конюхи и нѣкоторые ремесленники) 2 п. 10 фун. ржаной и 10 ф. пшеничной; рабочіе только ржаной 2 п. 10 ф.; мяса разночинцы получали 1 п. 5 ф., рабочіе 30 ф. (?), крупы всѣ по 10 фун., масла разночинцы перваго разряда 3 ф., второго разряда 2 ф., рабочіе 1 ф., соли всѣ по 4 ф., чаю фамильнаго разночинцы перваго разряда 1 ф., разночинцы второго разряда 1 ф. кирпичнаго, а простымъ рабочимъ чаю не полагалось (стр. 103). По отчету горнаго исправника Олекминской и Витимской системъ 1885 г. рабочіе получали мяса свѣжаго или пополамъ съ соленымъ отъ $1^1/_2$ до $1^3/_4$ фун." максимальное количество давалось развѣ разночинцамъ); въ приварокъ отпускали соленую капусту [2]).

Г. Калагеорги въ своемъ донесеніи генералъ-губернатору (1882 г.) говоритъ о пищѣ пріисковыхъ рабочихъ слѣдующее: „количество продуктовъ на всѣхъ пріискахъ положено одинаковое, за исключеніемъ только двухъ небольшихъ пріисковъ, гдѣ мяса дается по $1^1/_4$ ф. въ день и, взамѣнъ кваса, полагается по $^1/_2$ ф. кирпичнаго чая. Почти вездѣ есть заготовленія квашеной капусты и другихъ овощей. Но продовольствіе рабочихъ, вслѣдствіе отсутствія порядка въ приготовленіи пищи и въ выдачѣ ея рабочимъ, нельзя признать удовлетворительнымъ. На большихъ пріискахъ пища приготовляется въ общемъ котлѣ и разносится рабочимъ въ котелкахъ въ казармы; варится пища не на всѣхъ, а только на желающихъ, остальные же получаютъ провизію на руки и готовятъ сами себѣ, причемъ холостые обыкновенно пристраиваются къ семейнымъ; на нѣкоторыхъ же пріискахъ всѣ безъ исключенія получаютъ одинъ разъ въ день положенное количество продуктовъ на руки и приготовляютъ пищу по своему усмотрѣнію. На каждомъ пріискѣ рабочіе выбираютъ артельнаго старосту, который получаетъ провизію отъ матеріальнаго и затѣмъ приготовляетъ пищу совершенно безконтрольно". „Опыты, произведенные мѣстнымъ врачемъ на одномъ пріискѣ" (Рабиновичемъ), „доказали, что изъ отпускаемыхъ управленіемъ полутора фунтовъ мяса рабочіе въ дѣйствительности получаютъ только 55 золотниковъ". Выдача провизіи на руки рабочимъ „влечетъ за собою весьма вредныя послѣдствія: мясо проигрывается въ карты, продается или мѣняется на водку, и очень многіе не обѣдаютъ, а питаются чаемъ съ хлѣбомъ и масломъ, благо послѣднее дается въ долгъ. При разсмотрѣніи разсчетныхъ листовъ поражаетъ количество забираемаго рабочими масла: большинство съѣдаетъ *до 15 ф. въ мѣсяцъ*. Подобнаго рода пища, состоящая только изъ чая, хлѣба и масла, при отсутствіи овощей и мяса, не можетъ удовлетворять условіямъ правильнаго

[1]) Дѣла Горн. Деп.

[2]) Ср. „Памят. книж. Якут. обл. на 1891 г.", стр. 112.

и здороваго питанія, а потому не удивительно, что цынготная болѣзнь составляетъ обыкновенное на пріискахъ явленіе. Нѣкоторые изъ золотопромышленниковъ желали завести у себя довольствіе рабочихъ всѣмъ вмѣстѣ и давать горячую пищу два раза въ день; съ этою цѣлью устроены столовыя; но осуществленію этихъ благихъ намѣреній помѣшало нежеланіе самихъ рабочихъ. Предпочтеніе ими нынѣ существующаго порядка понятно: одни, получая на руки продукты и пристроившись къ семейнымъ, въ состояніи разнообразить пищу и даже, покупая мясо у товарищей, улучшить ее; другіе же видятъ въ немъ одно изъ средствъ для удовлетворенія своихъ дурныхъ инстинктовъ“ [1]).

Бывшій начальникъ иркутскаго горнаго управленія Карпинскій въ своемъ докладѣ въ Восточно-Сибирскомъ отдѣлѣ Географическаго Общества въ 1886 г. говоритъ: хлѣба рабочимъ „дается, сколько хотятъ и всегда свѣжаго, потому что все, что испечено, съѣдается въ одинъ день; мяса отпускается достаточно и довольно хорошаго качества; затѣмъ дается каша 2 раза въ недѣлю, кирпичный чай и квасъ. Хотя въ общемъ пища довольно питательная, но рабочіе жалуются на однообразіе. На одномъ изъ пріисковъ, вмѣсто свѣжаго мяса, которое тамъ очень легко сохранять, такъ какъ почва мерзлая, даютъ солонину и не даютъ кваса. Хозяинъ пріиска увѣряетъ, что ему трудно доставить свѣжее мясо, хотя нужно замѣтить, что его пріискъ одинъ изъ самыхъ ближайшихъ къ Бодайбинской резиденціи, а другіе, болѣе отдаленные, имѣютъ возможность кормить рабочихъ свѣжимъ мясомъ. Квасъ съ этого пріиска изгнанъ потому, что хозяинъ находитъ его вреднымъ для желудка рабочихъ (!), а потому они пьютъ грязную воду изъ Бодайбо... На другихъ пріискахъ вездѣ даютъ квасъ, однако же никто отъ этого не страдаетъ“; необходимо устранить крайнее однообразіе пищи; „напр., почему бы не давать иногда, вмѣсто мяса, рыбу [2]), не употреблять приправъ, какъ горохъ, хрѣнъ, картофель; да еслибы даже содержаніе рабочихъ и было отъ этого дороже, такъ вѣдь не мѣшаетъ на это пожертвовать, потому что жалобы промышленниковъ на дороговизну рабочихъ не основательны, и непомѣрная стоимость ихъ чисто фиктивная“ [3]).

Чтобы дополнить пищу, получаемую отъ золотопромышленниковъ и сдѣлать ее болѣе разнообразною, рабочимъ приходится брать не мало припасовъ изъ пріисковыхъ лавокъ. Такъ въ К° Промышленности въ операцію 1887 г. изъ всей суммы заработанныхъ рабочими 638.640 руб. слишкомъ 100 т. р., т.-е. почти шестая часть, пошла на выписку съѣстныхъ

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765 № 37—30, л. 38—40.

[2]) Авторъ одной позднѣйшей газетной статьи говоритъ, что въ посты допускалась, по желанію рабочихъ, такая замѣна. „Сиб. Вѣст.“ 1892 г. № 51.

[3]) „Извѣст. Восточ. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“, т. 17, 1886 г. № 3—4.

припасовъ [1]), въ 1888 г. 113.498 руб. и въ 1889 г.—102.437 р., что въ среднемъ составляло по 63 р. на годового рабочаго или болѣе 14% заработка (считая заработокъ вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ). Въ Яково-Николаевскомъ Т-вѣ, по свѣдѣніямъ за два года (1888 и 89), значится отпущенныхъ припасовъ на 18.231 руб., что по числу 173 годовыхъ рабочихъ составитъ въ среднемъ по 105 руб. на каждаго или 29% заработка. „Основываясь на приведенныхъ данныхъ", говоритъ г. Михайловъ, „и имѣя въ виду, что въ К° Промышленности, какъ самой богатой, содержаніе рабочихъ отличается отпускомъ значительнаго количества приварочныхъ продуктовъ, какъ то: капусты, картофеля" (въ 1887—89 гг. было отпущено въ среднемъ на человѣка по 1¼ ведра капусты), „и вообще лучшимъ продовольствіемъ, надлежитъ придти къ тому выводу, что въ силу особыхъ климатическихъ условій, норма довольствія, установленная нынѣ на пріискахъ, является недостаточной, при чемъ главнѣйшій недостатокъ... заключается въ маломъ количествѣ жировыхъ веществъ". „Хотя при посѣщеніи пріисковъ г. генералъ-губернаторомъ", говоритъ г. Михайловъ, „пища въ общихъ котлахъ найдена на вкусъ достаточно хорошей, но она оказалась жидкой и, слѣдовательно, мало питательной".

Каковы бы ни были недостатки продовольствія рабочихъ въ послѣднее время, нельзя не признать, что въ немъ все-таки произошло значительное улучшеніе сравнительно съ первой половиной 70-хъ годовъ.

Очень важное наблюденіе сдѣлано было докторомъ Маліевымъ въ началѣ 80-хъ годовъ: на основаніи научныхъ данныхъ гигіены онъ показалъ, что въ пищѣ рабочихъ слишкомъ мало жиру. Это видно и изъ того, что рабочіе берутъ изъ лавокъ на свой счетъ большое количество коровьяго масла. Напр., въ Малопатомскомъ Т-вѣ въ операцію 1878—79 г. 450 рабочихъ въ теченіе года взяли 990 пудовъ, да кромѣ того хозяйскаго масла было израсходовано на нихъ 200 пуд. (больше, чѣмъ полагалось); такимъ образомъ на каждаго рабочаго приходилось 1½ ф. хозяйскаго и 7⅓ ф. на книжку въ мѣсяцъ (фунтъ масла стоилъ 40 коп.). Въ томъ же году въ Ленскомъ Т-вѣ на каждаго рабочаго пришлось болѣе ½ ф. хозяйскаго и по 6½ ф. масла, купленнаго самими рабочими, въ мѣсяцъ. Кромѣ масла, рабочіе брали также сахаръ и чай. Въ Малопатомскомъ Т-вѣ въ 1878—79 г. пришлось на каждаго рабочаго въ мѣсяцъ сахару 4⅔ ф., чаю нѣсколько менѣе одного кирпича (кирпичъ около фунта вѣсомъ); въ Ленскомъ Т-вѣ сахару 4½ ф., чаю нѣсколько болѣе ½ ф. На основаніи своихъ наблюденій докторъ Маліевъ пришелъ къ выводу, что слѣдовало бы рекомендовать золото-

[1]) Арх. Канц. Иркут. Генер. Губ. 1887 г. № 611, л. 39.

промышленникамъ выдавать рабочимъ по 8 ф. масла, по 5 ф. сахару и по 1 ф. чаю въ мѣсяцъ на человѣка [1]); къ сожалѣнію, на указаніе г. Маліева относительно необходимаго количества масла высшая администрація, которой была хорошо извѣстна его статья, не обратила вниманія, а между тѣмъ, оно нисколько не было преувеличено: мы видѣли, что, по словамъ г. Калагеорги, рабочіе потребляли даже до 15 ф. масла на человѣка въ мѣсяцъ.

На эту потребность рабочихъ въ жировыхъ веществахъ обращали еще ранѣе вниманіе и другія компетентныя лица. Такъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ одинъ изъ пріисковыхъ управляющихъ Олекминскаго округа писалъ: „Нигдѣ не случалось мнѣ видѣть и слышать, чтобы рабочіе люди такъ нуждались въ маслѣ, какъ здѣсь. Масло для нихъ, кажется, болѣе необходимо, чѣмъ мясо,—особенно солепое... Потребность въ маслѣ является уже не прихотью, а необходимостью, которая всего нагляднѣе выражается въ томъ, что рабочіе, преимущественно якуты, съѣдаютъ съ хлѣбомъ остатки сальныхъ свѣчей, которыя выдаются имъ для работъ въ ортахъ. Сахаръ такъ же, какъ и масло, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, составляетъ для рабочаго не одно лакомство, но и насущную потребность для надлежащаго питанія его организма [2]). На недостатокъ жира въ пищѣ рабочихъ указываетъ и авторъ статьи въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ 1889 г. Онъ полагаетъ, что получаемаго рабочимъ содержанія „было бы достаточно для одинокаго, здороваго человѣка, если бы мясо, доставляемое на эти пріиски, было надлежащаго достоинства; но такъ какъ оно въ большинствѣ бываетъ очень сухое, то недостатокъ въ немъ жира, потребнаго для организма рабочаго, занятаго исключительно мускульной работой, приходится восполнять масломъ, которое и пріобрѣтается въ счетъ заработной платы изъ пріисковыхъ амбаровъ. Хлѣба же всегда хватаетъ, если только рабочіе имъ не торгуютъ и не сбываютъ спиртоносамъ и якутамъ“ [3]).

По моимъ личнымъ наблюденіямъ въ 1891 г. рабочіе получали хлѣбъ обыкновенно вполнѣ хорошаго качества и въ достаточномъ количествѣ, но похлебка нерѣдко бывала недостаточно наварною; относительно мяса нужно не забывать, что $1^1/_2$ ф. выдавалось вмѣстѣ съ костями, и что иногда вмѣсто мяса выдавались потроха, хотя, какъ намъ говорили, въ количествѣ, нѣсколько превышающемъ $1^1/_2$ ф. Солонина бывала не всегда свѣжая, по крайней мѣрѣ присутствуя при раскупориваніи ея на главномъ станѣ Бодайбинской К°, я чувствовалъ

---

[1]) „Сборн. сочин. по судеб. медиц.“ 1881 г., т. III, стр. 113.
[2]) *Аврамовъ*. „Очеркъ золотопромышленной Олекмы“. Барн. 1884 г. стр. 112.
[3]) „Сибир. Сборн.“ 1889 г., вып. 2, стр. 31.

непріятный запахъ; если было справедливо увѣреніе управляющаго, что это свѣжая кяхтинская солонина, то остается думать (такіе случаи мы видѣли выше), что для ея доставки употребляются какія либо нечистыя, напр., омулевыя, бочки (хотя, быть можетъ, это просто отговорка). Указанія доктора Маліева и другихъ на недостаточное количество жировъ въ пищѣ я нашелъ совершенно справедливымъ: рабочимъ приходилось покупать въ пріисковыхъ магазинахъ 10—15 ф. масла въ мѣсяцъ. На главномъ стану К° Промышленности я нашелъ хорошій хлѣбъ, хотя хуже, чѣмъ на Воронцовской пристани. Мнѣ сказали здѣсь, что изъ 1½ ф. говядины съ костями приходится чистаго мяса золотниковъ 60. Рабочіе,—особенно семейные,—берутъ мясо на руки, но такъ какъ многіе изъ нихъ потомъ все-таки желаютъ получить и сваренную похлебку или щи, то приходилось варить на большее количество людей, чѣмъ осталось невзятыхъ порцій мяса; вслѣдствіе этого, по единогласному показанію какъ пріисковаго управленія, такъ и рабочихъ, горячее кушанье выходитъ мало наварнымъ. На Ивановскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К°, вслѣдствіе дальняго разстоянія работъ отъ казармъ, приходится возить горячее кушанье къ шахтѣ. Я слышалъ отъ одного золотопромышленника, что на пріискахъ К° Базанова, Нѣмчинова и Сибирякова прежде были такъ дурно устроены погреба, что отъ нихъ шелъ страшный запахъ; хотя ихъ покрывали снѣгомъ, но мясо въ нихъ портилось. На промыслахъ этой К° докторъ самъ мнѣ разсказывалъ, что однажды онъ призналъ годною партію мяса въ нѣсколько тысячъ пудовъ, которое издавало запахъ; хотя онъ и находилъ, что мясо это потеряло всякую питательность, но „жалко было бросить", и онъ считалъ, что употребленіе его не принесетъ прямого вреда; по словамъ доктора, оно сошло вперемежку съ другимъ мясомъ.

Относительно стоимости продовольствія рабочихъ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. На пріискахъ Ѳ. Базилевскаго стоимость содержанія рабочаго въ день (вмѣстѣ съ винною порціею) равнялась въ 1877 г.—47 коп., въ 1878—79 гг.—54 к., въ 1880 г.—70 к., въ 1881 г.—1 р., въ 1882 г.—90 к., въ 1883 г.—82 к. На Романовскомъ пріискѣ Малопатомскаго Т-ва стоимость содержанія рабочаго въ день равнялась въ 1880 г.—58 к., въ 1881г.—67 к., въ 1882 г.—87 к., въ 1883 г.—86 к. [1]). Въ Прибрежно-Витимской К° стоимость содержанія рабочаго въ сутки равнялась 1881 г.—66 к., въ 1882 г.—72 к., въ 1888 г.—69 к., въ 1884 г.—76 к. [2]). Аврамовъ въ своей книгѣ (1884 г.) опредѣляетъ приблизительно стоимость содержанія въ день разночинца 1-го разряда

[1]) Матеріалы, сообщенные Л. Ѳ. Пантелѣевымъ.
[2]) Матеріалы, сообщенные г. Субботинымъ.

въ 73 к., разночинца 2-го разряда въ 67 к., простого рабочаго въ 57 к. [1]). Въ 1890 г., какъ видно изъ записки г. Михайлова, стоимость суточнаго пищевого довольствія рабочаго равнялась на промыслахъ Демидовой—59 к., на промыслахъ Базилевскаго—61 к., въ Ленскомъ и Яково-Николаевскомъ Т-вахъ по 70 к., въ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской—72 к., въ Бодайбинской К°—85 к.; такимъ образомъ средняя стоимость суточнаго довольствія рабочихъ равнялась 70-ти коп.

Для пріема припасовъ и приготовленія пищи рабочіе выбирали артельныхъ старостъ. Въ контрактахъ мы встрѣчаемъ относительно этого еще слѣдующее постановленіе. Въ контрактѣ К° Промышленности 1887 г. сказано: „вся хозяйственная часть, заключающаяся въ принятіи изъ промысловыхъ амбаровъ припасовъ и приготовленіи для насъ пищи, возлагается на избранныхъ нами изъ своей среды, такъ называемыхъ, артельныхъ старостъ, кашеваровъ, хлѣбопековъ и квасоваровъ, которые содержатся на счетъ компаній, и изъ которыхъ первому, т.-е. артельному старостѣ, довѣряемъ мы соблюдать наши интересы, и въ случаѣ какихъ либо непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и недоразумѣній, касающихся всей команды, онъ обязанъ заявлять о томъ претензіи и объяснять таковыя промысловому управленію вмѣстѣ съ другими избранными собственно на этотъ предметъ тремя лицами. Собираться же толпою ни въ какомъ случаѣ мы не должны,—и за всякое сборище, нарушающее тишину и спокойствіе, подвергаемся законной отвѣтственности по уложенію о наказаніяхъ, какъ за нарушеніе порядка. Всякая толпа, собравшаяся съ цѣлью переговоровъ съ управленіемъ болѣе 10 человѣкъ, считается за сборище бунтовщиковъ или за сборище съ неблагонамѣренною цѣлью“ [2]). По свидѣтельству мѣстнаго наблюдателя, „почти вездѣ, гдѣ рабочіе живутъ на хозяйскихъ харчахъ, существуетъ общій котелъ... Послѣ звонка на обѣдъ рабочіе или ихъ жены отправляются въ „кашеварку“, гдѣ получаютъ обѣдъ, и уносятъ въ свои помѣщенія. Ужинъ не готовится, и рабочіе или оставляютъ часть изъ полученнаго на обѣдъ, или запасаются продуктами изъ пріисковыхъ амбаровъ“ [3]).

На промыслахъ Олекминскаго округа рабочіе не всегда получаютъ хозяйское содержаніе: въ 1891 г. я встрѣтилъ золотопромышленника Олекминской системы Полевого, который выдавалъ на продовольствіе рабочимъ деньгами, если не ошибаюсь, по 56 к. Аканакъ-Накатамин-

[1]) „Очеркъ золот. Олекмы“, стр. 103.

[2]) То же въ договорѣ Бодайбинской К° 1890 г. Въ контрактѣ Малопатомскаго Т—ва 1880 г. сказано: „приготовлять пищу на каждые 200 человѣкъ долженъ одинъ кашеваръ на счетъ управленія“.

[3]) „Восточ. Обозр.“ 1894 г. № 132.

ское Т-во по договору 1886 г. также предоставляло себѣ право перевести рабочихъ на ихъ содержаніе [1]). Съ операціи 1892—93 г. Ленское Т-во перевело всѣхъ своихъ рабочихъ на собственное ихъ содержаніе, при чемъ къ рабочей платѣ было прибавлено по 50 к. на поденщину взамѣнъ хозяйскаго продовольствія. Въ 1890 г. Ленскому Т-ву обошлось продовольствіе каждаго рабочаго въ 70 к., но вѣроятно вмѣстѣ съ винными порціями. Такъ какъ К° обязывается и по позднѣйшимъ контрактамъ выдавать каждому рабочему по одной порціи, стоимость которой равняется до 10 к., то слѣдовательно К° обсчитала каждаго рабочаго на 10 к. въ день. „Рабочимъ выданы кромѣ разсчетныхъ книжекъ еще припасныя, по которымъ они могли получать отъ старосты ежедневно мясо, хлѣбъ, соль, капусту и крупу, а также овощи по доставкѣ ихъ. Каждый отпускъ отмѣчается у старосты въ книгѣ и въ книжкѣ у рабочаго, которая и остается у него. Въ концѣ мѣсяца подсчитывается стоимость взятыхъ припасовъ, согласно цѣнамъ, обусловленнымъ контрактомъ, и вносится въ разсчетную книжку. Не возбраняется покупать припасы у вольныхъ продавцевъ. Для варки пищи управленіе назначило на каждый № казармы по одной кашеваркѣ. Оказалось", по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ управленіемъ Ленскаго Т-ва, „что рабочіе при собственныхъ харчахъ сократили количество ржаного хлѣба съ 4 ф. до $2^3/_4$, а количество мяса увеличили съ $1^1/_2$ до 2 ф. При лучшемъ питаніи рабочіе рѣдко расходуютъ на перечисленные припасы болѣе 12—13 руб." (?) „на человѣка (пріисковые рабочіе выписываютъ еще обыкновенно ежемѣсячно 8 ф. масла топленаго, 5 ф. сахару, 10—20 ф. крупчатки и $^1/_2$ ф. кирпича или $^1/_2$ ф. чаю), варятъ они пищу артелями въ нѣсколько человѣкъ. Процентъ больныхъ за 2 года не только не увеличился", если справедливо показаніе пріисковаго управленія, „но даже нѣсколько сократился: особенно незначителенъ былъ процентъ цынготныхъ" [2]).

Переводъ рабочихъ Ленскаго Т-ва на свое содержаніе первое

---

[1]) „Если управленіе найдетъ выгоднымъ въ видахъ своихъ и нашихъ интересовъ устроить на пріискахъ, резиденціяхъ и проч. пунктахъ, чтобы мы состояли на своемъ собственномъ харчевомъ содержаніи, то мы противъ этого спорить и прекословить не должны, а обязаны выполнять условіе управленія, но съ тѣмъ, чтобы всѣ потребные продукты для нашего продовольствія были готовы при требованіи ихъ въ условленное симъ договоромъ время и въ потребномъ количествѣ, за каковые мы обязаны уплачивать по существующимъ въ районѣ цѣнамъ по утвержденной таксѣ".

[2]) „Вѣстн. Золотопр." 1895 г. № 7, стр. 128. Въ контрактѣ указывалось, по какимъ цѣнамъ, утвержденнымъ исправникомъ, рабочіе могутъ пріобрѣтать изъ амбаровъ Т—ва слѣдующіе главные припасы: ржаной хлѣбъ, мясо, крупу гречневую и ячневую, коровье масло, кирпичный чай, капусту и соль. Въ контрактѣ оговорено, что, если за кѣмъ либо изъ рабочихъ состоитъ долгъ, то управленіе имѣетъ право отпускать должнику только хлѣбъ, мясо, соль и чай.

время вызвалъ съ ихъ стороны протестъ, но потомъ, по свидѣтельству мѣстнаго наблюдателя, „они вскорѣ привыкли къ новому порядку и, если жалуются, то не на самый принципъ реформы, а на то, что *отъ заработковъ у нихъ мало остается*“. Авторъ цитируемой статьи объясняетъ это большими штрафами, установленными въ Ленскомъ Т-вѣ [1]), но мы видѣли, кромѣ того, что переводъ на денежный паекъ, въ замѣнъ пищевого, былъ произведенъ на невыгодныхъ для рабочихъ основаніяхъ.

Въ одной газетной статьѣ (1894 г.) есть извѣстіе, что въ Олекминской системѣ, кромѣ Ленскаго Т-ва, „почти на всѣхъ мелкихъ промыслахъ рабочіе переведены года 2 тому назадъ на свое содержаніе“ [2]). Между тѣмъ въ оффиціальныхъ данныхъ о золотопромышленности въ Восточной Сибири въ 1895 г. сказано, что въ этомъ году въ Ленскомъ горномъ округѣ рабочіе находились на своемъ содержаніи только на пріискахъ Ленскаго и Малопатомскаго Т-въ [3]).

По поводу перевода рабочихъ на свое содержаніе авторъ статьи въ „Восточномъ Обозрѣніи“ говоритъ: старые таежники „нападаютъ на переводъ рабочихъ на свое содержаніе...; здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ, есть свои выгодныя и невыгодныя стороны... рабочему иногда приходится терпѣть отъ злоупотребленія стряпокъ и переплачивать на нѣкоторыхъ продуктахъ, поставкою которыхъ не занимается управленіе, какъ, напр., на овощахъ, молокѣ и проч.; правда, управленіе содѣйствуетъ тому, чтобы частные торговцы привозили на продажу рабочимъ рыбу, овощи и прочее, но въ общемъ еще далеко до правильно организованнаго базара, и цѣны часто колеблются. Впрочемъ, послѣднее имѣетъ крайне относительное значеніе: очень часто цѣны на предметы, заготовляемые товариществомъ, бываютъ ниже въ вольной продажѣ, чѣмъ по подрядамъ. Во всякомъ же случаѣ несомнѣнно, что рабочіе, умѣющіе вести свое домашнее хозяйство, пользуются, при новыхъ порядкахъ, болѣе разнообразною пищею, чѣмъ прежде. Наконецъ противъ новой системы дѣлаютъ еще такое возраженіе: рабочій, пропивъ всѣ свои деньги, идетъ на работу полуголодный или питается однимъ чаемъ съ хлѣбомъ“ [4]). Во всякомъ случаѣ, когда, послѣ изданія закона 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промысла, многіе золотопромышленники Ленскаго горнаго округа перевели рабочихъ на собственное ихъ продовольствіе, то это повело къ послѣдствіямъ, печальнымъ не только для рабочихъ, но и для золотопромышленныхъ КК°.

---

[1]) „Восточн. Обозр.“ 1895 г. № 22.
[2]) „Восточн. Обозр.“ 1894 г. № 132.
[3]) „Вѣстн. Золот.“ 1897 г., стр. 82.
[4]) „Восточн. Обозр.“ 1895 г. № 23.

За продовольствіе женщинъ, не занятыхъ хозяйскою работою на пріискѣ, производится опредѣленный вычетъ.

Въ договорѣ К° Промышленности 1870 г. сказано: „Если кто изъ насъ будетъ слѣдовать, съ согласія довѣреннаго, на пріиски съ семействомъ, т.-е. съ женою, то долженъ всѣ расходы по содержанію ея принять на свой счетъ, по явкѣ же на пріиски жены наши непремѣнно должны исполнять какую-либо работу по силамъ своимъ, какъ-то: мытье половъ и бѣлья, шитье рубахъ и шароваръ и проч., задолжаться въ помощь поварамъ, хлѣбопекамъ, кашеварамъ и квасоварамъ непремѣнно какъ въ будничные, такъ и табельные дни, получая за то плату по усмотрѣнію промысловаго управленія и содержаніе наравнѣ съ прочими черноработными людьми, а если кто изъ женъ нашихъ будетъ уклоняться отъ назначенныхъ управленіемъ работъ, то съ таковыхъ удерживаетъ К° по 8 р. с. въ мѣсяцъ на содержаніе и проч. или тотчасъ же высылаетъ съ пріиска, чему мы, мужья, прекословить не должны". По договору той же К° 1874 г. съ неработающихъ женщинъ за одинъ хлѣбъ назначенъ вычетъ по 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ, а съ дѣтей половину. Женщины или дѣти, привезенныя безъ согласія управленія, могутъ быть высланы съ пріисковъ въ первое жилое мѣсто [1]). Вычетъ за хлѣбъ по договорамъ 1878 и 83 гг. повышенъ до 9 р. (за дѣтей половину) [2]). По договору КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. „строго воспрещается" рабочимъ „брать съ собою на промыслы безъ письменнаго разрѣшенія, прописаннаго въ разсчетномъ листѣ, свои семейства, т.-е. и женъ, и дѣтей, а въ особенности посторонннихъ женщинъ, а потому всѣ семейства, прибывшія съ нами, рабочими людьми, на пристань Виска безъ письменнаго разрѣшенія, не могутъ быть пропущены на промыслы КК° и немедленно должны возвратиться обратно, а рабочій, приведшій семейство, безотговорочно долженъ слѣдовать къ мѣсту работъ". Вычетъ за одинъ хлѣбъ назначенъ съ женщинъ 25—30 к. въ день, съ дѣтей половина [3]). По договору К° Арендаторовъ 1875 г. рабочимъ ставилось непремѣннымъ условіемъ не приводить съ собою на пріиски женъ и дѣтей, „въ особенности женъ приватныхъ"; приводъ женъ и дѣтей допускался только съ согласія довѣреннаго или пріисковаго управленія; за ихъ содержаніе вычетъ производился по стоимости припасовъ; по договору Аканакъ-Накатамчинскаго Т-ва 1886 г. вычетъ за одинъ хлѣбъ незанятыхъ въ работѣ женщинъ назначенъ по 12 р. зимою и 9 р. лѣтомъ въ мѣсяцъ; „если же кто изъ этихъ женщинъ вовсе будетъ отказываться или уклоняться отъ работъ, соотвѣтственныхъ ихъ полу и здоровью, то управленіе имѣетъ право, сверхъ немедленнаго выдворенія такихъ женщинъ съ пріисковъ безъ мужей, подвергать самихъ мужчинъ единовременному штрафу въ 25 р. (!); мужья и содержатели не въ правѣ претендовать и въ особенности просить разсчета и увольненія съ пріисковъ". По договору Базилевскаго 1876 г. вычетъ за содержаніе ненанятыхъ женщинъ назначенъ по 30 к. (за дѣтей половину), при чемъ женщины не должны отказываться отъ работы, если того потребуетъ управленіе, подъ страхомъ штрафа на общемъ основаніи, который записывается тому, на чей счетъ относится содержаніе женщины; приведенныхъ безъ разрѣшенія управленіе можетъ выслать до перваго жилого мѣста

[1]) По договорамъ 1878 и 83 гг.—на счетъ рабочихъ.

[2]) То же по договорамъ Бодайбинской К° 1880 и 83 г.; по договору 1884 г. вычетъ 10 р.

[3]) Сходно съ этимъ по договору Бодайбинской К° 1890 г. назначенъ вычетъ 30 к. со взрослыхъ женщинъ и 15 к. съ дѣтей.

съ вычетомъ по 5 р. съ каждой; по договору Базилевскаго 1878 г. вычетъ за содержаніе неработающихъ женщинъ повышенъ до 40 к. Въ договорахъ Ленскаго Т-ва 1890, 91 и 94 гг. сказано: „Если бы кто-либо изъ насъ, рабочихъ, получилъ разрѣшеніе привести съ собою свою семью, то мы обязуемся посылать въ работу пришедшихъ съ нами женщинъ или взрослыхъ дочерей за плату", опредѣленную въ контрактѣ и указанную нами выше. За уклоненіе отъ работъ безъ уважительныхъ причинъ налагался штрафъ: по договорамъ 1890—91 гг. въ размѣрѣ 1 р. 50 к. за каждый разъ, а по договору 1894 г.—2 р. По договору 1891 г. лѣтомъ съ женщинъ производится вычетъ на квасъ по 2 р. въ мѣсяцъ; по договору 1894 г. вычетъ этотъ дѣлается въ продолженіе 4 мѣсяцевъ. Въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.) есть указаніе, что вычетъ съ неработающихъ женщинъ (по 40 к. или по 30 к. за одинъ хлѣбъ) производится и въ томъ случаѣ, если онѣ не берутъ хлѣба, при томъ стоимость хлѣбнаго пайка менѣе 30 к. [1]).

Говоря о пищевомъ довольствіи рабочихъ, мы не упоминали еще объ отпускѣ имъ винныхъ порцій.

Въ договорахъ К° Промышленности 1874 и 78 гг. „подача винныхъ порцій какъ на пріискахъ, такъ и на резиденціяхъ и другихъ пунктахъ, предоставляется усмотрѣнію управленія; рабочіе же требовать ихъ не имѣли права [2]). По договору Аканакъ-Накатаминскаго Товарищества 1886 г. устанавливается въ такихъ же выраженіяхъ необязательность выдачи винной порціи, но вслѣдъ затѣмъ сказано: „управленіе выдаетъ намъ двѣ порціи въ недѣлю—въ четвергъ и воскресенье. Исполнившіе же уроки со стараніемъ получаютъ винную порцію" [3]). Въ договорѣ Ленскаго Товарищества 1890 г. уже устанавливается ежедневная *обязательная* выдача $^1/_{100}$ водки, но сдѣлана оговорка, что управленіе можетъ лишить порціи въ видѣ наказанія или штрафа за мелкіе проступки, а также за недоработку урока. Рабочіе были обязаны заявить въ началѣ каждаго мѣсяца о томъ, будутъ ли они пить порцію или нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ вмѣсто водки записывалось по 10 к. за каждую порцію. Напротивъ по договорамъ 1891 и 94 гг. той же К° за невыпитыя винныя порціи никакой особой платы не полагалось, и водка на отливъ не отпускалась. Послѣ перевода рабочихъ на собственное продовольствіе управленіе Ленскаго Т-ва обязывалось ежедневно отпускать имъ безплатно по $^1/_{100}$ ведра водки въ день на каждаго мужчину; кузнецы же, слесаря, промывальщики, мазилки при машинѣ,

---

[1]) Арх. Витимск. Горн. Испр., дѣло 1889 г. № 6, л. 312. По контрактамъ рабочимъ воспрещалось приводить съ собою на пріиски и животныхъ подъ угрозою вычета. Такъ по договору К° Промышленности 1883 г. за приведенную собаку управленіе могло вычитать по 3 р. въ мѣсяцъ или истребить ее; по договору Базилевскаго 70-хъ и 80-хъ гг. за собакъ и другихъ животныхъ назначенъ вычетъ въ 5 р.

[2]) Сходно съ этимъ и въ договорѣ той же К° 1887 г., Бодайбинской К° и во многихъ другихъ договорахъ. То же и въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ Винниковымъ 1874 г.; по этому проекту обязательная выдача винной порціи устанавливалась лишь послѣ экстренныхъ работъ.

[3]) Въ договорѣ Малопатомскаго Т—ва 1880 г. сказано: „выдача намъ винныхъ порцій зависитъ вполнѣ отъ управленія, но должна быть производима здоровымъ изъ насъ не менѣе 4 разъ въ мѣсяцъ по одной сотой ведра каждому, въ случаѣ же болѣзни или проступковъ кого-либо изъ насъ управленіе порцію эту можетъ не давать".

свальщики, хлѣбопеки и повара должны были получать, какъ и по договору 1891 г., по $^{2}/_{100}$ ведра въ сутки. Если оказывалось, что въ теченіе недѣли рабочій добывалъ болѣе урочнаго количества песковъ, то за выемку этихъ старательскихъ песковъ ему полагалось по $^{1}/_{100}$ водки на каждую половину урока.

Относительно того, въ какомъ количествѣ дѣйствительно выдавалось рабочимъ вино пріисковыми управленіями, мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ докладѣ олекминскаго горнаго исправника 1873 г. онъ говоритъ: винныя порціи отпускались не въ праздничные только дни, а и въ будни въ случаѣ дурной погоды, но все-таки онѣ выдавались не часто. На нѣкоторыхъ пріискахъ вино употребляли для усиленія количества выработки и давали винныя порціи за исполненіе старательской работы [1]). Въ отчетѣ за 1874 г. горный исправникъ также упоминаетъ о „скупости въ выдачѣ винныхъ порцій“, что подтверждаетъ и офицеръ, завѣдывавшій ссыльно-каторжными [2]); якутскій областной медицинскій инспекторъ, обозрѣвавшій въ 1875 г. пріисковыя больницы, считалъ необходимымъ введеніе „учащенной и увеличенной винной порціи“ [3]).

Такъ какъ высшую администрацію безпокоило усиленіе тайной продажи вина спиртоносами, то учрежденный бар. Фредериксомъ въ концѣ 1876 г. комитетъ для обсужденія различныхъ безпорядковъ на промыслахъ и мѣръ къ ихъ устраненію, поднялъ, между прочимъ, вопросъ о томъ, „не слѣдуетъ ли установить ежедневную выдачу винныхъ порцій пріисковымъ рабочимъ, въ какомъ размѣрѣ и на чей счетъ“, и въ случаѣ установленія порцій на счетъ золотопромышленника,—чѣмъ замѣнить ихъ для рабочихъ, не пьющихъ вина. Большинство золотопромышленниковъ и ихъ уполномоченныхъ, которымъ были разосланы поставленные комитетомъ вопросы, высказалось за подачу винныхъ порцій по $^{1}/_{100}$ ведра каждому рабочему на счетъ золотопромышленника, съ замѣною для непьющихъ выдачею порцій соотвѣтственной стоимости масла, сахара и чаю, но только одни изъ этого большинства предлагали установить выдачу порцій ежедневно, а другіе—

---

[1]) Въ томъ же отчетѣ исправникъ говоритъ: „Произведенныя мною въ минувшую операцію слѣдствія, а особенно происшествіе, случившееся на пріискѣ К° Арендаторовъ, доказали, что поводомъ къ преступленіямъ со стороны рабочихъ служило большею частью пьянство, усиливавшееся вслѣдствіе отпуска на нѣкоторыхъ пріискахъ старательскихъ порцій, а потому, въ виду устраненія этихъ безпорядковъ, я предписалъ выдачу эту немедленно прекратить, замѣнивъ ее или возвышеніемъ платы за такія работы, или отпускомъ вмѣсто водки сахару, масла и табаку. Мѣра эта оказалась мало полезною“. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 8, 10, 85.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152; л. 54. Арх. Витим. Горн. Испр. дѣло 1873 г. № 19, л. 110.

[3]) Арх. Витим. Горн. Испр., 1875 г. № 20, л. 6.

по усмотрѣнію пріисковыхъ управленій. Вслѣдствіе этого въ циркулярѣ 22 апрѣля 1877 г. бар. Фредериксъ потребовалъ отпуска „достаточныхъ для поддержанія силъ винныхъ порцій, въ особенности въ ненастное время", причемъ, слѣдовательно, не были точно опредѣлены ни размѣръ порцій, ни время ихъ выдачи [1]).

На запросъ витимскаго горнаго исправника въ концѣ мая того же года пріисковымъ управленіямъ о томъ, что сдѣлано для исполненія этого циркуляра, Т-во Владимірской К° отвѣтило, что постоянно подаетъ винную порцію два раза въ недѣлю, но если рабочіе перемокнутъ или устанутъ, то подается винная порція сверхъ положенія. Управленіе Прибрежно-Витимской К° заявило, что увеличеніе винной порціи можетъ быть начато, съ разрѣшенія владѣльцевъ, только съ начала будущей весны. Плетюхинъ отвѣтилъ, что винныя порціи подаются ежедневно по $^1/_{100}$, а иногда, смотря по заслугамъ, мѣсту работъ и погодѣ, — по 2 и 3 раза въ день. „Подачу винныхъ порцій я, по крайнему разумѣнію, сдѣлать обязательной для себя, хотя бы въ счетъ платы рабочаго, считаю въ принципѣ вреднымъ для всякихъ дѣлъ, а золотопромышленныхъ въ особенности, не потому, что я желалъ бы отвергать ежедневную подачу, а потому, что вино—такой продуктъ, что имъ" (т.-е. лишеніемъ его) „можно наказать рабочаго. Когда же рабочій знаетъ, что ему, хотя бы и за его же деньги (8 или 10 к. найдетъ каждый) золотопромышленникъ долженъ дать вина, то большинство изъ нихъ, ежели только не всѣ, привьютъ къ себѣ лѣность и праздность, признаки которыхъ проявляются уже и теперь. Кромѣ того обязательная выдача винныхъ порцій можетъ создать широкое поле для глумленія рабочаго надъ золотопромышленникомъ или его управляющимъ: тогда рабочій можетъ и отдыхать, сколько захочетъ, и работать на столько нерадиво, на сколько ему заблагоразсудится". Порціи отпускались Плетюхинымъ на его счетъ, а непьющихъ водки на Крещенскомъ пріискѣ лѣтомъ 1877 г. было только 2, которые, взамѣнъ водки, получали изъ пріисковыхъ запасовъ по своему желанію. Управленіе Бодайбинской К° сообщило, что вслѣдствіе циркуляра генералъ-губернатора оно опредѣлило подавать ежедневно во время работъ винную порцію по $^1/_{100}$, а непьющимъ замѣнять ее сахаромъ или масломъ. Управленіе К° Арендаторовъ заявило, что, хотя имъ и сдѣлано распоряженіе „записывать въ листикъ рабочимъ за невыпитыя порціи по 20 к. за каждую", но рабочіе постоянно выпивали ихъ [2]).

Г. Калагеорги въ своемъ донесеніи (1882 г.) говоритъ: „Количество винныхъ порцій въ контрактахъ не опредѣляется, и вездѣ выдача водки предоставляется усмотрѣнію пріисковаго управленія. На нѣкоторыхъ пріискахъ водка выдается только по праздникамъ, табельнымъ днямъ и въ дурную погоду; на другихъ—3 раза въ недѣлю; на тѣхъ же, гдѣ водка служитъ приманкой краденаго золота, количество винныхъ порцій не опредѣлено; тамъ пьютъ ее больше, чѣмъ слѣдуетъ... Количество выдаваемой рабочимъ водки, несмотря на то, что оно въ послѣдніе годы увеличено, все-же недостаточно: мнѣ кажется, что ра-

[1]) „Ирк. Губ. Вѣд." 1877 г. № 34; Сборникъ *Стрыкаловскаго*, I, 142—149.
[2]) Арх. Витим. Горн. Испр. дѣло 1877 г. № 32.

бочему человѣку необходимо хоть разъ въ день выпить рюмку водки. Увеличеніе числа порцій можетъ быть отнесено даже на счетъ самихъ рабочихъ, но только по дѣйствительной ихъ стоимости; теперь они все равно ежедневно пьютъ водку, но платятъ за нее въ 10 разъ дороже.“ „Всѣми признано, что страсть къ пьянству составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ побудительныхъ причинъ золотокрадства, а потому казалось бы, что интересъ владѣльцевъ пріисковъ долженъ вызывать постоянную съ ихъ стороны заботливость объ устраненіи пьянства: необходимо было бы точно опредѣлить количество выдаваемой рабочимъ водки, а главное—установить правильный порядокъ выдачи ея. Между тѣмъ на эту часть хозяйства не обращается ни малѣйшаго вниманія. Водка выдается не въ опредѣленное время, а какъ придется; на право полученія порціи водки выдаются записки разными служащими; по этимъ запискамъ составляются вѣдомости о расходѣ водки, контроля почти не существуетъ. Записки въ рукахъ рабочихъ служатъ ходячей монетой: чарка стоитъ 1 р.; на нихъ играютъ въ карты и скупаютъ одинъ у другого золото [1]); женщинамъ также полагается водка, и тѣмъ изъ нихъ, которыя не желаютъ пить, выдается на руки (на отливъ), а онѣ продаютъ рабочимъ“. Винное хозяйство, по мнѣнію г. Калагеорги, требовало серьезныхъ измѣненій: „записки на право полученія водки, служащія ходячей монетой, отнюдь не должны быть допускаемы, точно такъ же, какъ и выдача на отливъ женщинамъ и всѣмъ непьющимъ; этимъ послѣднимъ водка можетъ быть замѣнена денежной платой по стоимости ея. Вообще водку могутъ получить только тѣ, кто ее пьетъ, торговля же ею должна быть устранена“ [2]). По словамъ горнаго исправника Олекминской системы въ отчетѣ за 1884 г., „винныя порціи рабочимъ подаются въ воскресные и табельные дни, въ сырую и ненастную погоду, при занятіяхъ въ сырыхъ мѣстахъ и при сдачѣ отработанныхъ уроковъ отъ одной до двухъ сотыхъ ведра въ полугарѣ на каждаго рабочаго въ сутки. За старательскія же работы, кромѣ положенныхъ порцій, выдавалось денежное вознагражденіе“. По отчету горнаго исправника Олекминскаго округа 1885 г., женщинамъ винныя порціи выдавались по $^1/_{100}$ по воскреснымъ и табельнымъ днямъ.

Золотопромышленники Олекминской системы, въ замѣчаніяхъ на иркутскую редакцію проекта о наймѣ рабочихъ на промысла (1887 г.), говорятъ: „По отчетамъ промысловыхъ управленій извѣстно, что среднимъ числомъ на рабочаго въ мѣсяцъ выходитъ спирту отъ 14 до 15 сотыхъ ведра, что и составитъ почти по $^1/_{100}$ водки въ день на ра-

[1]) Въ К° Промышленности, гдѣ водка давалась на отливъ и въ половинѣ 90-хъ гг., можно было покупать купоны на водку у рабочихъ даже по 20 к. „сотка“. „Вост. Обозр.“ 1894 г. № 129.

[2]) Арх. Ирк Горн. Управ. К. 2765, № 37—301.

бочаго, причемъ выдача винныхъ порцій производится, сообразуясь съ добросовѣстностью и трудностью исполненія работъ, а нѣкоторымъ назначается даже до $^{3}/_{100}$ въ день; рабочимъ же, находящимся на легкихъ надворныхъ работахъ, водка подается только по воскресеньямъ и днямъ праздничнымъ и табельнымъ". Тѣмъ не менѣе золотопромышленники возстали противъ устанавляемой проектомъ обязательной подачи винныхъ порцій, находя это вреднымъ, но не подкрѣпляя своего мнѣнія никакими доказательствами. Совершенно неудобнымъ находили они и дозволеніе отпуска рабочимъ водки на счетъ рабочихъ, „во-1-хъ, потому, что этимъ правомъ воспользуются въ широкихъ размѣрахъ тѣ изъ золотопромышленниковъ, которые всю свою дѣятельность основываютъ на продажѣ спирта и скупѣ хищническаго золота, проконтролировать дѣйствія которыхъ тогда не будетъ ни малѣйшей возможности, и во-2-хъ, потому, что порядокъ этотъ поведетъ къ страшнымъ неурядицамъ съ рабочими, и кромѣ пьянства, буйства и разгула ничего хорошаго ожидать нельзя" [1]). Одинъ изъ главныхъ служащихъ К° Промышленности Стрижевъ въ своихъ замѣчаніяхъ на тотъ же проектъ не возражалъ противъ обязательной выдачи $^{1}/_{100}$ ведра водки въ день, но находилъ совершенно неудобною выдачу еще $^{1}/_{100}$ за деньги. „Къ тому же", говоритъ онъ, „вторая сотая водки выдается рабочимъ почти на всѣхъ пріискахъ въ дурную погоду за работу при неблагопріятныхъ, трудныхъ условіяхъ и даже просто за исправное исполненіе денной работы, а не за сверхурочную работу, за которую полагается особая, увеличенная плата".

По словамъ окружного инженера Ленскаго округа въ отчетѣ за 1889 г., винныхъ порцій полагалось рабочимъ на всѣхъ пріискахъ среднимъ числомъ по $^{1}/_{100}$ въ сутки спиртомъ (?) на человѣка—чернорабочимъ ежедневно, а разночинцамъ 2 раза въ недѣлю [2]). Показаніе горнаго инженера о выдачѣ $^{1}/_{100}$ спиртомъ въ среднемъ на всѣхъ пріискахъ противорѣчитъ и вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ, а также и отчету иркутскаго горнаго управленія за 1889 г., въ которомъ сказано: „водка дается на нѣкоторыхъ пріискахъ ежедневно [3]), а на другихъ по 3 раза въ недѣлю по чаркѣ, заключающей $^{1}/_{100}$ часть ведра. Крѣпость водки должна быть въ 40°, т.-е. такъ называемый полугаръ, но въ дѣйствительности 80° спиртъ, пріобрѣтаемый хозяевами изъ складовъ, по свидѣтельствамъ губернаторовъ, разбавляется больше

---

[1]) Дѣло Канц. Ирк. Горн. Управ. № 14, т. II.

[2]) Дѣло Канц. Ирк. Горн. Упр. № 39, л. 212.

[3]) Въ „Пам. Книж. Якут. Обл. на 1891 г." сказано: „въ праздники и табельные дни, а на нѣкоторыхъ пріискахъ и ежедневно, если работы производятся усиленно и представляютъ значительныя трудности, рабочимъ выдаются и винныя порціи" (стр. 112).

чѣмъ на половину, и водка получается слабѣе 40°. Рабочимъ, которые не пьютъ водки, въ разсчетныя книжки вносится вмѣсто каждой порціи, по 10 к.“ [1]). По словамъ бывшаго иркутскаго головы Катышевцева въ запискѣ, поданной ген.-губ. Анучину, „отпускаемая въ праздничные и воскресные дни порція, по $^{1}/_{100}$ золотника разведеннаго спирта въ 30—35° представляется молочнаго цвѣта“. Г. Кряжевъ также свидѣтельствуетъ, что „водка на пріискахъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ узаконенную крѣпость, и это тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что для порцій разводятъ спиртъ на мѣстѣ [2])“.

Въ Прибрежно-Витимской К°, какъ видно изъ отчета ея за 1882 г., винныя порціи отпускались рабочимъ 2 раза въ недѣлю и въ праздники во время общаго отдыха команды въ размѣрѣ по $^{1}/_{100}$ ведра на человѣка, и сверхъ того давались винныя порціи въ такомъ же размѣрѣ тѣмъ изъ рабочихъ, которые находились на сырыхъ и болѣе тяжелыхъ работахъ“ [3]). Непьющимъ рабочимъ обыкновенно записывалась стоимость порціи въ ихъ разсчетные листы, но это началось лишь въ 80-хъ гг. Въ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской въ 1885 г. было записано рабочимъ „въ заслугу“ за невыпитыя винныя порціи на пріискахъ 13.345 р., въ 1889 г.—27.541 р., на Бодайбинской резиденціи въ 1885 г.—1849 р., въ 1889 г.—2486 р. [4]). Докторъ Маліевъ говоритъ: „Управленія даютъ рабочимъ водку, хотя контрактъ и не обязываетъ ихъ къ этому, по воскресеньямъ и табельнымъ днямъ и кромѣ того за старательскую работу (сверхъ платы) и при мокрыхъ работахъ; въ 1878—79 г. въ Малопатомскомъ Т-вѣ израсходовано 941 ведро на 450 человѣкъ; такимъ образомъ, на каждаго рабочаго приходится $17^{1}/_{2}$ сотыхъ спирту въ мѣсяцъ или $^{35}/_{100}$ водки; въ Ленскомъ Т-вѣ въ ту же операцію вышло 783 ведра спирту, или около $^{21}/_{100}$ на человѣка въ мѣсяцъ“ [5]). На Вѣрномъ пріискѣ Базилевскаго въ операцію 1888—9 г. было израсходовано по 3 ведра вина на каждаго рабочаго въ годъ или около $^{2}/_{100}$ вина въ 40° ежедневно [6]). Пропитаніе рабочаго на этомъ пріискѣ обходилось въ годъ въ 62 к., а стоимость $^{2}/_{100}$ вина—20 к., слѣдовательно все продовольствіе рабочаго стоило пріисковому управленію 82 к. По словамъ главноуправляющаго промыслами Базилевскаго въ запискѣ, поданной иркутскому генералъ-губер-

[1]) Дѣло Канц. Ирк. Горн. Упр. № 39.

[2]) „Вост. Об.“ 1882 г. № 12, стр. 6; „Русск. Жизнь“ 1894 г. № 50.

[3]) Въ томъ же году во время слѣдствія по поводу волненія на Благовѣщенскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К° уполномоченный Серебренниковъ показалъ, что „винныя порціи за исполненіе урка отпускаются на отливъ артели изъ 8 человѣкъ“.

[4]) Арх. Комп. Промышленности.

[5]) „Сборн. сочин. по судебн. мед.“ 1881 г. т. III, стр. 106.

[6]) Въ началѣ 80-хъ гг. на пріискахъ Базилевскаго рабочему полагалось по $^{25}/_{100}$ въ мѣсяцъ.

натору (1890 г.), многія пріисковыя управленія, „зная слабость рабочаго къ вину, узаконили широкую раздачу его и тѣмъ только испортили работника, повредивъ его здоровье“. На промыслахъ Базилевскаго, „по издавна заведенному порядку“, рабочіе получали порцію послѣ работы въ обѣдъ и вечеромъ, причемъ всѣ пили ее вмѣстѣ въ присутствіи полиціи, подходя по очереди, „но безъ права передачи своей порціи одинъ другому, талоновъ же, или записокъ на „сотки“, какъ то заведено въ другихъ дѣлахъ, не принято выдавать, такъ какъ при подобной системѣ всегда существуетъ и широкая торговля среди рабочихъ, и масса талоновъ сосредоточивается въ однѣхъ рукахъ“. На отливъ вина у Базилевскаго не давали; рабочій же, заявившій въ началѣ мѣсяца, что онъ не желаетъ получать порцію, не получалъ ея уже ни подъ какимъ видомъ, и ему записывали въ разсчетный листъ даже болѣе, чѣмъ стоитъ вино, въ видѣ поощренія“. Въ К° Промышленности купоны на вино давались не именные, и потому была возможна ихъ перепродажа, въ Ленскомъ же Т-вѣ выдавались именные купоны. Намъ говорили въ 1891 г., что Плетюхинъ отпускалъ рабочимъ порцію только 2 раза въ недѣлю, и лишь когда прорветъ дамбу или случится другое несчастье, онъ выставлялъ боченокъ водки и поилъ рабочихъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1890 г. во время поѣздки иркутскаго ген.-губернатора, на одного годового рабочаго было дѣйствительно выдано спирта у Ѳ. Базилевскаго 2,03 ведра, въ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской—2,38, въ Бодайбинской К°—2,72, въ Яково-Николаевскомъ Т-вѣ—3,34 ведра. Изъ этого видно, что нигдѣ въ среднемъ не выходило по $^1/_{100}$ *спирта* на каждаго рабочаго въ день, если считать всѣхъ рабочихъ, но въ видѣ водки могло выходить и болѣе $^1/_{100}$. По словамъ мѣстныхъ наблюдателей, въ 1894 г. на пріискахъ К° Промышленности одна винная порція выдавалась только поторжнымъ рабочимъ, прочіе же получали не менѣе двухъ; вообще же на пріискахъ Витимской системы безплатныя порціи выдавались въ размѣрѣ отъ $^1/_{100}$ до $^5/_{100}$ ведра „и въ рѣдкихъ случаяхъ даже больше“. Эти максимальныя нормы выдачъ—явленіе, разумѣется, вовсе не желательное, тѣмъ болѣе, что назначеніе ихъ объясняется стремленіемъ заставить рабочаго выполнить особенно тяжелую работу; „среднею нормою мы можемъ считать $^2/_{100}$, но отнюдь не меньше“. Эту норму признавали и сами промысловыя управленія. Рабочій, не желавшій пить вино, могъ получать деньгами или товарами на сумму, равную стоимости причитающейся ему водки, считая по 10 к. на $^1/_{100}$ ведра, что составитъ не менѣе 6 руб. въ мѣсяцъ. На одномъ пріискѣ количество отказавшихся отъ винныхъ порцій было около половины годовыхъ рабочихъ [1]). Выдача порцій на руки

[1]) „Вост. Обозр.“ 1894 г. №№ 129 и 132.

существуетъ почти исключительно на пріискахъ К° Промышленности, на остальныхъ же промыслахъ рабочимъ предоставляется на выборъ—или выпивать все отпускаемое имъ вино, или получать взамѣнъ его по 10 к. за „сотку“. Есть въ Витимской системѣ пріискъ, гдѣ золотопромышленникъ считаетъ для себя выгоднымъ платить непьющимъ рабочимъ по 20 к. за „сотку“ [1]). На промыслахъ Ленскаго Т-ва за невыпитое вино денегъ не выдается.

К° Промышленности будто бы для того, чтобы, съ одной стороны, пресѣчь въ корнѣ спиртоношество и, съ другой,—улучшить бытъ рабочихъ, представила въ 1894 г. горному исправнику проектъ замѣны порцій вина, выдаваемыхъ теперь безплатно, 6-ю фунтами сахара или масла, по желанію рабочаго; водку же по этому проекту рабочій могъ брать изъ кабачка К° по цѣнѣ не болѣе 8 коп. за сотку, но въ количествѣ, не превышающемъ $^5/_{100}$, или бутылки въ день. Проектъ этотъ горный исправникъ представилъ высшему начальству, а золотопромышленникамъ былъ сдѣланъ запросъ, не пожелаютъ ли они присоединиться къ мѣрѣ, проектируемой К°. Но проектъ этотъ вызвалъ рѣзкую и вполнѣ основательную критику въ печати.

„Не знаешь, чему удивляться“, говоритъ авторъ одной статьи: „наглости ли его составителей, прикрывающихъ свою выгоду пользой рабочихъ, или ихъ наивности“. Рабочій, не желающій выпивать положеннаго ему вина, можетъ по этому проекту получать деньгами или товарами на сумму, равную цѣнности причитающагося ему вина, считая по 10 к. за $^1/_{100}$ ведра, что составитъ не менѣе 6 р. въ мѣсяцъ. „Взамѣнъ этихъ 6 р. составители проекта предлагаютъ выдавать по 6 ф. масла или сахару. Если взять цѣны, существующія въ К° Промышленности на эти продукты, по 32 к. ф. того и другого, то окажется, что рабочимъ предлагаютъ припасовъ на 1 р. 92 к. взамѣнъ 6 р.; такимъ образомъ у каждаго рабочаго отнимаютъ по 4 р. 8 к. въ мѣсяцъ, или 48 р. 96 к. въ годъ. Итакъ, заботливость объ „улучшеніи быта рабочаго класса въ тайгѣ и увеличеніи ихъ заработка“ выразится въ томъ, что изъ кармановъ рабочихъ управленіе пріиска съ 120 годовыми рабочими переложитъ въ свой 5875 р. въ годъ, а авторы проекта съэкономятъ (считая въ К° Промышленности не менѣе 3000 рабочихъ) 146880 р.; къ этой цифрѣ нужно еще прибавить прибыль, которая получится отъ процента, налагаемаго на масло и сахаръ, и ту, которая получится отъ продажи водки 3000 потребителей“... „Въ смыслѣ морализующаго вліянія проектъ также не выдерживаетъ критики. Онъ будетъ способствовать развитію большого пьянства и дастъ возможность одной части рабочихъ наживаться на счетъ другой. Непьющіе рабочіе не преминутъ воспользоваться своимъ правомъ пріобрѣтенія ежедневно одной бутылки вина, хотя бы для продажи его якутамъ или для того, чтобы въ благопріятное для нихъ время, т.-е. когда разгулявшіеся товарищи ихъ почувствуютъ усиленную потребность въ винѣ, перепродать таковое по своему усмотрѣнію вдвое или втрое дороже... Даже если посмотрѣть на проектъ съ точки зрѣнія интересовъ золотопромышленности, то и тогда онъ пора-

[1]) „Вост. Об.“ 1895 г. №№ 22 и 26.

жаетъ своимъ недомыслiемъ... Если даже и теперь, при нѣкоторомъ контролѣ, бываютъ довольно часто случаи, когда закутившійся съ вечера рабочій на другой день не можетъ выйти на работу, то какой же будетъ процентъ самовольно льготныхъ, когда количество обращающагося вина будетъ вдвое или втрое больше“ [1])?

Винныя порціи нерѣдко служатъ вознагражденіемъ, единственнымъ или добавочнымъ, за разныя работы и подѣлки. Олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1874 г. говоритъ: „за сдѣланную въ рабочее время подѣлку или оказанную услугу каждый рабочій, вмѣсто предложенныхъ ему по стоимости сдѣланнаго 5 или 10 руб., всегда предпочитаетъ получить стаканъ водки“ [2]). По словамъ г. Карпинскаго, „самая ужасная язва для рабочихъ—это водка. Вмѣсто того, чтобы давать ее въ умѣренномъ количествѣ ежедневно, пріисковыя управленія сдѣлали ее какой-то наградой, и эта эксплоатація страсти рабочихъ къ водкѣ доходитъ до того, что на нѣкоторыхъ пріискахъ такимъ образомъ заставляютъ исполнять самыя тяжелыя работы, выдавая въ день по 5 и по 6 порцій водки, такъ что, по окончаніи работъ, вся команда поголовно пьяна“. На Благовѣщенскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К⁰ существовалъ обычай вознаграждать прислугу, стряпокъ, поваровъ и т. п. разночинцевъ, сверхъ жалованья, еще виномъ. Кто изъ служащихъ не подчинялся этому порядку, тотъ подвергался со стороны прислуги всевозможнымъ непріятностямъ. По свидѣтельству г. Кряжева, „обыкновенно управленіе пріискомъ опредѣляетъ, сколько и за какую работу будетъ выдаваться водки, причемъ также заблаговременно объявляется способъ выдачи, т.-е. будетъ ли она выдаваться „на отливъ“, или же должна быть потребляема на мѣстѣ выдачи... Обыкновенно по $^{1}/_{100}$ ведра получаютъ всѣ, но многіе—по $^{2}/_{100}$ и даже по $^{3}/_{100}$ ведра“ [3]).

Г. Калагеорги въ 1882 г. писалъ: „На многихъ пріискахъ для приманки дается порція водки за каждый золотникъ золота; водка цѣнится рабочими дороже денегъ, а потому на эти... пріиски приносится золото съ сосѣднихъ. Всѣ эти средства для приманки и соблазна рабочихъ понятны еще въ рукахъ лицъ, главная забота которыхъ состоитъ въ скупкѣ золота; но они не объяснимы въ виду вреднаго вліянія ихъ на дѣло, когда принимаются солидными золотопромышленниками. Вмѣсто того, чтобы принимать разныя ухищренія для привлеченія краденаго своего же золота, было бы болѣе полезнымъ стараться воспрепятствовать воровству и измѣнить порядокъ уплаты за подъемное золото“. По

---

[1]) „Вост. Обозр.“ 1894 г. №№ 129, 132 и 133.
[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566 № 206—152, л. 52.
[3]) „Сиб. Сборн.“ 1890 г. вып. I, стр. 135; „Русская Жизнь“, 1894 г. № 50.

мнѣнію г. Калагеорги, выдача водки за подъемное золото—„мѣра безнравственная и ничѣмъ не оправдываемая“, и она „должна быть безусловно воспрещена. Во избѣжаніе же нарушенія этого запрещенія было бы полезно признать выдачу водки за подъемное золото преступленіемъ, равносильнымъ способствованію казнокрадству“ [1]).

Пріучивъ рабочихъ къ выдачѣ водки за подъемное золото, золотопромышленники ссылаются потомъ на то, что рабочіе сами, во что бы то ни стало, требуютъ водки. Такъ олекминскій горный исправникъ въ донесеніи 1872 г. говоритъ: „Требованія рабочими спирту, вмѣсто денегъ на пріискахъ, напр. Базанова, превосходятъ всякое вѣроятіе... Въ послѣдніе дни передъ разсчетомъ въ минувшую операцію масса рабочихъ въ присутствіи жандармскаго унтеръ-офицера буквально осаждали домъ пріемщиковъ золота, отказываясь принимать за приносимое золото деньги и требуя водки; нѣкоторые, не получивъ ея, бросали тутъ же золото, другіе при отказѣ кидали его въ отвалы, а третьи прямо говорили, что понесутъ его съ собою и продадутъ. Это будто бы и было причиною выдачи всѣмъ водки, а деньги сверхъ того по 4 р. вписывались уже потомъ оставшимся на зиму въ разсчетные листы, а вышедшимъ раздавались, когда они сходили съ парохода, бывшимъ исправникомъ“. Мы уже упоминали о постановленіи управляющихъ пріисками (1871 г.), воспрещающемъ выдачу спирта, *вмѣсто* платы за подъемное золото подъ угрозою большого штрафа [2]), но едва ли такая выдача исчезла, выдача же вина за подъемное золото несомнѣнно существовала. Во время слѣдствія по поводу волненія на Благовѣщенскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К° 1882 г. пріисковое управленіе сообщило слѣдователю, что за подъемное золото рабочимъ подается за каждыя 3 золотника сверхъ платы по одной порціи водки. Порядокъ этотъ существовалъ съ 1878 г. [3]). Уполномоченный Серебренниковъ во время того же слѣдствія далъ слѣдующее показаніе относительно подачи винныхъ порцій за подъемное золото: „Дачу водки на отливъ за подъемное золото“ онъ „признавалъ мѣрою въ высшей степени вредною. Эта водка развращаетъ рабочаго, онъ относится къ своимъ обязанностямъ съ пренебреженіемъ, отучается отъ труда, надѣется на счастье, случай пріобрѣсть и перепродать хищническое золото. Эта водка породила постоянное пьянство на промыслахъ, тайную продажу,... она деморализировала и самихъ казаковъ. Встрѣтивъ полное неодобреніе своихъ взглядовъ относительно дачи водки на отливъ, онъ не принималъ никакихъ мѣръ противъ этого величайшаго пріисковаго зла“. Настоящій

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765 № 37—30, л. 69, 86.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 208. О продажѣ вина за подъемное золото ср. „Сибирь“ 1873 г. № 5.

[3]) Арх. К° Промышл., дѣло Прибрежно-Витимс. К° 1882 г. № 1156.

порядокъ вызываетъ хищничество и выгоденъ только для недобросовѣстныхъ служащихъ и тѣхъ золотопромышленниковъ, которые занимаются скупомъ чужого золота [1]). Выдача водки за подъемное золото производилась и въ новѣйшее время. „Водкою", говоритъ г. Кряжевъ, „уплачивается часть стоимости подъемнаго золота. Прежде всего устанавливается (понятно, безъ участія рабочаго) норма, сколько денегъ и сколько водки выдавать за подъемное золото, напр., 2 р. и 2 крючка водки" ($^2/_{100}$ ведра [2]).

Слѣдователь по дѣлу о волненіи на Благовѣщенскомъ пріискѣ 1882 г., чиновникъ особыхъ порученій Осташкинъ, въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ описываетъ пріисковое „винное хозяйство": „на каждомъ пріискѣ существуетъ почти форменный кабакъ" [3]), и „надъ этимъ виннымъ хозяйствомъ нѣтъ никакого контроля. Записки на полученіе водки выдаются многими служащими безотчетно... Эти записки служатъ ходячей монетой между рабочими, на нихъ играютъ въ карты, скупаютъ золото и дѣлаютъ всякія другія аферы... Уполномоченный Серебренниковъ съ первыхъ же дней своего вступленія на пріискъ потребовалъ измѣненія существовавшихъ порядковъ, замѣчалъ распущенность служащихъ и рабочихъ, чѣмъ и навлекъ на себя неудовольствіе служащихъ и ропотъ, дошедшій до заявленія, что, если онъ будетъ ходить по работамъ и дѣлать замѣчанія, то они служить не будутъ. Изъ писемъ Серебренникова къ главному распорядителю дѣлъ Черныхъ видно, что онъ всѣми зависящими отъ него мѣрами старался, если не искоренить, то по возможности уменьшить развившееся на пріискахъ Сибирякова и Базанова пьянство между рабочими, а главное—воспрепятствовать скупу золота и вещей на водку, продажѣ водки подрядчиками, пріобрѣтенной ими за доставку деревянныхъ матеріаловъ отъ промысловаго управленія,.. и вообще старался улучшить хозяйство промысловъ и положеніе рабочаго люда, на что получалъ отъ управляющаго отзывы, что измѣнить существующій порядокъ нельзя, что измѣненіе въ обстановкѣ хозяйственной и промышленной части породитъ неудовольствіе рабочихъ и служащихъ и вызоветъ бунты и т. п., и наконецъ требованіе Серебренниковымъ улучшенія пріисковаго управленія въ будущемъ породило совершенный разрывъ въ обоюдныхъ дѣйствіяхъ его по управленію Благовѣщенскимъ пріискомъ съ управляющимъ Жарковымъ, который письменно просилъ Серебренникова остановить вмѣшательство въ дѣло управленія на томъ основаніи (какъ выразился Жарковъ), что „2 медвѣдя въ одной берлогѣ вмѣстѣ не жи-

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766 № 47—39, л. 73 об.—77.

[2]) „Русская Жизнь" 1894 г. № 50.

[3]) Это составляетъ нарушеніе 2538 ст. Горн. Уст.

вутъ“ [1]). Слѣдователь прямо предъявилъ эти обвиненія управленію Благовѣщенскаго пріиска [2]). То же было и позднѣе. По словамъ автора статьи въ „Сибирскомъ Сборникѣ“, „водка покупается тутъ же на стану въ огромномъ количествѣ въ кухняхъ, прачешныхъ, баняхъ и т. п. кабакахъ, которыхъ число увеличивается пропорціонально величинѣ пріиска. Напр., на Благовѣщенскомъ пріискѣ,... почти для всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ служащихъ имѣются свои отдѣльныя кухни, и, разумѣется, въ нихъ недостатка вина не бываетъ. Въ данномъ случаѣ спиртоносы не при чемъ: вездѣ расходуется вино К°“ [3]).

Торговля виномъ не составляла исключительной принадлежности пріисковъ Прибрежно-Витимской К°. Якутскій губернаторъ въ 1872 г. донесъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, что пріисковыя управленія не сочувствовали мѣрамъ начальства относительно прекращенія тайной продажи вина и даже снисходительно относились къ своимъ приказчикамъ и разночинцамъ, производившимъ ее. Олекминскій горный исправникъ сообщилъ въ 1872 г. о слѣдующихъ, принятыхъ имъ, мѣрахъ для уменьшенія торговли спиртомъ. Узнавъ, что пріисковыя управленія обыкновенно отпускаютъ тунгусамъ за разныя послуги, кромѣ денежной платы, еще по бутылкѣ спирту, и что этотъ спиртъ тунгусы продаютъ тутъ же рабочимъ, вслѣдствіе чего между послѣдними распространяется пьянство,—просилъ немедленно прекратить такой отпускъ вина подъ страхомъ отвѣтственности по закону. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ объявить тунгусамъ, что они должны довольствоваться тою порціею спирта, которую будутъ подносить имъ при пріемѣ крѣпей и сѣна. Сверхъ того исправникъ прекратилъ выдачу билетовъ на покупку спирта на дорогу возчикамъ и рабочимъ, такъ какъ узналъ, что вмѣсто одной четверти или $^1/_2$ ведра они покупали по 5 и 10 ведеръ и распространяли пьянство какъ по дорогѣ, такъ и на пріискахъ, гдѣ спиртъ припрятывали и продавали по огромной цѣнѣ [4]). По словамъ олекминскаго горнаго исправника въ отчетѣ за 1873 г., оказалось, что продавцами вина являются не одни тунгусы, а и сами служащіе, которые продаютъ получаемыя ими порціи рабочимъ или за наличныя деньги, или записывая ихъ въ видѣ долга въ разсчетный листъ. Виновный въ этомъ, по требованію исправника, былъ немедленно разсчитанъ и удаленъ съ пріисковъ [5]). Тѣ же порядки были и значительно позднѣе. Г. Калагеорги въ 1882 г. писалъ: „Служащіе, не пьющіе водки, занимаются продажею ея; къ этому нужно прибавить продажу

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766 № 47—39, л. 134.
[2]) Арх. К° Промышл. и Прибреж.-Витим., дѣло 1882 г. № 1156.
[3]) „Сиб. Сборн.“ 1890 г., вып. I, стр. 135.
[4]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549 № 126—71, л. 155, 207.
[5]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 10.

разными подрядчиками, прислугой служащихъ и разнаго рода шатающимися на пріискахъ людьми. Однимъ словомъ, торговля водкой ведется почти открыто, и развитію пьянства предоставленъ широкій просторъ. Борьба съ нимъ выражается только арестами пьяныхъ, что, конечно, не можетъ принести никакой пользы [1]). Г. Карпинскій свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые золотопромышленники „прямо торгуютъ водкою, продавая ее на краденное съ сосѣднихъ пріисковъ золото“ [2]); въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.) упоминается о томъ, что на пріискѣ одного еврея продается рабочимъ вино по 65 р. за ведро. И позднѣе цѣна водки равнялась обыкновенно 3 рублямъ за бутылку, хотя бывала и гораздо выше—отъ 4 до 10 р. [3]).

Рабочіе могли купить спиртъ на пріискахъ не только у золотопромышленниковъ, но и у спиртоносовъ. Олекминскій горный исправникъ въ 1872 г. указывалъ на трудность поимки хорошо знакомыхъ съ мѣстностью спиртоносовъ по таежнымъ тропинкамъ, доступнымъ лишь пѣшеходамъ [4]): „появившееся въ теченіе лѣта на нѣкоторыхъ пріискахъ пьянство доказывало, что спиртоносы успѣвали проносить спиртъ и сбывать его за подъемное золото, утаиваемое рабочими, или и за деньги (ведро спирту, по показанію одного пойманнаго съ нимъ, куплено за 85 р.,—цѣна, которая не можетъ не соблазнить смѣльчаковъ), но такихъ случаевъ пьянства было два—три, не болѣе“ [5]). Въ 1873 году цѣна за ведро спирта доходила до 300 р., а въ 1874 г. покупали спиртъ по 10—15 р. бутылка и по 75—100 ведро. По словамъ исправника Витимской системы въ отчетѣ за 1875 г. большинство пой-

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 72, ср. „Сибир. разск. изъ жизни пріиск. люда“, 1888 г., стр. 263.

[2]) „Изв. Вост. Сиб. Отд. Геог. Общ.“ 1886 г. Т. 17 № 3 — 4; сравн. „Вост. Обозр. 1888 г. № 44, стр. 10. О продажѣ спирта низкаго качества мелкими золотопромышленниками въ газетѣ „Сибирь“ (1885 г. № 52, стр. 5) читаемъ: „новые золотоискатели изобрѣли особый способъ провоза спирта на свои (и чужіе) пріиски въ ящикахъ, внутри которыхъ посуда со спиртомъ обложена разнымъ пріисковымъ товаромъ“.

[3]) „Восточ. Обозр.“ 1894 г. № 129, 1895 г. № 22. О томъ, какъ торгуетъ виномъ такъ называемый „цѣловальникъ“, т.-е. служащій, который выдаетъ рабочимъ винныя порціи, см. „Сиб. Вѣст.“ 1892 г. № 79. О золотопромышленникѣ, фабрикующемъ изъ спирта скверную, сильно разбавленную водку съ разными примѣсями — перцомъ, имбиремъ и проч. см. *O. O.* „Sibirische Briefe“, 1894, S. 280.

[4]) „Да и самое бѣгство рабочихъ съ пріисковъ“, говоритъ исправникъ, „имѣетъ цѣлью отнюдь не отдыхъ. Собравъ отъ товарищей извѣстную сумму, одинъ изъ знающихъ неторныя тропинки уходитъ или въ Витимъ, или на Крестовую и Мачу. Проходивъ 2 или 3 недѣли, бѣглецъ является опять, наказывается за побѣгъ; но съ его возвращеніемъ множество рабочихъ оказываются пьяными и притомъ въ такой день, когда винной порціи не выдавалось“.

[5]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 469, 478.

манныхъ спиртоносовъ были крестьяне Томской и Тобольской губерній, начавшіе свою дѣятельность на енисейскихъ пріискахъ. Промыселъ спиртоносовъ съ каждымъ годомъ усиливался: они бродили цѣлыми вооруженными шайками и послужили, какъ увидимъ ниже, поводомъ къ волненію рабочихъ на промыслахъ Базанова 1876 г. [1]).

Г. Калагеорги, въ своей запискѣ 1882 г, говоритъ: „На сколько выгодна тайная торговля спиртомъ,—свидѣтельствуетъ установившаяся было и долго существовавшая плата за водку: ведро спирта обмѣнивалось на 1 ф. золота. Правда, что теперь, вслѣдствіе увеличенія платы за подъемное золото, а также и увеличенія количества винныхъ порцій, выдаваемыхъ рабочимъ, спиртоносы не въ состояніи уже продавать водку такъ выгодно, какъ прежде; но тѣмъ не менѣе ведро спирта оцѣнивается и теперь въ 80 руб.“ [2]).

Однимъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ, гдѣ спиртоносы запасались спиртомъ, былъ Витимъ. Мѣстнымъ жителямъ не разъ случалось видѣть плоты и лодки, на которыхъ спиртоносы доставляли свой товаръ до удобныхъ пунктовъ, откуда по разнымъ тропинкамъ они проносили его на пріиски за плечами въ деревянныхъ флягахъ. Они продавали его зимовщикамъ на зимовья и на самыхъ пріискахъ рабочимъ, занимавшимся тайной торговлей спиртомъ рублей по 80—90 за ведро, а эти послѣдніе перепродавали его рабочимъ и служащимъ, причемъ цѣна доходила не только до 10, но даже до 25 р. за бутылку [3]). Шайки спиртоносовъ состояли иногда изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ; такъ, напр., извѣстный спиртоносъ Чагинъ ходилъ съ партіей въ 40 чел., а Петрушевъ—въ 20 чел.; часть дороги они дѣлали на лошадяхъ. Подойдя къ пріиску верстъ за 5—10, они зарывали свою ношу зимою въ

---

[1]) На какія смѣлыя продѣлки отваживались спиртоносы, видно изъ того, что въ 1876 г. по дорогѣ отъ Бодайбинской резиденціи мимо пріисковъ К° Промышленности проѣхала тройка лошадей съ однимъ служащимъ казакомъ и конюхомъ, которые будто бы везли бочку спирта на пріиски Трапезникова. Впослѣдствіи оказалось, что это были спиртоносы, и въ одежду казака былъ переодѣтъ простой конюхъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2544, № 48 — 103, л. 283 — 287. О спиртоносахъ см. также въ цирк. бар. Фредерикса 26 марта 1876 г. (см. выше, гл. II). Ср. „Ирк. Губ. Вѣд.“ 1877 г. № 34 или Сборникъ *Стрыкаловскаго* ч. I, 143.

[2]) Въ 1881 — 1883 г. въ Витимской системѣ было задержано 32 спиртоноса. Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло 1883 г. № 92. Въ Олекминской системѣ въ продолженіе 1883 г. было поймано 45 спиртоносовъ, изъ которыхъ 24 чел. оказались бродягами. „Прилож. I къ вып. I Сбор. оффиц. документовъ“, т. VII, отчетъ ревиз. Олекминскаго округа за 1883 г. стр. 36. Выносъ спиртоносами золота вызвалъ другую промышленность. Образовались партіи охотниковъ, которые, вооружась огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, отправляются въ тайгу и, избравъ укромное мѣстечко около таежной тропы, ожидаютъ возвращенія спиртоносовъ съ золотомъ. Они убиваютъ ихъ и у убитыхъ отбираютъ золото. „Сибирь“ 1875 г. № 11, стр. 5.

[3]) „Сибирь“ 1882 г. № 31, стр. 8.

снѣгъ, а лѣтомъ въ мохъ, и одинъ изъ нихъ, болѣе храбрый и бывалый, шелъ на „станъ“. Здѣсь онъ иногда среди бѣлаго дня смѣшивался съ толпою рабочихъ, а чаще ночью пробирался въ казармы. Здѣсь они всегда были желанными гостями и могли не опасаться предательства; послѣднее случалось чрезвычайно рѣдко и постоянно наказывалось жестокимъ мщеніемъ со стороны спиртоносовъ. Придя въ казарму, спиртоносъ находилъ своего агента, который шелъ на условленное мѣсто и тамъ бралъ флягу со спиртомъ и распродавалъ ее артели. Лишь ничтожное количество спирта рабочіе покупали у спиртоносовъ на деньги, а больше вымѣнивали его на похищенное золото. Въ 1875 г. одна партія спиртоносовъ вывезла изъ тайги до 5 пудовъ золота [1]). Шайки спиртоносовъ состояли изъ крестьянъ и поселенцевъ и, между прочимъ, ссыльныхъ черкесовъ и татаръ.

Съ 1885 г. особенно усилилось движеніе спиртоносовъ, преимущественно по дорогѣ съ промысловъ Олекминской системы на Бодайбинскую резиденцію, и въ это время начались небывалые прежде грабежи и кражи. Съ приближеніемъ общаго разсчета (10 сентября) спиртоносы, нисколько не стѣсняясь, начали являться ночью на пріиски и забирали изъ кухни и хлѣбопекарни нужные имъ припасы и въ ближайшихъ окрестностяхъ производили торговлю виномъ. Однажды въ половинѣ сентября одиннадцать спиртоносовъ явились ночью въ казачью казарму одного пріиска и, глумясь надъ казаками, заставили ихъ приготовлять для себя ужинъ, а сами угощали ихъ спиртомъ. Такую же продѣлку устроили они чрезъ нѣсколько дней въ казачьей казармѣ на другомъ пріискѣ и при этомъ грозили уряднику, что, если онъ попытается задержать ихъ, то будетъ немедленно убитъ. Пріиски находились какъ бы въ осадномъ положеніи. Съ наступленіемъ сумерекъ, вооруженные флягами спирта на плечахъ съ пѣснями и гармоніей, они входили на пріискъ и начинали продавать вино. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до конца сентября, т.-е. до наступленія холодовъ и зимняго пути, и въ это время спиртоносы для обратнаго выѣзда изъ тайги начали отнимать оленей у якутовъ, съ помощью которыхъ и были переловлены [2]).

По словамъ главноуправляющаго К⁰ Базилевскаго въ запискѣ, представленной иркутскому генералъ-губернатору въ 1890 г., спиртоносы приносятъ, а иногда и привозятъ, спиртъ, чаще всего изъ села Витима, Нохтуйска и даже изъ Киренска, платя за него на мѣстѣ отъ 16 до 28 р. за ведро. Изъ ведра выходитъ до 60 бутылокъ разбавленной водки, цѣна которой 3—5 р. за бутылку. Любопытно въ этой за-

[1]) „Сибирская Газета“ 1882 г. №№ 31 и 33.

[2]) „Сибирь“ 1886 г. № 17, стр. 8. Ср. „Сборн. соч. по судеб. мед.“ 1881 г. т. III, 106; *Н. Г.* „Олекминская Калифорнія“ въ „Литерат. Сбор.“, изд. „Восточ. Обоз.“ 1885 г.

пискѣ слѣдующее признаніе: „Съ тѣхъ поръ, какъ золотопромышленники отбили пальму первенства въ дѣлѣ тайнаго спиртоношества у настоящихъ промышленниковъ этого запретнаго промысла, число ихъ значительно сократилось". Но что все-таки ихъ не мало, — видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній „Восточнаго Обозрѣнія": „Партіи спиртоносовъ иногда состоятъ изъ 3—4 человѣкъ; случается однако, что число людей въ партіи доходитъ до 40. Партіи организуются и на артельномъ началѣ, но преимущественно мелкія, всѣ же крупныя по большей части имѣютъ во главѣ своей предпринимателя. Работники въ послѣднемъ случаѣ получаютъ отъ 50 до 100 р. за одинъ походъ, и при этомъ пользуются правомъ провезти на хозяйскихъ лошадяхъ отъ 1/2 до 1 ведра своего спирту для продажи на пріискахъ. Хорошо организованная партія спиртоносовъ основательно вооружена: она запасается лучшими берданками, дальнобойными револьверами и тонко отточенными кинжалами изъ англійской стали въ ножнахъ съ дорогою оправою [1]). Во время посѣщенія мною олекминской тайги осенью 1891 г. пароходъ „Пермякъ" привезъ спиртоносовъ и высадилъ ихъ, за нѣсколько верстъ не доѣзжая Бодайбинской резиденціи; казаки настигли ихъ, но тѣ защищались, и одинъ казакъ былъ убитъ наповалъ, а другой раненъ. Подъѣзжая къ главному стану К° Промышленности вечеромъ, я увидѣлъ огонекъ на сосѣдней высокой горѣ; кучеръ пояснилъ мнѣ, что это спиртоносы [2]).

Слѣдствіемъ всѣхъ указанныхъ выше условій жизни рабочаго на пріискахъ, какъ, напр., вознагражденія водкою за нѣкоторыя работы и потребности въ винѣ вслѣдствіе непомѣрно тяжелаго труда и работъ въ сырыхъ мѣстахъ, является пьянство рабочихъ въ такихъ размѣрахъ, что, по словамъ г. Кряжева, „черезъ 5—6 лѣтъ жизни въ тайгѣ рабочій превращается въ неизлѣчимаго пьяницу"; лишеніе винной порціи—самое тяжелое для него наказаніе [3]).

Получая отъ пріисковаго управленія готовое содержаніе, рабочіе

---

[1]) „Восточн. Обозр." 1891 № 44, л. 7; ср. ст. Кряжева въ „Рус. Жизнь" 1891 г. № 94.

[2]) Г. Михайловъ въ запискѣ (1890 г.) говоритъ: „Благодаря, съ одной стороны, недостаточности законной кары за спиртоношество, а съ другой — медленности судебнаго производства, на пріискахъ Олекминской системы, вопреки закону, дѣла о спиртоношествѣ разрѣшаются домашнимъ образомъ: казаки получаютъ деньги по стоимости отобраннаго спирта, пріисковыя управленія—спиртъ, а спиртоносы—освобожденіе отъ взысканія. Въ проигрышѣ остается только казна, которая теряетъ штрафныя деньги за каждый случай поимки спиртоноса въ размѣрѣ двойной стоимости патента". Бываетъ и такъ, что особаго рода спиртоносовъ поддерживаютъ сами золотопромышленники. По новѣйшимъ извѣстіямъ спиртоносы продавали спиртъ не менѣе 5 руб. за бутылку. „Восточ. Обозр." 1894 г. № 129; „Вѣстн. Золот." 1896 г., стр. 168.

[3]) „Рус. Жизнь" 1894 г. № 50. О пьянствѣ якутовъ см. „Сиб. Сбор." 1890 г. вып. I, 134—136.

должны были имѣть свою одежду и обувь [1]); всѣ эти вещи, а также недостающее количество съѣстныхъ припасовъ (масло, сахаръ и проч.) имъ приходилось, какъ и въ другихъ горныхъ округахъ, забирать въ пріисковыхъ лавкахъ.

Въ договорѣ К° Промышленности 1874 г. сказано: „Одежду и обувь, а также и другіе необходимые предметы, собственно до нашей надобности относящіеся,... имѣть намъ собственную свою, а при необходимости, исключая предметовъ роскоши, несвойственной нашему званію, можемъ брать оную на промыслахъ или резиденціяхъ, но отпускъ ихъ долженъ быть отнюдь не произвольно, а по усмотрѣнію управленія, отпуская намъ таковые въ счетъ нашей заработки... по утвержденной таксѣ [2]). Пока мы не заработаемъ взятыхъ нами денегъ и одежды, выдачи таковыхъ, хотя бы и въ маломъ количествѣ, требовать не должны". Въ договорѣ той же К° 1888 г. условіе это выражено иначе: „Одежду и обувь должны мы имѣть собственную, и еслибы встрѣтилась въ ней надобность, то можемъ пріобрѣтать таковую въ промысловыхъ амбарахъ за наличныя деньги или въ счетъ заработка. Точно также и другіе необходимые при работѣ предметы, какъ-то: рукавицы, бродни, бахилы и др., не составляющіе предметовъ роскоши, а равно чай, сахаръ, масло, пшеничную муку [3]) и черкасскій табакъ, выписываются нами *одинъ разъ въ мѣсяцъ* по усмотрѣнію промысловаго управленія, и всѣ вышеозначенные предметы могутъ выписывать каждомѣсячно только тѣ изъ насъ, кои отработаютъ состоящій за ними долгъ и имѣютъ заработки; въ противномъ же случаѣ промысловое управленіе въ выдачѣ означенныхъ предметовъ можетъ каждому изъ насъ отказать..., а сами требовать себѣ выписки въ счетъ будущаго заработка не имѣемъ права". По договору Базилевскаго 1876 г. рабочіе могли брать нужные имъ вещи и припасы „изъ промысловыхъ запасовъ по утвержденной управленіемъ таксѣ, съ надбавкою не болѣе 15% на продажную цѣну таковыхъ въ ближайшихъ городахъ—Киренскѣ и Олекминскѣ, и съ провозною оттуда платою" [4]).

Въ нѣкоторыхъ договорахъ мы встрѣчаемъ ограниченіе количества товаровъ и припасовъ, которые рабочіе могли взять въ счетъ заработка изъ лавокъ.

Такъ въ договорахъ К° Трапезниковыхъ въ 70 и 80-хъ гг. постановлено, что рабочіе могли брать вещи и припасы „въ количествѣ, не превышающемъ

---

[1]) Впрочемъ въ отчетѣ горн. исправ. Олекмин. окр. за 1885 г. сказано: „отъ пріисковыхъ управленій отпускается иногда не въ счетъ платы при занятіяхъ въ сырыхъ мѣстахъ только обувь, пальто кожаное и рукавицы". Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2772 № 135—124, л. 185.

[2]) Въ договорѣ той же К° 1870 г. сказано: „по установленнымъ отъ К° цѣнамъ".

[3]) Въ старые годы все это относилось къ предметамъ роскоши, слѣдовательно уровень потребностей рабочихъ значительно повысился. Въ контрактѣ К° Арендаторовъ 1875 г. сдѣлана оговорка, что предметами роскоши не должно считать „припасовъ, полезныхъ для поддержанія силъ и здоровья, каковы масло и т. п.".

[4]) Въ договорѣ Базилевскаго это ограниченіе надбавки исключено. По договору Малопатомскаго Т—ва полагалась надбавка не болѣе 20%, но въ отчетахъ начала 80-хъ годовъ она указана въ 15%.

слѣдующаго: шубу или полушубокъ на всю зиму, смотря по времени, въ какое прибудутъ на пріискъ, на полгода: 1 азямъ, 1 кожанныя или суконныя шаровары, 3 рубахи дабовыя или ситцевыя и 3 шаровары дабовыя и холщевыя, 6 паръ рукавицъ, 4 пары варегъ, 2 онучи суконныя, 4 пары бродней и 2 пары головокъ бродянныхъ. Каждомѣсячно можемъ выписывать также: по 1 кирпичу чаю, по 1 ф. сахару [1]), по 2 ф. масла [2]) и 1¼ ф. табаку на человѣка; затѣмъ, сверхъ этого, выдача со стороны управленія не обязательна, и мы требовать права не имѣемъ. Выдача вещей тѣмъ изъ насъ, которые будутъ состоять въ большихъ долгахъ управленію, зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія, и оно выдаетъ такимъ изъ насъ только крайне необходимое, безъ чего невозможно обойтись. Все же, что нужно будетъ намъ сверхъ вышеупомянутаго назначенія, и если мы будемъ имѣть заработную додачу, то по полученіи записки отъ управленія, какъ на наличныя деньги, можемъ брать изъ запасовъ пріиска или другихъ мѣстъ по вольной цѣнѣ".

Горный исправникъ Витимской системы въ отчетѣ за 1875 г. приблизительно опредѣляетъ годовой заборъ рабочаго изъ пріисковыхъ амбаровъ въ теченіе года, „по самому умѣренному разсчету, судя по той выдачѣ, какая производится арестантамъ, на одежду, обувь и добавочную пищу" до 100 р. [3]). Но для второй половины 80-хъ гг. эта цифра слишкомъ мала, и авторъ статьи въ „Сибирскомъ Сборникѣ" 1889 г. вычисляетъ, что общая сумма расходовъ одинокаго рабочаго на промыслахъ—не-пьяницы и не-мота — равняется около 250 р. [4]).

Еще въ концѣ 50-хъ гг. таксы на промыслахъ Олекминскаго округа утверждались, какъ мы видѣли (см. т. I), горными исправниками. Быть можетъ, во второй половинѣ 60-хъ гг. мѣстный исправникъ пренебрегалъ обязанностью регулированія таксъ, по крайней мѣрѣ въ запискѣ полк. Купенкова сказано, что только съ 1872 г. [5]) начали „руководствоваться утвержденною исправникомъ таксою". Это объясняется тѣмъ, что на необходимость внимательнаго отношенія мѣстной администраціи къ пріисковымъ таксамъ обратилъ вниманіе генералъ-губернаторъ Синельниковъ и въ циркулярѣ 26 октября 1871 г. [6]) возложилъ наблюденіе за добросовѣстнымъ соблюденіемъ таксъ на горныхъ исправниковъ и губернское жандармское управленіе. Въ январѣ слѣдующаго 1872 г. олекминскій горный исправникъ сообщилъ, что вслѣдствіе этого циркуляра онъ потребовалъ отъ управляющихъ пріисками представленія таксъ на его утвержденіе. „Оставляя въ сторонѣ товары высшихъ сортовъ, до которыхъ рабочимъ надобности не будетъ, я обратилъ вниманіе лишь на тѣ предметы, ко-

[1]) Въ договорѣ 80-хъ гг. 2 ф. сахару.

[2]) Насколько эта норма недостаточна, видно изъ свидѣтельства Калагеорги, что рабочіе забирали въ мѣсяцъ до 15 ф. масла.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 88.

[4]) Вып. II, стр. 33—34.

[5]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2544, № 48—103, л. 123.

[6]) *Стрѣкаловскій*, часть I, 94—98.

торые чаще всего ими требуются, и достигъ пониженія на масло и сахаръ, предписавъ, чтобы самыя таксы вездѣ были вывѣшены въ амбарахъ. Желательно было бы, чтобы цѣны эти были одинаковы во всѣхъ компаніяхъ или по крайней мѣрѣ разнились незначительно, но достигнуть этого почти невозможно, потому что лишь нѣкоторыя управленія покупаютъ на наличныя деньги, а большая часть въ кредитъ, и притомъ не въ Иркутскѣ, а на Мачинской резиденціи, гдѣ, конечно, все дороже... вдвочемъ 60 к. 1 ф. сахару болѣе уже не будетъ: цѣна его понижена до 45 к.“ [1]).

О таксахъ на Олекминскихъ промыслахъ мы можемъ привести слѣдующее краснорѣчивое свидѣтельство иркутскаго генералъ-губернатора, основанное на его личныхъ наблюденіяхъ въ 1890 г.: „Утвержденіе таксъ“, писалъ А. Д. Горемыкинъ въ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промысла, „дѣйствующими нынѣ правилами предоставляется горнымъ исправникамъ, однако-жъ такой порядокъ не представляетъ никакой гарантіи къ устраненію вкоренившихся съ давняго времени злоупотребленій по продажѣ рабочимъ товаровъ и припасовъ. При обозрѣніи въ 1890 г. золотыхъ пріисковъ Олекминской и Витимской системъ, я лично убѣдился, что участіе горныхъ исправниковъ въ данномъ случаѣ ограничивается одною формальною стороной, безъ всякаго отношенія къ существу дѣла. Обыкновенно таксы составляются пріисковыми управленіями и утверждаются исправниками безъ всякихъ соображеній и провѣрки стоимости товаровъ, вслѣдствіе чего является значительное разнообразіе цѣнъ, установленныхъ для пріисковъ не только одной системы, но и расположенныхъ одинъ отъ другого на весьма близкихъ разстояніяхъ, нисколько не вліяющихъ на увеличеніе или уменьшеніе провозной платы. Такъ, напримѣръ, на пріискахъ Витимской системы, расположенныхъ въ районѣ 20 верстъ, установлены слѣдующія цѣны: за фунтъ масла на одномъ пріискѣ 38 к., на другомъ 40 к., на третьемъ 45 к. и на четвертомъ 50 к.; фунтъ сахара—34, 40, 45 и 50 к.; азямъ—5 р. 20 к., 5 р. 75 к. и 6 р. и

[1]) Арх. Иркутск. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 208. Исправникъ въ этомъ отчетѣ указывалъ и на то, что вслѣдствіе злоупотребленій пріисковыхъ довѣренныхъ при закупкѣ товаровъ и припасовъ, увеличивается ихъ цѣна, а также страдаетъ и качество, такъ что рабочіе, „платя высокую цѣну за необходимые для нихъ предметы, получаютъ ихъ такого дурного качества, что они служатъ имъ самое короткое время. Отъ этого и происходитъ, что въ разсчетномъ листѣ нерѣдко можно встрѣтить денежный заборъ въ 50 руб., а вещевой—въ 120 руб.“. Въ отчетѣ о работахъ ссыльно-каторжныхъ на пріискахъ К° Сибирякова и Базанова за 1874 г. сказано: „Изъ вещей полушубки и азямы выписываются по одному на годъ и въ теченіе года совершенно изнашиваются; обуви и бѣлья было выписано несравненно болѣе противъ прежнихъ лѣтъ, такъ какъ эти вещи въ пріисковомъ амбарѣ плохого качества и дорогой стоимости“. Арх. Витимскаго горнаго исправника, дѣло о ссыльно-каторжныхъ № 19, л. 110.

т. д. [1]). При сравненіи же нѣкоторыхъ пріисковыхъ цѣнъ на товары съ дѣйствительными продажными цѣнами иркутскаго рынка, получаются выводы, свидѣтельствующіе о непомѣрно высокихъ цѣнахъ, уставливаемыхъ пріисковыми таксами: такъ, напримѣръ, сахаръ продается въ Иркутскѣ по цѣнѣ 8—10 р. за пудъ, провозъ до витимскихъ пріисковъ обходится отъ 1 р. 50 к. до 2 р. съ пуда, на пріискахъ же продажная цѣна достигаетъ 20 р., что составляетъ болѣе 70% надбавки" [2]).

По словамъ мѣстнаго наблюдателя, главные предметы забора рабочими изъ лавокъ составляютъ масло, сахаръ и крупчатка. Благодаря покупкѣ крупчатки, рабочіе не съѣдали всей своей порціи хлѣба, и потому, особенно зимою, въ казармахъ ютились якуты, прислуживавшіе имъ и получавшіе за это хлѣбъ [3]).

Бывали случаи, что на промыслахъ брали съ рабочихъ плату за припасы и дороже назначенной таксы: такъ въ запискѣ Михайлова (1890 г.) указано, что по таксѣ на пріискѣ Патушинскаго была назначена цѣна сахара по 45 к. за 1 ф., а въ дѣйствительности брали 50 к. При покупкѣ на подъемное золото припасы обходились рабочимъ дороже.

„Въ послѣдніе годы", писалъ г. Калагеорги въ 1882 г., „цѣны на предметы, покупаемые рабочими, значительно понижены, и, судя по всему видѣнному мною, эксплоатація рабочихъ пріисковыми управленіями въ тѣхъ размѣрахъ, какъ было прежде, не существуетъ, но тѣмъ не менѣе заготовленіе вещей и продажа ихъ не обусловливаются только необходимостью, а представляютъ собой особое коммерческое дѣло" [4]). Нѣкоторые органы сибирской печати еще сильнѣе отмѣчали прибыльность пріисковой торговли. Въ корреспонденціи одной газеты съ Успенскаго пріиска К° Промышленности (1887 г.) сказано: „пріисковые амбары для отпуска припасовъ и товаровъ (послѣдніе часто бываютъ сомнительнаго качества) даютъ чистой прибыли десятки тысячъ рублей [5]). По отчетамъ о пріискахъ Ѳ. Базилевскаго [6]), прибыли „отъ продажи и расцѣнки" получено было въ 1878 г. 70,059 р., въ 1879 г.—56.949 р., въ 1880 г.—33.117 р., въ 1881 г.—33.943 р., въ 1882 г.—29.947 р.; по выраженію г. Михайлова (1890 г.) у многихъ мелкихъ золотопромышленниковъ „все дѣло носитъ характеръ мелочной лавки, а не горнаго промысла".

---

[1]) См. *Дополненіе XIV*, Б.

[2]) Дѣло горн. депар. отд. частн. золотопром. 1882 г. № 80. См. *Дополненіе XIV*, А. О мѣстѣ закупки и количествѣ припасовъ, закупаемыхъ на пріиски Олекминскаго округа, см. „Памятная книжка Якутской области на 1891 г.", стр. 118—119.

[3]) „Восточ. Обозр." 1894 г. № 127, стр. 3.

[4]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2765, № 37—30, л. 54.

[5]) „Сибирь" 1887 г. № 7, стр. 45.

[6]) Сообщены Л. Ѳ. Пантелѣевымъ.

Кромѣ пріисковыхъ амбаровъ, гдѣ продаются товары для рабочихъ по таксѣ, утвержденной горнымъ исправникомъ, въ Олекминскомъ округѣ на промыслахъ есть нѣсколько магазиновъ, гдѣ продаются товары на наличныя деньги безъ всякой таксы; въ 1881 г. было 3 магазина: два на Бодайбинской резиденціи, отстоящей отъ пріисковъ 42 версты, и одинъ на Успенскомъ пріискѣ К° Промышленности [1]). Въ 1891 г. былъ еще магазинъ, если не ошибаюсь, на промыслахъ Бодайбинской К°. Если справедливо извѣстіе газеты „Сибирь“ (1887 г.), магазинъ К° Промышленности торговалъ тогда на 300 т. р. въ годъ. По словамъ г. Калагеорги (1882 г.), въ нѣкоторыхъ магазинахъ находились и предметы роскоши: плисовыя поддевки, сигары, дамскія ботинки по 21 р. пара, въ которыхъ иногда щеголяли жены рабочихъ. Различіе между магазинами и лавками состоитъ лишь въ томъ, что въ первыхъ продажа производится на наличныя деньги и безъ таксы, а во вторыхъ товары отпускаются въ счетъ заработка.

Въ контрактахъ съ рабочими всегда включались условія относительно ихъ поведенія на промыслахъ [2]). Въ договорахъ съ Трапезниковыми 70-хъ годовъ о поведеніи рабочихъ, между прочимъ, сказано: „въ случаѣ какой-либо претензіи артельнаго голоса не возвышать, а предоставляемъ артельному или избушечному старостѣ заявлять претензіи управленію“. Но постановленія эти, разумѣется, сплошь и рядомъ не соблюдались. О пьянствѣ пріисковыхъ рабочихъ мы уже говорили; другимъ серьезнымъ зломъ ихъ жизни была картежная игра. Олекминскій горный исправникъ въ донесеніи генералъ-губернатору (1873 г.) писалъ: столько же, какъ любовь къ водкѣ, „развита и страсть къ картежной игрѣ, за которою, забывая утомительную цѣлодневную работу, рабочій готовъ просидѣть до утренней раскомандировки... Не смотря на строгое преслѣдованіе и на ночные обходы казаковъ по казармамъ, не смотря на отобраніе у игроковъ картъ и де-

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2766, № 37—45, л. 266.

[2]) Такъ въ договорѣ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. сказано: „Во время найма, гдѣ бы мы ни находились, т.-е. на пріискахъ или резиденціяхъ, обязуемся вести себя честно, трезво, къ промысловому управленію, служащимъ и нарядчикамъ сохранять должную почтительность, отнюдь не пьянствовать, самовольно никуда не отлучаться, не грубить, не упрямствовать, съ ворами и подозрительными людьми связи не имѣть, безъ вѣдома промысловаго управленія и безъ письменныхъ видовъ къ себѣ никого не принимать и въ своемъ помѣщеніи никого не держать, ни въ какія азартныя и запрещенныя игры не играть, въ чемъ и обязываемся слѣдить другъ за другомъ и о виновныхъ доводить до свѣдѣнія промысловаго управленія. Спирта или водки при себѣ не имѣть, торговлею оными не заниматься и работъ до срока окончанія сего обязательства ни подъ какимъ предлогомъ не оставлять. Виновные въ нарушеніи сего пункта подвергаются штрафу, полицейскому наказанію и взысканію по закону“.

негъ, самыя наказанія мало ихъ удерживаютъ". Рабочіе проигрываютъ въ карты, часто не имѣя и двухъ перемѣнъ бѣлья [1]). По словамъ корреспондента одной газеты, картежная игра почти постоянно ведется на пріискахъ. Есть спеціалисты, которые только тѣмъ и занимаются, что играютъ въ карты, нанимая за себя на пріисковыя работы тѣхъ рабочихъ, которые „на льготѣ", т.-е. пользуются днемъ отдыха [2]). Игра усиливается послѣ разсчета рабочихъ, такъ какъ тогда у многихъ бываютъ деньги на рукахъ. Когда я находился въ сентябрѣ 1891 г., во время разсчета, на Тихоно-Задонскомъ пріискѣ Ленскаго Т-ва, туда дошелъ слухъ, что на Унакитское зимовье наѣхали шуллера и уже обобрали рабочихъ на 2000 р., вслѣдствіе чего исправникъ распорядился послать туда казачій кордонъ. Когда я ѣхалъ на баржѣ съ рабочими, на пути изъ Бодайбинской резиденціи до Витима, рабочіе подтрунивали надъ однимъ картежникомъ, выходившимъ изъ тайги съ пустыми руками: это былъ стройный красивый полякъ, любившій не только поиграть въ карты, но и покурить хорошій табакъ. По словамъ г. Кряжева, „нерѣдко бываетъ, что, просидѣвъ за картами всю ночь, рабочій, не заснувъ ни минуты, идетъ на работу.... Случается, особенно съ записными игроками, что въ недѣлю приходится спать лишь ночи три, а остальныя на-пролетъ проиграть въ карты". При этомъ рабочіе чаще проигрываютъ, чѣмъ выигрываютъ, „такъ какъ обыкновенный партнеръ рабочихъ—„летучка" не стѣсняется и плутовать, хотя за это иногда приходится выносить жестокіе побои. Слѣдовательно въ результатѣ получается проигрышъ и безсонныя ночи" [3]).

Пріисковые рабочіе вообще не отличаются бережливостью. Бережливѣе всѣхъ рабочіе изъ крестьянъ; прежде считались бережливыми и якуты, которые выходили всегда съ деньгами, такъ какъ выписывали нужные для себя предметы съ крайнею осторожностью и дозволяли себѣ излишекъ лишь въ маслѣ, до котораго они такіе охотники, что ѣдятъ его даже часто безъ хлѣба; но въ послѣднее время это совершенно измѣнилось, и якуты тратятъ много денегъ на вино и картежную игру: бываютъ такіе случаи, что вечеромъ якутъ имѣетъ паръ 20 оленей, а утромъ идетъ наниматься въ работники [4]). Поселенцы никогда не придавали значенія деньгамъ и на замѣчанія, что съ лѣтами уходятъ силы, и что подъ старость работа дѣлается труднѣе, отвѣчали, что тогда ихъ прокормитъ общество, гдѣ они поселены [5]).

Страстью рабочихъ къ азартной игрѣ и вину нѣкоторые пріиско-

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 86; 2566 № 206—152, л. 52.
[2]) „Сибирь" 1882 г. № 31, стр. 38.
[3]) „Русская Жизнь" 1894 г. № 50.
[4]) „Сиб. Вѣстн." 1892 г. № 79.
[5]) Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 210.

вые служащіе пользовались для того, чтобы устраивать лоттереи, давая вина подписавшемуся на извѣстное число билетовъ [1]).

Кромѣ вина и картъ, развлеченіями рабочихъ, особенно въ дни общаго отдыха, бываютъ пѣніе, пляска [2]); но и въ пѣніи ихъ слышалось сплошь и рядомъ сознаніе своей грустной доли: и здѣсь поютъ пріисковую пѣсню, приведенную нами въ описаніи промысловъ Енисейскаго округа (см. стр. 208).

При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ жили пріисковые рабочіе, нельзя было предъявлять къ нимъ особенно высокихъ нравственныхъ требованій. Олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1873 г. писалъ: „Не легко опредѣлить степень нравственности рабочаго люда на пріискахъ, такъ какъ онъ составляется изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Большинство рабочихъ состоитъ изъ поселенцевъ, порочность которыхъ довела ихъ до ссылки и, конечно, и здѣсь не остается безъ нравственнаго вліянія на другихъ. Развратившіеся въ тюрьмахъ и во время продолжительнаго слѣдованія въ Сибирь, они являются сюда уже все испытавшими, продолжая нерѣдко и здѣсь развивать свои дурныя наклонности. Но и за всѣмъ тѣмъ они имѣютъ свои понятія о нравственности. Артельная жизнь, страхъ подвергнуться насмѣшкамъ со стороны товарищей, а иногда и расправѣ своимъ судомъ, которая бываетъ всегда тяжелѣе полицейскаго исправленія,—вотъ причины, что мошенничество, воровство, обманъ между ними рѣдко имѣютъ мѣсто. Часто ссужаютъ они другъ друга деньгами, и никогда не случается, чтобы занявшій не уплатилъ долга или отперся отъ него. Одинъ общій порокъ—это пьянство, и ему подвержены всѣ рабочіе безъ исключенія.... Для пріобрѣтенія водки рабочій ни передъ чѣмъ не останавливается, продавая, за неимѣніемъ денегъ, послѣднюю одежду и забывая о наказаніи, которому долженъ подвергнуться. Рабочій рѣдко пьетъ одинъ; онъ непремѣнно подѣлится съ товарищами; но не долго длится миръ: выпитая лишняя чарка вызываетъ ссору, а отъ нея иногда недалеко и до преступленія“ [3]).

Авторъ статьи въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ даетъ весьма любопытную характеристику пріисковыхъ рабочихъ: „Сами рабочіе величаютъ себя то *шпанкою*, то *кобылкою*, то *летучкою*, то *каторгою*. Послѣднее изъ этихъ названій не требуетъ комментарій.... Основная группа рабочихъ составляется изъ поселенцевъ, крестьянъ и разнаго мастероваго люда различныхъ званій, національности и вѣроисповѣданій. Ее можно раздѣлить на *отчаянныхъ* или пріисковыхъ *Ивановъ* и забитыхъ.

---

[1]) См. ниже, гл. X.

[2]) „Сиб. Газ.“ 1882 г. № 31, стр. 750.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 85—86.

изработавшихся, истаскавшихся людей, которые слывутъ подъ именемъ *богадѣльщиковъ*, *христарадниковъ*.

„Иваны—люди полные силъ и жизненнаго задора; они не боятся того, что пойдутъ по міру и пропадутъ съ голода.... Всѣ они представляютъ изъ себя физически здоровыхъ людей и составляютъ для пріисковъ, что называется, бѣду и выручку: при качествахъ хорошаго рабочаго, они умѣютъ, съ другой стороны, и постоять за себя, и не даться въ обиду. Иваны охотно принимаются въ артель рабочихъ, въ виду того, что если они и не въ состояніи будутъ... работать наравнѣ съ другими, то во всякомъ случаѣ съумѣютъ „сосчитать“ урокъ и вступить, когда нужно и съ кѣмъ слѣдуетъ, въ объясненія, а иногда проведутъ служащихъ съ такимъ искусствомъ, которое смѣло можно противопоставить физической силѣ товарища изъ крестьянъ. Иваны составляютъ душу всѣхъ пріисковыхъ протестовъ, или, такъ называемыхъ, бунтовъ. Задорная запальчивость, значительная доля страстности въ поступкахъ и словахъ присущи Иванамъ; между ними попадаются иногда люди совершенно изнервованные, а подчасъ и душевно-больные. Благодаря этимъ свойствамъ, они подвергаются частымъ изгнаніямъ съ пріисковъ“. За ними остается неоспоримая заслуга „ходатаевъ за улучшеніе быта пріисковыхъ рабочихъ. Все, что сдѣлано по настоящее время и хозяевами, и администраціей въ этомъ направленіи, хотя бы, напр., по сравненію съ 50-ми гг. (когда, какъ говорятъ защитники старины, у рабочаго въ шапкѣ черви заводились, и то онъ не смѣлъ разговаривать съ начальствомъ), несомнѣнно вызвано протестами и частыми недовольствами“ Ивановъ, для которыхъ „вольная или казенная каторга большой разницы не представляетъ. Конечно, не мало ихъ и погибло за эти бунты.... Время безпардонной порки рабочихъ на пріискахъ не за горами; порка существуетъ и теперь, но уже не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это было 10—12 лѣтъ тому назадъ. Съ того времени не мало воды утекло, и нравы какъ будто измѣнились къ лучшему. Однако замѣтное смягченіе нравовъ произошло не въ силу гуманныхъ началъ, которыми могли проникнуться наши промышленники и ихъ агенты за этотъ промежутокъ времени. О, нѣтъ! пусть не ошибается читатель: сердца и души этихъ людей до сихъ поръ остаются такими же черствыми, какъ это было 12 лѣтъ назадъ.... Относительная мягкость обращенія вызвана чисто шкурнымъ вопросомъ безопасности передъ частыми бунтами рабочихъ съ одной стороны и недовольствомъ высшей администраціи—съ другой.

„Дальнѣйшая судьба Ивановъ заканчивается метаморфозой ихъ въ типъ богадѣльщиковъ, что естественнымъ образомъ происходитъ вслѣдствіе вѣчнаго скитанія по тайгамъ и исканія насущнаго хлѣба, который они раньше получали очень часто съ прибавкою значительнаго количества сивухи...

„Третью небольшую группу пріисковыхъ рабочихъ составляютъ, такъ называемые, *смирные*... Эти люди, обыкновенно пришлые изъ волостей, приносятъ съ собою изъ деревни трудолюбіе и честное отношеніе къ дѣлу и обязанностямъ и служатъ опорою всѣхъ разсчетовъ нашихъ пріисковыхъ управленій.... Но увы! кротость новичковъ, ихъ неиспорченность продолжается очень не долго. Чрезъ годъ, много два, они поразительно измѣняются и становятся неотличимы отъ заправскихъ Ивановъ“ [1]).

Семейные рабочіе, какъ мы уже говорили, помѣщаются въ одной казармѣ съ неженатыми, и женщинъ бываетъ вообще очень мало на промыслахъ, что весьма вредно отражается на нравственности пріисковыхъ рабочихъ.

„При измѣненіи отношенія между числомъ женатыхъ и холостыхъ развратъ мало-по-малу самъ собою уменьшился бы, а вмѣстѣ съ тѣмъ убавилось бы и число преступленій на пріискахъ. Но этого невозможно ожидать при существующихъ порядкахъ... Пріисковыя управленія ставятъ первымъ условіемъ при наемкѣ рабочихъ, чтобы они не приводили съ собою женъ и семействъ. Это дѣлается въ видахъ того, чтобы не затрудняться въ постройкѣ излишнихъ помѣщеній, а также избѣгнуть излишней заготовки съѣстныхъ припасовъ, хотя тѣ же управленія пріисковъ всегда сознаютъ, что съ женатымъ человѣкомъ дѣло имѣть лучше, чѣмъ съ холостымъ, потому что его можно удобнѣе согнуть въ дугу и заставить быть послушнымъ, но тѣмъ не менѣе наниматели руководствуются только тѣмъ, чтобы нанять съ женами столько человѣкъ, сколько бываетъ нужно женщинъ на пріискахъ для домашняго обихода управляющихъ, служащихъ и отчасти рабочихъ. Мѣриломъ со стороны довѣренныхъ по отношенію къ нанимаемымъ женщинамъ бываетъ дородность, молодость и привлекательныя черты, а не какія либо нравственныя качества. На нужды рабочихъ менѣе всего обращается вниманія, почему нерѣдко бываетъ, что рабочіе изнашиваютъ свое бѣлье безъ стирки, за неимѣніемъ свободныхъ женскихъ рукъ, которыя становятся совершенно недоступными для нихъ по своей высокой цѣнѣ; иногда бываетъ, что рабочіе стираютъ бѣлье сами.

„Отсутствіе женщинъ на пріискахъ,—или того еще хуже, крайне незначительное ихъ число, разсчитанное только для служащихъ лицъ, производитъ демурализующее вліяніе на пріискахъ. Искусственный целибатъ рабочихъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ дѣлаетъ то, что, вырвавшись съ пріисковъ, они необуздано предаются страстямъ: впадаютъ въ развратъ. Извѣстна всѣмъ характеристика золотопромышленныхъ рабочихъ, какъ населенія развращеннаго, распутнаго. Но надо обратить вниманіе, отъ чего это происходитъ [2]), какими лишеніями съ одной стороны на пріискахъ и соблазнами съ другой, по выходѣ съ пріисковъ, окруженъ рабочій... Развратъ рабочихъ является гибелью для нихъ самихъ, рабочіе соперничаютъ, ведутъ борьбу изъ-за одиночныхъ женщинъ, допущенныхъ на пріиски... Женщина, въ свою очередь, окруженная соблазнами, те-

[1]) „Сибир. Сборн.“ 1889 г., вып. 2, стр. 52—55, 59—60.

[2]) „Пріиски отличаются и развитіемъ противоестественныхъ пороковъ, свойственныхъ тому положенію, гдѣ находятся одни мужчины“. Сравни случай изнасилованія рабочимъ двухлѣтняго мальчика. „Восточ. Об.“ 1895 г. № 147.

ряетъ честь, совѣсть. Пріиски изъ женщины дѣлаютъ жертву темперамента рабочаго и развращаютъ ее въ конецъ. Изъ-за одинокой женщины совершаются ссоры, драки, преступленія; женщина, идущая съ рабочими съ пріиска, раздѣляетъ ихъ безпутную жизнь и ничѣмъ не отличается отъ нихъ въ развратѣ; у пріисковой женщины нѣсколько любовниковъ... По возвращеніи съ пріисковъ женщина, ушедшая на пріиски отъ мужа, потеряна для семьи, какъ и мужчина. Все это происходитъ отъ того, что рабочій лишенъ возможности перевести сюда свою семью... Только полное пренебреженіе нуждами, грубое и негуманное отношеніе къ положенію пріисковаго рабочаго могло создать такое запрещеніе для нихъ“ [1]).

Нѣкоторые рабочіе, правда, получаютъ позволеніе привести свою жену, но далеко не всѣ, этого желающіе. Въ 1891 г., во время осенняго найма рабочихъ, КК° Промышленности и Прибрежно-Витимская вовсе не нанимали женатыхъ, находя, что на пріискахъ уже довольно женщинъ, между тѣмъ въ 80-хъ гг. на промыслахъ Олекминскаго округа было всего женщинъ отъ 8 до 11% пріисковаго населенія.

Ужасное положеніе женщины на промыслахъ доходитъ до того, что ее иногда „проигрываютъ въ карты, уступаютъ одинъ другому по особому договору“. Въ тайгѣ есть обычай подъ названіемъ „помочи“, который заключается въ томъ, что артель рабочихъ, желая наказать какую-либо женщину, преимущественно болѣе легкаго поведенія, заводитъ ее въ болѣе отдаленное мѣсто, по очереди насилуетъ, замучиваетъ ее, и она умираетъ отъ непосильныхъ страданій [2]). Считаю, однако, своимъ долгомъ прибавить, что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ интеллигентныхъ лицъ, живущихъ на промыслахъ, дурная репутація пріисковыхъ женщинъ слишкомъ преувеличена, что нѣкоторыя изъ нихъ остаются вѣрными мужьямъ, хотя весьма трудно соблюсти вѣрность тамъ, гдѣ на 10 здоровыхъ мужчинъ приходится одна женщина, гдѣ большинство служащихъ также холостые (домъ для холостыхъ служащихъ на промыслахъ носитъ иногда характерное названіе „кадетскаго корпуса“).

Условія пріисковой жизни и особенно помѣщеніе женатыхъ и холостыхъ рабочихъ въ одной казармѣ вредно отражаются на нравственности ихъ дѣтей. Они рано начинаютъ понимать все, пріучаются пить водку, курить табакъ и даже развратничать. Рабочіе весьма легкомысленно пріучаютъ дѣтей къ вину, отчасти не понимая, какъ это вредно. „Случается, что пріисковый мальчикъ въ 12 лѣтъ уже куритъ табакъ; онъ свободно пьетъ за одинъ взмахъ шкаликъ водки и распознаетъ въ ней вкусъ; онъ искусно промываетъ золото на лоткахъ, крадетъ золото и играетъ въ карты не хуже взрослаго рабочаго. Въ эти годы онъ

[1]) „Сиб. Сборн.“ 1889 г., вып. I, стр. 23, 25.

[2]) „Сибирь“ 1878 г. № 38; „Сиб. Сборн.“ 1889 г., вып. 1, стр. 25; „Сиб. Вѣст.“ 1892 г. № 79; *Кряжевъ* въ „Русск. Жизни“ 1894 г. № 50; записка г. Михайлова.

умѣетъ ругаться самой утонченной площадной бранью и не прочь похвастаться передъ своими товарищами любовными похожденіями. Конечно, не отстаютъ отъ мальчиковъ и дѣвочки, для которыхъ пріисковый омутъ оказывается еще убійственнѣе по свойству ихъ пола и недостатку вообще женщинъ на пріискахъ [1]). Намъ приходилось наблюдать, какъ родители радуются, когда ихъ дѣти добываютъ много золота и денегъ, не взирая на то, какими путями пріобрѣтаются они. Безобразіе отцовъ и матерей иногда доходитъ до того, что они прямо отбираютъ все, что видятъ у дѣтей, и, конечно, совокупно или порознь пропиваютъ. Подобные родители не стыдятся удерживать дѣтей дома и не пускать ихъ въ школу, посылая въ разрѣзы *на старанье*. Съ невыразимымъ нахальствомъ эти люди требуютъ отъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей повиновенія и возврата средствъ, потраченныхъ на ихъ воспитаніе!“ [2]).

Возвращаясь на баржѣ съ пріисковыми рабочими съ олекминскихъ промысловъ, я видѣлъ не мало дѣтей, весьма бойкихъ и развитыхъ: сами рабочіе въ шутку называютъ ихъ „пріискателями“ и „пріискательницами“ и вообще весьма любовно относятся даже къ чужимъ дѣтямъ.

Каковы бы ни были отрицательныя стороны пріисковыхъ рабочихъ, въ нихъ есть и свои достоинства. Есть вещи, противъ которыхъ не можетъ устоять пріисковый рабочій—это золото и вино,—ихъ нельзя класть плохо, но въ другихъ отношеніяхъ мѣстные наблюдатели свидѣтельствуютъ о честности рабочихъ (о возвращеніи найденныхъ денегъ), о деликатности относительно тѣхъ служащихъ, которые хорошо обращаются съ ними [3]), о щедрости относительно нуждающихся. Во время голода 1891 г. въ Европейской Россіи на промыслахъ Ленскаго Т-ва было собрано болѣе 2000 р. въ пользу голодающихъ, и, кромѣ того, всѣ служащіе и громадное большинство рабочихъ изъявили желаніе жертвовать въ теченіе всей операціи 1891—92 г. по 2 коп. съ рубля жалованья или заработной платы [4]). Но въ то же время они недовѣрчиво относятся къ нѣкоторымъ сборамъ, иниціатива которыхъ принадлежитъ золотопромышленникамъ. Такъ, мы слышали, что въ 1891 г. между олекминскими золотопромышленниками была мысль собрать капиталъ на вспомоществованіе больнымъ и увѣчнымъ рабочимъ, привлечь къ подпискѣ самихъ рабочихъ и поднести этотъ капиталъ одному высокопоставленному лицу; но рабочіе отнеслись къ этому пред-

---

[1]) Бываютъ случаи, что забеременѣваютъ 12-лѣтнія дѣвочки. „Сибирь“ 1884 г. № 13, стр. 7.

[2]) „Сиб. Сбор.“ 1889 г., вып. 2-й, стр. 27 — 28; ср. *О. О.* „Sibirische Briefe“, 114 — 115.

[3]) См. ст. *Кряжева* въ „Русской Жиз.“ 1894 г. № 44.

[4]) „Вост. Об.“ 1892 г. № 3 стр. 7; „Вѣст. Золот.“ 1895 г. стр. 127.

ложенію несочувственно, а между тѣмъ въ пользу голодающихъ въ 1891—92 гг. они охотно жертвовали 2% своего заработка.

Чтобы покончить съ вопросомъ о нравственности пріисковыхъ рабочихъ, укажемъ на количество преступленій на Олекминскихъ пріискахъ по оффиціальнымъ даннымъ. Въ продолженіе 14 лѣтъ (1873 и 1875—1887 гг.) на пріискахъ Олекминскаго округа произошло 71 убійство (не считая 51 найденнаго мертваго тѣла и 3 безъ вѣсти пропавшихъ), 12 покушеній на убійство и 72 случая нанесенія ранъ [1]).

Въ числѣ гигіеническихъ условій, вредно отзывающихся на рабочихъ, первое мѣсто занимаетъ чрезмѣрная продолжительность труда и недостаточное количество дней отдыха. Въ то время, какъ въ Енисейскомъ округѣ, особенно сѣверной его системѣ, подземныя работы менѣе распространены, въ Олекминскомъ округѣ онѣ встрѣчаются очень часто, и потому, во-первыхъ, средняя продолжительность операцій болѣе, а, во-вторыхъ, работа подъ землею менѣе здорова, чѣмъ на открытомъ воздухѣ. При этихъ условіяхъ особенно важно было бы для работы пользоваться достаточнымъ количествомъ отдыха въ праздники и льготные дни, но воскресенья на пріискахъ не праздновались; что же касается праздниковъ и льготныхъ дней, то относительно нихъ мы находимъ въ договорахъ съ рабочими слѣдующія постановленія.

Олекминскій исправникъ въ донесеніи 1872 г. говоритъ, что лишь съ операціи 1870—71 г. „стали появляться въ контрактахъ праздничные дни“, въ которые рабочіе освобождались отъ работы [2]). Дѣйствительно въ договорѣ К° Промышленности 1870 г. мы не находимъ еще относительно праздниковъ *никакого условія*, въ контрактахъ же этой К° 1874, 78 и 83 гг. сказано, что рабочіе должны праздновать въ зимнее время: въ сентябрѣ послѣ разсчета три дня, въ октябрѣ и ноябрѣ по 2 дня, въ декабрѣ 3 дня, въ январѣ, февралѣ и мартѣ по 2 дня, въ апрѣлѣ 3 дня со включеніемъ дней Пасхи; „всѣ эти дни должны быть зачтены намъ за льготные и отдыхи, и особо иныхъ требовать мы не должны. Съ мая же мѣсяца по 10 сентября для отдыха и льготы табельныхъ и праздничныхъ дней“ рабочимъ обязательно не предоставлялось, а каждый мѣсяцъ слѣдовало увольнять ихъ отъ работъ на 2 дня, и то не всѣхъ заразъ, а поочередно, по назначенію управленія. Такимъ образомъ, во весь годъ рабочіе имѣли только 27 дней отдыха. Въ договорѣ съ тою же К° 1887 г. были прямо назначены числа, въ которыя приходились праздники, а именно, съ 10 сентября по 1 мая 18 дней, въ томъ числѣ въ сентябрѣ 3 дня послѣ разсчета, но въ дѣйствительности давали 5 дней и затѣмъ съ 1 мая по 10 сентября по 2 дня отдыха въ мѣсяцъ: такимъ образомъ, по договору назначено 27, въ дѣйствительности же бывало 29—30 дней, но все-таки, очевидно, рабочіе имѣли отдыхъ въ крайне недостаточномъ количествѣ [3]). По договору Транезниковыхъ 70-хъ и 80-хъ гг. было назначено еще

[1]) См. табл. въ *Дополненіи XV*.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2549 № 126—71, л. 467.

[3]) Г. Стрижевъ считалъ (въ запискѣ 1887 г.) наиболѣе обычнымъ на пріискахъ 30-дневный отдыхъ, а ленскій горн. инженеръ въ отчетѣ 1889 г.—27-дневный. Канц. Ир. Горн. Упр., дѣло № 39, л. 212.

менѣе, а именно, 23 праздника (въ томъ числѣ въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ рабочіе должны были отдыхать поочередно по 2 дня въ мѣсяцъ—одинъ будній, другой праздничный день, а въ августѣ 1 будній день). Въ договорѣ Базилевскаго 1876 г. указано было 10 праздничныхъ дней, и сверхъ того предоставлялось каждому рабочему поперемѣнно, а по желанію управленія и всѣмъ вмѣстѣ, по 2 дня въ мѣсяцъ безъ вычета за то содержанія; слѣдовательно, всего рабочимъ предоставлялось 34 дня отдыха, въ остальные же затѣмъ праздники и воскресенья рабочіе должны были работать какъ и въ будни; за льготные же дни сверхъ назначенныхъ пріисковое управленіе могло вычитать за содержаніе рабочаго по 60 к. за каждый день. Если у кого либо изъ рабочихъ будетъ болѣе двухъ „больныхъ“ дней въ мѣсяцъ, то такіе причислялись за льготные дни безъ вычета за содержаніе, но съ потерею права на назначенные 2 льготныхъ дня. По договору Базилевскаго 1878 г. въ тѣ мѣсяцы, когда бываетъ Пасха, Рождество и масляница, полагалось по одному дню отдыха (вмѣсто двухъ), слѣдовательно вмѣсто 34 былъ назначенъ 31 день отдыха. По договорамъ Базилевскаго 1880 г. вычетъ рабочихъ за лишніе льготные дни съ 60 к. повышенъ до 70 к. По договорамъ Ленскаго Т-ва 1883 и 90 гг. назначено 29 дней отдыха (въ томъ числѣ съ 1-го мая по 1 сентября ежемѣсячно по два дня отдыха по очереди и 5 дней съ 10-го сентября); по договору этого Т-ва 1891 г. число праздниковъ уменьшено до 28, а по договору 1894 г. повышено до 31, кромѣ того прибавлено: „по усмотрѣнію управленія очередные отдыхи могутъ быть замѣнены общими. Люди магометанскаго вѣроисповѣданія, взамѣнъ положенныхъ по условію общихъ и очередныхъ отдыховъ, могутъ по разрѣшенію управленія имѣть отдыхи въ дни своихъ праздниковъ“; но только, если отработаютъ соотвѣтственное число дней въ христіанскіе праздники [1]). По договору съ Малопатомскимъ Т-вомъ 1880 г. назначено 32 праздничныхъ дня [2]). По договорамъ съ Плетюхиномъ 1886 и 89 гг. хозяинъ, по своему усмотрѣнію, могъ устроить работы четырьмя различными способами; относительно двухъ изъ нихъ прямо сказано, что при нихъ никакихъ дней отдыха не полагается, „а желающій пользоваться таковымъ, и то не иначе, какъ съ согласія управленія, платитъ за содержаніе по 90 к. въ день“; при двухъ другихъ способахъ назначено во все лѣто (у Плетюхина только лѣтнія работы) всего два дня отдыха въ августѣ мѣсяцѣ.

Наиболѣе распространеннымъ обычаемъ былъ отдыхъ въ теченіе лѣтней операціи два раза въ мѣсяцъ [3]). Зимою до начала промывки песковъ дни отдыха назначались преимущественно въ большіе праздники, и рабочіе отдыхали тогда всей компаніей: это называлось „общіе отдыхи“; лѣтомъ же, съ начала промывки, рабочіе праздновали два раза въ мѣсяцъ, но уже поочередно, небольшими артелями, чтобы не было остановки въ работахъ.

[1]) Въ договорѣ Ленскаго Т-ва 1894 г. находимъ еще слѣдующія оговорки: 1) если бы въ дни, опредѣленные для отдыха, была назначена работа, то отдыхъ дается позднѣе по усмотрѣнію управленія. 2) Во время весенней промывки на промыслахъ, не обезпеченныхъ все лѣто водою, отдыхи даются лишь по окончаніи этой промывки.

[2]) Дни, проведенные въ больницѣ, засчитываются по этому договору въ тотъ же мѣсяцъ за льготные дни безъ вычета за содержаніе, и просить отдыха въ эти мѣсяцы уже не дозволялось. По договору Чаринскаго Т-ва 1880 г.—24 праздничныхъ дня, а Аканакъ-Накатаминскаго Т-ва 1886 г.—28 дней. Въ проектѣ нормальнаго контракта Винникова 1884 г. назначено 27 праздничныхъ дней.

[3]) Арх. Витим. Испр., отчетъ за 1879 г.

Понятно, что такого количества дней отдыха было недостаточно, какъ это подтверждается и свидѣтельствами мѣстныхъ наблюдателей. Олекминскій горный исправникъ въ 1872 г. писалъ: нѣкоторые рабочіе, обезсилѣвъ отъ работы, идутъ въ больницы вмѣсто того, чтобы отдохнуть, „въ чемъ имъ нерѣдко отказываютъ, такъ какъ дни отдыха обусловлены контрактомъ. Не разъ случалось мнѣ разбирать“ жалобы на „такихъ мнимыхъ ослушниковъ и оканчивать дѣло приказаніемъ дать непризнаннымъ фельдшерами за больныхъ день отдыха, послѣ котораго безпрекословно шли они опять на работу. Гдѣ промысловыя управленія обращаются человѣчно и справедливо, снисходятъ къ проступкамъ недоразумѣнія или превратнаго пониманія, тамъ и дѣлъ возникаетъ менѣе, и работа идетъ успѣшнѣе“. Упомянувъ о случаяхъ невыхода на работу рабочихъ К° Трапезниковыхъ, тотъ же исправникъ говоритъ, что случаи уклоненія отъ работъ передъ 10-мъ числомъ сентября бывали и въ прежніе годы, и это объясняется частью и тѣмъ, что силы рабочихъ къ концу операціи совершенно истощены. „На пріискахъ Базанова уже не часть, а всѣ рабочіе, ссылаясь на то, что 8 сентября день праздничный, не вышли было на работу, но при первомъ появленіи полк. Купенкова, которому дано было объ этомъ знать, казармы мгновенно опустѣли, и работа пошла, какъ въ будни. Пріѣхавъ въ этотъ день на пріиски“, продолжаетъ исправникъ, „я доискивался, кто первый изъ нихъ затѣялъ эту выходку, и какая была причина общей стачки. Отвѣчали, что зачинщиковъ среди нихъ нѣтъ, что они совершенно выбились изъ силъ, что день этотъ большой праздникъ“ [1]). Вѣроятно, вслѣдствіе этого донесенія якутскій губернаторъ предписалъ исправнику наблюдать, чтобы „тѣмъ изъ рабочихъ, которые по старости лѣтъ или слабости здоровья придутъ въ изнеможеніе и не въ силахъ будутъ работать, давать дни отдыха, хотя бы они и не были обусловлены въ контрактахъ“, и чтобы при заключеніи контрактовъ въ нихъ непремѣнно было включаемо условіе о праздничныхъ дняхъ, въ которые рабочіе не должны были бы работать [2]). Въ 1893—94 г. въ Ленскомъ Т-вѣ по совѣщаніи съ рабочими былъ устроенъ пріютъ для отдыха, гдѣ утомленные рабочіе могли бы отдыхать 2—3 недѣли, получая полное содержаніе. На это была употреблена часть штрафныхъ денегъ, а также пожертвованія рабочихъ и сборъ съ благотворительнаго спектакля [3]).

Въ объясненіе того, что лѣтомъ даются рабочимъ не общіе празд-

---

[1]) Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2549, № 126 — 71, л. 462, 466 об. О ходатайствѣ 1880 г. иркутскаго архіерея Веніамина объ установленіи обязательныхъ воскресныхъ отдыховъ, не получившемъ удовлетворенія, см. гл. II.

[2]) Арх. Иркут. Горн. Управл. К. 2544, № 48—103, л. 202 об.

[3]) „Вѣстн. Золот.“ 1895 г., стр. 128, 1896 г., стр. 209.

ники, а льготные дни по очереди, управляющіе обыкновенно говорятъ, что если уволить отъ работъ всю команду заразъ, то они всѣ перепьются, и тогда съ ними не справиться [1]); но г. Карпинскій, бывшій начальникъ иркутскаго горнаго управленія, возражая противъ этого, указываетъ, что управляющій Базилевскаго „въ день коронаціи, 15-го мая, прекратилъ всѣ работы, устроилъ рабочимъ праздникъ, угостилъ ихъ водкой, и никакого безпорядка не произошло, и на другой день всѣ вышли на работы, а пьяными оказались только приставленные для присмотра за рабочими казаки“ [2]). Въ Ленскомъ Т-вѣ въ 90-хъ гг. очередные отдыхи лѣтомъ были замѣнены общими въ церковные и царскіе праздники, и главноуправляющій пріисками держится того мнѣнія, что, нѣсколько усиливъ суточную промывку, можно нагнать время, потерянное въ праздники, и рекомендуетъ не только замѣнить очередные отдыхи двумя общими въ каждый мѣсяцъ, но добавить еще два дня отдыха въ виду трудности горныхъ пріисковыхъ работъ [3]).

Понятно, что, не имѣя достаточнаго отдыха, изнеможенные рабочіе иногда уклонялись отъ работы, хотя и подвергались за это штрафу.

Кромѣ чрезмѣрной продолжительности труда и недостаточности отдыха, работы въ Олекминской тайгѣ представляли и другія антигигіеническія условія. Слѣдователь по дѣлу о волненіи въ 1876 г. на одномъ изъ пріисковъ К° Базанова, подполк. Грамотинъ, говоритъ: „въ ортахъ въ минувшую зимнюю операцію работы, за недостаткомъ свѣчъ, освѣщались зажженною соломою“, вслѣдствіе чего „сильная копоть, издаваемая ею при горѣніи, вредно вліяла на дыхательные органы работавшихъ въ ортѣ, такъ что, спустя даже 2 недѣли послѣ выхода съ этихъ работъ, рабочіе выплевывали при отхаркиваніи черную слюну; рабочіе и служащіе, находясь въ ортахъ, покрывались толстымъ слоемъ сажи“. Правда Базановъ въ письмѣ къ генералъ-губернатору увѣрялъ, что это былъ только опытъ освѣщенія „съ участіемъ смолистыхъ веществъ“, который оказался неудачнымъ, и освѣщеніе производится свѣчами [3]). Однако и позднѣе освѣщеніе въ штольняхъ пріисковъ К° Промышленности и Прибрежно-Витимской производилось не свѣчами, а жиромъ, и, по словамъ мѣстнаго доктора, г. Рабиновича, оно очень неблагопріятно отзывалось на здоровьѣ рабочихъ, такъ какъ продукты горѣнія вредно вліяли на ихъ горло и легкія [5]).

[1]) Противъ общихъ отдыховъ высказывается и г. Стрижевъ въ запискѣ 1887 г.

[2]) „Извѣст. Вост. Сибир. Отд. Геогр. Общ.“ 1886 г., т. XVII, № 3—4.

[3]) „Вѣстн. Золотопр.“ 1895 г. № 7, стр. 127.

[4]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2578, № 215—269, л. 20, 29.

[5]) По контракту Ленскаго Т-ва 1894 г. на счетъ пріисковаго управленія освѣщаются только главные откатные пути въ выработкахъ; до нихъ забойщики употребляютъ бленды со своими свѣчами, если разстояніе до главнаго отводнаго пути не превышаетъ 15 саж.

Вслѣдствіе оттаиванія мерзлой земли въ штольняхъ рабочіе гибли иной разъ отъ угара: такъ въ апрѣлѣ 1879 г. погибли вслѣдствіе этого двое рабочихъ на Николае-Иннокентіевскомъ пріискѣ К° Перевалова и Борисова. „Такіе печальные факты", по словамъ корреспондента мѣстной газеты, „весьма нерѣдки въ промысловой жизни. Главныя причины: плохая вентиляція, неосторожность смотрителей и очень часто безчеловѣчное требованіе воротилъ „не терять времени". Обычай запирать шахты въ свободное отъ работъ время практикуется далеко не на всѣхъ пріискахъ", а между тѣмъ „многіе изъ усердныхъ рабочихъ имѣютъ привычку приходить ранѣе опредѣленнаго времени на работу и нерѣдко подвергаются опасности умереть отъ угара" [1]).

Вотъ что доносилъ въ 1875 г. якутскій областной медицинскій инспекторъ Проскуряковъ якутскому губернатору о санитарныхъ условіяхъ одного изъ олекминскихъ промысловъ: Святителе-Иннокентіевскій пріискъ бар. Гинцбурга, находящійся на р. Атырканъ-Бириканъ, съ 250 рабочими, „расположенъ въ глубокой ложбинѣ на тундристой и болотистой почвѣ, окруженной съ обѣихъ сторонъ высокими гольцами (горы, вершины которыхъ большею частью въ теченіе лѣта покрыты снѣгомъ); трудныя и тяжелыя работы въ глубокихъ шахтахъ и отсутствіе наблюденія при производствѣ этихъ работъ" и несоблюденіе „основныхъ правилъ гигіены... производятъ громадное число заболѣваній и травматическихъ поврежденій". Упомянувъ о цынгѣ, какъ слѣдствіи дурного питанія рабочихъ, Проскуряковъ продолжаетъ: „При одинаковыхъ условіяхъ питанія, къ заболѣванію расположены тѣ рабочіе, которымъ приходится работать въ сырыхъ мѣстахъ, гдѣ въ непродолжительное теплое время года вскрывается масса торфовъ, а еще болѣе которымъ доводится работать въ тѣсныхъ, душныхъ, дурно провѣтриваемыхъ и угарныхъ шахтахъ". Проскуряковъ указываетъ также на отсутствіе „врача, по указанію котораго можно было бы своевременно отдѣлять людей слабыхъ и распредѣлять рабочихъ по работамъ по состоянію ихъ здоровья. Въ нѣкоторыхъ шахтахъ иногда работаютъ до 35 чел., воздухъ бываетъ невыносимо тяжелъ, вслѣдствіе крайней сырости, множества частицъ угля, недостатка кислорода, избытка окиси углерода и угольной кислоты по причинѣ отсутствія всякихъ приспособленій къ искусственной вентиляціи; на глубинѣ 150 четвертей и при случающихся навалахъ земли производятъ огромное количество пыли, окиси углерода и другихъ вредныхъ для организма газовъ. Нерѣдко случается, что въ теплое и сырое время въ такихъ шахтахъ нѣтъ возможности работать по цѣлымъ днямъ". Въ числѣ другихъ мѣръ, необходимыхъ для улучшенія здоровья рабочихъ, Проскуряковъ считалъ необходимыми устройство въ шахтахъ „правильной искусственной вентиляціи", тщательную очистку жилищъ и самого пріиска отъ всякихъ нечистотъ и, если возможно, осушеніе почвы въ окрестностяхъ пріиска, такъ какъ теперь „почва подъ жилищами содержитъ много воды, протекающей съ высокихъ горъ" [2]). Генералъ-губернаторъ обратилъ вниманіе на факты, замѣченные Проскуряковымъ, и вслѣдствіе его предписанія окружной инженеръ Олекминскаго округа просилъ мѣстнаго горнаго исправника объявить всѣмъ управляющимъ К°, чтобы они приняли мѣры для лучшей вентиляціи воздуха въ

[1]) „Сибирь" 1879 г. № 21, ср. 1885 г. № 45, стр. 14.
[2]) Арх. Витим. Горн. Испр. 1875 г. № 20, л. 4, 6.

рудникахъ, „располагая извѣстное число люфтлюховъ въ необходимыхъ для того мѣстахъ, ставили бы желѣзныя съ высокими трубами печи или употребляли бы для вытягиванія рудничнаго воздуха вентиляторы и, въ предупрежденіе случаевъ угара, принимали бы мѣры предосторожности, распубликованныя въ № 67 „Иркут. Губерн. Вѣдом.“ за 1871 г.; а также чтобы во всѣхъ внутреннихъ работахъ была непремѣнно употреблена надежная крѣпь, смотря по расположенію пласта розсыпи и пустой породы, совершенно достаточная для безопасности работающихъ, лѣстница въ шахтахъ располагалась бы удобно и была бы достаточной плоскости, шахты для подъема песковъ были бы достаточной прочности и бадьи или ящикъ прикрѣплялись бы прочно“ [1]).

По словамъ Проскурякова, „долгое пребываніе рабочихъ въ испорченной атмосферѣ дурно провѣториваемыхъ, сырыхъ и угарныхъ шахтъ располагаетъ къ слѣдующимъ болѣзнямъ: малокровію, блѣдной немочи, цынгѣ, страданію глазъ, страданію грудныхъ органовъ, легкихъ и сердца и къ медленному (хроническому) отравленію окисью углерода и угольной кислотой, за которыми развивается жировое перерожденіе сердца и медленная, но вѣрная смерть“ [2]). Зимою 1874—75 гг. была эпидемія оспы.

По словамъ доктора Маліева, первое мѣсто въ ряду болѣзней, господствовавшихъ между рабочими въ концѣ 70-хъ гг., занимала цынга. „Картина скорбута (цынги) чаще всего такая: опуханіе голѣностопнаго сочлененія, кровоизліяніе въ подколѣнную ямку, сведеніе колѣна, мелкія пятна на кожѣ ногъ и сильная опухоль десенъ, кровоточивость ихъ, разрыхленіе. Бываютъ и другія формы: развивается опухоль цынготнаго характера на мѣстѣ ушиба—на тылѣ руки..., на бедрѣ и т. п. Всѣ наружныя болѣзни, подъ вліяніемъ скорбутнаго худосочія, видоизмѣняются: раны, прежде зажившія, расползаются, края ихъ опухаютъ и т. д.: я наблюдалъ также кровоизліяніе въ полость плевры. Случаи смерти отъ скорбута рѣдки, но бываютъ; смерть наступаетъ при явленіяхъ сильнѣйшаго истощенія организма, при потерѣ аппетита, сильныхъ боляхъ конечностей и т. д. или съ симптомами заболѣванія органовъ груди. Иной разъ послѣ цынготныхъ опухолей остаются контрактуры, атрофія мышцъ. Громадное большинство выздоравливаетъ совершенно въ 2—3 недѣли; очень немногіе требуютъ для своего лѣченія 2—3, 4 и болѣе мѣсяцевъ. Обыкновенно такіе больные просятъ, чтобы ихъ отправили на Лену или на Витимъ, въ больницы пріисковыхъ

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2566, № 218—164, л. 37.

[2]) Аврамовъ въ своей книгѣ говоритъ, что, „по словамъ пріисковыхъ медиковъ, въ Олекмѣ, послѣ цынги... наиболѣе часто встрѣчаются болѣзни сердца“ (124 стр.). Это подтверждаетъ наблюденіе д-ра Крутовскаго. Цынготныя болѣзни, какъ мы слышали на пріискахъ отъ мѣстнаго доктора, начинаются съ марта и продолжаются до іюня. Онѣ поддаются излѣченію при хорошемъ питаніи и уходѣ. Цынга до сихъ поръ представляетъ довольно распространенную болѣзнь. „Восточ. Обозр.“ 1894 г. № 129.

резиденцій; тамъ, говорятъ они, мы скорѣе поправимся, тамъ „воздухъ легче", и дѣйствительно выздоравливаютъ быстро. Послѣ цынги самыя обыкновенныя болѣзни, чаще всего встрѣчающіяся: ушибы, ревматизмы, катарры дыхательныхъ вѣтвей. „При рабочей командѣ отъ 2 до $3^1/_2$ тыс. въ 1876, 77 и 79 гг. было: въ 1876 г. изъ 1623 заболѣвшихъ—случаевъ ушиба 207, ревматизма 122, цынги 254; въ 1877 г. изъ 2953 заболѣвшихъ—случаевъ ушиба 431, ревматизма 168, цынги 398; въ 1879 г. изъ 2537 всѣхъ заболѣвшихъ—случаевъ ушиба 394, ревматизма 152, цынги 265. Такимъ образомъ ушибы составляли 13—16%, ревматизмъ 5—7% и цынга 10—16% заболѣваній. „Кромѣ того довольно значительное число пользовалось амбулаторно, при чемъ большинство изъ нихъ страдало ревматизмомъ и въ лѣтніе мѣсяцы цынгой; между ними былъ нѣкоторый процентъ притворно больныхъ, захотѣвшихъ отдохнуть денекъ-другой. Число пользуемыхъ на ходу среднимъ числомъ равно половинѣ числа лежащихъ въ больницѣ" [1]).

По отчету горнаго исправника Олекминской и Витимской системъ за 1885 г. „господствующими болѣзнями въ обѣихъ системахъ были: ушибы и раны, ревматизмъ и ломота, поясничныя боли, цынга и лихорадка. Ушибы и раны были преимущественно пальцевъ рукъ и ногъ, иногда головы и туловища камнями изъ забоевъ, таратайками, лошадьми и паденіемъ въ пьяномъ видѣ; ревматизмомъ, ломотами и поясничными болями страдали преимущественно рабочіе отъ ежедневнаго спуска и подъема въ шахту по лѣстницамъ и отъ работъ въ наклонномъ положеніи. Цынга, собственно говоря, появлялась только на рабочихъ, поступившихъ истощенными и мало привыкшихъ къ горнымъ работамъ. Лихорадки появляются преимущественно весною при разлитіи горныхъ рѣчекъ, омывающихъ разныя нечистоты; отчасти онѣ являются во время лѣтнихъ жаровъ и обильныхъ дождей" [2]).

Зимою 1891—92 г. на Олекминскихъ промыслахъ, какъ и во всей Сибири, свирѣпствовала инфлюэнца. „Усиленная смертность" между рабочими, говоритъ д-ръ Рабиновичъ, „объясняется тяжелыми климатическими условіями тайги вообще, весьма суровой зимой 1891—92 г., предварительной надорванностью здоровья таежнаго рабочаго, запусканіемъ болѣзни до-нельзя и не менѣе тяжелыми условіями подземныхъ пріисковыхъ работъ при несовсѣмъ правильномъ образѣ жизни и полной небрежности по отношенію къ одеждѣ" [3]).

---

[1]) „Сборн. соч. по судебн. медиц." 1881 г. т. III, 107, 109—110.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2772, № 135—124, л. 194 об. Срав. отчетъ врача Ленскаго Т-ва 1894—95 гг. въ „Вѣст. Золот." 1896 г. № 10, стр. 208 (изъ 907 стаціонарныхъ больныхъ—только 13 цынгой).

[3]) „Восточ. Обозр." 1892 г. № 33, стр. 7.

Въ 1875 г. среди населенія приленскаго края и Якутской области было замѣчено значительное распространеніе сифилиса. „Для изслѣдованія и сокращенія“ этой болѣзни былъ командированъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ дѣйст. стат. совѣт. Августиновичъ. Онъ заявилъ иркутскому губернатору и генералъ-губернатору Восточной Сибири, что болѣзнь эта распространяется между жителями приленскаго края пріисковыми рабочими, „въ большинствѣ случаевъ между женщинами въ пріисковыхъ больницахъ и нерѣдко высаживаемыми на берегъ Лены въ селѣ Витимѣ съ пароходовъ, несмотря на тяжкія страданія, больными рабочими, которые неоднократно умирали при волостномъ правленіи“. Вслѣдствіе этого иркутскій губернаторъ по предложенію генералъ-губернатора поручилъ олекминскому горному исправнику „предложить всѣмъ золотопромышленникамъ рабочихъ, зараженныхъ сифилисомъ и вообще прилипчивыми болѣзнями, оставлять на излѣченіе въ пріисковыхъ больницахъ до совершеннаго выздоровленія, а не высылать съ промысловъ больными“. Горный исправникъ отвѣчалъ, что г. Августиновичъ не убѣдился „на мѣстѣ и воочію, какъ бы слѣдовало, въ степени распространенія сифилиса на промыслахъ“, не изслѣдовалъ „корень зла на мѣстѣ и основалъ свои предположенія.. вѣроятно на слухахъ и разсказахъ жителей с. Витима. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ врачемъ Стояновымъ, видно, что на промыслахъ Ленскаго Т-ва, Базилевскаго, К° Арендаторовъ, Гинцбурга, Переяславцевой, Малопатомскаго Т-ва и на промыслахъ Катышевцевой съ 1-го мая 1872 г. по 30 апрѣля 1875 г., т.-е. за три года, на 6200 больныхъ, лѣчившихся за это время въ промысловыхъ больницахъ и на домахъ, сифилитиковъ было 66 чел., изъ коихъ съ явленіями вторичнаго и третичнаго сифилиса (давняго) было 58 и первичнаго 8. Изъ этого числа женщинъ больныхъ первичнымъ сифилисомъ было только 2... Изъ настольнаго журнала больницы Константиновскаго пріиска Трапезниковыхъ видно, что съ 10-го сентября 1872 г. по 10 іюля 1875 г. почти на 3000 рабочихъ изъ служащихъ больныхъ сифилитиковъ было 13 чел., а именно въ 1872 г. 1 чел., въ 1873 г.—5 чел., въ 1874 г.—4 чел. и въ 1875 г.—3 чел. Основываясь на этихъ цифрахъ, очевиднымъ становится, что причины распространенія сифилиса въ приленскомъ населеніи, выставленныя г. Августиновичемъ, не совсѣмъ вѣрны и доказательны, и затѣмъ, если принять въ соображеніе и сопоставить врачебныя силы и средства частныхъ золотыхъ промысловъ и приленскихъ волостей и селеній, то можно придти къ совершенно противоположнымъ выводамъ и заключеніямъ, т.-е., что не золотые промысла и пріисковые рабочіе составляютъ разсадникъ сифилиса, а напротивъ того—приленскія селенія и ихъ жители, и особенно с. Витимъ, остающіеся безъ всякой врачебной помощи, а также якуты и тунгусы, между которыми эта болѣзнь, къ несчастью, очень распространена“. Указывая на с. Витимъ, какъ источникъ заразы, горный исправникъ забывалъ, что с. Витимъ могло сдѣлаться источникомъ заразы именно потому, что до начала 80-хъ гг. оно было постояннымъ мѣстомъ кутежей олекминскихъ пріисковыхъ рабочихъ при выходѣ ихъ изъ тайги. Въ заключеніе горный исправникъ увѣрялъ, что всѣ рабочіе, приходящіе на промысла, непремѣнно подвергаются медицинскому осмотру и изъ нихъ больные принимаются въ пріисковыя больницы, гдѣ и содержатся до окончательнаго излѣченія. „Только въ случаѣ упорнаго сифилиса, соединеннаго съ цынгой, неизлѣчимаго на промыслахъ вслѣдствіе климатическихъ условій, больные вывозятся съ пріисковъ на Мачу, гдѣ имѣется прекрасная больница и докторъ, а не въ с. Витимъ, куда никогда не вывозился съ пріисковъ ни одинъ больной“ [1]). Однако новѣйшіе на-

[1]) Арх. Витим. Горн. Испр. 1875 г. № 1120.

блюдатели подтверждаютъ слова Августиновича; авторъ статьи въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ говоритъ: „извѣстно, что среди пріисковыхъ рабочихъ... распространяется сифилисъ; онъ разносится впослѣдствіи по деревнямъ“ [1]).

Въ общихъ контрактахъ съ рабочими почти вездѣ встрѣчаемъ условіе, что медицинская помощь рабочимъ оказывается безплатно, и больницы на пріискахъ содержатся на счетъ промысловаго управленія. „Такъ, напр., въ договорѣ К° Промышленности 1887 г. сказано: „Если кто изъ насъ сдѣлается боленъ, то врачебныя пособія и содержаніе... даются на счетъ К°, но платы какъ во время болѣзни, такъ равно и за льготные по болѣзни дни никакой не полагается“. Въ договорѣ К° Арендаторовъ 1875 г. къ постановленію о безвозмездномъ лѣченіи прибавлено: „съ тѣхъ же, которые поступятъ въ больницу безъ дѣйствительной болѣзни и будутъ изобличены въ томъ при осмотрѣ медикомъ, управленіе имѣетъ право вычитать за эти дни, какъ съ уклоняющихся отъ работъ“. Вычетъ съ уклоняющихся отъ работъ (подъ предлогомъ болѣзни) находимъ и во всѣхъ другихъ контрактахъ. Въ договорахъ съ Базилевскимъ 1876, 78 и 80-хъ гг., къ условію о безвозмездности лѣченія прибавлено, что пищевое довольствіе производится больнымъ также безвозмездно въ обычномъ размѣрѣ, только хлѣба полагается вмѣсто $3^1/_2$—$2^1/_2$ ф. въ день, въ томъ числѣ пшеничнаго $^1/_4$ ф., „что для больного признаемъ достаточнымъ“, а мяса по $1^1/_2$ ф. [здоровымъ полагалось въ договорѣ 1876 г. по $1^1/_4$ ф., въ остальныхъ также по $1^1/_2$ ф.]. Въ договорахъ Ленскаго Т-ва 1890—91 гг. медицинскій осмотръ рабочихъ и ихъ семействъ предоставлялось пріисковому усмотрѣнію дѣлать во всякое время. По контракту Вѣрнаго Т-ва начала 70-хъ г., въ отличіе отъ другихъ договоровъ, пріисковое управленіе не принимало на свой счетъ лѣченія заболѣвающихъ на пріискѣ рабочихъ, а обязывало ихъ платить за него, полагаясь въ исчисленіи издержекъ за лѣченіе на добросовѣстность тѣхъ лицъ, которымъ это дѣло будетъ поручено отъ управляющаго, при чемъ артельный староста не долженъ былъ вмѣшиваться въ дѣла больницы.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ устанавливаются вычеты за лѣченіе женщинъ, не состоящихъ на хозяйскихъ работахъ, а также и дѣтей. Такъ въ договорахъ Базилевскаго 1876, 78 и 80 гг. сказано: „за лѣченіе приведенной кѣмъ либо изъ насъ женщины или дитяти управленіе имѣетъ право вычитать по 50 к. за каждый день“, очевидно, кромѣ вычета за содержаніе ихъ.

---

[1]) „Сибир. Сборн.“ 1889 г., вып. 1, стр. 24. Несмотря на осмотръ рабочихъ при наймѣ, сифилитики обоего пола попадаются на промыслахъ и въ настоящее время: въ операцію 1894—95 г. на промыслахъ Ленскаго Т-ва было 9 случаевъ сифилиса. „Вѣстн. Золотопр.“ 1896 г., стр. 208.

Въ договорахъ съ Ленскимъ Т-мъ 1890—91 гг. находимъ такое условіе: „На устройство пріемнаго покоя для рабочихъ на Мачинской резиденціи управленіе вноситъ за каждаго изъ рабочихъ по 2 р. с., каковая сумма зачитывается въ счетъ платы нашей—рабочихъ". Дѣло въ томъ, что Мачинская больница (или пріемный покой) содержалась всѣми золотопромышленниками Олекминской системы. Въ 1871 г., по ихъ постановленію, на „содержаніе и ремонтъ больницы" съ прислугою, отопленіемъ освѣщеніемъ и содержаніемъ одной лошади было опредѣлено 1500 р. [1]) Въ 1877 г. лѣкарю больницы Мачинской резиденціи было назначено 6000 р. жалованья въ годъ, съ тѣмъ, чтобы на его обязанности лежало вскрытіе труповъ. Въ 1882 г. содержаніе Мачинской больницы обходилось золотопромышленникамъ 14909 р., а въ 1883 г.—5443 р.

Въ 1888 г. на Бодайбинской резиденціи былъ устроенъ такъ называемый „пріютъ", гдѣ призрѣвались больные разныхъ компаній (черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ они разсчитались, такъ какъ до этого срока ихъ обязанъ былъ лѣчить тотъ золотопромышленникъ или та компанія, гдѣ они прежде работали). На содержаніе этого пріюта, находившагося въ непосредственномъ завѣдываніи горнаго исправника, съ рабочихъ Витимской системы ежегодно взимается по 2 р. съ каждаго, хотя въ контрактахъ объ этомъ сборѣ не упоминается и никакимъ закономъ онъ не установленъ [2]). Позднѣе на Бодайбинской резиденціи была больница, „учрежденная на средства всѣхъ золотопромышленниковъ". Въ Январѣ 1897 г. она сгорѣла [3]).

Относительно состоянія больницъ на пріискахъ Олекминскаго округа въ донесеніи горнаго исправника 1873 г. сказано: „на пріискахъ Ленскаго Т-ва, Трапезникова и КК° Базанова и Сибирякова больницы и въ минувшую операцію были таковы, что не оставляли желать ничего лучшаго. Аптеки при этихъ больницахъ не уступаютъ городскимъ, а медикаменты для нѣкоторыхъ выписываются не изъ Иркутска, а изъ Петербурга" [4]). Однако показанія рабочихъ не совпадаютъ съ оффиціальными свѣдѣніями; такъ одинъ рабочій разсказывалъ въ 1873 г., что въ больницѣ К° Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова нѣтъ „ни бѣлья, ни халатовъ: кто въ чемъ пришелъ съ работы, въ томъ и ложись

[1]) Въ постановленіи золотопромышленниковъ Олекминской системы 1874 г. сказано: „содержаніе въ центральной больницѣ больныхъ, поступающихъ на общій счетъ, должно быть принято нами по раскладкѣ съ каждаго пуда золота, включая въ это число и дѣла, участвующія въ содержаніи центральной больницы, которыя принимаютъ сумму, отнесенную на ихъ счетъ, по стоимости каждой общей поденщины". (Бумаги Субботина).

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2775, № 196—210, л. 4 об.; сравни „Вѣст. Золот." 1895 г. № 20, стр. 333.

[3]) „Вост. Об." 1894 г., № 129; „Сибирь" 1897 г., № 62.

[4]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 7 об.

на койку, на которой находится грязный, набитый залежалой соломой, матрацъ. А простынь, полотенецъ, столовой посуды для каждодневнаго употребленія для больныхъ и въ заводѣ нѣтъ. Оно, если хотите, все есть, даже другой комплектъ матрацовъ со свѣжей соломой; но все это хранится въ цейхгаузѣ на случай пріѣзда исправника. Въ 1871 г. во всей больницѣ былъ только одинъ служитель". Въ случаѣ пріѣзда исправника „выдадутъ чистое бѣлье, посуду; на кухнѣ неожиданно является капуста, говядина какъ-то иначе смотритъ" [1]). Были пріиски и совсѣмъ безъ больницъ: такъ въ 1875 г. якутскій медицинскій инспекторъ Проскуряковъ о Святителе-Иннокентіевскомъ пріискѣ Гинцбурга говоритъ, что тамъ нѣтъ ни помѣщенія для больныхъ, ни фельдшера, и онъ обязалъ управленіе немедленно устроить больницу съ полнымъ комплектомъ кроватей по положенію.

По словамъ г. Калагеорги (1882 г.), „въ Олекминской системѣ лѣченіе больныхъ обставлено такъ хорошо, что лучше и желать нельзя: на каждомъ пріискѣ имѣются просторныя больницы, содержащіяся въ большой чистотѣ; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., въ Малопатомскомъ Т-вѣ и на Константиновскомъ пріискѣ Трапезникова,—отличаются даже роскошью; бѣлье вездѣ хозяйское и имѣется въ достаточномъ количествѣ; пища улучшенная, а слабымъ больнымъ дается хорошее вино и молоко... Медицинскій персоналъ состоитъ изъ одного врача на всѣ пріиски Олекминской системы и изъ фельдшеровъ по одному при каждой больницѣ. Врачъ получаетъ 10000 р. содержанія, а фельдшера по 1000 и болѣе рублей въ годъ жалованья при полномъ содержаніи отъ управленія [2]); судя по состоянію больницъ и аптекъ, по количеству и разнообразію хирургическихъ инструментовъ и всякаго рода машинъ, а также и по содержанію, получаемому врачемъ и фельдшерами, видно, что золотопромышленники Олекминской системы не жалѣютъ средствъ на возможно лучшее устройство медицинской части. Кромѣ того здѣсь замѣтно вполнѣ человѣчное отношеніе къ людямъ, которымъ разстроенное здоровье не позволяетъ исполнять тяжелую работу: много есть рабочихъ, живущихъ на пріискахъ по нѣсколько лѣтъ, вся обязанность которыхъ заключается въ чисткѣ дворовъ и въ сторожевой службѣ. Почти въ каждой больницѣ встрѣчаются больные съ хроническими болѣзнями; они содержатся въ больницѣ по году и болѣе. Къ сожалѣнію нельзя то же самое сказать о пріискахъ Витимской системы; здѣсь исключеніе составляютъ только пріиски Сибирякова и К°, на которыхъ больные пользуются хорошимъ содержаніемъ, лѣченіемъ и уходомъ..... На Скалистомъ пріискѣ (Плетюхина?) больницы въ ужасномъ видѣ: зданіе

[1]) „Сибирь" 1873 г., № 8, стр. 1.

[2]) На пріискахъ Базилевскаго фельдшера получали по 800 р. въ годъ.

ветхое и грязное, бѣлья нѣтъ, больные лежатъ почти на голыхъ доскахъ въ своемъ грязномъ рабочемъ платьѣ... На другихъ сосѣднихъ пріискахъ больницъ нѣтъ, а заболѣвшихъ помѣщаютъ за условленную плату въ больницы Сибирякова и К° или Трапезниковыхъ на Бодайбинской резиденціи. Но здѣсь больные не могутъ быть задерживаемы противъ желанія ихъ хозяевъ и по настоянію послѣднихъ нерѣдко выписываются изъ больницъ не совсѣмъ еще выздоровѣвшими, затѣмъ разсчитываются и отправляются въ Витимъ [1]). Не будучи въ силахъ слѣдовать на мѣста жительства, они стараются пріютиться въ волостной больницѣ, назначеніе которой вовсе не составляетъ лѣченіе пріисковыхъ рабочихъ. Содержаніе больницы въ Витимѣ стоитъ крестьянскому обществу 3000 р. въ годъ, а между тѣмъ она занята исключительно оставленными безъ пріюта пріисковыми рабочими [2])... Рабочіе, не успѣвшіе наняться или не принятые по слабости здоровья, а также и разсчитанные за ненадобностью, остаются въ случаѣ болѣзни безъ призрѣнія. Витимская волостная больница, имѣющая всего восемь кроватей, не можетъ пріютить всѣхъ нуждающихся, да кромѣ того и несправедливо возлагать на крестьянъ одной Витимской волости обязанность содержать и лѣчить людей, совершенно для нихъ постороннихъ. Кромѣ волостной больницы, есть еще двѣ по сосѣдству на резиденціяхъ золотопромышленныхъ компаній, но эти больницы имѣютъ свое опредѣленное назначеніе и не могутъ быть обязательно открыты для людей постороннихъ“ [3]).

Въ 1884 г. была построена очень большая больница на Успенскомъ пріискѣ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской. Въ ней 7 комнатъ, изъ которыхъ 3 большихъ были отведены для заболѣвающихъ мужчинъ, одна для женщинъ, одна для пріемной, одна для родильницъ и одна для помѣщенія служителей, ванной и умывальной. При больницѣ находились особыя службы: кухня, прачешная, баня и подвалъ для храненія припасовъ. Больница была устроена на 39 кроватей для зимняго времени, когда больныхъ бываетъ меньше; для лѣтняго предполагалось ставить хорошо устроенныя палатки, въ которыхъ можно было помѣстить отъ 50 до 60 человѣкъ. На каждаго больного отпускалось въ сутки $1^1/_2$ ф. свѣжаго мяса, $4^5/_8$ ф. чернаго хлѣба, ка-

---

[1]) О случаяхъ смерти рабочихъ на пути, разсчитанныхъ по болѣзни, см. Ирк. Губ. Вѣд. 1872 г., № 115; „Сиб. Сбор.“ 1889 г., вып. 2, ст. Ангарскаго, стр. 63.

[2]) Тоже повторяетъ г. Ангарскій въ „Сиб. Сборн.“ 1889 г., вып. 2, стр. 47.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 45—47. Въ 1882 г. въ Витимской системѣ было шесть больницъ съ 101 кроватью, въ Олекминской 18 больницъ съ 214 кроватями. Въ 1883 г. въ Витимской системѣ 7 больницъ съ 94 кроватями; въ Олекминской 16 больницъ съ 189 кроватями, въ 1884 г. въ Олекминской системѣ было уже лишь 14 больницъ съ 145 кроватями. „Прил. 1 къ вып. 1-му Сборн. главн. докум. по упр. Вост. Сиб. т. VII“, стр. 19; отчеты о золотопр. Вост. Сиб. въ Горн. Деп.

пусты, овощей и крупъ—сколько потребуется. По свидѣтельству горнаго исправника, для трудно-больныхъ врачъ могъ требовать изъ амбара и магазина вино, бѣлый хлѣбъ, молоко, яйца и проч. Больнымъ приготовляли супъ, щи, котлеты, различное жаркое, иногда рыбу и два раза въ недѣлю давали кашу гречневую, манную или рисовую съ масломъ. Отопленіе производилось голландскими печами. Изъ другихъ промысловъ Витимской системы болѣе или менѣе правильно устроенныя больницы, хотя и маленькія, были на пріискѣ Бодайбинской К° на 10 кроватей и на нѣкоторыхъ другихъ на 4—5 кроватей. Промысла, не имѣвшія больницъ, отправляли своихъ больныхъ за извѣстную плату въ больницу Успенскаго пріиска или въ больницу той же К° на Бодайбинской резиденціи [1]). Больница Успенскаго пріиска была открыта къ пріѣзду гр. Игнатьева, перваго изъ генералъ-губернаторовъ, посѣтившаго въ 1886 г. промыслы Олекминскаго округа [2]). Мы должны засвидѣтельствовать, что больница эта устроена дѣйствительно прекрасно: большое зданіе, масса инструментовъ, вѣсы для взвѣшиванія больныхъ, хорошее бѣлье (отдѣльное для сифилитиковъ); изолированіе больныхъ заразительными болѣзнями возможно вслѣдствіе того, что есть зданіе старой больницы и бараки. Теперь въ больницѣ Успенскаго пріиска 60 кроватей. КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской имѣютъ доктора, 7 фельдшеровъ и акушерку; кромѣ того пріемный покой на Водянистомъ пріискѣ [3]). Всего на промыслахъ Олекминскаго округа было въ 1887—89 гг. слѣдующее количество больницъ. Въ 1887 г. въ Витимской системѣ было 10 больницъ съ 145 кроватями, въ Олекминской—16 больницъ съ 133 кроватями, въ 1889 г. въ Витимской системѣ было 12 больницъ съ 152 кроватями, въ Олекминской—16 больницъ съ 105 кроватями, такъ что въ общемъ хотя за это время число больницъ и увеличилось на двѣ, но число кроватей нѣсколько уменьшилось. (Въ 1887 г. 1 кровать приходилась на 40 рабочихъ об. п., въ 1889 г. на 57 ч.). На очень многихъ мелкихъ промыслахъ нѣтъ никакихъ больницъ, а если онѣ и были, то въ нихъ не было никакихъ необходимыхъ приспособленій; не было даже фельдшера [4]). Но на пріискахъ нѣкоторыхъ, болѣе крупныхъ, компаній, больницы, не говоря уже о больницѣ Успенскаго пріиска, произвели на насъ въ 1891 г. благопріятное впечатлѣніе. На Тихоно-Задонскомъ пріискѣ Ленскаго Т-ва, зданіе больницы глинобитное, въ немъ находится большой корридоръ, палаты довольно высокія, хотя расположеніе ихъ не совсѣмъ удобное.

---

[1]) Отчетъ горнаго исправника Витимской системы за 1885 г.

[2]) „Вост. Обоз.“ 1886 г., № 40, стр. 6.

[3]) „Сиб. Вѣстн.“ 1893 г., № 87; „Вост. Об.“ 1894 г., № 129.

[4]) „Памятн. книж. Якут. об. на 1891 г.“, стр. 14; „Вост. Об.“ 1886 г., № 50, стр. 10.

Впрочемъ, по словамъ доктора другой К°, зданіе это холодно. Въ этой больницѣ теперь 47 кроватей [1]). Въ больницѣ Бодайбинской К° хорошія печи изъ кирпича съ желѣзною покрышкой, камеры довольно просторныя, есть корридоръ. Но на Нижнемъ пріискѣ Базилевскаго строилась тогда „временная“ больница, весьма маленькая и неудовлетворительная, а пока былъ еще меньшій пріемный покой. На Воронцовской пристани мы нашли прекрасную больницу: нѣсколько большихъ высокихъ комнатъ, бѣлье довольно тонкое, байковыя одѣяла. Отопленіе паровое, неудобное въ томъ отношеніи, что для нагрѣванія до 14° самой большой палаты приходилось нагрѣвать первую комнату, по которой проходитъ труба; впрочемъ фельдшеръ увѣрялъ, что въ эту послѣднюю комнату больныхъ не клали. Есть особое отдѣленіе для сифилитиковъ: несмотря на то, что при наймѣ въ Витимѣ осматривали рабочихъ, попадалось на 25 больныхъ до 3-хъ сифилитиковъ. Я засталъ одного больного съ бѣльмами на глазахъ, который лѣчился уже 10-й мѣсяцъ; фельдшеръ почему-то впускалъ ему въ глаза порошокъ каломеля.

По словамъ горнаго исправника Олекминскаго округа въ донесеніи 1872 г. „вездѣ есть опытные фельдшера, но врачъ съ правомъ составленія медицинскихъ актовъ имѣется только на пріискахъ Базанова, на другихъ—врачи лишь съ правомъ пользованія“ [2]). По оффиціальнымъ отчетамъ, въ Олекминскомъ округѣ въ 1880 г. было 3 врача и 1 повивальная бабка, въ 1887 г. врачъ въ Витимской системѣ и 3 въ Олекминской (въ томъ числѣ одна женщина-врачъ), въ 1888 г. 1 врачъ въ Витимской и 2 въ Олекминской, въ 1889 г. 2 въ Витимской и 2 въ Олекминской, въ 1891 г. всего 3 врача. Такъ какъ врачи и здѣсь получаютъ жалованье отъ золотопромышленниковъ, то, какъ и вездѣ, они

---

[1]) „Вѣстн. Золотопр.“ 1895 г., стр. 398; ср. 1896 г. стр. 208.

[2]) По постановленію золотопромышленниковъ Олекминской системы лѣкарю Лозовскому за завѣдываніе Мачинскою центральною больницею было назначено жалованья съ его содержаніемъ, общественною квартирою, освѣщеніемъ и отопленіемъ 2000 р. въ годъ при особомъ фельдшерѣ, которому при его собственномъ содержаніи полагалось жалованья 600 р. въ годъ. Въ 1874 г. Мачинскою больницею завѣдывалъ уже не докторъ, а фельдшеръ. Въ 1875 г. якутскій областной медицинскій инспекторъ Проскуряковъ предложилъ „ссыльно-поселенца изъ поляковъ, завѣдывающаго центральною больницею на Мачинскихъ резиденціяхъ, Бахинкевича, какъ неимѣющаго никакого права на медицинскую практику, по неимѣнію на это доказательствъ удалить отъ должности“. Проскуряковъ отозвался съ большою похвалою о дѣятельности пріисковыхъ врачей Стоянова и Зыбина, много способствовавшихъ прекращенію оспенной эпидеміи, а также служащаго при Успенской больницѣ К° Арендаторовъ фельдшера Кокорина; послѣднему Проскуряковъ предложилъ возвратить 70 р., которые онъ истратилъ на переѣзды по тунгускимъ стойбищамъ для привитія предохранительной оспы. Въ 1877 г. центральною больницею на Мачинской резиденціи завѣдывалъ опять Лозовскій съ жалованьемъ въ 6000 р.

далеко не всегда обнаруживаютъ самостоятельность, необходимую для защиты интересовъ рабочихъ. Мы разсказывали, напр., о пріемѣ врачемъ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ испорченнаго мяса (этотъ врачъ К° Промышленности получалъ жалованья 6 или 7000 р.). Относительно этого же врача мы нашли въ дѣлопроизводствѣ витимскаго исправника такой курьезъ. Въ 1881 г. одинъ рабочій явился въ контору Бодайбинской К° съ подложной запиской о разсчетѣ. Когда его препроводили къ исправнику, послѣдній обратился къ доктору К° Промышленности съ просьбою освидѣтельствовать, можетъ ли этотъ рабочій вынести тѣлесное наказаніе: рабочій, писалъ исправникъ, „надѣлалъ пропасть пакостей; можно ли его драть?“ Докторъ на оффиціальномъ бланкѣ далъ такое заключеніе: „назвать больнымъ“ этого рабочаго нельзя, но онъ ослабленъ пьянствомъ и работой и принадлежитъ къ числу, такъ наз., „выработавшихся“ рабочихъ, которые только въ силу привычки, голода и любви къ таежной жизни берутъ на себя непосильную работу, неоффиціально же, на запискѣ исправника, далъ такой отвѣтъ карандашемъ: „полагаю, что ничего вреднаго не будетъ, если немного дадите для страху, если ужъ это нужно“, — а юмористъ-исправникъ все это подшилъ къ оффиціальному дѣлу [1]).

Фельдшеровъ въ 1887—88 гг. было въ Витимской системѣ 10, въ Олекминской 15—16; кромѣ того въ Олекминской системѣ была одна акушерка [2]). Пріисковые фельдшера далеко не всегда удовлетворяли своему назначенію. Въ 1875 г. областной медицинскій инспекторъ Проскуряковъ предложилъ проживающаго на Святителе-Иннокентіевскомъ пріискѣ Гинцбурга „въ качествѣ фельдшера Ясевича, не имѣющаго никакого свидѣтельства, а слѣдовательно и никакого права на какую бы то ни было практику, немедленно удалить отъ обязанности фельдшера“, но какъ мы уже указывали, фельдшеръ другой К° Кокоринъ удостоился лестнаго отзыва за его дѣятельность во время оспенной эпидеміи [3]).

На основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній о количествѣ заболѣвшихъ и умершихъ рабочихъ мы вычислили, что въ 1879 г. заболѣло 59%, въ 1880 г.—73%, въ 1881 г.—109% пріисковаго населенія (т.-е. нѣкоторые обращались за медицинской помощью болѣе одного раза), въ 1883 г.—84%, въ 1884 г.—67%; во второй половинѣ 80-хъ гг. забо-

[1]) Арх. Вит. Горн. Испр., дѣло 1887 г. № 19.

[2]) „Памят. книж. Якут. обл. 1891 г.“ стр. 114. Въ 1877 г. акушерка получала отъ золотопромышленниковъ 1200 р. жалованья при готовой пищѣ и квартирѣ. Въ 1888 г. акушерка была и въ Витимской системѣ.

[3]) Въ 1882 г. на фельдшера Кокорина (не извѣстно того ли же) жаловались рабочіе Благовѣщенскаго пріиска Прибрежно-Витимской К° во время слѣдствія о волненіи на этомъ пріискѣ.

лѣваемость была значительно ниже: въ 1887 г.—49%, въ 1888 г.—34%, въ 1889 г.—35%. Такимъ образомъ заболѣваемость представляла значительныя колебанія. Напротивъ, смертность отъ болѣзни и несчастныхъ случаевъ постепенно понижалась; въ 1879 г. она равнялась 13-ти человѣкамъ на 1000 душъ пріисковаго населенія, въ 1880—81 г.—11 чел. на 1000, въ 1882—83 г.—10, въ 1884 г.—9 и въ 1887 г.—8 человѣкъ на тысячу [1]).

Въ оффиціальныхъ отчетахъ, а также и въ отчетахъ отдѣльныхъ пріисковыхъ управленій мы встрѣчаемъ данныя о количествѣ больныхъ поденщинъ. Въ 1881 г. въ Витимской системѣ больныя поденщины составляли 2,1% всѣхъ поденщинъ, въ Олекминской системѣ 4,2%, въ 1882 г. въ Витимской системѣ 1,1%, въ Олекминской 3,5%, въ 1883 г. въ Витимской 1,7%, въ Олекминской 4,5%; слѣдовательно въ Олекминской системѣ количество больныхъ поденщинъ приблизительно вдвое или втрое превышаетъ количество такихъ же поденщинъ въ Витимской системѣ [2]). Та же разница видна и въ данныхъ отдѣльныхъ компаній: такъ въ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской (Витимской системы) больныя поденщины въ 1881—90 гг. составляли отъ 1—2, 6% всѣхъ поденщинъ [3]), а на пріискахъ Ѳ. Базилевскаго (Олекминской системы) въ 1877—83 гг. отъ 2,8 до 4%, въ Малопатомскомъ Т-вѣ въ 1880—83 гг. 3,7—4,8%. Впрочемъ въ Ленскомъ Т-вѣ въ операцію 1893—94 г. больныя поденщины составляли только 1,4% [4]).

Данныя о различныхъ „происшествіяхъ“, по терминологіи пріисковыхъ отчетовъ, за 14 лѣтъ (1873, 1875—87 гг.) приведены нами въ особой таблицѣ [5]), и изъ нихъ не легко выдѣлить несчастные случаи во время работъ отъ происшедшихъ внѣ работъ; такіе термины, какъ „угорѣвшіе до смерти“—38 человѣкъ [6]), „задавленные обваломъ“—18 человѣкъ, „смертные случаи во время работъ“—6 человѣкъ, „умершіе отъ взрыва пороха“—2 человѣка, „ушибленные при работахъ“—71 человѣкъ—сомнѣнія не возбуждаютъ, но, напр., „замерзшіе“—4 человѣка, „нечаянные смертные случаи“—43 человѣка—термины, недостаточно опредѣленные.

О несчастныхъ случаяхъ съ 1888 г. подробныхъ свѣдѣній не имѣемъ, извѣстно только, что въ 1892 г. въ Ленскомъ горномъ округѣ

---

[1]) Смотри табл. въ *Дополненіи XVI.*

[2]) „Прил. II къ вып. 1 сборн. глав. оф. докум. по управ. Вост. Сиб.“, т. VII 1885 г., Иркутскъ.

[3]) На основаніи данныхъ, сообщенныхъ докторомъ Рабиновичемъ.

[4]) Матер., сообщ. Л. Ѳ. Пантелѣевымъ; „Вѣст. Золот.“ 1896 г., стр. 174.

[5]) См. *Дополненіе XV.*

[6]) Хотя часть ихъ угорѣла и при кражѣ песковъ. См. отчетъ *Шестакова* въ „Прил. 1-мъ къ вып. 1-му сбор. оф. докум.“, стр. 31.

было 25 несчастныхъ случаевъ; изъ нихъ 12 со смертельнымъ исходомъ. При взрывахъ пострадали 4, отъ обваловъ 5 (изъ нихъ 2 умерли), упали въ выработки 4, причемъ 2 убились до смерти, остальные пострадали главнымъ образомъ отъ угара [1]). Въ 1894 г. въ томъ же горномъ округѣ было 33 несчастныхъ случая, изъ нихъ 8 со смертельнымъ исходомъ; въ 1895 г. 34 случая, изъ нихъ 11 со смертельнымъ исходомъ [2]).

Относительно вознагражденія за увѣчья мы имѣемъ очень мало свѣдѣній, такъ какъ къ сожалѣнію объ этомъ почему-то вовсе не упоминается въ отчетахъ горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ. Относительно первой половины 70-хъ гг. мы не встрѣтили ни одного упоминанія о вознагражденіи за увѣчья. Что они были не въ обычаѣ, видно и изъ того, что мѣстная администрація даже указывала, что слѣдовало бы установить такія вознагражденія [3]). Между тѣмъ уже правилами о наймѣ рабочихъ 1870 г. (п. 14-й) предписывалась выдача тройной за весь наемный срокъ платы въ случаѣ смерти или тяжкаго увѣчья рабочаго вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ предписанныхъ въ законѣ мѣръ предосторожности. Въ отчетѣ Прибрежно-Витимской К° за 1882 г. мы находимъ уже упоминаніе о „выдачѣ вознагражденія получившимъ увѣчья"—675 р. [4]). Окружной инженеръ Олекминскаго округа въ отчетѣ за 1883 г. говоритъ: „большую пользу въ этомъ дѣлѣ могло бы принести установленіе денежныхъ вознагражденій въ пользу самихъ пострадавшихъ или ихъ наслѣдниковъ, такъ какъ подобная мѣра, кромѣ справедливости относительно рабочаго, служила бы еще и побужденіемъ для пріисковыхъ управленій къ тщательному и исправному исполненію установленныхъ правительствомъ правилъ о производствѣ горныхъ работъ и употребленіи взрывчатыхъ матеріаловъ" [5]). Такимъ образомъ окружной инженеръ не зналъ даже правилъ о наймѣ рабочихъ 1870 г., которыми въ это время регулировались отношенія золотопромышленниковъ къ рабочимъ. Понятно, что этотъ законъ плохо соблюдался. Начальникъ иркутскаго

---

[1]) Въ числѣ пострадавшихъ—4 служащихъ, изъ нихъ одинъ угорѣвшій до смерти. „Вѣст. Золот." 1883 г., № 2, стр. 31. О смерти многихъ рабочихъ отъ угара въ шахтѣ въ 1891 г. см. *O. O.* Sibirische Briefe, S. 284—286.

[2]) „Вѣст. Золот." 1895 г., стр. 394; 1897 г., стр. 81.

[3]) Такъ якутскій губернаторъ въ замѣчаніяхъ на проектъ нормальнаго контракта Винникова 1874 г. предлагалъ включить постановленіе о томъ, что „за поврежденія членовъ рабочихъ полагается особая плата, а при смертныхъ случаяхъ (которые не разъ бывали) вознаграждать родственниковъ, буде есть таковые, приличнымъ вознагражденіемъ". Арх. ирк. гор. упр. К. 2566, № 206—152, л. 38.

[4]) Арх. К° Промышл., № 1147.

[5]) Отч. *М. Шестакова* (стр. 30) въ „Прил. 1, къ вып. 1-му Сборн. оф. докум. по упр. Вост. Сиб. т. VII", 1884 г.

жандармскаго управленія, который въ то время также былъ обязанъ наблюдать за пріисками, лучше зналъ законы. Въ своемъ отчетѣ за 1883 г. онъ говоритъ: „Что касается до вознагражденія изувѣченныхъ на работѣ наемщиковъ, сдѣлавшихся неспособными къ снисканію пропитанія трудомъ, равно семействъ убитыхъ, вознагражденія выдачею со счета золотопромышленниковъ тройной за весь наемный срокъ платы, а при легкомъ увѣчьѣ излѣченія въ пріисковыхъ лазаретахъ, то, на основаніи 14-й ст. правилъ о наймѣ, подобныя вознагражденія дѣлаются только въ случаяхъ непринятія промышленниками предписанныхъ мѣръ предосторожности при веденіи работъ, и при томъ по удостовѣренію ближайшаго врача и мѣстнаго исправника или по рѣшенію судебныхъ мѣстъ. А какъ по селеніямъ и городамъ нерѣдко встрѣчаются искалѣченные въ пріисковыхъ работахъ люди и обезображенные при порохострѣльныхъ работахъ, а также пріобрѣвшіе неизлѣчимыя хроническія болѣзни, то мы придемъ къ заключенію, что положеніе этихъ тружениковъ заслуживаетъ полнаго вниманія“ [1]). По словамъ г. Калагеорги (1882 г.) на олекминскихъ промыслахъ рабочимъ, получившимъ увѣчья на работахъ, выдавалось единовременное вспомоществованіе отъ 50 до 250 р.; за послѣднія передъ тѣмъ 5 лѣтъ были выданы пособія 47 чел., всего 5620 р. [2]), т.-е. въ среднемъ на каждаго почти по 120 р.

Въ отчетахъ горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ не приводится данныхъ о вознагражденіи за увѣчья; это тѣмъ болѣе странно, что въ архивѣ Витимскаго горнаго исправника мы встрѣтили особыя дѣла (напр. 1887 и 90 гг.) „о рабочихъ, получившихъ вознагражденія за увѣчья на работахъ и вывезенныхъ съ промысловъ по трудно излѣчимымъ болѣзнямъ“.

Изъ одного такого дѣла мы выписываемъ всѣ случаи вознагражденія за увѣчья въ Витимской системѣ въ теченіе 1887 г.: 1) одному рабочему К° Промышленности упавшею землею переломлена нога, что вызвало ея ампутацію; ему выдано вознагражденіе въ размѣрѣ тройной годичной платы, считая по 300 р. въ годъ, т.-е. всего 900 р., и даны средства на проѣздъ до Киренска. 2) Рабочій К° Промышленности упалъ въ шахту, вышибленный бадьею; лѣчился 15 мѣсяцевъ; дано вознагражденія 500 р. 3) „Ушибъ“ праваго глаза динамитомъ; рабочій этотъ получилъ: пособія 150 р., 32 р. 90 к. платы за 47 дней, проведенныхъ въ больницѣ, и списано со счетовъ пріисковому управленію до 100 р. 4) За переломъ ключицы, излѣченный въ больницѣ К° Промышленности, не дано никакого вознагражденія. 5) У рабочаго К° Базилевскаго поврежденія динамитомъ, которыя были излѣчены; пособія 366 р. 6) Изувѣчена рука рабочаго Бодайбинской К°; выданъ годичный заработокъ—900 р. 7) Рабочій К° Промышленности. Переломъ ноги; лѣчился 8 мѣсяцевъ; выдано пособія 300 р.; даровой проѣздъ на пароходѣ и списанъ долгъ въ 25 р. 8) Рабочій К° Промышленности; пораненіе динамитомъ;

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 15 об.
[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 46.

лѣчился 12 дней и выздоровѣлъ; пособіе въ 300 р. и за лежаніе въ больницѣ 98 р. Въ подобномъ же дѣлѣ витимскаго горнаго исправника 1890 г. максимальное вознагражденіе также равнялось 900 р. [1]). Въ контрактѣ Ленскаго Т-ва 1890—91 гг. мы находимъ такое условіе относительно вознагражденія за время лежанія въ больницѣ: „Если бы кто-либо изъ рабочихъ во время производства работъ получилъ ушибъ или легкое увѣчье по причинамъ, не зависящимъ отъ него самого, то управленіе выдаетъ ему за все время лѣченія, кромѣ продовольствія, по 50 к. (въ день), въ случаѣ, если бы онъ не могъ производить работы. Но ленскій окружной инженеръ считалъ нормальнымъ вознагражденіе по одному рублю въ день. [2]). Во время посѣщенія пріисковъ въ 1891 г. мы также слышали, что въ случаѣ увѣчій, по крайней мѣрѣ въ болѣе порядочныхъ КК°, и е ли окружной инженеръ дастъ заключеніе, что это несчастіе произошло по винѣ хозяевъ,—увѣчному рабочему или семьѣ умершаго дается пособіе отъ 150 до 900 р. [3]). Въ операцію 1890—91 г. въ Витимской системѣ 14 рабочихъ, какъ сообщилъ мнѣ окружной инженеръ Штраусъ, получили вознагражденія болѣе 6000 р., т.-е. въ среднемъ 428 р. Одного изъ этихъ рабочихъ, пострадавшаго при обвалѣ избушки, которую имъ велѣно было разбирать, мы встрѣтили на пароходѣ при выѣздѣ изъ Олекминскаго округа. Онъ получилъ отъ Бодайбинской К° прогоны сверхъ билета на пароходъ, который выдается всѣмъ рабочимъ, 50 р., платы подсчитано за время лѣченія (по одному руб. въ день) 39 р. и выдано пособія 90 р., итого 179 р., кромѣ того 2 ф. сахару, 1 ф. табаку, рубашка и шаровары, которые въ счетъ ему не поставлены, и до Бодайбинской системы онъ былъ отправленъ на лошади. Врачъ далъ заключеніе, что онъ можетъ поправиться черезъ 3 мѣсяца, но рабочій просилъ отпустить его во время общаго разсчета, не желая возвращаться зимнимъ путемъ. Такъ какъ рабочій этотъ возбуждалъ сожалѣніе, то я написалъ мѣстному окружному инженеру и просилъ выхлопотать ему прибавку и получилъ отвѣтъ, что Бодайбинская К° согласилась прибавить ему 60 рублей.

На собраніи довѣренныхъ золотопромышленниковъ, если не ошибаемся, Олекминской системы, въ 1881 г., было постановлено отчислять извѣстное количество денегъ съ пуда золота на вспомоществованіе пострадавшихъ рабочихъ, но мы не знаемъ, было ли оно утверждено хозяевами пріисковъ; во всякомъ случаѣ дѣло помощи пострадавшимъ рабочимъ можетъ быть правильно организовано здѣсь, какъ и вездѣ, только законодательнымъ путемъ, несмотря даже на громадное пожертвованіе съ этою цѣлью въ 1894 г. (420.000 р.) Иннокент. Мих. Сибиряковымъ (см. ниже) [4]).

Кромѣ рабочихъ, получившихъ увѣчья, а также семей убитыхъ

---

[1]) Арх. витим. горн. испр. 1887 г. № 34, 1890 г. № 23.

[2]) „Вѣстн. Золотопр.“ 1897 г., стр. 117.

[3]) Иногда получившіе увѣчья, по словамъ г. Кряжева, оставляются на пріискахъ караульными. „Русск. Жизнь“ 1894 г. № 44.

[4]) Теперь начинаетъ входить въ обычай страхованіе рабочихъ въ страховыхъ обществахъ: такъ на Ленскихъ золотыхъ пріискахъ въ страховомъ обществѣ „Россія“ застраховано рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ на 200,000 руб. „Томск. Лист.„ 1897 г. № 41.

или умершихъ отъ болѣзней на промыслахъ, заслуживаютъ участія также рабочіе „выработавшіеся“, т.-е. потерявшіе силу на пріисковыхъ работахъ (изъ капитала имени М. А. Сибирякова предполагается оказывать помощь и такимъ рабочимъ). Витимскій горный исправникъ въ въ отчетѣ за 1887 г. говоритъ: „Побѣги съ промысловъ рабочихъ и уклоненія ихъ отъ работъ нерѣдко совершаются рабочими, негодными по своимъ силамъ къ пріисковому труду, рабочими, такъ сказать, выработавшимися, что является результатомъ долгой жизни въ тайгѣ и непосильной физической работы въ теченіе одного-двухъ десятковъ лѣтъ. Люди эти, положительно отвыкшіе отъ сельской жизни, составляютъ съ каждымъ годомъ все большій и большій по количеству пріисковый пролетаріатъ и, такъ сказать, язву здѣшнихъ мѣстъ“ [1]). При неудовлетворительныхъ помѣщеніяхъ, не вполнѣ достаточномъ питаніи и тяжелой работѣ рабочіе скоро „вырабатываются“. По словамъ доктора Рабиновича, работающіе нѣсколько лѣтъ сряду вырабатываются лѣтъ въ 5. Поэтому является вполнѣ понятнымъ и законнымъ послѣ 2—3 лѣтъ пріисковой работы желаніе выйти на время или навсегда изъ тайги. Одни уходятъ на родину, другіе, пробывъ нѣкоторое время въ Витимѣ, вновь возвращаются въ тайгу. Въ настоящее время одряхлѣвшихъ рабочихъ содержатъ крестьяне. На пути на олекминскіе промыслы мы слышали на Ленѣ разсказъ одного крестьянина о томъ, какъ имъ приходится возиться съ бывшими пріисковыми рабочими, теперь уже совершенно состарившимися. Одинъ такой старикъ сначала пасъ у нихъ овецъ, но затѣмъ до того одряхлѣлъ, что его съ трудомъ переводили изъ одной избы въ другую и держали столько дней, сколько душъ во дворѣ. Этотъ несчастный былъ до того покрытъ вшами, что къ нему было страшно прикоснуться, и онъ заражалъ ими дѣтей. Такія тяготы должно было бы снять съ неповинныхъ крестьянъ и возложить содержаніе одряхлѣвшихъ пріисковыхъ рабочихъ на золотопромышленниковъ. Витимскій горный исправникъ, указавъ на увеличеніе количества выработавшихся рабочихъ, въ отчетѣ за 1887 г. говоритъ: „Къ искорененію этого зла и на помощь этимъ несчастнымъ людямъ, отдавшимъ золотопромышленникамъ единственное свое достояніе—здоровье и физическую силу, должны бы явиться тѣ же золотопромышленники, но къ сожалѣнію въ этомъ отношеніи не только пока ничего не сдѣлано, но даже и вопроса не возникаетъ. Единственная К° Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова нѣсколько лѣтъ тому назадъ устроила въ Киренскомъ округѣ, недалеко отъ с. Витима, богадѣльню, въ которой проживаютъ и прокармливаются человѣкъ до десяти разслабленныхъ, параличныхъ и увѣчныхъ рабочихъ“.

[1]) Арх. витимск. горн. исправн.

Въ 1880 г. якутскій губернаторъ Черняевъ, увидѣвъ изъ отчета витимскаго горнаго исправника, что на золотыхъ промыслахъ нѣтъ никакихъ школъ, „хотя количество пригодныхъ къ обученію дѣтей значительно", просилъ исправника доставить свои соображенія о томъ, сколько школъ нужно для витимскихъ промысловъ и гдѣ можно ихъ устроить. Горный исправникъ донесъ, что, по его мнѣнію, главная потребность въ школѣ чувствуется на промыслахъ Успенскомъ К° Промышленности и Благовѣщенскомъ Прибрежно-Витимской К°. Дождавшись пріѣзда одного изъ пайщиковъ этой К°—Нѣмчинова и уполномоченнаго Черныхъ, горный исправникъ пригласилъ ихъ, въ присутствіи управляющихъ промыслами и мѣстнаго священника, всесторонне обсудить этотъ вопросъ. Оказалось, что самое большое число дѣтей, а именно 194, находилось въ то время на двухъ вышеупомянутыхъ пріискахъ, въ томъ числѣ старше семилѣтняго возраста 40 человѣкъ (все неграмотные), и такъ какъ оба эти пріиска находятся по сосѣдству другъ съ другомъ, то слѣдовательно и необходимо здѣсь устроить школу. Нѣмчиновъ изъявилъ согласіе какъ на постройку зданія для училища, такъ и на содержаніе учителя или учительницы на счетъ К°. Что касается объема преподаванія въ училищѣ, то участвующіе въ совѣщаніи выразили желаніе, чтобы дѣти могли подготовляться въ немъ къ поступленію въ первый классъ уѣзднаго или техническаго училища. На счетъ К° было выстроено большое деревянное зданіе для помѣщенія школы съ квартирою учительницы и, по полученіи разрѣшенія на открытіе школы по программѣ народныхъ училищъ, въ январѣ 1881 г. началось преподаваніе; въ школу поступили приходящими 22 мальчика и 12 дѣвочекъ [1]). Въ 1882 г. въ ней обучалось 29 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ (послѣднія были дѣти служащихъ, а мальчики—на половину рабочихъ). Дѣти, въ возрастѣ отъ 7 до 13 лѣтъ, обучались Закону Божію, русскому языку, ариѳметикѣ, географіи, нѣкоторымъ свѣдѣніямъ изъ русской исторіи и чистописанію, а вновь поступающіе—письму, чтенію и ариѳметикѣ [2]). Учащіеся раздѣлялись на 4 группы, такъ какъ учительскій персоналъ увеличился помощницей учительницы, которая занималась съ приготовительною группою. Пріемъ въ школу былъ 2 раза въ годъ, въ октябрѣ и мартѣ: съ 10-го сентября производится разсчетъ съ рабочими и наемъ новыхъ, въ началѣ марта нанимаютъ еще новыхъ рабочихъ; поэтому пріемъ и былъ установленъ на 1-ое октября и 10-е марта, когда выясняется, кто изъ семейныхъ рабочихъ и служащихъ, дѣти которыхъ могутъ поступить въ школу, остаются на пріискѣ. Въ первыхъ числахъ іюня производятся экзамены, и съ

[1]) Арх. Витим. Горн. Испр. дѣло № 45.
[2]) Арх. К° Промышленности № 1147.

10-го іюня до 15-го августа бывали каникулы. Въ январѣ 1883 г. въ школѣ было 41 учащійся, въ январѣ 1885 г.—28 человѣкъ. Многимъ мѣшало окончить курсъ ученія оставленіе промысловъ ихъ родителями [1]). Въ отчетѣ ленскаго окружного инженера за 1889 г. упоминается еще о другомъ училищѣ на промыслахъ Ленскаго округа, а именно, въ Малопатомскомъ Т-вѣ, но въ томъ же году оно было закрыто „вслѣдствіе упадка дѣлъ Т-ва“ [2]). Изъ доставленнаго намъ отчета о школѣ К° Промышленности за 1889—90 учебный годъ видно, что къ 1-му января 1890 г. учащихся было 22 дѣвочки и 21 мальчикъ. Окончательные экзамены въ маѣ сдали только 2 дѣвочки. Въ октябрѣ того же года было 50 учащихся. Весь курсъ ученія разсчитывается на $3^1/_2$ г. За все время существованія училища выпущено было вполнѣ грамотныхъ учениковъ 35 человѣкъ; чаще кончаютъ курсъ дѣти служащихъ, такъ какъ родители ихъ живутъ подолгу на промыслахъ. Самое большое разстояніе, которое долженъ былъ проходить ученикъ изъ дому до школы, равнялось $2^1/_2$ верстамъ. Изъ дѣтей инородцевъ въ теченіе 10 лѣтъ существованія школы училось 3, изъ которыхъ одинъ прошелъ полный курсъ. Содержаніе училища стоило К° въ 1890 г. 4795 руб. При посѣщеніи нами школы въ 1891 г., дѣти учились въ 2 большихъ комнатахъ. Младшимъ отдѣленіемъ руководила опытная учительница, бывшая слушательница высшихъ женскихъ курсовъ, г-жа Попова, преподававшая до того въ разныхъ школахъ Восточной Сибири (она скоро оставила преподаваніе въ этой школѣ), а старшимъ—ея помощница. При школѣ есть библіотечка, пожертвованная И. М. Сибиряковымъ [3]).

Школа для дѣтей рабочихъ есть теперь также въ Бодайбинской К°. Въ 1891 г. устроена школа и Ленскимъ Т-вомъ, при чемъ въ этомъ послѣднемъ, по совѣщанію съ представителями рабочихъ разныхъ пріисковъ Т-ва, рѣшено было устроить интернатъ для дѣтей рабочихъ на деньги, пожертвованныя служащими, полученныя отъ благотворительнаго спектакля и перечисленныя изъ штрафного капитала. Въ школѣ Ленскаго Т-ва преподавателемъ состоитъ учитель, окончившій курсъ учительской семинаріи. Посѣщеніе школы безплатное; учебныя пособія выдаются также безплатно; а въ концѣ учебнаго года учебники предоставляются въ собственность учениковъ; программа преподаванія та же, что въ министерскихъ начальныхъ школахъ. На содержаніе школы Ленское Т-во ежегодно отпу-

[1]) „Восточ. Обозр.“ 1886 г., № 30, стр. 9.

[2]) Дѣло канцеляріи Ирк. Горн. Управ. № 39, л. 213 об.; „Памят. Книж. Якут. обл. на 1891 г.“, стр. 117.

[3]) Доставленіемъ отчета за 1890 г. мы обязаны г-жѣ Поповой. Ср. „Восточ. Обоз.“ 1894 г., № 129.

скаетъ до 3 тыс. рублей. Въ 1894—95 г. было 27 учащихся, — 22 мальчика и 5 дѣвочекъ (изъ нихъ 20 дѣтей рабочихъ). Зданіе для интерната было открыто въ ноябрѣ 1896 г., а до тѣхъ поръ управленіе Т-ва помѣщало учениковъ съ дальнихъ пріисковъ у рабочихъ Тихоно-Задонскаго пріиска, которымъ платило за содержаніе пансіонеровъ изъ капитала интерната по 10 руб. въ мѣсяцъ. Въ 1896 г. здѣсь была открыта и воскресная школа, которая, однако, влачитъ жалкое существованіе: въ первое время явилось семь рабочихъ, но и то пятеро изъ нихъ постепенно выбыли [1]).

При школѣ Ленскаго Т-ва открыта библіотека о двухъ отдѣленіяхъ: первое назначается преимущественно для служащихъ съ подписной цѣной по 50 коп. въ мѣсяцъ; второе—для рабочихъ; оно заключаетъ въ себѣ преимущественно книги для народнаго чтенія, изданія „дешевой библіотеки“ и проч.; во второмъ отдѣлѣ числилось 1229 книгъ при 1180 названіяхъ; книги эти выдаются для чтенія безплатно. На главномъ пріискѣ есть читальный залъ для рабочихъ, а для живущихъ на другихъ пріискахъ Т-ва книги разсылаются по пріискамъ. Года два тому назадъ начала устраивать библіотеку для рабочихъ и Бодайбинская К° [2]).

Въ 1896 г. въ Ленскомъ Т-вѣ были открыты чтенія для рабочихъ. Главноуправляющій пріисками Грауманъ выписалъ волшебный фонарь и туманныя картины: къ сожалѣнію большинство картинъ оказалось мало пригодными для народныхъ чтеній. Вслѣдствіе этого была выписана новая коллекція, при чемъ уже обратились къ болѣе добросовѣстной и понимающей дѣло фирмѣ. Въ первой половинѣ 1896 г. чтенія происходили только на главномъ Тихоно-Задонскомъ пріискѣ Ленскаго Т-ва. Изъ 200 рабочихъ, жившихъ на этомъ пріискѣ, на чтеніяхъ бывало только 20 — 30 человѣкъ, что объясняли неимѣніемъ хорошихъ, интересныхъ картинъ среди выписанныхъ въ первый разъ. Легкія беллетристическія произведенія слушались охотно, и рабочіе были видимо довольны такимъ времяпрепровожденіемъ. Зимою 1896—7 г. число посѣтителей значительно увеличилось и доходило до 150 — 170 чел. [3]). Бодайбинская К° въ началѣ 1897 г. также выписала волшебный фонарь и предполагала устроить воскресныя чтенія для рабочихъ [4]). Всѣ эти мѣры для поднятія умственнаго уровня рабочихъ сдѣлались возможными и плодотворными лишь съ установленіемъ по закону 1895 г.

---

[1]) „Восточ. Обозр.“ 1894 г. № 21, 1895 г. № 22 и 23; „Вѣст. Золот.“ 1895 г. № 7, стр. 127, 1896 г., стр. 209, 217, 1897 г. стр. 457.

[2]) „Вѣст. Золот.“ 1895 г., стр. 127, 1896 г., стр. 209; „Восточ. Обозр.“ 1895 г. № 22, стр. 2.

[3]) „Вост. Об“ 1896 г. № 49; „Вѣст. Золот.“ 1896 г., стр. 217, 1897 г. стр. 457.

[4]) „Сибирь“ 1897 г. № 62.

общихъ воскресныхъ отдыховъ зимою, лѣтомъ же и теперь отдыхи бываютъ не общіе, а очередные, и потому въ такіе дни невозможны общія разумныя развлеченія.

На Прокопьевскомъ пріискѣ Бодайбинской К° были даны зимой 1895 г. 2 безплатныхъ спектакля для рабочихъ. Въ Ленскомъ Т-вѣ въ день Св. Тихона Задонскаго (пріисковый праздникъ) было гулянье для рабочихъ. Въ 1896 г. на томъ же пріискѣ давались любительскіе спектакли для рабочихъ въ помѣщеніи училища [1]). Въ Бодайбинской К° зимою 1896—97 г. допускались рабочіе на генеральныя репетиціи любительскихъ спектаклей, и даже устраивались спектакли исключительно для рабочихъ,—въ томъ и другомъ случаѣ безплатно. 26-го декабря 1896 г. давали Островскаго „Свои люди—сочтемся“, а на маслянницѣ 1897 г. какой-то фарсъ. Народу было каждый разъ очень много, и залъ, разсчитанный на 200 человѣкъ, не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ. Зрители вели себя образцово и остались очень довольны доставленнымъ имъ удовольствіемъ [2]). Въ 1892 г. на пріискахъ Ленскаго Т-ва и Бодайбинской К° были устроены елки для дѣтей рабочихъ [3]).

Въ 1879 г. на промыслахъ Олекминскаго округа была 1 церковь, въ 1882 г. 5 церквей, въ концѣ 80-хъ гг. три церкви и три часовни (приписныхъ церквей); церкви и причтъ содержались на счетъ пріисковыхъ К°. Причты исполняли требы и у окрестныхъ инородцевъ; для исполненія требъ католиковъ пріѣзжалъ ксендзъ [4]). Но обязательныя

---

[1]) „Вост. Об.“ 1895 г. № 148; „Новое Время“ 1896 г. № 7397.

[2]) „Сибирь“ 1897 г. № 62. Вниманіе къ рабочимъ начинаетъ проявляться и въ кое-какихъ другихъ фактахъ, хотя бы и довольно ничтожныхъ. Въ Ленскомъ Т-вѣ на Пасху 1891 г. было устроено общее розговенье по окончаніи церковной службы. „Сравнительно небольшой расходъ,—по 50 к. на чел.,—кромѣ водки, вызвалъ и ежегодно вызываетъ искреннюю благодарность“. По поводу этой пріисковой идилліи лицо, очевидно близкое къ пріисковому управленію, замѣчаетъ: „какъ мало надо заботиться о рабочемъ людѣ, чтобы получить его признательность“ („Вѣсти. Золотопр.“ 1895 г., стр. 128, 1896 г., стр. 217). Мы думаемъ однако, что это розговенье не уничтожило неудовольствія, причиненнаго штрафами, которые доходили тогда въ этой К° за нѣкоторыя провинности до 25—50 р. съ человѣка.

[3]) „Вѣст. Золот.“ 1895 г. № 7, стр. 127.

[4]) Отчеты о золотопромышленности Вост. Сибири въ Горномъ Департаментѣ; „Приложеніе первое къ вып. 1 сборника оффиц. докум. т. VII“, отчетъ гор. отд. Главнаго Управленія Восточной Сибири за 1882 г., стр. 21; „Памят. книж. Якут. обл. на 1891 г., стр. 116. Въ 1871 г. священнику при Мачинской церкви полагалось жалованья „съ содержаніемъ и причетникомъ 1200 р. въ годъ при готовой квартирѣ“. Въ 1877 г. ему полагалось „съ содержаніемъ себя, причетника и караульнаго 1500 р.“; расходы по содержанію священника распредѣлялись по количеству получаемаго золота (бумаги г. Субботина). Въ 1882 г. содержаніе священника стоило золотопромышленникамъ Олекминской системы 4958 р., въ 1883 г.—священника 6 тыс. руб. и Мачинской часовни и причта 2320 р. (Матеріалы, сооб. Л. Ѳ. Пантелѣевымъ).

работы въ воскресные дни отучили рабочихъ отъ посѣщенія церквей. Бывшій начальникъ иркутскаго горнаго управленія г. Карпинскій говоритъ: „Нѣкоторые рабочіе, нанимаясь ежегодно на пріиски, по 15 лѣтъ не бывали въ церкви“ [1]). Не давая рабочимъ воскреснаго отдыха и такимъ образомъ отучивъ ихъ отъ церкви, золотопромышленники однако сами обвиняютъ ихъ въ отсутствіи религіозности: такъ, по словамъ олекминскихъ золотопромышленниковъ въ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ (1887 г.), „мнѣнія нѣкоторыхъ моралистовъ о томъ, что отдыхи въ праздничные и воскресные дни послужатъ къ поднятію религіознаго уровня среди пріисковыхъ рабочихъ,—шатки и бездоказательны.... Явленіе обыкновенное на пріискахъ, что храмъ Божій, даже въ такіе дни, какъ Рождество и Воскресеніе Христово, посѣщается самымъ незначительнымъ процентомъ рабочихъ людей“. „Въ зимнюю операцію“, продолжаютъ они, „праздники—это дни разгула, пьянства, картежной игры, дракъ и т. п....“—„Чтобы поднять нравственность“ пріисковаго люда, „нужны мѣры радикальныя“ [2]). Такими радикальными мѣрами и должно быть уменьшеніе продолжительности рабочаго дня, установленіе празднованія воскресеній не только зимою, но и лѣтомъ и устройство разумныхъ развлеченій. Когда Ленское Т-во замѣнило лѣтніе очередные отдыхи общими, то рабочіе стали усердно посѣщать церковь [3]). Установленіе празднованія воскресеній необходимо не только для подъема умственнаго и нравственнаго уровня пріисковыхъ рабочихъ, но и для спасенія ихъ физическаго здоровья, гибнущаго отъ непосильнаго труда; воскресный отдыхъ лѣтомъ особенно необходимъ въ виду непомѣрнаго напряженія силъ рабочихъ на пріискахъ въ это время.

Мы приводили выше постановленія контрактовъ, обязывавшія рабочихъ хорошо вести себя на пріискахъ. Само собою разумѣется, что при значительномъ скопленіи рабочихъ на промыслахъ не могло не случаться нарушеній установленныхъ правилъ. Наиболѣе обыкновенными проступками олекминскій горный исправникъ (въ отчетѣ за 1873 г.) считаетъ: „уклоненіе отъ работъ (не всегда отъ лѣни, иногда отъ усталости), грубость служащимъ (нерѣдко вызываемая и послѣдними), пьянство (иногда по винѣ самого управленія, дозволяющаго пьющему выпить за непьющаго, или отъ поднесенія спиртоносами), несвоевременная сдача подъемнаго золота (не всегда въ видахъ утайки, а чаще, чтобы, не дѣлясь съ артелью найденнымъ, получить за него что либо подъ выписку)“. Это, по словамъ исправника,—„такіе проступки, кото-

[1]) „Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1886 г. т. XVII, № 3—4.
[2]) Дѣло канцеляріи ирк. горн. управ. № 14, т. II.
[3]) „Вѣст. Золот.“ 1895 г., стр. 127.

рые существуютъ съ начала открытія олекминскихъ пріисковъ и неизбѣжны въ семитысячной массѣ народа, большую половину которыхъ составляютъ все уже испытавшіе поселенцы, которымъ ни терять нечего, ни пріобрѣтать не для кого, и для которыхъ день окончанія работъ есть вмѣстѣ и день кабалы на новый тяжкій трудъ“ [1]).

За утайку золота рабочимъ грозило по договорамъ лишеніе вознагражденія за него и уголовное преслѣдованіе, судъ и взысканіе по законамъ. Уголовное преслѣдованіе грозило также за растрату хозяйскаго имущества и нѣкоторые другіе проступки. На пріискахъ же примѣнялись слѣдующія наказанія: тѣлесное наказаніе, арестъ, штрафы, лишеніе винныхъ порцій, перемѣщеніе на другую—хуже оплачиваемую—работу, досрочный разсчетъ и выдвореніе изъ тайги, внесеніе въ списки неподлежащихъ наемкѣ на пріиски.

Для наказанія рабочихъ за маловажные проступки законъ требовалъ учрежденія на пріискахъ артельныхъ расправъ; о нихъ упоминается въ нѣкоторыхъ контрактахъ (напр., К° Арендаторовъ 1875 г., Плетюхина 1889 г.). Въ донесеніи олекминскаго горнаго исправника 1872 г. упоминается о существованіи артельныхъ расправъ, хотя и прибавлено, что онѣ „дѣйствуютъ не только снисходительно, но и съ явною поблажкой виновнымъ, страхъ мести которыхъ парализуетъ рѣшеніе выборныхъ“ [2]). Но уже въ 1876 г., во время слѣдствія о волненіи рабочихъ на пріискахъ К° Базанова, оказалось, что тамъ не было артельныхъ расправъ. То же было замѣчено и во время слѣдствія о волненіи 1882 г. на Благовѣщенскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К°, гдѣ наказаніе рабочихъ за маловажные проступки налагалось не артельною расправою, а пріисковою полиціею. Управляющій промыслами показалъ, что „установленный порядокъ артельной расправы былъ примѣняемъ на здѣшнихъ промыслахъ, но оказался неудовлетворительнымъ, а потому нигдѣ на промыслахъ не существуетъ“ [3]). Изъ одного дѣла витимскаго горнаго исправника 1885 г. видно, что штрафныя книги партіонныхъ расправъ возвращались или совершенно чистыми, или налагался арестъ въ 1—3 дня по распоряженію урядника [4]).

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2560, № 130—184, л. 9.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2549, № 126—71, л. 464. На пріискахъ Базанова въ 1872 г. рабочіе отказались замѣнить выборнаго, которымъ было не довольно пріисковое управленіе, другимъ. На основаніи штрафныхъ журналовъ (розданныхъ горн. исправникомъ для записыванія полицейскихъ взысканій за маловажные проступки) въ операцію 1873 г. олекминскій горный исправникъ подсчиталъ, что изъ 8070 всѣхъ пріисковыхъ рабочихъ было подвергнуто на пріискахъ полицейскимъ взысканіямъ 314 чел. (неизвѣстно, — сколько по приговору артельныхъ расправъ и сколько по усмотрѣнію полицейскихъ властей). Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2560, № 130—184, л. 86.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2578, № 215—269, л. 20; К. 2766, № 47—39, л. 66.

[4]) Арх. Витим. Горн. Испр., 1875 г., № 34.

Вѣроятно потому, что во время слѣдствія о волненіи 1882 г. на Благовѣщенскомъ пріискѣ было замѣчено отсутствіе артельныхъ или партіонныхъ расправъ, циркулярнымъ предписаніемъ генералъ-губернатора Восточной Сибири (22 февраля 1883 г.) было потребовано, чтобы наказанія на пріискахъ за маловажные проступки налагались по приговору этихъ расправъ, учрежденіе которыхъ и было поэтому предписано якутскимъ губернаторомъ горнымъ исправникамъ.

При введеніи ихъ горные исправники встрѣтили нѣкоторыя затрудненія; такъ, витимскій исправникъ донесъ, что, хотя нѣкоторыя артельныя расправы и были выбраны, но практическаго примѣненія онѣ не имѣли. Далѣе, указавъ на то, что на пріискахъ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской сосредоточено до 2000 чел. рабочихъ, горный исправникъ спрашивалъ, на сколько партій слѣдовало раздѣлить всю эту рабочую команду, и должна ли быть избрана на всѣхъ рабочихъ одна партіонная расправа или въ каждой партіи особо. Онъ спрашивалъ также, должно ли посылать на работу старостъ и выборныхъ, составляющихъ расправу, такъ какъ они могутъ быть постоянно заняты разбирательствомъ жалобъ и назначеніемъ наказаній; наконецъ, обязательно ли для КК° предписаніе учреждать артели, такъ какъ законъ не обязываетъ золотопромышленниковъ имѣть ихъ, а только „дозволяется“ имъ раздѣлять на партіи и учреждать артели для удобнѣйшаго производства работъ. Исправникъ Олекминской системы въ 1884 г. указалъ на то, что по закону партіонной расправѣ предоставляется право подвергать рабочихъ по словесному приговору за маловажные проступки денежному взысканію (до 3 р.), аресту (до семи дней) или наказанію розгами до 20 ударовъ. „Въ числѣ же пріисковыхъ рабочихъ преобладаетъ элементъ ссыльныхъ и преимущественно поселенцы [1]) или лица, не одобренныя по суду въ поведеніи, то при выборномъ началѣ число голосовъ ссыльныхъ всегда будетъ имѣть перевѣсъ противъ числа голосовъ лицъ полноправныхъ. Затѣмъ по приговору поселенцевъ будутъ наказываться лица полноправныя — крестьяне, мѣщане и нерѣдко (?) почетные граждане и дворяне. Образованіе же этими послѣдними особой партіонной расправы съ выборными изъ своей среды не всегда возможно, особенно на такихъ пріискахъ, производительность которыхъ требуетъ незначительнаго количества рабочихъ рукъ. Между тѣмъ циркуляромъ генералъ-губернатора 22 февраля 1883 г. „воспрещается подвергать рабочихъ, если они не изъ поселенцевъ, тѣлесному наказанію, а предписывается производить о ихъ поступкахъ изслѣдованіе и предавать виновныхъ суду. По приведенному же порядку выбора представителей партіонныхъ расправъ... легко можетъ случиться, что расправа приговоритъ къ наказанію такое лицо, которое по закону отъ этого наказанія изъято“. Вслѣдствіе этого горный исправникъ просилъ разъяснить: „должны ли существовать въ партіонныхъ расправахъ сословныя различія, или же въ этихъ случаяхъ“, при свободномъ выборномъ началѣ, они „не должны быть принимаемы въ уваженіе при опредѣленіи за проступокъ наказаній. Если сословное различіе должно существовать и въ партіонныхъ расправахъ, то какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда артель, выбравшая изъ среды своей представителей, будетъ состоять изъ лицъ различныхъ сословій, а представителями будутъ ссыльные“.

[1]) Это не справедливо: въ 1884 г. ссыльнопоселенцы составляли только 37% рабочихъ на олекминскихъ промыслахъ.

Общее присутствіе областного якутскаго управленія нашло, что по точному смыслу 10 ст. правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы „для золотопромышленниковъ не обязательно раздѣленіе своихъ пріисковыхъ рабочихъ на партіи съ учрежденіемъ партіонныхъ расправъ, но лишь въ интересахъ самихъ же золотопромышленниковъ законъ предоставляетъ имъ введеніе на пріискахъ этого порядка; на сколько же партій должна быть раздѣлена рабочая команда, въ каждой ли партіи должна быть своя расправа, а также должны ли задолжаться въ работу староста и выборные расправы,—въ законѣ нѣтъ указаній, потому что все это зависитъ отъ золотопромышленниковъ. Что же касается до вопроса о томъ, должны ли подчиняться приговорамъ расправы какъ ссыльно-поселенцы, такъ и лица свободнаго состоянія, и при опредѣленіи тѣлеснаго наказанія слѣдуетъ ли принимать во вниманіе сословное различіе рабочихъ, то, по мнѣнію общаго присутствія, рабочіе—ссыльно-поселенцы не должны входить въ составъ расправы, образуемой для рабочихъ свободныхъ состояній, но могутъ имѣть свою расправу, назначаемую изъ среды ссыльно-поселенцевъ. Наказаніе же за маловажные проступки налагается или расправой, гдѣ таковая будетъ учреждена, или же въ подлежащемъ случаѣ горнымъ исправникомъ“. Постановленіе это было утверждено губернаторомъ въ сентябрѣ 1885 г. и сообщено пріисковой полиціи.

Во время посѣщенія въ 1886 г. пріисковъ Олекминскаго округа генералъ-губернаторъ Восточной Сибири гр. Игнатьевъ обратилъ вниманіе на то, что циркуляръ бывшаго генералъ-губернатора отъ 22-го февраля 1883 г. объ учрежденіи артельныхъ расправъ остался неисполненнымъ, и что постановленіе по этому предмету якутскаго областного совѣта не было представлено на разсмотрѣніе Главнаго Управленія Восточной Сибири. Указывая на это якутскому губернатору, гр. Игнатьевъ (19-го августа 1886 г.) писалъ: „Между тѣмъ вопросъ объ устройствѣ партіонныхъ расправъ имѣетъ весьма серьезное значеніе въ установленіи должнаго порядка между пріисковыми рабочими, и разрѣшеніемъ его въ положительномъ смыслѣ могли быть устранены постоянныя недоразумѣнія, возникающія между пріисковыми управленіями и рабочими. О всѣхъ этихъ недоразумѣніяхъ сообщается горному исправнику, который или уклоняется отъ разрѣшенія ихъ, или иногда собственною властью налагаетъ на рабочихъ взысканія“ [1]).

На это новый якутскій губернаторъ Свѣтлицкій отъ 31 іюля 1887 г. отвѣчалъ: „Горный исправникъ Олекминской системы, подполковникъ Калагеорги, донесъ мнѣ нынѣ, что партіонныя расправы на золотыхъ

[1]) При отсутствіи артельныхъ расправъ наказанія всегда назначались пріисковою полиціей.

пріискахъ никогда не существовали; на нѣкоторыхъ пріискахъ при предмѣстникахъ его сдѣланы были попытки введенія расправъ, и назначены были выборные судьи, но проба эта не удалась. Судьи, отговариваясь необходимостью заниматься разборомъ дѣлъ, на работу не выходили, что̀ вызывало протестъ со стороны пріисковыхъ управленій; эти выборные сразу почувствовали себя въ ложномъ положеніи: завися отъ пріисковыхъ управленій и зная, что во всякое время могутъ быть уволены, они старались заискивать предъ управляющими и жаловаться на своихъ товарищей, объясняя, что ничего не могутъ сдѣлать, что боятся примѣнять наказанія, въ виду получаемыхъ ими угрозъ; съ другой стороны они жаловались рабочимъ на пріисковыя управленія. Такимъ образомъ, вмѣсто пользы для дѣла, они только разжигали страсти и усложняли взаимное отношеніе управленій съ рабочими. Долго ли это длилось, ему неизвѣстно, такъ какъ, вступивъ въ должность въ 1884 г., онъ партіонныхъ расправъ уже не засталъ, хотя приложилъ старанія ввести ихъ, пробовалъ при ссорахъ между собою рабочихъ или мужа съ женой передавать разборъ дѣла выборнымъ на этотъ случай нѣсколькимъ человѣкамъ изъ рабочихъ, но всегда получалъ съ ихъ стороны отказъ, причемъ они заявляли, что судить своего брата не могутъ, и что на это есть начальство.... Онъ собиралъ рабочихъ и объяснялъ имъ пользу для нихъ отъ введенія расправъ, но всѣ доводы его были безуспѣшны; точно также и предмѣстники его въ Олекминской системѣ старались ввести партіонныя расправы и также ничего сдѣлать не могли". На основаніи этого донесенія горнаго исправника Свѣтлицкій высказывалъ мнѣніе, что „ввести партіонныя расправы на золотыхъ пріискахъ не представляется возможности" [1]). Артельныхъ расправъ не существовало и въ началѣ 90-хъ гг.

О тѣлесныхъ наказаніяхъ рабочихъ упоминается въ нѣкоторыхъ контрактахъ. Такъ въ договорахъ Базилевскаго 70-хъ и 80-хъ гг. послѣ упоминанія объ обязательствѣ рабочихъ хорошо вести себя на пріискахъ, далѣе сказано: „въ противномъ случаѣ подвергаемся штрафу на основаніи сего контракта, полицейскому исправленію и наказанію по закону"; въ нѣсколькихъ контрактахъ за побѣгъ полагалось исправительное наказаніе [2]). Золотопромышленники очень оплакивали запрещеніе горнымъ исправникамъ подвергать тѣлесному наказанію полноправныхъ рабочихъ-крестьянъ, мѣщанъ и пр. „Не мало было въ теченіе операціи ропота и на то, что уничтожилась мѣра взысканія съ мѣщанъ и крестъ-

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2773, № 150—139, л. 22, 54—55, 59—61.

[2]) Договоры Трапезниковыхъ 70-хъ гг., Аканакъ-Накатаминскаго Т-ва 1886 г., К° Промышленности до 1887 г. Въ отчетѣ Витимскаго горнаго исправника за 1875 г. упоминается о полиц. исправленіи, „т.-е. тѣлесномъ наказаніи рабочихъ за утайку подъемнаго золота". Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 93.

янъ, которою руководствовались мои предшественники", доносилъ генералъ-губернатору олекминскій горный исправникъ въ октябрѣ 1872 г., „и необходимость которой въ нѣкоторыхъ случаяхъ признаю и я, тѣмъ болѣе что Горнымъ Уставомъ предоставлена же она партіонной расправѣ". Но тутъ же горный исправникъ напоминаетъ о такихъ пріисковыхъ порядкахъ: „долго всякая жалоба управленій служила поводомъ къ немедленному наказанію и постоянному обвиненію рабочаго люда" [1]). Какъ сильно желали олекминскіе золотопромышленники расширенія тѣлесныхъ наказаній на пріискахъ, видно изъ заявленія, поданнаго ими въ комитетъ, учрежденный въ 1873 г. въ Иркутскѣ, въ которомъ они, между прочимъ, просили—„въ случаѣ, если рабочій сдѣлаетъ болѣе важный проступокъ, дозволить уряднику, не дожидаясь пріѣзда горнаго исправника, наказывать виновныхъ розгами. Какъ управляющій, такъ и урядникъ должны записывать въ штрафной журналъ имя виновнаго рабочаго, проступокъ и наказаніе, ими сдѣланное, и на обязанности горнаго исправника—слѣдить, справедливо, или нѣтъ, сдѣлано наказаніе, и въ случаѣ, если управляющій пріискомъ или урядникъ сдѣлаютъ несоотвѣтственное винѣ наказаніе или накажутъ невиннаго, то взыскивать съ нихъ по закону. Для того же, чтобы рабочіе знали, что управляющій и урядникъ имѣютъ право подвергать ихъ наказаніямъ, объявить о томъ командѣ циркуляромъ до начала лѣтнихъ работъ". По этому поводу исправникъ Лукьяновъ пояснилъ, что „наказаніе розгами поселенцевъ производилось и ранѣе, производится и теперь старшимъ урядникомъ съ занесеніемъ въ штрафной журналъ... Взысканіе это должно оставаться и на будущее время" [2]).

Главною причиною волненія на пріискахъ К° Базанова въ 1876 г. было, по словамъ рабочихъ, „несправедливо строгое обращеніе съ ними" горнаго исправника Попова [3]). Во время слѣдствія о волненіи 1882 г. на Благовѣщенскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К° одинъ рабочій показалъ, что управленіе назначало рабочимъ слѣдующія наказанія: арестъ въ арестантской казачьей, розги и штрафъ. Бывало такъ, что „непринятаго въ больницу рабочаго отсылаютъ въ казачью; тамъ продержатъ въ карцерѣ нѣсколько дней и иногда высѣкутъ, а управленіе съ своей стороны за дни, проведенные подъ арестомъ, пишетъ штрафъ, какъ за самовольный прогулъ; случается и такъ: больной рабочій, не принятый въ больницу, боясь попасть въ казачью и быть наказаннымъ, уходитъ лѣтомъ въ лѣсъ и лежитъ тамъ, пока поправится, причемъ отлучка сама собою пишется штрафомъ". Рабочій жаловался также на

---

[1]) Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 464.
[2]) Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2544, № 48—103, л. 148, 151 об.
[3]) Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2578, № 215—269, л. 19.

„дерзкое обращеніе урядника Нѣмчинова съ рабочими", которое „давно породило къ нему ненависть... Онъ, кромѣ ареста, продолжающагося иногда по нѣскольку дней, и наказанія розгами, постоянно и крѣпко билъ рабочихъ собственноручно, приказывалъ рабочему, кромѣ наказанія арестомъ, чистить ретирады, около помѣщенія рабочихъ: такое наказаніе считается у рабочихъ постыднымъ". Полицейскіе казаки подъ присягой показали, что урядникъ Нѣмчиновъ „дерзко обращался съ рабочими: билъ арестованныхъ и наказывалъ ихъ розгами до 50 ударовъ". Изъ штрафного журнала, выданнаго уряднику Благовѣщенскаго пріиска, видно, что рабочіе подвергались наказанію розгами даже до 100 ударовъ, аресту болѣе семи дней и вмѣстѣ съ тѣмъ штрафу. При этомъ бывали случаи одновременнаго наказанія арестомъ на хлѣбѣ и водѣ на трое сутокъ и розгами (по приказанію горнаго исправника) не только поселенцевъ, но и полноправнаго крестьянина. Урядникъ Нѣмчиновъ показалъ, что подвергалъ рабочихъ аресту „по словесному приказанію надворнаго" (т.-е. пріисковаго служащаго), „и отъ нихъ зависѣло назначать срокъ содержанія подъ арестомъ (!) [1]); наказаніе же розгами производилъ только по распоряженію исправника. По поводу жалобъ рабочихъ на то, что нѣкоторыхъ арестованныхъ онъ заставлялъ чистить отхожія мѣста, Нѣмчиновъ заявилъ, что дѣлалъ это не по собственному усмотрѣнію, а по распоряженію исправника *или промысловаго управленія*. „По запискамъ исправника дѣйствительно управленіе штрафовало виновныхъ рабочихъ деньгами помимо ареста. Бывали случаи, что арестовалъ рабочихъ по приказанію смотрителей разрѣзовъ, надворныхъ и другихъ служащихъ (!) и на другой день утромъ отводилъ „на работу" и по требованію смотрителей вновь водилъ въ карцеръ подъ арестъ, который продолжался иногда по нѣскольку дней, но объ этомъ докладывалъ исправнику" [2]). Мы видимъ такимъ образомъ, что за отсутствіемъ артельныхъ расправъ на промыслахъ царилъ произволъ пріисковыхъ управленій, прикрытыхъ властью экономически зависящихъ отъ нихъ горныхъ исправниковъ и полицейскихъ урядниковъ.

Аврамовъ въ своей книгѣ, изданной въ 1884 г., говоритъ (стр. 120), что тѣлесное наказаніе рѣдко практиковалось. Это справедливо относительно Витимской системы, когда горнымъ исправникомъ въ ней былъ г. Калагеорги, дѣйствительно чувствовавшій отвращеніе къ этому способу расправы [3]). Но дѣло совершенно измѣнилось съ назначеніемъ при

---

[1]) Между тѣмъ законъ не предоставлялъ пріисковому управленію права наказывать рабочихъ, на что обратилъ вниманіе еще полк. Купенковъ въ 1872 г. Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2544, № 48—103, л. 136.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2766, № 47—39, л. 58—65, 250—262.

[3]) Въ дѣлѣ 1885 г. (при Калагеорги, о наказаніи рабочихъ за маловажные

гр. Игнатьевѣ витимскимъ горнымъ исправникомъ бывшаго гвардейскаго офицера (кавалергарда) Траскина, который запугалъ рабочихъ такъ, что при разговорѣ съ нимъ они кланялись ему въ ноги. Въ Сибири народъ зоветъ чиновника бариномъ; тутъ эта кличка дѣйствительно вполнѣ оправдывалась. Траскинъ, который, вслѣдствіе своей чрезмѣрной полноты, не могъ даже, какъ слѣдуетъ, исполнять своихъ обязанностей,—не могъ спускаться въ шахту и ѣздить верхомъ,—нещадно сѣкъ рабочихъ, не различая крестьянъ и поселенцевъ, хотя первые по закону избавлены отъ тѣлесныхъ наказаній. Прежде онъ не безпокоился даже составлять каждый разъ по этому поводу постановленіе, какъ этого требуетъ законъ, такъ что эта небрежность вызвала ему замѣчаніе со стороны иркутскаго генералъ-губернатора А. Д. Горемыкина во время посѣщенія имъ олекминскихъ промысловъ въ 1890 г. Онъ давалъ иной разъ поселенцамъ до 200 ударовъ розгами.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы приведемъ выписки изъ подлинныхъ дѣлъ витимскаго горнаго исправника. Въ дѣлѣ 1888 г. читаемъ, что урядникъ Малышевъ представляетъ 12 ноября на „зависящее распоряженіе“ горнаго исправника 6 чел. рабочихъ „Кулагина съ товарищами.., взятыхъ на Николае-Иннокентіевскомъ пріискѣ Аристархова... за хищничество золота, и Кулагина за побѣгъ съ пути слѣдованія“. Надпись горнаго исправника: „высл.(аны) на Витимъ“. Всѣ они были поселенцы и безъ вида. Противъ именъ ихъ краснымъ карандашемъ выставлены цифры. Противъ имени Кулагина цифра 200, противъ остальныхъ 100 (розогъ). Въ томъ же дѣлѣ находимъ, что управляющій Ленинскимъ пріискомъ Бодайбинской К° представляетъ горному исправнику двухъ рабочихъ этого пріиска: поселенца Зуева и *изъ крестьянъ* Сысоева съ жалобою на „уклончивость отъ работъ и неявку на оныя подъ предлогомъ болѣзни“ и съ просьбою взыскать съ этихъ рабочихъ по закону и затѣмъ прислать обратно на пріискъ. Надпись исправника: „выпороли и выгнали вонъ“, т.-е. изъ тайги (31 декабря 1888 г.); формальнаго постановленія о наказаніи нѣтъ. Тутъ мы видимъ, слѣдовательно, случай наказанія розгами полноправнаго рабочаго изъ крестьянъ.

Въ дѣлѣ архива витимскаго исправника 1889 г. (№ 19) „о взысканіяхъ, налагаемыхъ горнымъ исправникомъ за маловажные проступки“, опять встрѣчаемся съ именемъ поселенца Кулагина въ отношеніи исправника Траскина фельдшеру: „Прошу васъ освидѣтельствовать посылаемаго при семъ поселенца Алексѣя Кулагина, можетъ ли онъ вынести тѣлесное наказаніе въ количествѣ 100 ударовъ розогъ, и меня на семъ же увѣдомить“. Фельдшеръ извѣщаетъ, что можетъ. Этимъ и ограничивается дѣлопроизводство о наказаніи Кулагина. На такое безпорядочное веденіе дѣла исправникомъ Траскинымъ обратили вниманіе лица, производившія ревизію дѣлъ исправника при посѣщеніи пріисковъ генералъ-губернаторомъ А. Д. Горемыкинымъ въ 1890 г.

Въ подобномъ же дѣлѣ витимскаго горнаго исправника 1890 г. (№ 28) встрѣчаемъ тѣлесныя наказанія за слѣдующіе проступки: за праздношательство, за самовольную отлучку съ пріиска (*крестьянина и рядового*), за невыходъ на

проступки) мы нашли только одно постановленіе, имъ подписанное, о наказаніи рабочаго 10 ударами розогъ. Арх. Витим. Горн. Исправ. дѣло 1885 г. № 34.

работу (*мѣщанина*), одного рабочаго „за возмущеніе работающей съ нимъ артели въ числѣ 10 чел. и похвальбу, что онъ сдѣлаетъ то, что вся команда не будетъ зарабатывать заданнаго урока“; наконецъ было произведено наказаніе „за полное неповиновеніе полицейской власти и подстрекательство къ тому другихъ рабочихъ“. Всего въ дѣлѣ 1890 г. упомянуто о наказаніи 44 человѣкъ, но всѣ ли это наказанные [1])? Вѣроятно не всѣ, по крайней мѣрѣ въ другомъ дѣлѣ того же 1890 г. [2]) мы встрѣтили тѣлесное наказаніе *крестьянина* за то, что вывалилъ таратайку „на зло“ около самаго забоя [3]). Въ моемъ присутствіи бывшій горный исправникъ г. Калагеорги и мѣстный докторъ нападали на Траскина за чрезмѣрное сѣченіе рабочихъ, а тотъ напомнилъ доктору, что онъ самъ однажды прислалъ ему рабочаго для тѣлеснаго наказанія. Другой докторъ на олекминскихъ пріискахъ сообщилъ мнѣ, что однажды послалъ къ горному исправнику для сѣченія рабочаго, упорно притворявшагося больнымъ.

Несмотря на неблагопріятные для него результаты ревизіи 1891 г., Траскинъ до 1894 г. оставался горнымъ исправникомъ, да и то не былъ удаленъ со службы (какъ удаленъ тогда же горный инженеръ), а переведенъ на мѣсто иркутскаго окружного исправника, впрочемъ менѣе выгодное [4]). И послѣ всѣхъ своихъ подвиговъ по части сѣченія рабочихъ Траскинъ, въ опроверженіе одной корреспонденціи, писалъ слѣдующее: „прежніе бунты въ тайгѣ, когда она далеко была не такъ многолюдна, и когда рабочіе были гораздо смирнѣе, осязательно доказываютъ, что изображать какого-то Нерона, Калигулу и т. п. весьма рискованно; здѣсь надо большую волю и твердый характеръ, чтобы довести рабочихъ до полнаго довѣрія къ исправнику. За шесть лѣтъ моего пребыванія здѣсь въ тайгѣ не было случая, чтобы при недоразумѣніяхъ съ управленіями рабочіе сами бы не требовали вызова исправника. И всегда все приводилось ко взаимному соглашенію. Я думаю, что этого не было бы, если бы исправникъ былъ такъ глупъ, что, входя въ тысячную толпу, крикнулъ бы: „розогъ“. *Да причемъ тутъ розги?*“ [5]). Вызовъ рабочими горнаго исправника рѣшительно ничего не доказываетъ, такъ какъ въ тайгѣ, на нѣсколько сотъ верстъ отстоящей отъ жилыхъ мѣстъ, вызвать, въ случаѣ столкновенія съ пріисковыми управленіями, рѣшительно болѣе некого; о розгахъ же г. Траскину ужъ лучше было бы не упоминать, хотя дѣйствительно

---

[1]) Въ нашемъ присутствіи мѣстный врачъ сказалъ горному исправнику (въ 1891 г.), что изъ казачьей на Бодайбинской резиденціи чуть не ежедневно слышатся стоны.

[2]) „О разрѣшеніи недоразумѣній между рабочими и пріисковыми управленіями“ (№ 24, л. 7).

[3]) О тѣлесномъ наказіи полноправныхъ рабочихъ свидѣтельствуетъ и г. Кряжевъ въ „Рус. Жизни“ 1894 г. № 4.

[4]) Вскорѣ послѣ того Траскинъ оставилъ службу въ Сибири.

[5]) „Восточ. Обозр.“ 1894 г. № 9, стр. 2.

онъ прибѣгалъ къ тѣлесному наказанію не въ присутствіи тысячной толпы, что было бы не совсѣмъ безопасно, а у себя на Бодайбинской резиденціи.

Въ послѣднее время стало возростать у рабочихъ чувство собственнаго достоинства, что объясняется увеличеніемъ количества полноправныхъ рабочихъ, и тѣлесныя наказанія начинаютъ вызывать среди нихъ энергическій протестъ. По словамъ одной сибирской газеты, эти „новыя вѣянія“ проникли въ тайгу, акклиматизировались въ ней не по почину откуда-либо извнѣ, а какъ-то сами собой, и проникли непосредственно въ среду рабочихъ, вызвавъ съ ихъ стороны ко всѣмъ подобнымъ варварствамъ оппозицію, хотя, быть можетъ, и несознательную, а инстинктивную, исходящую изъ того же „права сильнаго“, оппозицію, возникшую изъ пока еще смутнаго сознанія рабочихъ, что на пріискахъ они „сила“, такъ какъ ихъ много, масса. И дѣйствительно, всѣ примѣры подобной оппозиціи носятъ на себѣ характеръ артельный, хотя, конечно, встрѣчаются и единичные, но тѣмъ не менѣе довольно внушительные и поучительные примѣры“ [1]).

Въ запискѣ, поданной въ иркутскій комитетъ 1873 года, олекминскіе золотопромышленники говорятъ: „Чтобы прекратить буйства и неповиновеніе рабочихъ, необходимо разрѣшить управляющимъ пріисками подвергать рабочихъ за ослушаніе, невыходъ на работы, уклоненіе отъ работъ, пьянство, грубости, лѣность, картежную игру и т. п. проступки аресту въ карцерахъ на время отъ 3 до 5 дней. При этомъ дозволить арестовывать, какъ поселенцевъ, такъ и крестьянъ, и мѣщанъ. Безъ этого прекратить безпорядки немыслимо, и, если теперь не будутъ приняты строгія мѣры, то пріискамъ грозитъ въ будущемъ болѣе худшее положеніе дѣлъ. Крестьяне и мѣщане сознаютъ вполнѣ, что въ настоящее время всѣ проступки ихъ проходятъ безнаказанно, и потому безпорядки на пріискахъ съ каждымъ годомъ увеличиваются. Мѣщане и крестьяне—главные зачинщики тѣхъ безпорядковъ“. На это горный исправникъ Лукьяновъ замѣтилъ, что „аресты рабочихъ, по заявленію управляющихъ, исполняются и нынѣ..., только аресты эти продолжаются не болѣе дня или двухъ“ [2]).

Въ донесеніи генералъ-губернатору въ 1873 г. олекминскій горный исправникъ говоритъ: „устройство одиночныхъ карцеровъ, на которое сначала глядѣли съ сомнѣніемъ, принесло такую пользу, что провинившіеся согласны были лучше быть наказанными розгами, нежели подвергнуться заключенію въ нихъ“ [3]). Въ одномъ оффиціальномъ источ-

---

[1]) „Сибир. Вѣст.“ 1892 г. № 51.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2544, № 48—103, л. 148, 151.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130 — 184, л. 9. Въ дѣлѣ о волненіи на

никѣ мы находимъ указаніе, что „въ Олекминской системѣ, гдѣ работающихся пріисковъ не болѣе 25 и золотопромышленныхъ КК° только 16, устройство одиночныхъ карцеровъ достигало своей цѣли главнымъ образомъ потому, что самые дальніе пріиски находились отъ резиденціи исправника въ 35 верстахъ, всѣ прочіе расположены вокругъ нея на разстояніи 3—16 верстъ, а потому и присылка провинившихся рабочихъ не отнимала много времени. Пріиски Витимской системы хотя и отдалены на 90 верстъ, но тамъ постоянно жилъ казачій офицеръ, который до изданія инструкціи горнымъ исправникамъ 1874 г., „по распоряженію исправника, могъ, при обнаруженіи со стороны рабочихъ предосудительныхъ проступковъ, употреблять—какъ мѣру взысканія—одиночное заключеніе и доносить о томъ исправнику“ [1]). Въ 1875 г. сенатъ отмѣнилъ распоряженіе объ учрежденіи карцеровъ на золотыхъ пріискахъ (см. гл. II, стр. 30), но они продолжали существовать. При арестованіи рабочихъ въ „каталажкѣ“ (пріисковое названіе карцера) давали, по словамъ Аврамова, горячую пищу черезъ 2 дня въ 3-й (стр. 121), но въ штрафномъ журналѣ урядника Нѣмчинова Благовѣщенскаго пріиска Прибрежно-Витимской К° (1880—82 гг.), гдѣ записывались аресты и тѣлесныя наказанія рабочихъ, мы встрѣтили случай арестованія ихъ на хлѣбѣ и водѣ въ теченіе 9 сутокъ [2]). Мы видѣли выше, что на этомъ пріискѣ арестъ не всегда освобождалъ отъ тѣлеснаго наказанія за тотъ же проступокъ.

Во время поѣздки на олекминскіе промыслы генералъ-губернатора гр. Игнатьева въ 1886 г. и производства ревизіи дѣлъ горнаго исправника Витимской и Олекминской системъ „при осмотрѣ ревизующими арестантскихъ камеръ при казачьемъ помѣщеніи въ мѣстѣ пребыванія горнаго исправника въ нихъ оказалось 15 чел. арестованныхъ“, причемъ нѣкоторые изъ нихъ „содержались въ ножныхъ кандалахъ, но постановленій объ арестованіи ихъ не составлено, и слѣдственныхъ дѣлъ о нихъ у исправника не было“ [3]).

пріискахъ Базанова 1876 г. есть указаніе на арестованіе рабочихъ за кормленіе лошадей кусками хлѣба, отпускаемаго на продовольствіе этихъ рабочихъ. Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2578, № 215—269, л. 19.

[1]) Арх. Горн. Испр. Енис. системы, 1873 г. № 10.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2766, № 47—39, л. 253.

[3]) На сдѣланное по этому поводу замѣчаніе, вызванное заявленіемъ нѣкоторыхъ арестованныхъ о неправильномъ ихъ задержаніи, подполк. Калагеорги (горный исправникъ) „объяснилъ, что скопленіе арестантовъ произошло вслѣдствіе выѣзда его изъ резиденціи на пріиски К° Сибирякова для окончанія слѣдствій. По его словамъ, двое изъ арестованныхъ... подвергнуты аресту управленіемъ пріисковъ Малопатомскаго Т-ва за уклоненіе отъ работъ, а крестьянинъ Серебренниковъ закованъ въ кандалы въ виду обвиненія въ спиртоносничествѣ, но что ему неизвѣстно, кто распорядился ихъ задержаніемъ, такъ какъ бумагъ о нихъ еще не получилъ“.

„Вообще было замѣчено“, продолжаетъ гр. Игнатьевъ въ отношеніи къ якутскому губернатору, „что на пріискахъ и въ другихъ камерахъ при казачьихъ арестанты содержатся по нѣскольку дней безъ всякихъ постановленій, хотя о всѣхъ лицахъ, содержащихся подъ стражей за уголовныя преступленія, исправникъ ежемѣсячно представляетъ въ якутское областное правленіе вѣдомости съ указаніемъ, когда и за что арестованы, и въ какомъ положеніи дѣло находится; но сколько ежемѣсячно арестуется рабочихъ за лѣность, пьянство и ослушаніе промысловыми управленіями, а также какому они подвергаются за это взысканію и по чьему распоряженію,—свѣдѣній объ этомъ въ дѣлахъ исправника не имѣется... Отсутствіе какого-либо въ этомъ отношеніи порядка установило полный произволъ промысловыхъ управленій, требованія которыхъ о задержаніи рабочихъ подъ стражею исполняются урядниками безпрекословно, и рабочіе, какъ было замѣчено, содержатся иногда по этимъ требованіямъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени до тѣхъ поръ, пока исправникъ не выдастъ имъ путевого вида для слѣдованія къ мѣсту приписки. Хотя горный исправникъ Калагеорги и заявлялъ, что онъ всегда лично разбираетъ каждую жалобу пріисковаго управленія на рабочихъ, но, за отсутствіемъ въ дѣлахъ его подобныхъ производствъ, трудно судить, насколько удовлетворяютъ справедливости производимыя имъ разбирательства“ [1]).

Золотопромышленники въ договорахъ съ рабочими всегда предоставляли себѣ право разсчитывать ихъ до срока найма по своему усмотрѣнію. Чиновникъ, производившій слѣдствіе по поводу волненія рабочихъ въ 1882 г. на Благовѣщенскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К°, нашелъ, что разсчитываніе рабочихъ производится иногда неправильно, что управленіе можетъ разсчитать рабочаго за основательную жалобу на служащаго, „словомъ, рабочій не можетъ ручаться, что на завтрашній день будетъ имѣть работу и заработокъ“. Наконецъ, по словамъ того же слѣдователя разсчитываніе рабочихъ, „убившихъ здоровье на тяжелыхъ пріисковыхъ работахъ, здѣсь вещь обыкновенная; заболѣлъ рабочій, разъ-два побывалъ въ больницѣ, и если докторъ найдетъ, что здоровье плохо, и работникъ не надеженъ, то такового разсчитываютъ и, не снабжая никакими пособіями, отправляютъ на Ленскую резиденцію“ [2]).

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2773, № 150—139, л. 21—23.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2766, № 47—39, л. 58, 60, 135. По словамъ мѣстной газеты, К° Сибирякова и Базанова разсчитывала рабочихъ „за малѣйшіе проступки“. Былъ даже такой случай: „управляющій пароходствомъ“ этой К° „Г—въ идетъ по разрѣзу; одинъ рабочій, снявъ шапку, называетъ его по имени и отчеству и раскланивается“. На вопросъ управляющаго, какъ онъ знаетъ его,—рабочій отвѣчалъ, что знаетъ его съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ еще нарядчикомъ. „Черезъ сутки рабо-

Одинъ служащій этой компаніи, разсказывая намъ про бывшаго управляющаго С—ва, называлъ его „варваромъ", такъ какъ ему ничего не стоило сразу разсчитать сто человѣкъ. Бывшій начальникъ иркутскаго горнаго управленія также свидѣтельствуетъ о досрочномъ разсчетѣ рабочихъ „иногда за самые маловажные проступки" [1]). Иной разъ разсчитывали рабочихъ безъ всякой вины съ ихъ стороны, только потому, что разсчеты хозяевъ на предполагавшуюся добычу золота не осуществились и нанятыхъ рабочихъ оказывалось слишкомъ много; „этотъ порядокъ заведенъ давно и предосудительнымъ не считается" [2]). По словамъ г. Михайлова, „рабочихъ до срока всегда разсчитывается весьма значительное число. На одномъ изъ пріисковъ, представляющемъ всѣ характерныя явленія олекминской тайги, удалось" (во время поѣздки иркутскаго генералъ-губернатора въ 1890 г.) „извлечь изъ дѣлъ свѣдѣнія о движеніи пріисковаго рабочаго населенія за три года (1887—89 гг.). Оказалось, что изъ всего числа рабочихъ (въ среднемъ за три года 1489 чел.) 25,8% получили разсчетъ до срока контракта „по лѣности и другимъ причинамъ"; 4,1% по неспособности къ горнымъ работамъ; 1,4% за грубость и дерзости и 2,6% за торговлю спиртомъ и нетрезвое поведеніе; 3,5% разсчитались до срока по собственному желанію.

Досрочный разсчетъ тѣмъ болѣе ужасенъ для рабочаго, что такъ какъ тайга считается нежилымъ мѣстомъ, то рабочіе, не нанятые ни на какихъ промыслахъ, выдворяются изъ нея въ первое жилое мѣсто.

Въ 1883 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири пожелалъ узнать, сколько рабочихъ было выслано въ теченіе двухъ лѣтъ съ олекминскихъ промысловъ этапнымъ порядкомъ, кѣмъ, по чьему распоряженію и по какимъ причинамъ. Мы имѣемъ отвѣтъ только горнаго исправника Витимской системы. Изъ донесенія исправника видно, что было выслано въ 1881 г. рабочихъ крестьянъ, мѣщанъ, поселенцевъ и инородцевъ 43 человѣка, ссыльно-каторжныхъ 60, всего 103 чело-

---

чій былъ разсчитанъ, потому что Г. всегда тщательно скрывалъ свое прошедшее". „Восточ. Об." 1883 г. № 32, стр. 5.

[1]) „Извѣст. Восточ. Сибир. Отд. Геогр. Общ." 1886 г. т. XVII, № 3—4; срав. „Сибир. Сборн." 1889 г., вып. 1, стр. 21.

[2]) „Сибирь" 1887 г. № 14—15, стр. 5. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ прямо предоставлялось пріисковому управленію право разсчитать рабочихъ до срока „за излишествомъ и сокращеніемъ работъ", напр., въ договорѣ Прибрежно-Витимской К° начала 70-хъ гг. Въ 1890 г. въ Бодайбинской К° дрорвало дамбу, и пріисковое управленіе стало разсчитывать рабочихъ за всякій пустякъ; а между тѣмъ, ранѣе этого въ Иркутскѣ и Балаганскомъ округѣ были наняты рабочіе для этой К° и отправлены на промыслы. Разсчитанные рабочіе встрѣтились съ идущими на пріиски, и въ концѣ концовъ человѣкъ 300 было принято на пріиски К° Промышленности, но не всѣ. Бодайбинская К° дала нанятымъ рабочимъ по полушубку и еще какой-то пустякъ.

вѣка; въ 1882 г. крестьянъ, мѣщанъ, поселенцевъ и запасныхъ рядовыхъ 52 человѣка, ссыльно-каторжныхъ два, всего 54 человѣка; въ 1883 г. крестьянъ, рядовыхъ, поселенцевъ и инородцевъ 53 человѣка, ссыльно-каторжныхъ 2, итого 55, а всего въ 1881—83 гг.—212 человѣкъ.

Въ томъ числѣ въ 1881 г. 44 чел. были высланы „по распоряженію горнаго исправника Витимской системы и отправлены витимскимъ волостнымъ правленіемъ". Причины высылки: за спиртоношество и сопротивленіе поимщикамъ—для заключенія въ киренскій тюремный замокъ, за нанесеніе ранъ ножемъ—для заключенія въ якутскій тюремный замокъ (ссыльнокаторжный), за кражу для отдачи подъ надзоръ общества, за пріобрѣтеніе фальшиваго вида, за бродяжество, „за произнесеніе оскорбительныхъ словъ противъ особы Государя Императора" (поселенецъ Витимской волости М—скій), за побѣгъ и пріобрѣтеніе фальшиваго вида, „за хищническую добычу золота на спорномъ Михайловскомъ пріискѣ" (4 поселенца), за спиртоношество и неимѣніе письменнаго вида, за побѣгъ и пріобрѣтеніе фальшиваго вида, за праздношатательство, за кражу со взломомъ, за неимѣніе письменныхъ видовъ, за скупъ золота, за побѣгъ изъ подъ стражи и бродяжество, за подлоги, за оказанное сопротивленіе полиціи, за предосудительное поведеніе и сношеніе со спиртоносами. Въ томъ же году 59 чел. (въ томъ числѣ 8 женщинъ ссыльнокаторжныхъ) высланы одни „вслѣдствіе ходатайства промысловаго управленія по распоряженію горнаго исправника по неспособности къ никакимъ промысловымъ работамъ", другіе „по распоряженію завѣдывающаго ссыльнокаторжными на промыслахъ К° Базанова и Сибирякова по болѣзненному состоянію и неспособности къ пріисковымъ работамъ".

Въ 1882 г. по распоряженію горнаго исправника 33 чел. были высланы, кромѣ прежнихъ причинъ, за составленіе подложнаго документа, за убійство и грабежъ (3 чел.), за проживаніе подъ чужимъ именемъ, по подозрѣнію въ убійствѣ и составленіи шайки для спиртоношества (3 чел.), за покушеніе на убійство, за нанесеніе смертельныхъ ранъ, „за хищническую добычу золота изъ орты" съ поврежденіемъ задѣланнаго входа (9 чел.), за кражу золота, за перемѣну имени (поселенецъ), и одна женщина, красноярская мѣщанка, „за дурное поведеніе вслѣдствіе просьбы мужа". Въ томъ же году 20 чел. крестьянъ и поселенцевъ, по распоряженію слѣдователя—чиновника особыхъ порученій Осташкина, были высланы горнымъ исправникомъ за участіе въ возмущеніи на Благовѣщенскомъ пріискѣ К° Базанова и Сибирякова.

Въ 1883 г., кромѣ тѣхъ же причинъ, были высылки рабочихъ „за оскорбленіе горнаго исправника", за кражу денегъ, за неповиновеніе полиціи и промысловому управленію, за дурное поведеніе и разныя угрозы, „для исполненія судебнаго приговора", по болѣзненному состоянію и неимѣнію средствъ, за сопротивленіе казакамъ при отобраніи золота [1]).

---

[1]) Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло 1883 г. № 92, л. 1 — 8. Въ Ленскомъ Т-вѣ, въ операцію 1893—94 г. было разсчитано до срока контракта 29% рабочихъ, но многіе изъ нихъ по собственному желанію. „Вѣстн. Золот." 1895 г., стр. 398, 1896 г., стр. 188. О высылкахъ зачинщиковъ волненій см. „Восточн. Обозр." 1895 г. № 28. При высылкѣ рабочихъ до срока имъ иногда не выдавали даже сухарей. „Вост. Об." 1895 г. № 17—18.

Сами горные исправники признавали совершенную безплодность высылки рабочихъ изъ тайги, такъ какъ лишеннымъ работы сплошь и рядомъ ничего не оставалось, какъ вновь, но уже тайкомъ, возвратиться въ тайгу. Витимскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1886 г. говоритъ: „практикуемая высылка бродячаго люда въ Витимъ, кромѣ возбужденія общаго неудовольствія, никакихъ результатовъ не имѣетъ: высылаемые десятками, они изъ Витима снова возвращаются въ тайгу, затѣмъ снова высылаются, снова возвращаются". Исправникъ возлагалъ надежду на измѣненіе этихъ порядковъ послѣ изданія циркуляра генералъ-губернатора, предписавшаго считать жилымъ мѣстомъ для разсчитанныхъ рабочихъ не село Витимъ, а г. Киренскъ. Горный исправникъ Траскинъ, какъ мы видѣли, вообще мало церемонившійся съ рабочими, особенно усердно производилъ это выдвореніе, хотя безполезность его онъ самъ отлично сознавалъ. Особенно много выдворялось рабочихъ въ случаѣ какого-либо волненія, какъ это было, напр., въ 1888 г. на промыслахъ К° Промышленности: въ этомъ году, какъ писалъ Траскинъ бывшему начальнику иркутскаго горнаго управленія, ему приходилось „постоянно выдворять" рабочихъ „по желанію Стрижева", управляющаго К° Промышленности, „несмотря на ихъ долги", а именно, во этомъ году было выслано изъ тайги съ первыми пароходами рабочихъ К° Промышленности 184, Бодайбинской К°—37, Базилевскаго—11, Громова—4, Искрицкаго—4 и праздношатающихся бродягъ—72, итого—312 рабочихъ [1]). По словамъ г. Траскина, „самое большое наказаніе для рабочихъ—выдвореніе за счетъ хозяина въ жилое мѣсто, главная забота исправника—очищеніе тайги отъ лишняго народа и постоянная война съ пароходовладѣльцами за провозъ въ тайгу никѣмъ ненанятыхъ рабочихъ" [2]). При высылкѣ изъ тайги Траскинъ тоже сплошь и рядомъ не соблюдалъ необходимыхъ формальностей, какъ и при тѣлесномъ наказаніи рабочихъ. „Вотъ мнѣ нужно выдворить изъ тайги 80 человѣкъ", сказалъ онъ мнѣ: „не писать же мнѣ 80 постановленій!" Изъ этого видно, какъ велико безправіе личности рабочаго на пріискахъ.

Досрочный разсчетъ рабочихъ, часто безъ достаточно серьезныхъ причинъ, содѣйствуетъ накопленію въ тайгѣ бродячаго, голоднаго люда. Такіе преждевременно разсчитанные, по словамъ одной газеты, „не успѣвъ заработать сколько-нибудь денегъ, для снисканія куска хлѣба кочуютъ съ пріиска на пріискъ и, если удастся запастись хлѣбомъ, хотя на нѣсколько дней, ютятся по зимовьямъ, угольнымъ и покинутымъ избушкамъ, выжидая исхода суровой зимы и питаясь надеждой,

[1]) Арх. Иркут. Гор. Упр. К. 2775. № 196—210, л. 3, 7.
[2]) „Вост. Обозр." 1894 г. № 28, стр. 2.

что съ весной явится потребность на рабочія руки“ [1]). По словамъ витимскаго горнаго исправника въ отчетѣ за 1887 г., въ зимнее время въ тайгѣ набирались сотни праздношатающихся рабочихъ. Въ 1888 г. исправникъ предложилъ генералъ-губернатору сдѣлать общую облаву, чтобы выдворить людей безпаспортныхъ и неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій. Генералъ-губернаторъ нашелъ нужнымъ обсудить этотъ вопросъ въ присутствіи иркутскаго губернатора, начальника горнаго отдѣленія и киренскаго исправника. При этомъ выяснилось, что неимѣющіе видовъ могутъ быть отправлены этапнымъ порядкомъ въ мѣста причисленія съ выдачею имъ кормовыхъ денегъ отъ казны; имѣющіе же видъ, но выдворенные за непріисканіемъ работы, не могутъ слѣдовать тѣмъ же порядкомъ, а потому и кормовыхъ имъ не можетъ быть выдано. „Сопровожденіе ихъ по Ленѣ отъ Витима ляжетъ тяжелымъ бременемъ на приленское населеніе, вовсе не обязанное исполнять такой повинности. Выдвореніе наводняющихъ тайгу людей предполагалось сдѣлать въ интересахъ золотопромышленниковъ, а потому, казалось бы, и слѣдовало расходъ этотъ принять на ихъ счетъ; но такъ какъ наиболѣе крупные представители золотопромышленности относятся къ этому несочувственно и не только не примутъ никакихъ расходовъ, но даже не находятъ полезной и самую облаву“, то генералъ-губернаторъ выразилъ желаніе, чтобы общая облава не производилась, а ограничились бы полицейскими мѣрами, какія до тѣхъ поръ принимали относительно праздношатающихся въ тайгѣ [2]). Однако Траскинъ все-таки очень усердствовалъ въ ловлѣ и высылкѣ рабочихъ. Какъ видно изъ его письма (1888 г.) начальнику иркутскаго горнаго управленія, „перваго апрѣля команда казаковъ, назначенная (пріисковымъ) попечительствомъ въ распоряженіе“ горнаго исправника, „спеціально занималась ловленіемъ праздношатающихся и бродягъ, такъ что“, по словамъ Траскина, къ прибытію первыхъ пароходовъ у него собралось на Бодайбо до 300 человѣкъ „*всякой дряни*“, которые, по степени ихъ виновности, были отправлены въ Киренскъ съ дальнѣйшимъ слѣдованіемъ одни этапнымъ порядкомъ, другіе съ путевыми видами“ (т.-е. съ проходными, т. наз. „волчьими“ билетами до мѣста прибытія), а нѣкоторые просто выдворены [3]).

Разсчитанныхъ золотопромышленниками рабочихъ не только высылали изъ тайги, но обыкновенно еще лишали возможности наняться впредь на промыслы этого округа. Уже въ 70-хъ гг. (если не ранѣе)

---

[1]) „Сибирь“ 1887 г., № 14—15, стр. 5.

[2]) Дѣло канцеляріи ирк. гор. упр., № 14, т. II, л. 358.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр., К. 2775, № 196—210, л. 2; „Сиб. Вѣст.“ 1892 г. № 51. Отношеніе Траскина земскому засѣдателю 2-го Киренскаго уч. съ просьбою выдворяемыхъ имъ выдворять и изъ Витима см. въ дѣлѣ архива витим. исправника 1888 г. № 11.

горные исправники, на основаніи непровѣренныхъ свѣдѣній пріисковыхъ управленій, составляли списки рабочихъ, „не подлежащихъ наемкѣ". Исправникъ разсылалъ съ этою цѣлью такой циркуляръ: „Для заблаговременнаго составленія общаго списка рабочихъ, которые по разнымъ законопротивнымъ поступкамъ не могутъ быть нанимаемы на промыслы ввѣренной надзору моему системы и для распубликованія его по всѣмъ промысловымъ управленіямъ прошу управленіе (такихъ то) промысловъ въ возможно непродолжительномъ времени представить ко мнѣ именные списки тѣмъ рабочимъ, которые не должны быть нанимаемы за дурное поведеніе и противозаконные поступки". Пріисковыя управленія представляли списки такихъ рабочихъ, по своему усмотрѣнію, съ указаніемъ на ихъ неспособность, слабость здоровья, дурное поведеніе. При этомъ бывали аттестаціи такого рода: „никуда негоденъ", „дряной работникъ, картежникъ и буянъ", „дерзкій лодырь", „подстрекатель и нѣсколько мѣсяцевъ хвораетъ цынгой", „спиртоносъ". Въ 1877 г. одна К° Промышленности представила горному исправнику списокъ въ 144 человѣка, „неподлежащихъ найму по неспособности и къ пріисковымъ работамъ" безъ всякихъ подробныхъ объясненій, всего же, со включеніемъ этихъ 144 человѣкъ, было зачислено пріисковыми управленіями въ неподлежащіе найму 503 человѣка [1]). Въ слѣдующемъ 1878 г. одна К° Базилевскаго представила списокъ 128 человѣкъ [2]). Книга, въ которую заносились имена всѣхъ этихъ несчастныхъ, носитъ въ Витимской системѣ названіе „грязной книги". Къ счастію для рабочихъ, немногія компаніи руководствуются при наемкѣ этими списками, но КК° Промышленности и Прибрежно-Витимская (самыя крупныя въ Ленскомъ горномъ округѣ) не нанимаютъ рабочихъ, имена которыхъ въ нихъ включены.

Въ прежнее время дозволялось даже дѣлать отмѣтки на паспортахъ „вредныхъ" рабочихъ; эта мѣра была допущена въ 1872 г., по представленію олекминскаго горнаго исправника, „вслѣдствіе настоящій пріисковыхъ управленій" [3]); но теперь этого не дѣлается [4]).

Въ олекминскихъ пріисковыхъ контрактахъ находимъ очень подробныя постановленія о штрафахъ съ рабочихъ.

Такъ, напр., въ договорахъ К° Промышленности 1874, 78 и 83 гг. сказано: „За всякое самовольное уклоненіе наше отъ работъ, неявку въ срокъ на резиденцію и пріискъ и вообще за всякія дѣянія, клонящіяся къ нарушенію хозяй-

[1]) Кромѣ К° Промышленности, много содѣйствовала увеличенію этого списка К° Трапезниковыхъ, представившая списокъ 102 чел.

[2]) Арх. Витим. Горн. Испр. 1877 г., № 5, л. 274—281.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2549, № 126—71, л. 476. Исправникъ предлагалъ переносить эту отмѣтку на паспортѣ еще на одинъ годъ, но это принято не было.

[4]) См. ст. *Кряжева* въ „Рус. Жиз." 1894 г. № 44.

скихъ интересовъ, имѣютъ производиться, въ видѣ штрафа, вычеты въ слѣдующихъ размѣрахъ: за несвоевременную явку на сборный пунктъ, если не будетъ представлено нами удостовѣреніе подлежащихъ лицъ о трудной болѣзни или прекращеніи сообщеній (согласно 7-ой ст. правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе промыслы), несвоевременную явку на пріискъ и за самовольное уклоненіе отъ работъ подъ предлогомъ мнимой болѣзни и пр., виновный обязанъ отработать всѣ просроченные дни или заплатить по 1 р. 20 к., т.-е. сумму, равную двойной хозяйской платѣ за каждый рабочій день и платѣ за старательскую работу за каждый же просроченный день; за побѣги съ пріиска сверхъ законнаго исправительнаго взысканія бѣжавшій подвергается отработкѣ всѣхъ дней, которые онъ находился въ отлучкѣ съ пріиска и единовременному денежному взысканію въ 5 р. въ пользу поимщика; за жестокое обращеніе съ животными по 1 р. за каждый разъ, если же отъ подобнаго обращенія животное погибнетъ или сдѣлается вовсе неспособнымъ къ работѣ, то взыскивается уже вся стоимость за оное..; за всякіе прочіе дурные поступки, невлекущіе за собою уголовнаго преслѣдованія, какъ-то: пьянство, картежныя и другія азартныя игры и пр., въ первый разъ штрафу по 2 р. с., если не было прогульныхъ дней, въ противномъ же случаѣ еще отработкѣ, какъ выше сказано, за уклоненіе отъ работъ, а затѣмъ въ послѣдующее время подвергаемъ себя, кромѣ отработки и штрафа, еще законному взысканію. Если кто будетъ разбрасывать выдаваемые намъ въ пищу хлѣбъ и пр. и будетъ изобличенъ въ томъ, съ того вычитается двойная стоимость брошеннаго". По договору К° Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. постановленія о штрафахъ нѣсколько измѣнены, и назначено: за несвоевременную явку на сборный пунктъ или пріиски за каждый просроченный день по 1 р.; за самовольное уклоненіе отъ работъ подъ предлогомъ мнимой болѣзни за каждый разъ по 2 р.; за лѣченіе получившаго увѣчье или въ дракѣ между собою за каждый день по 1 р.; за увѣчье рабочей лошади и быка 5 р.; и сверхъ того взыскивается стоимость животнаго, если оно умретъ или сдѣлается неспособнымъ къ работѣ; за уклоненіе женъ рабочихъ отъ работы по 25 р. за каждый разъ и сверхъ того выдвореніе жены съ пріиска на счетъ мужа; за недоработку урока по лѣности и нерадѣнію за каждый разъ по 2 р.; за рытье въ забояхъ и въ отвалахъ золотоносныхъ песковъ съ цѣлью отыскиванія золота и сдачи его какъ случайно поднятаго за каждый разъ по 25 р. и сверхъ того отобраніе золота безвозмездно, если оно окажется при обыскѣ; за хищничество и промывку золотоносныхъ песковъ за каждый разъ по 20 р. По договору К° Арендаторовъ 1875 г. вычеты за прогульные дни назначены въ 1—3 р.; за недоработку урока, за самовольныя отлучки съ работъ, за поздній выходъ на нихъ, „притворство въ болѣзни и за другіе ложные предлоги"—вычетъ изъ заработной платы вдвое противъ слѣдующей въ день дѣйствительной работы по обязательству или взысканіе артельной расправы. По договорамъ К° Трапезниковыхъ въ 70-хъ гг. за самовольное уклоненіе отъ работъ назначено по 1 р., а по договору 80-хъ гг. по 3 р. По договорамъ съ Плетюхинымъ 1886 и 89 гг. за нерадѣніе, лѣность и проч. пріисковое управленіе могло назначать вычеты отъ 1 до 5 р., а при платѣ съ золотника на хозяйскомъ содержаніи даже отъ 3 до 10 р. По договорамъ Базилевскаго 70-хъ и 80-хъ гг. за уклоненіе отъ работъ подъ предлогомъ мнимой болѣзни назначенъ штрафъ въ 3 р.; за неявку или побѣгъ 10 р. и взысканіе долга и расходовъ на поимку и высылку виновнаго; за пьянство, картежную игру, дерзости и проч. по 3 р., а если были при этомъ прогульные дни, то еще по 1 р. за каждый; за приносъ спирта въ первый разъ 5 р., во второй 10, въ третій 25 р.; спиртъ отбирался въ пользу хозяевъ, при чемъ стоимость его выдавалась

поимщику [1]). Въ договорѣ Ленскаго Т-ва 1883 г. размѣръ штрафовъ не указанъ, и только за прогульные дни назначенъ штрафъ 3 р., по договорамъ же этого Т-ва 1890—91 г. назначены слѣдующіе штрафы: за невыходъ на раскомандировку 2 р., за самовольную отлучку съ пріиска безъ дозволенія станового (управляющаго пріискомъ или станомъ) 2 р., за самовольный прогулъ 3 р., за пьянство, грубость и непослушаніе по 5 р., за недоработку урока штрафъ въ размѣрѣ поденной платы (по контракту 1894 г. двойной стоимости недоработаннаго урока, во всѣхъ другихъ непредвидѣнныхъ случаяхъ штрафъ до 3 р.). За уклоненіе отъ работъ женщинъ, пришедшихъ съ дозволенія управленія, каждый разъ по 1 р. 50 к. (по договору 1894 г.—2 р.). Въ контрактѣ Ленскаго Т-ва 1894 г. за торговлю спиртомъ штрафъ по 5 р. за бутылку и спиртъ конфискуется; а во всѣхъ непредвидѣнныхъ случаяхъ управленіе вправѣ назначать штрафъ до 25 р. Съ лицъ, арестованныхъ за пьянство, назначенъ штрафъ въ 2 р. 50 к. Въ пользу полиціи за открытіе утайки золота по 5 р. за каждый золотникъ [2]), за уклоненіе отъ экстренныхъ работъ штрафъ до 10 р. Въ договорѣ Акатакъ-Накатаминскаго Т-ва 1886 г. встрѣчаемъ такое оригинальное условіе: „ни подъ какимъ предлогомъ не должны дѣлать между собой общей стачки, сговора, забастовки, чтобы не выходить на работы, а если это учинимъ, то лишаемся всей причитающейся каждому изъ насъ заработки въ пользу Т-ва“ (!). Въ договорахъ Базилевскаго въ 70-хъ и 80-хъ гг. есть еще такое постановленіе въ заключеніе условій о штрафахъ: „въ томъ случаѣ, если управленію не удастся опредѣлить виновныхъ, то таковыхъ обязываемся найти и указать управленію сами, въ противномъ случаѣ штрафъ назначается по раскладкѣ на каждаго изъ насъ въ одномъ мѣстѣ работавшихъ или живущихъ“ [3]). По договорамъ Ленскаго Т-ва 1890, 91 и 94 гг., уходящіе самовольно до окончанія срока договора должны платить неустойку въ 50 р.

Ленское Т-во, какъ мы видѣли, приняло нѣкоторыя мѣры на пользу рабочихъ, но оно же установило весьма большіе штрафы [4]). Дѣятельность этого Т-ва въ послѣдніе годы одинъ мѣстный наблюдатель характеризуетъ слѣдующими словами: „цѣлымъ рядомъ мѣръ, направленныхъ къ урегулированію своихъ отношеній къ рабочимъ, управленіе очевидно стремится, хотя явно не высказываетъ этого, къ воспитанію рабочихъ въ духѣ дисциплины, требуемой современными условіями капиталистическаго-производства“ [5]).

Постановленія контрактовъ не оставались мертвою буквою: такъ мы имѣемъ указанія о штрафованіи рабочихъ за прогулъ въ 1871 г. на пріискахъ Трапезниковыхъ по 50 к., а въ 1872 г. „согласно контракту“ по 1 р. [6]). Въ операцію 1879 г. за уклоненіе отъ работъ на

---

[1]) На имѣющемся у насъ экземплярѣ договора Базилевскаго 80-хъ гг. сдѣлана помѣта, что большинство этихъ штрафовъ примѣняется въ рѣдкихъ случаяхъ.

[2]) Этотъ огромный штрафъ за сокрытіе подъемнаго золота вызвалъ сильное неудовольствіе рабочихъ. „Вост. Об.“ 1895 г. № 22.

[3]) Постановленія контрактовъ о вычетахъ за недоработку уроковъ приведены нами въ главѣ о размѣрѣ уроковъ.

[4]) Впрочемъ не малы штрафы и въ КК° Промышл. и Прибрежно-Витимской.

[5]) „Вост. Обозр.“ 1895 г. № 25.

[6]) Бум. г. Субботина; Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 466.

пріискахъ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской было оштрафовано 375 чел.; величина штрафа не превышала 1 р. 20 к. съ каждаго. На пріискахъ Прибрежно-Витимской К° въ операцію 1882 г. подверглись денежному штрафу за прогульные дни 437 человѣкъ; количество прогульныхъ дней—1688 [1]), взыскано всего штрафовъ—2041 р., въ среднемъ, за каждый разъ въ отдѣльности, по 1 р. 20 к. въ день, что и соотвѣтствуетъ контракту К° Промышленности. Во время слѣдствія по поводу волненія на пріискѣ Прибрежно-Витимской К° въ 1882 г. было замѣчено, что К° подвергала штрафамъ и безконтрактныхъ рабочихъ наравнѣ съ контрактными [2]). Штрафъ соединялся иногда съ арестомъ, какъ видно изъ штрафного журнала [3]). Въ операцію 1884—85 г. на пріискахъ К° Промышленности было взыскано штрафовъ за 717 самовольно-льготныхъ дней по 2 р. за каждый [4]). Генералъ-лейтенантъ Педашенко въ запискѣ 1885 г. говоритъ: „нельзя не замѣтить, что на уменьшеніе заработковъ рабочихъ вліяютъ различнаго рода штрафы“, причемъ нѣкоторые „представляются по меньшей мѣрѣ странными; такъ, напр., въ 14 пунктѣ одного контракта между прочимъ говорится: „за всякіе прочіе дурные поступки, не влекущіе за собою уголовнаго преслѣдованія, какъ-то: пьянство, картежныя и другія азартныя игры и проч. въ первый разъ“ рабочіе подлежали „штрафу по 2 р. с., если не было прогульныхъ дней, въ противномъ случаѣ еще отработкѣ за уклоненіе отъ работъ“. Подобный штрафъ „за маловажные проступки, говоритъ ген.-лейт. Педашенко, еще возможно было бы налагать на рабочихъ въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, но уже никакъ не въ пользу владѣльцевъ пріисковъ; между тѣмъ подобные штрафы взыскиваются въ дѣйствительности. Въ дѣлѣ о безпорядкахъ, произведенныхъ рабочими на Благовѣщенскомъ пріискѣ, есть особый штрафной журналъ, заведенный витимскимъ горнымъ исправникомъ Гофманомъ, въ которомъ записано, что двое рабочихъ „за кар-

---

[1]) Наибольшее количество прогульныхъ дней—31, а въ среднемъ на всѣхъ оштрафованныхъ—по 4 прогульныхъ дня, на всю же рабочую команду, которая въ этой К° очень велика, выйдетъ, безъ сомнѣнія, менѣе 2-хъ дней.

[2]) Во время того же слѣдствія одинъ рабочій въ своемъ показаніи говоритъ: „Пойдетъ больной рабочій въ больницу, такъ фельдшеръ признаетъ его здоровымъ; рабочій по неволѣ идетъ въ казарму, будучи не въ состояніи идти на работу, и лежитъ, пока не поправится, а управленіе это считаетъ днемъ самовольнаго прогула, пишетъ штрафъ согласно контракту по 3 р. въ день, тогда какъ рабочій въ зимній день зарабатываетъ 60 к., получая жалованья въ мѣсяцъ 15—17 р.“; но показаніе о 3 рублевомъ штрафѣ за прогулъ не подтверждается указанною выше вѣдомостью, гдѣ всѣ штрафы за прогулъ назначены въ размѣрѣ 1 р. 20 к. въ день.

[3]) Арх. К° Пром. и Прибрежно-Витим. №№ 1147 и 1156. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 47—39, л. 59, 62.

[4]) Арх. К° Пром. № 1685.

тежную игру ночью оштрафованы по 15 р.“ [1]). По отчету горнаго исправника Олекминской и Витимской системъ въ 1885 г. удержано штрафовъ за неисполненіе контрактныхъ условій и другіе проступки, „влекущіе за собою убытокъ золотопромышленниковъ“, 10679 р. (около ½% всего заработка). Въ 1888 г. было удержано штрафовъ въ Олекминской системѣ 3005 р., въ Витимской 5850 р., въ 1889 г. въ Олекминской 4555 р., въ Витимской 4279 р. [2]). Въ Бодайбинской К° было взыскано штрафовъ въ 1887—89 гг. въ среднемъ на годового рабочаго по 2 р. 87 к., въ Ленскомъ Т-вѣ за тѣ же годы по 3 р. 24 к. [3]). Въ операцію 1893—94 гг. на пріискахъ К° Промышленности и Прибрежно-Витимской было удержано штрафовъ съ рабочихъ 3622 р. Въ Ленскомъ Т-вѣ было взыскано штрафовъ въ операцію 1893 г.—4357 р., а въ 1895 г.—5193 р. [4]). А между тѣмъ бывшій витимскій горный исправникъ Траскинъ рѣшился печатно утверждать, что въ Витимской системѣ никакихъ штрафовъ не берутъ [5]).

Какъ и въ другихъ округахъ, въ контрактахъ съ промысловыми управленіями есть условіе, чтобы съ рабочими обходились человѣколюбиво и справедливо [6]). Условія эти, конечно, далеко не всегда соблюдались. Олекминскій горный исправникъ въ донесеніи 1872 г. говоритъ: „Долго въ пріисковой жизни господствовалъ произволъ служащихъ, да и теперь еще онъ прорывается иногда наружу. Былъ уже при мнѣ на одномъ пріискѣ случай, что наемка на зиму пошла тогда лишь успѣшно, когда уволенъ былъ смотритель разрѣза, дерзкій донельзя въ обращеніи. Долго всякая жалоба управленій служила поводомъ къ немедленному наказанію и постоянному обвиненію рабочаго люда, а потому и неудивительно, что малѣйшее указаніе на то, что должна же быть выслушана и другая сторона, кажется уже послабле-

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. д. Канц. № 11.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2772, № 135 — 124, л. 182 об. и табл. „Памят. книж. Якут. обл. на 1891 г.“, стр. 111.

[3]) Записка г. Михайлова.

[4]) „Вост. Об.“ 1894 г. № 127; „Вѣстн. Золот.“ 1897 г., стр. 117.

[5]) „Вост. Об.“ 1893 г. № 59, стр. 2.

[6]) Такъ по контракту К° Промышленности 1870 г. К° должна была всѣмъ служащимъ поставить за правило, чтобы они обходились съ рабочими „безъ обиды и притѣсненія, не подвергая“ ихъ „никакимъ несправедливымъ взысканіямъ, а въ договорахъ 1874, 78, 83 гг. той же К° обязывались „обходиться и поступать“ съ рабочими „человѣколюбиво, не причинять тяжкихъ побоевъ или какихъ-либо жестокостей, поврежденіе здоровью нанести могущихъ“. Въ договорѣ 1887 г. находимъ обязательство „обходиться съ рабочими безъ обидъ и притѣсненій, человѣколюбиво“. По договору Трапезниковыхъ 70-хъ и 80-хъ гг. К° должна была обращаться съ рабочими „безъ обидъ и самоуправства“. Въ проектѣ нормальнаго контракта, составленномъ Винниковымъ въ 1874 г., тѣлесное наказаніе допускалось только за побѣгъ, и то при посредствѣ полиціи.

ніемъ и на разбирательство смотрятъ, какъ на униженіе пріисковой власти. Трудно нѣкоторымъ сойти съ того пьедестала, на которомъ недоступными стояли они такъ долго". Въ другомъ мѣстѣ исправникъ вновь упоминаетъ о „грубости обращенія служащихъ" [1]). Въ отчетѣ за 1873 г. исправникъ говоритъ, что нѣкоторые изъ служащихъ „позволяли себѣ такіе поступки", что онъ долженъ былъ садить ихъ въ карцеръ или совершенно удалять съ пріисковъ. По словамъ исправника въ отчетѣ за 1874 г., на пріискахъ „нерѣдко" бываетъ „грубая несправедливость и пристрастіе къ рабочимъ со стороны служащихъ" [2]). Во время слѣдствія о волненіи 1876 г. на пріискѣ К° Базанова рабочіе заявили претензію на грубое обращеніе съ ними одного станового смотрителя, причемъ справедливость этой жалобы призналъ и самъ Базановъ [3]). Одною изъ причинъ волненія на Благовѣщенскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К° было также грубое обращеніе одного смотрителя. Рабочіе претендовали на него за то, что онъ не соблюдалъ очереди при поставкѣ артелей на золотые забои (гдѣ есть подъемное золото), безвинно садилъ въ казачью на нѣсколько дней, а иногда и билъ, не выдавалъ рабочимъ назначенныхъ имъ винныхъ порцій и держалъ долго на работѣ, требуя непосильной выработки урока; несмотря на требованіе рабочихъ, онъ не дозволилъ убрать камень, висѣвшій надъ дорогой, и отвѣчалъ: „если васъ всѣхъ передавитъ, найму еще тысячу", и впослѣдствіи этимъ камнемъ дѣйствительно смертельно изувѣчило рабочаго [4]). Аврамовъ свидѣтельствуетъ о враждебномъ отношеніи рабочихъ къ пріисковымъ управленіямъ [5]).

Высшая администрація Восточной Сибири въ началѣ 70-хъ годовъ, въ лицѣ генералъ-губернатора Синельникова, обратила серьезное вниманіе на положеніе пріисковыхъ рабочихъ. Въ особой главѣ мы разсмотрѣли циркуляры Синельникова и послѣдующихъ генералъ-губернаторовъ и видѣли, что вниманіе высшей администраціи къ быту пріисковыхъ рабочихъ не осталось безъ послѣдствій: улучшена была ихъ пища, увеличено количество винныхъ порцій и пр. При Синельниковѣ олекминскій исправникъ присылалъ генералъ-губернатору обстоятельныя донесенія о положеніи рабочихъ, Синельниковъ внимательно прочитывалъ ихъ и клалъ свои резолюціи, свидѣтельствующія о его заботливомъ отношеніи къ рабочимъ. На докладѣ олекминскаго исправника (24 января 1872 г.) Синельниковъ написалъ: „благодареніе Богу, если дѣлается лучше; теперь остается продолжать наблюденіе", и въ разныхъ

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 464, 474 об.
[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 89, 2566 № 206—152, л. 54.
[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2578, № 215—269, л. 18, 28.
[4]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 47—39, л. 62.
[5]) „Золот. Олекма", 1884 г., стр. 104.

мѣстахъ того же доклада сдѣлалъ различныя указанія на пользу рабочихъ: такѣ, напр., тамъ, гдѣ исправникъ говоритъ о необходимости увеличить плату за подъемное золото съ 60 и 96 к. до 1 р. 20 к., Синельниковъ написалъ: „необходимо“ [1]). Много заботился также Синельниковъ и объ охраненіи заработка рабочихъ отъ растраты, хотя въ этомъ отношеніи его заботы едва-ли имѣли какіе-либо мало-мальски серьезные результаты. При баронѣ Фридериксѣ было также обращено вниманіе на улучшеніе быта рабочихъ, и мы видѣли, что предписаніе его въ этомъ отношеніи принесло свою долю пользы. Въ 1882 г. (при генералъ-губернаторѣ Анучинѣ) былъ командированъ штабъ-офицеръ для особыхъ порученій Калагеорги на пріиски Олекминскаго округа, и онъ представилъ обстоятельный докладъ, послужившій полезнымъ матеріаломъ для позднѣйшихъ соображеній высшей мѣстной администраціи: напр., генералъ-лейтенантъ Педашенко въ запискѣ 1885 г. воспользовался, въ интересахъ рабочихъ, наблюденіями г. Калагеорги. Въ 1886 г. пріиски Олекминскаго округа посѣтилъ генералъ-губернаторъ гр. Игнатьевъ. При произведенной при этомъ ревизіи дѣлопроизводства горнаго исправника обнаружены были безпорядки (скопленіе немалаго количества арестованныхъ безъ всякихъ постановленій), но назначеніе горнымъ исправникомъ Траскина, отличавшагося замашками временъ крѣпостного права, была, безъ сомнѣнія, мѣрою крайне вредною для рабочихъ. При разсмотрѣніи проекта правилъ о наймѣ рабочихъ гр. Игнатьевъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній въ ихъ пользу (напр., объ улучшеніи пищи). Въ 1890 г. олекминскіе пріиски посѣтилъ нынѣшній иркутскій генералъ-губернаторъ А. Д. Горемыкинъ. При этомъ была произведена внимательная ревизія, обнаружившая массу безпорядковъ въ дѣлопроизводствѣ витимскаго горнаго исправника и игнорированіе имъ интересовъ рабочихъ, но, къ сожалѣнію, этотъ исправникъ еще долго оставался на мѣстѣ. На основаніи матеріаловъ, собранныхъ во время этой поѣздки [2]), была составлена г. Михайловымъ весьма любопытная записка, къ сожалѣнію, не получившая дальнѣйшаго движенія, но зато личное посѣщеніе пріисковъ дало возможность А. Д. Горемыкину въ запискѣ, составленной вполнѣ въ интересахъ рабочихъ, высказать въ 1893 г. свои замѣчанія на проектъ правилъ о ихъ наймѣ.

Въ Олекминскомъ округѣ былъ первоначально одинъ горный исправникъ (Олекминскаго и Киренскаго округовъ); до 1872 г. онъ жилъ на Мачинской резиденціи, но въ этомъ году переѣхалъ въ центръ

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 202, 203, 207, 208.

[2]) Генералъ-губернаторъ посѣтилъ 14 пріисковъ и собралъ, при участіи завѣдывающаго дѣлами его путевой канцеляріи, кол. секрет. Михайлова, необходимыя свѣдѣнія, причемъ, кромѣ опросовъ мѣстныхъ дѣятелей, свѣдѣнія были извлекаемы изъ отчетовъ пріисковыхъ конторъ.

пріисковъ. Съ 1873 г. была учреждена должность горнаго исправника Витимской системы, затѣмъ одно время (въ 1886 г.) опять былъ одинъ исправникъ, теперь же съ 1887 г. ихъ вновь два. При Синельниковѣ горный исправникъ Лукьяновъ составлялъ весьма интересныя донесенія о томъ, что случалось на промыслахъ и какія мѣры были приняты имъ въ пользу рабочихъ. Общій тонъ этихъ донесеній (вызываемый, конечно, участіемъ генералъ-губернатора къ пріисковымъ рабочимъ) виденъ хотя бы изъ слѣдующихъ словъ донесенія 1872 г. „Пріисковая грязь накоплялась десятилѣтіями, и вымести ее въ какіе-нибудь восемь мѣсяцевъ если не совсѣмъ невозможно, то тѣмъ не менѣе трудно уже и потому, что самое слово гуманность звучитъ здѣсь чѣмъ-то незнакомымъ [1])..... Почему осмѣливаюсь надѣяться, что в. выс-во снисходительно отнесетесь къ тому, если, въ короткій срокъ завѣдыванія моего олекминскими пріисками, я не успѣлъ еще сдѣлать всего, что́ требуетъ моя обязанность и долгъ службы и что́ желательно стоящей надо мною власти, заботящейся о достиженіи всевозможнаго улучшенія быта пріисковыхъ рабочихъ на золотыхъ пріискахъ Восточной Сибири“ [2]).

Всѣ эти добрыя намѣренія, однако, парализовались матеріальною зависимостью горныхъ исправниковъ отъ золотопромышленниковъ, неизбѣжною при томъ ничтожномъ жалованьѣ, которое исправники получали отъ казны. Вотъ что́ писалъ по этому поводу олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1874 г.: „О положеніи лица, занимающаго эту должность, достаточно сказать, что, имѣя въ своемъ вѣдѣніи до 7000 человѣкъ.., при разъѣздахъ до 2000 вер. въ окружности преимущественно верхового пути и до 12000 номеровъ общаго движенія бумагъ, существованіе горнаго исправника, при весьма незавидныхъ климатическихъ условіяхъ, обезпечивается отъ правительства 150 р. въ годъ квартирныхъ денегъ, безъ возможности нанять квартиру на пріискахъ, 280 р. жалованья и столовыхъ, при стоимости муки ржаной до 4-хъ р. и пшеничной до 5 р. за пудъ, 7 р. пудъ мяса, до 25 р. пудъ сахару и т. д., съ жалованіемъ мужской прислуги не менѣе 120 р. въ годъ, не считая содержанія, и 585 р. на разъѣзды и канцелярскіе расходы, при стоимости по 5 р. въ день за содержаніе одной лошади съ конюхомъ. Самое механическое исполненіе по перепискѣ требуетъ уже не менѣе двухъ сотрудниковъ съ жалованьемъ по мѣстнымъ условіямъ до 1000 р. каждому на полномъ содержаніи исправника. Понятно, что, при такой обстановкѣ, власть горнаго исправника изъ законной

[1]) Въ 1872 г. якутскій губернаторъ предписалъ горному исправнику предложить всѣмъ золотопромышленникамъ по возможности снисходительнѣе относиться къ проступкамъ рабочихъ, „происходящимъ отъ недоразумѣній или превратнаго пониманія смысла контрактовъ“. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2544, № 48—103, л. 203.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 479.

ставовится фиктивною, *и этотъ единственный здѣсь представитель закона de facto есть только старшій служащій у золотопромышленника:* а такъ какъ бюджетъ на его содержаніе главнымъ образомъ составляется изъ средствъ не государственнаго казначейства, а промысловыхъ конторъ, то само собою разумѣется, что онъ можетъ только „покорнѣйше просить" въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по должности обязанъ требовать и предписывать" [1]), Но при содѣйствіи золотопромышленниковъ это жалкое и затруднительное положеніе превращалось въ блестящее и завидное.

Въ 1871 г. олекминскіе золотопромышленники ассигновали исправнику „на содержаніе канцеляріи съ жалованьемъ и прочими расходами по 1 р. съ человѣка", что составляло 6000 р. и столько же было ассигновано на содержаніе казачьей команды, арестантовъ, перевоза и лошадей". Въ 1872 г. на содержаніе горнаго исправника, канцеляріи и казачьей команды было назначено золотопромышленниками 24000 р., на покупку дома для исправника—5000 р., на устройство резиденціи, перевозку съ Мачи или другіе расходы—1970 р., итого 30970 р. [2]). Въ 1877 г. „на содержаніе горнаго исправника, его канцеляріи, лошадей и мачинской казачьей команды, состоящей изъ одного урядника и четырехъ казаковъ", опредѣлено было вносить въ годъ 23000 р. по третямъ года „по числу поденщинъ рабочей команды" [3]). Въ 1881 г. горному исправнику Олекминской системы ассигновано было 24632 р., причемъ. на содержаніе арестантовъ было назначено особо 4396 р., въ 1882 г. тому же горному исправнику—19520 р., а на содержаніе арестантовъ 3991 р.; въ 1883 г. на содержаніе того же горнаго исправника и его канцеляріи 17707 р.; сверхъ того, на содержаніе мачинской казачьей и казачьей при резиденціи горнаго исправника 5149 р., да еще на содержаніе арестантовъ 3594 р. [4]).

Понятно, что горные исправники являлись вѣрными слугами золотопромышленниковъ и не защищали интересовъ рабочихъ. Въ запискѣ г. Михайлова, составляющей результатъ поѣздки г. иркутскаго генералъ-губернатора на олекминскіе промыслы въ 1890 г., о пріисковой администраціи сказано: „Исправники, особенно витимскій, не производятъ личныхъ удостовѣреній по жалобамъ рабочихъ и въ своихъ рѣшеніяхъ по нимъ всецѣло основываются на рапортахъ завѣдывающихъ полицейскою частью на пріискахъ урядниковъ и казаковъ. Помимо всего ревизія выяснила рядъ незаконныхъ дѣйствій исправниковъ: медленность дѣло-

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 56—57.

[2]) Въ 1874 г. на содержаніе казачьей команды изъ урядника и 6 казаковъ олекминскіе золотопромышленники ассигновали 2700 р.

[3]) Матеріалы, сообщенные г. Субботинымъ.

[4]) Матеріалы, сообщенные Л. Ѳ. Пантелѣевымъ.

производства, бездѣйствія, превышенія власти, оставленіе многихъ просьбъ безъ разбирательства и потворство различнымъ неправильнымъ поступкамъ пріисковыхъ дѣятелей. Одинъ изъ горныхъ исправниковъ (витимскій), „совершенно не исполняя правилъ инструкціи, утвержденной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1874 г., во-первыхъ, допускаетъ тѣлесныя наказанія рабочихъ безъ разбирательства вины и безъ различія сословія; во-вторыхъ, разрѣшаетъ ввозъ на пріиски спирта безъ разрѣшенія на то губернатора и въ количествѣ, превышающемъ опредѣленную закономъ норму, и, въ третьихъ, индифферентно относится къ столь важному дѣлу, какъ утвержденіе таксъ на припасы и товары, выдаваемые рабочимъ въ счетъ платы и вполнѣ безучастно къ случаямъ увѣчій рабочихъ [1]). Собранными на пріискахъ свѣдѣніями выяснено, что горный исправникъ Витимской системы получаетъ дополнительнаго содержанія отъ пріисковъ, кромѣ квартиры, 18000 р. въ годъ, а олекминскій—12000 р., причемъ послѣдній обязанъ имѣть лишь своихъ лошадей для разъѣздовъ, получая на нихъ готовый фуражъ. Эти данныя подтверждаются отчетами пріисковыхъ конторъ. Такъ, въ гроссъ-бухѣ Бодайбинской К° значится отосланными на содержаніе горнаго исправника и окружного инженера за двѣ трети 1889 г. 6179 р. и затѣмъ отослано К° Промышленности, для передачи по принадлежности, 3089 р. По отчетности Ленскаго Т-ва этотъ расходъ показанъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ 1887 г. 8202 р., въ 1888 г.—8374 р., въ 1889 г.—9107 р. Раскладка дополнительнаго содержанія между пріисками производится на съѣздахъ золотопромышленниковъ, а самая выдача денегъ въ Витимской системѣ чрезъ К° Промышленности, а въ Олекминской чрезъ контору Ленскаго Т-ва [2]). Полученіе столь значительнаго вознагражденія естественно ставитъ лицъ, занимающихъ должности по надзору за пріисками, въ сильную зависимость отъ золотопромышленниковъ. Но, несмотря на это, главная власть края, которой, безъ сомнѣнія, всегда было извѣстно объ этихъ нелегальныхъ поборахъ, не принимала существенныхъ мѣръ къ ихъ прекращенію въ виду... полной невозможности существованія горныхъ исправниковъ, при чрезвычайной дороговизнѣ жизни, на получаемое ими отъ казны содержаніе. Если принять во вниманіе, что стоимость содержанія простого рабочаго на пріискахъ доходитъ до 400 р.“ (вѣроятно, считая съ жилищемъ и врачебною помощью) „и что семейному исправнику, напр., при пяти

[1]) Во время слѣдствія о волненіи на Благовѣщенскомъ пріискѣ было также замѣчено, что „пріисковая полиція, вообще, оставляетъ безъ разслѣдованія“ несчастные случаи съ рабочими во время работъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 47 — 39, л. 81 об.

[2]) „Плата исправникамъ и инженеру идетъ не только съ большихъ пріисковъ, но и съ мелкихъ“ (прим. г. Михайлова).

душахъ семейства и двухъ слугахъ, получаемаго ими жалованья не хватитъ даже на такое прокормленіе, не говоря ни о квартирѣ, которой на пріискахъ негдѣ нанять, ни объ одеждѣ, то станутъ вполнѣ понятными причины снисходительнаго отношенія высшей власти къ получаемому этими чиновниками дополнительному вознагражденію отъ пріисковъ“ [1]).

Казаки для исполненія полицейскихъ обязанностей [2]) и для кордонной службы по надзору за спиртоносами и хищниками золота распредѣлялись по пріискамъ горными исправниками, которымъ и подчинялись на пріискахъ. Наставленіемъ урядникамъ, даннымъ горнымъ исправникомъ въ началѣ 70-хъ гг., имъ разрѣшалось подвергать за проступки рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ тѣлесному наказанію до 25 розогъ, а полноправныхъ рабочихъ штрафовать деньгами или заключеніемъ подъ арестъ, хотя бы и на хлѣбъ и на воду, но въ послѣднемъ случаѣ не долѣе трехъ сутокъ [3]). Жалованья, кромѣ казеннаго, отъ пріисковыхъ управленій, несмотря на трудность службы, урядники получали отъ 300 до 900 р., а казаки отъ 180 до 360 р. Кромѣ жалованья, урядники довольствовались на пріискахъ пищею наравнѣ со служащими, а казаки наравнѣ съ нарядчиками [4]). Казачій офицеръ, такъ наз. „отрядной командиръ“, получалъ отъ золотопромышленниковъ въ 1881 г. 3498 р., въ 1882 г. 3043 р., въ 1883 г.—3085 р. У казаковъ бываютъ еще и другіе доходы. Г-нъ Калагеорги въ своемъ донесеніи 1882 г. говоритъ: „Казаки, приставленные для надзора, обязаны отбирать у рабочихъ утаенное ими золото, при чемъ въ видѣ поощренія получаютъ по 2 р. за золотникъ. Чтобы имѣть возможность отобрать у рабочихъ золото и получить вознагражденіе, казаки.... даютъ рабочимъ полную свободу заниматься выборкою золотинъ. На однихъ только пріискахъ Сибирякова и К° уплачено казакамъ за представленное ими

---

[1]) Здѣсь на поляхъ рукою ген.-губ. А. Д. Горемыкина замѣчено: „хотя бы исправники и были обезпечены отъ казны содержаніемъ хорошо, но золото заставитъ получать добавочныя“.

[2]) Въ 1880 г. на пріискахъ Олекм. окр. казачья команда состояла изъ 2-хъ офицеровъ, 39 урядниковъ и 250 казаковъ (сверхъ того въ конвоѣ за ссыльно-каторжными 32 казака). Въ 1891 г. въ Ленскомъ горн. окр. было всего 218 чел. каз. команды, въ 1894 г.—320. „Горн. Журн.“ 1891 г., № 11, стр. 348; „Вѣст. Золот.“ 1895 г. стр. 395.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2544, № 48—103, л. 152.

[4]) „Пам. книж. якут. обл. на 1891 г.“, стр. 103. Въ 1886 г. на пріискахъ Плетюхина урядникъ получалъ слѣдующее мѣсячное пищевое довольствіе: ржаной муки 1 п. 25 ф., пшенич.—20 ф., крупичатой—10 ф., мяса $2^1/_2$ п., крупъ ячнев. и гречн. 10 ф., соли 4 ф., масла скоромнаго 10 ф., чаю фамильнаго $1^1/_2$ ф., сахару 6 ф., вина въ 40°—30 сотыхъ; довольствіе казака: муки ржан. 2 п. 5 ф., муки пшенич. 20 ф., мяса 2 п., крупъ 10 ф., соли 4 ф., масла скор. 3 ф., чаю фамильн. 1 ф., сахару 3 ф., вина 30 сотыхъ ведра.

золото въ операціи 1878—79 г.—7922 р., въ 1879—80—8546 р. [1]). Въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.) мы находимъ подробныя свѣдѣнія о положеніи казаковъ на олекминскихъ промыслахъ; „кромѣ вознагражденія отъ казны, коего причитается въ среднемъ на одного чел. 283 р., выдается имъ содержаніе припасами въ мѣсяцъ“ въ достаточномъ количествѣ. „Кромѣ того, урядники и казаки получаютъ отъ пріисковъ готовыя квартиры и лошадей съ полнымъ содержаніемъ, затѣмъ денежное вознагражденіе отъ 180 до 1000 р. въ годъ. Чаще встрѣчается плата въ 20—25 р. въ мѣс. казаку и 35 — 45 р. уряднику. Нельзя умолчать объ одной доходной статьѣ казачьей по лицейской стражи, установленной съ вѣдома горныхъ исправниковъ пріисковыми управленіями: это выдача денегъ за конфискованное у спиртоносовъ вино по стоимости его. Получаемыя за конфискованное вино деньги иногда составляютъ значительныя суммы и служатъ для казаковъ мотивомъ къ особой энергіи въ преслѣдованіи спиртоносовъ... Выдача добавочнаго жалованья и содержанія урядникамъ и казакамъ, хотя и незаконна, но она находитъ себѣ оправданіе въ мѣстныхъ условіяхъ, ибо на отпускаемые изъ казны 283 р. нѣтъ возможности прожить годъ на Олекмѣ. Въ интересахъ пріисковаго управленія хорошо обставить стражу и тѣмъ устранить проявленіе со стороны казаковъ желаніе пользоваться какими-нибудь доходами отъ рабочихъ. Однако нельзя отрицать вреднаго вліянія такого положенія дѣлъ, при которыхъ пріисковая стража находится въ полной экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ и ихъ довѣренныхъ. Въ большинствѣ случаевъ нынѣ можно наблюдать полное подчиненіе урядниковъ и казаковъ промысловымъ управленіямъ, нисколько не отличающееся отъ подчиненія обыкновенныхъ наемниковъ. Въ дѣлахъ объ охранѣ пріисковаго рабочаго въ борьбѣ съ спиртоносничествомъ и т. п. такое подчиненіе не ведетъ къ особымъ неправильностямъ, но во всѣхъ случаяхъ столкновенія рабочихъ съ управленіями казаки невольно являются сторонниками послѣднихъ и ревностными исполнителями ихъ приказаній. Ревизія дѣлъ горныхъ исправниковъ показала, что фактической полиціей на пріискахъ являются эти нижніе чины и что они, хотя и снабжены инструкціею, но ею не руководствуются и часто допускаютъ весьма произвольныя дѣйствія по отношенію къ рабочимъ, въ особенности по лишенію ихъ свободы. Книги постановленій объ арестѣ нигдѣ не ведутся, а между тѣмъ арестовъ бываетъ много. Указанныя вредныя дѣйствія низшихъ агентовъ пріисковой полиціи до значительной степени являются послѣдствіемъ отсутствія дѣйствительнаго надъ ними надзора со стороны, какъ горныхъ исправниковъ, такъ

[1]) Мат. сообщ. Л. Ѳ. Пантелѣевымъ; Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 75.

и отрядныхъ командировъ, положеніе которыхъ въ свою очередь въ высшей степени ненормально". Отрядный командиръ живетъ на Мачѣ, а „Мачинская резиденція отстоитъ отъ центральныхъ пріисковъ Олекминской системы на 300, а отъ Витимской системы на 400 верстъ.... Такимъ образомъ, картина состоянія правительственнаго надзора на пріискахъ, гдѣ особыя условія жизни и самый составъ населенія предъявляютъ въ отношеніи власти строгія требованія, представляется весьма неутѣшительною. А если ко всему прибавить, что подсудность возникающихъ тамъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ якутскому окружному суду, дѣйствующему по правиламъ дореформеннаго производства, влечетъ за собою невозможность искать правосудія въ судѣ, отстоящемъ за 1500 вер., то вопросъ о реорганизаціи административнаго и судебнаго устройства въ олекминской тайгѣ представляется дѣломъ первостепенной важности".

Мы полагаемъ, что для прекращенія зависимости мѣстной администраціи отъ золотопромышленниковъ возможно только одно средство: взять съ золотопромышленности въ видѣ особаго сбора все, что нужно для содержанія этихъ лицъ при данныхъ мѣстныхъ условіяхъ (имѣя въ виду, разумѣется, нормальныхъ людей, а не одаренныхъ чрезмѣрными аппетитами) и выдавать имъ это жалованье отъ казны, а затѣмъ всякіе добавочные поборы преслѣдовать, какъ лихоимство.

Горные ревизоры (по нынѣшнему окружные инженеры) въ 70-хъ и въ первой половинѣ 80-хъ гг. жили не на промыслахъ, а въ Иркутскѣ, откуда горный ревизоръ принужденъ былъ переселиться на промыслы лишь въ 1886 г. Понятно, что при такихъ условіяхъ олекминскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1874 г. указываетъ на „пассивную роль" горнаго ревизора, на несоразмѣрность въ распредѣленіи труда между нимъ и горнымъ исправникомъ и на почти постоянное нарушеніе законовъ горной техники. Въ смѣтахъ общихъ промысловыхъ расходовъ [1]) мы не находимъ въ прежнее время указанія на неоффиціальное вознагражденіе окружному инженеру, хотя нужно полагать, что пріѣздъ его изъ Иркутска не обходился безъ нѣкоторой мзды отъ золотопромышленниковъ, но въ 1891 г. окружной инженеръ Ленскаго округа получалъ отъ золотопромышленниковъ 10000 р. Вѣроятно это заставляло его чувствовать нѣкоторую слабость къ интересамъ золотопромышленниковъ, судя по тому, что начальство предложило ему подать въ отставку. Нужна, однако, не столько смѣна лицъ, сколько перемѣна всей системы.

При всей отдаленности олекминскихъ промысловъ, рабочіе все-таки бѣжали иной разъ вслѣдствіе тяжелыхъ пріисковыхъ работъ, накопив-

[1]) См. объ обще-промысловыхъ или попечительскихъ расходахъ *Аврамовъ*, стр. 125.

шихся долговъ и т. п. причинъ. Побѣги усиливались, доносилъ исправникъ въ ноябрѣ 1873 г., „особенно съ открытіемъ теплыхъ лѣтнихъ дней, когда тайга даетъ столько средствъ скрыться, если еще къ тому бѣглецъ запасся предварительно сухарями и знакомъ съ таежными дорогами. Стоитъ ему только добраться до Лены, а тамъ ужъ паспорта не спросятъ, и онъ свободно проработаетъ въ любомъ селеніи. Пристаютъ иногда рабочіе и къ кочующимъ въ тайгѣ тунгусамъ, занимаясь у нихъ сѣнокошеніемъ въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ пріисковъ, гдѣ отыскать ихъ трудно“ [1]). Въ отчетѣ за 1874 г. олекминскій горный исправникъ говоритъ, что возвращеніе на пріиски бѣжавшихъ должниковъ или не явившихся рабочихъ „дѣлается невыгоднымъ для золотопромышленниковъ, ибо земская мѣстная власть, основываясь на журналѣ Совѣта Главнаго Управленія [2]), оффиціально обязываетъ, чтобы вмѣстѣ съ требованіемъ о возвратѣ бѣжавшаго или неявившагося должника промысловыя управленія высылали на каждаго по 25 р. на покупку одежды, безъ чего должники не высылаются, а такъ какъ побѣгъ такого рода будетъ непремѣнно повторяться, пока земская власть не будетъ серьезно относиться къ этому“ (т.-е. энергичнѣе высылать рабочихъ), „то само собою разумѣется, что высылка 25 р. въ этомъ случаѣ немыслима, и должники остаются невысланными“ [3]).

Вмѣсто того, чтобы жаловаться на невозвращеніе имъ бѣжавшихъ рабочихъ, золотопромышленники должны были бы лучше подумать объ устраненіи побѣговъ. Г. Калагеоргіи въ своей запискѣ 1882 г. говоритъ: „Гдѣ болѣе обращается вниманіе на вредное вліяніе долговъ, гдѣ содержаніе рабочихъ хорошо и трудъ достаточно вознаграждается, тамъ число случаевъ побѣговъ не можетъ быть значительно“. Разсматривая данныя о бѣжавшихъ и неявившихся за пять лѣтъ (1877—82 г.), г. Калагеоргіи нашелъ, что между тѣмъ, какъ „число бѣжавшихъ и неявившихся на нѣкоторыхъ пріискахъ весьма незначительно, на другихъ оно доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ, составляя 20 и даже 30% общаго числа нанятыхъ рабочихъ.... Въ операцію 1879—80 гг. число нарушившихъ контрактъ на всѣхъ пріискахъ не превышало 6%, и только на

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 87.

[2]) Въ жур. Совѣта Глав. Управ. Восточ. Сиб. 30 окт.—4 дек. 1871 г. между прочимъ сказано: „самая пересылка бѣжавшихъ и неявившихся рабочихъ *изъ ссыльно-поселенцевъ* должна производиться на счетъ золотопромышленниковъ, и для этого золотопромышленники каждой системы обязаны имѣть общаго довѣреннаго, которому и выдавать авансомъ извѣстное количество денегъ на кормовыя и одежду пересылаемыхъ рабочихъ. По поимкѣ бѣглыхъ сельскія и полицейскія начальства должны обращаться къ упомянутымъ довѣреннымъ съ требованіемъ о высылкѣ денегъ и по полученіи таковыхъ высылать рабочаго. Для высылки же неявившихся довѣренные должны представлять деньги при самыхъ требованіяхъ своихъ о высылкѣ“.

[3]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 52.

одномъ Крещенскомъ“ (Плетюхина) „оно составляло 21%. Объяснить это случайностью нельзя, и можно съ достовѣрностью сказать“, что бѣгство, опаздываніе и неявка „рабочихъ находятся въ прямой зависимости отъ содержанія ихъ, вознагражденія за трудъ и отъ условій, при которыхъ совершается наемъ ихъ и препровожденіе на пріискъ“ [1]). Въ отчетѣ за 1885 г. горный исправникъ Олекминскаго округа говоритъ: „въ дѣлахъ крупныхъ, гдѣ заработная плата, а въ особенности подъемное золото даютъ возможность отработать долгъ, тамъ бѣгство представляетъ крайне рѣдкое и почти исключительное явленіе; въ небольшихъ же дѣлахъ, при отсутствіи подъемнаго золота, прибавленіе ежемѣсячной выписки въ долгъ продуктовъ и одежды ставитъ рабочаго въ положеніе неоплатнаго должника, а потому совершенно понятно, что нѣкоторые изъ нихъ, сознавая это положеніе и чтобы избавиться отъ непроизводительнаго для нихъ труда, уходятъ самовольно съ пріиска“ [2]).

На основаніи оффиціальныхъ данныхъ [3]) мы вычислили, что за 70-е гг. средній процентъ бѣжавшихъ съ пріисковъ Олекминскаго округа равнялся 3,3%, а въ первой половинѣ 80-хъ годовъ—1,2%, т.-е. почти втрое менѣе; въ первой половинѣ 60-хъ гг. процентъ бѣжавшихъ съ промысловъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ равнялся 3,9%, слѣдовательно процентъ бѣжавшихъ постепенно уменьшался.

По словамъ олекминскаго горнаго исправника въ отчетѣ за 1873 г., „количество пріобрѣтаемыхъ рабочими на пріискахъ заработковъ зависитъ отъ ихъ способностей, отъ знанія какого либо ремесла, отъ времени явки на работу и отъ степени его здоровья и силъ. Высшій заработокъ можетъ простираться до 275 руб., низшій до 120 руб., вообще среднюю цифру можно опредѣлить въ 200 р.“ [4]). Эта цифра подтверждается свѣдѣніями, которыя мы находимъ въ бумагахъ одного лица, служившаго на олекминскихъ промыслахъ, и которыя, очевидно, взяты изъ первыхъ рукъ [5]). Во всѣхъ этихъ десяти КК° средній заработокъ

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2765, № 37—30, л. 49. На основаніи таблицы, приложенной къ донесенію г. Калагеорги, отмѣтимъ тѣ промыслы, гдѣ былъ болѣе другихъ процентъ собственно бѣжавшихъ (не считая неявившихся): въ 1877 г. на промыслахъ Трапезниковыхъ 8%, бар. Гинцбурга и Шмотина по 9%, Катышевцовой 10%, Исаева 11%; въ 1878 г. Герасимова 10%, Борисова 11%, Исаева 16%; въ 1879 г. Герасимова 8%, Исаева 11%.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2772, № 135—124, л. 181.

[3]) См. *Дополненіе XVII.*

[4]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 83.

[5]) По этимъ даннымъ годовой заработокъ рабочаго въ операцію 1871 или 72 г. равнялся: на пріискахъ Переяславцева 148 р. (среднее содержаніе золота 44 д.—1 з. 29 д.), на пріискахъ Катышевцева или Олекминскаго Т-ва 170 р. (сод. золота 6 з. 55 д.), Малопатомскаго Т-ва 219 р. (сод. золота 1 з. 34 д.—2 з. 21 д.), Ленскаго

рабочаго равняется 225 руб., т.-е. почти совершенно совпадаетъ съ показаніемъ исправника; указанные этимъ послѣднимъ максимумъ и минимумъ заработка также вполнѣ оправдываются, если принимать это, какъ максимумъ и минимумъ средняго годового заработка на разныхъ промыслахъ. Но если таковы среднія цифры, то у отдѣльныхъ рабочихъ заработокъ могъ быть и меньше, и больше. Въ отчетѣ за 1874 г. горный исправникъ говоритъ: „Отрадное явленіе представляютъ рабочіе внутреннихъ губерній европейской Россіи, ежегодно выносящіе изъ промысловъ отъ 250 до 500 руб. чистаго заработка; къ этой категоріи разумныхъ рабочихъ можно отнести только ничтожную цифру съ сибирскихъ крестьянъ и рѣдкіе случаи изъ числа поселенцевъ“ [1]). Среднею же цифрою валового заработка и по отчету горнаго исправника Витимской системы за 1875 г. оказывается въ годъ 200 руб., а въ лѣтнюю операцію 125 руб. [2]). По „счету платы К° Промышленности“ за 1873 г. 1567 рабочихъ обоего пола заработали въ среднемъ (вмѣстѣ съ платою за золото) по 186 руб. Изъ этихъ же данныхъ богатой К° Промышленности видно, что не только чистый, но даже валовой заработокъ въ 500 руб. составлялъ весьма рѣдкое явленіе [3]); весьма рѣдки могли быть чистые заработки и въ 250 р. По разсчетной книгѣ съ рабочими Прибрежно-Витимской К° 1876 г. средній заработокъ 186 рабочихъ равнялся 221 руб. [4]). По отчету горнаго исправника Витимской системы за 1879 г. на промыслахъ К° Базанова и Сибирякова, Бодайбинской К°, К° Плетюхина и Владимірской К° рабочіе, „согласно заключеннымъ контрактамъ“, заработали 649745 руб., платы за старательское и подъемное золото они получили 388954 руб., а весь заработокъ ихъ равнялся 1.032,699 руб., „т.-е. около 223 руб. на человѣка, считая въ этомъ числѣ и женщинъ“ [5]). На основаніи отчета горнаго исправника Витимской системы за 1881 г. средній заработокъ рабочаго (со включеніемъ рабочихъ у подрядчиковъ и въ пріисковомъ пароходствѣ) равнялся 173 руб.; средній заработокъ въ одну поденщину—73 коп. Въ 1882 г. въ Витимской системѣ общая сумма заработка рабочихъ была 1.361.254 руб., а рабочихъ обоего пола 5935 чел., слѣдовательно средній заработокъ равнялся 230 руб., а такъ какъ всѣхъ рабочихъ подён-

---

Т-ва 220 р. (сод. золота 70 д.—1 з. 40 д.), К° Арендаторовъ 225 р. (сод. золота 4 з. 12 д.), К° Трапезниковыхъ 239 р., К° Сибирякова и Базанова 247 р. (сод. золота 4 з. 35 д.—5 з. 13 д.), Пермякина 248 р. (сод. золота 3 з. 76 д.), Базилевскаго 259 руб. (сод. золота 2 з. 58 д.), К° Промышленности 280 р. Матер. Субботина.

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 53.

[2]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 88.

[3]) Арх. К° Промышленности, № 13—284.

[4]) „Разсчетная съ рабочими Прибрежно-Витимской К°“ № 566, т. I.

[5]) Арх. Витим. Гор. Испр.

щинъ было 1.259.650, то, слѣдовательно, средній заработокъ въ поденщину равнялся 1 р. 8 к. [1]). Въ 1883 г. въ Витимской системѣ средняя цифра заработка рабочихъ (со включеніемъ рабочихъ у подрядчиковъ) равнялась 219 руб., средній заработокъ въ поденщину—1 руб. 17 коп. [2]). Въ 1884 г. въ той же системѣ средній заработокъ равнялся 213 руб., средній заработокъ въ поденщину 1 руб. 6 коп. [3]). Г. Калагеорги (въ своемъ донесеніи 1882 г.) относительно заработковъ рабочихъ говоритъ, что вознагражденіе за трудъ если не абсолютно, то относительно тѣхъ условій, съ которыми сопряжена работа, „крайне недостаточно“: „рабочій, исправно выполняющій ежедневный урокъ свой, зарабатываетъ лѣтомъ въ мѣсяцъ около 30 руб., а зимой значительно менѣе, если же случается заработать болѣе, то не иначе, какъ при помощи старательской работы, но и при этомъ усиленномъ трудѣ онъ не въ состояніи заработать и въ лѣтній мѣсяцъ болѣе 50 руб. По разсчетнымъ листкамъ рабочихъ видно, что сравнительно незначительное число ихъ зарабатываетъ 300 руб. въ годъ, большинство же около 200 р. Сумма эта при полномъ хозяйскомъ содержаніи можетъ показаться и не особенно малой, но, принимая во вниманіе расходы рабочихъ на дорогу, на одежду и обувь, на улучшеніе своей пищи и на уплату податей по произвольному требованію волостного начальства, нельзя признать заработокъ въ 300 руб. достаточнымъ“. Средній заработокъ на промыслахъ Базилевскаго въ 1882 г.—178 р. [4]). Въ Прибрежно-Витимской К° въ 1882 г. 1903 рабочихъ м. п. (въ томъ числѣ 58 казенныхъ) и 261 женщина заработали въ среднемъ по 200 р.; если же взять отдѣльно мужчинъ и женщинъ, то мужчины заработали въ среднемъ по 221 р., женщины по 53 р. [5]). По отчету горнаго исправника Олекминской системы за 1883 г. средній заработокъ рабочаго равнялся 160 р., средній заработокъ въ поденщину—84 к.; тамъ же въ 1884 г. средній заработокъ рабочаго—171 р., средній заработокъ въ поденщину 88 к. [6]). На пріискахъ Базилевскаго средній заработокъ въ поденщину (вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ) равнялся въ 1877 г.—1 р. 22 к., въ 1878 г.—1 р. 12 к., въ 1879 г.—89 к., въ 1880 г.—1 р. 1 к., въ 1881 г.—97 к., въ 1882 г.—1 р. 15 к., въ 1883 г.—1 р. 23 к., а въ среднемъ за эти семь лѣтъ—1 р. 8 к.; на резиденціяхъ Базилевскаго заработокъ

---

[1]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2768, № 63—63, л. 4 об., 65 об.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 74.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2771, №№ 110—100, л. 300—303.

[4]) Арх. Базилевскаго, краткій счетъ рабочихъ за 1882 г.

[5]) Арх. К° Промышлен. и Прибрежно-Витим., разсчетъ съ рабочими Прибр.-Витим. К° за 1882 г.

[6]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 136, 138; 2771, № 110—100, л. 157 об., 159.

былъ гораздо менѣе, а именно: въ среднемъ за поденщину въ 1877—83 гг. равнялся 51 к. въ день [1]). На Романовскомъ пріискѣ Малопатомскаго Т-ва средній заработокъ всѣхъ рабочихъ обоего пола равнялся въ 1880 г.—74 к., въ 1881 г.—67 к., въ 1882 г.—87 к., въ 1883 г.—86 к. По отчету горнаго исправника Олекминской и Витимской системъ за 1885 г. заработокъ рабочихъ въ этомъ году въ среднемъ на обѣихъ системахъ равнялся 189 р., а въ одну поденщину—1 р. 6 к. [2]). Изъ отчета исправника Витимской системы за 1888 г. видно, что средній заработокъ въ поденщину равнялся тогда въ этой системѣ 98 к. [3]). Въ томъ же году 1425 рабочихъ Ленскаго Т-ва Олекминской системы заработали въ среднемъ вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ по 221 р. [4]). Въ 1887 г. средній заработокъ рабочаго въ Олекминской системѣ равнялся 187 р., въ Витимской системѣ 201 р. и во всемъ Олекминскомъ округѣ въ обѣихъ системахъ въ среднемъ 195 р. Въ 1888 г. средній заработокъ рабочаго Олекминской системы равнялся 172 р., Витимской системы 154 р., въ среднемъ во всемъ округѣ 161 р.; въ 1889 г. въ Олекминской системѣ—181 р., въ Витимской—192 р., во всемъ Олекминскомъ округѣ 187 р. [5]). Въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.) мы находимъ среднія данныя за 1887—89 гг. относительно нѣсколькихъ отдѣльныхъ компаній. На промыслахъ К° Промышленности и Прибрежно-Витимской, по показанію ихъ управленій, средній заработокъ рабочаго вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ равнялся за эти годы 242 р., въ К° Базилевскаго—248 р., въ Ленскомъ Т-вѣ—169 р., въ К° Демидовой—144 р., въ Яково-Николаевскомъ Т-вѣ—114 р., въ Бодайбинской К°—152 р. [6]).

И такъ по отчетамъ горныхъ исправниковъ средній заработокъ рабочаго равнялся:

---

[1]) Матеріалы, сообщенные Л. Ѳ. Пантелѣевымъ.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2772, № 135—124, л. 180 об., 182 об.

[3]) При этомъ принимаются во вниманіе рабочіе у подрядчиковъ и на Воронцовской пристани. Арх. Горн. Испр. Витим. системы.

[4]) Краткій разсчетъ съ рабочими Ленскаго Т-ва за 1878 г.

[5]) „Памят. книжка Якут. обл. на 1891 г.“, стр. 111.

[6]) Въ настоящее время рабочіе Ленскаго Т-ва состоятъ *на своемъ содержаніи*. Средній заработокъ (вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ) дѣйствительнаго рабочаго (а не годового) на своемъ содержаніи равнялся въ этой К° въ 1893 г.—310 р., въ 1894 г.—336 р., въ 1895 г.—353 р. Цифры эти вычислены на основаніи данныхъ объ общемъ размѣрѣ заработка *годового* рабочаго и средней продолжительности дѣйствительнаго пребыванія на пріискахъ, приведенныхъ въ „Вѣстн. Золотопр.“, 1895 г., № 20, стр. 331, 1896 г., стр. 188 и 1897 г., стр. 117.

	Въ Витимской системѣ	Въ Олекминской системѣ.	Во всемъ Олекминскомъ горномъ округѣ.
Въ 1881 г.	173 р.	—	—
— 1882 „	230 „	—	—
— 1883 „	219 „	160 „	—
— 1884 „	213 „	171 „	—
— 1885 „	—	—	189 р.
— 1887 „	201 „	187 „	195 „
— 1888 „	154 „	172 „	161 „
— 1889 „	192 „	181 „	187 „

Слѣдовательно средніе заработки въ Олекминскомъ округѣ выше, чѣмъ въ Енисейскомъ, но нужно при этомъ не забывать бо́льшей отдаленности промысловъ Олекминскаго округа, а слѣдовательно и затраты рабочимъ большаго времени и денегъ на проходъ до пріисковъ. Въ Олекминской системѣ средніе заработки обыкновенно ниже, чѣмъ въ Витимской системѣ. Изслѣдуя размѣръ заработковъ въ Енисейскомъ округѣ, мы указали на то, что данныя горныхъ исправниковъ должны быть нѣсколько выше дѣйствительныхъ заработковъ общеконтрактныхъ рабочихъ, такъ какъ въ составъ этихъ данныхъ входятъ и заработки золотничниковъ, состоящихъ на своемъ содержаніи; но въ Олекминскомъ округѣ гораздо менѣе золотничниковъ, чѣмъ въ Енисейскомъ, и потому данныя горныхъ исправниковъ ближе къ дѣйствительной величинѣ заработковъ общеконтрактныхъ рабочихъ.

Средній заработокъ на промыслахъ Олекминскаго округа въ одну поденщину (вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ) на хозяйскихъ харчахъ равнялся:

	Въ Витимской системѣ.	Въ Олекминской системѣ.	Во всемъ Олекминскомъ горномъ округѣ.
Въ 1881 г.	— р. 73 к.	—	—
— 1882 „	1 „ 8 „	—	—
— 1883 „	1 „ 17 „	84 к.	—
— 1884 „	1 „ 6 „	88 „	—
— 1885 „	—	—	1 р. 6 к.
— 1888 „	— „ 98 „	—	—

Въ сѣверноенисейской системѣ среднее вознагражденіе за поденщину въ 1881—83 гг. равнялось 56 к., въ южноенисейской системѣ въ

1883 г.—64 к. На амурскихъ промыслахъ вознагражденіе за поденщину, какъ мы увидимъ ниже, было почти такое же, какъ на пріискахъ Олекминскаго округа.

Сравнимъ данныя относительно отдѣльныхъ КК° за различное время. Въ 1866 г. рабочіе Прибрежно-Витимской К° заработали въ среднемъ по 122 р., въ 1872 г. К° Сибирякова и Базанова—247 р., въ 1876 г. Прибрежно-Витимской К°—221 р., въ 1882 г.—200 р., въ 1887—89 гг. КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской вмѣстѣ 242 р. На промыслахъ К° Базилевскаго въ 1870 г. рабочіе заработали въ среднемъ по 123 р., въ 1872 г. 259 р., въ 1887—89 г.—248 р. На промыслахъ Ленскаго Т-ва въ 1869 г. средній заработокъ равнялся 119 р., въ 1872 г.—220 р., въ 1888 г.—221 р., въ 1887—89 гг.—169 р. Слѣдовательно *со времени 60-хъ годовъ заработки значительно увеличились*. Это видно и изъ размѣра заработка въ одну поденщину: въ 1866 г. средній заработокъ въ поденщину на промыслахъ Прибрежно-Витимской К° равнялся 61 к., въ 80-хъ же гг. средній заработокъ въ Витимской системѣ колебался между 73 к. и 1 р. 17 к. Средній заработокъ въ поденщину по извѣстнымъ намъ даннымъ 80-хъ гг. равнялся въ Витимской системѣ 1 р. Если вспомнить, что тутъ принимаются обыкновенно во вниманіе и рабочіе подрядчиковъ, и рабочіе въ пріисковомъ пароходствѣ, то средній заработокъ собственно на пріискахъ долженъ бы быть нѣсколько выше, еслибы только данныя горныхъ исправниковъ не были нѣсколько увеличены заработками золотничниковъ, состоящихъ на своемъ содержаніи. *Поэтому 1 р. въ день на хозяйскихъ харчахъ и можно считать среднимъ заработкомъ рабочаго въ Витимской системѣ*. Въ Олекминской системѣ заработки были нѣсколько меньше: средній заработокъ въ поденщину въ 1883—84 гг. равнялся 86 к. Но мѣстная правительственная администрація принимала и здѣсь среднимъ числомъ заработокъ 1 р. въ день на хозяйскихъ харчахъ, когда приходилось опредѣлять слѣдующее рабочимъ вознагражденіе въ какихъ-либо спорныхъ случаяхъ. Тотъ же средній поденный заработокъ мы находимъ и въ началѣ 90-хъ гг. Въ 1892 г. средній заработокъ въ поденщину равнялся въ К° Промышленности 1 р. 6 к., въ Бодайбинской К°—1 р. 8 к., въ Ленскомъ Т-вѣ—1 р. 3 к. на хозяйскомъ содержаніи [1]).

Въ Ленскомъ Т-вѣ въ 1893 г. рабочіе обоего пола заработали вмѣстѣ въ поденщину *на своемъ содержаніи*—1 р. 56 к., въ 1894 г.—1 р. 67 к., въ 1895 г.—1 р. 75 к. [2]). Такъ какъ по оцѣнкѣ самой К° стоимость содержанія въ день въ концѣ 80-хъ гг. принималась въ 70 к.

---

[1]) „Восточ. Обозр.“ 1895 г., № 23.

[2]) „Вѣстн. Золотопр.“, 1897 г., № 5, стр. 117.

(а за исключеніемъ стоимости обязательной винной порціи будетъ равняться теперь нѣсколько болѣе 60 к.), то слѣдовательно, если вѣрна цифра средняго заработка въ 1892 г., то заработокъ рабочаго Ленскаго Т-ва въ 1893—94 г. былъ менѣе, чѣмъ въ 1892 г. [1]), но сравнительно съ 1887—89 гг. онъ нѣсколько увеличился.

Относительно средняго заработка, вычисленнаго нами на основаніи отчетовъ горныхъ исправниковъ, нужно помнить, что это именно средній заработокъ, а въ Олекминскомъ округѣ есть и такія КК°, гдѣ работа идетъ круглый годъ, благодаря подземнымъ работамъ, и такія, гдѣ работы производятся только въ лѣтнія операціи (напр. у Плетюхина). Понятно, что въ первыхъ заработокъ рабочихъ будетъ выше, чѣмъ во вторыхъ. Размѣръ заработка очень измѣняется также въ зависимости отъ того, есть или нѣтъ на промыслахъ извѣстной К° подъемное золото.

Въ указанныхъ нами выше данныхъ о заработкахъ рабочихъ уже включенъ заработокъ на подъемномъ и старательскомъ золотѣ; посмотримъ теперь, (гдѣ мы имѣемъ для этого данныя), какой % общаго заработка составляетъ вознагражденіе за подъемное золото. Такъ въ 1881 г. въ общей суммѣ заработка рабочихъ Витимской системы, какъ видно изъ отчета горнаго исправника, заработокъ на подъемномъ золотѣ составлялъ почти 15%, а на старательскомъ почти 18% [2]). По промысламъ отдѣльныхъ КК° это вознагражденіе распредѣлялось такимъ образомъ: на промыслахъ Прибрежно-Витимской К° вознагражденіе за подъемное золото составляло 29% общаго заработка, а заработка на старательскомъ золотѣ не было вовсе; въ К° Промышленности заработокъ на подъемномъ золотѣ равнялся лишь 4%, на старательскомъ 25%, Бодайбинской К° на подъемномъ—1%, на старательскомъ—52% общаго заработка; въ К° Плетюхина на подъемномъ золотѣ 17%, на старательскомъ 48%, наконецъ, на пріискѣ Дмитріева на подъемномъ 40%, на пріискахъ же Владимірской К°, К° Гинцбурга и К° Громова, Дьячкова и Демидова не было заработка ни на подъемномъ, ни на старательскомъ золотѣ [3]). На пріискахъ одной и той же К° въ разные годы заработокъ на подъемномъ золотѣ былъ не одинаковъ. Такъ на пріискахъ Базилевскаго въ 1877 г. заработокъ этотъ составлялъ 42% общаго заработка, въ 1878 г. 25%, въ 1879 г.—7%, въ 1880 г.—16%, въ 1881 г.—12%, въ 1882 г.—28%, въ

---

[1]) Отчасти это можетъ зависѣть отъ уменьшенія средней продолжительности пребыванія рабочихъ на промыслахъ, которая равнялась на промыслахъ Ленскаго Т-ва въ 1891 г.—201 дню, въ 1892 г.—209 д., въ 1893 г.—195 д., въ 1894 г.—201 д., въ 1895 г.—204 д. „Вѣстн. Золотопр.“ 1895 г., стр. 331, 1896 г., стр. 188.

[2]) Часть этого старательскаго золота должна быть добыта старателями-золотничниками, но не вся, такъ какъ въ томъ же отчетѣ за 1881 г. указано, что „подъемнаго, т.-е. полученнаго при хозяйскихъ урочныхъ работахъ“ золота добыто болѣе 45 п., а „собственно добытаго старателями, т.-е. золотничниками“ болѣе 10 п., между тѣмъ вознагражденіе за подъемное золото составляетъ 15%, а за старательское 18%. Очевидно, большая часть старательскаго золота добыта общеконтрактными рабочими въ свободное время.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр., К. 2766, № 37—45, л. 311 об.—312.

1883 г.—24%, слѣдовательно заработокъ на подъемномъ золотѣ колебался отъ 7 до 42% [1]). Изъ записки г. Михайлова (1890 г.) видно, что въ среднемъ за 1887—89 гг. на каждаго дѣйствительнаго рабочаго приходилось платы за подъемное золото въ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской по 46 р. (19% всего заработка) [2]), у Базилевскаго по 36 р. (15% всего заработка), въ Ленскомъ Т-вѣ по 47 р. (28%), у Демидовой по 51 р. (36% заработка), а въ Яково-Николаевскомъ Т-вѣ и Бодайбинской К° подъемнаго золота почти не было; въ первомъ вознагражденія за него пришлось на каждаго рабочаго по 87 к., во второй, по 10 копѣекъ.

Въ большинствѣ контрактовъ выдача денегъ на промыслахъ предоставляется усмотрѣнію управленія; иногда прибавлено, что рабочіе могутъ просить о выдачѣ лишь по отработкѣ уже забраннаго ими. Лишь въ немногихъ контрактахъ рѣшительно воспрещается требовать деньги за работу на промыслахъ до общаго разсчета [3]). Главноуправляющій промыслами Базилевскаго въ запискѣ, представленной иркутскому генералъ-губернатору въ 1890 г., говоритъ: „на руки рабочему въ управляемомъ мною дѣлѣ не выдается денегъ, и это обусловлено въ контрактѣ, за исключеніемъ развѣ большихъ праздниковъ, и то въ очень ограничѣнномъ размѣрѣ [4]), даже по контракту болѣе 25 руб. онъ не имѣетъ право имѣть на рукахъ; зато ему не возбраняется пересылать на родину хоть весь свой заработокъ, но вкладываетъ деньги сама контора“ [5]). Дѣйствительно, въ договорахъ Базилевскаго 1878 и 80-хъ гг. сказано: „Такъ какъ всякаго рода припасы и предметы заготовлены въ пріисковыхъ складахъ, потому никому изъ насъ при себѣ большихъ денегъ не держать безъ вѣдома управленія подъ опасеніемъ, что если при обыскѣ у кого либо будетъ найдено болѣе 25 р., то по 10 коп. съ рубля удерживать въ пользу открывателей, остальные же записываются

---

[1]) Матеріалы, сообщенные Л. Ѳ. Пантелѣевымъ.

[2]) Въ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской въ операцію 1893 г. заработокъ на подъемномъ золотѣ составлялъ 31%, а въ Ленскомъ Т-вѣ въ операцію 1894 г. 18% общаго зработка. „Восточ. Об.“, 1894 г., № 127: „Вѣстн. Золотопром.“, 1895 г., стр. 332.

[3]) Такъ, напр., въ договорахъ К° Промышленности 1870 г. и Малопатомскаго Т-ва 1880 г.

[4]) Вмѣсто денегъ на пріискахъ Базилевскаго выдаютъ квитанцію, по которой рабочій можетъ получить все, что ему нужно въ пріисковомъ магазинѣ. Если же ему нужны именно деньги, то приходится продать купленные предметы со скидкою 20—30% тутъ же на пріискѣ, или на сторонѣ, или просто продать квитанцію со скидкою 10—30% или и болѣе. „Но и передъ такою скидкою рабочій не останавливается, такъ какъ покупка на сторонѣ обходится рабочимъ все-таки дешевле, чѣмъ въ пріисковомъ магазинѣ“. „Восточ. Об.“, 1896 г., № 3.

[5]) Отъ того и бываетъ, что денежныя письма рабочихъ ихъ семьямъ по цѣлымъ мѣсяцамъ ждутъ вложеній на резиденціяхъ по неимѣнію у К° денегъ. „Восточ. Об.“, 1895 г., № 17—18.

въ заслугу того, у кого будутъ найдены. Но какъ по опыту оказывалось, что большія деньги держатся рабочими на рукахъ исключительно для запрещенной торговли спиртомъ и для скупа золота, то если при деньгахъ окажутся улики незаконнаго ихъ пріобрѣтенія, всѣ деньги отбираются въ пользу открывателей. Для безопаснаго же сохраненія денегъ должны мы отдавать ихъ мѣстному управляющему или при посредствѣ его можемъ таковыя отсылать въ банкъ для приращенія процентами“ [1]).

Въ 1893 г. Ленское Т-во открыло сберегательную кассу, въ которую принимаются вклады отъ 25 руб.; на всѣ внесенныя суммы промысловое управленіе уплачиваетъ 6% въ годъ [2]).

Посмотримъ теперь, какъ распредѣляется весь заработокъ рабочаго [3]).

Мы указывали уже, какой процентъ составляетъ задатокъ въ общемъ заработкѣ рабочихъ; распредѣленіе остального заработка (въ процентахъ) указано въ только что приведенной таблицѣ. Изъ нея видно, что въ уплату податей и своимъ семействамъ рабочіе отправляли въ 80-хъ гг. деньгами съ промысловъ Витимской системы отъ 6,8 до 13,9% заработка, въ Олекминской системѣ въ 4 года, относительно которыхъ мы имѣемъ данныя, отъ 6,2 до 8,8%; отослано на сбереженіе въ „банковыя учрежденія“ въ Витимской системѣ отъ 1 до 5,3%, въ Олекминской системѣ отъ 1,7 до 2; выдано на пріискахъ товарами и припасами въ Витимской системѣ отъ 27,5% до 59%, въ Олекминской системѣ отъ 39,8 до 64,9% (въ 1885 г. въ обѣихъ системахъ вмѣстѣ даже 65,3%), причемъ процентъ забора на пріискахъ въ концѣ 80-хъ гг. выше, чѣмъ въ первой половинѣ этого десятилѣтія. Додача составляла въ общемъ заработкѣ рабочаго въ Витимской системѣ отъ 23,7 до 56%, въ Олекминской отъ 19,1 до 47,1%, причемъ *додача въ концѣ 80-хъ годовъ менѣе, чѣмъ въ первой половинѣ этого десятилѣтія.*

Такъ какъ задатокъ выдавался частью деньгами, частью вещами, то на основаніи данныхъ въ отчетахъ горныхъ исправниковъ мы не можемъ опредѣлить, какой процентъ всего заработка былъ полученъ рабочими деньгами и какой вещами, но приведемъ нѣкоторыя указанія относительно отдѣльныхъ промысловъ изъ разсчетной книжки.

На основаніи разсчетной книги съ рабочими Прибрежно-Витимской К° за операцію 1876 г. [4]) мы вычислили, что 186 рабочихъ получили ровно половину

[1]) Сходное съ этимъ постановленіе есть только въ договорѣ Ленскаго Т-ва 1883 г.

[2]) Въ операцію 1894—95 г. изъ рабочихъ ею воспользовались 203 вкладчика, внесшихъ 79667 р. (въ среднемъ по 392 р.). „Вѣст. Золот.“, 1896 г., № 10, стр. 209.

[3]) См. таблицу въ *Дополненіи XVIII.*

[4]) По описи—№ 566, т. I.

своего заработка деньгами (не считая подъемнаго золота) и половину вещами. На пріискахъ Базилевскаго въ операцію 1879 г. деньгами и вещами было выдано также почти одинаковое количество вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ (по даннымъ относительно 115 рабочихъ). Въ Бодайбинской К° въ операцію 1884 г. преобладала выдача вещами; по крайней мѣрѣ изъ всей выдачи 72 рабочимъ въ размѣрѣ 17939 р. (считая и вознагражденіе за подъемное золото) выдано было „имущества“ 10725 р., „кассы“ (т.-е. деньгами) 4949 р. и „другихъ счетовъ“ 2265 р. Въ запискѣ г. Михайлова (1890 г.) есть данныя относительно нѣкоторыхъ промысловъ о томъ, сколько изъ заработанныхъ рабочими денегъ, кромѣ вознагражденія за подъемное золото, было получено товаромъ и припасами въ среднемъ за 1887—89 гг., а именно, на промыслахъ К° Промышленности и Прибрежно-Витимской 27,5%, Базилевскаго 30,4%, Ленскаго Т-ва 67%, Демидовой 70%, Яково-Николаевскаго Т-ва 59% и Бодайбинской К° 70%. Распредѣленіе вознагражденія за подъемное золото неизвѣстно, но на него рабочіе въ нѣкоторой степени также закупали товары и припасы изъ пріисковыхъ амбаровъ и магазиновъ. Меньшій процентъ забора припасами и товарами въ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской тѣмъ и объясняется, что, какъ замѣчаетъ г. Михайловъ, „плата за подъемное золото въ этой К° даетъ рабочимъ возможность, при существованіи особаго магазина, продающаго товары на деньги, менѣе брать товаровъ и припасовъ изъ амбара въ счетъ заработка“. Такимъ образомъ, говоритъ г. Михайловъ, „процентъ выдачи платы товарами и припасами въ большинствѣ случаевъ превышаетъ процентъ денежной уплаты. Можно почти съ увѣренностью сказать, что 2 первыя дѣла единственныя, гдѣ выдача денегъ преобладаетъ надъ отпускомъ товаровъ и припасовъ въ счетъ платы. О мелкихъ пріискахъ говорить излишне: тамъ на долю товаровъ падаетъ свыше 90%“. По словамъ г. Михайлова, „чрезмѣрная выдача рабочимъ товаровъ и припасовъ въ счетъ платы“ составляетъ „одну изъ самыхъ прискорбныхъ сторонъ золотого промысла“.

Мы указывали, какую часть всего заработка составляетъ додача, и видѣли, что въ концѣ 80-хъ годовъ она падала до $^1/_4$ и даже $^1/_5$ заработка. Но такъ какъ не всѣ получаютъ додачу, а многіе остаются въ долгу, то для получающихъ додачу она будетъ составлять большую долю заработка. Приведемъ нѣкоторыя указанія относительно абсолютной величины додачи. Горный исправникъ Витимской системы въ отчетѣ за 1875 г. говоритъ: „Съ болѣе или менѣе значительнымъ заработкомъ выходятъ только тѣ, которые пробыли на пріискахъ не менѣе двухъ, трехъ лѣтъ... Въ истекшую операцію, по окончаніи лѣтнихъ работъ, съ промысловъ Базанова и Сибирякова разсчитано до 1200 рабочихъ; изъ нихъ 625 чел. додано при разсчетѣ 27700 р. или около 45 р. на каждаго“ (слѣдовательно додачу получили лишь не много болѣе половины рабочихъ), „а 575 чел. остались въ долгу на сумму около 16750 р. или болѣе 27 р. на человѣка; но цифра додачи еще уменьшится, если принять во вниманіе, что многіе рабочіе получили свой заработокъ не за одну настоящую операцію, а за нѣсколько лѣтъ работъ на промыслахъ“ [1]). Если исключить долгъ

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ., К. 2574; № 189—243, л. 89.

изъ чистаго заработка и остатокъ раздѣлить на всѣхъ 1200 рабочихъ, то окажется, что средняя додача на всѣхъ равнялась бы 9 руб. И это въ самой богатой К° Витимской системы.

На основаніи одного тома разсчетной книги Прибрежно-Витимской К° 1876 г.[1]) мы опредѣлили, что изъ 186 чел. рабочихъ м. п. 127 чел. получили додачу въ среднемъ по 42 р. (наибольшая додача 397 р.). Если же мы изъ додачи получившихъ ее вычли бы долгъ и раздѣлили бы остатокъ на все число (186) рабочихъ, то средній чистый заработокъ равнялся бы всего 22 р. На основаніи одного тома разсчетной книги Ленскаго Т-ва за 1876 г. [2]) мы вычислили, что изъ 233 чел. об. п. получили додачу лишь 81, т.-е. 34% (наибольшая додача 276 р.). Въ среднемъ, каждому изъ получившихъ додачу пришлось по 51 руб., но долгу за должниками осталось болѣе, чѣмъ получили додачи 81 чел., такъ что, если взять всѣхъ 233 чел., то въ среднемъ они не только не получили никакой додачи, но еще остались должны около 4 р. каждый. На основаніи одного тома разсчетной книги Базилевскаго за 1879 г. мы опредѣлили, что изъ 115 чел. рабочихъ об. п. 80 чел. получили додачу въ среднемъ по 107 руб. (максимумъ додачи 568 р.), а если вычесть небольшой долгъ и раздѣлить остатокъ на всѣхъ 115 чел. рабочихъ, то средній чистый заработокъ получится въ 68 руб. На основаніи одного тома разсчетной книги Бодайбинской К° 1884 г. мы вычислили, что изъ 77 чел. получили додачу 61 чел., въ среднемъ по 89 р. (наибольшая додача 591 р.). Если же изъ додачи вычесть небольшой долгъ, оставшійся за должниками, и раздѣлить остатокъ на 77 чел., то получимъ средній чистый заработокъ въ 69 р.

Среднія цифры должны удерживать отъ увлеченія нѣсколькими случаями крупныхъ додачъ, да и то эти крупныя додачи могутъ быть результатомъ труда не одного, а нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ какъ въ указанной выше таблицѣ въ данныхъ за 1887—89 гг. процентъ долговъ обозначенъ, то, вычтя изъ процента заработка процентъ долговъ и вычисливъ величину этой разницы на основаніи данныхъ о среднемъ заработкѣ, мы получимъ величину средняго чистаго заработка *всѣхъ* рабочихъ, а не только получившихъ додачу, а именно: въ Витимской системѣ въ 1887 г.—87 р., въ 1888 г.—31 р., въ 1889 г.—47 р.; въ Олекминской системѣ въ 1887 г.—86 р., въ 1888 г.—30 р., въ 1889 г.—46 р. Изъ этого видно, что не особенно большія богатства выносили рабочіе съ этой богатой золотоносной системы.

Въ контрактахъ обыкновенно говорилось, что рабочіе, задолжавшіе золотопромышленнику, должны были или уплатить свой долгъ, или отработать его, не выходя съ промысловъ [3]). Что условіе объ отра-

---

[1]) По описи № 566, т. I.

[2]) По описи № 34.

[3]) Купенковъ въ своей запискѣ 1872 г. обратилъ вниманіе на то, что подобныя мѣры на основаніи правилъ 1870 г. разрѣшались золотопромышленникамъ принимать лишь относительно ссыльно-поселенцевъ, о другихъ же рабочихъ, не принадлежащихъ къ этой категоріи, въ параграфахъ 15 и 16 сказано: разсчетъ между золотопромышленникомъ и рабочими производится ежегодно, по окончаніи промысловой операціи.

боткѣ долга не оставалось мертвою буквою, по крайней мѣрѣ относительно поселенцевъ, видно изъ слѣдующихъ словъ горнаго исправника, 1872 г. При объѣздѣ пріисковъ въ августѣ мѣсяцѣ этого года онъ потребовалъ исполненія той ст. Горнаго Устава, по которой оставшемуся въ долгу по найму поселенцу паспортъ не выдается до возвращенія имъ долга, и наемъ къ другому золотопромышленнику обусловленъ принятіемъ имъ на себя долга рабочаго прежнему хозяину. Управляющіе просили горнаго исправника заставить должниковъ отработать свой долгъ. Рабочіе отвѣчали, что ранѣе этого не бывало, и такого обязательства они не давали. И исправникъ, и членъ совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири Купенковъ прочитали имъ ст. Горнаго Устава съ разъясненіемъ, что это законъ Государя, и что законъ издается не для обсужденія, а для исполненія; исправникъ напомнилъ, что при засвидѣтельствованіи контрактовъ онъ самъ читалъ имъ статью въ договорахъ объ отработкѣ долга, а также заставлялъ грамотныхъ рабочихъ читать и то, и другое своимъ неграмотнымъ товарищамъ. Подъ вліяніемъ этихъ убѣжденій многіе изъ должниковъ остались отрабатывать долгъ, попросивъ только позволенія выѣхать на резиденцію отдохнуть, другіе же перешли въ новыя КК°, обязавшіяся при наймѣ уплатить за нихъ долги [1]). Изъ одной оффиціальной бумаги мѣстнаго окружнаго инженера 1887 г. видно, что даже въ это время бывали „незаконныя надписи со стороны учрежденій на паспортахъ полноправныхъ лицъ о долгахъ“ [2]). Золотопромышленники обыкновенно жаловались на то, что за рабочими пропадаетъ много долговъ, но г. Михайловъ въ своей запискѣ (1890 г.) справедливо замѣчаетъ, что „задолженность рабочаго находится въ сильной зависимости отъ пріисковыхъ управленій, въ особенности на небольшихъ промыслахъ, часто основывающихъ свои дѣла, главнымъ образомъ, на сбытѣ изъ своихъ лавокъ товаровъ“.

Посмотримъ, дѣйствительно ли были велики долги, остававшіеся за рабочими. По отчету горнаго исправника 1881 г. въ Витимской системѣ за рабочими бѣжавшими, умершими и по другимъ причинамъ „пропало“ долговъ 25796 руб.,

---

По истеченіи срока найма рабочій получаетъ отъ золотопромышленника свой паспортъ и окончательно разсчитывается по условію. Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2544, № 48—103, л. 124.

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 461. Съ задолжавшихъ рабочихъ, какъ видно изъ дѣлъ Прибрежно-Витимской К°, брались росписки.

[2]) Дѣло Канц. Ирк. Горн. Управ., № 14, т. II. Одинъ изъ главныхъ служащихъ въ КК° Промышлен. и Прибр.-Витим. г. Стрижевъ въ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ 1887 г. жалуется на запрещеніе этого мѣстнымъ ревизоромъ. Авторъ ст. въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ (1889 г., вып. II, стр. 37) говоритъ объ обозначеніи долга на паспортахъ, какъ объ общепринятомъ обычаѣ, не выдѣляя при томъ поселенцевъ.

что при общей суммѣ заработка болѣе 1 милліона рублей составляетъ самую ничтожную величину, а при раздѣленіи на все количество наличныхъ рабочихъ въ эту операцію оказывается небольшимъ накладнымъ расходомъ по 4 р. на каждаго. Въ 1882 г. въ той же системѣ за бѣжавшими, умершими и неявившимися „пропало“ долговъ 73791 руб. при общемъ заработкѣ въ 1.361,254 руб.; на каждаго наличнаго рабочаго это составитъ по 12 руб. Въ 1883 г. въ той же системѣ „пропало“ долгу всего 67607 руб. (при раздѣленіи на всѣхъ наличныхъ рабочихъ получимъ 10 съ небольшимъ рублей), сумма сама по себѣ небольшая, да къ тому же значительная часть этого долга осталась за неявившимися рабочими (12700 руб.) и 12580 р. за умершими пропали у подрядчика, занимавшагося поставкою лѣсныхъ матеріаловъ для К° Базанова и Сибирякова. „Не явились для отработки долга“, говоритъ горный исправникъ, „исключительно все инородцы изъ якутовъ по случаю существовавшей въ Олекминскомъ округѣ оспенной эпидеміи“. Изъ этихъ словъ видно, что отработка долга все-таки существовала, слѣдовательно часть долговъ могла быть отработана и въ слѣдующую операцію. Нужно еще замѣтить, что 58% всей суммы долга въ эту операцію осталось за рабочими, разсчитанными пріисковыми управленіями „по неспособности и другимъ случаямъ“. Въ 1884 г. въ Витимской системѣ пропало за рабочими 41430 р., въ томъ числѣ 75% за разсчитанными „по неспособности и другимъ случаямъ“; это составляетъ менѣе 6 руб. на каждаго наличнаго рабочаго. Въ Олекминской системѣ въ 1883 г. пропало долговъ 17305 р., что на каждаго наличнаго рабочаго составитъ менѣе 4-хъ руб.; въ 1884 г.—21733 р.,—около 5 р. на каждаго наличнаго рабочаго. Въ 1885 г. въ обѣихъ системахъ Олекминской и Витимской пропало долговъ 38481 р. (въ томъ числѣ 70% за разсчитанными по болѣзни и другимъ причинамъ), что составитъ на каждаго наличнаго рабочаго нѣсколько болѣе 3-хъ руб. Мы видѣли изъ таблицы, напечатанной въ Дополненіи XVIII, что пропавшіе долги составляли въ 1887—89 гг. въ Витимской системѣ всего отъ 2-хъ до 3,6% всей выдачи, а въ Олекминской еще менѣе—отъ 1 до 1,4%, что въ обѣихъ системахъ вмѣстѣ составитъ на каждаго наличнаго рабочаго всего 3—4 руб. [1]), а въ 1890 г. въ Витимской системѣ даже менѣе 3-хъ руб. [2]).

Приведемъ нѣкоторыя данныя относительно отдѣльныхъ КК°. Въ операцію 1873 г. въ К° Промышленности за 221 рабочимъ осталось долгу 13447 р., что составитъ въ среднемъ почти по 69 р. на каждаго должника (наибольшій долгъ 378 р.), при раздѣленіи же на всѣхъ рабочихъ К°, это составитъ менѣе 9 руб. на каждаго [3]). Въ 1875 г., на промыслахъ К° Базанова и Сибирякова осталось въ долгу 575 чел. (около 48%) на сумму 16750 р., или по 29 р. на чел., при раздѣленіи же долга на все число рабочихъ—около 14 р. на каждаго [4]). Въ 1882 г. въ К° Промышленности за 265 рабочими осталось 21368 р. долгу или въ среднемъ по 80 руб. на каждаго должника, а при раздѣленіи на всѣхъ рабочихъ—по 11 р. на каждаго [5]). На промыслахъ Базилевскаго въ 1887—89 гг. оставалось самое ничтожное количество долговъ (въ 1889 г. на Вѣрномъ пріискѣ 18 р. на всѣхъ рабочихъ). Въ 1894 и 95 гг. долги, пропавшіе за рабочими, составляли лишь 0,7% всей выдачи [6]).

---

[1]) „Памятн. Книж. Якут. Области, на 1891 г.“, стр. 111.
[2]) Отчетъ Горн. Исправ.
[3]) Арх. К° Промышл. 1873 г., № 13—284.
[4]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2574, № 189—243, л. 89.
[5]) Отчетъ К° Промышл. за 1882 г., Прил. подъ л. Н.
[6]) „Вѣстн. Золот.“ 1895 г., стр. 333; 1896 г., стр. 188.

Рабочіе выносили въ среднемъ съ олекминскихъ промысловъ незначительныя додачи; пополненіемъ ихъ служили нелегальные заработки—тайное хищеніе золота [1]). Количество его, разумѣется, мало поддается учету, но иногда слишкомъ преувеличивали размѣръ такого хищенія. Исправникъ Витимской горной системы въ отчетѣ за 1875 г. говоритъ: „существующее понятіе о баснословной цифрѣ выносимаго съ промысловъ“ К° Базанова и Сибирякова „золота не заключаетъ въ себѣ никакого вѣроятія. Быть можетъ хищничество золота принимало широкіе размѣры въ прежніе годы, когда не было такого строгаго надзора, какой установленъ въ настоящее время“ [2]). По словамъ г. Калагеорги (1882 г.), безъ подъемнаго золота, воровства золота и другихъ аферъ „рабочій, какъ бы ревностно ни трудился, не въ состояніи сдѣлать сбереженія“. Сбывали рабочіе краденое золото въ селеніяхъ Витимѣ и Нохтуѣ. „Прежде въ с. Витимѣ рабочіе послѣ разсчета носили въ карманахъ золото, которое горстями предлагали купить всякому встрѣчному, называя золото пшеничкой; бывали случаи нахожденія золота, разсыпаннаго на улицѣ; теперь ничего подобнаго нѣтъ, но тѣмъ не менѣе кража золота и тайный скупъ его продолжаются и, судя по общему голосу, размѣры воровства увеличиваются [3]). Ген. Педашенко въ запискѣ 1885 г. указываетъ на то, что находящимся на промыслахъ казакамъ „даже не выгодно стараться объ искорененіи хищничества золота, такъ какъ за отобраніе отъ рабочаго утаеннаго при работѣ золота промысловое управленіе платитъ казакамъ по 2 р. за золотникъ [4]), и изъ донесенія Калагеорги видно, что на однихъ только пріискахъ Сибирякова и К° было уплачено казакамъ за представленное ими золото въ операцію 1879—80 г. 8546 р.“ [5]). Авторъ статьи въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ указываетъ на то, что рабочіе считаютъ золото божьимъ [6]). Количество обнаруженнаго хищническаго золота ничтожно: въ 1873—83 гг. самое большое количество его въ годъ равнялось 35 фун. [7]). Между тѣмъ, если вѣрны свѣдѣнія, сообщаемыя одною газетою, количество его въ дѣйствительности весьма значительно [8]).

---

[1]) Преданія военному суду за кражу золота въ разсматриваемое время уже не существовало. Ср. *Розановъ*, изд. I, стр. 126—127.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2574, № 189—243, л. 92.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2765, 37—30, л. 52, 58, 65—86.

[4]) Теперь нѣкоторыя КК° платятъ по 5 рублей.

[5]) Дѣло канц. Иркут. Гор. Упр. № 11.

[6]) „Сиб. Сборн.“ 1889 г., вып. II, стр. 39.

[7]) „Приложеніе I къ выпуску I сборника гл. оффиц. докумен.“ т. VII, отчетъ о золотопр. Восточ. Сиб. за 1882 г., прил. № 13.

[8]) Авторъ этой замѣтки говоритъ, что „на рынокъ поступаетъ корчемное золото отъ старателей, отъ хозяйскихъ рабочихъ, отъ скупщиковъ, отъ казаковъ, отъ крупныхъ и мелкихъ спиртоносческихъ партій“. Главные пункты сбыта корчемнаго золота

Скупкою золота, по свидѣтельству Калагеорги (1882 г.), занимаются подрядчики, поставляющіе лѣсъ и уголь и живущіе въ лѣсу по сосѣдству пріисковъ, затѣмъ нѣкоторые конюхи, кучера и пр. [1]), спиртоносы и наконецъ сами золотопромышленники и ихъ довѣренные. По словамъ г. Михайлова (1890 г.), „большинство незначительныхъ производствъ, ютящихся около богатыхъ промысловъ, или представляютъ такъ называемую сухую промывку, т.-е. тайный скупъ золота отъ рабочихъ другихъ промысловъ, или оперируютъ на продажѣ товаровъ, припасовъ и вина съ надбавкою большихъ процентовъ, отдавая заарендованные ими пріиски въ разработку „золотничникамъ“ [2]).

Разсчетъ рабочихъ въ Витимской системѣ производится 10-го сентября, а въ Олекминской ранѣе, чтобы рабочіе могли поспѣть на пароходы, которые отправляются изъ Бодайбинской резиденціи 11—15 сентября. Разсчетъ производится по разсчетнымъ листамъ или книжкамъ.

Отмѣтимъ нѣкоторыя постановленія контрактовъ относительно разсчета рабочихъ. Въ договорѣ К° Промышленности 1870 г. сказано: „правильный и безобидный разсчетъ получать намъ отъ промысловаго управленія не позднѣе 10-го сентября, а деньги, слѣдующія намъ по разсчетамъ, выдаются по квитанціямъ тамъ, гдѣ управляющій сочтетъ удобнымъ, т.-е. на пріискѣ или на Ленско-Витимской резиденціи“. Въ договорѣ К° Промышленности и Прибрежно-Витимской 1887 г. это условіе выражено такимъ образомъ: „Для разсчета нашего съ промысловымъ управленіемъ выдаются намъ разсчетные листы и книжки, въ которыхъ записывается весь нашъ заборъ и заработокъ каждомѣсячно. Листы эти обязываемся хранить при себѣ, и утратившій его безпрекословно разсчитывается по книгамъ конторы и никакихъ жалобъ начальству на неправильность разсчета предъявлять не имѣетъ права. Всѣ претензіи на неправильность записей, сдѣланныхъ въ разсчетныхъ листахъ, каждый изъ насъ обязанъ заявлять конторѣ промысловъ своевременно, т.-е. въ теченіе послѣдующаго мѣсяца [3])..... А передъ окончаніемъ операціоннаго разсчета, т.-е. 10-го сентября, и окончанія срока настоящаго обязательства всѣ претензіи и справки должны вырѣшаться до 15-го августа, и по прошествіи этого срока мы никакихъ жалобъ и претензій о неправильномъ разсчетѣ приносить не имѣемъ права. По окончаніи срока настоящаго обязательства промысловое управленіе на причитающіяся намъ къ полученію суммы выдаетъ ордера или подлинные разсчетные листы на полученіе по нимъ денегъ въ ближайшемъ пунктѣ. Увольнительные наши виды, паспорта и

селенія Витимское и Мача; въ с. Мачу, по мнѣнію автора, сбывается до 30 пуд., въ Витимъ до 50 пуд. въ годъ. „Восточ. Обозр.“ 1891 г., № 44. Мы впрочемъ сомнѣваемся, чтобы эти цифры имѣли хотя бы приблизительную точность.

[1]) „Имъ управленіе платитъ, въ видѣ особой награды, по 2 р. за золотникъ“ (1882 г.), „желая увеличенной платой за золото предотвратить продажу его на сторону“.

[2]) Ср. „Восточ. Обозр.“ 1895 г., № 22, стр. 3.

[3]) Условіе о мѣсячномъ срокѣ на заявленіе претензій встрѣчаемъ и въ другихъ договорахъ.

билеты съ удостовѣреніями въ отсылаемыхъ деньгахъ выдаются намъ на руки". По договору Ленскаго Т-ва 1883 г. „причитающаяся доплата рабочимъ производится наличными деньгами въ первомъ по выходѣ изъ тайги жиломъ мѣстѣ, именно на Мачинской резиденціи или въ с. Витимскомъ, назначеннымъ для этого довѣреннымъ отъ управленія. Въ договорѣ той же К° 1890 г. прибавлено, что если кто-либо изъ рабочихъ „пожелаетъ получить свой разсчетъ на пріискѣ, то такой можетъ быть выданъ лишь послѣ общаго разсчета на Бодайбинской резиденціи по полученіи вѣдомости о лицахъ, коихъ разсчетъ не былъ произведенъ на названныхъ резиденціяхъ". Въ томъ же договорѣ сказано, что „съ 1-го по 10-е сентября никакихъ выдачъ имущественныхъ управленіе не производитъ, кромѣ выписки на наличныя деньги". Наконецъ въ договорѣ той же К° 1891 г. находимъ еще слѣдующее добавленіе: „Всѣ разсчеты по минувшей операціи обязательно заканчиваются не позже 1-го ноября. Послѣ этого срока книжка считается недѣйствительной".

Посмотримъ, какъ происходилъ разсчетъ въ дѣйствительности. Олекминскій горный исправникъ въ своемъ донесеніи генералъ-губернатору осенью 1872 г. говоритъ: „Конечно, въ самый день разсчета 10-го сентября безъ жалобы на пріискахъ Базанова опять не обошлось, и разбирательствъ на неправильность додачъ было не мало". Но все-таки въ нынѣшнемъ году ихъ было значительно менѣе сравнительно съ прошлымъ годомъ; „это произошло отъ того, что разсчетные листы, хранившіеся постоянно почти въ конторахъ, отданы были рабочимъ нынѣ на руки, и они могли каждую неправильность отмѣтокъ обжаловать въ теченіе того мѣсяца, когда она занесена, да и самыя отмѣтки заработанной платы и заборъ припасами и вещами велся съ большею, чѣмъ прежде, аккуратностью. Невозможностью кажется разбирательство съ рабочими, разъясненіе имъ или ошибокъ, или непониманія, но что это нетрудно и можно сдѣлать безъ крику и брани", продолжаетъ исправникъ, „я испыталъ самъ, убѣдивъ, напримѣръ, рабочихъ на пріискахъ Переяславцевой, что плата разносится имъ въ разсчетные листы вѣрно, и убѣдилъ лишь тѣмъ, что терпѣливо объяснилъ каждому отдѣльно, имѣя при этомъ одного изъ нихъ грамотнаго и прочитывая каждому раскомандировочный журналъ, въ которомъ отмѣчается, гдѣ и на какой работѣ ежедневно былъ рабочій и какую получилъ плату" [1]). Олекминскій исправникъ считалъ очень важнымъ передачу разсчетныхъ листовъ на руки рабочимъ; но этотъ порядокъ не удержался. По словамъ г. Калагеорги (1882 г.), „во избѣжаніе потери рабочіе оставляютъ разсчетные листы въ конторѣ. Просматривая эти листы", продолжаетъ онъ, „и провѣряя ихъ за нѣсколько мѣсяцевъ опросомъ рабочихъ, я вынесъ убѣжденіе, что рабочіе отлично знаютъ свой разсчетъ и что нигдѣ ихъ не обсчитываютъ, но на нѣкоторыхъ небольшихъ пріискахъ

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2549, № 126—71, л. 461 и слѣд.

листы ведутся крайне неряшливо, заработокъ записывается небрежно и неопредѣленно, такъ что въ случаѣ претензіи рабочаго трудно рѣшить, насколько она справедлива. Бо́льшій порядокъ и аккуратность въ этомъ отношеніи можно встрѣтить на пріискахъ Трапезниковыхъ, гдѣ вмѣсто листовъ заведены переплетеныя книжки, въ началѣ которыхъ напечатаны болѣе важныя статьи контрактовъ, затѣмъ плата за работу записывается съ подробнымъ обозначеніемъ рода занятій и числа дней, употребленныхъ на извѣстную работу“ [1]). Въ отчетахъ о золотопромышленности Восточной Сибири за 1879 и 80 гг. сказано: „выдача заработныхъ денегъ по квитанціямъ производится на баржахъ во время пути въ присутствіи горнаго исправника“ [2]). Однако не всегда бывало такъ: „ужаснымъ зломъ на пріискахъ“, говоритъ авторъ одной газетной статьи, „является выдача заработной платы рабочимъ и служащимъ, вмѣсто заслуженныхъ денегъ, квитанціями и товарами, каковая система практикуется у многихъ золотопромышленниковъ. Нѣкоторые на квитанціяхъ пишутъ: „выдача денегъ въ такомъ-то мѣстѣ у довѣреннаго“, а кто довѣренный—не обозначаютъ; между тѣмъ случается, что взявшій квитанцію тщетно розыскиваетъ въ назначенномъ мѣстѣ довѣреннаго пріиска, и, не находя его и не зная куда дѣваться съ квитанціею, принужденъ бываетъ продавать ее за полъ-цѣны, т.-е. получить 50 коп. за 1 руб., а то иногда человѣку, идущему въ разсчетъ, вмѣсто денегъ выдаютъ товары, съ которыми ему и дѣваться некуда, но если бы ему и можно было куда-нибудь сдать эти товары, то мѣшаютъ цѣны неимовѣрныя [3])“. Не малое затрудненіе съ пріисковыми ордерами приходилось испытывать и поставщикамъ товаровъ на пріиски, въ числѣ которыхъ бывали мѣстные инородцы [4]). Изъ донесенія горнаго исправника Олекминской системы за 1888 г. видно, что разсчетъ съ рабочими производился или на самыхъ пріискахъ, или на Бодайбинской резиденціи [5]). Но изъ записки Михайлова видно, что выдача квитанцій практиковалась нѣкоторыми пріисковыми управленіями и въ 1890 г. Г. Ангарскій говоритъ, что большія толпы рабо-

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2765, № 37—30, л. 57. Есть указаніе, что въ это время при разсчетѣ на пріискахъ рабочимъ выдавали лишь часть денегъ, а на остальныя вручали имъ квитанціи, по которымъ они получали деньги въ Иркутскѣ, въ конторахъ золотопромышленниковъ. „Сибирь“ 1882 г., № 31, стр. 8. Позднѣе это было запрещено, но при мнѣ (1891 г.) былъ случай жалобы рабочаго бывшему начальнику иркутск. горн. управ. на неполученіе денегъ въ Иркутскѣ, на что начальникъ только сказалъ: „зачѣмъ же они берутъ ордера, когда это запрещено“.

[2]) Дѣло Горн. Деп.

[3]) „Вост. Обозр.“, 1886 г., № 50, стр. 10. Ср. „Сибир. Сборн.“ 1889 г., выпускъ II, ст. Ангарскаго, стр. 49.

[4]) „Сибирь“, 1887 г., № 23, стр. 4.

[5]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2775 № 196—210, л. 12.

чихъ съ пріисковъ Ник-вой ходили по селу Витиму, имѣя на рукахъ только ордера на полученіе денегъ, по которымъ денегъ имъ никто не выдавалъ. „Положеніе ихъ было самое отчаянное: безъ гроша, въ холодной, плохой одеждѣ, при лютыхъ морозахъ, шлялись они по Витиму, ища суда и управы, а главное крова и хлѣба. Десятками являлись они то въ волость, то къ засѣдателю и съ воплемъ, терзаемые голодомъ и холодомъ, просили разсчета. Многіе даже оффиціальнымъ лицамъ заявляли, что голодъ можетъ вынудить ихъ на преступленія“ [1]).

Относительно выхода рабочихъ съ промысловъ олекминскій горный исправникъ въ 1872 г. доносилъ генералъ-губернатору: „опытъ прошлогодняго выхода рабочихъ на Витимъ показалъ, что промысловыя управленія не выдаютъ рабочимъ на дорогу достаточнаго количества сухарей, такъ что многіе изъ нихъ, придя на Бодайбо и не попавъ на пароходъ, должны ожидать прибытія новаго или идти пѣшкомъ и плыть на плотахъ, терпя недостатокъ въ продовольствіи. Кромѣ того, больные изъ рабочихъ не снабжались лошадьми, и для поданія помощи заболѣвающимъ не командировались пріисковые врачи“. Горный исправникъ предписалъ обратить на это особое вниманіе, и вслѣдствіе этого рабочихъ сопровождали при выходѣ два врача и одинъ фельдшеръ. „Сухарей роздано въ избыткѣ, и рабочіе продовольствовались ими не только въ ожиданіи парохода на Бодайбо и при переѣздѣ въ Витимъ, но запасныхъ взяли съ собой при слѣдованіи до Киренска; что же касается до сухарницъ“ (т.-е. предписаній на выдачу сухарей) „на дальнѣйшемъ пути до станціи Жигаловой, то таковыя выдавались лишь только К° Трапезниковыхъ. Всѣ же другія управленія отозвались, что заготовляютъ сухари только для тѣхъ рабочихъ, которые, будучи наняты въ верховьяхъ Лены, пойдутъ потомъ зимою на пріиски, и объясняли ненадобность ихъ для возвращающихся тѣмъ, что рабочіе вынесли съ собою заработки, достаточные, чтобы прокормиться въ пути. Отъ Бодайбо до Витима рабочіе ѣхали на пароходѣ на счетъ золотопромышленниковъ. При посадкѣ на баржи сдѣланъ былъ на Бодайбо обыскъ всѣхъ рабочихъ; дѣлались такіе же ранѣе и на дорогѣ [2])“.

Маіоръ Ларіоновъ, наблюдавшій за выходомъ рабочихъ съ частныхъ промысловъ 1871—73 гг., сообщаетъ, что рабочіе выходятъ съ пріисковъ съ трехъ пунктовъ: а) на Мачинскую резиденцію противъ Нохтуйской станціи Олекминскаго округа Якутской области; б) на станцію Крестовскую, Иркутской губерніи, въ 57 верст. отъ села Витимскаго и в) въ село Витимское и витимскія резиденціи, куда рабочіе

---

[1]) „Сиб. Сборн.“ 1889 г., пып. II, ст. Ангарскаго, стр. 49. Ср. случай задерживанія денегъ при разсчетѣ. „Вост. Об.“ 1895 г., № 17—18.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 458, 468.

послѣ операціи доставлялись съ пріисковъ по р. Витиму на пароходахъ большими массами. „Сюда выходятъ, почти единовременно, больше 3000 челов., и затѣмъ эта масса направляется вверхъ по Ленѣ внутрь губерніи. Населеніе по Ленѣ существуетъ только по берегамъ; другого пути, кромѣ берегового, до впаденія въ Лену рр. Куты и Илги нѣтъ. Отъ Усть-Куты надзоръ за слѣдованіемъ рабочихъ затрудняется; рабочіе изъ ангарскихъ волостей Киренскаго округа, всѣ изъ Нижнеудинскаго округа поворачиваютъ вверхъ по Кутѣ на заштатный городъ Илимскъ. Съ устья Илги сворачиваютъ съ Кутскаго тракта всѣ рабочіе изъ Балаганскаго округа и Верхоленскаго—Илгинской волости. Такимъ образомъ рабочіе, все больше и больше разсыпаются по Киренскому округу, оставаясь въ деревняхъ Петропавловской и Витимской волостей зимовать до срока явки на пріиски и отъ с. Усть-Кутскаго идутъ уже не партіями, а по нѣскольку человѣкъ, большею частію уже прогулявшіе свои заработки и нерѣдко ища поденнаго заработка у населенія. При такомъ положеніи надзоръ за ними все больше и больше ослабляется, и наконецъ они вовсе выходятъ изъ подъ какого-либо надзора на рр. Кутѣ и Илимѣ [1])". По словамъ отчета олекминскаго горнаго исправника за 1874 г., „пьянство и безразсудная трата денегъ, съ такимъ трудомъ заработанныхъ, по прибытію въ жилыя мѣста, были тѣ же какъ и всегда [2])". Въ виду того, что въ селѣ Витимскомъ ежегодно производилось систематическое спаиваніе и обираніе рабочихъ, какъ мѣстными жителями, такъ и пріѣзжавшими къ этому времени изъ другихъ мѣстъ, по распоряженію генералъ-губернатора съ 1881 г. рабочихъ перестали высаживать въ Витимѣ, и большая часть изъ нихъ прямо съ баржей пересаживалась на пароходы, которые уже за плату, взимаемую съ рабочихъ, отвозили ихъ или до с. Усть-Кутскаго или до Киренска [3]). Въ 1883 г. часть рабочихъ была доставлена безплатно прямо до Киренска, находящагося отъ с. Витимскаго въ разстояніи 434 верстъ, а другая часть отправилась до с. Усть-Кутскаго за плату [4]). Рабочіе вывозились на пароходахъ не всегда безъ замедленія. Въ 1884 г. въ газету „Сибирь" писали: „пароходству К° Сибирякова и Базанова положительно не везетъ. Въ прошломъ году поломался паро-

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574 № 188—242, л. 75—77.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 54. Однако киренскій окружной исправникъ въ 1876 г. сообщалъ, что „въ настоящіе годы не тѣ уже заработки, не то уже и пьянство, что было раньше: много рабочихъ выходятъ съ промысловъ совершенно безъ денегъ, даже должниками; этимъ нечего пропивать, даже нечего и поѣсть".

[3]) „Горн. Журн. 1882 г. № 9, стр. 372; Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2669, № 343—450, л. 1, 5—8. При посадкѣ на пароходъ рабочіе подвергались обыску. Ихъ предписано было вывозить на пароходахъ возможно ближе къ Киренску.

[4]) Дѣло Горн. Департамента съ отчетомъ о золот. Вост. Сиб. за 1883 г.

ходъ „Гонецъ", нынѣшнимъ лѣтомъ—„Иннокентій" и въ сентябрѣ мѣсяцѣ что-то сломалось у „Генерала Синельникова", доставлявшаго пріисковыхъ рабочихъ въ Киренскъ. Пароходъ этотъ, остановившись для исправленія въ деревнѣ Ильинской (Петропавловской волости), ниже Киренска 120 верстъ, не хотѣлъ везти рабочихъ дальше, но рабочіе взбунтовались и потребовали, чтобы управленіе пароходства обязательно доставило ихъ до Киренска. Капитанъ парохода уѣхалъ въ Киренскъ, откуда черезъ сутки были посланы сухари для содержанія рабочихъ и инструменты, необходимые для исправленія сломавшихся частей; наконецъ, черезъ нѣсколько дней „Синельниковъ" подошелъ къ Киренску, плывя черепашьимъ шагомъ, высадилъ въ городѣ 600—700 чел. рабочихъ и сейчасъ же отправился во-свояси, напутствуемый не весьма лестными эпитетами рабочихъ, озлобившихся за медленную доставку ихъ. Въ прошломъ году, при взорваніи котла на пароходѣ „Гонецъ" было убито 11 чел. [1])".

Въ 1887 г. генералъ-губернаторъ издалъ циркуляръ, которымъ обязалъ золотопромышленниковъ вывозить рабочихъ безплатно до Киренска [2]). Вывозка разсчитанныхъ рабочихъ съ Бодайбинской резиденціи начиналась съ 12 сентября, послѣдній пароходъ уходилъ въ началѣ 20-хъ чиселъ. Въ контрактахъ начала 90-хъ гг. мы встрѣчаемъ уже упоминанія объ обязанности золотопромышленниковъ безплатно вывозить рабочихъ до Киренска, напр. въ договорахъ Ленскаго Т-ва 1890 и 1891 гг.

Ѣдучи на пароходѣ по Витиму на олекминскіе промыслы, я немало наслышался отъ капитана парохода о неспокойномъ поведеніи рабочихъ при возвращеніи съ промысловъ послѣ разсчета. Но нужно замѣтить, что ихъ везутъ на особой баржѣ, которую тащитъ пароходъ, и набиваютъ, по словамъ разсказчика, какъ сельдей въ бочку. Болѣе смирные рабочіе иной разъ даже боятся ѣхать на баржѣ и просятъ позволенія помѣститься на пароходѣ, что нѣкоторымъ и разрѣшается. Въ 1890 г. на баржѣ рабочіе не мало волновались. Исправникъ, ѣхавшій на пароходѣ, посылалъ на баржу урядника, но тотъ не посмѣлъ туда явиться. Рабочіе выкрикивали исправнику разныя ругательства, негодуя на то, что ихъ не выпускаютъ на берегъ (съ цѣлію охраненія отъ

---

[1]) „Сибирь" 1884 г., № 44, стр. 7.

[2]) Арх. Витим. Горн. Испр., 1888 г. № 5. Золотопромышленники, не имѣвшіе собственныхъ пароходовъ, вносили въ 1888 г. Ленско-Витимскому пароходству за провозъ рабочихъ слѣдующую плату: отъ Бодайбо до Витима 3 р., отъ Витима до Киренска 9 р. 40 к.; содержаніе изъ вольнаго буфета на сухаряхъ стоило тамъ 50 к. въ день, на полномъ содержаніи 1 р. Арх. Витим. Горн. Исправ., 1888 г., № 11. Далѣе Киренска рабочіе ѣдутъ на свой счетъ; отъ Киренска до Усть-Кута (около 400 верстъ) съ нихъ берутъ на пароходѣ 6 р. „Вост. Об." 1891 г., № 46, стр. 6.

эксплоатаціи со стороны торговцевъ водкою), прогоняли матросовъ, говоря, что сами будутъ управлять баркою. По словамъ капитана, вина съ парохода имъ не продаютъ, но въ Витимѣ подплываютъ на лодкахъ евреи и другіе торговцы и сбываютъ вино.

Однако, на меня выходъ рабочихъ произвелъ гораздо болѣе благопріятное впечатлѣніе. 12 сентября 1891 г. я выѣхалъ изъ Бодайбо на пароходѣ „Генералъ Синельниковъ", который велъ за собою на буксирѣ переполненную рабочими баржу. При посадкѣ рабочихъ промысловъ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской забрались на пароходъ человѣка 3 изъ чужихъ рабочихъ; хотѣли ли они проѣхаться на даровщинку, или это были жулики и шулера, но рабочіе розыскали ихъ и столкнули съ баржи въ воду (они выбрались на берегъ). Баржа, на которой плыли рабочіе, была устроена такимъ образомъ. Въ ней есть подъ палубой два люка, въ которыхъ устроены нары; рабочіе помѣщаются какъ на нарахъ, такъ и подъ нарами. Но не всѣ помѣстились въ люкахъ; весьма большое количество расположилось на палубѣ. Въ одномъ мѣстѣ на ней была крытая рубка, но занята была народомъ и вся открытая палуба; для защиты отъ дождя надъ нею былъ протянутъ брезентъ, но на носу и кормѣ оставались еще совершенно открытыя мѣста, также занятыя рабочими. Въ трехъ мѣстахъ на палубѣ были устроены очаги, на которыхъ рабочіе готовили себѣ пищу. Къ счастью, только въ первый день плаванія шелъ небольшой дождикъ, а затѣмъ все стояла ясная, хорошая погода. Рабочіе получаютъ отъ золотопромышленниковъ только сухари, но приказчикъ, состоящій при баржѣ, закупаетъ заранѣе разную провизію и продаетъ ее рабочимъ. Соленое мясо стоило 15 к. за фунтъ, бѣлая булка, фунта въ два,—также 15 к. На баржѣ нѣкоторые рабочіе играютъ въ карты; одинъ грамотный рабочій досталъ отъ биржевого приказчика гадательную книгу и гадалъ товарищамъ. Рабочіе вели себя совершенно спокойно и прилично, въ чемъ я могъ убѣдиться, такъ какъ отъ Воронцовской пристани до Витима ѣхалъ съ ними на баржѣ. 14 сентября мы вышли на Лену, но верстъ 60 за Витимомъ сломалась машина, и мы 3 дня простояли на мѣстѣ. Въ это время была превосходная, совершенно лѣтняя погода, но, конечно, задержка на пути не могла не раздражать рабочихъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ возвращались въ Тобольскую и даже Нижегородскую губерніи. 17 сентября они прислали уполномоченному компаніи Шамарину, который ѣхалъ со мною на пароходѣ, написаную карандашемъ записку и требовали въ ней, чтобы, въ виду задержки, ихъ или безплатно провезли далѣе, чѣмъ обязана К°, а именно до Усть-Кута, или уплатили за каждый день простоя по 2 р. каждому и просили дать имъ отвѣтъ. Шамаринъ ѣздилъ на

берегъ къ рабочимъ объясняться въ сопровожденіи капитана, полицейскаго надзирателя и урядника. Рабочіе припомнили Шамарину, что К° штрафовала ихъ лѣтомъ за прогулъ по 2 р. въ день, а потому они требовали за задержку по 2 р. въ день; указывали они и на то, что многіе просились въ іюлѣ отпустить ихъ домой, но имъ этого не разрѣшили (по контракту они обязаны работать до 10 сентября). Шамаринъ предлагалъ сначала на человѣка по 2 р. за всѣ 4 дня, а потомъ согласился дать 3 р., и на этомъ помирились, съ тѣмъ, чтобы деньги были выданы въ Киренскѣ. Сначала рабочіе повѣрили Шамарину на слово, но затѣмъ, по совѣту нѣкоторыхъ товарищей, потребовали письменное удостовѣреніе, которое и выдалъ имъ полицейскій надзиратель, сопровождавшій партію. Уже ниже Киренска, пересѣвъ на другой пароходъ, на который сѣли съ нами и нѣкоторые рабочіе К° Промышленности и Прибрежно-Витимской, я слышалъ, какъ одинъ рабочій сказалъ другому: „напрасно мы взяли по 3 р. съ К°, лучше бы ихъ вотъ такъ“,—и онъ сдѣлалъ довольно выразительный жестъ кулакомъ. Была, значитъ, и болѣе радикальная партія среди рабочихъ, желавшая по-свойски расправиться со служащими К° [1]).

Въ 1896 г. нѣсколько золотопромышленныхъ КК° Ленскаго горнаго округа согласились между собою отправлять рабочихъ только на тѣхъ пароходахъ, которые назначатъ срочные рейсы и заблаговременно объявятъ свои таксы [2]).

Мы говорили выше (см. гл. II) о заботахъ генералъ-губернатора Восточной Сибири Синельникова объ охраненіи заработка пріисковыхъ рабочихъ [3]) и о посылкѣ съ этою цѣлью на олекминскіе промыслы

---

[1]) Во время стоянки одинъ рабочій заболѣлъ психически, какъ видно маніею преслѣдованія: онъ сдалъ предварительно деньги (700 р.) на храненіе полицейскому надзирателю и, снявъ валенки, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ убѣжалъ 15 сентября въ лѣсъ. Дѣло было уже къ ночи, пробовали искать его съ факелами, но не нашли. Съ нимъ ѣхала и его жена, женщина довольно видная, которую онъ повидимому ревновалъ къ другимъ рабочимъ. 17 сентября онъ нашелся. Онъ бродилъ по лѣсу, хотя стало уже гораздо холоднѣе и хотя слышалъ, какъ его искали; по возвращеніи онъ говорилъ, что боится, и страдалъ безсонницею. Нѣсколько поспавъ, онъ сталъ какъ будто покойнѣе. Въ Киренскѣ было еще слѣдующее приключеніе: одинъ рабочій настигъ здѣсь свою жену, уѣхавшую съ другимъ, и полицейская власть сочла своимъ долгомъ возвратить ее мужу, но жена категорически заявила, что жить съ мужемъ не станетъ: „довольно онъ сосалъ мою кровь“, сказала она.

[2]) „Вост. Обозр.“ 1896 г. № 71.

[3]) Въ контрактахъ Трапезниковыхъ 70-хъ и 80-хъ гг. даже было прописано, что рабочимъ объявлено распоряженіе Синельникова относительно выдачи тѣмъ изъ нихъ, которые этого пожелаютъ, половины заработанныхъ денегъ на мѣстѣ разсчета, а другой половины на мѣстѣ ихъ жительства чрезъ особо командированныхъ отъ губернатора чиновниковъ.

полковника Купенкова. По этому поводу олекминскій горный исправникъ въ январѣ 1872 г. доносилъ Синельникову: „При нынѣшнемъ осмотрѣ пріисковъ внушалъ рабочимъ о бережливости и предлагалъ передавать мнѣ часть заработанныхъ ими денегъ съ тѣмъ, что таковыя будутъ возвращаемы имъ по прибытіи въ свои волости. Рабочіе не вдругъ отвѣчали общимъ согласіемъ, и нерѣшительность эта, какъ оказалось впослѣдствіи, происходила оттого, что выдача денегъ черезъ волостныхъ писарей соединена для нихъ съ тратою. Когда же я объяснилъ имъ, что деньги будутъ выдавать не писаря, а адъютанты“ генералъ-губернатора „и чиновники особыхъ порученій (!), то рабочіе... обѣщали воспользоваться моимъ предложеніемъ и благодарили за заботливость о нихъ, сознаваясь, что, вырвавшись послѣ трудной работы на свободу, они дѣйствительно не умѣютъ сберечь денегъ, которыя не столько впрочемъ пропиваютъ, сколько отбираютъ у нихъ люди недобросовѣстные, пользующіеся безсознательнымъ положеніемъ опьянѣвшаго. Но это слышалось лишь со стороны крестьянъ: поселенцы, какъ безсемейные и не имѣющіе своей осѣдлости, не придавая деньгамъ никакого значенія, выражали, что беречь ихъ не къ чему“; на возраженіе исправника, „что съ лѣтами уходятъ силы и что подъ старость работа дѣлается труднѣе“ они отвѣчали, что „тогда общество ихъ прокормитъ и призритъ. Вообще на расчетъ установился такой взглядъ, что въ это время весь заработокъ надо истратить на свое удовольствіе, безъ малѣйшаго сожалѣнія, какъ о деньгахъ, такъ и о потерянныхъ силахъ и безъ думы о томъ, что новый заработокъ потребуетъ новыхъ тяжкихъ трудовъ“ [1]). Осенью того же года олекминскій исправникъ въ донесеніи Синельникову говоритъ: „За принятыми предварительно г. Купенковымъ мѣрами, особаго разгула въ Витимскомъ селеніи при мнѣ не было. Пароходъ „Гонецъ“, на которомъ я сопровождалъ рабочихъ, пришелъ туда 18 сентября, когда уже смерклось, и рабочіе по распоряженію моему на ночь съ баржей спущены не были. Когда же на другое утро сошли они на берегъ, то всѣ кабаки были заперты, и хотя на постоялыхъ дворахъ они и выпили, а выпивши и запѣли пѣсни и заиграли на гармоникахъ и скрипкахъ, но учрежденный надзоръ не давалъ усиливаться разгулу, инструменты были отбираемы (?) [2]), бурлившіе запирались, деньги для сбереженія отбирались и передавались полковнику Купенкову, словомъ, веселіе это было далеко не то, свидѣтелями котораго я былъ въ 1870 г., когда передъ однимъ пьянымъ рабочимъ товарищъ его разстилалъ кусокъ ситцу аршинъ въ 15, и онъ шелъ по нему черезъ грязь, а другой при мнѣ же заплатилъ 80 р.

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 210.

[2]) Изъ этого видно, что охранители хватили въ своемъ усердіи черезъ край.

шарманщику, игравшему будто бы для него одного на дворѣ, тогда какъ кругомъ были десятки слушателей". По приказанію генералъ-губернатора исправникъ предлагалъ рабочимъ вносить деньги въ сберегательную кассу; на это ему отвѣчали—одни, что у нихъ мало денегъ, другіе, что онѣ имъ нужны на домашніе расходы, а нѣкоторые заявляли, что получать деньги изъ кассы очень долго, а проценты на небольшую сумму уйдутъ на пересылку по почтѣ. По мнѣнію исправника, сберегательная касса дѣйствительно не удобна для пріисковыхъ рабочихъ, тѣмъ болѣе, что, по своимъ правиламъ, она не входитъ ни въ какую переписку и денегъ и книжекъ не пересылаетъ. Но вслѣдствіе убѣжденій исправника рабочіе въ Витимѣ передали полковнику Купенкову на храненіе около 18000 р. съ тѣмъ, чтобы получить ихъ или въ Иркутскѣ, или въ мѣстахъ ихъ причисленія; исправнику было также передано 1590 р., изъ которыхъ большую часть онъ препроводилъ иркутскому губернатору для выдачи на мѣстѣ, а остальныя отослалъ по указанію рабочихъ [1]). Осенью слѣдующаго года тотъ же исправникъ писалъ, что рабочіе „въ послѣдніе три года стали отдавать свои деньги на сохраненіе инспектировавшему пріиска полковнику Купенкову, пріобрѣвшему полную ихъ довѣренность, и оставлять себѣ лишь необходимыя для прохода до Иркутска" [2]), но безъ сомнѣнія рабочіе отдавали на храненіе лишь небольшую часть своего заработка. По словамъ Г. Стрижева въ его замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ, Купенковъ первый изъ представителей администраціи „здѣсь поработалъ надъ улучшеніемъ положенія пріисковаго рабочаго". Многія изъ мѣръ Синельникова не достигли своей цѣли, но все таки его заботливость принесла нѣкоторые плоды, пересылка же денегъ чрезъ особыхъ чиновниковъ скоро прекратилась, а предложеніе пересылать свои заработки чрезъ горныхъ исправниковъ не встрѣтила сочувствія рабочихъ. Осенью 1875 г. витимскій горный исправникъ донесъ якутскому губернатору, что по окончаніи лѣтнихъ работъ онъ предлагалъ рабочимъ сдавать ему свои трудовыя деньги для пересылки въ мѣста причисленія, но ни одинъ изъ нихъ не сдалъ своихъ денегъ подъ разными предлогами [3]). Это весьма естественно: было бы гораздо удивительнѣе, если бы рабочіе почувствовали вдругъ довѣріе къ горнымъ исправникамъ, которые развѣ только при Синельниковѣ стали нѣсколько болѣе вникать въ интересы рабочихъ, а по оставленіи имъ своего мѣста вновь обратились въ большинствѣ случаевъ въ вѣрныхъ слугъ мѣстныхъ предпринимателей. Циркуляръ генералъ-губернатора бар. Фредерикса

---

[1]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 459—460.
[2]) Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 84.
[3]) Арх. Витим. Горн. Испр., 1875 г., № 33, л. 9.

21 апрѣля 1876 г. объ охраненіи пріисковыхъ рабочихъ при выходѣ съ пріисковъ былъ изложенъ нами выше (см. гл. II) [1]). Мы видѣли, что теперь по желанію рабочихъ отсылается нѣкоторая, хотя и небольшая, часть заработка въ банковыя учрежденія, а именно, въ 80-хъ гг. въ Витимской системѣ отъ 1 до 5,3%, въ Олекминской системѣ отъ 1,7 до 2%.

Среднія додачи, выносимыя рабочими съ промысловъ, были невелики, но у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ рабочихъ бывало на рукахъ по нѣскольку сотъ рублей, особенно послѣ работъ на промыслахъ болѣе одного года. Такіе бережливые рабочіе подвергались при выходѣ съ пріисковъ большимъ опасностямъ. Олѣкминскій горный исправникъ въ отчетѣ за 1874 г. говоритъ объ убійствѣ выносящихъ значительную додачу рабочихъ, какъ о весьма обычномъ явленіи: по его словамъ, „они, будучи завлечены мѣстными ленскими жителями, преимущественно Петропавловской волости Киренскаго округа, большею частью пропадаютъ безъ вѣсти“ [2]). Указаніе на то, что населеніе Витима занималось охотою на горбачей, мы встрѣчаемъ еще въ началѣ 80-хъ гг. [3]). Убійство совершалось иногда и товарищами убитаго: такъ во время пребыванія нашего въ Олекминской системѣ во время разсчета рабочій черкесъ, выходившій съ промысловъ съ деньгами, былъ убитъ товарищами черкесами.

Но гораздо опаснѣе всякихъ убійцъ и грабителей были тѣ соблазны, которымъ подвергались рабочіе, на обратномъ пути и главнымъ средоточіемъ которыхъ былъ Витимъ. Здѣсь рабочихъ встрѣчали въ 1870-хъ гг. пушечной пальбой, устраивали для нихъ иллюминацію, театръ маріонетокъ, сюда привозили для нихъ публичныхъ женщинъ, здѣсь матери торговали своими дочерьми, мужья женами. „У пьянаго появляются разныя фантазіи. Вдругъ посылаетъ онъ купить двѣ штуки алаго ситца, потому что желаетъ идти по ситцу, какъ по ковру, въ другой кабакъ, на другой конецъ села. Музыканты отправлены впередъ, за ними по разостланному ситцу идетъ нашъ одичавшій рабочій; праздная толпа рветъ на куски этотъ ситецъ. Вотъ онъ уже раздумалъ идти въ тотъ кабакъ, а вздумалось идти въ трактиръ, но пѣшкомъ онъ не идетъ, извощиковъ нѣтъ, запряженной лошади вблизи не слу-

---

[1]) Въ 1881 г. съ 1 января по 14 сентяб. горному испр. Витимской системы было передано рабочими 24.100 р.; изъ нихъ отослано въ банковыя учрежденія 19.050 р., окружнымъ исправникамъ 730, волостнымъ правленіямъ 1.020 р. и выдано на руки при выходѣ съ пріисковъ 3.300 р. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2669, № 343—450, л. 8.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2566, № 206—152, л. 54.

[3]) „Сибирь“, 1881 г., № 25, стр. 4. Въ Витимѣ были даже особые дома съ подземнымъ спускомъ въ Лену, чтобы легче было выбрасывать трупы убитыхъ рабочихъ. „Сиб. Газ.“ 1882 г. № 26.

чилось. Вотъ у забора валяются опрокинутыя пошевни. Онъ велитъ ихъ положить на жерди, садится въ нихъ и предлагаетъ желающимъ донести его до трактира за 10 руб. Въ трактирѣ онъ требуетъ вина—„пробку въ потолокъ“; ему подаютъ русское игристое и берутъ 8 руб. Сильно захмѣлѣвъ, уходитъ онъ въ спальню. На другой же день пробуждается не на кровати, не въ объятіяхъ красавицы, а гдѣ нибудь подъ заборомъ, въ грязи, хватается денегъ, но ихъ нѣтъ, нѣтъ и бобровой шапки, за которую только наканунѣ заплатилъ 10 руб.; нѣтъ на немъ нѣсколькихъ блузъ, надѣтыхъ одна на другую, шали въ 8 руб. Онъ въ одной сорочкѣ и безъ сапогъ. Голова трещитъ и надо опохмѣлиться: а гдѣ денегъ взять? Идетъ горемыка къ какому нибудь довѣренному и опять нанимается въ работу, и опять закабаливаетъ себя въ каторгу“ [1]).

Въ первой половинѣ 70-хъ годовъ кутежи происходили и на Мачѣ, но потомъ рабочіе Олекминской системы все чаще стали выходить черезъ Бодайбинскую резиденцію въ Витимъ. Разгулъ въ Витимѣ сталъ уменьшаться и торговля въ немъ пришла въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ рабочихъ стали провозить на пароходахъ далѣе вверхъ по Ленѣ. Г. Калагеорги въ своемъ донесеніи говоритъ: „большинство рабочихъ сами вполнѣ сознаютъ опасность и вредъ пребыванія въ Витимѣ и очень довольны, когда представляется возможность миновать это селеніе. Въ прошломъ году партія въ 500 чел. съ базановскихъ пріисковъ провезена была на баржахъ мимо Витима, причемъ пароходъ прибылъ поздно вечеромъ и отправился дальше только въ 10 ч. дня; почти никто изъ рабочихъ не просился выпустить его на берегъ; всѣ выражали удовольствіе, что ихъ избавляютъ отъ соблазна и разоренія: на баржахъ раздавались пѣсни и насмѣшки надъ мѣстными жителями, которые стояли грустно на берегу и не могли примириться съ совершившимся фактомъ; многіе изъ нихъ говорили, что никакой пожаръ не принесъ бы имъ столько убытку, сколько это событіе. Если бы по примѣру прошлаго года нѣсколько лѣтъ сряду провозили рабочихъ мимо Витима, то многіе изъ нихъ были бы спасены отъ разоренія. Но при этомъ необходимо, чтобы мѣсто высадки на берегъ не было постоянно одно и тоже, заранѣе опредѣленное, такъ какъ въ противномъ случаѣ на новомъ пунктѣ можетъ создаться второй Витимъ“. Съ 1887 г. стали обязательно довозить рабочихъ до Киренска, но, разумѣется, вполнѣ обезопасить ихъ отъ соблазна при нынѣшнемъ строѣ пріисковой жизни

[1]) „Сибирь“, 1878 г., № 8; ср. 1881 г., № 25, 1887 г., № 14—15; „Сибирская Газ.“, 1882 г., № 26. Подробное описаніе Витима см. въ ст. г. Ангарскаго въ „Сиб. Сборн.“, 1889 г., вып. II. Въ приленскихъ селахъ даже дѣти зазывали пріисковыхъ рабочихъ, шедшихъ послѣ разсчета, къ своимъ сестрамъ („Сибирь“, 1887 г., № 14—15); матери ложились рядомъ съ дочерьми.

невозможно. Нужно, чтобы рабочіе получали на пріискахъ вино, въ видѣ ежедневныхъ винныхъ порцій, въ достаточномъ количествѣ, нужно, чтобы они могли привозить туда своихъ женъ, и тогда выходъ съ пріисковъ не будетъ вызывать кутежей. Но до послѣдняго времени было иначе, и въ 80-хъ гг. мы находимъ еще много извѣстій объ эксплоатаціи рабочихъ по выходѣ ихъ изъ тайги, о прокучиваніи ими своихъ заработковъ до того, что они оставались буквально голыми и укрывали свою наготу мѣшками съ соломою и рогожей [1]).

Въ 1888 г. въ Витимъ былъ назначенъ новый засѣдатель Заруденко, человѣкъ черезчуръ энергичный; онъ безъ церемоніи расправлялся съ разными гуляками, но въ 1891 г. поплатился за это жизнью. Разсказываютъ, что онъ хотѣлъ подвергнуть тѣлесному наказанію какого-то пріисковаго рабочаго; тотъ далъ взятку письмоводителю засѣдателя, чтобы избавиться отъ наказанія, но тѣмъ не менѣе былъ все-таки наказанъ. Тогда онъ убилъ Заруденко выстрѣломъ изъ пистолета. Убійцу судили въ Иркутскѣ военнымъ судомъ и повѣсили; мѣстное общество было возмущено этою смертною казнью, находя, что высшая мѣстная власть должна была даровать ему жизнь въ виду того, что отъ рабочаго была принята взятка. Но сибирская администрація цѣнитъ человѣческую жизнь еще очень дешево и возлагаетъ надежды на устрашеніе тамъ, гдѣ настоятельно нужны серьезныя реформы.

Часть разсчитавшихся 10-го сентября рабочихъ уходила домой; другіе, не вынося съ собою никакого заработка или прокутивъ его на пути, спѣшили вновь наняться на промыслы, но такъ какъ на зиму требовалось рабочихъ менѣе, чѣмъ на лѣто, то часть рабочихъ, оставшихся безъ средствъ, принуждена была жить въ долгъ въ приленскихъ деревняхъ, а нѣкоторые возвращались даже на резиденціи золотопромышленниковъ, гдѣ ихъ иногда прокармливали въ долгъ въ счетъ заработка въ будущую лѣтнюю операцію [2]). Мы видѣли, что теперь нѣкоторыя КК° всѣхъ нужныхъ имъ рабочихъ нанимаютъ осенью на самыхъ промыслахъ. Хотя въ меньшей степени, и прежде часть рабочихъ нанималась на промыслахъ [3]). Въ такомъ случаѣ они ставили условіемъ позволить имъ покутить нѣсколько дней въ жилыхъ мѣстахъ [4]). Выдача спирта во время этой осенней наемки была дѣломъ вполнѣ обычнымъ, какъ это видно изъ циркуляра горнаго исправника

---

[1]) „Сибирь“, 1887 г., № 14—15. Въ послѣднее время разгулъ рабочихъ при выходѣ съ промысловъ сильно уменьшился. „Вост. Об.“, 1895 г., № 147.

[2]) Отчетъ олекм. исправ. за 1874 г. Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2566, № 206—152, л. 53.

[3]) Г. Калагеорги говоритъ: „съ первыхъ чиселъ сентября начинается наемъ изъ находящихся на пріискѣ людей на слѣдующій годъ“.

[4]) Донесеніе олекм. горн. испр. въ 1872 г., К. 2549, № 126—71, л. 154.

(10-го августа 1872 г.), который свидѣтельствуетъ, что „по заведенному прежде порядку“ промысловыя управленія выдавали желающимъ остаться на зиму по двѣ бутылки спирту и болѣе. Такъ какъ эта выдача была запрещена циркуляромъ генералъ-губернатора отъ 26 октября 1871 г. [1]), то горный исправникъ потребовалъ прекращенія этого обычая, о чемъ и должно было быть объявлено рабочимъ до начала наемки [2]). „Распоряженіе это было исполнено“, доносилъ исправникъ, „и, вмѣсто выдачи спирта на руки, нанявшимся выдавалось въ теченіе недѣли и болѣе ежедневно по двѣ и болѣе винныхъ порцій. Мѣра эта хотя и встрѣтила возраженія со стороны управляющихъ пріисками, опасавшихся, что при несоблюденіи этого главнаго и укоренившагося обычая наемка не пойдетъ столько же успѣшно, какъ прежде, и окажется недостатокъ въ рабочихъ для вскрыши осеннихъ торфовъ, но опасенія эти не сбылись. Рабочіе, узнавъ, что распоряженіе это общее для всѣхъ промысловъ, нанимались по прежнему, и никакого замѣшательства въ работахъ не послѣдовало, пьянства же было менѣе“. Однако полк. Купенковъ донесъ, что запрещеніе это плохо соблюдалось; впрочемъ выдавали вино въ меньшемъ, чѣмъ прежде, количествѣ по—5 чарокъ въ день [3]). Циркуляромъ генералъ-губернатора отъ 12-го мая 1873 г. воспрещена была выдача рабочимъ спирта даже чарками. Тѣмъ не менѣе выдача его при наемкѣ на промыслахъ продолжала существовать: на однихъ промыслахъ выдавали по нѣскольку сотыхъ, на другихъ отъ 3 до 6 бутылокъ. Предъ наемкой болѣе прочихъ, по мѣстному выраженію, „забутыливали“ тѣ, у кого значительныя суммы считались „за конторой“, т.-е. у кого было болѣе чистаго заработка [4]).

Такъ какъ на олекминскихъ промыслахъ очень развиты подземныя работы, то здѣсь оставался на зиму большій процентъ рабочихъ, чѣмъ въ другихъ округахъ. Многіе рабочіе десятки лѣтъ проводили на промыслахъ. По словамъ олекминскаго горн. исправ. (1873 г.), „большинство“ (рабочихъ) „въ теченіе десятковъ лѣтъ лишь переходитъ съ одного пріиска на другой, пропивая каждый годъ весь полученный заработокъ, нисколько не думая ни объ утратѣ силъ, ни о старости, и ссылаясь обыкновенно на то, что общество, къ которому они приписаны, призритъ ихъ, и что они дѣлали взносы въ поселенческій капиталъ для будущаго своего обезпеченія“ [5]).

[1]) „Ирк. Губ. Вѣд.“, 1876 г., № 59, 5-ый пун. циркуляра.

[2]) Арх. К° Промыш. и Прибр.-Витим., № 454.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2549, № 126—71, л. 456; К. 2544, № 48—103, л. 201; ср. К. 2560, № 130—184, л. 11.

[4]) „Сибирь“ 1878 г. № 38.

[5]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2560, № 130—184, л. 83; К. 2574, № 189—243, л. 88. По закону, какъ мы знаемъ, взносы эти должны были падать на золотопромышленниковъ.

Теперь все болѣе увеличивается на промыслахъ процентъ полноправныхъ рабочихъ изъ сибирскихъ крестьянъ, „съ измѣненіемъ состава мѣняется и типъ пріисковаго рабочаго. Вымираетъ прежній „вѣчный таежникъ“, періодически выходившій изъ тайги въ жилое мѣсто лишь для того, чтобы прокутить тяжелымъ трудомъ нажитыя сбереженія. Нынѣшній рабочій тяготѣетъ уже не къ тайгѣ, на которую онъ смотритъ только какъ на средство поправить свое разстроенное хозяйство. Вслѣдствіе такого сосредоточенія интересовъ большей части рабочихъ внѣ тайги команда мѣняется въ своемъ составѣ гораздо больше, чѣмъ въ прежнее время, и въ ней оказывается меньшій процентъ опытныхъ горныхъ рабочихъ“ [1]). Мѣстный горный инженеръ въ 1892 г. также подтверждаетъ это наблюденіе: „Поселенецъ былъ постояннымъ жителемъ тайги, поэтому болѣе опытнымъ рабочимъ, но другія его качества, въ сравненіи съ вновь прибывшимъ изъ Россіи или Западной Сибири крестьяниномъ, заставляютъ, по меньшей мѣрѣ, мириться съ новымъ явленіемъ [2]).

Такъ какъ зимой рабочій гораздо болѣе нуждается въ золотопромышленникѣ, чѣмъ лѣтомъ, то они, по признанію хозяевъ, работаютъ усерднѣе, меньше бываетъ, такъ называемыхъ, самовольно-льготныхъ дней.

Количество рабочихъ, оставшихся на зиму въ 1871 г., по отчету олекминскаго горнаго исправника, равнялось 3400 чел. По отчетамъ о золотопромышленности и другимъ оффиціальнымъ источникамъ, въ 1879 г. изъ числа 9725 рабочихъ м. п. оставалось на весь годъ 5696 рабочихъ (58%), въ 1880 г. изъ 10798 чел. об. п. оставалось 2965 чел. об. п. (28%), въ 1882 г. изъ 9584 рабочихъ м. п.—3313 (35%), въ 1883 г. изъ 9711 рабочихъ м. п. оставалось весь годъ 3056 (31%) [3]).

Разсматривая дѣятельность генералъ-губернатора Восточной Сибири Синельникова относительно пріисковыхъ рабочихъ, мы говорили уже (см. гл. II) о введеніи имъ на пріискахъ труда ссыльнокаторжныхъ; тамъ же были изложены временныя правила объ употребленіи ихъ въ работы, составленныя на основаніи высочайшаго повелѣнія 16-го августа 1872 г. Матеріалы, хранящіеся въ архивѣ витимскаго горнаго исправника показываютъ, что правила эти представляютъ лишь переработку, съ небольшими измѣненіями, особой записки и инструкціи отправлявшемуся съ ссыльнокаторжными офицеру, составленныхъ въ 1881 г., по порученію Синельникова, Купенковымъ, который былъ по-

[1]) Отчетъ управл. промыслами Ленскаго Т-ва за 1893—94 г. „Вѣст. Золотопр.“ 1895 г., № 20, стр. 331.

[2]) „Вѣстн. Золотопр.“ 1893 г. № 2, стр. 31—32.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2549, № 126—71, л. 202; „Арх. Горн. Деп.; „Прилож. I къ вып. I Сборн. оффиц. докум.“, стр. 9.

сланъ генералъ-губернаторомъ на олекминскіе промыслы. Не повторяя поэтому названныхъ правилъ, мы остановимся только на тѣхъ параграфахъ инструкціи составленной Купенковымъ, которые представляютъ существенныя отличія отъ соотвѣтственныхъ постановленій „Временныхъ правилъ“ [1]). Слѣдующія постановленія инструкціи Купенкова вовсе отсутствуютъ во „Временныхъ правилахъ“: „Если арестантъ, сдѣлавъ самовольную отлучку, въ продолженіе сутокъ явится къ офицеру самъ, то такового подвергать аресту не болѣе 3-хъ дней и денежному взысканію, не превышающему 2 руб. Товарищи съ нимъ по артели штрафуются въ этомъ случаѣ 50 коп. каждый“. Изъ штрафныхъ денегъ по инструкціи Купенкова предполагалось выдавать награды арестантамъ, „обратившимъ на себя вниманіе трудолюбіемъ и хорошимъ поведеніемъ“. Во „Временныхъ правилахъ“ этого нѣтъ, точно также какъ и слѣдующаго параграфа инструкціи Купенкова: „Кромѣ поощренія, назначеннаго арестантамъ предыдущимъ параграфомъ, офицеру предоставляется войти съ ходатайствомъ о зачисленіи времени прослѣдованія на пріиски и нахожденія на нихъ за время пребыванія въ отрядѣ исправляющихся и соотвѣтственномъ вслѣдствіе того сокращеніи срока каторжныхъ работъ, опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ, примѣняясь къ 582 ст. XIV т. Уст. о ссыл.“ [2]). Представленная Купенковымъ записка легла и въ основаніе тѣхъ пунктовъ „Временныхъ правилъ“, которые касаются путешествія арестантовъ на пріиски. Въ запискѣ впрочемъ упомянуто, что во время пути „этапнымъ порядкомъ“ до пристани Жигаловой на р. Ленѣ арестанты освобождаются отъ оковъ (во „Временныхъ правилахъ“ этого нѣтъ). Продовольствіе арестантамъ на пути назначено было Купенковымъ нѣсколько въ иномъ количествѣ, а именно, вмѣсто одного фун. солонины, какъ назначено во „Временныхъ правилахъ“,—$^3/_4$ фун. и также нѣсколько менѣе кирпичнаго чаю: $^1/_4$ кирпича чаю вмѣсто $^3/_5$ ф., назначенныхъ во „Временныхъ правилахъ“. Купенковъ предлагалъ также назначать для сопровожденія аре-

---

[1]) „Всякій арестантъ, усердно работавшій въ продолженіе мѣсяца и не записанный въ штрафномъ журналѣ“, сказано въ инструкціи Купенкова, *„на третью часть своего заработка* имѣетъ право получать изъ промысловаго магазина дозволенные предметы необходимости и прихоти, но означенная выдача производится не иначе, какъ по собственноручной отмѣткѣ офицера въ разсчетномъ листѣ, безъ которой промысловое управленіе выдавать не должно“. Во „Временныхъ правилахъ“ это постановленіе выражено такимъ образомъ: „До окончанія срока каторжныхъ работъ воспрещается выдавать арестантамъ деньги на руки; но, въ видѣ поощренія, предоставляется офицеру, кромѣ необходимыхъ одежныхъ вещей, на счетъ заработка отпускать арестантамъ *въ разрѣшенномъ количествѣ:* чай, сахаръ, масло, табакъ, мыло и др. необходимыя мелочи“ (§ 35).

[2]) Арх. Витим. Горн. Испр., дѣло объ арестантахъ 1871 г., № 7, л. 11—15; *Аврамовъ.* „Очеркъ золотопр. Олекмы“, прилож. стр. 17—27.

стантовъ фельдшера, а „Временныя правила“ предоставляли употреблять необходимыя лекарства самому офицеру.

Изъ записки Купенкова мы узнаемъ, что изъ заработанныхъ каторжными денегъ должны были покрываться слѣдующіе расходы по содержанію офицера, завѣдывавшаго ими, и его канцеляріи, по содержанію конвоя, по постройкѣ и содержанію одиночныхъ карцеровъ, по провожденію арестантовъ на пріискъ; оставшіяся отъ этихъ расходовъ деньги поступали въ собственность арестантовъ. Содержаніе въ исправности зданій, гдѣ помѣщались арестанты, конвой и офицеры, а также отопленіе и освѣщеніе этихъ зданій относилось на счетъ промысла. За прокормленіе конвоя и арестантовъ, содержавшихся въ карцерѣ, промысловое управленіе должно было удерживать деньги изъ арестантскихъ заработковъ. Больные арестанты лѣчились въ промысловомъ лазаретѣ на счетъ пріисковаго управленія, а конвойные на счетъ арестантовъ; признанные докторомъ неизлѣчимыми доставлялись на счетъ золотопромышленниковъ въ Киренскъ. Вознагражденіе за трудъ и продовольствіе арестантовъ производились наравнѣ съ вольнонаемными.

Принять въ работу арестантовъ прежде другихъ изъявилъ готовность Базановъ, который и внесъ, въ видѣ аванса платы за ихъ работы, сумму денегъ, нужную для снаряженія и отправленія партій. Въ 1871 г. на промыслы Базанова было назначено 200 ссыльнокаторжныхъ, въ числѣ которыхъ были и „политическіе преступники“ (такъ называютъ въ Сибири сосланныхъ за польское возстаніе 1863 г.).

Изъ доклада Купенкова о работахъ арестантовъ видно, что дѣйствительно въ сентябрѣ 1871 г. на пріиски Базанова и К° поступило 160 арестантовъ (изъ нихъ политическихъ 67 чел.). Въ іюнѣ 1872 г. было вновь доставлено на промыслы „изъ категорій гражданскихъ ссыльнокаторжныхъ“ 100 чел.; за исключеніемъ отправленныхъ за неблагонадежностью и по болѣзни въ другія мѣста, бѣжавшихъ, умершихъ и проч., къ 10 сентября 1872 г. на пріискѣ оставалось 184 арестанта [1]). На операцію 1873—74 г. оставалось на пріискахъ этой К° 136 ссыльно-каторжныхъ и прибыло вновь 98 (въ томъ числѣ одна женщина), слѣдовательно, всего въ началѣ операціи 1873—74 г. состояло 234 чел., изъ нихъ 35 политическихъ. За исключеніемъ умершихъ, бѣжавшихъ, возвращенныхъ и проч. къ 10-го сентября 1874 г. на пріискахъ этой К° оставалось 165 каторжныхъ. Кромѣ пріисковъ Базанова въ Олекминскомъ округѣ въ первой половинѣ 70-хъ гг. арестанты работали еще и на промыслахъ К° Арендаторовъ и Малопатомскаго Т-ва. Въ отчетѣ о трудѣ арестантовъ въ К° Сибирякова и Базанова за 1875 г. сказано: „къ 10-му сентября 1875 г. оставалось на лицо ссыльнокаторжныхъ 149 мужчинъ и 2 женщины. Къ тому поступило съ Успенскаго пріиска К° Арендаторовъ 39 мужчинъ, итого 190 человѣкъ“; за исключеніемъ отбывшихъ сроки, бѣжавшихъ, умершихъ, отправленныхъ по неспособности ихъ къ работѣ и проч., къ 10 сентября осталось

[1]) Арх. Витим. Горн. Исправ., дѣла объ арестантахъ 1871 г., № 7, л. 1—8, 1872 г., № 9, л. 140.

на промыслахъ Сибирякова и Базанова 91 ссыльнокаторжный, въ томъ числѣ 80 гражданскихъ, 9 политическихъ и 2 женщины. Въ эту операцію каторжные на олекминскихъ промыслахъ работали только въ К° Базанова[1]).

Относительно путешествія каторжныхъ на пріиски въ докладѣ Купенкова 1872 г. сказано: „Какъ въ минувшемъ году, такъ и въ настоящемъ, арестанты, отправленные на пріиски по якутскому тракту, почти не имѣющему на своемъ протяженіи организованныхъ этапныхъ помѣщеній, въ сопровожденіи незначительнаго конвоя, благополучно доставлены по назначенію. Изъ 262 отправленныхъ на промыслы ссыльно-каторжныхъ бѣжало съ дороги 2 человѣка, изъ коихъ одинъ пойманъ и преданъ суду. Въ пути арестанты вели себя вполнѣ одобрительно и за время дороги ни одинъ изъ нихъ наказаніямъ не подвергался". Конвой въ операцію 1873—74 г. состоялъ на промыслахъ К° Базанова изъ двухъ урядниковъ и 13 казаковъ, въ операцію 1875—76 г.—2 урядниковъ и 6 казаковъ. Для наблюденія за арестантами на промыслахъ постоянно находились вблизи ихъ дежурные казаки, а остальной конвой помѣщался около казармъ. Купенковъ жаловался, что казачій конвой „слишкомъ патріархально" относился къ своей службѣ, что облегчало ссыльно-каторжнымъ побѣги.

Уроки арестантамъ задавались такіе же, какъ и вольнонаемнымъ рабочимъ, но для многихъ изъ нихъ горныя работы были слишкомъ тяжелы. Въ отчетѣ о работахъ арестантовъ на промыслахъ К° Базанова въ 1871—72 г. сказано: „новоприбывшимъ работа здѣшняя сначала казалась очень трудна; изъ нихъ лишь къ концу лѣта, и то только нѣкоторыя артели, стали выстаивать въ золотыхъ забояхъ и кончать уроки". По отчету за 1874 г., „прибывающіе на пріиски осенью привыкаютъ къ работѣ постепенно: сентябрь и октябрь на торфахъ, потомъ въ развѣдкахъ и поторжной работѣ, мартъ и апрѣль то же на торфахъ и потомъ уже лѣтомъ поступаютъ на самую трудную работу—добычу золотосодержащихъ песковъ, а поступившіе на работу лѣтомъ должны съ непривычки стать съ самаго начала на трудную работу, почему хотя и работаютъ усердно, но скоро отбиваютъ руки и совершенно обезсиливаютъ". Понятно, что часть арестантовъ оказывалась совершенно неспособною къ пріисковому труду, и ихъ приходилось отсылать обратно. Въ 1874 г. за неспособностью къ работѣ было возвращено съ промысловъ Базанова 37 человѣкъ (15%), въ 1876 г.—54 чел. (28%).

Плата за подъемное золото по „Временнымъ правиламъ" поступала не къ нашедшему его, а дѣлилась между арестантами. По первоначальнымъ правиламъ (1871 г.) эта плата должна была составлять возна-

---

[1]) Арх. Витим. Горн. Исправ.; Арх. Ирк. Горн. Управ., К. 2574, № 189—243, л. 350.

гражденіе всѣхъ арестантовъ и дѣлиться между ними поровну. Но подобный порядокъ оказался невыгоднымъ для промысловъ и потому, по просьбѣ промысловыхъ управленій, Купенковъ рѣшилъ записывать эту плату въ разсчетные листы, такъ же, какъ у вольнонаемныхъ, т.-е. на десятокъ, стоящій въ забоѣ. Этотъ порядокъ былъ затѣмъ утвержденъ и „Временными правилами“. Въ 1872 г. подъемнаго золота было доставлено арестантами, считая по 96 к. за золотн., на 10,118 р.,—по 38 р. на каждаго (что составляло 26% всего заработка). Въ операцію 1874 г. заработокъ арестантовъ на подъемномъ золотѣ составлялъ на промыслахъ Сибирякова и К° лишь 8% всего заработка. Въ отчетѣ за операцію 1876 г. сказано, что „подъемное золото съ каждымъ годомъ прогрессивно уменьшается“, такъ что въ этомъ году на двухъ смежныхъ пріискахъ КК° Базанова и Сибирякова было поднято его арестантами только на 346 р. (1,5% всего заработка). Вѣроятно каторжныхъ мало ставили въ томъ году на золотые забои.

Въ отчетѣ о работахъ каторжныхъ на промыслахъ Сибирякова, Базанова и К° за 1872 г. мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о представленіи рабочими подъемнаго золота (съ начала промывки песковъ въ маѣ мясяцѣ): „Артели, простоявшія, не разбиваясь, на торфахъ, ставятся въ золотые забои, и которыя артели оканчиваютъ уроки, ставятся, какъ бы въ вознагражденіе, подъ конецъ и въ такіе золотые забои“, гдѣ „есть подъемное золото, котораго иныя артели подымаютъ до 4-хъ фунт. Такимъ образомъ каждая артель проходитъ всѣ забои или по порядку, или по жребію, и потомъ поступаетъ опять на торфа, пока не дойдетъ до нея очередь. Артели же, не оканчивающія уроковъ или не могущія исполнять работы по приводѣ (на пріиски), въ золотые забои не ставятся, а подъ конецъ уже лѣта такимъ рабочимъ даютъ стараніе, которое заключается въ томъ, что они накладываютъ золотосодержащаго песку въ небольшой ящикъ, промываютъ его на вашгердѣ и полученное золото поступаетъ въ пользу ихъ... Такія старанія бываютъ отъ 7 до 25 р. Мастеровые получаютъ старанія два и три раза въ лѣто. При исполненіи работъ арестантами находятся казаки; если работаютъ въ разныхъ мѣстахъ на торфахъ, то назначаются 2 казака. Для наблюденія за мастеровыми назначаются казаки отдѣльно. Въ развѣдкахъ находится 6 казаковъ“, лѣтомъ же къ каждому забою назначается казакъ, такъ какъ было замѣчено, особенно относительно новоприбывшихъ, хищничество золота.

Въ операцію 1872 г. арестанты работали въ теченіе всего года ежедневно, за исключеніемъ 22-хъ дней.

Каторжные должны были имѣть отдѣльныя помѣщенія отъ остальныхъ рабочихъ, но въ 1872 г. такихъ не оказалось, и ихъ пришлось распредѣлить въ казармахъ, занимаемыхъ вольнонаемными, но въ осо-

быхъ комнатахъ. Въ 1873 г. на Успенскомъ пріискѣ К° Арендаторовъ выстроено было два новыхъ корпуса для арестантовъ и конвоя.

„Снабженные отъ казны одеждою на дорогу по лѣтнему арестантскому положенію“, писалъ Купенковъ въ отчетѣ за 1872 г., „ссыльно-каторжные по прибытіи на пріискъ получили всю теплую одежду въ счетъ будущихъ заработковъ изъ промысловыхъ складовъ. Суровый климатъ Олекминскаго округа съ морозами, доходящими до 40°, побуждаетъ дѣлать весьма значительный расходъ на эту статью. Провозная плата и другіе накладные расходы до того увеличиваютъ цѣнность одежды, что на первыхъ порахъ для соотвѣтственнаго обмундированія людей пришлось затратить около 25 р. на чел. (нѣкоторые изъ политическихъ преступниковъ, имѣя собственную теплую одежду на пріискѣ, таковой не брали) и въ теченіе года расходовать на одежду болѣе $^1/_3$ всего заработка, потому что нѣкоторыя вещи скоро приходятъ въ негодность отъ частаго прикосновенія съ огнемъ, съ мерзлымъ или каменистымъ грунтомъ, а лѣтомъ отъ постоянной сырости“.

„Для поощренія арестантовъ въ работѣ имъ выдавалось“ въ 1872 г. „на счетъ ихъ заработковъ, независимо отъ пищевого содержанія, получаемаго на счетъ промысла, наравнѣ съ вольно-наемными рабочими, ежемѣсячно на человѣка по $1^1/_2$ ф. сахару, по $1^1/_2$ ф. масла, по $^1/_2$ кирпича чаю и по 1 ф. табаку. Размѣръ этой выдачи при значительномъ представленіи артелью подъемнаго золота приходилось увеличивать, потому что въ противномъ случаѣ арестанты или совсѣмъ не подымали золота, или, поднявъ его, скрывали и передавали вольнымъ рабочимъ, съ которыми входили въ соглашеніе относительно вознагражденія“ за него. Въ 1874 г. обыкновенно выписывали по 2 ф. сахару и масла и 1 ф. табаку, но зарабатывавшимъ болѣе другихъ выдавали по лишнему фунту сахара и масла.

Нѣкоторые арестанты не выдерживали пріисковыхъ работъ. Въ 1876 г., по словамъ отчета о каторжныхъ, работавшихъ на пріискахъ К° Базанова и Сибирякова, „упадокъ силъ въ нѣкоторыхъ арестантахъ вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія на пріискахъ, тяжести труда и неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ“, вынудилъ отправить въ Иркутскъ 54 чел.

Вновь присланные на промыслы арестанты часто заболѣвали. Въ 1872 г. въ первый мѣсяцъ было 20 чел. больныхъ, потомъ, по мѣрѣ привычки къ работамъ, число больныхъ уменьшалось. „Каждая царапина, малѣйшій ушибъ не остаются здѣсь безъ послѣдствій, и если рабочій не объявилъ вовремя, то черезъ недѣлю поступаетъ въ больницу цынготнымъ“. Отъ цынги рабочіе вообще медленно поправлялись здѣсь, арестанты же были особенно воспріимчивы къ этой болѣзни, такъ какъ они подготовлялись къ ней продолжительнымъ содержаніемъ въ сибир-

скихъ, крайне переполненныхъ, тюрьмахъ; цынга у четвертой части больныхъ ею арестантовъ въ 1872 г. доходила до сведенія конечностей. Другія же болѣзни были рѣдки среди арестантовъ. Въ 1872 г. по случаю развитія цынги и другихъ болѣзней въ Усть-Кутскій солеваренный заводъ было переведено 36 арестантовъ. Процентъ больныхъ каторжанъ въ 1872 г. колебался между 4 и 8%. Въ отчетѣ за 1874 г. находимъ также жалобы на развитіе цынги. „Пища была обыкновенная, пріисковая, капусты сравнительно съ прошлою операціею выдавалось гораздо меньше и худшаго качества. При этой пищѣ изнурительная земляная работа зимою въ большіе холода и скудная подача порцій при открытіи весны и лѣта отразились въ эту операцію на работахъ цынготною болѣзнью съ самаго открытія весны, и хотя больные были посылаемы для поправки въ мѣста, болѣе обильныя растительностью, въ особенности лукомъ, но здоровье ихъ почти не улучшалось", вслѣдствіе чего и возвращеніе съ промысловъ неспособныхъ къ работамъ было въ большей степени, чѣмъ въ прежнія операціи. Въ 1875 г. число поденщинъ „больныхъ, оставляемыхъ по усмотрѣнію пріисковаго врача для пособій и открытія крови" было 1794, что составляло около 4% всѣхъ поденщинъ. Въ 1876 г. число заболѣвшихъ цынгою было незначительно.

Поведеніе арестантовъ на промыслахъ было вообще весьма удовлетворительно. Въ 1871—72 г. изъ 260 чел. было совершено преступленіе однимъ (нанесеніе топоромъ раны женщинѣ), но и тотъ признанъ невмѣняемымъ вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія. Въ эту же операцію тѣлеснымъ наказаніямъ въ теченіе года подвергались 14 чел. [1]). Въ 1874 г. арестантами вовсе не было совершено преступленій, кромѣ того, что одинъ изъ нихъ былъ замѣченъ два раза въ воровствѣ у товарища и, какъ слабый къ тому же работникъ, былъ совсѣмъ высланъ съ пріисковъ [2]). Въ 1876 г. изъ 190 арестантовъ только 2 были замѣчены въ торговлѣ спиртомъ, изъ которыхъ одинъ былъ наказанъ 100 ударами розогъ и денежнымъ штрафомъ въ 2 р., а другой содержаніемъ въ карцерѣ 7 дней и денежнымъ штрафомъ въ 3 р., и, „какъ плохой работникъ и долгосрочный", онъ былъ отправленъ съ пріисковъ въ распоряженіе иркутскаго губернскаго правленія.

Относительно побѣговъ арестантовъ, Купенковъ въ своей запискѣ 1872 г. говоритъ: „процентое отношеніе бѣжавшихъ съ частныхъ золо-

---

[1]) Изъ нихъ за грубость противъ лицъ промысловаго надзора и конвойныхъ 3 чел., за покушеніе на кражу золота—7 чел. и за самовольную отлучку и драку—4 человѣка.

[2]) „Дерзость противъ казаковъ проявлялась въ двухъ случаяхъ, ослушаніе служащему К° въ одномъ случаѣ, драка въ одномъ случаѣ и за лѣность къ работѣ одинъ арестантъ подвергнутъ наказанію два раза".

тыхъ пріисковъ ссыльно-каторжныхъ по сравненію съ побѣгами, совершаемыми арестантами съ промысловъ Кабинета Его Величества можетъ быть названо удовлетворительнымъ, и есть основаніе полагать, что цифра бѣжавшихъ съ 9% на будущее время значительно уменьшится, такъ какъ до настоящей осени арестанты не вѣрили, что заработанныя ими деньги, за исключеніемъ удержанныхъ на расходы по содержанію ихъ и управленію, будутъ передаваемы имъ по окончаніи срока каторжныхъ работъ и выходѣ на поселеніе. Примѣръ разсчитанныхъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ трехъ арестантовъ, изъ которыхъ двое получили по 100 р., а одинъ 66 р., осязательно докажетъ всю пользу для нихъ задолжанія на подобный производительный трудъ, съ помощью котораго они пріобрѣтутъ средство безбѣдно обставить себя на первое время по прибытіи на поселеніе, а не явятся, какъ теперь, полными пролетаріями, вынужденными нерѣдко изъ-за предметовъ первой необходимости совершать новыя преступленія и опять возвращаться на каторгу“. [1]). Въ 1874 г. изъ 235 чел., работавшихъ на пріискахъ К° Базанова, бѣжало всего 11, но изъ нихъ 4 были пойманы и отправлены для преданія за это суду; въ 1876 г. изъ 190 рабочихъ арестантовъ той же К° бѣжало всего 3. За побѣги наказывались не только сами бѣжавшіе, но кромѣ того штрафовалась та артель, къ которой они принадлежали. Въ 1872 г. на пріискахъ К° Базанова „штрафамъ исключительно подвергались арестанты за бѣжавшихъ товарищей. За каждаго бѣжавшаго налагался на артель денежный штрафъ въ размѣрѣ 3 р. на человѣка. Изъ этой суммы за поимки арестантовъ выдавалось по 15 р. за каждаго, на что и израсходовано 90 р.“. Въ операцію 1874 г. на тѣхъ же промыслахъ за отлучку съ пріиска одинъ человѣкъ былъ наказанъ розгами, другому же за побѣгъ, въ виду его цынготнаго состоянія, тѣлесное наказаніе было замѣнено работою въ цѣпяхъ въ теченіе мѣсяца безъ льготныхъ дней. За побѣги оштрафовано 107 человѣкъ (т.-е. члены артелей бѣжавшихъ рабочихъ) по 3 р. Въ 1876 г. тамъ же за побѣги подвергнуты денежному штрафу артели, въ которыхъ находились бѣжавшіе въ числѣ 27 человѣкъ по 3 р. каждый и артели, въ которыхъ находились замѣченные въ торговлѣ спиртомъ 18 чел. по 1 р. Въ операцію 1873—4 г. съ арестантовъ, работавшихъ въ К° Арендаторовъ, было взыскано штрафа 549 р., что въ среднемъ на 117 арестантовъ составитъ безъ малаго по 5 р. (наибольшее количество штрафныхъ денегъ, взысканныхъ съ одного арестанта, равнялось 18 р.).

Изъ записки Купенкова 1872 г. мы узнаемъ, что мѣсячный за-

[1]) Въ отчетѣ за операцію 1871—72 г. объ арестантахъ, работавшихъ на пріискахъ К° Базанова и Сибирякова пояснено, что побѣги по срокамъ работъ были слѣдующіе: осужденныхъ на 4—8 лѣтъ 12 чел. и на 10—15 л.—12 чел., всего 24 чел. Дѣло витимск. горн. исправн. о ссыльно-каторжныхъ № 9, л. 111, 143—144.

работокъ арестантовъ въ горныхъ работахъ зимою равнялся 12 р. и болѣе, въ ортовыхъ доходилъ до 18 р. въ мѣсяцъ, а въ поторжныхъ работахъ—менѣе 7 р.; 80 арестантовъ, проработавшихъ на промыслахъ Сибирякова и Базанова всю операцію 1871—72 г., заработали въ среднемъ вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ по 211 р., причемъ подъемное золото составило 34% общаго заработка, а 80 чел., проработавшихъ лишь три лѣтнихъ мѣсяца 1872 г., заработали въ среднемъ по 86 р., причемъ подъемное золото составляло 44% общаго заработка. Въ К° Промышленности въ операцію 1872—3 г. 69 арестантовъ заработали въ среднемъ по 213 р. На промыслахъ К° Арендаторовъ въ операцію 1873—4 г. 98 арестантовъ заработали въ среднемъ вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ по 151 р. въ годъ. Въ операцію 1875—76 г. всего заработано было арестантами на промыслахъ К° Сибирякова и Базанова 23370 р. (со включеніемъ подъемнаго золота, котораго, впрочемъ, было очень мало), поденщинъ же въ теченіе операціи (со включеніемъ льготныхъ и больныхъ) было 48131, слѣдовательно средній заработокъ въ поденщину менѣе 50 к.; если взять только одни рабочія поденщины (43769), то средній заработокъ въ поденщину будетъ равняться 53 к. [1]).

Относительно размѣра чистаго заработка или додачи мы имѣемъ слѣдующія данныя. Купенковъ въ своемъ отчетѣ за 1871—72 г. сообщаетъ, что валовой заработокъ рабочихъ равнялся 38658 р., а за исключеніемъ забора вещами и припасами, стоимости препровожденія арестантовъ до промысловъ, расходовъ по надзору за арестантами и штрафовъ за бѣжавшихъ и проступки, чистый заработокъ равнялся 17396 р. По чистому заработку Купенковъ раздѣлилъ рабочихъ на слѣдующія категоріи: заработавшихъ болѣе 200 р.—1 чел., отъ 150 до 200 р. 6 чел., отъ 100 до 150 р.—56 чел., отъ 75 до 100 р.—40 чел., отъ 50 до 75 р.—60 чел., отъ 25 до 50 р.—45 чел., менѣе 25 р.—31 чел., не заработавшихъ своего содержанія 21 чел. Средній чистый заработокъ, по вычисленію Купенкова, равнялся 74 р. [2]). Въ операцію 1875 г. на 159 ссыльно-каторжныхъ, работавшихъ на промыслахъ К° Сибирякова и Базанова, средняго чистаго заработка пришлось болѣе 106 р. на человѣка, тогда какъ вольно-наемнымъ рабочимъ (если взять ихъ всѣхъ) пришлось всего по 18 р. [3]). Эта разница объясняется тѣмъ, что арестанты работали круглый годъ и выдача имъ вещей и припасовъ въ счетъ заработка была болѣе регламентирована [4]).

---

[1]) Арх. Витим. Горн. Испр., дѣла объ арестантахъ, №№ 282, 48; 1875 г., № 5., л. 112; Арх. К° Промышлен. дѣло № 284.

[2]) Собственно должно быть 67 р.

[3]) Арх. Витим. Горн. Испр. дѣло 1875 г., № 33, л. 9.

[4]) Свѣдѣнія о работѣ арестантовъ заимствованы, кромѣ указанныхъ, изъ слѣдующихъ дѣлъ Архива Витим. Горн. Испр. о ссыльно-каторжныхъ: №№ 7, 9, 19 и 5.

Кромѣ общеконтрактныхъ рабочихъ и золотничниковъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ особой главѣ, на пріискахъ Ленскаго горнаго округа бываетъ много отрядныхъ рабочихъ, занимающихся у подрядчиковъ доставкою лѣса, угля и тяжестей, положеніе которыхъ неизмѣримо хуже общеконтрактныхъ. Отрядные рабочіе живутъ зимою и лѣтомъ въ жалкихъ лачугахъ инородцевъ, которыя часто не имѣютъ стеколъ въ отверстіяхъ, замѣняющихъ окна, и переполнены обитателями [1]).

---

[1]) „Вѣстн. Золотопр.“, 1893 г., № 2, стр. 31.

ГЛАВА VII.

Общеконтрактные рабочіе на золотыхъ промыслахъ Амурской и Приморской областей.

Историческія свѣдѣнія о золотопромышленности.—Число рабочихъ.—Предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ теперь спросъ на нихъ.—Задатки.—Путешествіе рабочихъ на пріиски.—Техника работъ.—Доходность золотого дѣла.—Продолжительность рабочаго дня.—Величина уроковъ.—Плата за трудъ.—Подъемное и старательское золото.—Пища.—Винныя порціи.—Тайная продажа вина.—Жилища.—Пріисковыя лавки.—Семейства рабочихъ.—Денежные штрафы и другія наказанія.—Горная администрація.—Праздники и льготные дни.—Болѣзни.—Врачебная помощь.—Школы.—Побѣги.—Заработки.—Додачи.—Долги.—Возвращеніе съ пріисковъ.

Присутствіе золота въ Амурской области въ долинѣ р. Зеи открыто было еще въ концѣ сороковыхъ годовъ; изслѣдованія по порученію гр. Муравьева-Амурскаго продолжались здѣсь и въ 50-хъ гг., но частная золотопромышленность разрѣшена была позднѣе. Опасаясь, что открытіе частныхъ золотыхъ промысловъ и связанная съ этимъ закупка значительнаго количества хлѣба для рабочихъ могутъ вызвать затрудненія въ продовольствіи войскъ и переселяемыхъ на Амуръ казаковъ, ген.-губернаторъ Восточной Сибири гр. Муравьевъ вошелъ въ 1858 г. въ Сибирскій Комитетъ съ представленіемъ, чтобы дозволеніе частной золотопромышленности на Амурѣ было пріостановлено до 1862 г. Мнѣніе его было уважено, а затѣмъ онъ исходатайствовалъ по тѣмъ же причинамъ дальнѣйшую пріостановку разрѣшенія частнаго золотого промысла до 1865 г., кромѣ прибрежныхъ мѣстъ Восточнаго Океана по правую и лѣвую сторону Амурскаго лимана, гдѣ золотопромышленность была дозволена еще въ 1861 г. [1]). Въ 1865 г. частный золотой про-

[1]) *Ив. Барсуковъ.* „Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій". М. 1891 г., кн. II, 210—212, 318—320; *Расселли*, 11.

мыселъ былъ разрѣшенъ и въ Амурской и Приморской областяхъ, за исключеніемъ участка, пограниченнаго къ Нерчинскому округу; дозволено было также нанимать на эти промыслы рабочихъ китайцевъ [1]).

Въ 1866 г. горный инженеръ Аносовъ открылъ богатѣйшія золотоносныя розсыпи между Амуромъ и Зеей на р. Джалиндѣ; для ихъ эксплоатаціи составилась, такъ называемая, Верхне-Амурская компанія, главнымъ участникомъ которой былъ Д. Бенардаки [2]).

Въ Приморской области въ системѣ р. Амгуни (притока Амура) первые пріиски были отведены въ 1869 г. купцу Тетюкову, который вскорѣ и началъ ихъ разрабатывать. Затѣмъ въ половинѣ 70-хъ годовъ была открыта группа пріисковъ въ системѣ р. Селимджи, притока Зеи, для разработки которыхъ составилась Средне-Амурская К°, но надежды владѣльцевъ не оправдались, и значительныя затраты не дали благопріятныхъ результатовъ. Однако позднѣе, съ начала 90-хъ годовъ, по рѣчкѣ Бомъ системы Селимджи начинается весьма успѣшная добыча золота [3]). Въ 1876 г. началась разработка по притокамъ рѣкъ Гилюя и Брянты, текущихъ въ Зею (притокъ Амура): это одна изъ богатѣйшихъ золотопромышленныхъ системъ. Пріиски этой группы принадлежатъ Верхне-Амурской и Зейской компаніямъ. Около того же времени открыты и пріиски, расположенные въ системѣ Нимана, притока Буреи, впадающей въ Амуръ. Въ Хинганской системѣ начались работы въ 1886 г. [4]).

„Въ настоящее время", говоритъ г. Бацевичъ, „Амурскій край представляетъ мѣстность съ громаднымъ преобладаніемъ крупныхъ золотопромышленныхъ предпріятій. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ около 90% добываемаго золота приходилось на долю пріисковъ, принадлежащихъ тремъ главнымъ компаніямъ: Верхне-Амурской, Зейской и Ни-

---

[1]) П. С. З. т. 40, № 42328.

[2]) Съ начала постановки работъ до 1890 г. Джалинда дала болѣе 2500 пудовъ золота. *Янчуковскій.* „О пріискахъ Верхне-Амурской К°"; „Горн. Журн." 1890 г., т. II, 358.

[3]) Въ Приморской области золотоносныя розсыпи открыты, между прочимъ, на островѣ Аскольдѣ (близъ Владивостока), гдѣ золотоносный пластъ составляетъ морское дно, откуда и добываются золотосодержащіе пески.

[4]) *Оранскій.* „Краткій очеркъ Амурскаго края въ золотопромышленномъ отношеніи". Томскъ. 1886 г., стр. 20—28. *Дейхманъ.* „Горная промышленность на Амурѣ и прибрежьяхъ Приморской области". „Горн. Журн." 1871 г., № 5, стр. 307—308; *Бацевичъ*, 43, 61, 84, 141—143; „Приамур. Вѣдомости" 1894 г., № 26, „Золотые промыслы въ Амурской области въ 1893 г.", стр. 2; *Михайловъ.* „Очеркъ разработки Ниманскихъ золотыхъ пріисковъ на Амурѣ". „Горн. Журн." 1879 г., № 7, стр. 12. *Н. Богомобскій.* „Описаніе золотыхъ промысловъ Амурско-Приморскаго края". Приложеніе къ трудамъ Коммис. для собр. свѣд. о сибир. золот. т. II, ч. I, в. 2. Спб. 1897, стр. 173.

манской, и только 10% извлекали мелкія золотопромышленныя компаніи и арендаторы. Въ 1891 г., напримѣръ, изъ 57 пріисковъ, дѣйствовавшихъ въ Амурской и Приморской областяхъ на 22-хъ, принадлежащихъ тремъ помянутымъ крупнымъ компаніямъ, было добыто 380 п. золота изъ 444 пудовъ. Въ 1890 г. это отношеніе для трехъ компаній было еще болѣе благопріятно... Болѣе мелкія золотопромышленныя компаніи—это явленіе новое на Амурѣ [1]). Мелкая золотопромышленность на Амурѣ начала развиваться въ 1884 г., и теперь она съ каждымъ годомъ все увеличивается; благодаря мелкой золотопромышленности развился здѣсь и золотничный способъ разработки площадей [2]).

Рабочихъ на промыслахъ Амурской обл. въ семидесятыхъ годахъ было minimum 1606 чел., maximum 3606 ч., а въ среднемъ за все десятилѣтіе равнялось 2153 ч.; въ Приморской области рабочихъ было въ 1872, 75—77 и 79 гг. minimum 116, maximum 482. Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ количество рабочихъ въ Амурской области все увеличивалось и съ 3682 (въ 1880 г.) постепенно дошло до 5861 ч. (въ 1884 г.), въ среднемъ же равнялось 4293 ч. Въ Приморской области въ тѣ же годы число рабочихъ колебалось между 276 и 612 ч. Въ 1885—88 гг. въ Амурской и Приморской областяхъ вмѣстѣ рабочихъ было minimum 4712, max. 6134, въ среднемъ 5404. Затѣмъ въ одной Амурской области число рабочихъ равнялось въ 1889 г. 5036, въ 1890 г.—4683, въ 1891 г. 6540, въ 1892 г.—6296 (въ среднемъ за эти 4 года 5839), а въ Приморской области въ 1893 г. 699 ч.; такимъ образомъ число рабочихъ здѣсь все увеличивалось [3]), въ 1895 г. въ Амурскомъ горномъ округѣ считали 6000 рабочихъ, въ Приморскомъ — 1007 [4]).

Относительно найма рабочихъ на пріиски Амурской области въ отчетѣ о золотопромышленности Восточной Сибири за 1880 г. сказано: „для промысловъ Верхне-Амурской и Зейской КК° и товарищества бр. Бутиныхъ рабочіе нанимаются въ Иркутской губерніи и Забайкальской области и частью Амурской... Ниманская К° нанимаетъ рабочихъ исключительно въ Благовѣщенскѣ изъ числа такихъ, которые остаются въ городѣ съ цѣлью вновь наняться на промыслы [5]). Изъ жителей Амур-

---

[1]) *Бацевичъ.* „Матеріалы для изученія Амурскаго края въ геологическомъ и горнопромышленномъ отношеніи". С.-Пб., 1884 г., стр. 143.

[2]) Въ 1885 г. изъ 25 пріисковъ Амурской области было добыто: менѣе пуда золота на 1 пріискѣ, отъ 1 до 2 п. на 4 пріискахъ, отъ 2 до 10 п.—на 11 пріискахъ, отъ 10 до 20 п. на 2 пріискахъ, отъ 20 до 40 п. на 6 пріискахъ, болѣе 40 пуд. на 1 пріискѣ. „Обзоръ Амур. Обл. за 1885 г.", стр. 10.

[3]) См. *Дополненіе I* (въ концѣ этого тома).

[4]) „Вѣстн. Золотопр." 1897 г., № 4, стр. 81.

[5]) Въ 1893 г. рабочіе Верхне-Амурской К° нанимались въ Верхнеудинскомъ и Нерчинскомъ округахъ Забайкальской области, а также на Зейской пристани и на

ской области, въ виду ея малой населенности, золотопромышленникамъ было воспрещено нанимать рабочихъ на промыслы. Противъ допущенія мѣстнаго земледѣльческаго и рабочаго населенія на пріиски высказался второй Хабаровскій съѣздъ въ 1886 г. Запрещеніе это существуетъ и и въ настоящее время: въ интересахъ развитія сельскаго хозяйства въ краѣ воспрещается золотопромышленникамъ нанимать на пріиски крестьянъ Амурской и Приморской областей [1]). Ниманская К° въ первой половинѣ 80-хъ гг. нанимала рабочихъ и въ Забайкальѣ изъ такъ называемыхъ „семейскихъ“ (раскольниковъ). Въ 1884 г. эта компанія, находя „семейскихъ“ слишкомъ требовательными, сдѣлала попытку нанять рабочихъ въ Западной Сибири, но результаты этого опыта были весьма плачевные. Нанятые въ Томскѣ рабочіе оказались, по словамъ мѣстнаго окружного ревизора Оранскаго, „совершенно неспособными къ тяжелымъ пріисковымъ работамъ и при посѣщеніи имъ пріисковъ наполняли больницы, которыхъ было даже недостаточно“ [2]). Отъ наемки въ Забайкальѣ „семейскихъ“, весьма сильныхъ и рослыхъ людей, отказалась въ 1884 г. и Зейская К°. Въ газетѣ „Сибирь“ было по этому поводу сказано: „Съ пріѣздомъ генералъ-маіора Ш. на пріиски Зейской К° начались различныя стѣсненія рабочихъ, вслѣдствіе чего стали не рѣдки столкновенія этихъ послѣднихъ со служащими и самимъ управленіемъ пріисками. Нынѣ генералъ-маіоръ Ш., неправильно понимая причины этого грустнаго явленія, распорядился не производить наемокъ въ прежнихъ мѣстахъ, а именно, въ Тарбагатайской и Мухоршибирской волостяхъ Верхнеудинскаго округа, а отыскать такихъ рабочихъ, которые не умѣли бы отстаивать и защищать свои интересы. Благодаря этому, Тарбагатайская, Мухоршибирская и Урлукская волости, разоренныя неурожаемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, „находятся въ полномъ отчаяніи“ [3]). Компаніонъ-распорядитель Зейской К° генералъ А. Шанявскій возразилъ на это, что „отказъ отъ наемки семейскихъ рабочихъ, т.-е. тарбагатайцевъ, мухоршибирцевъ и куналейцевъ, вызванъ ежегодными, крайне неблаговидными, поступками этихъ рабочихъ, изощрившихся въ постоянныхъ вымогательствахъ и дерзкихъ выходкахъ... Семейскіе или старообрядцы-раскольники, люди хотя съ желѣзными му-

---

самыхъ пріискахъ. На пріиски Зейской К° рабочіе нанимались въ Благовѣщенскѣ, на Лунгинскомъ складѣ по р. Зеѣ и на промыслахъ. „Приамурскія Вѣдомости“, 1894 г., № 26, стр. 11 (отчетъ Оранскаго).

[1]) *Дейхманъ*. „Горн. промышл. на Амурѣ“. „Горн. Журн.“ 1871 г., № 5, стр. 299; *Надаровъ*. „Второй Хабаров. съѣздъ“, 1886 г., стр. 41; „Вост. Обозр.“ 1886 г., № 32, стр. 9; „Труды III Хабаров. съѣзда“, 1893 г., стр. 142.

[2]) *Оранскій*. „Краткій очеркъ Амурскаго края въ золотопромышленномъ отношеніи“. Томскъ, 1886 г., стр. 27.

[3]) „Сибирь“ 1884 г., № 40, стр. 5.

скулами, но зато и съ закаленными характерами, крѣпко сплочены между собой вѣковой привычкой бороться общими силами противъ всякихъ посягательствъ кого бы то ни было на то, что они считаютъ своимъ правомъ или своимъ убѣжденіемъ... Въ нихъ искони выработалась полнѣйшая самостоятельность, отсутствіе всякой привычки подчиненія, а главное, весьма глубокое... убѣжденіе..., что вся ихъ сила... въ ихъ крѣпкой сплоченности. *Прежде, чѣмъ подписывать контрактъ, они очень внимательно его выслушиваютъ* и, конечно, не допустятъ въ немъ ничего для себя невыгоднаго" [1]). Понятно, что такіе люди оказались непригодными для Зейской К°. Что же касается поведенія рабочихъ-„семейскихъ", то отзыву генерала Шанявскаго можно противопоставить слѣдующее оффиціальное свидѣтельство отчета иркутскаго горнаго управленія за 1889 г.: „въ отношеніи состава рабочихъ находятся въ лучшихъ условіяхъ амурскіе и забайкальскіе пріиски: тамъ контингентъ ихъ пополняется изъ сектантовъ, такъ называемыхъ „семейскихъ"... Рабочіе изъ этой среды *добросовѣстно относятся къ принятымъ на себя обязательствамъ, меньше пьянствуютъ и вообще нравственнѣе, чѣмъ рабочіе въ другихъ округахъ*" [2]).

Неудачный опытъ наемки рабочихъ въ Томскѣ заставилъ Ниманскую К° вновь возвратиться къ найму въ Забайкальѣ и на Амурѣ (не изъ жителей Амурской области). Въ 1889 г. наемъ рабочихъ Ниманской и Зейской КК° былъ произведенъ въ Благовѣщенскѣ. По оффиціальному свидѣтельству (1886 г.), „крестьянское и казачье населеніе Амурской области на пріисковыя работы не ходитъ [3]); большею частью рабочіе (въ этомъ году) были нанимаемы въ Забайкальѣ и другихъ мѣстахъ Сибири, незначительное количество—изъ внутреннихъ губерній Россіи и частью изъ ссыльнопоселенцевъ" [4]).

На амурскіе промыслы приходятъ рабочіе не только изъ Сибири, но и изъ Европейской Россіи. Въ 1891 г. вмѣстѣ со мною ѣхало 50 человѣкъ изъ Нижегородской губ. на пароходѣ отъ Тюмени до Томска; ихъ велъ на пріиски Зейской К° одинъ, уже побывавшій тамъ, рабочій. Въ 1892 г. на промыслахъ Ниманской К° 29% рабочихъ были изъ Европейской Россіи—изъ губерній Нижегородской, Симбирской, Пермской и Вятской. На Амгунской системѣ въ 1893 г. рабочіе были

---

[1]) „Сибирь" 1885 г., № 34, стр. 8—11.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канцеляріи, № 39, л. 6.

[3]) „Обзоръ Амурск. обл." за 1886 г., стр. 20. Это не мѣшаетъ ему, впрочемъ, заниматься доставкою на промыслы товаровъ и хлѣба.

[4]) Ссыльнопоселенцы составляли въ 80-хъ годахъ на промыслахъ Амурской области отъ 3 до 7% всѣхъ рабочихъ. Въ 90-хъ годахъ амурскіе золотопромышленныя компаніи нанимали рабочихъ въ Благовѣщенскѣ или въ Забайкальѣ. „Амурская Газета" 1895 г., № 6, стр. 224, № 21, стр. 748.

преимущественно изъ Западной Сибири, а также губерній Нижегородской, Самарской, Саратовской и другихъ. Они нанимались на пріиски по большей части въ Благовѣщенскѣ, а частью въ Николаевскѣ [1]).

Въ началѣ золотопромышленности на Амурѣ чувствовался недостатокъ въ рабочихъ. По свидѣтельству г. Дейхмана (1871 г.) „трудность найма рабочихъ на мѣстѣ и необходимость пріобрѣтать ихъ изъ за Байкала задерживаютъ развитіе поисковъ“ [2]). Г. Оранскій говоритъ: „до 1884 г. амурскіе золотопромышленники встрѣчали не мало затрудненій въ пріисканіи рабочихъ рукъ, которыхъ на Амурѣ было вообще весьма недостаточно. Приходилось нанимать людей въ отдаленныхъ отъ Амура губерніяхъ Восточной и Западной Сибири,—Енисейской, Томской, Тобольской“. Послѣ разгрома китайской Желтуги (въ 1885 г.) значительная часть собравшихся тамъ рабочихъ „разсѣялась по всей Амурской области, надѣясь устроиться на пріискахъ“, а такъ какъ на золотые пріиски нельзя было нанять всѣхъ нахлынувшихъ рабочихъ, то „значительная часть ихъ осталась безъ всякихъ занятій и всякихъ средствъ къ существованію“. „Въ послѣднее время“, свидѣтельствуетъ г. Оранскій въ томъ же отчетѣ за 1889 г., „предложеніе рабочихъ рукъ на Амурѣ далеко превышаетъ спросъ на нихъ“. На избытокъ рабочихъ рукъ на промыслахъ Амурской области указывали и на третьемъ Хабаровскомъ съѣздѣ въ 1893 г. Г. Бацевичъ также говоритъ, что еще лѣтъ 10 тому назадъ спросъ на рабочихъ для золотыхъ пріисковъ въ Амурской и Приморской областяхъ сильно превышалъ предложеніе, и потому золотопромышленники „должны были посылать своихъ агентовъ для найма рабочихъ въ Забайкалье и даже Западную Сибирь“; въ то время „очень часто нанимались люди завѣдомо сомнительной нравственности“, а иногда даже „бѣглые и безпаспортные... Разсказы о высокой заработной платѣ на Амурѣ разнеслись далеко на западъ и распространились даже за Уралъ“, такъ что „теперь на амурскихъ пріискахъ самое обычное явленіе встрѣтить рабочаго изъ Нижегородской губерніи. Лѣтъ пять тому назадъ отношеніе между спросомъ и предложеніемъ стало на Амурѣ измѣняться не въ пользу рабочихъ и достигло въ настоящее время того, что только Верхне-Амурская К° по традиціи еще посылаетъ агентовъ въ Забайкалье для найма рабочихъ, Зейская К° производитъ эту операцію въ Благовѣщенскѣ, этомъ центрѣ торгово-промышленной дѣятельности въ Амурской области, а на пріиски Ниманской К° рабочіе сами идутъ привлекаемые туда крупнозернистымъ золотомъ... На всѣ промыслы этой компаніи требуется приблизительно

---

[1]) „Вѣстн. Золот.“ 1893 г., № 11, стр. 178; „Прнамур. Вѣдом.“, 1894 г., № 22, статья *Марковича*, стр. 4.

[2]) „Горн. Журн.“ 1871 г., № 5, стр. 308.

800 чел., а приходитъ наниматься разновременно 1500, слѣдовательно половинѣ пришедшихъ отказываютъ въ работѣ" [1]).

Недостатокъ рабочихъ въ прежнее время и изобиліе ихъ теперь вызвали постепенное уменьшеніе задатковъ. При наймѣ рабочихъ въ 1871 г. въ Маріинскомъ округѣ Томской губ. на пріиски Верхне-Амурской К° они получили при подписаніи контракта задатки отъ 50 до 90 р. Въ 1875 г. въ Нерчинско-заводскомъ округѣ при наймѣ на промыслы Верхне-Амурской К° выдавались задатки отъ 80 до 130 руб. [2]). По словамъ г. Бацевича, еще лѣтъ 10 тому назадъ при наймѣ рабочихъ на лѣтнюю операцію задатки въ 150—200 р. на человѣка были явленіемъ обыкновеннымъ (стр. 148). Послѣ разгрома Желтуги (1885 г.) размѣръ задатковъ сталъ быстро падать [3]). Осенью 1886 г. въ Благовѣщенскѣ оказалось „рабочаго люда гораздо больше, чѣмъ спроса на него", и потому Ниманская К° давала рабочимъ въ задатокъ всего 25—30 руб. [4]). Мѣстный окружной инженеръ Оранскій въ отчетѣ за 1889 г. указывалъ, какъ на причину увеличенія наплыва рабочихъ на амурскіе промыслы, кромѣ разгрома Желтуги, на „уменьшеніе производительности пріисковъ Забайкалья, освободившее не мало рабочихъ рукъ, также ищущихъ и не находящихъ заработка на Амурѣ". Прежде, по словамъ г. Оранскаго, рабочаго можно было нанять не иначе, какъ съ задаткомъ въ 50—100 руб., *„нынѣ же обычай давать задатокъ выходитъ изъ употребленія, и безъ него можно нанять сколько угодно рабочихъ.* Но этого мало. Бываютъ случаи, что рабочіе сами являются на пріиски и просятъ работы за одно только содержаніе *безъ всякой платы...*, къ чему ихъ вынуждаетъ перспектива—умереть голодною смертью" [5]). Въ отчетѣ за 1893 г. Оранскій говоритъ: „При наймѣ ра-

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канц. № 39; „Труды III Хабар. съѣзда", Хабар. 1893 г., стр. 67, 137; *Бацевичъ*, стр. 148—149; „Приамур. Вѣдом.", 1894 г., № 26, отчетъ Оранскаго, стр. 11; „Амурская Газета" 1895 г., № 6, стр. 226; № 21, стр. 748.

[2]) „Сибирь" 1875 г., № 22, стр. 3. Въ 1885 г. при наймѣ въ Забайкальѣ Верхне-Амурская К° давала задатки до 150 р. (Дѣло канц. Иркут. Горн. Упр. № 14, т. I, л. 64), а въ среднемъ при наймѣ въ Забайкальѣ задатки „перешли за сто рублей" (отчетъ главноупр. Ниманской К° Л. Ѳ. Пантелѣева за 1882 г.). При наймѣ рабочихъ на промыслахъ въ началѣ амурской золотопромышленности выдавалось по 5 бутылокъ спирта; позднѣе нѣкоторыя компаніи отказались отъ этого обычая, не рискуя остаться безъ рабочихъ, но Зейская К° продолжала держаться его еще въ 1886 г. „Восточн. Обозр." 1886 г., № 5, стр. 9.

[3]) Въ первый разъ въ концѣ 1882 г. Л. Ѳ. Пантелѣевъ сдѣлалъ опытъ въ Ниманской К° наемки безъ задатка (человѣкъ 30), за что имъ былъ предоставленъ третій льготный день въ мѣсяцъ.

[4]) „Владивостокъ" 1886 г., № 52, стр. 5.

[5]) Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канц. № 39. Дѣйствительно при наймѣ, наприм., на промыслы Ниманской К° въ 1891 г. задатковъ не выдавалось. „Вѣстн. Золотопр." 1893 г., № 11, стр. 178.

бочихъ недостатка въ нихъ не было; наоборотъ, предложеніе рабочихъ рукъ далеко превышало спросъ. Обычай выдавать задатки, безъ чего прежде нельзя было нанять рабочаго, въ настоящее время уже почти не практикуется. Только 2—3 компаніи выдавали въ задатокъ 20—50 р., громадное же большинство пріисковыхъ рабочихъ охотно нанималось безъ задатковъ, лишь бы только поступить на пріискъ" [1]).

Въ 1876 г. дозволено было нанимать рабочихъ на пріиски Амурской и Приморской областей срокомъ не на одинъ, а на 2 года. Въ контрактѣ Верхне-Амурской К° 1871 г. рабочіе наняты были на 1 годъ, но и въ контрактѣ той же компаніи 1883 г. срокъ найма также годовой. Ниманская К° наняла рабочихъ въ ноябрѣ 1883 г. срокомъ по 1-е марта 1885 г., т.-е. на 16 мѣсяцевъ, но время явки въ контрактѣ не обозначено и сказано только, что рабочіе должны явиться на сборный пунктъ къ назначенному времени, а такъ какъ зимнихъ работъ на амурскихъ промыслахъ бываетъ мало, то и тутъ, вѣроятно, рабочіе провели на промыслахъ не болѣе года. Въ 90-хъ годахъ Ниманская К° нанимаетъ на годовой срокъ. Рабочіе весьма нерѣдко, вновь нанимаясь на промыслы, проводятъ на нихъ по нѣсколько лѣтъ [2]), но тѣмъ не менѣе весьма важно, чтобы законъ не допускалъ найма на слишкомъ продолжительные сроки.

Относительно путешествія рабочихъ на промысла въ извѣстныхъ намъ контрактахъ мы находимъ слѣдующія условія. Въ договорѣ Верхне-Амурской К°, заключенномъ въ сентябрѣ 1871 г. въ Маріинскомъ округѣ Томской губерніи сказано: „По первому извѣщенію довѣренныхъ К° обязаны мы явиться на сборный пунктъ, откуда должны слѣдовать съ партіонными приказчиками на пристань К°, чтобы явиться намъ туда не позднѣе 20 марта 1872 г. Если довѣренный К° найдетъ выгоднымъ доставить насъ на прогонахъ (sic) или подводахъ, то мы отказываться отъ этого не можемъ. За все время нашего слѣдованія изъ мѣстъ жительства до станціи Срѣтенской К° принимаетъ на свой счетъ прогоновъ и разныхъ путевыхъ издержекъ по 15 р. на человѣка, а что будетъ сверхъ этого передержано, то мы обязаны принять на нашъ личный счетъ и болѣе 15 р. отъ компаніи никакого вознагражденія за путеслѣдованіе требовать не можемъ". По договору съ тою же К° 1883 г. рабочіе выговаривали себѣ полученіе извѣстной суммы по прибытіи на сборный пунктъ на путевые расходы до Читы и добавочную выдачу въ этомъ послѣднемъ городѣ, но и то, и другое въ счетъ заработка. Изъ Срѣтенска К° обязывалась отправить рабочихъ на пароходахъ или паромахъ до Джалиндинской пристани на Амурѣ, а оттуда должны были идти на промысла пѣшкомъ. Со дня явки въ Срѣтенскъ (но не ранѣе извѣстнаго числа) и до дня отправки оттуда К° обязывалась выдавать рабочимъ ежедневно по $2^1/_2$ фунта сухарей, по 1 ф. мяса или взамѣнъ мяса по 15 коп. деньгами, по 1 кирпичу на мѣсяцъ чаю и, кромѣ того, на квартиры по 10 коп. каждому въ день. На пути отъ Срѣтенска до мѣста работъ выдавалось тоже продовольствіе, кромѣ квартир-

---

[1]) „Приамур. Вѣдом.", 1894 г., № 26, стр. 11.
[2]) „Амур. Газ". 1895 г., стр. 224, 748.

ныхъ денегъ. По другому договору Верхне-Амурской К° того же года рабочіе получали на дорожные расходы отъ сборнаго пункта до станицы Покровской на Амурѣ не въ счетъ заработка по 2 руб. на человѣка, а оттуда до мѣста работъ то же продовольствіе, какъ въ первомъ договорѣ 1883 г. Въ контрактѣ съ Ниманскою К° 1883 г. сказано: „К° обязывается доставить насъ отъ сборнаго пункта до г. Благовѣщенска на Амурѣ на компанейскихъ лошадяхъ, причемъ дозволяется намъ брать не болѣе 20 ф. своего имущества. Стоимость провоза нашего отъ сборнаго пункта до Благовѣщенска К° опредѣляетъ въ 25 р. на каждаго и сумму эту относитъ въ счетъ каждому изъ насъ. Во время путеслѣдованія мы обязаны во всемъ подчиняться довѣренному или лицамъ отъ него назначеннымъ для сопровожденія насъ. Слѣдовать мы должны ежедневно и, если по усмотрѣнію довѣреннаго, понадобиться сдѣлать дневку для отдыха, то на слѣдующій день обязаны мы одинъ станокъ идти пѣшкомъ. Въ сложности отдыхъ дается намъ черезъ каждые 9 дней путеслѣдованія. Если К° найдетъ нужнымъ отправить насъ изъ Благовѣщенска до Путиловой на подводахъ, то стоимость провоза относится на нашъ счетъ; далѣе же до мѣста назначенія мы должны слѣдовать пѣшкомъ, причемъ отъ К° на каждые 5 человѣкъ дается лошадь съ санями для перевозки слѣдующихъ съ нами припасовъ, фуража для лошадей и нашего имущества; при слѣдованіи въ одиночку какъ имущество свое, такъ и припасы обязаны мы нести на себѣ". На продовольствіе во время пути отъ сборнаго пункта до Благовѣщенска К° давала кормовыя деньги въ счетъ будущаго заработка, а на время путешествія изъ Благовѣщенска до пріисковъ она выдавала на свой счетъ по 3 ф. ржаныхъ сухарей, по ½ ф. сушенаго мяса въ сутки и по ½ кирпича чая въ мѣсяцъ. Въ договорѣ съ Зейскою К° (въ 80-хъ гг.) между прочимъ было постановлено, что во время путешествія на пароходѣ рабочіе обязывались рубить и носить дрова, снимать въ случаѣ надобности пароходъ съ мели и т. п., „получая за все это время вознагражденіе отъ командира парохода по обоюдно уговореннымъ цѣнамъ, но не болѣе платы, назначаемой матросамъ". Отъ Лунгинскаго склада до пріисковъ рабочіе обязывались идти пѣшкомъ, но въ случаѣ мелководья Зеи, если пароходы не будутъ въ состояніи подняться вверхъ, рабочіе обязывались идти пѣшкомъ на пріиски съ мѣста остановки.

О путешествіи рабочихъ на промыслы въ отчетѣ г. Оранскаго за 1893 г. сказано: рабочіе, нанятые для Верхне-Амурской К° въ Верхнеудинскомъ и Нерчинскомъ округахъ Забайкальской области, слѣдуютъ въ мартѣ и апрѣлѣ до Срѣтенска, затѣмъ продолжаютъ путь на пароходахъ К° до Благовѣщенска и далѣе вверхъ по Зеѣ до Зейской пристани или Дамбукинскаго склада (650 и 740 верстъ), откуда уже слѣдуютъ на пріиски пѣшимъ порядкомъ: отъ пристани 140 и отъ склада около 35 верстъ. Рабочіе, нанятые въ Благовѣщенскѣ для Зейской К°, ѣдутъ на пароходѣ до Лунгинскаго склада, т.-е. верстъ 650, а отъ склада на пріиски идутъ пѣшкомъ 140 в. Рабочіе для ниманскихъ пріисковъ были наняты исключительно въ Благовѣщенскѣ; нѣкоторые изъ нихъ ѣдутъ на лошадяхъ до деревни Бахиревой (200 верстъ отъ Благовѣщенска), а затѣмъ 450 в. идутъ пѣшкомъ до пріисковъ по льду р. Буреи и около 100 в. тайгою; другіе дѣлаютъ весь путь пѣш-

комъ отъ самаго Благовѣщенска [1]). На пути рабочіе получаютъ отъ нанимателей такое продовольствіе: въ среднемъ имъ выдается на каждаго въ сутки $2^1/_2$ ф. сухарей, 1 ф. мяса (или вмѣсто него 10—15 к.) и на 30 человѣкъ $^3/_4$ кирпича чаю. Продовольствіе это получали только такъ называемые общеконтрактные или „хозяйскіе“ рабочіе, золотничникамъ же его не полагалось [2]).

Ниманская К°, при наймѣ рабочихъ въ Благовѣщенскѣ, подвергаетъ ихъ строгому медицинскому осмотру, производящемуся врачемъ, и при этомъ, кромѣ больныхъ, не принимаютъ и малокровныхъ. Въ Зейской К°, кромѣ медицинскаго осмотра при наймѣ, производилось вторичное освидѣтельствованіе всѣхъ рабочихъ по прибытіи на промыслы, и оказавшихся серьезно больными, особенно заразительными болѣзнями, немедленно отправляли съ пріисковъ въ Благовѣщенскъ [3]).

Хотя въ контрактахъ, заключаемыхъ рабочими, обозначалось, на пріиски какой компаніи они нанимаются, но золотопромышленники обыкновенно предоставляли себѣ право передавать ихъ и въ другія компаніи. По договорамъ Верхне-Амурской К° 1871 и 83 гг. и Ниманской 1883 г. при такой передачѣ условія этихъ договоровъ должны были соблюдаться и на пріискахъ той компаніи, куда переходили рабочіе.

Какъ и въ другихъ системахъ, золотопромышленники обыкновенно предоставляли себѣ право разсчитывать рабочихъ по своему усмотрѣнію во всякое время [4]). Прежде пользоваться этимъ правомъ въ слишкомъ значительномъ размѣрѣ мѣшали большіе задатки; однако въ 1874 г. въ Верхне-Амурскомъ золотопромышленномъ округѣ изъ числа 1350 человѣкъ было въ теченіе операціи разсчитано и вывезено на пароходахъ до Срѣтенска 110 чел. ($8^0/_0$) [5]); напротивъ, г. Оранскій въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ, что рабочимъ, разсчитаннымъ до срока, предоставляется возвращаться, какъ имъ угодно: „ни лодокъ, ни пароходовъ компаніи давать имъ не обязаны по контракту“ [6]).

---

[1]) Иногда рабочіе ѣдутъ на купленной ими лошади, которую потомъ продаютъ пріисковому управленію или якутамъ, а не то даже на быкахъ, которыхъ потомъ сдаютъ хозяину по городской цѣнѣ. „Амур. Газета“ 1895 г., № 6, стр. 225; № 21, стр. 748.

[2]) „Приамур. Вѣдом.“ 1894 г., № 26, стр. 11 (отчетъ Оранскаго); *Н. Богомобскій*, 100, 126. Въ 70-хъ годахъ мясо не входило въ составъ путевого продовольствія, какъ видно изъ проекта нормальнаго контракта, составленнаго въ 1875 г. амурскимъ губернаторомъ барономъ Оффенбергомъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2566, № 206—152, л. 99.

[3]) „Владивостокъ“ 1886 г., № 52, стр. 5; „Сибирь“ 1885 г., № 34.

[4]) Случай возмутительнаго злоупотребленія этимъ правомъ см. „Амур. Газ.“ 1895 г. № 6, стр. 225.

[5]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2568, № 167—211.

[6]) Въ договорѣ Верхне-Амурской К° 1886 г. сказано: „такъ какъ К° не мо-

Изъ числа нанятыхъ рабочихъ на пріиски Амурской области въ 1879 г. не явилось менѣе 2%, на пріиски Амурской и Приморской областей въ 1880—81 гг.—3%, въ 1882—83 гг.—2%, въ 1884 г.—1%. По мѣрѣ того, какъ наплывъ рабочихъ на пріиски увеличивался, число неявившихся рабочихъ уменьшалось; такъ, по оффиціальному отчету о золотопромышленности въ Амурской и Приморской областяхъ, въ 1887 г. не явился всего 1 рабочій [1]).

Отдаленность амурскихъ промысловъ отъ населенныхъ мѣстъ и многія мѣстныя условія, затрудняющія доставку лошадей, сѣна и всего необходимаго для веденія дѣла, вызвали стремленіе по возможности замѣнять трудъ людей и животныхъ силою машинъ. Такъ, напримѣръ, на Ниманскихъ пріискахъ во второй половинѣ 70-хъ гг. была устроена желѣзная дорога съ вагонами, вмѣщающими каждый до 70 п. земли, такъ что при вскрышѣ торфовъ было постепенно устранено участіе лошади и таратайки: „все исполнялъ самъ собою скатывающійся съ мѣста свалки породы къ мѣсту работъ по рельсамъ вагонъ, который подходилъ прямо къ забою и послѣ нагрузки породы отталкивался отъ мѣста работъ своею артелью къ подъему, къ которому катился опять самъ собой; у подъема безъ участія рабочихъ онъ подхватывался безконечной цѣпью и поднимался на ту высоту, съ которой доставленная порода должна была сваливаться въ отвалы". Въ 1878 г. на Ниманскихъ пріискахъ была установлена заказанная въ Германіи бочечная промывальная машина, съ вагоннымъ подъемомъ песковъ на машину и такимъ же способомъ откатыванія гальки по желѣзнымъ дорогамъ. Двигателемъ всѣхъ приводовъ былъ локомобиль. На Капитолининскомъ пріискѣ бр. Бутиныхъ (Амурской области) были устроены конно-желѣзныя дороги. Въ половинѣ 80-хъ гг. примѣненіе паровой силы для приведенія въ движеніе золотопромывальныхъ бочечныхъ машинъ и для отвозки гальки по рельсовому пути было уже довольно распространено на амурскихъ промыслахъ, а именно, въ 1887 г. на пріискахъ Амурской и Приморской областей было всего 14 локомобилей и 2 паровоза. Въ 1886 г. въ Верхне-Амурской К° устроено было, для предупрежденія кражи ночью золотоносныхъ песковъ, электрическое освѣщеніе, и стали соединять одинъ пріискъ съ другимъ

жетъ имѣть всегда въ готовности пароходы для вывоза во всякое время рабочихъ, то тѣ изъ насъ, которые будутъ разсчитаны ранѣе или позднѣе общаго разсчета въ сентябрѣ, не имѣютъ права вывоза ихъ пароходомъ и, получивъ провизію, Джалиндинскіе на 10 дней и деньгами по 5 р., а Зейскіе на 20 дней и деньгами по 10 руб. должны выбыть съ пристаней" (Прил. стр. 8).

[1]) Отчеты о золот. В. С. въ Горномъ Деп.; „Гор. Жур." 1882 г., № 9, стр. 371; „Прилож. I къ вып. 1 Сборн. офф. док. по упр. В. С., т. VII", отч. горн. отд. за 1882 г., стр. 9; Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2775 № 200—188, л. 220.

телефонною сѣтью [1]). Г. Оранскій въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ: „Техническая часть золотого дѣла на Амурѣ, несмотря на относительно еще недолгое его существованіе, значительно опередила технику всѣхъ другихъ золотоносныхъ системъ Восточной Сибири, да пожалуй и не одной Сибири... Въ какомъ другомъ округѣ въ тайгѣ можно встрѣтить прекрасныя химическія лабораторіи, телеграфы, телефоны, электрическое освѣщеніе разрѣзовъ, правильно организованную почту?.. Въ послѣднее время только владѣльцы амурскихъ пріисковъ были отзывчивы къ движенію техники впередъ". По словамъ отчета Иркутскаго Горнаго Управленія за тотъ же годъ, „на многихъ пріискахъ отвозка гальки и эфеля производится въ вагонахъ посредствомъ безконечнаго проволочнаго каната", а на одномъ пріискѣ пески отъ забоевъ къ машинѣ доставлялись также проволочнымъ канатомъ; на двухъ пріискахъ Верхне-Амурской К° пески подвозились къ машинѣ въ вагонахъ, прицѣпленныхъ къ маленькому локомотиву по 25 штукъ; на третьемъ пріискѣ той же К° для доставки песковъ отъ забоевъ на машину устроена была однорельсовая желѣзная дорога системы Лартига, по которой одна лошадь везла до 25 нагруженныхъ вагоновъ, а возвращались они пустыми по наклонному рельсу (впрочемъ, эта желѣзная дорога системы Лартига вскорѣ оказалась непрактичною и была снята). Промывальныя машины на нѣкоторыхъ пріискахъ приводятся въ дѣйствіе паромъ. Телефонъ существуетъ на пріискахъ Верхне-Амурской (180 верстъ) и Зейской К° (130 в.). Въ 1893 г. электрическое освѣщеніе было введено и на Амгунской системѣ [2]).

Вслѣдствіе неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій, въ которыхъ находятся золотые промыслы Амурской области, сумма *всѣхъ расходовъ* при раздѣленіи на одного годового работника здѣсь весьма высока. Такъ на Ниманскихъ промыслахъ въ первые два года ихъ дѣйствія (во второй половинѣ 70-хъ гг.) эта сумма доходила почти до 2000 р. на одного годового работника; въ 1881 г. на тѣхъ же промыслахъ она была меньше (1416) р.) [3]), но все-таки весьма высока сравнительно съ большинствомъ сибирскихъ золотоносныхъ системъ. Въ 1886 г. эта, такъ

---

[1]) „Горн. Журн." 1879 г., № 7, стр. 24, 1882 г., № 9, стр. 369; „Обзоръ Амур. обл. за 1885 г." стр. 10; тоже за 1886 г., стр. 17; Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2775 № 200—188, л. 220; „Вост. Об." 1887, № 23, стр. 4.

[2]) *Бацевичъ*, 156; Арх. Ир. Горн. Упр., дѣло канц. № 39; „Горн. Журн." 1890 г., т. II, стр. 361—370; „Приамур. Вѣдом." 1894 г., № 26, прил. стр. 4, № 23, прил. стр. 3; „Амур. Газета" 1895 г., № 20, стр. 718, срав. *Levat*, „L'or en Sibérie orientale", P. 1897, t. II, passim; „Вѣстн. Золотопр." 1897 г., № 4, стр. 82; *Н. Богомбскій*, 89, 94, 124, 125.

[3]) *П. Михайловъ*. „Очеркъ разработки ниманскихъ золотыхъ промысловъ" „Горн. Журн." 1879 г., № 7, стр. 18, матер. сообщ. Л. Ѳ. Пантелѣевымъ.

называемая, „стоимость въ годъ одного рабочаго“ на амурскихъ пріискахъ колебалась между 850 и 1700 р. [1]), въ послѣдніе же годы по системѣ Зеи отъ 1000 до 1500 руб., а на Ниманѣ даже отъ 1500 до 1900 р. [2]). Стоимость добытаго золота въ Амурской области равнялась въ 1889 г.—9,200,000 руб., въ 1890 г.—9,725,000 р., въ 1891 г.—7,682,108 р. Раздѣливъ эти суммы на число рабочихъ по разсчету на весь годъ, мы получимъ, что каждый годовой рабочій добылъ золота въ Амурской области въ 1889 г. на 3406 р., въ 1890 г. на 3487 р. и въ 1891 г. на 2260 руб.

Такимъ образомъ, несмотря на значительныя затраты на рабочихъ и другіе пріисковые расходы, амурскіе золотопромышленники вслѣдствіе богатаго содержанія золота, получаютъ огромные доходы. Такъ, напримѣръ, Ниманская К° въ операцію 1881 г. затратила 556,269 р., а получила *чистой* прибыли 484,957 р., т.-е. 87% прибыли на затраченный въ этомъ году капиталъ, а въ 1892 г. та же К° получила 83% [3]). Въ 1886 г. Верхне-Амурская К° на затраченный капиталъ въ 1,930,600 р. получила чистой прибыли 1,921,400 руб., т.-е. почти 100%, Зейская-же К° затратила 485,800 р., а получила чистой прибыли 886,700 р., т.-е. 171% на затраченный капиталъ! [4]). Изъ золотопромышленныхъ компаній по системѣ р. Зеи Джолонская въ 1890—94 гг. имѣла дохода отъ 43 до 196%, въ среднемъ 122%, Иликанская въ тѣ же годы отъ 17 до 112%, въ среднемъ 48%, соединенныя Зейская и Верхнезейская въ 1892—94 гг. отъ 3 до 53%, въ среднемъ почти 12%; всѣ эти три компаніи имѣли барыша въ 1890—94 гг. отъ 28 до 162%, а въ среднемъ за 5 лѣтъ 90% [5]).

По роду занятій пріисковыхъ хозяйскихъ рабочихъ (т.-е. кромѣ золотничниковъ) мѣстный окружной инженеръ Оранскій раздѣляетъ на 4 разряда: 1) горныхъ работниковъ, 2) мастеровыхъ, 3) надворныхъ и

---

[1]) *Надаровъ*. „Второй Хабаровскій съѣздъ“, 1886 г., стр. 41.

[2]) „Сибирь и великая сиб. желѣз. дорога“, изд. 2-е, Спб. 1896 г., стр. 171; *Н. Богомобскій*, 72, 113, 137; въ томъ числѣ „стоимость годового рабочаго, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, т.-е. плата ему и стоимость продовольствія составляли лишь небольшую часть, а именно, въ 1874 г. на Верхне-Амурскихъ промыслахъ средній заработокъ годового работника равнялся 265 р., а стоимость его продовольствія 175 р., итого 440 р. Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 2568, № 167—221, л. 178.

[3]) Матеріалы, сообщ. Л. Ѳ. Пантелѣевымъ; „Вѣстн. Золотопром.“ 1893 г., № 21, стр. 192.

[4]) „Обзоръ Амурск. обл. за 1886 г.“, стр. 17, ср. „Восточн. Обозр.“ 1889 г., № 14, стр. 8; „Труды III Хабар. съѣзда“, стр. 67. Впрочемъ нужно имѣть въ виду, „что въ золотомъ дѣлѣ основного, затраченнаго на предпріятіе капитала, погашаемаго въ болѣе или менѣе значительный періодъ времени, обыкновенно не существуетъ, а разсчеты ведутся только на оборотный капиталъ“. *Бацевичъ*, стр. 146.

[5]) *Levat*. „L'or en Sibérie orientale“ P. 1897, t. II, 417—420.

4) отрядныхъ. Мастеровыми онъ называетъ плотниковъ, кузнецовъ, слесарей, шорниковъ, печниковъ и пр., а надворными—конюховъ, хлѣбопековъ, кашеваровъ, поваровъ, прислугу пріисковыхъ служащихъ и пр. Отрядные рабочіе заняты рубкою и распилкою лѣса, дровъ и перевозкою ихъ и получаютъ задѣльную плату по мѣрѣ сдачи работъ [1]). Поденщины на горное дѣло составляли въ Ниманской К° въ 1879 г. 31%, въ 1880 г. 45%, въ 1881 г. почти 49%, въ 1882 г. 42%, въ 1893—95 гг. на одномъ пріискѣ этой К° въ среднемъ 56%, на другомъ 64% (считая и вспомогательныя и приготовительныя горныя работы, т.-е. работы на канавахъ, штрекахъ и разнаго рода выемки). Въ Верхне-Амурской К° въ 1881 г. поденщины на горное дѣло составляли почти 49%, въ 1895 г.—52% [2]).

Продолжительность рабочаго дня въ контрактѣ Верхне-Амурской К° 1871 г. назначена съ 5 ч. утра до $8^1/_2$ ч. вечера, причемъ на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ полагалось $1^1/_2$ часа, слѣдовательно 14 часовъ труда, работающіе же поурочно не должны были оставлять работу ранѣе исполненія урока. По контракту съ тою же К° 1883 г. начало работы назначено въ 5 ч., окончаніе не ранѣе 8 ч., а въ теченіе этого времени 2 часа на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ, т.-е. 13 часовъ рабочаго времени. По позднѣйшему контракту той же К° 1886 г. рабочіе обязались трудиться зимою съ 1 ноября по 1 февраля съ 7 ч. утра до 5 вечера, а въ остальное время года съ 5 утра до 8 вечера, причемъ зимою на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ полагалось $1^1/_2$ часа, а въ остальное время 3 часа, слѣдовательно зимою рабочій день равнялся $8^1/_2$ часамъ, а въ другіе мѣсяцы 12 часамъ. Работающіе по урокамъ должны были оставлять работу лишь по окончаніи урока [3]). По договору съ Ниманскою К° 1883 г. рабочій день назначенъ въ 13 часовъ, а по договору съ Зейскою К° первой половины 80 гг.—$13^1/_2$ часовъ [4]).

По оффиціальнымъ отчетамъ о золотопромышленности въ Восточной Сибири въ 1879 г. на пріискахъ Амурской области работали maximum 13 часовъ (очевидно лѣтомъ), minimum 7 ч. (безъ сомнѣнія зи-

---

[1]) „Приамур. Вѣдом.“ 1894 г., № 27, Прил. стр. I.

[2]) Отчетъ главноупр. Ниман. К° Л. Ѳ. Пантелѣева за 1882 г.; „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 12, стр. 238—239; срав. „Восточн. Об.“ 1889 г. № 14, стр. 7—8; „Горн. Журн.“ 1890 г., т. II, 360, 365; „Амурск. Газ.“ 1895 г., № 22, стр. 778; *Н. Боголюбскій*, 99.

[3]) *Бацевичъ*, прилож. стр. 2.

[4]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589, № 259—313 л. 35. Если вѣрить донесенію одного врача, въ 1877 г. на Алексѣевскомъ пріискѣ Верхне-Амурской К° работали 9—10 часовъ въ сутки; въ 1895 г., по словамъ Н. Боголюбскаго, на пріискахъ Верхне-Амурской К° дѣйствительная продолжительность рабочаго дня равнялась 10 час. (стр. 105).

мою), въ 1880 и 81 гг. въ Амурской области maximum 12, minimum 6, въ Приморской области въ 1881 г. maximum 12, minimum 8. По отчету о золотопромышленности Амурской и Приморской областей за 1886 г. зимою рабочихъ часовъ полагалось 7—8, весною и осенью 9—10, лѣтомъ 12—13. Лѣтомъ было назначено на чай утромъ около 9 ч. и вечеромъ около 5 ч. по полчаса и на обѣдъ отъ $1^1/_2$ до 2 ч. между 12 и 2 ч. дня [1]).

На Тимофеевскомъ пріискѣ Ниманской К° была вычислена продолжительность пріисковыхъ работъ. Въ операцію 1893—94 г. чистая работа на пескахъ продолжалась отъ 9 ч. 16 м. въ сентябрѣ, до 12 ч. 16 м. въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ среднемъ же за 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ равнялась 11 ч. 10 м. Но за это время не вырабатывался полный урокъ, для выработки же такого урока (7 куб. с. на артель въ 8 человѣкъ) требовалось отъ 11 ч. 48 м. въ маѣ и іюнѣ до 13 ч. 46 м. въ сентябрѣ, а въ среднемъ за всю лѣтнюю операцію 12 ч. 46 м. Напротивъ на торфахъ полный урокъ вырабатывался въ 6 ч. 50 м. въ маѣ и въ 9 ч. 47 м. въ сентябрѣ, а въ среднемъ во всю лѣтнюю операцію въ 8 часовъ. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что, по мѣрѣ приближенія осени, „энергія работы уменьшается, рабочій вырабатывается, и это явленіе происходитъ на столько правильно, что на него стоитъ обратить вниманіе“.

Служащіе на пріискахъ объясняютъ болѣе медленную работу на пескахъ тѣмъ, что рабочіе стараются набрать поболѣе подъемнаго золота, а на торфахъ, напротивъ, работаютъ самымъ напряженнымъ образомъ, чтобы заняться затѣмъ старательскими работами. На обѣдъ лѣтомъ дается большой промежутокъ въ 2 ч. 20 м., чтобы успѣть выкормить лошадей, но рабочіе, на скоро пообѣдавъ, бѣгутъ стараться въ разрѣзъ, „удлиняя такимъ образомъ рабочій день до 12—13 часовъ“.

На томъ же пріискѣ было сдѣлано интересное наблюденіе: „на верхней машинѣ, *гдѣ рабочій день былъ короче, производительность рабочаго была болѣе и работа шла интенсивнѣе*“ [2]).

О ночныхъ работахъ упоминается во всѣхъ извѣстныхъ намъ договорахъ золотопромышленниковъ Амурской области. Въ контрактѣ Верхне-Амурской К° 1871 г. сказано: „если управленіе дѣлами компаніи найдетъ нужнымъ назначить насъ на ночныя работы, то мы не вправѣ ничѣмъ отговариваться и должны производить ихъ съ 7 ч. ве-

---

[1]) Дѣла Горн. Деп., „Горн. Журн.“ 1882 г., № 9, стр. 374, Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2774, № 169—158, л. 203 об.

[2]) *Киржнеръ*, „О распредѣленіи продолжительности и производительности пріисковыхъ работъ“. „Вѣстн. Золотопр.“ 1896 г., № 13, стр. 255—258; срав. „Амурская Газета“ 1895 г., № 22, стр. 777—779.

чера до 6 ч. утра [1]), само собою разумѣется, что при исполненіи работы ночью отдыхъ дается намъ днемъ" (тоже въ договорахъ этой компаніи 1883 г. и Ниманской К° 1883 г.). По договору Зейской К° (первой половины 80-хъ гг.) ночныя работы должны были продолжаться съ 6 ч. вечера до 6 ч. утра, а по договору 90-хъ гг. 10 часовъ дѣйствительной работы, съ перерывомъ въ одинъ часъ для отдыха [2]). Въ дѣйствительности такія работы могутъ существовать лишь при подземныхъ выработкахъ, а онѣ въ Амурской области мало распространены, такъ какъ работы вездѣ ведутся здѣсь открытыми разрѣзами, за исключеніемъ Ниманской системы [3]).

На промыслахъ Ниманской К° работы идутъ круглый годъ. Промывка песковъ кончается между 10 и 25 сентября, затѣмъ до конца ноября производится вскрыша торфовъ, особенно, если они состоятъ изъ ила и тундры, которая работается успѣшно и при мерзлотѣ. Развѣдки начинаются въ декабрѣ и усиливаются въ январѣ; въ февралѣ вывозится лѣсъ, и начинаются постройки; въ мартѣ снова вскрытіе торфа и разныя хозяйственныя работы; въ апрѣлѣ усиливается вскрытіе торфовъ. Кромѣ того, зимой добываютъ пески изъ шахтъ. Промывка песковъ начинается въ маѣ [4]).

Громадное большинство пріисковъ расположено въ предѣлахъ вѣчной мерзлоты, и почва въ теченіе дня оттаиваетъ лишь до $^1/_2$ арш. въ глубину (Зейская и Ниманская системы). Добычу золотоноснаго пласта и доставку песковъ къ промывальнымъ машинамъ обыкновенно производятъ артелью по 7—8 чел. въ каждой при 3 или 4 лошадяхъ съ таратайками [5]).

Относительно уроковъ на горныхъ работахъ находимъ слѣдующія условія въ извѣстныхъ намъ контрактахъ. Въ договорѣ Верхне-Амурской К° 1871 г. сказано: „артель изъ 8 человѣкъ при 3-хъ (а при дальной возкѣ при 4-хъ) лошадяхъ обязана вырабатывать ежедневно какъ на торфахъ, такъ равно и на пескахъ не менѣе 6 куб. саж. Если управленіе найдетъ нужнымъ вмѣсто отвозки торфовъ лошадьми производить откатку ихъ тачками, то мы обязаны вырабатывать 8-ю человѣками, при откаткѣ не далѣе 25 саж.,—5 куб. саж." (а по договору 1883 г. не менѣе 4-хъ саж.). Въ договорѣ Верхне-Амурской К° 1886 г., урокъ измѣняется сообразно измѣненію разстоянія отвозки: „Артель изъ 7 человѣкъ, при отвозкѣ до 60 саж. при 2-хъ, до 150 саж. при 3-хъ и до 200 саж. при 4-хъ лош. должна вырабатывать ежедневно, какъ на торфахъ, такъ и на пескахъ не менѣе 5 куб.

---

[1]) Въ проектѣ нормальнаго контракта, составленнаго въ 1875 г. амурск. губ. Оффенбергомъ, онъ предлагалъ установить продолжительность ночной работы съ 7 ч. вечера до 5 ч. утра. Арх. Ирк. Гор. Упр., К. 2566, № 206—152, л. 100.

[2]) *Levat*, II, 436.

[3]) *Бацевичъ*, 72, 74—75, 156; „Амур. Газ." 1895 г., № 20, стр. 717.

[4]) „Вѣст. Золот." 1893 г., № 9, стр. 139—140.

[5]) *Бацевичъ*, 156—157.

саж.". При откаткѣ на тачкахъ не далѣе 30 саж. артель изъ 7 чел. обязана выработать не менѣе $3^1/_2$ саж. По договору Ниманской К° 1883 г. [1]) урокъ при обычной отвозкѣ на лошадяхъ такой же, какъ въ договорахъ Верхне-Амурской К° 1871 и 1883 гг., а далѣе сказано: „Если вмѣсто подвозки и отвозки песковъ, торфовъ, гальки и эфелей въ таратайкахъ на лошадяхъ будутъ устроены желѣзныя дороги и вагоны, то мы обязаны сами, безъ помощи лошадей, вагоны отъ мѣста спуска ихъ съ машины подкатывать къ забоямъ или къ другимъ назначеннымъ мѣстамъ и затѣмъ нагруженные откатывать къ мѣсту подъема ихъ на машину или на отвалы, отдавая при этомъ столько же работы, сколько должны отдавать при работѣ на лошадяхъ въ таратайкахъ и за ту же плату," т.-е. оставался тотъ же урокъ—$^3/_4$ куб. саж. на человѣка. При отвозкѣ торфовъ и подкаткѣ песковъ къ золотопромывальной машинѣ на тачкахъ 8 чел. рабочихъ должны были при откаткѣ не далѣе 50 саж. вырабатывать не менѣе $4^1/_2$ к. с. По договору 80-хъ гг. съ Зейскою, Верхнезейскою, Моготскою и Джолонскою К° артель въ 8 чел. при 3-хъ лошадяхъ „или вагонами при оттаскиваніи паровою силою" должна была вырабатывать на торфахъ и пескахъ не менѣе 6 куб. саж. въ день, т.-е. такъ же, какъ въ договорахъ Верхне-Амурской и Ниманской КК°, но далѣе сдѣлана такая оговорка: если же „артель на торфахъ или пескахъ будетъ отрабатываться ранѣе 7 час. вечера, то управленіе вправѣ увеличить выработку до 8 саж. съ повышенною платою за 2 добавочныхъ сажени. При откаткѣ тачками не далѣе 30 с. артель въ 8 ч. должна была вырабатывать не менѣе 4 саж. На пріискахъ Бутиныхъ урокъ въ 1884 г. былъ обычный: 8 чел. при 3-хъ или 4-хъ лошадяхъ должны были вырабатывать 6 к. с., 7-ю же сажень за старательскую плату; въ томъ же году на Степано-Дмитріе-Харлампіевскомъ пріискѣ Тетюкова на торфахъ 5 чел. при 2 лошадяхъ должны были вырабатывать 3 куб. саж., а на пескахъ $2^1/_2$ к. с. [2]), если же вырабатывали еще $^1/_2$ с., то получали старательскую плату какъ на

---

[1]) До 1883 г. уроки въ Ниманской К° были гораздо менѣе. Вотъ какъ описываетъ процессъ увеличенія этихъ уроковъ въ началѣ 80-хъ годовъ главноуполномоченный этой К° Л. Ѳ. Пантелѣевъ. Въ 1879 г. онъ засталъ на промыслахъ этой К° такой порядокъ: нерѣдко можно было видѣть, что рабочіе не только распивали въ разрѣзѣ чай, но даже ложились отдыхать, „благодаря частымъ и продолжительнымъ остановкамъ машины. Не было тогда ни ухода въ лѣсъ, ни чрезмѣрнаго наплыва въ больницы... Съ лѣта 1880 г., вслѣдствіе нѣкотораго урегулированія желѣзнодорожнаго способа, оказалась возможность потребовать отъ рабочихъ опредѣленной выработки. ...Въ тотъ же годъ появились случаи самовольнаго уклоненія отъ работъ и ухода въ лѣсъ, увеличился наплывъ въ больницу, хотя лѣто было вообще благопріятное. На слѣдующій годъ обязательный урокъ былъ нѣсколько повышенъ—до $3^1/_4$ к. с. на артель въ 6 человѣкъ вмѣсто 3 к. с. предшествовавшаго лѣта... Самовольныя отлучки въ лѣсъ если и не особенно увеличились, за то число больныхъ возросло до небывалаго размѣра. Правда стояло весьма ненастное лѣто". Затѣмъ вслѣдствіе дальнѣйшаго улучшенія въ желѣзнодорожномъ способѣ доставки песковъ на машину „урокъ былъ повышенъ въ сложности до $3^1/_2$ к. с.... Число самовольно уклонившихся отъ работъ, особенно съ конца іюня стало болѣе, чѣмъ когда нибудь". (Донесеніе Л. Ѳ. Пантелѣева директору Ниманской К°). Однако въ контрактѣ Ниманской К° 1883 г. находимъ урокъ еще болѣе значительный (артель въ 8 человѣкъ должна была вырабатывать не менѣе 6 куб. саж.).

[2]) Такой же урокъ былъ на пріискахъ Тетюкова на Амгуни въ 1893 г. „Приамурск. Вѣд." 1894 г., № 23, стр. 1.

торфахъ, такъ и на пескахъ [1]). Въ 1889 г. въ Зейской К° урокъ измѣнялся, смотря по времени года: артель въ 8 чел. при 3-хъ лошадяхъ обязывалась вырабатывать на торфахъ отъ 17 до 23 куб. арш. *на человѣка* (прежде около 20 куб. арш.), а при мерзлотѣ лишь 14 куб. арш. на человѣка (около $^1/_2$ куб. саж.) [2]).

Въ 1893 г. Оранскій въ своемъ отчетѣ о золотопромышленности въ Амурской области указываетъ такіе размѣры уроковъ: „Чѣмъ труднѣе пески поддаются кайлѣ“, говоритъ онъ, „чѣмъ больше въ нихъ крупныхъ камней, тѣмъ число куб. саж. на урокъ меньше.... Такъ въ одномъ случаѣ урокъ на артель изъ 7 чел. при 3-хъ хозяйскихъ лошадяхъ составляетъ $5^1/_4$ к. с. песковъ или торфовъ“ [3]) (за добытое сверхъ урока полагается повышенная плата). „Въ другомъ случаѣ артель изъ 8 чел. обязана вскрыть 6 куб. саж.“, и въ первомъ, и во второмъ случаѣ на 1 чел. приходится по $^3/_4$ к. с., разница только та, что во второмъ случаѣ то же количество лошадей очевидно полагается не на 7, а на 8 чел.; въ третьемъ случаѣ полный урокъ на артель изъ 8 чел. при 3-хъ хозяйскихъ лошадяхъ составляетъ 7 куб. с. торфовъ или песковъ [4]). Въ Ниманской К° на торфахъ и пескахъ, смотря по времени года, характеру наслоеній и золотосодержащаго пласта, артель изъ 8 человѣкъ при 3—4 лошадяхъ обязана выработать дневной урокъ отъ $^5/_8$ до $^7/_8$ куб. сажени на человѣка; мерзлыхъ же торфовъ требуется $^1/_2$ куб. саж. на челевѣка [5]). На Тимофеевскомъ пріискѣ Ниманской К° въ операціи 1893—94 и 94—95 гг. урокъ полагался 7 куб. саж. на 8 человѣкъ, и на торфахъ онъ вырабатывался вполнѣ, но на пескахъ въ 1894—95 г. было выработано въ среднемъ лишь 79, 5% полнаго урока (полный урокъ вырабатывался лишь въ въ маѣ мѣсяцѣ) [6]).

Слѣдовательно на горныхъ работахъ задавались слѣдующіе уроки: *при отвозкѣ на лошадяхъ* на каждаго человѣка приходится урокъ на талыхъ торфахъ и пескахъ отъ $^5/_7$ до $^7/_8$ куб. саж. въ день (въ Зейской К° въ 1889 г. 17—23 куб. арш. талаго торфа и 14 арш. мерзлаго); теперь на нѣкоторыхъ пріискахъ урокъ доходитъ до 1 куб. саж. на человѣка [7]). Наименьшіе уроки, вѣроятно по условіямъ почвы, находимъ на пріискахъ Тетюкова на Амгуни въ 1884 г.—на торфахъ $^3/_5$ и на пескахъ $^1/_2$ куб. саж. на человѣка. *При откаткахъ на тачкахъ* урокъ приходился на каждаго на торфахъ отъ $^1/_2$ до $^5/_8$ куб. саж. [8]). Но вы-

[1]) Тѣ же уроки были и въ 1886 г. *Оранскій*, „Кратк. очеркъ Амурск. края“. Томскъ, 1886, стр. 51—52.

[2]) Отчетъ Оранскаго въ Арх. Иркутск. Горн. Упр., дѣло канцел. № 39. Такой же урокъ былъ въ 1893 г. на пріискахъ К° Ельцова и Левашова на Амгуни при 3-хъ, а при дальней возкѣ при 4-хъ лошадяхъ. „Приам. Вѣд.“ 1894 г., № 23, прил. стр. 1.

[3]) На пріискахъ Амгунской К° въ 1893 г. 7 чел. при отвозкѣ до 60 саж. на 2-хъ лош., до 150 саж. на 3-хъ и до 200 саж. на 4-хъ лош. обязаны были выработать 5 к. с. въ день. „Приам. Вѣд.“ 1894 г., № 23, прил. стр. 1.

[4]) „Приам. Вѣд.“ 1894 г., № 27, Прил. стр. 1.

[5]) „Амурская Газета“ 1895 г., № 22, стр. 779.

[6]) „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 13, стр. 255—256.

[7]) *Н. Богомбскій*, 29. 118, 165.

[8]) Въ шахтовыхъ работахъ Ниманской К°, производящихся зимою, установилась такая норма выработки: $^1/_8$ куб. саж. на человѣка, при чемъ обязаны ставить и крѣпи, а также откатывать и золотоносный песокъ къ зунфу, если разстояніе отъ мѣста ра-

работкою урока количество труда рабочихъ обыкновенно не ограничивается: оно значительно увеличивается вслѣдствіе обѣщанія повышенной платы за сверхурочную работу.

Повышенная старательская плата за сверхурочную работу понуждаетъ рабочихъ напрягать свои силы. Въ 1889 г. урокъ Верхне-Амурской К° равнялся 5 саж. торфовъ или песковъ на 7 рабочихъ, но посредствомъ повышенной платы за сверхурочную работу „всегда принимаются мѣры обезпечить 6-ю и 7-ю сажени"; однако „подобную каторжную работу способенъ вынести не всякій изъ пріискателей; самые дюжіе къ половинѣ лѣта слабѣютъ, спускаются до 6 саж., потомъ до 5 и *до четырехъ*" [1]), слѣдовательно подъ конецъ уже не выполняютъ урока. Это свидѣтельство позволяетъ правильно понять показаніе г. Бацевича, что „хорошая артель обыкновенно (?) часамъ къ 3, 4 пополудни заканчиваетъ урокъ и продолжаетъ еще работать сверхъ урока до 6—7 ч. вечера" (ст. 151): мы видѣли, что такое напряженіе силъ можетъ быть только временнымъ и приводитъ къ тому, что рабочіе бываютъ, наконецъ, не въ силахъ вырабатывать и урокъ.

За недоработку урока въ Ниманской К° (а вѣроятно и въ другихъ) полагаются вычеты, но если были уважительныя причины недоработки (дальняя возка, дождь, крѣпкая порода), то вычета не дѣлаютъ. Рѣшеніе этого вопроса предоставляется смотрителю работъ [2]).

Старательскій трудъ хозяйскихъ рабочихъ допускается не только въ видѣ продолженія обязательной урочной работы, но также и въ видѣ отдѣльныхъ стараній на золото съ платою съ золотника. „Даже самыя богатыя компаніи на Амурѣ", говоритъ г. Бацевичъ, „прибѣгаютъ къ старательскимъ работамъ. Обыкновенно послѣ отработаннаго урока разрѣшается стараться на почвѣ и въ бортахъ. Часовъ послѣ 4 или 5 пополудни на любомъ пріискѣ можно видѣть рабочихъ всевозможныхъ профессій, ихъ женъ, даже дѣтей и подростковъ съ лотками, подскребающихъ почву и роющихся въ бортахъ". Авторъ прибавляетъ, что это занятіе очень полюбили мѣстные инородцы—орочоны и тунгусы (стр. 153). Въ Ниманской К° разрѣшается рабочему въ свободное отъ занятій время добывать на выработанныхъ мѣстахъ остатки песковъ, промывать на лоткахъ или небольшихъ бутаркахъ и сдавать пріемщику. Главный контингентъ этихъ старателей составляютъ разночинцы: конюхи, повара, квасовары и т. п. Артели, стоявшія на торфахъ или занимавшіяся поторжными работами, также идутъ стараться [3]).

боты до зунфа не болѣе 30 саж. Въ противномъ случаѣ дается особый откатчикъ. „Амурская Газета" 1895 г., № 22, стр. 717, 718, 780; срав. *Бацевичъ*, 75.

[1]) *А. Я.* „Наша золотопромышленность", „Восточ. Об." 1889 г. № 14, стр. 8.

[2]) „Амур. Газета" 1895 г., № 22, стр. 779.

[3]) Ibid. № 21, стр. 750.

Относительно платы за горныя работы мы находимъ слѣдующія условія въ извѣстныхъ намъ договорахъ. Въ контрактѣ Верхне-Амурской К° 1871 г. (при урокѣ на торфахъ и пескахъ *на лошадяхъ* въ 6 куб. с. на 8 чел.) плата *за торфа* назначена *въ будни* 8-ми человѣкамъ 8 р. на артель, а именно за 4 первыя сажени по 1 р. за каждую, а за пятую и шестую—по 2 р.; *на пескахъ* по 10 р. на артель, а именно, за первыя 4 сажени по 1 р., а за пятую и шестую по 3 р. Въ *праздники* (въ табельные и воскресные дни) за исполненіе урока *на торфахъ* назначено 14 р., а именно, за первыя 4 сажени по 2 р., а за 5-ю и 6-ю по 3 р., *на пескахъ*—16 р., за первыя 4 саж. по 2 р. 50 к., за 5-ю и 6-ю по 3 р. Если же артель на пескахъ и торфахъ будетъ работать болѣе 6 саженъ, то за 7-ю и болѣе сажень управленіе платитъ за торфа по 4, а за пески по 5 р. [1]). За исполненіе урока съ *ручною откаткою* на тачкахъ (5 куб. саженъ восемью человѣками) назначена плата на торфахъ въ будни 10 р. (4 саж. по 1 р. 25 к., 5-я сажень—5 р.), въ праздникъ—16 р. (за первыя 4 саж. по 2 р. 50 к., а за 5-ю и 6-ю по 3 р.) [2]). Слѣдовательно, при исполненіи урока на лошадяхъ каждый рабочій получалъ въ будни на торфахъ по 1 р. въ день, на пескахъ по 1 р. 25 к.; въ праздники—на торфахъ по 1 р. 75 к., на пескахъ—по 2 р.; при ручной откаткѣ на торфахъ въ будни 1 р. 25 к., въ праздники по 2 р. По договору съ Верхне-Амурской К° 1886 г. артель изъ 7 чел., вырабатывая съ лошадьми на торфахъ и пескахъ не менѣе 5 куб. саж., должна была получать *въ будни и праздники* за торфа по 7 р. 50 к., а на пескахъ по 10 р. на артель; если же артель будетъ вырабатывать болѣе 5 саж., то за каждую сверхурочную сажень управленіе платитъ по 4 р., за пески по 5 р. „При откаткѣ песковъ или торфовъ взамѣнъ лошадей вагонами по желѣзной дорогѣ не далѣе 50 саж. должна производиться та же плата, при чемъ, если для удобства нашихъ работъ потребуется передвинуть рельсовый путь въ отведенномъ для артели участкѣ, то таковое передвиженіе должно дѣлаться самою артелью безъ помощи другихъ рабочихъ“. При ручной откаткѣ торфовъ и песковъ на тачкахъ ($3^1/_2$ к. с. на 7 чел.) артель должна была получать 10 р., а за каждую сверхурочную сажень по 5 р. (Бацевичъ, прил. стр. 2). Слѣдовательно, при исполненіи урока *въ будни и праздники* каждый рабочій получалъ при работѣ на лошадяхъ по 1 р. 7 к., на пескахъ по 1 р. 40 к., а при ручной откаткѣ по 1 р. 40 к., т.-е. плата на торфахъ съ лошадьми сравнительно съ договорами 1871 и 83 гг. была немного уменьшена (въ среднемъ за всю недѣлю около 4 к. въ день), а на пескахъ съ лошадьми и при ручной откаткѣ на торфахъ и пескахъ на столько же повышена (около 4 к. въ день). Такъ какъ работа по воскресеньямъ теперь вездѣ обязательна, то и не оказывается надобности побуждать къ работѣ въ праздничные дни повышенною платою. Ниманская К° по договору 1883 г. давала меньшую плату, чѣмъ Верхне-Амурская К°. Она обязывала также 8 чел. съ лошадьми вырабатывать на торфахъ и пескахъ не менѣе 6 куб. саж., но, производя меньшую плату за этотъ урокъ и давая повышенную плату за сверхурочную работу, болѣе напрягала силы рабочихъ. Въ будни на торфахъ за первыя 5 куб. саж. полагалось по 1 р. за каждую, за шестую по 2 р. 20 к., за 7-ю и болѣе сажень по 3 р., слѣдовательно, за 6 саж. артель получала 7 р. 20 к. или по 90 к. на каждаго; на пескахъ за первыя 5 к. с. назначено по 1 р. за каждую, за 6-ю по 3 р., а за 7-ю и болѣе—по 4 р. 80 к.,

---

[1]) То же въ договорѣ съ Верхне-Амурской К° 1883 г.

[2]) По договору съ Верхне-Амурской К° 1883 г. не менѣе 4 саж. съ платою въ 10 р.—за первыя 2 сажени по 1 р. 50 к., за третью 2 р. 50 к., за 4-ю 4 р. 50 к.; въ праздники 16 р.,—за первыя 3 сажени по 3 р., а за четвертую—7 р.

слѣдовательно, за урокъ въ 6 саж. артель получала 8 р., т.-е. по 1 р. на каждаго. Въ воскресные и неприсутственные дни на торфахъ и пескахъ производилась полуторная плата. При ручной откаткѣ торфовъ и песковъ (не менѣе $4^1/_2$ к. с. 8-ю человѣками) назначено за $3^1/_2$ к. саж. по 1 р. 20 к. за каждую, а свыше—по 3 р., слѣдовательно, за исполненіе урока артель получала 7 р. 20 к., или каждый рабочій въ день (очевидно будній, хотя въ этомъ § нѣтъ оговорки относительно праздниковъ) по 90 коп. [1]) Въ 90-хъ гг. Ниманской К° плата за урокъ на торфахъ была назначена 1 р. 62 к., а на пескахъ 2 р. 16 к. каждому, но мы видѣли, какъ часто не вырабатывали здѣсь полныхъ уроковъ, а за недоработку могъ быть назначенъ вычетъ [2]). По договору съ Зейскою К° (перв. полов. 80-хъ гг.) 8 чел., вырабатывая на лошадяхъ въ день 6 куб. с., должны были получать въ будни 8 р., а на пескахъ 11 р. (за первыя 4 с. по 1 р., за 5-ю—3 р., за 6-ю—4 р.); въ праздники на торфахъ 14, на пескахъ 16 р. (за первыя 4 саж. по 2 р., а за 5-ю и 6-ю саж. по 4 р.); слѣдовательно, въ будни каждый рабочій получалъ за выполненіе урока на торфахъ по 1 р., на пескахъ по 1 р. 37 к., въ праздники—на торфахъ по 1 р. 75 к., на пескахъ по 2 р. „Но если артель на пескахъ или торфахъ будетъ отрабатываться ранѣе 7 ч. вечера, то управленіе вправѣ увеличить выработку до 8 саж. (вмѣсто 6-ти!), съ платою за седьмую и восьмую саж. на торфахъ по 4 р., на пескахъ же по 5 р.“ (очевидно, что въ такомъ случаѣ рабочіе оканчивали бы работу гораздо позднѣе 8 часовъ). При ручной откаткѣ на тачкахъ 8 человѣкъ, вырабатывая не менѣе 4-хъ саж., получали 10 р. (за первыя 3 саж. по 2 р., за четвертую 4 р.), въ праздничные же дни по 16 р. (за первыя 3 саж. по 3 р., за 4-ю—7 р.), т.-е. на каждаго рабочаго въ будни 1 р. 25 к., въ праздники 2 р. При откаткѣ далѣе 30 саж. плата должна увеличиваться по разсчету за каждыя 30 саж. разстоянія по 1 р. за выработанную сажень. [3]). Нѣсколько позднѣе въ Зейской К° была сдѣлана обязательною выработка не 6, а 7 куб. саж.; Оранскій въ своей книгѣ (1886 г.) говоритъ: „Полный урокъ на артель изъ 8 чел. при 3-хъ хозяйскихъ лошадяхъ составляетъ 7 к. с. торфовъ или песковъ, за которые каждый рабочій артели получаетъ: за торфа въ будни 1 р. 50 к., въ праздники 2 р. 25 к. и за пески въ будни 2 р., въ праздники 2 р. 60 к.“ [4]).

И такъ дневной заработокъ рабочаго *при выполненіи урока* на разныхъ пріискахъ равнялся при работѣ на лошадяхъ въ будни на

---

[1]) По отчету горн. исправ. Буреинской системы за 1884 г. за выработку торфовъ съ ручною откаткою на тачкахъ плата въ Ниманской К° была на 25% болѣе, чѣмъ при работѣ на лошадяхъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2771, № 110—100, л. 768.

[2]) „Амурская Газета“ 1895 г., № 22, стр. 779.

[3]) На Степано-Дмитріе-Харлампіевскомъ пріискѣ Тетюкова каждый рабочій при исполненіи урока съ лошадьми получалъ на торфахъ и пескахъ въ будни по 70 коп., въ праздники 1 р. 40 к. (та же плата на пріискѣ Тетюкова была и въ 1893 г. „Приам. Вѣд.“ 1894 г., № 23, прил. стр. 1).

[4]) *Оранскій*, стр. 5 и его отчетъ за 1889 г. въ дѣлѣ Канц. Ирк. Горн. Упр. № 39. Въ отчетѣ Буреинскаго горн. испр. за 1883 г. есть извѣстіе, что на Ниманскихъ пріискахъ въ этомъ году было нѣсколько рабочихъ, не взявшихъ при наймѣ задатковъ и потому получавшихъ на всѣхъ работахъ на 20% болѣе остальныхъ рабочихъ. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2769, № 58/68, л. 679 об. Китайцы, работавшіе на пріискахъ Зейской К°, *на полномъ своемъ содержаніи* получали за вскрытіе 1 куб. саж. торфовъ 2 руб. 80 к., за добычу 1 куб. саж. песковъ—3 руб. 50 коп. *Оранскій*, стр. 51.

торфахъ отъ 70 коп. до 1 р. 62 к., на пескахъ 70 к.—2 р. 16 к., въ праздники на торфахъ 1 р. 35 к.—2 р. 25 к., на пескахъ 1 р. 40 к.—2 р. 60 к.; при ручной откаткѣ въ будни 90 к.—1 р. 25 к., въ праздники 1 р. 35 к.—2 р. (Верхне-Амурскою компаніею по позднѣйшему контракту установлена одинаковая плата въ будни и праздники, въ среднемъ выводѣ соотвѣтствующая прежней); одинаковая плата установлена и въ Ниманской К°.

Въ предѣлахъ урока, чтобы побудить къ его выполненію, первыя сажени оплачиваются ниже послѣднихъ; такое повышеніе продолжается и за предѣлы урока, и за сверхъурочную работу полагается особенно повышенная плата. Такимъ образомъ, путемъ напряженія силъ заработки на горныхъ работахъ могутъ быть увеличены и далѣе указанныхъ цифръ, но мы видѣли, что за такимъ чрезмѣрнымъ напряженіемъ наступалъ упадокъ трудовой способности. Хозяевамъ весьма выгодно давать рабочимъ такой сверхурочный заработокъ: „лошадь та же, таратайка та же, инструментъ тотъ же, рабочіе пользуются тѣмъ же содержаніемъ и проч. Вся разница будетъ состоять лишь въ томъ, что лошади и рабочіе проторчатъ въ разрѣзѣ лишніе 3—4 часа“. А отъ этого хозяевамъ громадный барышъ [1]), несмотря на увеличенную плату за болѣе напряженный трудъ. Посредствомъ такого чрезмѣрнаго напряженія силъ (при которомъ на каждаго рабочаго приходится добыть въ день около 1 куб. саж.) дневной заработокъ рабочаго поднимается, по словамъ г. Бацевича, до 2 р. и даже до 2 р. 75 к., не считая платы за подъемное золото (стр. 148, 151).

Такъ какъ плата и въ предѣлахъ урока повышается за послѣднія сажени, вырабатываемыя артелью, то въ случаѣ его неисполненія рабочіе теряютъ непропорціонально недоработкѣ болѣе значительную часть вознагражденія. Понятно, что поэтому въ пріисковыхъ договорахъ Амурской области и не упоминается о вычетахъ за недоработку урока [2]).

За „подрядныя работы“, т.-е. за пилку лѣса, выдѣлку кожъ, кирпичей, приготовленіе дегтя, смолы, угля, косьбу сѣна и проч. пріиско-

---

[1]) Какъ онъ великъ, см. въ статьѣ *А. Я.* „Наша золотопромышленность“, „Вост. Об.“ 1889 г., № 14, стр. 8.

[2]) Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактовъ только въ договорѣ Ниманской К° 1883 г. мы находимъ условіе относительно вычета за недоработку урока (при работахъ въ открытыхъ разрѣзахъ), а именно: пріисковому управленію предоставляется право „недоработанное количество саженъ взыскать изъ переработки въ другіе дни, но если переработки въ томъ мѣсяцѣ не хватитъ для покрытія недоработки, то вычитать вообще изъ заслуги нашей по той цѣнѣ, по какой платитъ намъ само пріисковое управленіе“. Вычеты существовали въ Ниманской К° и въ 90-хъ годахъ. „Амур. Газета“ 1895 г., № 22, стр. 779.

вое управленіе обыкновенно платитъ рабочимъ по взаимному договору задѣльную, а иногда поденную плату (по контракту Ниманской К° отъ 40 к. до 1 р. 20 к. въ будни и отъ 50 к. до 2 р. въ праздники).

Въ договорахъ съ рабочими обыкновенно указывается размѣръ поденной платы, но въ слишкомъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, т.-е. не обозначено размѣра ея за ту или другую работу, а только указанъ maximum и minimum. Такъ, по договору Верхне-Амурской К° 1871 г. „во всѣхъ вспомогательныхъ, поторжныхъ и надворныхъ работахъ, при крѣпленіи и очисткѣ канавъ, при завалкѣ песковъ, при промывкѣ, уборкѣ и отвозкѣ гальки и эфелей, на отвалахъ и прочихъ подъемныхъ работахъ, смотря по времени года и роду работъ", условлено было платить поденно каждому отъ 30 к. до 1 р. 50 к. (въ договорѣ 1883 г. отъ 30 к. до 1 р.) въ будни, а въ праздники вдвое болѣе. По договору съ Ниманскою К° 1883 г. поденная плата назначена была въ будни 40 к.—1 р. 25 к., въ праздники 50 к.—2 р. и при этомъ сдѣлана такая оговорка: „назначеніе платы поденной и мѣсячной, соразмѣрно количеству и качеству труда, нашему искусству и усердію, зависитъ отъ усмотрѣнія распорядителей компаніи, и мы не вправѣ требовать и просить болѣе назначеннаго, и вполнѣ предоставляемъ это назначеніе распорядителямъ К° и претензіи никакой имѣть не должны". По договору съ Зейскою К° (80-хъ гг.), поденная плата равнялась въ будни 30 к.—1 р., въ праздники вдвое болѣе; въ договорѣ при этомъ добавлено, что на тѣхъ же условіяхъ и въ томъ же размѣрѣ рабочіе должны получать плату за вскрытіе мерзлаго торфа.

Изъ отчетовъ мѣстныхъ горныхъ исправниковъ видно, что въ дѣйствительности рабочіе получили поденной платы въ 1881 г. въ Зейской и Верхне-Зейской К° по 50 к.—1 р. въ будни и вдвое болѣе въ праздники, на поторжныхъ работахъ въ будни 30 к.—1 р. 20 к., въ праздники 50 к.—2 р. Въ 1883 и 84 гг. въ Ниманской К° и на пріискахъ бр. Бутиныхъ на поторжныхъ работахъ платили въ будни 30 коп.—1 р. 20 к., въ праздники 50 к.—2 р.; на пріискѣ Тетюкова въ будни 25—75 к., въ праздники 50 к.—1 р. 50 к. Въ отчетѣ г. Оранскаго за 1889 г. указана поденная плата въ Зейской К° (повидимому, въ нѣкоторыхъ работахъ, связанныхъ съ добычею и промывкою золота) въ размѣрѣ 60 к.—1 р. 20 к. въ день, на поторжныхъ работахъ—40 к., мастеровымъ 60 к.—1 р. 50 к., за надворныя и отрядныя работы 40 к.—1 р., причемъ о повышенной платѣ въ праздники не упоминается [1]). Въ Ниманской К° въ 90-хъ гг. за земляныя работы платили 80 к.—1 р. 50 к. въ день, плотникамъ зимою 1 р. 20 к., лѣтомъ 1 р. 60 к.,

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр.

слесарямъ и кузнецамъ 1 р. 50 к.—2 р. въ день, рабочіе при промывальныхъ машинахъ 2 р. [1]).

Женщины, находившіяся въ 1883 г. въ Ниманской К° не въ постоянныхъ, а во временныхъ работахъ, какъ-то: мытье половъ и проч., получали поденную плату въ 50 к. и винную порцію, но за продовольствіе ихъ вычиталось 40 к. въ день.

Условія контрактовъ относительно мѣсячной платы такъ же неточны, какъ и относительно поденной, т.-е. такъ же обозначенъ maximum и minimum платы для извѣстныхъ разрядовъ рабочихъ. Въ договорѣ Верхне-Амурской К° 1871 г. сказано: „Кто изъ насъ будетъ назначенъ на постоянныя работы, то плата должна быть мѣсячная, а именно плотникамъ, столярамъ, слесарямъ, кузнецамъ и шорникамъ отъ 25 до 45 р. (по договору 1883 г. 20—40 р.); молотобойцамъ, печникамъ и каменщикамъ отъ 15 до 30 р. въ мѣсяцъ (по договору 1883 г. до 35 р.); конюховскому и артельному старостамъ, коноваламъ, конюхамъ, бычникамъ, возчикамъ, поварамъ, квасоварамъ, кашеварамъ, хлѣбопекамъ, разсыльнымъ, находящимся въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ отъ 15 до 35 р. (тоже по договору 1883 г.); старостамъ караульнымъ, дрововозамъ, дроворубамъ и водовозамъ отъ 7 до 20 р.“ (по договору 1883 г. 10—25 р.). Въ договорѣ Верхне-Амурской К° 1886 г. указаны точныя цифры мѣсячнаго жалованья разныхъ мастеровыхъ; оно равняется съ 1 октября по 1 мая 18—30 р., а лѣтомъ 24—50 р. Въ договорѣ Ниманской К° 1883 г. мѣсячное вознагражденіе за постоянныя занятія мужчинъ и женщинъ указаны огульно (10—45 р.), а въ договорѣ Зейской К° (80-хъ гг.) вознагражденіе мужчинамъ раздѣлено на 3 разряда (17—40 р., 15—30 р., 12—25 р.), и затѣмъ сказано, что „назначеніе вышеозначенныхъ окладовъ жалованья по нашимъ трудамъ, знанію дѣла и усердію зависитъ отъ управленія промысловъ, и мы не вправѣ требовать и просить болѣе назначеннаго имъ оклада мѣсячной платы“.

По отчету Верхне-Амурскаго исправника за 1880—81 г., плотники и кузнецы получали 25—60 р. въ мѣсяцъ, чернорабочіе 12—60 р.; по отчету Буреинскаго горнаго исправника за 1881 г. мѣсячное вознагражденіе мужчинамъ на пріискахъ Зейской К° раздѣлено на 3 разряда: 27—45 р., 15—30 р. и 15—25 р.; на пріискахъ Ниманской К° платили: кузнецамъ 40—50 р., плотникамъ 1 разр. 35 р., чернорабочимъ и на отрядныхъ работахъ 20—45 р.; промывальщикамъ—45 р., сторожамъ 20 р. Въ 1883 г. по отчету горнаго исправника на пріискахъ Ниманской К° плотники получали 25—45 р. въ мѣсяцъ зимою и 36—75 р. лѣтомъ, кузнецы 40—60 р., прислуга 10—25 р., а относительно пріисковъ Зейской К° указаны тѣ же цифры, что и въ 1881 г. На пріискахъ Бутиныхъ въ 1883 г. кузнецы получали 30—50 р., плотники 25—45 р., чернорабочіе 15—40 р. Въ Верхне-Амурской

[1]) „Амур. Газета“ 1895, № 21, стр. 780.

К° въ 1883 г. зимою мѣсячное жалованье мужчинамъ равнялось 18—40 р., лѣтомъ 24—60 р. Въ 1884 г. по отчету Буреинскаго исправника въ Ниманской К° указаны пять разрядовъ платы: 20—40 р. 15—30 р., 25—45 р., 15—25 р., 9—20 р., и такихъ большихъ цифръ, какъ въ 1883 г. (60, 75 р.), мы не встрѣчаемъ; на пріискахъ Бутиныхъ—6 разрядовъ: 20—30 р., 20—45 р., 15—25 р., 25 р., 30 р., 10—20 р.; на Степано-Дмитріе-Харлампіевскомъ пріискѣ Тетюкова мѣсячное жалованье (такъ же какъ и поурочная плата на горныхъ работахъ) ниже—10—25 р. [1]). Въ 1885 г., по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, мастеровые и ремесленники на амурскихъ золотыхъ промыслахъ получали жалованья отъ 20 до 45 р. въ мѣсяцъ, рабочіе на горныхъ работахъ, въ пріисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ 15—40 р., прислуга 10—25 р. [2]). Въ 1889 г. по отчету Оранскаго, на пріискахъ Зейской К° за поторжныя работы платили 25—50 р. въ мѣсяцъ [3]). По отчету того же лица, въ 1893 г. на амурскихъ промыслахъ платили: зимою мастеровымъ 20—45 р., надворнымъ 18—36 р.; лѣтомъ—первымъ 40—75 р., вторымъ 30—70 р. [4]). Въ Ниманской К° въ 90-хъ гг. конюхи, хлѣбопеки, сторожа и т. п. разночинцы получали отъ 30 до 40 р. въ мѣсяцъ, но жалованье нѣкоторымъ мастеровымъ доходило до 75 р. [5]). Въ Зейской К° въ 90-хъ гг. мѣсячное жалованье равнялось зимою 18—36 р., лѣтомъ 24—45 р. въ мѣсяцъ [6]).

И такъ мѣсячное жалованье мужчинамъ колебалось между слѣдующими наибольшими и наименьшими цифрами: въ 1881 и 83 гг.—15—60 р., въ 1884—85 гг.—10—45 р., въ 1889 г.—25—50 р., въ 1890-хъ гг. 18—75 р.

Женщины получали мѣсячное жалованье, какъ и въ другихъ системахъ, въ меньшемъ размѣрѣ. По договору Верхне-Амурской К° 1871 г. прачкамъ, стряпкамъ, коровницамъ, мукосѣйкамъ, прислугѣ и вообще за женскія работы полагалось 5—10 р. въ мѣсяцъ; по договору той же К° 1883 г.—5—12 р.; по договору, напечатанному г. Бапевичемъ, 10—15 р.; по договору Зейской К° (перв. полов. 80-хъ гг.) 5—12 р. По свидѣтельству горныхъ исправниковъ въ 1881 г. въ Зейской К° платили женщинамъ 5—12 р., въ Ниманской К° 7—15 р., въ 1883 г. въ Зейской К° 5—12 р., въ 1884 г. на пріискахъ Ниманской К° 5—10 р., на пріискахъ Бутиныхъ 8—20 р., на пріискахъ Тетюкова 5—12 р. Въ 1883 г. въ Верхне-Амурской К° женщины получали 7 р. 50 к.—15 р. Въ 1885 г. женщины получали на амурскихъ промыслахъ 5—12 р., въ 1886 г. до 15 р., въ Зейской К° въ 90-хъ гг.,—

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр.

[2]) „Обзоръ Амурской области за 1885 г.“, стр. 11; въ такомъ же обзорѣ за 1886 г. сказано, что на горныхъ работахъ плата доходила до 60 р. (стр. 17). Оранскій въ 1886 г. также указываетъ размѣръ мѣсячнаго жалованья 10—60 р. (51 стр.).

[3]) Арх. Иркут. Горн. Упр.

[4]) „Приам. Вѣд.“ 1894 г. № 27, прил., стр. 1; ср. Ibid., № 23, прил. стр. 1.

[5]) „Амур. Газета“ 1895 г., № 22, стр. 780; *Боголюбскій*, 60.

[6]) *Levat*, II, 438—439.

10—20 р. Слѣдовательно, вообще мѣсячное жалованье женщинамъ колебалось между 5 и 20 р. [1]).

Относительно платы за подъемное и старательское золото (которая выдавалась во время операціи на руки), находимъ слѣдующія условія въ договорахъ амурскихъ золотопромышленниковъ. По договору Верхне-Амурской К° 1871 г. за подъемное и старательское золото назначено по 1 р. 60 к. съ золотника, по договору той же К° 1883 г.—1 р. 50 к. [2]); по договору ея же 1886 г.—по 2 р. 50 к. за золотникъ. По договору съ Ниманской К° 1883 г. за подъемное золото по 2 р. („за подъемное же на машинѣ" рабочіе не должны были требовать платы); по договору Зейской К° (80-хъ гг.) за подъемное и старательское золото по 2 р. 50 к. за золотникъ; тѣ же цифры относительно Зейской и Ниманской К° указываетъ горный исправникъ и въ отчетѣ 1881, 82 и 83 гг.; въ 1883 г. на пріискахъ Бутиныхъ 2 р. 50 к.; въ 1884 г. въ Ниманской К° 2 р.—2 р. 50 к., у Бутиныхъ 2 р. 50 к., у Тетюкова 1 р. 92 к. Въ 1885 г. на амурскихъ промыслахъ рабочіе получали за подъемное и старательское золото 1 р. 50 к.—2 р. 50 к. за золотникъ [3]). Въ 1886 г. на пріискахъ Верхне-Амурской К° за подъемное и старательское золото платили 2 р.—2 р. 50 к., на пріискахъ Зейской К° 2 р. 50 к., Ниманской—2 р. [4]) Въ 1889 г. по отчету Оранскаго, Верхне-Амурская К° платила за подъемное и старательское золото 2 р. 50 к., Зейская 2 р. 50 к. за подъемное золото („а старательскія работы на пріискахъ Зейской К° не допускаются") [5]). Въ 1893—95 гг. плата за подъемное золото равнялась—2 р. 50 к. съ золотника [6]), въ Ниманской К° за подъемное и старательское золото 2 р. 88 к. [7]).

И такъ плата за подъемное и старательское золото, которая обыкновенно выдавалась во время операціи на руки, равнялась въ Верхне-Амурской К° въ 1871 и 1883 гг. 1 р. 50 к.—1 р. 60 к. за золотникъ, а на остальныхъ промыслахъ въ 80-хъ гг. 2—2 р. 50 к. Въ 1893—95 гг. плата за подъемное золото равнялась 2 р. 50 к.

На пріискахъ Ниманской К° плата за подъемное и старательское золото составляла въ 1881 г. 32% всего заработка, въ 1883, 84, 85 гг. 13%, въ 1886 г.—14%, въ 93 г. менѣе 12%, въ Зейской К° въ

---

[1]) Въ Ниманской К° бываетъ теперь жалованье и болѣе 20 р., но женщины неохотно идутъ на должности комнатной прислуги или, какъ выражаются рабочіе, на „кобыльи дворы". „Амур. Газета" 1895 г. № 21, стр. 748.

[2]) По поводу старательскаго золота въ этихъ договорахъ сдѣлана оговорка: „если пріисковое управленіе К°, въ видахъ увеличенія нашей заработки, найдетъ насъ достойными допустить къ старанію на золото". Въ 1875 г. на пріискѣ на о-вѣ Аскольдѣ (южно-уссур. края) платили по 1 р. 50 к. за золотникъ подъемнаго золота. „Извѣст. В. С. Отдѣла Геогр. Общ." 1877 г., т. VIII, 77.

[3]) Обзоръ Амур. Обл. за 1885 г., стр. 11.

[4]) *Оранскій*, 51—52. Мы приводили уже выше свидѣтельство Бацевича (152 стр.) о старательскихъ работахъ на золото по окончаніи урока.

[5]) Арх. Ирк. Горн. Упр.

[6]) „Приам. Вѣд." 1894 г., № 30, прил. стр. 5; „Амур. Газета" 1895 г., № 6, стр. 225.

[7]) „Амур. Газета" 1895 г., № 21, стр. 750.

1882 г. 9%, въ 83 г.—8%, въ 86 г. менѣе 2%; на пріискахъ Бутиныхъ въ 1883 г. 14%, въ 85 г. около 20%; на пріискѣ Тетюкова въ въ 1883 и 1885 гг. 2% всего заработка и въ Верхне-Амурской К° въ 1886 г. 7% [1]).

Въ Ниманской К° на каждую артель въ 8 чел. дается кружка, куда и опускается подъемное золото; такъ какъ оно распредѣлено не равномѣрно, то артели постоянно мѣняются въ забояхъ съ подъемнымъ золотомъ и при этомъ соблюдается очередь [2]).

„Чтобы имѣть полное понятіе о роли подъемно-старательскаго золота", говоритъ Л. Ѳ. Пантелѣевъ въ своемъ отчетѣ за 1882 г., „необходимо принять въ соображеніе, что оно въ извѣстной мѣрѣ восполняетъ заработную плату. На Верхне-Амурскихъ пріискахъ (гдѣ подъемнаго золота меньше) въ 1879—80 г. заработная плата составляла 1 р. 3 к. на поденщину; за то же время на Ниманѣ (гдѣ много подъемнаго золота)—91 к. На пріискахъ главная работа лѣтомъ, а въ эту пору въ Благовѣщенскѣ самый плохой рабочій можетъ получить не менѣе 2 р. на своемъ содержаніи, которое не дороже 50 к. въ сутки. Но мастеровой человѣкъ зарабатываетъ по 3 р. и даже болѣе. Если что и завлекаетъ рабочихъ на Ниманъ, такъ именно подъемное золото". Въ 1896 г. на пріискахъ Амгунской К°, когда потянулось въ забояхъ богатое золото, рабочихъ перевели на худшія мѣста, но они пріостановили работы, и пріисковому управленію пришлось идти на компромисъ [3]).

Относительно продовольствія рабочихъ на промыслахъ мы находимъ слѣдующія условія въ извѣстныхъ намъ контрактахъ амурскихъ золотопромышленниковъ. По договору Верхне-Амурской К° 1871 г., рабочіе должны были получать въ мѣсяцъ: муки ржаной или яричной, сколько съѣдятъ, но не болѣе 2 п. 10 ф. [4]), мяса свѣжаго или соленаго по 1 п. 5 ф., а за неимѣніемъ того и другого сушенаго по 30 ф., крупы ячной по 10 ф., сала топленаго по $1^1/_2$ ф., соли по 3 ф., чаю кирпичнаго по 1 кирпичу малаго размѣра. „Въ случаѣ недостатка крупы на кашу, управленіе можетъ замѣнить ее мясомъ, и тогда выдавать намъ вмѣсто $1^1/_2$ ф. сала только по $^1/_2$ ф. При полученіи мяса мы не должны отказываться и отъ потроховъ, принимая ихъ за 30 ф. отъ каждой скотины, т.-е. за тотъ вѣсъ, какъ К° принимаетъ отъ под-

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр.; „Обзоръ Амурск. области за 1886 г.", стр. 18—19: „Вѣстн. Золот." 1893 г., № 11, стр. 178.

[2]) „Амур. Газета" 1895 г., № 21, стр. 749. На богатые золотомъ забои ставятъ также болѣе задолжавшихъ рабочихъ. „Амур. Газ." 1895 г., № 6, стр. 225.

[3]) „Томскій Листокъ" 1896 г., № 241, стр. 2.

[4]) Въ дѣйствительности въ 1870 г. въ Верхне-Амурской К° выдавалось рабочимъ печенаго хлѣба по $4^1/_2$ ф. въ день. „Сибирь", 1873 г., № 4, стр. 1.

рядчиковъ“ [1]). По договору Ниманской К° 1883 г., нѣкоторыхъ припасовъ назначено было менѣе. Такъ женщины, находящіяся при постоянныхъ занятіяхъ, должны были получать по 1 ф. мяса въ день, а если свѣжаго или соленаго мяса не было, то мужчинамъ и женщинамъ полагалось по $^3/_4$ сушенаго, крупы гречневой или ячменной по $7^1/_2$ ф., а женщинамъ по 5 ф., чаю кирпичнаго по $^3/_4$ кирпича обыкновеннаго размѣра въ мѣсяцъ. Въ случаѣ недостатка какихъ-либо припасовъ, управленіе могло замѣнить ихъ „равномѣрно“ другими. „Если компанія признаетъ нужнымъ ввести артельный котелъ, то предоставляетъ намъ самимъ въ теченіе 3 дней выбрать артельщика и кашевара, преимущественно изъ слабыхъ къ работѣ съ платою обоимъ отъ компаніи; если мы не выберемъ, компанія назначаетъ“ ихъ „по своему усмотрѣнію“. Въ договорѣ Зейской К° (первой половины 80 гг.) назначено было выдавать артельному старостѣ такое же продовольствіе на каждаго рабочаго, какъ и по договору Верхне-Амурской К° 1871 г., только хлѣба, приготовленнаго изъ ржаной или яричной муки, полагалось не болѣе 5 ф. въ сутки на каждаго, а кирпичнаго чаю по $^3/_4$ кирпича. Въ случаѣ недостатка мяса управленіе могло замѣнить его кашею съ масломъ или саломъ. Такое же количество припасовъ указано и въ отчетахъ Иркут. Горн. Управленія о золотопромышленности Восточной Сибири въ 1879—87 гг. (въ Приморской области [2]) мяса выдавалось иногда менѣе—$^1/_4$ ф.), и въ обзорахъ Амурской области на 1885—86 гг. Въ лѣтнее время приготовлялся квасъ [3]). То же выдавалось и въ 1893 г., причемъ количество хлѣба равнялось 2 п. 10 ф.—3 п. или по 4 ф. печенаго хлѣба [4]). По отчету 1895 г. мяса свѣжаго или солонины (въ Приморскомъ округѣ) рабочіе получали отъ 30 ф. до 1 п. 5 ф., крупы 7—10 ф., чаю кирпичнаго отъ $^1/_4$ до 1 кирпича, сала $1^1/_2$—2 ф. или вмѣсто него масла скоромнаго отъ $^1/_2$ до 1 ф. въ мѣсяцъ [5]).

---

[1]) Такое же количество припасовъ опредѣлено и въ договорѣ этой компаніи 1883 г.; въ немъ было только добавлено, что $1^1/_2$ ф. сала пріисковое управленіе могло замѣнить 1 ф. масла. Въ договорѣ той же компаніи 1886 г., указано тоже количество припасовъ и пояснено, что кирпичъ чаю долженъ быть вѣсомъ до 2 ф. Приготовлять пищу по этому договору, кромѣ хлѣба, рабочіе обязывались сами.

[2]) На островѣ Аскольдѣ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ отпускалось въ 1875 г. на золотомъ промыслѣ на одного рабочаго русскаго 2 п. 10 ф. ржаной муки, 10 фун. ишеничной, 1 п. мяса, 15 ф. рыбы соленой, 1 ф. скоромнаго масла, 1 кирпичъ чаю, $2^1/_2$ ф. соли; на 1 манзу или корейца 2 п. риса, 2 п. буды, 10 ф. мяса, 15 ф. соленой рыбы, 7 ф. травяного масла, $^1/_8$ кирпича чаю, $2^1/_2$ ф. соли, причемъ содержаніе китайскаго рабочаго обходилось въ три раза дешевле, чѣмъ русскаго. „Извѣст. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1877 г., т. VIII, 77.

[3]) „Обзоръ Амур. обл. за 1885 г.“, стр. 11.

[4]) „Приам. Вѣдом. 1894 г.. Прил., стр. 1, № 27, Прил., стр. 1, № 30, Прил., стр. 4—5.

[5]) „Вѣстн. Зол.“ 1897 г., № 4, стр. 82; ср. „Амур. Газ.“ 1895 г., № 21, стр. 750—

Врачъ, посѣтившій пріиски Верхне-Амурской К° въ 1877 г., нашелъ, что рабочіе сверхъ отпускаемаго имъ количества мяса, выписываютъ его изъ пріисковой лавки еще фунтовъ по 10 въ мѣсяцъ. Пищу, по свидѣтельству врача, рабочіе получали хорошую [1]). Но не на всѣхъ промыслахъ продовольствіе было удовлетворительно. Въ Верхне-Зейской К° въ 1885 г. изъ за выдачи солонины рабочіе на нѣсколько дней прекращали работу и часть ихъ ушла съ пріиска (см. ниже гл. X). Чиновникъ, назначенный для производства дознанія по этому дѣлу, нашелъ, что „Верхне-Зейская К° безусловно виновата, не принявъ мѣръ по заявленіямъ о порченной солонинѣ, а напротивъ того, по удостовѣреніи сего факта, продолжала выдавать рабочимъ таковую на половину со свѣжей", чѣмъ „сама дала право" рабочимъ не выйти на работу [2]).

Въ обзорѣ Амурской области за 1886 г. (стр. 18) замѣчено, что въ числѣ продуктовъ, выдаваемыхъ рабочимъ, необходимы были-бы кислая капуста и картофель, „предупреждающія цынготныя болѣзни, которыя развиваются у пріисковыхъ рабочихъ при работѣ въ сырыхъ шурфахъ". Снабженіе этими припасами, по мнѣнію администраціи, „не можетъ затруднить золотопромышленныя компаніи, такъ успѣшно поставившія свои дѣла", а потому военный губернаторъ рекомендовалъ завѣдывающимъ пріисками непремѣнно заготовлять эти припасы для рабочихъ въ достаточномъ количествѣ. Напротивъ окружной ревизоръ въ своей книжкѣ объ амурскихъ промыслахъ, изданной въ томъ же 1886 году, увѣряетъ, будто рабочимъ безплатно отпускается для приправы капуста и картофель; по свидѣтельству отчета 1886 г. о золотопромышленности Амурской и Приморской областей, въ приварокъ даются рабочимъ овощи, квасъ и уксусъ. При значительномъ количествѣ рабочихъ пища приготовлялась въ общихъ котлахъ кашеварами, содержимыми на счетъ пріисковыхъ компаній подъ наблюденіемъ выбраннаго рабочими старосты; при маломъ же числѣ рабочихъ они готовятъ пищу сами въ кухняхъ, устроенныхъ при рабочихъ казармахъ [3]). Но уже въ отчетѣ за 1889 г. сказано, что въ большинствѣ случаевъ рабочіе получаютъ припасы на руки и сами готовятъ пищу [4]). Въ Ниманской К° рабочіе устраивались съ варкой пищи такъ: разбивались на артели человѣкъ по 8—10, подряжали бабу съ платою по 1 руб. съ человѣка въ мѣсяцъ, давали ей необходимую провизію, и баба продо-

751, *Н. Богомюбскій*, passim. Въ Зейской К°—кирпичнаго чаю 2 ф., масла 1 ф., сала 1½ ф. *Levat*, II, 441—442.

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589 № 259—313, л. 37, 47.

[2]) „Сибирская Газета" 1886 г. № 5, стр. 149; „Сибирь" 1885 г., № 39, стр. 7—8.

[3]) *Оранскій*, стр. 52.

[4]) Дѣла Горн. Департ.

вольствовала ихъ. „Какъ-то одинъ изъ управляющихъ вздумалъ-было уничтожить варку пищи въ казармахъ. Онъ хотѣлъ завести общій котелъ, гдѣ, подъ наблюденіемъ выборныхъ изъ рабочей команды, готовилась бы пища. Но сопротивленіе рабочихъ было такъ велико, что пришлось отказаться отъ этой затѣи. Хлѣбъ пшеничный и крупчаточный пекутъ въ хлѣбопекарняхъ. Тамъ же готовится для команды квасъ, а лѣтомъ въ разрѣзахъ стоятъ бочки съ квасомъ, чтобы рабочіе не пили почвенной воды“ [1]).

По оффиціальному свидѣтельству, продовольствіе рабочаго въ теченіе года обходилось Верхне-Амурской К° въ 1871 г. въ 175 р., въ 1881 г.—259 р. Ниманская К° въ 1881 г. считала среднюю стоимость пропитанія годового рабочаго на своихъ пріискахъ въ 334 р., а на складахъ въ 162 р. Стоимость прокормленія рабочаго въ одинъ день равнялась на пріискахъ Ниманской К° въ 1879 г.—86 к., въ 1880 г.—90 к., въ 1881 г.—91 к.; на складахъ той же К° въ 1879 г.—61 к., въ 1880 г.—46 к., въ 1881 г.—44 к. На складахъ стоимость содержанія рабочихъ понижалась, „благодаря удешевизнѣ провоза и болѣе правильному обезпеченію складовъ“ [2]). Въ ККº Зейской, Иликанской и Джолонской средняя стоимость прокормленія рабочаго въ день въ новѣйшее время равнялась 51 к. [3]).

Въ Ниманской К° около 1893 г. перевели рабочихъ съ хозяйскаго продовольствія на ихъ собственное съ выдачею стоимости продовольствія деньгами, при чемъ, какъ водится, обсчитали рабочихъ, опредѣливъ стоимость ихъ продовольствія въ 9 р. въ мѣсяцъ, тогда какъ въ дѣйствительности она превосходитъ 13 р. [4]). Зимой привозятъ капусту, картофель, мерзлое молоко, птицъ, и рабочіе запасаются на время этими продуктами. Курица стоитъ 2 р. штука, а яйцо 10 к.; зимою привозятъ замороженныя яйца [5]). Въ Амгунской К° въ 1895 г. пищевой паекъ выдавался также деньгами, кромѣ хлѣба, который отпускали безъ ограниченія, сколько потребуется [6]).

Винныя порціи выдавались рабочимъ на амурскихъ промыслахъ еще въ 70-хъ гг., но не въ достаточномъ количествѣ. Въ 1877 г. про-

---

[1]) „Амур. Газ.“ 1895 г., № 21, стр. 751.

[2]) Арх. Ирк Горн. Управ. К. 2586, № 167—221, стр. 178. Матер., сообщ. Л. Ѳ. Пантелѣевымъ.

[3]) *Levat*, II, 421.

[4]) Сравн. „Вѣсти. Золот.“ 1896 г., № 22, стр. 398; *Н. Боголюбскій*, 59—60 (въ 1895 г. выдавалась, какъ видно, вся стоимость продовольствія).

[5]) „Амур. Газ.“ 1895 г., № 20, стр. 720, № 21, стр. 748, 751.

[6]) „Амур. Газета“ 1896 г., № 2, стр. 53. Продовольствіе натурою замѣнялось въ 1895 г. выдачею деньгами и на нѣкоторыхъ другихъ пріискахъ. *Н. Боголюбскій*, 157, 166, 176.

мыслы Верхне-Амурской К° посѣтилъ мѣстный губернаторъ бар. Оффенбергъ и нашелъ разныя упущенія и безпорядки. Между прочимъ, онъ замѣтилъ, что „винную порцію получаютъ не всѣ рабочіе, какъ установлено циркуляромъ генералъ-губернатора Восточной Сибири 22-го апрѣля 1877 г.“ и указалъ на это пріисковому управленію чрезъ горнаго исправника [1]). Управляющій Верхне-Амурскими пріисками Корзаковъ въ докладной запискѣ по поводу различныхъ замѣчаній губернатора, представленной генералъ-губернатору Восточной Сибири, по вопросу о винныхъ порціяхъ говоритъ, что онѣ дѣйствительно не ежедневно даются всѣмъ рабочимъ, и что къ этому золотопромышленниковъ никто не обязывалъ [2]). „Винная порція, между прочимъ, дается рабочимъ и въ видѣ поощренія или вознагражденія за трудъ, и съ гигіеническою цѣлью, и въ холодную и ненастную погоду. Рабочіе же далеко не всѣ заслуживаютъ поощренія и также не всѣ работаютъ ежедневно, а въ ненастную погоду не всѣ работаютъ въ разрѣзахъ. Компанія, расходуя ежедневно хлѣбнаго вина среднимъ числомъ болѣе $^1/_{100}$ ведра на рабочую поденщину, тѣмъ не менѣе рѣшительно не находитъ возможнымъ выдавать водку ежедневно всѣмъ безъ исключенія рабочимъ. Дать рабочимъ право требовать себѣ ежедневно винную порцію (какъ это заявилъ имъ чиновникъ, присланный на промыслы), значитъ лишить золотопромышленника всякой возможности пользоваться водкою „цѣлесообразно съ выгодою для рабочихъ (?) и работы“ [3]). Нѣсколько позднѣе въ той же К° болѣе регулярно выдавались рабочимъ винныя порціи. Бывшій амурскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Педашенко въ запискѣ, поданной генералъ-губернатору Восточной Сибири въ 1885 г., упоминаетъ о томъ, что прежде, во время управленія имъ Амурскою областью, на промыслахъ Верхне-Амурской К° ежедневно давалась рабочимъ отъ пріисковаго управленія порція водки, а въ ненастное время даже два раза въ день, непьющимъ же выдавались вза-

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589, № 259—313, л. 37. Врачъ, осматривавшій въ этомъ году промыслы Верхне-Амурской К°, сообщилъ, что „винная порція $^1/_{100}$ ведра выдается въ настоящее время не всѣмъ рабочимъ, но по заработкѣ, *прежде же выдавалась ежедневно всѣмъ*. Отказавшимся отъ винной порціи выдается чай байховый, сахаръ или что они пожелаютъ изъ пищевыхъ продуктовъ“.

[2]) Въ циркулярѣ 22 апрѣля 1877 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири предписалъ горнымъ исправникамъ „предложить всѣмъ золотопромышленникамъ, чтобы рабочимъ отпускались достаточныя для подкрѣпленія силъ винныя порціи, въ особенности въ ненастное время, съ выдачею взамѣнъ сихъ порцій тѣмъ изъ рабочихъ, которые вина не пьютъ, соотвѣтственнаго количества масла, чаю и другихъ предметовъ, за исключеніемъ относящихся къ предметамъ роскоши, или съ занесеніемъ въ разсчетные листы денегъ по стоимости порцій тѣмъ изъ рабочихъ, которые отъ нихъ откажутся“.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589, № 259—313, л. 14, 17, 37.

мѣнъ вина деньги, „и эта выдача отражалась благопріятно на здоровьѣ рабочихъ и нисколько не развивала между ними пьянства, а напротивъ, получая достаточное для поддержанія силъ количество водки, рабочіе не искали ея на сторонѣ, такъ что о спиртоносничествѣ тамъ въ это время не было и рѣчи". Поэтому генералъ-лейтенантъ Педашенко высказался за установленіе обязательной ежедневной выдачи винной порціи въ размѣрѣ $^1/_{100}$ ведра [1]).

Въ оффиціальныхъ „обзорахъ Амурской области" за 1885 и 1886 гг. сказано, что во время усиленныхъ работъ и въ праздничные дни рабочіе на каждомъ пріискѣ получали винныя порціи [2]). На нѣкоторыхъ пріискахъ порціи эти выдавались ежедневно. Бывшій главноуправляющій Верхне-Амурской К° г. Янчуковскій, въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу проекта правилъ о наймѣ рабочихъ (1887 г.), говоритъ: „выдача водки обязательно производится" (на пріискахъ этой К°) „въ размѣрѣ $^1/_{100}$ ведра на человѣка въ день и по $^2/_{100}$ въ праздники, но въ контрактѣ объ этомъ не упоминается, чтобы дать возможность лишать ея въ видѣ наказанія" [3]). Окружной инженеръ въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ: „водка подается рабочимъ одинъ—два раза въ недѣлю, а на нѣкоторыхъ пріискахъ и ежедневно, причемъ непьющимъ рабочимъ взамѣнъ ихъ порцій вписываютъ въ разсчетныя книжки по 10 коп. за каждую порцію". На третьемъ Хабаровскомъ съѣздѣ (1893 г.) было засвидѣтельствовано, что опытъ выдачи непьющимъ вмѣсто порціи денегъ значительно увеличилъ число непьющихъ [4]). По отчету г. Оранскаго за 1893 г., „водка на нѣкоторыхъ пріискахъ вовсе не подается рабочимъ, на другихъ 2—3 раза въ недѣлю, на третьихъ—ежедневно, а въ случаѣ ненастья и по двѣ порціи въ день". По свидѣтельству г. Бацевича, Верхне-Амурская К° выдавала порціи ежедневно, а другія компаніи по 2 раза въ недѣлю. Напротивъ, мѣстный горный исправникъ говоритъ, что водка отпускалась ежедневно по $^1/_{100}$ и на пріискахъ въ бассейнѣ р. Амгуни, а въ ненастные дни и за особо трудныя работы порція удваивается [5]). Управляющій дѣлами Амгунской К° золотопромышленникъ Першинъ въ запискѣ, представленной Хабаровскому съѣзду въ 1893 г., говоритъ: количество водки, выдаваемое каждому рабочему „въ видѣ винныхъ порцій, слишкомъ ограничено и

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канцел. № 11, л. 66.

[2]) По отчету о золотопромышленности Амурской и Приморской областей за 1886 г.—„въ большіе праздники и дождливую погоду". Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2774 № 169—158, л. 202 об.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канц., № 14, т. 2.

[4]) „Труды III Хабаров. съѣзда", стр. 68.

[5]) „Приам. Вѣд." 1893 г., № 23, Прил. стр. 1, № 27, Прил. стр. 1. *Бацевичъ*, Матеріалы, стр. 151.

не удовлетворяетъ его потребности, которая по причинѣ продолжительнаго воздержанія, становится чрезвычайно настоятельной“ [1]). Въ Ниманской К° винная порція давалась ежедневно всѣмъ рабочимъ, въ томъ числѣ и находящимся на работѣ женщинамъ, въ размѣрѣ $^1/_{100}$ полугару. Въ дождливые дни выдавалось по двѣ порціи въ день: въ обѣдъ и вечеромъ. Мастеровые и рабочіе, трудящіеся въ водѣ, получали по 2 порціи спирту, несмотря ни на какую погоду. Кто не желалъ пить своей порціи, тому записывали на приходъ 3 р. въ мѣсяцъ [2]). Амурскій губернаторъ бар. Оффенбергъ, при обозрѣніи имъ Верхне-Амурскихъ промысловъ въ 1877 г., нашелъ, что ввозъ на промыслы спирта производится компаніею безъ его предварительнаго разрѣшенія. Но болѣе всего тайный ввозъ спирта производили мелкіе золотопромышленники, которые продавали его по баснословнымъ цѣнамъ инородцамъ и пріисковымъ рабочимъ; барыши, получаемые ими при этомъ, доходили до 450 р. на ведро. Такіе мелкіе золотопромышленники здѣсь, какъ и въ другихъ системахъ, нерѣдко фиктивно заявляли пріискъ, чтобы получить право провозить спиртъ, который они и обмѣнивали на краденое золото [3]).

Неудовлетворенная потребность рабочихъ въ винѣ вызывала появленіе на амурскихъ промыслахъ спиртоносовъ, число которыхъ увеличилось съ 1884 г., быть можетъ въ связи съ наплывомъ въ тайгу послѣ разгрома Желтуги массы ищущихъ заработка рабочихъ. Въ 1886 г. съ амурскихъ промысловъ уже писали, что „спиртоносами полна тайга. Конфискуя спиртъ и золото въ свою пользу, въ нынѣшнюю операцію на 7 пріискахъ успѣли прослѣдить продажу 200 ведеръ спирта по 10 р. за бутылку или по 5 золотниковъ краденаго золота“ [4]). По словамъ г. Янчуковскаго 1886 г., „продажа спирта въ Амурской области составляетъ хорошо организованный промыселъ“. Чтобы купить спиртъ по 10—20 р. за бутылку, рабочіе крадутъ золото, обворовываютъ другъ друга. Это „до такой степени выгодный промыселъ, что спиртоносъ готовъ переносить какія угодно наказанія, не говоря уже о 50-ти рублевомъ штрафѣ или о сотнѣ розогъ, которыми его наградитъ какой нибудь управляющій съ досады на свое безсиліе прекратить продажу спирта, предварительно взявъ со спиртоноса росписку, что къ наказа-

---

[1]) „Труды III Хабаров. съѣзда“, 1893 г., стр. 144.

[2]) „Амурская Газета“ 1895 г.; № 21, стр. 751. Порція на амурскихъ промыслахъ выдается лишь по выполненіи урока. „Амурск. Газета“ 1895 г., № 6, стр. 224. Непьющимъ на нѣкоторыхъ пріискахъ записывается въ заработокъ по 10 к. ежедневно. *Н. Боголюбскій*, 11, 21, 31, 60.

[3]) „Сиб. Газ.“ 1883 г. № 13, стр. 333; „Труды III Хабар. съѣзда“ 1893 г., стр. 67.

[4]) „Сибирь“ 1884 г. № 29, стр. 8; „Вост. Об.“ 1886 г. № 5, стр. 9.

нію себя розгами" онъ, т. е. спиртоносъ, „препятствій не имѣетъ" [1]). Г. Оранскій говоритъ (1889 г.), что спиртоносовъ въ послѣднее время расплодилось очень много въ амурской тайгѣ, и что „борьба съ ними не легка". Спиртоносами, по его словамъ, бываютъ не только русскіе, но и якуты, „и это ремесло тѣмъ болѣе удается имъ, что всѣ якуты прекрасно знаютъ тайгу и могутъ провести транспортъ спирта безъ всякой дороги". Спиртоносы продавали въ это время бутылку спирта по 8—10 руб. [2]), а въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ отъ 100 до 300 руб. за ведро. Особенно развито спиртоносничество въ Зейской системѣ, куда спиртъ ввозится даже бочками. Спиртоносы нерѣдко подмѣшиваютъ въ вино табакъ, перецъ и даже дурманъ; случаи ихъ поимки чрезвычайно рѣдки [3]). По словамъ г. Оранскаго, „въ 1893 г. уменьшилось число лицъ, которыхъ мы привыкли называть спиртоносами въ буквальномъ значеніи этого слова, т.-е. такихъ лицъ, которые, купивъ спиртъ въ жиломъ мѣстѣ, несутъ его въ тайгу разными окольными путями, избѣгая встрѣчи съ казачьими разъѣздами. Зато въ нѣкоторыхъ системахъ Амурской области успѣшно торговали спиртомъ спиртоносы легальные, т.-е. нѣтоторые золотопромышленники, вытѣснивъ спиртоносовъ нелегальныхъ" [4]). Корреспондентъ „Восточнаго Обозрѣнія" утверждаетъ, что осѣдлый продавецъ спирта приноситъ болѣе вреда, чѣмъ спиртоносъ. Первый „обыкновенно пріобрѣтаетъ пріискъ, ставитъ для виду 2—3 рабочихъ, а спирту вывозитъ человѣкъ на 200—300 и, засѣвъ въ своей берлогѣ, неуязвимо торгуетъ спиртомъ" [5]).

Бродячіе спиртоносы закупаютъ спиртъ въ Благовѣщенскѣ, вливаютъ его въ банки изъ подъ керосина, отверстія которыхъ заливаютъ оловомъ и зашиваютъ банки въ войлокъ. „Сдѣлавъ запасъ сухарей, масла, чаю, приготовивъ вьюки, сговорившись съ товарищами, тщательно осмотрѣвъ оружіе и приведя его въ исправность, темною ночью отправляется спиртоносъ въ тайгу. Верстъ 200 приходится ѣхать деревнями". Это пространство спиртоносы проѣзжаютъ только ночью, надѣвая на ноги лошадямъ, при проѣздѣ черезъ деревни, войлочные чулки. Въ тайгѣ спиртоносы выбираютъ близъ пріисковой системы высокую гору и устраиваютъ на ней свой таборъ, припрятавъ спиртъ подальше отъ шалаша. „Отдохнувъ и собравшись съ силами, два спиртоноса навьючиваютъ на свои

---

[1]) „Вост. Об." 1886 г. № 9.

[2]) Арх. Иркут. Горн. Упр., дѣло канцел. № 39.

[3]) „Обзоръ Амур. Обл. за 1892 г.", стр. 21; „Труды Хабар. съѣзда", стр. 67, 144; „Вост. Об." 1895 г. № 43; „Амур. Газета" 1895 г. № 22, стр. 782.

[4]) „Приам. Вѣдом." 1894 г. № 27, Прил. стр. 9, ср. стр. 4. „Восточ. Обозр." 1895 г. № 43. Есть указаніе, что спиртоносничествомъ, въ виду его значительныхъ выгодъ, „не брезгаютъ даже лица, занимающія видное общественное положеніе" (конечно за чьей-либо спиной). „Вост. Обозр." 1894 г. № 27, стр. 3.

[5]) „Вост. Обозр." 1895 г. № 12, стр. 2.

могучія спины по банкѣ спирта и пѣшкомъ отправляются на пріиски". При встрѣчѣ съ другими спиртоносами дѣло нерѣдко оканчивается убійствомъ менѣе осторожныхъ и предусмотрительныхъ. Въ 3 или 4 верстахъ отъ пріисковаго стана спиртоносы прячутъ принесенныя банки и ночью крадутся на пріискъ. Проникнувъ въ казарму, спиртоносъ, отсчитывая извѣстное ему число спящихъ на нарахъ, безошибочно находитъ своего единомышленника изъ рабочихъ и сообщаетъ ему, гдѣ именно будетъ происходить торговля спиртомъ. На другой день рабочіе одинъ по одному то и дѣло бѣгаютъ въ лѣсъ; въ станѣ попадаются пьяные; въ казармахъ и на работахъ происходятъ драки, увѣчья; пьяные рабочіе стали требовательны, придирчивы, грубы... Ни пріисковые рабочіе, ни хищники (тайно добывающіе золото на чужихъ площадяхъ), ни весь тотъ пріисковый людъ, который окрещенъ именемъ „шпаны", не питаетъ довѣрія къ спиртоносамъ и даже не любитъ ихъ. Правда, онъ не выдастъ спиртоноса, пожалуй, поможетъ ему укрыться, очень рѣдко донесетъ на него, но это не изъ любви къ нему, а изъ страха предъ нимъ; всѣ знаютъ, на что способенъ спиртоносъ. „Шпана" удивляется подвигамъ этихъ людей, дрожитъ предъ ними, любитъ слагать, пересказывать и выслушивать разныя легендарныя исторіи объ нихъ, но съ большимъ презрѣніемъ относится лично къ нимъ и по возможности избѣгаетъ ихъ; причиной этому служитъ отсутствіе въ спиртоносахъ всякаго чувства справедливости и даже той порядочности преступниковъ относительно сохраненія своихъ корпоративныхъ традицій, которыми такъ бахвалится и дорожитъ весь преступный людъ въ Сибири... Возвращаясь изъ тайги, дорогою спиртоносы стараются убить другъ друга, чтобы воспользоваться золотомъ убитаго... При дѣлежѣ добычи у нихъ не обходится безъ ножа или револьвера, и тотъ изъ товарищей получаетъ больше, кто болѣе смѣлъ, нахаленъ и силенъ" [1]).

Жилища рабочихъ на амурскихъ промыслахъ, несмотря на изобиліе здѣсь золота и большіе доходы здѣшнихъ крупныхъ компаній, требовали улучшеній.

Въ 1877 г. амурскій губернаторъ поручилъ полковому врачу Андреенко осмотрѣть въ санитарномъ отношеніи Алексѣевскій пріискъ Верхне-Амурской К° и Иннокентіевскій компаніи Сабашникова. О жилищахъ рабочихъ на первомъ изъ нихъ этотъ докторъ далъ весьма хорошій отзывъ [2]), также, какъ и о жилыхъ помѣщеніяхъ на Иннокентіевскомъ пріискѣ. Но губернаторъ, при личномъ посѣ-

[1]) *Я. Домбровскій.* „Спиртоносы Амурской тайги". „Приамурскія Вѣдомости", 1894 г., № 142, стр. 8—10. Тайною торговлею спиртомъ занимались также и казаки, и разные подрядчики по перевозкѣ грузовъ. „Сибирь" 1884 г., № 29, стр. 8.

[2]) На Алексѣевскомъ пріискѣ, для помѣщенія рабочихъ были устроены два зданія, раздѣленныя капитальными стѣнами, одно на 3 отдѣленія, другое на 2. „Зданія", по словамъ доктора, „новы, хорошей постройки, не штукатуренныя и не обѣленныя... Печи вездѣ желѣзныя, хорошо устроенныя... Казармы свѣтлы, съ настланными изъ плахъ полами, содержатся довольно чисто... Рабочіе помѣщаются на полатяхъ (нарахъ), устроенныхъ по стѣнамъ казармъ изъ досокъ. Постели у рабочихъ собственныя, состоятъ изъ войлоковъ, покрываются же онѣ верхней одеждой. Во время дня постели скатываются и убираются къ стѣнамъ казармы, такъ что полати совершенно свободны. Нѣкоторые изъ рабочихъ находятъ удобнѣе спать на чердакахъ казармъ, обширныхъ, содержимыхъ чисто, но съ однимъ только неудобствомъ, что дымовыя трубы выведены на чердаки и при топкѣ печей наполняютъ ихъ дымомъ. Въ казармахъ помѣщается по 30 душъ".

щеніи, нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, Верхне-Амурскихъ пріисковъ, пришелъ къ инымъ заключеніямъ относительно жилищъ рабочихъ. Въ предписаніи къ мѣстному горному исправнику бар. Оффенбергъ говоритъ: „казармы, въ которыхъ помѣщаются рабочіе, приходятъ уже въ ветхость, худо ремонтируются, полы сгнившіе и вообще казармы имѣютъ видъ темный и грязный, что происходитъ отъ неудовлетворительнаго ихъ устройства, а главное, отъ недостатка оконъ и неимѣнія надлежащаго надзора за чистотой". Управляющій Верхне-Амурской К° Корзаковъ, въ докладной запискѣ генералъ-губернатору Восточной Сибири, утверждалъ, что обвиненія губернатора „отчасти вполнѣ несправедливы и искажаютъ дѣйствительность", и возражалъ на нихъ слѣдующее: „казармы на резиденціи и Васильевскомъ пріискѣ (также и на 3 другихъ работающихъ пріискахъ, на которыхъ, впрочемъ, губернаторъ не былъ) построены всѣ послѣ 1872 г., почему ветхими быть не могутъ". Указавъ затѣмъ на размѣръ казармъ и на то, что въ каждомъ отдѣленіи отъ 2 до 5 оконъ, Корзаковъ утверждалъ, что недостатка въ окнахъ нѣтъ. Губернаторъ нашелъ, что казармы имѣютъ видъ „темный и грязный; на это можно только замѣтить, что едва-ли возможно, чтобы по характеру и образу жизни рабочихъ, занимающихся земляною работою, казармы имѣли видъ менѣе темный и грязный". Но губернаторъ, въ объясненіи, представленномъ генералъ-губернатору въ мартѣ 1878 г., настаивалъ на своемъ прежнемъ отзывѣ: „относительно устройства, ремонта и чистоты казармъ", писалъ онъ, „могу только повторить то, что уже мною было высказано..., а именно, что, по моему мнѣнію, помѣщенія для рабочихъ необходимо считать приходящими въ ветхость, худо ремонтируемыми и имѣющими гнилые полы, вслѣдствіе того, что почти всѣ стѣны и потолки этихъ зданій, вѣроятно когда-то прямые, искривились, а полы, какъ на Васильевскомъ пріискѣ, такъ въ особенности въ казармѣ на Джалиндинской резиденціи до того измѣнили свое первоначальное, вѣроятно тоже ровное, положеніе, что приняли видъ рѣзко отдѣлившихся уступовъ, и я лично едва не подвергся паденію, проходя по одному изъ тѣхъ половъ, которые г. Корзаковъ считаетъ исправными. Кромѣ того, и отчасти по тѣмъ же самымъ причинамъ, я нашелъ казармы грязными, темными и неудовлетворительнаго устройства, потому что эти строенія, а въ особенности та-же Джалиндинская казарма съ своими грязными, кривыми стѣнами и сгнившими, искривленными полами и вообще грязнымъ видомъ походила болѣе на этапную тюрьму, чѣмъ на квартиру лицъ, не лишенныхъ правъ состоянія и служащихъ по вольному найму въ золотопромышленной компаніи, имѣющей кажется достаточныя средства для лучшаго устройства этихъ помѣщеній". Г. Корзаковъ въ своей докладной запискѣ говоритъ, что едва-ли возможно, чтобы по характеру и образу жизни рабочихъ, занимающихся земляною работою, казарма имѣла видъ менѣе темный и грязный. Спрашивается, неужели темнота составляетъ необходимое условіе жизни рабочаго, занимающагося земляною работою? И неужели такой рабочій останется недовольнымъ, ежели его помѣстятъ въ свѣтлую и чистую казарму? Генералъ-губернаторъ поручилъ члену совѣта главнаго управленія Восточной Сибири Ефимову осмотрѣть резиденцію и пріиски Верхне-Амурской К° въ полицейскомъ и санитарномъ отношеніи; но Ефимовъ, узнавъ отъ амурскаго губернатора, что замѣченные безпорядки уже исправлены пріисковымъ управленіемъ, осмотрѣлъ только помѣщеніе для рабочей команды на Джалиндинской резиденціи этой компаніи и донесъ, что помѣщеніе это, устроенное въ 1872 г., вполнѣ исправно, содержится очень чисто и полы въ немъ вновь передѣланы; такія казармы рабочихъ, по его словамъ, „могли бы служить образцовыми для всѣхъ золотопромышленниковъ" [1]).

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589, № 259-313, л. 10, 14, 16, 27-28, 35-36, 39, 48-49.

Но и въ 80-хъ гг. жилища рабочихъ на амурскихъ промыслахъ были далеко не вполнѣ удовлетворительны. По словамъ г. Оранскаго (1886 г.), „казармы, хотя въ большинствѣ случаевъ и просторны, но въ гигіеническомъ отношеніи оставляютъ желать много лучшаго". Онѣ „представляютъ болѣе или менѣе тонкостѣнныя деревянныя зданія, мало напоминающія жилые дома. Казармы на пріискахъ Амурско-Приморскаго округа недалеко ушли отъ казармъ въ другихъ нашихъ золотоносныхъ системахъ. Вся ихъ обстановка состоитъ изъ наръ и общаго стола посрединѣ" [1]). Просушиванье мокраго платья около желѣзной печки дѣлаетъ „воздухъ, особенно ночью, когда рабочіе всѣ въ сборѣ, невыносимымъ. Несмотря на это, рабочіе не слушаютъ никакихъ увѣщаній и упрашиваній о перемѣнѣ мѣста просушки своего мокраго платья, по преимуществу изъ-за того только, чтобы не ходить за нимъ утромъ, когда встаютъ, на улицу или въ отдѣльное помѣщеніе. Нельзя не винить въ этомъ отношеніи и золотопромышленниковъ, которые... не устраиваютъ казармъ съ теплыми корридорами, въ которыхъ можно бы просушивать мокрое платье при помощи тѣхъ же желѣзныхъ печей и самыхъ простыхъ приспособленій для вентиляцій. На нѣкоторыхъ промыслахъ устроено правда нѣчто вродѣ галлерей при казармахъ, но эти галлереи къ сожалѣнію заняты кроватями тѣхъ рабочихъ, которые предпочитаютъ чистый холодный воздухъ [2]). Ко всему надо прибавить, что грязь и обиліе насѣкомыхъ присущи казармамъ богатѣйшихъ амурскихъ компаній. Углы казармъ занимаютъ жены и дѣти" рабочихъ. „На обязанности женъ лежитъ забота о чистотѣ казармъ, за что холостые рабочіе платятъ, кажется, повсемѣстно по 1 р. съ человѣка, но платятъ, однако, напрасно, такъ какъ грязь и тяжелый воздухъ преобладаютъ во всѣхъ казармахъ. На мои замѣчанія жены отвѣчали, что, несмотря ни на какія заботы, онѣ не могутъ содержать въ казармахъ чистоту, такъ какъ сами рабочіе ея не любятъ; и мнѣ стоило не мало усилій, чтобы хотя сколько-нибудь повліять на очищеніе казармъ отъ разныхъ насѣкомыхъ". Эти слова г. Оранскаго возбуждаютъ вопросъ, не опасаются ли рабочіе, чтобы при усердной чисткѣ казармъ не исчезло у нихъ быть можетъ припрятанное золото. Въ отчетѣ за 1893 годъ г. Оранскій добавляетъ относительно казармъ русскихъ рабочихъ на амурскихъ промыслахъ, что въ нихъ „окна малы,

---

[1]) Въ отчетѣ г. Оранскаго за 1889 г. прибавлено: „или нѣсколькихъ маленькихъ, стоящихъ у наръ".

[2]) Въ отчетѣ за 1889 г. прибавлено: „кромѣ галлерей, такіе немногіе рабочіе помѣщаются лѣтомъ въ шалашахъ, устраиваемыхъ ими изъ лиственичной коры"... „зимнія казармы отличаются отъ лѣтнихъ тѣмъ только, что въ нихъ увелмчено число желѣзныхъ печей". Въ 1893 г. на пріискахъ Амгунской К° строили двухъ-этажныя казармы съ отдѣльными галлереями для просушки платья и обуви рабочихъ.

полъ земляной". Неудовлетворительность жилищъ рабочихъ видна и изъ словъ горнаго исправника Маркевича, что на плохое состояніе казармъ „неоднократно обращалось вниманіе золотопромышленниковъ. Отсутствіе въ этомъ отношеніи какихъ-либо инструкцій и правилъ крайне стѣсняетъ" и мѣшаетъ принятію какихъ-либо понудительныхъ мѣръ. По мнѣнію Маркевича, очень полезно было бы выработать общій типъ казармъ съ тѣмъ, чтобы съ нимъ соображались при постройкѣ новыхъ и исправленіи старыхъ казармъ [1]). На промыслахъ мелкихъ золотопромышленниковъ рабочимъ „часто приходится строить для себя помѣщенія за неимѣніемъ казармъ и въ этихъ случаяхъ нечего говорить о пригодности новыхъ построекъ для жилья" [2]).

Золотопромышленники пользуются здѣсь полнымъ правомъ монопольной торговли на пріискахъ, которая въ другихъ системахъ, напримѣръ Енисейской, нѣсколько ослабляется допущеніемъ въѣзда вольныхъ торговцевъ. Относительно цѣнъ на припасы и товары мы имѣемъ свѣдѣнія изъ таксъ съ конца 70-хъ до половины 80-хъ гг. и затѣмъ за 1892 г.

Таблица, напечатанная въ приложеніи [3]), показываетъ, что съ 1879 по 1884 годъ цѣны на названные припасы и товары почти не измѣнились, а въ 1892 г. сравнительно съ первой половиной 80-хъ гг. былъ гораздо дешевле сахаръ: вмѣсто 40—60 к. онъ продавался по 26—30 к. за фунтъ; нѣсколько подешевѣлъ и холстъ съ 20—27 к. до 15—25 к. Здѣсь, какъ и въ другихъ системахъ, золотопромышленники пользуются значительными доходами отъ продажи на пріискахъ товаровъ и припасовъ: такъ въ операцію 1891—92 г. Ниманская К° получила отъ этой продажи чистой прибыли 15939 руб. [4]).

Относительно семействъ рабочихъ мы находимъ въ договорахъ золотопромышленниковъ слѣдующія условія. Въ контрактѣ Верхне-Амурской К° 1871 г. сказано: „семействъ своихъ какъ брать съ собою, такъ и вызывать въ тѣ мѣста, гдѣ будемъ производить работы, не имѣемъ права безъ дозволенія управленія дѣлами компаніи или довѣренныхъ отъ него. Женщины, которыя съ надлежащаго разрѣшенія будутъ находиться при насъ, обязаны производить по распоряженію промысловаго управленія разныя работы, собственно женскія, какъ-то: мытье

---

[1]) „Приам. Вѣдом." 1894 г. № 27, Прил. стр. 2—3, № 23, Прил. стр. 2. И въ новѣйшихъ источникахъ мы находимъ упоминанія о „грязныхъ казармахъ, полныхъ клопами". „Вѣстн. Золот.", 1896 г. № 22, стр. 398. Неудовлетворительныя и грязныя казармы на многихъ промыслахъ нашелъ Н. С. Боголюбскій и въ 1895 г. См. его отчетъ, стр. 88, 91. 92, 95, 96, 127, 142, 181.

[2]) „Амур. Газ." 1895 г. № 6, стр. 225.

[3]) См. *Дополненіе XIX*.

[4]) „Вѣст. Золотопр." 1893 г., № 12, стр. 192. Ср. статью „Амурской Газеты", „Эксплоатація потребителей подъ видомъ золотопромышленности", перепеч. въ „Вѣст. Золот." 1896 г. № 22, стр. 397—398.

половъ, бѣлья, уходъ за коровами, огородами, приготовленіе пищи, мытье и починку кулей и т. п.; за все это они получаютъ поштучную, поденную или мѣсячную плату по назначенію пріисковаго управленія. Тѣ изъ нась, кои будутъ исполнять обязанности постоянныя, какъ-то: кухарки, прачки и проч., вправѣ пользоватьея содержаніемъ отъ компаніи... и ежемѣсячнымъ жалованьемъ по назначенію пріисковаго управленія; тѣ же, на коихъ не будетъ лежать такихъ обязанностей, содержанія отъ компаніи не получаютъ и обязаны платить К° по 4 р. въ мѣсяцъ, получая за то половинное отъ пріисковъ продовольствіе въ сравненіи съ рабочими... За ослушаніе, дурное поведеніе, пьянство, буйство и проч. женщины могутъ быть немедленно удаляемы съ мѣста работъ и высылаемы съ пріисковъ". По договору съ тою же К° 1883 г., назначено за такое же содержаніе женщинъ уже по 6 руб. въ мѣсяцъ. По договору съ тою же К° 1886 г. женщины получали за эту плату только муку, въ количествѣ, выдаваемомъ рабочимъ мужского пола. По договору съ Ниманскою К° 1883 г., если кто изъ рабочихъ приведетъ съ собою женщинъ или дѣтей безъ предварительнаго на то разрѣшенія, то онѣ „препровождаются обратно на счетъ виновнаго, причемъ управленіе, кромѣ того, можетъ назначить за нарушеніе этого пункта контракта штрафъ до 25 руб. Со всѣхъ женщинъ, которымъ дозволено пребываніе на промыслахъ, но на которыхъ не возлагается постоянныхъ обязанностей, „пріисковое управленіе вычитаетъ по 10 р. въ мѣсяцъ", причемъ онѣ получали одну яичную муку—до 1½ п. въ мѣсяцъ. За дурное поведеніе женщины могли подвергнуться или высылкѣ съ пріисковъ на счетъ тѣхъ рабочихъ, съ которыми онѣ пришли, или штрафу отъ 3 до 10 р.! По договору съ Зейскою К° (первой половины 80-хъ гг.), въ случаѣ разрѣшенія привести съ собою семейство, рабочій принималъ на себя всѣ расходы по доставкѣ его на промыслы и вывозу обратно. За содержаніе женщинъ, не несущихъ постоянныхъ обязанностей, полагалась плата по 7 р. въ мѣсяцъ за муку, крупу и соль въ томъ количествѣ, въ какомъ эти продукты отпускались рабочимъ.

Жены рабочихъ на пріискахъ Верхне-Амурской К° получали въ 1877 г. половинную порцію продовольствія сравнительно съ ихъ мужьями, со взносомъ за это по 6 р. въ мѣсяцъ. Въ 1883 г. по отчету горнаго исправника на пріискахъ Ниманской К° женщины, занятыя лишь во временныхъ работахъ (мытье половъ, починка кулей), получали поденной платы 50 к. и винную порцію; но за содержаніе ихъ вычиталось по 40 к. въ день. Г. Оранскій въ своемъ отчетѣ за 1889 г. говоритъ: „за содержаніе такихъ женщинъ, которыя не исполняютъ никакихъ по пріиску обязанностей, съ мужей ихъ удерживается 6—10 р. въ мѣсяцъ, причемъ онѣ получаютъ изъ пріисковыхъ магазиновъ одну только муку наравнѣ съ рабочими" [1]). Такія женщины занимаются обыкновенно приготовленіемъ пищи для холостыхъ рабочихъ, шитьемъ и починкою ихъ платья и мытьемъ бѣлья и заботятся о содержаніи въ чистотѣ рабочихъ казармъ, за что получаютъ плату отъ самихъ рабочихъ. „Въ общемъ женщина на пріискахъ цѣнится высоко, какъ работница на

[1]) Въ 1895 г. за содержаніе неработающихъ женщинъ вычитали отъ 5 до 15 р. *Н. Богомбскій*, 8, 22, 126, 162.

мужчинъ, и, даже торгуя собой, она не опускается до состоянія проститутки, а какъ бы снисходитъ до печальной необходимости выйти за предѣлы обычной морали. Вы тутъ не встрѣтите, даже въ дни отдыха тѣхъ сценъ, какія рабочій продѣлываетъ въ городахъ съ продажными женщинами", хотя иногда и здѣсь изрѣдка практикуется ужасный обычай „помочей", о которомъ мы упоминали въ главѣ объ Олекминскихъ промыслахъ. Нормальною платою за обладаніе пріисковой красавицей считается „наперстокъ золота" [1]).

Въ контрактахъ амурскихъ золотопромышленниковъ, какъ и въ другихъ системахъ, рабочіе обязывались повиноваться пріисковому управленію, не дозволять себѣ грубостей и дерзостей, во-время являться на работу, беречь инструменты, не обращаться жестоко съ лошадьми и не увѣчить ихъ.

По договорамъ Верхне-Амурской К° 1871 и 1883 гг., пріисковое управленіе за несвоевременный выходъ на работу могло назначать штрафы за каждый просроченный часъ по 20 к. (въ случаѣ же экстренныхъ работъ за каждый просроченный часъ по 50 к. [2]), а за неявку на работу, самовольную отлучку, лѣность, пьянство, неповиновеніе, драку и буйство могло штрафовать „по своему усмотрѣнію", или предать рабочихъ „законной отвѣтственности, какъ нарушителей порядка и контракта". За прогулъ подъ предлогомъ болѣзни (притворной) назначенъ штрафъ въ 3 рубля. Если при переходѣ съ одного пріиска на другой рабочіе будутъ проходить менѣе 25 в. въ день, то также подвергались штрафу по 3 р. въ сутки и, кромѣ того, лишались за это время положенной платы. По договору этой К° 1883 г. за неявку на сборные пункты въ Срѣтенскъ или на пріиски къ назначенному времени К° вправѣ налагать на рабочихъ штрафы отъ 1 до 25 р., смотря по количеству просроченнаго времени [3]). По договору Верхне-Амурской К° 1886 г., за неявку на работы, за самовольныя отлучки, лѣность, пьянство, неповиновеніе, драку, буйство и другіе дурные поступки К° могла налагать штрафы отъ 3 до 10 р. [4]). За каждый часъ, просроченный при явкѣ на работу, Зейская К° по договору 80-хъ гг. могла налагать штрафъ по 30 к., Ниманская К° по договору 1883 г.—по 40 к. и болѣе, Верхне-Амурская К° въ 1895 г.—20 к.

Постановленія контрактовъ о штрафахъ не оставались мертвою буквою. Такъ въ 1890-хъ гг. въ Ниманской К° взыскивались штрафы

---

[1]) „Амурская Газета" 1895 г., № 22, стр. 781.

[2]) По договору съ Ниманскою К° 1883 г. за каждый просроченный часъ назначенъ штрафъ по 1 р.

[3]) Тоже въ договорѣ съ Зейскою К° первой половины 80-хъ гг.

[4]) Тоже и въ 1895 г. (*Н. Богомюскій*, 103), и по договору съ Ниманскою К° 1883 г.

за прогулы отъ 3 до 5 р., въ Зейскихъ КК° отъ 1 до 5 р. [1]). Штрафы, взысканные въ этой К° за утайку золота и торговлю спиртомъ, поступали въ пользу казачьяго отряда на пріискахъ. Губернаторъ Амурской области въ запискѣ 1894 г. свидѣтельствуетъ, что штрафы на мѣстныхъ пріискахъ взимаются въ размѣрѣ 3—10 р.

Всѣ штрафы, установленные договоромъ съ Верхне-Амурскою К° 1886 г., „должны поступать въ пенсіонную кассу для престарѣлыхъ и увѣчныхъ пріисковыхъ рабочихъ, когда таковая будетъ учреждена, а до ея учрежденія на цѣли благотворительныя [2]), въ пользу же компаніи должны поступать только деньги, взысканныя съ рабочихъ за причиненный ими ущербъ, напримѣръ, порчу инструментовъ, увѣчье лошади. Въ Ниманской К° въ 1892 г. взысканная съ рабочихъ сумма за прогулъ (533 р.) поступила въ особый капиталъ, предназначенный на устройство пріюта для престарѣлыхъ рабочихъ [3]).

Кромѣ штрафовъ, въ нѣкоторыхъ компаніяхъ практиковалось еще въ видѣ наказанія лишеніе винной порціи и половинной порціи мяса: такое правило было установлено контрактомъ Зейской К° за грубости и дерзости служащимъ, если артель не накажетъ за это виновнаго [4]). Мѣстная полицейская власть подвергаетъ также рабочихъ аресту [5]).

Самымъ тяжелымъ наказаніемъ для рабочихъ бываетъ, конечно, досрочный разсчетъ. Такъ зимою 1895—96 г. значительная партія рабочихъ была разсчитана Ниманскою К° за пьянство [6]).

Пріиски Амурской и Приморской областей подчинены одному горному ревизору, который носитъ теперь названіе окружного инженера, а въ полицейскомъ отношеніи были раздѣлены на 2 округа—Верхне-Амурскій и Буреинскій, но въ 1894 г. пріиски Приморской области выдѣлены въ особый горно-полицейскій округъ [7]). Горные исправники не всегда, какъ слѣдуетъ, исполняли свои обязанности. Такъ амурскій

---

[1]) „Амур. Газета“ 1895 г. № 22, стр. 781, *Levat*, II, 436.

[2]) Мы нигдѣ не нашли извѣстія, на что употреблялась собираемая такимъ образомъ сумма.

[3]) „Вѣст. Золот.“ 1893 г. № 11, стр. 178; срав. „Восточн. Обоз.“ 1895 г. № 7, стр. 2; *Бацевичъ*, Прил. стр. 5—6.

[4]) „Сибирь“ 1884 г. № 40, стр. 5.

[5]) Въ 1877 г. врачъ Андреенко, при осмотрѣ Алексѣевскаго пріиска Верхне-Амурской К°, нашелъ, что казарма, въ которой помѣщаются казаки,—свѣтлая и чистая комната, а въ углу, отдѣленномъ для арестантовъ, нѣтъ ни наръ, ни скамеекъ.

[6]) „Том. Лист.“ 1896 г. № 17. Въ началѣ 80-хъ гг. по ходатайству главноуполномоченнаго Ниманской К° рабочему, нарушившему контрактъ, было воспрещено пребываніе въ Амурской области (онъ былъ изъ Томской губерніи); эта мѣра была примѣнена администраціею еще къ 9 рабочимъ, замѣченныхъ въ разныхъ безпорядкахъ (сообщ. Л. Ѳ. Пантелѣевымъ).

[7]) „Обзоръ Амур. Обл.“ за 1886—88 гг.; „Вѣстн. Зол.“ 1895 г. № 23, стр. 395.

губернаторъ баронъ Оффенбергъ въ 1878 г. донесъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, что, при осмотрѣ Верхне-Амурскихъ промысловъ, онъ „остался крайне недоволенъ дѣйствіями горнаго исправника Гизетти, допустившаго вкорениться на пріискахъ Верхне-Амурской К° „разныя неисправности“ и „вполнѣ преданнаго не долгу службы, а интересамъ Верхне-Амурской К°. Пристрастныя и различнаго рода произвольныя дѣйствія г. Гизетти по дѣламъ служащихъ К° съ казаками, нерадѣніе его къ обязанностямъ горнаго исправника и непосѣщеніе имъ ни разу Алексѣевскаго пріиска“ заставили командировать туда своего чиновника, и Гизетти „за совокупность его противозаконныхъ дѣйствій“ получилъ строгій выговоръ съ предупрежденіемъ, что на будущій разъ онъ будетъ удаленъ отъ должности. Подчиненныхъ ему казаковъ исправникъ позволялъ себѣ даже подвергать тѣлесному наказанію безъ слѣдствія и суда [1]).

Горные исправники получаютъ отъ золотопромышленниковъ субсидіи, но нѣкоторые изъ нихъ, не довольствуясь этимъ, вымогаютъ отъ золотопромышленниковъ еще большія суммы.

Такъ, мѣстный горный исправникъ, сверхъ установленнаго обычаемъ ежегоднаго пятитысячнаго оклада отъ Ниманской К°, потребовалъ отъ главноуправляющаго ея пріисками еще 5000 р. дополнительныхъ на покупку дома въ Благовѣщенскѣ, получивъ отказъ, сталъ привлекать главноуправляющаго къ слѣдствію по разнымъ дѣламъ. Первое дѣло по жалобѣ одного рабочаго, получившаго ушибы при работахъ на пріискахъ, было первоначально прекращено по докладу того же самаго горнаго исправника и болѣе трехъ лѣтъ лежало безъ движенія, но послѣ отказа въ выдачѣ дополнительной субсидіи было снова возбуждено. Второе дѣло объ умершемъ въ 1889 г. отъ угара въ шахтѣ рабочемъ тоже пролежало болѣе 4 лѣтъ и получило движеніе послѣ вышеупомянутаго отказа. Наконецъ, третье дѣло было возбуждено по поводу отобраннаго при содѣйствіи полиціи у рабочаго, унесшаго съ пріисковъ 1 фунтъ золота, которое будто бы не было передано послѣ этого въ компанію, а утаено главноуправляющимъ. „Привлеченный по этимъ дѣламъ къ отвѣтственности обратился къ приамурскому генералъ-губернатору съ просьбою оградить его отъ вымогательствъ горнаго исправника, а въ окружной судъ подалъ прошеніе объ отводѣ его, какъ явно пристрастнаго слѣдователя, пользующагося обвиненіемъ въ видахъ вымогательства. Никакихъ мѣръ къ отводу отъ производства слѣдствія горнаго исправника однако не послѣдовало, несмотря на то, что самъ исправникъ призналъ фактъ полученія по 5000 р. въ годъ отъ администраціи Ниманскихъ пріисковъ. Оффиціально извѣщенный о поданныхъ на него жалобахъ, горный исправникъ продолжалъ вести слѣдствіе противъ жалобщика съ удвоенной энергіей и, какъ мѣру пресѣченія, постановилъ отдать главноуправляющаго пріисковъ подъ надзоръ полиціи въ г. Благовѣщенскѣ, доставивъ его къ слѣдствію съ мѣста жительства подъ конвоемъ, съ тѣмъ, что если допрошенный не представитъ доказательствъ своей невинности, то будетъ заключенъ

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589, № 259—313, л. 18, 33.

въ благовѣщенскую тюрьму“ [1]). Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы рѣшить, на сколько было невинно пріисковое управленіе въ дѣлахъ о полученіи рабочимъ ушибовъ и о смерти отъ угара въ шахтѣ другого робочаго, но во всякомъ случаѣ характерно, что первое изъ этихъ дѣлъ было сначала совсѣмъ прекращено тѣмъ же горнымъ исправникомъ, а второе лежало нѣсколько лѣтъ безъ движенія до тѣхъ поръ, пока оба дѣла не были возбуждены подъ вліяніемъ чувства недовольства за неудовлетвореніе денежнаго вымогательства. Это—новое лишнее доказательство, какъ ненормально поставлена правительственная администрація на промыслахъ, и какъ необходимо, давъ представителямъ ея достаточное матеріальное обезпеченіе, преслѣдовать ихъ затѣмъ за всякое лихоимство, прикрываемое именемъ субсидій.

Казачья команда на амурскихъ промыслахъ [2]), кромѣ продовольствія и жалованья отъ казны, получаетъ то и другое и отъ пріисковыхъ управленій. Въ 1887 г. въ Верхне-Амурской и Зейской КК° казаки, кромѣ жалованья и кормовыхъ денегъ отъ казны, получали 12—18 р. въ мѣсяцъ отъ компаній и еще доходы въ видѣ вознагражденія въ размѣрѣ 20 р. за каждое конфискованное ведро спирта. Но пріисковая жизнь развращаетъ казаковъ такъ же, какъ и рабочаго, и не увеличиваетъ ихъ благосостоянія [3]). По свидѣтельству мѣстныхъ золотопромышленниковъ, эта низшая пріисковая администрація „до крайней степени неудовлетворительна“. Казачьи общества, при назначеніи казаковъ на промыслы, „нисколько не руководствуются пригодностью и способностями людей, а въ большинствѣ случаевъ стараются сбыть самыхъ неблагонадежныхъ: бобылей, пьяницъ... и вообще тѣхъ, которые надоѣли обществу своимъ поведеніемъ... Казаки эти не только покровительствуютъ продажѣ золота и покрываютъ спиртоносовъ, но даже сами неоднократно попадались въ кражѣ золота. Разумѣется, рабочіе, зная всѣ ихъ продѣлки, держатъ казаковъ въ рукахъ, и послѣдніе не смѣютъ имъ сдѣлать даже простого замѣчанія“ [4]). Амурскій губернаторъ Арсеньевъ также свидѣтельствуетъ (1894 г.), что урядники и казаки совершенно не подготовлены къ выполненію своихъ

---

[1]) По дѣлу о полученіи рабочимъ ушибовъ главноуправляющій былъ привлеченъ къ слѣдствію по 1494 ст. Улож. о Наказ. Благодаря отъѣзду горнаго исправника въ командировку, дѣло было передано другому слѣдователю, который установилъ, что золото, отобранное у рабочаго, было своевременно сдано въ компанію, а затѣмъ въ горную лабораторію и, по его докладу, приамурскій генералъ губернаторъ командировалъ чиновника особыхъ порученій для разсмотрѣнія дѣйствій горнаго исправника. „Русская Жизнь“ 1894 г. № 294.

[2]) Въ 1887 г. на промыслахъ Амурской и Приморской областей было 18 урядниковъ и 88 казаковъ, въ 1890 г. всего 109 человѣкъ, въ 1893 г.—142 человѣка, въ 1894 г.—256 чел.

[3]) Подробнѣе объ этомъ см. въ газетѣ „Владивостокъ“ 1887 г., № 51, стр. 5 и „Приам. Вѣдом.“ 1894 г., № 42, стр. 10.

[4]) „Труды III Хабаров. съѣзда“, стр. 143—144.

обязанностей и „не пользуются среди пріисковаго населенія авторитетомъ... Относясь къ своимъ обязанностямъ чисто формально, дабы не переступить буквы закона, они лишены всякой иниціативы и, въ большинствѣ случаевъ, будучи лишь грамотными, идутъ за разъясненіями при какомъ-либо казусѣ въ пріисковую контору или къ управляющему. Такимъ образомъ, эту единственную фактическую власть на промыслахъ [1]) рабочій привыкъ видѣть на службѣ управленія, а управленіе, изъ суммъ котораго выдается казакамъ жалованье и содержаніе, смотритъ на нихъ, какъ на лицъ, обязанныхъ выполнять его внушенія, если не прямыя распоряженія". Въ какой матеріальной зависимости находятся эти низшіе представители администраціи отъ пріисковыхъ управленій, видно изъ того, что въ 1890-хъ гг. урядники на промыслахъ Амурской области получали отъ золотопромышленниковъ 30—150 р. въ мѣсяцъ, казаки 15—35 р. при готовомъ помѣщеніи и содержаніи [2]).

Въ договорахъ съ Верхне-Амурскою К° 1871 и 1883 гг. рабочіе обязывались трудиться каждый день, исключая первые 3 дня Пасхи и первый день Рождества Христова; затѣмъ во всѣ остальные праздничные дни они должны были выходить на работу безъ всякихъ отговорокъ. Но такъ какъ работать безпрерывно невозможно, то пріисковое управленіе обязалось давать рабочимъ „поочередно каждому за каждый полный мѣсяцъ работы одинъ день отдыха"; если же кто-либо изъ нихъ „проболѣетъ или по какимъ-либо причинамъ пробудетъ безъ работы, то это время должно зачитываться за отдыхъ". Рабочіе, находящіеся на постоянныхъ занятіяхъ и получающіе мѣсячное жалованье, кромѣ плотниковъ (а по договору 1883 г. также и кромѣ кузнецовъ, молотобойцевъ, столяровъ, слесарей и печниковъ), льготными и праздничными днями пользоваться не должны. Въ договорѣ съ Верхне-Амурскою К° 1886 г., вмѣсто 4 праздничныхъ дней, перечислено уже 18, но зато сдѣлана оговорка, что управленіе должно давать 1 день отдыха („поочередно каждому или, если признаетъ возможнымъ, то и всѣмъ работающимъ на пріискѣ вмѣстѣ за одинъ разъ") только въ тѣ мѣсяцы, въ которые не будетъ встрѣчаться указанныхъ праздниковъ, такъ что въ сущности число дней отдыха почти не увеличено [3]). По договору

[1]) Окружной инженеръ и горный исправникъ не всегда успѣваютъ объѣхать горные промыслы въ теченіе цѣлаго года.

[2]) „Приам. Вѣдом" 1894 г. № 27, Прил. стр. 5; *Боголюбскій*, 108. Кромѣ обыкновенныхъ казачьихъ отрядовъ Верхне-Амурская и Зейская КК° содержали вполнѣ на свой счетъ отрядъ конныхъ казаковъ въ 25 человѣкъ для преслѣдованія спиртоносовъ. „Труды III Хабар. съѣзда", 1893 г., стр. 145.

[3]) Разночинцы, состоящіе при постоянныхъ занятіяхъ, не должны были пользоваться льготными днями. Въ Верхне-Амурской К° (а также вѣроятно и другихъ) давалось 8—10 дней отдыха въ сентябрѣ для рабочихъ, остающихся на зиму; въ Нижнеманской К° 3—4 дня. „Амур. Газ." 1895 г. № 22, стр. 779.

съ Ниманскою К° въ 1883 г. количество дней отдыха болѣе чѣмъ въ Верхне-Амурской, а именно праздновались 3 дня Пасхи, Благовѣщенье и 3 дня Рождества, и затѣмъ за каждый полный мѣсяцъ работы давалось 2 дня отдыха; въ договорѣ же Зейской К° (первой половины 80-хъ гг.) праздновались только первые 3 дня Пасхи и первый день Рождества (въ договорахъ Зейскихъ КК° 90-хъ гг. 18 дней) и за мѣсяцъ работы полагался 1 день отдыха (также и въ 90-хъ гг.). Въ контрактахъ Ниманской и Зейской КК° дѣлалась оговорка, что дни прогульные (по какимъ бы ни было причинамъ) зачитывались въ дни отдыха. По свидѣтельству окружного ревизора (1886 г.) лѣтомъ на промыслахъ Амурской и Приморской областей давалось 2 дня на отдыхъ; кромѣ того въ дождливые дни работы иногда пріостанавливались [1]). Амурскій губернаторъ Арсеньевъ также свидѣтельствуетъ (1894 г.), что „установился обычай давать по 2 праздничныхъ дня въ мѣсяцъ, причемъ въ дни большихъ праздниковъ, приходящихся во время работъ приготовительныхъ, команда увольняется вся полностью, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ рабочихъ, которые необходимы для безостановочнаго теченія жизни, т.-е. хлѣбопековъ, конюховъ, сторожей, водовозовъ и т. п., а въ лѣтнее время тѣ же 2 дня отдыха даются рабочимъ артелямъ поочередно“. Въ 1895 г. на разныхъ промыслахъ Амурско-Приморскаго края было въ теченіе года отъ 23 до 39 праздничныхъ и льготныхъ дней [2]). На промыслахъ Ниманской К° поденщинъ въ 1892 г. „льготныхъ по разнымъ причинамъ“ было 7%, т.-е. не многимъ болѣе двухъ въ мѣсяцъ, въ 1893—95 гг. 8—9% [3]).

По оффиціальнымъ отчетамъ о золотопромышленности Восточной Сибири число рабочихъ дней равнялось въ 1879—81 гг. на пріискахъ Амурской области 333—340, въ 1881 г. на пріискахъ Приморской области 150—180 (въ лѣтнюю операцію), въ 1883 г. въ Амурской и Приморской областяхъ 320—347, въ 1887 г. 332—340. Но большинство рабочихъ остается на промыслахъ только на лѣто. „Обыкновенно операція промывки золотосодержащихъ песковъ“, говоритъ г. Бацевичъ, „здѣсь производится въ теченіе 4 мѣсяцевъ съ начала мая до начала сентября и только въ Амгунской системѣ по начало октября. Зимою же ведутся только подготовительныя работы, каковы вскрыша торфовъ, проведеніе канавъ и др., а потому число рабочихъ въ эту пору сокращается болѣе, чѣмъ на половину“ (стр. 150).

Пріисковыя работы весьма неблагопріятно отзываются на здоровьѣ рабочихъ; этого не отрицаетъ и пріисковая администрація. По свидѣ-

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2774, № 169—158, л. 203 об.

[2]) *Боголюбскій*, 13, 23, 32, 63.

[3]) „Вѣстн. Золот.“ 1893 г., № 9, стр. 139, 1896 г. № 12, стр. 238—239.

тельству уполномоченнаго Верхне-Амурской К°, рабочіе выходятъ съ пріисковъ далеко не всѣ вполнѣ здоровыми и чрезъ извѣстный промежутокъ времени нѣкоторые заболѣваютъ иногда очень сильно [1]). Преобладающими болѣзнями на пріискахъ бывали: перемежающаяся лихорадка, болѣзни дыхательныхъ органовъ, цынга, гриппъ, ревматизмъ, ушибы и переломы и „общее недомоганіе отъ работъ“ [2]). Въ графѣ болѣзней на промыслахъ Ниманской К° значится въ 1893 г. и „мышечная усталость“, слѣдовательно переутомленному рабочему давалась изрѣдка возможность отдохнуть нѣсколько дней [3]). Напротивъ въ Верхне-Амурской К° въ 1877 году рабочіе, при посѣщеніи пріисковъ губернаторомъ, „заявили претензію, что во время случающихся болѣзней они употребляются на работу“. Это подтвердилъ и врачъ Андреенко, которому поручено было осмотрѣть пріиски этой компаніи въ санитарномъ отношеніи. На работахъ въ разрѣзѣ онъ видѣлъ больного, у котораго была рана на подошвѣ, требующая медицинскаго пособія и лазаретнаго лѣченія. Тотъ не разъ обращался къ лицу, игравшему на пріискѣ роль фельдшера, но не находилъ у него помощи и не былъ принятъ въ больницу [4]).

Съ какимъ величайшимъ небреженіемъ относятся иногда золотопромышленники къ здоровью рабочихъ, видно изъ слѣдующихъ словъ окружного ревизора Оранскаго. Въ 1884 г. рабочіе, нанятые въ Томской губерніи на промысла Ниманской К°, „прибыли на мѣсто въ числѣ 150 человѣкъ; но большинство изъ нихъ, проработавъ мѣсяцъ на Николаевскомъ пріискѣ, гдѣ подземныя работы чрезвычайно тяжелы, должны были отказаться отъ нихъ, захворавъ обыкновенною въ болотистыхъ мѣстностяхъ болѣзнью—цынгою. Лучшимъ средствомъ противъ цынги служитъ для рабочихъ черемша и дубовая кора, но такъ какъ въ Ниманской тайгѣ ни той, ни другой не имѣется, то больныхъ оставляли на произволъ судьбы, предоставивъ имъ купаться въ рѣчкѣ Олгѣ, вода которой исцѣляетъ будто бы цынгу. „Въ бытность мою въ Ниманской системѣ“, продолжаетъ г. Оранскій, „на Софійскомъ пріискѣ

---

[1]) „Сиб. Сборн.“ 1886 г., кн. II, 131.

[2]) „Приам. Вѣд.“ 1894 г. № 23, прилож., стр. 2; „Амур. Газ.“ 1895 г. № 20, стр. 719; *Levat*, II, 415.

[3]) Такихъ больныхъ въ 1893 г. на пріискахъ Ниманской К° было 132 („Вост. Обозр.“ 1895 г. № 7, стр. 2. „Амур. Газ.“ 1895 г. стр. 781). Вообще же въ Амурской и Приморской областяхъ больныя поденщины на промыслахъ составляли въ 1881—83 гг. 3—5% всѣхъ поденщинъ („Прилож. II къ вып. I Сборн. главн. офф. документовъ по управленію Вост. Сиб. т. VII); въ Ниманской К° въ 1893 г. — 2,4 — 2,7%. „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 12, стр. 238).

[4]) Управляющій пріисками увѣрялъ, будто рабочій самъ не захотѣлъ лѣчиться, желая побольше заработать. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589, № 259—313, л. 12, 18, 39.

въ маленькой грязной избушкѣ помѣщалось 60 человѣкъ томскихъ рабочихъ, больныхъ цынгою; больнымъ и неработающимъ пищевое довольствіе было уменьшено, хотя цынга принадлежитъ къ числу такихъ болѣзней, которыя, не давая возможности работать, не лишаютъ тѣмъ не менѣе аппетита. За все время болѣзни, которая продолжалась ни болѣе ни менѣе какъ 3 мѣсяца, больнымъ рабочимъ не выдавали жалованья, и несчастные томичи принуждены были по окончаніи операціи уйти съ пріисковъ круглыми нищими или же закабалить себя на слѣдующій годъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Не ихъ вина, конечно, что вѣчная сырость на пріискахъ Ниманской К° способствуетъ сильному развитію цынги, которой особенно подвержены вновь прибывающіе, не привыкшіе къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ; наоборотъ, виновато вполнѣ пріисковое управленіе, не позаботившееся о пріобрѣтеніи черемши и дубовой коры“ [1]).

А между тѣмъ, по договорамъ съ рабочими, пріисковыя управленія обязывались оказывать имъ врачебную помощь безвозмездно. Дѣйствительно, съ этою цѣлью было устроено извѣстное число больницъ: въ 1881—87 гг. въ Амурской области было въ пріисковомъ районѣ отъ 10 до 18 больницъ на 175—294 кровати, въ Приморской области 1—2 больницы на 9—22 кровати [2]). Но больницы на нѣкоторыхъ промыслахъ были далеко не удовлетворительны. Врачъ Андреенко, при осмотрѣ въ 1877 г. Алексѣевскаго пріиска Верхне-Амурской К°, нашелъ, что больные рабочіе „помѣщаются временно въ отдѣльномъ зданіи, непригодномъ по причинѣ тѣсноты и неприспособленномъ для этой цѣли“. Больные помѣщались не на кроватяхъ, а на скамьяхъ по стѣнамъ и у печки; отхожее мѣсто находилось внѣ больницы. „Помѣщеніе аптеки вполнѣ неудобное. Замѣтно небрежное обращеніе съ медикаментами: нѣкоторыя банки не только не закупорены, но даже ничѣмъ не покрыты“. Впрочемъ, этотъ врачъ сообщалъ, что на пріискѣ строилась новая удобная больница. Напротивъ, на Иннокентіевскомъ пріискѣ К° Сабашникова онъ нашелъ хорошее помѣщеніе для больныхъ. Амурскій губернаторъ баронъ Оффенбергъ въ томъ же 1877 г. вынесъ весьма неблагопріятное впечатлѣніе при посѣщеніи больницъ Верхне-Амурской К°. Онъ нашелъ, что больные въ лазаретахъ на Джалиндинской пристани и на Васильевскомъ пріискѣ носятъ ветхое и чрезвычайно грязное бѣлье, а больничное бѣлье, хранящееся въ складахъ, сшито изъ самаго грубаго подкладочнаго холста и хорошо не промывается. Главноуправляющій Баснинъ обѣщалъ сшить для больныхъ новое бѣлье. Въ

---

[1]) Дѣло канц. Иркут. Горн. Упр. № 14, т. II.

[2]) Арх. Горн. Деп.; „Горн. Журн.“ 1882 г. № 9, стр. 377; „Прилож. I къ вып. 1 Сборн. глав. оффиц. докум. т. VII“, стр. 19.

1878 г. Верхне-Амурская К° устроила 3 хорошихъ лазарета на своихъ промыслахъ и резиденціи, и членъ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири, посѣтившій больницу на Джалиндинской резиденціи, состоящую изъ 3 просторныхъ и свѣтлыхъ комнатъ, далъ о ней самый лучшій отзывъ [1]). По словамъ горнаго инженера Оранскаго (1886 г.), „медицинская часть на пріискахъ Амурско-Приморскаго округа не можетъ вообще считаться въ цвѣтущемъ состояніи... Я видѣлъ, какъ больные рабочіе Верхне-Амурской К° отправлялись въ особыхъ телѣжкахъ въ г. Благовѣщенскъ, хотя на пріискахъ этой К° есть и докторъ, и аптеки, и больницы, устроенныя какъ нельзя лучше и снабженныя всевозможными медикаментами,—но только на пріискахъ этой компаніи. На пріискахъ Ниманской К° хотя и живетъ постоянный врачъ, но больницы въ 1884 г. представляли самый жалкій видъ. Сырость, грязь, тѣснота въ нихъ влекутъ за собой слишкомъ продолжительное лѣченіе больныхъ“. Но въ то же время г. Оранскій утверждаетъ, что „вообще на пріискахъ Амурско-Приморскаго округа, кромѣ Ниманскихъ, больницы содержатся довольно опрятно, снабжены главнѣйшими медикаментами и необходимыми для поданія первой помощи хирургическими приборами; къ послѣднимъ, впрочемъ, приходится прибѣгать очень рѣдко“ [2]). Черезъ три года г. Оранскій далъ уже совершенно иной отзывъ о больницахъ Ниманскихъ промысловъ; въ отчетѣ за 1889 г. онъ говоритъ: „медицинская часть на Ниманскихъ пріискахъ обставлена весьма удовлетворительно, и въ этомъ отношеніи они занимаютъ не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ компаній Амурскаго округа. Въ 90-хъ гг. въ Ниманской К° было 3 больницы [3]). Г. Бацевичъ нашелъ въ Верхне-Амурской К° „хорошо обставленныя больницы“ (стр. 52, 150).

На промыслахъ Амурской области въ 1879—82 гг. былъ 1 докторъ, въ 1883—91 г. два врача [4]), въ 1893 г.—3 доктора, на Нижне-Дмитріевскомъ пр. Джалиндинской системы, на Иннокентіевскомъ Зейской и на Софійскомъ Ниманской [5]). Въ Приморской области на пріискахъ докторовъ въ это время не было.

Извѣстно, что пріисковые фельдшера сплошь и рядомъ весьма мало пригодны для исполненія своихъ обязанностей. Докторъ Андреенко

---

[1]) Арх. Ир. Горн. Упр. К. 2589, № 259–313, л. 11, 12, 16—18, 29 об., 37—38, 40, 47.

[2]) Стр. 54. Ср. „Приам. Вѣд.“ 1894 г. № 26, стр. 11.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канц. № 39. Въ 1881 г. Ниманская К° тратила на содержаніе больницъ 9228 р., въ 1892 г. почти вдвое болѣе—17411 р. Матеріалы, сообщ. Л. Ѳ. Пантелѣевымъ; „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 12, стр. 192; „Амур. Газета“ 1895 г. № 20, стр. 718.

[4]) На пріискахъ Верхне-Амурской и Ниманской КК° („Обзоры Амур. Обл.“).

[5]) „Приам. Вѣд.“ 1894 г. № 26. Прил., стр. 11.

въ своемъ донесеніи (1877 г.) говоритъ, что Алексѣевскимъ пріискомъ Верхне-Амурской К°, по словамъ управляющаго, завѣдываетъ отставной фельдшеръ Дефинскій, по показанію же рабочихъ благовѣщенскій мѣщанинъ Ромбахъ, у котораго не было никакихъ документовъ, дающихъ право медицинской практики. „Рабочіе единогласно заявили о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ Ромбахомъ больнымъ; обращавшимся за совѣтомъ и лѣкарствами онъ грубо отказывалъ, больныхъ высылалъ на работы". Совсѣмъ другого рода фельдшеръ, по фамиліи Казаковъ, былъ на Иннокентіевскомъ пріискѣ К° Сабашникова: рабочіе не только не заявляли на него никакихъ претензій, а, напротивъ, высказали благодарность за его труды и готовность во всякое время подавать медицинскую помощь [1]). По словамъ г. Оранскаго (1886 г.), фельдшера „нерѣдко въ то же время исполняютъ обязанности смотрителей, матеріальныхъ и другихъ служащихъ въ пріисковыхъ управленіяхъ" [2]). Въ отчетѣ за 1889 г. онъ свидѣтельствуетъ, что лишь на 2—3 пріискахъ съ ничтожнымъ числомъ рабочей команды не имѣется ни больницъ, ни фельдшеровъ; пособіе такимъ больнымъ подается фельдшерами сосѣднихъ пріисковъ или ближайшихъ населенныхъ мѣстъ [3]).

Число заболѣвшихъ на пріискахъ Амурской и Приморской областей составляло въ 1881—3, 85—7 гг. отъ 92 до 146% всѣхъ рабочихъ, въ среднемъ за эти годы 118% [4]); число умершихъ составляло 0,5—1% всѣхъ рабочихъ.

Въ 1893 г. рабочихъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, было въ Амурскомъ округѣ 153, въ Приморскомъ 37; въ 1894 г. въ Амурскомъ—53, въ Приморскомъ 1 [5]).

Въ 1883 г. управляющимъ Ниманскими промыслами Л. Ѳ. Пантелѣевымъ былъ включенъ въ контрактъ съ рабочими слѣдующій параграфъ: „Мы, рабочіе, предоставляемъ управленію компаніи удерживать съ каждаго рубля причитающейся намъ при разсетѣ додачи 1 копейку для образованія капитала на постройку въ г. Благовѣщенскѣ дома для

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2589, № 259—313, л. 38—40, 48.

[2]) То же онъ повторяетъ и въ отчетѣ 1893 г. „Приам. Вѣд." 1894 г. № 26 Прил, стр. 11.

[3]) Въ 1887 г. на пріискахъ Амурской области было 14 фельдшеровъ и 1 акушерка, въ Приморской—2 фельдшера; въ 1893 г. въ Амурской области 29 фельдшеровъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2775, № 208—188, л. 220; „Приам. Вѣдом." 1894 г. № 26, Прил., стр. 11.

[4]) Въ Ниманской К° госпитальные больные составляли 1890—91 гг.—88% всѣхъ рабочихъ, въ 1891—92 г.—93% (эти двѣ операціи совпали съ эпидеміею гриппа), въ 1892—93 гг.—84%, въ 1893—94 гг.—63%. *Н. Богомюбскій*, 53.

[5]) „Приам. Вѣд." 1894 г. № 30, Прил. стр. 4; „Вѣстн. Золот." 1895 г. № 23, стр. 394. Данныя о разныхъ „происшествіяхъ" на промыслахъ за прежнее время см. въ *Добавленіи XX*.

престарѣлыхъ или не могущихъ работать пріисковыхъ рабочихъ; управленіе компаніи съ своей стороны каждогодно вноситъ для этой же цѣли сумму, равную той, какая въ этомъ году будетъ получена отъ рабочихъ“ [1]). Въ томъ же году г. Пантелѣевъ подалъ записку амурскому губернатору, въ которой, приведя указанный параграфъ контракта, говоритъ: „мнѣ кажется, если бы прочія золотопромышленныя компаніи на Амурѣ нашли возможнымъ ввести въ своихъ контрактахъ подобные же параграфы, то года черезъ 2 не трудно было бы приступить къ постройкѣ сначала временнаго пріюта для рабочихъ, а затѣмъ постепенно можно было бы устроить постоянную богадѣльню съ больницею. Денежная додача рабочимъ при разсчетѣ на амурскихъ пріискахъ по меньшей мѣрѣ составляетъ 100000 р. въ годъ, и есть много основаній полагать, что она значительно выше, но даже со 100000 р. ежегодный сборъ дастъ 2000 р. (по 1% съ рабочихъ и по стольку же съ компаній). А такъ какъ золотопромышленность на Амурѣ еще въ началѣ своего развитія, то этимъ сборомъ не только можно обезпечить содержаніе пріюта, но и постепенно образовать фондъ для того времени, когда золотопромышленность на Амурѣ начнетъ упадать; а вмѣстѣ съ нею и заработокъ рабочихъ вслѣдствіе пониженія платы“. Л. Ѳ. Пантелѣевъ предлагалъ амурскому губернатору „циркулярно пригласить амурскихъ золотопромышленниковъ или ихъ представителей высказаться“ по этому предмету, и въ случаѣ благопріятнаго отзыва съ ихъ стороны созвать предварительное собраніе „для дальнѣйшаго направленія дѣла“ [2]). Повидимому, предложеніе г. Пантелѣева не было принято, а съ отѣздомъ его сборы на богадѣльню въ Благовѣщенскѣ прекратились и на промыслахъ Ниманской К°.

Въ „Восточномъ Обозрѣніи“ были высказаны весьма дѣльныя замѣчанія на проектъ г. Пантелѣева, и между прочимъ указано на то, что, по его предложенію, слишкомъ малые платежи должны были пасть на золотопромышленниковъ; затѣмъ, если даже принять общую сумму додачи не въ 100000, а въ 150000 р., то ежегодный сборъ будетъ равняться всего 3000 р. Авторъ замѣчаній полагалъ, что было бы справедливѣе обложить съ тою же цѣлью исключительно золотопромышленниковъ: „2 р. съ годового рабочаго при стоимости его болѣе чѣмъ въ 1000 р. для каждаго золотопромышленника будетъ весьма умѣреннымъ обложеніемъ, а въ итогѣ получится солидная цифра (съ $3^1/_2$ тысячъ рабочихъ на амурскихъ пріискахъ) въ 7000 р.,—сумма, утилизація которой по разбираемому вопросу можетъ дать весьма дѣйствительные результаты“ [3]).

[1]) „Восточн. Обозр.“ 1883 г. № 8, стр. 6.
[2]) „Восточн. Обозр.“ 1885 г. № 22, стр. 2.
[3]) „Восточн. Обозр.“ 1884 г. № 8, стр. 9 11.

Какъ печально въ настоящее время положеніе увѣчныхъ и выработавшихся пріисковыхъ рабочихъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго сообщенія: „Въ г. Николаевскѣ проживаетъ большое число нищихъ. Большинство изъ нихъ бывшіе пріисковые рабочіе, получившіе тяжелыя увѣчья и ставшіе неспособными къ труду". Пріисковыя управленія ограничиваются выдачею этимъ несчастнымъ „единовременнаго пособія отъ 25 до 50 р. Получивъ пособіе, калѣки стекаются въ г. Николаевскъ, становясь не малымъ бременемъ для мѣстнаго общества" [1]). Но бываетъ пособіе и въ значительномъ размѣрѣ: такъ въ Ниманской К°, рабочему, лишившемуся вслѣдствіе несчастнаго случая способности къ труду въ 1890-хъ гг., было выдано 2000 р.; нѣкоторымъ рабочимъ, получившимъ увѣчья, давали мѣста караульныхъ [2]).

Школъ на промыслахъ Амурской области весьма немного. Въ отчетѣ горнаго исправника Верхне-Амурскихъ промысловъ за 1874 г. мы находимъ извѣстіе, что на пріискахъ Верхне-Амурской К° открыта въ этомъ году „первоначальная школа для безплатнаго образованія дѣтей рабочихъ и служащихъ, въ которой въ настоящее время обучается до 20 человѣкъ обоего пола... Обученіе идетъ весьма успѣшно; въ помощь учителю жена управляющаго Васильевскимъ пріискомъ приняла на себя занятія съ дѣвочками, преимущественно рукодѣліемъ, а преподаваніе Закона Божьяго поручено промысловому священнику" [3]). Въ 1886 г. на амурскихъ промыслахъ было 2 школы, содержащихся на счетъ компаніи: одна на Васильевскомъ пріискѣ, другая на Джалиндинской резиденціи Верхне-Амурской К°, но въ слѣдующемъ году онѣ, какъ видно, были перенесены на другіе пріиски. По словамъ „Восточнаго Обозрѣнія" [4]) въ сентябрѣ 1887 г. на Зейскихъ пріискахъ Верхне-Амурской К° было открыто 2 школы съ программой двухклассныхъ народныхъ училищъ. Одна школа на 30 человѣкъ учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ на Зейской пристани, расположенной въ 600 верстахъ отъ Благовѣщенска вверхъ по р. Зеѣ, другая на 60 человѣкъ учащихся на Иннокентіевскомъ пріискѣ той же компаніи. „Школы возникли по иниціативѣ самихъ служащихъ на пріискахъ, содержатся исключительно на средства пріисковаго населенія съ поддержкой отъ мѣстнаго управленія компаніи... Въ школѣ Зейской пристани состоятъ преподаватель и учительница, а въ Иннокентіевскомъ 2 преподавателя и по-

---

[1]) „Восточ. Обозр." 1894 г. № 83, стр. 2.

[2]) „Амур. Газ." 1895 г. № 20, стр. 719—720. См. еще случай крупной помощи, болѣе 3000 р., вдовѣ утонувшаго во время возвращенія съ промысловъ рабочаго Ниманской К°, оставившаго троихъ маленькихъ дѣтей. „Вѣстн. Золот." 1896 г. № 24, стр. 445.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2658, № 167—221, л. 96.

[4]) 1889 г., № 9, стр. 8—9.

стоянная классная дама. Кромѣ того, пріисковое населеніе выбрало изъ своей среды 6 временныхъ классныхъ дамъ для ежедневнаго дежурства въ школѣ, что̀ вызвано необходимостью усиленнаго ухода за дѣтьми, представляющими изъ себя начальные типы маленькихъ заброшенныхъ пріискателей, на которыхъ казарма такъ или иначе уже положила печать арестантскихъ нравовъ... Плата за обученіе дѣтей служащихъ по 50 р. съ каждаго... Дѣти рабочихъ учатся въ школахъ или безплатно, или за самую ничтожную плату, что̀ зависитъ отъ остатковъ школьнаго бюджета. За прошлый учебный сезонъ за рабочихъ было уплачено до 1000 р. изъ средствъ школъ. Несмотря на короткое время существованія школъ, онѣ въ настоящее время уже имѣютъ хорошія библіотеки учебныхъ пособій, снабжены всѣми средствами для наглядnаго обученія, какъ-то: волшебными фонарями, физическими и химическими кабинетами. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ въ школахъ обучаютъ гимнастикѣ и пѣнію". Компанія давала на школы всего 1000 р., между тѣмъ какъ ихъ содержаніе стоило 7000 р. „Учредителемъ и устроителемъ школъ былъ бывшій управляющій пріисками Верхне-Амурской К° А. В. Янчуковскій".

Что двѣ вышеупомянутыя школы на Зейской пристани и Иннокентіевскомъ пріискѣ были учреждены не сверхъ прежде существовавшихъ двухъ школъ Верхне-Амурской К°, а взамѣнъ ихъ, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Оранскаго въ его отчетѣ за 1889 г.: „Несмотря на значительное число дѣтей на пріискахъ въ Амурскомъ округѣ, мѣстные промышленники не особенно озабочены ихъ элементарнымъ образованіемъ. Въ этомъ отношеніи... впереди другихъ идетъ Верхне-Амурская К°. Такъ на Иннокентіевскомъ ея пріискѣ построено училище на 50 человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ, въ которой преподаютъ священникъ и особые учитель и учительница... Такая же школа имѣется на Зейской пристани той-же К° и только. На всѣхъ пріискахъ другихъ владѣльцевъ нѣтъ ни школъ, ни учителей, и дѣти пріисковыхъ рабочихъ лишены возможности получать на мѣстѣ какое-бы то ни было образованіе". Въ 1890 г. въ 2 школахъ Верхне-Амурской К° было 5 преподавателей, въ 1891 г. учащихъ было 4, учащихся 99 человѣкъ. Г. Бацевичъ говоритъ, что на Зейской пристани двухклассная школа, располагающая прекраснымъ просторнымъ помѣщеніемъ, такъ обставлена учебными пособіями, что ей могутъ позавидовать многія школы городовъ центральной Россіи. Дѣти учатся безплатно (стр. 52). Въ 1895 г. на амурскихъ промыслахъ было также только 2 школы Верхне-Амурской К°, но зимою 1895—6 г. открылись еще школы на промыслахъ Амгунской К° и К° Ельцова и Левашова [1]).

[1]) „Вѣстн. Золот." 1896 г., № 5, стр. 106; 1897 г. № 4, стр. 83. О препятствіяхъ устройству чтеній для рабочихъ со стороны мѣстной полиціи см. „Амур. Газ."

Въ 1879 г. съ пріисковъ Амурской области бѣжало 0,2% всѣхъ рабочихъ, въ 1881 г. съ пріисковъ Амурской и Приморской областей 0,6%, изъ нихъ поймано 14% бѣжавшихъ. Въ 1881 г. бѣжало 1,4%, изъ нихъ поймано 15%; если же взять отдѣльно число бѣжавшихъ рабочихъ Приморской области, то окажется, что тамъ они составляютъ 15% всѣхъ рабочихъ. Въ 1882 г. съ промысловъ обѣихъ областей бѣжало 1,3%, въ 1883 г. 0,8%, а съ промысловъ одной Приморской области въ 1882 г. 8%, въ 1883 г. 5%, въ 1887 г. въ обѣихъ областяхъ 0,4%. Такимъ образомъ, на промыслахъ Амурской области процентъ побѣговъ самый ничтожный, а на пріискахъ Приморской области гораздо болѣе значительный.

Средняя заработная плата на пріискахъ Верхне-Амурской К° въ 1871 г., по словамъ амурскаго губернатора, равнялась 265 р. По отчетамъ о золотопромышленности въ Восточной Сибири, средній годовой заработокъ на промыслахъ Верхне-Амурской К° равнялся въ 1879 г. для мужчинъ 329 р., женщинъ 160 р., на пріискахъ Зейской и Ниманской КК°—мужчинъ 287 руб. (сверхъ того за подъемное золото отъ 100 до 600 руб.) женщинъ 90 р. По отчету 1880 г. средній заработокъ на пріискахъ Амурской области равнялся 360 р. для мужчинъ и 125 р. для женщинъ, въ 1881 г. на пріискахъ Приморской области—для мужчинъ 200 р. По отчету горнаго исправника Буреинской системы за 1882 г. средняя заработная плата мужчинамъ на пріискахъ Зейской и Верхне-Амурской КК° равнялась 380 р., женщинамъ около 120 р. въ годъ [1]). По отчету Ниманской К° за 1881 г. средняя плата годовому рабочему равнялась 278 р. По свидѣтельству „Восточнаго Обозрѣнія“ средній годовой заработокъ пріисковаго рабочаго въ Приамурскомъ краѣ въ 1885 г. былъ слѣдующій: въ Верхне-Амурской К° 490 р., у бр. Бутиныхъ на Амгуни 430 р., у Тетюкова (тамъ же) 300 р., въ Зейской и Ниманской КК°—420 р., у Бутиныхъ на Буреѣ 360 р. и на Урушинскихъ пріискахъ 300 р. „Плата большая сравнительно со стоимостью труда въ Европейской Россіи, но рядомъ съ нею на пріискахъ существуетъ страшная дороговизна на все необходимое, и главное—соблазнъ водки“. [2]). Въ оффиціальныхъ обзорахъ Амурской области цифры вознагражденія годовыхъ рабочихъ выше только что приведенныхъ: въ 1887—90 гг. средняя годовая плата рабочаго на пріискахъ Верхне-Амурской и Зейской системъ—500—600 р., Ниманской системы 410—450 р. Въ 1891 г. средняя годовая плата на пріискахъ Верхне-Амурской и Зейской системъ 144—770 р., Ниманской 200—770 р. Въ „Обзорѣ за 1892 г.“ средняя годовая плата показана по отдѣльнымъ компаніямъ, а именно, на пріискахъ Верхне-Амурской, Верхне-Зейской и Джолонской КК° 396 р., Ниманской 420 р., Срѣтенскаго товарищества 350 р., Ельцова и Левашева 420 р., Смотрицкаго 180 р., Долгашева 1056 р. (?), Толмачева 700 р., Сафонова 300 р., Емельянова 246 р. По отчету Иркутскаго Горнаго Управленія за 1893 г. годовой заработокъ рабочаго на промыслахъ Амурской и

1895 г. № 22, стр. 781. О другихъ предположеніяхъ въ этомъ отношеніи см. „Амур. Газ.“ 1896 г., № 2, стр. 53. На Ниманскихъ промыслахъ ежегодно дается спектакль съ благотворительною цѣлью, на который за плату допускаются и рабочіе. „Амурск. Газ.“ 1896 г. № 3, стр. 84.

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2568 № 167—221, л. 178; 2768 № 63—53, л. 495.

[2]) „Восточн. Обозр.“ 1886 г. № 32, стр. 9.

Приморской областей колеблется между 240 и 600 р. Въ бассейнѣ р. Амгуни въ томъ же году, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, средній годовой заработокъ на пріискѣ Тетюкова равнялся 307 р., Приамурскаго Т—ва 360 р., Амгунской К° 519 р. и компаніи Ельцова и Левашева 549 р. [1]).

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ цифръ выше дѣйствительнаго *средняго* годового заработка. По крайней мѣрѣ по словамъ лица, очевидно хорошо знакомаго съ положеніемъ рабочихъ на амурскихъ промыслахъ, „годовой" рабочій, т.-е. нанимающійся на годъ сплошь на зиму и лѣто, не могъ заработать въ концѣ 80-хъ гг. болѣе 500 р. въ годъ. Если же, что́ зачастую бываетъ, онъ попадетъ на разныя работы, въ поторжные или въ прислугу, то разсчитывать болѣе, чѣмъ на 300 р. въ годъ, нельзя" [2]).

Что касается заработка, въ теченіе лѣтней операціи, то, по словамъ г. Оранскаго (1886 г.), можно принять, что въ среднемъ онъ составлялъ на пріискахъ Верхне-Амурской К° около 420 р., на пріискахъ Нижне-Амурскихъ 285 р. [3]), кромѣ платы за подъемное и намытое по окончаніи урочныхъ работъ золото (стр. 51). Но цифры эти нельзя считать средними.

На основаніи отчетовъ горныхъ исправниковъ и другихъ данныхъ [4]), мы можемъ вычислить *средній* заработокъ рабочаго обоего пола въ поденщину на Амурскихъ промыслахъ. Оказывается, что на промыслахъ Верхне-Амурской К° средній заработокъ въ день вмѣстѣ съ подъемнымъ и старательскимъ золотомъ (на хозяйскихъ харчахъ) равнялся въ 1880 г.—1 р. 3 к., въ 1881—1884 г. колебался между 1 р. 12 к. и 1 р. 29 к., въ Ниманской К° въ 1877 г. равнялся 68 к., въ 1878—79 гг.—83 к., въ 1880—81 гг.—91 к., а затѣмъ съ увеличеніемъ уроковъ увеличился и въ 1882—86 гг. равнялся 1 р. 9 к.—1 р. 31 к., въ Зейскихъ КК° въ 1882 г.—96 к., въ 90-хъ гг.—въ среднемъ 1 р. 31 к. [5]), но въ другихъ компаніяхъ заработки были ниже и падали въ 1885—86 г. на пріискахъ Бутиныхъ до 81 к., Тетюкова до 68—69 к. въ день [6]).

---

[1]) „Приам. Вѣдом.", 1894 г. № 30, Прил. стр. 5, № 23, Прил. ст. 1.

[2]) *А. Я—й.* „Отъ Срѣтенска по Шилкѣ и Амуру". „Сибирскій Сборникъ", 1889 г., т. I, 59—60.

[3]) Почти тѣ же цифры указалъ Оранскій и въ отчетѣ за 1889 г.: 450 руб. на первыхъ и 280 р. на вторыхъ пріискахъ, а въ отчетѣ за 1893 г.—400 р. на первыхъ и 350 р. на вторыхъ. „Приам. Вѣд." 1894 г. № 27, Прилож. стр. 1.

[4]) Матеріалы, сообщенные Л. Ѳ. Пантелѣевымъ и Арх. Ирк. Горн. Упр.

[5]) *Levat*, II, 421.

[6]) Арх. Ирк. Горн. Упр. Въ одной мѣстной газетѣ мы находимъ указаніе, что на пріискѣ бр. Бутиныхъ по р. Амгуни мѣсячный заработокъ рабочаго вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ—до 40 р., на промыслахъ Верхне-Амурской К° 65—70 р., въ Ниманской К° до 45 р. Такъ какъ лѣтняя операція продолжается 4 мѣсяца, то слѣдовательно весь лѣтній заработокъ равняется въ этихъ компаніяхъ 160 р., 260—280 р. и 180 р., „Владивостокъ", 1886 г., № 2, стр. 3. Въ другой газетѣ мѣсячный заработокъ лѣтомъ опредѣляется въ 30—70 р. „Амур. Газета" 1895 г., № 6, стр. 224.

На основаніи данныхъ о среднемъ заработкѣ въ 1 день повидимому очень легко вычислить, что могъ зарабатывать рабочій, трудившійся на промыслахъ цѣлый годъ; но эта цифра будетъ нѣсколько выше дѣйствительной, такъ какъ она получена какъ среднее изъ заработковъ всѣхъ рабочихъ, а большинство ихъ работаетъ только лѣтомъ и получаетъ плату болѣе высокую, чѣмъ зимою. Точно также если мы раздѣлимъ общую сумму заработка рабочихъ, указываемую въ отчетахъ горныхъ исправниковъ, на число рабочихъ, то получимъ сумму, которая будетъ менѣе заработка годового рабочаго и больше операціоннаго заработка, хотя и ближе къ этому послѣднему. Вычисленный такимъ образомъ средній заработокъ на промыслахъ Верхне-Амурской К° равнялся въ 1881 — 84 гг. 241 — 248 р., на пріискахъ Зейской К° въ тѣ же годы 183—224 р., Ниманской К° въ 1882—86 гг. 200—314 р., на пріискахъ бр. Бутиныхъ въ 1883—85 гг. 170—225 р., на пріискахъ Тетюкова въ 1885 — 86 гг. 98 — 117 р., въ 1892 г. въ Ниманской К° равнялся 328 р., на всѣхъ амурскихъ промыслахъ (Верхне-Амурской и Буреинской системы) средній заработокъ рабочаго равнялся въ 1885 г. 245 р., въ 1886 г.—233 р. [1]).

На основаніи тѣхъ же отчетовъ горныхъ исправниковъ мы можемъ вычислить, какъ распредѣляется заработокъ рабочихъ на задатокъ при наймѣ, заборъ на пріискахъ и додачу. Оказывается, что въ 1881—86 и 1892 — 93 гг. на различныхъ пріискахъ сумма, выданная въ задатокъ, составляла отъ 6 до 33% всего заработка, отосланная съ пріисковъ на подати и семейства равнялась 2 — 16%, выданная на руки деньгами, вещами и припасами во время работъ 24 — 76% (тамъ, гдѣ выдача на пріискахъ деньгами и припасами показана отдѣльно, выдача деньгами равняется 7—29%, товарами 35—49%), наконецъ, додача составляетъ 10 — 40% заработка [2]). Изъ этого видно, какую значительную часть заработка рабочіе получали на пріискѣ товарами и какъ невелика была додача [3]).

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 37—45, л. 422, 452—453; К. 2768, № 63—53, л. 205, 491, 492, 494, 496; К. 2769 № 58—68, л. 679—681; К. 2771, № 110—100, л. 68, 771. „Обзоръ Ам. обл. за 1885 г.“, стр. 11, тоже за 1886 г., стр. 17, 20; Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2772, № 135—124, л. 301, К. 2774, № 169—158, л. 160, 163—164; „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 11, стр. 178.

[2]) См. *Дополненіе XXI.*

[3]) Мы имѣемъ мало данныхъ о дѣйствительномъ размѣрѣ додачи на Амурскихъ промыслахъ. Въ 1872 г. средняя додача на промыслахъ Верхне-Амурской К° равнялась 95, а самая большая доходила до 400 р. (въ 1874 г. до 440 р.) (Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2549, № 126—171, л. 170, К. 2568, № 167—221, л. 178), но нужно помнить, что нерѣдко большая додача бываетъ результатомъ работы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Полученный нами выводъ, что додачи составляютъ лишь 10 — 40% всего заработка рабочихъ, заставляютъ насъ съ большою осторожностью отнестись къ слѣдую-

Часть рабочихъ не только не получаетъ никакой додачи, но остается еще въ долгу. Въ 1874 г. на промыслахъ Верхне-Амурской К° остались должными 41 человѣкъ [1]) (преимущественно больные и подлежащіе воинской повинности) на сумму 2400 р. Въ 1881 г. осталось въ долгу за рабочими, неявившимися, бѣжавшими, умершими, больными и разсчитанными по неспособности въ разныхъ компаніяхъ отъ 1 до 3% всей суммы, выданной рабочимъ. Въ 1885 г. долги, оставшіеся за рабочими на промыслахъ Ниманской К°, составляли 4% всей суммы, выданной рабочимъ, на пріискахъ Бутиныхъ 3%.

Относительно рабочихъ, оставшихся въ долгу, мы находимъ въ контрактахъ условія, вродѣ слѣдующаго: „если по разсчету кто-нибудь изъ насъ останется должнымъ компаніи, то должникъ обязывается остаться долѣе контрактнаго срока до времени отработки долга или, если управленіе согласится уволить должника съ пріисковъ, то онъ обязанъ дать обязательство въ уплатѣ своего долга компаніи въ теченіе не долѣе одного года и въ томъ, что если долга этого онъ не уплатитъ, то обязанъ явиться для отработки его компаніи въ слѣдующую операцію“ [2]).

Получая обыкновенно на пріискахъ небольшую додачу, рабочіе стремятся увеличить свой заработокъ незаконнымъ способомъ, а именно, кражею золота. На третьемъ Хабаровскомъ съѣздѣ (1893 г.) было заявлено, что „кража эта существуетъ въ большей или меньшей степени на каждомъ пріискѣ, но едва ли она достигаетъ гдѣ-нибудь большихъ размѣровъ, чѣмъ въ Приамурскомъ краѣ“. Рабочіе похищаютъ золото съ открытыхъ разрѣзовъ и промывальной машины „не только ночью, но и днемъ, особенно въ льготные отъ работъ дни“. Сбыть краденое золото не трудно у мелкихъ золотопромышленниковъ, занимающихся такими аферами [3]). Въ Благовѣщенскѣ и другихъ мѣстахъ на Амурѣ

щему свидѣтельству г. Бацевича: „теперь самое обыкновенное явленіе, что рабочій послѣ лѣтней операціи (!) возвращается съ 200—300 р., а люди, пробывшіе года 2 на пріискахъ выносятъ и по 500—600 р.“ (стр. 151). Въ 1894 г. на пріискѣ Т-ва Ельцова и Левашева Амгунской системы средняя додача равнялась 73 р. *Н. Богомобскій*, 25.

[1]) Всего рабочихъ въ компаніи въ эту операцію (1873—74 г.) было зимою около 700, лѣтомъ 1350 человѣкъ.

[2]) Договоръ съ Верхне-Амурской К° 1871 г.; по контракту съ нею же 1883 г. должники обязывались оставаться до отработки долговъ.

[3]) На томъ же Хабаровскомъ съѣздѣ было сообщено, что „разнаго званія люди, пріобрѣтя право на золотопромышленность, т.-е. запасшись дозволительнымъ свидѣтельствомъ, предпочитаютъ исканію новыхъ золотыхъ розсыпей простое хищеніе золота съ чужихъ заявленныхъ площадей... Пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ занимать каждую свободную мѣстность“, они „стараются обыкновенно захватить какую-нибудь площадь вблизи работающагося пріиска. Утвердившись здѣсь, они занимаются

пріисковые рабочіе продаютъ вынесенное съ промысловъ золото и китайцамъ [1]).

Къ 10 сентября обыкновенно оканчивается промывка золота, и въ этотъ день производится разсчетъ рабочихъ [2]). Ниманская К°, въ отчетѣ за 1892 г., сообщаетъ, что пріисковое управленіе не мѣшало рабочимъ оставлять работы до наступленія контрактнаго срока, принимая во вниманіе, что многіе изъ рабочихъ, въ особенности же семейные и изъ дальнихъ губерній, разсчитывались ранѣе, чтобы возвратиться домой лѣтомъ, когда можно проѣхать на пароходахъ. Такое благодушіе компаніи объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что въ этомъ году она нанимала рабочихъ безъ задатковъ и слѣдовательно, работая на пріискахъ, они не могли быть въ долгу, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что теперь предложеніе труда на амурскихъ промыслахъ въ это время превышало спросъ.

Что касается мѣста разсчета, то по договору съ Верхне-Амурскою К° (1871 г.) оно могло выдать рабочимъ деньги на пріискахъ, на пристани, или въ Горбицѣ, или въ Срѣтенскѣ (въ позднѣйшихъ договорахъ этой К° о мѣстѣ разсчета не упоминается). Напротивъ, по договору съ Ниманскою К° (1883 г.) управленіе могло выдать рабочимъ деньги тамъ, гдѣ оно само назначитъ; по договору съ Зейскою К° (первой половины 80-хъ гг.) деньги выдаются „по усмотрѣнію управленія“ въ Благовѣщенскѣ, Черняковой или Срѣтенскѣ. Выдача денегъ во время операціи по просьбамъ рабочихъ или высылка ихъ родственникамъ зависѣла по контрактамъ отъ усмотрѣнія управленія.

По словамъ г. Оранскаго въ отчетѣ за 1889 г., „на тѣхъ пріискахъ, гдѣ число рабочихъ ничтожно..., рабочіе разсчитываются и получаютъ деньги на мѣстѣ въ пріисковыхъ конторахъ; тамъ же, гдѣ рабочая команда большая, разсчетъ хотя производится на пріискахъ, но деньги получаются рабочими въ Благовѣщенскѣ или на Джалиндинской пристани по ордерамъ, выдаваемымъ пріисковыми конторами“. Г. Оранскій объясняетъ это тѣмъ, что перевозить большія суммы по тайгѣ на пріискѣ опасно, а также тѣмъ, что на пріискахъ рабочіе могутъ спустить значительную часть заработка спиртоносамъ. „Конечно,

---

покупкой краденаго золота... главнымъ образомъ у рабочихъ этого сосѣдняго съ нимъ пріиска, что извѣстно и административнымъ лицамъ“. „Труды III Хаб. съѣзда“, 1893 г. стр. 147, ср. 66—67, 151; срав. „Вост. Обоз.“ 1895 г., № 12, стр. 2.

[1]) „Труды III Хаб. съѣзда“, стр. 148, 153; „Сиб. Сборн.“ 1889 г., вып. I, 47. Бываютъ случаи, что рабочіе, выносящіе золото съ пріисковъ, запрятываютъ его даже въ задній проходъ.

[2]) Впрочемъ, въ Ниманской К° промывка оканчивается 10—20 сент. „Вѣстн. Зол.“ 1893 г. № 9, стр. 139, въ Амгунской системѣ иногда и позднѣе, въ Хинганской на пріискахъ Т-ва Рубинова и К°—10 октября. *Боголюбскій*, 178.

и въ Благовѣщенскѣ остается въ кабакахъ достаточно денегъ, полученныхъ пріисковыми рабочими, но покупать водку въ кабакѣ и у спиртоносовъ въ тайгѣ не все равно, потому что тамъ бутылка ея стоитъ 8—10 р., т.-е. за 4—5 бутылокъ рабочій отдаетъ иногда всѣ деньги, полученныя имъ при разсчетѣ“ [1]).

И здѣсь, какъ и въ другихъ золотопромышленныхъ системахъ, значительная часть заработка пропивается рабочими „или на самомъ пріискѣ, или на дорогѣ, причемъ обираніемъ рабочаго не брезгуютъ сами пріисковые довѣренные и служащіе“ [2]). По словамъ г. А. Я. (1889 г.), „на Джалиндинской пристани производится разсчетъ рабочихъ—выдача денегъ по квитанціямъ какъ рабочимъ близъ лежащихъ пріисковъ, такъ и зейскимъ, прибывающимъ сюда съ Зеи осенью на пароходахъ. Во время разсчета здѣсь скопляется до 1500 человѣкъ. Пароходы останавливаются только на сутки. За эти сутки купцы успѣваютъ однако сбыть, что возможно... Водка, конечно, первый продуктъ, золото лучшая уплата, а у пріискателей всегда найдется малая толика краденаго“ [3]).

Благовѣщенскъ оживляется весною и осенью при проходѣ рабочихъ. Ради удовлетворенія ихъ потребностей, стѣсняемыхъ незначительнымъ количествомъ женщинъ на промыслахъ, въ Благовѣщенскѣ проституція развита въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. „Лучшія улицы заняты домами терпимости. Потребность такова, что даже Японія пришла на помощь, и въ Благовѣщенскѣ открытъ цѣлый рядъ японскихъ домовъ терпимости“ [4]).

Относительно возвращенія рабочихъ съ амурскихъ промысловъ мы находимъ слѣдующія постановленія въ контрактахъ. Въ договорѣ Верхне-Амурской К° 1871 г. сказано: „тѣ изъ насъ, которые, по истеченіи срока сему условію, не пожелаютъ остаться въ работахъ, обязаны по окончаніи работъ немедля слѣдовать съ пріисковъ на пристань К° или въ Албазинскую станицу по указанію промысловаго управленія. Оттуда К° обязана отправлять насъ на пароходѣ до Срѣтенска, выдавая намъ на время пути потребное количество сухарей по $2^1/_2$ ф. и мяса по 1 ф. въ сутки [5]), или взамѣнъ мяса на приварокъ и квартиры по 15 коп. въ сутки и особо на весь рейсъ по $^1/_4$ кирпича чаю на человѣка. Если же пароходъ не будетъ имѣть возможности дойти до Срѣтенска, то можетъ высадить насъ въ одномъ изъ селеній на р. Шилкѣ, но во всякомъ случаѣ не

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. Почти буквально то же повторяетъ г. Оранскій и въ отчетѣ за 1893 г. „Приам. Вѣдом.“ 1894 г. № 27, Прил. стр. 3—4.

[2]) „Восточ. Обозр.“, 1886 г. № 32, стр. 10. О кутежѣ въ Благовѣщенскѣ по полученіи разсчета см. „Сибирь“ 1882 г. № 48, стр. 6.

[3]) „Сиб. Сборн.“ 1889 г., вып. I, стр. 47.

[4]) „Вост. Об.“ 1893 г. № 28, стр. 5.

[5]) Въ дѣйствительности въ 1871 г. выдавалось по $1^1/_2$ ф. мяса. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549 № 126—71, л. 170.

ближе станціи Покровской". Въ договорѣ съ тою же К° 1883 г. сказано, что тѣ изъ рабочихъ, которые будутъ разсчитаны ранѣе или позднѣе срока, не имѣютъ права вывоза ихъ на пароходахъ, но получаютъ дорожное продовольствіе; разсчитавшіеся же до срока по своему желанію, хотя и съ согласія управленія, лишаются и дорожнаго пайка. По договору съ тою же К°, 1886 г. пріисковое управленіе сверхъ дорожнаго продовольствія обязалось выдать на путевые расходы работавшимъ на Джалиндинскихъ пріискахъ по 5 р., а на Зейскихъ по 10 р. [1]). Въ договорѣ Ниманской К° (1883 г.) иныя условія: „по окончаніи срока контракта, *выходъ* съ мѣста работъ въ г. Благовѣщенскъ, и по полученіи окончательнаго разсчета вообще всякія обязательства по настоящему контракту прекращаются": слѣдовательно, компанія не обязывалась вывозить рабочихъ. По договору Зейской К° (первой половины 80-хъ гг.) выдача провизіи послѣ разсчета могла быть замѣнена денежнымъ вознагражденіемъ приблизительно отъ 10 до 15 р., смотря по цѣнамъ на припасы; отъ пріисковъ до Лунгинскаго склада рабочіе обязывались идти пѣшкомъ, а оттуда К° должна была отправить ихъ на пароходѣ до Срѣтенска.

Въ 1871 г. рабочіе Верхне-Амурской К° стали съ 1 сентября выходить для разсчета на Джалиндинскую пристань небольшими партіями. Нѣсколько десятковъ человѣкъ, слабыхъ и неспособныхъ къ работѣ, были разсчитаны 4-го, а остальные 13—18-го сентября. Рабочіе были отправлены на 3 пароходахъ одинъ за другимъ, причемъ послѣдняя партія, выѣхавшая 18-го числа, должна была высадиться по мелководью въ Покровкѣ [2]). Въ 1879 г. выходъ рабочихъ Ниманской К° былъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, такъ какъ разсчетъ былъ произведенъ 1 октября; рабочіе были отправлены отъ Усть-Умальты до Пайканскаго склада на лодкахъ, а оттуда шли до Благовѣщенска пѣшкомъ. Въ 90-хъ гг. рабочіе Ниманской К° спускались на лодкахъ по Буреѣ въ Амуръ до ст. Иннокентьевской, гдѣ садились на проходящій пароходъ или плыли въ лодкахъ по Буреѣ до первыхъ деревень (Бахирево, Киселевка), а потомъ сухопутнымъ трактомъ ѣхали на свой счетъ до Благовѣщенска [3]). Въ 1880 г. рабочіе съ Зейской К°, выйдя съ пріисковъ 11 сентября, шли пѣшкомъ до Инарагдинскаго склада на р. Зеѣ, затѣмъ плыли на лодкахъ и плотахъ до Лунгинскаго склада, а оттуда до Благовѣщенска и Срѣтенска на пароходахъ. Рабочіе энергично отстаивали свои права на вывозъ ихъ съ пріисковъ на пароходахъ, какъ видно, между прочимъ, изъ разсказа золотопромышленника Шанявскаго [4]). Въ половинѣ 90-хъ гг. крупныя компаніи вывозили рабочихъ на парохо-

---

[1]) *Бацевичъ*, Прилож., стр. 7—8.

[2]) Послѣдніе получили по 3 р. 20 к. на человѣка, по 34 ф. сухарей, по 12 ф. мяса и по 1/3 кирпича. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 170—171.

[3]) „Амур. Газ." 1895 г. № 21, стр. 749.

[4]) См. „Сибирь", 1885 г. № 34. О вывозѣ рабочихъ въ 1893 г. см. „Приам. Вѣдом.", 1894 г., № 27, прил., стр. 4.

дахъ на свой счетъ въ Благовѣщенскъ, а нанятыхъ въ Забайкальѣ—въ Срѣтенскъ [1]).

При выходѣ рабочихъ, какъ и въ другихъ системахъ, дѣло не обходилось безъ кутежей [2]); но, по словамъ г. Бацевича, „прежній типъ безобразника-пріискателя мало-по-малу исчезаетъ; по заявленію служащихъ, нравственный обликъ пріисковаго рабочаго значительно измѣнился къ лучшему. Въ настоящее время уже не слышно о тѣхъ безобразіяхъ, которыя сопровождали въ недалекомъ прошедшемъ выходъ пріисковыхъ рабочихъ послѣ разсчета... [3]). Прежде не справлялись съ качествами рабочихъ и завѣдомо дурныхъ людей брали, лишь бы только имѣть ихъ въ достаточномъ количествѣ. Въ послѣдніе же годы... предложеніе повысило спросъ на столько, что явилась возможность выбирать“ (стр. 151).

Часть рабочихъ послѣ осенняго разсчета вновь нанимается на пріисковую работу на весь годъ послѣ отдыха отъ 3 до 10 дней. „Существуютъ уже тысячи людей, которые сдѣлались буквально неспособными къ другой“ работѣ „и только годны и полезны на пріискахъ въ глухой тайгѣ“ [4]).

---

[1]) „Амур. Газета“ 1895 г. № 6, стр. 224.

[2]) См. „Вост. Обоз.“ 1886 г. № 5, стр. 9.

[3]) Хотя, конечно, бываютъ случаи прокучиванія всего заработка. См. „Амур. Газ.“ 1895 г., стр. 752, 782—783.

[4]) „Амур. Газета“ 1895 г., № 22, стр. 779; № 13, стр. 459; № 23, стр. 809.

ГЛАВА VIII.

Ссыльно-каторжные и вольнонаемные рабочіе на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ послѣ 1861 года.

Въ 1861 г. мастеровые Нерчинскихъ заводовъ и золотыхъ промысловъ получили свободу отъ обязательныхъ работъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и алтайскіе мастеровые; но и послѣ того многихъ изъ нихъ нужда заставляла продолжать прежнія работы уже по вольному найму [1]). Если мастеровые превратились по большей части въ вольнонаемныхъ рабочихъ на кабинетскихъ и частныхъ золотыхъ промыслахъ, то все-таки на кабинетскихъ промыслахъ остался еще значительный контингентъ обязанныхъ рабочихъ, а именно—ссыльно-каторжные: въ 1864 г. ихъ было на нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ 2608 чел. [2]). Каторжные эти распредѣлялись главнымъ образомъ между Карійскими промыслами, гдѣ въ половинѣ 60-хъ гг. ихъ было около 1200 чел., и Шахтаминскими, гдѣ въ 1862 г. считалось около 1300 чел. [3]). Въ 80-хъ годахъ ссыльно-каторжные (въ томъ числѣ и государственные преступники) были уже сосредоточены на Карійскихъ промыслахъ, гдѣ кабинетъ обязанъ былъ давать работы каторжнымъ, хотя бы и безъ выгоды для себя [4]). Въ 1885 г. на Карійскихъ промыслахъ работало около 1800 чел. каторжныхъ; всего же съ женами и дѣтьми, добро-

---

[1]) *Багашевъ.* „Письма изъ Приаргунья“. „Сборникъ газеты Сибирь“, т. I, 249, „Владивостокъ“ 1887 г. № 5, стр. 3.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1663, № 99—161, л. 130.

[3]) *Максимовъ.* „Сибирь и каторга“, I, 106, II, 226. Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 1638, № 8, л. 72.

[4]) *М. Герасимовъ* въ „Спб. Вѣд.“ 1881 г. № 103.

вольно послѣдовавшими за мужьями, было 2507 чел. [1]). Къ 1882 г. государственныхъ преступниковъ-каторжанъ было 123 человѣка, но ихъ уже не высылали въ это время на работы въ разрѣзахъ [2]). Съ 1885 г. каторжныхъ вообще все менѣе и менѣе употребляли на пріисковыя работы и въ началѣ 90-хъ гг. уже вовсе не наряжали на нихъ [3]).

Вольнонаемные рабочіе нанимались управляющими золотыхъ промысловъ и особо командированными для этого довѣренными. Когда, въ августѣ 1861 года, управляющій Бальджинскимъ промысломъ, поручикъ Шестаковъ, просилъ М. С. Корсакова, исправляющаго должность иркутскаго генералъ-губернатора, объ утвержденіи представленнаго имъ контракта для найма рабочихъ, то Корсаковъ отвѣчалъ ему, что „договоры съ рабочими должны быть заключаемы на точномъ основаніи правилъ, изложенныхъ въ 2484 и 2494 ст. Устава Горнаго и сообразно порядку, существующему на частныхъ золотыхъ промыслахъ, и мѣстнымъ обстоятельствамъ“ и что онъ можетъ заключать ихъ самъ [4]). По отчету о нерчинскихъ промыслахъ 1883 г., наемъ рабочихъ начинался въ послѣднихъ числахъ сентября и продолжался до марта; онъ производился въ Читинскомъ, Нерчинскомъ, Нерчинско-Заводскомъ и Верхнеудинскомъ округахъ, а частью въ городѣ Иркутскѣ особо командированными довѣренными, а также и промысловымъ управленіемъ послѣ разсчета команды, большею частью на зимнія работы. Какъ и въ другихъ мѣстахъ, рабочіе нанимались или на годъ, или отдѣльно на лѣтнія и зимнія работы [5]).

Мы имѣемъ два договора (одинъ 70-хъ, другой—80-хъ гг.) для найма рабочихъ на нерчинскіе кабинетскіе промысла. До 1861 г. на Бальджинскомъ промыслѣ вольныхъ рабочихъ нанимали съ 1 марта до 15 сентября; управляющій промысломъ Шестаковъ назначилъ вмѣсто этого срокъ работъ съ 1 апрѣля до 1 октября „для избѣжанія производства работы въ самое худое время, въ теченіе марта мѣсяца“ [6]). Въ договорѣ найма на нерчинскіе промысла 80-хъ гг. сохраненъ этотъ

---

[1]) *Kennan*, Sibirien. Verlag von Reclam, II, 51. Данныя о всемъ числѣ рабочихъ и количествѣ добытаго золота на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ см. въ *Дополненіи XXII*.

[2]) *Kennan*, II, 108, *Ажучинъ*, „Матеріалы“ т. I, *Мигила*, „Въ дали“, 314.

[3]) „Забайкалье. Кратк. истор. геогр. и статист. очеркъ Забайк. обл.“ Изд. Забайк. обл. статист. комит. 1891 г., стр. 99. „Десять лѣтъ тому назадъ только на Карѣ на одной машинѣ работала часть изъ каторжныхъ, а теперь давно и въ поминѣ ихъ нѣтъ“. „Степной Край“ 1895 г. № 46, стр. 3.

[4]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1496, № 139—218, л. 1—3.

[5]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 322, *Эйхвальдъ*, „Кратк. очеркъ золотого производства Нерчинск. Горн. Окр.“ „Горн. Журн.“ 1868 г. № 11, стр. 206.

[6]) Окончаніе промывки золота 1 октября назначено и по „Рабочему положенію нерчинскихъ промысловъ 1876 г.“. Иркутскъ 1880 г.

срокъ—1 октября. Въ отличіе отъ договоровъ частныхъ золотопромышленниковъ, которые предоставляютъ себѣ право разсчитать рабочихъ по своему усмотрѣнію до срока найма, въ контрактѣ кабинетскихъ промысловъ 70-хъ гг. сказано: „мѣстное управленіе безъ согласія нашего не можетъ отказать намъ въ работѣ до срока, а въ случаѣ увольненія выдаетъ намъ содержаніе не въ зачетъ за три мѣсяца, а если до срока наемки кому либо изъ насъ остается пробыть менѣе трехъ мѣсяцевъ, то выдаетъ ему содержаніе только до того срока; но если же кто изъ насъ будетъ обвиненъ въ преступленіи, или уже въ работахъ по повторительной лѣности и дурному поведенію терпимъ быть не можетъ, тотъ, по засвидѣтельствованію о томъ артельною расправою, увольняется безъ вознагражденія во всякое время". Промысловое управленіе имѣло также право прекратить договоръ ранѣе срока вслѣдствіе непредвидѣнныхъ несчастныхъ случаевъ, какъ, напр., падежа лошадей, пожара и проч. Въ договорѣ 80-хъ гг. этотъ пунктъ измѣненъ не въ пользу рабочихъ: по этому контракту, промысловое управленіе не имѣло права разсчитать до срока рабочаго, „незамѣченнаго въ предосудительныхъ поступкахъ", но признать поведеніе рабочаго „предосудительнымъ" зависѣло не отъ артельной расправы, какъ въ договорѣ 70-хъ гг., а отъ усмотрѣнія управленія: „если кто будетъ замѣченъ въ лѣности, нерадѣніи, грубомъ обхожденіи съ лицами промысловаго надзора и другихъ предосудительныхъ поступкахъ, то промысловое управленіе, смотря по мѣрѣ виновности, или увольняетъ виновнаго вовсе отъ работъ *безъ всякаго вознагражденія* [1]), о чемъ даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ знать въ надлежащее сословное управленіе, или переводитъ рабочаго, по своему усмотрѣнію, на другой изъ промысловъ Кабинета Его Величества". Въ случаѣ болѣе поздняго прихода на промыселъ, чѣмъ назначено въ контрактѣ, по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, рабочіе по договору 70-хъ гг. должны были представить удостовѣреніе „подлежащей власти, т.-е. священника, полиціи, волостного или станичнаго правленія того мѣста, гдѣ послѣдовала остановка" [2]), а за неявку безъ уважительныхъ причинъ назначался штрафъ. Подобное же постановленіе есть и въ договорѣ 80-хъ гг., въ которомъ назначенъ штрафъ за каждый просроченный день. Дорожнаго пайка рабочимъ не выдавалось ни при слѣдованіи ихъ на промысла, ни при обратномъ путешествіи [3]).

По рабочему положенію нерчинскихъ золотыхъ промысловъ 1876 г.,

---

[1]) Даже не пояснено, что это должно означать: безъ вознагражденія за время, оставшееся до срока найма.

[2]) Изъ правилъ о наймѣ рабочихъ на сиб. золот. промыслы, составл. прилож. къ Уставу о золотопромышленности 1870 г.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 322 об.

предписано было рабочимъ „честнаго званія“ давать задатки „на таежныхъ промыслахъ“ не болѣе 80-ти рублей, а на прочихъ—до 60 руб., ссыльно-поселенцамъ на всѣхъ промыслахъ—до 30 руб. и только въ крайнемъ случаѣ—до 50 рублей [1]). При наймѣ рабочихъ осенью 1875 г. управленіе кабинетскихъ промысловъ выдавало задатки отъ 50 до 70 рублей. Въ 1882 г. задатки поселенцамъ равнялись 30—60 руб., лицамъ „честнаго званія“ 40—100 руб., въ 1883—84 гг. первымъ 25—60 руб., вторымъ 60—100 руб. [2]). По оффиціальнымъ отчетамъ, средній размѣръ задатка въ 1882 г. равнялся 42 руб., въ 1883 г.—51 руб., въ 1884 г.—56 руб. [3]).

Въ 1884 г. начальникъ нерчинскаго округа сдѣлалъ очень важное и полезное распоряженіе: воспретилъ нанимать рабочихъ моложе 18-ти и старше 60-ти лѣтъ [4]).

Въ 1883 г. не явилось на кабинетскіе промысла 4% всѣхъ нанятыхъ рабочихъ, въ 1884 г.—5%. Нанятые рабочіе иногда не являлись потому, что на пути нанимались къ мѣстнымъ жителямъ во время полевыхъ работъ за плату въ одинъ рубль въ день: очевидно, они находили полевыя работы болѣе легкими сравнительно съ промысловыми.

По договору 70-хъ гг. отъ усмотрѣнія управляющаго зависѣло перевести рабочихъ „съ одного промысла на другой въ свободное отъ работъ время“ безъ вознагражденія за этотъ переводъ, по договору же 80-хъ гг. разрѣшалось переводить рабочихъ лишь съ одного стана на другой того же промысла.

„Въ случаѣ сильнаго ненастья“, сказано въ договорѣ 80-хъ гг., „работы могутъ быть пріостановлены не иначе, какъ съ разрѣшенія управляющаго съ тѣмъ, чтобы тѣ дни отработать въ дни льготные“ [5]).

Въ праздники и воскресные дни, какъ и у частныхъ золотопромышленниковъ, рабочіе обязывались работать за исключеніемъ двухъ дней въ мѣсяцъ, назначаемыхъ для отдыха по усмотрѣнію пріисковаго управленія. Въ договорѣ 80-хъ гг. прибавлено, что въ число этихъ

---

[1]) Мин. Имп. Двора предписалъ въ 1876 г. давать задатки не болѣе 50 руб., но, какъ, видно приходилось давать и болѣе этой суммы. Онъ предписалъ также, чтобы при наймѣ ссыльно-поселенцевъ на кабинетскіе золотые промыслы уплата 2 р. 50 к. въ экономическій капиталъ и на устройство осѣдлости ссыльно-поселенцевъ производилась на счетъ рабочихъ, что противорѣчило законамъ (см. выше т. I этого труда стр. 79, 171). „Рабочее положеніе нерчинск. зол. промысл. Каб. Е. В. 1876 г.“. Ирк. 1880 г.

[2]) „Сибирь“ 1875 г. № 22, стр. 3, Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2768, № 63—53, л. 420, 2769, № 58—68, л. 322 об.

[3]) Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2768. № 63—53, л. 417 об., 2769, № 58—68, л. 312 об., 2761, № 110—100, л. 372 об.

[4]) „Сибирь“ 1885 г. № 1, стр. 8.

[5]) Подобное же правило и въ договорѣ 70-хъ гг.

льготныхъ дней не входятъ слѣдующіе праздники: первые два дня Рождества, первые два дня Пасхи, дни тезоименитства Государя, Государыни и Наслѣдника, дни Вознесенія, Преображенія, Богоявленія и Благовѣщенія, въ которые рабочіе освобождаются отъ работъ сверхъ двухъ льготныхъ дней; слѣдовательно, по этому договору рабочіе могли имѣть всего 35 дней отдыха въ годъ.

По договору 80-хъ гг. работа должна была продолжаться съ 5 час. утра до 8 вечера съ промежутками на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ не болѣе двухъ часовъ, т.-е. продолжительность рабочаго дня равнялась 13 часамъ; если же промысловое управленіе найдетъ нужнымъ назначать рабочихъ на ночныя работы, то они должны были трудиться съ 7 час. вечера до 5 час. утра съ отдыхомъ въ теченіе одного часа, т.-е. продолжительность ночной работы равнялась 9 часамъ. По договору 70-хъ гг. также допускались ночныя работы „по промывкѣ золота“, при чемъ рабочіе обязывались выполнить такой же урокъ, какъ и при дневной работѣ, слѣдовательно, по контракту 70-хъ гг. ночная работа должна была быть продолжительнѣе, чѣмъ по договору 80-хъ гг. По „Рабочему Положенію нерчинскихъ золотыхъ промысловъ 1876 г.“ весною (съ 1 апрѣля по 1 мая) полагалось 8 рабочихъ часовъ въ день, лѣтомъ съ 1 мая по 1 октября—по 10 часовъ въ день, осенью съ 1 октября по 16 ноября—по 8 часовъ и зимою съ 16 ноября по 1 апрѣля—по 6 час. въ день. Въ контрактахъ, какъ мы видѣли, назначалась для вольныхъ рабочихъ большая продолжительность рабочаго дня. Каторжные рабочіе на Карѣ работали зимою съ 7 час. утра до 5 час. вечера, лѣтомъ съ 5 час. утра до 7 вечера, при чемъ значительная часть этого времени употреблялась на ходьбу изъ тюрьмы до разрѣзовъ [1]).

Какъ и на частныхъ промыслахъ, вольнонаемные рабочіе могли оставлять работу ранѣе назначеннаго въ договорѣ часа, если ими былъ выполненъ урокъ.

На Бальджинскомъ промыслѣ, по договору 1861 г., въ будни 5 рабочихъ при 2 лошадяхъ должны были вырабатывать на торфахъ 2 саж. въ счетъ хозяйскаго урока и $^1/_2$ саж. въ старанье, а на пескахъ на то же количество полагалось 6 чел. при 3 лошадяхъ. [2]) Урокъ этотъ не всегда могъ быть выполненъ, и нерѣдко не по винѣ рабочихъ: „отъ недостаточной подготовки промысла техническими работами именно по торфамъ“, писалъ управляющій Бальджинскаго промысла въ 1861 г., „нерѣдко встрѣчается или мерзлый грунтъ земли, или до того трудная для работъ порода, что выработать двѣ сажени торфовъ въ одинъ день пятью человѣками нѣтъ никакой возможности“. А между тѣмъ за недоработку урока въ будни производили вычетъ по оцѣнкѣ старательской платы [3]). Въ половинѣ

[1]) *Kennan*, „Sibirien“, II, 64.
[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1496 № 132—218, л. 1 об.
[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. Ibid. л. 1.

60-хъ гг. на выработку 1 куб. саж. торфа назначалось пѣшихъ отъ 5 до 7 чел., конныхъ отъ 2 до 4 чел. при 1—1,5 лошади съ таратайкою. При вѣчной мерзлотѣ почвы добычу торфа производили здѣсь зимою, такъ какъ только въ мерзломъ состояніи онъ легко добывался кайлою при помощи клина и молота; весною, когда протаютъ находящіеся подъ торфомъ наносные пласты, ихъ добывали, по мѣрѣ протайки, слоями. При этомъ старались, чтобы все нужное пространство золотосодержащаго пласта было непремѣнно освобождено отъ торфовъ къ іюлю мѣсяцу; въ противномъ случаѣ не весь пластъ успѣвалъ протаять въ то время, когда производилась промывка, и долженъ былъ остаться невынутымъ до слѣдующаго года. На выработку одной куб. сажени золотосодержащаго пласта, смотря по дальности подвозки къ машинѣ и трудности добычи, задолжалось пѣшихъ рабочихъ отъ 4 до 6 чел., конныхъ отъ 2 до 4 чел. при 1 лошади съ таратайкою [1]). Въ 80-хъ гг., по договору этого времени, размѣръ уроковъ былъ значительно увеличенъ. Съ 1 мая по 1 сентября артель изъ 7 чел. при 3 лош. должна была вырабатывать на торфахъ и пескахъ по 4 куб. саж., получая плату и въ томъ, и въ другомъ случаѣ по 1 р. 50 к. за каждую куб. сажень. За сверхурочную работу плата была назначена повышенная: на торфахъ за первую сажень 2 рубля, за вторую—3 р. 50 к; на пескахъ за первую сажень 2 руб. 50 коп., за вторую—3 р. 50 к. Съ половины сентября по ноябрь и съ 1 апрѣля по 1 мая одну куб. саж. должны были добыть $2^1/_2$ чел. и 1 лошадь. При работахъ пѣшихъ, съ относкою земли на носилкахъ, съ 1 мая по 1 сентября, 4 чел. должны были вырабатывать одну куб. саж., получая за нее 2 руб., а за сверхурочную работу—за первую сажень 3 р., за вторую 4 руб. [2]). Съ 1 ноября по 1 апрѣля, при пѣшей работѣ и относкѣ земли на носилкахъ, рабочіе обязывались вырабатывать одну куб. саж. 4-мя чел., получая плату по 2 руб. за сажень, а за сверхурочную работу—за первую сажень 3 руб., за вторую 4 руб. [3]).

На Бальджинскомъ промыслѣ въ 1861 г., въ случаѣ недоработки урока, соотвѣтственный вычетъ производился изъ старательской платы: если рабочій въ будній день не дорабатывалъ $^1/_2$ саж. хозяйскаго урока, то вмѣсто 36 коп. съ него вычитали 1 рубль старательской платы, за пески вмѣсто 41 коп. удерживали 1 р. 50 к. По предложенію управляющаго, поручика Шестакова, порядокъ этотъ былъ отмѣненъ и вычетъ стали производить по расцѣнкѣ урочной, а не старательской платы [4]). Но позднѣе, на другихъ нерчинскихъ промыслахъ, мы вновь встрѣчаемъ вычетъ по разсчету старательскаго вознагражденія. По до-

---

[1]) *Эйхвальдъ*, стр. 195, 196, 198, 207—208. Такой же урокъ былъ назначенъ и по рабочему положенію 1876 г.

[2]) „Въ тѣхъ случаяхъ, когда назначенный урокъ невыполнимъ, какъ при производствѣ работъ въ пластахъ глинистыхъ и каменистыхъ, въ кловучей породѣ и почвенныхъ пескахъ, промысловое управленіе, соображаясь съ качествомъ пласта, измѣняетъ положеніе, назначаетъ другой, соотвѣтствующій работамъ урокъ, въ чемъ составляетъ удостовѣряющій актъ за подписомъ двухъ лицъ промысловаго надзора и одного выборнаго отъ команды рабочихъ“.

[3]) На Шахтаминскомъ промыслѣ въ 1886 г. за урочную сажень платили 15 к., а за старательскую 2 р. „Владивостокъ“ 1886 г. № 2, стр. 4.

[4]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1496, № 132—218; л. 1.

говору 70-хъ гг., за невыработку урока въ теченіе недѣли и неявку отъ одного до семи дней условлено было требовать работы въ льготные дни или вычитать изъ старательской и задѣльной платы вдвое противъ платы, положенной за ту же работу [1]). За неявку на работу болѣе 7 дней рабочій, по договору 70-хъ гг., подвергался законной отвѣтственности, какъ за побѣгъ.

На Бальджинскомъ промыслѣ въ 1861 г. ежедневно нѣкоторое количество рабочихъ увольнялось на отдыхъ „по уважительнымъ причинамъ, а именно, вслѣдствіе изнуренія и маловажныхъ болѣзней, но въ томъ и другомъ случаяхъ по строгому освидѣтельствованію лѣкаря“ въ присутствіи управляющаго промысломъ или его помощника. Съ людей, уволенныхъ такимъ образомъ на отдыхъ, работа, потерянная въ будній день, вычиталась по оцѣнкѣ старательскаго труда. По ходатайству управляющаго, Шестакова, въ этомъ году было разрѣшено, по примѣру частныхъ промысловъ Чикойской системы, за тѣ дни, въ которые рабочій, вслѣдствіе изнуренія или незначительной болѣзни, былъ уволенъ на отдыхъ, взысканія съ него никакого не дѣлать, тѣмъ болѣе, что за нерабочій день платы не производилось [2]).

Существовала также на промыслахъ для нѣкоторыхъ работъ и поденная плата: на Бальджинскомъ промыслѣ въ 1863 г. на вспомогательныхъ техническихъ работахъ платили въ будни 10—15 коп., за праздничную поденщину 50 коп.—1 руб., на работахъ по промывкѣ песковъ—въ будни 50 коп., въ праздники 1 р. 25 к.

На Бальджинскомъ промыслѣ въ 1863 г. плата за самородки съ 60 коп. за золотникъ была повышена до 80 коп. Въ половинѣ 60-хъ гг. платили за подъемное золото на нерчинскихъ промыслахъ по 1 руб. за золотникъ [3]). Въ началѣ 70-хъ гг. плата за золотникъ золота равнялась 1 р. 50 к. [4]), а по договорамъ 70-хъ и 80-хъ гг. за золотникъ подъемнаго золота была назначена плата по 2 руб., но только при

---

[1]) Двойной вычетъ производился и въ 1884 г. „Сибирь“ 1884 г. № 45, стр. 7. По договору 80-хъ гг. назначенъ вычетъ за недоработку въ полтора раза, и то лишь въ томъ случаѣ, если она произошла не отъ нерадѣнія, а отъ трудности работы или другихъ причинъ, не зависящихъ отъ рабочаго. За неявку на работу былъ назначенъ штрафъ по 1 р. за день отлучки или отработка по окончаніи контрактнаго срока. Въ 1884 г. рабочимъ было предложено, получивъ обратно деньги, вычтенныя за недоработку, отработать недоработанное количество послѣ 15 октября. „Сибирь“ 1885 г., № 1, стр. 8.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 1496, № 132—218, л. 1.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1661, № 68—101, л. 7 об.; *Мишла*, „Въ дали“, 256—261.

[4]) „Памятная книжка Забайк. Обл.“ 1871 г., „Очеркъ Забайкалья“, стр. 97.

окончательномъ разсчетѣ. Однако, на Шахтаминскомъ промыслѣ въ половинѣ 80-хъ гг. платили 1 р. 15 к. [1]).

Мастеровые и разночинцы обыкновенно получали мѣсячное жалованье. На Бальджинскомъ промыслѣ въ 1861 г. плата конюхамъ, пекарямъ и поварамъ вмѣсто 7 руб. была опредѣлена въ 11 руб., но зато они были лишены старательской платы въ 50 коп. [2]). Въ 1863 г. на томъ же промыслѣ артельный староста получалъ лѣтомъ жалованья въ мѣсяцъ 15 руб. вмѣсто 12 руб., конюхи, бычники и шорники 11—18 руб., сторожа—по 8 руб. (вмѣсто 7-ми), повара и пекаря 13—15 руб.; соотвѣтственно увеличенію лѣтняго жалованья уменьшено было зимнее [3]). Въ половинѣ 60-хъ гг. мастеровые получали въ мѣсяцъ жалованья отъ 7 до 25 руб., прочіе разночинцы 5—20 руб., надворные работники 4 р. 50 к.—12 р. [4]). Въ 1883 г. на нерчинскихъ промыслахъ кузнецы получали 15—30 руб., плотники и пильщики 13—30 руб., чернорабочіе 5—30 руб. [5]).

Экстренныя работы, въ случаѣ наводненія, пожара и проч., рабочіе, какъ и вездѣ на промыслахъ, должны были исполнять во всякое время, не исключая и льготныхъ дней; за это въ 70-хъ и 80-хъ гг. имъ полагалась небольшая плата: по договору 80-хъ гг. не ниже 40 коп. зимой и 50 коп. лѣтомъ за поденщину.

22 марта 1861 г. М. С. Корсаковъ предписалъ Нерчинскому Горному Правленію сообразить и немедленно донести, „нельзя ли употреблять тюремныхъ арестантовъ въ свободное отъ казенныхъ уроковъ время, за надлежащимъ конвоемъ, на старательскія земляныя работы... съ выдачею денегъ трудящимся на руки, за вычетомъ только расходовъ: назначенныхъ по табели, на пищу и одежду“. Вслѣдствіе этого, Нерчинское Горное Правленіе предписало Шилкинской горной конторѣ назначать на старательскія работы арестантовъ въ томъ размѣрѣ и съ тою платою, какая была указана въ смѣтѣ на 1861 г., чтобы покрыть передержку на ихъ содержаніе (передержка на каждаго арестанта равнялась 6 р. 45 к.). Что касается выдачи денегъ на руки, то Нерчинское Горное Правленіе, хотя и признало, что это „единственная побудительная причина старательскихъ работъ для арестантовъ“, но нашло, что эта мѣра не соотвѣтствуетъ 294 ст. XIV т. Св. Зак., по которой собственныя деньги выдаются въ руки ссыльнокаторжнымъ

---

[1]) Вслѣдствіе такой низкой платы за подъемное золото на нерчинскихъ промыслахъ было сильно развито хищеніе и тайный сбытъ его. См. *Максимовъ*. „Сибирь и каторга“ I, 256—261, *Мишла*, 363—364.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1496, № 139—218, л. 1 об.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1661, № 68—101, л. 4.

[4]) *Эйхвальдъ*, стр. 207.

[5]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2769, № 58—68, л. 320 об.

только тогда, когда они получатъ позволеніе жить внѣ острога. „Старательская работа для арестантовъ, содержаніе которыхъ обязательно для заводоуправленія, не представляетъ для нихъ ничего привлекательнаго, такъ какъ деньги за нея во всякомъ случаѣ должны поступать въ уплату долговъ, о которыхъ они мало заботятся, между прочимъ и потому, что большая ихъ часть, высидѣвъ въ тюрьмѣ опредѣленный срокъ, при первой возможности дѣлаютъ побѣги, вновь оставляютъ долги и являются въ тѣ же тюрьмы подъ новыми именами. Выводъ арестантовъ на работы вольностарательныя возможенъ только въ праздничные дни съ отягощеніемъ военнаго караула, сосчитаннаго лишь по крайней необходимости, или потребуется добавленіе конвоя съ расходомъ на него. Въ будничные же дни оставленіе арестантовъ на работахъ свыше времени обыкновенныхъ смѣнъ не совпадаетъ съ правилами военнаго караула, о чемъ уже возникали неоднократно вопросы". Контора Шилкинскаго горнаго округа въ отвѣтъ на предписаніе Нерчинскаго Горнаго Правленія, донесла 8 мая 1862 г., что предписаніе это препровождено ею для исполненія какъ къ приставамъ Карійскихъ и Лунжанкинскаго промысловъ, такъ и къ смотрителямъ тюремъ и принято ими къ руководству, но расходы на содержаніе арестантовъ не могутъ быть покрыты заработкомъ на старательской работѣ, такъ какъ у арестантовъ вообще очень мало свободнаго времени отъ казенныхъ работъ, и хотя въ нѣкоторые праздничные дни они не работаютъ, но имъ необходимъ отдыхъ отъ тяжелыхъ лѣтнихъ работъ. Поэтому на Верхнекарійскомъ промыслѣ арестанты совсѣмъ не производили вольностарательскихъ работъ, на промыслахъ же Нижнекарійскомъ и Лунжанкинскомъ хотя они и занимались этими работами, но въ самомъ незначительномъ размѣрѣ. На первомъ изъ нихъ заработанныя деньги были обращены на улучшеніе арестантской пищи, а на второмъ въ теченіе лѣта 1861 года было заработано только 96 руб.; изъ нихъ часть употреблена на погашеніе артельныхъ арестантскихъ долговъ, а остальныя выданы на руки работавшимъ [1]).

28 ноября Кабинетъ извѣстилъ испр. должн. генералъ-губернатора Восточной Сибири Корсакова, что министръ Двора согласился на то, чтобы производить ссыльно-каторжнымъ задѣльную плату сообразно съ количествомъ произведенной ими работы и по цѣнамъ, установленнымъ для вольнонаемныхъ работъ, „но выдавать эту плату не на каждаго преступника отдѣльно, а на всю рабочую артель, и заработанныя ею деньги употреблять на содержаніе всей артели, въ которой могутъ быть и полносильные, и слабые работники". Мѣра эта „можетъ быть полезна и въ томъ отношеніи, что устранитъ уклоненіе отъ работъ,

[1]) Арх. Ирк. Гор. Упр. К. 1639, № 21—135, л. 58, 64—65.

подъ предлогомъ слабости силъ, преступниковъ лѣнивыхъ", такъ какъ товарищи, трудясь за нихъ, этого не допустятъ [1]). Корсаковъ предписалъ исполнять мѣру, разрѣшенную министромъ Двора, но вмѣстѣ съ тѣмъ довелъ до свѣдѣнія предсѣдателя Кабинета, что, по его мнѣнію, употребляя всю заработную плату на содержаніе рабочей артели и не выдавая часть этой платы на руки трудящимся, нельзя будетъ вполнѣ достигнуть желаемой цѣли возбужденія полезнаго труда и улучшенія нравственности ссыльно-каторжныхъ [2]).

Вольнонаемные рабочіе получали на нерчинскихъ промыслахъ въ 60-хъ гг. слѣдующее продовольствіе въ мѣсяцъ: яричной муки по 2 п. 10 ф., крупы 7 1/2 ф., мяса 30 ф., сала 1 ф., соли 3 ф., чаю 1/4 кирпича; кромѣ того, спирта по 2/10 ведра на каждаго въ теченіе лѣтнихъ работъ, слѣдовательно, 20 винныхъ порцій [3]). Изъ контракта 80-хъ гг. видно, что въ это время было назначено рабочимъ ржаной муки менѣе, а именно, 2 п., крупы болѣе—10 ф., говядины съ потрохами зимою, по прежнему, 30 ф., а лѣтомъ, съ 1 марта по 1 октября, по 1 п. 5 ф., кирпичнаго чаю 1/2 кирпича (вѣсомъ не менѣе 1 ф.); порція спирта должна была выдаваться по усмотрѣнію управленія. Изъ отчета же 1884 г. видно, что въ это время на каждаго выдавалось ржаной муки отъ 2 п. до 2 п. 10 ф., топленаго сала 1—1 1/4 ф., спирту въ мѣсяцъ 4/100 ведра, т.-е. четыре раза по одной порціи въ льготные дни, въ торжественные праздники, въ ненастные дни и за переработку уроковъ [4]). Въ договорахъ 70-хъ и 80-хъ гг. было сказано, что отъ управляющаго зависитъ, кормить ли рубочихъ изъ общей артельной кухни, или выдавать имъ припасы на руки. Изъ отчетовъ за 1883—84 гг. видно, что продовольствіе выдавалось рабочимъ на руки, кромѣ яричной муки, изъ которой хлѣбопеки пекли хлѣбъ въ пекарняхъ подъ наблюденіемъ промысловаго управленія и артельныхъ старостъ [5]). Стоимость содержанія годового рабочаго равнялась въ половинѣ 80-хъ гг. 86 рублямъ [6]).

[1]) Арх. Комит. Министр., дѣло Сиб. Комит. 1861 г. № 210.

[2]) Арх. Иркут. Горн. Управл. К. 1639, № 21—135, л. 68.

[3]) *Эйхвальдъ*, стр. 207.

[4]) Такъ какъ вина этого оказалось недостаточно, то рабочіе пріобрѣтали его тайно. До 1869 г. продажа вина распивочно и на вынось дозволялась не ближе 20 верстъ отъ промысловъ, но затѣмъ разстояніе это было увеличено до 50 верстъ. Вслѣдствіе этого на Нерчинскомъ заводѣ, находящемся въ 30 верстахъ отъ одного промысла, развелось корчемство, и оптовые склады стали производить раздробительную продажу. *Багашевъ*, стр. 255. Въ первой половинѣ 80-хъ гг. Главное Тюремное Управленіе ходатайствовало объ увеличеніи этого разстоянія до 90 верстъ для нерчинскихъ промысловъ, такъ какъ на нихъ работали каторжные. „Моск. Вѣд." 1885 г. № 109.

[5]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 321 об.

[6]) См. статью *М. Герасимова* въ „Спб. Вѣд." 1881 г., № 103.

Начальникъ иркутскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ за 1873 г. утверждалъ, что „на всѣхъ казенныхъ промыслахъ въ Сибири какъ содержаніе рабочихъ, такъ и распоряженія мѣстныхъ ближайшихъ управленій дѣлаются гораздо хуже противу частныхъ промысловъ“ [1]). Начальникъ же Нерчинскаго горнаго округа увѣрялъ, будтобы жандармскій офицеръ (по поводу волненія на промыслахъ Сабашниковыхъ) сказалъ, что „если частные золотопромышленники примѣнятъ кабинетскій основной и общій для всѣхъ его промысловъ контрактъ, то многіе золотопромышленники останутся отъ добычи золота въ убыткѣ“ [2]). Въ дѣйствительности же контракты нерчинскихъ кабинетскихъ промысловъ мало отличались отъ контрактовъ частныхъ золотопромышленниковъ, но все-таки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ правила кабинетскихъ промысловъ были для вольнонаемныхъ рабочихъ выгоднѣе.

Продовольствіе ссыльно-каторжныхъ и въ началѣ 60-хъ гг. оставалось въ томъ же размѣрѣ, какъ было установлено Озерскимъ въ 1852 г. (см. т. I, стр. 310). Въ 1861 г. Нерчинское горное правленіе просило дозволенія Корсакова, во избѣжаніе увеличенія на арестантахъ долговъ, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на мясо, отпускать имъ вмѣсто положенныхъ $^3/_4$ ф. мяса по $^1/_2$ ф. на человѣка въ сутки. Но Корсаковъ на это не согласился [3]). Судя по свидѣтельству г. Максимова, пищевой паекъ арестантовъ былъ въ 60-хъ гг. увеличенъ: „каждому арестанту полагается“, говоритъ онъ, „по фунту мяса лѣтомъ и по $^3/_4$ ф. въ прочее время, $^1/_4$ ф. крупы“ (по положенію 1852 г. $^1/_8$ ф.) „и 10 золотниковъ соли“ (по положенію 1852 г. 8 зол.). „Правда“, продолжаетъ г. Максимовъ, „что они ѣдятъ и щи, и картофель, и лукъ, но все это покупается на собственныя арестантскія деньги, зарабатываемыя въ праздничные дни. На это же идутъ и тѣ деньги, которыя получаются артелями за перевозку тяжестей на артельномъ рогатомъ скотѣ, и тѣ проценты, которые накопляются съ разныхъ ссудъ, выдаваемыхъ частнымъ лицамъ изъ артельной экономической суммы (въ 1860 г. остатки ея простирались до 2781 руб.). Весь доходъ тюрьмы“ (Карійскихъ и Лунжанкинскаго промысловъ) „состоитъ изъ платы арестантамъ въ праздничные дни... Казна даетъ только кормовыя деньги, 5 коп. въ сутки, и 4 ф. печенаго хлѣба“, а лѣтомъ, вовремя промысловыхъ работъ, по 5 ф. [4]).

Въ началѣ 70-хъ гг. обѣдъ каторжныхъ состоялъ изъ ковша горячихъ щей, весьма жидкихъ, почти безъ приварка, съ самымъ ничтож-

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 340.
[2]) „Спб. Вѣд.“ 1881 г., № 103.
[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1639, № 21—135, л. 54—56.
[4]) *Максимовъ*. „Сибирь и каторга“, I, 107.

нымъ количествомъ какой нибудь крупы; къ этому давали маленькую горсточку нарѣзаннаго на кусочки мяса (44 золотн.). Кромѣ того, каждому полагалось по 3 ф. 22 зол. печенаго хлѣба. И изъ этого ничтожнаго пайка мѣстныя власти умудрялись производить хищенія. Однажды каторжные два дня сидѣли безъ хлѣба, такъ какъ смотритель проигралъ казачьему есаулу двухдневное содержаніе команды, а другой разъ при составленіи смѣты на високосный годъ произвели по ошибкѣ разсчетъ на 365 дней, и чтобы составить экономію на лишній день, урѣзали въ продолженіе нѣкотораго времени доли золотниковъ, а смотритель верхней тюрьмы вздумалъ и при этомъ случаѣ поживиться: онъ объявилъ, что по случаю високоснаго года велѣно выдавать хлѣба на человѣка по 3 ф., а не по 3 ф. 22 зол., и такимъ образомъ сберегалъ въ свою пользу большое количество хлѣба. Злоупотребленіе это открылось лишь случайно, и смотритель былъ смѣненъ и отданъ подъ судъ. При проѣздѣ по Восточной Сибири одного изъ великихъ князей, каторжане принесли ему жалобу, между прочимъ, и на то, что имъ даютъ дурную пищу [1]).

Въ половинѣ 80-хъ гг. Кеннанъ нашелъ продовольствіе каторжанъ на Карѣ въ слѣдующемъ видѣ: они получали ежедневно 3 ф. ржаного хлѣба, около 4 унцій говядины съ костями, нѣсколько ячменя, изъ котораго обыкновенно варили супъ, и немного кирпичнаго чаю. „Кто сверхъ урочной работы или какимъ либо инымъ способомъ добудетъ себѣ нѣсколько копѣекъ, тотъ иногда позволитъ себѣ роскошь—картофель или немного капусты. Пища каторжанъ показалась мнѣ“, говоритъ Кеннанъ, „достаточною, но она слишкомъ однообразна. Хлѣбъ почти такой же, какъ обыкновенно ѣдятъ сибирскіе крестьяне, но только не вполнѣ пропеченый; мясо было еще менѣе удовлетворительно: оно походило на кусочки жира, которые употребляютъ при изготовленіи мыла... Послѣ утренней переклички, каторжане пьютъ въ камерахъ кирпичный чай съ хлѣбомъ; затѣмъ они идутъ на промысловую работу, захвативъ съ собой чай и хлѣбъ для второй ѣды, которая происходитъ всегда на открытомъ воздухѣ, какова бы ни была погода, около разложеннаго костра. Лишь поздно, возвратившись съ работъ, они обѣдаютъ въ камерахъ и ѣдятъ похлебку, говядину и иногда пьютъ еще немного чаю. Затѣмъ, послѣ новой переклички, ихъ запираютъ въ камерахъ“ [2]).

Одежду каторжные получали въ началѣ 60-хъ гг. въ томъ размѣрѣ, какъ это было назначено по положенію Озерскаго 1852 г. Въ половинѣ 80-хъ гг. каторжному на Карѣ полагались: грубая холщевая рубашка

---

[1]) *Мишла* (Орфановъ). „Въ дали“, М. 1883 г., стр. 323, 325—336, 347.

[2]) *Кеннан*, II, 62.

и порты на шесть мѣсяцевъ, халатъ, болѣе толстые штаны и шапка на годъ, затѣмъ на $3^1/_2$ мѣсяца пара кожаныхъ бродней и лѣтомъ на 22 дня пара котовъ—обувь въ родѣ туфель [1]).

На содержаніе ссыльно-каторжныхъ въ 1862 г. полагалось по 27 р. 25 к. въ годъ, но этого было недостаточно, и по исчисленію мѣстнаго начальства необходимо было расходовать 33 р. 72 к., т.-е. болѣе на 6 р. 47 коп.; вслѣдствіе этого, какъ мы видѣли выше, и поднятъ былъ вопросъ о предоставленіи ссыльно-каторжнымъ старательскихъ заработковъ [2]). Въ половинѣ 80-хъ гг. на содержаніе каждаго каторжнаго на Карѣ отпускалось 80 руб. [3]).

Относительно помѣщеній для вольнонаемныхъ рабочихъ въ договорѣ 80-хъ гг. сказано: „для помѣщенія нашего на промыслѣ должны быть устроены здоровыя и помѣстительныя жилища. Управленіе доставляетъ намъ возможность пользоваться разъ въ недѣлю банею, для чего устраиваетъ ихъ близъ мѣста работъ на свой счетъ“ [4]).

Тюрьмы для каторжныхъ на Карѣ расположены были (въ 70-хъ и 80-хъ гг.) на разстояніи около 30 верстъ съ большими промежутками. Первыя тюрьмы—женская и цехи находились при самомъ впаденіи рѣки Кары въ Шилку и носили названіе вмѣстѣ съ поселкомъ: Усть-Кара. Затѣмъ, вверхъ по Карѣ, верстахъ въ девяти, въ глухой, совершенно безлюдной, хотя и очень красивой, мѣстности построена была тюрьма, носившая названіе „Новой“, отъ нея въ пяти верстахъ выше по Карѣ находился „Нижній промыселъ“, далѣе, въ четырехъ верстахъ „Средняя Кара“, еще далѣе, черезъ пять верстъ „Верхній промыселъ“ и наконецъ тюрьма новой постройки въ мѣстности, названной почему-то „Амуромъ“. Во всѣхъ названныхъ мѣстахъ, кромѣ „Новой тюрьмы“ и „Амура“, были довольно обширные поселки, населенные каторжными, выпущенными въ вольную команду, и ихъ семействами. Жизнь въ тѣхъ тюрьмахъ, при которыхъ находились поселки,

---

[1]) *Kennan*, II, 63. При изготовленіи одежды для каторжныхъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, допускались различныя злоупотребленія. Такъ, при посѣщеніи Восточной Сибири однимъ изъ великихъ князей, каторжные, между прочимъ, принесли жалобу на то, что хотя бѣлье и выдается имъ, но надѣть его невозможно, такъ какъ оно сдѣлано на ростъ 9—10-ти лѣтняго ребенка. Заявленіе это оказалось совершенно справедливымъ, и въ магазинахъ найденъ былъ большой запасъ вещей такого размѣра. Вслѣдствіе этого каторжане ходили чуть не на половину почти нагіе, хотя къ пріѣзду великихъ князей имъ были розданы вещи надлежащаго размѣра. *Мишла*, стр. 347.

[2]) Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 1639, № 21—135, л. 71.

[3]) *Kennan*, II, 63.

[4]) По Рабочему Положенію нерчинскихъ промысловъ 1876 г., казарма на 60 ч. должна была имѣть 10 саж. длины, 4 саж. ширины и 5 арш. вышины, такъ что на каждаго рабочаго приходилось по 1,1 куб. саж. воздуха.

была легче для каторжныхъ: тамъ, хотя и за большія сравнительно деньги, каторжане могли достать что нибудь запрещенное, какъ, напр., чай, сахаръ, табакъ, свѣчи и проч., тогда какъ, попавши въ „Новую тюрьму“ или на „Амуръ“, они лишались этого удобства, и нужно было много ловкости и денегъ, чтобы добыть себѣ что нибудь. Вотъ какъ описываетъ одинъ интеллигентный каторжанинъ „Среднюю тюрьму“ въ началѣ 70-хъ гг.: „Это довольно большое, одноэтажное, деревянное, изъ толстыхъ бревенъ, квадратное зданіе съ дворомъ, обнесеннымъ высокимъ, изъ бревенъ же, плотнымъ частоколомъ, или палями“. Во дворѣ еще нѣсколько небольшихъ зданій—кухня, баня, канцелярія смотрителя, или, какъ ее называли, контора, и по сосѣдству съ ней, подъ одной крышей, секретные темные карцеры. По срединѣ тюрьмы—широкое крыльцо, съ котораго входили въ широкій, довольно свѣтлый, но грязный и вонючій коридоръ; по сторонамъ его были камеры, вмѣщавшія въ себѣ человѣкъ по 60, а въ случаѣ большого наплыва арестантовъ и по 100 каждая. Въ камерахъ около стѣнъ были устроены нары въ два яруса; воздухъ въ нихъ отъ чрезмѣрнаго скученія людей бывалъ обыкновенно ужасный; ночью, когда камеры наглухо запирались, воздухъ до того портился, что утромъ свѣжему человѣку просто невозможно было войти [1]). Вотъ каковы было зимою 1885 г. впечатлѣнія Кеннана въ Усть-Карійской тюрьмѣ, построенной еще въ то время, когда впервые были поселены въ этой мѣстности каторжные для добыванія золота. „Кто хоть разъ почувствовалъ этотъ запахъ, тотъ навѣрно никогда его не забудетъ: его невозможно сравнить со всѣми другими дурными запахами. Представьте себѣ спертый воздухъ погреба, каждая частица котораго много разъ побывала уже въ человѣческихъ легкихъ, такъ что онъ почти совершенно насыщенъ углеродомъ, и прибавьте еще къ этому острое, аммоніакальное испареніе многихъ, долго немытыхъ тѣлъ, запахъ гнилого дерева и человѣческихъ нечистотъ,—тогда можно составить себѣ понятіе, какова здѣшняя тюремная атмосфера. Не привыкши до нѣкоторой степени къ этому проникнутому зародышами всевозможныхъ болѣзней воздуху, его нельзя вынести ни минуты... Въ камерѣ воздухъ былъ еще гораздо хуже, чѣмъ въ корридорѣ, такъ что мнѣ сдѣлалось дурно. Два рѣшетчатыхъ окна не отворялись и не было никакого другого приспособленія для освѣженія воздуха. Стѣны когда-то были, вѣроятно, выбѣлены, но теперь отъ грязи онѣ совершенно почернѣли и во многихъ мѣстахъ были запачканы кровью раздавленныхъ паразитовъ. Полы были, правда, выметены, но все-таки они были покрыты плотною корою грязи. Нары были устроены

---

[1]) *Мишла*, 309—312. О „политической тюрьмѣ“ на Нижнемъ пріискѣ, гдѣ содержались государственные преступники, см. „Сиб. Вѣстн.“ 1885 г., № 2, стр. 8—9.

съ трехъ сторонъ, и арестанты спали на нихъ тѣсно другъ подлѣ друга, безъ всякой постели, головой къ стѣнѣ. Кромѣ наръ, печки и параши, въ камерѣ не было никакой другой утвари.... Арестантамъ не даютъ даже соломы для постели, что крайне безчеловѣчно, такъ какъ эту роскошь въ цивилизованныхъ странахъ предоставляютъ и цѣпнымъ собакамъ. Здѣсь каторжные ежедневно должны исполнять тяжелую работу въ теченіе 12-ти часовъ, и, возвратившись домой усталые, они находятъ лишь жесткое ложе да надпись на стѣнахъ изъ Св. Писанія: „пріидите всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы". (Надписи эти, напечатанныя на папкахъ, висѣли въ Средне-Карійской тюрьмѣ) [1]).

Время, проведенное преступникомъ на карійской каторгѣ, раздѣлялось на двѣ части: первое время онъ содержался въ тюрьмѣ, но затѣмъ, если онъ хорошо велъ себя, его переводили въ вольную команду, и съ этихъ поръ онъ жилъ въ хижинѣ или баракѣ. „Но и въ вольной командѣ онъ все еще каторжанинъ, осужденный на принудительныя работы; продовольствіе свое онъ получаетъ ежедневно въ тюрьмѣ и не можетъ сдѣлать шагу подальше безъ письменнаго разрѣшенія, но онъ можетъ съ другими, такими же колодниками, жить въ особыхъ баракахъ или поселиться съ своею семьею въ хижинѣ, можетъ работать въ свободные часы на себя, однимъ словомъ, пользуется нѣкоторою свободою, хотя и въ очень ограниченной степени". Послѣ отбытія срока въ вольной командѣ, каторжанинъ превращается въ поселенца. Дома вольной команды не охраняются стражей и не окружены какимъ либо кордономъ, поэтому по переходѣ въ вольную команду каторжанину не очень трудно бѣжать [2]).

По оффиціальному описанію жизни каторжныхъ на Карѣ въ 60-хъ гг., надъ каждой тюрьмою былъ особый начальникъ, смотритель; у каждаго смотрителя былъ помощникъ, извѣстный подъ именемъ тюремнаго надзирателя. Каждая тюремная артель выбирала изъ своей среды старосту (на 40 человѣкъ арестантовъ полагался одинъ такой выборный). Староста былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и артельнымъ экономомъ,—онъ обязанъ былъ заботиться о продовольствіи арестантовъ, и помощникомъ надзирателя,—онъ былъ комнатнымъ соглядатаемъ и фискаломъ. Старостъ этихъ въ каждой тюрьмѣ, смотря по числу заключенныхъ, было 3, 4, 5 человѣкъ. Надъ ними былъ еще одинъ наибольшій, старшій староста, который на тюремномъ языкѣ назывался общимъ. „Смотритель завѣдуетъ, какъ хозяйственной, такъ и письменною

[1]) *Kennan*, II, 51—55, 60—62.

[2]) *Kennan*, II, 51, 57—58, 60. Срав. „Сводъ Законовъ" т. XIV, изд. 1890 г., ст. 299 и слѣд.

частью. Надзиратель заботится о пищѣ и объ одеждѣ арестантовъ и кромѣ всего этого ведетъ отчетность. Поутру въ назначенные часы для работъ, онъ идетъ на раскомандировку въ тюрьму. По приходѣ съ караульнымъ урядникомъ строитъ всѣхъ арестантовъ въ строй, дѣлаетъ перекличку по имѣющейся у него табели, чтобы узнать, всѣ-ли арестанты налицо (точь въ точь, какъ дѣлалось это на этапахъ)" и затѣмъ „сдаетъ партіи военному караулу, наряженному въ конвой. По уходѣ арестантовъ на работу, онъ выдаетъ старостамъ провизію на день, слѣдующую по положенію, которая принимается заблаговременно имъ отъ коммисара промысловъ. Окончивъ все это, идетъ въ канцелярію тюремнаго смотрителя, разводитъ арестантовъ по работамъ по имѣющемуся у него журналу (о выводѣ арестантовъ на работу)", въ которомъ военный караулъ расписывается въ принятіи арестантовъ на работу, „а потомъ составляется кормчая табель, въ коей показывается число людей, ушедшихъ на работу, и пища, употребленная для нихъ. Съ нею идутъ на рапортъ къ смотрителю. Вечеромъ, когда арестанты сойдутъ съ работы, надзиратель дѣлаетъ счетъ, всѣ ли приведены съ работъ, и по завѣркѣ кладетъ о принятіи свою росписку въ вышеупомянутомъ журналѣ" [1]).

Въ 70-хъ годахъ въ разрѣзахъ на Карѣ трудились между прочимъ и политическіе ссыльные [2]), но въ 80-хъ годахъ государственные преступники уже не посылались здѣсь на земляныя работы. Къ первому января 1882 г. государственныхъ преступниковъ-каторжанъ на карійскихъ золотыхъ промыслахъ было 123 человѣка. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Анучинъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1880—81 г. говоритъ: „отправленіе ихъ для работъ на пріиски вмѣстѣ съ уголовными каторжными невозможно; употребленіе на эти же работы уединенно отъ прочихъ весьма затруднительно, по неимѣнію подобныхъ мѣстъ, неспособности ихъ къ тяжкому физическому труду и неимѣнію достаточнаго конвоя. Если къ этому добавить, что каторжныхъ работъ непроизводительнаго характера, существующихъ за границей собственно для подверженія арестантовъ тяжкому физическому труду, у насъ не практикуется, то станетъ яснымъ, что собственно каторжныхъ работъ для этого разряда преступниковъ не имѣется, и мѣстныя власти, надзирающія за ними и несущія тяжкую отвѣтственность за упускъ арестантовъ, силою обстоятельствъ вынуждены ограничиться содержаніемъ государственныхъ преступниковъ въ тюрьмахъ, подъ строгимъ карауломъ, употребляя для работъ изрѣдка внутри тюремнаго двора или недалеко отъ него. Подобныя работы не имѣютъ уже характера каторж-

[1]) *Максимовъ*. „Сибирь и каторга". Спб., 1871 г., т. I, стр. 106—108
[2]) *Мишла*, „Въ дали", стр. 316—319.

ныхъ и скорѣе могутъ быть разсматриваемы какъ гигіеническія. Неупотребленіе на постоянныя каторжныя работы не становитъ однако положеніе государственныхъ преступниковъ легкимъ", напротивъ, генералъ-губернаторъ считалъ „ихъ жизнь невыносимою" [1]).

Вольнонаемные рабочіе, какъ и на частныхъ промыслахъ, были въ большинствѣ случаевъ лишены во время работы семейной жизни. Въ договорѣ 80-хъ гг. они обязывались не приводить съ собою на промыселъ женщинъ и дѣтей безъ „особаго на то разрѣшенія управленія. Если кто съ разрѣшенія управленія будетъ имѣть при себѣ женъ, то таковыя обязываются исполнять всѣ хозяйскія женскія работы на промыслѣ, какъ-то: шитье кулей, мытье половъ, бѣлья лазаретнаго и проч., за что получаютъ плату поштучно, поденную или мѣсячную, по назначенію промысловаго управленія; въ случаяхъ неповиновенія, лѣности или дурного поведенія женщины удаляются съ промысловъ".

Дурное состояніе каторжныхъ тюремъ и тяжелыя условія труда всѣхъ рабочихъ тяжело отзывались на ихъ здоровьѣ. Весьма частою болѣзнею была цынга. С. В. Максимовъ, упомянувъ о сильной смертности нерчинскихъ мастеровыхъ въ пятидесятыхъ годахъ, говоритъ: „Прошло десять лѣтъ, и на Карійскихъ промыслахъ тѣ же порядки, тѣ же тюрьмы, а съ ними та же цынга съ раннихъ весеннихъ мѣсяцевъ до глубокихъ осеннихъ... За цынгой и отъ нея нерѣдки случаи гнилости во рту (водяного рака)" [2]). То же самое нашелъ Кеннанъ и двадцать лѣтъ позднѣе, зимою 1885 г.: „Цынга, тифъ, малокровіе и легочная чахотка были здѣсь, какъ и въ большинствѣ тюремныхъ госпиталей, господствующими болѣзнями.... Тюремный врачъ сказалъ мнѣ: „у насъ ежегодно свирѣпствуетъ скорбутъ... Вслѣдствіе грязи въ камерахъ и переполненія ихъ, болѣзни дѣлаются эпидемическими. У насъ теперь 140 больныхъ, весною это число дойдетъ до 250-ти".... По оффиціальному отчету, въ карійскихъ госпиталяхъ въ теченіе 1886 г. было 4208 больныхъ, въ среднемъ по 117 больныхъ въ день. Но въ оффиціальныхъ отчетахъ обозначаются далеко не всѣ случаи болѣзней. Многіе арестанты, принадлежащіе къ вольной командѣ, лежатъ во время болѣзни въ своихъ хижинахъ; не считаются также и больные, остающіеся въ своихъ камерахъ, или потому, что они хвораютъ не такъ сильно, или потому, что госпитали переполнены. Нерѣдко колодникъ въ первой стадіи скорбута лежитъ двѣ недѣли въ своей палатѣ и при этомъ заражаетъ здоровыхъ товарищей" [3]).

---

[1]) „Сборникъ главнѣйшихъ оффиц. докумен. по управл. Восточн. Сиб.", т. I, Ирк. 1884 г.

[2]) „Сибирь и каторга", I, 102.

[3]) *Kennan*, II, 55. Въ 1883 г. число больныхъ, лѣчившихся въ лазаретахъ, равнялось 1990 чел. (56% всего числа рабочихъ). Господствующими болѣзнями были:

Относительно лѣченія вольнонаемныхъ рабочихъ въ договорахъ 70-хъ и 80-хъ гг. мы находимъ слѣдующее условіе: медицинское пособіе производится на счетъ промысла въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ, а болѣе этого „только въ особо уважительныхъ случаяхъ“.

Въ 1883 г. на нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ было 8 лазаретовъ съ аптеками; ими завѣдывали, кромѣ лѣкарскихъ учениковъ, лѣкаря.

Каторжнымъ, оставшимся на домашнихъ работахъ, отпускалось менѣе пищи, чѣмъ на работахъ въ разрѣзѣ, находившимся же въ лазаретѣ, или въ такъ называемомъ „околодкѣ“, отпускалась иная пища и въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ домашнимъ рабочимъ. „Околодкомъ“ называлось слѣдующее: „когда арестантъ такъ слабъ или боленъ, что тяжелыхъ работъ исполнять не можетъ, а между тѣмъ болѣзнь не настолько серьезна, чтобы отправить въ лазаретъ, то докторъ оставляетъ такихъ слабосильныхъ въ тюрьмѣ, иногда въ особой камерѣ, гдѣ безконечно лучше, чѣмъ въ лазаретѣ, на больничныхъ порціяхъ, съ освобожденіемъ, на время поправленія ихъ здоровья, отъ работъ; обыкновенно недѣля или двѣ отдыха,—и они поправляются; нѣкоторыхъ же упорныхъ больныхъ послѣ околодка отправляютъ въ лазаретъ, откуда уже немногіе выходятъ, благодаря безмѣрно-скверному состоянію въ санитарномъ отношеніи зданія лазарета, стѣны котораго, по выраженію доктора, насквозь пропитались міазмами“ [1]).

Дряхлые каторжане содержались въ богадѣльняхъ [2]).

Школы, существовавшія на нерчинскихъ заводахъ и промыслахъ во время обязательнаго труда мастеровыхъ, послѣ 1861 г. были закрыты [3]).

На нерчинскихъ промыслахъ, какъ видно изъ договоровъ, рабочіе подлежали денежнымъ штрафамъ за просрочку и отлучку; они подвергись также аресту [4]). Въ каторжныхъ тюрьмахъ были темные, грязные, отвратительные карцеры, куда сажали за небольшіе проступки [5]).

ушибы, лихорадки, поносы, цынга, нарывы, воспаленіе легкихъ, зѣва и глазъ, водянка, грыжа, глисты, худосочныя язвы и катарры дыхательныхъ органовъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 320, 324. По Рабочему Положенію 1876 г. больныхъ поденщинъ полагалось 4%.

[1]) *Мишла*, 323.

[2]) Въ 1868 г. на нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ и *заводахъ* употреблялись въ работахъ 2163 чел. каторжанъ обоего пола, а 1569 чел. содержались въ богадѣльняхъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1663, № 99—161, л. 24 об.

[3]) *Балашевъ*. „Письма изъ Пріаргунья“. „Сборн. газ. „Сибирь“, 1876 г., т. I, стр. 248.

[4]) На Бальджинскомъ промыслѣ, гдѣ работали вольнонаемные, въ 1863 г. рабочіе провели подъ арестомъ 286 поденщинъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1661, № 68—101, л. 3 об.

[5]) По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ (въ началѣ 70-хъ гг.) карцеры эти,

По договору 80-хъ гг. вольнонаемные рабочіе предоставляли промысловому управленію, въ случаѣ лѣности и вообще дурного поведенія, увольнять ихъ вовсе съ промысла, переводить на другіе промысла „или же подвергать виновнаго какому либо другому изъ административныхъ взысканій“ (въ томъ числѣ, вѣроятно, и тѣлесному наказанію). По договорамъ 70-хъ и 80-хъ гг. для охраненія внутренняго порядка между рабочими, они должны были, согласно постановленіямъ Горнаго Устава, составлять артельную расправу, въ которую управляющій назначалъ отъ себя старосту, а рабочіе—двухъ выборныхъ; эти расправы могли штрафовать лѣнивыхъ, нетрезвыхъ и обличенныхъ въ картежной или иной игрѣ и наказывать по словесному приговору на основаніи Улож. о наказ.

Каторжные подвергались иногда крайне жестокому обращенію, вызывавшему даже покушенія на убійства. Тяжелое время пережили каторжные на Карѣ при комендантѣ М—вѣ. Особенную ненависть своими вымогательствами и жестокостью возбудилъ приставникъ Потемкинъ. Когда онъ во время работъ кого-то ругалъ, грозясь выпороть, къ нему подошелъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ и ловкихъ каторжниковъ, Рожковъ, и ударомъ кайлы въ лобъ свалилъ его съ ногъ, но не убилъ; черезъ два мѣсяца Потемкинъ выздоровѣлъ и бросилъ службу. Для разбирательства дѣла была назначена „смѣшанная коммиссія военнаго суда“, которая состояла изъ мѣстныхъ офицеровъ и чиновниковъ подъ предсѣдательствомъ самого ненавистнаго коменданта М—ва, которая и приговорила Рожкова къ повѣшенію. Приговоръ былъ исполненъ на золотопромывальной машинѣ Средней тюрьмы, въ районѣ которой было совершено покушеніе, въ присутствіи всѣхъ каторжныхъ подъ усиленнымъ конвоемъ. Когда ввели Рожкова на площадку машины, онъ успѣлъ громко крикнуть: „хотя я и гибну, да вамъ будетъ легче“. Пріискать палача для экзекуціи было очень трудно, и только кое-какъ разными обѣщаніями удалось прельстить одного ссыльнаго, но онъ такъ торопливо и неумѣло накинулъ петлю, что она пришлась несчастному Рожкову на подбородкѣ, и когда онъ завертѣлся въ воздухѣ, болтая ногами, веревка оборвалась; докторъ заявилъ, что Рожковъ еще живъ. Комендантъ М—въ, по обыкновенію пьяный, досталъ изъ кармана шелковый шнуръ отъ халата, и кто-то, палачъ или казакъ, сдѣлавъ изъ этого шнура мертвую петлю, надѣлъ ее на шею полумертвому осужденному и, наступивъ ногою на грудь, затянулъ петлю. Молча разбре-

---

если они были свободны, караулъ обращалъ, съ вѣдома смотрителя, въ „особые кабинеты“, т.-е. тамъ происходили, конечно за приличное вознагражденіе караулу, свиданія арестантовъ или съ женами, проживающими на свободѣ, или же съ дѣвицами съ воли, несмотря на то, что двери съ окошкомъ этихъ карцеровъ выходили въ кордегардію, гдѣ постоянно находились караульные. *Мишла*, 321.

лись каторжане по тюрьмамъ. Рожковъ погибъ напрасно, такъ какъ коммиссія не нашла нужнымъ разсмотрѣть причины, вызвавшія покушеніе [1]).

На такой открытый протестъ рѣшаются рѣдко, но побѣги среди каторжныхъ были дѣломъ самымъ заурядным. Въ 1864 г. съ нерчинскихъ золотыхъ промысловъ бѣжало 755 ссыльно-каторжныхъ (при 2608 чел. всей рабочей команды), и изъ нихъ было поймано и возвращено на промысла только 19 чел. Въ 1868 г. съ промысловъ бѣжало 443 каторжныхъ обоего пола (всего на промыслахъ и заводахъ ихъ было 2163 чел.), изъ нихъ поймано и приведено обратно на промысла 84 чел. На Бальджинскомъ промыслѣ, гдѣ работали вольнонаемные, въ 1863 г. бѣжало 48 чел. (въ томъ числѣ 42 поселенца), изъ нихъ было поймано 7. Изъ числа бѣжавшихъ—12 бѣжали во второй разъ, 3—въ третій разъ и 1 сдѣлалъ съ промысловъ 6 побѣговъ. Въ 1883 г. съ промысловъ бѣжало 270 чел. вольнонаемныхъ и каторжныхъ разряда исправляющихся (изъ всего числа 3377 рабочихъ это составляло 8%); изъ нихъ добровольно явилось 6 чел. и поймано 5. Въ 1884 г. съ промысловъ бѣжало вольнонаемныхъ и ссыльно-каторжныхъ разряда исправляющихся 243 чел. (изъ всего числа 3368 рабочихъ—7%); изъ нихъ поймано—16 [2]).

Въ 1861 г. изъ Нерчинска была отправлена партія ссыльно-каторжныхъ въ 180 чел. на Карійскіе промысла при конвоѣ изъ 15 конныхъ и 30 пѣшихъ казаковъ. Послѣ того, какъ партія эта была посажена вмѣстѣ съ конвоемъ на два парома, арестанты между Шилкинскимъ заводомъ и Усть-Карой взбунтовались, побросали въ воду конвойныхъ, кололи и били ихъ прикладами, затѣмъ причалили къ берегу и, человѣкъ 80, взявъ съ собою отобранныя у конвойныхъ ружья, бѣжали. Поэтому наказной атаманъ забайкальскихъ казаковъ, которые конвоировали каторжныхъ, просилъ М. С. Корсакова сдѣлать распоряженіе, чтобы арестантовъ отправляли водою на прочно огороженныхъ съ боковъ паромахъ и малыми партіями или даже въ закрытыхъ баржахъ, а пока этого не будетъ сдѣлано, садили конвой на особыя лодки съ гребцами [3]).

Бунтовъ ссыльно-каторжныхъ на Карѣ мы не знаемъ; только когда проигравшій хлѣбъ смотритель проморилъ каторжанъ два дня голодомъ, они отказались работать. Комендантъ, узнавъ о происшествіи, уволилъ смотрителя [4]).

---

[1]) *Мишла*, 343—346.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1663, № 99—161, л. 130; 1669, № 242—424, л. 24 об.; 1661, № 68—101, л. 11; 2769, № 58- 68, л. 319.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 1495, № 115—198, л. 1—3.

[4]) *Мишла*, 326—331.

Вольнонаемные рабочіе по договору 70-хъ гг. не имѣли права отлучаться съ работъ для жалобы на управленіе, а если въ чемъ либо были недовольны мѣстнымъ начальствомъ, то должны были принести жалобу письменно [1]), а до рѣшенія дѣла находиться въ полномъ повиновеніи управляющему и работать усердно. Между тѣмъ мѣстная администрація подавала не мало поводовъ для жалобъ. Мы уже сообщали кое-что о тѣхъ злоупотребленіяхъ, отъ которыхъ страдали каторжане на Карійскихъ промыслахъ при комендантѣ полковникѣ М—вѣ. „При отсутствіи какихъ бы то ни было служебныхъ достоинствъ, онъ обладалъ, однако, почти художественною способностью извлекать доходы даже оттуда, гдѣ, казалось, ихъ и быть не могло, затѣмъ крайней жестокостью и непробуднымъ пьянствомъ. Съ его поступленіемъ, на Карѣ началась какая-то дикая вакханалія мѣстнаго, грубаго, невѣжественнаго чиновничества. Арестанты были совершенно забыты во всемъ, кромѣ работъ, которыя никогда, по словамъ старожиловъ, исключая развѣ знаменитаго разгильдѣевскаго времени, не были такъ тяжки. Ходили они почти наги, ѣли отвратительно. Небывалый произволъ мелкой чиновной сошки, вродѣ приставниковъ и горныхъ урядниковъ, достигъ ужасающихъ размѣровъ. Взяточничество этой тли съ арестантовъ хлѣбомъ, деньгами, казенной одеждой, за избавленіе отъ непосильной работы или несправедливаго наказанія, практиковалось совершенно открыто. Завѣдующему все это было извѣстно, но онъ не принималъ никакихъ мѣръ и ограничивался „спускомъ шкуры“ съ тѣхъ арестантовъ, которые въ отчаяніи прибѣгали къ нему съ жалобами. Самъ онъ въ это время пилъ безъ просыпа на счетъ подрядчиковъ-евреевъ, съ которыми находился въ большой пріязни. Такой порядокъ продолжался около года, пока, наконецъ, каторга, видя безполезность всѣхъ своихъ жалобъ, не прибѣгла къ насилію“. Попытка Рожкова убить приставника Потемкина не помогла ссыльнымъ, и М—въ, вѣроятно, еще долго мучилъ бы каторжныхъ, если бы не пріѣздъ на Кару великаго князя, котораго засыпали жалобами самаго разнообразнаго содержанія. Жалобы на дурную пищу, жестокость и несправедливость наказаній и проч. не могли быть опровергнуты, и особая комиссія, несмотря на неудовлетворительность личнаго состава, открыла такую массу злоупотребленій и такое расхищеніе казеннаго имущества, что М—въ былъ немедленно отстраненъ отъ должности и преданъ суду. Изъ 12—15 чиновниковъ всѣ оказались такъ или иначе прикосновенными къ этому грязному дѣлу [2]). Есть извѣстія о злоупотребленіяхъ мѣст-

[1]) По договору 80-хъ гг. разрѣшалось жаловаться начальнику округа, его помощнику и горному исправнику.

[2]) *Мишла*, 342, 343, 347—348, ср. 414—416. Въ 1884 г. на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ была открыта растрата 1900 руб., высылавшихся государствен-

ной администраціи и на тѣхъ промыслахъ, гдѣ работали вольнонаемные [1]).

Въ контрактахъ нерчинскихъ кабинетскихъ промысловъ съ вольнонаемными рабочими 70-хъ гг. было постановлено, какъ обыкновенно и въ договорахъ частныхъ золотопромышленниковъ, что деньги за работу рабочіе могли получить лишь при окончательномъ разсчетѣ [2]). По окончаніи работъ, мѣстное управленіе должно было разсчитать и отпустить рабочихъ не позже, какъ черезъ три дня, а за удержаніе ихъ долѣе обязано было платить имъ, какъ за рабочіе дни, съ присоединеніемъ къ платѣ пени по $^1/_2$ коп. съ рубля въ сутки и, кромѣ того, выдавать имъ пищевое довольствіе [3]). При возвращеніи рабочимъ паспортовъ, билетовъ и проходныхъ видовъ, на этихъ документахъ (въ первой половинѣ 80-хъ гг.) дѣлались надписи, остались ли рабочіе должными промысламъ и сколько именно [4]).

Мы имѣемъ мало данныхъ относительно размѣра заработка вольнонаемныхъ рабочихъ на нерчинскихъ промыслахъ. Въ 1862 г., когда обсуждался вопросъ о выдачѣ ссыльно-каторжнымъ задѣльной платы наравнѣ съ вольнонаемными, считали, что средній заработокъ здороваго рабочаго равняется въ годъ 120—135 рублямъ, а въ 1881 г., по мнѣнію начальника нерчинскаго горнаго округа, такой заработокъ равнялся 182 рублямъ [5]). По оффиціальному отчету о нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ, каждый дѣйствительный рабочій заработалъ въ среднемъ въ 1882 г. 135 руб., а по разсчету на годового рабочаго приходилось 230 руб.; въ 1883 г.—на дѣйствительнаго работника 144 р., на годового 239 р.; въ 1884 г.—на дѣйствительнаго работника 146 р., на годового—177 р.

Заработокъ этотъ распадался на слѣдующія составныя части: задатокъ, выданный деньгами до прибытія на промысла, составлялъ въ 1882 г.—31%, въ 1883 г.—36%, въ 1884 г.—38%; отослано въ уплату податей и прочихъ повинностей и семействамъ: въ 1882 г.—7%, въ 1883 г.—3%, въ 1884 г.—4%; выдано во время работъ на промыслахъ припасами и вещами и при разсчетѣ на руки деньгами: въ

нымъ преступникамъ. Обвиненіе падало на мѣстнаго жандармскаго офицера; слѣдствіе производилъ чиновникъ, командированный изъ Петербурга. „Сиб. Вѣстн.“, № 1, 1885 г. стр. 10.

[1]) „Сибирь“ 1887 г. № 1, стр. 8.

[2]) По договору 80-хъ гг. рабочимъ не позволялось держать при себѣ болѣе 10 руб., а остальныя деньги они должны были отдавать на храненіе промысловому управленію.

[3]) По договору 80-хъ гг. вмѣсто всего этого была назначена плата по 50 коп. въ сутки.

[4]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2769, № 58—68, л. 322 об.

[5]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 1639, № 21—135, л. 73 об., 75 об.; „Спб. Вѣд.“ 1881 г., № 103.

1882 г.—62%, въ 1883 г.—61%, въ 1884 г.—58%. Долговъ за бѣжавшими, неявившимися, умершими и по другимъ причинамъ не отработавшими своихъ задатковъ, было по разсчету въ среднемъ на каждаго дѣйствительнаго рабочаго: въ 1883 г. около 8 руб., въ 1884 г. около 7 руб. [1]).

По договору 70-хъ гг. рабочіе при окончательномъ разсчетѣ должны были возвращать деньги, забранныя впередъ, но неотработанныя; если же кто не имѣетъ денегъ и не условится съ управляющимъ объ отработкѣ долга, то управители сообщаютъ о томъ подлежащему лицу или учрежденію для распоряженія о взысканіи долга [2]). По договору 80-хъ гг. должники должны были или внести въ уплату долга наличныя деньги, или оставаться на промыслахъ до отработки долговъ. Неимѣющіе денегъ и оказавшіеся по медицинскому освидѣтельствованію негодными къ дальнѣйшимъ работамъ обязаны были выслать деньги или отработать ихъ въ слѣдующій операціонный годъ. Если работы на промыслахъ прекращались вслѣдствіе какого либо несчастія (пожара, наводненія и проч.), то увольняемые рабочіе должны были или немедленно уплатить деньги, или отработать ихъ на какомъ либо другомъ кабинетскомъ промыслѣ.

При возвращеніи рабочихъ съ кабинетскихъ золотыхъ промысловъ происходили обычныя сцены кутежа, разгула и эксплоатаціи рабочихъ разными проходимцами [3]).

Мы видѣли, что каторжные въ 70-хъ и первой половинѣ 80-хъ гг. отпускались на частные золотые промысла Восточной Сибири. Изъ сочиненія С. В. Максимова видно, что случаи отпуска каторжныхъ на вольные заработки были и въ 60-хъ гг.: „уже и теперь“, говоритъ онъ, „горное начальство каторжныхъ, оставшихся не у дѣлъ на Карѣ, отправляло въ качествѣ вольнонаемныхъ рабочихъ на другіе золотые промысла, напр., на Урюмскіе, и позволяло другимъ пропитываться въ Нерчинскомъ округѣ... по ихъ личному усмотрѣнію“ [4]).

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2768, № 63—53, л. 418; 2769, № 58—68, л. 324; 2771, № 110—100, л. 372 об.

[2]) По правиламъ, присоединеннымъ къ Рабочему Положенію 1876 г., о должникахъ слѣдовало сообщать въ волостныя и станичныя правленія съ требованіемъ выслать ихъ на слѣдующую операцію для отработки долга или взысканія съ нихъ денегъ, а иначе имъ не должно было выдавать новыхъ видовъ для найма на другіе промысла. Между тѣмъ по правиламъ о наймѣ Устава о золотопромышленности 1870 г. ограниченіе относительно выдачи паспортовъ должникамъ относилось только къ ссыльнопоселенцамъ.

[3]) „Сибирская Газета“ 1883 г., № 46, стр. 1178.

[4]) „Сибирь и каторга“, III, 360.

ГЛАВА IX.

Старатели-золотничники съ 1870 г. до половины 1890-хъ гг.

Старатели-золотничники на частныхъ промыслахъ въ округахъ Енисейскомъ, Семипалатинскомъ, Тобольско-Акмолинскомъ, Маріинскомъ, Алтайскомъ, Ачинскомъ, Минусинскомъ, Канскомъ, Нижнеудинскомъ и областяхъ Забайкальской и Амурской.—Старатели-золотничники на кабинетскихъ промыслахъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ.

Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, какъ мы видѣли, на промыслахъ Томской и Енисейской губерній начинаетъ развиваться разработка пріисковъ старателями-золотничниками частью въ видѣ самостоятельныхъ артелей, частью въ видѣ артелей, содержимыхъ подрядчиками. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ эта система развилась еще болѣе.

Въ эти годы золотопромышленность въ Енисейскомъ округѣ не только значительно упала сравнительно съ предшествующимъ временемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнила свой прежній характеръ. Измѣненіе это началось уже въ 60-хъ годахъ. „Прежде, и даже не особенно давно“, говоритъ авторъ одной статьи о пріисковыхъ рабочихъ этого округа, „золотопромышленность сосредоточивалась въ рукахъ крупныхъ денежныхъ тузовъ, разрабатывавшихъ обширные пріиски... Эти магнаты не жалѣли средствъ на развѣдочныя партіи... Нынѣ же размѣры золотопромышленности значительно сократились; крупныхъ тузовъ осталось мало. На мѣстѣ ихъ появилась масса мелкихъ арендаторовъ, работающихъ *въ кредитъ* и жаждущихъ нажиться *исключительно* отъ прибавочной стоимости“ рабочей силы [1]). О техническихъ усовершенствова-

[1]) Демократизаціи золотого промысла содѣйствовало и то, что въ 1870 г. занятіе имъ было дозволено лицамъ всѣхъ состояній, не лишеннымъ правъ (за немно-

ніяхъ, о развѣдочныхъ партіяхъ имъ и думать, конечно, нельзя, они продолжаютъ разработывать старые, уже сильно истощенные пріиски... Въ Енисейскомъ округѣ уже теперь совсѣмъ не слыхать, чтобы золото „гребли лопатами“, чтобы компанейскіе управляющіе задавали „валтасаровскіе пиры“... Все, что прежде производилось en grand, крупно, солидно, теперь съежилось, измельчало... А аппетитъ этихъ арендаторовъ, между тѣмъ, отнюдь не сократился; ихъ жажда къ наживѣ отнюдь не ослабѣла, и вотъ они прибѣгаютъ ко всяческимъ ухищреніямъ, дабы довести „прабабочную стоимость“ рабочей силы пріисковаго „горбача“ до крайняго ея предѣла... Болѣе крупные арендаторы, съ своей стороны, сдаютъ обыкновенно арендуемые ими пріиски еще болѣе мелкимъ арендаторамъ (арендаторъ съ артелью рабочихъ въ 5—6 человѣкъ теперь уже не рѣдкость), причемъ эксплоатація рабочаго растетъ пропорціонально мельчанію аренды. Арендаторы эти работаютъ обыкновенно съ *золотника*, т.-е. обязываются доставлять все добываемое золото въ пріисковое управленіе за опредѣленную плату“ [1]).

О томъ же свидѣтельствуетъ и г. Уманьскій: „Кромѣ двухъ, трехъ крупныхъ компаній, непосредственно ведущихъ дѣло черезъ своихъ довѣренныхъ, кромѣ арендаторовъ, между которыми попадаются весьма крупные и совсѣмъ мелкіе, въ тайгѣ встрѣчается еще классъ такъ называемыхъ золотничныхъ артельщиковъ. Заручившись довѣріемъ пріисковаго управленія, подобный артельщикъ нанимаетъ нѣсколько человѣкъ рабочихъ и, получая содержаніе на себя и на нихъ изъ пріисковаго амбара“ (за извѣстную плату) „моетъ золото на бутарѣ, а потомъ сдаетъ его въ пріисковую контору за условленную плату съ золотника золота. Съ рабочими онъ расплачивается или помѣсячно, нанимая, такъ называемыхъ, окладныхъ, или же платитъ имъ тоже за золотникъ промытаго золота, оставляя извѣстный процентъ себѣ. Сдаются пріиски на золотники и непосредственно самимъ рабочимъ артелямъ, причемъ весь провіантъ они получаютъ изъ пріисковыхъ амбаровъ за высокую цѣну. Нѣкоторые пріиски обрабатываются въ настоящее время только золотничниками, такъ какъ подобное веденіе хозяйства представляетъ для золотопромышленника меньше риска; на другихъ бываетъ только часть золотничныхъ для добыванія золота тамъ, гдѣ работы отъ компаніи не оплатились бы, напримѣръ, въ старыхъ заброшенныхъ ортахъ, сохранившихъ среди развалинъ части золотоноснаго пласта“ [2]). „Число золотничныхъ“, говоритъ г. Уманьскій, „въ послѣднее

гими исключеніями), между тѣмъ какъ ранѣе, по закону 1838 г., было разрѣшено заниматься промывкою золота только дворянамъ, потомственнымъ почетнымъ гражданамъ и купцамъ первой и второй гильдіи.

[1]) *С—нъ.* „Сибирскіе рабочіе“. „Устои“, 1882 г., № 12, стр. 3—4.

[2]) *Уманьскій.* „Очерки золотопромышл. въ Енисейской тайгѣ“. 1888 г., стр. 111.

время значительно увеличилось, въ чемъ слѣдуетъ видѣть дальнѣйшее раздробленіе промысла. Золотничныя работы имѣютъ основаніе въ техническихъ условіяхъ промысла, въ чемъ заключается ихъ раціональная сторона, и въ духѣ кулачества, овладѣвшаго золотопромышленностью, въ чемъ заключается темная сторона раздробленія промысла. Отношенія хозяевъ и золотничныхъ въ значительной степени напоминаютъ отношенія капиталистовъ и арендаторовъ. Хозяинъ въ этомъ случаѣ представляетъ собою кулака, беззастѣнчиво эксплоатирующаго трудъ рабочихъ" (75—76 стр.).

Дѣло поставлено такъ, что эти арендаторы только и существуютъ эксплоатаціею рабочихъ. „Золотничники", говоритъ авторъ одной изъ статей о енисейской золотопромышленности, „въ большинствѣ случаевъ люди мало состоятельные и перебиваются кредитомъ, а отсюда понятно, что всѣ припасы обходятся имъ очень дорого. Стало быть, имъ приходится вырабатывать ренту для пріиско-владѣльца, проценты для кредиторовъ и приличную прибыль для себя. Такая задача уже совсѣмъ не по силамъ и безъ того значительно истощеннымъ пріискамъ. Весьма часто расходы арендаторовъ превышаютъ даже ихъ доходы, за ними накапливаются долги, и они дѣлаются несостоятельными: въ полицейскомъ управленіи" (въ Енисейскѣ) „вамъ могутъ указать цѣлый рядъ лицъ, обязанныхъ подпискою о невыѣздѣ изъ города въ виду неудовлетворенія ими предъявляемыхъ противъ нихъ взысканій. Понятная вещь, что эти арендаторы усиливаютъ эксплоатацію рабочихъ до послѣдней степени... Вообще, золотничная система сдѣлала хищничество золотопромышленности еще болѣе интенсивнымъ, еще болѣе жестокимъ и грубымъ... При этой системѣ выигрываетъ одинъ пріисковладѣлецъ... Рабочій страдаетъ еще больше, чѣмъ въ первый періодъ золотопромышленности, а весьма часто страдаетъ еще золотничникъ-арендаторъ, разыгрывающій въ данномъ случаѣ роль ирландскаго фермера" [1]).

Пріисковъ, работавшихся старателями золотничниками, въ 1879 г. въ сѣверной части Енисейскаго округа было 40 (37% всѣхъ пріисковъ); на нихъ было 1445 чел. рабочихъ, что составляетъ 21% всего числа рабочихъ на пріискахъ этого округа. Въ 1880 г. въ сѣверной части округа старатели разрабатывали 30 пріисковъ (28%); рабочихъ на нихъ было 1234 чел. (19% всего числа рабочихъ). Въ южной части Енисейскаго округа старательскія работы также

[1]) *С—нъ.* „Итоги золотопромышленности" (Письмо изъ Енисейска). „Сибирская Газета", 1883 г., № 13. По словамъ г. Пантелѣева, „переходъ къ золотничной системѣ былъ послѣдствіемъ обѣдненія пріисковъ отъ выработки ихъ. Въ экономическомъ смыслѣ онъ выразился перенесеніемъ на рабочихъ значительной доли риска, связанной съ добычей золота на выработанныхъ пріискахъ". „Сибирь", 1897 г., № 119.

съ каждымъ годомъ развивались, и въ 1880 г. золотничники разрабатывали 31 пріискъ (22%). Въ 1882 г. въ сѣверной части Енисейскаго округа старатели разрабатывали 30 пріисковъ (38%). Въ 1883 г. во всемъ Енисейскомъ округѣ старателями разрабатывалось 68 пріисковъ (30%), отдѣльно же въ сѣверной части 31 пріискъ (36%), а въ южной 37 (27%); въ 1884 г. во всемъ Енисейскомъ округѣ—72 пріиска (33%), а въ южной части округа 35 (27%), въ слѣдующемъ же 1885 г. въ южной части Енисейскаго округа 62 пріиска (42%) [1]). Въ 1889 г. въ южной части Енисейскаго округа (со включеніемъ Красноярскаго и Канскаго) золотничники разрабатывали 31 пріискъ (19%), а въ сѣверной части 25 пріисковъ (24%); въ 1890 г. въ сѣверной части округа старатели разрабатывали 28 пріисковъ (25%) и на нихъ трудилось 543 человѣка (13% всего числа рабочихъ); въ южной части въ томъ же году старатели работали на 35 пріискахъ (25%) [2]). Въ 1896 г. въ сѣверномъ Енисейскомъ горномъ округѣ изъ 113 дѣйствовавшихъ пріисковъ исключительно старательскими работами разрабатывалось 27 пріисковъ (24%) съ 17% всѣхъ рабочихъ и кромѣ того 11 пріисковъ и хозяйственными, и старательскими работами; въ южноенисейскомъ горномъ округѣ золотничными работами разрабатывалось даже 62% пріисковъ, на которыхъ работало 15% всѣхъ рабочихъ [3]).

Значительное распространеніе золотничныхъ работъ объясняется тѣмъ, что „безъ мелкихъ артелей золотничниковъ, извлекшихъ сотни пудовъ золота, которое бы никогда не было добыто“, по словамъ золотопромышленника Латкина, „немыслима была бы разработка или доработка прежде выработанныхъ большими работами пріисковъ, на которыхъ невозможно ставить самостоятельныя работы въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ и содержать дорого стоющее управленіе и пріисковую администрацію, поглощающія обыкновенно четверть расходовъ по разработкѣ пріисковъ. Такія артели золотничниковъ и мелкихъ арендаторовъ полезны тѣмъ, что онѣ ищутъ, роясь какъ кроты, затерявшіеся кусочки прежнихъ розсыпей, раскапываютъ отвалы и почву прежнихъ разрѣзовъ или роются въ бортахъ прежнихъ работъ, нерѣдко совершенно занесенныхъ или заваленныхъ глинами, илами, эфелями и гальками. Все это потерянное золото они снова извлекаютъ на свѣтъ

---

[1]) Арх. Горн. Испр. Южн. ч. енис. окр., дѣло 1880 г., № 41, 1885 г., № 36, отчеты о золотопр. въ Восточн. Сиб. въ Горномъ Деп.; „Горнозав. произв. Россіи“ за указанные годы; „Приложеніе 1-е къ вып. 1 Сборн. оффиц. докум. по управл. Вост. Сиб.“ т. VII отчетъ о золот. Вост. Сиб. за 1882 г., Вѣдом. № 3.

[2]) „Горн. Журн.“ 1891 г., № 12, стр. 515, 527, 529.

[3]) „Вѣст. Золот.“ 1897 г., № 11, стр. 250—251.

божій и конечно принимаютъ всѣ мѣры какъ можно менѣе терять его при промывкѣ, ибо для нихъ каждый золотникъ его дорогъ и цѣненъ [1]).

Окружной инженеръ южной части Енисейскаго округа въ отчетѣ за 1890 г. говоритъ, что старателей въ этомъ округѣ „можно раздѣлить на 2 категоріи. Къ первой слѣдуетъ отнести старателей на пріискахъ не вполнѣ выработанныхъ, на которыхъ промываются оставленные въ бортахъ цѣлики и гдѣ команда рабочихъ превышаетъ 15 человѣкъ, ко второй категоріи относятся тѣ, коими исключительно промываются отвалы прежнихъ лѣтъ, дѣлается задирка (подчистка) почвенныхъ песковъ, и промываются эфеля, накопившіеся въ водоотводныхъ канавахъ; на такихъ пріискахъ команды бываетъ менѣе 15 чел.“ (по отчету 1889 г. отъ 3 до 15 чел.). „Пріиски этихъ двухъ категорій не могутъ быть разрабатываемы иначе, какъ старателями: не будь старательскихъ работъ, золото, оставшееся въ отбросахъ отъ промывки прежнихъ лѣтъ, было бы совершенно потеряно и казна никогда не получила бы слѣдующаго съ этого золота дохода“ [2]).

„Часть старателей“, говоритъ г. Ячевскій о сѣверной части Енисейскаго округа, „заключаетъ условія еще въ Енисейскѣ, частью же артели формируются уже на мѣстѣ въ тайгѣ; иногда изъ вольнаго, явившагося на промысла, народа, а иногда даже изъ рабочихъ, вошедшихъ въ такъ называемый общій контрактъ... Часть старателей приходитъ на пріиски со своими лошадьми, съ нѣкоторыми, хотя незначительными запасами провіанта и одежды, другіе же являются только съ личною способностью къ труду и прежде всего забираютъ все необходимое подъ обезпеченіе того золота, которое ими намоется впослѣдствіи“ [3]).

Старатели-золотничники чаще нанимаются на лѣтнюю операцію, чѣмъ на весь годъ. Нанявшіеся на лѣтнюю операцію обязуются начать работу съ извѣстнаго числа марта, апрѣля или мая мѣсяца и продолжать ее до 10 или 20 сентября, а иногда и до 1 октября. На зиму золотничники обыкновенно нанимались для ортовыхъ работъ. Въ маѣ 1871 г. одинъ мѣщанинъ взялъ пріискъ у золотопромышленника Вилямовскаго для золотничныхъ работъ на 3 года, т.-е. до 10 сентября 1873 года. Бывало и такъ, что въ договорѣ съ подрядчикомъ-золотнич-

---

[1]) *Н. В. Латкинъ.* „Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее“. Спб. 1892 г., стр. 248—249.

[2]) „Горный Журналъ“, 1891 г., № 12, стр. 529.

[3]) *Ячевскій.* „Очеркъ современнаго состоянія, причинъ упадка и условій возрожденія енисейской золотопромышленности“ („Горный Журналъ“ 1892 г., № 8—9), отд. отт., стр. 22—23. Въ большомъ размѣрѣ золотничныя артели были поставлены прямо отъ хозяевъ пріисковъ въ 1873 г. К° Зотовыхъ, но очень неудачно. „Сибирь“, 1897 г., № 119.

никомъ срокъ окончанія работъ ставился въ зависимость отъ усмотрѣнія пріисковаго управленія. Такъ одинъ мѣщанинъ въ 1871 г. взялся производить добычу золотоносныхъ песковъ на пріискѣ К° Щеголевыхъ и Кузнецова съ 1-го мая до того времени, „сколько управленіемъ будетъ дозволено“. Иной разъ нѣсколько мелкихъ предпринимателей составляли компанію и брали вмѣстѣ пріиски для золотничныхъ работъ, или подрядчикъ-золотничникъ передавалъ другому подрядчику часть взятаго имъ пріиска для такихъ же работъ.

Въ договорахъ съ самостоятельными артелями золотничниковъ и съ подрядчиками-золотничниками (или арендаторами-золотничниками) обыкновенно опредѣляется minimum того числа рабочихъ, какое должно было стать на работу. Въ извѣстныхъ намъ договорахъ съ самостоятельными артелями число это колеблется между 10 и 50 (въ послѣднемъ случаѣ пояснено, что это двѣ артели), въ договорахъ съ подрядчиками между 10 и 30-ю [1]). Бываютъ артели и меньшей величины: „По закону“, говоритъ г. Ячевскій, „артель должна состоять не менѣе, чѣмъ изъ 10 человѣкъ“ (т.-е. столько человѣкъ должны вмѣстѣ производить работу); „но на практикѣ законъ этотъ является невыполнимымъ: для такого числа людей нѣтъ работы на маленькомъ старательскомъ станкѣ. Въ составъ артели входятъ обыкновенно отъ 4 до 8 человѣкъ, иногда работаютъ только 2 человѣка“ (стр. 22—23). Въ договорахъ съ подрядчиками обыкновенно обозначался извѣстный minimum числа рабочихъ, но предоставлялось имъ право нанять и болѣе людей. Въ нѣкоторыхъ договорахъ съ подрядчиками опредѣляется неустойка за поставку на работу меньшаго числа рабочихъ, чѣмъ было условлено [2]).

При наймѣ золотничники, хотя вѣроятно и не всегда, получаютъ задатки, но меньшіе, чѣмъ общеконтрактные рабочіе [3]). Въ извѣстныхъ намъ договорахъ 70-хъ годовъ размѣръ задатковъ колеблется между 6 и 60 рублями, чаще же всего они равняются 10—25 р. Окружной инженеръ сѣверной части Енисейскаго округа въ отчетѣ за 1888 годъ говоритъ, что „золотничныя артели рабочихъ задатковъ не получали“, но едва-ли это можно считать общимъ правиломъ.

---

[1]) Въ договорѣ 1870 г. съ управленіемъ Николаевскаго пріиска В. Базилевскаго сказано: „если бы артель собралась меньше 24 человѣкъ, то управленіе вправѣ само таковую дополнить“. Въ договорѣ 1870 г. съ Родственною (южн. ч. Енис. окр.) назначено 15 членовъ артели, но на томъ же договорѣ росписались еще 2 артели: одна изъ 12, другая изъ 10 человѣкъ.

[2]) Такъ въ договорахъ съ золотопромышленникомъ южной части Енисейскаго округа Хотимскимъ (1870 г.) назначена неустойка по 50 руб., а въ договорѣ съ Вилямовскимъ (1871 г.) вычетъ по 3 руб. въ день за каждаго недостающаго рабочаго.

[3]) *С—нъ*. „Сибирскіе рабочіе“. „Устои“ 1882 г. № 12, стр. 4—6.

Подрядчики, обязующіеся поставить артель золотничниковъ, также иногда выговаривали себѣ извѣстную сумму впередъ „на вспомоществованіе“ [1]). Авансъ на покупку лошадей выговаривали иногда и самостоятельныя артели золотничниковъ: такъ въ договорѣ съ К° Малевинскихъ артель выговорила себѣ на покупку двухъ лошадей ссуду не болѣе 100 р.

Пріисковое управленіе выговаривало иногда право перевести всю артель золотничниковъ или часть ея на другой пріискъ.

Въ договорѣ съ К° Малевинскихъ 1874 г. (Ольгинскій пріискъ сѣверной части Енис. окр.) сказано: „Если золото пойдетъ плохо, такъ что мы на этихъ золотничныхъ работахъ не будемъ отрабатывать сдѣланнаго нами забора, тогда управленіе имѣетъ право насъ всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ артели поставить на другой пріискъ, принадлежащій той же компаніи, или на золотничныя работы, или на общія компанейскія [2]) или передать насъ для отработки долговъ въ другую какую либо компанію, и въ такомъ случаѣ мы, нисколько тому не препятствуя, обязываемся сразу же перейти и производить работы на всѣхъ тѣхъ условіяхъ, какія опредѣлены для общеконтрактныхъ работъ“. Въ договорѣ съ В. Базилевскимъ (1872 г. сѣв.-енис. системы) сказано: „Въ случаѣ, если бы промывка дала въ теченіе мѣсяца, перваго послѣ начатія ея, менѣе 20 золотниковъ на человѣка въ сложности, то довѣренный, завѣдующій пріисками“ (Митрофаньевскимъ и Пафнутьевскимъ), „предоставляетъ намъ право разсчитаться. Оставшіеся за нами долги мы обязаны внести наличными деньгами сейчасъ же или отработать таковые вскрышею торфа на указанномъ намъ пріискѣ г. Базилевскаго, куда мы обязуемся отправиться немедленно и работать, получая таковую же плату за каждую по замѣру куб. сажень, какую будутъ получать на этомъ пріискѣ отрядные рабочіе. Въ случаѣ перехода на шурфовочную или другія какія работы, г. Базилевскій вправѣ разбить нашу артель на нѣсколько артелей и послать на разные пріиски. Не изъявивъ желанія разсчитаться послѣ мѣсячной промывки, теряемъ право на шурфовочную, турфовую или другія работы и обязаны продолжать промывку песковъ до 11 сентября; разсчитаться же можемъ только въ случаѣ согласія на то пріисковаго управленія“.

Между тѣмъ какъ золотничники обязывались работать до условленнаго срока, и лишь въ немногихъ договорахъ имъ предоставляется право разсчитаться по истеченіи мѣсячнаго срока, если они будутъ добывать слишкомъ мало золота, золотопромышленники обыкновенно вы-

---

[1]) По договору съ Хотимскимъ (въ ноябрѣ 1870 г.) подрядчикъ выговорилъ себѣ на вспомоществованіе 500 р. въ два срока: 300 руб. при заключеніи условія и 200 р. въ мартѣ 1871 г. Подрядчикъ, бравшій отъ другого подрядчика для золотничныхъ работъ часть пріиска Хотимскаго (въ 1870 г.), въ свою очередь выговаривалъ отъ послѣдняго „на вспомоществованіе“ 200 р.

[2]) Въ подобномъ же договорѣ съ Базилевскимъ (1877 г., сѣверн. части Енис. окр.) сказано: „или же на общія работы съ платою намъ въ мѣсяцъ по 24 руб. сер., *кромѣ содержанія*, которое должно относиться въ счетъ артельщика Волкова“ (одинъ изъ членовъ артели), слѣдовательно они должны были получать по 24 руб. на своемъ содержаніи.

говаривали себѣ право разсчитать рабочихъ и до срока по своему усмотрѣнію [1]).

Въ нѣкоторыхъ договорахъ пріисковое управленіе предоставляло себѣ право поставить на томъ же пріискѣ и другія артели, съ тѣмъ только, чтобы заключившихъ договоръ золотничниковъ не переводили съ занятыхъ ими мѣстъ. Въ другихъ договорахъ постановка другой артели допускалась въ томъ случаѣ, если первая артель не будетъ въ состояніи выработать занятое ею мѣсто до окончанія операціи. Въ третьихъ договорахъ пріисковое управленіе предоставляло себѣ право, „въ случаѣ надобности", поставить на томъ же пріискѣ и общія работы, съ тѣмъ только, чтобы золотничниковъ „съ занятыхъ мѣстностей не переводить и воды не отбирать". Въ договорахъ съ артелями золотничниковъ иногда точно обозначается мѣсто, отводимое имъ для работъ [2]).

Золотничники ограждали себя въ нѣкоторыхъ договорахъ отъ произвольнаго перевода съ выбранныхъ ими мѣстъ [3]). Однако, или не всѣ золотничныя артели выговариваютъ въ контрактахъ съ промысловымъ управленіемъ, чтобы ихъ не сгоняли съ хорошихъ, выбранныхъ ими мѣстъ, или золотопромышленники не соблюдаютъ договоровъ, но только случаи перевода золотничниковъ на менѣе выгодныя имъ мѣста бываютъ сплошь и рядомъ. „Старательской артели", говоритъ г. Ячевскій, „или назначается участокъ для работы, или предоставляется право свободныхъ поисковъ, причемъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, если старатель попадаетъ на богатое золото, онъ ничѣмъ не гарантированъ, что его не сгонятъ съ даннаго участка и не поставятъ на бѣдный или совершенно неизвѣстный". Г. Уманьскій также признаетъ, что въ случаѣ надобности управленіе можетъ согнать золотничниковъ съ выбраннаго ими мѣста (стр. 131). Во время поѣздки по Енисейскому округу въ 1891 г. я слышалъ, что этотъ видъ притѣсненія старателей довольно распространенъ: когда золотничники нашли хорошее мѣсто, ихъ сгоняютъ съ него или понуждаютъ перейти на

[1]) Нѣсколько большее равенство между обѣими сторонами устанавливается въ этомъ отношеніи только въ договорѣ съ К° Малевинскаго (1874 г.), въ которомъ сказано: „Ранѣе 11 сентября 1874 г. требовать разсчета не можемъ; также и управленіе при удовлетворительной добычѣ золота, вполнѣ покрывающей нашъ первоначальный заборъ и послѣдующій расходъ, безъ особенно уважительныхъ причинъ не можетъ насъ разсчитать".

[2]) Въ договорѣ съ Родственною (1870 г., южн. ч. Енис. окр.) упомянуто, что „если кто изъ прочихъ артелей пожелаетъ работать изъ нашего разрѣза, таковые обязаны платить намъ по 5 р. съ человѣка".

[3]) Въ договорѣ съ Пекаремъ и Вострогинымъ (1881 г., сѣверн. ч. Енис. окр.) уважительными причинами удаленія артели съ выбраннаго ею мѣста признается: хищничество золота, связь съ подозрительными людьми, пьянство и т. п.

общеконтрактное положеніе. Въ этомъ особенно обвиняли представителя одной богатой компаніи сѣверной части Енисейскаго округа, но прибавляли, что это дѣлаютъ и многіе другіе. Правда, по словамъ г. Уманьскаго, управленіе иногда переводитъ золотничниковъ на другое мѣсто ради ихъ собственнаго блага (см. стр. 132—134), но такіе мотивы принудительнаго изгнанія золотничниковъ съ найденнаго ими мѣста являются далеко не всегда, и нужно полагать, что золотопромышленники обыкновенно руководятся въ этомъ отношеніи исключительно эгоистическими соображеніями. Къ тому же и самъ г. Уманьскій признаетъ, что „на нѣкоторыхъ пріискахъ, если мѣсто, открытое золотничными, оказывается богатымъ, управленіе безъ дальнихъ околичностей сгоняетъ ихъ“ (стр. 132).

Въ нѣкоторыхъ договорахъ съ артелями золотничниковъ опредѣлено минимальное количество золота, которое артель должна была намывать на каждаго человѣка: по договорамъ съ Вилямовскимъ (1871 г.) по $^1/_2$ золотника, съ Калиниными-Шушляевыми по 1 золотнику.

Золотничники обязываются въ контрактахъ соблюдать при своихъ работахъ установленныя закономъ техническія правила, обыкновенно руководствуясь при этомъ указаніями управляющаго, и г. Ячевскій свидѣтельствуетъ, что „въ общемъ, земляныя работы производятся *даже старателями* очень правильно“ (стр. 36). Въ договорахъ съ подрядчиками-золотничниками послѣдніе принимаютъ на себя наблюденіе за правильностью работъ и отвѣтственность при несчастныхъ случаяхъ.

По словамъ г. Ячевскаго, „старательскіе станки“ для промывки золота „представляютъ большею частью жолобъ, шириною въ $1—1^1/_2$ арш., длиною до 5—6 арш., со слабымъ уклономъ... Все дно ихъ выложено листами бутарнаго желѣза. При старательской работѣ, задолжающей до 8 человѣкъ, станокъ имѣетъ обыкновенно конструкцію маленькой бутары, въ которой пески сваливаются на желѣзный листъ съ отверстіями; туда же поступаетъ вода, и пески протираются гребками. Улавливаніе золота производится на расположенномъ ниже шлюзѣ при помощи плинтусовъ и желѣзныхъ бутарныхъ листовъ“.

Золотничныя артели обыкновенно обязывались работать и въ праздничные, и воскресные дни; въ договорѣ съ Базилевскимъ (1872 г. сѣвер. ч. Енис. окр.), сказано, что они „изъявили на это согласіе въ видахъ собственной пользы“ [1]). Но при посѣщеніи пріисковъ сѣверной части Енисейскаго округа въ 1891 г., мы слышали, что золотничники обыкновенно (хотя и не всегда) отдыхаютъ въ воскресенье. Въ договорахъ же старатели-золотничники обыкновенно выговаривали себѣ одинъ льгот-

[1]) Такое же обязательство иной разъ давали и предприниматели, взявшіе пріискъ въ золотничную разработку.

ный день въ мѣсяцъ (напр., по договору 1871 г. съ Асташевымъ, южн. ч. Енис. окр.). Въ договорѣ съ Вострогинымъ и Пекаремъ (1881 г.) золотничники обязывались праздновать свой единственный въ мѣсяцъ льготный день „не всѣ заразъ, а по одному человѣку изъ артели по назначенію пріисковаго управленія". Въ договорѣ съ Кузнецовымъ золотничники, нанявшіеся на весь годъ съ 1 октября 1870 г. по 10 сентября 1871 г. за все это время выговорили себѣ всего 15 дней отдыха, а въ остальные праздничные дни непремѣнно обязались трудиться. Въ договорѣ съ Вилямовскимъ (1871 г.) устанавливается обязательная работа по праздникамъ и табельнымъ днямъ и о льготныхъ дняхъ не упоминается. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ золотничныхъ артелей время ежедневнаго начала работъ опредѣляется такъ: „на работу должны мы выходить согласно общаго пріисковаго положенія". По договору съ К° Малевинскаго (1874 г.) золотничники обязались начинать работу въ пятомъ часу утра и прекращать ее не ранѣе восьмого часа вечера, причемъ продолжительность отдыха не оговорена. Напротивъ, въ договорѣ съ Тонконоговымъ (1871 г.) золотничники обязались работать съ 5 ч. утра до 12-ти и съ 2 ч. до 8 ч. вечера, т.-е. 13 часовъ. Въ договорѣ съ Пекаремъ и Вострогинымъ (1881 г.) не опредѣлена продолжительность отдыха, и установлено обязательство вырабатывать не менѣе извѣстнаго количества: „работать мы должны", сказано въ этомъ договорѣ, „ежедневно съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера и вырабатывать въ это время столько, сколько вырабатываютъ рабочіе по общему контракту, въ противномъ случаѣ, если мы будемъ уклоняться и лѣниться, то пріисковое управленіе можетъ задавать намъ урочныя работы, и, не вырабатывая урокъ, не имѣемъ права сходить съ работъ даже и послѣ 8 ч. съ тѣмъ, если урокъ будетъ способенъ по усмотрѣнію пріисковаго управленія къ выработкѣ. Отъ работъ мы ни въ какомъ случаѣ не должны отлучаться безъ дозволенія на то пріисковаго управленія даже на обѣдъ и чай" [1]).

Въ нѣкоторыхъ договорахъ устанавливается обязанность золотничниковъ производить подготовительныя работы, причемъ особаго вознагражденія за нихъ не полагалось, и рабочіе довольствовались платою съ золотника промытаго золота. Сдавать золото золотничныя артели обязывались ежедневно, причемъ по нѣкоторымъ договорамъ при сдачѣ и взвѣшиваніи золота должно было присутствовать не менѣе трехъ членовъ артели, и въ выданную артельному старостѣ шнуровую тетрадь

[1]) То же самое, лишь въ иныхъ выраженіяхъ, мы находимъ и въ нѣкоторыхъ другихъ договорахъ. Въ экстренныхъ случаяхъ (при прорывѣ плотинъ, пожарахъ и проч.) золотничники, подобно общеконтрактнымъ, обязывались выходить на работу во всякое время и не оставлять ее, пока не будетъ дозволено.

тутъ же записывалось количество золота и промытыхъ песковъ; за подписью каждый разъ управляющаго пріискомъ и артельнаго старосты или вмѣсто него другого грамотнаго члена артели. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ договорахъ съ подрядчиками сдача золота назначалась разъ въ недѣлю по субботамъ.

Иногда пріисковое управленіе выговаривало себѣ право привлекать въ извѣстной мѣрѣ старателей-золотничниковъ къ исполненію хозяйскихъ работъ. Такъ по договорамъ съ компаніею Булычевой и Занадворовой (1872 г.) и Малевинскаго (1876 г.) управленію предоставлялось право потребовать весною для какихъ либо поторжныхъ работъ и лѣтомъ для шурфовки пріиска не болѣе 2 человѣкъ изъ артели заразъ, а всего не болѣе 50 поденщинъ, причемъ продовольствіе на нихъ должна была выдавать компанія (въ договорѣ же съ Базилевскимъ 1877 г. пріисковое управленіе могло потребовать не болѣе 1 человѣка заразъ, а всего не болѣе 10 поденщинъ). По договору съ компаніей Малевинскаго (1876 г.) рабочіе-золотничники кромѣ того обязались дать отъ себя служащимъ въ прислуги двухъ женщинъ, вознагражденіе и продовольствіе которыхъ принимали на свой счетъ, а по договору съ компаніею Булычевой и Занадворовой (1872 г.) они обязывались давать рабочихъ и для разныхъ хозяйскихъ работъ съ платою по 50 коп. за поденщину [1]).

„Несмотря на весь рискъ“, говоритъ г. Уманьскій, „золотничныя работы привлекательны для многихъ. Работая самостоятельно, рабочій чувствуетъ себя свободнѣе, измѣняется даже его способъ держать себя и говорить съ начальствомъ [2]). Впрочемъ свобода его весьма призрачна: для надзора за золотничными назначается особый смотритель, который обязанъ въ одно время съ общими выгонять ихъ на работу, разбирать ссоры артелей одна съ другою, слѣдить, чтобы не было кражи золота. Когда промывка идетъ хорошо,—управленіе довольно, и узда надзора не такъ чувствительна, но чуть только явится опасность, что золотничные могутъ непроизводительно войти въ долги, обращеніе круто измѣняется: начинаются вымогательство и придирки... Золотничныя работы требуютъ отъ рабочаго смѣтливости, осмотрительности, умѣнья шевелить мозгами, почему рабочіе сильные и безпечные предпочитаютъ оставаться въ разрядѣ общеконтрактныхъ, гдѣ работы тяжелѣе, но нѣтъ нужды заботиться и ломать свою голову“ (стр. 132).

Старатели-золотничники выбираютъ для завѣдыванія дѣлами ар-

---

[1]) „Камско-Волжская Газета“ 1873 г. № 73.

[2]) „Кто сталъ ходить на золотники“, говоритъ г. Пантелѣевъ, „тотъ уже рѣдко возвращается на общія работы, каковы бы ни были превратности золотничной работы“. „Сибирь“ 1897 г., № 119.

тели артельнаго старосту, на обязанности котораго лежитъ забота о всѣхъ нуждахъ артели, распредѣленіе работъ между ея членами, сдача золота, наблюденіе за правильною записью забираемыхъ въ пріисковой лавкѣ припасовъ, передача артели всѣхъ распоряженій пріисковаго управленія.

За всѣ свои работы, какъ подготовительныя (отводъ воды, вскрытіе торфа и проч.), такъ и непосредственно по добычѣ и промывкѣ золота, артели старателей-золотничниковъ получали вознагражденіе съ золотника. Въ 70-хъ годахъ это вознагражденіе колебалось между 1 р. 25 к. и 2 р. 25 к. зъ золотника [1]). На пріискѣ, описываемомъ г. Уманьскимъ, рабочіе получали въ половинѣ 80-хъ годовъ по 2 р. за золотникъ, на нѣкоторыхъ же пріискахъ, по его словамъ, плата доходила до 3 рублей (стр. 76, 131). По свидѣтельству корреспондента одной сибирской газеты, рабочіе въ сѣверной части енисейскаго округа получали въ 1885 г. отъ 2 р. 50 к. до 3 р. [2]). Въ 1889 г. плата за золотникъ въ Енисейскомъ округѣ колебалась въ сѣверной части между 3 р. 20 к. и 3 р. 50 к., въ южной части между 2 р. 80 к. и 3 р. 50 к. [3]). Въ 1890 г. въ сѣверной части Енисейскаго округа рабочіе получали 2 р. 50 к.—3 р., а въ южной 2 р. 40 к.—3 р. 20 к. Окружной инженеръ южной части Енисейскаго округа пояснилъ, что плата колеблется „въ зависимости отъ трудности работъ, цѣнъ на получаемые припасы, лажа на золото и добросовѣстности владѣльца пріиска. Во всякомъ случаѣ, низкій размѣръ платы способствуетъ тайной продажѣ нѣкоторой (иногда значительной) части золота на сторону, потому что золотничникъ, получая 2 р. 50 к. за золотникъ, не въ состояніи въ иныхъ случаяхъ даже пропитать себя и выходитъ съ пріиска неоплатнымъ должникомъ“ [4]). По словамъ же г. Ячевскаго, посѣтившаго сѣверную часть Енисейскаго округа въ 1891 г. плата значительно ниже—отъ 1 р. 80 к. до 2 р. 50 к. за золотникъ „въ зависимости отъ богатства золота и отъ степени удобства работъ“ (23 стр.), между тѣмъ какъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1891 годъ плата золотничникамъ въ сѣверной части округа равнялась 3 р. 20 к.—3 р. 50 к., а въ южной части 2 р. 80 к.—3 р. 50 к. за золотникъ [5]). Эта разница въ показаніяхъ о вознагражденіи за золото происходитъ отъ того, что г. Ячевскій имѣетъ въ виду плату членамъ золотничныхъ артелей, а

---

[1]) По свидѣтельству Л. Ѳ. Пантелѣева, плата падала мѣстами и до 80 к. „Сибирь“ 1897 г. № 119.

[2]) „Сибирь“ 1885 г., № 6, стр. 7. При тайной продажѣ рабочіе могли въ 1886 г. получить 4 р. 30 к. за золотникъ золота. „Сибир. Вѣстн.“, 1886 г. № 91, стр. 3.

[3]) Отчетъ Томск. Горн. Управленія.

[4]) „Горный Журналъ“, 1891 г., № 12, стр. 527—530.

[5]) „Вѣстн. Золот.“ 1892 г., № 16, стр. 225.

мѣстные окружные инженеры очевидно говорятъ о вознагражденіи подрядчиковъ, получающихъ болѣе высокую плату, чѣмъ набираемые ими рабочіе. Во всякомъ случаѣ плата золотничникамъ сравнительно съ 70-ми годами, по крайней мѣрѣ номинально, повысилась, но такъ какъ заработки зависятъ отъ количества добытаго золота, то съ оскудѣніемъ енисейскихъ промысловъ и при разнообразныхъ вычетахъ съ рабочихъ и пріемахъ ихъ эксплоатаціи, заработки эти могли и не возрасти.

Что касается платы подрядчикамъ, ведущимъ работы артелями золотничниковъ, то въ началѣ 70-хъ годовъ въ южной части Енисейскаго округа они получали отъ 1 р. 40 к. до 2 р. 60 к. за золотникъ. Въ сѣверной части Енисейскаго округа, по договору съ К° Малевинскаго 1873 г., крупный подрядчикъ получалъ по 2 р. за золотникъ, а самъ платилъ рабочимъ по 1 р. 40 к. и, имѣя 180 рабочихъ (80 человѣкъ на своихъ работахъ и 100 человѣкъ золотничниковъ), нажилъ въ годъ съ пріисковъ этой К° 25000 рублей, уплативъ компаніи аренды не менѣе 45 т. руб. [1]). По договору съ Базилевскимъ (1879 г.) крестьянинъ, взявшій въ разработку Константскій пріискъ, выговорилъ себѣ плату по 3 р. за золотникъ золота. По договору съ Цекаремъ и Востротинымъ рабочіе получали по 1 р. 80 к., а арендаторы-золотничники по 2 р. 80 к. за золотникъ, но изъ этихъ денегъ арендаторы-золотничники „должны платить рабочимъ, покрывать экстраординарные расходы, платить проценты (18—50%) за занимаемыя деньги, а владѣльцы пріисковъ получали около 8 р. за золотникъ (около этой цифры колебался курсъ золота въ 1877—82 гг.) [2]). По наблюденіямъ г. Ячевскаго (1891 г.) „промежуточною формою между арендою пріиска съ золотника и артельною работою является особый типъ старательской работы, состоящій въ томъ, что нѣкоторый участокъ пріиска сдается съ золотника мелкому предпринимателю, который, съ своей стороны, ставитъ на немъ или собственныя, или артельныя работы. При этой операціи дѣлается, напримѣръ, слѣдующій коммерческій оборотъ: арендаторъ пріиска получаетъ по 3 р. 50 к. за золотникъ, старатель (т.-е. подрядчикъ-золотничникъ) довольствуется уже 3 рублями или даже 2 р. 80 к., а артельщику отдаетъ за 1 р. 80 к.—2 р. 50 к. Кромѣ того въ такихъ дѣлахъ существуютъ разнообразныя комбинаціи относительно инструментовъ, припасовъ и товаровъ“ (стр. 24).

Артели золотничниковъ основывались всегда на принципѣ равнаго вознагражденія всѣхъ членовъ, кромѣ выбраннаго артелью старосты. Мы встрѣтили только одно исключеніе изъ этого правила, а именно, въ

---

[1]) „Сибирь“ 1897 г., № 119.

[2]) „Устои“, 1882 г., № 12, стр. 4, 23; „Сибирская Газета“, 1883 г., № 37, стр. 944.

договорѣ съ Базилевскимъ (1872 г. сѣв. ч. Енис. окр.) сказано: „Такъ какъ пріисковое управленіе оставляетъ за нами на текущую операцію Митрофановскій и Пафнутьевскій пріиски исключительно, то мы обязываемся, въ случаѣ надобности, увеличить артель нашу до 30 чел. и въ правѣ нанимать людей *дешевле получаемой нами платы* за золотникъ золота". Но и тутъ сдѣлана такая оговорка: „Въ случаѣ невозможности нанять рабочихъ намъ самимъ, пріисковое управленіе въ правѣ увеличить таковую (артель) само и назначить вновь нанятымъ рабочимъ такую же плату, какую получаемъ и мы. Золото, добытое со времени поступленія вновь нанятыхъ, дѣлится на насъ всѣхъ по количеству поденщинъ".

Снаряды для промывки золота старатели-золотничники или устраивали сами, или брали ихъ безплатно или на извѣстныхъ условіяхъ у хозяевъ пріиска.

Въ договорахъ южной части Енисейскаго округа относительно этого мы находимъ слѣдующія постановленія. По договору съ Тонконоговымъ (1871 г.) старатели-золотничники обязались добытые пески промывать на устроенныхъ ими самими бутарахъ или американкахъ. По договору съ Вилямовскимъ (1871 г.) они все нужное для вскрыши турфовъ, а именно мосты и тачки, а также для добычи и промывки песковъ американки, бутарки, сплотки, вашгерды—обязались приготовлять своими средствами; золотопромывальными машинами, если онѣ понадобятся и будутъ свободны, старатели-золотничники могли пользоваться безплатно, но поправку ихъ они принимали на свой счетъ [1]). Въ договорѣ съ К° Малевинскаго (1876 г. сѣв. ч. Енис. окр.) сказано: что нужный для своихъ работъ лѣсъ старатели-золоточники должны рубить и вывозить сами къ мѣсту работъ на своихъ лошадяхъ, которыхъ у нихъ должно быть не менѣе 6 и которыхъ они обязаны были кормить на свой счетъ. По договору съ Калиниными-Шушляевыми (1871 г.) вырубку и подвозку лѣса золотничники должны были производить на своихъ лошадяхъ, а если ихъ не будетъ, то на „компанейскихъ, если къ тому будетъ возможность и будутъ льготныя лошади", за указанную въ договорѣ плату, а именно по 1 золотнику за каждую поденщину. Такая же плата полагалась и за поденщину рабочаго въ томъ случаѣ, если золотничники, съ согласія управленія, будутъ пользоваться хозяйскими рабочими, состоящими на содержаніи отъ владѣльца пріиска. По нѣкоторымъ другимъ договорамъ начала 70-хъ годовъ, золотничники должны были платить за пользованіе хозяйскими лошадьми по 1 р. 50 коп. или по 1 золот. золота за каждый день. По договору съ Пекаремъ и Вострогинымъ (1881 г., сѣв. ч. Енис. окр.), они обязывались имѣть не менѣе 2 лошадей на каждую артель изъ 10 человѣкъ. Напротивъ, на пріискѣ, описываемомъ г. Уманьскимъ, они не могли имѣть своихъ лошадей и въ случаѣ надобности должны были брать ихъ отъ компаніи съ платою по 2—3 руб. въ день (стр. 76, 131).

Въ началѣ 70-хъ годовъ, по нѣкоторымъ договорамъ, золотничники пользовались хозяйскими инструментами и промывательными снарядами безплатно, но затѣмъ за это съ нихъ стали дѣлать вычеты,

[1]) Если они будутъ пользоваться хозяйскими таратайками, то за это дѣлается вычетъ „по стоющей управленію цѣнѣ".

которые все возрастали, точно такъ же какъ и вычеты за лѣченіе и на нѣкоторые другіе расходы. Въ договорахъ южной части Енисейскаго округа мы находимъ по этому предмету слѣдующія постановленія. По договору старателей золотничниковъ съ Родственною (1870 г.) они забирали „инструменты и посуду“ въ счетъ слѣдуемой имъ платы, но съ тѣмъ, что по окончаніи работъ управленіе должно принять все сохраненное въ цѣлости обратно и произвести вычетъ только за потерянное или испорченное. О платѣ за горные инструменты и необходимые для работъ снаряды не упоминается и въ нѣкоторыхъ другихъ договорахъ этого времени или прямо сказано, что золотничники должны были получать ихъ безплатно, и только поправку ихъ они принимали на свой счетъ. Но въ договорѣ съ Вилямовскимъ (1871 г.) за пользованіе горными инструментами и „посудою“ уже установленъ вычетъ въ размѣрѣ 30% ихъ стоимости, по договору съ К° Зотовыхъ (1871 г.) по 3 р. въ мѣсяцъ съ каждаго человѣка, а по контракту съ Асташевымъ (1871 г.) въ размѣрѣ ихъ половинной стоимости.

По договору съ Базилевскимъ (1872 г., сѣв. ч. Енис. окр.) золотничники должны были платить за пользованіе инструментами 20% ихъ стоимости. Кромѣ того на содержаніе и жалованье присматривающаго за ихъ работою служащаго они должны были вносить ежемѣсячно по 1 р. 50 к. Лѣченіе больныхъ они принимали на свой счетъ, уплачивая фельдшеру по 1 р. съ человѣка за всю лѣтнюю операцію. По договору съ Асташевымъ (1871 г. южн. ч. Енис. окр.) за лѣкарство и лѣченіе больныхъ старатели должны были вносить по 4 р. за каждаго, а по двумъ договорамъ съ Калиниными-Шушляевыми (1871 г.) по 3—5 р. съ каждаго члена артели, сколько бы ни было больныхъ.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ сѣверной части Енисейскаго округа плата за пользованіе инструментами соединяется съ вычетомъ на содержаніе больницъ. Такъ въ договорѣ съ К° Малевинскаго (1874 г.) сказано: „За пользованіе инструментомъ и на содержаніе больницы управленіе единовременно удерживаетъ съ каждаго рабочаго по 5 р.“, хотя „обыкновенное содержаніе больныхъ, т.-е. мука, мясо и прочіе припасы относятся на счетъ артели“. Кромѣ того на содержаніе служащихъ, приставленныхъ для надзора за золотничниками, а также пріисковаго караула управленіе ежемѣсячно вычитаетъ по 1 р. 75 к. По договору съ тою же компаніею (1876 г.) за пользованіе инструментами, на больницу и разные другіе расходы назначенъ общій вычетъ по 12 р. съ каждаго человѣка, причемъ содержаніе больныхъ золотничники также принимаютъ на свой счетъ и подвергаются особымъ вычетамъ за порчу и потерю инструментовъ [1]). По словамъ г. Ячевскаго

[1]) Такой же вычетъ по 12 р. назначенъ и по договорамъ съ Базилевскимъ (1877 г.) и съ К° Пекаря и Востротина (1881 г.).

въ настоящее время въ сѣверной части Енисейскаго округа за пользованіе инструментами взыскивается 20% ихъ стоимости; кромѣ того производится вычетъ по 4 р., а иногда и нѣсколько болѣе съ каждаго человѣка на исполненіе пріисковыхъ повинностей: дорожной, содержаніе врача, священника и проч. (стр. 23) [1]). На пріискѣ, описываемомъ г. Уманьскимъ, рабочіе обязательно платили за инструменты, хотя бы они ихъ вовсе не брали; вообще же, по его словамъ, платятъ за инструменты, „часто совершенно негодные, по 7—10 р. въ мѣсяцъ, хотятъ они брать ихъ или нѣтъ, причемъ плата увеличивается соотвѣтственно богатству золота на данномъ пріискѣ“ (стр. 76).

Что касается отдѣльныхъ предпринимателей, берущихъ пріиски для золотничной разработки, то въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ слѣдующія условія въ договорахъ южной части Енисейскаго округа. Крестьянинъ, взявшій пріискъ у Елизаровой (1870 г.) обязался заготовить инструменты на свой счетъ. По договору съ Вилямовскимъ (1870 г.) двое мѣщанъ, взявшихъ пріискъ въ золотничную разработку, должны были безплатно пользоваться хозяйскими инструментами и таратайками. По договору съ К° Щеголевыхъ и Кузнецова (1871 г.) горные инструменты должны быть хозяйскіе. Мѣщанинъ, взявшій пріискъ у Хотимскаго (1870 г.), долженъ былъ подержанные горные инструменты (ломы, кайлы, лопаты и проч.) получить безплатно, а новые по стоющей пріиску цѣнѣ. Въ отчетѣ окружного инженера южной части Енисейскаго округа за 1889 годъ сказано, что пріисковые инструменты и таратайки старатели-золотничники (подрядчики) берутъ напрокатъ, слѣдовательно съ платою за пользованіе ими.—Золотопромывальныя машины (вышгерды, бутары, американки) подрядчики-золотничники обыкновенно строили на свой счетъ; иногда впрочемъ пріисковое управленіе нужный для этого строительный матеріалъ давало отъ себя (договоры южной части Енис. округа 1870—71 гг.). Подрядчики-золотничники выговаривали иной разъ право пользоваться хозяйскими лошадьми, а также и общеконтрактными рабочими, если они будутъ свободны, за извѣстную плату: по договору съ Хотимскимъ (1870 г.)—по 80 коп. въ день за лошадь и по 1 р. за человѣка; по договору съ Вилямовскимъ (1871 г.)—за каждаго взятаго хозяйскаго рабочаго по 5 р.

Относительно лѣченія рабочихъ, находящихся въ артеляхъ такихъ подрядчиковъ-золотничниковъ, встрѣчаемъ двоякія условія: или медицинская помощь оказывается имъ безплатно отъ хозяина пріиска [2]),

---

[1]) По договору съ Вилямовскимъ (1871 г., южн. ч. Енис. окр.) со старателей-золотничниковъ производился вычетъ по 8 р. съ каждаго на разные пріисковые расходы и устройство дороги, такъ какъ они не ставятъ для этого работниковъ натурою.

[2]) Золотопромышленникъ южн. ч. Енис. окр. Вилямовскій обязался (1870 г.) „имѣть фельдшера съ достаточнымъ количествомъ медикаментовъ безплатно“.

или подрядчикъ платитъ за лѣченіе [1]), пропитаніе же больныхъ было на счетъ подрядчиковъ.

Старатели-золотничники работаютъ не на хозяйской, а на своей пищѣ, забирая припасы (а также нужныя имъ вещи) въ счетъ заработка изъ хозяйскихъ пріисковыхъ лавокъ. Что касается цѣнъ, то въ нѣкоторыхъ договорахъ назначеніе ихъ, повидимому, предоставляется пріисковому управленію, въ другихъ, хотя и не всегда ясно, постановляется, что онѣ не должны превышать установленныхъ таксою для общеконтрактныхъ рабочихъ, въ третьихъ же договорахъ цѣны припасовъ точно обозначены. По договору съ Булычевою и Занадворовою (1872 г. сѣв. части Енис. окр.) цѣна муки ржаной и овса назначена 1 р. 60 к., крупы и муки пшеничной 2 р. 40 к., мяса свѣжаго и соленаго 3 р. 60 к., соли 2 р. 40 к., сала 8 р. и сѣна 1 р. 10 к. за пудъ; за товарныя вещи по таксѣ, а за прочее по стоющимъ пріисковому управленію цѣнамъ. Авторъ корреспонденціи, въ которой былъ напечатанъ цитируемый договоръ, поясняетъ, что въ 1871—72 гг. мясо свѣжее и соленое не стоило болѣе 2 р. за пудъ, крупа и пшеничная мука—70 к., овесъ и ржаная мука 40 к., сало—2 р. 50 к., соль—1 р. 18 к., сѣно въ тайгѣ—10—15 к., разумѣется если все это, какъ обыкновенно и дѣлается на пріискахъ, закупать оптомъ. Доставка изъ Енисейска въ тайгу обходилась въ то время 50 коп. съ пуда; значитъ, противъ контрактныхъ цѣнъ пріискъ выгадывалъ на мясѣ 44%, на соли 43%, на ржаной мукѣ и овсѣ 77%, крупѣ и мукѣ пшеничной 100%, салѣ 166% и сѣнѣ 633%. По мнѣнію автора корреспонденціи, за установленіе такихъ цѣнъ золотопромышленниковъ можно было бы привлечь къ суду на основаніи 913-й и 1180-й ст. Уложенія о наказаніяхъ, какъ за стачку „къ возвышенію цѣнъ на предметы продовольствія“, потому что „вся тайга по Горному Уставу закрыта для торговли, и такимъ образомъ насчастный рабочій людъ долженъ платить за свое содержаніе то, что̀ заблагоразсудятъ содрать съ него хозяева пріиска“ [2]). Г. Ячевскій говоритъ, что старатели-золотничники получаютъ припасы изъ пріисковаго магазина или „по цѣнамъ, утвержденнымъ пріисковою полиціею, или же по цѣнамъ вольнымъ, зависящимъ отъ обоюднаго соглашенія. *Вольныя цѣны всегда выше справочныхъ цѣнъ*, и это происходитъ отъ того, что мелкіе арендаторы пріисковъ платятъ настолько высокіе проценты своимъ поставщикамъ, что не могутъ отдавать старателямъ припасовъ и товаровъ по утвержденнымъ цѣнамъ“ (стр. 23).

Г. Уманьскій говоритъ, что старатели-золотничники того пріиска,

---

[1]) Договоръ южной части Енис. округа съ Хотимскимъ (1870 г.) и съ К° Кузнецова и Щеголевыхъ (1871 г.).

[2]) „Камско-Волжская Газета“, 1873 г., № 73.

гдѣ онъ служилъ смотрителемъ надъ ними, были „въ высшей степени невоздержны“ относительно забора припасовъ, когда промывка шла хорошо: „когда остальные рабочіе довольствовались половиною кирпича (чаю) въ мѣсяцъ, золотничные брали по цѣлому, вмѣсто 1—2 фунтовъ масла—4 фунта, въ три раза больше брали мяса сверхъ положенія и отъ 6 до 10 фунтовъ сахару въ мѣсяцъ“ (стр. 135), но это доказываетъ только, что пищевой паекъ общеконтрактныхъ, особенно относительно жировыхъ веществъ, слишкомъ недостаточенъ, и что небольшіе заработки не позволяютъ имъ забирать изъ лавокъ на свой счетъ необходимые припасы въ достаточномъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе пріисковыя управленія обыкновенно находили нужнымъ опредѣлять, по крайней мѣрѣ относительно наиболѣе важныхъ припасовъ, то количество, какое могли взять изъ пріисковыхъ складовъ золотничники въ счетъ своего заработка. Въ началѣ 70-хъ гг. наиболѣе распространенною является норма, установленная въ договорѣ съ Родственною (1870 г.), въ которомъ сказано: „Полученіе нами изъ пріисковыхъ запасовъ въ наше содержаніе припасовъ не должно превышать того количества, какое дѣйствительно потребуется для нашаго продовольствія, а именно: муки ржаной въ мѣсяцъ по 2 п. 20 ф., говядины по $1^1/_2$ ф. въ сутки на человѣка, а прочее по общему положенію въ компаніи для чернорабочихъ“. По договору съ Тонконоговымъ (1871 г.) установлена нѣсколько меньшая норма забора: ржаной муки 2 пуда, говядины 1 п., крупы 5 ф. въ мѣсяцъ на человѣка. По словамъ г. Уманьскаго, „какъ только явится опасность, что золотничные могутъ непроизводительно войти въ долги“, пріисковыя управленія прекращаютъ выдачу имъ провизіи изъ амбара, „кромѣ самой необходимой для поддержанія жизни“ (стр. 132). Расходы по пріобрѣтенію провизіи золотничники дѣлили между собою поровну.

Приготовленіе пищи возлагается въ договорахъ съ старателями-золотничниками на нихъ самихъ: по договору съ Малевинскимъ (1876 г. сѣв. ч. Енис. окр.), они не должны были при этомъ требовать отъ управленія ни дровъ, ни хлѣбопека, ни стряпки; по договору же съ Калининими-Шушляевыми (1871 г., южн. ч. Енис. окр.), приготовляя сами пищу, они могли печеный хлѣбъ получать изъ общей хозяйской пекарни.

Въ договорахъ подрядчиковъ-золотничниковъ съ хозяевами пріисковъ также устанавливается ихъ право брать изъ пріисковыхъ лавокъ съѣстные припасы и товары или по тѣмъ цѣнамъ, во что они обошлись пріисковому управленію, или по цѣнамъ, указаннымъ въ договорѣ, или по утвержденной таксѣ. По договору подрядчика-золотничника съ К° Щеголевыхъ и Кузнецова (1871 г.), рабочіе подрядчика получали печеный хлѣбъ отъ пріисковаго управленія, за что подрядчикъ долженъ

былъ платить за муку по таксѣ и хлѣбопеку по 1 р. въ мѣсяцъ, а по договору съ Хотимскимъ (1870 г.), хлѣбопека нанимаетъ самъ подрядчикъ.

Но цѣны, устанавливаемыя въ договорахъ золотничныхъ подрядчиковъ съ пріисковыми управленіями, не совпадаютъ съ тѣми, по которымъ онъ отпускаетъ эти припасы своимъ рабочимъ. Такъ по свидѣтельству корреспондента одной сибирской газеты съ енисейскихъ пріисковъ, бывшій управляющій одной компаніи взялъ въ 1881 г. пріискъ „на золотники", всю „обстановку" пріиска онъ взялъ въ долгъ, а изъ компанейскихъ амбаровъ получалъ припасы, товары и матеріалы по цѣнамъ компаніи. Продавая эти припасы рабочимъ, онъ бралъ съ нихъ барышъ отъ 27 до 92% [1]).

Нѣкоторые изъ арендаторовъ-золотничниковъ обязывались сами заготовлять необходимые для ихъ рабочихъ припасы [2]).

Иногда подрядчики-золотничники выговаривали въ контрактѣ полученіе отъ пріисковаго управленія вина для винныхъ порцій рабочимъ [3]), другіе же обязывались сами заготовлять водку для порцій [4]). Но извѣстно, что арендаторы-золотничники очень усердно занимаются тайною торговлею виномъ и обмѣномъ его на золото, приносимое рабочими сосѣднихъ пріисковъ. „Многіе арендаторы", говоритъ г. Уманьскій, „продаютъ золотничнымъ спиртъ въ обмѣнъ на золото, систематически спаивая ихъ" (стр. 76).

Жилища старателямъ-золотничникамъ обыкновенно отводились отъ пріисковаго управленія, нерѣдко однако съ обязанностью произвести въ нихъ необходимыя исправленія, отопленіе же и освѣщеніе они принимали на свой счетъ. Помѣщенія эти были или отдѣльныя, или общія съ хозяйскими рабочими. По одному извѣстному намъ договору (Пекаря и Вострогина, 1881 г., сѣв. ч. Енис. окр.), на старателей-

---

[1]) См. *Дополненіе XXIII.* Почти такія же цѣны въ енисейской тайгѣ приведены въ газетѣ „Сибирь", 1882 г., № 20, стр. 1. Ср. *Уманьскій*, стр. 71—72. Значительно болѣе высокія цѣны и большій процентъ барыша см. въ статьѣ *В. Журавскаго* „Смертные грѣхи сибирской золотопромышленности" въ „Биржевыхъ Вѣдом.", 1883 г. № 109.

[2]) Договоръ съ Вилямовскимъ 1871 года.

[3]) Въ договорѣ двухъ подрядчиковъ съ Вилямовскимъ 1870 г. сказано, что „водку или спиртъ для порціи рабочимъ они должны получать по цѣнамъ, стоющимъ пріиску съ надбавкою на усыпку и утечку 20%, каковыя порціи должны рабочимъ подаваться самимъ управленіемъ, а не нами, собственнаго же спирта не ввозить на пріискъ и не требовать отъ управленія на разнородныя потребности". По договору же съ Вилямовскимъ 1871 г. подрядчики за держаніе собственнаго спирта или водки подвергались законной отвѣтственности и „лишенію дальнѣйшей разработки съ увольненіемъ съ пріиска".

[4]) Другой договоръ съ Вилямовскимъ 1871 г.

золотничниковъ могла быть возложена и постройка для нихъ жилищъ: „Мы должны построить для собственнаго жилья балаганы или бараки, если таковыхъ не будетъ вблизи работъ, лѣсъ же на постройки должны добывать сами и привозить на собственныхъ лошадяхъ. За эти работы не полагается никакого вознагражденія". Понятно, что старатели-золотничники сплошь и рядомъ помѣщаются гораздо хуже общеконтрактныхъ, какъ это видно, напр., изъ слѣдующихъ словъ горнаго исправника сѣверной части Енисейскаго округа въ отчетѣ за 1881 годъ: „Золотничные рабочіе, которыхъ содержаніе и *помѣщенія должны быть на ихъ счетъ*, помѣщаются въ большинствѣ случаевъ хуже общеконтрактныхъ рабочихъ. На новыхъ пріискахъ, гдѣ нѣтъ помѣщеній, они живутъ *въ землянкахъ* и балаганахъ и на настояніе устроиться болѣе удобно отвѣчаютъ, что они жители не на года, а на мѣсяцы, и что лѣтомъ землянки и балаганы для нихъ удобнѣе казармъ" [1]). По оффиціальному отчету за 1896 г. „старатели *въ большинствѣ случаевъ* помѣщались въ шалашахъ или землянкахъ" [2]).

Что касается подрядчиковъ-золотничниковъ, то въ однихъ договорахъ они выговаривали для себя и рабочихъ хозяйское помѣщеніе, по другимъ же обязывались построить его сами, но отопленіе и освѣщеніе (при ортовыхъ работахъ) они принимали на свой счетъ.

Старатели-золотничники, какъ и общеконтрактные рабочіе, обязывались хорошо вести себя на пріискѣ и повиноваться пріисковому управленію, „не грубить, не пьянствовать, съ пріиска безъ дозволенія управляющаго никуда не отлучаться и никакихъ посторонникъ людей къ себѣ не принимать", а также „покупкою и продажею золота и вина не заниматься" [3]). По словамъ одного мѣстнаго наблюдателя, поведеніе старателей-золотничниковъ вообще лучше, чѣмъ общеконтрактныхъ. Большинство ихъ „бываетъ по преимуществу изъ такъ называемыхъ

---

[1]) Въ 1878 г. двое рабочихъ Преображенскаго пріиска (южно-енис. сист.), разрабатывавшагося „на золотники" мѣщанами Славинымъ, Румянцевымъ и Мармотовымъ, явились къ начальнику енисейскаго жандармскаго управленія Герасимову и заявили, что они живутъ въ такой казармѣ, которая каждый часъ грозитъ обрушиться. Герасимовъ и горный исправникъ; пріѣхавъ на пріискъ, нашли, что занимаемая рабочими казарма „не только пропускаетъ сквозь крышу течь, но грозитъ ежеминутно обваломъ... Кромѣ того устроенная изъ плитняка жалкаго, обветшалаго вида печь при каждой топкѣ ея пропускаетъ дымъ, отчего стѣны и потолки покрыты массою сажи", и рабочіе болѣютъ глазами; нары были гнилы и наполовину развалились. Рабочіе были переведены въ болѣе безопасное помѣщеніе, а прежнее ихъ жилище по его ветхости нельзя было даже поправить. Арх. горн. испр. южно-енис. окр., дѣло 1878 г., № 11.

[2]) „Вѣстн. Золот." 1897 г. № 11, стр. 250.

[3]) Подобныя же условія находимъ и въ договорахъ съ подрядчиками-золотничниками, которые ручаются за хорошее поведеніе свое и своихъ рабочихъ, подъ страхомъ отвѣтственности какъ предъ пріисковымъ управленіемъ, такъ и предъ закономъ.

вольныхъ или отрядныхъ рабочихъ, а это вырабатывающійся новый типъ болѣе порядочнаго рабочаго" [1]).

За разныя провинности (невыходъ на работу, прогульные дни, пьянство, грубость, отлучку безъ разрѣшенія и различные предосудительные поступки) старателямъ-золотничникамъ, также какъ и общеконтрактнымъ, грозили въ договорахъ первой половины 70-хъ годовъ штрафы отъ 3 до 5 руб. За явку на пріискъ позже назначеннаго срока по нѣкоторымъ договорамъ за каждый просроченный день опредѣленъ штрафъ въ 3 рубля.

Большіе штрафы грозили артелямъ золотничниковъ за утайку золота: по нѣсколькимъ договорамъ первой половины 70-хъ гг. виновный въ этомъ предается суду „по всей строгости законовъ", а артель штрафуется 200 рублями, которые вычитаются изъ платы при разсчетѣ, въ нѣкоторыхъ же договорахъ второй половины 70-хъ гг. за это назначенъ штрафъ въ 100 руб.

Что штрафы съ золотничниковъ существуютъ не только на бумагѣ, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Уманьскаго: „иногда, чтобы уменьшить ихъ заработокъ, съ нихъ берутъ еще произвольные штрафы и вычеты (стр. 131).

По нѣкоторымъ договорамъ золотничники подлежали и тѣлесному наказанію по приговору артельной расправы или „полицейскому взысканію". Впрочемъ, такихъ постановленій мы встрѣтили очень мало, а именно, въ договорѣ съ Базилевскимъ (1870 г. сѣв. ч. Енис. окр.) неповинующихся распоряженіямъ выборнаго артельнаго старосты относительно порядка веденія работъ, отстающихъ отъ другихъ въ работѣ, пьянствующихъ и за всякіе противозаконные поступки и нарушенія контракта рабочіе обязывались „наказывать по требованію старосты артельною расправою"; въ договорѣ съ Калининымъ-Шушляевымъ (1871 г.) упоминается о „полицейскомъ взысканіи" за разные проступки, а въ договорѣ съ Пекаремъ и Вострогипымъ (1881 г.) лишь о „строгомъ наказаніи" сверхъ штрафа. Очевидно, старатели золотничники, какъ поставленные болѣе самостоятельно, рѣдко соглашались на допущеніе въ договорахъ тѣлеснаго наказанія.

Однимъ изъ самыхъ тяжкихъ наказаній для старателей-золотничниковъ, какъ и для общеконтрактныхъ, могло быть увольненіе съ пріиска ранѣе срока найма. По разнымъ договорамъ первой половины 70-хъ гг. пріисковое управленіе предоставляло себѣ право разсчитывать рабочихъ по своему усмотрѣнію во всякое время за отлучку съ пріиска, грубость, драку и другіе противозаконные поступки. Въ нѣкоторыхъ договорахъ второй половины 70-хъ гг. пріисковому управле-

[1]) „Вѣстн. Золот.", 1893 г., № 4, стр. 6.

нію предоставлялось это право лишь въ томъ случаѣ, если „артель не окажетъ управленію достаточнаго содѣйствія въ прекращеніи такихъ безпорядковъ“. Въ случаѣ досрочнаго разсчета рабочаго уплату лежащаго на немъ долга принимаетъ на себя артель. Въ договорахъ съ подрядчиками-золотничниками или устанавливается неразрывность договора до условленнаго срока, или допускается прекращеніе работъ и со стороны пріисковаго управленія, и со стороны самихъ подрядчиковъ-золотничниковъ, какъ по невыгодности работъ, такъ и по несостоятельности подрядчика.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ съ артелями золотничниковъ пріисковому управленію предоставляется право обращать членовъ артели, повинныхъ въ разныхъ проступкахъ, въ общеконтрактныхъ рабочихъ до самаго разсчета. Это разрѣшалось и въ томъ случаѣ, если старатели не отрабатывали своего долга пріисковому управленію. Та же мѣра допускалась иногда въ томъ случаѣ, если долгъ превышалъ заработокъ, и въ нѣкоторыхъ договорахъ съ подрядчиками.

Разсчетъ съ золотничниками, какъ и съ общеконтрактными, производился лишь по окончаніи срока договора.

Въ отчетахъ двухъ горныхъ исправниковъ Енисейскаго округа 80-хъ гг. есть свѣдѣнія о томъ, сколько всего было заработано старателями-золотничниками, но такъ какъ число ихъ неизвѣстно, то мы не имѣемъ возможности вычислить размѣръ средняго заработка. На основаніи этихъ данныхъ мы можемъ только опредѣлить, какой процентъ заработка всѣхъ рабочихъ даннаго округа составлялъ заработокъ всѣхъ золотничниковъ. Такъ въ южной части Енисейскаго округа въ 1883 г. заработокъ всѣхъ старателей составлялъ 22% заработка всѣхъ рабочихъ, въ 1884 году 16%, въ 1885 г.—32%, въ 1888 г.—33%. Такъ какъ нельзя предполагать, чтобы за эти немногіе годы средній заработокъ золотничниковъ сильно увеличился, то нужно предположить, что ихъ число значительно возросло. Въ сѣверной части Енисейскаго округа въ 1888 г. заработокъ золотничниковъ составлялъ 11% заработка всѣхъ рабочихъ, въ 1889 г. почти 10%.

Такихъ данныхъ, которыя указываютъ дѣйствительные заработки старателей-золотничниковъ, мы имѣемъ очень мало. По наблюденіямъ г. Ячевскаго въ сѣверной части Енисейскаго округа (1891 г.) старательская артель (8 чел. при 2 лош.) намывала въ день 6 золотниковъ и получала по 2 р. 50 коп. за золотникъ; всего слѣдовательно было получено въ день 15 р.; другая артель на томъ же пріискѣ, состоящая изъ 15 чел., намывала 16 золотниковъ въ день, т.-е. получала 40 р. Но изъ этого заработка нужно исключить плату за пользованіе лошадьми или расходъ на фуражъ, нужно помнить также, что золотничники работали на своихъ харчахъ, что съ нихъ производились

большіе вычеты на пріисковые расходы. Болѣе понятія о среднихъ заработкахъ старателей-золотничниковъ даетъ намъ разсчетная книга съ рабочими по дѣламъ К° Малевинскаго за операцію $187^4/_5$ года. Мы выдѣлили изъ этой книги 119 золотничниковъ, и оказалось, что ихъ средній заработокъ на золотѣ равнялся 185 р. 25 к. [1]) на каждаго; почти всѣ они работали съ мая по сентябрь, въ среднемъ по 128 дней на каждаго [2]). Работали они на своихъ харчахъ, которыя брали въ счетъ заработка изъ пріисковой лавки, и продовольствіе обошлось въ среднемъ каждому изъ нихъ по 48 р. 76 к. (это составляетъ 26% заработка на старательской работѣ или по 36 к. въ день). Слѣдовательно, средній заработокъ на старательской работѣ во всю операціи, за исключеніемъ стоимости харчей, равняется 136 р. 52 к. Изъ всей выдачи 42% золотничники получили деньгами и 58% вещами и припасами. Изъ 119 человѣкъ почти всѣ получили додачу (въ среднемъ по 66 р. 86 к.); остались должными только двое, и то немного (13 р. и 21 р.). Но далеко не всегда заработки золотничниковъ и ихъ додачи были такъ велики. По свидѣтельству г. Уманьскаго, „часто по внѣшности значительный“ заработокъ ихъ „сводится къ ничтожной суммѣ“ (стр. 131). Такъ, напр., на пріискѣ Крутовскаго въ 1874 году артель золотничниковъ изъ 9 человѣкъ получила всей додачи 86 р. 39 коп., т.-е. въ среднемъ на каждаго члена артели 9 р. 60 к. (maximum додачи 26 р. 81 к., minimum 84 к.). Это совершенно совпадаетъ съ слѣдующими словами автора статьи въ „Устояхъ“: „Золотничникъ можетъ разсчитывать свести при благопріятныхъ условіяхъ концы съ концами: онъ, пожалуй, можетъ заработать рублей полтораста, а за вычетомъ задатка рублей около сотни. Но золотничникъ живетъ на своихъ харчахъ. Если онъ за 6 мѣсяцевъ съѣстъ 6 пудовъ мяса, 14 пудовъ ржаного хлѣба, $1^1/_2$ п. ячменной крупы, пудъ соли..., да уплатитъ“ (какъ это условлено напр., въ контрактѣ съ Востротинымъ) „за инструменты, имущество, почтовые и дорожные расходы и за пользованіе въ больницѣ 12 рублей, онъ издержитъ около 90 рублей; но ему невозможно отказаться и отъ чаю, который обойдется ему въ 6 мѣсяцевъ мало-мало 6 рублей,— и вотъ у него останется въ остаткѣ рублей 5, которыхъ еле-еле хватитъ на обратное путешествіе: онъ вернется домой съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришелъ... Впрочемъ онъ придетъ скорѣе *съ долгомъ*: вѣдь ему приходится ворочать камни, копаться днемъ и ночью въ грязи; одежда

---

[1]) Maximum заработка на золотѣ 463 р., а тѣхъ, которые работали только въ лѣтнюю операцію,—380 р., minimum 17 р.

[2]) Если присоединить маленькіе заработки многихъ изъ нихъ по „мѣсячнымъ окладамъ“, то средній заработокъ каждаго получится по 195 р. 90 коп. во всю операцію и по 1 р. 55 к. въ день.

и обувь его сильно рвутся, ему придется купить то и другое, и купить въ тайгѣ у золотопромышленника по установленной таксѣ, стало быть ему врядъ ли удастся вернуться домой безъ долга" [1]). Г. Уманьскій также говоритъ о рабочихъ старателяхъ: „Очень нерѣдкое явленіе, что золотничные въ концѣ операціи или не получаютъ ничего, или даже остаются въ долгу у хозяина, причемъ если на пріискѣ ведутся зимнія работы, они нанимаются на зиму въ качествѣ „общихъ" отрабатывать долгъ. Зато если „пофартитъ" (повезетъ счастье), золотничные, случается, выносятъ въ концѣ операціи больше 100 рублей, притомъ промывка золота почти всегда даетъ возможность часть его утаить и сбыть потомъ скупщикамъ краденаго золота по 4 р. за золотникъ. Хотя для надзора за золотничными назначается смотритель, но открыть утайку золота, если она производится осторожно, почти немыслимо, такъ какъ не можетъ же смотритель присутствовать одновременно при всѣхъ артеляхъ, разбросанныхъ часто на далекомъ разстояніи одна отъ другой" (стр. 76—77).

О важной роли хищенія золота въ жизни и заработкахъ золотничниковъ свидѣтельствуетъ и г. Ячевскій: „Конечно", говоритъ онъ, „старатели только часть золота сдаютъ хозяину пріиска, который, въ свою очередь, довольствуется такими сдачами, которыя покрываютъ дѣлаемый въ его магазинѣ заборъ".

Въ контрактахъ старателей-золотничниковъ южной части Енисейскаго округа мы находимъ относительно ихъ долговъ условія, которыя даютъ возможность неисправнаго должника или оставить на пріискѣ въ качествѣ общеконтрактнаго на зимнія работы, или передать для отработки на другіе промысла. Въ договорѣ съ Кузнецовымъ (1870 г.) мы находимъ такое постановленіе: ранѣе условленнаго срока, *„хотя бы встрѣтилось въ пескахъ и слабое содержаніе золота*, оставлять работъ мы не въ правѣ, а по окончаніи этого срока, если будетъ состоять за нами незаработанный Кузнецову долгъ, то онъ для отработки такового можетъ насъ оставить у себя или передать другимъ лицамъ на какой бы то ни было пріискъ за плату, *назначенную по его усмотрѣнію* (sic!), на что послѣ претензій мы имѣть не въ правѣ".

Въ отработкѣ полученныхъ задатковъ сдѣланнаго затѣмъ забора и вообще въ уплатѣ остающихся за ними долговъ артели золотничниковъ во многихъ договорахъ ручались круговою порукою.

По словамъ г. Уманьскаго, „если золотничники работаютъ въ убытокъ, оставить работы они не могутъ безъ дозволенія компаніи и все больше и больше погружаются въ долги". Г. Ячевскій говоритъ: „если порядочный распорядитель пріисковаго дѣла видитъ, что артель не

[1]) „Устои", 1882 г., № 12

отработаетъ сдѣланнаго ею долга, то, въ случаѣ возможности, переводитъ ее на болѣе богатое мѣсто". а не то „заблаговременно разсчитываетъ ее, большинство же золотопромышленниковъ записываетъ оставшійся за артелью долгъ въ счетъ задатка за операцію слѣдующаго года" (стр. 23). У золотопромышленника Клемантовича, разрабатывавшаго въ 1886 г. до десятка пріисковъ, рабочіе весь заработокъ истрачивали на продаваемое имъ хозяиномъ вино и, оставшись его должниками, вновь подписывали контрактъ для отработки долговъ въ слѣдующую операцію. У него было много такихъ закабаленныхъ рабочихъ, причемъ долги, числящіеся за нѣкоторыми, доходили до 400 р. [1]).

Мы остановились подробнѣе на золотничникахъ Енисейскаго округа, какъ вслѣдствіе того значенія, какое имѣетъ трудъ старателей въ этой мѣстности, такъ и вслѣдствіе обилія матеріала, находившагося въ нашемъ распоряженіи. Теперь разсмотримъ ихъ положеніе на промыслахъ другихъ округовъ Сибири.

Въ Семипалатинской области была мало развита разработка пріисковъ старателями-золотничниками. Въ 1879—89 гг. исключительно старателями разрабатывалось здѣсь отъ 2 до 4 пріисковъ, въ 1890 г.—11 пріисковъ. Въ 1893 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ лишь 3 пріиска разрабатывались старательскими артелями, да и то не исключительно ими; работали на этихъ пріискахъ 130 старателей (3% всѣхъ рабочихъ въ этомъ округѣ) [2]). Напротивъ въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ въ 1889 г. всѣ пріиски, кромѣ одного, а въ 1890 г. изъ 26 пріисковъ—22 работались старателями.

---

[1]) „Сибирская Газета" 1886 г., № 49, стр. 1482. Что водка выдается въ плату рабочимъ,—видно и изъ слѣдующаго. Рабочіе Преображенскаго пріиска, „разрабатывавшагося на золотники" мѣщанами Славинымъ, Румянцевымъ и Мармоновымъ, заявили тогда же въ 1878 г. жандармскому полковнику, что завѣдующій на пріискѣ хозяйственною частью Румянцевъ имъ „въ заработную плату выдаетъ спиртъ", вслѣдствіе чего „они не надѣются заработать что либо не только на свои нужды, но даже и на оплату казенныхъ податей". Герасимовъ и мѣстный исправникъ убѣдились, по прибытіи на пріискъ, что дѣйствительно спиртъ „безотказно выдается имъ по каждому требованію не только въ размѣрѣ обыкновенной порціи, но даже и бутылками". Для повѣрки показаній рабочихъ были потребованы ихъ разсчетные листы, но въ нихъ предусмотрительный Румянцевъ не записывалъ спирта открыто, а онъ значился подъ наименованіемъ „долгу", *какъ это всегда дѣлается подобными Румянцеву личностями*, именуя такую эксплоатарную (sic) плату рабочимъ въ листикахъ ихъ подъ рубрикою или „долгу", или „кассою", или же припасами". Однако горный исправникъ постановилъ: выдворить Румянцева съ промысловъ, но тотъ подалъ заявленіе, что, какъ довѣренное лицо, до сдачи находящагося на его отвѣтственности имущества, онъ не можетъ покинуть промысловъ, и потому былъ оставленъ до конца операціи. Дѣло Арх. Горн. Испр. южно-енис. окр. 1878 г., № 11.

[2]) Отчеты о золот. Запад. Сиб. въ Горномъ Департ. и Том. Гор. Упр. „Горный Журн.", 1882 г., № 9, стр. 386; 1891 г., № 12, стр. 522 и 1894 г., № 8, стр. 213, 218.

Большинство рабочихъ на промыслахъ этого округа—мѣстные жители, инородцы или крестьяне ближайшихъ деревень, и потому „наплывъ или убыль рабочихъ находится въ прямой зависимости отъ домашнихъ полевыхъ работъ старателей“ [1]). „Крестьянинъ, управившись съ пашней, отправляется на пріиски и работаетъ до покоса (до 1-го іюля), а затѣмъ или уѣзжаетъ домой на сѣнокосъ, или же нанимаетъ приготовить ему сѣно, смотря по тому, каковъ заработокъ на пріискахъ и что ему выгоднѣе“. Въ виду этого нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Крашенинникова, что слѣдуетъ разрѣшить работу на промыслахъ артелямъ старателей изъ меньшаго числа рабочихъ, напр., изъ 5 человѣкъ вмѣсто установленныхъ закономъ 10-ти чел. [2]). Н. Боголюбскій поясняетъ, что „въ пріисковыхъ свѣдѣніяхъ (этого округа) показываютъ въ числѣ рабочихъ всѣхъ старателей, перебывавшихъ на пріискѣ въ теченіе операціоннаго года, хотя бы нѣкоторые изъ старателей пробыли на пріискѣ всего нѣсколько дней“. По словамъ мѣстнаго окружного инженера (1892 г.) „рабочіе, при старательскомъ способѣ работъ, часто мѣняютъ хозяевъ, смотря по получаемой или ожидаемой выгодѣ отъ работъ“, но болѣе бѣдные и, вѣроятно, бездомные старатели остаются зимовать въ земляныхъ и дерновыхъ избушкахъ со своими семействами [3]).

Помѣщенія и продовольствіе старатели-золотничники имѣли свои. На Кокчетавскихъ пріискахъ старатели киргизы живутъ „впроголодь, питаясь кумысомъ и надеждою на удачную урывками смывку золота; крестьяне-старатели при плохой добычѣ золота поддерживаютъ себя сбереженіями отъ домашняго хозяйства“ [4]). Рабочіе-киргизы живутъ здѣсь въ юртахъ, а русскіе рабочіе устраиваются въ шалашахъ и землянкахъ [5]).

Есть указаніе, что, при отпускѣ товаровъ золотничникамъ Кокчетавскаго уѣзда, хозяева набавляютъ отъ 40 до 50% на покупныя цѣны [6]). Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что на пріискахъ Акмолинскаго округа, повидимому, не существуетъ таксы, утвержденной поли-

---

[1]) „Горн. Журн.“, 1891 г., № 12, стр. 523; ср. „Горн. Журн.“, 1895 г., № 11. стр. 298.

[2]) „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 23, стр. 356. На Кокчетавскихъ промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго округа старатели-золотничники добываютъ пески преимущественно шурфами и только въ рѣдкомъ случаѣ изъ разрѣзовъ; промываютъ пески на бутарахъ и вашгердахъ. „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 23, стр. 248; „Сборн. статист. свѣд. о произв. силахъ Россіи“, 1891 г., стр. 83—85; отчетъ Томск. Горн. Управ. за 1889 г.

[3]) Арх. Томск. Горн. Упр.; „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 22, стр. 331.

[4]) „Вѣстн. Золот.“, 1894 г., № 19, стр. 288.

[5]) „Вѣстн. Золот.“, 1897 г., № 4, стр. 87, № 24, стр. 447.

[6]) „Сиб. Вѣстн.“, 1889 г., № 96.

ціей. По крайней мѣрѣ горный исправникъ этого округа говоритъ: „на пріискахъ Акмолинской области все продается изъ мѣстныхъ лавокъ по цѣнамъ Кокчетава, съ надбавкою процентовъ за перевозку товаровъ на протяженіи 60—100 верстъ до пріисковъ“ [1]).

Въ Семипалатинской области старатели золотничники получали въ 1879—1887 гг. 1 р. 50 к.—2 р. 10 к. за золотникъ золота, въ 1888 г. 1 р. 50 к.—2 р. 50 к., въ 1889 г. 1 р. 50 к.—3 р. 75 к., въ 1890 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ 1 р. 50 к.—4 р. за золотникъ, въ 1891 г. 1 р. 50 к.—3 р. 75 к., въ 1893 г. 2 р.—3 р., въ 1894 г. отъ 3 до 4 р. [2]) за золотникъ; слѣдовательно въ послѣднее время плата увеличилась сравнительно съ первою половиною 80-хъ годовъ. Въ Кокчетавскомъ уѣздѣ Акмолинской области золотничники получали въ 1885 г. по 3 р. 50 к. съ золотника, въ 1889 и 91 гг.—3 р.—3 р. 50 к. Г. Крашенинниковъ считаетъ (1892 г.) наиболѣе обычною платою 2 р. 50 к.—3 р. 50 к. за золотникъ. По вычисленію мѣстнаго горнаго инженера на Кокчетавскихъ промыслахъ заработокъ старателя при 5-ти-мѣсячной операціи составляетъ, въ среднемъ, около 4-хъ рублей въ мѣсяцъ [3]).

Несмотря на то, что въ Маріинскомъ округѣ Томской губ. золотопромышленность приняла въ настоящее время форму болѣе мелкихъ предпріятій, чѣмъ въ Енисейскомъ округѣ, число пріисковъ, разрабатываемыхъ старателями и относительное число самихъ старателей менѣе, чѣмъ въ Енисейскомъ округѣ. Пріиски, разрабатываемые старателями въ Маріинскомъ округѣ въ 1879—90 годахъ, составляютъ 14—20% всего числа, причемъ въ позднѣйшіе годы количество ихъ постепенно увеличивалось сравнительно съ болѣе ранними. Золотничники составляли на этихъ промыслахъ въ 1883—90 гг. 6—14% всѣхъ рабочихъ; и въ теченіе указанныхъ лѣтъ это процентное отношеніе, хотя съ нѣкоторыми колебаніями, также увеличивалось. Въ Алтайскомъ округѣ въ 1879—84 гг. разрабатывалось старателями сравнительно значительное число пріисковъ (20—24%) частныхъ золотопромышленниковъ; затѣмъ въ 1885—88 гг. оно быстро уменьшается (съ 16 до 9%) и возрастаетъ лишь въ 1889 и 90 гг. (23 и 17%); относительное же число рабочихъ мало измѣняется, колеблясь между 6 и

---

[1]) „Вѣстн. Золот.“, 1892 г., № 12, стр. 168. Въ послѣднее время кокчетавскіе золотопромышленники вовсе не держали у себя припасовъ для продажи рабочимъ. „Вѣстн. Золот.“, 1897 г., № 4, стр. 88.

[2]) Дѣла Горн. Деп. и Томск. Горн. Управ.; *Н. Боголюбскій* „Очеркъ горн. пром. въ Западн. Сиб. въ 1891 г.“, стр. 19; „Горный Журн.“, 1891 г., № 12, стр. 523, 1894 г., № 8, стр. 218; „Вѣстн. Зол.“, 1894 г., № 10 стр. 182; *Шостакъ*, табл. V.

[3]) Дѣло Томск. Горн. Упр., „Сибир. Вѣстн.“, 1887 г., № 130, *Н. Боголюбскій*, стр. 19, „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 23, стр. 356, 1894 г., № 19, стр. 288—289.

и 9% всѣхъ рабочихъ этого округа [1]). Уменьшеніе числа пріисковъ разрабатываемыхъ старателями, съ 1885 г. объясняется тѣмъ, что при отдачѣ Кабинетомъ въ аренду Мальцеву, въ началѣ 80-хъ годовъ, лучшихъ площадей Алтайскаго округа (до тѣхъ поръ изъятыхъ изъ частной эксплоатаціи), арендаторъ обязался не допускать старательскихъ работъ (вѣроятно то же условіе было включено и въ договоръ съ другимъ крупнымъ арендаторомъ Асташевымъ), вслѣдствіе чего эти компаніи и стали прогонять золотничниковъ съ насиженныхъ ими мѣстъ [2]).

Какъ мы уже знаемъ, старатели-золотничники работаютъ или отъ подрядчика, или въ видѣ самостоятельныхъ артелей. По свидѣтельству окружного инженера Томскаго горнаго округа, въ вѣдѣніи котораго находятся пріиски Маріинскаго и Алтайскаго округовъ, первыхъ артелей болѣе: „золотничники", говоритъ онъ, „работаютъ артелями, которыя, *въ большинствѣ случаевъ*, набираются подрядчиками" [3]). То же лицо, въ отчетѣ за 1889 годъ, писало: „кулачество господствуетъ на каждомъ шагу: ему порабощены не только мелкія артели золотничниковъ, которые его непосредственные слуги, но даже и хищники, открытія которыхъ становятся его достояніемъ" [4]).

Въ имѣющихся у насъ договорахъ артелей золотничниковъ съ золотопромышленниками Маріинскаго округа начала 70-хъ гг. рабочіе обязываются явиться на пріиски по первому требованію и работать по однимъ договорамъ до 1 сентября, а по другимъ до 1 октября; въ одномъ договорѣ того же времени съ золотопромышленникомъ Алтайскаго округа срокомъ окончанія работъ назначено 20 сентября. Въ одномъ договорѣ съ золотопромышленникомъ Маріинскаго округа Миллеромъ (1885 г.) рабочій обязуется работать до 1 мая „съ общаго жалованья" (по общему контракту), а съ 1 мая по 1 октября работать изъ платы за золотникъ на собственномъ содержаніи. Артели старателей нанимаются съ круговою другъ за друга порукою [5]). Въ нѣкоторыхъ договорахъ золотничниковъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ начала 70-хъ гг. мы встрѣчаемъ задатки отъ 12 до 53 рублей. Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Маріинскаго округа Хотимскимъ золотничники предоставляютъ ему право не только переводить ихъ на другой пріискъ, но и передать другому хозяину, впрочемъ съ соблюде-

---

[1]) Отчеты о золот. Запад. Сиб. въ Горн. Деп. и Том. Горн. Упр.; „Горн. Жур." 1882 г., № 9, стр. 386; 1891 г., № 12, стр. 525. Въ 1893 г. золотничники на промыслахъ Томскаго горнаго округа составляли 15% всѣхъ рабочихъ. „Вѣстн. Золотопр.", 1896 г., № 11, стр. 226.

[2]) „Восточн. Обоз.", 1882 г., № 22, стр. 7.

[3]) „Вѣстн. Золот.", 1893 г., № 15, стр. 254.

[4]) Дѣло Томск. Горн. Упр.

[5]) „Сибир. Газета" 1882 г., № 20.

піемъ условій заключеннаго ими контракта. Встрѣчаются и договоры золотопромышленниковъ съ подрядчиками, обязывающимися поставить извѣстное число золотничниковъ.

Вашгерды, бутарки и другіе инструменты въ имѣющихся у насъ договорахъ золотничники обыкновенно обязывались имѣть свои, причемъ въ договорѣ съ алтайскимъ золотопромышленникомъ Цыбульскимъ (1871 г.) имъ предоставлялось сдать ихъ пріисковому управленію по цѣнѣ, установленной по взаимному соглашенію [1]).

Работать золотничники обязывались артелями не менѣе 10 человѣкъ, какъ этого требовалъ законъ. Начало работъ назначалось въ нѣкоторыхъ договорахъ въ 5 ч. утра, окончаніе въ $7^1/_2$ или 8 ч. вечера, причемъ иногда, въ отличіе отъ общихъ контрактовъ, не обозначалась вовсе продолжительность отдыха.

При посѣщеніи промысловъ Алтайскаго округа въ 1891 г. я слышалъ, что старатели по воскресеньямъ на нѣкоторыхъ промыслахъ (напр., Попова) не работаютъ. По другимъ свѣдѣніямъ, золотничныя артели на промыслахъ Томскаго округа, набранныя подрядчиками и договорившіяся получать жалованье за цѣлый періодъ отъ 7 мѣсяцевъ до года, обязаны работать на хозяина только въ будни, всѣ же праздники, не исключая и воскресенья, работаютъ на себя въ томъ же забоѣ за извѣстную плату (по 2 р. 40 к.) съ золотника золота [2]).

По договору золотничниковъ съ маріинскимъ золотопромышленникомъ Щепетильниковымъ (1871 г.) до 1 мая они обязывались производить работы „безурочныя“; съ 1 мая по 1 октября полагалось вырабатывать всякій день „ручною работою на трехъ человѣкъ“ при промывкѣ песковъ по 1 куб. сажени, при вскрышѣ торфа по 1 куб. саж. на двухъ человѣкъ, а „за каждую недоработку, какая бы она ни была, вычитать съ каждаго человѣка по 1 руб. с.“. Кромѣ того въ этомъ же договорѣ установлено количество золота, которое золотничники обязаны были, несмотря ни на какую погоду, добывать ежедневно съ 1 мая по 1 октября, а именно, по $^1/_2$ золотника на каждаго ежедневно или по 15 золотн. въ мѣсяцъ, а если кто этого не исполнитъ, то назначенъ былъ вычетъ за каждый недоставленный золотникъ по 2 р. (между тѣмъ какъ плата за золотникъ была назначена 1 р. 40 к.—1 р. 60 к.). По договору съ золотопромышленникомъ Алтайскаго округа Цыбульскимъ золотничники при работѣ на лошадяхъ должны были вырабатывать вдвоемъ на торфахъ и пескахъ лѣтомъ $1^1/_2$ саж. въ день, а зимою

---

[1]) Подрядчикъ, обязавшійся (1871 г.) поставить артель золотничниковъ въ 10 чел. маріинскимъ золотопромышленникамъ Денисову и Бузину, выговорилъ для себя пользованіе хозяйскими инструментами.

[2]) „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 15, стр. 254, прим.; 1896 г., № 11, стр. 226.

(торфовъ) $1^1/_4$ саж., безъ лошадей лѣтомъ по 1 саж., а зимою $^3/_4$ саж. По одному договору съ золотопромышленникомъ Алтайскаго округа 80-хъ годовъ 2 человѣка должны были при конной отвозкѣ на торфахъ и пескахъ, при дѣйствіи машины, вырабатывать $1^1/_2$ куб. саж., при промывкѣ на бутарѣ съ ручнымъ откатомъ не менѣе 1 куб. саж. Дѣйствительная выработка бываетъ и гораздо менѣе; по крайней мѣрѣ, томскій окружной инженеръ Реутовскій увѣряетъ, что „часто 10 человѣкъ старателей вырабатываютъ 1 или $1^1/_2$ куб. саж.“ [1]).

Въ договорѣ съ маріинскимъ золотопромышленникомъ Щепетильниковымъ (1871 г.) золотничники обязывались, если владѣлецъ промысла потребуетъ, работать и на хозяйской работѣ за ничтожную плату по 20 коп. въ день, „сколько для того потребуется дней“. (Въ договорахъ Енисейскаго округа опредѣляется при этомъ, по крайней мѣрѣ, число дней).

По оффиціальнымъ отчетамъ о золотопромышленности въ Западной Сибири, золотничники получали въ Маріинскомъ и Алтайскомъ округахъ за золотникъ золота въ 1879—84 гг. отъ 2 р. до 3 р. 30 к., въ 1885—93 гг. 2 р. 50 к.—3 р. 90 к. Въ 1892 г. среднею платою золотничникамъ съ золотника золота считалось въ Маріинскомъ округѣ 3 р.; на пріискахъ Алтайскаго округа, арендуемыхъ у Кабинета, вознагражденіе колебалось отъ 2 р. 40 к. до 3 р. [2]).

Въ началѣ 70-хъ гг. плата была гораздо ниже: по договору съ Щепетильниковымъ (1871 г.) рабочіе договорились получать за каждый золотникъ золота по 1 р. 40 к., а кто будетъ сдавать въ мѣсяцъ болѣе 15 золотниковъ, тому платить по 1 р. 60 к. за каждый. По договору съ маріинскимъ золотопромышленникомъ Триполитовымъ (1870 г.), при обращеніи общеконтрактныхъ рабочихъ по волѣ хозяина въ золотничники (на что ему давалъ право контрактъ), золотничники должны были получать по 1 р. 30 к. съ золотника. По контракту съ Цыбульскимъ (1871 г., Алт. окр.) плата назначена по 1 р. 50 к. Но и въ 80-хъ гг. плата бывала ниже указанной въ оффиціальныхъ отчетахъ. Такъ, по договору съ Миллеромъ (1885 г., Мар. окр.), старатели должны были получать по 2 р. съ золотника. По договору съ Пушниковымъ (1886 г., Мар. окр.), при обращеніи общеконтрактныхъ рабочихъ по волѣ хозяина въ золотничниковъ, они должны были получать всего по 1 р. 50 к. съ золотника. Такая же плата полагалась и по договору 1888 г. съ алтайскимъ золотопромышленникомъ Ивановымъ, а по контракту съ нимъ же въ 1889 г. по 2 р.

---

[1]) Дѣло Томск. Горн. Упр., 1891 г., № 12.

[2]) Дѣло Горн. Деп., „Горный Журн.“, 1882 г., № 9, стр. 386, 1891 г., № 12, стр. 525—26, *Н. Боголюбскій.* „Очеркъ горн. пром. въ Запад. Сиб. въ 1891 г., стр. 19; „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 15, стр. 253, № 16, стр. 259, 1896 г., № 11, стр. 226.

Что касается золотничныхъ подрядчиковъ, то по договору съ К° Денисова и Бузина (1871 г., Мар. окр.) подрядчикъ долженъ былъ получать по 1 р. 60 к. за золотникъ. Въ 1891 г. на Воскресенскомъ пріискѣ Жилля, Плотникова и Потапова подрядчикъ получалъ отъ хозяевъ по 2 р. 50 к. за золотникъ, а самъ онъ нанималъ почти всѣхъ рабочихъ за опредѣленное жалованье: одни изъ нихъ были годовые и, исполняя всевозможныя работы, получали по 60 р. въ годъ, другіе нанимались только для золотничныхъ работъ съ жалованьемъ отъ 8 до 12 р. въ мѣсяцъ на готовомъ содержаніи отъ хозяина, а промывальщикъ получалъ по 2 р. 25 к. съ золотника, но съ вычетомъ изъ этихъ денегъ за содержаніе. Наконецъ на промыслахъ Томскаго округа въ 1892 г. подрядчикамъ хозяева платили по 2 р. 40 к.—2 р. 70 к. за золотникъ, а золотничники, „эти пролетаріи тайги“, получали „самую ничтожную плату, равняющуюся жалованью домашней прислуги“ [1]).

Сопоставивъ всѣ приведенныя данныя, мы приходимъ къ заключенію, что оффиціальныя показанія о платѣ съ золотника въ 1879—92 гг. относятся къ подрядчикамъ, а не къ рабочимъ-золотничникамъ. Неоффиціальныя данныя указываютъ относительно самостоятельныхъ артелей золотничниковъ меньшую плату съ золотника, а относительно золотничниковъ, работающихъ отъ подрядчика, мѣсячное или годовое жалованье. Послѣднее подтверждается и другими свидѣтельствами томскаго окружного инженера: въ 1891 г. онъ писалъ, что „старатели отъ хозяина“, т.-е. очевидно нанятые подрядчикомъ, получаютъ за шестимѣсячную операцію отъ 40 р. до 60 р. [2]). Въ статьѣ своей въ „Вѣстн. Золотопр.“ онъ сообщаетъ нѣсколько иныя и болѣе подробныя свѣдѣнія. Подрядчики, набирающіе золотничниковъ, нанимаютъ рабочихъ на двоякихъ условіяхъ: 1) съ уплатою въ мѣсяцъ, при чемъ на торфахъ съ 10 октября до марта забойщикъ получаетъ въ мѣсяцъ 9 р., возчикъ 7 р. 50 к., плотникъ и другіе по 9 р.; съ марта по май забойщикъ—10 р. 50 к.—12 р., возчикъ 9—10 р., съ мая по октябрь забойщикъ—13 р. 50 к.—15 р., плотникъ и др.—12 р.; или: 2) съ уплатою за цѣлый періодъ времени: въ продолженіе 10 мѣсяцевъ 40 и 45 р., за 7 мѣсяцевъ—45 и 50 р. или въ годъ 60, 65, 75, 90 и 120 р., смотря по качеству работниковъ [3]).

Самостоятельныя артели золотничниковъ, если онѣ не имѣли своихъ инструментовъ и снарядовъ для работъ, за пользованіе ими подвергались извѣстнымъ вычетамъ. Такъ по договору съ Щепетильниковымъ (1871 г.) за отпускаемыя отъ хозяина бутарныя рѣшетки и за

---

[1]) „Вѣстн. Золот.“, 1894 г., № 17, стр. 277.

[2]) Дѣло Том. Горн. Упр., 1891 г., № 12.

[3]) „Вѣстн. Золот.“, 1893 г., № 15, стр. 254, 1896 г., № 11, стр. 226.

поддержку ихъ во время работъ до разсчета они обязывались уплатить съ каждаго человѣка по 1 р. 40 к., а за поддержку инструментовъ и машины по 10 р. съ каждаго рабочаго, если же что либо изъ инструментовъ будетъ утрачено или поломано до полной негодности, то они обязывались уплатить всю стоимость утраченнаго. За исправленіе кайлъ, лопатъ, ломовъ и другихъ инструментовъ они должны были за все время работъ до разсчета внести Щепетильникову съ каждаго человѣка по 1 р. 40 к. Уплату денегъ въ экономическій капиталъ работавшіе у Щепетильникова золотничники изъ ссыльно-поселенцевъ принимали на себя. По договору съ Цыбульскимъ (1871 г.) за пользованіе хозяйскою лошадью производился въ пользу хозяина вычетъ, равный дневному заработку рабочаго.

Самостоятельныя артели золотничниковъ, получающія плату съ золотника золота, состоятъ на своемъ содержаніи, забирая припасы въ счетъ заработка изъ пріисковыхъ лавокъ. Въ одномъ договорѣ Алтайскаго округа 80-хъ гг. добавлено, что забирать припасы золотничники могутъ лишь въ извѣстномъ количествѣ, а именно, не болѣе того содержанія, какое назначено на каждаго изъ общеконтрактныхъ рабочихъ. Въ договорѣ золотничниковъ съ Щепетильниковымъ (1871 г.) установлено, что припасы и инструменты рабочіе могутъ получать изъ пріисковой лавки разъ въ недѣлю—въ субботу, „всякій же день подобнаго отпуска не будетъ, исключая самаго необходимаго случая, а товарныя вещи—1-го числа каждаго мѣсяца“. Въ отчетѣ Южно-Алтайской К° Лебедской системы (Бійскаго округа) за 1890 г. между прочимъ сказано, что припасы и товары выдаются золотничникамъ по той же таксѣ, что и общимъ пріисковымъ контрактнымъ рабочимъ. Но, повидимому, это бываетъ далеко не всегда. Чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ Соколовъ въ своей запискѣ о положеніи рабочихъ на пріискахъ Маріинскаго округа, представленной горному департаменту въ 1891 г., говоритъ: „продукты, забираемые золотничниками, оцѣниваются на золото и изъ вырабатываемаго ими золота вычитается количество, соотвѣтствующее стоимости забираемыхъ товаровъ, причемъ переводъ на золото стоимости товаровъ дѣлается фантастическій, по усмотрѣнію хозяевъ, и получается такая такса (хотя рядомъ съ ней существуетъ такса на рабочіе продукты, утвержденная горнымъ исправникомъ...): кринка молока стоитъ 6 долей золота, мѣшокъ картофеля—1/2 золотника, бутылка спирта—1 золот., бутылка водки—1/2 зол., 1 фунтъ масла—18 долей золота и т. д. Этотъ разсчетъ хорошо извѣстенъ рабочимъ“. Окружной инженеръ Реутовскій, въ замѣчаніяхъ на записку Соколова, признаетъ, что старателямъ отпускается отъ хозяина „припасовъ и товаровъ по возможности меньше и дороже,

такъ какъ сами руководители получаютъ все это далеко не изъ первыхъ рукъ".

Золотничники, нанимаемые подрядчиками за извѣстное жалованье, получаютъ отъ нихъ готовое содержаніе [1]).

Относительно жилищъ золотничниковъ на промыслахъ г. Реутовскій въ той же запискѣ говоритъ, что „самостоятельныя артели довольствуются... скудною пищею и помѣщеніемъ, какое Богъ послалъ: очень часто покинутымъ амбаромъ или полуразвалившеюся хижиною"; старатели отъ подрядчика также довольствуются помѣщеніемъ, „какое найдется на брошенномъ пріискѣ"... „Чѣмъ несчастнѣе артель въ нахожденіи золота, тѣмъ положеніе хуже, такъ какъ недостатокъ въ золотѣ заставляетъ ихъ переходить съ мѣста на мѣсто и, понятно, всюду скорѣе заботиться о нахожденіи металла, чѣмъ о постройкѣ казармъ и подвозѣ надлежащаго провіанта. Положеніе такихъ рабочихъ есть положеніе развѣдчиковъ, которые" относительно помѣщенія и пищи „въ прямой зависимости отъ нахожденія большаго или меньшаго количества золота" [2]). Въ статьѣ о пріискахъ Томской губерніи г. В. Р. говоритъ: „Золотничники — это пролетаріи тайги... Они помѣщаются въ такихъ лачугахъ и коморкахъ, которыя имъ дала судьба только какъ наслѣдіе отъ давно минувшихъ дней. Эти помѣщенія", бывающія высотою не болѣе $2^1/_2$ арш., до того малы, что на каждаго человѣка едва приходится по $^1/_2$ куб. саж. воздуха. Правда, въ послѣднее время въ этомъ отношеніи „замѣтно улучшеніе (новыхъ помѣщеній не строятъ ниже $3^1/_2$ арш., а пріисковыя помѣщенія, оставляемыя для золотничниковъ, часто бываютъ такихъ размѣровъ, что на каждаго рабочаго приходится болѣе 2 куб. саж. воздуха), но оно идетъ все таки сравнительно туго, благодаря характеру самыхъ работъ: сегодня золотничникъ работаетъ у стараго хорошаго помѣщенія, завтра онъ уже переходитъ отъ него версты на 3—4 выше и строитъ лачугу или просто шалашъ" [3]).

---

[1]) Отчеты о золотопр. Западной Сибири въ Горн. Департ.—Подрядчикъ, заключившій договоръ съ К° Денисова и Бузина (1871 г., Маріинскаго окр.) на поставку артели золотничниковъ, обязался въ немъ съѣстные припасы для рабочихъ „заготовить и имѣть свои, а также товарныя вещи и прочее потребное для рабочихъ" обязывался „имѣть и выдавать отъ себя". Рабочіе, работающіе отъ крупныхъ подрядчиковъ, по словамъ г. В. Р., который называетъ такихъ рабочихъ „отрядными", получаютъ почти такое же содержаніе, какъ и общеконтрактные „за небольшими исключеніями, гдѣ рабочему вмѣсто $1^1/_2$ фунта мяса даютъ $1^1/_4$ ф." („Вѣстн. Золот.", 1894 г., № 17, стр. 277).

[2]) Дѣло Томск. Горн. Управ. 1891 г., № 12.

[3]) „Вѣстн. Золот.", 1894 г., № 17, стр. 277. Рабочіе отъ крупныхъ подрядчиковъ, „работая старые оставленные участки и дѣйствуя въ большинствѣ случаевъ на авось, вырабатывая остатки, не могутъ и обстраиваться, не будучи увѣрены въ продолжительности работъ. Въ большинствѣ случаевъ они пользуются ранѣе бывшими

Въ договорахъ золотничниковъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, они обязываются „вести себя честно, трезво, не дѣлая никакихъ противозаконныхъ поступковъ, однимъ словомъ, быть въ должномъ послушаніи, съ пріиска на другой или на другое мѣсто безъ вѣдома промысловаго управленія не переходить“ [1]).

Въ договорѣ съ Щепетильниковымъ (1871 г.) рабочіе обязываются выбрать артельнаго старосту для наблюденія за порядкомъ, и, если кто изъ членовъ артели напьется пьянъ, нагрубитъ прикащику, выкажетъ неповиновеніе, нарушитъ тишину и спокойствіе, того они, собравъ съ вѣдома хозяина артель, должны „по расправѣ артельной“ подвергнуть наказанію, „не взирая въ этомъ случаѣ ни на кого изъ рабочихъ“.

Общій заработокъ годового золотничнаго рабочаго въ Маріинскомъ округѣ въ 1892 году, по словамъ г. В. Р., не превышалъ 96—102 р., „изъ которыхъ, за исключеніемъ 72 р. обыкновенныхъ расходовъ на одежду, обувь и прочее, ему останется рублей 30. За уплатою податей (7—10 р.) и задатка (10—18 р.), онъ можетъ получить при разсчетѣ не болѣе 10—15 рублей“. Средній заработокъ золотничныхъ рабочихъ на пріискахъ Алтайскаго округа, арендуемыхъ у Кабинета, авторъ считаетъ въ 100 р. На пріискахъ КК° Южно-Алтайской и Асташева, по свидѣтельству того же автора, годовой заработокъ рабочихъ, работающихъ отъ крупныхъ подрядчиковъ (онъ называетъ ихъ „отрядными“) не превосходитъ 130 р., а золотничниковъ, разбитыхъ на мелкія артели, не болѣе 100 р. За исключеніемъ расходовъ на припасы и товары, каждый изъ „отрядныхъ“ рабочихъ можетъ получить на руки, за исключеніемъ внесенныхъ податей, но со включеніемъ, задатка около 30—40 р., а членъ артели золотничниковъ около 20 р. [2]).

Одинъ изъ служащихъ Южно-Алтайской К° разсказывалъ намъ, что артели золотничниковъ, работая на свой страхъ, дѣлятъ потомъ заработокъ пропорціонально труду каждаго. Если же кто-либо изъ нихъ оставлялъ работу ранѣе конца операціи, то, по добровольному соглашенію, изъ приходившагося на его долю жалованья производили соотвѣтственный вычетъ за сдѣланныя артелью затраты на предпріятіе.

При разсчетѣ рабочихъ съ подрядчиками не обходилось иной разъ

казармами, кое-какъ поправляя и улучшая ихъ“, такъ что здѣсь на каждаго человѣка не приходится и 1 куб. саж. воздуха. „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., № 17, стр. 277.

[1]) Въ договорѣ съ Цыбульскимъ (1871 г.) особенно подчеркнуто, что золотничники не только не должны сами участвовать въ похищеніи золота, но обязаны строго наблюдать и за товарищами, и доводить о подобныхъ случаяхъ до свѣдѣнія пріисковаго управленія.

[2]) „Вѣстникъ Золотопром.“ 1893 г., № 15, стр. 253, № 16, стр. 259—260, № 17, стр. 276—277.

безъ недоразумѣній. Такъ въ 1878 г. одинъ крестьянинъ Симбирской губерніи подалъ начальнику томскаго жандармскаго управленія жалобу на „неправильныя и стѣснительныя дѣйствія" относительно его и двухъ его сыновей подрядчика золотничныхъ работъ Еселевича по разсчету ихъ за работы на пріискахъ Буткевича (Мар. окр.). Препровождая это прошеніе на разсмотрѣніе мѣстнаго горнаго исправника, начальникъ жандармскаго управленія обращалъ его вниманіе на „часто возникающія недоразумѣнія между золотопромышленниками и ихъ рабочими" и высказывалъ увѣренность, что ничего подобнаго не могло бы быть, еслибы пріисковая администрація добросовѣстно относилась къ своимъ обязанностямъ [1]).

Оставшіеся за ними долги рабочіе-золотничники обязывались въ контрактахъ уплатить или отработать, не уходя съ пріисковъ.

Мы упоминали уже о томъ, что золотопромышленники выговаривали себѣ право обращать общеконтрактныхъ рабочихъ въ золотничниковъ; при этомъ, обозначая плату за золото, одни поясняли, что рабочіе вмѣстѣ съ тѣмъ переходили на свое содержаніе и за исполненіе подготовительныхъ работъ (напр., устройство снарядовъ для промывки песковъ, проводъ канавъ, шурфовку и проч.) не должны уже были требовать никакой платы; другіе выговаривали исполненіе рабочими тѣхъ же уроковъ на торфахъ и пескахъ, какіе указаны въ общихъ контрактахъ, и постановленій относительно недоработки уроковъ.

Въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ, въ 1879 и 80-хъ гг. не было пріисковъ, работавшихся одними старательскими работами, но тѣмъ не менѣе золотничныя работы допускались на дѣйствовавшихъ пріискахъ въ бортахъ и почвѣ старыхъ разрѣзовъ. Въ 1881 г. въ этихъ округахъ старателями-золотничниками разрабатывалось уже 11 пріисковъ (15% всего ихъ числа), а затѣмъ въ Ачинскомъ округѣ въ 1882—88 гг. отъ 5 до 21%, въ среднемъ 14%, въ Минусинскомъ въ 1882—86 гг. отъ 7 до 24%, въ среднемъ 17% [2]).

Горный исправникъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ въ замѣчаніяхъ на выработанный въ 1887 г. проектъ закона о наймѣ рабочихъ на золотые промысла говоритъ: „Въ Минусинскомъ и въ особенности въ Ачинскомъ округахъ, гдѣ золотые промысла находятся въ близкомъ разстояніи отъ жилыхъ мѣстъ (отъ 8 до 50 верстъ), жители окрестныхъ селеній въ свободное отъ домашнихъ занятій время или по какимъ либо другимъ причинамъ, а равно и мастеровые, ходятъ на пріиски для заработковъ въ одиночку или составляютъ для этого артели

---

[1]) Арх. Дмитр. волостн. прав. въ селѣ Тисулѣ, 1878 г., № 14—12, л. 15—16.

[2]) Дѣла Горн. Деп. и Томск. Горн. Упр.; „Горн. Журн." 1882 г., № 9, стр. 375; „Прилож. I къ вып. 1 сборн. офф. док.", т. VII, стр. 14.

въ нѣсколько человѣкъ. Являясь на пріиски, эти рабочіе предлагаютъ владѣльцамъ пріисковъ работать или съ извѣстной платой за каждый добытый золотникъ золота", или на другихъ условіяхъ. „Такъ какъ эти люди являются на пріиски въ разное время года, то золотопромышленникамъ не представляется возможности нанимать ихъ по формально заключеннымъ контрактамъ, потому что въ этомъ случаѣ свидѣтельствовать контракты чрезвычайно затруднительно: вѣдь для этого, какъ нанимателямъ, такъ и нанимающимся нужно ѣхать въ волостныя правленія за 100 верстъ, да и притомъ нѣсколько разъ, такъ какъ желающіе работать являются на пріиски въ разное время. Кромѣ того составить контрактъ на срокъ о золотничныхъ работахъ чрезвычайно трудно, и какой бы подробный контрактъ въ этомъ случаѣ ни былъ написанъ, онъ всегда можетъ оказаться стѣснительнымъ и невыгоднымъ для нанимающагося, такъ какъ главную роль играетъ мѣсто работъ на самомъ пріискѣ", а это мѣсто „можетъ оказаться съ плохимъ содержаніемъ золота" и потребовать перемѣны. (Мы видѣли, однако, что въ другихъ округахъ это не мѣшаетъ артелямъ золотничниковъ заключать письменные контракты съ золотопромышленниками). „Большинство пріисковъ", продолжаетъ горный исправникъ, „уже выработаны и золото осталось только въ бортахъ выработокъ, а потому большихъ работъ ставить негдѣ, и владѣльцы такихъ пріисковъ охотно пускаютъ работать съ платой за добытое золото" [1]). Окружной инженеръ Ачинско-Минусинскаго округа писалъ въ 1880 г., что золотничный способъ работъ „получилъ довольно большое распространеніе на близкихъ къ жилымъ мѣстамъ пріискахъ, и *существованіе мелкой золотопромышленности, можно сказать, отъ него лишь зависитъ*" [2]). Въ 1892 г. тотъ же окружной инженеръ говоритъ: артели золотничниковъ „на пріиски являются обыкновенно безъ предварительнаго найма или даже предупрежденія со стороны предпринимателя и затѣмъ, не находя выгоднымъ работать на одномъ, переходятъ на другіе; продовольствуются не по опредѣленному отъ предпринимателя „положенію", а по своему усмотрѣнію, получая однако, *иногда даже обязательно*, въ счетъ сданнаго золота потребные припасы изъ пріисковыхъ заготовокъ" [3]). Такимъ образомъ въ Ачинскомъ округѣ золотничанье практикуется не только какъ постоянное занятіе, но и какъ подсобный крестьянскій промыселъ.

Плата за золотникъ золота старателямъ въ Ачинско-Минусинскомъ округѣ была, по оффиціальнымъ отчетамъ, слѣдующая: въ 1879 году 1 р. 80 к.—2 р. 50 к., въ 1880—81 гг. 2—3 р., въ 1888 г. въ Ачин-

---

[1]) Дѣло канц. Иркут. Горн. Упр., № 14, т. II.

[2]) Дѣло Томск. Горн. Упр. по проекту правилъ о наймѣ рабочихъ.

[3]) Дѣло Горн. Деп., отд. частн. золот. 1882 г., № 80.

скомъ округѣ 3 р.—3 р. 50 к., въ 1889 г. въ Ачинско-Минусинскомъ 2 р. 50 к.—3 р. 50 к.

Въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ (Бирюсинская система) въ 1879 и 80 гг. болѣе половины пріисковъ (51 и 54%) разрабатывалось старателями, а количество золотничниковъ въ 1880 г. значительно превосходило число общеконтрактныхъ (68% всѣхъ рабочихъ). Затѣмъ въ 1881—84 гг. количество пріисковъ, разрабатываемыхъ одними старателями, колебалось между 14 и 41% [1]). Къ сожалѣнію, данныхъ о болѣе позднемъ времени мы не имѣемъ.

О золотничныхъ работахъ въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ мѣстный окружной инженеръ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія въ отчетѣ за $188^2/_3$ годъ: „Владѣлецъ пріиска, не имѣя средствъ на наемъ рабочихъ, заготовленіе припасовъ на ихъ содержаніе въ теченіе промысловой операціи, устройство золотопромывательныхъ приборовъ и вообще на обзаведеніе полной пріисковой обстановки, отдаетъ свой пріискъ, такъ сказать, въ аренду отдѣльнымъ лицамъ для разработки. Послѣднія, обязываясь работать артелями или по одиночкѣ, (что не допускается закономъ), живутъ на пріискѣ на своемъ собственномъ содержаніи, работаютъ собственными инструментами, сами устраиваютъ необходимые имъ золотопромывательные приборы, словомъ, избавляютъ владѣльца отъ всякихъ заботъ о разработкѣ принадлежащаго ему пріиска. Все намытое золото золотничники обязываются представлять въ пріисковую контору и получаютъ за него лишь условленную плату съ золотника. При такой системѣ владѣлецъ пріиска, не участвуя въ его разработкѣ ни трудомъ, ни капиталомъ, избавленъ отъ всякаго съ своей стороны риска и даже въ томъ случаѣ, когда его золотничники разоряются вслѣдствіе бѣднаго содержанія золота, недостатка воды или другихъ неблагопріятныхъ для нихъ условій, не несетъ ни малѣйшаго убытка, если не считать той ничтожной подесятинной платы (1 р.), какая существуетъ въ тѣхъ именно округахъ, въ которыхъ преимущественно развита золотничная система разработки... По уставу о частной золотопромышленности старательская артель должна состоять не менѣе какъ изъ 10 человѣкъ; но нерѣдко мы встрѣчаемъ артели изъ 3—4 лицъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ“ золотничники работаютъ даже по одиночкѣ. „Нерѣдко случалось видѣть артели золотничниковъ, у которыхъ не было ни таратаекъ, ни лошадей; не получая отъ владѣльца пріиска ничего, кромѣ условленной платы съ золотника, артель не въ состояніи завести ни тѣхъ, ни другихъ, а потому торфа, эфель и галька не отвозятся, а сваливаются тутъ же возлѣ промывальнаго устройства“. Бываетъ и такъ, что „золотничники, довольствуясь часто одной лопатой, нагружаютъ пески или прежніе отвалы въ небольшія корзины вмѣстимостью около 2, 5 пудовъ, или прямо въ мѣшки, которые и относятся ими на плечахъ къ промывкѣ“. „Помимо недостатка средствъ золотничникамъ нѣтъ и разсчета заботиться о правильномъ устройствѣ промывальныхъ приборовъ, такъ какъ по окончаніи промысловой лѣтней операціи, а нерѣдко и среди ея они уходятъ съ пріиска, оставляя свои устройства навсегда въ пользу хозяина золотопромышленника. Пески промываются рѣдко на бутарахъ, а въ

[1]) Въ нѣкоторые годы кромѣ того значительное количество пріисковъ разрабатывалось и хозяевами, и старателями вмѣстѣ, напр., въ 1882 г. такихъ пріисковъ въ Канскомъ округѣ было 17.

большинствѣ случаевъ на маленькихъ вашгердахъ; нигдѣ мнѣ не удалось видѣть старательскую бочку или чашу, устройство которой не подъ силу золотничникамъ...

„Въ среднемъ можно положить, что старатели на Бирюсѣ... получаютъ 2 р. 20 к. за золотникъ,—цѣна весьма не высокая. Не получая кромѣ этой платы ровно ничего отъ пріисковаго управленія и живя на пріискѣ на своемъ собственномъ содержаніи, золотничникъ при тѣхъ высокихъ цѣнахъ, какія существуютъ на пріискахъ на всѣ съѣстные припасы и товары, не можетъ существовать только на деньги, получаемыя имъ съ золотника своего золота". Если бъ онъ довольствовался ими, то „кромѣ исключительныхъ случаевъ не только не въ состояніи былъ бы заработать что нибудь въ теченіе лѣта, но даже сдѣлался бы неоплатнымъ должникомъ золотопромышленника. Можно ли удивляться тому, что при подобномъ веденіи дѣла значительная часть снимаемаго старателями золота не попадетъ въ контору пріиска, а переходитъ въ чужія руки къ скупщикамъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка во всѣхъ нашихъ золотоносныхъ системахъ. Въ первомъ случаѣ онъ получитъ не болѣе 2, 3 рублей, во второмъ 3 р. 50 к.—4 р. и даже 5 р. за золотникъ. Чѣмъ менѣе плата за сдаваемое владѣльцу пріиска золото, тѣмъ болѣе его утаивается рабочими золотничниками и тѣмъ болѣе переходитъ его къ скупщикамъ, разъѣзжающимъ по тайгѣ въ теченіе всего лѣта или нарочно выѣзжающимъ въ тайгу на встрѣчу рабочимъ по возвращеніи послѣднихъ съ пріисковъ. Но, кромѣ скупщиковъ, наши промысла окружены цѣлыми шайками спиртоносовъ, въ рукахъ которыхъ спиртъ является такимъ всемогущимъ орудіемъ, противъ котораго не устоитъ ни одинъ почти рабочій-золотничникъ, не получающій водки въ порцію отъ пріисковаго управленія. Рабочіе золотничники нанимаются на пріиски съ единственнымъ разсчетомъ на кражу золота, имѣя въ виду, что ихъ работы никѣмъ контролироваться не будутъ и потому утайка золота не потребуетъ особаго труда и ловкости. И дѣйствительно... контролировать работы золотничниковъ рѣшительно невозможно..., такъ какъ они разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ на пріискѣ, и пріисковому управленію пришлось бы имѣть много служащихъ для наблюденія за ихъ работами... Главная задача нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ состоитъ не въ разработкѣ принадлежащихъ имъ пріисковъ, а въ скупѣ золота у рабочихъ чужихъ пріисковъ...

„Владѣя нѣсколькими пріисками, многіе золотопромышленники, при заключеніи условій со старателями, не обозначаютъ въ контрактахъ пріисковъ, на который послѣдніе нанимаются, а наоборотъ выговариваютъ себѣ право отдать имъ для разработки любой свой пріискъ по собственному усмотрѣнію, имѣя главнымъ образомъ въ виду не разработку этого пріиска, а совершенно другія цѣли. Получивъ задатокъ, старатели по приходѣ въ тайгу ставятся на одинъ изъ бѣднѣйшихъ пріисковъ владѣльца и не только не въ состояніи отработать взятый задатокъ, но еще все болѣе и болѣе влѣзаютъ въ долги и уходятъ съ пріиска нищими, закабаливая себя и на слѣдующую промысловую операцію, или же поддерживаютъ свое существованіе кражею и продажею чужого золота. Владѣлецъ пріиска, не получая вовсе или получая мало золота отъ своего золотничника, работающаго на бѣдномъ пріискѣ и взявшаго впередъ деньги, готовъ часто прямо отказать ему въ выдачѣ припасовъ, заставляя тѣмъ рабочаго искать заступничества у пріисковой полиціи или спасаться отъ голода бѣгствомъ съ пріиска. Къ стыду многимъ нашихъ мелкихъ золотопромышленниковъ, надо сознаться, что эти случаи нерѣдки. Вотъ источникъ постоянныхъ жалобъ золотничниковъ на своихъ хозяевъ; вотъ причина частыхъ побѣговъ рабочихъ, кражъ, убійствъ и тому подобныхъ преступленій...

Относительно безопасности работъ золотничники поставлены также гораздо хуже общеконтрактныхъ рабочихъ. „Работая по одиночкѣ или небольшими артелями и притомъ безконтрольно, золотничники имѣютъ въ виду лишь добычу возможно большаго количества песковъ; для ускоренія работы они нерѣдко не вскрываютъ торфовъ и подкайливаютъ пески до 1 саж. и болѣе вглубь забоя. Надъ роющимся въ ямѣ золотничникомъ образуются огромныхъ размѣровъ навѣсы, которые ежеминутно угрожаютъ паденіемъ и смертью рабочаго. При осмотрѣ выработокъ трудно замѣтить золотничника, работающаго въ ямѣ и закрытаго нависшими глыбами земли и выдающимися валунами, которые, по мѣрѣ углубленія ямы, обваливаются сами собой“. Вмѣстѣ съ золотничниками работаютъ иногда и ихъ дѣти, которымъ поручаются болѣе легкія работы. Питаются старатели также хуже общеконтрактныхъ рабочихъ [1]).

Всѣмъ этимъ не ограничиваются злоключенія старателей-золотничниковъ. По словамъ корреспондента одной сибирской газеты съ Бирюсинскихъ пріисковъ, „бываетъ, что одна артель попала на хорошее мѣстечко..., быстро оправдались расходы на содержаніе, остается только загребать барыши и класть ихъ въ карманъ. Но другая артель на томъ же пріискѣ какъ ни трудилась, ничего не пріобрѣла, и вдобавокъ залѣзла въ долгъ по уши. Тогда (это обыкновенно бываетъ въ первыхъ числахъ августа) владѣтель пріиска или его управляющій присоединяетъ несчастную артель къ счастливой для общихъ работъ, несмотря на протесты послѣдней, доходящіе иногда до горнаго исправника. Артель упираетъ на то, что она сама разыскала золото, слѣдовательно, это было „ея счастье“, которымъ только она и должна пользоваться“, но хозяинъ пріиска настаиваетъ на исполненіи своего желанія [2]). Другіе мѣстные наблюдатели свидѣтельствуютъ, что если золотничникъ нападетъ на богатое золото, у него нерѣдко отбираютъ найденный имъ участокъ и переводятъ на другой.

На Бирюсинскихъ промыслахъ (Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ), какъ и въ другихъ мѣстахъ, работаютъ не только самостоятельныя артели золотничниковъ, но и нанятыя подрядчиками.

Корреспондентъ одной сибирской газеты писалъ въ 1877 г. съ Бирюсинской системы: „Съ нѣкотораго времени начали появляться на бирюсинскихъ промыслахъ, такъ называемые, артельщики, т.-е. содержатели готовыхъ артелей. Какой нибудь прогорѣвшій купчина, проворовавшійся приказчикъ, отставленный за взятки волостной писарь, проштрафившійся кабачный сидѣлецъ, однимъ словомъ, отъяв-

---

[1]) „Приложеніе первое къ выпуску 1 Сборн. главн. оффиц. докум. по управл. Восточной Сибири, изд. по распоряженію ген.-губ. В. С. Д. Анучина“, т. VII, Ирк. 1884 г. „Отчетъ о состояніи частн. золот. промысловъ Канскаго и Нижнеудин. окр.“, стр. 50—52, 19, 53—60, 33, 34.

[2]) „Сиб. Вѣстн.“ 1885 г. № 28, стр. 11.

ленные плуты и аферисты являются къ золотопромышленникамъ и заключаютъ съ ними условія на поставку рабочихъ, человѣкъ 10, 15, 20... Аферисты нанимаютъ бѣдняковъ съ платою 10, 12 или 15 р. въ мѣсяцъ и пріѣзжаютъ съ ними на пріиски. Хорошо, если имъ удается добыть порядочное количество золота, платы за которое достанетъ на разсчетъ съ нанятыми ими рабочими. Но большею частью имъ этого не удается, и бѣдняки рабочіе, проработавъ 6 мѣсяцевъ за одно плохое содержаніе, возвращаются домой ни съ чѣмъ. Золотопромышленники знать не хотятъ такихъ рабочихъ и ссылаются на то, что не они ихъ нанимали, а артельщики. Съ послѣднихъ же взятки гладки... Горный исправникъ обратилъ вниманіе на горестное положеніе рабочихъ, нанимаемыхъ артельщиками, и принудилъ золотопромышленниковъ разсчитывать этихъ рабочихъ сполна, а съ артельщиками вѣдаться, какъ знаютъ. Золотопромышленники на первый разъ согласились. Но что будетъ въ будущемъ? Тутъ личнаго вліянія горнаго исправника, кажется, недостаточно, если само правительство не приметъ въ томъ участія и не обяжетъ золотопромышленниковъ уплачивать безотговорочно рабочимъ за добытое золото, въ случаѣ несостоятельности ихъ нанявшихъ“ [1]).

За золотникъ золота старатели получали на промыслахъ Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ въ 1879 г. среднимъ числомъ по 2 р. 5к., въ 1880 г.—2 р. 25 к. и въ 1882 г.—2 р. 20 к. На небогатыхъ пріискахъ, по свидѣтельству корреспондента одной газеты, плата бываетъ больше, чѣмъ на богатыхъ, „потому что послѣдніе притягиваютъ больше старателей, но вообще не превышаетъ 2 р. за золотникъ“ [2]). Относительно размѣра всего заработка золотничниковъ мѣстный окружной горный ревизоръ говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1882—83 г.: „Ихъ операціонный заработокъ, являясь задѣльнымъ, зависитъ отъ количества намытаго ими золота. Полагая, что золотничникъ на Бирюсѣ въ состояніи добыть въ теченіе промысловой операціи приблизительно 70 золотниковъ золота, за которое получаетъ въ среднемъ 2 р. 20 к. съ золотника, заработокъ его составитъ 154 р.“ на всемъ своемъ содержаніи. По мнѣнію этого окружного ревизора, только разсчетъ золотничниковъ „на кражу золота или на особо благопріятныя условія заставляетъ многихъ рабочихъ наниматься на пріиски“.

Въ Олекминскомъ округѣ мы находимъ сравнительно ничтожное число золотничниковъ. Въ 1879 г. ими разрабатывалось тамъ 6 пріисковъ (12% всего числа), на которыхъ было 500 чел. рабочихъ, въ 1880 г. золотничники работали на 3 пріискахъ (6%) и ихъ было всего 265 чел. (болѣе 2%), въ 1881 г. старатели разрабатывали 9 пріисковъ (16%), въ 1882 г. 13 пріисковъ (21%), въ 1884 г. 15 пріисковъ (26%).

По нѣкоторымъ договорамъ пріисковое управленіе могло обращать общеконтрактныхъ рабочихъ въ старателей золотничниковъ.

---

[1]) „Сибирь“, 1877 г., № 44.

[2]) „Сибирскій Вѣстникъ“ 1885 г., № 28, стр. 10.

Такъ въ контрактѣ Чаринскаго товарищества 1880 г. сказано: „Если управленіе пріисками найдетъ необходимымъ производить работы вольностарательскія, то таковыя мы должны исполнять безпрекословно и вмѣсто дневной платы получать (вознагражденіе) съ золотника золота, добытаго нами... Выполненіе уроковъ на старательскихъ работахъ должно быть, какъ и при общихъ работахъ. Промывку должны производить на бутарахъ или машинахъ, согласуясь съ желаніемъ управленія. Самовольно при старательскихъ работахъ мы располагать таковыми безъ разрѣшенія управленія не имѣемъ права. Находясь на старательскихъ работахъ, мы должны имѣть свое содержаніе, отопленіе и освѣщеніе нашихъ помѣщеній, а равно и все имущество и матеріалы, нужные для работъ нашихъ, получая таковые изъ магазина по таксѣ, а также должны устраивать сами бутары, таратайки, тачки и все необходимое для добычи золота. Изъ взятаго нами имущества, если мы возвратимъ въ цѣлости обратно, то управленіе должно взять съ насъ за пользованіе таковымъ половину его стоимости. Если при старательскихъ работахъ будутъ задолжены нами лошади, то таковыя должны считаться въ числѣ поденщинъ артели и должны получать равный съ нами пай золота. Содержаніе лошади должно быть за счетъ управленія. На вышеизложенныхъ условіяхъ... мы должны получать по 1 р. 92 к. за каждый добытый золотникъ золота. Добытое нами золото должно записываться каждодневно въ книжки каждой артели, а по окончаніи мѣсяца должно дѣлиться по ровной части на поденщину и записываться каждому въ разсчетный листъ“.

Золотопромышленникъ Олекминскаго округа Д. В. Плетюхинъ также предоставлялъ себѣ право обращать общеконтрактныхъ рабочихъ въ золотничники, которые должны были состоять на своемъ или хозяйскомъ содержаніи.

Въ договорахъ съ нимъ 1886 и 1889 гг. сказано слѣдующее: „Отъ управленія зависитъ установить еще два способа работъ, которыя для насъ обязательны. 1-й способъ. По прибытіи на пріискъ мы должны производить слѣдующія работы: а) проводить дамбы и приготовлять необходимые для того матеріалы, какъ-то: мохъ, дернъ, лѣсъ и прочее, и подносить къ указаннымъ мѣстамъ, б) проводить водоотводныя канавы на столько глубоко, чтобы явилась возможность осушить пластъ и устанавливать промывальныя машины, вашгердъ и прочія потребныя для промывальной операціи. Способъ этотъ, какъ имѣющій видъ старательскихъ работъ, хотя обязуетъ насъ работать опредѣленное выше число часовъ (13 въ сутки), но платы за всѣ приготовительныя работы не полагается, и за все это время мы должны платить управленію за содержаніе по существующей таксѣ. Все же добытое нами по этому способу работъ золото сдается въ управленіе не болѣе двухъ разъ въ сутки за каждый золотникъ по 1 р. 68 к. или по 1¾ коп. за долю, а за поднятое во время работъ по 1 р. 92 к. за золотникъ. Причемъ полученіе денегъ и вещей, кромѣ крайне необходимыхъ, возможно только по отработкѣ всего забраннаго нами отъ управленія, и то только небольшими суммами, а вся остальная доплата должна быть произведена 11 сентября, т.-е. въ день общаго разсчета... При первомъ способѣ старательскихъ работъ весь потребный инструментъ мы должны пріобрѣсти изъ матеріальнаго амбара по стоющей промысловому управленію цѣнѣ. По окончаніи операціи, если инструментъ окажется годнымъ къ употребленію, мы можемъ сдать его обратно съ уцѣнкою въ половину его стоимости. Бутары, вашгерды, помпы, ядовки, тачки, выкаты и проч. должны быть также наши. Если же управленіе сочтетъ возможнымъ все это дать намъ

готовое, то мы обязуемся платить по 20 р. съ каждаго человѣка и по окончаніи работъ сдать все обратно. Ежели при этомъ способѣ кто либо изъ насъ заболѣетъ, то кромѣ того, что платить за содержаніе по 90 коп. въ сутки, платить еще за медицинскую помощь по 40 коп. въ день; если же кто изъ насъ будетъ участвовать при проведеніи дамбы и заболѣетъ и потому будетъ лишенъ возможности участвовать въ добычѣ золота и притомъ будетъ оставаться управленію долженъ, то долгъ за таковымъ расписывается на всю артель поровну, такъ какъ по выбытіи участвующаго въ этихъ приготовительныхъ работахъ остальные въ артели воспользуются его трудами. 2-й способъ: Каждый изъ насъ долженъ работать указанное выше число часовъ и сдавать въ контору управленія ежедневно по 2 зол. золота, за что получать отъ управленія ежедневной платы отъ 50 до 80 коп. и въ содержаніе по $1^1/_4$ ф. мяса соленаго или свѣжаго, по 4 ф. ржаного печенаго хлѣба, крупы, соли и масла по положенію, сколько назначено въ этомъ контрактѣ... Такъ какъ добыча золота за плату и содержаніе назначается въ 2 зол. ежедневно, то не сдавшій въ контору полнаго количества хотя и не лишается платы за тотъ день, но обязанъ въ слѣдующіе дни пополнить весь недостатокъ до положеннаго количества и за исполненіемъ таковаго, т.-е. ежели добыча золота будетъ превышать ежедневное условленное количество, за все излишне добытое и сданное получать какъ за старательское золото по 96 к. за золотникъ. При назначеніи работъ по этому послѣднему способу мы должны также исполнять всѣ приготовительныя работы", не получая за нихъ „никакой платы. При этихъ двухъ способахъ дней отдыха не полагается, а желающій пользоваться таковымъ, и то не иначе какъ съ согласія управленія, платитъ за содержаніе до 90 коп. въ день. Въ видахъ устраненія праздности и лѣни управленіе имѣетъ право дѣлать съ каждаго виновнаго вычеты за каждый потерянный день отъ 3 до 10 руб." [1]). Въ 1886 г., при этомъ послѣднемъ условіи, подъ предлогомъ, что золото на промыслахъ Плетюхина было бѣднѣе, установленъ былъ еще вычетъ съ каждаго рабочаго, состоящаго на промывкѣ въ артели, по 1 золотнику въ пользу хозяина. Въ контрактѣ Плетюхина 1886 г. вычетъ этотъ установленъ не былъ и слѣдовательно былъ введенъ вопреки контракту [2]).

Такимъ хитроумнымъ или, лучше сказать, прямо противозаконнымъ контрактомъ Плетюхинъ совершенно опутывалъ рабочихъ. Но эксплоатація рабочаго-золотничника не ограничивалась еще тѣмъ, что указано въ договорѣ: здѣсь, какъ и въ Енисейскомъ округѣ, его нерѣдко сгоняютъ съ хорошаго, имъ найденнаго мѣста. Вотъ что сообщаетъ „Восточное Обозрѣніе": „Есть въ Витимской системѣ золотопромышленникъ Д. В. П.; на пріискѣ у него рабочій-старатель по контракту добываетъ пески и промываетъ золото на избранномъ имъ мѣстѣ или на мѣстѣ, указанномъ управленіемъ... Рабочій на свой счетъ отгораживаетъ избранное имъ мѣсто отъ воды дамбой, на свой счетъ отыскиваетъ мѣсто съ золотомъ и подготовляетъ къ работѣ. Едва только мѣсто, подготовленное къ добычѣ золота, окажется съ хорошимъ золотомъ и рабочему

[1]) Бумаги А. К. Субботина и Арх. Ирк. Думы, книга актовая 2-го ирк. город. маклера на свидѣт. о наймѣ рабочихъ 1889 г., л. 81.

[2]) Изъ бумагъ А. К. Субботина.

представляется возможность къ заработку, какъ владѣлецъ прогоняетъ его... или укажетъ ему мѣсто съ бѣднымъ содержаніемъ,... или рабочій принужденъ будетъ опять искать" новый участокъ, а отобранное мѣсто хозяинъ пріиска заставляетъ вырабатывать уже своихъ рабочихъ, а не старателей. „Такимъ путемъ рабочій, цѣлое лѣто проработавъ, не только не имѣетъ никакого заработка, но выходитъ отъ него должнымъ, а если захвораетъ, то и лѣчиться негдѣ, такъ какъ было время, что этотъ золотопромышленникъ даже не считалъ нужнымъ имѣть больницу" [1]). Изъ отчета исправника Витимскаго округа за 1879 годъ видно, что за старательское золото въ КК° Прибрежно-Витимской, Промышленности и Бодайбинской платили отъ 1 р. 44 к. до 2 р. за золотникъ, а на пріискахъ Плетюхина и Горѣлова только по 96 коп. По договорамъ Плетюхина 1886 и 89 гг., какъ мы видѣли, платы старателямъ золотничникамъ за подготовительныя работы не полагалось; повидимому, это не было общимъ правиломъ, по крайней мѣрѣ, по отчету ленскаго окружного инженера за 1889 г. „въ тѣхъ случаяхъ, когда старатели золота еще не добывали, а были заняты какими либо подготовительными работами, пріисковыми управленіями платилось, смотря по условію, отъ 60 к. до 1 р. въ день" [2]).

Старатели-золотничники работаютъ здѣсь то на своемъ, то на хозяйскомъ содержаніи; чаще было первое, по крайней мѣрѣ, чиновникъ Калагеорги, посланный въ 1882 г. ген.-губернаторомъ Восточной Сибири для изученія пріисковыхъ рабочихъ Олекминскаго округа, вовсе не упоминаетъ о золотничникахъ на хозяйскомъ содержаніи. „На пріискахъ", говоритъ онъ, „гдѣ работы производятся исключительно вольностарателями, управленіе заботится только о заготовленіи продуктовъ, довольствуются же рабочіе на свой счетъ, покупая изъ склада мясо и все, что желаютъ, а за хлѣбъ, выдаваемый имъ безъ вѣсу и квасъ, они платятъ по разсчету за $2^1/_2$ пуда въ мѣсяцъ". Продовольствіе золотничниковъ на свой счетъ считаетъ общимъ правиломъ и ленскій окружной инженеръ (отчетъ за 1889 г.), но, какъ мы видѣли изъ договора съ Плетюхинымъ, они могли быть и на хозяйскомъ содержаніи; то же слышали мы во время посѣщенія Олекминскаго округа въ 1891 г. Мы видѣли также, что по контракту съ Плетюхинымъ золотничники платили за лѣченіе и за содержаніе во время болѣзни.

Если казармы общеконтрактныхъ рабочихъ были нерѣдко неудовлетворительны, то не удивительно, что золотничники сплошь и рядомъ были помѣщены изъ рукъ вонъ плохо. Якутскій губернаторъ въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1887 г. говоритъ: „Въ лѣтнее время многіе

---

[1]) „Восточное Обозрѣніе" 1886 г., № 50, стр. 10.
[2]) Дѣло канцел. Иркут. Горн. Управ., № 39, л. 204.

изъ рабочихъ, въ особенности семейные, устраиваютъ отдѣльные балаганы или шалаши изъ коры. Большею частію такимъ образомъ устраиваются рабочіе на пріискахъ на рѣкѣ Бодайбо на старательскихъ и золотничныхъ работахъ“ [1]). И въ настоящее время золотничники Олекминскаго округа живутъ иногда съ своими женами въ шалашахъ и землянкахъ [2]).

Нерѣдко большая часть заработка золотничника уходитъ на уплату за забранные припасы и товары. Главноуправляющій Базилевскаго Краснопѣвцевъ въ запискѣ, поданной имъ въ 1890 г., говоритъ: на такихъ пріискахъ, „гдѣ работаютъ старательскими работами, хозяинъ только тѣмъ и заинтересованъ, чтобы коммерція у него процвѣтала; поэтому онъ не заботится ни о порядкахъ хозяйственной части, ни о порядочныхъ помѣщеніяхъ, ни о пищѣ, ни о чемъ другомъ: рабочіе обязаны брать изъ амбара все рѣшительно, и чѣмъ больше они берутъ, тѣмъ хозяинъ болѣе и наживается“.

Въ западной части Забайкальской области старательскія работы въ настоящее время особенно развиты. По отчету о золотопромышленности въ Западно-Забайкальскомъ горномъ округѣ за 1889 годъ, „большая часть рабочихъ добываетъ золото артелями на собственныя средства и сдаетъ его съ золотника золотопромышленникамъ Верхнеудинскаго и Баргузинскаго округовъ“.

Окружной ревизоръ Забайкальской области въ отчетѣ за 1882—83 г. враждебно относится къ золотничнымъ работамъ съ технической точки зрѣнія [3]); но окружной ревизоръ Бирюсинской системы Оранскій, также вообще осуждающій по той же причинѣ золотничную разработку пріисковъ, говоритъ: „Я допускаю пользу старательскихъ работъ въ тѣхъ только мѣстностяхъ, которыя находятся вблизи осѣдлаго населенія, могущаго заниматься имъ непосредственно; въ такомъ случаѣ эта система разработки служитъ населенію подспорьемъ и является промысломъ народнымъ, кустарнымъ. Въ такомъ положеніи, напр., находится вся Чикойская золотоносная система“ (Верхнеудинскаго округа Забайкальской области) [4]). То же горный инженеръ Оранскій повторяетъ и въ другомъ своемъ оффиціальномъ отчетѣ (1889 г.) объ амурской золотопромышленности: въ Чикойской системѣ Забайкальской области, „гдѣ сельское населеніе, имѣя тутъ же подъ руками пріиски, ра-

---

[1]) Арх. Канц. Иркут. Горн. Управ. К. 2054, № 70—527.

[2]) *O. O.* „Sibirische Briefe“, 1894, S. 240.

[3]) Ихъ считаетъ также крайне невыгодными для компаній *Levat* въ своемъ сочиненіи: „L'or en Sibérie orientale“, P., 1897, I, 57, 59, 62—63.

[4]) „Прилож. I къ вып. 1 сборн. офф. док.“, т. VII, отчетъ окружн. рев. Забайк. обл., стр. 27.

ботаетъ на нихъ на золотники, въ свободное отъ прямыхъ своихъ занятій время, этотъ промыселъ является народнымъ“ [1]).

Но и на этихъ промыслахъ между владѣльцами пріиска и рабочими являются посредники-подрядчики, эксплоатирующіе рабочихъ и, въ свою очередь, эксплоатируемые своими, болѣе, крупными собратьями.

Въ мѣстности Дарасунскихъ пріисковъ бр. Бутиныхъ (Нерчинскаго округа Забайкальской области) подрядчикъ Кл—чъ пригласилъ въ 1892 г. старателя крестьянина Ѳ—ва съ тѣмъ, чтобы тотъ на его участкѣ мылъ со своею артелью золото за плату въ 2 р. 50 к. съ золотника, изъ которой однако 50 к. вычиталось, какъ бы за аренду участка. Ѳ—въ долженъ былъ содержать рабочихъ на своемъ довольствіи, которое обязанъ былъ покупать у того же подрядчика по цѣнамъ, какія будетъ угодно ставить этому послѣднему. Авторъ корреспонденціи, сообщающей эти свѣдѣнія, поясняетъ, что „таксы на товары и продукты ни у одного изъ подрядчиковъ не имѣется вслѣдствіе того, что всѣ они должны получать ихъ изъ пріисковаго амбара; поэтому сверхъ цѣны, платимой подрядчиками пріисковому управленію, каждый изъ нихъ болѣе 20% на рубль беретъ еще съ товара себѣ. Продажа же водки рабочимъ ими производится открыто: порція, мѣрой не болѣе ¾ сотой (ведра) и крѣпостью не выше 30 градусовъ, уступается рабочимъ отъ 10 до 15 коп. и записывается на разсчетныхъ листахъ подъ названіемъ „разнаго товару“, а болѣе предусмотрительные подрядчики записываютъ въ разсчетные листы“ подъ видомъ спичекъ или махорки. Крестьянинъ Ѳ., не заключивъ формальнаго договора съ подрядчикомъ, истратилъ свои деньги на наемъ 15 рабочихъ, которымъ онъ выдалъ задатки отъ 35 до 50 р. и приступилъ къ промывкѣ. Разыскавъ порядочное золото, онъ сталъ съ своими рабочими промывать въ день до 50 золот., между тѣмъ какъ подрядчикъ Кл—чъ съ 50 рабочими едва намывалъ отъ 10 до 20 золотниковъ. Чтобы завладѣть участкомъ Ѳ—ва, подрядчикъ наговорилъ на него управляющему, и Ѳ—ва удалили. Построенная имъ бутара и вскрытые для промывки пески достались подрядчику; у мѣстной полицейской власти Ѳ—въ не получилъ никакого удовлетворенія. У другого подрядчика на такихъ же условіяхъ подрядился рабочій рпятеромъ съ товарищами. Послѣ того, какъ онъ проработалъ уже мѣсяцъ, его вызвали въ станичное управленіе по какимъ-то тяжебнымъ дѣламъ. Подрядчикъ не отпускалъ его, но онъ поѣхалъ, боясь ослушаться начальства. По возвращеніи онъ узналъ, что его рабочіе разсчитаны, а промывательные снаряды—американку и вашгердъ—подрядчикъ взялъ себѣ [2]).

Плата старателямъ съ золотника производилась на промыслахъ Забайкальской области въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ 1879 г. въ Верхнеудинскомъ и Баргузинскомъ округахъ въ среднемъ по 1 р. 92 коп., въ 1880 г. по 1 р. 50 к. Въ 1882 г. на промыслахъ Забайкальской области старатели при хозяйскихъ инструментахъ, снарядахъ и лошадяхъ получали по 1 р. 50 к. за вычетомъ стоимости харчей, отпускаемыхъ ежедневно въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ получали ихъ и общекон-

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр., дѣло канц., № 39, л. 147/367.

[2]) „Сибирск. Вѣстн.“, 1892 г., № 123, стр. 4.

трактные рабочіе; обыкновенно считалось, что дневное пропитаніе рабочаго стоило 40—45 к. Въ 1883 г. на промыслахъ Верхнеудинскаго и Баргузинскаго округовъ старатели получали по отчету мѣстнаго горнаго исправника по 2 р.—2 р. 50 к. за золотникъ, а по свѣдѣніямъ, собраннымъ командированнымъ въ Забайкалье чиновникомъ Калагеорги, 1 р. 50 к.—2 р. Въ 1888 г. по оффиціальнымъ отчетамъ плата съ золотника равнялась въ Западно-Забайкальскомъ горномъ округѣ 2 р. 50 к.—3 р., въ 1889 г.—2 р.—3 р. [1]).

Въ Амурской области старатели-золотничники появились лишь въ 1884 г. [2]). По словамъ мѣстнаго окружного инженера Оранскаго, золотничный способъ работъ особенно распространился въ 1893 г., и посредствомъ его разрабатывается „огромное число амурскихъ пріисковъ“, а именно: Уньинская, Бомская, Хинганская, Джалиндинская системы и часть Зейской. Старательскія работы преобладаютъ въ настоящее время на пріискахъ Амурскаго края [3]).

Весь путь на пріискъ и обратно золотничники совершаютъ на свой счетъ и на своемъ содержаніи. Предложеніе труда превышаетъ спросъ, и потому рабочіе соглашаются на всякія условія лишь бы попасть на пріискъ. Такъ по нѣкоторымъ контрактамъ рабочій, желающій быть принятъ на пріискъ въ качествѣ старателя, обязывается пригнать быка и доставить 1½ пуда сухарей: то и другое принимается въ пріисковый амбаръ по базарной цѣнѣ жилого мѣста, съ наложеніемъ расходовъ на доставку. Если же рабочему потребуются тѣ же сухари или мясо, то ему отпускаютъ эти припасы уже по цѣнѣ, установленной пріисковымъ управленіемъ. Другіе золотничники вносятъ золотопромышленнику въ видѣ залога опредѣленную сумму денегъ [4]). Золотничники состоятъ на пріискѣ на собственномъ продовольствіи и не имѣютъ права запасаться провизіей въ другомъ мѣстѣ, кромѣ пріисковаго амбара. Если у нихъ окажется остатокъ отъ дорожнаго запаса, то они обязаны сдать его въ амбаръ по низшей цѣнѣ, сравнительно съ пріисковой таксой, по которой имъ приходится получать тѣ же запасы изъ пріисковой лавки [5]).

Жилище для себя золотничники на промыслахъ Амурской об-

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2769, № 58—68, л. 43 об., К. 2767, № 41—49, л. 18 об., К. 2772, № 135—124, л. 492.

[2]) *Оранскій.* „Краткій очеркъ Амурскаго края въ золотопромышленномъ отношеніи“, 1886 г., стр. 30.

[3]) *Н. Боголюбскій.* „Описаніе золот. пром. Амурско-Приморскаго края. Прил. къ трудамъ комм. для собр. свѣд. о сиб. золот.“ Спб. 1897, стр. 10.

[4]) „Вост. Обоз.“ 1893 г., № 28, стр. 5, 1895 г., № 41—42, стр. 2.

[5]) „Вост. Обоз.“ 1895 г., № 139, 1893 г., № 43; „Амурская Газета“ 1895 г., № 6, стр. 225.

ласти обыкновенно условливаются построить сами, и это условіе имъ сплошь и рядомъ приходится выполнять, такъ какъ они попадаютъ на брошенные или совершенно неразвѣданные пріиски. Помѣщаются золотничники гораздо хуже хозяйскихъ рабочихъ; обыкновенно они строятъ себѣ жилище „на самое короткое время и потому гораздо хуже казармъ урочныхъ рабочихъ. Потолки низкіе, свѣта мало, надъ входною дверью нѣтъ часто навѣса, въ самой казармѣ грязь и темнота". На нѣкоторыхъ промыслахъ часть золотничниковъ живетъ въ шалашахъ изъ лиственичной коры и парусинныхъ палаткахъ [1]).

Золотничники обязываются въ контрактахъ провести водоотводныя канавы, иногда даже выстроить теплыя промывальни: инструменты и бутары, необходимые для промывки, они должны имѣть свои [2]), а за пользованіе хозяйскою лошадью, по нѣкоторымъ контрактамъ, они платятъ по 2 р. въ день. Съ золотничниками работаютъ и ихъ дѣти, иногда моложе 12 лѣтъ [3]).

И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, съ золотничниками, нашедшими обильное золото, не церемонятся и переводятъ ихъ въ другое мѣсто, какъ только они отработали свой долгъ за провизію, а на ихъ мѣсто ставятъ другую артель, состоящую еще въ долгу [4]).

Наиболѣе обычное вознагражденіе старателей-золотничниковъ въ Амурской области—2 р. 50 к. за золотникъ, рѣже 2 р. 65 к., 2 р. 88 к., 3 р., но денегъ рабочій до окончательнаго разсчета требовать не можетъ, а только въ счетъ заработка получаетъ припасы, товары и инструменты изъ пріисковаго амбара. Такъ какъ китайцы, тайные скупщики золота, платятъ на Амурѣ отъ 4 р. до 4 р. 75 к. за золотникъ и такъ какъ по близости пріисковъ всегда шныряютъ спиртоносы и тайные скупщики, то понятно, что весьма значительная часть золота не сдается золотничниками въ промысловыя конторы [5]).

Припасы отпускаются пріисковымъ рабочимъ иногда по неимовѣрно высокимъ цѣнамъ. По даннымъ, приводимымъ г. Оранскимъ, на одной изъ золотоносныхъ системъ Амурской области, мука яричная отпускалась рабочимъ по 5 р. 20 к. за пудъ, сѣянка 6 р. 40 к., крупчатка 8 р. 80 к., сахаръ 18 р., рисъ 12 р., мясо свѣжее и соленое 10 р., скоромное масло 30 р., соль 6 р., крупа гречневая 6 р. 50 к. и стеариновыя свѣчи 24 р. за пудъ. Сравнивъ съ цѣнами въ Благовѣщенскѣ и принявъ во вниманіе стоимость провоза въ эту систему (зи-

---

[1]) „Приам. Вѣд." 1894 г., № 26—27; *Н. Боголюбскій*, 76, 78, 79.

[2]) По окончаніи работъ, инструменты, забранные изъ пріисковыхъ амбаровъ, рабочіе сдаютъ обратно за полцѣны.

[3]) *Н. Боголюбскій*, 81, 114.

[4]) „Амурская Газета" 1895 г., № 6, стр. 225.

[5]) *Бацевичъ*, стр. 152—153.

мою 1 р. 80 к. за пудъ), окажется, по свидѣтельству г. Оранскаго, что владѣлецъ пріиска при продажѣ припасовъ своимъ рабочимъ-золотничникамъ выручалъ барыша съ пуда муки 2 р. 30 к. до 4 р. 20 к. (79—145%), сахара 8 р. 20 к. (84%), рису 4 р. 20 к. (54%), маса 4 р. 90 к.—5 р. 60 к. (96—127%), масла 14 р. 20 к. (90%), соли 3 р. (100%), крупы 3 р. 50 к. (117%), свѣчей 10 р. 20 к. (74%) [1]. „При такихъ условіяхъ", продолжаетъ г. Оранскій, „не трудно быть золотопромышленникомъ, но можетъ-ли рабочій вынести что-нибудь изъ тайги, хотя бы онъ работалъ и на пріискѣ даже съ хорошимъ содержаніемъ золота? Конечно денегъ не вынесетъ, но вынесетъ золото, которое принужденъ утаить, а если это ему не удастся, то вернется домой нищимъ". Такіе порядки порождаютъ „не мало пролетаріевъ, погнавшихся за легкою наживою въ тайгѣ". Положеніе золотничниковъ крайне неопредѣленно, иногда даже безвыходно. „Операціонный заработокъ ихъ опредѣлить трудно, такъ какъ онъ прямо зависитъ отъ намытаго ими, сданнаго въ контору и утаеннаго золота", но если владѣлецъ пріиска не получаетъ вовсе или получаетъ мало золота отъ своихъ золотничниковъ, то онъ можетъ отказать имъ въ выдачѣ провизіи. Немалая часть заработка у нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ выманивается у рабочихъ и посредствомъ продажи спирта за баснословныя цѣны.

За разные проступки—пьянство, буйство, невыходъ на работу, картежную игру и т. п.—по договорамъ золотничниковъ съ хозяевами, назначаются штрафы. Такъ по одному контракту за каждый такой проступокъ назначенъ штрафъ по 5 р. и кромѣ того арестъ при казачьей; за самовольную отлучку на другой пріискъ—10 р. и арестъ. Хозяинъ могъ также всегда разсчитать рабочаго по своему усмотрѣнію не только за какой-либо проступокъ, но, по нѣкоторымъ договорамъ, всегда по минованіи въ немъ надобности [2].

Золотничная работа—работа издѣльная и размѣръ заработка зависитъ отъ количества добытаго въ немъ золота; поэтому, по свидѣтельству мѣстныхъ наблюдателей, золотничная работа напряженнѣе и изнурительнѣе хозяйской. Дурныя жилища и изнурительная работа порождаютъ частую заболѣваемость среди золотничниковъ: инфлуэнца, брюшной тифъ, дезинтерія—явленія между ними обычныя [3]. А между тѣмъ у мелкихъ золотопромышленниковъ сплошь и рядомъ не только нѣтъ своихъ больницъ, но и фельдшера, и потому медицинскую помощь рабочимъ удается получить только на сосѣднихъ крупныхъ про-

---

[1]) „Приам. Вѣдом." 1894 г., № 26—27. См. друг. таксу въ „Вѣстн. Золотопр." 1896 г. № 22, стр. 398; срав. *Н. Богомюбскій*, 39—40, 115.

[2]) „Вост. Обоз." 1895 г., № 139, стр. 3; срав. *Н. Богомюбскій*, 42, 77.

[3]) „Амур. Газета" 1896 г., № 4, стр. 110.

мыслахъ. Но нѣкоторые золотопромышленники обязывались безплатно лѣчить золотничниковъ [1]).

Возвращаются золотничники изъ тайги какъ хотятъ, такъ какъ компаніи не были обязаны давать имъ ни лодокъ, ни пароходовъ [2]).

На Хабаровскомъ съѣздѣ 1893 г. Горное отдѣленіе указало на то, что „вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо правилъ относительно работы золотничниковъ на однихъ пріискахъ заключаются опредѣленные контракты, и работы ведутся строго и толково, тогда какъ на другихъ царствуетъ полная путаница и злоупотребленія, напримѣръ, разсчитываютъ за золото спиртомъ, отказываютъ совершенно въ продовольствіи, а съ другой стороны золотничники вымещаютъ хозяину пріиска". Поэтому Горное отдѣленіе, между прочимъ, предложило: 1) выработать обязательныя для золотничниковъ постановленія и 2) вводить въ условія съ хозяевами выдачу золотничникамъ продовольствія наравнѣ съ урочными рабочими [3]).

Артели золотничниковъ нанимаются не только у разныхъ компаній и отдѣльныхъ золотничниковъ, но и у подрядчиковъ. Верхнеамурская К° сдаетъ площади, гдѣ уже производились хозяйскія работы, но гдѣ есть мѣста, пригодныя для старательскихъ работъ, на стараніе подрядчикамъ, которыми являются преимущественно служащіе, прослужившіе много лѣтъ, и такъ какъ это имѣетъ видъ награды за продолжительную службу, то компанія платитъ въ этомъ случаѣ болѣе высокую цѣну за золото. Подрядчикъ нанимаетъ старателей, размѣщаетъ ихъ на назначенномъ ему участкѣ, надзираетъ за работами, снабжаетъ припасами и ведетъ съ ними всѣ разсчеты; компанія же знаетъ одного только подрядчика: отъ него получаетъ золото, съ нимъ разсчитывается. „Въ Зейской К° стараніе поставлено иначе: тамъ дѣло ведется тоже черезъ подрядчиковъ, которыми въ большинствѣ случаевъ являются артельщики отдѣльныхъ артелей, будь то русскіе, китайцы или корейцы, и цѣна на старательское золото ниже цѣны Верхнеамурской К°, такъ какъ здѣсь некого награждать и не зачѣмъ давать лишній полтинникъ. Въ Верхнеамурской К° подрядчики сами являются какъ бы мелкими золотопромышленниками, Зейская же К° поставила старательскія работы на ту же точку, на какой онѣ стоятъ у обыкновенныхъ мелкихъ промышленниковъ, имѣющихъ свои собственные пріиски" [4]).

Если старатель-золотничникъ работаетъ отъ подрядчика, то изъ платы за золотникъ золота въ 2 р. 50 к. только 2 р. идетъ старателю, а 50 к.—золотничнику.

---

[1]) *Н. Боголюбскій*. 41, 76.

[2]) „Приам. Вѣд." 1894 г., № 26—27.

[3]) „Труды III Хабаровскаго съѣзда. Обраб. *Крюковъ*". Хаб. 1893 г., стр. 73.

[4]) „Вѣстн. Золот." 1896 г., № 3, стр. 5[illegible].

Среди золотничниковъ на амурскихъ промыслахъ находится весьма значительное количество китайцевъ и корейцевъ [1]). Въ прежнее время на пріискахъ Амурской области ихъ почти вовсе не было. По словамъ г. Оранскаго, въ 1884 г. артели китайцевъ были наняты на пріиски Зейской и Ниманской КК°, однако, опытъ былъ неудаченъ. „Но зимою 1890—91 г. распространились слухи о баснословномъ богатствѣ (золота) въ системахъ рѣкъ Бома, Уньи и ихъ притоковъ. Эти слухи проникли очень скоро на пріиски всѣхъ системъ Амурской области, и началось усиленное движеніе на Бомъ, Унью, Гилюй и въ другія мѣстности; словомъ, началось безпримѣрное по своимъ размѣрамъ восточно-сибирскаго золотого дѣла хищничество. Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ владѣльцамъ пріисковъ сдѣлалось уже труднѣе нанимать къ себѣ рабочихъ на такіе пріиски, гдѣ заработки незначительны. Особенно это было трудно для мелкихъ золотопромышленниковъ, которые, владѣя бѣдными пріисками, могли разрабатывать ихъ только золотничнымъ способомъ. Если прежде золотничникъ работалъ охотно на пріискѣ, гдѣ содержаніе золота, положимъ, 40 долей, то теперь эти доли уже не привлекали его, такъ какъ ему представлялась возможность отправиться на вольный промыселъ и заработать больше; этому способствовала еще перспектива полной свободы, при которой онъ могъ работать. Послѣ этого мелкимъ золотопромышленникамъ оставалось одно средство: обратиться къ китайцамъ и корейцамъ, которые притомъ менѣе требовательны, и трудъ которыхъ оплачивается дешевле, сравнительно съ нашими рабочими. На пріиски, напримѣръ, Хинганской системы нашъ рабочій не шелъ, а китаецъ довольствовался и тѣми 30—40 р., которые могъ заработать въ теченіе операціи. Въ этой системѣ пріиски, за исключеніемъ одного, разрабатываются китайцами и корейцами, при чемъ они, безъ всякаго участія владѣльцевъ, строятъ себѣ помѣщенія, проводятъ водоотводныя канавы, не протестуютъ, когда имъ запрещаютъ выхватывать на пріискѣ мѣста съ хорошимъ содержаніемъ золота, а разрабатываютъ и бѣдныя... Развѣдка одного изъ пріисковъ дала такіе плачевные результаты, что владѣльцы рѣшились отпустить его въ казну; но въ 1893 г. пришли китайцы, попробовали въ одномъ-другомъ мѣстѣ, и тамъ, гдѣ развѣдочные шурфы обнаружили только слѣды золота или же считались пустыми, китайцы нашли возможность работать... Производительность нашего рабочаго больше, правда, производительности китайца, но для владѣльца пріиска безразлично, получитъ ли онъ золотникъ золота отъ одного нашего золотничника, или отъ двухъ китайцевъ“.—„Можно безошибочно сказать“, утверждаетъ г. Оранскій, „что третья часть полученнаго въ 1893 г. (въ Амурской

[1]) Мѣстами есть и тунгусы. *Н. Боголюбскій*, 57.

области) золота добыта корейцами и китайцами". Всѣ эти китайцы и корейцы—золотничники: урочныхъ рабочихъ среди нихъ нѣтъ [1]).

Въ 1894 г. на пріискахъ одной Хинганской системы работало до 3000 китайцевъ [2]). По словамъ г. Оранскаго, послѣ того, какъ „хищничество уже нѣсколько стѣснено и освободило много рабочихъ рукъ, нерѣдко приходится слышать выраженія неудовольствія со стороны нашихъ рабочихъ, что имъ остается „хоть умирать съ голоду", такъ какъ китайцы и корейцы завладѣли пріисками. Такія заявленія можно слышать особенно часто на зимовьяхъ по дорогѣ на Бомъ и Унью. Я рѣшаюсь", продолжаетъ г. Оранскій, „предсказать столкновеніе въ будущемъ" (между русскими и китайцами), „если число рабочихъ китайцевъ будетъ прогрессивно увеличиваться... Чрезмѣрный наплывъ китайцевъ на наши промыслы крайне нежелателенъ и долженъ быть ограниченъ" [3]). Указанія мѣстныхъ наблюдателей были приняты во вниманіе, и въ 1894 г., высшею администраціею Приамурскаго края было сдѣлано распоряженіе, чтобы число китайскихъ работниковъ не превышало 50% общаго числа рабочихъ на пріискахъ. Тѣмъ не менѣе приливъ китайцевъ и корейцевъ на пріиски Амурской области не ослабѣваетъ [4]).

Китайцы путешествуютъ на пріиски Амурской области на лодкахъ, частью пѣшкомъ, а нѣкоторые, болѣе зажиточные, на пароходахъ. Идущіе пѣшкомъ испытываютъ страшныя лишенія и рискуютъ умереть голодною смертью [5]). Каждый маньчжуръ или кореецъ, пришедшій въ пріисковый раіонъ, не имѣетъ почти никакой возможности непосредственно получить работу: онъ вынужденъ обратиться къ одному изъ кулаковъ-подрядчиковъ, также маньчжуру или корейцу. Такіе подрядчики, накормивши голодныхъ рабочихъ, составляютъ изъ нихъ артели и отправляютъ работать на пріиски, взимая плату за посредничество или немедленно, или вычитая ее впослѣдствіи изъ заработка. Есть под-

---

[1]) „Приам. Вѣд. 1894 г., № 26, Прилож. стр. 5—6; № 27, Прил. стр. 4.

[2]) „Приам. Вѣд." 1894 г. № 36, стр. 13; „Вѣстн. Золот." 1894 г., № 15, стр. 289. Кромѣ названныхъ выше системъ, китайцы золотничники работаютъ въ Джалиндинской и отчасти въ Зейской. „Вѣстн. Золот." 1895 г., № 23, стр. 394, 1897 г., № 4, стр. 82.

[3]) „Приам. Вѣд." 1894 г. № 27; Прилож. стр. 5. „Еще на второмъ Хабаровскомъ съѣздѣ было рѣшено китайцевъ и корейцевъ къ работамъ на золотыхъ пріискахъ не допускать, но тутъ же указывали, что пришлось бы сдѣлать исключеніе для Южно-уссурійскаго края, гдѣ подобное запрещеніе было равносильно воспрещенію самаго промысла, потому что доставка рабочихъ туда обошлась бы слишкомъ дорого". *Надаровъ.* „Второй Хабар. съѣздъ 1886 г." Владив., стр. 19, 41—45; ср. „Амур. Газ." 1895 г., № 17, стр. 586.

[4]) „Вѣстн. Золот." 1897 г., № 4, стр. 82.

[5]) „Вѣстн. Золот." 1894 г., № 15, стр. 288; „Амурская Газета" 1895 г., № 23, стр. 809.

рядчики, въ распоряженіи которыхъ находятся сотни рабочихъ, разсѣянныхъ чуть не по всей системѣ; у такихъ есть свой штатъ служащихъ, своя контора, гдѣ ведутся разсчеты съ отдѣльными артельщиками.

Маньчжурскія или корейскія артели составляются въ большинствѣ случаевъ изъ 10 человѣкъ; въ Зейской системѣ добываемое ими золото дѣлится на 11 частей, изъ которыхъ одна составляетъ паи подрядчика, и кромѣ того онъ удерживаетъ съ каждаго золотничника около 25 к. Подрядчикъ наживается еще на припасахъ, снабжая ими рабочихъ на такихъ промыслахъ, гдѣ золотопромышленникъ самъ не въ состояніи это сдѣлать; это практикуется даже на пріискахъ Зейской К°. Подрядчикъ хорошо знаетъ пріиски всей системы, гдѣ производятся старательскія работы, и если артель задолжаетъ на одномъ пріискѣ, онъ постепенно, по одному человѣку, переводитъ ее на другой и такимъ образомъ даетъ имъ возможность отработать долгъ, который принялъ на себя. Сплошь и рядомъ весь заработокъ, за исключеніемъ расхода на пищевое довольствіе, незначительнаго при низкомъ уровнѣ потребностей маньчжуръ и корейцевъ, остается въ рукахъ подрядчиковъ [1]).

Приступая къ работѣ, рабочіе-маньчжуры роютъ ямы, которыя на бумагѣ носятъ названіе „камерныхъ выемокъ“. „Пройдя торфа, начинаютъ добывать пластъ во всѣ 4 стороны, копаясь, какъ кроты, подъ толстымъ пластомъ торфовъ. Если золото окажется подходящимъ, работа продолжается, въ противномъ же случаѣ закладывается другая, третья яма, и если въ нихъ мало золота,—въ убыткѣ останутся только рабочіе. Промывка песковъ большею частью производится на лоткахъ и рѣдко на бутарахъ или американкахъ“. Китайцы отличаются замѣчательною трезвостью и трудолюбіемъ [2]). Плата за золото полагается отъ 2 р. 50 к. до 2 р. 90 к. за золотникъ, изъ которыхъ около 50 к. идетъ въ пользу подрядчика [3]).

Какъ и всѣ золотничники, китайцы работаютъ на своихъ харчахъ. Потребности ихъ чрезвычайно скромны, и они нерѣдко питаются исключительно зеленью, будою или рисомъ. Кромѣ того они забираютъ изъ амбаровъ мясо, свинину, рыбу, маньчжурскій табакъ. Подрядчики берутъ съ китайцевъ за припасы дороже, чѣмъ назначено по пріисковой таксѣ, иногда на 50%. Такъ, напримѣръ, рыба соленая и вяленая по пріисковой таксѣ цѣнится въ 4 р. за пудъ, а подрядчикъ беретъ съ китай-

---

[1]) „Амур. Газ.“ 1895 г., № 23, стр. 812, № 25, стр. 880; „Вѣстн. Золот.“ 1896 г. № 22, стр. 398 (изъ „Амур. Газ.“).

[2]) „Амур. Газ.“ 1895 г., № 23, стр. 814, № 18, стр. 645.

[3]) „Вѣстн. Золотопром.“ 1894 г., № 15, стр. 288; „Амур. Газ.“ 1895 г., № 24, стр. 845.

цевъ 6 р. [1]). Мелкіе золотопромышленники, не имѣющіе возможности отпускать припасы золотничникамъ изъ своего амбара, берутъ съ нихъ обязательство, что они будутъ сами себя пропитывать. Понятно, что подобныя условія приходится включать въ свои договоры мелкимъ предпринимателямъ, если даже въ Зейской К° иной разъ чувствовался недостатокъ въ мясѣ, и на артель въ 10 человѣкъ корейцевъ и маньчжуръ выдавалось на двѣ недѣли пудъ мяса и столько же муки, рису и другихъ припасовъ; маньчжуры мирились съ этимъ и безропотно работали голодными. Въ 1895 г. на Хинганскихъ пріискахъ въ магазинахъ Т-ва Рубинова запасы хлѣба истощились, почему золотничниковъ-китайцевъ стали разсчитывать и отправлять въ ближайшую станицу на Амурѣ; они толпами уходили туда, покупали тамъ для себя рисъ и буду и возвращались на пріиски, неся на себѣ иногда до 3-хъ пудовъ припасовъ на человѣка [2]).

Золотничники-китайцы сплошь и рядомъ живутъ въ землянкахъ или шалашахъ, но во всякомъ случаѣ ихъ жилища, по словамъ г. Оранскаго, „поражаютъ своею чистотою сравнительно съ помѣщеніями нашихъ рабочихъ. У каждаго китайца чистенькая постель“, состоящая изъ войлока или тюфяка и одѣяла; „казарма содержится опрятно, хотя въ ней и нѣтъ женщинъ, на обязанности которыхъ лежитъ забота о чистотѣ въ казармахъ нашихъ рабочихъ. Подобное явленіе объясняется тѣмъ, что рабочіе-китайцы на пріискахъ почти независимы отъ пріисковаго управленія. Получая задѣльную плату, они выходятъ на работу тогда только, когда имъ вздумается; въ дождливое время китайцы сидятъ преспокойно дома, и никакія просьбы не въ состояніи склонить ихъ къ работѣ; такимъ образомъ въ китайскихъ казармахъ нѣтъ того отравляющаго воздуха, который является слѣдствіемъ просушиванія мокраго платья нашихъ рабочихъ; да и платья этого и обуви у китайцевъ гораздо меньше, такъ какъ они работаютъ совершенно нагіе въ однихъ брюкахъ (или даже безъ нихъ) и всегда притомъ безъ обуви“ [3]). Корейцы живутъ грязнѣе китайцевъ и также отдѣльно отъ другихъ рабочихъ [4]).

Заработки китайцевъ золотничниковъ ничтожны, и по-неволѣ пополненіемъ ихъ служитъ кража золота. „Воровство золота производится въ большихъ размѣрахъ; рабочій-маньчжуръ, задолжавши своему артельщику и подрядчику, маньчжуру же, платитъ ему за свое продовольствіе накраденнымъ золотомъ или отрабатываетъ на болѣе выгодной работѣ.

---

[1]) „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 22, стр. 398; 1894 г., № 15, стр. 288.

[2]) „Амур. Газ.“ 1895 г., № 23, ст. 812, 814; *Н. Боголюбскій*, 183.

[3]) *Оранскій*. „Краткій очеркъ Амур. края въ золотопром. отношеніи“. Томскъ. 1886 г., стр. 30; *Н. Боголюбскій*, 159, 181.

[4]) „Приам. Вѣд.“ 1894 г., № 27, прил. стр. 3.

Попавъ разъ въ тайгу и работая при такихъ условіяхъ, онъ вѣчно находится въ кабалѣ, вѣчно долженъ подрядчику и никогда ничего заработать не можетъ, силы его отъ постоянной голодовки падаютъ, и вы встрѣтите десятки такихъ рабочихъ, которые обезсиленные перекочевываютъ съ пріиска на пріискъ и, будучи не въ состояніи работать, кормятся послѣдовательно у болѣе счастливыхъ артелей“ [1]). Немудрено, что маньчжуры десятками просятъ подаянія, иногда бѣгутъ съ пріисковъ или даже рѣшаются, какъ было на одномъ изъ пріисковъ Хингана, поколотить казака, ихъ притѣснявшаго [2]).

До сихъ поръ мы говорили о положеніи золотничниковъ на промыслахъ частныхъ золотопромышленниковъ, теперь переходимъ къ кабинетскимъ пріискамъ въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ.

Въ 1873 г. кабинетскіе золотые промыслы на Алтаѣ перестали разрабатываться на средства Кабинета и переданы были старателямъ-золотничникамъ за извѣстную плату съ золотника. Старатели еще ранѣе появились на этихъ промыслахъ. Въ 1865 г. на 4 промыслахъ, на которыхъ работы производились Кабинетомъ [3]), было получено 19 п. 2 ф. 55 з. шлиховаго золота, „сверхъ того старателями съ платою по-золотнично, на оставленныхъ и частью на дѣйствующихъ промыслахъ“ [4]) получено было 8 п. 15 ф. 12 з. золота, которое слѣдовательно составляло почти треть общаго количества золота, добытаго въ этомъ году на кабинетскихъ промыслахъ на Алтаѣ [5]). Въ 1866 г. старателями было добыто „на оставленныхъ и частью на дѣйствующихъ промыслахъ“ 6 п. 35 ф. 76 з. шлиховаго золота [6]).

Въ 1871 г. былъ составленъ „проектъ правилъ на казенную старательскую добычу золота на Егорьевскомъ промыслѣ и въ окрестностяхъ его“. Этотъ проектъ разсматривался въ Алтайскомъ Горномъ Правленіи и затѣмъ въ январѣ 1871 г. былъ представленъ въ Кабинетъ и утвержденъ имъ; правила эти дѣйствовали еще въ 1891 г. По этимъ правиламъ къ старательской добычѣ золота въ золотоносныхъ мѣстностяхъ Алтайскаго округа, остающихся въ непосредственномъ распоряженіи Кабинета, могли быть допущены всѣ лица свободнаго со-

---

[1]) „Амур. Газ.“ 1895 г., № 23, стр. 814.

[2]) „Амур. Газ.“ 1895 г., № 23, стр. 813; „Вост. Обоз.“ 1895 г., № 47, „Приам. Вѣд.“ 1894, № 27, прил. стр. 5.

[3]) Царево-Александровскомъ, Царево-Маріинскомъ, Яковлевскомъ и Николаевскомъ.

[4]) Царево-Александровскомъ, Егорьевскомъ, Царево-Николаевскомъ и Спасскомъ.

[5]) Въ предыдущемъ 1864 г. старателями было добыто 5 п. 16 ф. 80 зол. шлиховаго золота—менѣе 1/4 всего количества.

[6]) Архивъ Главн. Управ. Алтайск. Горн. округа. „Изложеніе Горн. Совѣта“ 1865 г., л. 22 об., 1866 г., л. 23 об., „Вѣд. Горн. Сов.“ 1866 г., л. 131. „Излож. Гор. Сов. 1867 г., л. 28.

стоянія, за исключеніемъ ссыльно-поселенцевъ. Завѣдывать старательской добычей золота долженъ былъ смотритель, опредѣляемый Алтайскимъ Горнымъ Правленіемъ, въ распоряженіи котораго находились объѣздчики. Старатели должны были находиться на собственномъ продовольствіи. Они составляютъ артели не менѣе 10 человѣкъ; каждая изъ нихъ выбираетъ изъ среды своей старшаго, который сдаетъ золото за всю артель и получаетъ разсчетъ или вписываетъ сданное золото въ разсчетный листикъ, выданный ему смотрителемъ, а также получаетъ необходимые припасы и инструменты. По разсчетному листику старшій разсчитываетъ свою артель; на отвѣтственности его лежитъ правильность сдачи золота, и онъ отвѣчаетъ въ случаѣ его утайки. Всѣ артели вмѣстѣ избираютъ двухъ выборныхъ, а смотритель старосту, которые и составляютъ втроемъ артельную расправу. Старателямъ строго воспрещалось ввозить на пріиски вино и предметы роскоши для торговли ими, и дозволялся лишь ввозъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ и инструментовъ для работъ. На мѣстѣ, избранномъ артелью, смотритель отводилъ для разработки участокъ, который не долженъ былъ превышать одной куб. сажени песковъ на каждаго человѣка. Если участокъ окажется невыгоднымъ для работы, то артель имѣла право требовать отвода другого. Артель не могла зарабатываться въ участокъ другой артели, въ противномъ случаѣ по приговору выборныхъ и старосты старшій подвергался наказанію, а изъ сданнаго золота покрывался убытокъ, понесенный другою артелью [1]).

Съ этого времени на алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ добывалось незначительное количество золота [2]).

Мы почти не имѣемъ свѣдѣній о числѣ старателей-золотничниковъ на кабинетскихъ промыслахъ этого округа. Въ 1887 г. на 3 пріискахъ, разрабатывавшихся старателями (Егорьевскомъ, Салаирскомъ и по системѣ Катуни) было 597 ч. рабочихъ [3]). Въ 1893 г. Егорьевскій промыселъ (въ Кузнецкомъ и Барнаульскомъ округахъ), Каянчинскій [4]) и Быстринскій (въ Бійскомъ округѣ) разрабатывались артельными старателями отъ управленія округа, а отчасти и хозяйственными работами и наконецъ Салаирскій пріискъ—золотничниками; на всѣхъ этихъ промыслахъ было 808 ч. рабочихъ, въ томъ числѣ на Егорьевскомъ 505 ч. и на Салаирскомъ 162 [5]). „Работы ведутся“ на Салаирскомъ кряжѣ

---

[1]) Арх. Глав. Управ. Алт. Горн. Окр., дѣло 1870 г. № 5955—11, л. 161—163.

[2]) См. *Дополненіе XXIV.*

[3]) „Горнозав. произв. Россіи за 1887 г.“.

[4]) См. о немъ „Сибир. Газета“ 1885 г. № 32, стр. 822; „Сиб. Вѣстн.“ 1885 г. № 14, стр. 7.

[5]) „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., № 13, стр. 251; „Горноз. произв. Россіи за 1893 г.“, стр. 82.

„преимущественно такъ называемыми *печурами*, т.-е. узкими и низкими подземными не ходами, а норами, которыми вынимается богатѣйшая часть розсыпей; затѣмъ старыя печуры обваливаются или затопляются, и значительная часть розсыпей дѣлается непригодной для дальнѣйшей обработки. Промывка песковъ производится на маленькихъ, на скорую руку сколоченныхъ вашгердахъ“ [1]). Во время посѣщенія Салаирскаго рудника 1891 г. я не рѣшился спуститься въ такую „печуру“, такъ какъ работа производилась въ мягкой, грязной почвѣ. Воздухъ внутри, надо полагать, былъ очень тяжелый, судя по тому, что рабочіе просили у управляющаго пріискомъ машины, которая могла бы вентилировать подземные ходы. Промывка золота производилась не только на самыхъ первобытныхъ вашгердахъ, но и на болѣе устроенныхъ, называемыхъ станками.

Старатели получали плату съ золотника золота въ 1877—78 гг. по 1 р. 50 к. [2]). Въ ноябрѣ 1879 г. министръ Двора разрѣшилъ увеличить плату до 2 руб. съ золотника; плата эта производилась и въ 1881 г. [3]). Въ 1885 г. на Салаирскомъ пріискѣ старателямъ-золотничникамъ платили 2 р. 30 к.—2 р. 50 к., а на Каянчинскомъ—по 2 р. 50 к. [4]). Въ 1886 г. на Егорьевскомъ промыслѣ плата равнялась 3 р. [5]). Такое же вознагражденіе получали золотничники на алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ и въ 1889 г. Въ 1891 г. въ Салаирскомъ рудникѣ старателямъ платили по 2 р. 60 к. за золотникъ, а въ 1893 г. плата на кабинетскихъ промыслахъ равнялась 2 р. 88 к. [6]).

Желая нѣсколько повысить свой заработокъ, старатели-золотничники стремились продать золото тайкомъ не въ Кабинетъ, а мелкимъ золотопромышленникамъ по правую сторону рѣки Томи. Въ 1881 г., когда Кабинетъ давалъ имъ по 2 р., отъ частныхъ золотопромышленниковъ они получали при такой тайной продажѣ по 3 р. за золотникъ; въ 1886 г., когда Кабинетъ платилъ 3 р., скупщики давали 4 р. 50 к. за золотникъ [7]).

Иногда старателямъ-золотничникамъ выпадалъ недурной заработокъ: при открытіи въ 1885 г. богатой розсыпи близъ с. Каянчи (Бійскаго округа) заработокъ равнялся 100—150 р., доходя иной разъ въ

---

[1]) „Сиб. Вѣстн.“ 1887 г., № 31.

[2]) Арх. Глав. Управ. Алтайск. Горн. Окр. „Журн. Горн. Совѣта“ 1878—79 гг.

[3]) Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., св. 6352, л. 74; „Сибирь“ 1881 г., № 20, стр. 6, 1882 г., № 18, стр. 5.

[4]) „Сибир. Вѣстн.“ 1885 г. № 29, стр. 2, № 14, стр. 7; „Сибир. Газ.“ 1885 г. № 32, стр. 822.

[5]) „Сиб. Вѣстн.“ 1886 г., № 77, 1887 г., № 31.

[6]) „Журн. Горн. Сов.“ 1889 г.; „Вѣстн. Золот.“ 1894 г., № 13, стр. 251.

[7]) „Сибирь“ 1881 г., № 20, стр. 6; „Сиб. Вѣстн.“ 1887 г., № 31.

сутки до 5—6 р. [1]). На Егорьевскомъ промыслѣ въ 1886 г. на одномъ богатомъ золотомъ мѣстѣ работало до 60 артелей, заработокъ которыхъ доходилъ до 3—5 и иногда даже 11 руб. за 5—6 часовъ въ день работы каждому человѣку. Мастеровому, первому напавшему на эту россыпь, было отведено для добычи золота 70 саж., остальнымъ по 2 саж. на человѣка. По другимъ свѣдѣніямъ золотничники зарабатывали здѣсь по 15—30 р. и болѣе въ недѣлю на своихъ харчахъ, хозяйскіе же рабочіе получали 12—15 р. въ мѣсяцъ на готовыхъ харчахъ [2]).

Наканунѣ моего пріѣзда въ Салаирскій рудникъ въ 1891 г. артель рабочихъ нашла самородокъ золота въ 1 ф. 19 з. Она состояла первоначально изъ 12 человѣкъ, но такъ какъ долго не удавалось найти золото, то 6 рабочихъ оставили артель, а остальные получили за самородокъ по 50 съ лишкомъ рублей каждый (за весь самородокъ, по 2 р. 65 к. за золотникъ, приходилось 304 р. 75 к.). Но такая пожива бываетъ рѣдко. Золотопромышленность на Салаирѣ имѣетъ характеръ скорѣе подсобнаго промысла при рудничныхъ работахъ, чѣмъ самостоятельнаго занятія. Когда нѣтъ другихъ работъ, рудниковые рабочіе начинаютъ бродить въ поискахъ за золотомъ; иной разъ долго не находятъ его, а потомъ нападаютъ на золото и зарабатываютъ обыкновенно отъ нѣсколькихъ гривенниковъ до 1 р. 40 к., въ сутки, но время, затраченное на поиски, остается безъ вознагражденія.

На Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ также допускались къ работамъ артели старателей-золотничниковъ [3]), но въ послѣднее время Кабинетъ имѣетъ дѣло не съ самостоятельными артелями, а съ подрядчиками.

„При установившейся въ послѣдніе семь лѣтъ системѣ“, говоритъ г. Герасимовъ, „изъ 120 до 125 п. годовой добычи золота средствами Кабинета около 50 п. вымывать работами, такъ называемыми, подрядными, чрезъ особыхъ подрядчиковъ, съ платою имъ до 3 р. 25 к. съ золотника шлиховаго золота, экономическое и нравственное положеніе вырабатывающей эти 50 п. рабочей команды вызываетъ нижеслѣдующія явленія. Полносилые рабочіе къ подрядчикамъ не нанимаются; болѣе слабая команда работаетъ у нихъ за плату съ золотника, перемываетъ старые отвалы, подрѣзаетъ борта выработанныхъ разрѣзовъ, если на этихъ бортахъ не имѣется отваловъ, разрабатываетъ небольшіе цѣлики на пріискахъ, частью выработанныхъ, частью вновь заложенныхъ. Переносы работъ съ одного мѣста на другое у подрядчиковъ случаются часто, что вынуждаетъ рабочихъ проживать въ шалашахъ или ежедневно переходить значительное разстояніе отъ казармъ на работы и обратно. Плата, производимая рабочимъ на подрядныхъ работахъ, значительно ниже 3 руб. съ золотника; къ тому же подряд-

---

[1]) „Сибир. Газ.“ 1885 г., № 32, стр. 822.

[2]) „Сибир. Вѣстн.“ 1886 г., №№ 77, 91.

[3]) *Багашевъ*. „Письма изъ Пріаргунья“. „Сборн. газ. Сибирь“ т. I, 1876 г., стр. 251; „Владивостокъ“ 1887 г., № 5, стр. 4.

чики, снабжая рабочихъ товарными предметами для одежды, обуви и продовольственными продуктами, накладывают на товары и продукты значительный комиссіонный процентъ. Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, сокращая заработки рабочихъ, нанимающихся у подрядчиковъ, сравнительно съ заработками на пріискахъ, производимыхъ хозяйственными работами, невольно подвигаютъ золотничниковъ-рабочихъ сбывать часть добываемаго ими золота у подрядчиковъ постороннимъ лицамъ для перепродажи въ гг. Кяхту или Айгунъ. Подобной эксплоататорской зависимости рабочихъ людей отъ подрядчиковъ возможно было бы избѣжать, составляя изъ рабочихъ артели, которымъ съ круговою отвѣтственностью надлежитъ передавать разработку тѣхъ площадей, которыя не заслуживаютъ хозяйственныхъ работъ отъ мѣстнаго управленія и притомъ съ обязательствомъ, чтобы часть рабочихъ артелей съ ихъ семьями селились на пріискахъ и имъ отводились соотвѣтственныя земельныя угодья подъ усадьбы, выгонъ, для посѣва хлѣба и для поставки сѣна съ частью лѣсной площади. Такое постепенное заселеніе отрабатываемыхъ золотыхъ пріисковъ и вновь закладываемыхъ, независимо заселенія пустующихъ нынѣ земель, образовало бы со временемъ готовый штатъ горныхъ рабочихъ для развѣдокъ, разработки въ окрестныхъ, къ этимъ поселеніямъ, мѣстностяхъ розсыпей и коренныхъ мѣсторожденій золота...

Что артельнаго хозяйства достигнуть постепенно возможно,—доказываютъ примѣры существующихъ артелей мастеровыхъ и рабочихъ людей Пермскаго горнаго округа и Абаканскаго чугуноделѣзнаго завода въ Минусинскомъ округѣ“ [1]).

Вполнѣ сочувствуя мысли г. Герасимова, бывшаго начальника Нерчинскаго округа, о предоставленіи разработки золотыхъ промысловъ не подрядчикамъ, а самимъ рабочимъ-золотничникамъ, мы считаемъ только нежелательнымъ ставить при этомъ условіемъ постоянное поселеніе этихъ рабочихъ на промыслахъ, такъ какъ такое прикрѣпленіе къ одному мѣсту могло бы вредно отразиться на интересахъ рабочихъ.

Мысль о желательности развитія самостоятельнаго артельнаго труда на золотыхъ промыслахъ уже давно высказана была въ сибирской печати.

„Золотой промыселъ—по буквѣ закона—промыселъ свободный. Но на практикѣ эта свобода ничѣмъ не обезпечена, и золотопромышленность остается фактически достояніемъ немногихъ богатыхъ людей, держащихъ въ работѣ сотню тысячъ рабочихъ въ разныхъ углахъ Сибири. Чтобы вывести золотой промыселъ на путь дѣйствительно свободной и доступной населенію промышленности, необходимо поощрять развитіе артелей золотопромышленныхъ рабочихъ, работающихъ за свой счетъ и рискъ. Казна можетъ только выиграть отъ такой постановки дѣла: она будетъ знать представителей рабочихъ артелей, съ ними вести всѣ разсчеты, а для внутренняго распорядка въ артели, для опредѣленія отношеній между членами артелей, долженъ быть выработанъ нормальный уставъ, по которому и будутъ образовываться эти

[1]) *М. Герасимовъ.* „Очеркъ Нерчинскаго горнаго округа“. Изд. Кабинета Е. И. В. СПБ. 1896 г., стр. 118—119.

артели. Тогда монополія настоящихъ золотопромышленниковъ исчезнетъ сама собою, конкурренція съ свободными артелями заставитъ отдѣльныхъ золотопромышленниковъ иначе относиться къ своимъ рабочимъ или, что то же самое, разрабатывать свои пріиски тѣми же артелями на договорныхъ или арендныхъ основаніяхъ. Это, повторяемъ, въ нашихъ глазахъ, единственный выходъ для коренного измѣненія къ лучшему положенія, какъ пріисковыхъ рабочихъ, такъ и самаго промысла. Работая для себя, артельщики-рабочіе перестанутъ и бѣгать съ пріисковъ, и воровать золото, и сбывать его за безцѣнокъ спиртоносамъ. Артельная отвѣтственность одного за всѣхъ и всѣхъ за одного, и сознаніе, что результаты общей работы принадлежатъ артели, весьма скоро создастъ среди артельщиковъ прочную нравственную дисциплину, которой никакими полицейскими мѣрами не достигнуть“ [1]).

---

[1]) „Сибир. Газ.“ 1882 г. № 26, срав. 1883 г., № 22. „Положеніе рабочихъ на золотыхъ пріискахъ“. На съѣздѣ золотопромышленниковъ въ Читѣ въ 1886 г. горные инженеры Шостакъ и Герасимовъ предлагали предоставить разработку золотыхъ пріисковъ общинамъ или артелямъ и поощрять ее. „Амурская Газета“ 1896 г., № 16, стр. 538. Срав. о необходимости содѣйстія кустарямъ-старателямъ на золотыхъ промыслахъ въ статьѣ *П. Б.* „Очерки золотопромышленности южнаго Урала“. „Русск. Богатство“ 1895 г., № 6, стр. 148—150.

ГЛАВА X.

Волненія и стачки рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ съ 1870 по 1895 г.

Пріисковые рабочіе преимущественно пассивно, посредствомъ побѣговъ съ промысловъ, выражали свой протестъ противъ того гнета и эксплоатаціи, которымъ они подвергались со стороны золотопромышленниковъ, активные же протесты были въ прежнее время явленіемъ весьма не частымъ. Правда, въ тридцатыхъ годахъ было не мало волненій на пріискахъ Западной Сибири, а въ 1842 г. волненіе охватило весьма многіе промысла Енисейскаго округа, но послѣ того, какъ оно было усмирено съ помощью военной силы и признанные болѣе виновными были жестоко наказаны по приговору военнаго суда, на сибирскихъ промыслахъ наступило продолжительное затишье: въ пятидесятыхъ годахъ намъ не извѣстно ни одного волненія, въ шестидесятыхъ лишь одинъ случай коллективнаго протеста на одномъ изъ Забайкальскихъ промысловъ. Не особенно многочисленны волненія пріисковыхъ рабочихъ и въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, но все-таки они бывали гораздо чаще, чѣмъ въ прежнее время, и потому заслуживаютъ вниманія и подробнаго изслѣдованія. Правда, ни одно изъ этихъ волненій не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ 1842 г. въ Енисейскомъ округѣ, но серьезному бунту мѣшаетъ разбросанность промысловъ, разношерстность рабочихъ (ими бываютъ и люди полноправные, и ссыльно-поселенцы, жители Сибири и пришельцы съ восточной окраины европейской Россіи); наконецъ тутъ дѣйствуетъ и страхъ предъ тѣми суровыми наказаніями, которымъ, какъ мы увидимъ ниже, подвергаются участвующіе въ волненіи рабочіе, особенно ссыльно-поселенцы.

Оффиціальные документы далеко не всегда открываютъ намъ истинныя причины волненій, коренящіяся иногда въ непомѣрной тяжести труда, недостаточности отдыха, въ грубомъ и даже жестокомъ

обращеніи съ рабочими служащихъ на промыслахъ и въ недостаточно бдительномъ надзорѣ администраціи, находящейся въ экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ.

На пріискахъ въ Западной Сибири намъ извѣстно немного волненій за послѣднія 25 лѣтъ.

Въ статьѣ кн. Кострова о частныхъ золотыхъ промыслахъ Томской губ. мы находимъ слѣдующее извѣстіе: „Въ 1872 г. отъ неправильнаго пониманія нѣкоторыми рабочими распоряженія начальства относительно срока работы произошли безпорядки, выразившіеся самовольнымъ уходомъ рабочихъ съ пріисковъ ранѣе контрактнаго срока; но эти безпорядки тогда же прекращены разъясненіемъ рабочимъ ихъ обязанностей, къ которымъ они немедленно возвратились“ [1]). Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ волненіи мы не имѣемъ, но можно предполагать, что оно было вызвано удлиненіемъ осенняго срока работъ послѣ отмѣны, по Уставу о частной золотопромышленности 1870 г., установленнаго въ 1838 г. обязательнаго окончанія промывки золота 10-го сентября тамъ, гдѣ нѣтъ теплыхъ промываленъ.

Во время поѣздки на пріиски Южно-алтайской компаніи въ 1891 г. мы слышали отъ пріисковаго врача, что лѣтъ девять тому назадъ, слѣдовательно около 1882 г., въ этомъ округѣ было серьезное волненіе, но мы не нашли о немъ никакихъ документальныхъ извѣстій [2]).

5-го января 1884 г., на пріискахъ Ф., въ Маріинскомъ округѣ, команда рабочихъ до 50 человѣкъ почувствовала неудержимое желаніе выпить „винную порцію“ (дозволенной продажи вина на пріискахъ не существуетъ, и рабочіе, состоящіе на хозяйскомъ содержаніи, получаютъ его отъ хозяевъ по ихъ усмотрѣнію); когда пріисковое управленіе не удовлетворило этого желанія, то „команда“ не пошла на работы. На другой день, по приглашенію выпить въ обычное время, рабочіе отказались отъ водки, но ненадолго,—искушеніе было слишкомъ велико, и затѣмъ, послѣ поданнаго угощенія, они потребовали, чтобъ имъ дали еще вина; получивъ отказъ, они вломились къ управляющему, который убѣжалъ съ пріиска; рабочіе избили его жену и дѣтей, ворвались въ помѣщеніе, гдѣ хранился спиртъ, и черпали его, кто сколько могъ. Авторъ газетной корреспонденціи, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, указываетъ на слѣдующія причины этого волненія. Владѣлецъ пріиска Ф., въ подспорье золотопромышленности, тайкомъ занялся запрещенною торговлею спиртомъ. „Рабочіе, разумѣется, попали въ кабалу и неоплатные долги; безцеремонность наживы доходитъ до обира-

---

[1]) „Томскія Губернскія Вѣдомости“, 1874 г., № 6.

[2]) Въ 1883 г. конюхъ убилъ золотопромышленника, томскаго купца И. А. Петрова, за то, что тотъ избилъ его нагайкою.

тельства во время разгула; все выданное вещевое довольствіе, бродни, азямы, рубахи, рукавицы и прочая одежда переходятъ обратно отъ рабочихъ въ магазинъ за спиртъ; выписанное снова ставится въ счетъ по цѣнамъ, удвоеннымъ противъ рыночныхъ, а при возвратѣ за вино принимается за безцѣнокъ. Качество, крѣпость и цѣну спирта не спрашиваютъ, только бы давали пить. Послѣдствіемъ такихъ дѣйствій управленія бываютъ со стороны рабочихъ вспышки въ родѣ вышеописаннаго случая, при чемъ потерпѣвшему нѣтъ даже основаній прибѣгать къ властямъ, чтобы не обнаружить собственныхъ грѣховъ и не получить непріятностей, а потому все кончается домашнимъ порядкомъ до тѣхъ поръ, пока не случится настоящей уголовщины. Подобные порядки вредно отзываются и на смежныхъ пріискахъ, гдѣ рабочіе, увлекаемые примѣромъ сосѣдей, начинаютъ пьянствовать, пропиваютъ не только заработки, но и послѣднюю одежду, которую вынуждены снова забирать у своихъ хозяевъ, чтобы снова улучить моментъ и пропить. Такимъ образомъ спаиваются рабочіе на большомъ пространствѣ вокругъ кабацкаго пріиска, спаиваются и обираются, затѣмъ при окончательномъ разсчетѣ не получаютъ на руки ни гроша и ждутъ, какъ милости, задатка за наемъ на слѣдующій годъ“ [1]).

5-го августа 1885 г. на пріискѣ Чеснокова, въ 40 верстахъ отъ Томска, гдѣ было около 30 рабочихъ, произошла стачка. Вызвана она была тѣмъ, что управляющій Кондратьевъ сталъ задавать уроки вдвое больше прежняго, кормилъ рабочихъ тухлымъ мясомъ, безчеловѣчно обращался съ ними. Поводомъ къ стачкѣ послужило то, что воскресныя порціи были выданы не всѣмъ, какъ это дѣлалось при прежнемъ управляющемъ, а тѣмъ только, которые „служили язычкомъ“. Рабочіе прекратили работу, послали въ городъ къ хозяину депутатовъ и 5 дней не работали. Возвратившись, депутаты передали товарищамъ брань и угрозы хозяина и сообщили, что приказчикъ, уѣхавшій съ докладомъ отъ управляющаго, такъ избилъ одного рабочаго, что дѣло дошло до священника и полиціи. Не дождавшись хозяина, рабочіе пошли къ нему въ городъ [2]).

Иногда мѣстная полицейская власть обозначала громкимъ именемъ „бунта“ совершенно ничтожныя столкновенія рабочихъ съ пріисковою администраціей. Такъ на Чесноковскомъ пріискѣ К° Ненашева и Чернядевой, Алтайскаго округа, 8-го мая 1887 г. произошло волненіе рабочихъ. Однимъ изъ поводовъ къ нему было то, что управляющій пріискомъ, Хворовъ, еще 16-го апрѣля одному рабочему за пьянство разбилъ носъ и выдралъ волосы. На другой день вся команда заявила на

---

[1]) „Сибирская Газета“, 1884 г., № 13, стр. 340.
[2]) „Сибирск. Газ. 1885 г., № 33, стр. 845—846.

это полицейскому стражнику „претензію“ и просила довести ихъ жалобу до свѣдѣнія горнаго исправника. Затѣмъ 8-го мая, по окончаніи урочныхъ работъ, управляющій пріискомъ устроилъ „помочь“ для завалки плотины, которая была размыта. По окончаніи этой работы хозяинъ пріиска попросилъ еще рабочихъ поставить мачту на золотопромывальной машинѣ, послѣ чего имъ было дано по два стаканчика водки; рабочіе просили по третьему, но управляющій отказалъ имъ. Нѣкоторые настаивали на исполненіи своей просьбы, но, наконецъ, разошлись, кромѣ одного рабочаго, котораго стражникъ вытолкалъ изъ конторы. Тотъ сталъ кричать, что его ударили въ грудь; рабочіе выбѣжали изъ казармъ, ворвались въ контору и комнату управляющаго и стали его искать, но не нашли. При этомъ рабочіе припомнили и избіеніе ихъ товарища 16-го апрѣля. Тѣмъ и кончился этотъ „бунтъ“, какъ его окрестилъ стражникъ въ донесеніи горному исправнику [1]).

25-го сентября 1887 г., произошло волненіе на Магызинскомъ пріискѣ Южно-алтайской К°. 22-го сентября рабочій этого пріиска, Шапкинъ, ушелъ съ работы, не окончивъ заданнаго ему урока. Его отправили на Неожиданный пріискъ, гдѣ управляющій приказалъ оставить его до окончательнаго разсчета. Но Шапкинъ 23-го и 24-го сентября сказался больнымъ и на работу не вышелъ. Управляющій приказалъ разсчитать его, оштрафовавъ за два дня, на основаніи контракта, по 3 р. за каждый, и препроводить на Балыксинское зимовье. Шапкинъ отказывался идти туда и хотѣлъ возвратиться на Магызинскій пріискъ, но ему связали руки и заставили идти на зимовье съ двумя полицейскими стражниками. Если вѣрить донесенію одного изъ нихъ, онъ прошелъ связаннымъ не болѣе ста саженъ и затѣмъ шелъ спокойно до самой Балыксы. Но высылка Шапкина взволновала рабочихъ Магызинскаго пріиска, такъ какъ имъ сказали, что его избили и связаннаго отправили на зимовье, и вечеромъ 24-го сентября они заявили, что завтра на работу не выйдутъ, если Шапкинъ не будетъ возвращенъ. Утромъ рабочіе дѣйствительно не вышли по звонку на работу, а когда въ казармы къ нимъ пришли управляющій пріискомъ и нарядчикъ, то рабочіе избили ихъ, при чемъ послѣдній выстрѣлилъ изъ револьвера, никого, впрочемъ, не ранивъ. Вызванный съ Балыксы стражникъ уговорилъ рабочихъ, и 26-го сентября они возобновили работы [2]).

---

[1]) Арх. Горн. Испр. въ Кузнецкѣ.

[2]) Архивъ горн. исправника въ Кузнецкѣ и донесеніе стражника, полученное мною отъ покойнаго доктора Н. А. Березовскаго. Въ сентябрѣ 1887 г. на Петропавловскомъ пріискѣ, Абаканской системы, Алтайскаго округа, разрабатываемомъ братьями Должниковыми, одинъ изъ рабочихъ нанесъ служащему топоромъ рану въ плечо. На слѣдствіи онъ показалъ, что сдѣлалъ это въ пьяномъ видѣ. „Сибирскій Вѣстникъ“ 1888 г., № 19, стр. 4; отчетъ о золотопр. Запад. Сиб. за 1887 г. въ Горн. Деп.

Въ 1887 г. на пріискахъ Зайсанскаго у. Семипалатинской области „возникали безпорядки между рабочими, которые оказывали неповиновеніе, оставляли работы и даже уходили съ пріиска, унося съ собою инструменты. Впослѣдствіи безпорядки были устранены съ помощію мѣстной уѣздной власти“ [1]).

Въ 1888 г. до Усть-Каменогорска дошло извѣстіе о бунтѣ рабочихъ киргизовъ на одномъ изъ пріисковъ Москвина, при чемъ говорили, что управляющій вызвалъ изъ Зайсана военную силу для ихъ усмиренія [2]).

Во время поѣздки на пріиски Южно-алтайской К° въ 1891 г. мы слышали отъ полицейскаго стражника, что въ этомъ году было волненіе рабочихъ на пріискахъ Шмотина на р. Терсяхъ, Алтайскаго округа, причемъ, какъ говорятъ, бѣжало около 40 чел. рабочихъ. Въ томъ же году было волненіе на одномъ изъ пріисковъ Южно-алтайской К°, вслѣдствіе крутого обращенія управляющаго пріисками, полковника Янышева. Наконецъ, весною того же года было волненіе на Неожиданномъ пріискѣ Южно-алтайской К° изъ-за того, что фельдшеръ не призналъ больными нѣкоторыхъ пришедшихъ въ больницу рабочихъ.

13 февраля 1894 г. рабочіе на Быстринскомъ пріискѣ Кабинета Его Величества, Алтайскаго округа, заявили, что въ этотъ день они работать не будутъ, и не вышли на работу. Считая зачинщикомъ стачки одного рабочаго, пріисковое управленіе требовало, чтобы онъ ушелъ съ пріиска, но тотъ отказался, а когда, несмотря на противодѣйствіе рабочихъ, онъ былъ арестованъ, то товарищи отняли его у стражника. Причиною невыхода на работу 13 февраля, въ воскресенье, было то, что завѣдующій пріисками Ярославцевъ обѣщалъ рабочимъ по воскресеньямъ давать отдыхъ, но не исполнилъ обѣщанія. Распорядитель Быстринскаго пріиска, рядовой Каверинъ, оштрафовалъ каждаго рабочаго по 1 р. и отказалъ въ выдачѣ требуемой ими воскресной порціи. Изъ всего состава рабочихъ (105 человѣкъ) 26 рабочихъ, вслѣдствіе увѣщаній пріѣхавшаго на пріискъ бійскаго исправника, вышли на работу, остальные же 79 человѣкъ не согласились возобновить ее, требуя удаленія отъ должности Каверина, такъ какъ онъ сильно притѣсняетъ ихъ, налагаетъ непосильные штрафы, обсчитываетъ, неправильно ведетъ разсчетныя книжки. При переговорахъ съ полицейскими властями рабочіе были вооружены ломами, кайлами и камнями, и изъ толпы слышались угрозы „вымотать кишки у служащихъ“. Семеро рабочихъ, которыхъ считали подстрекателями, были преданы суду, и уголовное отдѣленіе томскаго губернскаго суда приговорило ихъ къ тюремному

---

[1]) Отчетъ о золотопр. Запад. Сиб. въ Горн. Деп.

[2]) „Сибирскій Вѣстникъ“ 1888 г., № 51, стр. 3—4

заключенію срокомъ на годъ каждаго, но освободило отъ наказанія на основаніи манифеста 14 ноября 1894 г. [1]).

Чаще были волненія на пріискахъ Восточной Сибири.

Раздраженные рабочіе иной разъ избивали, изувѣчивали или даже убивали золотопромышленника или какого либо пріисковаго служащаго. Въ Енисейскомъ округѣ съ однимъ золотопромышленникомъ былъ даже такой случай, что рабочіе прорѣзали ему до кости сѣдалищную часть тѣла [2]). Есть извѣстіе, что въ 1885 г. рабочіе на пріискѣ какого-то еврея въ южно-енисейской тайгѣ избили управляющаго и казака [3]). Въ 1888 г. рабочіе избили золотопромышленника Е., „и много было подобныхъ случаевъ“ [4]). Въ 1879 г. рабочіе на одномъ пріискѣ южно-енисейской тайги убили брата золотопромышленника Петра Кузнецова и въ его квартирѣ оставили записку съ указаніемъ на слѣдующія причины убійства: хозяинъ обижаетъ ихъ платою, отпускаетъ товаръ по неимовѣрно высокимъ цѣнамъ и беретъ его отъ нихъ обратно за бутылку водки [5]). По словамъ г. Уманьскаго, „рѣдкіе изъ старыхъ служащихъ не подвергались опасности или сами быть избитыми, или же не были свидѣтелями убійствъ, совершаемыхъ въ ихъ глазахъ надъ ихъ товарищами. Убійства служащихъ сравнительны часты въ тайгѣ“ (стр. 88—89). Тотъ же авторъ говоритъ, что подобныя убійства или попытки на убійства обыкновенно совершаются во время работы—кайлою. „Замѣчательно, что подвергшіеся этому служащіе не всегда бываютъ изъ худшихъ, часто даже это люди сравнительно хорошіе: такъ велико въ рабочихъ ослѣпленіе ненависти и такъ часто встрѣчаются между ними люди, не умѣющіе обуздывать вспышекъ гнѣва“ (стр. 114). Нужно замѣтить, что эта крайняя раздражительность рабочихъ объясняется тѣми ненормальными условіями, въ которыхъ они находятся на промыслахъ: переутомленіемъ отъ непомѣрно тяжелой работы и отсутствіемъ семейной жизни, для громаднаго большинства рабочихъ, такъ какъ женщины лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ допускаются золотопромышленниками на промысла. Въ 1885 г. корреспондентъ одной мѣстной газеты сообщаетъ: „въ южной части Енисейскаго округа рабочій, трезвый, убилъ кайлою служащаго. На пріискахъ это происшествіе не есть выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, а, напротивъ, явленіе часто повторяющееся“ [6]). Въ 1890 г. былъ убитъ рабочимъ смотритель

---

[1]) „Сибирскій Вѣстникъ“ 1895 г., № 178.
[2]) „Сибирь“ 1881 г., № 33, стр. 3.
[3]) „Сибирская Газета“ 1885 г., № 20, стр. 493—494.
[4]) „Восточное Обозрѣніе“ 1882 г., № 36, стр. 7—8.
[5]) „Сибирь“, 1880 г., № 5, стр. 5.
[6]) „Сибирская Газета“ 1885 г., № 9, стр. 218—219.

шахты пріиска Асташева [1]). Въ январѣ 1895 г. двое рабочихъ ударами кайлы въ голову убили управляющаго Модесто-Николаевскаго пріиска, Григорьева; на слѣдствіи они объяснили свой поступокъ нападками и бранью со стороны управляющаго [2]).

„Въ рабочей таежной средѣ замѣчается,—говоритъ г. Уманьскій,—глухое недовольство своимъ положеніемъ, сдерживаемое только страхомъ. Часто въ тайгѣ, ощущая силу этого скрытаго, но вѣчно дѣятельнаго недовольства, я удивлялся, что сравнительно незначительное число казаковъ (около 120 на обѣ системы Енис. округа), притомъ разсѣянныхъ по одиночкѣ на обширномъ пространствѣ, можетъ держать въ страхѣ и повиновеніи эти недовольныя толпы. Иногда недовольство проявляется въ такъ называемыхъ бунтахъ, которые отъ обычной формы отказа выходить на работу доходятъ до рѣзкихъ проявленій массовыхъ насилій надъ служащими... Мнѣ пришлось,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—прожить на пріискѣ всего 7 мѣсяцевъ, и въ это короткое время случились въ сосѣдствѣ бунты на трехъ пріискахъ, выразившіеся въ отказѣ идти на работу и въ побитіи нѣкоторыхъ служащихъ и казаковъ“ (стр. 88—89). Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о волненіяхъ пріисковыхъ рабочихъ далеко не всегда проникаютъ въ печать, а если появляются въ мѣстныхъ газетахъ, то обыкновенно въ весьма неполномъ видѣ.

Въ 1871 г., какъ мы слышали при посѣщеніи сѣверно-енисейской системы, было волненіе на пріискѣ Баландина: рабочіе не хотѣли оставаться работать долѣе 10-го сентября (это было первое примѣненіе контракта со срокомъ найма по 1-е октября, слишкомъ позднимъ при суровомъ климатѣ этой мѣстности). Рабочіе ушли съ пріиска, и только съ Ерудскаго зимовья исправнику и казакамъ удалось вернуть ихъ.

24-го мая 1878 г., управляющій Попутнымъ пріискомъ купца Мотонина, южно-енисейской системы, сообщилъ горному исправнику, что рабочіе въ числѣ 135 чел. оказываютъ неповиновеніе промысловому управленію и, пользуясь отдаленностью резиденціи исправника и невозможностью часто посѣщать пріискъ, вслѣдствіе затруднительности сообщенія, ежедневно десятками не выходятъ на работы, а при понужденіи ихъ ругаютъ служащихъ и казаковъ грозятъ имъ. Отправленный исправникомъ для дознанія урядникъ казачьяго отряда сообщилъ, что донесеніе управляющаго не преувеличено: рабочіе не выходятъ на работы въ назначенное время и оканчиваютъ ихъ, не отработавши уроковъ. Когда урядникъ собралъ всѣхъ рабочихъ и началъ уговаривать ихъ прекратить неповиновеніе, то человѣкъ 30-ть, окруживъ его, стали „наносить ему оскорбленія“, а одинъ хотѣлъ ударить его сзади, но

---

[1]) „Сибирскій Вѣстникъ“ 1890 г., № 69.

[2]) „Вѣстникъ Золотопромышленности“ 1895 г., № 4, стр. 71.

былъ остановленъ казакомъ. Все это подтвердилъ и самъ Мотонинъ, пріѣхавшій по случаю волненія на пріиски изъ Енисейска. Горный исправникъ, вмѣстѣ съ хорунжимъ (командиромъ казачьяго отряда) и 4-мя казаками, отправился на Попутный пріискъ и утромъ 8 іюня, во время раскомандировки рабочихъ, приказалъ управляющему оставить въ казармахъ 17 чел., считавшихся главными зачинщиками. Выйдя къ нимъ и найдя нѣкоторыхъ изъ нихъ, ссыльно-поселенцевъ, болѣе виновными въ подстрекательствѣ рабочихъ, горный исправникъ хотѣлъ „подвергнуть ихъ взысканію“ [1]); но одинъ изъ нихъ, поселенецъ Кошелевъ, сталъ требовать объясненія, за что и на какомъ основаніи ихъ будутъ наказывать, и затѣмъ, бросившись въ сторону, закричалъ: „не дадимся, ребята!“; а когда исправникъ приказалъ урядникамъ взять его и отправить къ нему на резиденцію, то рабочій отбивался и, продолжая кричать: „не давай, ребята!“ схватилъ одного изъ урядниковъ за грудь. Когда его связали и привели въ кузницу, чтобы заковать въ кандалы, Кошелевъ схватилъ молотъ и бросился на одного изъ урядниковъ, но другой успѣлъ остановить его. Узнавъ объ арестованіи товарища, рабочіе перестали работать и явились къ исправнику съ требованіемъ освободить Кошелева, но тотъ заставилъ ихъ продолжать работу [2]). На донесеніе обо всемъ этомъ енисейскому губернатору енисейское губерское правленіе въ іюлѣ 1878 г. извѣстило исправника южно-енисейской системы, что назначенъ особый чиновникъ для производства формальнаго слѣдствія о безпорядкахъ на Попутномъ пріискѣ [3]).

6-го января 1881 г., уполномоченный золотопромышленницы Улейской донесъ горному исправнику южной части Енисейскаго округа, что

---

[1]) По инструкціи горному исправнику 1874 г., ему строго воспрещается „употреблять въ отношеніи зачинщиковъ неповиновенія, если они не изъ ссыльно-поселенцевъ, тѣлесное наказаніе“. *Розановъ.* „Сводъ дѣйств. узакон. о части. золотопром.“, изд. 2-е, стр. 130.

[2]) Въ дѣлѣ горнаго исправника находится, написанный тремя разными руками (вѣроятно пріисковыхъ служащихъ), слѣдующій перечень провинностей рабочихъ: „самовольная отлучка съ Попутнаго пріиска. Возвращеніе на пріиски пьяными. Проматываютъ выписанныя товарныя вещи изъ амбара. Особенная дерзость въ отношеніи казака, служащихъ, управляющаго и даже самого хозяина. Мнимо-больные по свидѣтельству фельдшера. Особенная смѣлость и дерзость и несознательность къ поступкамъ (sic). Встрѣчалось (случалось?) посылать лошадей и просить горнаго исправника пожаловать на пріискъ; какъ только посылаются лошади, рабочіе узнаютъ и являются побѣги. Такимъ порядкомъ бѣжало съ Попутнаго пріиска 31 человѣкъ. Наконецъ, лично не стѣснялись сказать хозяину, что и всѣ бѣгутъ. На основаніи постановленія своего, состоявшагося на 19-е число января, не признаютъ никакой артельной расправы; избранные ими старосты со стороны ихъ и со стороны управленія не приносятъ никакой пользы“.

[3]) Архивъ горнаго исправника южной части Енисейскаго округа, дѣло 1878 г., № 29.

нѣкоторые рабочіе на Екатерининскомъ и Апполинаріевскомъ пріискахъ „взбунтовались и не вышли на работу“. Исправникъ командировалъ на эти пріиски урядника съ приказаніемъ разузнать, „въ чемъ дѣло; если рабочіе виновны, то привести зачинщика“.

18-го января того же года, управленіе Боголюбовскаго пріиска Черноколпакова просило горнаго исправника пріѣхать на пріискъ или командировать кого либо для разбирательства о „самовольномъ уклоненіи отъ работы команды рабочихъ людей и невыходѣ вовсе на работу“, вслѣдствіе чего оставленные разрѣзы промерзаютъ и потребуютъ впослѣдствіи вновь разработки. Исправникъ самъ не поѣхалъ, а отправилъ урядника съ приказаніемъ разобрать дѣло и, „въ случаѣ надобности, привести виновныхъ“.

Въ ноябрѣ того же 1881 г., завѣдующій Надеждо-николаевскимъ пріискомъ Кирьянова сообщилъ горному исправнику южно-енисейской системы, что рабочіе, „имѣя въ виду отдаленную мѣстность и не имѣя казака на пріискѣ, совершенно вышли изъ повиновенія, до того, что, несмотря ни на ласковыя убѣжденія, ни на приказанія, каждодневно самовольно остаются по 5-ти и 6-ти человѣкъ въ казармѣ и даже самовольно отлучаются съ пріиска“; онъ просилъ „для приведенія въ порядокъ пріиска“ командировать урядника и двухъ казаковъ. На оборотной сторонѣ донесенія поименованы четверо рабочихъ и затѣмъ сдѣлана помѣтка: „двое изъ нихъ“ (такіе-то) „наказаны по приказанію“ горнаго исправника [1]).

Въ 1882 г., у одного изъ золотопромышленниковъ Енисейскаго округа рабочіе составили стачку, и всѣ, въ числѣ ста человѣкъ, не пошли на работу; но угрозами ихъ заставили работать и человѣкъ 8 отправили къ исправнику [2]).

Въ ночь на 2-е апрѣля 1885 г. съ Евдокіевскаго пріиска Мотонина, южно-енисейской системы, бѣжало четверо рабочихъ (одинъ мѣщанинъ и трое сыновей поселенцевъ). Въ погоню за ними управляющій Грязновъ послалъ служащаго, мѣщанина Гладышева, казака и конюха. Верстахъ въ 20-ти отъ пріиска они замѣтили въ сторонѣ отъ дороги дымокъ и, поѣхавъ въ этомъ направленіи, увидѣли бѣжавшихъ. Гладышевъ и казакъ избили рабочихъ, связали ихъ, затѣмъ опять били и, наконецъ, связанными отправили на пріискъ, но до этого, если вѣрить показанію бѣжавшихъ, Гладышевъ выстрѣлилъ по нимъ изъ револьвера и легко ранилъ одного рабочаго около уха. Привезенныхъ на пріискъ бѣглецовъ посадили въ амбаръ, но, вслѣдствіе холода и голода, они стали кричать и стучать. Тогда рабочіе, находившіеся въ разрѣзѣ, по-

[1]) Тамъ же, дѣло 1881 г., № 5.
[2]) „Сибирская Газета“ 1882 г., № 40, стр. 968.

требовали освобожденія товарищей, и тѣ были выпущены. Въ тотъ же день, по окончаніи работъ, рабочіе собрались толпою близъ квартиры управляющаго и потребовали выдачи имъ Гладышева и казака, чтобы разспросить ихъ, зачѣмъ они такъ избили пойманныхъ рабочихъ (знаки побоевъ были видны еще на седьмой день, во время медицинскаго освидѣтельствованія). Грязновъ убѣждалъ ихъ оставить претензію до другого дня, но они отправились къ помѣщенію Гладышева и стали вызывать его, а когда онъ не вышелъ, къ нему ворвалось нѣсколько рабочихъ и одинъ изъ нихъ сталъ душить жену Гладышева, а остальные, вытащивъ на дворъ его самого, избили его до потери сознанія. Окровавленнаго Гладышева подняли и понесли домой; увидѣвъ это, рабочіе закричали: „тю!“ [1]); впрочемъ енисейская врачебная управа признала причиненныя Гладышеву поврежденія легкими. На другое утро порядокъ самъ собою возстановился, и рабочіе возобновили работу. Семь человѣкъ изъ нихъ были арестованы. Енисейскій окружной судъ при разсмотрѣніи этого дѣла примѣнилъ къ нему ст. 618-ю уложенія о наказаніяхъ [2]), но енисейскій губернскій судъ, на ревизію котораго оно поступило, призналъ эту статью неподходящею, потому что ею предусматривается неповиновеніе рабочихъ артелью хозяину пріиска, повѣренному или приказчику, въ данномъ же случаѣ этого не было, а по обстоятельствамъ дѣла ихъ слѣдуетъ признать виновными только въ употребленіи противъ Гладышева насилія. Губернскій судъ опредѣлилъ 10 человѣкъ (крестьянъ и пробывшихъ въ Сибири болѣе 10-ти лѣтъ ссыльно-поселенцевъ) подвергнуть аресту при полиціи и волостной тюрьмѣ на 2 мѣсяца каждаго, а трехъ ссыльно-поселенцевъ, не пробывшихъ еще въ Сибири 10-ти лѣтъ, наказать розгами по 66-ти ударовъ [3]).

Въ южной части Енисейскаго округа, на рѣкѣ Боровой, находится Александровскій пріискъ, разрабатываемый товариществомъ Базилевскаго, Черемныхъ и Ратькова-Рожнова. Золотоносный пластъ добывается подземными работами. Содержащій золото песокъ подвозится отъ забоевъ въ тачкахъ по подземнымъ галлереямъ, насыпается въ бадью и поднимается вверхъ лошадиною силою. Положеніе рабочихъ видно изъ контракта, заключеннаго въ сентябрѣ 1890 г. на годовой срокъ съ 1 октября. По этому контракту работы должны были производиться съ

---

[1]) „Затюкать“ значитъ въ Сибири—убить.

[2]) „Рабочіе при частныхъ золотыхъ... промыслахъ на земляхъ казенныхъ... за явное неповиновеніе хозяину, повѣренному его или приказчику, оказанное на пріискѣ цѣлою артелью, подвергаются: наказаніямъ по статьямъ 263—266, 268, 269 и 273 сего Уложенія *о возстаніи противъ властей, правительствомъ установленныхъ*“.

[3]) Архивъ енисейскаго губернскаго суда, дѣло 1886 г., № 61; срав. „Сиб. Газ.“ 1885 г., № 20, стр. 493—494.

5 ч. утра до 8 ч. вечера, полагая на завтракъ, обѣдъ и вечерній чай два часа, слѣдовательно 13 рабочихъ часовъ въ день. Праздниковъ и льготныхъ дней рабочимъ было опредѣлено всего 20 въ году (лѣтомъ по одному дню въ мѣсяцъ). Содержаніе выдавалось рабочимъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: ржаной муки по 2 п. 20 ф. въ мѣсяцъ, говядины свѣжей или соленой по $1^1/_4$ ф. въ день, крупы ячной или гречневой по $7^1/_2$ ф. въ мѣсяцъ, соли по $2^1/_2$ ф. и сала по 1 ф. въ мѣсяцъ [1]). Приводить съ собою на пріискъ женъ позволялось не иначе, какъ съ разрѣшенія пріисковаго управленія, а если онѣ будутъ безъ занятій, то за содержаніе ихъ производился вычетъ по 4 р. въ мѣсяцъ, при чемъ, если онѣ будутъ отказываться отъ хозяйскихъ работъ или будутъ замѣчены въ дурномъ поведеніи, управленіе могло выдворить ихъ съ пріиска. Плату рабочіе должны были получать съ 1 октября по 1 мая отъ 8 до 15 р. въ мѣсяцъ, „смотря по усердію и старанію“, а въ лѣтніе мѣсяцы—отъ 13 р. 50 к. до 24 р. [2]) по 8 разрядамъ, опредѣленіе которыхъ должно было вполнѣ зависѣть отъ управленія, смотря по работѣ и усердію къ ней. Управленіе предоставляло себѣ право переводить рабочихъ съ одного пріиска на другой, принадлежащій той же К°, или даже передавать въ другія компаніи. Находимые во время работъ золото, самородки и другія драгоцѣнности рабочіе должны были сдавать пріисковому управленію съ платою за золото по 2 р. 24 к. за золотникъ, а за другія драгоцѣнности и рѣдкости—по усмотрѣнію. Во время нахожденія на пріискѣ рабочіе обязывались „вести себя честно, трезво и добропорядочно, къ управленію и служащимъ быть почтительными, не грубить, самовольно съ пріиска не отлучаться и къ себѣ никого не принимать“ подъ угрозою штрафа отъ 1 до 3 р., „какъ и за самовольно прогульный день“; объ обязанности же управленія гуманно обходиться съ рабочими въ контрактѣ ничего не сказано, а между тѣмъ такое условіе мы обыкновенно встрѣчаемъ въ другихъ договорахъ. Въ болѣе раннемъ контрактѣ съ Базилевскимъ (1883 г.), при наймѣ на его пріиски въ сѣверной части Енисейскаго округа, управленіе обязывалось обходиться съ рабочими „справедливо“, а по контракту съ К° Базилевскаго и Малевинскаго (1878 г.)—кромѣ того „удовлетворять ихъ во всѣхъ законныхъ и справедливыхъ требованіяхъ и не допускать со стороны своихъ приказчиковъ дѣлать имъ какія-нибудь притѣсненія или обиды“. Что касается размѣра урока, то на торфахъ двое рабо-

---

[1]) По словамъ управляющаго промыслами, людямъ, находившимся на земляныхъ работахъ, ежедневно выдавалась винная порція.

[2]) По увѣренію управляющаго пріисками, Бастрыкова, рабочіе въ зимніе мѣсяцы получали 9 р.—10 р. 50 к. за безурочную работу, и отъ 12 до 14 р. за урочную, а съ 1 мая по 1 октября жалованье равнялось 18—24 р.

чихъ съ одною лошадью при возкѣ не далѣе 35 саженъ должны были по контракту 1890 г. вырабатывать отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ саж., смотря по свойству грунта; на пескахъ же не менѣе $1^3/_4$ кубической сажени [1]). „При таковомъ опредѣленіи урка", сказано въ контрактѣ, „есть возможность кончить работы и ранѣе срока 8 часовъ; но при случаяхъ, бывающихъ отъ общаго нерадѣнія и нежеланія выполнить урка или такъ называемой общей стачки между всею артелью, съ цѣлью вынудить сбавку урка, управленію предоставляется право держать на работѣ до выработки заданнаго урка". На остальныхъ же работахъ срокъ работъ назначенъ въ 8 час. вечера, кромѣ „случаевъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, какъ-то: пожара и наводненія, когда вся команда или артель должна выходить на помощь безпрекословно во всякое время и находиться до прекращенія опасности".

Управляющій промыслами этой К°, Бастрыковъ, по свидѣтельству „Восточнаго Обозрѣнія", „совершенно не вмѣшивался въ отношенія служащихъ къ рабочимъ и не принималъ никакихъ мѣръ для прекращенія возникающихъ недоразумѣній". Становымъ или помощникомъ управляющаго Александровскаго пріиска съ октября 1880 г. былъ „нѣкто Петръ Рязановъ, потомокъ знаменитыхъ въ свое время Рязановыхъ, молодой еще человѣкъ" (32 лѣтъ), „но относительно рабочихъ совершенный звѣрь. Всѣ знавшіе Рязанова утверждаютъ, что онъ всегда жестоко обращался съ рабочими и за дѣло, и безъ дѣла пускалъ въ ходъ свои кулаки... Знакомые Рязанова не разъ предупреждали его, что онъ кончитъ плохо, если чаша долготерпѣнія рабочихъ переполнится. При работахъ въ шахтахъ рабочіе старались уносить съ собою часть золотосодержащихъ песковъ и пропивали ихъ спиртоносамъ. Рязановъ своими кулаками старался охранить интересы своихъ хозяевъ и дѣйствовалъ такъ энергично, что возбудилъ противъ себя всю команду, которая не разъ жаловалась на жестокость Рязанова управляющему, но тотъ не обращалъ на это вниманія. Недовольство рабочихъ отъ зуботычинъ, недоданныхъ порцій спирта и т. п. росло постепенно, и, какъ это бываетъ нерѣдко, непосредственной причиной бунта явился фактъ, часто повторявшійся и ранѣе, но лишь въ данный моментъ переполнившій чашу терпѣнія" [2]).

Бастрыковъ, управляющій промыслами, жаловался впослѣдствіи въ своемъ показаніи судебному слѣдователю на то, что рабочіе по ночамъ „стали устраивать походы въ шахты за хищнической добычей золота".

---

[1]) Послѣдній урокъ задавался при работахъ въ открытыхъ разрѣзахъ, между тѣмъ какъ на Александровскомъ пріискѣ были шахтовыя работы, слѣдовательно урокъ при этихъ подземныхъ работахъ былъ вовсе не опредѣленъ.

[2]) „Восточн. Обоз." 1890 г., № 15, стр. 3, 8—9.

Пріисковое управленіе на ночь запирало шахты на замокъ и служащіе съ казаками обходили ихъ дозоромъ, и тѣмъ не менѣе съ октября до 10 марта было взломано 16 замковъ. Пріискъ Александровскій расположенъ такъ, что на него выходятъ три проѣзжихъ дороги, и торговцы, подъ видомъ продажи разной мелочи (если вѣрить Бастрыкову), привозили спиртъ для рабочихъ, что вызывало пьянство и пропиваніе вещей. Бастрыковъ принялъ слѣдующія мѣры для прекращенія хищничества золота: удаленіе мнимыхъ торговцевъ, „а на самомъ дѣлѣ спиртоносовъ“, было поручено становому Петру Рязанову; торговцевъ Бастрыковъ приказалъ удалять съ пріисковъ, „безъ разрѣшенія торгъ производить не позволять и, какъ людей подозрительныхъ, въ присутствіи казаковъ обыскивать, за рабочими слѣдить, чтобы самовольно и безъ спросу въ ночное время не отлучались“, а за шахтами внимательно смотрѣть. „Рязановъ“, по словамъ Бастрыкова, „какъ служащій исправный, *сравнительно съ другими трезвый*, понимающій интересы хозяйскаго дѣла... исполнялъ и это порученіе аккуратно“: не допускалъ торговцевъ, самъ осматривалъ шахты съ 9 ч. вечера до 2 ч. ночи, въ 5 ч. утра обходилъ казармы, и если кто не выходилъ на работу по болѣзни, то отправлялъ въ больницу, а о другихъ, оставшихся безъ уважительной причины, сообщалъ управляющему; если же проступокъ рабочаго выходилъ изъ рамокъ домашняго разбирательства, то доносили горному исправнику, препровождая къ нему и виновнаго.

Рабочіе, арестованные послѣ происшедшаго на Александровскомъ пріискѣ волненія, заявляли въ своемъ прошеніи, что имъ приходилось вставать въ 3 ч. утра, и что уже въ 5 ч. они были на работахъ въ шахтахъ; они утверждали, что шахты „были сооружены не только неправильно, но даже и безъ всякихъ предупредительныхъ приспособленій къ отвращенію могущихъ быть вредныхъ послѣдствій съ рабочими“. Зная 107 ст. Устава о золотопромышленности [1]) и 14 ст. правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы [2]), рабочіе, по ихъ словамъ, „неоднократно заявляли, какъ управляющему Бастрыкову, такъ и горному исправнику южной части Енисейскаго округа Кубе, о тѣхъ... неправильно устроенныхъ шахтахъ“; затѣмъ просили исправника приказать выдать свѣчей для лѣстницъ, ведущихъ внутрь шахты, имѣющей глубины болѣе 50 арш. [3]). Но все это, по словамъ рабочихъ, оставлялось безъ вниманія, а становой Рязановъ „почелъ законнымъ безъ

---

[1]) „Добычу золота, какъ поверхностными, такъ и подземными работами, надлежитъ производить безъ вреда для здоровья и опасности для жизни рабочихъ“.

[2]) Въ ней установленъ размѣръ вознагражденія за увѣчья.

[3]) Одинъ рабочій также показалъ, что онъ просилъ управляющаго поставить свѣчи на лѣстницѣ, съ которой этотъ рабочій свалился.

всякихъ законныхъ причинъ наносить побои рабочимъ, что̀ извѣстно было не только намъ, артели, состоящей изъ 270 чел., но и на сосѣднихъ промыслахъ были извѣстны его, Рязанова, звѣрскіе поступки". Въ видѣ примѣра, въ прошеніи были названы пять рабочихъ и 14-лѣтній мальчикъ Ячменевъ, находившійся у Рязанова въ услуженіи съ добавленіемъ, что было и еще много другихъ [1]). „Извѣстно очень хорошо", продолжаютъ рабочіе, „что мѣра и терпѣніе всегда имѣютъ окончательный исходъ, и вотъ мы всѣ артелью нѣсколько разъ заявляли г. исправнику Кубе о таковыхъ незаконныхъ поступкахъ г. Рязанова и просили, какъ начальника, завѣдывавшаго полицейскою частью на промыслахъ... войти своимъ начальническимъ вниманіемъ, защитить отъ самовольства этого Рязанова, просили и г. управляющаго Бастрыкова, но трудъ нашъ былъ безполезенъ и напротивъ, избитый становымъ Рязановымъ рабочій если являлся къ г. исправнику, то вмѣсто защиты получалъ розги и отправлялся опять на промыслы, на работы. *Вотъ этотъ законъ* [2]) промысловаго управленія въ южной части (Енисейскаго округа), что наши заявленія и просьбы оставлялись совершенно безъ всякихъ послѣдствій и запретовъ г. Рязанову употреблять насилія", и былъ причиною волненія на пріискѣ. По словамъ одного изъ этихъ рабочихъ въ другомъ прошеніи, ихъ командѣ „обидно стало, что Рязановъ каждый день бьетъ, и мало того, что самъ наколотится, отправитъ (еще) къ исправнику, а исправникъ не спроситъ рабочаго, какъ и зачѣмъ тебя прислали, скажетъ заочно урядннку наказать лозами и отправить обратно на станъ" [3]), т.-е. на пріискъ, „но какой же онъ работникъ, когда онъ, изувѣченный послѣ ударовъ и послѣ этого, ложится въ больницу"... „Не разъ и не два писали г. исправнику, чтобы онъ посѣтилъ нашъ станъ, что мы имѣемъ обиду отъ управленія, но онъ не считалъ нужнымъ, и подателя прогонитъ". Въ этомъ же прошеніи мы встрѣчаемъ указанія и на тяжесть уроковъ [4]).

При такихъ враждебныхъ отношеніяхъ рабочихъ къ промысловому управленію достаточно было малѣйшаго повода для того, чтобы произошло

---

[1]) По показанію одного свидѣтеля (повара), „Рязановъ вообще на руку дерзокъ и на моихъ глазахъ въ эту операцію переколотилъ болѣе десятка рабочихъ; рѣдкая раздача порцій рабочимъ, бывающая ежедневно, не обходилась безъ того, чтобы онъ за какую-либо бездѣлицу не угощалъ рабочихъ плюхами, доходившими до 7 и болѣе". По словамъ другого свидѣтеля, Рязановъ за свою любовь къ кулачной расправѣ носилъ прозвище „тюменскаго палача".

[2]) Курсивъ самихъ рабочихъ.

[3]) Такъ это будетъ всегда, пока горные исправники будутъ на жалованьѣ у золотопромышленниковъ.

[4]) Рабочій предлагалъ допросить одного изъ служащихъ о томъ, что они не вырабатывали уроковъ.

столкновеніе, а Рязановъ вызвалъ серьезное неудовольствіе новымъ проявленіемъ своей наклонности къ кулачной расправѣ.

При первомъ своемъ допросѣ Рязановъ такъ разсказалъ горному исправнику этотъ случай. 9-го марта 1890 г., во время подачи винныхъ порцій рабочимъ Александровскаго пріиска, одинъ изъ нихъ, поселенецъ Осипъ Бариновъ, былъ лишенъ порціи за дерзкое обращеніе со служащими, что̀ ему было заблаговременно объявлено, но онъ все-таки явился. Когда я ему отказалъ, то онъ дерзко сказалъ: „если не хочешь дать, то хватай самъ“, затѣмъ началъ наносить мнѣ разныя дерзости, вслѣдствіе чего я, выйдя изъ терпѣнія, ударилъ его и вытолкалъ вонъ, но онъ вновь пришелъ и сталъ ругать меня; я попросилъ бывшихъ тутъ рабочихъ... вывести его вонъ, что̀ они и исполнили“. Впослѣдствіи судебному слѣдователю Рязановъ далъ болѣе подробное и не вполнѣ совпадающее съ первымъ показаніе, въ которомъ говоритъ: „Послѣ обѣда, обходя шахты.., получилъ жалобу на Баринова отъ служащаго Кузнецова“, что тотъ уклоняется отъ работы, и нанесъ ему, Кузнецову, „оскорбленіе въ формѣ площадной брани. Я тутъ же сдѣлалъ Баринову выговоръ за его дурное поведеніе и предупредилъ его, что если это повторится, тогда уже придется обратиться къ мѣстной полицейской власти, и тутъ же, въ присутствіи Баринова, предлагалъ Кузнецову лишить его въ наказаніе винной порціи. Это же самое, до свиданія моего съ Кузнецовымъ, заявилъ Баринову и управляющій, бывшій въ шахтѣ [1]). Вечеромъ, при раздачѣ порцій рабочимъ, которою я, по желанію управляющаго, завѣдывалъ, въ числѣ прочихъ рабочихъ пришелъ и Бариновъ, предъявляя общую“ съ другимъ рабочимъ „порцію. Я отказалъ ему; тогда онъ началъ требовать настойчиво, *основываясь на запискѣ смотрителя шахты*. Я ему на это сказалъ, что *хотя смотритель и далъ ему записку на порцію*, но я, по предоставленному мнѣ праву, лишаю его ея. Бариновъ на это отвѣчалъ: „жри самъ, тебѣ больше нужно“ [2])! За эту грубость я его вытолкнулъ за дверь, но онъ схватилъ меня за грудь и сорвалъ часы; тутъ уже я его ударилъ по лицу, на что онъ отвѣчалъ большими грубостями и... на требованіе мое выйти изъ помѣщенія не исполнилъ этого; тогда я его снова вытолкалъ за дверь, гдѣ онъ продолжалъ сопротивленіе. Я обратился къ стоявшимъ тутъ рабочимъ съ просьбою увести Баринова, послѣ чего онъ уже не появлялся“. Въ этомъ показаніи Рязановъ иначе передаетъ слова Баринова, чѣмъ въ первомъ; затѣмъ оказывается, что у Баринова была

---

[1]) Рязановъ въ своемъ показаніи увѣрялъ, что лишеніе винной порціи составляетъ „единственное (?) наказаніе отъ управленія“. А денежные штрафы?

[2]) Мы видѣли, что управляющій Бастрыковъ считалъ Рязанова только „*сравнительно съ другими* трезвымъ“ человѣкомъ.

записка отъ смотрителя шахты на полученіе порціи, и, слѣдовательно, онъ имѣлъ основаніе настаивать. Что же касается поведенія Баринова и Рязанова во время этой сцены, то показанія свидѣтелей и рабочихъ даютъ о немъ совершенно иное представленіе, чѣмъ разсказъ Рязанова.

Изъ показаній этихъ видно, что на вопросъ Баринова о причинахъ лишенія порціи Рязановъ отвѣчалъ: „Будь доволенъ и тѣмъ, что тебѣ сказано, что нѣтъ порціи". Тогда, направляясь къ выходу, Бариновъ сказалъ Рязанову: „Ну такъ пей самъ за мое здоровье", послѣ чего тотъ закричалъ: „Воротись, я тебѣ дамъ порцію". Бариновъ вернулся, но, вмѣсто подачи порціи, Рязановъ, на глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ рабочихъ, сталъ давать Баринову пощечины одну за другою. Во время этой потасовки Бариновъ, зищищаясь отъ побоевъ, схватилъ Рязанова за грудь и разорвалъ ему шелковый шнурокъ отъ часовъ, а Рязановъ далъ по ошибкѣ пощечину и другому, ни въ чемъ неповинному рабочему. Когда Бариновъ возвращался за забытой имъ въ комнатѣ шапкой, Рязановъ сталъ вновь его бить, а его собака кусала этого рабочаго [1]).

Рабочіе, присутствовавшіе при этомъ избіеніи ихъ товарища, были сильно возмущены и, уже уходя, собирались протестовать, чтобы не дать Рязанову возможности колотить всѣхъ по одиночкѣ. Придя въ казарму, Бариновъ сталъ говорить: „докуда же будетъ продолжаться такое самоуправство Рязанова?" Товарищи ему сочувствовали, хорошо понимая, что до каждаго изъ нихъ можетъ дойти очередь. Одинъ рабочій далъ знать и въ другія казармы, чтобы собирались на сходку около кашеварни, куда и сошлась вся артель за исключеніемъ конюховъ. Бариновъ разсказалъ о своемъ избіеніи, и всѣ рѣшили идти жаловаться управляющему промысловъ Бастрыкову и просить его „дать Рязанову угрозу или совсѣмъ устранить его съ пріиска".

9-го марта, въ 8 час. вечера,—разсказываетъ Бастрыковъ въ своемъ показаніи,—къ нему на квартиру явился рабочій Лукашевскій и сообщилъ, что пришла артель и требуетъ его на улицу. Онъ тотчасъ вышелъ на крыльцо и увидѣлъ толпу человѣкъ въ сто. Поднялся такой шумъ и крикъ, что нельзя было понять, что̀ нужно рабочимъ. Бастрыковъ предложилъ передать имъ, чтобы они перестали шумѣть,—тогда онъ

---

[1]) Пріисковый врачъ Квятковскій (состоящій, какъ и всѣ пріисковые врачи, на жалованьѣ у золотопромышленниковъ), при освидѣтельствованіи Баринова на другой день, 10-го марта, никакихъ знаковъ внѣшняго насилія у него не нашелъ, и потому заключилъ, „что если и были ему нанесены побои, то они должны быть отнесены къ категоріи легкихъ". Бариновъ же въ прошеніи, поданномъ во время содержанія въ енисейскомъ тюремномъ замкѣ, говоритъ, что послѣ освидѣтельствованія его, докторъ сказалъ: „на тѣлѣ нѣтъ никакихъ знаковъ, а на рукѣ хотя и есть рана,—заживетъ, а опухоль на головѣ и тѣлѣ тоже пройдетъ". Бариновъ, по его словамъ, *пролежалъ въ больницѣ до 30-го марта*.

ихъ выслушаетъ, и самъ вернулся въ комнату. Когда минутъ черезъ пять онъ вышелъ вновь, Лукашевскій сталъ говорить о неправильной подачѣ винныхъ порцій. Въ это время всѣ опять зашумѣли и закричали, и въ общемъ гулѣ среди бурнаго вѣтра слышны были лишь крики: „убери Рязанова, или мы завтра не выйдемъ на работу“. Бастрыковъ, по его словамъ, сказалъ: „идите сегодня по домамъ: завтра можете идти къ исправнику и принести жалобу“ [1]), а рабочіе на это закричали: „что̀ намъ исправникъ: сами управимся! Айда̀ бить Рязанова!“ — и бросились къ его квартирѣ. Бастрыковъ послалъ за казаками, но они были заняты обходомъ шахтъ и явились тогда, когда было уже поздно.

Рабочіе, какъ обвиняемые, такъ и свидѣтели, иначе передаютъ слова Бастрыкова; хотя и съ нѣкоторыми варіантами, они приписываютъ ему слѣдующія выраженія: „Вы, вѣроятно, пьяны, вздумаете еще и меня смѣнить. Ступайте спать; пусть Бариновъ пожалуется завтра исправнику. Я Рязанова не смѣню. Дѣлайтесь съ нимъ, какъ знаете!“ Этими послѣдними словами Бастрыковъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что рабочіе должны такъ или иначе ладить съ Рязановымъ, котораго онъ смѣнять не желаетъ; рабочіе же въ показаніяхъ своихъ утверждали, будто Бастрыковъ сказалъ: „какъ хотите, такъ и дѣлайте“, или: „ступайте сами къ Рязанову и сходитесь съ нимъ, какъ знаете“; а одинъ обвиняемый утверждалъ, будто бы Бастрыковъ сказалъ даже: „какъ знаете, такъ и распоряжайтесь съ Рязановымъ“. Нѣкоторые полагали, будто, боясь получить отъ Рязанова оскорбленіе, Бастрыковъ предоставилъ имъ самимъ съ нимъ расправиться. Они отправились „потрепать“ его.

Относительно расправы съ Рязановымъ, самъ потерпѣвшій показалъ слѣдующее. Немного спустя послѣ того, какъ онъ избилъ Баринова, онъ услышалъ шумъ толпы рабочихъ, вошедшихъ съ задняго крыльца и направлявшихся къ его комнатѣ. Онъ выскочилъ въ сѣни передняго крыльца и подперъ собою дверь, въ которую начали ломиться рабочіе, а когда удержать ее было невозможно, вскочилъ въ чуланчикъ и тамъ затворился. Тогда одинъ рабочій со двора поднялъ крышу этого помѣщенія и вытащилъ доски изъ перегородки; затѣмъ другой схватилъ Рязанова за рубашку и оттащилъ отъ двери, чѣмъ далъ возможность выломать ее и ворваться туда. Рязанова вытащили сначала въ сѣни, затѣмъ на улицу, гдѣ и исколотили. Кто именно билъ его, онъ сказать не можетъ. Когда явились казаки, онъ, по словамъ Бастрыкова, лежалъ въ безсознательномъ состояніи.

---

[1]) Въ донесеніи горному исправнику, написанномъ немедленно послѣ этого инцидента, Бастрыковъ говоритъ, что онъ „отложилъ имъ рѣшеніе этого вопроса“ (объ удаленіи Рязанова) „до завтрашняго дня“.

Показанія рабочихъ нѣсколько дополняютъ свидѣтельство потерпѣвшаго. Выслушавъ отказъ Бастрыкова,—говоритъ одинъ рабочій,—„мы порѣшили, что коли съ нами поступаютъ самоуправно, то и мы такимъ же образомъ поступимъ съ Рязановымъ, и тотчасъ подступили къ его квартирѣ и окружили ее“; войдя въ нее, заглядывали подъ кровать, щупали висѣвшее на стѣнѣ платье, но нигдѣ не находили его; наконецъ отправились къ чуланчику, но дверь оказалась запертою; тогда стали разбирать уличную стѣнку этого помѣщенія и при свѣтѣ кѣмъ-то зажженной спички увидѣли Рязанова.

Вскорѣ онъ былъ вытащенъ оттуда, и на улицѣ всѣ, кто только могъ проникнуть къ нему, наносили ему побои. Допрашиваемые или признавались, что били Рязанова, или заявляли, что только невозможность пробраться къ нему сквозь густую толпу помѣшала исполненію этого намѣренія. „Я замахнулся рукою,—показывалъ одинъ рабочій,—чтобы отомстить ударомъ за нанесенныя мнѣ Рязановымъ двѣ плюхи, но промахнулся и толкнулъ его лишь въ спину“. „Я не билъ его вопреки своему желанію“, заявляетъ другой, т.-е. тоже вслѣдствіе невозможности протискаться сквозь толпу. „Вслѣдствіе нанесенной мнѣ обиды,—показываетъ третій, одинъ изъ поколоченныхъ Рязановымъ,—мнѣ пріятно было не только ударить его, но даже посмотрѣть, какъ его бьютъ“. Одинъ рабочій говорилъ позднѣе другому, что онъ билъ Рязанова „подборами своихъ сапогъ“; но когда другому рабочему приписали слова: „вотъ я сегодня поплясалъ на Рязановѣ“, то онъ это отрицалъ.

Въ тотъ же вечеръ управляющій Бастрыковъ послалъ горному исправнику Кубе донесеніе о случившемся, и тотъ на другой день съ пріисковымъ врачемъ Квятковскимъ пріѣхалъ на пріискъ. По медицинскому освидѣтельствованію [1]), врачъ отказался пока дать окончательное заключеніе о томъ, насколько серьезны нанесенныя Рязанову поврежденія. Почти черезъ мѣсяцъ, 6-го апрѣля, при новомъ освидѣтельствованіи потерпѣвшаго, у него оказался подъ лѣвымъ глазомъ рубецъ около вершка, а ниже виднѣлась еще ранка около сантиметра длиною,

[1]) Оказалось, что Рязановъ „тѣлосложенія хорошаго; на головѣ въ области лѣваго сосцевиднаго отростка“ (т.-е. за ухомъ) „прощупывается припухлость и при надавливаніи ощущается болѣзненность; обѣ ушныя раковины припухли и мѣстами осаднены, изъ наружнаго лѣваго слухового отверстія просачивается кровь; область праваго виска припухла, осаднена и болѣзненна; на верхнемъ правомъ вѣкѣ двѣ небольшія, поверхностныя, горизонтальнаго направленія ранки; оба глаза плотно закрыты побагровѣвшими и распухшими вѣками; подъ нижнимъ лѣвымъ вѣкомъ, въ области скулы, дугообразная рана, обращенная выпуклостью внизъ, около одного вершка длиною, въ срединѣ проникающая до надкостницы; на подбородкѣ двѣ небольшихъ... ссадины; передняя область шеи припухла и испещрена поверхностными ссадинами; такія же ссадины находятся на плечахъ и лопаткахъ; общее состояніе здоровья удовлетворительно“.

изъ которой выдѣлялся гной; и на этотъ разъ врачъ не далъ заключенія о „степени полученныхъ поврежденій“ и ихъ послѣдствій для здоровья Рязанова. Гораздо рѣшительнѣе выражался судебный слѣдователь Копанскій, которому, какъ мы увидимъ, было поручено слѣдствіе; еще въ постановленіи 31-го марта 1890 г. онъ говоритъ: „По даннымъ судебно-медицинскаго осмотра съ большою вѣроятностью можно предположить, что у Рязанова существуетъ переломъ височной и верхней челюстной кости“. 8-го апрѣля, въ день отъѣзда Рязанова съ промысловъ, на допросѣ у судебнаго слѣдователя фельдшеръ Александровскаго пріиска Аппельбергъ (бывшій студентъ 5 курса московскаго университета) показалъ: „На основаніи найденнаго мною при осмотрѣ Рязанова 9-го марта и наблюдаемаго мною теченія его болѣзни, *я думаю*, что онъ, Рязановъ, получилъ переломъ или трещину височной кости и верхней лѣвой челюсти“. Вѣроятно, эти свои предположенія Аппельбергъ еще ранѣе сообщалъ слѣдователю, а тотъ принялъ ихъ за положительный результатъ судебно-медицинскаго осмотра. Въ послѣдній разъ Рязановъ былъ освидѣтельствованъ 11-го іюля въ Енисейскѣ городовымъ врачемъ. Раны къ этому времени затянулись рубцомъ; врачъ нашелъ, что „скуловая кость въ средней части представляетъ углубленіе“, и что „носовыя кости, повидимому, нѣсколько отклонены въ лѣвую сторону“; окончательное же его заключеніе было таково, что „*поврежденія по послѣдствіямъ слѣдуетъ отнести къ легкимъ*, но тѣмъ не менѣе лишившимъ Рязанова въ продолженіе болѣе мѣсяца способности къ личному труду и оставившимъ послѣ себя въ значительной степени безобразія“.

Возвратимся, однако, къ тому, что̀ дѣлалось на Александровскомъ пріискѣ послѣ описаннаго событія или, какъ выразился на допросѣ одинъ обвиняемый, „маленькой катастрофы“, которая вѣроятно заставитъ пріисковыхъ служащихъ, подобныхъ Рязанову, быть поосторожнѣе въ своемъ обращеніи съ рабочими. Чувство собственнаго достоинства очевидно возросло въ рабочихъ и продѣлывать съ ними то, что легко сходило съ рукъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, теперь невозможно, хотя положеніе обѣихъ сторонъ очень неравное и защита рабочими своего человѣческаго достоинства обходится имъ очень дорого.

Расправившись съ Рязановымъ, рабочіе на другой день продолжали попрежнему работать.

Горный исправникъ Кубе, прибывъ 10-го марта на Александровскій пріискъ, приступилъ къ предварительному допросу свидѣтелей и, узнавъ имена наиболѣе виновныхъ, приказалъ старшему урядннку привести ихъ. Тотъ скоро возвратился и доложилъ, что „пришла вся команда“. Когда исправникъ вышелъ къ нимъ, они заявили: „Къ спросу по одному человѣку не дадимъ; мы на лицо, и можете спрашивать всѣхъ“. Исправникъ отвѣчалъ, что, производя слѣдствіе, онъ долженъ

спрашивать каждаго отдѣльно, но рабочіе единогласно заявили, что въ такомъ случаѣ отвѣчать не желаютъ, а пусть пришлютъ имъ жандармскаго офицера, и затѣмъ ушли. Мотивы этого послѣдняго требованія вполнѣ понятны: рабочіе, конечно, очень хорошо знали, что исправникъ находится въ матеріальной зависимости отъ золотопромышленниковъ, и потому желали, чтобы слѣдствіе производило лицо болѣе самостоятельное; а такъ какъ еще въ первой половинѣ 70-хъ годовъ губернское жандармское управленіе наблюдало за пріисками и начальникъ его посѣщалъ ихъ, то рабочимъ и пришло въ голову потребовать присылки жандармскаго офицера.

Исправникъ въ тотъ же день послалъ донесенія товарищу енисейскаго губернскаго прокурора и губернатору о томъ, что команда рабочихъ отказалась выдать обвиняемыхъ, требуя для производства слѣдствія жандармскаго офицера, на что и получилъ отъ прокурора предложеніе передать дѣло о нанесеніи побоевъ Рязанову—судебному слѣдователю, который прибудетъ на пріискъ. Извѣщая о томъ же горнаго исправника, исправляющій должность губернатора предлагалъ разъяснить рабочимъ, что для командированія жандармскаго офицера „нѣтъ никакихъ законныхъ основаній, и предупредить, что если и за симъ они будутъ упорствовать въ дачѣ показаній особому слѣдователю, то вынудятъ обратиться къ мѣрамъ крайней строгости и призыву военной силы". 22-го марта, судебный слѣдователь Енисейскаго округа Копанскій, прибывъ на пріискъ, приступилъ къ производству слѣдствія.

На другой день, допросивъ двухъ рабочихъ, крестьянина Пашенныхъ и поселенца Мерлина, судебный слѣдователь постановилъ заключить ихъ временно подъ стражу при резиденціи горнаго исправника и отдалъ двумъ казакамъ приказаніе арестовать обвиняемыхъ. Мерлинъ вырвался, закричавъ: „ребята, меня арестуютъ", но тѣмъ не менѣе былъ пойманъ и отвезенъ въ резиденцію исправнка. Впослѣдствіи, въ жалобѣ на имя „помощника жандармскаго начальника", написанной лѣтомъ въ енисейскомъ тюремномъ замкѣ,—говоритъ Мерлинъ,—меня, привязаннаго на саняхъ, привезли на резиденцію, которая находилась въ 12-ти верстахъ отъ стану, въ одной рубашкѣ, что̀ видѣли казакъ (такой-то) и другіе, бывшіе тутъ. Команда рабочихъ, пришедши къ слѣдователю, просила не арестовать меня раздѣтаго, но слѣдователь сказалъ, что это не ваше дѣло, и топая ногами, говорилъ: „я васъ всѣхъ закую"; а въ другомъ прошеніи, поданномъ товарищу прокурора Енисейскаго округа, Мерлинъ утверждалъ, что кричалъ: „меня арестуютъ"—для того, чтобы ему вынесли одежду. Судебный слѣдователь по этому поводу въ постановленіи отъ 9-го августа, написалъ: „Обвиняемые Мерлинъ и Пашенныхъ являлись къ слѣдствію и были отправлены въ резиденцію горнаго исправника, во всякомъ случаѣ, не въ однѣхъ рубашкахъ, а

имѣли при себѣ теплую одежду... Мерлинъ въ виду попытки бѣжать отъ конвоировъ, съ цѣлью произвести волненіе среди рабочихъ, можетъ быть, и былъ въ предупрежденіе бѣгства связываемъ, но не по распоряженію слѣдователя". Однако Мерлинъ въ прошеніи, поданномъ Енисейскому губернскому прокурору въ сентябрѣ мѣсяцѣ, вновь утверждаетъ, что слѣдователь взялъ его „мокраго и неодѣтаго съ работъ и, несмотря на 12-ти верстное разстояніе, неодѣтаго и непереобутаго при морозахъ арестовалъ и услалъ въ заключеніе", и что онъ будто бы только просилъ товарищей вынести ему теплую одежду. Послѣднее едва ли справедливо; по крайней мѣрѣ судебный слѣдователь въ постановленіи отъ 31-го марта, гдѣ онъ излагаетъ весь ходъ дѣла, говоритъ, что Мерлинъ прямо заявилъ ему: „артель не позволитъ меня арестовать".

Послѣ ареста двухъ товарищей, рабочіе, недовольные тѣмъ, что при допросахъ у судебнаго слѣдователя присутствуетъ управляющій Бастрыковъ, рѣшились проучить слѣдователя, какъ то видно изъ слѣдующаго постановленія слѣдователя 23 марта: „Я, судебный слѣдователь по Енисейскому округу, получилъ словесное заявленіе отъ собравшейся сего числа артели рабочихъ, что присутствіе какихъ бы то ни было постороннихъ лицъ при производствѣ слѣдствія совсѣмъ нежелательно, такъ какъ они, рабочіе, при существованіи подобныхъ условій, не могутъ давать мнѣ, слѣдователю, чистосердечныхъ показаній и будутъ сомнѣваться въ безпристрастности моихъ дѣйствій. Принимая во вниманіе, что рабочіе въ данное время находятся въ антагонизмѣ со всей пріисковой администраціей и что помимо контингента лицъ, входящихъ въ нее, другихъ лицъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ настоящему дѣлу, нѣтъ на пріискѣ, нашелъ ходатайство рабочихъ, въ интересахъ производства слѣдствія, заслуживающимъ уваженія, а потому постановилъ: производить допросъ рабочихъ въ отсутствіе какихъ бы то ни было постороннихъ лицъ, исключая" трехъ „пріисковыхъ казаковъ".

Дѣло, однако, на этомъ не кончилось. Если рабочіе не успѣли помѣшать аресту товарищей, то они пожелали, по крайней мѣрѣ, ихъ освободить. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ ареста Мерлина и Пашенныхъ, 23 марта, часа въ 4 пополудни, невдалекѣ отъ квартиры управляющаго Бастрыкова стала собираться большая толпа рабочихъ, которые о чемъ-то оживленно разговаривали, размахивая руками. Слѣдователь и горный исправникъ, опасаясь насильственныхъ дѣйствій со стороны рабочихъ и чтобы узнать причину ихъ сборища, вышли къ нимъ. Прежде всего послышались изъ толпы крики: „зачѣмъ вы арестовали Пашенныхъ и Мерлина, когда мы тутъ всѣ виновны?" Слѣдователь отвѣчалъ, что все сдѣлано имъ на законномъ основаніи, и если они считаютъ его дѣйствія неправильными, то могутъ обратиться (не ско-

помъ, а каждый отдѣльно) съ жалобой къ его начальству. Но его слова были заглушены крикомъ рабочихъ, требовавшихъ освобожденія арестованныхъ, а нѣкоторые прямо заявляли, что они выпустятъ на свободу заключенныхъ товарищей, и, при этомъ размахивали руками настолько внушительно, что слѣдователь согласился на освобожденіе арестованныхъ. Толпа, окружившая со всѣхъ сторонъ слѣдователя и горнаго исправника, стала также спрашивать этого послѣдняго, зачѣмъ онъ такихъ-то и такихъ-то рабочихъ наказывалъ розгами, а другихъ держалъ подъ арестомъ, моря ихъ голодомъ. „Однимъ словомъ, для толпы“,—по увѣреніямъ судебнаго слѣдователя,—„не существовало никакой власти, кромѣ грубой ихъ физической силы“, которая при „зажигательныхъ рѣчахъ“, произносимыхъ ея вожаками, угрожала личной безопасности должностныхъ лицъ. Болѣе дѣятельную агитацію среди рабочихъ, для возбужденія ихъ неудовольствія, вели 15 человѣкъ. „Особенно дерзко держалъ себя Должинскій, который доказывалъ, что рабочіе поступили вполнѣ справедливо, расправившись съ Рязановымъ, такъ какъ послѣдній притѣснялъ рабочихъ, нанося имъ часто побои, при чемъ все происходившее называлъ ни болѣе, ни менѣе, какъ маленькою катастрофою“.

Тотчасъ послѣ этого объясненія судебный слѣдователь составилъ постановленіе, въ которомъ говоритъ, что „толпа рабочихъ, приблизительно въ числѣ 130 человѣкъ, предъявила мнѣ, слѣдователю, категорическое требованіе освободить арестованныхъ, въ противномъ случаѣ угрожая отправиться въ резиденцію исправника и освободить заключеныхъ, и что прежде, чѣмъ Пашенныхъ и Мерлинъ не будутъ освобождены, они по одиночкѣ отказываются давать на слѣдствіи какія бы то ни было показанія. Принимая во вниманіе, что на Александровскомъ пріискѣ находится человѣкъ двѣсти съ лишкомъ рабочихъ, между тѣмъ полицейскихъ служителей-казаковъ полагается здѣсь всего лишь два человѣка, въ резиденціи же горнаго исправника четыре человѣка, ничѣмъ кромѣ шашекъ не вооруженные“, и что, слѣдовательно, „никакого физическаго воздѣйствія“ нельзя „произвести на рабочихъ, броженіе въ умахъ которыхъ еще не улеглось, постановилъ: уступая физическому давленію и во избѣжаніе какихъ бы то ни было безпорядковъ среди рабочихъ, Пашенныхъ и Мерлина изъ-подъ стражи освободить, о чемъ и донести г. енисейскому губернатору“.

Когда слѣдователь объявилъ это постановленіе рабочимъ, они стали увѣрять, что *не требовали*, а лишь *просили* его освободить обвиняемыхъ и что они физическаго давленія не оказываютъ. Слѣдователь поспѣшилъ записать эти слова съ такимъ заключеніемъ: „подобныя увѣренія значенія въ настоящее время никакого не могутъ имѣть, ибо слѣдователь стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ изъ опасенія, дабы малѣй-

шая вспышка со стороны возбужденныхъ рабочихъ не повлекла къ серьезнымъ послѣдствіямъ, угрожая личной безопасности пріисковой администраціи, а потому, полагая, что при отсутствіи военной силы невозможно продолжать настоящаго слѣдствія, постановилъ записать о семъ для свѣдѣнія енисейскаго губернатора".

На другой день, 24 марта, слѣдователь составилъ особое постановленіе объ освобожденіи Мерлина и Пашенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ губернатору о своемъ затруднительномъ положеніи. Исправляющій должность енисейскаго губернатора телеграфировалъ иркутскому генералъ-губернатору, и послѣдній приказалъ отправить изъ Енисейска на пріискъ вооруженную команду, которая была доставлена туда на подводахъ и 30 марта прибыла на Александровскій пріискъ въ слѣдующемъ составѣ: офицеръ, два унтеръ-офицера и 30 рядовыхъ.

На другой день, т.-е. 31 марта, собрана была вся команда рабочихъ, военный отрядъ выстроился противъ нея, и судебный слѣдователь, въ присутствіи горнаго исправника, сталъ вызывать по очереди 25 рабочихъ, считавшихся наиболѣе виновными, которые и были арестованы. Во все это время остальные рабочіе соблюдали глубокую тишину. 15 особенно важныхъ обвиняемыхъ были закованы въ ножные кандалы. Эту мѣру судебный слѣдователь въ постановленіи отъ того же числа мотивируетъ слѣдующими соображеніями: „1) Исключительное положеніе, при которомъ производится настоящее слѣдствіе, допускаетъ употребленіе исключительныхъ, крайнихъ мѣръ. 2) Броженіе среди рабочихъ на Александровскомъ пріискѣ отразилось неблагопріятно и на сосѣднихъ пріискахъ южно-енисейскаго округа, гдѣ артелью рабочихъ были предъявлены требованія, тождественныя съ таковыми же, изложенными въ настоящемъ дѣлѣ. 3) На Александровскомъ пріискѣ нѣтъ особо приготовленнаго зданія" для безопаснаго помѣщенія арестованныхъ. „4) Въ командѣ, присланной на Александровскій пріискъ, рядовыхъ 32 человѣка, т.-е. на семь человѣкъ болѣе, чѣмъ арестованныхъ, что... указываетъ на необходимость принятія по отношенію къ заарестованнымъ крайнихъ мѣръ предосторожности, дабы команда съ успѣхомъ могла наблюдать, какъ за сими послѣдними, такъ и за общимъ положеніемъ дѣлъ на Александровскомъ пріискѣ, на коемъ оставалось еще на свободѣ человѣкъ 200 рабочихъ. 5) Препровожденіе арестованныхъ по дорогамъ южно-енисейской тайги, въ виду большихъ разстояній между станками, особыхъ условій таежной дороги и малочисленности для даннаго времени конвоя, представляется небезопаснымъ въ случаѣ попытки арестованныхъ бѣжать отъ конвоировъ, чему могутъ посодѣйствовать и сочувствующіе симъ послѣднимъ нѣкоторые изъ товарищей, оставшихся на свободѣ, и 6) важность преступленія требуетъ энергическихъ мѣръ по преслѣдованію виновныхъ".

Три арестанта были отправлены 4 апрѣля въ енисейскую тюрьму, а черезъ нѣсколько дней предполагалось отправить туда еще троихъ. Донося объ этомъ енисейскому губернатору, горный исправникъ сообщаетъ, что „въ виду проявленія маловажныхъ безпорядковъ на сосѣднихъ пріискахъ и въ предупрежденіе болѣе крупныхъ“, онъ, по соглашенію съ судебнымъ слѣдователемъ, сообщилъ командующему военнымъ отрядомъ, что этотъ послѣдній долженъ оставаться на пріискѣ до окончанія слѣдствія.

И судебный слѣдователь, и горный исправникъ упоминаютъ о волненіяхъ рабочихъ на сосѣднихъ промыслахъ. Случаи неповиновенія были на пріискахъ Кузнецова, Саввиныхъ, Асташева и Переплетчикова, но подробныхъ свѣдѣній объ этихъ происшествіяхъ мы не имѣемъ. Но вотъ что произошло на Николаевскомъ пріискѣ Глазкова. 17 марта рабочіе этого пріиска явились вечеромъ къ дому управляющаго пріискомъ Сахновскаго и потребовали его къ себѣ на улицу для объясненія относительно скрывавшагося уже нѣсколько дней рабочаго поселенца Ермонтова, который имъ сказалъ, что его избилъ Сахновскій; рабочіе, повидимому, хотѣли расправиться съ управляющимъ, но казакъ, находившійся на службѣ на этомъ пріискѣ, убѣдилъ ихъ, что Ермонтовъ говоритъ неправду, и уговорилъ разойтись. На другой день горный исправникъ пріѣхалъ на этотъ пріискъ, и Ермонтовъ въ присутствіи рабочихъ сознался, что Сахновскій его не билъ и что онъ только предполагалъ возможность этого. Горный исправникъ выдворилъ Ермонтова изъ тайги, какъ вредно вліяющаго на рабочихъ, а остальнымъ сдѣлалъ внушеніе.

12-го апрѣля судебный слѣдователь Копанскій выѣхалъ съ Александровскаго пріиска, а 24-го іюля препроводилъ къ товарищу прокурора по Енисейскому округу производство по этому дѣлу, но получилъ его обратно для нѣкоторыхъ дополненій, что дало ему возможность написать опроверженіе поданныхъ на него жалобъ. По поводу обвиненія въ томъ, что слѣдствіе производилось пристрастно и сопровождалось угрозами заковать въ кандалы, онъ между прочимъ говоритъ: „какія слѣдователь могъ употреблять по отношенію къ нимъ угрозы, когда онъ, имѣя дѣло съ артелью рабочихъ въ 220 человѣкъ съ лишнимъ“, могъ бы подобною безтактностью „заставить возгорѣться съ новою силою улегшееся незадолго до этого чувство недовольства противъ всей пріисковой администраціи“.

Въ началѣ октября 1890 г. исправляющій должность енисейскаго губернскаго прокурора, Виноградовъ, внесъ это дѣло въ губернскій судъ съ своимъ заключеніемъ, гдѣ, опредѣляя составъ преступленія, счелъ прежде всего нужнымъ отмѣтить, что слѣдствіемъ не собрано данныхъ, позволяющихъ предполагать въ толпѣ рабочихъ желаніе посягнуть на

жизнь Рязанова, но, „принявъ во вниманіе особую жестокость при нанесеніи Рязанову побоевъ, въ чемъ легко убѣдиться изъ первоначальнаго осмотра пріисковымъ врачемъ и продолжительности его страданій, ибо, спустя уже три мѣсяца послѣ нанесенія ему побоевъ, отъ нихъ остались вполнѣ ясные слѣды, побои, причиненные Рязанову, нельзя не отнести къ преступному дѣянію, предусмотрѣнному 1489 ст. уложенія о наказаніяхъ, хотя такое и было совершено въ состояніи запальчивости и раздраженія, не устраняющихъ, однако, возможности примѣненія приведенной статьи... Что касается до отказа команды рабочихъ давать горному исправнику показанія впредь до командированія на пріискъ жандармскаго офицера, а равно предъявленія судебному слѣдователю требованія объ освобожденіи рабочихъ Пашенныхъ и Мерлина, то, принявъ во вниманіе, что *работы на пріискѣ все время безпрерывно продолжались, и судебнымъ слѣдователемъ не приведено никакихъ фактическихъ доказательствъ, указывающихъ на возможность какого-либо насилія противъ правительствомъ установленныхъ властей*, нельзя не придти къ заключенію, что формальное слѣдствіе по обвиненію вышеназванныхъ лицъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 264 ст. улож. о наказ., подлежитъ прекращенію съ отмѣною принятой противъ обвиняемыхъ мѣры обезпеченія, а виновные въ неисполненіи законнаго требованія горнаго исправника, обращеннаго къ толпѣ, разойтись по казармамъ, должны подлежать наказанію по 29 и 38 ст. мирового устава“.

Въ ноябрѣ 1890 г. енисейскій губернскій судъ произнесъ приговоръ, по которому, признавая всѣхъ 27 обвиняемыхъ „виновными въ неисполненіи законныхъ требованій полицейской власти“, а 4 изъ нихъ (крестьянъ Пашенныхъ и Лукашевскаго и ссыльнопоселенцевъ Рогачевскаго и Мерлина) „кромѣ того въ причиненіи Рязанову истязаній“, опредѣлилъ крестьянъ Пашенныхъ и Лукашевскаго, по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ тюрьму на 3 года и 3 мѣсяца; ссыльнопоселенцевъ Рогачевскаго и Мерлина наказать плетьми 42 ударами и обратить во временную работу на заводахъ каждаго на 4 года и 6 мѣсяцевъ; затѣмъ 13 рабочихъ подвергнуть въ пользу казны взысканію съ каждаго въ размѣрѣ по 25 р., а при несостоятельности аресту при полиціи (а одного личнаго почетнаго гражданина—при тюрьмѣ), каждаго на 5 дней, и, наконецъ, 10 человѣкъ (изъ ссыльнопоселенцевъ, и въ томъ числѣ Баринова) наказать розгами, каждаго въ размѣрѣ 50 ударовъ“ [1]).

[1]) Лукашевскій и Мерлинъ подавали жалобу на приговоръ суда въ сенатъ, но она была оставлена безъ послѣдствій. Архивы енисейскаго губернскаго суда (дѣло 1890 г. по 4 столу, № 473) и горнаго исправника южно-енисейской системы (дѣло 1890 г., № 23).

Такимъ образомъ, по суду подверглись наказанію 27 человѣкъ; но не только для нихъ, а для гораздо большаго количества рабочихъ участіе въ волненіи 1890 г. имѣло еще одно послѣдствіе, по усмотрѣнію мѣстной администраціи. Управляющій Бастрыковъ составилъ списокъ „рабочихъ, находившихся на промыслахъ К° Базилевскаго и Черемныхъ въ операцію 1889—90 г. и участвовавшихъ въ бунтѣ противъ управленія 9-го марта, противъ горнаго исправника 10-го марта, противъ горнаго исправника и судебнаго слѣдователя 23-го марта 1890 г., „*а также замѣченныхъ управленіемъ въ разныхъ проступкахъ*“, въ который включилъ фамиліи 204 рабочихъ и препроводилъ его къ горному исправнику, а тотъ не только принялъ его, но распространилъ его и внѣ предѣловъ своей системы. По крайней мѣрѣ горный исправникъ сѣверной части этого округа присоединилъ этотъ списокъ къ составленному имъ списку подвергнутыхъ взысканіямъ за разныя преступленія и проступки и бѣжавшихъ съ пріисковъ своего округа и въ печатномъ видѣ разослалъ его золотопромышленникамъ, выражая желаніе, „чтобы поименованные въ спискѣ рабочіе не были нанимаемы въ новую операцію“. Желательно было бы воспретить составленіе и разсылку такихъ списковъ, при составленіи которыхъ исправники руководятся непровѣренными показаніями пріисковыхъ управленій. Прокуроръ и судъ признали невозможнымъ обвинять рабочихъ по 264 ст. улож. о наказ., а управляющій Бастрыковъ и горные исправники продолжаютъ употреблять слово „бунтъ“ въ оффиціальныхъ бумагахъ; судъ признаетъ виновными 27 чел., а управляющій Бастрыковъ и горные исправники говорятъ: „нѣтъ, виновны въ бунтѣ большинство рабочихъ“, да еще кстати накидываютъ нѣкоторое число рабочихъ, въ немъ не участвовавшихъ, но будто бы виновныхъ (по непровѣренному свидѣтельству Бастрыкова) „въ разныхъ проступкахъ“, и всѣ эти рабочіе включаются въ одинъ списокъ заурядъ съ главными обвиненными. И это продѣлываетъ Бастрыковъ, который самъ повиненъ въ избіеніи Рязанова, потому что не остановилъ кулачной расправы, практикуемой этимъ послѣднимъ, и не обратилъ вниманія на справедливыя жалобы рабочихъ, и горный исправникъ Кубе, который несомнѣнно повиненъ въ небрежномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ; на основаніи § 13 инструкціи для горныхъ исправниковъ 1874 г., онъ долженъ былъ „слѣдить, чтобы хозяева и ихъ уполномоченные обходились со служащими и *рабочими кротко*“. А что ему была извѣстна наклонность Рязанова къ кулачной расправѣ, видно изъ того, что 27 декабря 1889 г. крестьянинъ Семенъ Ячменевъ подалъ ему прошеніе о нанесеніи его сыну Сергѣю побоевъ становымъ Рязановымъ. Горный исправникъ поручилъ пріисковому врачу Квятковскому освидѣтельствовать Ячменева „въ состояніи здоровья и степени полученныхъ поврежденій“ (какъ

будто побои, не причиняющіе поврежденій, позволительны), но врачъ уже не засталъ на другой день на пріискѣ Ячменева, „который неизвѣстно куда выѣхалъ", очевидно мало разсчитывая на правосудіе мѣстной власти. Вскорѣ затѣмъ онъ подалъ прошеніе по тому же дѣлу товарищу енисейскаго губернскаго прокурора. Чѣмъ окончилось это дѣло, мы не знаемъ; но если горный исправникъ въ оффиціальномъ отношеніи судебному слѣдователю утверждаетъ, что, „кромѣ этихъ жалобъ, ни письменныхъ, ни словесныхъ на станового Рязанова къ нему не поступало", то отсутствіе письменныхъ жалобъ можетъ объясняться, судя по показаніямъ на слѣдствіи, угрозами Рязанова тѣмъ, которые вздумаютъ ихъ писать, или, какъ онъ выражался, „адвокатничать", а отсутствіе словесныхъ жалобъ (если только эти слова исправника справедливы) могло бы быть слѣдствіемъ того, что исправникъ иной разъ безъ всякихъ разговоровъ подвергалъ присылаемыхъ къ нему отъ пріисковыхъ управленій рабочихъ наказаніямъ, не выслушивая ихъ заявленій или не обращая на нихъ вниманія. Но нѣкоторые рабочіе на слѣдствіи утверждали, что они жаловались исправнику.

Мѣстная печать съ справедливымъ негодованіемъ отнеслась къ поведенію пріисковаго управленія и горнаго исправника, видя въ нихъ главныхъ виновниковъ волненій 9-го марта 1890 г. „Прежде всего надо сказать,—читаемъ мы въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ",—что поводомъ къ нанесенію побоевъ Рязанову всей командой было болѣе чѣмъ жестокое обращеніе Рязанова съ рабочими. Избить рабочаго, избить даже мальчика лакея, избить, наконецъ, своего брата-служаку—для Рязанова было дѣломъ обыкновеннымъ. Что это факты, а не голословное обвиненіе, тому можно привести доказательства. Рязановъ въ февралѣ избилъ мальчика-лакея, Сергѣя Ячменева, въ январѣ избилъ служащаго Селянина, бывшаго у него въ гостяхъ, избилъ арендатора Чанскаго, конторщика Башурова, а рабочихъ избивалъ многихъ. И такому жестокому человѣку, для котораго зуботычина была самымъ обыкновеннымъ жестомъ, ввѣрена была должность помощника управляющаго пріискомъ, непосредственнаго распорядителя пріисковой жизни! Что онъ таковъ—извѣстно было раньше... подвиги его совершались на глазахъ управляющаго, на виду горнаго исправника, которому приносились не разъ на Рязанова жалобы. Казалось бы, какъ не остановить своего подчиненнаго, какъ не остановить дерзкаго на руку человѣка?... Пріисковая администрація несомнѣнно виновата въ этомъ прискорбномъ событіи тѣмъ, что съ ея попустительства раздувалось броженіе между рабочими, приведшее къ столь печальному финалу" [1]).

[1]) „Сиб. Вѣстн." 1890 г., № 69. Сочувствіе „Восточнаго Обозрѣнія" также, какъ мы видѣли, на сторонѣ рабочихъ. „Восточн. Обоз." 1890 г., № 15, стр. 3, 8—9; 1892 г., № 49.

„Восточное Обозрѣніе“ [1]) сообщаетъ, что золотопромышленники собирались подать петицію высшему начальству о строгомъ наказаніи рабочихъ. Они осуществили это намѣреніе въ болѣе общей формѣ, представивъ министру государственныхъ имуществъ въ 1892 г. записку, которую мы уже не разъ цитировали и въ которой между прочимъ ходатайствовали объ увеличеніи военной силы на пріискахъ, тогда какъ дѣло о волненіи на Александровскомъ пріискѣ показываетъ, какъ въ сущности мирно были настроены тамъ рабочіе: они считаютъ необходимымъ „потрепать“ служащаго, который ихъ колотитъ, но въ то же время продолжаютъ работать и не оказываютъ сопротивленія военному отряду, почти въ десять разъ менѣе многочисленному, чѣмъ „команда“ рабочихъ, даже когда судебному слѣдователю вздумалось заковать въ кандалы 15 человѣкъ ихъ товарищей. „*Во избѣжаніе повторявшихся въ послѣднее время стачекъ* пріисковыхъ рабочихъ,—пишутъ енисейскіе золотопромышленники,—весьма желательно, чтобы мѣстная полицейская власть въ лицѣ горныхъ исправниковъ стояла на всей высотѣ своего призванія (!) и не была бы парализована неимѣніемъ подъ рукою военной силы, кромѣ ничтожной горсти совершенно безоружныхъ казаковъ, и потому не допускала бы малодушныхъ и незаконныхъ уступокъ, мотивируя ихъ, напримѣръ, тѣмъ, что „толпа носила буйный характеръ“, какъ это было недавно [2]). „Всякая уступка буйной толпѣ и особенно уступка незаконная,—читаемъ далѣе въ запискѣ енисейскихъ золотопромышленниковъ,—есть не что иное, какъ подливаніе лишь масла въ огонь. Подобныя уступки настолько уже поколебали и пошатнули въ глазахъ рабочихъ престижъ мѣстной власти, что, для поддержанія его отъ окончательнаго паденія, безотлагательно необходимо имѣть на пріискахъ большее число стражи противъ существующей, и притомъ хорошо вооруженной, дабы она представляла собою дѣйствительную военную силу, а не нѣчто въ родѣ разсыльныхъ, какими являются въ глазахъ рабочихъ наличные казаки. Въ настоящее время угрозы, а иногда и сопротивленіе открытою силою со стороны рабочихъ, при требованіи отъ нихъ выдачи зачинщиковъ и преступниковъ, сдѣлались обыкновенными явленіями, особенно съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, въ енисейской тайгѣ, появились выходцы съ олекминскихъ пріисковъ“ [3]).

Прежде всего слѣдуетъ усомниться, чтобы „стачки“ въ Енисейскомъ округѣ повторялись столь часто, какъ это утверждаютъ енисейскіе золотопромышленники, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы должны

---

[1]) 1892 г., № 49.

[2]) Очевидно, намекъ на волненіе 1890 г., во время котораго, однако, судебный слѣдователь обнаружилъ скорѣе избытокъ, чѣмъ недостатокъ усердія.

[3]) Дѣло Горн. Департ., отд. частн. золот., № 80.

были бы найти о нихъ свѣдѣнія въ оффиціальныхъ отчетахъ; а затѣмъ не трудно понять, что прекратить стачки, разумѣется, можетъ не увеличеніе вооруженной силы, а только устраненіе ихъ причинъ, т.-е. улучшеніе содержанія рабочихъ, уменьшеніе тягости труда, болѣе мягкое обращеніе съ рабочими пріисковыхъ служащихъ. Что касается горныхъ исправниковъ, то, дѣйствительно, желательно было бы, чтобъ они стояли „на всей высотѣ своего призванія", но эта позиція будетъ занята ими не ранѣе того, какъ они перестанутъ пользоваться неоффиціальными субсидіями отъ золотопромышленниковъ, далеко превышающими ихъ казенное содержаніе и лишающими ихъ должнаго безпристрастія,—а это-то (а не мнимыя уступки и послабленія) и подрываетъ ихъ престижъ среди рабочихъ.

Волненія рабочихъ на пріискахъ Восточной Сибири не ограничивались Енисейскимъ округомъ и повторялись, съ тѣмъ же характеромъ, и въ другихъ округахъ. Такъ, въ маѣ 1883 г., на пріискѣ потомств. почетн. гражданки К., на границѣ Алтайскаго и Красноярскаго округовъ по р. Тубилѣ, рабочіе, недовольные пріисковымъ управленіемъ, отказались работать и около 15 чел. ушли съ пріиска. Полицейскій урядникъ съ конюхами бросился въ погоню за ними и, настигнувъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ пріиска 5 рабочихъ, ранилъ двоихъ въ ноги выстрѣлами изъ ружья, заряженнаго дробью, и, связавъ бѣглецовъ, доставилъ ихъ на пріискъ. Артель рабочихъ кинулась освобождать арестованныхъ, сопровождавшій урядника конюхъ былъ избитъ до полусмерти, и самъ урядникъ едва успѣлъ скрыться въ промысловой конторѣ. Завѣдующему работами удалось остановить дальнѣйшее волненіе, но побѣги рабочихъ и отказъ отъ выполненія задаваемыхъ уроковъ продолжались. 12-го мая, губернское начальство командировало на пріискъ одного изъ полицейскихъ приставовъ г. Красноярска съ двумя казаками. По возвращеніи, онъ донесъ, что рабочіе выражаютъ неудовольствіе на пріисковое управленіе вслѣдствіе дурной постановки работъ, „составляющихъ въ высшей степени непосильный трудъ, такъ какъ рабочимъ приходится цѣлый день стоять по поясъ въ водѣ, а пріисковое управленіе не заботится объ удаленіи" притока воды; рабочіе жаловались также и на недостатокъ пищи. Хотя, по мнѣнію пристава, жалобы рабочихъ были неосновательны, но губернское начальство не убѣдилось его донесеніемъ (тѣмъ болѣе, что на другой день послѣ его отъѣзда съ пріиска бѣжали еще 16 человѣкъ) и назначило формальное слѣдствіе, поручивъ его красноярскому окружному исправнику [1]).

[1]) „Восточн. Обоз." 1883 г., № 31, стр. 6. По словамъ автора корреспонденціи, пріискъ этотъ находился въ завѣдываніи ачинскаго и минусинскаго горнаго исправника, но по отдаленности пріиска исправникъ ни разу не посѣтилъ его.

Въ 1888 г. въ „Сибирской Газетѣ“ появилось извѣстіе, что на ачинскихъ пріискахъ одного томскаго купца произошли безпорядки. Въ началѣ этого года пріисковое управленіе отказалось отпускать припасы въ кредитъ рабочимъ, вслѣдствіе чего изъ 50 человѣкъ 30 рабочихъ забастовали и не стали являться на работы. Урядникъ хотѣлъ наказать зачинщиковъ, но рабочіе не позволили; по пріѣздѣ горнаго исправника, рабочіе также не допустили арестованія зачинщиковъ, и затѣмъ 30 чел. ушли съ пріиска [1]).

Въ Минусинскомъ округѣ, по рѣчкѣ Узунжулу (притокъ Камышты, системы Абакана) находится Троицкій пріискъ Кузнецовыхъ. Въ зимнюю операцію 1889—90 г. на немъ было рабочихъ 160 человѣкъ; „довѣреннымъ по разработкѣ пріиска“ былъ въ это время П. О. Барташевъ (нынѣ умершій), а „управляющимъ“ пріиска—сынъ его Николай [2]).

О началѣ волненія на Троицкомъ пріискѣ рабочіе въ прошеніи, поданномъ горному исправнику, по пріѣздѣ его на пріискъ 13-го февраля, разсказываютъ слѣдующее: „У насъ на пріискѣ сего 1890 г., января 30-го (31-го) дня случилось большое возмущеніе, какъ между нами, а равно и управленіемъ всего пріиска. Утромъ рано, во время раскомандировки людей по работамъ, надворный Суровъ... нѣкоторыхъ изъ забойщиковъ гналъ въ домъ хозяина при строгомъ повтореніи, чтобы (шли) немедленно, и тѣ, располагая слышать какое-нибудь приказаніе отъ хозяина, напротивъ, встрѣтили неожиданное угощеніе водкой, и до такой степени пили всѣ приглашенные, что начинали уже пѣть пѣсни, а равно и хозяинъ Николай Петровичъ... подражалъ гостямъ, а надворный, исполняя свою обязанность, самъ по себѣ выгонялъ возчиковъ, чтобы разбирали лошадей, и затѣмъ забойщиковъ“. Возчики собрались „на конномъ дворѣ, куда пришелъ и хозяинъ въ очень неприличномъ порядкѣ... и, по всему замѣтно,—очень былъ пьянъ, и по приходѣ начинаетъ ругать каждаго извозчика съ угрозами, что васъ бить надо, подлецовъ; но извозчики молча старались каждый поскорѣе взять коня, выйти со двора, опасаясь, тѣмъ болѣе слыхавши ранѣе о его пьяномъ характерѣ и желая избѣгнуть какихъ-либо непріятностей и... дерзости Николая Петровича, но какъ ни старались, а не пришлось всѣмъ отдѣлаться благополучно, и поплатился одинъ изъ всѣхъ Рейнгольдъ Вѣникъ (Вейнигъ), который старался также охомутать коня и

---

[1]) „Сибирская Газета“ 1888 г., № 8, стр. 7.

[2]) Нашъ разсказъ о волненіи на этомъ пріискѣ основанъ на подлинномъ дѣлѣ енисейскаго губернскаго суда (дѣло 1890 г., № 364). Нѣкоторыя, весьма немногія свѣдѣнія заимствованы изъ ненапечатаннаго очерка одного мѣстнаго наблюдателя, предоставленнаго авторомъ въ наше распоряженіе (мы будемъ цитировать его подъ буквами С. П.).

увести со двора. Подошедши къ нему, хозяинъ, ругаясь, закричалъ на него: „ты что́ еще копаешся!“ несмотря на то, что онъ не послѣдній на дворѣ, а при многихъ возчикахъ, и при этомъ ударилъ его очень больно; но тотъ, не взирая ни на что, хотѣлъ-было еще Вейнига ударить, но Вейнигъ, видя свою опасность, бросилъ коня и убѣжалъ. Онъ, Барташевъ, закричалъ: „казаки, возьмите его“! По мнѣнію рабочихъ, казаки „повидимому слѣдили за всѣми его выходками и знали... заранѣе все, что случится“, и потому кинулись его, Вейнига, схватить, но Вейнигъ, желая избѣгнуть побоевъ дерзкой руки Николая Петровича, не сталъ даваться взять себя и затѣмъ... увернулся и убѣжалъ въ разрѣзъ, а Барташевъ господинъ съ тремя казаками, вооруженными въ сабли, Суровъ съ топоромъ, конюхъ съ арканомъ, лакей хозяина съ полѣномъ, а самъ хозяинъ съ револьверомъ въ рукѣ, а въ другую схватилъ дугу бывшаго въ то время тамъ крестьянина... Ситникова, и всѣ ударились за Вейнигомъ бѣжать и пробѣжали въ верхній разрѣзъ, гдѣ Вейнига не оказалось; тамъ хозяинъ дугу уже бросилъ, а возвратившись обратно, въ нижнемъ разрѣзѣ нашли его, несчастнаго, гдѣ по соувѣщанію нѣсколькихъ рабочихъ при условіи, чтобы не бить ни отнюдь, былъ взятъ, а затѣмъ его, Вейнига, заковали въ кандалы и наручныя и арестовали, и въ этомъ положеніи Вейнигъ находился по 8-ое февраля“ [1]).

Енисейскій губернскій прокуроръ Виноградовъ въ своемъ заключеніи по дѣлу о волненіи рабочихъ нѣсколько иначе передаетъ эти событія: „31-го января, рано утромъ, при отходѣ рабочихъ на работы, управляющимъ пріиска, Николаемъ Барташевымъ, на конномъ дворѣ замѣчено было рабочему Вейнигъ, вышедшему на работу послѣ всѣхъ,— по показанію работника Хохрова, съ присовокупленіемъ ругательствъ, а по показанію рабочихъ Кольберга и Фокина—кромѣ того и побоевъ, что онъ всегда позже всѣхъ выходитъ на работу, за что Вейнигъ не

[1]) Въ другомъ прошеніи 6-ти обвиняемыхъ въ енисейскій губернскій судъ они такъ объясняютъ ненависть Н. Барташева къ Вейнигу: „1 января сего года, по неспособности грунта земли, на которой работалъ Вейнигъ и друг., служащій Суровъ донесъ хозяину пріиска Барташеву, что Вейнигъ не доработалъ урока и не хочетъ работать. Барташевъ велѣлъ Вейнига и другихъ съ нимъ рабочихъ держать на работѣ до 12-ти час. ночи. Ночь та была невыносимо суровая и бурная, такъ что невозможно было согрѣться работою. Служащіе Барташева собрались всѣ въ разрѣзѣ и буквально исполнили приказаніе хозяина: продержали рабочихъ до 12-ти час. ночи. На другой день рабочимъ была дана порція вина, но Вейнигу не дали. По окончаніи работы Вейнигъ не успѣлъ отдохнуть, обсушиться и поѣсть, какъ снова погнали на работу, и когда онъ сказалъ служащему, что онъ ничего не ѣлъ, то тотъ отвѣтилъ: „послѣ поѣшь“. Вѣроятно, Вейнигъ при этомъ выругалъ хозяина, по крайней мѣрѣ, по словамъ рабочихъ, „съ этого самаго времени Николай Барташевъ возненавидѣлъ Вейнига скрытною злобою, говоря: „попадешь ты въ мои руки“.

только „скверными“ словами обругалъ управляющаго, но намѣревался его ударить имѣвшеюся у него въ рукахъ запряжною сѣделкой. Когда управляющимъ дано было приказаніе его поймать, то Вейнигъ съ криками о помощи убѣжалъ въ казармы, гдѣ и былъ пойманъ находящимися на пріискѣ въ качествѣ органовъ полиціи казаками, а такъ какъ при арестѣ Вейнигъ грозилъ кого-нибудь (?) зарѣзать и вообще оказывалъ сопротивленіе, то былъ закованъ въ кандалы и посаженъ въ каталажку (пріисковая тюрьма, состоящая изъ забранной тесомъ части помѣщенія казаковъ), гдѣ и содержался до 8-го февраля, т.-е. до дня пріѣзда на пріискъ арендатора Петра Барташева“.

Оффиціальный разсказъ прокурора о дальнѣйшихъ событіяхъ также не даетъ надлежащаго понятія о томъ, какъ въ дѣйствительности было дѣло, и потому мы опять сопоставимъ его слова съ разсказомъ рабочихъ въ прошеніи, поданномъ горному исправнику 13-го февраля.

„Рано утромъ 8-го февраля,—пишетъ прокуроръ,—Вейнигъ былъ освобожденъ Барташевымъ изъ каталажки и казаки повели его въ кузницу для расковки, но лишь только сняли ручные кандалы, Вейнигъ бросился бѣжать въ разрѣзъ съ крикомъ: „караулъ! бьютъ!“ но вновь былъ пойманъ казаками и приведенъ къ хозяину, который, сдѣлавъ Вейнигу выговоръ, объявилъ ему, что проститъ долгъ, если накажетъ розгами и выгонитъ съ пріиска. Къ этому времени къ дому управляющаго собралась цѣлая толпа рабочихъ съ шумнымъ требованіемъ Вейнига не наказывать розгами и съ пріиска не высылать,—отказавшись однако, по предложенію Барташева, заплатить за Вейнига долгъ, числившійся въ размѣрѣ 40 р., и послѣ этого разошедшись на работы. Вслѣдствіе этого Вейнигъ былъ наказанъ. по распоряженію управленія, казакомъ Сипкинымъ розгами въ размѣрѣ, по утвержденію свидѣтелей наказанія, не болѣе 20—25 ударовъ, *хотя таковыхъ никто не считалъ*, и съ двумя казаками, Кузьминымъ и Сипкинымъ, отправленъ съ пріиска въ ближайшій улусъ. Послѣ отъѣзда Вейнига, нѣкоторые изъ рабочихъ пустили слухъ между своими товарищами, что его, сильно избитаго и плохо одѣтаго, да кромѣ того и наказаннаго сверхъ мѣры, казаки отвезли въ степь, почему вечеромъ того же дня артель рабочихъ, пришедши къ дому управляющаго пріискомъ, настоятельно требовала немедленнаго возвращенія Вейнига, угрожая въ противномъ случаѣ до его прибытія на пріискъ работы прекратить, несмотря на предложеніе управленія послать съ жалобой на его дѣйствія, если таковыя находятъ неправильными, выборныхъ. 9-го февраля, при наступленіи времени начала работъ, рабочіе, вмѣсто того, чтобы идти на таковыя,... вновь собрались передъ домомъ управляющаго съ требованіемъ показать имъ Вейнига, съ угрозой въ противномъ случаѣ прекратить

работы; а такъ какъ Вейнига не было на пріискѣ и, слѣдовательно, удовлетворить желаніе рабочихъ не представлялось возможности, то управляющій, находившійся вмѣстѣ со служащими и казаками на крыльцѣ своего дома, приказалъ артели немедленно идти на работы. Услышавъ отказъ въ исполненіи предъявленнаго требованія, толпа по крику: „арестовать казака Захара!“ бросилась къ уряднику (старшій изъ казаковъ пріиска), который быстро отступилъ назадъ и спрятался за спину хозяина, рядомъ съ которымъ стоялъ и управляющій. Несмотря на защиту и увѣщанія, Кузьминъ былъ схваченъ нѣсколькими рабочими, вытащенъ съ крыльца, обезоруженъ и отведенъ въ каталажку, къ которой приставленъ былъ караульнымъ рабочій Гринбергъ, при чемъ шинель Кузьмина была порвана, погоны сорваны и, по показанію свидѣтелей-очевидцевъ, напр. Иванова, рабочій Дрягинъ бралъ его за горло, а нѣкоторые во все время препровожденія его въ каталажку наносили Кузьмину побои. Арестовавъ Кузьмина, артель избрала изъ своей среды семь человѣкъ для розысковъ Вейнига, которыхъ Гринбергъ выстроилъ въ рядъ и сосчиталъ. Когда Барташевъ отдалъ распоряженіе запрячь лошадей, чтобы ѣхать къ горному исправнику, завѣдующему пріискомъ, съ заявленіемъ о случившемся, то рабочіе не позволили конюхамъ исполнить это приказаніе, и только благодаря обману одного изъ нихъ, Барташевъ имѣлъ возможность уѣхать... 10-го февраля, не дождавшись возвращенія посланныхъ 7 человѣкъ, артель отправила еще 26 человѣкъ для розысковъ Вейнига, которые, узнавъ дорогой отъ первыхъ, что Вейнигъ цѣлъ и невредимъ, возвратились изъ улуса... назадъ. Невыходъ на работу, несмотря на настоянія пріисковаго управленія, продолжался, а казакъ Кузьминъ содержался подъ арестомъ, сперва подъ карауломъ, а затѣмъ, во избѣжаніе насилія, и безъ него, и былъ освобожденъ лишь по пріѣздѣ на пріискъ горнаго исправника, т.-е. 12-го февраля“.

Рабочіе иначе разсказываютъ эти событія. По ихъ словамъ, 8-го февраля управленіе пріиска рѣшило Вейнига наказать и затѣмъ повели его въ кузницу, чтобы расковать, и сняли съ него наручныя и *повели къ наказанію розгами* [1]). Вейнигъ же, стараясь избѣгнуть наказанія, вырвался-было изъ рукъ казаковъ и съ крикомъ кинулся въ разрѣзъ, но какъ убѣжать въ кандалахъ было трудно, то въ тотъ же моментъ былъ пойманъ и уведенъ въ домъ къ хозяину, и въ то же время всячески и жестоко его на каждомъ шагу били, и видѣли всѣ эти трагическія обстоятельства, во-первыхъ, находящіеся въ больницѣ, а во-вто-

[1]) Разсказъ рабочихъ гораздо правдоподобнѣе, между тѣмъ какъ, по словамъ прокурора, Вейнигъ началъ кричать караулъ по снятіи ручныхъ кандаловъ безъ всякаго повода.

рыхъ, рабочіе изъ разрѣза, которые спѣшили на крикъ Вейнига. Прибѣжавши въ домъ, встрѣтили насъ на крыльцѣ Петръ Осиповичъ и сынъ его Барташевы и казакъ Кузьминъ, и послѣдніе двое были замѣчательно выпивши. Спрашиваютъ насъ: „что вамъ нужно“? Мы отвѣтили, что мы прибѣжали на крикъ, и говоримъ: „за что вы Вейнига такъ жестоко бьете?“ А самъ старикъ Барташевъ въ отвѣтъ сказалъ, что „это дѣло не ваше, мы бьемъ его за свои деньги; ему не то еще будетъ, ему нужно ребра сломать, убавить вѣку, и затѣмъ розгами наказать, а потомъ разсчитать его и прогнать съ пріиска“,—и съ тѣмъ прогнали насъ отъ крыльца. Мы пошли на работы, изъ дома же повели Вейнига избитаго уже, въ окровавленномъ видѣ, къ конному двору, гдѣ былъ наказанъ еще розгами, а мы по истеченіи сего дня, окончивши работу, собравшись и посовѣтовавшись между собой, пошли къ дому хозяина и спросили его, гдѣ Вейнигъ? „А онъ, говоритъ, наказанъ розгами, разсчитанъ и выпровожденъ съ пріиска“. Мы спросили его: „какъ же вы его выпроводили, когда онъ избитъ до такой степени, что не въ силахъ будетъ самъ идти?“— „А его, говоритъ, казаки отвезли до ближняго улуса“. Мы же ему сказали, что „вы намъ Вейнига къ утру доставьте сюда, а то мы имѣемъ сомнѣніе, что живъ ли онъ; а не воротите къ утру Вейнига, то мы не пойдемъ на работу“. Итакъ, они не позаботились возвратить Вейнига, а мы стали пріискивать средства напасть на слѣды, куда этотъ несчастный спроваженъ, и затѣмъ не пошли на работу. А когда насъ выгнали на работу, то мы казаковъ спрашивали: „что, Вейнига привезли?“ Они въ отвѣтъ сказали, что вамъ дѣла нѣтъ, про это мы, если его избили и отвезли куда, то мы и отвѣчать будемъ, а что ваше дѣло—выходи на работу; но мы окончательно отказались, что не идемъ на работу, а идемъ отыскивать Рейнгольда Вейнига, потому что онъ жестоко былъ избитъ и наказанъ розгами, а отвезенъ былъ двумя казаками подъ самый вечеръ, къ ночи до перваго улуса татаръ, въ которомъ жителямъ сказали, чтобы опасались Вейнига и ни отнюдь не пускали бы ночевать. Все это мы узнали по забраннымъ справкамъ отъ посланныхъ изъ среды нашихъ рабочихъ 7-ми человѣкъ, которые командированы были 9-го февраля для разысканія Вейнига, изъ коихъ трое отъ сего улуса воротились съ симъ объясненіемъ, что Вейнигъ дѣйствительно не ночевалъ у татаръ, а ушелъ тамъ куда-то далѣе въ степь, и что онъ очень избитый, какъ передали татары, и уйти далеко не можетъ. Затѣмъ четыре человѣка пошли впередъ для преслѣдованія Вейнига, а трое воротились назадъ, мы же опять собрались всѣ къ дому хозяина для того, чтобы спросить, куда отвезли Вейнига, вызывали хозяина, а съ нимъ вышелъ и казакъ Кузьминъ и съ револьверомъ въ рукахъ. Мы спрашиваемъ: „гдѣ же Вейнигъ?“ мы всѣ говорили, что доставьте его намъ, а то не пойдемъ

на работу. А Кузьминъ говоритъ: „сказано вамъ, что Вейнига нѣтъ и не будетъ", и притомъ онъ же, Кузьминъ, былъ очень пьянъ. Мы же, видя его, что онъ выдернулъ револьверъ изъ чехла, вблизи стоявшіе около него проворно таковой изъ рукъ Кузьмина выдернули изъ опасенія, чтобъ онъ не могъ сдѣлать выстрѣла, что даже могло бы случиться отъ неосторожности Кузьмина,... и таковое оружіе передали С. А. Максимовичу, служащему, а Кузьмина взяли и повели въ каталажку, гдѣ и былъ посаженъ подъ свой караулъ, а остальныхъ казаковъ спросили: „гдѣ Вейнигъ? вы покажите намъ то мѣсто, куда его отвезли или гдѣ покинули"; а они сказали, что они его потеряли.—„А когда вы его потеряли, тогда мы пойдемъ его искать", и затѣмъ пошли еще 10-го февраля 26 человѣкъ для отысканія Вейнига, чтобы „представить тѣмъ явный фактъ въ обращеніи безчеловѣчномъ съ рабочими г. Барташева".

Этотъ разсказъ вполнѣ передаетъ мотивы дѣйствій рабочихъ. Они были взволнованы опасеніемъ за участь ихъ избитаго товарища (нужно помнить, что дѣло происходило зимою, въ началѣ февраля), и этимъ объясняется прекращеніе ими работъ до тѣхъ поръ, пока Вейнигъ не будетъ найденъ.

Вейнигъ на допросѣ у горнаго исправника утверждалъ, что въ разрѣзѣ ни ножомъ, ни кайлою не защищался и убить никого не грозилъ, что 8-го февраля въ домѣ управляющаго его били оба Барташевы, казакъ Кузьминъ и служащій Максимовичъ. Сколько дали ему ударовъ розогъ, онъ не знаетъ, „не считалъ"; „а потомъ два казака",—продолжаетъ онъ,—„вели меня съ пріиска до улуса". Дорогой оба они „меня также били, но за что—не знаю, должно быть по приказанію Барташева. Согласія своего на то, чтобы меня наказали розгами и уволили съ пріиска, я не давалъ и о томъ меня никто не спрашивалъ". Пріисковые же служащіе показали, что Вейнигъ отмахивался ножомъ, но только одинъ изъ нихъ, Ивановъ (котораго С. П. характеризуетъ весьма нелестно), утверждалъ, будто Вейнигъ самъ согласился на тѣлесное наказаніе.

Относительно наказанія Вейнига очень характерно показаніе Н. Барташева: „наказали его розгами, какъ поселенца, *что дѣлается вездѣ на пріискахъ безъ опредѣленія артели*", а казакъ Захаръ Кузьминъ заявилъ, что о маловажныхъ проступкахъ рабочихъ онъ всегда сообщалъ управленію пріиска, и что „*наказаніе предпринимается только по требованію сего послѣдняго*", такъ какъ по приказу „горнаго исправника безъ требованія управленія пріиска наказывать рабочихъ казаки не должны"; но пріисковому управленію въ этомъ требованіи онъ „не имѣетъ права отказать". Изъ этого видно, что выборной артельной расправы на пріискѣ не было, и что казаки являлись послушнымъ орудіемъ въ рукахъ пріисковаго управленія, а вовсе не самостоятельною

полицейскою властью, которая должна была бы подчиняться только приказаніямъ исправника.

Казакъ Кузьминъ утверждалъ, что Вейнигъ, когда его хотѣли арестовать, защищался ножомъ, а затѣмъ хотѣлъ схватить кайлу, но былъ остановленъ. По увѣренію Кузьмина, Вейнигъ былъ наказанъ только 20 ударами розогъ; арестованные же рабочіе, въ прошеніи къ губернатору изъ минусинскаго тюремнаго замка, утверждали, что Вейнигъ былъ наказанъ 70 ударами. Изъ рабочихъ это наказаніе видѣлъ только одинъ, который показалъ, что послѣ того Вейнигъ „едва могъ подняться и не могъ надѣть штановъ". Въ только-что упомянутомъ прошеніи рабочіе утверждали, что Барташевъ „за самое пустое опозданіе къ работѣ наказывалъ до истязанія, по 200 жестокихъ ударовъ". Если даже рабочіе и преувеличиваютъ размѣръ тѣлесныхъ наказаній, то во всякомъ случаѣ и изъ признаній Н. Барташева и казака Кузьмина несомнѣнно, что назначеніе тѣлесныхъ наказаній на Троицкомъ пріискѣ вполнѣ зависѣло отъ пріисковаго управленія, а г. С. П. говоритъ о Н. Барташевѣ какъ о человѣкѣ во хмелю весьма жестокомъ. Нельзя не обратить также вниманія на то, что Вейнига заковывали въ кандалы. Наконецъ, характерно для пріисковыхъ нравовъ и предложеніе, сдѣланное Барташевымъ рабочимъ,—принять на себя долгъ Вейнига, если они желаютъ, чтобы его освободили отъ тѣлеснаго наказанія.

12-го февраля, на Троицкій пріискъ пріѣхалъ горный исправникъ Мухинъ. Онъ предложилъ рабочимъ возобновить работу, заявилъ, что о всемъ происшедшемъ будетъ произведено слѣдствіе, и одному изъ грамотныхъ рабочихъ показалъ соотвѣтственныя статьи Улож. о наказ.; но рабочіе возобновить работу не согласились до окончанія слѣдствія и вмѣстѣ съ тѣмъ требовали возвращенія на пріискъ Вейнига. Приказавъ доставить его, исправникъ пожелалъ приступить къ допросу рабочихъ и потребовалъ двоихъ изъ нихъ, но посланный казакъ принесъ извѣстіе, что рабочіе по одиночкѣ къ допросамъ идти не желаютъ. Это они повторили и самому исправнику, когда онъ пришелъ объяснить имъ, что допрашивать всѣхъ вмѣстѣ законъ не дозволяетъ. Исправникъ объявилъ имъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства онъ вызоветъ военную команду, но рабочіе стояли на своемъ. Какъ показалъ впослѣдствіи одинъ рабочій, „артель рѣшила, пока не будетъ привезенъ на пріискъ Вейнигъ и пока не снимутъ съ него допросовъ,—къ слѣдствію не ходить". Тогда исправникъ потребовалъ (13-го февраля) присылки военной команды въ 30 человѣкъ, о чемъ и телеграфировалъ губернатору.

Въ то время, когда исправникъ уговаривалъ рабочихъ не оказывать сопротивленія и возобновить работу, рабочій Гринбергъ передалъ ему прошеніе отъ имени всей артели. Оно начиналось такъ: „Ваше высокоблагородіе! Обратите ваше милостивое вниманіе на наше жалкое

положеніе! Во-первыхъ, мы... стѣснены здѣсь всей свободой въ настоящей жизни, и во-вторыхъ, убиты работой, а затѣмъ еще съ нами обращаются такъ безчеловѣчно: бьютъ насъ и наказываютъ розгами". Далѣе слѣдовало приведенное нами выше описаніе всего происшедшаго и въ заключеніе было сказано: „Затѣмъ покорнѣйше просимъ принять въ резонъ наше нескладное изложеніе, которое все вышесказанное можемъ подтвердить по одному и порознь словесно". Исправникъ пріобщилъ прошеніе къ дѣлу.

13-го февраля, на пріискъ доставили Вейнига. Исправникъ снялъ съ него допросъ и произвелъ, впрочемъ безъ врача, осмотръ [1]).

На слѣдующій день, 14-го февраля, *еще до прибытія военной команды*, рабочіе изъявили готовность идти къ допросу. Въ тотъ же день прибылъ и военный отрядъ, въ числѣ 27 человѣкъ нижнихъ чиновъ и одного офицера, послѣ чего были арестованы 7 рабочихъ, считавшихся зачинщиками, и въ томъ числѣ поселенецъ Гринбергъ. Исправникъ, записывая въ особомъ постановленіи имена арестованныхъ, добавилъ, что при этомъ „толпа рабочихъ хотя и волновалась, но сопротивленія не оказала, а заявила, что какъ только уйдутъ съ пріиска исправникъ и солдаты, то и они уйдутъ". На другой день исправникъ, заключивъ изъ этого заявленія, что рабочіе все еще не успокоились и что будто бы, какъ онъ записалъ въ новомъ постановленіи, „никакія убѣжденія на нихъ не дѣйствуютъ, нашелъ необходимымъ для острастки рабочихъ наказать розгами 10 человѣкъ поселенцевъ изъ числа уходившихъ съ пріиска, давъ имъ по 25 ударовъ розогъ; но когда... исправникъ сталъ вызывать поселенцевъ къ наказанію, то трое рабочихъ, стоявшихъ впереди толпы, крикнули: „драть, такъ всѣхъ драть!"—и толпа загудѣла. Въ такой рѣшительный (!) моментъ исправнику не представлялось возможности справляться о званіи тѣхъ рабочихъ (?!), оказавшихся впослѣдствіи крестьянами [2]), и они тутъ же были наказаны розгами отъ 5 до 10 ударовъ, а потомъ были наказаны поселенцы; послѣ экзекуцій рабочіе объявили, что работать будутъ и съ пріиска не уйдутъ, а затѣмъ вышли на работу и порядокъ былъ вполнѣ возстановленъ [3]).

4-го марта 1890 г. шестеро рабочихъ, содержащихся въ минусин-

---

[1]) Въ протоколѣ его онъ записалъ: „подъ правымъ глазомъ имѣется кровоподтекъ или синевица безъ поврежденія кожи, а на носу... небольшое ссадненіе кожи, уже засохшее". Также имѣются знаки отъ наказанія розгами. Количество ударовъ... опредѣлить нельзя, но по оставшимся знакамъ видно, что... наказаніе было легкое".

[2]) По инструкціи исправнику (1874 г.) онъ не имѣлъ права подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію.

[3]) Въ заключеніи прокурора сказано, что работы были прекращены съ 9-го по 15 февраля, а въ постановленіи суда—что „всѣ рабочіе не выходили на работы въ теченіе 4 дней, начиная съ 9 февраля".

скомъ тюремномъ замкѣ, подали прошеніе товарищу прокурора, въ которомъ просили провѣрить произведенное слѣдствіе чрезъ другого чиновника, „такъ какъ горный исправникъ, будучи кумомъ Барташева, творилъ по дѣлу пристрастіе и пополнялъ дѣло такими фактами, которые хотя и ложны, но всѣ служатъ къ оправданію золотоискателя, на самомъ же дѣлѣ въ безпорядкахъ болѣе виновенъ управляющій тѣмъ пріискомъ сынъ Барташева.., который, пьянствуя съ гостями своими, вздумалъ по примѣру прежнихъ лѣтъ, для своего удовольствія, показать свою неограниченную власть надъ бѣдными рабочими". Далѣе, просители между прочимъ говорятъ, что они не только не считали противозаконными своихъ поступковъ, но, напротивъ, были убѣждены, что виновнымъ будетъ признанъ Николай Барташевъ, „принявшій на себя роль какого-то таежнаго князька, все могущаго сокрушить и уничтожить".

8-го марта, товарищъ прокурора предписалъ судебному слѣдователю принять это дѣло къ своему производству и при этомъ обратить особенное вниманіе на обстоятельства, предшествующія заключенію Вейнига въ пріисковую каталажку и содержанію его при степной думѣ, а также допросить Барташевыхъ о томъ, „чѣмъ они руководствовались, подвергнувъ Вейнига заключенію подъ арестъ, закованію въ ручныя и ножныя кандалы и, наконецъ, наказанію розгами вопреки 10 и 11 п. приложенія къ ст. 110 (прим. 2) Уст. о частн. золотопр.", по которымъ назначеніе тѣлесныхъ наказаній на пріискѣ предоставлялось артельной расправѣ.

На дополнительномъ допросѣ обвиняемый поселенецъ Гринбергъ показалъ: „неправильность при слѣдствіи была та, что присутствовалъ при допросѣ и выходилъ постоянно П. О. Барташевъ и перебивалъ показанія наши" [1]).

7-го іюня, семеро рабочихъ, содержащихся въ минусинскомъ тюремномъ замкѣ, написали прошеніе губернатору, въ которомъ они, разсказавъ уже извѣстные нами факты, говорятъ: „мы народъ угнетенный, и для честнаго существованія тяжело достается копѣйка каждому рабочему у всѣхъ золотопромышленниковъ, но у Барташева это положительно каторга, съ той еще разницей, что тамъ царствуетъ произволъ, который гласенъ лишь не настолько, чтобы быть преслѣдуемымъ уголовнымъ кодексомъ, и черный людъ при полной своей правотѣ мало того, что наказуемъ произвольно хозяиномъ, еще не имѣетъ возможности оправ-

---

[1]) Когда 25 іюля былъ вызванъ въ контору минусинскаго тюремнаго замка содержавшійся въ немъ по дѣлу крестьянинъ изъ ссыльныхъ, Корнейцевъ, для дачи, по требованію закона, подписки о нечиненіи пристрастныхъ допросовъ, то онъ отказался дать ее потому, что горный исправникъ во время допроса кричалъ на него, велѣлъ не показывать противъ хозяина и угрожалъ въ противномъ случаѣ наказать его розгами.

даться предъ правосудіемъ. Поэтому весьма можетъ быть, что и насъ, хотя и не оказавшихъ никакого злоупотребленія, а лишь только защищавшихъ своего собрата, осудятъ, и едва ли кто можетъ насъ защитить; но для блага будущихъ нашихъ собратовъ на пріискѣ Барташева мы рѣшаемся утруждать особу вашего пр-ва... и почтительнѣйше просимъ оградить, если не насъ, то будущихъ тружениковъ на пріискѣ Барташева, который жестоко истязаетъ людей и непомѣрный назначаетъ трудъ".

Что уроки горныхъ работъ на Троицкомъ пріискѣ были дѣйствительно тяжелы, видно изъ того, что по контракту полагалось лѣтомъ добыть песковъ въ день по $1^3/_4$ куб. саж. на два человѣка и одну лошадь, а торфа до 1-го февраля (очевидно, мерзлаго) по 1 саж., до 1-го марта—по $1^1/_4$ саж., съ 1-го марта по 1-е апрѣля по $1^1/_2$ саж. и съ апрѣля по 1-е октября по $1^3/_4$ саж. также на 2-хъ рабочихъ—забойщика и возчика и одну лошадь. Дѣйствительно же выработка даже превосходила этотъ урокъ; а именно, въ 1890 г. въ одну поденщину было выработано 0,85 куб. саж. торфа и 1,08 куб. саж. песковъ и въ 1891 г. 1,06 куб. саж. торфа и 1,04 куб. саж. песковъ [1]). Объясняются такія большія выработки необходимостью исполнять сверхурочныя работы за повышенную плату, такъ какъ иначе заработокъ былъ бы слишкомъ ничтоженъ.

21-го іюля, двое изъ арестованныхъ рабочихъ написали новое прошеніе въ енисейскій губернскій судъ, въ которомъ, между прочимъ, говорятъ: „какъ самъ Барташевъ, такъ равно и сынъ его Николай черезчуръ деспотически поступали со своими рабочими, то же дѣлали и его клевреты—служащіе, считая рабочаго автоматомъ, машиною и рабомъ воли и прихоти золотопромышленника. Изъ столбцовъ газетъ и многихъ книгъ можно видѣть тысячи примѣровъ деспотизма, произвола и эксплоатированія рабочимъ трудомъ со стороны золотопромышленниковъ. Въ справедливости этого можетъ воочію убѣдиться всякій, побывшій лично на какомъ-нибудь пріискѣ, что бѣдный рабочій—это вѣчнокаторжный рабочій, угнетенъ, забитъ и по отдаленности... строгаго надъ рабочими контроля, ограждающаго отъ произвола хозяевъ, въ глухой тайгѣ находится въ полной власти и зависимости золотопромышленниковъ". Разсказавъ далѣе уже извѣстные намъ факты, рабочіе въ заключеніе говорятъ: „У сильнаго всегда безсильный виноватъ! и вотъ насъ, безвинныхъ тружениковъ, добывающихъ кровавымъ трудомъ кусокъ хлѣба, обогащающихъ хозяевъ, сдѣлали въ угоду хозяину и для прикрытія его произвольныхъ съ сыномъ дѣяній... виновниками какого-то

[1]) См. докладъ А. П. Кузнецова въ „Отчетѣ общества врачей Енисейской губ. за 1891—92 г.". Красн. 1892 г., стр. 103.

бунта, неповиновенія властямъ и проч., все громкія названія, но ничего подобнаго со стороны рабочихъ не было. Бо́льшая часть изъ насъ поселенцы, лишенные правъ и не имѣющіе голоса, почему—кто повѣритъ, что мы не виноваты и промѣняетъ несчастнаго пролетарія-рабочаго на туза, капиталиста-золотопромышленника. Горный исправникъ такъ направилъ дѣло, что насъ, рабочихъ, завинилъ, а Барташева и его служебный персоналъ оправдалъ; потребовалъ даже изъ города Минусинска военную команду, какъ бы для усмиренія бунта, котораго въ самомъ дѣлѣ и въ поминѣ не было. Военная команда, кромѣ тишины и спокойствія, ничего на пріискѣ не нашла. Вотъ вся правдивая исторія дѣла, громко озаглавленнаго—бунта на пріискѣ, неповиновенія властямъ и проч., жертвою котораго въ минусинской тюрьмѣ безвинно содержатся семь человѣкъ. Единственный легальный путь досконально узнать суть этой рѣзко выдающейся исторіи—это посылка инкогнито какого-либо дѣятеля, который бы частнымъ, неоффиціальнымъ образомъ узналъ на самомъ пріискѣ эту исторію".

Осенью 1890 г., приговоромъ енисейскаго губернскаго суда была рѣшена участь 108 подсудимыхъ по этому дѣлу. Признавая ихъ виновными „въ явномъ противъ властей, правительствомъ установленныхъ, возстаніи, сопровождавшемся безпорядками и явнымъ насиліемъ по предварительному уговору" [1]), судъ постановилъ 4-хъ подсудимыхъ, по лишеніи правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на 15 лѣтъ каждаго; троихъ, уже лишенныхъ правъ состоянія, по наказаніи плетьми каждаго въ размѣрѣ 100 ударовъ, обратить въ каторжную работу на 20 лѣтъ, съ содержаніемъ въ разрядѣ испытуемыхъ въ теченіе 10 лѣтъ; 7 рабочихъ, по лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ тюрьму на 1 годъ и 3 мѣсяца; троихъ рабочихъ, по наказаніи плетьми каждаго по 27 ударовъ, обратить во временную работу на заводахъ на 1 годъ и 6 мѣс., 53 чел. заключить въ тюрьму на 4 мѣс., 11 чел.—наказать розгами по 75 ударовъ, 22-хъ—арестовать при полиціи на 1 мѣсяцъ и, наконецъ, 5 чел. наказать розгами по 25 ударовъ.

Барташевы, несмотря на то, что младшій изъ нихъ былъ главнымъ виновникомъ всего этого прискорбнаго происшествія, предъявили рабочимъ гражданскій искъ въ убыткахъ, причиненныхъ имъ пріостановкою работъ, провозомъ воинской команды, содержаніемъ 120 человѣкъ въ

[1]) Въ дѣлѣ о волненіи на Александровскомъ пріискѣ Енисейскаго округа (1890 г.) судъ не призналъ возстанія противъ установленныхъ правительствомъ властей, хотя и тамъ рабочіе первоначально отказывались давать показанія по одиночкѣ, и также вызванъ былъ на пріискъ военный отрядъ; вся разница въ томъ, что рабочіе Троицкаго пріиска посадили подъ арестъ казака Кузьмина и на нѣсколько дней прекратили работы, пока не будетъ найденъ ихъ избитый товарищъ.

теченіе 4-хъ дней, содержаніемъ лошадей и пропажею долговъ за арестованными рабочими, всего въ количествѣ 2.294 руб. Но губернскій судъ нашелъ, что указанныя истцомъ цифры ничѣмъ не доказаны, и постановилъ въ искѣ отказать.

С. П. сообщаетъ, что казакъ Кузьминъ, который былъ арестованъ во время волненія, за 10 дней до объявленія рабочимъ приговора суда былъ убитъ однимъ бѣжавшимъ съ пріиска, котораго онъ разыскалъ и вернулъ изъ бѣговъ. По словамъ С. П., Кузьмину „при розыскахъ бѣглыхъ иногда давался одинъ или два конюха, при помощи которыхъ онъ ловилъ, связывалъ веревкою и приводилъ на пріискъ своихъ плѣнныхъ, если ихъ было нѣсколько человѣкъ"; одиночекъ же онъ самъ возвращалъ на пріискъ. „Обыкновенно на мѣстѣ самой поимки Кузьминъ производилъ кулачную и нагаечную расправу съ бѣжавшимъ, въ видѣ предварительнаго дисциплинарнаго взысканія, ибо, по представленіи бѣглеца на пріискъ, его должны были драть розгами, при чемъ тотъ же самый Кузьминъ являлся счетчикомъ ударовъ".

П. О. Барташевъ умеръ, по словамъ С. П., „въ тотъ самый день, когда рабочимъ его пріиска было объявлено, что судебный приговоръ относительно ихъ вошелъ въ законную силу, и началась порка тѣхъ рабочихъ" изъ участвовавшихъ въ волненіи 1890 г., „которые все время оставались на свободѣ и даже продолжали служить у Барташева".

Въ заключеніе разсказа о волненіи 1890 г. на Троицкомъ пріискѣ мы приведемъ слова очевидца этого волненія, заимствуя ихъ изъ очерка С. П.: „Въ тотъ моментъ, когда я пишу о „безпорядкахъ", странно звучитъ въ моей душѣ это слово... Всѣ заявленія рабочихъ производились съ замѣчательною сдержанностью и выдержанностью: ни особеннаго шума, ни дракъ, ни ссоръ, ни ругани не было... Фактически, съ момента ареста Кузьмина до прибытія на пріискъ солдатъ, рабочіе занимали господствующее положеніе. Они могли дѣлать на пріискѣ все, что имъ было угодно, и перетрусившая администрація не могла оказать ровно никакого противодѣйствія. Они могли разграбить и сжечь пріискъ, совершить надъ кѣмъ угодно и какое угодно насиліе, разойтись съ пріиска въ разныя стороны, разбить каталажку въ Аскызѣ, обезоружить и перевязать солдатъ, и однако ничего подобнаго не было. Несмотря на то, что очень многіе уходили съ пріиска и довольно далеко, ни одинъ человѣкъ не бѣжалъ. Мало того,—они отказались отъ обычныхъ праздничныхъ удовольствій во время масляницы. Какого же еще порядка и какой дисциплины можно было требовать отъ нихъ? Вообще можно сказать, что рабочіе едва-ли когда нибудь вели себя болѣе порядочно, чѣмъ въ дни безпорядковъ, именующихся въ оффиціальныхъ бумагахъ страшнымъ словомъ „бунтъ". Все это, по моему мнѣнію, указываетъ на то, что рабочіе не имѣли никакихъ дурныхъ

цѣлей и побужденій, что если они и не руководились однимъ побужденіемъ оказать защиту несправедливо обиженному и жестоко наказанному товарищу, то во всякомъ случаѣ они желали воспользоваться этимъ фактомъ для того, чтобы хотя нѣсколько смягчить свое тяжелое положеніе и до извѣстной степени гарантировать себя отъ повторенія подобныхъ случаевъ, и что они видимо старались достигнуть своей цѣли вполнѣ мирными въ ихъ глазахъ и законными, по ихъ мнѣнію, средствами".

Въ Бирюсинской тайгѣ въ сентябрѣ 1894 г. на пріискахъ К° Рязановыхъ произошла поголовная стачка, какъ общеконтрактныхъ рабочихъ, такъ и золотничниковъ. Четыре года передъ тѣмъ у управляющаго К° Рязановыхъ Блохина и у покойнаго Токарева состоялось соглашеніе нанимать рабочихъ вмѣсто 11 по 20 сентября. При наемкѣ рабочіе не отвергли этого условія, такъ какъ на словахъ имъ объяснили, что если по состоянію погоды продолжать работы будетъ нельзя, то ихъ будутъ заканчивать 15 сент. Въ первые годы разсчетъ производился, какъ всегда, 11 сент., въ 1893 г.—12-го ч., а въ 1894 г. онъ былъ назначенъ на 20 число, а затѣмъ перенесенъ на 15-е, но 10-го вечеромъ общіе рабочіе, которыхъ было до 400 чел., забастовали и на протесты служащихъ отвѣчали насмѣшками, а иногда и ругательствами. Тогда управляющій вмѣсто 15-го назначилъ разсчетъ на 13-е число, но утромъ 11-го общіе рабочіе на работу не вышли и вслѣдъ за ними забастовали золотничники и вольностаратели, которыхъ было до 200 человѣкъ. Всѣ они явились толпою къ пріисковой конторѣ и требовали немедленнаго разсчета. Когда управляющій напомнилъ, что на основаніи контракта они должны будутъ заплатить штрафъ по 2 руб. въ день, рабочіе отправились къ горному исправнику, жившему напротивъ, на другой сторонѣ р. Бирюсы, который убѣждалъ ихъ выбрать для переговоровъ двухъ, трехъ толковыхъ человѣкъ. Но толпа шумѣла и требовала немедленнаго разсчета: на Бирюсѣ осень наступаетъ иногда внезапно и очень рано, и рабочіе заботятся всегда о томъ, чтобы до снѣга заблаговременно выбраться изъ тайги. Исправникъ составилъ протоколъ и попросилъ управляющаго, не вычитая съ нихъ неустойки, начать разсчитывать рабочихъ, что и было исполнено. Впрочемъ, на одномъ пріискѣ, отстоящемъ въ 35 верстахъ, довѣренный уговорилъ рабочихъ проработать и 11-е число. Во время разсчета рабочіе выражали еще неудовольствіе на сдѣланныя при этомъ ошибки, врывались въ контору и наконецъ разбили въ ней окна. 11 числа были разсчитаны всѣ общіе рабочіе, а 12-го золотничники [1]).

---

[1]) „Вѣстн. Золот." 1894 г., № 14, стр. 269; 1895 г., № 4, стр. 75—76. „Вост. Обоз." 1894 г., № 123—124; 1895 г., № 24.

Въ Олекминскомъ округѣ, въ 1873 г., на пріискѣ К° Арендаторовъ толпа пьяныхъ рабочихъ въ послѣдній день масляницы, по поводу арестованія одного изъ нихъ, ворвалась въ казачью и избила двухъ казаковъ; въ свалкѣ былъ убитъ и одинъ рабочій. Главные виновники буйства были отправлены въ якутскій острогъ, и дѣло передано въ тамошній окружной судъ, а три служившіе на этомъ пріискѣ казака удалены въ Иркутскъ и замѣнены другими [1]). Въ 1872 г., на олекминскихъ промыслахъ былъ случай, что рабочіе, вопреки договору, отказались перейти на другой пріискъ. Впрочемъ, исправникъ нашелъ, что „самая обстановка пріиска, не оправдавшая ожиданій хозяина и принесшая убытки вмѣсто барышей, играла не малую роль“ въ томъ упорствѣ, съ какимъ рабочіе отказались отъ перехода на другой пріискъ [2]). Начальникъ иркутскаго жандармскаго управленія, въ отчетѣ за 1873 г., жаловался на усиленіе „самовольства“ рабочихъ. „Въ послѣднее время,—писалъ онъ,—рабочіе на промыслахъ до того избаловались, слыша, что генералъ-губернаторъ Восточной Сибири“ (Синельниковъ) „принимаетъ отъ всѣхъ ихъ жалобы, что они знать не хотятъ никого изъ мѣстной полиціи, не вырабатываютъ своихъ уроковъ по условію, дерзки и позволяютъ себѣ самовольничать; такъ на Олекмѣ у Трапезниковыхъ безъ всякихъ причинъ въ прошломъ году не вышло на работу 200 человѣкъ“ [3]).

Несмотря, однако, на эти жалобы на усиленіе „самовольства“ рабочихъ, ихъ волненій на пріискѣ Олекминскаго округа въ указанное 25-лѣтіе было немного.

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 9.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2549, № 126—71, л. 464. На промыслахъ К° Сибирякова, Базанова и Нѣмчинова въ 1872 г. начальникъ казачьяго отряда арестовалъ одного бранившаго его рабочаго, но товарищи освободили его. На промыслахъ Трапезниковыхъ въ томъ же году не выходило самовольно на работы по 20, а иной разъ по 100 чел. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2544, № 48—103, л. 70, 73—74.

[3]) Въ 1873 г., на Николаево-Иннокентьевскомъ пріискѣ Пермикина случилось слѣдующее: одинъ изъ служащихъ, Ставискій, застрѣлился въ своей квартирѣ; кто-то сказалъ рабочимъ, что его убилъ другой служащій, Рейнгардъ. Толпа рабочихъ, возбужденная сочувствіемъ къ погибшему, который всегда обращался съ ними кротко, и ненавидя Рейнгарда за его грубость и взыскательность, нахлынула въ квартиру застрѣлившагося и требовала арестованія Рейнгарда для того, чтобы онъ не скрылся, пока не пріѣдетъ горный исправникъ. Когда же управляющій доказалъ имъ, что Рейнгардъ во время самоубійства Ставискаго былъ въ другомъ мѣстѣ, а докторъ потребовалъ, чтобы рабочіе не мѣшали оказывать пособіе застрѣлившемуся, такъ какъ онъ былъ еще живъ, то рабочіе мало-по-малу разошлись, оставивъ, впрочемъ, выборныхъ стеречь Рейнгарда. Но по пріѣздѣ исправника рабочіе заявили ему, что Рейнгардъ былъ причиною самоубійства Ставискаго. Во время пребыванія исправника на пріискѣ спокойствіе не нарушалось и работы шли обычнымъ порядкомъ, но тѣмъ не менѣе двое „главныхъ зачинщиковъ“ были отосланы въ Якутскъ для преданія суду. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 9—10, 339.

Въ 1876 г. произошло волненіе на пріискахъ Прибрежно-Витимской К° Сибирякова и Базанова. Въ 1874 г., промысловое управленіе образовало вольную команду изъ черкесовъ-поселенцевъ въ помощь разъѣзднымъ казакамъ для преслѣдованія спиртоносовъ и хищниковъ золота, и это было, „въ крайности за неимѣніемъ другихъ людей", разрѣшено горнымъ исправникомъ. 31-го іюля 1876 г., двое изъ этихъ разъѣздныхъ черкесовъ задержали въ лѣсу, въ трехъ верстахъ отъ Благовѣщенскаго пріиска Прибрежно-Витимской К°, рабочаго той же К°, крестьянина Якова Непомнящаго, который, по ихъ предположеніямъ, направлялся къ табору спиртоносовъ для обмѣна на спиртъ сахара и новыхъ шароваръ. Одинъ изъ черкесовъ остался въ лѣсу карауллить рабочаго; другой отправился на пріискъ и заявилъ о случившемся кордонному уряднику Петрову, который, отправившись съ 5-ю казаками, 3-мя черкесами и 2-мя служащими, наткнулся недалеко отъ мѣста задержанія рабочаго на шайку спиртоносовъ, которые, ранивъ выстрѣломъ изъ ружья въ лѣвую руку одного черкеса, сами разбѣжались, оставивъ пустую ведерную флягу изъ-подъ спирта. „По приводѣ задержаннаго рабочаго на пріискъ,—говоритъ мѣстный исправникъ въ донесеніи генералъ-губернатору Восточной Сибири,—команда рабочихъ Благовѣщенскаго пріиска, солидарная со спиртоносами и озлобленная дѣйствіями разъѣздной команды вообще и черкесовъ въ особенности, задержавшихъ въ послѣднее время значительное число спиртоносовъ со спиртомъ, собравшись около 9 час. вечера въ казачьей, стала требовать освобожденія арестованнаго рабочаго", при чемъ грозила уряднику Кузнецову и въ зданіи казачьей разбила нѣсколько стеколъ. Кузнецовъ, „опасаясь дурныхъ послѣдствій", освободилъ изъ-подъ ареста Непомнящаго, но команда рабочихъ все-таки избила „до полусмерти" одного черкеса и направилась къ квартирѣ находившагося на пріискахъ пайщика К°, Нѣмчинова. Горный исправникъ Поповъ, жившій на этомъ пріискѣ, пошелъ на встрѣчу рабочимъ, не желая допустить ихъ къ квартирѣ Нѣмчинова, находившейся рядомъ съ его собственной квартирой. Рабочіе потребовали немедленной высылки черкесовъ, жалуясь, что они не даютъ имъ проходу, обыскиваютъ ихъ въ лѣсу и проч. Исправникъ обѣщалъ на другой день сдѣлать распоряженіе объ увольненіи черкесовъ съ пріисковъ, но рабочіе, большинство которыхъ, если вѣрить исправнику, были нетрезвы, стали жаловаться на станового (управляющаго пріискомъ) Сюзева. При этомъ человѣкъ 100, отдѣлившись отъ остальныхъ, отправились, несмотря на наступленіе ночи, съ тѣми же требованіями къ Нѣмчинову, и тотъ обѣщалъ исполнить ихъ желаніе. Остальная толпа, собравшаяся съ двухъ смежныхъ пріисковъ, въ числѣ около 700 человѣкъ, начала уже было расходиться по казармамъ, но въ это время, часу въ 11 ночи, рабочіе увидѣли одного изъ

возвращавшихся изъ разъѣзда черкеса и сильно избили его, а онъ, защищаясь, ранилъ двухъ рабочихъ кинжаломъ. На другой день утромъ рабочіе спокойно отправились на работы, потребовавъ только, чтобы черкесовъ не было болѣе на пріискѣ, и чтобы становой Сюзевъ замѣненъ былъ другимъ, что и было немедленно исполнено.

Горный исправникъ и пріисковое управленіе старались убѣдить высшее начальство въ томъ, что все это волненіе вызвано исключительно желаніемъ рабочихъ ослабить надзоръ за тайнымъ проносомъ спирта на пріиски, такъ какъ, при крайне недостаточномъ количествѣ разъѣздныхъ казаковъ, 9 черкесовъ своею энергіею и храбростью весьма способствовали поимкѣ спиртоносовъ и задержанію значительнаго количества спирта (до 28 ведеръ), что крайне раздражало рабочихъ. „По слухамъ,—доносилъ исправникъ,—происшествіе это произошло по подстрекательству спиртоносовъ, озлобленныхъ противъ черкесовъ за ихъ смѣлость и отпустившихъ будто бы для этой цѣли въ команду рабочихъ спирту безъ денегъ, и хотя спокойствіе водворилось, но онъ не можетъ ручаться“ за дальнѣйшее его сохраненіе, „такъ какъ вокругъ пріисковъ бродятъ цѣлыя шайки вооруженныхъ спиртоносовъ“. Однако отправленный генералъ-губернаторомъ для производства слѣдствія маіоръ Грамотинъ указываетъ въ своемъ донесеніи иныя причины неудовольствія рабочихъ. „Изъ произведеннаго мною секретнаго дознанія о дѣйствительныхъ причинахъ неудовольствія рабочихъ на промысловое управленіе золотыхъ промысловъ Базанова и К° оказалось слѣдующее. Рабочіе претензій своихъ мнѣ, какъ слѣдователю, никакихъ на промысловое управленіе не заявили, за исключеніемъ 12 человѣкъ, которые претендуютъ за понесенное ими отъ горнаго исправника наказаніе вслѣдствіе неправильнаго заявленія служащаго, что они не хотятъ откачать изъ шахты воду, которую, какъ они показывали, послѣ не могла откачать даже паровая машина. Нѣкоторые изъ рабочихъ претендуютъ на служащаго станового смотрителя Сюзева за его грубое обращеніе съ ними. Человѣка два или три показали, что изъ цейхгауза отпускаютъ имъ плохія вещи и, несмотря на ихъ протестъ, не даютъ выбирать лучшія“; но это показаніе другіе рабочіе опровергли, говоря, что если какая-нибудь вещь окажется худою, то по заявленію рабочаго ее принимаютъ обратно въ магазинъ и даютъ взамѣнъ хорошую. „Главною причиною ихъ неудовольствія было несправедливо строгое обращеніе съ ними исправляющаго должность горнаго исправника Попова и черкесы, къ которымъ они положительно питаютъ ненависть. Частно я освѣдомился, что минувшею весною и зимою пріисковое управленіе, отпуская рабочимъ пищу, нерѣдко давало соленое мясо протухшее и худого качества, но на это рабочіе претензій мнѣ не заявляли. Мясо на промыслахъ есть въ настоящее время двухъ- и трехъ-годовалой засолки до

3 тыс. пуд., которое издаетъ отъ себя запахъ и худого качества. Вообще могу сказать,—на пищу рабочихъ на промыслахъ мало обращается вниманія. Мясо, даже зимою, дается въ пищу соленое. Куски хлѣба, остающіеся послѣ каждаго обѣда, отбираются, и если рабочіе ими кормятъ лошадей, на которыхъ они работаютъ, то таковыхъ, были примѣры, подвергали аресту, хотя они по здравому смыслу имѣли право располагать извѣстнымъ количествомъ хлѣба, каждому ежедневно отпускаемымъ. Въ ортахъ (подъ землею) въ минувшую зимнюю операцію работы за недостаткомъ свѣчъ освѣщались зажженною соломою, чрезъ что сильная копоть, издаваемая ею при горѣніи, вредно вліяла на дыхательные органы работавшихъ въ ортахъ, такъ что, спустя даже двѣ недѣли послѣ выхода съ этихъ работъ, рабочіе, какъ я слышалъ отъ нихъ, при отхаркиваніи выплевывали черную слюну; рабочіе, находясь въ ортахъ, покрывались сами и одежда ихъ толстымъ слоемъ сажи. Кромѣ того, цѣны на сахаръ, чай и масло существовали до ноября мѣсяца сего года разныя. Въ листикѣ рабочихъ (въ счетъ заработной платы) цѣны за эти припасы ставятся низшія, „на кассу же“ (т.-е. на наличныя деньги, получаемыя рабочими за подъемное золото) „отпускаются эти же предметы по цѣнѣ высшей“. Это дѣлается съ тою цѣлью, „чтобы какъ можно дешевле получить отъ рабочихъ подъемное золото, за которое они берутъ на кассу упомянутые предметы постоянно. Такъ, напримѣръ, цѣнность фунта чаю въ листикѣ записывается 1 р. 20 к., на кассу же 1 р. 40 к., и поэтому золото обходится владѣльцамъ золотникъ копѣекъ въ 40 или немного болѣе. Въ артеляхъ рабочихъ, для поддержанія внутренняго порядка между рабочими, со стороны рабочихъ нѣтъ выборныхъ. Нравственность большей части низшихъ служащихъ на промыслахъ немного разнится отъ нравственнаго состоянія рабочихъ, и вслѣдствіе этого рабочіе не питаютъ уваженія къ нимъ, а по этому самому въ глазахъ рабочихъ не могутъ заслужить того довѣрія и послушанія, какое требуется отъ рабочаго при извѣстной обстановкѣ. Часто служащіе, преимущественно завѣдующіе раздачею винныхъ порцій и матеріальные, неглижируютъ своею обязанностью и тѣмъ самымъ возбуждаютъ къ себѣ неудовольствіе и непріязнь рабочихъ. Кромѣ того я узналъ, что нѣкоторые изъ служащихъ, разыгрывая лотереи, привлекаютъ рабочихъ тѣмъ, что кто подпишетъ билетъ, тотъ выпиваетъ стаканъ вина; такъ въ прошломъ году одинъ служащій Аненгольмъ, разыгрывая лотерею, предложилъ одному рабочему“ подписаться на 40 билетовъ, по 2 р. за каждый, и рабочій, подписавшись на эти билеты, „каждый день пилъ водку отъ этого служащаго по стакану за каждый билетъ. По мнѣнію моему, рабочіе на промысловое управленіе едва ли покажутъ претензіи, если бы даже таковыя имѣли, такъ какъ они всѣ вообще заинтересованы богатымъ содержаніемъ золота на промыслахъ

Базанова и К°, съ которыхъ, при слабомъ надзорѣ, всегда имѣютъ полную возможность похищать золото; поэтому рабочій дорожитъ этими работами и не обращаетъ никакого вниманія на незавидную свою обстановку. Цѣль у нихъ единственная—украсть какъ можно болѣе золота, чѣмъ и вознаграждаютъ себя за всѣ лишенія на промысловыхъ работахъ. При этомъ рабочіе очень хорошо знаютъ, что если кто-либо изъ нихъ заявитъ претензію въ чемъ-нибудь, то промысловое управленіе его тотчасъ разсчитаетъ".

По полученіи этого донесенія, генералъ-губернаторъ, баронъ Фредериксъ, въ письмѣ къ одному изъ главныхъ пайщиковъ К°, И. И. Базанову, указалъ на причины недовольства рабочихъ и просилъ принять необходимыя мѣры для ихъ устраненія, чтобы не возбуждать безпорядковъ между рабочими. Въ своемъ отвѣтѣ Базановъ защищался очень слабо, заявилъ объ увольненіи главнаго уполномоченнаго К°, объ удаленіи Сюзева (или Слюзева, какъ онъ названъ въ другомъ мѣстѣ), признавая, что жалобы на его грубое обращеніе „въ нѣкоторой степени справедливы", что освѣщеніе соломой было допущено лишь въ видѣ опыта, и особенно настаивалъ на томъ, что положеніе рабочихъ на пріискахъ ихъ К° „нисколько не хуже, чѣмъ на другихъ" [1]).

Въ маѣ 1882 г., вновь произошли безпорядки на Благовѣщенскомъ пріискѣ той же К°. 19 мая, въ 8 ч. веч., нѣсколько рабочихъ подошли къ казачьей казармѣ и потребовали отъ дежурнаго Петрова, чтобы освободили изъ-подъ ареста рабочаго ихъ артели крестьянина Чумакина, арестованнаго исправляющимъ должность исправника Шахурдинымъ за то, что онъ, проходя пьяный мимо квартиры исправника, наигрывалъ на гармоникѣ. Петровъ отвѣчалъ, что безъ разрѣшенія исправника не можетъ освободить Чумакина; рабочіе стояли на своемъ; къ нимъ стали подходить товарищи изъ другихъ казармъ и образовалась толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Доложили Шахурдину, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ распорядиться, Петровъ освободилъ Чумакина,

---

[1]) Якутскій окружной судъ, разсмотрѣвъ дѣло о волненіи рабочихъ, опредѣлилъ: 1) 2 рабочихъ-поселенцевъ, „за участіе въ противодѣйствіи законной власти, заключавшемся въ требованіи освобожденія изъ-подъ ареста крестьянина Якова Непомнящаго, взятаго по распоряженію кордоннаго урядника Петрова, а одного изъ нихъ и за отлучку съ пріиска безъ письменнаго вида, наказать плетьми—одного 15 ударами, а другого 30 ударами, и обратить во временную работу на заводахъ на 3 года". 2) За буйство и нарушеніе общественной тишины 6 рабочихъ-крестьянъ подвергнуть аресту на 1 мѣсяцъ и одного на 7 дней, а двухъ поселенцевъ наказать розгами по 30 ударовъ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2578, № 215—269. Лѣтомъ 1881 г. рабочіе на Успенскомъ пріискѣ К° Промышленности однажды стали бросать въ окна и стѣны казачьей каменьями, требуя освобожденія арестованнаго пьянаго рабочаго. Безпорядокъ этотъ былъ прекращенъ безъ всякихъ послѣдствій. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 37—45, л. 260.

опасаясь усиленія безпорядковъ. Однако толпа этимъ не удовольствовалась и вызвала исправника. Когда явился Шахурдинъ (уже сдавшій свою должность сотнику Пащенко), рабочіе потребовали немедленнаго удаленія съ пріиска урядника Нѣмчинова и служащаго Милевскаго, грозя, что въ противномъ случаѣ они сами уберутъ ихъ. Шахурдинъ обѣщалъ исполнить ихъ желаніе, и толпа вскорѣ разошлась. Однако это обѣщаніе не только не было исполнено, но даже не было обращено вниманія на причины, вызвавшія требованіе рабочихъ.

На другой день утромъ одинъ изъ пріисковыхъ служащихъ обратился къ уряднику Нѣмчинову съ просьбою понудить выйти на работу 4 рабочихъ (тѣхъ самыхъ, которые наканунѣ первые потребовали освобожденія Чумакина). Нѣмчиновъ увидѣлъ, что эти рабочіе пьютъ въ казармахъ водку, „полученную ими на отливъ изъ пріискового кабака“ (т.-е. помѣщенія, гдѣ выдавались рабочимъ винныя порціи; продажа вина на пріискахъ запрещена). Рабочіе, укоряя служащаго въ стѣсненіи ихъ при назначеніи дней отдыха, отвѣчали уряднику, что въ казачью не пойдутъ, а если будутъ брать ихъ силою, то мало и 30-ти казаковъ, потому что этого не допустятъ товарищи по возвращеніи съ работъ. Принявшій должность исправника сотникъ Пащенко приказалъ Нѣмчинову, взявъ нѣсколько казаковъ, арестовать рабочихъ. Нѣмчиновъ засталъ ихъ въ казармѣ спящими; пока связывали одного, другой, проснувшись, закричалъ: „ребята, насъ берутъ, беритесь за инструменты!“ и схватилъ кайлу, но она была отнята казаками. Троихъ рабочихъ связали, а одинъ успѣлъ бѣжать. Связанные кричали: „насъ берутъ, помогите“! Рабочіе стѣснили казаковъ, которые уводили арестованныхъ, и развязали рабочихъ, несмотря на то, что урядникъ отмахивался даже шашкою (одинъ рабочій толкнулъ его ногою въ животъ). Когда явился Пащенко, онъ ударилъ одного изъ арестованныхъ по щекѣ, трое рабочихъ были вновь задержаны, закованы въ ножныя кандалы и посажены въ карцеръ [1]), а четвертый бѣжалъ. При заковываніи арестованные говорили уряднику Нѣмчинову: „напрасно куете, недолго посидимъ, вѣдь одинъ на волѣ“; или: „куйте, куйте, до вечера только!“ Одинъ изъ зрителей сказалъ Пащенку: „напрасно ихъ арестуете, худо можетъ быть“! Уже съ полудня рабочіе стали играть въ орлянку и карты между казармами въ виду казачьей, чего прежде не бывало, но казаки не трогали ихъ, боясь повторенія безпорядковъ.

Въ тотъ же день, часовъ въ 7—8 вечера, рабочіе, какъ бы по уговору, стали собираться въ казачьей, при чемъ избѣжавшій ареста рабочій кричалъ: „бей въ колокола!“ Быстро собралась толпа въ нѣсколько

---

[1]) Производившій слѣдствіе по этому дѣлу чиновникъ Осташкинъ считалъ эту мѣру незаконною.

сотъ человѣкъ, изъ которой раздавались голоса: „за что заковали нашихъ, какое имѣете право?“ и т. п. Рабочіе настаивали на освобожденіи арестованныхъ, но урядникъ Нѣмчиновъ требовалъ, чтобы толпа разошлась, грозя въ противномъ случаѣ, что будутъ стрѣлять. Рабочіе разсвирѣпѣли, налегли на казаковъ, стоявшихъ въ коридорѣ своей казармы; тѣ въ заднія двери выбѣжали на улицу, а рабочіе съ крикомъ „ура“ ворвались въ казачью, смяли нѣкоторыхъ казаковъ и гнались за ними. Въ это время къ толпѣ подъѣхалъ верхомъ Пащенко. Рабочіе моментально окружили его, сбросили съ лошади и начали бить [1]). Одинъ рабочій попробовалъ-было защитить Пащенка, но, получивъ ударъ по головѣ, едва успѣлъ скрыться. Наконецъ раздались крики: „бросьте, бросьте!“ Рабочіе перестали бить Пащенка, и онъ, оборванный, безъ фуражки, всталъ и пошелъ въ казачью. Рабочіе бросились за нимъ туда, требуя освобожденія закованныхъ, опять начали бить его, а другіе стали ломать двери карцера. Избивъ не только Пащенка, но и казаковъ, и освободивъ всѣхъ арестованныхъ, толпа бросилась въ квартиру служащаго Милевскаго и, ища его, разбила шкафъ. Встрѣтивъ управляющаго К° Промышленности (соединенной съ Прибрежно-Витимской), Стрижева, рабочіе стали жаловаться на побои отъ казаковъ и неправильный арестъ ихъ товарищей, просили удалить урядника Нѣмчинова и служащаго Милевскаго [2]), отъ которыхъ они терпятъ обиды, жаловались на сокращеніе винныхъ порцій уполномоченнымъ Серебренниковымъ, на непринятіе больныхъ въ больницу, на грубое обращеніе фельдшера. Наконецъ, успокоенные, при участіи промысловаго священника [3]), обѣщаніемъ управляющаго разобрать ихъ претензію, рабочіе разошлись по казармамъ. Во время волненія урядникъ Нѣмчиновъ скрывался въ квартирѣ одного служащаго, а Милевскій—въ церкви; въ часъ ночи оба они были

---

[1]) На пріискахъ этой К° мы слышали отъ одного стараго служащаго, что рабочіе начали наносить удары Пащенку вслѣдствіе того, что, въѣхавъ въ толпу, онъ сталъ бить рабочихъ шашкою плашмя.

[2]) Жалуясь на грубость Милевскаго, рабочіе приводили такой фактъ: когда убило одного изъ нихъ вагонами, Милевскій сказалъ: „пускай давитъ хоть всѣхъ васъ“. Оказалось, что слѣдствія о причинахъ смерти этого рабочаго своевременно произведено не было.

[3]) Когда священникъ предложилъ рабочимъ выбрать депутатовъ для переговоровъ и объясненій, тѣ отвѣчали: „депутатовъ нашихъ сотрутъ и уничтожатъ, не дадутъ имъ и сказать, засудятъ какъ бунтовщиковъ“. На предложеніе искать суда и защиты у высшаго начальства они возражали: „до Бога высоко, а до царя далеко; пока дойдетъ наша жалоба до начальства, насъ всѣхъ выгонятъ“. На вопросъ, почему они не предъявляли претензій своему управляющему, рабочіе отвѣчали, что теперь онъ не имѣетъ никакого значенія, а есть выше его—„добавочный“ (такъ прозвали они уполномоченнаго Серебренникова). Когда священникъ спросилъ, зачѣмъ они избили исправника, рабочіе сказали: „а если насъ бьютъ и рѣжутъ, это ничего?“

отправлены на Бодайбинскую резиденцію (въ 40 верстахъ на рѣкѣ Витимѣ). По осмотрѣ пострадавшихъ пріисковымъ врачемъ, оказалось, что Пащенку нанесены побои, раны, ссадины и ушибы, принадлежащіе не къ тяжелымъ поврежденіямъ, а шести казакамъ—маловажные легкіе побои, которые не могутъ имѣть вліянія на ихъ здоровье. У Пащенка во время свалки были утащены казенныя деньги—371 руб.

Слѣдствіе по поводу этого волненія поручено было чиновнику особыхъ порученій Главнаго Управленія Восточной Сибири Осташкину. Слѣдователь, чтобы узнать дѣйствительныя причины безпорядковъ, предложилъ рабочимъ Благовѣщенскаго пріиска выбрать изъ среды своей довѣренныхъ. Выборные указали на слѣдующія причины безпорядковъ: 1) жестокое обращеніе съ рабочими урядника Нѣмчинова; 2) отнятіе винныхъ порціи по распоряженію уполномоченнаго Серебренникова и требованіе имъ работы въ большомъ размѣрѣ; 3) грубое обхожденіе съ рабочими смотрителя Милевскаго и фельдшера, который не обращаетъ вниманія на болѣзненное состояніе рабочихъ, за исключеніемъ наружныхъ болѣзней. Увеличеніе числа неявляющихся на работы (такъ называемыхъ „самовольно-льготныхъ“) послѣ 20-го мая произошло вслѣдствіе побѣговъ рабочихъ въ горы, откуда они боятся явиться, такъ какъ между ними распространился слухъ, что придетъ военная сила и начнутся экзекуціи. Указывали также на то, что ихъ дорожные расходы во время путешествія на пріискъ (плата за подводы, выдача одежды и обуви) производятся повѣреннымъ управленія безъ всякаго контроля со стороны рабочихъ, отчего и накопляются громадные долги (дорожные расходы рабочихъ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской были дѣйствительно чрезвычайно велики). „Задолживъ рабочаго долгомъ отъ 300 до 350 руб., промысловое управленіе что хочетъ, то съ нимъ и дѣлаетъ. Если обиженный несправедливостью рабочій принесетъ жалобу на меньшихъ служащихъ старшему, то его... разсчитаютъ, какъ грубіяна“ [1]). Въ случаѣ досрочнаго разсчета рабочій оказывается въ безвыходномъ положеніи: ему приходится идти домой пѣшкомъ, безъ гроша денегъ, и кормиться милостыней или дѣлать ради куска хлѣба преступленія, потому что разсчитаннаго съ долгомъ рабочаго другіе золотопромышленники не нанимаютъ, а по городамъ и селамъ жить не дозволяютъ. Жалобы отъ рабочихъ исправнику также преслѣдуются управленіемъ. Разсчетъ рабочихъ, убившихъ здоровье на

---

[1]) Эти слова рабочихъ подтверждаются показаніемъ уполномоченнаго Серебренникова. Когда однажды къ нему явился рабочій съ жалобою на служащаго Милевскаго, то Серебренниковъ просилъ конторщика Потапова разобрать дѣло и сообщить ему, но рабочій, вмѣсто всякаго разбирательства, былъ немедленно разсчитанъ и высланъ съ пріиска.

тяжелыхъ пріисковыхъ работахъ, здѣсь вещь обыкновенная“ [1]). „До пріѣзда уполномоченнаго Серебренникова рабочимъ давались извѣстнаго размѣра урки (уроки) и за выработку ихъ полагалась (винная) порція. Съ пріѣздомъ уполномоченнаго все измѣнилось... На трудной къ выработкѣ почвѣ ставилось два, а въ мокрыхъ просѣчкахъ одно огниво; уполномоченный истребовалъ выработки болѣе, какъ бы работа производилась на удобной почвѣ, убавивъ въ то же время лошадей и людей. Явилась недоработка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лишеніе порцій. Управляющій Жарковъ 20-го мая самъ говорилъ: „я вами, ребятушки, доволенъ, у меня всегда исправно работали, я давалъ уроки, какіе возможно было выработать, и давалъ порціи, а послѣ все передѣлалъ уполномоченный». Рабочіе постоянно болѣютъ, находясь лѣтомъ на солнопекѣ или подъ дождемъ въ грязи, а зимою въ морозы въ шахтѣ, такъ что одежда ихъ къ концу рабочаго дня превращается въ ледяную кору, а тутъ на горе болѣзни не вѣрятъ, лишаютъ крючка водки, служившаго поддержкою силъ рабочаго“.

Между управляющимъ Жарковымъ и уполномоченнымъ Серебренниковымъ были серьезныя несогласія, что̀ и обнаружилось въ ихъ показаніяхъ на слѣдствіи. Промысловое управленіе заявило, что Милевскій навлекъ на себя неудовольствіе рабочихъ съ тѣхъ поръ, какъ, будучи смотрителемъ развѣдочныхъ штоленъ и просѣчекъ, ему пришлось исполнять разныя личныя распоряженія Серебренникова, напр., увеличивать уроки и уменьшать порцію вина. Управляющій Жарковъ показалъ, что рабочіе хотя и исполняли приказанія Серебренникова, но не вполнѣ и постоянно роптали, а Серебренниковъ не обращалъ на это вниманія. Серебренниковъ заявилъ, что, прибывъ въ концѣ 1881 г. на Благовѣщенскій пріискъ, онъ нашелъ большіе непорядки и распущенность служащихъ и рабочихъ, старался уменьшить развившееся среди послѣднихъ пьянство, а главное помѣшать подрядчикамъ скупать золото и вещи на водку и продавать водку, пріобрѣтаемую ими за доставку лѣсныхъ матеріаловъ отъ промысловаго управленія, но на требованіе измѣненій существующаго порядка получалъ отвѣтъ, что это породитъ неудовольствіе рабочихъ и служащихъ. „Настойчивое требованіе Серебренникова объ улучшеніи пріисковаго управленія породило совершенный разрывъ въ обоюдныхъ дѣйствіяхъ его съ управляющимъ Жарковымъ. Этотъ разладъ между главными лицами пріисковаго управленія перехо-

---

[1]) Буквально то же относительно „разсчета рабочихъ, убившихъ здоровье на тяжелыхъ пріисковыхъ работахъ“, повторяетъ и слѣдователь Осташкинъ... „Заболѣлъ рабочій,—продолжаетъ онъ,—разъ-два побывалъ въ больницѣ, и если докторъ найдетъ, что здоровье плохо и работникъ ненадеженъ, то такого разсчитываютъ, и, не снабжая никакими пособіями, отправляютъ на Ленскую резиденцію“.

дилъ отъ старшаго къ младшему и, наконецъ, къ рабочимъ, которые, видя неустойчивыя распоряженія, касающіяся ихъ быта, условія работы и вознагражденія за труды, стали своими своевольными дѣйствіями требовать такихъ порядковъ, которые считали для себя болѣе выгодными". Серебренниковъ не отрицалъ увеличенія имъ урока въ мокрыхъ развѣдочныхъ просѣчкахъ, но увѣрялъ, что въ этихъ мѣстахъ была слишкомъ незначительная выработка... Онъ „предложилъ ввести отвозку земли лошадьми вмѣсто ручной откатки,—это значительно облегчило трудъ, но выработка нисколько не увеличилась отъ этого", и увеличить ее рабочіе не захотѣли. Онъ просилъ предложить работать развѣдочную шахту за двойную плату и съ прибавкою винныхъ порцій, но ему сказали, что рабочіе отказались, объявивъ, что въ водкѣ не нуждаются. Въ виду мокроты въ развѣдочной штольнѣ, „выдавалось не меньше 3-хъ винныхъ порцій на человѣка, а въ развѣдочныхъ просѣчкахъ не меньше одной, двухъ порцій, между тѣмъ при ортовой, подземной работѣ выдавалось обыкновенно только по одной порціи на человѣка ежедневно". Лишать порцій онъ приказалъ за своевольство, ослушаніе и отказъ выполнить урокъ, такъ какъ „лишеніе винныхъ порцій, вполнѣ зависящихъ отъ усмотрѣнія управленія, представляется единственною мѣрою наказанія, доступною промысловому управленію, и практикуется на всѣхъ промыслахъ, практиковалось раньше и на Благовѣщенскомъ пріискѣ".

Управляющій Жарковъ по поводу показанія Серебренникова замѣтилъ, что требованіе его объ увеличеніи уроковъ „въ мокрыхъ просѣчкахъ развѣдочной штольни было согласно съ контрактомъ, но невыполнимо по трудности работъ". Выдачу водки на отливъ за подъемное золото Серебренниковъ считалъ мѣрою въ высшей степени вредною [1]). Слѣдователь Осташкинъ также нашелъ, что „на каждомъ пріискѣ существуетъ почти форменный кабакъ", и надъ этимъ виннымъ хозяйствомъ нѣтъ никакого

---

[1]) „При существующихъ порядкахъ совершенно немыслимъ какой-либо контроль за подъемнымъ золотомъ, и никто не можетъ сказать, что все золото поступаетъ въ собственность золотопромышленника. Подъемное или хищническое золото крадется рабочими большею частью во время работъ, при добычѣ и развѣдкѣ золотосодержащаго пласта. Настоящій порядокъ... вызываетъ ропотъ и нареканія рабочихъ на отдѣльныхъ служащихъ, которымъ приходится распредѣлять рабочихъ по забоямъ на золотосодержащій пластъ. Полной справедливости въ этомъ отношеніи достигнуть положительно невозможно". Но слѣдователь справедливо замѣтилъ, что „хищничествомъ заставляетъ рабочаго заниматься незначительная плата, опредѣленная за работу". Чтобы прекратить его, „нужно увеличить заработную плату". „Восточное Обозрѣніе" (1883 г. №№ 9 и 25) высказалось въ пользу Серебренникова и объяснило все волненіе интригами старыхъ служащихъ. Онъ былъ несомнѣнно правъ въ своемъ недовольствѣ виннымъ хозяйствомъ и другими пріисковыми безобразіями, но въ то же время онъ раздражилъ рабочихъ требованіемъ болѣе напряженной работы.

контроля. Записки на полученіе водки выдаются многими служащими безотчетно. Эти записки служатъ ходячей монетой между рабочими, на нихъ играютъ въ карты, скупаютъ золото и дѣлаютъ всякія другія аферы". Слѣдователь прямо предъявилъ эти обвиненія и управленію Благовѣщенскаго пріиска. Въ оффиціальной бумагѣ, отъ 13 іюля 1882 г., онъ написалъ этому управленію слѣдующее: „на общемъ собраніи промысловой администраціи подтвердилось, что на пріискахъ идетъ торговля хозяйскою водкою, что служащіе по меньшей мѣрѣ расплачиваются водкою за разныя услуги, что подрядчики торгуютъ отъ васъ же полученною водкою, словомъ, на пріискахъ существуютъ худшаго рода спиртоносы,—спиртоносы своего собственнаго фабриканта, надъ которыми не можетъ быть никакого контроля".

Во время слѣдствія о волненіи рабочихъ на Благовѣщенскомъ пріискѣ оказалось также, что служащій Шнейдеръ разыгрывалъ между рабочими неразрѣшенную лотерею въ 400 р. На запросъ слѣдователя пріисковое управленіе отвѣчало, что, узнавъ о лотереѣ, оно приказало „арестовать" ее, что̀ и было исполнено урядникомъ, деньги съ лотерейнымъ листомъ представлены въ контору и частію возвращены рабочимъ на руки, частію записаны имъ въ разсчетные листы.

Слѣдователь обратилъ также вниманіе на то, что пріисковое управленіе подвергало штрафамъ наравнѣ съ контрактными рабочими и такихъ, съ которыми не было заключено контрактовъ, хотя и не имѣло на это права. Наказанія за маловажные поступки рабочихъ налагались не артельною расправою, какъ это предписано было Уставомъ о частной золотопромышленности, а пріисковою полиціею, при чемъ урядникъ Нѣмчиновъ, по его собственному сознанію, обыкновенно подвергалъ рабочихъ наказанію по требованію пріисковыхъ служащихъ (см. гл. VI, стр. 443).

Слѣдователь нашелъ также нужнымъ замѣтить въ протоколѣ, что 1) „наемка рабочихъ на промысла довѣренными К°, разсчетъ на мѣстѣ и записка заслугъ (заработка) не соотвѣтствуютъ ни пользѣ работника, который не принимаетъ никакого участія въ дорожныхъ расходахъ, производимыхъ на его счетъ довѣреннымъ отъ управленія, ни требованію закона, на основаніи котораго не допускаются такіе большіе задатки, которые ставятъ рабочаго должникомъ на продолжительный срокъ, тѣмъ болѣе, что контрактъ, заключаемый съ рабочими людьми, односторонне обязываетъ только рабочихъ, а промысловому управленію предоставляетъ право дѣлать съ рабочими, что хочетъ: а) во всякое время уволить безъ законнаго къ тому повода, лишивъ тѣмъ возможности найти другую работу; б) разсчитать больного, потратившаго здоровье въ тяжелой пріисковой работѣ; в) поставить рабочаго на такую работу, которою не окупится не только полученный задатокъ, но едва можетъ покрыться

выписка, т.-е. получаемое рабочими изъ амбара компаніи (одежда, обувь и припасы—чай, масло и т. п.), необходимое для улучшенія пищи; г) можетъ разсчитать за справедливую жалобу на служащихъ,—словомъ, рабочій не можетъ ручаться, что на завтрашній день будетъ имѣть работу и заработокъ. 2) Что промысловые рабочіе деморализуются: вблизи промысловъ, подъ разными предлогами, проживаетъ масса людей, мнимые золотопромышленники и подрядчики, ютящіе у себя отребье витимской и олекминской тайги. 3) Зданія больницы (главной) и казармъ рабочихъ далеко не соотвѣтствуютъ своему назначенію: больница низка и тѣсна, что должно печально отзываться на больныхъ, особенно въ зимнее время [1]), а казармы до того неудобны, что по заявленію, сдѣланному врачемъ Рабиновичемъ, только вызываютъ въ рабочихъ цынготныя и простудныя болѣзни, при чемъ сухость воздуха отъ желѣзныхъ печей въ зимнее время тоже скверно вліяетъ на здоровье помѣщающихся въ казармахъ людей. Слѣдователь указалъ также на то, что пищевое довольствіе рабочихъ дурно организовано; по наблюденіямъ пріискового врача Рабиновича, рабочій изъ отпускаемаго управленіемъ ежедневно $1^1/_2$ ф. мяса на человѣка получалъ въ дѣйствительности въ вареной пищѣ только 55 золотниковъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что Осташкинъ внимательно отнесся къ производству порученнаго ему слѣдствія и не скрылъ дурныхъ сторонъ въ положеніи рабочихъ крупной, богатой компаніи.

Получивъ слѣдственное дѣло о безпорядкахъ на Благовѣщенскомъ пріискѣ, генералъ-губернаторъ Вост. Сибири, Анучинъ, препроводилъ его къ якутскому губернатору съ предписаніемъ предать суду арестованныхъ и отправленныхъ въ Якутскъ рабочихъ, а также не назначать ни на какія обязанности по золотымъ промысламъ хорунжаго Шахурдина, сотника Пащенко и урядника Нѣмчинова [2]).

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ позднѣе на промыслахъ КК° Промышленности и Прибрежно-Витимской выстроена новая роскошная больница.

[2]) Осенью 1883 г. якутскій окружной судъ постановилъ слѣдующій приговоръ: 5 рабочихъ лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, одного на 8 лѣтъ (несовершеннолѣтняго), одного на 10 лѣтъ и трехъ на 12 лѣтъ; 2-хъ ссыльно-поселенцевъ въ каторжныя работы на 14 лѣтъ съ наказаніемъ одного изъ нихъ 10-ю ударами плетьми; 2-хъ рабочихъ лишить всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и, взамѣнъ отдачи въ исправительныя арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства на $1^1/_2$ года, заключить въ тюрьму съ уменьшеніемъ срока на основаніи манифеста 15 мая 1883 г. на одну треть; наконецъ, нѣсколько человѣкъ было оставлено въ сильномъ подозрѣніи. О противозаконныхъ дѣйствіяхъ урядника Нѣмчинова и исправлявшаго должность горнаго исправника Витимской системы сотника Пащенко судъ постановилъ составить краткую записку и представить ее якутскому губернатору для должнаго съ его стороны распоряженія. Кромѣ наказанныхъ по суду, по распоряженію Осташкина, было выслано 20 человѣкъ

Въ 1883 г., были опять нѣкоторыя замѣшательства на промыслахъ той же К° Базанова, Сибирякова и Нѣмчинова, о которыхъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія въ донесеніи начальника иркутскаго жандармскаго управленія. Прибывъ 22-го іюня на Благовѣщенскій пріискъ, онъ узналъ, что на промыслахъ Витимской системы уже извѣстно о совершеніи торжества коронованія Ихъ Величествъ. Въ виду этого и „для прекращенія различныхъ толковъ по случаю замедленія празднованія дня коронованія на пріискахъ Базанова, Нѣмчинова и Сибирякова", управляющій этихъ пріисковъ рѣшилъ дать рабочимъ 9-го іюня, послѣ молебствія, общій отдыхъ, „такъ какъ распоряженій по этому случаю отъ якутскаго губернатора въ скоромъ времени не ожидалось". Между тѣмъ отлучившійся съ Благовѣщенскаго пріиска на Бодайбинскую резиденцію священникъ сообщилъ о своемъ нездоровьѣ и о томъ, что не можетъ пріѣхать въ назначенное время на пріискъ для совершенія молебствія. Узнавъ объ этомъ, часть рабочихъ Успенскаго пріиска стала настоятельно просить о предоставленіи имъ давно ожидаемаго и обѣщаннаго дня отдыха, и во избѣжаніе безпорядковъ было рѣшено дать 9-го іюня общій отдыхъ на Благовѣщенскомъ и Успенскомъ пріискахъ, хотя на первомъ изъ нихъ въ этотъ день рабочіе и не прочь были идти на работу. Такимъ образомъ, 9-го іюня порядокъ нарушенъ не былъ, при чемъ рабочіе получили по 2 винныхъ порціи и улучшенную пищу.

27-го іюня, горный исправникъ получилъ отъ якутскаго губернатора предписаніе о совершеніи молебствія и празднованіи дня коронованія. На Благовѣщенскомъ пріискѣ молебствіе было совершено утромъ 29-го іюня, и во время его было все спокойно, но послѣ него кто-то сталъ распускать въ толпѣ слухъ, что на пріискахъ полученъ манифестъ, который будто бы скрывается мѣстными властями. Увѣренія священника въ лживости этихъ слуховъ повидимому успокоили рабочихъ, и они разошлись. Въ этотъ день рабочимъ обоихъ пріисковъ былъ вновь предоставленъ отдыхъ и угощеніе.

Но около 10 ч. вечера въ тотъ же день толпа рабочихъ, человѣкъ въ 50, большею частью пьяныхъ, подойдя къ квартирѣ управляющаго Аненгольма, стала требовать отдыха и на третій день, ссылаясь на повсемѣстное празднованіе коронаціи въ теченіе этого времени. Толпу уговаривали священникъ, командиръ казачьяго отряда, исправникъ и управляющій, при чемъ послѣдніе два указывали на то, что они не могутъ удовлетворить просьбы рабочихъ, такъ какъ не имѣютъ на то распо-

---

этапнымъ порядкомъ, но, безъ сомнѣнія, сверхъ того, масса рабочихъ была внесена въ списки не подлежащихъ наемкѣ. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2766, № 47—39; срав. Арх. К° Промыш., дѣло Прибрежно-Витимской К°, № 1156, дѣло Арх Витим. Горн. Испр. 1883 г., № 92.

ряженія отъ якутскаго губернатора и отъ главнаго распорядителя дѣлъ компаніи. Начальникъ иркутскаго жандармскаго управленія совѣтовалъ дать рабочимъ третій день отдыха, но исправникъ и управляющій отнеслись къ этому уклончиво, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, всякая уступка рабочимъ повлечетъ за собою цѣлый рядъ новыхъ претензій. Начальникъ жандармскаго управленія болѣе часа старался успокоить рабочихъ и убѣдить ихъ разойтись по казармамъ, при чемъ они, кромѣ просьбы о лишнемъ днѣ отдыха, высказывали различныя жалобы на служащихъ и заявляли подозрѣнія, что манифестъ скрывается отъ нихъ мѣстнымъ начальствомъ. Начальникъ жандармскаго управленія предложилъ рабочимъ прислать къ нему на другой день выборныхъ изъ своей среды для предъявленія своихъ жалобъ и пожеланій, и вскорѣ послѣ того рабочіе разошлись. На другой день выборные не явились, и большинство рабочихъ Благовѣщенскаго пріиска на работу не пошло, между тѣмъ какъ на Успенскомъ пріискѣ работы шли обычнымъ порядкомъ. Тогда начальникъ жандармскаго управленія, увидя изъ предъявленнаго ему горнымъ исправникомъ предписанія якутскаго губернатора, что въ немъ ничего не упоминается относительно числа дней празднованія коронаціи, разрѣшилъ, по соглашенію съ горнымъ исправникомъ, всѣмъ рабочимъ на пріискахъ Витимской системы праздновать коронацію въ теченіе трехъ дней, по примѣру Иркутской губерніи, и сообщилъ о томъ съ нарочнымъ горному исправнику Олекминской системы. Вслѣдствіе принятаго рѣшенія, рабочимъ Успенскаго пріиска былъ данъ третій день отдыха 1-го іюля, такъ какъ они работали наканунѣ, команда же Благовѣщенскаго пріиска должна была въ этотъ день идти на работы. Затѣмъ начальникъ жандармскаго управленія разсказалъ рабочимъ Благовѣщенскаго пріиска, какимъ порядкомъ будетъ полученъ на пріискахъ и обнародованъ манифестъ, предостерегая ихъ отнюдь не истолковывать самовольно милостей, объявленныхъ въ этомъ манифестѣ, которыя своевременно будутъ имъ разъяснены и объявлены мѣстнымъ начальствомъ, и вслѣдъ затѣмъ, по соглашенію съ горнымъ исправникомъ, 44 чел. рабочихъ, замѣченныхъ въ томъ, что они подстрекали своихъ товарищей не выходить на работу 30-го іюня и прежде дурно вели себя, были разсчитаны пріисковымъ управленіемъ. На Успенскомъ пріискѣ еще ранѣе было разсчитано 10 человѣкъ, которые подстрекали не выходить на работу 9-го іюня. Начальникъ жандармскаго управленіи сказалъ рабочимъ обоихъ пріисковъ, что третій день празднованія коронаціи былъ бы имъ предоставленъ, и что никто не имѣлъ бы права лишить ихъ третьяго дня отдыха (мы видѣли, что горный исправникъ и пріисковое управленіе именно хотѣли это сдѣлать), но что „для этого не слѣдовало самовольничать, вызывая тѣмъ волненія и безпорядки среди своихъ товарищей“.

Въ 1884 г., 8-го и 9-го апрѣля, происходили небольшіе безпорядки на пріискѣ Чаринскаго золотопромышленнаго Т-ва Олекминскаго округа. 8-го апрѣля, рабочіе собрались толпами къ помѣщенію пайщика К° купца Аллакова, требовали увеличенія количества винныхъ порцій и удаленія служащаго Сурея, при чемъ избили его. На другой день нѣкоторые изъ рабочихъ разыскивали машиниста Сутягина, вслѣдствіе того, что онъ избилъ одного конюха, и при этомъ вышибли оконную раму въ помѣщеніи служащихъ, чтобы вытащить оттуда Сутягина, не слушались полицейскаго урядника, угрожали разбить зданіе, гдѣ жили казаки, если кто-нибудь будетъ арестованъ, и избили одного караульнаго.

Въ 1888 г., какъ видно изъ отчета горнаго исправника витимской системы Олекминскаго округа, произошло „возмущеніе“ рабочихъ на Прокопьевскомъ пріискѣ Бодайбинской К° противъ казачьей команды, при чемъ были побиты двое казаковъ [1]). Въ отчетѣ исправника почему-то не упоминается о волненіи въ этомъ году на пріискахъ К° Базанова, Нѣмчинова и Сибиряковыхъ, о которыхъ мы узнаемъ лишь изъ письма того же горнаго исправника къ начальнику иркутскаго горнаго управленія. Въ письмѣ этомъ онъ говоритъ, что „въ мартѣ мѣсяцѣ случились крупные безпорядки между рабочими на промыслахъ сибиряковскихъ“, въ которыхъ, по мнѣнію исправника, „было виновато все управленіе“. „Я не раздувалъ этого дѣла,—прибавляетъ онъ,—но тогда же намѣтилъ до 72 человѣкъ для немедленнаго выдворенія изъ тайги“. Въ виду того, что дорога въ это время испортилась, рѣшено было, что они будутъ дожидаться на Бодайбинской резиденціи. Вслѣдъ затѣмъ,—продолжаетъ исправникъ,—покойникъ Пеньевскій заявилъ золотничныя работы на своихъ промыслахъ, что побудило многихъ рабочихъ Бодайбинской К° и сибиряковскихъ пожелать нарушить контракты и идти въ олекминскую тайгу: я тотчасъ же приказалъ урядникамъ всякаго рабочаго, желающаго увольненія, представлять ко мнѣ на Бодайбо, а симъ послѣднимъ объявилъ, что они будутъ выдворены въ Киренскъ. Эта мѣра оказалась крайне дѣйствительною, и всякое движеніе рабочихъ сразу прекратилось“.

Въ 1893 г., какъ мы слышали отъ бывшаго окружного инженера Олекминскаго округа, были безпорядки на пріискахъ мѣстнаго золотопромышленника Плетюхина, пріобрѣвшаго печальную извѣстность безцеремонною эксплоатаціей рабочихъ. Вскорѣ затѣмъ на этихъ пріискахъ былъ якутскій губернаторъ, который и заставилъ Плетюхина измѣнить его прежній, совершенно противозаконный контрактъ.

Въ 1894 г. произошло волненіе на Прокопьевскомъ пріискѣ Ви-

[1]) Арх. Витим. Горн. Испр.

тимской системы Ленскаго горнаго округа. Поводомъ къ нему послужило то, что въ котелкѣ, въ которомъ была принесена пища для одной группы рабочихъ, найдена была заячья лапка. Рабочіе не вышли на работу, жалуясь на небрежность въ приготовленіи пищи, и вмѣстѣ съ тѣмъ требовали смѣны двухъ служащихъ, которыхъ они не любили. Разслѣдованіе показало, что лапка была не обварена и что слѣдовательно въ общемъ котлѣ ея не было. Волненіе продолжалось всего одинъ день; зачинщики были отправлены къ горному исправнику для выдворенія изъ тайги. Управленіе отказалось исполнить требованіе рабочихъ относительно увольненія двухъ служащихъ, но въ слѣдующую операцію одинъ изъ нихъ былъ разсчитанъ, а другой переведенъ на иную должность [1]).

Въ Забайкальской области въ 1873 г. произошло волненіе на Ново-Александровскомъ пріискѣ К° Сабашникова Нерчинскаго округа. Часть рабочихъ (90 чел.) оставили работы и отправились въ г. Читу принести жалобу областному начальству на неправильныя дѣйствія промысловаго управленія относительно продовольствія, работъ и платы за нихъ. Въ Читѣ ихъ посадили въ острогъ, и, когда имъ было приказано возвратиться на пріискъ, они не хотѣли идти и, разломавъ печь, встрѣтили конвой кирпичами и досками съ разобранныхъ наръ. Начальникъ штаба войскъ Забайкальской области, явившись съ добавочнымъ конвоемъ, заставилъ ихъ идти обратно въ сопровожденіи конвоя. По прибытіи на пріискъ, они вновь отказались работать, повліяли и на остальную часть рабочей команды, такъ что еще 128 чел. прекратили работы. Когда на пріискъ явились слѣдователи, рабочіе окружили ихъ, и одинъ изъ нихъ ударилъ въ грудь акшинскаго исправника, а другой сказалъ капитану Вишневскому, командированному генералъ-губернаторомъ: „покажи-ка намъ бумагу, что ты присланъ отъ генералъ-губернатора“. Такой бумаги не оказалось, такъ какъ генералъ-губернаторъ Синельниковъ, проѣзжая черезъ Читу, приказалъ на словахъ управляющему области командировать капитана Вишневскаго (было предписаніе только отъ Забайкальскаго губернатора). Тогда рабочіе заявили ему, что словамъ его не вѣрятъ. Слѣдствіе не имѣло никакого успѣха, и слѣдователи уѣхали съ пріиска; по мнѣнію начальника иркутскаго жандармскаго управленія, „слѣдствіе производилось слабо, зачинщики не были арестованы, и вся команда... показывала по ихъ наученію“. Въ циркулярѣ предсѣдателя совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири генералъ-лейтенанта Шелашникова отъ 8-го мая 1874 г. было объявлено, что, по разсмотрѣніи въ совѣтѣ слѣдственнаго дѣла о безпорядкахъ на пріискахъ К° Собашникова, „оказалось: а) рабочіе по тѣмъ

[1]) „Вост. Обоз.“ 1895 г., № 22, стр. 3.

причинамъ, какія ими выставлены къ оставленію работъ на пріискахъ, ни въ какомъ случаѣ не имѣли ни повода, ни права самовольно выходить оттуда цѣлой артелью, оказывая тѣмъ явное неповиновеніе хозяину и совершая преступленіе, предусмотрѣнное 618 ст. Улож. о наказ., тѣмъ болѣе, что поводы къ жалобамъ оказались неуважительными; представляемая рабочими, какъ главный предметъ неудовольствія, выдача дурного мяса, если имѣла мѣсто, то какъ единичное явленіе; вообще же, какъ доказывается слѣдствіемъ, мясо отпускалось хорошаго качества; слѣдовательно, рабочіе не были поставлены въ такое положеніе, чтобы не имѣть возможности продолжать работы. Затѣмъ другія ихъ жалобы тѣмъ менѣе давали право къ произведенію безпорядковъ и должны были принестись находящемуся на пріискахъ начальнику мѣстныхъ казаковъ, чего рабочими сдѣлано не было, и б) при самомъ выходѣ съ пріисковъ рабочихъ и при вторичномъ отказѣ отъ работъ, по возвращеніи изъ Читы, а также при производствѣ слѣдствія не было принято, кѣмъ слѣдуетъ, должныхъ мѣръ къ пресѣченію самовольства рабочихъ и къ немедленному отдѣленію зачинщиковъ для поступленія съ ними на точныхъ основаніяхъ существующихъ правилъ; кромѣ того слѣдователями допущены съ одной стороны превышеніе власти, а съ другой бездѣйствіе ея, имѣвшія на исходъ дѣла дурное вліяніе". Вслѣдствіе этого „совѣтомъ Главнаго Управленія Восточной Сибири съ утвержденія бывшаго генералъ-губернатора (Синельникова) постановлено: 1) передать дѣйствія рабочихъ разсмотрѣнію суда на общемъ основаніи и 2) предложить управляющему Забайкальской областью возбудить въ установленномъ порядкѣ отвѣтственность лицъ, какъ допустившихъ бездѣйствіе власти, такъ и дозволившихъ себѣ превысить ее въ настоящемъ дѣлѣ; причемъ дѣйствія Забайкальскаго областного начальства по объявленію недѣйствительными контрактовъ, заключенныхъ... рабочими, совѣтъ главнаго управленія призналъ неправильными и подлежащими отмѣнѣ" [1]).

Въ февралѣ 1874 г. горный исправникъ Витимской системы Верхнеудинскаго и Баргузинскаго округовъ [2]) кн. Апокидзе далъ знать пріисковому управленію Іоанно-Домаскинскаго пріиска Забайкальскаго Т-ва Гинцбурга и К°, что рабочіе, на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ, должны быть, кромѣ высокоторжественныхъ и праздничныхъ дней, освобождены отъ работъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца; онъ приказалъ объявить объ этомъ рабочимъ и исполнять это предписаніе въ точности, въ противномъ случаѣ грозилъ „поступить по закону".

---

[1]) „Иркутск. Губ. Вѣд." 1874 г., № 58 или въ книгѣ *Стрыкаловскаго* „Сборн. узак. о частн. золот. и горн. промыслахъ" ч. I, 119—120; Арх. Иркут. Горн. Управл. К. 2560, № 130—184, л. 260—279, 335, 339.

[2]) Не слѣдуетъ смѣшивать съ Витимскою системою Олекминскаго округа.

Какъ ни симпатично желаніе горнаго исправника дать пріисковымъ рабочимъ болѣе частый отдыхъ, въ которомъ они дѣйствительно нуждаются, нельзя не замѣтить, что его предписаніе не имѣло основанія въ дѣйствующихъ законахъ. Управленіе пріисками Т-ва отвѣтило исправнику, что рабочіе Іоанно-Дамаскинскаго пріиска, по заключеннымъ ими контрактамъ, могутъ имѣть отдыхъ лишь по одному дню въ мѣсяцъ и что правилами Горнаго Устава о наймѣ рабочихъ (§ 4) золотопромышленникамъ предоставлено право въ заключаемыхъ ими контрактахъ дѣлать добровольныя условія о льготныхъ дняхъ. Такъ какъ управленіе нашло, что увеличеніе числа дней отдыха влечетъ за собою большія потери, то оно просило впредь до пріѣзда управляющаго промыслами Т-ва на Дамаскинскій пріискъ отмѣнить распоряженіе о льготныхъ дняхъ, „о чемъ и дать знать управленію и снабдить для прочтенія Высочайше утвержденное правило, ибо таковое не было объявлено здѣшнему управленію“. Но горный исправникъ стоялъ на своемъ и на донесеніе пріисковаго управленія отвѣчалъ, что уже ранѣе имъ „было предъявляемо пріисковымъ управленіямъ Витимской системы о контрактахъ, заключенныхъ съ рабочими съ отступленіемъ отъ правилъ Высочайше утвержденныхъ“, о чемъ и было опубликовано имъ въ циркулярѣ, и теперь онъ вновь предлагалъ управленію, „чтобы неупустительно рабочимъ людямъ былъ дозволяемъ отдыхъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, тѣмъ болѣе, что со стороны рабочихъ происходили жалобы“ на недачу отдыха въ эти числа, а вслѣдствіе этого можетъ случиться и бунтъ; въ предупрежденіе его, продолжаетъ исправникъ, и сдѣлано распоряженіе о предоставленіи имъ отдыха 1-го и 15-го числа. Не смотря на добровольное согласіе рабочихъ въ заключенныхъ ими контрактахъ имѣть по одному дню отдыха, исправникъ настаивалъ на исполненіи его распоряженія, предоставляя пріисковому управленію, если оно считаетъ его предписаніе незаконнымъ, исполнивъ его, довести о немъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

1-го мая того же года управляющій золотыми промыслами Забайкальскаго Т-ва Гинцбурга и К° донесъ исправляющему должность горнаго исправника (очевидно кн. Апокидзе уже оставилъ свое мѣсто), что на пріискѣ Іоанно-Домаскинскомъ „произошла стачка, оказано неповиновеніе и нарушенъ контрактъ невыходомъ на работу“. Часть рабочихъ не работала, кромѣ 1-го мая, также 2-го, 3-го и 4-го мая. Для производства слѣдствія губернаторъ отправилъ Баргузинскаго окружного исправника, которому рабочіе заявили, что причиною невыхода ихъ на работу 1-го мая было то, что управляющій промыслами Гинцбурга на просьбы ихъ о разрѣшеніи отдыха 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца объявилъ имъ, что въ лѣтніе мѣсяцы будетъ оставлять изъ рабочей команды ежедневно только отъ 2-хъ до 3-хъ человѣкъ. Поэтому слѣдо-

ватель просилъ управляющаго объяснить, по какому разсчету предполагаетъ онъ разрѣшить отдыхъ, ибо, при численности всей команды до 150 человѣкъ, всѣ рабочіе не могутъ воспользоваться отдыхомъ въ теченіе мѣсяца, если для этого онъ будетъ отпускать лишь по 2—3 человѣка въ день. Управляющій отвѣчалъ, что наканунѣ 1-го мая онъ приказалъ уволить на отдыхъ въ слѣдующій день 5 человѣкъ, а затѣмъ отпускать ежедневно по 6 человѣкъ; но артель рѣшила въ этотъ день отдыхать, а на другой всѣмъ идти на работу. Въ видѣ наказанія за невыходъ на работу управляющій, вмѣсто обычной пищи, приказалъ отпустить рабочимъ 2-го и 3-го мая только по $2^1/_2$ ф. хлѣба; тогда они объявили, что на работу не пошли по распоряженію горнаго исправника, объявленному имъ урядникомъ о томъ, что они должны имѣть отдыхъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, и представили копію съ этого приказа. Поэтому управляющій и заявилъ слѣдователю, что „главнымъ поводомъ къ неповиновенію рабочихъ и невыходу на работу 1-го мая были манифестаціи (sic) горнаго исправника, объявленныя рабочимъ... чрезъ урядника". Относительно количества оставляемыхъ на отдыхъ рабочихъ онъ заявилъ слѣдующее: „я сказалъ, что если вся команда не желаетъ отдыхать 9-го мая, то я буду оставлять каждодневно въ теченіе мѣсяца отъ 2 до 3, 5 и 15-ти человѣкъ, а иногда и ни одного", на что давалъ ему право контрактъ, „такъ что къ 20-му числу каждаго мѣсяца долженъ кончаться отдыхъ всѣхъ рабочихъ". Въ другомъ заявленіи слѣдователю управляющій пріисками Т-ва Гинцбурга говоритъ: „По договору моему съ рабочими... условлено: за уклоненіе отъ работъ, лѣность и нерадѣніе, и злонамѣренность при исполненіи работъ они (т.-е. рабочіе люди) подвергаются штрафу отъ 2 до 5-ти руб. и наказанію розгами (чрезъ свою артельную расправу, по приговорамъ) до 10-ти ударовъ". Я не желаю брать съ нихъ штрафовъ, чтобы не лишать ихъ заработанной ими платы, не желаю также артельной расправы и наказанія; но въ видахъ сохраненія и пополненія пріисковой экономіи и... возстановленія законныхъ правъ моихъ на обязательный трудъ работниковъ, по заключеннымъ съ ними письменнымъ договорамъ", онъ просилъ слѣдователя „силою законной власти заставить тѣхъ работниковъ, которые не работали 2-го, 3-го и 4-го мая, отработать 152 поденщины", а такъ какъ въ эти дни они не получали въ пищу мяса, то управляющій обязывался, когда они будутъ работать двойной урокъ, давать имъ двойную порцію мяса и добавочныхъ 2 ф. печенаго хлѣба.

Рѣшеніе по этому дѣлу намъ не извѣстно, но, вѣроятно, оно было въ пользу пріисковаго управленія, такъ какъ въ отчетѣ окружному ревизору Забайкальской и Амурской областей за операцію 1873—4 г. управляющій Т-ва Гинцбургъ и К° говоритъ: „По стачкѣ рабочихъ людей было произведено слѣдствіе, главные агитаторы обнаружены и преданы

сужденію. Съ того времени, благодаря разумнымъ дѣйствіямъ Баргузинскаго окружного исправника, порядокъ и пріисковая администрація находятся въ нормальномъ состояніи“ [1]).

1-го мая 1879 г. не вышли на работу 150 чел. Иннокентьевскаго пріиска купчихи Краузе Чикойской системы Верхнеудинскаго округа Забайкальской области. Вслѣдствіе телеграммы пріисковаго управленія о неповиновеніи и будто бы бунтѣ рабочихъ засѣдатель Троицкосавскаго округа маіоръ Левицкій, провѣряя это заявленіе, обнаружилъ слѣдующее: рабочіе нанимались въ Иркутскѣ не по контрактамъ, а по особымъ частнымъ запискамъ, которыми обязывались подписать контрактъ, находящійся на пріискѣ, по прибытіи туда; при этомъ условія контракта не были имъ объяснены при наймѣ на работы и контрактъ не былъ засвидѣтельствованъ установленнымъ порядкомъ; рабочіе заявили неудовольствіе на условія договора и на то, что купецъ Краузе наложилъ на нихъ штрафъ по 10 р. съ каждаго за невыходъ на работы съ 1-го мая. Вслѣдствіе этого главное управленіе Восточной Сибири предписало военному губернатору Забайкальской области обратить вниманіе на донесеніе маіора Левицкаго и принять мѣры къ возстановленію законнаго порядка на пріискахъ купчихи Краузе. Въ позднѣйшемъ циркулярѣ губернатора этой области (12-го февраля 1886 г.) упоминалось о томъ, что безпорядки на промыслахъ Краузе возникли, какъ было дознано слѣдствіемъ, исключительно отъ несоблюденія при наймѣ рабочихъ установленныхъ закономъ правилъ и дѣйствій хозяина, необусловленныхъ договоромъ [2]).

Весною 1883 г. прекратили работу рабочіе Іоанно-Дамаскинскаго пріиска купца Сол. Хотимскаго. Горный исправникъ Верхнеудинскаго и Баргузинскаго округовъ Левицкій въ донесеніи генералъ-губернатору Восточной Сибири говоритъ объ этомъ слѣдующее: 1-го апрѣля на Іоанно-Дамаскинскомъ пріискѣ купца Сол. Хотимскаго рабочіе, въ числѣ 56 чел., нанятые въ Иркутскѣ, по прочтеніи имъ контракта, заявили, что контрактъ имъ прочитанъ не былъ, а переданъ былъ нанимателемъ на словахъ, что вырабатывать уроки въ размѣрѣ, указанномъ въ договорѣ при тяжелыхъ условіяхъ работъ, они будутъ не въ силахъ, и что трудъ ихъ при назначенной за урокъ платѣ окупитъ лишь одно содержаніе; поэтому, считая себя обманутыми при наймѣ, потребовали увеличенія задѣльной платы и, получивъ отъ управляющаго пріискомъ отказъ, не пожелали продолжать работы. По разслѣдованію оказалось: рабочіе нанялись въ Иркутскѣ при посредствѣ проживающаго тамъ мѣщанина А. Каминера; подлинность подписей рабочихъ на договорѣ удостовѣрена иркутскимъ городскимъ полицейскимъ управленіемъ, но порядкомъ, уста-

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2568, № 167—221, л. 159—173.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2605, № 304—358, л. 6—8; „Забайкальск. Обл. Вѣдом.“ 1886 г., №№ 8—9.

новленнымъ правилами о наймѣ на сибирскіе золотые промысла, договоръ въ Иркутскѣ не явленъ, а долженъ былъ быть представленъ для записки въ явочную книгу горнаго исправника. Пріостановка работъ продолжалась 3 дня; въ теченіе этого времени безпорядковъ не было, и рабочіе вели себя сдержанно, не смотря на то, что между ними было нѣсколько человѣкъ, принимавшихъ участіе въ прошлогоднихъ безпорядкахъ на пріискахъ Прибрежно-Витимской К° Олекминскаго округа, „которые и при настоящей стачкѣ рабочихъ были, повидимому, руководителями. Употребить принудительныя мѣры къ прекращенію стачки при такомъ настроеніи рабочихъ“, говоритъ горный исправникъ, „значило бы обратить пассивное сопротивленіе въ открытое возмущеніе, а потому я старался только убѣдить рабочихъ въ незаконности ихъ поступка, доказывая при этомъ, что пріостановка въ работахъ одинаково невыгодна для нихъ и для хозяина, и что прекращеніемъ стачки они выразятъ свое уваженіе къ закону и къ распоряженіямъ правительства. На 4-ый день стачка между рабочими прекратилась, и они вышли на работу подъ условіемъ ходатайства“ предъ генералъ-губернаторомъ „о назначеніи особаго слѣдователя для разбора ихъ претензіи... Вслѣдствіе этого и имѣя въ виду, что *недоразумѣнія подобнаго рода между рабочими и промысловыми управленіями становятся чаще съ каждымъ годомъ*, я беру смѣлость почтительнѣйше просить... о командированіи на Іоанно-Дамаскинскій пріискъ для разслѣдованія настоящаго обстоятельства лица, близко знакомаго съ условіями золотопромышленныхъ работъ, и тѣмъ хотя отчасти положить предѣлъ неосновательнымъ и часто неимовѣрнымъ требованіямъ со стороны рабочихъ, а золотопромышленниковъ и пріисковыя управленія поставить въ болѣе раціональныя къ нимъ отношенія“.

Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири генералъ-лейтенантъ Анучинъ остался недоволенъ дѣйствіями горнаго исправника Левицкаго. Признавъ ихъ неправильными и неудобными, онъ препроводилъ рапортъ Левицкаго военному губернатору Забайкальской области „на законное распоряженіе“ и просилъ его „разъяснить горному исправнику неумѣстность, какъ непосредственнаго ходатайства“ передъ генералъ-губернаторомъ, помимо начальника области, такъ и „подчиненія условіямъ“, предъявленнымъ рабочими, „и обѣщанія исходатайствовать назначеніе особаго слѣдователя для разбора ихъ претензій и какъ бы гарантируя имъ успѣшность этого ходатайства“.

Присланная горнымъ исправникомъ копія съ договора рабочихъ Іоанно-Дамаскинскаго пріиска была препровождена горному ревизору частныхъ золотыхъ промысловъ Забайкальской области для доставленія свѣдѣній о работахъ на этомъ пріискѣ. Окружной ревизоръ Бѣлозеровъ сообщилъ слѣдующее:

„1) Горныя работы на пріискѣ Хотимскаго принадлежатъ къ числу довольно трудныхъ работъ, заключающихся въ снятіи мерзлыхъ и только отчасти теплыхъ торфовъ и въ выемкѣ самой плотной и вязкой, растаивающей только днемъ мясники, толщиною въ 10 четвертей, не успѣвающей осушаться стокомъ по водоотводнымъ каналамъ, и потому работать приходится въ водѣ. Работы начинаются съ 4-хъ час. утра и продолжаются до 8 час. веч. съ исключеніемъ 2-хъ час. для обѣда съ отдыхомъ и по получасу на завтракъ и на паужинъ, т.-е. 3-хъ часовъ, что составляетъ 13 час. дневной работы, и потому мною было предложено сбавить число рабочихъ часовъ до 11-ти или до 12-ти, т.-е. оканчивать работу въ 7 час. 2) Величина задаваемыхъ уроковъ на Іоанно-Дамаскинскомъ пріискѣ довольно большая, а именно: на 5 чел. артели полагается снять 2 куб. саж. мерзлаго торфа, талаго же торфа и песковъ 3 куб. саж. должны быть выработаны 4-мя человѣками, что, сравнительно съ другими пріисками, несоотвѣтственно съ трудностью работы, ибо на Ононскихъ пріискахъ Сабашниковыхъ, гдѣ также вырабатывался (на Благовѣщенскомъ пріискѣ) мясниковатый пластъ 5-ью человѣками, вынималось только $2^1/_2$ саж., и притомъ работа облегчалась подачею песковъ на машины по рельсовому пути, а такъ какъ 3 куб. саж. есть норма для выработки четырьмя рабочими въ большинствѣ пріисковъ, гдѣ пески не такъ мясниковаты, а болѣе разрушисты, то на Іоанно-Дамаскинскомъ пріискѣ не слѣдуетъ давать въ урокъ болѣе $2^1/_2$ саж.“. 3) На пріискѣ Хотимскаго въ первый разъ „*работы производятся на собственномъ продовольствіи рабочихъ*, такъ какъ въ прошедшемъ году рабочіе были на продовольствіи отъ пріиска. Принимая въ соображеніе назначенное въ договорѣ Хотимскаго количество выработки торфовъ и песковъ, оказывается, что рабочій долженъ заработать въ день: на торфахъ мерзлыхъ—1 р., на торфахъ талыхъ—1 р. 35 к., на пескахъ—1 р. 50 к. Но какъ выше было замѣчено, что болѣе $2^1/_2$ саж. четырьмя рабочими вырабатывать мясниковатыхъ песковъ невозможно и должно быть сбавлено до $2^1/_2$ (если не до 2-хъ) куб. саж., то разработка каждаго рабочаго уменьшится при выработкѣ въ день $2^1/_2$ — 2 куб. саж. до 1 р. 25 к. или до 1 руб., что естественно представляетъ весьма незначительную заработку, ибо если вычесть изъ нея харчевое продовольствіе (по пріисковому разсчету обходящееся въ день на рабочаго по 50 к.), то у него останется всего 50 или 75 коп. въ день, изъ которыхъ онъ долженъ одѣться, обуться, заплатить подати, недоимки и кормить семью. По сравненіи этихъ цѣнъ съ платимыми на Алексѣевскомъ пріискѣ по Аунику (въ той же Баргузинской системѣ) Т-ва купцовъ Малыхъ, при существованіи уже нѣсколько лѣтъ условія содержанія рабочихъ на собственномъ ихъ продовольствіи, оказывается, что цѣны“ (т.-е. рабочая плата) „на пріискѣ Малыхъ гораздо выше, чѣмъ у Хотимскаго, и притомъ работа ведется при болѣе разрушистыхъ пескахъ. Тамъ 4 чел. легко вырабатываютъ 3 куб. саж. въ день, какъ торфовъ, такъ и песковъ, и получаютъ за эту работу на торфахъ 6 руб., т.-е. по 1 р. 50 к. на человѣка, а на пескахъ 7 р. 50 к. или 1 р. $87^1/_2$ коп. на человѣка. На прочихъ же пріискахъ и въ другихъ системахъ при хозяйскомъ продовольствіи нѣтъ заработка дешевле 60 к. на торфахъ и 70 коп. на пескахъ; а если принять во вниманіе, что работы эти съ разрушистыми породами оканчиваются такъ рано, что нелѣнивые рабочіе могутъ отработать еще старательскую четвертую саж., за которую плата полагается еще больше, то заработка рабочаго достигаетъ до 1 р. 20 к. и болѣе. Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что въ договорѣ Хотимскаго съ рабочими людьми, дѣйствительно, назначенъ слишкомъ большой урокъ выработки тяжелыхъ мясниковатыхъ песковъ, который выполнить весьма трудно; и притомъ“ рабочая плата „такъ мала, что заработка рабочаго можетъ выйти со-

всѣмъ ничтожною, если даже пріисковое управленіе, сообразивъ невозможность выполнить всей назначенной въ урокъ выработки, сбавитъ его до надлежащаго количества, т.-е. до $2^1/_2$ или до 2 саж.". А потому горный инженеръ полагалъ „болѣе справедливымъ" уменьшить уроки (на мерзлыхъ торфахъ и мясниковатыхъ пескахъ) и увеличить плату [1]).

Въ 1884 г. на пріискѣ Бырцинскаго Т-ва на верховьяхъ р. Онона Акшинскаго округа Забайкальской области, начиная съ 1-го мая по 15 іюля, почти каждое воскресенье происходили столкновенія между рабочими и управленіемъ, вслѣдствіе самовольнаго невыхода первыхъ на работу. Управляющій пріискомъ весною объявилъ рабочимъ, что въ теченіе лѣта они будутъ пользоваться отдыхомъ каждое воскресенье, а не 2 дня въ мѣсяцъ, какъ это было назначено въ контрактѣ. Рабочіе съ благодарностью приняли такое нововведеніе, но управляющій скоро увидѣлъ, что 600 человѣкъ непроизводительно пользуются хозяйскою пищею лишнихъ 2 дня и наносятъ этимъ значительный убытокъ, и потому сталъ требовать, чтобы отдыхи бывали только 2 раза въ мѣсяцъ, т.-е. 1-го и 15-го числа, но рабочіе продолжали отдыхать каждое воскресенье. Это прекратилось только съ пріѣздомъ окружного ревизора, который уговорилъ рабочихъ подчиниться условіямъ, изложеннымъ въ контрактѣ [2]).

Въ 1886 г. 11-го и 12-го мая происходили волненія на Е-в-омъ (Елизаветинскомъ?) пріискѣ Забайкальской области, причины которыхъ состояли въ слѣдующемъ. Съ 1-го февраля до 1-го мая разсчетные листы рабочихъ не были подсчитаны, не давались на руки, а хранились въ пріисковой конторѣ. Выдача производилась почти исключительно товарами и припасами, цѣны не выставлялись, такъ что рабочій не зналъ величины своего забора и заработка. Съ 1-го мая стали разсчитывать нѣкоторыхъ рабочихъ и тутъ узнали, что лучшимъ изъ нихъ выставили плату—12 р. въ мѣсяцъ, а другимъ и того менѣе, рублей 8. „У казака или крестьянина-хозяина работникъ получаетъ болѣе и довольствуется вмѣстѣ за однимъ столомъ съ хозяиномъ, не несетъ каторжной работы, отдыхаетъ, когда хозяинъ отдыхаетъ и когда работать не дозволяетъ погода. У насъ въ данную минуту", пишетъ корреспондентъ одной сибирской газеты съ этого пріиска, „нѣтъ ни золотника крупы, и вся пища состоитъ изъ хлѣба, мяса и воды,—благо потроха и кислую солонину поѣли. Чай гнилой былъ показываемъ еще весною рабочими исправнику Перфильеву и доктору. Цѣна на чай

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 2670, № 536—359, л. 3, 7, 10—15, 23—26.

[2]) „Сибирь" 1885 г., № 5, стр. 7—8. Въ 1885 г. на пріискахъ барона Гинцбурга (Витимской системы Баргузинскаго округа) былъ убитъ управляющій. „Сибирь" 1885 г., № 31, стр. 6.

1 р. 50 к. за кирпичъ, между тѣмъ какъ въ ближайшихъ селахъ продается лучшій и по цѣнѣ 80 к. и 1 р. за кирпичъ. Вода содержитъ колчеданъ и настолько плоха", что въ селеніяхъ, ниже на 18—20 верстъ, не годна къ употребленію. „Съ перемѣною управленія и служащихъ, на пріискѣ не осталось ни одного человѣка, спеціально изучавшаго горное искусство, и нѣтъ техника; вскорѣ послѣдовали несчастные случаи одинъ за другимъ: одинъ рабочій убитъ динамитомъ, одинъ обожженъ порохомъ, нѣсколько человѣкъ получили сильные ушибы" [1]).

Наконецъ, въ 1890 г. въ Забайкальской области было волненіе на пріискахъ Джамаргатайской К°, опять таки вызванное самимъ пріисковымъ управленіемъ. Вслѣдствіе этого волненія и крайне обостренныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, дошедшихъ до подачи письменной жалобы исправнику на „неправильное жалованье", на пріиски этой К° прибылъ Забайкальскій вице-губернаторъ. При осмотрѣ имъ пріисковыхъ складовъ въ концѣ мая оказалось: 1) что въ складѣ продолжала висѣть такса, утвержденная горнымъ исправникомъ въ январѣ, хотя еще 4-го мая пріисковое управленіе имѣло новую таксу, въ которой цѣны припасовъ были значительно понижены; 2) что въ пріисковомъ складѣ вѣсы не имѣли стрѣлки, вмѣсто металлическихъ чашъ на цѣпочкахъ, были привязаны веревками 2 доски, изъ которыхъ одна сыровата, засалена и перевѣшиваетъ другую на $^1/_4$ фун. Рабочихъ на пріискѣ было 325 чел. Слѣдуемое каждому рабочему или мелкой артели количество припасовъ взвѣшивалось отдѣльно, и отпускъ припасовъ производился по окончаніи работъ, когда усталые рабочіе спѣшили скорѣе добраться до казармъ. По показаніямъ рабочихъ, обвѣсъ былъ имъ извѣстенъ, но они считали это пустяками, сравнительно съ другими недоразумѣніями, и потому въ жалобѣ своей о томъ не заявляли. Припасы были не первой свѣжести, а иногда „отвратительнаго качества". Указаны были такіе случаи: при пріемѣ 11 пуд. мяса оказалась недостача въ $1^1/_2$ пуда, при 20 пуд. хлѣба—недоставало 3-хъ пуд., при 5 пуд. мяса не хватало $1^1/_2$ пуд.; при взвѣшиваніи гири не употреблялись, замѣняли ихъ клепки и желѣзные обрѣзки. Когда указывали на это, матеріальный говорилъ: „постой, дѣла пойдутъ хорошо, и гири заведутъ хорошія"; при жалобахъ на обвѣсъ, матеріальный извинялся торопливостью, такъ какъ приходилось одновременно отпускать продукты цѣлой массѣ рабочихъ; если же, наконецъ, обнаруживался обвѣсъ, онъ довѣшивалъ. „Однажды я принесъ женѣ котелокъ съ масломъ", показывалъ одинъ изъ рабочихъ: „гдѣ должно было быть 4 ф. Жена прогнала меня и велѣла отнести масло назадъ: когда перевѣшивали, пришлось добавить въ котелокъ столько же масла, сколько тамъ

[1]) „Сибирь" 1886 г., № 33, стр. 8—9.

было". Рабочіе обращались къ содѣйствію старосты, но староста получалъ винную порцію, и тѣмъ дѣло кончалось. Старшій казачій урядникъ не слышалъ, чтобы рабочіе жаловались на обвѣсъ.—Въ операцію 1890 г. дѣлами пріиска завѣдывалъ извѣстный Забайкальскій золотопромышленникъ Еремѣй Рифъ. Матеріальный Нойма и помощникъ его Гоберникъ показали, что вся экономія въ припасахъ шла въ пользу пріисковаго управленія и матеріальный никакой выгоды отъ употребленія невѣрныхъ вѣсовъ не имѣлъ. Рифъ часто самъ присутствовалъ при отпускѣ товаровъ и припасовъ.

Забайкальскій окружной судъ оправдалъ Нойму и Гоберника, а Рифа призналъ виновнымъ въ употребленіи невѣрныхъ вѣсовъ по небрежности, а также въ томъ, что онъ не вывѣсилъ новой таксы, и приговорилъ его всего къ 35 р. штрафа. Приговоръ этотъ областной прокуроръ опротестовалъ. Указывая на цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній, что на пріискѣ практиковался систематическій обвѣсъ, для успѣшности котораго приспособленъ былъ весь порядокъ отпуска товаровъ, что всѣ выгоды отъ невѣрности вѣсовъ шли въ пользу пріисковаго управленія, что, наконецъ, одинъ изъ свидѣтелей прямо говорилъ Рифу о невѣрности вѣсовъ, прокуроръ пришелъ къ заключенію, что „на пріискѣ Рифа было сознательное, систематическое обвѣшиваніе трудящагося темнаго люда для мелкой личной наживы". Иркутскій губернскій судъ въ 1894 г. отмѣнилъ приговоръ Забайкальскаго суда, призналъ Рифа, Нойму и Гоберника виновными въ обвѣсѣ съ умысломъ для обмана и приговорилъ ихъ къ 6-ти мѣсяцамъ тюрьмы и лишенію навсегда права на торговлю [1]).

Въ Амурской области на пріискахъ Зейской К° (Буреинской системы) произошло ослушаніе рабочихъ 1-го августа 1879 г. Объ этомъ событіи мѣстный горный исправникъ Павлищевъ въ своемъ отчетѣ разсказываетъ слѣдующее. Въ этотъ день всѣ рабочіе не вышли на работу. По контракту рабочимъ предоставлялся 1 день отдыха въ мѣсяцъ, а они не выходили на работу 2 дня и, когда пріисковое управленіе хотѣло наложить на нихъ за это денежный штрафъ, рабочіе грозили бросить работы и уйти съ пріисковъ. Поводомъ къ невыходу на работу послужило то, что нѣсколько человѣкъ рабочихъ изъ среды команды Ивановскаго пріиска, состоявшей исключительно изъ крестьянъ Мухоршибирской волости Верхнеудинскаго округа распространили слухъ среди рабочихъ Ивановскаго и другихъ пріисковъ и убѣдили ихъ въ томъ, что компаньонъ-распорядитель Зейской К° генералъ-маіоръ Шанявскій, въ бытность свою на пріискахъ, обѣщалъ всѣмъ рабочимъ одинъ лишній день отдыха сверхъ опредѣленнаго въ контрактѣ, и

[1]) „Новое Время" 1894 г., 28 іюня, № 6224.

такъ какъ промысловое управленіе въ іюлѣ мѣсяцѣ давало имъ только 1 день отдыха, а именно, 20-го іюля, то уговорили рабочихъ всѣхъ пріисковъ не выходить на работу 1-го августа. Когда управляющій сказалъ имъ, что они будутъ за это оштрафованы, они объявили ему, что въ такомъ случаѣ всѣ бросятъ работу и уйдутъ съ пріисковъ. Написали объ этомъ Шанявскому, находившемуся въ то время въ Благовѣщенскѣ, и онъ отвѣчалъ, что ничего подобнаго рабочимъ не обѣщалъ и просилъ распространителей ложныхъ слуховъ „подвергнуть примѣрному взысканію по закону". Вечеромъ 9-го сентября, наканунѣ дня разсчета, горный исправникъ собралъ всѣхъ рабочихъ Ивановскаго пріиска и спросилъ ихъ о причинѣ невыхода на работы 1-го августа; всѣ они единогласно заявили, что имѣли разрѣшеніе отъ генерала Шанявскаго. Исправникъ отвѣчалъ, что ничего подобнаго не было, и предложилъ тремъ рабочимъ, сказавшимъ, что они лично получили разрѣшеніе отъ генерала Шанявскаго, отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ г. Благовѣщенскъ для объясненія съ Шанявскимъ. Они на это не согласились, а остальные рабочіе закричали: „вези всѣхъ насъ, не дадимъ". Исправникъ вызвалъ артельщиковъ и спросилъ ихъ о томъ же; они также утверждали, что сами получили разрѣшеніе отъ Шанявскаго. Исправникъ предложилъ имъ отправить ихъ на счетъ компаніи въ Благовѣщенскъ на пароходѣ съ разсчитанными рабочими для объясненія съ Шанявскимъ, но артельщики бросились назадъ въ толпу, и вновь раздались крики: „не дадимъ, не дадимъ, а то уйдемъ съ пріисковъ" и т. п. Исправникъ не могъ успокоить рабочихъ, нашелъ, что они будто бы совершаютъ преступленіе, предусмотрѣнное 618 ст. улож. о наказ. и, считая невозможнымъ при малочисленности пріисковой казачьей команды, состоявшей всего изъ 2-хъ человѣкъ, арестовать зачинщиковъ, рѣшилъ удалиться, о чемъ и составилъ актъ. На другой день 10-го сентября былъ общій разсчетъ годовымъ рабочимъ. Такъ называемые „главные зачинщики" были разсчитаны и отправлены на пароходѣ вмѣстѣ съ другими, а по прибытіи въ Благовѣщенскъ, арестованы по приказанію начальника области вслѣдствіе донесенія горнаго исправника, и разслѣдованіе безпорядковъ было поручено особому слѣдователю.

Ознакомившись съ отчетомъ Буреинскаго горнаго исправника Павлищева о происшествіяхъ на пріискахъ Зейской К°, исправляющій должность генералъ-губернатора Восточной Сибири генералъ-лейтенантъ Шелашниковъ въ апрѣлѣ 1880 г. далъ предписаніе военному губернатору Амурской области, въ которомъ, упомянувъ, что онъ не имѣетъ другихъ свѣдѣній о ходѣ этого „важнаго дѣла, могущаго впослѣдствіи послужить примѣромъ другимъ подобнымъ безпорядкамъ, даже бунту рабочихъ", просилъ „обратить на это дѣло особенное вниманіе, поступивъ съ виновными по всей строгости закона". 30-го мая 1881 г. горное

отдѣленіе Главнаго Управленія Восточной Сибири получило извѣстіе, что о „безпорядкахъ“ лѣтомъ 1879 г. на Зейскихъ промыслахъ слѣдствіе произведено и еще въ сентябрѣ 1880 г. препровождено въ окружной судъ Амурской области. Рѣшено было это дѣло только 28-го февраля 1883 г., и рабочіе, „по неимѣнію никакихъ данныхъ къ обвиненію“, признаны невиновными. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ амурскимъ военнымъ губернаторомъ, генераломъ Лазаревымъ.

Окружной судъ, разсматривая это дѣло по обвиненію 169 чел. Зейской К° въ неповиновеніи управляющему и горному исправнику, нашелъ, что, на основаніи контракта, рабочіе могли выходить на работу въ праздничные дни за особую плату, но того, чтобы они непремѣнно должны были выходить на работу по большимъ праздникамъ, съ точностью договоромъ не обусловлено. „По смыслу того же условія, рабочіе имѣли полное право пользоваться въ мѣсяцъ однимъ днемъ отдыха по истеченіи каждаго мѣсяца; 1-го августа... большой церковный праздникъ, Спасъ Маккавея, чтимый крестьянами и всѣми вообще православными христіанами, и заставлять ихъ непремѣнно работать въ этотъ день, при тѣхъ условіяхъ, которыя выражены въ договорѣ, не было резона и основанія. За неисполненіе законныхъ требованій и распоряженій полиціи виновные подлежатъ отвѣтственности по 29 ст. Уст. о наказ., налаг. миров. судьями, но для признанія виновности необходимо прежде признать законность распоряженій полиціи... А какъ между рабочими и Зейскою К° возникаютъ гражданскія правовыя отношенія, основанныя на письменномъ договорѣ“, то „прежде разрѣшенія этихъ гражданскихъ правовыхъ отношеній... и признанія въ гражданскомъ судѣ правонарушенія нѣтъ резона, нѣтъ основаній обвинять рабочихъ въ неисполненіи распоряженій горнаго исправника и придавать ему характеръ уголовнаго поступка, пока не выяснится, законны ли были распоряженія горнаго исправника относительно принужденія рабочихъ идти на работы 1-го августа и имѣли ли право рабочіе... не исполнить его требованія“. Въ виду всего этого, судъ призналъ всѣхъ обвиняемыхъ „невинными въ нарушеніи порядка и возмущеніи“ и издержки по производству дѣла возложилъ на Зейскую К°.

Не менѣе интересны мотивы утвержденія этого приговора суда губернаторомъ Лазаревымъ. По его мнѣнію, въ данномъ случаѣ слѣдовало „разрѣшить два вопроса: 1) имѣли ли право или нѣтъ рабочіе не выходить на работу 1-го августа, и вообще можно ли отказъ ихъ отъ выхода на работу признать за дѣяніе, предусмотрѣнное въ 618 ст. Улож. о наказ. (по этой статьѣ обвинилъ ихъ горный исправникъ), и 2) можно ли въ дѣйствіяхъ рабочихъ признать дѣянія, предусмотрѣнныя тою же ст. Уложенія. Обращаясь къ разрѣшенію перваго вопроса“, амурскій губернаторъ нашелъ слѣдующее: „юридическія отношенія

сторонъ опредѣляются договорами по общему правилу; каждый договоръ долженъ содержать имя, отчество и фамилію каждаго договаривающагося и подписи ихъ. Для найма рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы существуютъ еще спеціальныя правила, по которымъ договоры должны быть совершаемы не иначе, какъ явочнымъ порядкомъ съ обозначеніемъ пріиска, рода работъ, размѣра рабочей платы и проч.". Въ дѣлѣ нѣтъ контракта о наймѣ рабочихъ К° „и слѣдовательно опредѣлить юридическія отношенія сторонъ путемъ обозрѣнія договора невозможно. Договоръ, имѣющійся въ дѣлѣ въ копіи... ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ за тотъ договоръ, который требуется закономъ. Онъ не имѣетъ существенныхъ частей: не поименованы рабочіе, не указаны срокъ найма и рядная плата, нѣтъ подписей контрагентовъ, нѣтъ удостовѣренія о явкѣ. Составленъ онъ въ общихъ фразахъ и столько же относится къ тѣмъ рабочимъ, о которыхъ идетъ рѣчь, сколько и ко всѣмъ другимъ. Выраженія: „нанялись мы вышеозначенною артелью" (выше ничего не обозначено) въ такомъ-то числѣ человѣкъ, срокомъ отъ такого-то до такого-то времени, получать различнымъ мастеровымъ, смотря по роду мастерства, „отъ 17 до 40 р.", „отъ 15 до 30 р.", „отъ 12 до 25 р.", и „отъ 5 до 12 р."—могутъ быть допускаемы въ общихъ фразахъ договора, но отнюдь не въ договорѣ между извѣстными контрагентами. Изъ другихъ же данныхъ, имѣющихся въ дѣлѣ видно, что, по обычаю, установившемуся на пріискахъ Зейской К°, рабочіе по окончаніи каждаго мѣсяца пользовались однимъ днемъ отдыха, и этимъ днемъ служило всегда 1-ое число наступающаго мѣсяца, въ данномъ случаѣ — 1-ое августа. Что это 1-ое августа должно было служить днемъ отдыха, этого не опровергаетъ и К°", но „она утверждаетъ, что рабочіе потеряли право отдыхать 1-го августа, такъ какъ по добровольному соглашенію, между ними и генераломъ Шанявскимъ состоявшемуся, право отдыха было перенесено назадъ на 20-ое іюля, что отдыхъ 20-го іюля, которымъ воспользовались рабочіе, былъ данъ имъ взамѣнъ льготнаго дня, выпадавшаго на 1-ое августа. Рабочіе не признаютъ... заявленія компаніи и утверждаютъ, что отдыхъ 20-го іюля былъ данъ имъ не въ зачетъ, сверхъ льготныхъ дней, опредѣленныхъ договоромъ. Если бы этотъ спорный день не былъ опредѣленъ договоромъ, т.-е. если бы рабочіе не вышли на работу въ одинъ изъ дней, послѣдующихъ за первымъ числомъ того или другого мѣсяца, то очевидно, что они обязаны были бы доказать, что имѣли право не выходить на работу въ этотъ день; но такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ отдыхѣ, опредѣленномъ договоромъ, т.-е. о такомъ днѣ, отдыхать въ который рабочіе имѣли право, а потому на обязанности К° лежитъ доказать, что отъ этого права они, рабочіе, отступились добровольно и 1-ое августа замѣнили 20-мъ іюля; а между тѣмъ это со сто-

роны К° ничѣмъ не доказано и, слѣдовательно, необходимо признать, что рабочіе отдыхомъ 1-го августа воспользовались по праву, имъ принадлежащему. Если это такъ, то о такомъ сопротивленіи, о которомъ говоритъ 618 ст. Улож. о наказ., не можетъ быть и рѣчи. „Обращаясь къ разрѣшенію второго вопроса, амурскій губернаторъ нашелъ, что всякій полицейскій актъ долженъ быть составленъ въ присутствіи и за подписью понятыхъ и что можно привлекать къ отвѣтственности лишь за неисполненіе законнаго требованія полиціи. Между тѣмъ актъ 9-го сентября составленъ горнымъ исправникомъ безъ понятыхъ и потому никакъ не можетъ быть основаніемъ для обвиненія рабочихъ. Затѣмъ рабочіе имѣли право не выходить на работы 1-го августа и потому „о привлеченіи ихъ къ той или другой отвѣтственности не можетъ быть и рѣчи. Точно также въ кругъ обязанностей рабочихъ не входили поѣздки въ Благовѣщенскъ для личныхъ объясненій съ г. Шанявскимъ и, слѣдовательно, они имѣли полное право отказаться отъ этой поѣздки, тѣмъ болѣе, что таковая необходимо требовала времени и, слѣдовательно, была для нихъ убыточна. Да и кромѣ того горный исправникъ не требовалъ отъ нихъ совершить эту поѣздку именемъ закона, а только пригласилъ ихъ на таковую, а отъ приглашенія всякій воленъ отказаться, и этотъ отказъ... не можетъ подвергаться отвѣтственности". Наконецъ, губернаторъ замѣчаетъ, что „если исправникъ признавалъ необходимымъ арестовать зачинщиковъ, онъ долженъ былъ приступить къ аресту" не только въ присутствіи двухъ казаковъ, но даже и при совершенномъ отсутствіи ихъ. Исправникъ не встрѣтилъ сопротивленія со стороны зачинщиковъ или толпы, такъ какъ не приступалъ къ аресту, а потому „замѣчаніе, что арестъ не могъ быть произведенъ по недостатку полицейскихъ казаковъ, преждевременно". Въ виду всего этого губернаторъ Лазаревъ утвердилъ приговоръ суда.

Такимъ образомъ амурскимъ золотопромышленникамъ въ лицѣ генерала Шанявскаго данъ былъ хорошій урокъ. Грустно только, что что рабочимъ такъ долго пришлось ждать своего оправданія [1]).

Въ іюнѣ 1885 г. на промыслахъ Зейской К° вновь произошло волненіе рабочихъ. Компаньонъ-распорядитель Зейской и Верхне-Зейской золотопромышленной К°, уже извѣстный намъ генералъ Шанявскій, 5-го іюня этого года обратился къ военному губернатору Амурской области съ просьбою о водвореніи обратно 107 чел. рабочихъ, произведшихъ насильственныя дѣйствія и ушедшихъ самовольно съ пріисковъ. Амурскій губернаторъ велѣлъ горному исправнику произвести слѣдствіе, а полиціймейстеру г. Благовѣщенска задержать рабочихъ по прибытіи

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2666, № 290—340, л. 1—27. О заключеніи рабочихъ въ благовѣщенскій тюремный замокъ см. „Владивостокъ" 1885 г., № 33, стр. 7.

ихъ туда. 24-го іюня генералъ-губернаторъ получилъ отъ нихъ изъ Благовѣщенска такую телеграмму: „За отпускъ на пріискахъ Зейской К° тухлаго съ червями мяса въ теченіе 10 дней мы всею командою не выходили на работу. Амбаръ осмотрѣнъ; въ двухъ чанахъ все мясо оказалось гнилымъ съ червями. Составленъ приговоръ командою, фельдшеромъ и урядникомъ. За невыходъ одного дня на работу управленіе налагало штрафу 25 руб. на каждаго. Горный исправникъ ѣхалъ на нашъ пріискъ, но не доѣхалъ. Не имѣя возможности жаловаться, мы рѣшили уйти съ пріиска. За поступокъ этотъ благовѣщенскій полицій-мейстеръ насъ безъ суда и слѣдствія, въ числѣ 101 чел., подъ стражею лишилъ свободы. Просимъ вашего законнаго распоряженія". Вслѣдствіе этого генералъ-губернаторъ предложилъ амурскому губернатору объявить рабочимъ, что уходить съ пріисковъ они все же не имѣли права и потому должны возвратиться обратно, а вслѣдъ за ними будетъ послано на пріиски довѣренное лицо отъ генералъ-губернатора для производства дознанія. Результатомъ этого дознанія, которое было поручено дѣлопроизводителю канцеляріи генералъ-губернатора фонъ-Кубе, была слѣдующая телеграмма генералъ-губернатора амурскому военному губернотору: „Верхне-Зейская К° безусловно виновата, не принявъ мѣры по заявленіямъ о порченой солонинѣ, а напротивъ того по удостовѣреніи сего факта продолжала рабочимъ выдавать таковую наполовину со свѣжей, чѣмъ не соблюла контракта и сама дала право противной сторонѣ нарушить таковой и не выйти на работу. Вмѣсто того, чтобы объяснить рабочимъ законъ, воспрещающій уходъ съ пріиска, К° сама предложила имъ уйти, снабдивъ ихъ продовольствіемъ. Грабежей не было, лѣсъ выданъ рабочимъ добровольно. Вслѣдствіе этого всѣ убытки, понесенные К° по этому дѣлу, не подлежатъ удовлетворенію, равно какъ никакихъ штрафовъ съ рабочихъ не слѣдуетъ. Такъ какъ плата на пріискахъ производится ежедневно по выработкѣ (извѣстнаго) числа кубическихъ саженей, а не поденно, то рабочіе не вправѣ требовать отъ К° плату за тѣ дни, въ которые не работали" [1]).

Лѣтомъ 1894 г. на пріискахъ Амгуньской К° Приморской области были безпорядки, вызванные отобраніемъ доставленнаго спиртоносами спирта у рабочихъ, для усмиренія которой пришлось прибѣгнуть къ оружію [2]).

---

[1]) „Сибирская Газета" 1886 г., № 5, стр. 149; „Владивостокъ" 1885 г., № 33, стр. 7; „Сибирь" 1885 г., № 39, стр. 8; „Восточн. Обозр." 1886 г., № 17. Въ послѣдней газетной статьѣ приводятся слѣдующія слова изъ отчета одного горнаго исправника: „мнѣ случилось бывать при усмиреніи безпорядковъ, производимыхъ рабочими, причемъ требовалось прочитывать имъ контракты, разъяснять ихъ смыслъ и выслушивать изъ толпы возгласы: „все для нихъ, ничего для насъ, что смотритъ начальство?"

[2]) „Вѣстн. Золот." 1895 г., № 23; „Дальній Востокъ" 1895 г., № 56, стр. 3.

Въ 1895 г. въ той же компаніи была забастовка, вызванная попыткою ввести ночныя работы при электрическомъ освѣщеніи, такъ какъ при немъ не видно подъемнаго золота [1]).

И такъ въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ намъ извѣстны 45 волненій и стачекъ рабочихъ на сибирскихъ промыслахъ, при чемъ показанія нѣкоторыхъ мѣстныхъ наблюдателей заставляютъ думать, что въ дѣйствительности ихъ было значительно болѣе. Въ 70-хъ годахъ мы имѣемъ свѣдѣнія лишь о 10 волненіяхъ, въ 80-хъ—о 23-хъ, въ первое пятилѣтіе 90-хъ—о 12-ти; несомнѣнно слѣдовательно, что въ послѣднее время волненія становятся явленіемъ болѣе частымъ. По мѣстностямъ они распредѣляются такимъ образомъ: въ Западной Сибири—12, въ Енисейской губерніи—12, въ Олекминскомъ округѣ Якутской области—10, въ Забайкальской области—7 и въ Амурской и Приморской областяхъ—4.

Причины волненій извѣстны въ 31 случаѣ. Наиболѣе частыми причинами недовольства рабочихъ являются: непосильная величина уроковъ въ горныхъ работахъ, дурная пища, недостаточность винныхъ порцій, недостаточность платы за работу, жестокое обращеніе съ рабочими со стороны хозяевъ и пріисковыхъ служащихъ. Затѣмъ нерѣдко причинами волненій были: желаніе имѣть болѣе дней отдыха, большіе штрафы, грубость фельдшера и слишкомъ суровое обращеніе съ рабочими мѣстныхъ полицейскихъ властей — горнаго исправника, урядника или казаковъ. Наконецъ въ отдѣльныхъ случаяхъ волненія были вызваны: продажею рабочимъ дурныхъ припасовъ изъ пріисковыхъ лавокъ, обвѣшиваніемъ ихъ при этой продажѣ, прекращеніемъ выдачи припасовъ въ кредитъ, эксплоатаціею рабочихъ посредствомъ продажи имъ спирта и нежеланіемъ ихъ работать долѣе 10 сентября.

Волненія эти и ихъ усиленіе въ послѣднее время доказываютъ, что необходимы серьезныя законодательныя мѣры для улучшенія быта рабочихъ на золотыхъ промыслахъ.

---

[1]) „Вѣстн. Золот," 1897 г., № 4, стр. 82.

ГЛАВА XI.

Законодательное регулированіе положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ въ послѣдніе годы.

Законъ 20 Февраля 1895 г. о наймѣ рабочихъ на частные золотые промыслы и его подготовка.—Основанныя на немъ обязательныя постановленія томскаго горнозаводскаго присутствія.—Законъ 2 іюня 1897 г. о продолжительности рабочаго дня.—Необходимость различныхъ другихъ мѣръ на пользу пріисковыхъ рабочихъ.—Вопросъ объ обезпеченіи увѣчныхъ и семействъ убитыхъ пріисковыхъ рабочихъ.—Капиталъ имени М. А. Сибирякова.—Общество вспомоществованія горнорабочимъ въ Томскѣ.—Необходимость законодательныхъ мѣръ для обезпеченія рабочихъ на случай болѣзни и лишенія трудоспособности.—Хищническая добыча золота и необходимость ея легализированія.

Начало золотопромышленности въ Сибири, какъ мы видѣли, относится къ концу двадцатыхъ и началу тридцатыхъ годовъ, а первый опытъ законодательнаго регулированія быта рабочихъ на тамошнихъ золотыхъ промыслахъ былъ сдѣланъ въ 1838 году. Каковы бы ни были недостатки этого закона, мы находимъ въ немъ нѣкоторое стремленіе оградить интересы рабочихъ: такъ, воспрещены были обязательныя работы по воскресеньямъ и въ большіе праздники, въ виду суровости сибирскаго климата опредѣленъ срокъ осенней промывки золота (10 сентября) и дальнѣйшую промывку дозволялось производить только въ теплыхъ промывальняхъ, установленъ maximum количества рабочихъ часовъ для урочныхъ работъ (къ сожалѣнію, слишкомъ большой—15 часовъ, со включеніемъ времени на обѣденный отдыхъ), сдѣлана была попытка (хотя и не достигшая цѣли) регулировать размѣръ задатковъ съ цѣлью помѣшать закабаленію рабочихъ, а также охранить хотя часть заработка ссыльно-поселенцевъ отъ растраты при возвращеніи съ пріисковъ, и, наконецъ, хотя и не былъ узаконенъ администра-

тивный надзоръ за установленіемъ цѣнъ вещей и припасовъ, отпускаемыхъ рабочимъ изъ пріисковыхъ лавокъ, но одинъ параграфъ этого закона скоро вызвалъ утвержденіе пріисковыхъ таксъ администраціею, по крайней мѣрѣ, въ Западной Сибири (въ Восточной — гораздо позднѣе).

Нынѣ дѣйствующій Уставъ о частной золотопромышленности изданъ въ 1870 г. Въ томъ отдѣлѣ вырабатывавшей его коммиссіи, которому поручено было составленіе правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, видную роль играли нѣкоторые золотопромышленники или лица, состоявшія на службѣ у золотопромышленныхъ компаній (С. Соловьевъ, В. Скарятинъ, Г. Эрнъ), и экономистъ Вернадскій, извѣстный защитникъ системы невмѣшательства государства во взаимныя отношенія труда и капитала. Это невыгодно отразилось на содержаніи правилъ, регулировавшихъ (до 1895 г.) бытъ пріисковыхъ рабочихъ въ Сибири, и въ нихъ мы не нашли *ни одного* изъ указанныхъ постановленій закона 1838 года, имѣющихъ въ виду защиту интересовъ рабочихъ; полезнымъ нововведеніемъ въ правилахъ 1870 г. было только опредѣленіе вознагражденія за увѣчья. Правила эти очень скоро послѣ своего обнародованія подверглись строгому, но совершенно справедливому осужденію даже въ оффиціальномъ органѣ горнаго департамента.

Поводомъ къ пересмотру правилъ 1870 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы послужила всеподданнѣйшая записка бывшаго начальника Главнаго Тюремнаго Управленія Галкина-Враскаго (1882 г.) по обозрѣнію тюремной части въ Сибири, въ которой онъ между прочимъ коснулся положенія ссыльныхъ, работающихъ на золотыхъ промыслахъ, и указывалъ на необходимость установить нѣкоторыя новыя правила для огражденія интересовъ и рабочихъ, и нанимателей. По мнѣнію т. с. Галкина-Враскаго, трудъ на промыслахъ нельзя считать непосильнымъ и отяготительнымъ, и побѣги съ пріисковъ происходятъ отъ причинъ, кроющихся въ условіяхъ найма, разсчета съ рабочими и жизни на промыслахъ. Промысловыя работы нельзя считать особенно прибыльными: рабочій получаетъ деньгами лишь задатокъ, остальная же, большая часть, заработка забирается товаромъ на промыслѣ обыкновенно по дорогой цѣнѣ, и въ этомъ-то разсчетѣ за работу проявляется невыгодная для рабочихъ сторона дѣла [1]). Начальникъ Главнаго Тюремнаго управленія указываетъ на то, что золотопромышленникъ, чтобы удержать на промыслахъ рабочаго, открываетъ ему кредитъ товаромъ, а тотъ, нерѣдко сдѣлавъ заборъ на большую часть своего заработка, бѣжитъ съ пріиска и, запасшись паспортомъ, или и

[1]) Г. Галкинъ-Враскій упустилъ изъ виду, что многіе рабочіе получаютъ также деньгами додачу при окончательномъ разсчетѣ по истеченіи срока найма.

безъ него, поступаетъ на другой, нерѣдко сосѣдній пріискъ. Нанимаясь не на круглый годъ, рабочіе, по окончаніи лѣтней операціи, распускаются, причемъ ссыльные, не имѣя домообзаводства и приписанные къ дальнимъ областямъ, начинаютъ бродяжничать. Семейныхъ рабочихъ золотопромышленники обыкновенно избѣгаютъ, и ни больницъ (?), ни богадѣленъ для пріисковыхъ рабочихъ въ большинствѣ случаевъ нѣтъ.

Для измѣненія этого ненормальнаго положенія т. с. Галкинъ-Враскій считалъ самыми настоятельными слѣдующія мѣры: ссыльные нанимаются на работы не менѣе, чѣмъ на годовой срокъ, и не иначе, какъ при посредствѣ мѣстной экспедиціи о ссыльныхъ по выдаваемымъ ею видамъ; въ періодъ найма золотопромышленники должны давать ссыльному и его семьѣ готовое помѣщеніе, лѣчить его безвозмездно, а въ случаѣ увѣчья—содержать въ богадѣльнѣ; разсчетъ товаромъ слѣдуетъ по его мнѣнію допускать лишь въ извѣстной долѣ заработка и, наконецъ, виды свободныхъ рабочихъ (не ссыльныхъ) прописывать въ мѣстномъ полицейскомъ управленіи, которое должно дѣлать надписи на паспортѣ о поступленіи рабочаго на пріискъ; при увольненіи съ одного промысла на другой или въ постоянное мѣстожительство рабочимъ должны быть выдаваемы проходные билеты, а виды пересылаться по почтѣ. Г. Галкинъ-Враскій обратилъ вниманіе на то, что мѣстная полиція, получая частнымъ образомъ пособія отъ золотопромышленниковъ („едва-ли не всегда съ вѣдома губернскаго или областного начальства"), часто пренебрегаетъ своими обязанностями, и полагалъ, что было бы правильнѣе обратить это пособіе въ особый сборъ съ промышленниковъ за каждаго рабочаго и изъ получаемой такимъ образомъ суммы дѣлать выдачи на усиленіе окладовъ чиновъ полиціи и ея канцелярскихъ средствъ. На промыслахъ, гдѣ работаетъ болѣе тысячи рабочихъ, слѣдовало бы обязать промышленниковъ устраивать церкви, причемъ причтъ могъ бы обучать рабочихъ грамотѣ; необходимо также соблюдать на промыслахъ праздничные дни.

Хотя не всѣ наблюденія т. с. Галкина-Враскина относительно пріисковыхъ рабочихъ правильны и не всѣ предложенныя имъ мѣры удачны, но все таки онъ оказалъ рабочимъ большую услугу тѣмъ, что обратилъ вниманіе на необходимость установленія болѣе нормальныхъ отношеній между ними и предпринимателями. Извлеченіе изъ его записки было сообщено (въ декабрѣ 1882 г.) министерствомъ внутреннихъ дѣлъ министру государственныхъ имуществъ, статсъ-секретарю Островскому, а этотъ послѣдній, въ началѣ слѣдующаго года, препроводилъ ее генералъ-губернатору Восточной Сибири съ просьбою высказать свое мнѣніе о замѣчаніяхъ и предположеніяхъ т. с. Галкина-Враскаго, обративъ при этомъ „особенное вниманіе" на указываемую авторомъ записки „недостаточность правилъ, опредѣляющихъ

обязанности владѣльцевъ пріисковъ относительно лѣченія и призрѣнія рабочихъ".

Горное отдѣленіе Главнаго Управленія Восточной Сибири стало собирать матеріалы для рѣшенія поставленной ему задачи. Въ ноябрѣ 1883 г. окружной ревизоръ енисейскихъ промысловъ, ознакомившись съ препровожденнымъ къ нему извлеченіемъ изъ записки Галкина-Враскаго, высказалъ совершенно справедливую мысль, что необходимо „всѣ правила, вводимыя или имѣющія быть введенными въ фабричное законодательство" для „охраненія жизни и здоровья рабочихъ, распространить и на золотые промысла".

Дѣло однако подвигалось очень медленно, и предсѣдательствующій въ совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири, ген.-л. Педашенко, въ запискѣ 19 февраля 1885 года, счелъ необходимымъ напомнить генералъ-губернатору Восточной Сибири графу Игнатьеву, что все еще не исполнена просьба министра государственныхъ имуществъ о составленіи новыхъ правилъ о наймѣ пріисковыхъ рабочихъ. Своею обширною и замѣчательною запискою г.-л. Педашенко не мало содѣйствовалъ тому, что, при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи этого дѣла, оно не приняло слишкомъ односторонняго въ интересахъ золотопромышленниковъ направленія. „Многіе изъ рабочихъ", писалъ г.-л. Педашенко, „возвращаются съ пріисковъ физически надломленными; нерѣдко рабочій, умирая на пріискахъ, оставляетъ свою семью безъ средствъ къ существованію, и эти искалѣченные рабочіе и семьи погибшихъ на пріискахъ ложатся всею тяжестью на сельское населеніе, которое, въ силу 10 ст. общаго Положенія 19-го февраля, обязано призрѣвать ихъ всѣхъ; что же касается ссыльныхъ, то, за истощеніемъ поселенческаго капитала, съ будущаго года призрѣніе ихъ придется отнести на средства казны". Въ разныхъ мѣстахъ этой записки авторъ высказываетъ между прочимъ слѣдующія требованія и пожеланія. Относительно штрафовъ съ рабочихъ онъ полагаетъ, что ихъ возможно взимать за маловажные проступки—пьянство, картежную игру и пр.—развѣ только въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, а никакъ не въ пользу владѣльцевъ пріисковъ. Онъ считалъ также необходимымъ „установить въ законодательномъ порядкѣ сборъ съ золотопромышленниковъ, хотя по 1 руб. съ каждаго нанимаемаго рабочаго съ тѣмъ, что половину сбора наниматель можетъ относить на счетъ наемщика, и изъ этихъ денегъ образовать особый капиталъ для устройства богадѣленъ" (въ населенныхъ мѣстахъ и гдѣ жизнь наиболѣе дешева), въ которыхъ и призрѣвать увѣчныхъ пріисковыхъ рабочихъ, „а также для устройства больницъ, для лѣченія рабочихъ, заболѣвшихъ дорогой". Очень важны указанія г.-л. Педашенко на необходимость реформы полицейскаго надзора на пріискахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ обратило вниманіе

еще въ 1872 году на то, что горные исправники, вслѣдствіе ничтожности получаемаго ими содержанія, находятся въ полной зависимости отъ золотопромышленниковъ, и вошло въ сношеніе съ министромъ финансовъ относительно увеличенія имъ жалованья. Оно указало при этомъ на то, что „подкупъ чиновниковъ, поставленныхъ закономъ для надзора за золотыми промыслами, обращенъ въ Сибири въ строгую и послѣдовательную систему, которая, дѣйствуя въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, утратила наконецъ и въ мѣстномъ общественномъ мнѣніи, и въ глазахъ самого начальства законопреступный характеръ и признана явленіемъ какъ бы нормальнымъ и естественнымъ“, и что подобною же системою дѣйствій золотопромышленники уничтожаютъ всякое значеніе состоящихъ на пріискахъ и наблюдающихъ за ними горныхъ ревизоровъ и жандармскихъ офицеровъ. Затѣмъ, въ отношеніи къ генералъ-губернатору Восточной Сибири отъ 21-го ноября 1879 г. министръ внутреннихъ дѣлъ указалъ на то, что „матеріальная зависимость, въ которой находятся горные исправники и чины спеціальнаго горнаго управленія относительно владѣльцевъ золотыхъ промысловъ, должна несомнѣнно парализовать всѣ принимаемыя правительствомъ мѣры для благоустройства частнаго золотого промысла“. Г.-л. Педашенко предлагалъ „ходатайствовать о коренномъ преобразованіи въ законодательномъ порядкѣ горной полиціи“. Онъ предлагалъ также составить образцовый контрактъ. Для охраненія рабочихъ отъ эксплоатаціи ихъ золотопромышленниками, благодаря ихъ праву монопольной торговли на пріискахъ, онъ считалъ необходимымъ, чтобы таксы, утверждаемыя горными исправниками, представлялись на ревизію губернскихъ совѣтовъ съ предоставленіемъ имъ права уменьшать продажныя цѣны. Указавъ на необходимость увеличенія въ пищѣ пріисковыхъ рабочихъ жировыхъ веществъ, г.-л. Педашенко посовѣтовалъ рекомендовать золотопромышленникамъ ежедневно выдавать винную порцію по $^1/_{100}$ ведра, „такъ какъ это будетъ способствовать поддержанію здоровья рабочихъ и будетъ лучшимъ предупредительнымъ средствомъ противъ кражи золота и спиртоносничества“. Для этой цѣли необходимо также рекомендовать увеличеніе платы за подъемное золото [1]).

И. К. Педашенко очень долго служилъ въ Сибири, былъ губернаторомъ на Амурѣ, въ Забайкальѣ, въ Иркутской губерніи, множество разъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири, затѣмъ былъ назначенъ енисейскимъ губернаторомъ и считался знатокомъ края, такъ что его записка не могла не имѣть большого значенія въ глазахъ высшей мѣстной администраціи. Она была однимъ изъ поводовъ къ созванію амурскимъ генералъ-губернаторомъ въ декабрѣ

[1]) Дѣло Канц. Ирк. Горн. Упр. № 11, л. 9—10, 53—79.

1885 г. съѣзда золотопромышленниковъ Амурской и Забайкальской областей въ городѣ Читѣ. На съѣздѣ этомъ были прочитаны также записки губернатора Забайкальской области г.-м. Барабаша, очень долго служившаго въ Сибири, и горнаго инженера при амурскомъ генералъ-губернаторѣ Іордана. Эти лица также свидѣтельствовали о крайне печальномъ положеніи пріисковыхъ рабочихъ и вредномъ вліяніи золотопромышленности на мѣстное населеніе; но мѣры, предложенныя г.-м. Барабашемъ, нельзя признать удачными. Онъ считалъ необходимымъ „установить и неуклонно поддерживать правило, чтобы рабочіе нанимались на пріискахъ только въ мѣстахъ постояннаго ихъ причисленія, т.-е., въ волостяхъ или станичныхъ округахъ, на срокъ не болѣе одного года, какъ и закономъ требуется, и не иначе, какъ по приговорамъ волостныхъ или станичныхъ правленій“. Разрѣшеніе должно давать только тѣмъ, чей уходъ на пріиски не повлечетъ за собою разстройства ихъ хозяйства. Полезно было бы и совершенно запретить домохозяевамъ наниматься на пріиски. Задатки не слѣдуетъ выдавать рабочимъ на руки полностью, а часть ихъ на мѣстѣ заключенія контрактовъ должна идти на уплату податей, на поддержаніе семьи и хозяйства нанимающагося. Подобная административная опека, въ духѣ проектовъ сороковыхъ годовъ, звучитъ очень странно нѣсколько десятковъ лѣтъ позднѣе; за это время пора было додуматься до того, что необходимо регулированіе положенія рабочихъ на промыслахъ и ихъ отношеній къ предпринимателямъ, а не опредѣленіе того, кто можетъ наниматься на пріиски. Г.-м. Барабашъ совѣтовалъ привлекать на золотые промыслы китайцевъ, что, конечно, не могло содѣйствовать улучшенію быта пріисковыхъ рабочихъ. Наконецъ онъ вскользь упоминалъ о необходимости большаго, чѣмъ прежде, примѣненія на пріискахъ „артельнаго начала“.

Болѣе значенія имѣетъ записка горнаго инженера Іордана. Онъ въ энергическихъ выраженіяхъ указываетъ на вредное вліяніе золотопромышленности: „Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, видно подавляющее вліяніе капитала на трудъ. Третье десятилѣтіе... существуетъ“ (въ Приамурскомъ краѣ) „частная золотопромышленность, а между тѣмъ... уровень благосостоянія обращающагося въ работѣ населенія нисколько не повысился. Напротивъ того, по отзывамъ старожиловъ и знатоковъ края, онъ значительно понизился. Съ развитіемъ золотопромышленности создался рабочій пролетаріатъ, котораго раньше не было“. По словамъ автора, по приходѣ рабочаго на пріискъ, „онъ поступаетъ въ полное распоряженіе пріисковой администраціи; здѣсь начинается беззастѣнчивая эксплоатація его труда... При всемъ томъ у золотопромышленниковъ хватаетъ духу“ утверждать, „что нравственность рабочихъ стоитъ на низкомъ уровнѣ. Но сдѣлано ли ими хоть что нибудь для

поднятія его, и не они ли сами являются первыми деморализаторами народа?" Выразивъ желаніе, чтобы золотопромышленность „не стояла внѣ закона", авторъ предлагаетъ обсудить на съѣздѣ ея представителей слѣдующіе мѣры и вопросы: 1) „Улучшеніе быта рабочихъ на началахъ солидарности интересовъ труда и капитала". 2) „Обязательный отдыхъ отъ работъ на пріискахъ въ воскресные дни... Воскресная робота на пріискахъ", продолжаетъ авторъ, „какъ-то не вяжется съ обязательными постановленіями думъ въ городахъ Восточной Сибири, въ силу которыхъ въ эти дни воспрещается такой легкій трудъ, какъ торговля. При продолжительности промысловой операціи, отъ 16 до 20 недѣль, весь разсчетъ сводится къ 8—10 днямъ" (два дня въ мѣсяцъ и прежде назначались на отдыхъ). 3) „Обязательная ежедневная выдача рабочимъ, выполнившимъ уроки, винныхъ порцій. При нелегкой работѣ водка, конечно въ умѣренной дозѣ, является не удовлетвореніемъ прихоти, а необходимымъ возбуждающимъ организмъ элементомъ". Авторъ напрасно только обусловливаетъ выдачу винной порціи исполненіемъ урока: довольно и того, что за недоработку полагаются разные штрафы, вычеты и отработки, и вовсе не желательно, чтобы опасеніе лишиться вина побуждало рабочихъ во что бы то ни стало выполнять непосильные уроки [1]).

Весьма странно, что на Читинскій съѣздъ были приглашены только золотопромышленники и ихъ управляющіе, и что (не говоря уже объ отсутствіи представителей рабочаго класса) единственнымъ представителемъ администраціи былъ горный инженеръ Іорданъ, назначенный предсѣдателемъ съѣзда. Главноуправляющій Верхне-Амурской К°, инженеръ-технологъ Янчуковскій, поднялъ весьма важный вопросъ объ учрежденіи пенсіонной кассы, указалъ на необходимость обязательнаго учрежденія школъ на пріискахъ и наконецъ высказалъ мысль, что „будущность нашего золотого дѣла и его польза для государства кроется исключительно въ развитіи мелкой золотопромышленности, для чего необходимо развитіе кредита" [2]). Г. Янчуковскій не договорилъ, какого рода мелкую золотопромышленность онъ считаетъ полезною: въ видѣ ли отдѣльныхъ предпринимателей или артелей рабочихъ. За него это сдѣлали въ своей запискѣ горные инженеры Герасимовъ и Шостакъ. Они предложили: а) поощрять разработки золота сельскими обществами или артелями; б) разрѣшить принимать золото въ ближайшихъ отъ пріисковъ казначействахъ или в) разрѣшить обороты золотомъ, какъ товаромъ, т.-е. покупку и продажу его. Собраніе золотопромышленниковъ нашло для себя это предложеніе невыгоднымъ и отклонило его. Съѣздъ не

[1]) Дѣло Канц. Ирк. Горн. Упр. № 14, т. I, л. 63—68, 74—80.
[2]) „Восточн. Обозр." 1886 г. № 9, стр. 9—11.

обошелся безъ весьма прискорбнаго курьеза. Предсѣдатель съѣзда, горный инженеръ Іорданъ, въ запискѣ, представленной амурскому генералъ-губернатору бар. Корфу, въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ говорилъ о вредномъ вліяніи золотопромышленности и печальномъ положеніи рабочихъ. Теперь на съѣздѣ онъ неожиданно раскаялся и повинился въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ [1]). Сообщая объ этомъ оригинальномъ казусѣ, „Восточное Обозрѣніе“ справедливо замѣтило: „при такомъ составѣ съѣзда“ (изъ однихъ золотопромышленниковъ) „иначе и быть не могло“.

Неудачный опытъ Читинскаго съѣзда не разочаровалъ горное отдѣленіе Главнаго Управленія Восточной Сибири, и начальникъ его Карпинскій испросилъ у генералъ-губернатора разрѣшеніе пригласить находившихся въ Иркутскѣ представителей золотопромышленности на совѣщанія, которыя начались 25-го февраля 1886 г.

„На приглашеніе мое“, разсказываетъ г. Карпинскій, „откликнулись немногіе..., тѣмъ не менѣе на первомъ совѣщаніи собравшіеся золотопромышленники выбрали изъ своей среды семь человѣкъ, которые очень усердно посѣщали послѣдующія собранія. Общій отзывъ представителей былъ тотъ, что хозяева страдаютъ отъ неисполненія условій нанимающимися на пріиски рабочими и находятся отъ нихъ въ полной зависимости. Хотя въ заключаемыхъ съ рабочими контрактахъ и выговорены, повидимому, для нихъ тяжелыя, условія, но они въ дѣйствительности никогда не исполняются и пишутся только для острастки рабочимъ“ (?). На совѣщаніяхъ былъ составленъ нормальный контрактъ, въ которомъ, какъ сознается г. Карпинскій, „хотя права рабочихъ были ограждены болѣе, чѣмъ въ прежнихъ, тѣмъ не менѣе въ немъ проглядывала нѣкоторая односторонность въ пользу нанимателей, потому что на совѣщаніяхъ были представители только одной стороны, а защитниками интересовъ рабочихъ являлись только мы, представители администраціи, въ числѣ четырехъ человѣкъ, и, нужно сказать, защитниками слабыми, не имѣющими такой подготовки, какъ наши противники. Проектъ контракта былъ представленъ генералъ-губернатору“, но онъ „предложилъ мнѣ не давать ему дальнѣйшаго хода до моей поѣздки на пріиски. Такая осторожность оказалась какъ нельзя болѣе умѣстной, потому что, побывавъ на пріискахъ и познакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ рабочихъ, я въ значительной степени измѣнилъ свой взглядъ и пришелъ къ заключенію, противоположному тому, какое указывали представители промышленности: если наниматели и находятся въ нѣкоторой зависимости отъ рабочихъ, то и съ ихъ стороны не всегда исполняются условія и даже допускаются противозаконныя дѣйствія“ [2]).

---

[1]) „Восточн. Обозр.“ 1886 г. № 8, стр. 2—3.

[2]) „Извѣст. Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1886 г. т. XVII, № 3—4.

Въ докладѣ генералъ-губернатору объ осмотрѣ олекминскихъ пріисковъ Карпинскій между прочимъ высказалъ мнѣніе, что водка (полугаръ, т.-е. спиртъ въ 80°, разбавленный на половину водой) „должна выдаваться“ рабочимъ „въ умѣренномъ количествѣ ежедневно“. Онъ считалъ также „вполнѣ справедливымъ“, чтобы оградить рабочихъ отъ произвольнаго досрочнаго разсчета, включить въ правила для найма ихъ „непремѣнное условіе, что пріисковое правленіе ни подъ какимъ предлогомъ не имѣетъ права отказать въ работѣ нанятому рабочему ранѣе обусловленнаго въ контрактѣ срока. Если же рабочій по своимъ нравственнымъ качествамъ не можетъ быть терпимъ на пріискѣ, то управленіе обязано заявить объ этомъ... окружному ревизору (за отсутствіемъ его—горному исправнику), и если онъ найдетъ жалобу основательной и убѣдится въ томъ, что другія мѣры къ исправленію были приняты, то тогда управленіе можетъ отказать рабочему“. Г. Карпинскій полагалъ, что за лѣность, уклоненіе отъ работъ, непослушаніе и т. п., рабочій можетъ быть посаженъ въ карцеръ при казачьей казармѣ, но не иначе, какъ по распоряженію окружного ревизора или горнаго исправника, или лица, завѣдующаго полицейской частью съ запискою въ назначенную для этого книгу. Увольненіе рабочихъ до срока по болѣзни г. Карпинскій находилъ также совершенно несправедливымъ. Относительно медицинской помощи онъ считалъ необходимымъ установить правило, „чтобы на всякомъ пріискѣ, на которомъ число рабочихъ лѣтомъ доходитъ до пятидесяти человѣкъ, была бы своя больница съ фельдшеромъ, снабженная необходимыми медикаментами. На пріискахъ, гдѣ число рабочихъ не достигаетъ этой цифры, слѣдуетъ имѣть хотя одну комнату, предназначенную исключительно на случай немедленной подачи помощи пострадавшимъ; при этомъ управленія такихъ пріисковъ должны входить въ соглашенія съ такими, у которыхъ имѣются больницы, чтобы послѣднія принимали больныхъ рабочихъ съ ихъ пріисковъ“. Управленія пріисковъ, не имѣющихъ своихъ больницъ, обязаны представить горному ревизору и горному исправнику удостовѣренія, что находящіеся на ихъ пріискахъ рабочіе, въ случаѣ надобности, будутъ лѣчиться въ такой-то больницѣ. Г. Карпинскій считалъ также необходимымъ поставить и назначеніе размѣра уроковъ въ горныхъ работахъ подъ контроль администраціи. „Такъ какъ не представляется возможности установить общую для всѣхъ пріисковъ норму урочныхъ работъ, то, во избѣжаніе возникающихъ по этому предмету споровъ между рабочими и пріисковыми управленіями“, онъ находилъ „весьма цѣлесообразнымъ“ обязать окружныхъ ревизоровъ и ихъ помощниковъ „составить для каждаго пріиска таблицу, опредѣляющую урочныя работы, которая за ихъ подписью должна быть выставлена на видномъ мѣстѣ, какъ это дѣлается съ утверждаемою горнымъ исправникомъ таксою на продающіеся въ пріисковыхъ мага-

зинахъ предметы". Въ заключеніе г. Карпинскій высказалъ мысль, что слѣдуетъ также позаботиться объ образованіи ссудосберегательныхъ товариществъ какъ для рабочихъ, такъ въ особенности для служащихъ, что́ можно было бы возложить на окружныхъ инженеровъ. Къ докладу былъ приложенъ „проектъ измѣненій въ правилахъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы, согласованный съ Высочайше утвержденными 3 іюня 1886 г. правилами о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ", обязательными и для желѣзныхъ и другихъ горныхъ заводовъ и соляныхъ промысловъ.

Въ резолюціи 15 сентября 1886 г. генералъ-губернатора Восточной Сибири гр. Игнатьева на этотъ докладъ было сказано: „1) Предварительно дальнѣйшаго направленія въ законномъ порядкѣ мѣры, предлагаемыя въ докладѣ, должны быть внесены на обсужденіе совѣщанія золотопромышленниковъ при Горномъ Отдѣленіи въ теченіе предстоящей зимы... 2) Нѣкоторыя части доклада, и въ частности предлагаемыя весьма серьезныя мѣры, должны быть разработаны полнѣе, такъ напримѣръ, при запрещеніи увольнять рабочихъ съ пріисковъ безъ выдачи паспорта (что́ я лично нахожу весьма желательнымъ) надо выработать весьма осмотрительно цѣлую систему взысканій, ограждающихъ ихъ хозяевъ отъ произвола и недобросовѣстности пріисковыхъ рабочихъ и въ этомъ сообразоваться съ вновь выработанными правилами для фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ (чего я въ докладѣ не вижу), а равно и съ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, предоставляя горнымъ исправникамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мировой судъ. Только при этихъ условіяхъ можетъ быть допущено, въ видѣ дисциплинарныхъ наказаній, арестъ въ карцерѣ и т. п. Полагаю, что, во избѣжаніе накопленія въ тайгѣ вреднаго люда, неизбѣжно предусмотрѣть случаи выдворенія изъ тайги, и при этомъ очевидно придется установить выдачу тѣхъ же проходныхъ свидѣтельствъ, а паспорты отсылать въ волость".

Въ 1887 г. г. Карпинскій извѣстилъ Горный Департаментъ, что проектъ правилъ отпечатанъ, разосланъ владѣльцамъ промысловъ и ихъ управляющимъ, и отъ нихъ было получено до 50 представленій, вслѣдствіе которыхъ большую часть параграфовъ пришлось измѣнить или дополнить, и затѣмъ выработанныя правила въ первоначальномъ и исправленномъ видѣ были представлены генералъ-губернатору, который, въ виду важности дѣла, нашелъ нужнымъ еще разъ обсудить ихъ.

14 января 1888 г. на совѣщаніе о выработанномъ проектѣ правилъ найма рабочихъ на золотые промысла въ домѣ Сиверса (одного изъ пайщиковъ самыхъ крупныхъ компаній Олекминскаго округа—Промышленности и Прибрежно-Витимской) были приглашены, кромѣ самого Сиверса, Стрижевъ, Шамаринъ (оба служащіе въ той же ком-

паніи), Славинъ, Плетюхинъ (золотопромышленникъ, съ противозаконными контрактами котораго съ рабочими мы познакомились выше), Громовъ, Демидовъ, Минѣевъ, І. Огрызко (бывшій политическій ссыльный, занимавшійся въ Сибири золотопромышленностью), Корсаковъ, Трапезниковъ, администрація по дѣламъ бр. Бутиныхъ и др., всего 23 лица. Въ іюлѣ 1888 г. проектъ въ передѣланномъ видѣ былъ представленъ генералъ-губернатору [1]).

Мы имѣемъ такимъ образомъ проектъ правилъ, составленный въ Иркутскѣ при участіи мѣстныхъ золотопромышленниковъ, въ двухъ редакціяхъ: печатной 1887 г., разосланной сибирскимъ золотопромышленникамъ и въ редакціи сибирскихъ газетъ [2]), вызвавшей вслѣдствіе этого критику въ печати [3]), и рукописной 1888 г., представленной въ концѣ этого года въ Горный Департаментъ.

Къ первой редакціи проекта, кромѣ представителей администраціи и печати, въ общемъ сочувственно отнесся главноуправляющій Верхнеамурской К° А. В. Янчуковскій, а всего озлобленнѣе горный инженеръ В. Кулибинъ и золотопромышленникъ Иваницкій.

Препровождая въ иркутское горное отдѣленіе свои замѣчанія на первую редакцію проекта, г. В. Кулибинъ писалъ: „Эти новыя правила, ставя въ обязанность золотопромышленника еще улучшить бытъ рабочаго на свой счетъ, не улучшаютъ положенія относительно самаго дѣла и потому могутъ скорѣе послужить только къ еще болѣе натянутымъ отношеніямъ. Съ одной стороны золотопромышленникъ будетъ недоволенъ тѣмъ, что понесетъ новые расходы не только непроизводительно, но даже съ прямымъ убыткомъ для себя, а съ другой стороны рабочіе, видя, что всякое улучшеніе ихъ быта не можетъ касаться ихъ заработка, а признается компетентною властью прямою обязанностью золотопромышленника, могутъ стать еще требовательнѣе. Во всякомъ случаѣ эти мѣры не придадутъ рабочимъ ни бо̀льшей энергіи, ни бо̀льшаго усердія къ исполненію работъ... Вопросъ объ улучшеніи быта рабочаго — вопросъ весьма растяжимый, а если онъ усложняется тѣмъ, что это улучшеніе должно дѣлаться исключительно на счетъ хозяина, такъ можно дойти и до участія рабочаго въ прибыляхъ производства и, наконецъ, до равномѣрнаго распредѣленія между хозяиномъ и рабочимъ прибылей производства: это путь скользкій [4]). Г. Иваницкій также не прочь пугнуть жупеломъ соціализма. „Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ новыхъ ученій“, писалъ онъ, „интересы капитала и труда встали въ такое непримиримое противорѣчіе, что согласовать ихъ справедливымъ образомъ одновременно съ то-

[1]) Дѣла Канц. Ирк. Горн. Упр. № 14, т. I, л. 175—222, 268—269, 337, № 11, л. 199, 207; дѣло Горн. Департ., отд. частн. золот. 1882 г. № 80, л. 20.

[2]) „Сибирская Газета“ 1887 г. № 17, стр. 645—648.

[3]) Всего подробнѣе въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ 1887 г. № 11.

[4]) Г. Кулибинъ уже ничѣмъ не можетъ удивить насъ послѣ его циничныхъ статей по рабочему вопросу въ „Вѣстникѣ Золотопромышленности“ 1894 г., печатая которыя редакція сочла, впрочемъ, нужнымъ оговориться, что большую часть выводовъ, къ которымъ приходитъ авторъ, редакція не раздѣляетъ; но для чего въ такомъ случаѣ печатать подобныя статьи?

чекъ зрѣнія нанимателя и рабочаго невозможно. Одни находятъ капиталистическое производство безусловно вреднымъ и проповѣдуютъ замѣну его артельнымъ либо кустарнымъ производствомъ, другіе не вѣрятъ въ возможность развитія промышленности безъ участія капитала и приписываютъ отсутствію послѣдняго упадокъ производства. Привести къ одному знаменателю взгляды сторонниковъ того и другого направленія невозможно; остается, слѣдовательно, или стать на точку зрѣнія безусловныхъ сторонниковъ рабочихъ и создать законодательство, которое имѣло бы цѣлью прекращеніе въ недалекомъ будущемъ капиталистическаго производства и переходъ всей промышленности къ артелямъ и кустарямъ, или же стараться развить производство посредствомъ привлеченія къ нему капиталовъ и предпринимателей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ урегилированіе отношеній между обѣими сторонами должно ограничиться обязанностью для нанимателей сдѣлать посильныя уступки къ улучшенію быта и положенія рабочихъ съ тѣмъ однако же, чтобы уступки эти не выходили за предѣлы возможнаго, такъ какъ чрезмѣрныя требованія привели бы промышленность къ упадку, вызвали бы при маломъ спросѣ большое предложеніе рабочихъ рукъ и въ окончательномъ результатѣ отозвались бы невыгодно для самихъ рабочихъ. Находя, что при современномъ экономическомъ строѣ никакая промышленность не можетъ развиться безъ участія капиталовъ", Иваницкій предупреждалъ, что будетъ разсматривать проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ „съ точки зрѣнія развитія капиталистическаго производства золотого промысла". Къ какимъ выгоднымъ для золотопромышленниковъ выводамъ приводитъ усвоенная г. Иваницкимъ точка зрѣнія,—мы увидимъ ниже изъ его замѣчаній на проектъ [1]).

Къ концу января 1888 г. была закончена выработка второй редакціи проекта, и начальникъ иркутскаго горнаго управленія представилъ ее генералъ-губернатору. Только въ ноябрѣ иркутскій генералъ-губернаторъ, гр. Игнатьевъ, отвѣчалъ, что не встрѣчаетъ препятствій къ представленію проекта правилъ министру государственныхъ имуществъ съ ходатайствомъ объ утвержденіи его въ законодательномъ порядкѣ и сдѣлалъ на него лишь нѣкоторыя замѣчанія. Препровождая министру государственныхъ имуществъ проектъ правилъ, г. Карпинскій сообщилъ, что по послѣднимъ указаніямъ генералъ-губернатора исправленій имъ не сдѣлано, хотя онъ самъ раздѣляетъ взгляды высшаго начальника края: „такъ какъ правила проектированы въ совѣщаніяхъ золотопромышленниковъ", то онъ „не считалъ себя въ правѣ дѣлать существеныя измѣненія во избѣжаніе съ ихъ стороны нареканій". Представляя проектъ правилъ и копію съ замѣчаній иркутскаго генералъ губернатора, г. Карпинскій писалъ: „введеніе этихъ правилъ въ Сибири весьма желательно, чтобы сгладить тѣ обостренныя отношенія, которыя установились между хозяевами пріисковъ и рабочими и которыя

[1]) Первая редакція проекта была напечатана въ Иркутскѣ особою брошюрою въ 1887 г.; замѣчанія на нее см. въ дѣлѣ канц. Иркут. Горн. Упр. № 14, т. II; вторую редакцію проекта см. въ дѣлѣ Том. Горн. Упр. по вопросу о примѣненіи новыхъ правилъ и въ дѣлѣ Горн. Департ., отд. частн. золот. 1882 г. № 80, л. 22—33.

не разъ служили источникомъ недоразумѣній между ними и даже вызывали болѣе или менѣе серьезные безпорядки на золотыхъ промыслахъ".

Въ февралѣ 1889 г. Горный Департаментъ препроводилъ проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ къ начальнику томскаго горнаго управленія и просилъ сообщить ему свое заключеніе въ самомъ непродолжительномъ времени. Г. Денисовъ немедленно прислалъ свои личныя замѣчанія, но въ то же время призналъ необходимымъ разослать проектъ на заключеніе подвѣдомственныхъ ему окружныхъ инженеровъ. Дѣло это настолько затянулось, что сводъ замѣчаній окружныхъ инженеровъ Западной Сибири былъ отосланъ въ Горный Департаментъ лишь черезъ два года, въ маѣ 1891 г. Г. Денисовъ предлагалъ разсмотрѣть проектъ правилъ при участіи самихъ золотопромышленниковъ, управляющихъ промыслами и горныхъ исправниковъ, а для этого созвать съѣзды золотопромышленниковъ въ каждомъ изъ горныхъ округовъ подъ предсѣдательствомъ окружныхъ инженеровъ. Министерство государственныхъ имуществъ не приняло этого предложенія, и скорбѣть объ этомъ не приходится: мы увидимъ, что широкое участіе золотопромышленниковъ въ выработкѣ второй редакціи иркутскаго проекта привело къ умаленію въ немъ правъ рабочихъ. Подобное же предложеніе томскаго губернатора Тобизена было также отклонено. Проектъ правилъ Горный Департаментъ сообщилъ на заключеніе и главнаго начальника уральскихъ заводовъ. По полученіи отзывовъ начальника томскаго горнаго управленія и главнаго начальника уральскихъ заводовъ, отдѣленіемъ частной золотопромышленности Горнаго Департамента былъ составленъ новый проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ, и въ апрѣлѣ 1890 г., т.-е. еще до полученія замѣчаній горныхъ инженеровъ томскаго горнаго округа, министръ государственныхъ имуществъ приказалъ передать его для дальнѣйшей разработки члену Горнаго Совѣта А. А. Штофу, который черезъ четыре мѣсяца представилъ переработанный проектъ съ обширною объяснительною запискою (то и другое было напечатано). Однако, Горный Департаментъ вновь предложилъ измѣненія по нѣкоторымъ статьямъ проекта А. А. Штофа [1]) и затѣмъ представилъ проектъ съ отдѣльною запискою объ этихъ измѣненіяхъ въ Горный Совѣтъ. Въ іюнѣ 1891 г. былъ, наконецъ, полученъ изъ Томска и также представленъ въ Совѣтъ сводъ замѣчаній окружныхъ инженеровъ томскаго горнаго округа на иркутскій проектъ. Разсмотрѣвъ проектъ А. А. Штофа съ замѣчаніями на него Горнаго Департамента, Горный Совѣтъ [2]) по нѣкоторымъ статьямъ нашелъ нужнымъ сдѣлать измѣненія, которыя и были одобрены мини-

[1]) При этомъ Горный Департаментъ въ своей объяснительной запискѣ ссылался иногда на статью Соловаго въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" 1887 г. № 11.

[2]) Въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель Н. Кулибинъ, члены В. Меллеръ, К. Скальковскій, А. Штофъ, А. Таскинъ, А. Карпинскій и Н. Веселовскій.

стромъ государственныхъ имуществъ, кромѣ нѣкоторыхъ пунктовъ, вызвавшихъ передѣлки вслѣдствіе его замѣчаній. Проектъ, такимъ образомъ вновь измѣненный и напечатанный съ подробною объяснительною запиской, при всѣхъ своихъ недостаткахъ (самымъ крупнымъ изъ нихъ было установленіе шестнадцатичасоваго рабочаго дня со включеніемъ времени отдыха) имѣлъ, однако, и хорошія стороны, особенно сравнительно съ предшествующимъ законодательствомъ о пріисковомъ трудѣ и даже отчасти съ позднѣйшимъ закономъ 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промысла. Этимъ проектомъ былъ опредѣленъ размѣръ пищевого пайка на пріискахъ и на пути (что̀ предоставлено было закономъ 1895 г. горнозаводскимъ присутствіямъ), предписано было выдавать рабочему часть платы и во время болѣзни, устранено всякое упоминаніе о тѣлесныхъ наказаніяхъ даже и для ссыльнопоселенцевъ, полагалось начало собиранію капитала на помощь рабочимъ, пострадавшимъ на пріискахъ, опредѣлено, чтобы штрафы съ рабочихъ шли въ этотъ капиталъ, а не въ пользу золотопромышленника, штрафы съ предпринимателей установлены въ размѣрѣ большемъ, чѣмъ въ законѣ 1895 г. Правда многія изъ благопріятныхъ для пріисковыхъ рабочихъ постановленій этого проекта были только примѣненіемъ къ нимъ нѣкоторыхъ параграфовъ Правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и Устава о Промышленности и желательно было бы, чтобы, въ виду трудности пріисковыхъ работъ, горное вѣдомство пошло нѣсколько далѣе въ дѣлѣ защиты рабочаго, но отъ этого оно отказывалось самымъ рѣшительнымъ образомъ: такъ, напримѣръ, предложеніе воспретить наемъ на пріиски малолѣтнихъ рабочихъ (ранѣе 16 лѣтъ) не встрѣтило поддержки со стороны высшаго представителя этого вѣдомства, и по проекту дозволялся наемъ малолѣтнихъ съ 12-лѣтняго возраста, при чемъ до 15 лѣтъ ихъ нельзя было употреблять только въ подземныя работы.

Проектъ 1892 г. былъ препровожденъ на предварительное заключеніе министровъ внутреннихъ дѣлъ, императорскаго двора, юстиціи и финансовъ, генералъ-губернаторовъ иркутскаго, приморскаго и степного, губернаторовъ томскаго и забайкальскаго, главнаго начальника уральскихъ заводовъ, горныхъ управленій томскаго и иркутскаго. Въ теченіе 1892 и 93 гг. получены были министерствомъ государственныхъ имуществъ заключенія отъ министровъ и другихъ названныхъ выше лицъ, при чемъ наиболѣе существенныя и важныя въ интересахъ рабочихъ указанія были сдѣланы иркутскимъ генералъ-губернаторомъ А. Д. Горемыкинымъ и томскимъ окружнымъ инженеромъ г. Реутовскимъ [1]). Всѣ

[1]) Начальникъ томскаго горнаго управленія, опять не довольствуясь собственными замѣчаніями, представилъ и замѣчанія подвѣдомственныхъ ему окружныхъ инженеровъ.

замѣчанія были вновь переданы члену Горнаго Совѣта А. А. Штофу для переработки на основаніи ихъ проекта, и онъ въ обширной печатной запискѣ съ большимъ вниманіемъ отнесся ко всѣмъ высказаннымъ мнѣніямъ, но проектъ 1894 г. былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ все-таки не лучше, а хуже проекта 1892 г.: мы разумѣемъ передачу горнозаводскимъ присутствіямъ регулированія столь важныхъ въ жизни рабочихъ сторонъ, какъ пищевое довольствіе, помѣщенія и врачебная помощь. Относительно горныхъ заводовъ это было уже установлено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 9 марта 1892 г.; тѣмъ не менѣе въ проектѣ 15 апрѣля 1892 г. министерство государственныхъ имуществъ относительно золотыхъ пріисковъ (очевидно, въ виду особыхъ условій производства этого промысла въ ненаселенныхъ мѣстностяхъ Сибири) нашло возможнымъ отстаивать необходимость регулированія пищевого довольствія, помѣщеній и врачебной помощи рабочимъ путемъ законодательнымъ. Правда, только пищевой паекъ былъ опредѣленъ въ проектѣ 1892 г. болѣе удовлетворительно, постановленіе относительно помѣщеній рабочихъ было слишкомъ неопредѣленно, а относительно врачебной помощи недостаточно, но въ принципѣ проектъ 1892 г. стоялъ выше въ этихъ отношеніяхъ проекта 1894 г. и закона 1895 г. [1]). Въ проектѣ 1894 г. отсутствуетъ позорная статья проекта 1892 г. устанавливающая шестнадцатичасовой рабочій день (хотя и со включеніемъ времени на обѣдъ и отдыхъ), но при составленіи позднѣйшаго проекта министерство государственныхъ имуществъ перешло въ другую крайность, а именно, къ сожалѣнію, рѣшило вовсе отказаться отъ регулированія продолжительности рабочаго дня, т.-е. послѣдовало въ этомъ отношеніи примѣру правилъ 1870 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы.

Послѣ передѣлки г. Штофомъ проекта, онъ вновь былъ переданъ на разсмотрѣніе Горнаго Совѣта и тотъ опять сдѣлалъ измѣненія, неблагопріятныя для рабочихъ. Послѣ того проектъ закона о наймѣ рабочихъ на золотые и платиновые промыслы принялъ окончательный видъ, но Горный Департаментъ приложилъ къ нему записки: томскаго губернатора Тобизена, военнаго губернатора Амурской области Арсеньева (къ которымъ присоединился и доставившій ее пріамурскій генералъ-губернаторъ Духовской) и золотопромышленниковъ Енисейскаго горнаго

---

[1]) Нельзя не признать, что регулированіе пищевого довольствія общеконтрактныхъ пріисковыхъ рабочихъ законодательнымъ путемъ можетъ имѣть свои неудобства, но мы считаемъ его необходимымъ при существующемъ положеніи золотопромышленности въ Сибири до тѣхъ поръ, пока не будетъ измѣненъ составъ горнозаводскихъ присутствій, въ которыхъ въ настоящее время треть голосовъ принадлежитъ золотопромышленникамъ, а рабочіе не имѣютъ своихъ представителей.

округа о положеніи рабочихъ на золотыхъ промыслахъ [1]). Эти записки имѣли въ виду защиту интересовъ золотопромышленниковъ (амурскаго губернатора Арсеньева и енисейскихъ золотопромышленниковъ всецѣло, а томскаго губернатора Тобизена преимущественно), но министръ государственныхъ имуществъ, т.-с. Ермоловъ, пожелалъ выслушать мнѣнія тѣхъ лицъ, которыя могли сказать слово въ защиту рабочихъ, и съ этою цѣлью обратился между прочимъ къ члену горнаго ученаго комитета д. с. с. Бертенсону, который своею статьею (въ „Горномъ Журналѣ“) о положеніи рабочихъ на уральскихъ золотыхъ промыслахъ показалъ, что онъ принимаетъ къ сердцу интересы рабочихъ. Въ составъ объяснительной записки къ проекту 22 марта 1894 г. вошли свѣдѣнія о весьма грустномъ положеніи рабочихъ на уральскихъ золотыхъ промыслахъ, сообщенныя г. Бертенсономъ. Но замѣчанія защитниковъ интересовъ рабочихъ почти не повліяли на измѣненія послѣдней редакціи проекта: очевидно, что эти интересы должны были вызвать болѣе вниманія къ себѣ лишь тогда, когда сами рабочіе громко заявятъ свои требованія, какъ это и случилось позднѣе послѣ извѣстныхъ стачекъ петербургскихъ рабочихъ въ 1896 г. [2]).

22 марта 1894 г. проектъ министерства государственныхъ имуществъ о наймѣ рабочихъ на золотые и платиновые [3]) промыслы былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ и 29 октября 1894 г. разсматривался въ засѣданіи соединенныхъ департаментовъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Департаменты замѣтили, „что со стороны лицъ и учрежденій, принимавшихъ участіе въ его разработкѣ, высказаны далеко не одинаковые взгляды, какъ на существо взаимныхъ отношеній между золотопромышленниками и горнорабочими, такъ и на средства къ ихъ упорядоченію. Одними изъ участвовавшихъ въ названной разработкѣ лицъ (томскимъ губернаторомъ т.-с. Тобизеномъ и амурскимъ военнымъ губернаторомъ г.-м. Арсеньевымъ) было указываемо на необходимость оградить преимущественно интересы золотопромышленниковъ, которые, вслѣдствіе недостатка рабо-

---

[1]) Записка эта была подана въ 1892 г. по довѣренности золотопромышленниковъ главноуправляющимъ промыслами Асташева въ южной части Енисейскаго округа Гудковымъ. Въ числѣ лицъ, отъ имени которыхъ подалъ записку г. Гудковъ, были А. А. Саввиныхъ и уполномоченные золотопромышленника Переплетчикова, К° Иваницкаго, Жилля и Потапова, К° Базилевскаго, Ратькова-Рожнова и Черемныхъ и др.

[2]) Мои соображенія по поводу проекта министерства государственныхъ имуществъ и одной изъ представленныхъ ему записокъ, см. въ моихъ статьяхъ: „Законодательное регулированіе быта рабочихъ на золотыхъ промыслахъ“ въ „Русской Мысли“ 1894 г. № 5 и „Притязанія золотопромышленниковъ“ въ „Русск. Вѣд.“ 1895 г. № 7.

[3]) Въ проектѣ пояснено, „что добыча платины по закону приравнена у насъ къ добычѣ золота... положеніе рабочихъ на платиновыхъ пріискахъ очень мало отличается отъ положенія ихъ на золотыхъ пріискахъ“.

чихъ рукъ, находятся, по мнѣнію сихъ лицъ, большею частью въ зависимости отъ нанимающихся... Другія же изъ лицъ, привлекавшихся къ обсужденію проектовъ" (иркутскій генералъ-губернаторъ г. отъ инф. Горемыкинъ, д. с. с. Бертенсонъ, окружной инженеръ Амурскаго округа Оранскій), „отрицая зависимость золотопромышленниковъ отъ горнорабочихъ, напротивъ того, отмѣчали случаи эксплоатаціи послѣднихъ первыми и въ частности приводили примѣры неудовлетворительнаго содержанія горныхъ рабочихъ въ санитарномъ отношеніи. И тѣ, и другія, участвовавшія въ разработкѣ сего дѣла, лица заявили, однако, единогласно о недостаточности правительственнаго за золотыми промыслами надзора. Выработанный по указаніямъ т. с. Ермолова проектъ устраняетъ, повидимому, односторонность приведенныхъ взглядовъ" и заслуживаетъ, „по мнѣнію департаментовъ, полнаго сочувствія". 30 декабря 1895 г. проектъ разсматривался въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, и 20 февраля того же года мнѣніе его было Высочайше утверждено [1]).

Изложивъ общій ходъ подготовки закона 1895 г., мы разсмотримъ теперь эту предварительную работу по частямъ въ систематическомъ порядкѣ.

Весьма важный вопросъ въ дѣлѣ регулированія положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ составляетъ ограниченіе продолжительности рабочаго дня. По закону 1838 г. опредѣлено было работать 15 часовъ *со включеніемъ* времени на обѣдъ и отдыхъ. Въ 60-хъ гг. рабочій день на промыслахъ достигалъ иногда продолжительности, далеко превышающей эту норму, и, несмотря на то, въ приложенныхъ къ Уставу о золотопромышленности 1870 г. правилахъ нѣтъ никакого постановленія относительно числа рабочихъ часовъ. По первой редакціи иркутскаго проекта въ договоръ найма могло быть вносимо обязательство работать не болѣе, какъ съ 5 часовъ утра до 7 часовъ пополудни съ промежутками на обѣденный отдыхъ не менѣе 2-хъ часовъ, т.-е. продолжительность рабочаго дня была опредѣлена въ 12 часовъ, и ночныя работы не допускались. Противъ этой статьи проекта возражали въ своей коллективной запискѣ лишь нѣсколько енисейскихъ золотопромышленниковъ [2]). Они предлагали установить продолжительность рабочаго дня съ 1 октября по 1 апрѣля съ 5 ч. утра до 7 ч. пополудни, а съ 1 апрѣля по 1 октября съ 4 ч. утра до 9 ч. (!) пополудни съ промежутками на обѣденный отдыхъ и чай не болѣе 3 ч., т.-е. предлагали зимою 11 ч. работы (болѣе не позволяло отсутствіе свѣта), а лѣтомъ

---

[1]) См. „Собраніе узаконеній и распоряженій правительства" 1895 г. № 61.

[2]) П. и А. Кытмановы, уполномоченные Григоровыхъ и Полежаева и управляющій Баландина.

14 ч. (!); тамъ же, „гдѣ приходится съ сосѣдними пріисками чередоваться пользованіемъ водой, необходимо допустить и ночныя посмѣнныя работы, какъ это установлено прежними правилами". Енисейскіе золотопромышленники, вѣроятно, разумѣли правила, установленныя обычаемъ, такъ какъ въ законѣ 1870 г. нѣтъ никакихъ постановленій относительно количества рабочихъ часовъ. Золотопромышленникъ Иваницкій, напротивъ, полагалъ, что установляемое проектомъ опредѣленіе продолжительности рабочаго дня слѣдуетъ оставить безъ измѣненія, но лишь относительно общеконтрактныхъ рабочихъ, а не отрядныхъ и золотничниковъ. Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" (1887 г. № 42) было указано на то, что для различнаго рода пріисковыхъ работъ должна быть различная продолжительность рабочаго дня, такъ какъ не на всякой работѣ есть возможность трудиться 12 ч. въ сутки. „Сибирская Газета" (1887 г. № 17) подняла по этому поводу очень важный вопросъ о необходимости согласованія урочной работы, какъ извѣстно, весьма распространенной на сибирскихъ промыслахъ въ горныхъ работахъ, съ узаконенною продолжительностью рабочаго дня: „должны быть строго опредѣлены часы работы, время выхода на работу, время отдыха и т. д. Количество работы опредѣляется временемъ, и *переводъ ея въ урочную посаженную можетъ быть произведенъ не иначе, какъ по взаимному соглашенію рабочихъ и хозяина*". Г. Соловый, авторъ подробнаго разбора иркутскаго проекта, предложилъ уменьшить норму продолжительности рабочаго дня, установленную первою редакціею иркуткаго проекта, а именно, ограничить рабочее время 10 часами и въ крайнемъ случаѣ 11 ч. въ сутки. (Въ другомъ мѣстѣ своей статьи онъ настаивалъ на совершенномъ уничтоженіи урочной системы работъ) [1]). Къ сожалѣнію, при составленіи второй редакціи проекта это предложеніе не только не было принято, но былъ измѣненъ къ невыгодѣ рабочихъ параграфъ о продолжительности рабочаго дня, а именно, было отброшено указаніе на время начала работъ утромъ и окончанія вечеромъ: „число собственно рабочихъ часовъ въ сутки", сказано было въ этой редакціи, „не должно быть болѣе 12, не включая въ это число времени на чай, обѣдъ и ужинъ". Такимъ образомъ здѣсь допускались ночныя работы, которыя устранялись первою редакціею.

Горный Совѣтъ, при выработкѣ проекта 1892 г. совершенно неожиданно, безъ всякихъ мотивовъ, безъ всякаго прецедента во всей предшествовавшей исторіи составленія проекта правилъ и даже безъ всякаго разногласія, принялъ слѣдующее чудовищное постановленіе относительно продолжительности рабочаго дня: „Вмѣсто ограниченія числа рабочихъ часовъ 12-ю въ сутки, не включая въ это число времени

[1]) „Юридическій Вѣстникъ" 1887 г. № 11.

на чай обѣдъ и ужинъ, Совѣтъ полагалъ *достаточнымъ* (!), *а для промышленника болѣе удобнымъ*" (еще бы!) „назначить не болѣе 16" (sic, *шестнадцати!*), „включая въ это число время на чай, обѣдъ и ужинъ". Такъ какъ продолжительность времени на обѣдъ, чай и ужинъ при этомъ не опредѣлялась, то, слѣдовательно, даже 15-ти-часовой рабочій день соотвѣтствовалъ бы требованію такого закона. Въ такомъ видѣ статья эта и вошла въ печатный проектъ 15 марта 1892 г., при чемъ въ объяснительной запискѣ было сказано, что „эта статья введена по желанію золотопромышленниковъ", хотя о такомъ желаніи нѣтъ ни малѣйшаго указанія во всемъ дѣлѣ. Въ то время, когда, въ Западной Европѣ, поставленъ на очередь вопросъ о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, у насъ предпочитали установить почти 16-ти-часовой рабочій день. Это тѣмъ болѣе странно, что въ Положеніи о частной золотопромышленности 1838 г. установленъ былъ 15-ти часовой рабочій день, также со включеніемъ времени на обѣденный отдыхъ.

Статья проекта 15 апрѣля 1892 г. о 16-ти-часовомъ рабочемъ днѣ вызвала болѣе или менѣе рѣшительныя возраженія со стороны всѣхъ лицъ, на заключеніе которыхъ былъ отправленъ этотъ проектъ[1]). Одинъ только окружной инженеръ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа Сборовскій находилъ возможнымъ допустить, чтобы число рабочихъ часовъ въ сутки не превышало 16 „при условіи 8-ми-часовой смѣны, когда между двумя смѣнами 8-ми-часовой отдыхъ"... „Трехсмѣнная въ сутки работа самая удобная" (для предпринимателя?), „здоровая (?) и спорая; этому доказательствъ не мало въ практикѣ на заводахъ, рудникахъ и пріискахъ, а потому должна считаться выгодною для обѣихъ сторонъ". Но подобное постановленіе, очевидно, требующее и ночного труда, было бы осуществимо развѣ при подземныхъ работахъ, вообще мало распространенныхъ на промыслахъ; вѣроятно, поэтому и г. Сборовскій готовъ отступиться отъ рѣдко осуществимаго на пріискахъ предложенія и находилъ возможнымъ установить болѣе человѣчную норму. „Въ противномъ случаѣ", говоритъ онъ, „число рабочихъ часовъ не должно быть болѣе 12-ти, при чемъ *въ число этихъ часовъ должно быть включено и время, потребное на обѣдъ, чай и ужинъ*, т.-е. высказывается въ сущности за 9—10-ти часовой рабочій день", да это и естественно, такъ какъ въ его округѣ, гдѣ работали киргизы, рабочій день короче, чѣмъ въ остальныхъ округахъ Сибири. Министръ Двора замѣтилъ, что „слѣдовало бы опредѣлить, сколько времени полагается на чай, обѣдъ и ужинъ. Министръ Финансовъ нашелъ,

---

[1]) Статья эта гласила: „число рабочихъ часовъ въ сутки на промыслахъ не должно превышать *для каждаго рабочаго* 16-ти, включая въ это число время на чай, обѣдъ и ужинъ".

что норма продолжительности рабочаго дня, „введенная по желанію золотопромышленниковъ, представляется, казалось бы, возвышенной, особенно, если принять во вниманіе, что работы на золотыхъ и платиновыхъ промыслахъ едва-ли могутъ почитаться болѣе легкими (особенно работы подземныя), нежели въ остальныхъ промышленныхъ производствахъ, гдѣ, какъ видно изъ имѣющихся въ министерствѣ финансовъ свѣдѣній, большая часть (80%) взрослыхъ рабочихъ заняты не болѣе 12-ти часовъ въ сутки. Въ виду сего представлялось бы, можетъ быть, соотвѣтственнымъ уменьшить эту норму для взрослыхъ рабочихъ или по крайней мѣрѣ ближайшимъ образомъ опредѣлить продолжительность перерывовъ, которые должны быть предоставлены для отдыха и пріема пищи рабочимъ, работающимъ въ подземныхъ выработкахъ или на поверхности земли". Начальникъ уральскихъ горныхъ заводовъ предложилъ назначить 12 ч. дѣйствительной работы; такое же мнѣніе высказалъ и начальникъ иркутскаго горнаго управленія. Начальникъ томскаго горнаго управленія предложилъ „установить 10 ч. работы (и во всякомъ случаѣ никакъ не болѣе 12 ч.), не включая времени на чай, обѣдъ и ужинъ". Окружной инженеръ Ачинско-Минусинскаго округа указалъ на необходимость различать, при опредѣленіи продолжительности рабочаго дня, лѣтнее и зимнее время и назначить зимою, съ октября по мартъ, 8 рабочихъ часовъ въ сутки, а лѣтомъ, съ марта по октябрь, 12 ч., съ условіемъ, чтобы работа не продолжалась непрерывно болѣе 4 ч. Томскій окружной инженеръ г. Реутовскій, указавъ теоретически, какъ на наиболѣе справедливую норму, на 8-ми-часовой рабочій день, замѣтилъ, что на промыслахъ болѣе благоустроенныхъ число рабочихъ часовъ не превосходитъ 10-ти. „Необходимо строго разграничить", говоритъ г. Реутовскій, „собственно рабочее время отъ того, которое употребляется рабочими на обѣдъ, чай и ужинъ. Собственно рабочее время не должно быть больше 10 ч., потому, во-первыхъ, что на большинствѣ пріисковъ оно дѣйствительно таково, потому во-вторыхъ, что наибольшая выработка, въ $1^1/_2$ саж. средней крѣпости пластовъ хорошимъ забойщикомъ, производится въ тѣ же 10 ч. Переходить въ настоящее время отъ 10 ч. къ 12-ти-часовому времени значитъ дать поводъ золотопромышленникамъ увеличивать размѣръ задѣльной работы... до $1^3/_4$, до 2 саж. Подобный переходъ былъ бы значительнымъ шагомъ назадъ въ сравненіи съ установившеюся практикою и обычаемъ большинства золотопромышленныхъ районовъ.... Золотой промыселъ", говоритъ г. Реутовскій,—„особый промыселъ, гдѣ рабочаго эксплоатируютъ" такимъ образомъ: „1) заставляютъ работать возможно большее количество часовъ" и 2) „заставляютъ обнаруживать едва-ли не крайнюю напряженность" труда. Въ своемъ органѣ „Вѣстникъ Золотопромышленности" г. Реутовскій высказался сначала за 10-ти

часовой, а черезъ годъ за 8-ми-часовой рабочій день [1]). Иркутскій генералъ-губернаторъ г.-л. Горемыкинъ предложилъ установить 9-ти-часовой рабочій день. Подобное же мнѣніе высказалъ и степной генералъ-губернаторъ бар. Таубе, „такъ какъ киргизы, составляющіе преимущественный контингентъ рабочихъ на мѣстныхъ золотыхъ промыслахъ, не въ состояніи выносить 16-ти-часовой работы". Изложивъ всѣ эти мнѣнія, г. Штофъ говоритъ: „Должно замѣтить, что проектированная золотопромышленниками и принятая первоначальнымъ проектомъ норма рабочаго времени...была уже почти равносильна неназначенію никакой нормы. Норма же, вошедшая въ настоящій проектъ (1892 г.), допуская по своей неопредѣленности растяженіе собственно рабочаго времени до 13 или даже 14 ч. въ сутки, является уже совершенно невозможною. Если установлять норму продолжительности работъ, то правильнѣе всего было бы согласиться съ предложеніемъ г. Семевскаго, какъ принимающимъ во вниманіе степень утомительности разныхъ работъ [2]). Должно, однако, принять во вниманіе, что услѣдить за соблюденіемъ такой нормы было бы весьма трудно". Указавъ на то, что въ то время не было закона, ограничивающаго продолжительность работъ для *взрослыхъ* рабочихъ въ какой бы то ни было отрасли промышленности, г. Штофъ высказывалъ мысль, что „едва-ли благоразумно начинать это дѣло съ той именно отрасли производства, которая представляетъ наименѣе удобныя условія надзора, а такова именно наша золотопромышленность, разбросанная на громадныхъ и въ большинствѣ безлюдныхъ пространствахъ, что дозволяетъ лицамъ горнаго и полицейскаго надзора лишь рѣдко посѣщать каждый пріискъ". Но нужно замѣтить, что это не помѣшало въ 1897 г. издать законъ объ ограниченіи рабочаго дня на фабрикахъ, заводахъ *и золотыхъ и платиновыхъ промыслахъ*. Если руководствоваться соображеніями о трудности правительственнаго надзора, то невозможно было бы и наше фабричное законодательство 80-хъ гг. объ ограниченіи женскаго и дѣтскаго труда, (такъ какъ районы, находившіеся въ завѣдываніи фабричныхъ инспекторовъ были очень велики), а между тѣмъ оно принесло большую пользу. Но соображенія г. Штофа были одобрены высшею властью горнаго вѣдомства, и опредѣленіе продолжительности рабочаго дня было предоставлено закономъ 1895 г. свободному соглашенію золотопромышленниковъ и рабочихъ.

---

[1]) „Вѣстникъ Золотопр." 1893 г. № 1, стр. 2; 1894 г. № 23, стр. 1—2; ср. 1895 г. № 1, стр. 2.

[2]) Я предлагалъ назначить для собственно горныхъ работъ 8-ми часовую норму съ тѣмъ, чтобы работы продолжались не болѣе 4—4½ ч. сряду, а отдыхъ не менѣе 2 ч., для прочихъ же работъ 9—10 ч. въ день. См. „Русскую Мысль" 1894 г. № 5, стр. 7—8.

Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, какъ мы видѣли въ главахъ, посвященныхъ изученію ихъ быта въ новѣйшее время, обязывались контрактами трудиться и по воскресеньямъ, а въ лѣтнее время имъ давали всего 1—2 льготныхъ дня въ мѣсяцъ. Первою редакціею иркутскаго проекта назначено было празднованіе 41 дня (въ томъ числѣ 23 праздника и 18 воскресеній), изъ нихъ въ 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ 11 праздничныхъ дней. Такъ какъ рабочимъ предоставлялось такимъ образомъ болѣе льготныхъ дней сравнительно съ тѣмъ, сколько назначалось по контрактамъ, то нѣкоторые енисейскіе и олекминскіе золотопромышленники, а также представители ихъ интересовъ какъ въ названныхъ округахъ, такъ и въ Амурской области, не исключая горнинжен. Кулибина и инженеръ-технолога Янчуковскаго, возражали противъ увеличенія числа праздниковъ, увѣряя, будто оно невыгодно не только золотопромышленникамъ, но и самимъ рабочимъ, заработки которыхъ вслѣдствіе этого будто бы должны непремѣнно уменьшиться. При этомъ упускали изъ виду, во-первыхъ, что потеря здоровья, вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія силъ, ничѣмъ невознаградима, а во-вторыхъ, что при отдыхѣ въ праздникъ рабочій можетъ увеличить выработку въ будни, работая съ обновленными силами. Нѣкоторые изъ оппонентовъ желали также вмѣсто общихъ праздниковъ, которые, по ихъ словамъ, приводятъ только къ поголовному пьянству, установить празднованіе льготныхъ дней поочереди, какъ это обыкновенно бываетъ на пріискахъ. Но кто же мѣшаетъ золотопромышленникамъ устроить по праздникамъ какія либо разумныя развлеченія и тѣмъ уменьшить пьянство рабочихъ? Енисейскіе золотопромышленники (имена ихъ были названы выше) вмѣсто 41 праздника предлагали установить только 17, да и тѣ хотѣли сдѣлать не безусловно обязательными и высказывались противъ запрещенія работать тѣмъ, которые пожелаютъ трудиться въ праздники за повышенную плату, за исключеніемъ дней Рождества, Благовѣщенія, Пасхи и Троицы. Нѣкоторые изъ оппонентовъ ссылались и на тѣ 8—10 дней отдыха вмѣсто воскресеній, которые даются послѣ разсчета для вновь нанявшихся и обыкновенно ведутъ къ сильнымъ кутежамъ; но довольно продолжительный отдыхъ необходимъ послѣ слишкомъ напряженнаго труда въ теченіе всего лѣта. Замѣчанія золотопромышленниковъ не остались безъ вліянія, и во второй редакціи иркутскаго проекта число праздниковъ было уменьшено: въ 7 зимнихъ мѣсяцевъ вмѣсто 15 праздниковъ было назначено 13 и не было упомянуто объ обязательномъ празднованіи воскресеній черезъ двѣ недѣли, въ лѣтніе же мѣсяцы предписано увольнять рабочихъ артелями не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ вмѣсто 41 праздника установлялось только 23: золотопромышленники, значитъ, не даромъ участвовали въ пересмотрѣ проекта.

По проекту 15 апрѣля 1892 г. установлено было зимою, кромѣ воскресеній, еще 18 праздничныхъ дней, а лѣтомъ каждому рабочему, кромѣ составляющихъ поисковыя партіи, предоставлялось право быть уволеннымъ отъ работъ на два дня въ мѣсяцъ; такимъ образомъ установлялось всего 56 праздниковъ. По поводу этого параграфа проекта южно-енисейскій окружной инженеръ Стемпневскій, хлопоча объ интересахъ золотопромышленниковъ, замѣтилъ, что „вслѣдствіе невозможности безъ значительныхъ потерь и убытковъ останавливать нѣкоторыя отрасли промысловаго дѣла, необходимо освобожденіе рабочихъ отъ работъ предоставить взаимному соглашенію промышленниковъ съ рабочими, обязавъ послѣднихъ возвысить въ праздничные дни заработную плату на 20%, оставивъ имъ лишь 23 льготныхъ дня (съ 1 октября по 1 апрѣля), установленные по настоящее время пріисковыми управленіями". Нужно замѣтить прежде всего, что слова г. Стемпневскаго можно понять такимъ образомъ, будто лѣтомъ рабочіе совсѣмъ не имѣютъ дней отдыха, между тѣмъ какъ имъ предоставлялось въ это время 1—2 льготныхъ дня въ мѣсяцъ, хотя и не въ одинъ день для всѣхъ. Затѣмъ тамъ, гдѣ есть различіе въ платѣ между будними и праздничными днями, праздничная плата гораздо болѣе, чѣмъ въ 20% превосходитъ будничную. Но главное-то зло и состоитъ въ томъ, что пріисковыя управленія, если они и даютъ въ праздники повышенную плату, все таки предоставляютъ рабочимъ слишкомъ мало дней отдыха и, чрезмѣрно напрягая силы рабочихъ, заставляютъ искусственно поддерживать въ себѣ крайнее мышечное напряженіе кровопусканіями и излишнимъ потребленіемъ вина, покупаемаго къ тому же тайно по очень дорогой цѣнѣ у спиртоносовъ или нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ, такъ какъ открытая продажа водки на пріискахъ запрещена.

Томскій окружной инженеръ Реутовскій по вопросу о праздничныхъ дняхъ высказалъ слѣдующее: „чѣмъ меньше отдыхъ, тѣмъ менѣе производительность въ работѣ. Отъ постоянной пріисковой работы столько теряется на возобновленіе силъ рабочаго, на ихъ постоянные отдыхи и простое уклоненіе отъ работы, что большинство золотопромышленниковъ теперь допускаетъ возможность большаго выигрыша въ производительности, если установить празднованіе воскресныхъ дней; Эти дни воскресеній прямо пойдутъ на отдыхъ, на возстановленіе силъ рабочему не будетъ необходимости выдумывать различнаго рода причины, чтобы уклоняться отъ непосильной работы....Отсюда ясно, что для наибольшей производительности въ работѣ въ лѣтнее время, такъ же какъ и въ зимнее, должно требовать: 1) или соблюденія празднованія воскресенья или 2) количество дней для отдыха съ 2-хъ увеличить на 4 (т.-е. не для всѣхъ рабочихъ въ одинъ день). На возраженія, что потеря 4 дней въ мѣсяцъ въ лѣтнее время сильно отзовется на добычѣ

золота, г. Реутовскій возражаетъ, что этого можно избѣжать, нанявъ большее количество рабочихъ [1]).

Г. Штофъ пришелъ по этому вопросу къ слѣдующему заключенію: „признавая необходимость увеличенія числа свободныхъ отъ работы дней въ лѣтніе мѣсяцы и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду, что безусловное требованіе остановки работъ по воскресеньямъ было бы лѣтомъ во многихъ случаяхъ неисполнимо, казалось бы возможнымъ увеличить число дней, въ которые рабочій имѣетъ право на увольненіе отъ работъ въ лѣтнее время въ теченіе мѣсяца съ 2 до 4; отъ промышленника будетъ зависѣть назначить эти дни для всѣхъ рабочихъ по воскресеньямъ“, или разные дни; и въ этомъ смыслѣ г. Штофъ сдѣлалъ измѣненіе въ проектѣ. Однако, Горный Совѣтъ, при выработкѣ послѣдней редакціи проекта, понизилъ количество дней лѣтомъ (съ 1 апрѣля по 1 октября), въ которые рабочій имѣетъ право быть уволеннымъ отъ работъ съ 4 до 2 [2]).

Относительно труда женщинъ и малолѣтнихъ рабочихъ на пріискахъ мы встрѣчаемъ въ первой редакціи иркутскаго проекта только запрещеніе допускать на какія бы то ни было подземныя работы женщинъ и мальчиковъ моложе 14 лѣтъ, и не былъ опредѣленъ возрастъ, съ котораго могъ быть производимъ наемъ малолѣтнихъ для работъ въ открытыхъ разрѣзахъ. Во второй редакціи возрастъ мальчиковъ, необходимый для допущенія къ подземнымъ работамъ, былъ повышенъ до 16 лѣтъ. По проекту Горнаго Департамента въ редакціи 1890 г. былъ запрещенъ наемъ женщинъ вообще и мальчиковъ моложе 16 лѣтъ не только на подземныя работы, но и въ работы ночныя. Г. Штофъ замѣтилъ, что „по этому предмету существуютъ у насъ подробныя правила для найма на фабричныя работы; правила эти ограничиваютъ

[1]) За необходимость общаго воскреснаго отдыха для всей команды г. Реутовскій высказался и въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Золотопромышленности“ 1894 г. № 23, стр. 2; ср. 1894 г. № 11, стр. 211—212.

[2]) Въ § 28 закона 1895 г. сказано: „Между 1 октября и 1 апрѣля, праздничные, сверхъ воскресныхъ, дни, когда всѣ рабочіе на промыслахъ должны быть свободны отъ работъ, суть слѣдующіе: дни рожденія и тезоименитства Государя Императора и Государыни Императрицы, тезоименитства Государя Наслѣдника, восшествія на престолъ и коронованія, а равно октября 1-го и 22-го, ноября 21-го, декабря 6, 25 и 26-го, января 1-го и 6-го, февраля 2-го, марта 25-го, пятница и суббота сырной недѣли, пятница и суббота страстной недѣли и понедѣльникъ и вторникъ недѣли Св. Пасхи. Въ періодъ времени съ 1-го апрѣля по 1-е октября каждый рабочій на промыслахъ имѣетъ право быть уволеннымъ отъ работъ на два дня въ мѣсяцъ; причемъ, однако, относительно рабочихъ, составляющихъ поисковыя партіи, промысловымъ управленіямъ предоставляется опредѣлять, допускается ли къ отдыху вся партія разомъ, или части составляющихъ партію рабочихъ, поочередно. Въ случаѣ несчастныхъ происшествій на промыслахъ, какъ-то: пожара, наводненія и т. п., рабочіе и въ праздничные дни не вправѣ отказываться отъ содѣйствія къ прекращенію бѣдствія“.

число часовъ, въ которые малолѣтніе рабочіе могутъ быть занимаемы работой, указываютъ время, на которое обязательно должны приходиться эти часы и т. п.". На пріискахъ былъ бы весьма затруднителенъ надзоръ за соблюденіемъ такихъ правилъ; кромѣ того, по совершенно справедливому мнѣнію г-на Штофа, „должно принять во вниманіе, что физическія и нравственныя условія жизни на пріискахъ дѣлаютъ пребываніе на нихъ малолѣтнихъ вовсе нежелательнымъ". Въ виду всего этого онъ предложилъ *совершенно запретить наемъ на пріиски малолѣтнихъ моложе 16 лѣтъ*. Противъ этого не возражалъ и Горный Департаментъ. Въ Горномъ Совѣтѣ относительно найма на пріиски малолѣтнихъ произошло разногласіе: члены его Меллеръ, Скальковскій, Карпинскій и Веселовскій считали достаточнымъ запретить наемъ въ работы на пріиски вообще только малолѣтнихъ моложе 12 лѣтъ, сохранивъ запрещеніе найма мальчиковъ моложе 16 лѣтъ лишь для подземныхъ работъ, подобно тому, какъ это установлено для горныхъ работъ вообще, а г. Штофъ остался при своемъ мнѣніи о недопущеніи найма на всякія пріисковыя работы малолѣтнихъ моложе 16 лѣтъ въ виду того, что пріисковая жизнь представляетъ вообще условія для дѣтскаго возраста слишкомъ неблагопріятныя. Министръ государственныхъ имуществъ относительно этого пункта положилъ такую резолюцію: „согласенъ съ А. А. Штофомъ; что это за договоръ о наймѣ между заводскимъ управленіемъ и ребенкомъ 12 лѣтъ", но затѣмъ вѣроятно въ виду допущенія найма 12-тилѣтнихъ дѣтей общимъ фабричнымъ законодательствомъ это правило было изложено такимъ образомъ: „запрещается нанимать въ работы на пріиски малолѣтнихъ моложе 12 лѣтъ, причемъ для подземныхъ работъ могутъ быть нанимаемы мальчики не моложе 15 лѣтъ [1]). Лица женскаго пола не могутъ быть занимаемы работами подземными и ночными". (Ночными должны были считаться работы, производимыя между 9-ю ч. вечера и 5-ю ч. утра).

Министръ юстиціи по поводу этой статьи проекта замѣтилъ, что, согласно Выс. утв. 9-го марта 1892 года мнѣнію Госуд. Совѣта, на частные горные заводы распространено дѣйствіе статей 112—126 Устава о Промышленности [2]) и независимо отъ того установлено правило о

[1]) Между тѣмъ изъ второй редакціи иркутскаго проекта мы видѣли, что сами золотопромышленники соглашались на запрещеніе подземныхъ работъ мальчикамъ моложе 16 лѣтъ.

[2]) Напомнимъ, что статья 114 воспрещала занимать малолѣтнихъ 12—15 лѣтъ работою болѣе 8 ч. въ сутки, причемъ, непрерывная работа должна продолжаться не долѣе 4 ч. сряду; по статьѣ 115-ой малолѣтніе того же возраста не должны работать въ воскресные и высокоторжественные дни; по статьѣ 116-ой тѣхъ же малолѣтнихъ воспрещается допускать къ производствамъ изнурительнымъ и вреднымъ для здоровья; въ статьяхъ 117—124 говорилось о школахъ и посѣщеніи ихъ дѣтьми, работающими на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ.

недопущеніи не достигшихъ 15 лѣтъ рабочихъ и женщинъ къ работамъ ночнымъ и внутри рудниковъ. Министръ юстиціи считалъ необходимымъ сдѣлать тоже и относительно золотыхъ промысловъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что Горный Совѣтъ при составленіи проекта 15 апрѣля 1892 г. не пожелалъ, къ ущербу рабочихъ, примѣнять къ нимъ даже тѣ постановленія, какія уже были установлены для горныхъ заводовъ. Министръ финансовъ также полагалъ необходимымъ постановить, что работа малолѣтнихъ подростковъ и лицъ женскаго пола не можетъ превосходить нормъ, принятыхъ въ Уставѣ о промышленности. Начальникъ уральскихъ горныхъ заводовъ предлагалъ опредѣлить, что осенью и зимою должно считаться ночнымъ время отъ 6 ч. утра до 6 ч. вечера. Окружной инженеръ Семипалатинско-Семирѣчинскаго округа находилъ нужнымъ упомянуть, что договоръ заключается съ родителями, и чтобы были представлены удостовѣренія объ окончаніи принимаемыми на пріисковыя работы малолѣтними курса хотя бы въ одноклассномъ народномъ училищѣ; 15-лѣтній возрастъ, назначаемый для подземныхъ работъ, „безусловно малъ“ и „въ этомъ случаѣ слѣдуетъ руководствоваться желѣзнодорожными правилами“, по которымъ моложе 18 лѣтъ на простыя работы, какъ, напримѣръ, стрѣлочника,—не принимаютъ. „Въ подземныя работы нельзя... посылать мальчика, не могущаго отвѣчать за свои дѣйствія“. Иркутскій генералъ-губернаторъ г.-л. Горемыкинъ указалъ еще на ст. 91, прим. 2 Уст. о Промыш. по прод. 1890 г., которою воспрещено употреблять въ ночныя работы женщинъ и подростковъ отъ 15—17 лѣтъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, учрежденныхъ для производствъ хлопчатобумажнаго, полотняного, шерстянаго, льнопрядильнаго, льнотрепальнаго и смѣшанныхъ тканей, причемъ по соглашенію министра финансовъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ это ограниченіе можетъ быть распространяемо и на другія промышленныя заведенія. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ночная работа въ пріисковой шахтѣ нисколько не легче работы на поименованныхъ фабрикахъ“. Имѣя въ виду также и то, что среда пріисковыхъ рабочихъ не можетъ быть признана полезною для подростковъ, г.-л. Горемыкинъ выражалъ желаніе, чтобы былъ вовсе запрещенъ наемъ на пріиски мальчиковъ и дѣвочекъ моложе 17 лѣтъ или, по крайней мѣрѣ, ночныя и подземныя работы были воспрещены не только для женщинъ вообще, но и для подростковъ мужского пола до 17 лѣтъ; примѣнительно же къ ст. 115 Устава о Промышленности слѣдовало бы освободить ихъ и отъ работъ во всѣ воскресные дни, а также установить, чтобы число рабочихъ часовъ не превышало 8-ми. Нужно замѣтить, что даже по мнѣнію томскаго губернатора Тобизена, „вообще наемъ малолѣтнихъ [1]) на пріи-

[1]) Въ другомъ мѣстѣ своей записки г. Тобизенъ прибавляетъ: *„или несовершеннолѣтнихъ“*.

сковыя работы долженъ бы быть совсѣмъ запрещенъ, потому что климатическія и бытовыя условія пріисковой жизни вредно отражаются на не вполнѣ развитыхъ организмахъ и кромѣ того пребываніе малолѣтнихъ въ средѣ распущенныхъ промысловыхъ рабочихъ портитъ дѣтей и подростковъ въ нравственномъ отношеніи".

Въ виду всѣхъ этихъ возраженій на статью проекта 15-го апрѣля 1892 года, ограничивающую женскій и дѣтскій трудъ на пріискахъ, г. Штофъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Нельзя не согласиться съ изложенными замѣчаніями..., но надѣяться на дѣйствительное соблюденіе всѣхъ этихъ правилъ на пріискахъ было бы совершенно невозможно, ибо для этого потребовался бы тщательный надзоръ, превышающій силы имѣющагося нынѣ состава чиновъ горныхъ и полицейскихъ. Въ виду этого и мотивовъ, указанныхъ иркутскимъ генералъ-губернаторомъ и томскимъ губернаторомъ, какъ и первоначальнымъ проектомъ правилъ, представляется наилучшимъ исходомъ въ настоящемъ случаѣ—просто запретить наемъ на золотопромысловыя работы несовершеннолѣтнихъ, если не до 17, то хотя бы до 16-лѣтняго возраста". Однако Горный Совѣтъ возстановилъ назначенное проектомъ 15 апрѣля 1892 года запрещеніе нанимать малолѣтнихъ только моложе 12 лѣтъ; но установлено было запрещеніе занимать подземными и ночными работами не только женщинъ, но и малолѣтнихъ рабочихъ до 15 лѣтъ и вообще заставлять ихъ работать болѣе 8 ч. въ сутки. Согласно съ этимъ въ законѣ 1895 г. (§ 29) сказано: относительно работы дѣтей, малолѣтнихъ и женщинъ соблюдаются правила ст. 655 Уст. Горн. и 108 Уст. о Промышленности, т.-е. дозволяется нанимать дѣтей съ 12 лѣтъ, но малолѣтніе рабочіе, не достигшіе 15 лѣтъ и женщины не допускаются къ работамъ внутри рудниковъ и ночнымъ работамъ, причемъ ночными считаются работы, производимыя въ весеннее и лѣтнее время—между 9 ч. вечера и 5 ч. утра, а въ осеннее и зимнее—между 6 ч. вечера и 6 ч. утра. Малолѣтніе рабочіе сверхъ того не должны быть занимаемы работою болѣе 8 часовъ въ сутки [1]).

---

[1]) Напомнимъ о постановленіяхъ по этому вопросу въ иностранныхъ законодательствахъ. На швейцарскихъ фабрикахъ, по закону 1877 г., запрещена подросткамъ ниже 18 лѣтъ и всѣмъ женщинамъ воскресная и ночная работа. Во Франціи, по закону 1892 г., мальчики до 18 лѣтъ и всѣ женщины вовсе не должны употребляться на ночныя работы, а также для нихъ обязательно назначается одинъ свободный день въ недѣлю, хотя имъ можетъ быть и не воскресенье. Наконецъ, дѣвушки и женщины (какъ и въ законодательствахъ многихъ другихъ государствъ) не допускаются для работъ подъ землею (въ рудникахъ), а допущеніе туда юношей отъ 13 до 18 лѣтъ возможно лишь съ разрѣшенія властей. Въ Германіи, по закону 1891 г., подросткамъ ниже 16 лѣтъ и женщинамъ совершенно воспрещена ночная и воскресная работа, а для извѣстныхъ производствъ, связанныхъ съ опасностью для здоровья и нравственности, союзному совѣту предоставлено право и вовсе запретить работу подростковъ

Очень важное и благопріятное отличіе иркутскаго проекта въ обѣихъ его редакціяхъ отъ законовъ 1838 г. и 1870 г. составляетъ попытка регулировать пищевое довольствіе на промыслахъ. Въ виду того, что большая часть пріисковыхъ работъ производится въ мѣстностяхъ не населенныхъ и что рабочіе пополняютъ недостатокъ въ продовольствіи значительными заборами припасовъ въ пріисковыхъ лавкахъ, гдѣ торговля составляетъ монополію золотопромышленниковъ, такое регулированіе необходимо, и въ 70-хъ гг. начало этому уже было положено административнымъ путемъ посредствомъ циркуляровъ генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири. По первой редакціи иркутскаго проекта „ежедневная выдача пищевого довольствія рабочему не должна быть менѣе слѣдующаго количества: 4 ф. печенаго хлѣба, $1^1/_2$ ф. свѣжаго мяса, $^1/_2$ ф. крупы, $^1/_{16}$ ф. коровьяго масла, $^1/_8$ ф. соли, $3^1/_2$ з. кирпичнаго чаю [1]). Этотъ пунктъ вызвалъ многочисленныя возраженія, и нѣкоторые томскіе и енисейскіе золотопромышленники отнеслись къ выставленнымъ требованіямъ съ крайнимъ озлобленіемъ. „Установляемая регламентація въ выдачѣ пищевого довольствія“, писалъ изъ Томска г. Иваницкій (участвующій въ одной золотопромышленной компаніи съ г. Жиллемъ), „ни въ какомъ законодательствѣ не существуетъ“ (авторъ замѣчаній упускаетъ изъ виду, что и монопольная продажа предпринимателями товаровъ и припасовъ рабочимъ также никакимъ законодательствомъ не допускается), „и нѣтъ основанія вводить таковую на

отъ 14 до 16 лѣтъ, а также и женщинъ. По дѣйствующимъ австрійскимъ законамъ, подросткамъ до 16 лѣтъ ночная работа отъ 8 часовъ вечера до 5 часовъ утра въ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ и женщинамъ на фабрикахъ воспрещена. Во Франціи и Германіи малолѣтніе допускаются къ работѣ на фабрикѣ не ранѣе 13, въ Швейцаріи и Австріи не ранѣе 14 лѣтъ.

Въ Россіи, по закону 11 мая 1847 г., на уральскихъ казенныхъ горныхъ заводахъ мальчики до 15 лѣтъ могли только въ случаѣ нужды употребляться въ легкія горныя работы не болѣе 8 часовъ въ день, а по закону 8 марта 1861 г. на казенныхъ горныхъ заводахъ позволено употреблять малолѣтковъ до 15 лѣтъ лишь въ надземныя работы. Въ настоящее время на большинствѣ фабрикъ, по отчету главнаго фабричнаго инспектора за 1885 г., установлена, согласно требованію закона 1 іюня 1882 г., восьмичасовая работа малолѣтнихъ рабочихъ въ 60,3% такихъ промышленныхъ заведеній, по $6^1/_2$—$7^1/_2$ часовъ въ 9,1% промышленныхъ заведеній, по 6 часовъ—въ 20,4% и отъ 3—$5^1/_2$ час. въ 10,2% такихъ заведеній. Изъ этого видно, что при дозволеніи найма подростковъ на золотые промыслы, сокращеніе ихъ труда до 8 часовъ является скорѣе малымъ, чѣмъ слишкомъ большимъ ограниченіемъ. Дозволеніе нанимать на золотые пріиски 12-ти-лѣтнихъ дѣтей, которое мы находимъ въ законѣ 1895 г., можетъ только ухудшить положеніе малолѣтнихъ. Какъ мы уже замѣтили, по отчету окружного инженера сѣверно-енисейской системы (1888 г.), тамъ наняты были малолѣтніе лишь отъ 14 до 17 лѣтъ.

[1]) Въ другомъ мѣстѣ проекта сказано, что „золотопромышленникъ обязанъ выдавать рабочимъ пищевое довольствіе хорошаго качества“.

золотыхъ пріискахъ, мѣстныя условія которыхъ далеко не вездѣ одинаковы. Напримѣръ, въ Алтайскомъ округѣ нерѣдко выдаютъ рабочимъ въ продовольствіе овощи, въ киргизской степи рабочіе-киргизы получаютъ только муку и соль, продовольствуясь главнѣйшимъ образомъ собственными баранами". Условія продовольствія тѣхъ рабочихъ-киргизовъ, которые прикочевываютъ на золотые промыслы Степного генералъ-губернаторства, дѣйствительно отличаются отъ другихъ промысловъ, и въ этомъ отношеніи возможно было бы сдѣлать извѣстную оговорку, но это нисколько не колеблетъ необходимости установить достаточное пищевое довольствіе рабочихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они находятся въ этомъ отношеніи въ полной зависимости отъ золотопромышленниковъ. Но г. Иваницкій смотритъ на это иначе. По его мнѣнію, „назначеніе размѣра продовольствія составляетъ во всякомъ случаѣ насильственное вторженіе законодательства въ экономическія условія производства и не можетъ привести къ благопріятнымъ для промысла результатамъ во-первыхъ потому, что не вызывается рѣшительно никакою необходимостью, и во-вторыхъ, искусственное вздорожаніе продовольствія въ размѣрѣ, непосильномъ для большей части пріисковъ (?), на первый разъ уменьшитъ требованія въ рабочихъ, а затѣмъ равновѣсіе возстановится чрезъ уменьшеніе заработанной платы" (если бы это было такъ, то изъ-за чего же защитникамъ интересовъ золотопромышленниковъ негодовать на требованія проекта закона?). „Размѣръ назначеннаго продовольствія," по мнѣнію Иваницкаго, „такъ громаденъ, что подобный ему едва-ли можно встрѣтить гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ". Это утвержденіе, какъ сейчасъ увидимъ, противорѣчитъ свидѣтельствамъ золотопромышленниковъ нѣкоторыхъ округовъ Восточной Сибири. Далѣе г. Иваницкій пускается во всевозможныя доказательства обременительности поставленныхъ золотопромышленникамъ требованій: онъ увѣряетъ, что, „если бы въ подобномъ размѣрѣ потребляло мясо въ теченіе одного только года все населеніе Сибири, то на слѣдующій годъ не осталось бы въ краѣ ни одной убойной скотины" (какъ будто бы количество скота при обиліи земли въ Сибири не можетъ быть увеличено), хотя самъ указываетъ на то, что на пріискахъ выдается рабочему мяса 1 ф.—$1^1/_4$ ф. и $1^1/_2$ ф., „смотря по трудности работъ и другимъ условіямъ", а слѣдовательно, регулируя количество мяса примѣнительно къ высшей, а не къ низшей нормѣ, составители проекта не вводятъ чего-то неслыханнаго. Еще болѣе старается доказать невозможность требованій, поставленныхъ иркутскимъ проектомъ, извѣстный радѣтель енисейскихъ золотопромышленниковъ, горный инженеръ В. Кулибинъ. Онъ высчитываетъ, какой процентъ вѣса рабочаго составляетъ опредѣленный ему паекъ, сравниваетъ его съ размѣромъ фуража, получаемаго лошадью, и выражаетъ опасеніе, что рабочіе при-

выкнутъ къ хорошей пищѣ [1]). Ламентаціи гг. Кулибина и Иваницкаго опровергаются запискою олекминскихъ золотопромышленниковъ, въ числѣ которыхъ находимъ уполномоченныхъ Малопатомскаго Т-ва, КК° Трапезниковыхъ, Базилевскаго и Ленскаго Т-ва. По ихъ словамъ, на большей части пріисковъ Олекминской и Витимской системъ рабочіе получаютъ 4 ф. печенаго хлѣба и $1^1/_2$ ф. свѣжаго или соленаго, а въ поисковыхъ партіяхъ $^3/_4$ ф. сушенаго мяса въ день, 8 ф. крупы, 1 ф. коровьяго масла, 5 ф. соли, слѣдовательно менѣе крупы и масла, чѣмъ требуется иркутскимъ проектомъ (но зато, какъ указалъ докторъ Маліевъ, очень большое количество масла рабочіе брали на свой счетъ изъ пріисковыхъ лавокъ, такъ какъ количества, выдаваемаго отъ хозяевъ, оказывалось недостаточно). „Вышеприведенная норма пищевого довольствія", говорятъ представители олекминскихъ золотопромышленниковъ, „введена на большей части пріисковъ Олекминской и Витимской системъ; практикуется она давно, между тѣмъ состояніе здоровья пріисковыхъ рабочихъ вполнѣ удовлетворительно". Это написано какъ будто нарочно для опроверженія гг. Кулибина и Иваницкаго,—и ни слова о катаррахъ, ипохондріи и преступленіяхъ отъ „переядѣнія"! Къ ужасу г. Кулибина олекминскіе золотопромышленники еще добавляютъ, что „рабочимъ, помимо всякихъ условій, отпускается въ пищу съ ноября по іюнь мѣсяцъ кислая капуста и другія овощи въ достаточномъ количествѣ; для приправы пищи даются—мука пшеничная, листъ лавровый и перецъ, а на многихъ пріискахъ въ лѣтнее время приготовляется за счетъ золотопромышленниковъ общій, такъ называемый, артельный чай".

Замѣчанія золотопромышленниковъ на первую редакцію иркутскаго проекта вызвали во второй его редакціи слѣдующія измѣненія постановленія о безплатномъ пищевомъ довольствіи: 120 ф. печенаго хлѣба дозволялось замѣнять выдачею 90 ф. ржаной муки; мясо „въ исключительныхъ случаяхъ" разрѣшалось выдавать и соленое, „причемъ невозможность имѣть свѣжее мясо должна быть удостовѣрена горнымъ исправникомъ", крупы вмѣсто 15 ф. назначено 10 ф., вмѣсто прежней дневной порціи $^1/_{16}$ ф. коровьяго масла (около 2 ф. въ мѣсяцъ) назначено $1^1/_4$ ф. масла или $2^1/_2$ ф. топленаго сала, соли 4 ф., количество кирпичнаго чая немного увеличено ($1^1/_4$ ф. въ мѣсяцъ) и въ лѣтнее время назначена выдача квасу. „Рабочимъ, находящимся въ поисковой партіи, выдается вмѣсто хлѣба 3 ф. сухарей и, за невозможностью имѣть свѣжее мясо, 1 ф. вяленаго". Нужно не забывать, что эта вторая ре-

---

[1]) Онъ договаривается даже до такого вздора: „сколько катарровъ, ипохондрій, а вслѣдствіе того и преступленій происходитъ отъ переядѣнія... мѣра необходима во всемъ", не замѣчая, что это послѣднее выраженіе примѣняется всего болѣе къ нему самому.

дакція составлялась при участіи золотопромышленниковъ, чѣмъ и объясняется уменьшеніе количества столь необходимаго пищевого вещества, какъ масло. При изданіи горными управленіями обязательныхъ постановленій о пищевомъ пайкѣ это нужно имѣть въ виду.

На представленный ему проектъ во второй редакціи иркутскій генералъ-губернаторъ гр. Игнатьевъ сдѣлалъ замѣчаніе о недостаточности жировыхъ веществъ въ пищѣ рабочихъ и выразилъ мнѣніе, что назначенная въ проектѣ норма масла или сала „должна быть въ интересахъ сохраненія здоровья рабочихъ по меньшей мѣрѣ удвоена". Горный Департаментъ при выработкѣ первой редакціи своего проекта очень оригинально воспользовался замѣчаніемъ гр. Игнатьева. Несмотря на то, что иркутскій генералъ-губернаторъ указалъ лишь на недостаточность опредѣленнаго въ проектѣ количества масла, Горный Департаментъ исключилъ все постановленіе, регулирующее пищевое довольствіе рабочихъ на пріискахъ подъ предлогомъ, что эти „назначенія признаны иркутскимъ генералъ-губернаторомъ слишкомъ недостаточными", и что это весьма вѣроятно, такъ какъ въ составленіи проекта „принимали участіе одни хозяева промысловъ" (мы видѣли, что въ этомъ дѣлѣ участвовали и нѣкоторые представители администраціи). Но вмѣсто того, чтобы увеличить количество припасовъ, назначенныхъ въ недостаточномъ размѣрѣ, Горный Департаментъ счелъ возможнымъ предоставить опредѣленіе величины пищевого пайка свободному соглашенію предпринимателей и рабочихъ, но ставилъ губернатору и окружному инженеру въ обязанность „слѣдить за продовольствіемъ", предоставляя горному инженеру право „распорядиться улучшеніемъ пищи" рабочихъ. Г. Штофъ по этому поводу справедливо замѣтилъ, что губернаторъ несетъ слишкомъ сложныя обязанности для того, чтобы можно было разсчитывать на сколько нибудь частое посѣщеніе имъ пріисковъ; во всякомъ случаѣ одно предоставленіе кому бы то ни было права надзора за пищевымъ довольствіемъ на пріискахъ, безъ точнаго указанія, чего именно слѣдуетъ требовать въ этомъ отношеніи отъ золотопромышленниковъ, не можетъ считаться достаточнымъ, ибо съ одной стороны ставитъ промышленника въ зависимость отъ произвольныхъ требованій надзирающихъ лицъ, а съ другой—не даетъ этимъ послѣднимъ дѣйствительнаго средства вынуждать исполненіе ихъ требованій; такимъ средствомъ могутъ быть въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, только денежные штрафы *достаточно крупнаго размѣра*" (въ законѣ 1895 г. это условіе, какъ увидимъ, вовсе не соблюдено относительно нарушенія правилъ о пищевомъ довольствіи), „установить же ихъ нельзя, конечно, иначе какъ въ точности опредѣливъ самое нарушеніе, вызывающее эту угрозу". Поэтому въ своемъ проектѣ г. Штофъ возстановилъ точное опредѣленіе размѣровъ пищевого пайка, причемъ увеличилъ вдвое норму выдачи

рабочимъ масла или сала и, согласно предложенію главнаго начальника уральскихъ заводовъ, допустилъ замѣну $1^1/_4$ ф. кирпичнаго чая $^1/_2$ ф. обыкновеннаго и $1^1/_2$ ф. сахара. Въ Сибири г. Штофъ предложилъ сдѣлать обязательнымъ наемъ рабочихъ на хозяйскомъ продовольствіи въ виду „отдаленности огромнаго большинства тамошнихъ пріисковъ отъ населенныхъ пунктовъ“, на Уралѣ же дозволять наемъ и на своихъ харчахъ. Но Горный Департаментъ продолжалъ настаивать на исключеніи изъ проекта нормы пищевого пайка подъ предлогомъ трудности наблюденія за исполненіемъ этого правила (хотя рабочіе обыкновенно знаютъ свои права и умѣютъ постоять за нихъ) и нежеланія возводить въ законъ однообразную пищу. Желая во что бы то ни стало уничтожить постановленіе, столь важное для рабочихъ, Горный Департаментъ не отступилъ и отъ довода reductio ad absurdum: „ужъ если непремѣнно нужно устроить хорошее продовольствіе рабочихъ, то слѣдуетъ“, по его мнѣнію, „взяться за это или полиціи, или горному управленію и дѣлать сборъ съ промышленниковъ на этотъ предметъ“. Еслибы даже осуществленіе такого предположенія было возможно, то рабочіе навѣрно сильно пострадали бы отъ такой *хозяйственной* дѣятельности горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ, такъ какъ кто же наблюдалъ бы за добросовѣстнымъ исполненіемъ ими этихъ обязанностей,—они сами? Это, конечно, было бы очень выгодно для чиновъ полиціи и горнаго вѣдомства, но довольно убыточно для рабочихъ.

Окружные инженеры Западной Сибири обратили вниманіе на извѣстныя особенности тѣхъ пріисковъ, гдѣ работаютъ киргизы, относительно пищевого довольствія рабочихъ и указали на то, что проектируемый законъ долженъ считаться съ этими особенностями. Томскій окружной инженеръ сочувственно отнесся къ регулированію пищевого довольствія, но почему то не одобрилъ обязательной выдачи чая и полагалъ, что установленіе ея приведетъ къ пропорціональному уменьшенію заработанной платы.

Горный Совѣтъ исключилъ статью, предложенную г. Штофомъ о томъ, что рабочіе могутъ быть нанимаемы не иначе, какъ на хозяйскомъ продовольствіи, „такъ какъ въ Сибири возможны, хотя и рѣдко, случаи найма рабочихъ на пріиски (близкіе къ селеніямъ и т. п.) съ продовольствіемъ не отъ хозяевъ; на пріиски же отдаленные отъ населенныхъ пунктовъ не наймется иначе, какъ на хозяйскомъ продовольствіи и безъ всякаго постановленія о томъ закона“ (между тѣмъ въ дѣйствительности бывали случаи найма на своихъ харчахъ даже въ Олекминскомъ округѣ). Но, допустивъ наемъ рабочихъ на ихъ собственномъ продовольствіи, Горный Совѣтъ, убѣжденный доводами г. Штофа и вопреки мнѣнію Горнаго Департамента, нашелъ нужнымъ опредѣлить размѣръ пищевого пайка, хотя и сдѣлалъ нѣкоторые урѣзки въ томъ

количествѣ продуктовъ, которое было назначено въ проектѣ г. Штофа, но количество мяса, масла или сала и крупъ измѣнено не было.

Противъ статьи проекта 1892 г., опредѣляющей пищевое довольствіе рабочихъ, сильно ополчился защитникъ интересовъ золотопромышленниковъ, окружной инженеръ южно-енисейской тайги г. Стемпневскій. Онъ утверждалъ, будто пищевое довольствіе выдается рабочимъ въ тѣхъ же размѣрахъ, какіе указаны въ проектѣ, за исключеніемъ масла, сала, чаю и сахару, но по нашимъ свѣдѣніямъ отнюдь нельзя утверждать, чтобы въ Енисейскомъ округѣ большинство золотопромышленниковъ выдавало $1^1/_2$ ф. мяса (см. стр. 193—194). Затѣмъ г. Стемпневскій увѣряетъ, что „увеличеніе выдачи продуктовъ по стоимости ихъ въ тайгѣ составитъ на каждаго годового рабочаго отъ 19 р. 80 к. до 24 р. 24 к.“ и высказываетъ предположеніе, что вслѣдствіе этого „послѣдуетъ уменьшеніе заработной платы или же переходъ на собственное содержаніе рабочихъ, что крайне нежелательно, такъ какъ при удаленности пріисковъ подвозъ даже предметовъ первой необходимости затруднителенъ“. Г. Стемпневскій предлагаетъ уменьшить количество жировыхъ веществъ до $^3/_4$—1 ф. въ мѣсяцъ масла или 2 ф. сала. Безвозмездная выдача рабочимъ чая и сахара, которые теперь выдаются въ счетъ жалованья, также можетъ, по мнѣнію г. Стемпневскаго, вызвать уменьшеніе вознагражденія за трудъ. Приводя мнѣніе г. Стемпневскаго, начальникъ томскаго горнаго управленія прибавляетъ: „конечно, это соображеніе не можетъ останавливать правительство въ принятіи мѣръ къ улучшенію быта золотопромысловыхъ рабочихъ, да и большинство благоразумныхъ промышленниковъ не могутъ не сознавать необходимости этого улучшенія“. Начальникъ иркутскаго горнаго управленія предложилъ исключить изъ продовольствія рабочихъ сахаръ. Начальникъ уральскихъ горныхъ заводовъ предложилъ разрѣшить замѣну въ постные дни мяса такимъ же количествомъ рыбы. Тобольско-Акмолинскій окружной инженеръ считалъ необходимымъ дозволить переводъ пищевого пайка на деньги по опредѣленной таксѣ, „съ тѣмъ, чтобы тѣми же цѣнами заносились припасы рабочему въ выдачу“. Окружной инженеръ сѣверо-енисейскаго округа полагалъ, что слѣдовало бы вмѣстѣ съ введеніемъ задѣльной платы поставить непремѣнно условіе, чтобы „рабочій продовольствовался не отъ хозяина, а въ счетъ заработка изъ запасовъ, которые хозяинъ обязанъ имѣть и отпускать рабочему по таксѣ, утвержденной горною администраціей“, въ томъ размѣрѣ, какой указанъ въ проектѣ 15 апрѣля 1892 года. Иркутскій генералъ-губернаторъ высказалъ по этому вопросу слѣдующее: „Наемъ рабочихъ безъ хозяйскаго продовольствія на сибирскихъ пріискахъ вовсе не желателенъ. Напротивъ, въ правила о наймѣ рабочихъ обязательно должно быть включено условіе, чтобы отнюдь не дозволялось выдавать рабочимъ

вмѣсто продуктовъ деньги, такъ какъ въ противномъ случаѣ въ большинствѣ пріисковыхъ районовъ рабочіе принуждены были бы покупать провизію изъ магазиновъ тѣхъ же пріисковъ съ значительною надбавкой въ цѣнѣ, а желаніе сдѣлать экономію могло бы послужить побудительной причиной довольствоваться недостаточной пищей, что въ результатѣ повело бы къ истощенію силъ рабочихъ... Что касается жировыхъ веществъ въ пайкѣ пріисковаго рабочаго, то, хотя количество ихъ и увеличено сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ, но все-таки не можетъ считаться вполнѣ достаточнымъ; по крайней мѣрѣ золотопромышленникъ Кузнецовъ въ своемъ докладѣ обществу врачей Енисейской губерніи въ 1892 году признаетъ, что пріисковый рабочій нуждается въ ежедневномъ употребленіи масла въ размѣрѣ 21 золотника, что составляетъ въ мѣсяцъ около $6^1/_2$ ф.". При отсутствіи овощей г.-л. Горемыкинъ предлагалъ увеличить дачу крупы до 15 ф. въ мѣсяцъ и отпускать каждому рабочему по 3 зол. въ день пшеничной муки для приправы.

Сгруппировавъ эти мнѣнія о пищевомъ пайкѣ рабочихъ г. Штофъ пришелъ къ слѣдующему выводу: ввиду необходимости приноравляться къ условіямъ мѣстности и высокой цѣнности нѣкоторыхъ продуктовъ „казалось бы наиболѣе удобнымъ предоставить изданіе обязательныхъ постановленій о пищевомъ довольствіи тѣхъ рабочихъ на золотыхъ и платиновыхъ промыслахъ, которые, по условіямъ найма, получаютъ пищу отъ нанимателя (безплатно или въ счетъ заработка), присутствіямъ по горнозаводскимъ дѣламъ, установленнымъ закономъ 9 марта 1892 г.". Согласное съ этимъ постановленіе мы и находимъ въ законѣ 1895 г. Предположеніе г. Штофа о разнообразіи пищевого довольствія рабочихъ, нанимающихся на хозяйскихъ харчахъ въ разныхъ округахъ, несправедливо: оно, напротивъ, вездѣ состоитъ изъ однихъ и тѣхъ же веществъ, количество которыхъ колеблется не столько по мѣстностямъ, сколько по большему или меньшему богатству компаніи и добросовѣстности ея мѣстной администраціи. Рѣзко отличается отъ остальныхъ рабочихъ только пищевое довольствіе киргизовъ, относительно которыхъ и можно было бы ввести въ проектъ закона особое примѣчаніе. Предоставленія нормировки пищевого пайка горнозаводскимъ присутствіямъ мы не находимъ и въ текстѣ закона 9 марта 1892 года, на который ссылается г. Штофъ, такъ какъ тамъ говорится лишь въ общихъ выраженіяхъ „о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ". Тутъ не упоминается прямо о пищевомъ довольствіи, если же придавать этой статьѣ распространительное толкованіе, то на основаніи ея можно было бы предоставить горнозаводскимъ присутствіямъ и установленіе продолжительности рабочаго дня, такъ какъ количество рабочихъ часовъ болѣе, чѣмъ

что либо, вліяетъ на здоровье рабочихъ. Г. Штофъ уклонился отъ законодательнаго регулированія рабочаго дня подъ предлогомъ невозможности наблюдать на пріискахъ за исполненіемъ этого постановленія, но вѣдь та же трудность существуетъ и при регулированіи продовольствія рабочихъ, однако это вовсе не заставило отказаться отъ его регулированія, которое было возложено на горнозаводскія присутствія. Еще въ статьѣ „Русской Мысли“ (1894 г. № 5) мы указали, что считаемъ весьма нежелательнымъ предоставлять опредѣленіе пищевого пайка рабочихъ горнозаводскимъ присутствіямъ (по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, когда $^1/_3$ членовъ составляютъ золотопромышленники, а рабочіе не имѣютъ своихъ представителей) вмѣсто законодательнаго регулированія продовольствія, какъ это было по прежнему проекту 1892 г. Теперь, послѣ изданія закона 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, наши опасенія могутъ только увеличиться. Дѣло въ томъ, что Государственный Совѣтъ установилъ maximum штрафа за нарушеніе постановленія горнозаводскаго присутствія всего въ 50 р. При такомъ ничтожномъ штрафѣ многіе золотопромышленники могутъ найти для себя выгоднымъ не исполнять постановленія горнозаводскаго присутствія о пищевомъ довольствіи. Можетъ показаться неудобнымъ законодательное регулированіе продовольствія рабочихъ, такъ какъ это, будто бы, поведетъ къ установленію вреднаго однообразія въ пищѣ, но во первыхъ тоже возраженіе совершенно приложимо и къ регулированію продовольствія двумя горнозаводскими присутствіями на всю Сибирь, а во вторыхъ, установивъ minimum пищевого пайка, законъ могъ бы предоставить внесеніе въ него нѣкотораго разнообразія по соглашенію обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

Въ первой редакціи иркутскаго проекта была установлена обязательная выдача рабочимъ водки по $^1/_{100}$ ведра ежедневно, а непьющимъ должно было вписываться на приходъ въ разсчетныя книжки по 10 к., причемъ, сверхъ обязательной порціи, рабочій могъ получить отъ хозяина пріиска еще порцію водки за деньги, но не болѣе $^1/_{100}$ ведра въ день и съ платою не дороже 10 к. Этотъ параграфъ проекта возбудилъ неудовольствіе золотопромышленниковъ, такъ какъ при необязательномъ отпускѣ вина винная порція является могущественнымъ орудіемъ въ вымоганіи отъ рабочаго болѣе напряженнаго труда. Г. Иваницкій, со свойственнымъ ему остроуміемъ, разсчиталъ, что если бы „каждый взрослый въ Россіи потреблялъ, какъ проектируютъ правила, $^2/_{100}$ ведра вина въ день“ (въ правилахъ говорится объ обязательной выдачѣ только $^1/_{100}$, правомъ же пріобрѣсти другую сотую на свой счетъ воспользуется не всякій рабочій), „то населеніе Россіи пропилось бы въ одинъ годъ, а отъ возрастанія питейнаго сбора сразу разрѣшились бы всѣ затрудненія государственнаго казначейства“. Енисейскіе золотопромышленники

просили о томъ, чтобы выдавать винную порцію не ежедневно, а лишь 3 раза въ недѣлю и (самое главное!) для тѣхъ лишь рабочихъ, которые добросовѣстно работали, а тѣхъ, которые лѣнились или оказывали какое либо неповиновеніе или грубость, порціи въ этотъ день лишать". Относительно отпуска вина за деньги на пріискахъ енисейскіе золотопромышленники указывали, что это не дозволяется акцизными правилами. Г. Кулибинъ, по вопросу объ обязательной выдачѣ винныхъ порцій, обнаружилъ еще болѣе замѣчательное остроуміе, чѣмъ г. Иваницкій. „Если потребленіе водки признается необходимымъ для организма при промысловыхъ работахъ", иронизировалъ этотъ защитникъ интересовъ золотопромышленниковъ, то не слѣдуетъ ли также выдавать рабочему деньги за лѣкарство, если онъ не захочетъ его принимать. Представители Олекминской золотопромышленности также возражали и противъ обязательной выдачи винной порціи, и противъ обязательной продажи второй сотой за деньги, указывая на то, что въ этомъ случаѣ совсѣмъ нельзя будетъ контролировать дѣйствія тѣхъ золотопромышленниковъ, которые занимаются скупкою золота на спиртъ (какъ будто бы прежде кто нибудь наблюдалъ, какъ слѣдуетъ, за этимъ гешефтомъ!). Г. Стрижевъ возражаетъ не противъ обязательной выдачи $^1/_{100}$, но противъ продажи такой же порціи, потому что „вторая сотая водки выдается рабочимъ почти на всѣхъ пріискахъ въ дурную погоду за работу, при неблагопріятныхъ, трудныхъ условіяхъ и даже просто за исправное исполненіе работы, а не за сверхурочную работу, за которую полагается особая увеличенная плата". При этомъ купленная рабочимъ третья сотая могла бы опьянить уставшаго рабочаго. Амурскій окружной ревизоръ Оранскій сообщилъ, что противъ обязательной выдачи и продажи водки „рѣшительно всѣ золотопромышленники". Впрочемъ, главноуправляющій Верхне-Амурскою К° Янчуковскій заявилъ, что „вольная *продажа* по $^1/_{100}$ сверхъ обычной дачи вполнѣ необходима ради ослабленія вреда для рабочихъ отъ спиртоносовъ", что же касается обязательной выдачи порціи, то онъ замѣтилъ, что и теперь въ Верхне-Амурской К° производится выдача водки въ размѣрѣ $^1/_{100}$ на человѣка, а по праздникамъ и по $^2/_{100}$, „но въ контрактѣ не помѣщается, *какъ единственное оружіе противъ проступковъ*",—очевидно, и здѣсь, если и нѣтъ возраженій противъ обязательной выдачи вина, то есть убѣжденіе въ невыгодности для золотопромышленниковъ потери права дѣлать изъ этого награду за усердіе. По мнѣнію амурскаго окружного инженера Оранскаго, „кажется, одной порціи водки для рабочаго вполнѣ достаточно вообще; въ такихъ тайгахъ, какъ Ниманская, можетъ быть недостаточно и двухъ, но эта тайга въ исключительномъ положеніи по своимъ климатическимъ условіямъ. Если бы порціи подавались два раза въ день, т. е. въ обѣдъ и вечеромъ", продолжаетъ г. Оранскій, „то

это, конечно, не имѣло бы вреднаго вліянія, но дѣло въ томъ, что, выпивъ одну порцію, рабочій потребуетъ другую за деньги сейчасъ же; это не подлежитъ никакому сомнѣнію, а отъ двухъ порцій" онъ уже пьянѣетъ. Поэтому Оранскій полагалъ, что не слѣдуетъ дѣлать обязательною продажу вина за деньги. Во второй редакціи иркутскаго проекта было сохранено правило объ обязательной выдачѣ одной винной порціи; „въ исключительныхъ случаяхъ, по усмотрѣнію пріисковаго управленія", разрѣшалось давать и вторую порцію, но болѣе этого не допускалось; сохранена и замѣна винной порціи вписываніемъ 10 к. въ разсчетныя книжки, но отпускъ винныхъ порцій за деньги не допускался.

Горный департаментъ предложилъ увеличить выдачу винныхъ порцій, а именно, сверхъ одной для всѣхъ рабочихъ, имъ предложена была обязательная выдача и второй (но только не одновременно съ первою) промывальщикамъ и другимъ рабочимъ, трудъ которыхъ требуетъ пребыванія въ водѣ и сырости. На этомъ можно было бы и остановиться, но горный департаментъ предоставилъ промысловому управленію выдавать еще по одной порціи по своему усмотрѣнію; это было бы уже вовсе не желательно, какъ потому, что три порціи могутъ вести къ опьяненію, такъ и потому, что это даетъ возможность вымогать посредствомъ обѣщанія подачи вина болѣе напряженный трудъ. Непьющимъ рабочимъ, какъ и по иркутскому проекту, предполагалось записывать по 10 к. за порцію. Томскій окружной инженеръ Реутовскій сочувственно отнесся къ постановленію о винныхъ порціяхъ во второй редакціи иркутскаго проекта, окружной же инженеръ южно-енисейскаго округа смотрѣлъ на вопросъ о винныхъ порціяхъ глазами золотопромышленниковъ, а именно, указалъ на то, что, при установленіи обязательности ежедневной выдачи вина, она потеряетъ свое теперешнее значеніе—поощреніе къ работѣ. Онъ предлагалъ сдѣлать выдачу порціи обязательною всего два раза въ недѣлю, какъ это большею частью бываетъ теперь въ его округѣ. Выдача винныхъ порцій была такимъ образомъ регулирована при разсмотрѣніи проекта Горнымъ Совѣтомъ: промышленникъ обязанъ выдавать всѣмъ рабочимъ одну винную порцію еженедѣльно; тѣмъ же, работа коихъ требуетъ пребыванія въ водѣ,—ежедневно или, по крайней мѣрѣ, черезъ день. Выдача винныхъ порцій, сверхъ указанныхъ, *зависитъ отъ усмотрѣнія промысловаго управленія*. Непьющимъ рабочимъ, сверхъ положенной по договору наемной платы, засчитываются за каждую винную порцію деньги по стоимости вина на пріискѣ". Такимъ образомъ, во первыхъ, была сильно уменьшена выдача рабочимъ вина, и притомъ еще увеличеніе этой выдачи предоставлено было усмотрѣнію пріисковаго управленія, т.-е. дана была возможность вымогать такимъ образомъ увеличеніе напряженности труда. Иркутскій генералъ-губернаторъ нашелъ этотъ размѣръ выдачи рабочимъ вина

недостаточнымъ, такъ какъ, „въ виду тяжелыхъ условій пріисковыхъ работъ, употребленіе вина является здѣсь совершенною необходимостью... и установленіе выдачи ея лишь разъ въ недѣлю было бы шагомъ назадъ сравнительно съ существующими обычаями“, и потому предложилъ принять постановленіе по этому предмету второй редакціи иркутскаго проекта съ добавленіемъ, что выдача болѣе двухъ порцій въ сутки не дозволяется безусловно (даже и за подъемное золото). Г. Штофъ призналъ, что норма выдачи вина, установленная проектомъ 1892 г., слишкомъ мала, но предложилъ регулированіе винныхъ порцій такъ же, какъ и пищевого пайка, возложить на горнозаводскія присутствія, что и было установлено закономъ 1895 г.

Относительно продовольствія во время путешествія на пріискъ и возвращенія съ него „мѣстами незаселенными“ золотопромышленникъ обязанъ былъ, по первой редакціи иркутскаго проекта, выдавать на каждыя 25 верстъ: 3 ф. ржаныхъ сухарей, $^1/_4$ ф. масла, $^1/_8$ ф. соли и на 100 вер. $^1/_8$ ф. кирпичнаго чая. Г. Стрижевъ, управляющій К° Промышленности, въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ говоритъ: „выдачу масла на дорогу, въ показанномъ въ проектѣ размѣрѣ, я считаю не лишней, и далѣе было бы справедливо и полезно выдавать и мясо, хотя по 1 ф. въ день, для того, чтобы рабочій пришелъ на пріискъ неистощеннымъ и необозленнымъ отъ плохого питанія въ дорогѣ. Мясо по 1 ф. въ здѣшней К° выдается“. Однако, во второй редакціи иркутскаго проекта мясо не было введено въ путевой паекъ рабочаго, а было лишь пояснено, что, при путешествіяхъ на пароходахъ и въ лодкѣ, указанное количество припасовъ должно быть выдаваемо на каждыя сутки. Продовольствіе на пути опредѣлено было Горнымъ Совѣтомъ въ такомъ размѣрѣ: „на каждыя 100 вер. пути (а при слѣдованіи водою на каждыя 5 сутокъ) по 15 ф. ржаныхъ сухарей, по 30 зол. соли, по 1 ф. кирпичнаго чая или по 3 зол. обыкновеннаго чая и по $4^1/_2$ зол. сахара“. По закону 1895 г. назначеніе размѣра пищевого пайка во время путешествія рабочихъ на пріискъ и обратно предоставлено горнозаводскимъ присутствіямъ.

Относительно жилищъ рабочихъ на промыслахъ въ первой редакціи иркутскаго проекта было недостаточно опредѣленное постановленіе: „помѣщенія для рабочихъ на золотыхъ пріискахъ должны быть устроены золотопромышленниками удобныя, сообразуясь съ бытомъ крестьянъ средняго достатка, причемъ помѣщенія эти должны содержать опредѣленный объемъ воздуха по числу помѣщающихся лицъ“. Окружной ревизоръ сѣверно-енисейскаго округа, Внуковскій, кромѣ общаго указанія на необходимость точнаго опредѣленія minimum'а объема воздуха, необходимаго для каждаго рабочаго, предложилъ еще: 1) обязать золотопро-

мышленниковъ имѣть отдѣльныя помѣщенія для семейныхъ рабочихъ [1]) и 2) вмѣнить имъ въ обязанность устраивать въ казармахъ отдѣленія для сушки одежды и обуви", кромѣ того „въ высокой степени желательно ввести отопленіе помѣщеній для рабочихъ кирпичными печами, вмѣсто существующихъ желѣзныхъ, что особенно важно для рабочихъ, остающихся на пріискахъ круглый годъ". Полезны также замѣчанія и бывшаго окружного ревизора Олекминскаго округа Штрауса. Онъ предложилъ постановить, чтобы вновь устраиваемыя казармы (почему же не примѣнить эту норму и къ прежнимъ?) вмѣщали бы въ себѣ не менѣе $1^1/_2$ куб. саж. на человѣка. Высота зимнихъ помѣщеній должна быть не менѣе 9 фут. Для семейныхъ съ подростающими дѣтьми должны быть въ срединѣ казармы отгороженныя помѣщенія (по крайней мѣрѣ во вновь возводимыхъ казармахъ). Для каждаго рабочаго слѣдуетъ завести вмѣсто общихъ наръ койку и запирающійся замкомъ шкафчикъ или сундукъ. Вообще же, при постройкѣ новыхъ казармъ, въ каждой тайгѣ, должно руководствоваться чертежами, утвержденными горнымъ отдѣленіемъ главнаго управленія Восточной Сибири для каждой тайги отдѣльно на срокъ не болѣе 5 лѣтъ. Амурскій окружной ревизоръ Оранскій справедливо замѣтилъ, что „едва ли можно требовать отъ рабочаго, простоявшаго у забоя, въ грязи и подъ дождемъ, чтобы онъ, вернувшись съ работы, особенно заботился о чистотѣ своей казармы" (по первой редакціи иркутскаго проекта рабочему грозилъ штрафъ за несоблюденіе чистоты въ казармѣ). „Наблюденіе за чистотою", продолжаетъ г. Оранскій, „должно лежать на обязанности особо назначенныхъ для этого лицъ". Онъ предлагалъ обязать золотопромышленниковъ нанимать на свой счетъ лицъ, которыя убирали бы казармы ежедневно утромъ, по уходѣ рабочихъ на работы. Къ сожалѣнію, эти замѣчанія не содѣйствовали благопріятному для рабочихъ измѣненію этого пункта во второй редакціи проекта, въ составленіи которой принимали, какъ мы видѣли, участіе многіе золотопромышленники. Въ этой редакціи сказано: „помѣщенія для рабочихъ должны быть устраиваемы по возможности удобно и такихъ размѣровъ, чтобы содержали въ себѣ не менѣе 1 куб. саж. воздуха на каждаго рабочаго" (мы видѣли что г. Штраусъ требовалъ $1^1/_2$ саж.); въ концѣ параграфа явилась неожиданная и, въ виду суровости сибирскаго климата, весьма нежелательная прибавка: „причемъ предоставляется золотопромышленникамъ на лѣтнее время устраивать для помѣщенія рабочихъ бараки". Горный департаментъ, въ своемъ первоначальномъ проектѣ (1890 г.), уничтожилъ это разрѣшеніе устройства бараковъ вмѣсто обычныхъ жилищъ. При выработкѣ проекта 1892 г. постановленіе относительно помѣщеній для

[1]) Тоже предлагалъ и амурскій окружной ревизоръ Оранскій.

рабочихъ было ухудшено Горнымъ Совѣтомъ въ томъ отношеніи, что сдѣлано менѣе опредѣленнымъ (помѣщенія „должны содержать въ себѣ достаточное (?) количество воздуха"), но за то было постановлено, что семейные рабочіе должны помѣщаться отдѣльно отъ одинокихъ, а между послѣдними мужчины отдѣльно отъ женщинъ. Неопредѣленность этого постановленія вновь вызвала цѣлый рядъ замѣчаній. Начальникъ томскаго горнаго управленія предложилъ установить, чтобы на каждаго рабочаго приходилась 1 куб. саж. воздуха и чтобы помѣщенія для жилья рабочихъ въ зимнее время были съ теплыми полами, двойными рамами и имѣли надлежащее устройство для отопленія. Необходимо также обязать золотопромышленниковъ имѣть бани для рабочихъ и, по возможности, отдѣльныя помѣщенія для просушки ихъ мокраго бѣлья и обуви. По мнѣнію томскаго окружнаго инженера Реутовскаго, необходимо, чтобы на каждаго рабочаго приходилось не менѣе 1 куб. саж. воздуха и чтобы высота казармъ была не менѣе 4 арш., такъ какъ только при такой высотѣ можетъ быть установлена раціональная вентиляція; на зиму казармы должны быть обмазаны и выбѣлены для удержанія тепла. Вмѣсто наръ слѣдуетъ устраивать отдѣльныя койки для каждаго рабочаго, такъ какъ только при этомъ возможно требовать отъ нихъ соблюденія чистоты и опрятности, необходимо также дѣлать сѣни, гдѣ рабочіе могли бы сушить бѣлье, одежду и обувь. По мнѣнію начальника иркутскаго управленія, вмѣстимость помѣщенія для рабочихъ должна быть не менѣе 1 куб. саж. на человѣка. Въ заключеніяхъ начальника уральскаго горнаго управленія мы находимъ, между прочимъ, указанія на необходимость двойныхъ оконныхъ рамъ. Окружной инженеръ Ачинско-Минусинскаго округа предлагаетъ установить, чтобы въ казармахъ на каждаго рабочаго приходилось не менѣе $1^1/_2$ куб. саж. воздуха и чтобы банею рабочіе могли пользоваться не менѣе одного раза въ недѣлю; такой же minimum указанъ и въ замѣчаніяхъ иркутскаго генералъ-губернатора.

Въ новомъ проектѣ, составленномъ г. Штофомъ, а согласно съ нимъ и въ законѣ 1895 г., обязанность наблюденія за помѣщеніями рабочихъ также возложена на горнозаводскія присутствія.

Постановленіе относительно лѣченія рабочихъ, въ первой редакціи иркутскаго проекта, заимствовано изъ доклада г. Карпинскаго генералъ-губернатору Восточной Сибири (см. выше стр. 728). Очень важное замѣчаніе сдѣлалъ по этому поводу золотопромышленникъ Иваницкій. „Въ силу установившагося обычая", говоритъ онъ (и настояній мѣстной администраціи, прибавимъ мы отъ себя), „врачебная часть на золотыхъ промыслахъ поставлена такъ хорошо, какъ еще долго не будетъ организована въ селахъ и деревняхъ", „и проектированныя въ этомъ отношеніи правила возлагаютъ на золотопромышленниковъ обязанности въ

меньшей мѣрѣ, чѣмъ онѣ существуютъ теперь. Поэтому, чтобы не допустить регресса, слѣдовало бы" установить для промышленниковъ обязанность „содержать въ каждой отдѣльной системѣ общаго врача, дозволивъ при этомъ одному врачу завѣдывать нѣсколькими (?) незначительными системами, какъ напримѣръ, Ачинскою и Минусинскою, Маріинскою и Алтайскою" (при значительномъ разстояніи этихъ системъ одна отъ другой это было бы совершенно неудобно). Окружной инженеръ Оранскій предложилъ постановить, что „рабочіе, во время продолжительной болѣзни, явившейся вслѣдствіе климатическихъ условій, небрежнаго содержанія и т. п. причинъ, должны получать извѣстное вознагражденіе (денежное) за все время болѣзни". Во второй редакціи проекта добавлено, что на промыслахъ, гдѣ менѣе 50 рабочихъ, управленіе обязано „для первоначальнаго помѣщенія заболѣвающихъ имѣть особую комнату... Въ томъ случаѣ, если пріискъ находится далѣе 50 вер. отъ пріиска, на которомъ имѣется фельдшеръ", то на немъ „должна быть самостоятельная больница и фельдшеръ, хотя бы рабочихъ было менѣе 50 чел. Кромѣ того, *въ каждой системѣ* пріисковъ, имѣющей болѣе 500 чел., золотопромышленники обязаны имѣть на свой счетъ врача, который завѣдуетъ всѣми больницами этой системы". Къ постановленію о безвозмездномъ лѣченіи рабочаго было прибавлено: „а равно и рабочій за время болѣзни не получаетъ обусловленной платы", слѣдовательно, предложеніе г. Оранскаго принято не было. Начальникъ уральскихъ заводовъ справедливо замѣтилъ, что правила о врачебной помощи должны быть обязательны и тамъ, гдѣ на пріискѣ люди работаютъ безъ договоровъ, какъ на хозяйскихъ, такъ и на старательскихъ работахъ. Горный департаментъ, въ своемъ проектѣ 1890 г., включилъ правило, что „за время болѣзни рабочій получаетъ $^1/_4$ платы по договору". Окружной инженеръ Ачинско-Минусинскаго округа указалъ на то, что постановленія о врачебной помощи рабочимъ во второй редакціи иркутскаго проекта не соотвѣтствуютъ условіямъ этого округа, такъ какъ въ немъ лишь нѣсколько пріисковъ имѣетъ до 50 и болѣе рабочихъ. Инженеръ Тобольско-Акмолинскаго округа выразилъ желаніе, чтобы законъ обязывалъ золотопромышленниковъ лѣчить и содержать рабочихъ и на тѣхъ промыслахъ, гдѣ производятся золотничныя работы, такъ какъ на подобные пріиски стекается масса людей. При выработкѣ проекта 1892 г. требованія относительно врачебной помощи были понижены Горнымъ Совѣтомъ, такъ какъ они показались ему „обременительными для золотопромышленниковъ". А именно, Совѣтъ постановилъ, что они обязаны имѣть на пріискахъ вмѣсто больницы пріемный покой, снабженный лѣкарствами, и фельдшера, а затѣмъ, при 500 рабочихъ, содержать на общій счетъ не врача, а фельдшера (неизвѣстно зачѣмъ, когда фельдшера есть уже на отдѣльныхъ пріискахъ), а при 1000 рабочихъ—врача.

Такимъ образомъ вопросъ о лѣченіи рабочихъ былъ неудовлетворительно регулированъ проектомъ 1892 г., а между тѣмъ, окружной инженеръ Ачинско-Минусинскаго округа нашелъ, что для его района и эти требованія еще высоки, а окружной инженеръ Семипалатинско-Семирѣчинскаго округа выразилъ желаніе, чтобы правила эти прилагались и къ лѣченію старателей-золотничниковъ. Иркутскій генералъ-губернаторъ полагалъ, что лучше бы возстановить по этому предмету правила второй редакціи иркутскаго проекта. При переработкѣ проекта, на основаніи закона 9 марта 1892 г. регулированіе лѣченія рабочихъ на промыслахъ было возложено на горнозаводскія присутствія.

Мы подробно привели мнѣнія разныхъ представителей администраціи о пищевомъ довольствіи, винныхъ порціяхъ, жилыхъ помѣщеніяхъ и лѣченіи рабочихъ, такъ какъ они могутъ послужить матеріаломъ для горнозаводскихъ присутствій при регулированіи этихъ сторонъ жизни рабочихъ.

Постановленіе проекта 1892 г. о томъ, что „лѣченіе и содержаніе больныхъ рабочихъ относится на счетъ промышленника“, не встрѣтило никакихъ возраженій; но вторая половина статьи, а именно, что „за время болѣзни рабочій получаетъ 1/4 платы по договору“, вызвала замѣчанія и возраженія. По мнѣнію начальника томскаго горнаго управленія это правило крайне обременительно для предпринимателей: „При отсутствіи на большинствѣ мелкихъ промысловъ врачей и фельдшеровъ такое правило можетъ повести къ разнымъ недоразумѣніямъ между промышленниками и рабочими: въ интересахъ первыхъ не признавать больнымъ такого рабочаго, который дѣйствительно нуждается въ лѣченіи, а для рабочаго, имѣющаго въ виду получить ничтожную сумму при разсчетѣ (напр., въ случаѣ разныхъ съ него взысканій), не безвыгодно, притворившись больнымъ, не работать, получая содержаніе и 1/4 положенной ему платы“. Окружной инженеръ сѣверно-енисейскаго округа и начальникъ иркутскаго горнаго управленія также предлагали исключить это постановленіе. По мнѣнію окружного инженера Ачинско-Минусинскаго округа, если и можно допустить вознагражденіе за время болѣзни, то развѣ исключительно за болѣзни профессіональныя, вызванныя самимъ производствомъ. Напротивъ, министръ Двора и иркутскій генералъ-губернаторъ предлагали только измѣнить редакцію статьи, а окружной инженеръ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа выразилъ желаніе, чтобы оно примѣнялось и къ старателямъ-золотничникамъ. Г. Штофъ присоединился къ противникамъ этого постановленія (хотя оно находилось въ его собственномъ проектѣ 1891 г.) на томъ основаніи, что такое вознагражденіе не установлено ни общими правилами о фабричныхъ рабочихъ, ни особыми постановленіями о распространеніи этихъ правилъ на горнорабочихъ, и вторая половина ст. 54-й была исключена. Въ

законѣ 1895 г. регулированіе врачебной помощи на промыслахъ было возложено на горнозаводскія присутствія, и, въ виду ничтожности штрафа (въ 50 р.) за нарушеніе ихъ постановленій, врачебное дѣло на промыслахъ можетъ очутиться въ положеніи весьма неприглядномъ.

Относительно пріисковыхъ лавокъ въ первой редакціи иркутскаго проекта было сказано слѣдующее: „для удовлетворенія рабочихъ необходимою одеждою и обувью, а также припасами золотопромышленники обязаны имѣть на пріискахъ достаточное количество означенныхъ вещей и продуктовъ и продавать рабочимъ по таксѣ, утверждаемой мѣстнымъ горнымъ исправникомъ". Таксы эти предписано было вывѣсить на каждомъ пріискѣ въ конторахъ и помѣщеніяхъ рабочихъ и кромѣ того было запрещено золотопромышленникамъ „продавать рабочимъ необиходныя въ ихъ быту вещи". Горный инженеръ В. Кулибинъ замѣтилъ, что таксу было бы удобнѣе и справедливѣе установлять „общую для цѣлой части золотопромышленнаго округа... Можетъ быть возраженіе, что многіе золотопромышленники, пріобрѣтая вещи и припасы въ кредитъ, не могутъ безъ убытка для себя продавать изъ магазина по цѣнѣ, равной съ тѣми, которыя пріобрѣтаютъ вещи и припасы за наличныя деньги. Но такая разница въ цѣнахъ и припасахъ, по всей справедливости, не должна отзываться на рабочемъ, и одинаковая такса на все продаваемое совершенно справедлива. Нельзя также обязать рабочаго брать все ему необходимое непремѣнно въ магазинахъ пріиска, на которомъ онъ работаетъ, если цѣна на тѣ предметы будетъ ниже на другомъ пріискѣ". Г. Кулибинъ возбудилъ также важный вопросъ, имѣютъ ли право въ районахъ золотопромышленныхъ округовъ производить торговлю дозволенными вещами и припасами пріѣзжающіе вольные торговцы. Наконецъ, г. Кулибинъ считалъ необходимымъ подробнѣе выяснить, что̀ именно не можетъ быть продаваемо рабочимъ, и неужели будетъ считаться нарушеніемъ закона и подвергать золотопромышленника штрафу продажа гармоники, цвѣтныхъ рубахъ, сапоговъ, лакомствъ и т. п. Нужно напомнить, что мѣстная администрація считала необходимымъ не допускать рабочаго до пріобрѣтенія предметовъ роскоши на промыслахъ, чтобы оградить его такимъ образомъ отъ эксплоатаціи золотопромышленниковъ. Въ 30—40-хъ гг. эти ограниченія были очень строги, но затѣмъ стали постепенно ослабѣвать. Золотопромышленники, съ своей стороны, стремились къ тому, чтобы рабочіе „въ предѣлахъ своего заработка" забирали у нихъ въ лавкахъ какъ можно болѣе припасовъ и товаровъ, такъ какъ это приносило имъ значительную прибыль, и на нѣкоторыхъ небогатыхъ промыслахъ доходъ отъ лавокъ превышалъ даже доходъ отъ самаго промысла. На такихъ богатыхъ промыслахъ Олекминскаго округа, какъ К° Промышленности, кромѣ обычныхъ пріисковыхъ лавокъ или амбаровъ, изъ которыхъ рабочіе получали необходимыя въ

ихъ быту вещи, были учреждены магазины съ гораздо большимъ разнообразіемъ товаровъ, гдѣ могли дѣлать покупки не только служащіе, но и рабочіе, однако лишь на наличныя деньги. Вотъ почему г. Стрижевъ подробно остановился на этомъ пунктѣ проекта правилъ. Но возставая противъ запрещенія пріисковымъ управленіямъ открывать магазины, г. Стрижевъ находилъ, что „слѣдуетъ имѣть въ виду строгое отдѣленіе магазина отъ амбара собственно съ вещами, необходимыми для рабочихъ. Эти амбары должны быть снабжены только такими вещами, которыя выдаются въ выписку рабочему, напримѣръ, сапоги кунгурскіе, рукавицы, рубахи, шаровары, азямы, масло, сахаръ, чай, табакъ, спички, мыло, нитки и т. п. Такія вещи должны быть выписываемы рабочему въ расчетные листы или книжки. Соединеніе же торговаго магазина съ выписочнымъ амбаромъ дѣйствительно можетъ быть разорительно для рабочаго, когда ему будутъ выдавать, вмѣсто выписки необходимыхъ вещей натурою, купоны въ магазинъ на извѣстную сумму. При этомъ порядкѣ рабочій, вмѣсто необходимыхъ для него сапоговъ, рукавицъ, масла и проч., часто можетъ купить вещи для него совсѣмъ не нужныя, и при недобросовѣстности золотопромышленникъ будетъ, такимъ образомъ, эксплоатировать рабочаго. Поэтому продажу изъ магазиновъ слѣдуетъ производить только на деньги, а не на купоны". „Сибирская Газета" по поводу иркутскаго проекта подняла вообще вопросъ о торговой монополіи золотопромышленниковъ. „Слѣдовало бы отмѣнить", читаемъ мы здѣсь (1887 г. № 17), „привилегію золотопромышленниковъ снабжать рабочихъ изъ своихъ магазиновъ. Вѣдь это та-же хозяйская лавочка при фабрикѣ, противъ которой воюетъ фабричная инспекція, и лавочка самаго худшаго свойства, не допускающая въ принципѣ никакой конкуренціи. Единственное возраженіе противъ допущенія вольныхъ торговцевъ на пріиски—опасеніе продажи золота на сторону; но для устраненія этого пусть золотопромышленникъ усилитъ надзоръ, пусть запасается доброкачественнымъ товаромъ. Ради случайныхъ злоупотребленій нельзя же узаконять постоянныхъ злоупотребленій, давать санкцію закона незаконной привилегіи". Во второй редакціи иркутскаго проекта статья о торговлѣ на пріискахъ нѣсколько дополнена: во-первыхъ, вопреки предложенію В. Кулибина, было пояснено, что такса должна утверждаться „особо для каждаго пріисковаго управленія" горнымъ исправникомъ, „который при этомъ руководствуется фактическими свѣдѣніями, представляемыми пріисковыми управленіями". Затѣмъ присоединено особое примѣчаніе о „магазинахъ", которое будетъ понятно въ связи съ замѣчаніемъ г. Стрижева, и которое при дальнѣйшей выработкѣ проекта возбуждало недоумѣніе тѣхъ, кто самъ не видалъ такихъ пріисковыхъ магазиновъ, не имѣющихъ ничего общаго съ лавками или амбарами, изъ которыхъ выдаютъ рабочимъ въ счетъ заработной платы лишь самыя необходимыя для нихъ вещи. „Торговля въ

магазинахъ на пріискахъ", сказано въ этомъ примѣчаніи второй редакціи, „предоставляется только самимъ золотопромышленникамъ и притомъ только на тѣхъ промыслахъ, гдѣ находится не менѣе ста человѣкъ годовыхъ рабочихъ. На этомъ же основаніи допускается торговля и на резиденціяхъ. Въ мѣстностяхъ ненаселенныхъ торговля совсѣмъ запрещается". Гр. Игнатьевъ замѣтилъ по поводу второй редакціи иркутскаго проекта, что горный исправникъ, по утвержденіи и „приведеніи въ дѣйствіе" таксы, долженъ представлять ее со всѣми документами, послужившими основаніемъ для назначенія цѣнъ на ревизію мѣстныхъ губернскихъ или областныхъ совѣтовъ, которые были бы вправѣ уменьшить продажныя цѣны, еслибы прибыль превышала 5% на затраченный капиталъ [1]). Начальникъ томскаго горнаго управленія сдѣлалъ предложеніе о томъ, чтобы дать рабочимъ возможность самимъ защищать свои интересы дальнѣйшимъ развитіемъ артельнаго начала на промыслахъ. „Выборные отъ артели могли бы быть допущены къ участію въ составленіи таксы на продаваемыя изъ пріисковыхъ магазиновъ вещи и даже самыхъ списковъ товаровъ, которые могутъ быть отпускаемы рабочимъ въ счетъ платы. Извѣстно, что на многихъ (если не на большинствѣ) пріисковъ торговля составляетъ значительный доходъ золотопромышленниковъ и иногда покрываетъ убытки отъ самаго промысла, причемъ изъ пріисковаго магазина отпускаются рабочимъ не одни только предметы продовольствія и одежды, а прямо предметы роскоши и притомъ по баснословнымъ цѣнамъ; покупка такихъ вещей совершается рабочими преимущественно въ пьяномъ видѣ при большомъ заработкѣ на старательской работѣ и за подъемное золото. Поэтому желательно, чтобы торговля такими, совершенно ненужными, вещами была правилами положительно воспрещена или ограничена тѣмъ, что допускается продажа только тѣхъ товаровъ, которые будутъ признаны необходимыми выборными отъ артели рабочихъ. Равнымъ образомъ, всякій отпускъ вина долженъ быть производимъ изъ пріисковаго склада не иначе, какъ подъ надзоромъ артельныхъ старостъ; этимъ только и можетъ быть предупреждена продажа (или выдача въ счетъ заработка) вина изъ склада рабочимъ сверхъ положенной ежедневно порціи". На предложеніе начальника томскаго горнаго управленія г. Штофъ возразилъ, что „привлечь къ этому дѣлу артель рабочихъ можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы пріисковые рабочіе представляли изъ себя матеріалъ, годный для образованія на каждомъ пріискѣ одной артели; но для этого необходимо, чтобы рабочіе хорошо знали другъ друга, сжились

[1]) Начальникъ уральскихъ заводовъ предложилъ сдѣлать правило о таксахъ обязательнымъ и тамъ, гдѣ рабочіе трудятся безъ договоровъ, какъ на хозяйскихъ, такъ и на старательскихъ работахъ.

между собою, чего на пріискахъ вообще нѣтъ". Руководствуясь примѣромъ правилъ о надзорѣ за фабриками, г. Штофъ предложилъ возложить составленіе списковъ товаровъ для пріисковыхъ лавокъ на мѣстныя горныя управленія, а таксы присылать на ревизію мѣстнаго губернскаго или областного совѣта, согласно предложенію иркутскаго генералъ-губернатора. По закону 1895 г. утвержденіе таксъ было предоставлено не горному исправнику, а окружному инженеру, подобно тому, какъ это было установлено относительно горнорабочихъ вообще; при этомъ утвержденіе росписаній, допускаемыхъ къ продажѣ предметовъ, а также и разсмотрѣніе утвержденныхъ инженерами таксъ съ правомъ уменьшенія цѣнъ было предоставлено не горнымъ управленіямъ, а состоящимъ при этомъ присутствіямъ по горнозаводскимъ дѣламъ.

По закону 1870 года договоры о наймѣ должны были заключаться не иначе, какъ явочнымъ порядкомъ; то же правило было сохранено и въ первой редакціи иркутскаго проекта. Енисейскіе золотопромышленники предлагали добавить, что, „тѣхъ рабочихъ, которые весной и лѣтомъ приходятъ на пріиски для вольныхъ работъ, дозволяется нанимать и по словеснымъ условіямъ", какъ это „практикуется въ Енисейскомъ округѣ съ давняго времени". На неудобства воспрещенія словесныхъ договоровъ указалъ также горный исправникъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ. Однако эти замѣчанія не заставили и при составленіи второй редакціи проекта отступить отъ требованія, чтобы договоръ найма совершался не иначе, какъ явочнымъ порядкомъ. Горный Департаментъ въ своемъ проектѣ 1890 г. допустилъ и незасвидѣтельствованные договоры съ тѣмъ, что, если окажутся на пріискахъ рабочіе, нанятые по такимъ договорамъ, то они должны получать отъ золотопромышленника все, на что имѣютъ право нанятые по явочнымъ контрактамъ, а плата имъ (въ случаѣ спора) назначается окружнымъ инженеромъ по соображенію съ платою, получаемою за тѣ же работы на томъ же или сосѣднихъ пріискахъ. По мнѣнію г. Штофа, „должно принять во вниманіе, что въ Сибири, при удаленности пріисковъ отъ населенныхъ мѣстъ, всякій споръ объ условіяхъ найма, требующій судебнаго разбирательства, весьма трудно разрѣшимъ", и потому „обязательное свидѣтельствованіе договоровъ, установленное дѣйствующими законами, имѣетъ здѣсь полезное значеніе", а для прочихъ мѣстностей имперіи (т.-е. для уральскихъ пріисковъ) „можно дозволить всякія формы договоровъ". Горный же департаментъ, кромѣ договоровъ, засвидѣтельствованныхъ въ волостномъ правленіи или въ полиціи, предложилъ дозволить повсюду и домашніе договоры, словесныхъ же договоровъ, по его мнѣнію, нельзя дозволять нигдѣ. Окружной инженеръ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ указалъ на то, что на большей части пріисковъ Ачинскаго округа, а также на нѣкоторыхъ Минусинскаго работаютъ старатели-золотничники, ко-

торые по близости пріисковъ къ населеннымъ мѣстностямъ (10—15 верстъ) являются въ свободное отъ сельскихъ работъ время для добычи золота съ платою съ золотника. Къ нимъ требованіе заключенія непремѣнно явочныхъ договоровъ непримѣнимо. Томскій окружной инженеръ находилъ, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ слѣдуетъ допускать наемъ рабочихъ даже по словеснымъ договорамъ. Напротивъ, окружные инженеры Тобольско-Акмолинскаго и Семипалатинско-Семирѣчинскаго округовъ считали необходимымъ, чтобы и съ киргизами договоры заключались явочнымъ порядкомъ. Окружные инженеры сѣверно-и южно-енисейскихъ округовъ полагали, что наемъ рабочихъ безъ формально заключенныхъ условій „не долженъ быть допускаемъ во избѣжаніе злоупотребленія со стороны нанимателей (преимущественно мелкихъ золотопромышленниковъ) и притѣсненій рабочихъ при разсчетахъ". Начальникъ томскаго горнаго управленія высказался, съ своей стороны, за то, чтобы дозволено было нанимать рабочихъ и по словеснымъ договорамъ съ примѣненіемъ при этомъ правила Устава о Промышленности (изд. 1887 г., ст. 97), что договоры о наймѣ рабочихъ могутъ быть въ исключительныхъ случаяхъ заключаемы выдачею имъ разсчетныхъ книжекъ, въ которыхъ означаются условія найма. Томскій губернаторъ Тобизенъ, изъ опасенія недоразумѣній между предпринимателями и рабочими, полагалъ, что заключеніе словесныхъ договоровъ должно быть безусловно запрещено; начальникъ иркутскаго горнаго управленія стоялъ за то, что не слѣдуетъ допускать найма рабочихъ безъ явочныхъ контрактовъ. Съ другой стороны, начальникъ томскаго горнаго управленія въ 1893 г. сообщилъ, что въ степныхъ округахъ киргизы расположенныхъ близъ самыхъ пріисковъ кочевокъ или ауловъ нерѣдко изъявляютъ желаніе поступить въ работы на пріиски не на всю операцію, а на короткое время для заработка денегъ на разныя хозяйственныя нужды, уплату податей и т. п., чтобы имѣть возможность не продавать по очень дешевой цѣнѣ свой скотъ скупщикамъ, разоряющимъ киргизовъ. Заключать на короткое время явочные договоры какъ золотопромышленники, такъ и киргизы не находятъ удобнымъ въ виду отдаленности мѣстопребыванія волостного начальства, и потому начальникъ томскаго горнаго управленія, по ходатайству мѣстнаго окружного инженера, разрѣшилъ не требовать въ подобныхъ случаяхъ заключенія явочныхъ договоровъ съ тѣмъ, чтобы киргизамъ выдавались рабочія книжки съ прописаніемъ всѣхъ условій найма. Принявъ это во вниманіе, а также и свидѣтельство окружного инженера Ачинско-Минусинскаго округа о томъ, что золотничники уже и теперь работаютъ безъ заключенія явочнаго договора (что впрочемъ вызывало иногда злоупотребленія со стороны предпринимателей), г. Штофъ нашелъ возможнымъ допустить въ проектѣ 1894 г. и въ Сибири наемъ безъ явочныхъ договоровъ: а) золотнични-

ковъ и б) лицъ, нанимающихся изъ мѣстъ, лежащихъ вблизи пріисковъ, не на всю промысловую операцію.

Департаменты Государственнаго Совѣта нашли необходимымъ сохранить для Сибири требованіе заключенія договоровъ явочнымъ порядкомъ, кромѣ золотничниковъ (старателей) и рабочихъ, нанимающихся изъ лежащихъ вблизи промысловъ мѣстъ не на всю промысловую операцію по той причинѣ, что, при удаленности промысловъ отъ населенныхъ мѣстностей, рабочіе поступаютъ на нихъ обыкновенно издалека и притомъ большею частью не на всю операцію; при этихъ условіяхъ и нерѣдко встрѣчающейся невозможности предъявлять споры, возникавшіе изъ условій найма, на судебное разсмотрѣніе вслѣдствіе отсутствія на мѣстѣ судебныхъ органовъ, необходимо „обставлять эти условія возможно твердыми основаніями“. Затѣмъ, по проекту министерства государственныхъ имуществъ, если бы на промыслахъ Сибири оказались нанятые безъ явочныхъ договоровъ (кромѣ указаннаго исключенія), то они признаются имѣющими одинаковыя права съ рабочими, нанятыми по такимъ договорамъ; размѣръ заработной платы имъ опредѣляется въ случаѣ спора окружнымъ инженеромъ, а при его отсутствіи горнымъ исправникомъ по соображенію съ платою исполняющимъ на томъ или сосѣднемъ промыслахъ однородныя работы. Департаменты Государственнаго Совѣта предоставили окружному ревизору или въ отсутствіе его горному исправнику разборъ подобныхъ жалобъ лишь при словесныхъ договорахъ, а въ случаѣ письменныхъ, но не явленныхъ къ засвидѣтельствованію договоровъ, споры должны подлежать судебному разбирательству (см. § 8 закона 1895 г.) [1]).

Еще въ началѣ 60-хъ гг. было указано въ печати, что золотопромышленники, въ договорахъ съ рабочими, обыкновенно выговаривали себѣ право передавать ихъ въ другія компаніи, нерѣдко и безъ согласія рабочихъ. Теперь, въ первой редакціи иркутскаго проекта было рѣшительно сказано, что „обязательства договоровъ не могутъ быть передаваемы договорившимися сторонами“. Правило это было очень непріятно золотопромышленникамъ, и одинъ изъ нихъ, Иваницкій, признавая, подъ вліяніемъ категорическаго требованія проекта, что „наемный трудъ не можетъ и не долженъ составлять предметъ рыночнаго торга, и потому передачу нанятаго рабочаго однимъ нанимателемъ другому, въ видѣ торга“ (безъ согласія нанявшагося), „слѣдуетъ безусловно воспретить“, указывалъ однако на нѣкоторые случаи, когда, по его мнѣнію, должно быть допущено исключеніе, если на пріискѣ золотопромышленника, владѣющаго въ этой мѣстности только однимъ пріискомъ, неожиданно

[1]) Теперь, со введеніемъ мирового суда на пріискахъ, сдѣлается гораздо легче разрѣшеніе споровъ судебнымъ порядкомъ.

прервется золотосодержащая розсыпь, если уничтожатся разливомъ рѣки плотины и предохранительныя дамбы, сгорятъ машины и продовольственные запасы, затопятся водою шахты, откроется на пріискѣ повальная болѣзнь, требующая эвакуаціи рабочихъ изъ зараженной мѣстности и другіе подобные случаи, при которыхъ продолженіе работъ на пріискѣ сдѣлается невозможнымъ. На подобные же случаи указывалъ и представитель К° Промышленности (Олекминскаго округа) Стрижевъ, считающій достаточнымъ поводомъ для передачи рабочихъ „отсутствіе золота извѣстнаго содержанія, ожидавшагося по развѣдкѣ и предположеннаго по смѣтѣ". Поэтому Стрижевъ предлагалъ или исключить приведенную статью, или же измѣнить ее, предоставивъ договаривающимся сторонамъ право заключать въ этомъ отношеніи договоръ по взаимному соглашенію. Напротивъ, „Сибирская Газета" [1]) высказала рѣшительно, что „передача рабочихъ съ пріиска на пріискъ должна быть абсолютно воспрещена, какъ вопіющее беззаконіе". Замѣчанія золотопромышленниковъ были до извѣстной степени приняты во вниманіе, и во второй редакціи проекта, въ случаѣ „наводненія, затопленія и обвала шахтъ и разрѣзовъ, пожара и другихъ несчастныхъ случаевъ", не дающихъ возможности продолжать работу, золотопромышленнику предоставлялось право передать рабочихъ другому предпринимателю, но не иначе, какъ съ ихъ согласія и на условіяхъ заключеннаго съ ними договора, если представится къ тому возможность, при невозможности же или при несогласіи рабочихъ, онъ долженъ былъ „разсчитать ихъ *по день прекращенія работъ*" (а не до окончанія срока договора) и доставить до того пункта, куда должны доставлять ихъ по окончаніи срока найма. Причины прекращенія работъ должны быть засвидѣтельствованы окружнымъ инженеромъ или горнымъ исправникомъ".

По закону 1895 г. (ст. 14 б, отд. А) въ договоръ запрещено включать условія о правѣ завѣдующаго промысломъ передавать рабочихъ другому нанимателю.

Сибирская администрація издавна, хотя и неудачно, стремилась ограничить размѣръ задатковъ при наймѣ рабочихъ на промыслы. Это стремленіе отразилось и въ проектѣ разсматриваемаго закона. „Размѣръ задатковъ", сказано въ первой редакціи иркутскаго проекта, „выдаваемыхъ золотопромышленникомъ рабочимъ деньгами, вещами и вносимыхъ податями, не долженъ превышать половины платы, обусловленной за пріисковую операцію". По этому поводу г. Стрижевъ замѣтилъ, что не слѣдуетъ допускать выдачу задатковъ вещами „во избѣжаніе злоупотребленій со стороны нанимателя, который можетъ выдать рабочему дешевую вещь за дорогую цѣну и тѣмъ увеличить задатокъ въ ущербъ рабочему;

[1]) 1887 г. № 17, стр. 645—648.

слѣдуетъ допустить только выдачу необходимой одежды, которую выдавать передъ самой отправкой со сборнаго пункта" (но обыкновенно выдачею одежды и эксплоатировали рабочихъ). Кромѣ того г. Стрижевъ предложилъ уменьшить размѣръ задатковъ до 1/3 годовой платы, „а иначе, при недобросовѣстности нанимателя, рабочіе на мѣстѣ наемки будутъ слишкомъ закабалены, забирая часто задатокъ не деньгами, а, Богъ знаетъ, чѣмъ". Окружной читинскій исправникъ Перфильевъ предложилъ еще болѣе уменьшить размѣръ задатковъ, а именно до 1/4 платы, договоренной за пріисковую операцію. „На практикѣ дознано", говоритъ онъ, „что на тѣхъ только пріискахъ и бываютъ безпорядки со стороны рабочихъ, на коихъ послѣдніе должны хозяевамъ. Должники мало-мальски крупные стараются быть зачинщиками безпорядковъ, лишь бы ихъ прогнали съ пріиска". Это свидѣтельство ясно показываетъ, что задатки до извѣстной степени защищали рабочихъ отъ самоуправства золотопромышленниковъ и что низведеніе ихъ до minimum'а было вовсе не въ интересахъ рабочихъ. Задатки достигаютъ значительной величины преимущественно вслѣдствіе значительности податей и сборовъ, взыскиваемыхъ съ рабочихъ волостными правленіями; кромѣ того рабочій долженъ оставить кое-что на содержаніе въ деревнѣ и своей семьѣ. Въ болѣе значительныхъ задаткахъ была та хорошая сторона, что съ рабочими, состоявшими въ долгу, пріисковыя управленія болѣе церемонились изъ опасенія ихъ бѣгства. Всѣ попытки администраціи ограничить размѣръ задатка ни къ чему не приводили до тѣхъ поръ, пока количество рабочихъ, стремившихся на пріиски, было сравнительно не велико, а съ того времени, какъ предложеніе рукъ стало значительно превышать спросъ на нихъ, размѣръ задатковъ быстро упалъ. Во второй редакціи иркутскаго проекта задатки были понижены до 1/3 платы, договоренной въ контрактѣ за пріисковую операцію, причемъ выдача ихъ вещами и припасами была вовсе запрещена. Горный департаментъ къ этому добавилъ, что при задѣльной платѣ задатокъ не долженъ былъ превышать 50 р., а Горный Совѣтъ повысилъ эту норму до 100 р. Несмотря на то, что регулированіе задатковъ, уже испытанное въ прежніе годы, совершенно не достигало цѣли, г. Штофъ, подъ вліяніемъ пожеланій въ этомъ направленіи представителей горной администраціи, нашелъ нужнымъ въ проектѣ 1894 г. сохранить опредѣленіе maximum'а задатка, надѣясь, что эта мѣра сдѣлается дѣйствительнѣе вслѣдствіе запрещенія, при производствѣ рабочимъ платежей, вычитать задатокъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ это позволено. Но я убѣжденъ, что всякая регламентація въ этомъ отношеніи совершенно безсильна. Статья эта была лишь ухудшена дозволеніемъ выдавать задатки вещами и припасами. Измѣненіе это было произведено подъ вліяніемъ замѣчаній начальниковъ иркутскаго и томскаго горныхъ управленій. что рабочимъ, пропившимъ на

пути на пріиски свою одежду, необходимо выдавать ее вновь, хотя нужно замѣтить, что на выданныя деньги рабочій самъ могъ бы пріобрѣсти другую одежду. Начальникъ томскаго горнаго управленія признаетъ, что наниматедями допускаются, при выдачѣ рабочимъ вещей, злоупотребленія, но, по его мнѣнію, предупредить ихъ невозможно никакими правилами. Такъ же невозможно, по моему мнѣнію, предупредить и обходъ закона, регулирующаго выдачу задатковъ. Въ законѣ 1895 г. установлено, что „задатки, выдаваемые рабочимъ, не должны превышать: при наймѣ съ платою задѣльною—100 р., а въ остальныхъ случаяхъ $^1/_3$ годовой наемной платы".

Относительно взысканія податей въ проектѣ 1894 г. было сказано, что „при выдачѣ паспорта нанимаемому ссыльно-поселенцу взыскивается окладъ податей, причитающійся съ него за весь срокъ найма, недоимки же за предшествующіе годы отмѣчаются на паспортѣ и удерживаются нанимателемъ изъ слѣдующей ссыльно-поселенцу наемной платы при окончательномъ разсчетѣ съ отмѣткою о семъ на паспортѣ... При наймѣ рабочихъ не изъ ссыльно-поселенцевъ, нанимателю предоставляется вступать, съ согласія нанимаемаго, съ учрежденіемъ, выдающимъ послѣднему паспортъ, въ соглашеніе о принятіи на себя нанимателемъ обязанности уплачивать за нанимаемаго изъ его заработка подати, повинности и недоимки въ нихъ". Нельзя считать полезнымъ предоставленіе золотопромышленникамъ функцій правительственной администраціи: вѣдь заводчикамъ, фабрикантамъ и сельскимъ хозяевамъ такихъ функцій относительно нанимаемыхъ ими рабочихъ не предоставляется, на что и указалъ вполнѣ справедливо министръ юстиціи, возражавшій противъ дозволенія золотопромышленникамъ взысканія податей съ полноправныхъ рабочихъ. Изъ объяснительной записки къ проекту 1894 г. видно, что при этомъ имѣлось въ виду „облегченіе найма рабочихъ"; но въ облегченіи этомъ нѣтъ никакой нужды, такъ какъ золотопромышленники находятъ достаточный контингентъ рабочихъ. По закону 1895 г. уплата податей за нанимающагося рабочаго (за ссыльно-поселенца обязательная для нанимателя, а для остальныхъ рабочихъ по соглашенію нанимателя съ согласія нанимаемаго съ учрежденіемъ, выдающимъ рабочему видъ на жительство) производится нанимателемъ не при наймѣ, какъ было въ проектѣ министерства государственныхъ имуществъ, а при окончательномъ разсчетѣ.

По закону 1870 г. сроки найма на золотые промыслы были назначены для сибирскихъ мѣщанъ и крестьянъ не долѣе одного года, а для крестьянъ и мѣщанъ прочихъ частей имперіи не долѣе 7 лѣтъ, хотя по общимъ гражданскимъ законамъ договоръ найма можетъ быть заключенъ на срокъ не болѣе 5 лѣтъ. По первой редакціи проекта правилъ о наймѣ для сибирскихъ крестьянъ и мѣщанъ, а также для

ссыльно-поселенцевъ срокъ былъ продолженъ до 2 лѣтъ [1]), для рабочихъ остальной Россіи и другихъ сословій оставленъ 7-лѣтній срокъ [2]). Г. Соловый въ своей статьѣ [3]) замѣтилъ, что „увеличеніе срока найма непремѣнно будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ совершеннѣйшую кабалу пріисковаго рабочаго“ и предложилъ для всѣхъ рабочихъ установить годовой срокъ найма. Мы находимъ это желаніе совершенно справедливымъ тѣмъ болѣе, что послѣ того, какъ на Амурѣ было разрѣшено въ 1876 г. нанимать рабочихъ на 2 года, въ дѣйствительности обыкновенно контракты заключались только на годъ. Окружной инженеръ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа указалъ на то, что для киргизовъ срокъ найма долженъ быть не болѣе года, „такъ какъ при большемъ срокѣ киргизы будутъ брать больше задатковъ и попадать въ кабалу золотопромышленниковъ, вслѣдствіе чего могутъ возникнуть крупныя недоразумѣнія“. По закону 1895 г. относительно сроковъ найма для сибирскихъ крестьянъ и мѣщанъ и ссыльно-поселенцевъ сохранено было дѣйствовавшее до тѣхъ поръ правило, что 2-лѣтній срокъ найма допускается только для областей Амурской и Приморской и для Олекминскаго округа, а въ иныхъ мѣстностяхъ Сибири не болѣе 1 года, для прочихъ же лицъ maximum срока установленъ былъ въ 5 лѣтъ, какъ это допускается общими гражданскими законами и Положеніемъ о сельскихъ рабочихъ.

Примѣнительно къ правилу Устава о Промышленности (прим. къ § 145 Уст. о Пром. изд. 1888 г.) въ обѣихъ редакціяхъ иркутскаго проекта были указаны уважительныя причины несвоевременнаго прибытія рабочаго на пріискъ, къ которымъ была прибавлена еще одна: „призывъ на службу въ войска или по требованію правительственнаго мѣста, а также назначеніе на должность по избранію общества“. Такимъ образомъ по закону 1895 г. уважительными причинами несвоевременной явки на промыселъ нанявшагося рабочаго признаются: а) лишеніе свободы; б) прекращеніе сообщеній; в) внезапное разореніе отъ несчастнаго случая; г) болѣзнь, препятствующая отлучкѣ изъ дома; д) смерть или угрожающая смертью болѣзнь родителей, мужа, жены, дѣтей или главы домохозяйства; е) призывъ рабочаго на военную службу и ж) отлучка для пользованія правомъ судебной защиты или по вызову судебнаго постановленія. Дѣйствительность означенныхъ причинъ должна быть удостовѣрена полицейскими либо общественными

[1]) До того двухлѣтній срокъ найма допускался для сибирскихъ крестьянъ, мѣщанъ и поселенцевъ лишь для амурскихъ и олекминскихъ промысловъ. *Розановъ*, „Св. дѣйств. узак. о золот.“, изд. 1-е, стр. 62.

[2]) Эта ошибка была впослѣдствіи замѣчена горнымъ департаментомъ, который въ своемъ проектѣ и назначилъ для такихъ лицъ 5-лѣтній срокъ.

[3]) „Юридическій Вѣстникъ“ 1887 г. № 11.

властями, а въ случаѣ отсутствія сихъ властей можетъ быть удостовѣрена и священникомъ". Если рабочій совершенно не можетъ исполнить договоръ найма по названнымъ уважительнымъ причинамъ, то онъ обязанъ возвратить нанимателю задатокъ.

Первою редакціею иркутскаго проекта предоставлялось рабочимъ на пути и на пріискахъ наказывать товарищей тѣлесно по приговору артельной расправы розгами до 20 ударовъ, а на пріискѣ также денежнымъ штрафомъ до 3 р. и арестомъ до 7 дней. Допущеніе тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ рабочихъ вызвало возраженія. Амурскій окружной ревизоръ И. Боголюбскій предложилъ поставить въ зависимость исполненіе приговора артельной расправы отъ согласія исправника. Г. Соловый выразилъ желаніе, чтобы тѣлесное наказаніе было вовсе изъято изъ сферы наказаній, налагаемыхъ артельною расправою, какъ потому, что среди рабочихъ бываютъ лица полноправныя, такъ и потому, что „золотопромышленникъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на артельную расправу, щедрой рукой наказываетъ рабочихъ розгами". „Сибирская Газета" (1887 г. № 17) высказалась за совершенное уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній на пріискахъ [1]), а газета „Сибирь" (1887 г. № 14—15) предложила поставить артельный судъ „на надлежащую высоту", охранить выборныхъ судей отъ произвола управляющихъ, сдѣлать обязательнымъ введеніе записей всего происходящаго на такомъ судѣ, словомъ, устроить „нѣчто въ родѣ волостного суда съ высшею апелляціонною инстанціею изъ горнаго ревизора и *депутатовъ отъ* управленія и *рабочихъ*,—и можетъ быть много зла поубудетъ на пріискахъ, быть можетъ и бунтовъ тамъ никакихъ не будетъ".—Во второй редакціи проекта артельная расправа была вовсе уничтожена; не упоминается о ней и въ законѣ 1895 г.

Горному исправнику въ первой редакціи иркутскаго проекта было предоставлено право подвергать рабочихъ аресту до 15 дней, а для ссыльно-поселенцевъ арестъ дозволялось замѣнять наказаніемъ розгами до 30 ударовъ. Олекминскій ревизоръ Штраусъ предложилъ увеличить размѣръ тѣлеснаго наказанія ссыльно-поселенцевъ до 50 ударовъ, напротивъ, „Сибирскій Вѣстникъ" (1887 г. № 42) замѣтилъ: „намъ кажется, что на пріискѣ всѣ рабочіе, нанявшіеся добровольно, равноправны, и ссыльно-поселенцы, такъ же какъ и ихъ свободные товарищи, должны быть свободны отъ исключительныхъ мѣръ взысканія". Но во

---

[1]) Напротивъ, минусинскій золотопромышленникъ Войцеховскій энергически стоялъ за розги: „для наказанія подобныхъ отребьевъ общества (!), къ какому бы сословію они ни принадлежали, примѣнимы только розги; только физическая боль и страхъ передъ ней могутъ заставить людей, погибшихъ нравственно, исполнять принятыя на себя обязательства".

второй редакціи были сохранены тѣ же наказанія. Горному исправнику, по обѣимъ редакціямъ проекта, было предоставлено также право налагать на рабочихъ штрафы въ размѣрѣ не болѣе 3 р. [1]). Главный начальникъ уральскихъ заводовъ предложилъ вовсе упразднить арестъ рабочихъ по постановленію горнаго исправника и замѣнить его денежнымъ штрафомъ. При переработкѣ проекта г. Штофомъ тѣлесныя наказанія, которымъ по иркутскому проекту и проекту горнаго департамента дозволялось горнымъ исправникамъ подвергать рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ, были устранены, и законъ 1895 г. не упоминаетъ ни о какихъ наказаніяхъ рабочихъ горнымъ исправникомъ. Это и многое другое вызываетъ необходимость передѣлки составленной въ 1874 г. инструкціи, данной министромъ внутреннихъ дѣлъ горнымъ исправникамъ.

По первой редакціи иркутскаго проекта золотопромышленникамъ предоставлялось право подвергать рабочихъ вычетамъ изъ заработной платы за неисполненіе работъ и за прогулъ; но налагаемые вычеты не должны были превышать двойной платы, причитавшейся рабочему за это время. Прогуломъ признана была отлучка рабочаго не свыше 3 рабочихъ дней въ теченіе мѣсяца, причемъ прогулъ, продолжавшійся менѣе $^1/_2$ дня, долженъ былъ считаться полудневнымъ, а болѣе $^1/_2$ дня за день. По поводу этихъ правилъ нѣсколько представителей золотопромышленности въ сѣверно-енисейскомъ округѣ (уполномоченный В. И. Базилевскаго—Н. Д. Черемныхъ, уполномоченный насл. Бенардаки, золотопромышленники Комягинъ, Вострогинъ и нѣкоторые другіе, управляющій Баландина и проч.) высказались вообще противъ денежныхъ штрафовъ, которые, по ихъ мнѣнію, все равно не покрываютъ ущерба, причиняемаго прогуломъ рабочихъ. Они полагали, что „за всѣ проступки и нарушенія договоровъ должны быть назначены не денежныя, а *личныя взысканія* съ рабочихъ“ (т.-е., очевидно, тѣлесныя наказанія, такъ какъ арестъ рабочаго приноситъ также ущербъ золотопромышленнику). „Всякое денежное взысканіе“, по мнѣнію названныхъ золотопромышленниковъ, „какъ выяснено, можетъ лишь увеличивать безцѣльно долгъ рабочаго“.

По поводу предоставленія иркутскимъ проектомъ золотопромышленнику права штрафовать рабочаго, г. Соловый поднимаетъ весьма важный вопросъ, который затрогивали и другіе: „Въ настоящее время пріисковыя работы“, говоритъ онъ, „ведутся уроками. Ежедневно ра-

---

[1]) Упомянутый выше защитникъ интересовъ золотопромышленниковъ, В. Кулибинъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на иркутскій проектъ указалъ на необходимость введенія мировыхъ судей на промыслахъ. Въ 1894 г. онъ печатно поправился: „мировыхъ судей или скорѣе земскихъ начальниковъ“. „Вѣстн. Золотопр.“ 1894 г. № 9, стр. 72.

бочему задается опредѣленный урокъ, который онъ непремѣнно долженъ выработать, а въ случаѣ невыполненія его штрафуется золотопромышленникомъ въ заранѣе условленномъ размѣрѣ". Г. Соловый указываетъ на то, что это право находится въ противорѣчіи съ назначеніемъ въ томъ же проектѣ извѣстной продолжительности рабочаго дня, которая „тѣмъ самымъ исключаетъ обязательство для рабочаго выработать во что бы то ни стало заданную ему на урокъ работу. А разъ такого обязательства нѣтъ, не можетъ быть и взысканія за неисполненіе его".

Во второй редакціи, однако, сохранено несовмѣстимое назначеніе опредѣленной продолжительности рабочаго дня съ вычетами за неисполненіе работы, и мы находимъ здѣсь такое постановленіе: „пріисковымъ управленіямъ предоставляется право подвергать рабочихъ вычетамъ: „а) за неисполненіе работъ въ размѣрѣ не свыше *тройной*" (въ первой редакціи было двойной) „платы, которая слѣдовала бы имъ за эти работы по контракту и б) за несвоевременный выходъ на работу въ размѣрѣ не свыше 3 р. за каждый разъ [1]).

Примѣнительно къ Уставу о Промышленности (изд. 1887 г. стр. 152) по обѣимъ редакціямъ иркутскаго проекта взыскиваемыя съ рабочихъ штрафныя деньги обращаются въ капиталъ для призрѣнія рабочихъ, потерявшихъ здоровье на пріискахъ. Начальникъ уральскихъ заводовъ предложилъ понизить размѣръ штрафовъ, а именно, назначить штрафъ не свыше двойной платы за неисполненіе однодневной работы и отъ 50 к. до 1 р. 50 к. за несвоевременный выходъ на работу. Окружной инженеръ Ачинско-Минусинскаго округа замѣтилъ, что для пріисковъ этого округа штрафы, назначенные второю редакціею иркутскаго проекта, слишкомъ велики, а для киргизовъ, получающихъ въ мѣсяцъ всего отъ 2 до 5 р. жалованья, штрафъ за невыходъ на работу не можетъ быть болѣе 40—50 к. Окружной инженеръ южно-енисейскаго округа полагалъ, что эти взысканія могутъ послужить причиною многихъ недоразумѣній между хозяевами и рабочими, такъ какъ, вслѣдствіе развитія мелкой золотопромышленности, въ тайгѣ находится множество предпринимателей, стоящихъ въ нравственномъ отношеніи такъ низко, что каждый изъ нихъ не преминетъ много разъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ, и въ результатѣ несчастный рабочій останется у нихъ въ долгу. Во избѣжаніе этого слѣдовало бы прибавить,

---

[1]) Въ обѣихъ редакціяхъ иркутскаго проекта предписывалось, чтобы золотопромышленникъ, его управляющіе и служащіе „не позволяли себѣ никакихъ оскорбленій дѣйствіемъ и самоуправства". Правило это было, очевидно, вызвано требованіями жизни, такъ какъ, по свидѣтельству г. Соловаго, „кулачная расправа пользуется въ настоящее время самымъ широкимъ правомъ гражданства на пріискахъ".

что правильность взысканій должна быть признана окружнымъ инженеромъ или горнымъ исправникомъ. Постановленіе, предоставляющее золотопромышленникамъ право производить денежныя взысканія съ рабочихъ, подверглось, при выработкѣ проекта 1894 г., серьезному ухудшенію дозволеніемъ производить взысканія за неотработку заданныхъ уроковъ. Слишкомъ большими уроками золотопромышленники черезчуръ истощаютъ силы рабочихъ, размѣръ уроковъ проектомъ не нормированъ, да и мудрено это сдѣлать въ виду разнообразія мѣстныхъ условій, и потому единственною правильною мѣрою было бы опредѣленіе продолжительности рабочаго дня; предоставлять же золотопромышленнику право дѣлать вычеты за неисполненіе урока значитъ санкціонировать крайне ненормальную систему урочныхъ работъ.

Горнымъ Совѣтомъ былъ сильно повышенъ размѣръ штрафовъ, а именно статья проекта въ редакціи г. Штофа и въ проектѣ 1892 г., гдѣ сказано, что „взысканіе за отдѣльное нарушеніе порядка не можетъ превышать 1 р.“, теперь была измѣнена такимъ образомъ, что въ Ленскомъ и Амурскомъ округахъ штрафы были повышены до 5 р., а въ прочихъ округахъ до 2 р. По закону 1895 г. денежныя взысканія можетъ налагать золотопромышленникъ на рабочихъ и за неотработку заданныхъ уроковъ. Взысканія эти „не должны превышать взысканій за прогулъ рабочаго времени, а именно, неотработка половины дневного урока можетъ быть приравнена къ прогулу половины рабочаго дня, но не болѣе и т. д.; за неотработку менѣе половины урока взысканіе можетъ быть налагаемо только какъ за несвоевременную явку на работу“, а взысканіе за прогулъ „налагается соотвѣтственно заработной платѣ рабочаго и количеству прогульнаго времени, но не можетъ превышать трехдневнаго заработка рабочаго. Сверхъ того у рабочаго удерживается заработная плата за все прогульное время. Для рабочихъ, получающихъ задѣльную плату, взысканіе за прогулъ опредѣляется не свыше 1 р. за прогульный день и не свыше 3 р. въ общей сложности“. „Взысканіе за отдѣльныя нарушенія порядка на промыслахъ Амурской области и Олекминской системы не можетъ превышать 5, а на промыслахъ прочихъ мѣстностей 2 р.

Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта былъ поднятъ вопросъ о томъ, что по проекту закона на рабочихъ могутъ быть налагаемы взысканія между прочимъ за неотработку заданныхъ уроковъ. По поводу этого правила однимъ изъ членовъ Совѣта было обращено вниманіе на то, что предоставленіе горнопромышленникамъ неограниченнаго права опредѣлять размѣръ уроковъ горнорабочихъ, на-ряду съ присвоеніемъ имъ полномочія назначать денежныя взысканія за неотработку этихъ уроковъ, могло бы повести къ непосильному отягощенію рабочихъ. Поэтому желательно было бы установить въ издаваемомъ законѣ какія либо правила, которыми ограждались бы въ этомъ отношеніи справедливые интересы рабочихъ. Обсудивъ это заявленіе, Государственный Совѣтъ

призналъ, что нормированіе урочнаго положенія рабочихъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, считать однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ, возникающихъ при изданіи узаконеній о личномъ наймѣ. На золотыхъ промыслахъ съ одной стороны опредѣленіе въ самомъ законѣ какой либо нормы уроковъ представляется положительно невозможнымъ; трудность работъ, а съ нею и величина уроковъ зависятъ отъ условій почвы, различныхъ, какъ на разныхъ системахъ пріисковъ, такъ и на разныхъ пріискахъ одной и той же системы и даже на разныхъ частяхъ одного и того же пріиска. Съ другой стороны предоставленіе назначать высшій размѣръ уроковъ горной администраціи было бы также неудобно. Возложеніе этой обязанности на окружныхъ инженеровъ ставило бы обѣ заинтересованныя стороны въ полную зависимость отъ этихъ должностныхъ лицъ. Промышленники подверглись бы въ этомъ случаѣ такимъ стѣсненіямъ, подобныхъ которымъ не существуетъ у насъ ни въ одной отрасли производства, а рабочіе испытывали бы нерѣдко невыгоды вслѣдствіе того, что, съ уменьшеніемъ по распоряженіямъ этихъ должностныхъ лицъ установленныхъ на промыслахъ уроковъ, горнопромышленники вынуждены были бы понизить причитающуюся за эти уроки заработную плату. Трудно было бы также ожидать пользы для дѣла и отъ предоставленія указаннаго полномочія горнозаводскимъ присутствіямъ, которыя, вслѣдствіе отдаленности отъ пріисковъ, должны были бы поневолѣ основать свои опредѣленія исключительно на представленіяхъ окружныхъ инженеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государственный Совѣтъ полагалъ, что, и при отсутствіи регламентаціи въ этомъ отношеніи, рабочіе, получающіе на золотыхъ промыслахъ урочную плату, не могутъ считаться совершенно беззащитными. Размѣры взысканій, налагаемыхъ горнопромышленникамъ на рабочихъ по проектируемымъ правиламъ, опредѣляются въ особыхъ табеляхъ, подлежащихъ утвержденію горнозаводскихъ присутствій, которыя имѣютъ полную возможность уменьшать до крайнихъ предѣловъ размѣры взысканій собственно за неотработку заданныхъ уроковъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они убѣдятся, что послѣдніе представляются на данномъ промыслѣ слишкомъ тяжелыми. Конечно, было бы желательно предупредить всякую возможность возникновенія какихъ либо недоразумѣній между предпринимателями и рабочими по поводу задаваемыхъ послѣднимъ уроковъ, но вопросъ этотъ требуетъ особаго соображенія, поэтому Государственный Совѣтъ рѣшилъ, не измѣняя въ настоящее время обсуждаемаго правила, предоставить министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ обсудить вопросъ о томъ, не представляется ли возможнымъ изыскать какія либо мѣры противъ обремененія рабочихъ на золотыхъ и платиновыхъ промыслахъ непосильными урочными работами, и предположенія свои по этому предмету внести на законолательное разсмотрѣніе. Министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ не предложилъ пока никакихъ мѣръ въ этомъ направленіи. Мы съ своей стороны остаемся при убѣжденіи, что нужна не выработка нормальнаго урочнаго положенія, которое можетъ оказаться стѣснительнымъ и обременительнымъ и для рабочихъ, а установленіе умѣренной продолжительности рабочаго дня: мы видѣли, что уже не мало лицъ, знакомыхъ съ положеніемъ пріисковыхъ рабочихъ, высказалось за установленіе 8—9 часового рабочаго дня, по крайней мѣрѣ для горныхъ рабочихъ, и опредѣленная закономъ 1897 г. продолжительность труда въ 11½ ч. слишкомъ велика.

На пополненіе капитала для призрѣнія больныхъ и потерявшихъ на промыслахъ здоровье рабочихъ иркутскимъ проектомъ правилъ былъ предложенъ особый сборъ съ золотопромышленниковъ (по первой редак-

ціи по числу нанятыхъ, а по второй явившихся рабочихъ) по 1 р. съ каждаго рабочаго. Енисейскіе золотопромышленники (Кытмановы, управляющій Баландина и нѣкоторые другіе) сѣтовали даже и на этотъ ничтожный сборъ и просили понизить его до 50 к. съ человѣка. Напротивъ Иваницкій выразилъ сочувствіе образованію названнаго капитала. Горный инженеръ Оранскій указалъ на неуравнительность сбора по числу рабочихъ, на то, что справедливѣе было бы взимать его съ фунта золота, а еще лучше съ прибылей, т.-е., другими словами, предложилъ подоходный налогъ съ золотопромышленниковъ. Однако, замѣчанія эти не были приняты во вниманіе при составленіи второй редакціи проекта. Въ тотъ же капиталъ для призрѣнія рабочихъ, потерявшихъ на пріискахъ здоровье, обращаются, по обѣимъ редакціямъ проекта, взысканія съ золотопромышленниковъ или завѣдующихъ пріисками за нарушеніе настоящихъ правилъ; взысканія эти равнялись по первой редакціи 25—300 р., а по второй 25—150 р.

Среди замѣчаній на первую редакцію проекта мы находимъ любопытную записку неизвѣстнаго автора о необходимости устройства кассы для престарѣлыхъ и увѣчныхъ пріисковыхъ рабочихъ. Указавъ на необходимость помощи увѣчнымъ, авторъ продолжаетъ: „а что же дѣлается съ тѣми работниками, которые... не были увѣчены ни разу, но, проработавъ на пріискахъ 20 или 30 лѣтъ, не пріобрѣли на черный день ничего, благодаря кабаку, кулакамъ и недостатку нравственной силы? На пріисковыя работы за старостью ихъ не нанимаютъ, отъ крестьянской дѣятельности они отвыкли или не знали ея... Они совершаютъ преступленія и попадаютъ въ остроги на даровые харчи, или просятъ милостыню, такъ какъ по своей слабости они не скопили на это время ничего“... Авторъ полагаетъ, что есть „одинъ способъ обезпечить существованіе престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ: это пенсіонная касса... Нужно обязать золотопромышленниковъ закономъ вносить ежегодно по количеству рабочихъ извѣстную сумму въ государственное казначейство... Размѣръ ея, способъ опредѣленія права на полученіе пособія рабочимъ, размѣръ самаго пособія, контроль за поступившими суммами, словомъ, всѣ необходимыя правила должны быть выработаны при участіи хозяевъ *и рабочихъ*, и въ каждомъ округѣ, или въ каждомъ ревизорствѣ отдѣльно“. Въ иркутскомъ проектѣ хотя и есть постановленіе объ учрежденіи капитала на вспомоществованіе рабочимъ, потерявшимъ здоровье на пріискахъ, но еще нѣтъ правилъ объ его расходованіи.

Горный Департаментъ въ 1890 г. предложилъ часть вычетовъ съ рабочихъ (за неисполненную работу, за несвоевременный выходъ на нее) обратить не въ капиталъ на нужды рабочихъ, а въ пользу золотопромышленниковъ. Г. Штофъ энергически вооружился противъ этого,

но Горный Департаментъ настаивалъ на томъ, чтобы въ капиталъ на нужды рабочихъ поступали только взысканія за нарушенія порядка, а остальныя шли бы въ пользу золотопромышленниковъ. Горный Департаментъ предполагалъ вовсе исключить изъ проекта сборъ по 1 р. съ каждаго явившагося на пріискъ рабочаго съ цѣлью образованія особаго капитала для призрѣнія потерявшихъ на пріискахъ здоровье рабочихъ (несмотря на то, что на установленіе этого правила согласились золотопромышленники) подъ предлогомъ, что призрѣніе рабочихъ въ старости лежитъ на обязанности сельскихъ обществъ. Въ Горномъ Совѣтѣ относительно обращенія взысканій съ рабочихъ въ особый капиталъ или въ пользу нанимателя произошло разногласіе, а именно, члены его Кулибинъ, Скальковскій и Таскинъ полагали, что взысканія за прогулъ, какъ проступокъ, прямо приносящій убытокъ нанимателю, и притомъ вполнѣ опредѣленный, было бы справедливо оставить въ пользу этого послѣдняго, взысканія же за другіе проступки могутъ поступать въ названный капиталъ. Напротивъ, гг. Миллеръ, Штофъ и Веселовскій находили, что дозволить обращеніе взысканій, налагаемыхъ на рабочихъ нанимателемъ безапелляціонно въ пользу послѣдняго, хотя бы въ одномъ только случаѣ прогула, значило бы открыть дверь для злоупотребленій этими взысканіями. Хотя „прогулъ“ есть проступокъ вполнѣ опредѣленный, но установить, былъ ли онъ совершенъ даннымъ рабочимъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ тому назадъ, уже весьма трудно. Поэтому, по мнѣнію трехъ послѣднихъ членовъ, правильнѣе держаться въ этомъ отношеніи постановленій нашихъ новѣйшихъ законовъ о фабричныхъ рабочихъ, не предоставляющихъ взысканій съ рабочихъ ни въ какомъ случаѣ въ пользу нанимателя. Министръ государственныхъ имуществъ по этому вопросу положилъ слѣдующую резолюцію: „склоняюсь къ этому послѣднему мнѣнію, такъ какъ штрафъ есть наказаніе, а не вознагражденіе убытковъ, и онъ вовсе не соразмѣряется съ размѣромъ таковыхъ убытковъ“. При вторичномъ докладѣ министръ окончательно рѣшилъ, что „взысканія съ рабочихъ поступаютъ не въ пользу промышленника, а въ капиталъ“ для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ, да и рѣшить иначе было бы едва ли возможно, въ виду соотвѣтственныхъ постановленій Устава о Промышленности.

По первому проекту, составленному г. Штофомъ, сборъ по 1 р. на образованіе капитала для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ долженъ былъ производиться съ нанимателя *за каждаго* нанятаго рабочаго, явившагося на пріискъ, и *сверхъ того* за ссыльно-поселенцевъ наниматель обязанъ былъ вносить извѣстные сборы въ экономическій капиталъ ссыльныхъ и для устройства осѣдлости поселенцевъ. По проекту 15 апрѣля 1892 г. рублевый сборъ въ капиталъ для призрѣнія рабочихъ предполагалось производить только съ полноправныхъ

рабочихъ. Не будемъ останавливаться на замѣчаніяхъ о неуравнительности сбора по числу рабочихъ, о томъ, что правильнѣе было бы производить этотъ сборъ съ каждаго фунта добытаго золота (послѣднее и принялъ г. Штофъ при переработкѣ проекта), наконецъ, о томъ, что желательно было бы производить этотъ сборъ съ нанимателей и за ссыльно-поселенцевъ, ибо и они нуждаются въ призрѣніи, не будемъ говорить потому, что сборъ этотъ, какъ увидимъ ниже, не былъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ. Штрафы, налагаемые на золотопромышленниковъ, должны были поступать и по новой редакціи проекта въ тотъ же капиталъ для призрѣнія рабочихъ, взысканія же съ рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ, согласно замѣчанію министра внутреннихъ дѣлъ, должны были по новой редакціи поступать въ ссыльно-поселенческій экономическій капиталъ.

Общее собраніе Государственнаго Совѣта исключило изъ проекта статью, установляющую сборъ въ размѣрѣ одного кредитнаго рубля съ каждаго фунта золота, который долженъ былъ обращаться въ капиталъ для выдачи вспомоществованій больнымъ и увѣчнымъ горнымъ рабочимъ. Государственный Совѣтъ нашелъ, что представленіе министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ не заключаетъ въ себѣ данныхъ, вполнѣ удостовѣряющихъ необходимость немедленнаго осуществленія этой мѣры. Въ дѣлѣ упоминалось, правда, о томъ, что уплата проектируемаго сбора, при скромныхъ его размѣрахъ, не можетъ оказаться затруднительною для горнопромышленниковъ. Въ подтвержденіе этого послѣдняго обстоятельства было указано на то, что, при цѣнѣ въ 400 р. за фунтъ золота, обложеніе 1 кредитнымъ рублемъ каждаго фунта этого металла выразится въ $^1/_4$% дѣйствительной его стоимости. Эти данныя, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, едва-ли можно признать вполнѣ убѣдительными. Чтобы имѣть увѣренность въ необременительности для золотопромышленниковъ этого налога, слѣдуетъ съ одной стороны знать, сколько имъ приходится чистаго дохода съ каждаго фунта золота, а съ другой—выяснить, какіе налоги уже лежатъ на частной золотопромышленности. Поэтому Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ выдѣлить эту статью изъ проекта и предоставить министру земледѣлія внести свои предположенія объ установленіи этого сбора на законодательное разсмотрѣніе особо отъ настоящаго проекта. Что касается опасеній относительно обременительности предположеннаго сбора, то они опровергаются тѣмъ, что обѣими редакціями иркутскаго проекта, *въ составленіи которыхъ принимали участіе золотопромышленники*, былъ установленъ сборъ въ размѣрѣ 1 р. по числу пріисковыхъ рабочихъ на образованіе особаго капитала для призрѣнія увѣчныхъ и потерявшихъ на промыслахъ здоровье. Установленіе сбора по количеству фунтовъ добытаго золота вмѣсто количества рабочихъ

было сдѣлано не для повышенія, а для большей уравнительности этого сбора, который, вопреки опасеніямъ Государственнаго Совѣта, не слишкомъ великъ, а слишкомъ малъ, если имѣть въ виду мало-мальски серьезную помощь больнымъ и увѣчнымъ рабочимъ. Кромѣ того, можно пожалуй пожелать и еще большей его уравнительности, т.-е. чтобы при установленіи такого сбора была принята во вниманіе различная стоимость добыванія золота въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Вообще вмѣсто этого слабаго палліатива желательны болѣе серьезныя мѣры въ пользу увѣчныхъ, потерявшихъ здоровье и семействъ такихъ и умершихъ рабочихъ, но нельзя не опасаться, что это будетъ сдѣлано очень не скоро, имѣя въ виду, что проектъ закона о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы вырабатывался 13 лѣтъ, а Уставъ о золотопромышленности 1870 г.—10 лѣтъ.

По закону 1895 г. денежныя взысканія, налагаемыя золотопромышленниками на всѣхъ рабочихъ, кромѣ ссыльно-поселенцевъ, и налагаемыя окружнымъ инженеромъ и горнымъ исправникомъ на золотопромышленниковъ, поступаютъ въ особый капиталъ, предназначенный для выдачи вспомоществованія больнымъ и увѣчнымъ горнымъ рабочимъ, который состоитъ въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ по Горному Департаменту.

Всѣ предложенія по вопросу о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья не имѣли никакого результата, такъ какъ въ концѣ концовъ рѣшено было оставить въ силѣ соотвѣтственную статью правилъ о наймѣ рабочихъ Устава о золотопромышленности 1870 г. (см. ст. 676 Устава Горнаго изд. 1893 г.), а между тѣмъ эта статья вызвала справедливыя замѣчанія со стороны нѣкоторыхъ лицъ, участвовавшихъ въ разборѣ проектовъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы. Такъ, напр., начальникъ томскаго горнаго управленія, г. Денисовъ, справедливо замѣтилъ, что вознагражденіе рабочаго за тяжкое увѣчье, лишающее его возможности работать, въ размѣрѣ тройной годовой платы слишкомъ недостаточно. Окружной инженеръ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа также находилъ, что тройная плата за годъ по контракту для степныхъ округовъ очень незначительна: для Семипалатинской области это составитъ не болѣе 90 р., сумму, которая не можетъ обезпечить даже кочевника, получившаго такое вознагражденіе за увѣчье.

Въ случаѣ прекращенія работъ на промыслѣ до истеченія сроковъ, на которые наняты рабочіе, по закону 1895 г. должны соблюдаться слѣдующія правила. При прекращеніи работъ, вслѣдствіе распоряженія завѣдующаго промысломъ, разсчетъ съ рабочими долженъ быть произведенъ по срокъ найма, причемъ плата за работы задѣльныя разсчитывается по среднему дѣйствительному заработку рабочихъ за время, когда работы производились. При прекращеніи же работъ по

причинамъ, не зависящимъ отъ завѣдующаго промысломъ, рабочіе разсчитываются по день прекращенія работъ съ тѣмъ, однако, что существованіе этихъ причинъ должно быть засвидѣтельствовано окружнымъ инженеромъ, а въ случаѣ его отсутствія горнымъ исправникомъ.

Завѣдующій промысломъ, по закону 1895 г., можетъ отказать рабочему до срока найма: за неявку на работу болѣе 3 дней сряду безъ уважительныхъ причинъ, за неспособность исполнять работу, *за мѣность* и по причинамъ, указаннымъ въ п. 3—5 ст. 105-ой Устава о Промышленности (изд. 1893 г.). Рабочій имѣетъ право требовать судебнымъ порядкомъ расторженія заключеннаго съ нимъ договора въ случаѣ призыва его на военную службу или обязательнаго поступленія въ нее члена семейства, если послѣдній доставлялъ семейству средства къ существованію и по причанамъ, указаннымъ въ п. 1—4 и 7 ст. 60-ой Положенія о наймѣ на сельскія работы [1]). Если искъ рабочаго будетъ признанъ заслуживающимъ уваженія, то въ пользу его присуждается особое вознагражденіе въ размѣрѣ, не превышающемъ: при срочномъ договорѣ—двухмѣсячнаго его заработка, а при договорѣ на время исполненія какой либо работы двухнедѣльнаго.

На рабочихъ, нанявшихся на золотой промыселъ, но неявившихся на него или же явившихся позднѣе 2 недѣль противъ срока, была распространена ст. 514 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; тому же наказанію т.-е. аресту не свыше 1 мѣсяца должны были подлежать рабочіе, ушедшіе самовольно съ промысла до истеченія срока найма. Слѣдовательно неисполненіе гражданскаго договора было признано уголовнымъ преступленіемъ.

Въ обѣихъ редакціяхъ иркутскаго проекта было повторено постановленіе Устава о Промышленности (ст. 104 изд. 1887 г., ст. 99, изд. 1893 г.), что расплата вмѣсто денегъ билетами, купонами, разными условными знаками, хлѣбомъ, товаромъ и иными предметами воспрещается. Нѣкоторые олекминскіе золотопромышленники предлагали въ своихъ замѣчаніяхъ на первую редакцію допустить расплату ордерами на резиденціяхъ, въ коммиссіонерствахъ или волостяхъ, но ходатайство это уважено не было. Правило это указано и въ законѣ 1895 г. ссылкою на ст. 99 Устава о Промышленности.

За разныя нарушенія закона 1895 г. завѣдующій промысломъ

---

[1]) „1) Несоблюденіе нанимателемъ условій относительно выдачи рабочимъ наемной платы и ихъ содержанія; 2) непосильное отягощеніе рабочаго работою; 3) обида дѣйствіемъ, насильственные поступки со стороны нанимателя, членовъ его семейства или лицъ, коимъ нанимателемъ ввѣренъ надзоръ за работами и рабочими; 4) неспособность рабочаго, по болѣзни, а работницы и по беременности, исполнять возложенныя на нихъ работы;.... 7) отводъ рабочимъ помѣщенія, зараженнаго находившимися тамъ больными заразительной болѣзнью".

(также, какъ и завѣдующій фабрикою по Уставу о Промышленности) подвергается штрафу отъ 5 до 300 р., за нарушеніе же обязательныхъ постановленій горнозаводскаго присутствія всего 50 р. Въ проектѣ министерства государственныхъ имуществъ было предложено назначить штрафъ за нарушеніе постановленій горнозаводскихъ присутствій отъ 50 до 300 р., но Государственный Совѣтъ понизилъ этотъ размѣръ штрафа до 50 р. примѣнительно къ 29 ст. Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Замѣна эта, по нашему мнѣнію, будетъ имѣть весьма неблагопріятныя послѣдствія. При этомъ не принято во вниманіе, какія важныя стороны въ жизни пріисковыхъ рабочихъ должны нормироваться постановленіями горнозаводскихъ присутствій, а именно, эти присутствія издаютъ обязательныя постановленія о пищевомъ довольствіи рабочихъ, о выдачѣ винныхъ порцій, о мѣрахъ для охраненія жизни и здоровья рабочихъ, о доставкѣ рабочихъ до жилыхъ пунктовъ и проч. Статьею 155-ою Устава о Промышленности за менѣе важныя нарушенія интересовъ рабочихъ установленъ штрафъ отъ 50 до 300 р. Примѣнять въ этомъ случаѣ ст. 29 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, т.-е. ограничить размѣръ штрафа 50-ю рублями, весьма не достаточно, въ виду особенности жизни промысловыхъ сибирскихъ рабочихъ. Нужно помнить, что самыя богатыя золотопромышленныя системы—Олекминская, Амурская и др.—находятся въ мѣстностяхъ *ненаселенныхъ*, и потому соблюденіе установленныхъ правилъ о питаніи, жилищахъ, лѣченіи рабочихъ и проч. имѣетъ для нихъ громадную важность.

Разсматриваемый законъ 1895 г. распространяется на всѣхъ рабочихъ на промыслахъ, служащихъ по вольному найму, за исключеніемъ принадлежащихъ къ составу промысловаго управленія (управляющихъ, техниковъ, а также приказчиковъ, конторщиковъ и писцовъ); слѣдовательно, этотъ законъ распространяется и на старателей-золотничниковъ съ тѣмъ только, что заключеніе съ ними явочныхъ договоровъ необязательно и въ Сибири. На обязанность горнозаводскихъ присутствій возлагается составленіе дополнительныхъ правилъ объ отношеніяхъ къ промысловому управленію рабочихъ, работающихъ артелями.

Главнѣйшія измѣненія, вводимыя закономъ 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, состоятъ въ слѣдующемъ. Соблюденіе порядка и благоустройства на золотыхъ промыслахъ было поставлено подъ надзоръ присутствій по горнозаводскимъ дѣламъ; имъ же предоставлена охрана наиболѣе существенныхъ интересовъ рабочихъ. Были указаны уважительныя причины неявки рабочихъ на промыслы, а также причины расторженія договора обѣими договаривающимися сторонами. Въ Сибири разрѣшено заключать словесные и неявленные договоры съ нѣкоторыми рабочими. Упразднены партіонныя расправы, разбиравшія до тѣхъ поръ

дѣла о маловажныхъ проступкахъ рабочихъ; взамѣнъ этого золотопромышленникамъ дано право подвергать рабочихъ денежнымъ взысканіямъ за точно обозначенныя въ законѣ нарушенія договора. Съ другой стороны окружнымъ инженерамъ и горнымъ исправникамъ предоставлено право налагать на завѣдующихъ промыслами денежныя взысканія въ административномъ порядкѣ въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Тѣ и другія взысканія поступаютъ въ капиталъ для выдачи пособій больнымъ и увѣчнымъ горнымъ рабочимъ, но взысканія съ поселенцевъ идутъ въ экономическій капиталъ ссыльныхъ. Установлено было празднованіе воскресеній съ 1 октября по 1 апрѣля, а въ остальные мѣсяцы назначено два обязательныхъ дня отдыха въ мѣсяцъ. Воспрещена передача рабочихъ отъ одного предпринимателя другому. Отмѣнена была большая часть особыхъ постановленій Горнаго Устава о наймѣ ссыльно-поселенцевъ, и на нихъ распространены общія правила о наймѣ рабочихъ съ сохраненіемъ лишь немногихъ особенностей. Кругъ вѣдомства горнозаводскихъ присутствій [1]) устанавливается въ новомъ законѣ слѣдующимъ образомъ: они вѣдаютъ—а) разрѣшеніе разногласій, могущихъ возникать по вопросамъ надзора между окружными инженерами и чинами горной и общей полиціи; б) изданіе обязательныхъ постановленій: о наибольшемъ размѣрѣ вычетовъ изъ заработка рабочихъ на содержаніе послѣдовавшихъ за ними на пріиски женъ ихъ, если онѣ не приняли на себя никакихъ работъ, о пищевомъ довольствіи рабочихъ, получающихъ по условіямъ найма пищу отъ нанимателя (безплатно или въ счетъ заработка) на промыслахъ и на пути къ нимъ или при возвращеніи съ нихъ, причемъ присутствіямъ предоставляется издавать различныя постановленія по этому предмету для разныхъ системъ промысловъ; о выдачѣ рабочимъ винныхъ порцій и о торговлѣ спиртомъ на промыслахъ, о мѣстахъ выдачи платы рабочимъ; о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ промысловыхъ зданіяхъ, а также относительно продовольствія больныхъ рабочихъ и оказанія имъ врачебной помощи; о доставкѣ рабочихъ по окончаніи операціи на средства промышленниковъ съ системъ промысловъ отдаленныхъ отъ населенныхъ мѣстъ до жилыхъ пунктовъ; утвержденіе росписанія предметовъ, допускаемыхъ въ продажу рабочимъ изъ промысловыхъ лавокъ, а также разсмотрѣніе утвержденныхъ окружными

[1]) Присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ, состоящія при горныхъ управленіяхъ, образуются подъ предсѣдательствомъ начальника горнаго управленія изъ помощника начальника, представителя отъ министерства внутреннихъ дѣлъ по назначенію министра, лица прокурорскаго надзора по назначенію министра юстиціи и двухъ представителей частной горной промышленности, избираемыхъ мѣстными съѣздами горныхъ промышленниковъ на три года (Горн. Уст. ст. 162, 164).

инженерами таксъ на эти предметы, составленіе дополнительныхъ правилъ о рабочихъ, работающихъ артелью, утвержденіе табелей взысканій, установленныхъ съ рабочихъ и проч. Такимъ образомъ важнѣйшія стороны въ жизни пріисковыхъ рабочихъ будутъ регулированы не закономъ, а обязательными постановленіями горнозаводскихъ присутствій. Дѣло слѣдовательно въ томъ, окажутся ли эти присутствія на высотѣ своей задачи и съумѣютъ ли преодолѣть тѣ неблагопріятныя для рабочихъ вліянія, которыя при составленіи обязательныхъ постановленій могутъ оказать два представителя золотопромышленности. Остальные члены горнозаводскаго присутствія должны помнить, что на ихъ обязанности лежитъ дѣло въ высшей степени важное—защита слабыхъ противъ сильныхъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ.

1-го октября 1895 г. вступили въ силу новыя правила о наймѣ рабочихъ на пріиски [1]), а 6-го октября состоялось при томскомъ Горномъ Управленіи первое засѣданіе вновь учрежденнаго присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ [2]). Вслѣдъ затѣмъ это присутствіе на основаніи закона 1895 г. издало цѣлый рядъ обязательныхъ постановленій, регулирующихъ отношенія золотопромышленниковъ и рабочихъ, а также опубликовало постановленіе для разъясненія разныхъ вопросовъ, возбужденныхъ примѣненіемъ закона 1895 г., причемъ иногда дѣло восходило до Горнаго Совѣта и даже министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Иркутское горнозаводское присутствіе открылось гораздо позднѣе (2 марта 1896 г.) и пока не обнаружило никакой дѣятельности въ интересующемъ насъ направленіи.

Постановленіе томскаго горнозаводскаго присутствія мы разсмотримъ въ томъ же порядкѣ вопросовъ, въ какомъ разсматривали исторію составленія закона 1895 г.

16-го октября 1896 г. въ засѣданіи томскаго присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ былъ разсмотрѣнъ вопросъ, возбужденный окружнымъ инженеромъ Семипалатинско-Семирѣченскаго горнаго округа о томъ, могутъ ли золотопромышленники при наймѣ рабочихъ за помѣсячную плату въ условленномъ размѣрѣ указывать въ контрактахъ, что такая плата назначается за тридцать рабочихъ дней, и затѣмъ, на основаніи такого указанія, исключать изъ числа оплачиваемыхъ дни отдыха и праздники, установленные ст. 28 Выс. утв. 20 февр. 1895 г.

---

[1]) „Вѣстникъ Золотопром." 1896 г. № 3 стр. 58.

[2]) Въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель—начальника горнаго управленія Денисова и членовъ: помощника начальника Яцевича, представителя министерства внутреннихъ дѣлъ—предсѣдателя томскаго губернскаго управленія Философова, губернскаго прокурора Витте и представителей частной промышленности, по назначенію министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, золотопромышленниковъ Родюкова и Жилля. „Вѣст. Золот." 1895 г. № 20, стр. 330.

правилъ о наймѣ рабочихъ на частные золотые промыслы [1]). Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, горнозаводское присутствіе нашло, что при наймѣ рабочихъ за помѣсячную или годовую плату, условленный размѣръ (окладъ) такой платы не можетъ быть уменьшаемъ удержаніемъ соотвѣтственной части заработка за установленные закономъ дни отдыха и праздники, если въ договорѣ найма нѣтъ особаго условія о томъ, что рабочій, по соглашенію съ нанимателемъ, обязывается работать въ теченіе всего мѣсяца или года, не исключая и упомянутыхъ дней (?). „При отсутствіи въ договорѣ такого условія, нанявшемуся за помѣсячную плату рабочему несомнѣнно принадлежитъ право пользоваться положенными по закону двумя днями отдыха и днями праздничными, не лишаясь за эти дни ни пищевого довольствія, если таковое, по договору, рабочій получаетъ отъ нанимателя, ни заработной платы, ибо въ противномъ случаѣ выраженія: „годовая“ или „помѣсячная“ окладная плата потеряли бы всякое значеніе и условленный размѣръ подвергался бы колебаніямъ въ зависимости отъ числа праздничныхъ дней, т.-е. окладная, годовая или помѣсячная плата обратилась бы вопреки договору въ поденную“. Постановленіе это состоялось не единогласно, а по большинству голосовъ, и важный вопросъ, въ немъ затронутый, былъ разсмотрѣнъ Горнымъ Совѣтомъ. Какъ мы видѣли, томское горнозаводское присутствіе полагало, что договаривающіяся стороны могутъ условливаться между собою о производствѣ работы даже и въ тѣ праздничные дни, которые указаны въ законѣ какъ безусловно свободные отъ работы. Съ этимъ мнѣніемъ согласились три члена Горнаго Совѣта (т. с. Кулибинъ, директоръ Горнаго Департамента Денисовъ и князь Абамелекъ-Лазаревъ), находившіе, что „нѣтъ основанія заставлять рабочихъ проводить праздники безъ работы, когда сами они желаютъ работать, въ особенности, если за праздничную работу назначается болѣе возвышенная плата, какъ это принято на золотыхъ пріискахъ. Вынужденные оставаться въ праздничные дни безъ всякихъ занятій и за отсутствіемъ на пріискахъ какихъ-либо средствъ для развлеченія, рабочіе поневолѣ обратятся къ пьянству и разгулу“ (?). Эти три члена Горнаго Совѣта упустили изъ виду не только правило закона 1895 г., дѣлающее празднованіе воскресеній зимою обязательнымъ, но и то, что въ настоящее время на болѣе благоустроенныхъ пріискахъ уже начинаютъ, какъ мы видѣли, заботиться о томъ, чтобы рабочіе могли съ пользою для себя проводить праздники: пріобрѣтаютъ волшебные фонари, устраиваютъ спектакли, воскресныя школы и т. п. Но большинство членовъ

[1]) Этой статьею установлялось съ 1-го октября по 1-е апрѣля празднованіе воскресеній, съ 1-го апрѣля по 1-е октября двухъ дней въ мѣсяцъ и еще въ теченіе года 23 праздничныхъ дней, т. е. всего въ годъ 61 праздничнаго дня.

горнаго совѣта (Меллеръ, Штофъ, Кеппенъ, Афросимовъ, Давыдовъ и Веселовскій) было иного мнѣнія: „въ законѣ ясно выражено, что въ зимнее время отдыхъ въ теченіе указанныхъ въ немъ праздничныхъ дней обязателенъ какъ для рабочихъ, такъ и для хозяевъ, и лишь въ лѣтнее время каждый рабочій не „долженъ", а „имѣетъ право" быть свободнымъ отъ работъ два дня въ мѣсяцъ,—слѣдовательно можетъ и не пользоваться такимъ правомъ: въ указанномъ смыслѣ и слѣдовало бы, по мнѣнію названныхъ членовъ, разъяснить возбужденный вопросъ, „при чемъ отъ золотопромышленниковъ будетъ зависѣть озаботиться, чтобы рабочіе по праздникамъ не предавались разгулу". Министръ государственныхъ имуществъ согласился съ мнѣніемъ большинства [1]).

Очень скоро послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстнымъ это рѣшеніе министра государственныхъ имуществъ, было издано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 2-го іюня 1897 г., по которому во всѣхъ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности Россіи, горной и горнозаводской промышленности, желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, а также фабричнозаводскихъ заведеніяхъ, принадлежащихъ Кабинету Е. В., Главному Управленію Удѣловъ, казнѣ и правительственнымъ учрежденіямъ, было установлено „*обязательное*" празднованіе *всѣхъ* воскресныхъ дней; но къ частнымъ золотымъ и платиновымъ промысламъ должна была примѣняться по прежнему 28 ст. закона 1895 г. о наймѣ рабочихъ на эти промыслы [2]). Этотъ фактъ составляетъ новый примѣръ того, что тотъ отдѣлъ законодательства о промышленности, который регулируетъ положеніе рабочихъ на золотыхъ промыслахъ, сильно отстаетъ отъ другихъ частей этого законадательства, вышеприведенное же толкованіе 28 ст. закона 1895 г. лишаетъ рабочихъ обязательнаго празднованія даже двухъ дней въ лѣтніе мѣсяцы, а только такое празднованіе имѣетъ значеніе; иначе, подъ давленіемъ экономической необходимости и повышенной платы за работу въ льготные дни, рабочіе вовсе не будутъ отдыхать въ лѣтніе мѣсяцы.

Необходимо и на золотые промыслы распространить обязательное празднованіе воскресныхъ дней въ теченіе всей лѣтней операціи. Мы приводили уже согласное съ этимъ мнѣніе окружного инженера томскаго горнаго управленія Реутовскаго. То же предлагалъ еще въ 1882 г. начальникъ главнаго тюремнаго управленія Галкинъ-Враскій. Извѣстный красноярскій врачъ В. М. Крутовскій также считаетъ совершенно необходимымъ установленіе праздничнаго отдыха „каждое воскресенье для всей команды". За необходимость четырехъ одновременныхъ для всѣхъ рабочихъ отдыховъ въ мѣсяцъ раздаются уже голоса и изъ среды

---

[1]) „Вѣстн. Золот." 1897 г. № 12, стр. 269—270.

[2]) „Новое Время" 1897 г., 14 іюня; „Вѣст. Золот." 1897 г. № 14, стр. 319.

лицъ, стоящихъ во главѣ крупныхъ частныхъ предпріятій [1]). Но есть недовольные даже и скромными требованіями закона 1895 г. относительно праздничныхъ дней. Въ мѣстныхъ газетахъ еще въ концѣ 1895 г. появилось извѣстіе, что сибирскими золотопромышленниками возбуждено ходатайство объ измѣненіи 28 ст. правилъ о наймѣ рабочихъ, а именно, объ уменьшеніи числа праздничныхъ дней и допущеніи работъ въ праздники по обоюдному соглашенію рабочихъ и хозяевъ [2]). Мы видѣли, что послѣдняя часть ходатайства увѣнчалась успѣхомъ относительно лѣтняго времени, а слѣдовательно осуществится на дѣлѣ и пожеланіе объ уменьшеніи количества праздничныхъ дней. Напротивъ, рабочіе очень дорожатъ воскреснымъ отдыхомъ и недовольны тѣмъ, что въ весеннее и лѣтнее время по закону 1895 г. уменьшается количество праздниковъ. Вслѣдствіе желанія пользоваться воскреснымъ отдыхомъ и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ были въ 1896 г. забастовки въ южно-енисейскомъ округѣ на пріискахъ Лыскова, Оборотова, Дрямина, Сисина и Беклеминова. Въ апрѣлѣ и маѣ того же года были въ енисейской тайгѣ волненія рабочихъ вслѣдствіе желанія праздновать царскіе дни сверхъ двухъ льготныхъ дней. Въ декабрѣ 1895 г. были еще поголовныя забастовки въ южно-енисейскомъ округѣ на пріискахъ наслѣдниковъ Черемныхъ, наслѣдниковъ Переплетчикова, у Глазкова, Асташева и Хилкова. На одномъ пріискѣ олекминской тайги рабочіе не вышли на работу въ день Покрова (1-го октября 1896 г.) [3]).

Съ какою жадностью вырываютъ золотопромышленники у рабочихъ лишній праздничный день, видно изъ слѣдующаго случая. Въ мартѣ 1897 г. томскому присутствію по горнозаводскимъ дѣламъ было доложено прошеніе уполномоченнаго компаніей подъ фирмою „Южно-алтайское золотопромышленное дѣло“, купца П. А. Шмотина, ходатайствовавшаго о разъясненіи вопроса, имѣютъ ли пріисковые рабочіе право быть свободными отъ работъ въ пятницу и субботу страстной недѣли и воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ пасхальной недѣли, если всѣ эти пять дней случаются въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Горнозаводское присутствіе истолковало 28 ст. закона 1895 г. такимъ образомъ, что въ періодъ времени съ 1-го апрѣля по 1-ое октября каждый рабочій имѣетъ право быть уволеннымъ отъ работъ только на два дня въ мѣсяцъ и что кромѣ этихъ двухъ дней отдыха, „совпадутъ-ли они съ праздничными днями

[1]) „Вѣстн. Золот.“ 1895 г. № 7, стр. 127. Необходимость празднованія воскреснаго дня уже сознана на Западѣ; оно сдѣлано обязательнымъ въ фабричныхъ и горныхъ работахъ Германіи по закону 1 іюня 1891 г. и въ Австро-Венгріи; въ Англіи также не бываетъ работы по воскресеньямъ. *Kulemann.* „Der Arbeiterschutz“, 1893, S. 46, 104, 108. *Conrad* u. *Lexis.* „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, I, 447.

[2]) „Степной Край“ 1895 г. № 94.

[3]) „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 10, стр. 217; „Вост. Обоз.“ 1896 г. № 89 и 148.

или нѣтъ—все равно", ни въ какіе праздничные дни въ теченіе этихъ мѣсяцевъ рабочимъ не предоставлено права требовать освобожденія отъ работъ [1]). Постановленіе это вызвало протестъ г. иркутскаго генералъ-губернатора, усомнившагося въ правильности такого толкованія ст. 28, и вслѣдствіе его представленія состоялось распоряженіе министра государственныхъ имуществъ, чтобы томское горнозаводское присутствіе, въ случаяхъ возникновенія у него сомнѣнія по примѣненію правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, направляло свои представленія не непосредственно въ министерство государственныхъ имуществъ, а черезъ подлежащихъ генералъ-губернаторовъ, которымъ оно немедленно должно сообщать и свои журналы вслѣдъ за ихъ подписаніемъ [2]).

И такъ, повторяемъ, необходимо установить обязательное празднованіе воскресеній и на частныхъ пріискахъ, какъ это установлено уже закономъ 2-го іюля 1897 г. относительно пріисковъ Кабинетскихъ и заведеній горной и горнозаводской промышленности. Ночныя работы мало распространены на пріискахъ, но такъ какъ онѣ все таки встрѣчаются, то желательно было бы установить 36-часовой воскресный отдыхъ, иначе рабочій, проработавшій ночь съ субботы на воскресенье, не можетъ воспользоваться праздникомъ, какъ слѣдуетъ: въ Англіи по обычаю рабочіе свободны въ субботу съ часу, двухъ и не позже 4 часовъ дня [3]).

Относительно пищевого довольствія пріисковыхъ рабочихъ, получающихъ пищу по условію найма безплатно или въ счетъ заработка, томское горнозаводское присутствіе въ засѣданіи 16-го и 28-го февраля 1896 г. выработало обязательныя постановленія, не вполнѣ одинаковыя для двухъ группъ подвѣдомственныхъ ему горныхъ округовъ. Къ первой группѣ оно отнесло пріиски округовъ Томскаго, Ачинско-Минусинскаго, Семипалатинско-Семирѣченскаго [4]), Канскаго и Красноярскаго; ко второй группѣ—сѣверно- и южно-енисейскаго округовъ. На пріискахъ первой группы было назначено муки ржаной въ мѣсяцъ 1 п. 25 ф., во второй 1 п. 35 ф., „въ томъ числѣ вездѣ 5 ф. полагалось на квасъ, муки

---

[1]) „Вѣст. Золот." 1897 г. № 7, стр. 167.

[2]) „Вѣст. Золот." 1897 г. № 7, стр. 167.

[3]) *Kuno Frankenstein.* „Der Arbeiterschutz" 1896 г. S. 43—44; *Conrad u. Lexis.* „Handwörterbuch der Staatswissenschaften", I, 447; *Анненскій.* „Два рабочихъ закона" („Русское Богат." 1897 г. № 10, стр. 241—242), *П. Б.* „Текущіе вопросы внутренней жизни" („Новое Слово" 1897 г. Іюль, стр. 242).

[4]) Такимъ образомъ Семипалатинско-Семирѣченскій округъ не былъ выдѣленъ по условіямъ пищевого довольствія рабочихъ изъ другихъ округовъ Западной Сибири, а между тѣмъ при выработкѣ закона 1895 г. часто указывали на него ввидѣ аргумента противъ регулированія пищевого пайка законодательнымъ путемъ, ссылаясь на особенности питанія киргизовъ.

пшеничной въ первой группѣ 20 ф., во второй 10 ф.; крупы въ первой 10 ф., во второй 15 ф., масла коровьяго вездѣ 1 ф., сала скотскаго (топленаго) 1 ф., соли 3 ф., мяса свѣжаго или соленаго съ 1-го октября въ первой группѣ по 1-е апрѣля, а во второй—по 1-е мая,—по $1^1/_4$ ф., а въ остальные мѣсяцы по $1^1/_2$ ф., капусты квашеной въ теченіе 5 мѣсяцевъ съ декабря по май по $^1/_2$ ф. въ мѣсяцъ, чаю кирпичнаго въ мѣсяцъ $^1/_4$ кирпича, вѣсомъ не менѣе 60 золотниковъ.

Кромѣ ржаной и пшеничной муки и капусты, всѣ остальныя вещества должны быть выдаваемы рабочимъ или на пути къ золотымъ пріискамъ, или при возвращеніи съ нихъ. Нужное на время пути количество пищевыхъ веществъ должно разсчитываться, согласно приведеннымъ выше нормамъ, по числу дней, необходимыхъ для передвиженія рабочихъ, полагая на проходъ не болѣе 30 верстъ въ день, причемъ вмѣсто ржаной и пшеничной муки опредѣлено выдавать по 3 ф. въ день ржаныхъ сухарей каждому рабочему. Всѣ названные припасы должны быть вполнѣ доброкачественные.

Въ силу этого постановленія золотопромышленники обязаны выдавать, а рабочіе имѣютъ право требовать указанныя вещества въ опредѣленномъ этимъ постановленіемъ количествѣ. „Но по добровольному соглашенію рабочихъ съ завѣдующими золотыми промыслами допускается замѣнять какое-либо вещество, сполна или частью, другимъ пищевымъ веществомъ, изъ числа поименованныхъ въ этомъ постановленіи, въ количествѣ, соотвѣтствующемъ стоимости замѣняемаго вещества по утвержденной окружнымъ инженеромъ таксѣ, или стоимость вещества выдавать рабочимъ деньгами. О существованіи такого соглашенія должно быть указано въ разсчетныхъ книжкахъ рабочихъ, хотя бы о замѣнѣ однихъ пищевыхъ веществъ другими или деньгами вовсе не было почему-либо упомянуто въ договорѣ найма“.

Въ этомъ обязательномъ постановленіи особенно поражаетъ недостаточное количество жировыхъ веществъ, на что и указывалъ въ засѣданіи томскаго горнозаводскаго присутствія томскій окружной инженеръ Реутовскій, но его мнѣніе было оставлено безъ вниманія, такъ какъ профессоръ по каѳедрѣ гигіены томскаго университета Судаковъ, едва-ли стоящій, какъ можно думать на основаніи этого примѣра, на высотѣ науки, настаивалъ на томъ, что количество жировъ въ пищевомъ пайкѣ вполнѣ достаточно. Нѣкоторымъ читателямъ, незнакомымъ съ условіями пріисковаго труда и жизни рабочихъ на золотыхъ промыслахъ, ихъ питаніе можетъ, пожалуй, показаться слишкомъ роскошнымъ сравнительно съ тѣмъ, что ѣдятъ крестьяне Европейской Россіи. Но нужно помнить, что, во-первыхъ, уровень потребностей сибирскаго населенія, вслѣдствіе его большей зажиточности, гораздо выше, чѣмъ, напримѣръ, крестьянъ Великороссіи; во-вторыхъ, страшная напряжен-

ность пріисковаго труда и сѣверный климатъ вызываютъ потребность въ извѣстномъ пищевомъ режимѣ, который и выработался примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, и, въ-третьихъ, что паекъ пріисковыхъ рабочихъ обыкновенно вовсе не содержитъ въ себѣ овощей. Регулируя размѣръ этого пайка, необходимо было ввести въ него въ бо́льшемъ количествѣ жировыя вещества, въ которыхъ вообще чувствуютъ особенную потребность всѣ рабочіе, занятые тяжелымъ физическимъ трудомъ на открытомъ воздухѣ [1]).

1-го декабря 1897 г. было издано обязательное постановленіе томскаго горнозаводскаго присутствія о наибольшемъ размѣрѣ вычетовъ изъ заработка рабочихъ на содержаніе ихъ женъ, послѣдовавшихъ за ними на пріиски, если онѣ не приняли на себя никакихъ промысловыхъ работъ. Вычетъ этотъ можетъ быть производимъ только въ томъ случаѣ, если женамъ рабочихъ будутъ отпускаться промысловымъ управленіемъ отдѣльные пайки печенымъ хлѣбомъ или же мукой въ томъ размѣрѣ, въ какомъ отпускаются на довольствіе самихъ рабочихъ. Вычетъ этотъ былъ установленъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: на пріискахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа 1 р., Томскаго 1 р. 50 к., Красноярскаго и Канскаго 2 р., въ разныхъ мѣстахъ Ачинско-Минусинскаго округа 2—3 руб., Южно-Енисейскаго 4 р. и Сѣверно-Енисейскаго 4 р. 50 к. Размѣръ этого вычета не долженъ былъ, кромѣ того, превышать стоимости отпущенной муки по таксовымъ на нее цѣнамъ, утверждаемымъ окружными инженерами [2]).

30-го декабря 1896 г. это обязательное постановленіе было отмѣнено и издано иное. Вычетъ съ женъ рабочихъ, не принимающихъ на себя никакихъ промысловыхъ работъ, если пріисковыя управленія не пожелаютъ отпускать имъ продовольствія безплатно, можетъ быть производимъ только въ томъ случаѣ, если этимъ женамъ будутъ отпускаться отдѣльные пайки печенымъ хлѣбомъ или же мукой на приготовленіе хлѣба въ томъ-же размѣрѣ, въ какомъ отпускаются на довольствіе самихъ рабочихъ. При такомъ пользованіи хлѣбомъ или мукой размѣръ вычета изъ заработка рабочихъ на содержаніе въ теченіе мѣсяца ихъ женъ, не исполняющихъ ни одной изъ промысловыхъ работъ, не долженъ превышать стоимости отпущенной муки по таксовымъ цѣнамъ, утверждаемымъ окружными инженерами [3]).

---

[1]) На промыслахъ Ленскаго Т-ва Ленскаго горнаго округа рабочіе, состоящіе тамъ на своемъ продовольствіи, забираютъ обыкновенно изъ лавокъ 8 ф. топленаго масла въ мѣсяцъ. А. Н. Энгельгардтъ указалъ на то, что землекопы чувствуютъ усиленную потребность въ жировыхъ веществахъ. Настоящій дровосѣкъ въ Тиролѣ ежедневно поглощаетъ до 7 ф. жира.

[2]) „Вѣстн. Золот.“ 1896 г. № 1 стр. 19.

[3]) „Вѣстн. Золот.“ 1896, № 22 стр. 406.

Въ засѣданіи томскаго горнозаводскаго присутствія 19 апрѣля 1896 г. обсуждался вопросъ объ изданіи обязательнаго постановленія о выдачѣ пріисковымъ рабочимъ винныхъ порцій. Изъ подвѣдомственныхъ томскому горному управленію окружныхъ инженеровъ двое высказались за безусловно обязательную для золотопромышленниковъ выдачу пріисковымъ рабочимъ винныхъ порцій, по мнѣнію же остальныхъ инженеровъ, выдача порцій не должна имѣть обязательнаго характера. Участвовавшій въ засѣданіи присутствія профессоръ томскаго университета по каѳедрѣ гигіены Судаковъ высказалъ, что необходимость алкоголя для организма человѣка не можетъ подлежать никакому сомнѣнію и что каждый удовлетворяетъ эту потребность, поглощая алкоголь въ потреблямыхъ ежедневно пищевыхъ веществахъ, содержащихъ извѣстное его количество. Тѣмъ не менѣе профессоръ Судаковъ не призналъ возможнымъ отнести спиртъ къ числу предметовъ первой необходимости, добавивъ, что безъ вреда потребленіе спирта въ формѣ напитковъ можетъ быть допускаемо въ весьма ограниченномъ количествѣ, норму котораго установить чрезвычайно трудно и только при условіи наивозможно совершенной очистки спирта отъ постороннихъ вредныхъ примѣсей. Далѣе при обсужденіи этого вопроса горнозаводское присутствіе нашло, что на всѣхъ золотыхъ пріискахъ (за исключеніемъ находящихся въ степныхъ областяхъ, гдѣ большинство рабочихъ киргизы-магометане, не употребляющіе спиртныхъ напитковъ по причинамъ религіознаго характера и вводящіе въ организмъ алкоголь въ видѣ приготовляемаго ими кумыса) безплатныя порціи вина по $^1/_{100}$ ведра выдаются рабочимъ на большей части пріисковъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю и только на очень незначительномъ числѣ пріисковъ однажды въ недѣлю. Поэтому горнозаводское присутствіе признало, что въ той мѣрѣ, въ какой, судя по заключенію проф. Судакова, алкоголь не можетъ имѣть разрушительнаго дѣйствія на здоровье человѣка, потребность пріисковыхъ рабочихъ въ спиртѣ удовлетворяется (?), слѣдовательно и не представляется неотложной надобности въ изданіи обязательнаго постановленія по этому предмету. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ *большинствомъ голосовъ*, причемъ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ, кто изъ членовъ горнозаводскаго присутствія находился въ этомъ засѣданіи (нужно помнить, что изъ шести членовъ присутствія—два золотопромышленника [1]).

Въ виду тяжелыхъ условій пріисковыхъ работъ, употребленіе вина является для рабочихъ непреодолимою потребностью, на что и обратила вниманіе сибирская администрація еще при генералъ-губернаторѣ Синельниковѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Настоятельность этой по-

[1]) „Вѣстн. Золот.“ 1896 г. № 10, стр. 211—212.

требности признана и въ проектѣ правилъ, составленномъ въ Иркутскѣ въ 1887 г. при участіи золотопромышленниковъ. Нѣкоторые врачи возражаютъ противъ выдачи вина рабочимъ, но на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ смотрѣть не съ теоретической только, а и съ практической точки зрѣнія. Такъ, наприм., многіе признаютъ куреніе вреднымъ,—отсюда не слѣдуетъ, однако, что рабочимъ слѣдуетъ запретить курить. Рабочій настолько привыкъ къ вину, что если ему не будутъ давать его, онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы добыть его тайно и, притомъ, за очень большія деньги или въ обмѣнъ на похищенное золото. Прежде этой потребности рабочихъ удовлетворяли преимущественно спиртоносы, теперь въ конкуренцію съ ними вступили и многіе золотопромышленники; нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣтаютъ такимъ образомъ не мало золота, похищеннаго рабочими сосѣднихъ пріисковъ: это на пріискахъ называется „мыть золото на деревянной бочкѣ“. Если русскій народъ вообще привыкъ къ вину, то при тяжелыхъ, утомительныхъ работахъ употребленіе его, какъ доказываютъ наблюденія современныхъ ученыхъ, является непреодолимою потребностью. Мы полагаемъ поэтому, что обязательная выдача вина необходима, тѣмъ болѣе, что и теперь пріисковымъ управленіямъ приходится считаться съ этою потребностью рабочихъ.

Въ виду этихъ соображеній, намъ кажется, слѣдуетъ установить обязательную выдачу вина на счетъ золотопромышленниковъ по 1 порціи (по $^1/_{100}$ ведра) всѣмъ рабочимъ, а горнорабочимъ и работающимъ въ водѣ, быть можетъ, возможно опредѣлить и по 2 порціи (не въ одно время), но только не по усмотрѣнію пріисковаго управленія, а обязательно, такъ какъ иначе выдача вина послужитъ въ рукахъ управленія стимуломъ къ непосильному увеличенію напряженности пріисковаго труда; при этомъ непьющимъ должна записываться въ разсчетный листъ соотвѣтственная стоимость винной порціи. Слѣдуетъ также установить, чтобы плата за „подъемное золото“ выдавалась на руки и не иначе, какъ деньгами, а не водкою, какъ это слошь и рядомъ дѣлается теперь.

3-го Іюня 1897 г. томское горнозаводское присутствіе издало обязательное постановленіе о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы на подвѣдомственныхъ томскому горному управленію золотыхъ промыслахъ для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ пріисковыхъ зданіяхъ.

Упомянемъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ правилъ. Для того, чтобы рабочіе во время работъ въ забоѣ не стояли въ грязи или въ водѣ, разрѣзъ долженъ осушаться или канавами, или водокачками. Въ случаѣ топкой глинистой почвы на мѣстахъ стоянія рабочихъ должно устраивать деревянныя подмостки. Въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочіе неизбѣжно должны стоять въ водѣ, золотопромышленникъ долженъ на свой счетъ снабжать ихъ на время работы непромокаемою

обувью (сагиры, кожаные чулки и пр.); если же будетъ постоянный притокъ воды въ видѣ струй и капель изъ вышележащихъ слоевъ, то забойщики должны быть снабжаемы кожаными куртками и фуражками. Въ такихъ мѣстахъ продолжительность рабочаго времени для этихъ рабочихъ не должна быть болѣе 8 часовъ въ сутки. Помѣщенія для рабочихъ должны быть свѣтлы, сухи и устраиваться съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждаго человѣка приходилось не менѣе $1^1/_2$ куб. саж., а въ семейныхъ помѣщеніяхъ не менѣе 3 куб. саж. на двухъ взрослыхъ и двухъ малолѣтнихъ до 12-лѣтняго возраста. Помѣщенія безсемейныхъ рабочихъ должны быть для мужчинъ и женщинъ отдѣльныя. Въ каждой комнатѣ не должно помѣщаться безсемейныхъ рабочихъ болѣе 15 человѣкъ. Для семейныхъ рабочихъ должны быть особыя помѣщенія, хотя бы и въ одномъ зданіи съ безсемейными, и притомъ по возможности отдѣльныя для каждой семьи. Для спанья должны быть койки длиною не менѣе $2^3/_4$ арш. и ширины 18 вер. Койки должны быть подъемныя. Полы должны быть деревянные двойные, а печи непремѣнно кирпичныя или глинобитныя. Желѣзныя печки допускаются только въ сушильняхъ для одежды и обуви. У дверей должны быть зимнія рамы. Въ каждой казармѣ должны быть крытый корридоръ или сѣни и особое помѣщеніе для сушки одежды и обуви, а кухни и прачешныя для стирки бѣлья слѣдуетъ непремѣнно имѣть отдѣльныя отъ жилыхъ помѣщеній. Стѣны жилыхъ помѣщеній для рабочихъ должны быть очищаемы, окрашиваемы или выбѣливаемы не менѣе одного раза въ годъ. Воздухъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ для рабочихъ долженъ быть освѣжаемъ посредствомъ форточекъ, каминовъ, печей, отдушинъ, вытяжныхъ трубъ, вентиляторовъ и т.-п. Отхожія мѣста должны быть устраиваемы вблизи жилыхъ помѣщеній для рабочихъ. При каждомъ пріискѣ должна быть устроена баня съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждый рабочій могъ вымыться не менѣе одного раза въ недѣлю, причемъ одновременно могло бы мыться не менѣе $^1/_{10}$ общаго числа рабочихъ и во всякомъ случаѣ не менѣе 10 человѣкъ [1]).

По словамъ бывшаго фабричнаго инспектора доктора Святловскаго, „современная гигіена требуетъ отъ здороваго помѣщенія для рабочаго... для взрослыхъ—25 куб. метровъ воздуха (800 куб. фут.)“, т. е. болѣе 2,3 куб. саж. на человѣка и половину этого количества для ребятъ до 10 лѣтъ [2]). Докторъ Крутовскій въ своемъ, не разъ цитированномъ нами, докладѣ говоритъ, что для пріисковыхъ рабочихъ „обязательно должны быть бани не менѣе двухъ разъ въ недѣлю для каждаго“. Слѣдовательно въ обязательномъ постановленіи томскаго горнозаводскаго присутствія 3-го іюня 1897 г. предъявлены золотопромышленникамъ умѣренныя требованія, а между тѣмъ золотопромышленники южно-енисейскаго округа недовольны этимъ постановленіемъ, и ихъ повѣренный Гудковъ (тотъ самый, который представилъ въ 1892 г. въ министерство

[1]) Дѣйствіе правилъ относительно жилищъ и бань не распространяется на золотые пріиски Тобольско-Акмолинскаго и Семипалатинско-Семирѣченскаго горныхъ округовъ. „Вѣстн. Золот.“ 1897, № 12, стр. 278—279. Въ 1896 г. на Сибирь было распространено дѣйствіе правилъ, изложенныхъ въ ст. 1—15 отд. I закона 22 февр. 1893 г. о порядкѣ производства горно-промышленниками подземныхъ работъ. „Вѣстн. Золот.“ 1893 г. № 3, стр. 45—47, 1898 г. № 1, стр. 16.

[2]) *Святловскій.* „Фабричный рабочій“, стр. 72.

государственныхъ имуществъ извѣстное намъ ходатайство) подалъ въ томское горное управленіе прошеніе на имя министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ объ отмѣнѣ обязательнаго постановленія 3-го іюня 1897 г. Горнозаводское присутствіе постановило представить это прошеніе по принадлежности съ объясненіемъ, что такъ какъ въ программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на мѣстныхъ съѣздахъ золотопромышленниковъ, созываемыхъ осенью и зимою 1897 г., входитъ вопросъ о выработкѣ типовъ помѣщеній для рабочихъ, больницъ и другихъ построекъ на золотыхъ пріискахъ, то до тѣхъ поръ, пока съѣзды золотопромышленниковъ не выскажутъ своихъ мнѣній по этимъ вопросамъ, измѣнять въ чемъ-либо обязательное постановленіе 3-го іюня было-бы преждевременно [1]).

Въ засѣданіи 10-го ноября 1897 г. томское горнозаводское присутствіе утвердило росписаніе предметовъ, которые могутъ быть допускаемы въ продажу рабочимъ изъ лавокъ (магазиновъ) на золотыхъ промыслахъ, подвѣдомственныхъ томскому горному управленію. Предметы, не поименованные въ этомъ росписаніи, не должны находиться въ пріисковыхъ лавкахъ и отпускаться рабочимъ ни въ счетъ заработка, ни на наличныя деньги [2]).

Когда утвержденное томскимъ горнозаводскимъ присутствіемъ росписаніе возбудило недоразумѣніе, почему рабочимъ нельзя продавать фамильный чай, крупчатку 1-го сорта и т. п., то присутствіе разъяснило, что промышленники, желающіе имѣть въ своемъ складѣ всевозможные товары и припасы, должны заручиться торговымъ свидѣтельствомъ на ихъ продажу. Впрочемъ въ засѣданіи 26-го марта 1897 г. томское горнозаводское присутствіе постановило: допустить къ продажѣ рабочимъ изъ промысловыхъ лавокъ байховый чай, табакъ II и III сорта, гильзы, папиросную бумагу, парусину и кожаныя перчатки [3]).

По поводу представленія горнаго исправника Алтайскаго округа, томское горное управленіе разъяснило, что золотопромышленники обязаны оказывать врачебную помощь рабочимъ золотничникамъ, нанятымъ подрядчиками [4]).

Въ засѣданіи 17-го ноября 1895 г. томскаго горнозаводскаго присутствія была утверждена табель денежныхъ взысканій, которыя могутъ быть налагаемы на рабочихъ завѣдующими промыслами.

---

[1]) „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 22, стр. 511. Съѣзды золотопромышленниковъ Ачинско-Минусинскаго и Южно-Енисейскаго горныхъ округовъ нашли обременительными для предпринимателей нѣкоторыя изъ требованій обязательнаго постановленія 3 іюня 1897 г., „Вѣстн. Золот.“ 1898 г. № 2, стр. 40—41, 43.

[2]) „Вѣстн. Золот.“ 1895 г. № 23, стр. 397, 411—412.

[3]) „Вѣстн. Золот.“ 1896 г. № 11, стр. 230, 1897 г. № 8, стр. 188.

[4]) „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 12, стр. 269.

За производство по небрежности недоброкачественныхъ матеріаловъ, порчу матеріаловъ, машинъ, сбруи и проч. и за всякую неисправную работу виновные подвергаются взысканію въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ свойству неисправности работы и степени причиненнаго вреда, не свыше каждый разъ 2 руб., кромѣ уплаты вознагражденія за убытокъ по суду, а въ случаѣ изувѣченія животнаго и наказанію по 153 ст. Уст. о наказ., налаг. миров. судьями. За прогулъ (т.-е. неявку на работу въ теченіе не менѣе половины дня) сверхъ удержанія заработной платы за все прогульное время виновные подвергаются взысканію соотвѣтственно заработной платѣ и количеству прогульнаго времени. Такъ, напримѣръ, за прогулъ половины дня получающіе мѣсячную или поденную плату подвергаются взысканію въ размѣрѣ четверти платы, причитающейся за день, а получающіе задѣльную плату—не свыше 25 к. Съ увеличеніемъ прогула взысканіе увеличивается и наконецъ за прогулъ 3-хъ и болѣе дней сряду оно производится въ размѣрѣ тройной платы, причитающейся въ день, а съ получающихъ задѣльную плату не свыше 3 руб. [1]). За несвоевременный выходъ на работу или самовольную отлучку съ нея въ теченіе менѣе половины рабочаго дня, кромѣ удержанія соотвѣтствующей пропущенному времени заработной платы, рабочіе подвергаются взысканію не свыше $^1/_8$ дневной платы или, при задѣльной платѣ, не болѣе 15 коп. За разные другіе проступки взысканіе налагается въ первый разъ отъ 20 к. до 1 р. 50 к.; въ третій разъ отъ 75 к. до 2 р. За неотработку уроковъ, сверхъ удержанія соотвѣтствующей платы, производится взысканіе: за неотработку менѣе половины дневного урока въ размѣрѣ $^1/_8$ платы, причитающейся въ день, или съ получающихъ задѣльную плату не свыше 15 к., а за неотработку $^3/_4$ дневного урока въ размѣрѣ полудневной платы или съ получающихъ задѣльное вознагражденіе не болѣе 50 к.

Взысканія, налагаемыя по этому росписанію, не должны превышать, согласно закону 1895 г., въ общей сложности $^1/_3$ заработка, дѣйствительно причитающагося къ выдачѣ рабочему къ установленному сроку расплаты, и должны быть удержаны при окончательномъ разсчетѣ изъ его заработка (Уст. о Промышл. ст. 148—149). Всѣ взысканія, наложенныя на рабочихъ (кромѣ ссыльно-поселенцевъ) поступаютъ въ капиталъ, предназначенный для вспомоществованія больнымъ и увѣчнымъ горнымъ рабочимъ, а взысканія съ рабочихъ и ссыльно поселенцевъ поступаютъ въ экономическій капиталъ ссыльныхъ [2]).

Таковы были административныя мѣры, принятыя томскимъ горнозаводскимъ присутствіемъ на основаніи закона 20 февраля 1895 г.,

---

[1]) На тѣхъ рабочихъ (машинистовъ и т. п.), отъ которыхъ, по роду исполняемыхъ ими обязанностей, находится въ зависимости безостановочное производство работъ другими рабочими, взысканіе можетъ быть налагаемо въ высшей каждый разъ мѣрѣ, именно въ размѣрѣ трехдневнаго заработка, хотя бы прогулъ былъ и не болѣе половины рабочаго дня.

[2]) „Вѣстн. Золот." 1895 г. № 24, стр. 426—427. Горный Совѣтъ при Горномъ Департ. 23 апрѣля 1897 г. постановилъ, что жалобы пріисковыхъ рабочихъ, касающіяся условія найма, заключеннаго по словесному договору, разрѣшаются окружными инженерами, а за отсутствіемъ ихъ—горными исправниками („Томск. Листокъ" 1897 г. № 204); но это уже установлено закономъ 1895 г.

иркутское-же горнозаводское присутствіе, образовавшееся позднѣе, еще не издало своихъ обязательныхъ постановленій. Что касается непосредственнаго вліянія закона 1895 г. на положеніе пріисковыхъ рабочихъ, то слѣдуетъ отмѣтить прежде всего переводъ ихъ на многихъ промыслахъ на свое содержаніе, о чемъ мы упоминали при описаніи олекминскихъ и амурскихъ промысловъ; то же явленіе замѣчается и на пріискахъ южно-енисейскаго округа, гдѣ многіе переводятъ рабочихъ на свое содержаніе, прибавляя къ обычной платѣ по 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Многіе золотопромышленники вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаютъ ввести задѣльную плату [1]). Въ Витимской системѣ Олекминскаго округа переводъ рабочихъ на ихъ собственное продовольствіе вредно отозвался на здоровьи рабочаго населенія, среди котораго стала свирѣпствовать цынга, вслѣдствіе чего нѣкоторыя компаніи намыли меньшее количество золота. На пріискахъ К° Промышленности, вѣроятно, вслѣдствіе дурного питанія, распространилась цынга, и рабочіе въ значительномъ количествѣ потребовали разсчета, такъ что управленіе К° нашло нужнымъ впослѣдствіи возвратиться къ прежней системѣ, т.-е. къ выдачѣ рабочимъ готоваго содержанія. Рабочіе Витимской системы могли быть недовольны новыми порядками и потому, что золотопромышленники къ прежней заработной платѣ прибавили стоимость содержанія только въ дни работъ, а прокормленіе во всѣ праздники легло новымъ бременемъ на бюджетъ рабочаго. Мы видѣли, что и въ Амурской области золотопромышленники мѣстами давали рабочимъ, при переводѣ ихъ съ хозяйскаго на свое содержаніе, недостаточное денежное вознагражденіе взамѣнъ пищеваго пайка. Можетъ быть, впрочемъ, со временемъ, при предложеніи болѣе соотвѣтственной интересамъ рабочихъ приплаты къ ихъ заработку, и привьется собственное продовольствіе рабочихъ, но пока такой порядокъ еще мало распространенъ. Естественнымъ послѣдствіемъ введенія такого порядка слѣдуетъ считать уничтоженіе торговой монополіи золотопромышленниковъ, т.-е. допущеніе въ тайгу вольныхъ торговцевъ.

Болѣе плодотворное значеніе имѣло установленіе большаго количества праздничныхъ дней, что вызываетъ мѣстами введеніе разумныхъ развлеченій для рабочихъ (спектакли, чтенія съ туманными картинами, устройство воскресныхъ школъ), но все это пока производится въ слишкомъ ничтожныхъ размѣрахъ.

Мы видѣли, что горное вѣдомство, при составленіи проекта закона 1895 г., въ концѣ концовъ отказалось отъ мысли о регулированіи продолжительности рабочаго дня. Но очень скоро стачки рабочихъ въ Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ показали, что необходимость такого регулированія является вопросомъ общегосударственнымъ,

[1]) „Восточн. Обозр.“ 1895 г. № 136.

и 2 іюня 1897 г. было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности, въ томъ числѣ и на золотыхъ промыслахъ. По этому закону дневное рабочее время не должно превышать $11^1/_2$ ч. въ сутки, а по субботамъ и въ кануны двунадесятыхъ праздниковъ—10 ч. Въ канунъ Рождества работы должны быть окончены не позже полудня. Для рабочихъ, занятыхъ, хотя бы отчасти, въ ночное время [1]), рабочее время не должно превышать 10 ч. въ сутки. При рудничныхъ работахъ время, употребляемое рабочимъ на спускъ въ рудникъ и на подъемъ изъ него, считается рабочимъ временемъ. Относительно праздниковъ и воскресныхъ дней на золотыхъ промыслахъ, какъ мы уже упоминали, было сохранено дѣйствіе ст. 28-ой закона 20 февраля 1895 г. Сверхурочною считается работа, производимая рабочимъ въ промышленномъ заведеніи въ такое время, когда, по правиламъ внутренняго распорядка (142 ст. Уст. о Промыш.), ему не полагается работы. Сверхурочныя работы допускаются не иначе, какъ по особому соглашенію завѣдующаго промышленнымъ заведеніемъ съ рабочими. Въ договорѣ найма могутъ быть включаемы условія только о такихъ сверхурочныхъ работахъ, которыя оказываются необходимыми по техническимъ условіямъ производства. Подлежащимъ министрамъ, по соглашеніямъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставлено право: 1) издавать подробныя правила и инструкціи о распредѣленіи рабочаго времени вообще и для отдѣльныхъ отраслей промышленности въ частности (о продолжительности работы, о порядкѣ смѣнъ, о числѣ комплектовъ, о перерывахъ и т. п.), а также о производствѣ, распредѣленіи и учетѣ сверхурочныхъ работъ; 2) допускать, когда это будетъ признано необходимымъ, по свойству производства (непрерывность и проч). или по свойству работъ (уходъ за паровыми котлами, приводами, ремонтъ текущій и экстренный и т. п.) и въ другихъ особо важныхъ и исключительныхъ случаяхъ отступленія отъ требованій настоящаго узаконенія, въ смыслѣ усиленія этихъ требованій *или уменьшенія ихъ*, для отдѣльныхъ отраслей промышленности или отдѣльныхъ заведеній и разрядовъ рабочихъ, а также издавать правила, при исполненіи которыхъ допускаются эти отступленія, и 3) издавать правила о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ производствахъ и работахъ, особенно вредныхъ для здоровья рабочихъ, съ *уменьшеніемъ* установленной продолжительности рабочаго времени въ зависимости отъ свойственнаго этимъ производствамъ и работамъ вреда и отъ мѣръ предосторожности,

[1]) Ночнымъ временемъ на золотыхъ промыслахъ считается весною и лѣтомъ время отъ 9 ч. веч. до 5 ч. утра, а осенью и зимою между 6 ч. веч. и 6 ч. утра (ст. 29 закона 20 февраля 1895 г.).

которыя приняты къ его ослабленію. Надзоръ за исполненіемъ этого узаконенія на золотыхъ промыслахъ и изданныхъ на основаніи его правилъ возлагается на чиновъ горной инспекціи [1]).

8 декабря 1897 г. министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ утвердилъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, правила о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени на горныхъ заводахъ и промыслахъ и инструкцію по этому предмету чинамъ горнаго надзора, которыя представляютъ повтореніе, съ соотвѣтственными измѣненіями, правилъ относительно заведеній фабрично-заводской промышленности и инструкціи чинамъ фабричной инспекціи, утвержденныхъ министромъ финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ 20 сентября 1897 г. Мы остановимся только на тѣхъ правилахъ, которыя могутъ имѣть примѣненіе на золотыхъ промыслахъ.

При числѣ рабочихъ часовъ въ сутки болѣе 10-ти, для каждаго рабочаго долженъ быть установленъ, по крайней мѣрѣ, одинъ свободный перерывъ, продолжительностью не менѣе 1 ч., въ зависимости отъ условій производства и вообще отъ мѣстныхъ условій. Рабочему должна быть предоставлена возможность принятія пищи не рѣже, какъ черезъ каждые 6 ч. Если продолжительность рабочаго времени между двумя свободными перерывами превышаетъ 6 ч., то рабочему должна быть предоставлена возможность принятія пищи въ теченіе рабочаго времени, при чемъ въ правилахъ внутренняго распорядка должно быть обозначено мѣсто пріема пищи.

Отступленія отъ правилъ относительно продолжительности работъ и праздничныхъ дней допускаются при работахъ непрерывныхъ. Изъ приложеннаго къ правиламъ перечня непрерывныхъ работъ можно отнести къ золотымъ промысламъ: поддержаніе вентиляціи, водоотлива и осушенія въ горныхъ выработкахъ, углубленіе шахтъ и вообще подземныя работы въ плывучихъ, сыпучихъ и угрожающихъ обваломъ породахъ, а также службу сторожей. На такихъ работахъ общее число рабочихъ часовъ въ теченіе двухъ послѣдовательныхъ сутокъ не должно превосходить для каждаго рабочаго вообще 24, въ теченіе же тѣхъ двухъ сутокъ, на которыя приходится ломка смѣнъ,—30. Въ инструкціи пояснено относительно непрерывныхъ работъ, что при двухкомплектной работѣ есть возможность сдѣлать такое росписаніе, при которомъ комплекты „мѣняются черезъ каждые 8 ч., что, при многихъ условіяхъ, удобнѣе какъ для нанимателей, такъ и для рабочихъ (?). Въ этомъ случаѣ каждому рабочему одни сутки приходится отработать *16 ч.* (съ перерывомъ въ 8 ч.), а въ слѣдующія сутки 8 ч., при чемъ время смѣнъ можетъ быть выбрано такъ, что ежесуточно каждому рабочему на отдыхъ предоставляется *часть ночи (то первая ея половина, то вторая)*. При ломкѣ смѣнъ, въ непрерывныхъ работахъ, допускается даже норма въ 30 ч. въ двое сутокъ (въ однѣ сутки 12, въ другія 18 ч.!). „При слѣдующей ломкѣ эти проработанные комплектомъ сверхъ нормы 6 ч. должны возмѣщаться лишними 6 ч. отдыха“. Такимъ образомъ министры земледѣлія, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ нашли нужнымъ сдѣлать для непрерывныхъ работъ весьма существенное отступленіе отъ общей нормы продолжительности рабочаго времени, установлен-

[1]) „Новое Время“ 1897 г. 14 іюня, № 7648; „Вѣстн. Золот.“ 1897 г., № 14, стр. 319—320.

ной закономъ 2 іюня 1897 г. въ 11½ ч. для дневныхъ и въ 10 ч. для работъ, приходящихся хотя бы отчасти на ночное время. Въ Швейцаріи можетъ быть дозволена ночная работа въ непрерывныхъ производствахъ, но при этомъ не допускается отступленія отъ 11-часовой нормы. Къ счастью непрерывныя работы на золотыхъ промыслахъ могутъ быть явленіемъ рѣдкимъ.

Отступленія отъ правилъ относительно продолжительности работъ и праздничныхъ дней могутъ быть допущены также: для а) рабочихъ, занятыхъ работами вспомогательными при различныхъ производствахъ, какъ-то: текущимъ ремонтомъ, уходомъ за котлами, двигателями и приводами, отопленіемъ, водоснабженіемъ, водоотливомъ, вентиляціею и освѣщеніемъ горныхъ выработокъ, сторожевою и пожарною службою; б) старшихъ рабочихъ въ забояхъ, проводимыхъ со взрывчатыми веществами, работъ по оттаиванью забоевъ, по окончательной смывкѣ на вашгердахъ золота и платины; в) относительно экстренныхъ работъ въ случаѣ пожаровъ, обваловъ и т. п. [1]).

Относительно сверхурочныхъ работъ въ законѣ 2 іюня 1897 г. сказано, что въ договоръ найма могутъ быть включаемы условія только о такихъ сверхурочныхъ работахъ, *которыя оказываются необходимыми по техническимъ условіямъ производства,* а въ правилахъ пояснено, что необходимыми по этой причинѣ работами признаются лишь тѣ, которыя „вызываются исключительно случайными и притомъ зависящими отъ свойствъ самаго производства отклоненіями отъ нормальнаго его хода. Онѣ могутъ быть признаны обязательными для рабочихъ лишь тогда, когда въ правилахъ внутренняго распорядка указаны случаи, при которыхъ работы эти должны имѣть мѣсто, а въ расцѣнкахъ, тарифахъ и т. п. означены остальныя условія ихъ производства". Число сверхурочныхъ часовъ каждаго рабочаго не должно превосходить 120 въ годъ, *причемъ въ это число не включаются часы, проведенные на сверхурочныхъ работахъ, обязательныхъ для рабочаго по договору о наймѣ,* и экстренныхъ работъ, вызванныхъ какою либо непредвидѣнною случайностью. Слѣдовательно, сверхурочныя работы могутъ быть: включенныя въ договоръ, продолжительность которыхъ не ограничена закономъ, и не включенныя въ договоръ, число часовъ которыхъ не должно превосходить 120-ти [2]). Завѣдующій горнымъ промысломъ обязанъ вести точный учетъ всѣмъ сверхурочнымъ работамъ [3]).

---

[1]) Министромъ государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, могутъ быть допускаемы отступленія отъ постановленій о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени и въ другихъ особо важныхъ, исключительныхъ случаяхъ для отдѣльныхъ отраслей горной промышленности или отдѣльныхъ промысловъ и разрядовъ рабочихъ.

[2]) Въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, циркуляромъ министра отъ 14 марта 1898 г. допущено производство сверхурочныхъ работъ по соглашенію сторонъ безъ всякихъ ограниченій относительно ихъ продолжительности, и такимъ образомъ рабочій день можетъ быть значительно удлиняемъ сверхъ установленной въ законѣ мѣры. „Русскія Вѣдом." 1898 г., № 87; „Нов. Время" 1898 г., № 7931.

[3]) „Извѣстія министерства земледѣлія и государств. имущ." 1898 г., №№ 1 и 2.

Весьма серьезный недостатокъ закона 2 іюня 1897 г. состоитъ въ назначеніи слишкомъ большой продолжительности рабочаго дня, которая можетъ быть еще болѣе увеличена допущеніемъ сверхурочныхъ работъ. Мы видѣли (см. т. I), что именно посредствомъ сверхурочныхъ старательскихъ работъ за повышенное вознагражденіе рабочій день на золотыхъ промыслахъ достигъ чрезмѣрной продолжительности [1]).

Главное зло современной пріисковой жизни состоитъ въ чрезмѣрномъ количествѣ труда горнорабочихъ, что отражается самыми вредными послѣдствіями на ихъ здоровьѣ. На открытомъ воздухѣ, въ такъ называемыхъ „разрѣзахъ", рабочіе подвергаются всевозможнымъ перемѣнамъ погоды и часто страдаютъ отъ холода и сырости, а въ подземныхъ шахтахъ работаютъ въ спертомъ воздухѣ и весьма нерѣдко также въ сырости. Всего тяжелѣе работа въ забоѣ, гдѣ рабочій (забойщикъ) отбиваетъ кайлою землю (золотоносный пластъ или прикрывающій его торфъ, т.-е. незолотоносную породу). Какъ вредно отражается такая работа на здоровьѣ рабочихъ, мы видѣли изъ изслѣдованія красноярскаго врача В. М. Крутовскаго. Законъ 2 іюня 1897 г. слишкомъ недостаточно ограждаетъ въ этомъ отношеніи интересы трудящагося класса. Огромная важность вопроса о законодательномъ регулированіи продолжительности рабочаго дня заставляетъ насъ остановиться на немъ съ особеннымъ вниманіемъ.

Прежде всего замѣтимъ, что правильное регулированіе продолжительности рабочаго времени на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ особенно важно въ такой странѣ, какъ Россія, законодательство которой не даетъ возможности рабочимъ самимъ защищаться отъ эксплоатаціи. Въ Западной Европѣ рабочіе имѣютъ право организовать союзы для своей защиты, могутъ устраивать стачки, у насъ же это закономъ не дозволяется и устройство стачки разсматривается какъ уголовное преступленіе. При той силѣ, какую имѣютъ рабочіе союзы, напримѣръ, въ Англіи, законодательство можетъ даже отставать отъ явленій дѣйствительной жизни: такъ еще не принятъ билль о 8-ми-часовомъ рабочемъ днѣ, а, между тѣмъ, уже въ нѣкоторыхъ угольныхъ копяхъ забойщики работаютъ лишь по $6—7^1/_2$ часовъ. У насъ совершенно иныя условія: если законодательство препятствуетъ развитію самодѣятельности рабочихъ, то, значитъ, оно должно взять на себя защиту ихъ интересовъ.

На Западѣ законы объ охраненіи женщинъ и дѣтей, занятыхъ промышленнымъ трудомъ, предшествовали законодательной охранѣ взрослыхъ рабочихъ мужчинъ: предполагалось, подъ вліяніемъ экономистовъ

---

[1]) Лучшія статьи о законѣ 2 іюня 1897 г. принадлежатъ г. *П. Б.* въ „Новомъ Словѣ" 1897 г., іюль и *Н. Ѳ. Анненскому* въ „Русскомъ Богатствѣ" 1897 г., № 10.

школы Адама Смита, что взрослые рабочіе съумѣютъ сами охранять себя, пока, наконецъ, и тамъ не была признана ошибочность этой мысли. Русскому законодательству, напротивъ, издавна не былъ чуждъ принципъ охраны и взрослыхъ рабочихъ. По адмиралтейскому регламенту 1722 г. (5 апрѣля), продолжительность рабочаго дня съ 10 марта по 16 сентября была опредѣлена въ $12^1/_2$—13 часовъ, а въ остальное время года начало работы было назначено за часъ до восхода солнца и окончаніе ея—часъ послѣ захода съ 2 часами отдыха [1]). Грамотою городамъ 1785 г. былъ установленъ для ремесленниковъ даже 10-ти-часовой рабочій день: съ 6 часовъ утра до 6 час. веч., исключая полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ и отдыхъ. По положенію о частной золотопромышленности 1838 г. опредѣленъ былъ maximum рабочаго дня въ 15 часовъ, со включеніемъ обѣденнаго отдыха. Норма эта была непомѣрна велика, особенно при отсутствіи опредѣленія продолжительности отдыха, но, все-таки, нельзя не пожалѣть, что составители закона о частной золотопромышленности 1870 г., вмѣсто того, чтобы значительно уменьшить максимальную продолжительность рабочаго дня на пріискахъ, предпочли вовсе отказаться отъ нормированія рабочаго дня. Какъ уже было указано, лица, составлявшія въ Иркутскѣ первыя двѣ редакціи проекта правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, возвратились къ опредѣленію продолжительности рабочаго дня взрослыхъ, хотя и приняли слишкомъ повышенную норму. При дальнѣйшемъ обсужденіи проекта этого закона, представители сибирской горной администраціи высказались неодинаково: одни за 12-ти-часовой, другіе—за 10-ти-часовой рабочій день [2]).

Иркутскій генералъ-губернаторъ находилъ „совершенно необходимымъ число рабочихъ часовъ въ сутки въ *горныхъ* пріисковыхъ работахъ ограничить 12-ю, *считая въ томъ числѣ* 3 часа на завтракъ, обѣдъ съ отдыхомъ и послѣобѣденный чай“, т.-е. полагалъ „совершенно необходимымъ“ установить для горныхъ работъ 9-ти-часовой рабочій день. Степной генералъ-губернаторъ также высказался за опредѣленіе числа часовъ работы пріисковыхъ рабочихъ въ размѣрѣ 12, „*включая* въ это число время на чай и обѣдъ“, т.-е. также въ пользу установленія 9 или 10-ти-часового рабочаго дня. Къ этимъ заявленіямъ оффи-

---

[1]) Въ царствованіе императора Александра I въ 1803—1804 гг. относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фабрикъ (казенныхъ и поссессіонныхъ) правительство устанавливало 12-ти-часовой рабочій день.

[2]) Горный инженеръ Яцевичъ высказался за то, что „никакой урокъ не можетъ быть разсчитываемъ больше, чѣмъ на 10 часовъ непрерывной работы по даннымъ справочныхъ книжекъ и рабочихъ положеній“ („Вѣсти. Золотопром.“ 1892 г., № 13, стр. 175). Теоретически томскій окружный инженеръ Реутовскій въ редактируемомъ ими „Вѣстникѣ Золотопромышленности“ высказался даже за 8-ми-часовой рабочій день.

ціальныхъ лицъ слѣдуетъ присоединить еще выводъ красноярскаго врача Крутовскаго изъ упомянутаго уже нами доклада его обществу енисейскихъ врачей о вліяніи условій жизни и работы на золотыхъ промыслахъ на физическое здоровье рабочихъ: „Продолжительность рабочаго дня очень велика и произвольна. *Необходимо ограничить рабочій день тахітит 8 часами*“ [1]).

Такимъ образомъ, уже многія лица изъ горной и общей администраціи сознаютъ необходимость сокращенія рабочаго дня до 9—10 часовъ, а врачи стоятъ за 8-ми-часовой рабочій день. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что, быть можетъ, возможно выдѣлить изъ пріисковыхъ работъ собственно горныя (какъ подъ землею, такъ и въ открытыхъ разрѣзахъ). Для такихъ работъ, какъ дѣйствительно крайне истощающихъ силы рабочихъ, слѣдовало бы назначить рабочій день въ 8 часовъ работы, за исключеніемъ времени отдыха (съ тѣмъ, чтобы работа продолжалась непрерывно не болѣе 4—4½ час. и отдыхъ былъ бы не менѣе 2 час.), а для остальныхъ работъ (различныхъ мастеровыхъ и проч.) можно было бы назначить 9-ти- или максимально 10-ти-часовой рабочій день. У насъ защита рабочаго законодательнымъ путемъ особенно необходима, потому что, какъ мы уже замѣтили, наши законы не даютъ возможности рабочимъ собственными силами (путемъ стачекъ и проч.) защищаться отъ эксплоатаціи со стороны капиталистовъ.

Въ Западной Европѣ законодательство нерѣдко значительно отстаетъ отъ дѣйствительной жизни. Такъ, напримѣръ по австрійскому закону 21 іюня 1884 года, въ копяхъ рабочее время не должно превышать 10-ти часовъ, а, между тѣмъ, въ большинствѣ венгерскихъ рудниковъ и на казенныхъ рудникахъ въ Богеміи существуетъ 8-ми-часовой рабочій день. Въ Германіи хотя закономъ 11-ти-часовой рабочій день установленъ только для женщинъ [2]), въ дѣйствительности германскіе рудокопы работаютъ по большей части 8—10 часовъ [3]). Во Франціи хотя нѣтъ другого закона, регулирующаго работу взрослыхъ рабочихъ муж. п., кромѣ устарѣлаго фабричнаго закона 1848 г. о 12-ти-часовомъ рабочемъ днѣ, во многихъ производствахъ рабочій день гораздо короче. Въ Италіи, въ странѣ весьма отсталой въ дѣлѣ фабричнаго законода-

---

[1]) Для сравненія упомянемъ, что извѣстный врачъ и бывшій фабричный инспекторъ Святловскій въ своей книгѣ „Фабричный рабочій“ говоритъ, что на ткацкихъ фабрикахъ необходимо сократить рабочій день, по крайней мѣрѣ, до 8 час. въ сутки (стр. 214), а на сахарныхъ заводахъ предлагаетъ (стр. 198) установить даже maximum—6 часовъ работы.

[2]) Въ 1896 г. союзный совѣтъ установилъ максимальное рабочее время и для взрослыхъ рабочихъ въ булочныхъ и кондитерскихъ.

[3]) *Rost*, Der achtstündige Normalarbeitstag. 1896, S. 64—65; *Веббъ* и *Коксъ*. „Восьмичасовой рабочій день“, стр. 259, 77 и 74.

тельства, продолжительность дѣйствительнаго труда въ горныхъ работахъ равняется 7—10 часамъ. Въ Англіи еще не изданъ законъ о 8-ми-часовомъ днѣ [1]), между тѣмъ въ копяхъ многіе рудокопы работаютъ 8 часовъ, а нѣкоторые 6—7½ часовъ, и, притомъ, въ Нортумберландѣ и Дургамѣ 8-ми-часовой день не былъ выработанъ рабочими союзами, а „добровольно установленъ хозяевами"; для забойщиковъ же, составляющихъ тамъ около 70% всѣхъ лицъ, работающихъ подъ землею, полный рабочій день равняется приблизительно 7 часамъ со времени оставленія „берега" (отверстія шахты) и до возвращенія, а у „фаса" они работаютъ не болѣе 6 часовъ [2]). Въ Америкѣ въ нѣсколькихъ штатахъ изданы законы о 8-ми-часовомъ, въ другихъ о 10-ти-часовомъ рабочемъ днѣ для взрослыхъ мужчинъ (хотя по взаимному соглашенію дозволяется устанавливать и большую продолжительность рабочаго дня), а во всѣхъ правительственныхъ мастерскихъ, по закону 1 августа 1892 г., введенъ 8-ми-часовой рабочій день. Наконецъ, въ Австраліи установленіе законодательнымъ путемъ 8-ми-часового рабочаго дня оказалось ненужнымъ, такъ какъ онъ уже почти вездѣ существуетъ въ дѣйствительности (въ Викторіи уже съ 1856 г.); впрочемъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Австраліи въ нѣкоторыхъ производствахъ 8-ми-часовой рабочій день установленъ и закономъ, напр., въ Викторіи для горнорабочихъ, работающихъ подъ землею [3]).

Законодательному сокращенію рабочаго дня во многихъ странахъ противились капиталисты изъ опасенія сокращенія производства. Но опытъ показалъ, что эти опасенія не всегда основательны. Англійскій военный министръ рѣшился сократить рабочій день въ мастерскихъ военнаго вѣдомства не столько вслѣдствіе настояній делегатовъ рабочихъ, сколько потому, что произведенные опыты привели его къ убѣжденію, что сокращеніе рабочаго дня до 8 часовъ повліяло на количество работы очень мало, зато оказало замѣтное вліяніе на ея качество [4]). Одинъ швейцарскій фабричный инспекторъ, на основаніи фабричныхъ книгъ, вычислилъ, что при 12-ти-часовомъ рабочемъ днѣ

---

[1]) Впрочемъ во всѣхъ мастерскихъ военнаго и морского вѣдомства число рабочихъ часовъ сокращено до 48 въ недѣлю, при томъ безъ пониженія рабочей платы. *Rae*. Der Achtstunden-Arbeitstag, 1897, S. 55—56; *Rost*, 31—32. У насъ въ техническихъ заведеніяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи военнаго министерства, административнымъ порядкомъ установленъ 10-часовой рабочій день. „Новое Слово", 1897 г. Іюль, стр. 218. Относительно внесенія въ парламентъ билля о 8-часовомъ рабочемъ днѣ для горнорабочихъ см. *Rost*, 202.

[2]) *Conrad* und *Lexis*. Handwörterbuch der Staatswissenschaften", 1890, I, 771, 778, ср. *Rost*, 157—160, 167.

[3]) *Rost*, Der achtstündige Normalarbeitstag, 1896, S. 41, 48, 54, *Rae*, 212—256.

[4]) Срав. болѣе раннія наблюденія въ Англіи о томъ, что сокращеніе рабочаго дня увеличиваетъ производительность рабочихъ въ копяхъ у *Rost*'а, S. 89.

вырабатывалось въ сутки на каждыя 1,000 веретенъ 372 килограмма пряжи, а при 11-ти-часовомъ днѣ, при тѣхъ же машинахъ, на той же фабрикѣ стало вырабатываться 388 килограммовъ, слѣдовательно, въ болѣе короткій день вырабатывалось бо́льшее количество пряжи. На другой фабрикѣ при 12-ти-часовомъ днѣ рабочій зарабатывалъ, получая задѣльную плату, 203 франка, а при 11-ти-часовомъ на тѣхъ же условіяхъ сталъ зарабатывать 223 фр. [1]). Это для многихъ становится настолько очевиднымъ, что нѣкоторые фабриканты начинаютъ сами сокращать количество рабочихъ часовъ, и, притомъ, не только въ Западной Европѣ, но и въ Россіи [2]).

Въ собраніи 9 февраля 1894 г. Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ былъ прочитанъ выработанный лодзинскимъ отдѣленіемъ, по порученію общества, проектъ законодательной нормировки рабочаго времени на фабрикахъ Россіи. Убѣдившись на основаніи собранныхъ фактовъ, что производительность труда усиливается вслѣдствіе сокращенія рабочаго дня, лодзинское отдѣленіе просило ходатайствовать о слѣдующемъ законодательномъ ограниченіи рабочаго времени въ Россіи: 1) ночная работа съ 10 ч. веч. до 4 ч. утра запрещается на заводахъ, фабрикахъ и т. п. за исключеніемъ тѣхъ, которые, по характеру своего производства, должны необходимо вести работу безъ всякихъ перерывовъ (какъ, наприм., доменныя печи, сахарные, винокуренные, пивоваренные, стеклоплавильные, газовые и т. п. заводы); 2) максимальная продолжительность дневной работы ограничивается для одной смѣны рабочихъ: а) въ копяхъ металловъ, каменнаго угля и вообще въ подземныхъ пространствахъ 10-ю часами въ сутки; б) въ фабрикахъ желѣзныхъ, стальныхъ и вообще металлическихъ издѣлій 11-ю часами въ сутки и в) во всѣхъ прочихъ промышленныхъ заведе-

---

[1]) *Rosi*, 93, срав. 95, 108—109.

[2]) Восьмичасовой рабочій день введенъ у насъ: на одномъ металлическомъ заводѣ Рязанской губ. и одной писчебумажной фабрикѣ Тверской губ. (см. ст. *Карышева* въ Русск. Богат." 1897, № 10, стр. 19), на Добрушской писчебумажной фабрикѣ кн. Паскевича, Гомельскаго у. Могилевской губ. (см. брошюру г. *Стульгинскаго*), на писчебумажной фабрикѣ Дитятковскаго Т-ва въ Кіевской губ.; на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ Привислянскаго края, на подмосковной фабрикѣ Бари („Лучъ", 1896 г. № 53), на Успенской писчебумажной фабрикѣ А. Щербакова („Степной Край", 1897 г. № 137), на нефтяныхъ промыслахъ Бекендорфа въ Баку („Томскій Листокъ", 1896 г. № 258), въ двухъ отдѣленіяхъ Днѣпровскаго металлургическаго завода (при чемъ посуточная плата оставлена безъ измѣненія, „Вост. Обозр." 1897 г. № 100), въ г. Борисоглѣбскѣ на паровыхъ мельницахъ („Сибир. Жизнь", 1898 г. № 16). Въ Златоустѣ горнозаводское товарищество рабочихъ записало въ протоколъ просьбу о введеніи трехъ 8-часовыхъ смѣнъ вмѣсто двухъ 12-часовыхъ. „Вост. Обозр." 1897 г. № 149. О результатахъ сокращенія рабочаго дня въ Россіи см. ст. *Карышева* въ „Русскомъ Богатствѣ", 1897 г. № 10, стр. 16—22.

ніяхъ 12-ю часами въ сутки, съ обязательнымъ перерывомъ, по крайней мѣрѣ, на 1 часъ для обѣда. Въ тѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, владѣльцы которыхъ, несмотря на отсутствіе необходимости непрерывнаго хода производства, желали бы вести его долѣе 12 часовъ въ день въ 2 смѣны рабочихъ, работа каждой смѣны не можетъ превышать 9 часовъ въ сутки въ предѣлахъ времени отъ 4 часовъ утра до 10 часовъ вечера. Если бы опытъ подтвердилъ полезность этой мѣры, то черезъ 5 лѣтъ желательно дальнѣйшее сокращеніе рабочаго дня каждой изъ 3-хъ категорій промышленныхъ заведеній еще на 1 часъ. Общество для содѣйствія промышленности и торговлѣ весьма сочувственно отнеслось къ этой запискѣ и передало ее на разсмотрѣніе московскаго и варшавскаго отдѣленій общества и конторы жалѣзозаводчиковъ [1]). Нельзя не признать нормъ продолжительности рабочаго дня, предложенныхъ лодзинскимъ отдѣленіемъ общества для содѣйствія промышленности и торговли, слишкомъ высокими. Это отдѣленіе тѣмъ болѣе могло бы предложить низшія нормы, что средняя продолжительность рабочаго дня въ Царствѣ Польскомъ равняется 11 часамъ, на заводахъ металлическихъ издѣлій $10^1/_2$ ч. (дневной работы), а на стеклянныхъ заводахъ даже $9^1/_4$ час. [2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ пожалѣть, что въ законѣ 1897 г. не было опредѣлено разныхъ нормъ продолжительности рабочаго дня для разныхъ производствъ, какъ это предлагали лодзинскіе фабриканты.

Въ трудѣ Брентано [3]) множествомъ цифровыхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ практическихъ наблюденій, доказывается возрастаніе производительности труда отъ сокращенія продолжительности рабочаго дня. Въ еще большемъ размѣрѣ это сдѣлано въ трудѣ о работѣ и заработной платѣ знаменитыхъ инженеровъ-строителей Брассей, имѣвшихъ случай дѣлать наблюденія весьма крупныхъ размѣровъ въ различныхъ странахъ [4]). Въ Австріи законодательное сокращеніе фабричнаго труда взрослыхъ рабочихъ не только не вызвало сокращенія количества продуктовъ, но даже нѣсколько увеличило его. По заявленію президента корпораціи рудокоповъ въ Германіи, рабочіе въ копяхъ добывали наибольшее количество продукта при 8-ми-часовомъ рабочемъ днѣ. Увеличеніе продолжительности рабочаго дня можетъ усилить производительность въ теченіе 3-хъ или 4-хъ недѣль, послѣ которыхъ производство

---

[1]) „Новое Время“ 1894 г., № 6450. О дальнѣйшемъ ходѣ дѣла см. „Рус. Вѣд.“ 1897 г. №№ 300, 314, 326.

[2]) „Отчетъ И. И. Янжула по изслѣдованію фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ“, Спб. 1888 г., стр. 41, прилож., стр. 94.

[3]) Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung, 1 изд. 1877 г., 2 изд. 1893 г.

[4]) *Brassey.* „Work and Wages“, 1-е изд. 1872 г.

возвращается къ нормальному уровню и для 10-ти-часовой работы остается такимъ же, какъ и для 8-ми-часовой [1]). Такимъ образомъ, дальнѣйшее сокращеніе рабочаго дня можетъ вовсе не сопровождаться даже сокращеніемъ добываемаго продукта, а между тѣмъ, какъ важно это сокращеніе для здоровья рабочихъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта. Англійскій союзъ машиностроителей ведетъ аккуратную статистику смертности своихъ членовъ, которая показываетъ, что средняя продолжительность жизни членовъ союза прежде была $38^1/_2$ лѣтъ для мужчины и $37^1/_2$ лѣтъ для женщины. Въ 1872 г. машиностроители добились сокращенія своего рабочаго дня до 9 часовъ, и съ тѣхъ поръ средняя продолжительность жизни находится въ постоянномъ возрастаніи и въ 1889 г. дошла до $48^1/_2$ лѣтъ [2]). Какъ вредно вліяетъ на рабочихъ тяжелый пріисковый трудъ, всего лучше видно изъ вышеупомянутаго доклада доктора Крутовскаго. Наконецъ, замѣтимъ, что физически измученный рабочій болѣе склоненъ къ пьянству [3]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что дальнѣйшее уменьшеніе продолжительности рабочаго дня на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ самымъ настоятельнымъ образомъ вызывается необходимостью охраненія жизни и здоровья рабочаго класса и что оно можетъ вовсе не сопровождаться уменьшеніемъ добываемаго продукта; но если бы для добычи того же количества золота и потребовалось нѣкоторое увеличеніе числа рабочихъ, то золотопромышленникамъ есть изъ чего произвести такое увеличеніе [4]). При большихъ доходахъ и при оборотахъ въ сотни

---

[1]) См. *Веббъ* и *Коксъ*, стр. 116—119, 122—123, 169. По отчетамъ швейцарскихъ фабричныхъ инспекторовъ за 1890 и 1891 г., фабриканты въ очень многихъ производствахъ, уступая требованіямъ рабочихъ, сократили рабочій день до 10 часовъ (вмѣсто установленныхъ закономъ 11 час.), и при этомъ многіе изъ нихъ заявляютъ, что не только не видно разницы между прежнимъ 11-ти-часовымъ и теперешнимъ 10-ти-часовымъ рабочимъ днемъ, но что болѣе короткій день, пожалуй, даже выгоднѣе („Русскія Вѣдомости“ 1893 г., № 238).

[2]) *Гольденвейзеръ*. „Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи“, 1891 г., стр. 162.

[3]) Срав. *Веббъ* и *Коксъ*, стр. 174, и статью *Манассеиной* „Объ усталости“ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1893 г., № 5, стр. 141—142.

[4]) О доходахъ золотопромышленниковъ см. выше во II т. нашего труда, стр. 142—145, 324—325, 517. Г. Герасимовъ сдѣлалъ попытку приблизительнаго вычисленія прибылей отъ золотопромышленности въ 1891 г. По разсчету, произведенному на основаніи приведенныхъ имъ данныхъ, средняя прибыль, за вычетомъ подати натурою, равнялась на промыслахъ Забайкальской области 24%, въ Якутской области 29%, въ Амурской и Приморской областяхъ 49%. „Труды коммиссіи, Высочайше учрежденной для собранія и разработки свѣдѣній о сибирской золотопромышленности“. Спб. 1896 г. Записка горн. инж. *Герасимова* „Сибирская золотопромышленность въ 1884 и 1891 годахъ“, стр. 25—26. Изъ данныхъ приведенныхъ въ оффиціальномъ проектѣ А. А. Штофа главныхъ основаній обложенія золотой и платиновой промышленности (1897 г.),

тысячъ, а нѣкоторыя изъ этихъ компаній и въ милліоны рублей, золотопромышленники могли бы произвести и лишнія затраты, если бы потребовалось нѣкоторое увеличеніе контингента рабочихъ. Но сокращеніе рабочаго дня можетъ вызвать, вмѣсто увеличенія числа рабочихъ, лишь улучшеніе техники, а это могло бы содѣйствовать значительному увеличенію количества добываемато золота. Если возразятъ, что не все посильное для крупныхъ компаній возможно для болѣе мелкихъ [1]), то мы отвѣтимъ, что не будемъ очень скорбѣть, если мелкіе хозяева-золотопромышленники, особенно эксплоатирующіе рабочихъ, и совсѣмъ исчезнутъ и будутъ замѣнены артелями самихъ рабочихъ. Нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ округахъ болѣе трети пріисковъ разрабатывается артелями золотничниковъ [2]), и слѣдуетъ признать необходимымъ оказать содѣйствіе производительнымъ артелямъ промысловыхъ рабочихъ: когда они явятся хозяевами своего дѣла, имъ не будетъ причины утаивать золото, и хищничество въ золотопромышленности значительно уменьшится.

Такъ какъ напряженность труда при уменьшеніи количества рабочихъ часовъ возрастаетъ, то общая производительность его можетъ не уменьшиться, или уменьшится незначительно, и, слѣдовательно, нѣтъ основанія опасаться значительнаго уменьшенія рабочей платы, а если бы эта плата нѣсколько и уменьшилась, то это выкупается сбереженіемъ силъ и здоровья рабочихъ; но при сокращеніи рабочаго времени возможно, какъ мы видѣли, и увеличеніе заработковъ рабочихъ [3]). Нѣтъ основанія думать, что рабочіе могутъ быть противъ закона, еще болѣе ограничивающаго количество рабочихъ часовъ, какъ думаютъ нѣкоторые: потребность въ отдыхѣ при теперешнемъ непосильномъ трудѣ слишкомъ сильно сказывается въ рабочихъ и вызываетъ уклоненіе отъ работы сверхъ немногихъ льготныхъ дней, что̀ ведетъ къ столкновеніямъ съ пріисковою администраціей [4]). Чрезмѣрное переутомленіе вызываетъ и болѣе сильную потребность въ винѣ, тайно добываемомъ за огромныя деньги отъ спиртоносовъ или нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ, а это уменьшаетъ количество заработковъ, выносимыхъ съ промысловъ.

видно, что въ восточно-сибирскихъ округахъ (кромѣ Енисейской губ.) доходъ золотопромышленниковъ равняется въ среднемъ 36% а въ округахъ Западной Сибири—26%. „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 13, стр. 290.

[1]) Срав. *Rost*, 138—140.

[2]) Въ 1883 г. во всемъ Енисейскомъ округѣ почти 30%, въ 1884 г.—болѣе 33%, въ 1885 г. въ южно-енисейской системѣ даже 42%.

[3]) Срав. *Rost*, 114—117; *Rae*, Der Achtstunden-Arbeitstag, 1897, S. 39, 40; 185—186, 189—190.

[4]) Мы указывали выше (см. стр. 787) на стачки въ Енисейскомъ и Олекминскомъ округахъ въ 1895—96 гг., вызванныя (*уже послѣ того, какъ вошелъ въ силу законъ 1895 г.*) желаніемъ рабочихъ имѣть большее количество праздниковъ.

Чрезмѣрное переутомленіе ведетъ, наконецъ, и къ тому разгулу по окончаніи операціи, во время котораго иной разъ растрачивается значительная часть полученныхъ денегъ. Съ уменьшеніемъ количества рабочихъ часовъ, а слѣдовательно, и чрезмѣрнаго переутомленія, уменьшится и пьянство, и такимъ образъ скорѣе сбережется заработокъ рабочихъ.

Мы видѣли, что въ настоящее время на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ повсемѣстно распространена урочная система. Въ контрактахъ золотопромышленниковъ съ рабочими, обыкновенно, назначаются уроки, которые рабочіе обязываются вырабатывать ежедневно. На это обстоятельство слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе, такъ какъ урочная система можетъ оказаться въ противорѣчіи съ необходимымъ нормированіемъ рабочихъ часовъ. Нѣкоторые предлагаютъ выработать и установить въ законодательномъ порядкѣ нормальное урочное положеніе относительно горныхъ работъ для каждой системы золотыхъ промысловъ; но въ такомъ случаѣ непремѣнно должно было бы соблюсти условіе, чтобы уроки возможно было выполнить въ то количество часовъ, какое будетъ установлено новымъ закономъ. Трудность выработки такого положенія зависитъ отъ разнообразія мѣстныхъ условій. Для этого необходимо было бы спеціальное изслѣдованіе всѣхъ системъ золотыхъ промысловъ, причемъ относительно каждаго пріиска слѣдовало бы выяснить свойство почвы и возможный размѣръ урока. Правда, этотъ трудъ могъ бы быть выполненъ мѣстными окружнымм инженерами, но насъ смущаютъ субсидіи, получаемыя ими отъ золотопромышленниковъ и доходящія въ нѣкоторыхъ округахъ до 10,000 руб. въ годъ; это обстоятельство не позволяетъ ожидать отъ окружныхъ инженеровъ необходимаго въ этомъ дѣлѣ безпристрастія. Контроль присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ едва-ли внесетъ при этомъ значительную поправку, такъ какъ имъ придется руководствоваться свѣдѣніями, полученными отъ тѣхъ же горныхъ инженеровъ. Размѣръ ежедневной выработки при открытыхъ работахъ колеблется и въ зависимости отъ погоды. Въ виду этой трудности установить законодательнымъ путемъ размѣръ уроковъ, необходимо, по нашему мнѣнію, урочную систему поставить въ полную зависимость отъ опредѣленія извѣстной продолжительности рабочаго дня, и потому слѣдуетъ установить, что золотопромышленникъ не имѣетъ права ни заставить рабочаго окончить урокъ, если тотъ не успѣлъ выполнить его въ установленное закономъ время, ни штрафовать его за это. Разъ законъ опредѣляетъ продолжительность рабочаго дня (а это совершенно необходимо), назначеніе урока могло бы имѣть только одну цѣль: дать усердным и сильнымъ рабочимъ возможность особенно напряженною работой сократить продолжительность своего труда сравнительно съ установленною закономъ нормой. Если же при предлагаемомъ

нами введеніи размѣровъ уроковъ въ границы опредѣленной закономъ продолжительности рабочаго дня (а только при этомъ условіи не будетъ нарушаться правило закона о количествѣ рабочихъ часовъ) золотопромышленники отказались бы вовсе отъ системы уроковъ, то это было бы самое лучшее. Опасаться, что при отсутствіи уроковъ рабочіе станутъ трудиться слишкомъ небрежно, нѣтъ основанія, такъ какъ работы въ разрѣзахъ они производятъ подъ постояннымъ наблюденіемъ особыхъ надсмотрщиковъ и за лѣность промышленникъ можетъ отказать рабочимъ. Другимъ побужденіемъ къ усердному труду можетъ быть задѣльная плата, которую уже начинаютъ вводить на нѣкоторыхъ промыслахъ.

Въ 1897 г. въ Сибири открыты новые суды. Въ печати появились уже извѣстія о томъ, что на пріискахъ Витимской системы открылъ свои дѣйствія мировой судья, несущій вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности судебнаго слѣдователя. Золотопромышленники Витимской системы Ленскаго горнаго округа получили въ февралѣ мѣсяцѣ предписаніе ленскаго окружного инженера (на основаніи предписаній иркутскаго горнаго управленія и иркутскаго генералъ-губернатора) о производствѣ особаго ежегоднаго сбора въ размѣрѣ 3000 руб. въ пособіе государственному казначейству на содержаніе мирового судьи въ Витимской системѣ и назначеніе ему квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, а также лошадей для разъѣздовъ. Вслѣдствіе этого золотопромышленники Витимской системы на общемъ собраніи 20 февраля 1897 г. постановили на содержаніе камеры мирового судьи отчислять по 120 кредитныхъ рублей съ каждаго добытаго въ теченіе операціи пуда золота. Всѣ расходы на содержаніе камеры мирового судьи были опредѣлены въ 12000 руб. [1]). Такимъ образомъ, добавочное содерженіе мирового судьи деньгами и натурою находится уже внѣ зависимости отъ усмотрѣнія золотопромышленниковъ. Какое значеніе для рабочихъ будетъ имѣть эта реформа, покажетъ будущее. Но первыя извѣстія о дѣйствіи мирового судьи на пріискахъ Ленскаго горнаго округа благопріятны: рабочіе нашли уже въ немъ защиту отъ произвола нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ и служащихъ въ канцеляріи горнаго исправника [2]).

Въ началѣ 1896 г. управляющій томскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка получилъ разрѣшеніе учредить сберегательныя кассы на пріискахъ Томскаго горнаго округа. Отвѣтственность за операціи сберегательныхъ кассъ возлагается на владѣльцевъ пріисковъ, которые и указываютъ лицъ, могущихъ вести пріемъ и выдачу вкладовъ рабочихъ. Томское общество вспомоществованія рабочимъ намѣтило 11 пріисковыхъ районовъ, гдѣ можно было бы на первое время учредить

---

[1]) „Вѣстн. Золотопр.“ 1897 г., № 13, стр. 294.
[2]) „Вост. Обозр.“ 1897 г. №№ 112, 115.

кассы [1]). Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, приведено ли въ исполненіе это предположеніе.

Укажемъ теперь на нѣкоторыя желательныя мѣры осносительно пріисковыхъ рабочихъ.

Серьезное улучшеніе въ бытѣ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ не возможно безъ измѣненія нѣкоторыхъ общихъ условій въ бытѣ нашихъ промышленныхъ рабочихъ. Однимъ изъ главныхъ неблагоріятныхъ условій въ ихъ жизни является запрещеніе стачекъ. По нашему уложенію о наказаніяхъ: „за стачку между работниками какого-либо завода, фабрики или манфактуры прекратить работы прежде истеченія условленнаго съ содержателями сихъ заведеній времени для того, чтобъ принудить хозяевъ къ возвышенію получаемой ими платы, виновные подвергаются: аресту—зачинщики на время отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, а прочіе отъ 7 дней до 3 недѣль“ (ст. 1358). „За прекращеніе работъ на фабрикѣ или заводѣ по стачкѣ между собою рабочихъ, съ цѣлью принужденія фабрикантовъ или заводчиковъ къ возвышенію заработной платы или измѣненію другихъ условій найма до истеченія срока послѣдняго, виновные подвергаются: подстрекавшіе къ начатію или продолженію стачки—заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, а прочіе участники—заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ. Участники стачки, прекратившіе таковую или приступившіе къ работамъ по первому требованію полицейской власти, отъ наказанія оосвобождаются“ (ст. 1358) [2]). Статьи эти составляютъ главное препятствіе для развитія самодѣятельности рабочихъ относительно защиты ихъ правъ; сознаніе необходимости отмѣны такихъ стѣсненій правъ рабочихъ уже давно выразилось въ законодательствахъ западно-европейскихъ государствъ. Въ Англіи еще въ 1824 г. было уничтожено запрещеніе коалицій; въ Бельгіи свобода союзовъ установлена въ 1866 г., въ Саксоніи въ 1861 г., во Франціи въ 1864 г. По германскому Уставу о промышленности 1869 г. (§ 152) „всѣ запрещенія и опредѣленія наказаній относительно занимающихся промышленностью подмастерьевъ или фабричныхъ рабочихъ за сговоръ и стачку съ цѣлью достиженія болѣе благопріятныхъ условій работы и вознагражденія за нее, особенно посредствомъ прекращенія работы или отпуска рабочихъ, отмѣнены“. Законъ преслѣдуетъ только застращиваніе тѣхъ рабочихъ, которые не желаютъ примкнуть къ стачкѣ. Въ Австріи запрещеніе коалицій было отмѣнено въ 1870 г., въ Голландіи въ 1872 г. [3]).

---

[1]) „Вѣстн. Золот.“ 1896 г., № 3, стр. 56.

[2]) Статьи 1358[2] и 1358[3] устанавливаютъ болѣе суровыя наказанія для участниковъ стачки, причинившихъ поврежденіе или уничтоженіе заводскаго или фабричнаго имущества или за принужденіе другихъ рабочихъ, посредствомъ насилія и угрозъ, прекратить работу.

[3]) *Магаймъ*. „Профессіональные рабочіе союзы“. Перев. Н. Водовозова. Спб.

Въ огражденіе интересовъ рабочихъ вообще желательно также, чтобы какъ промышленникъ, такъ и рабочій за неисполненіе договора одинаково подвергались лишь гражданской отвѣтственности. Для этого необходимо отмѣнить ст. 51^4 Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями: „За самовольный отказъ отъ работы до истеченія найма виновный въ томъ фабричный или заводскій рабочій подвергается аресту не свыше одного мѣсяца". Постановленіе это стоитъ ниже уровня современнаго европейскаго законодательства, которое допускаетъ только гражданскую, а не уголовную отвѣтственность рабочаго за нарушеніе контракта. Укажемъ въ видѣ примѣра на законодательство Германіи, гдѣ уничтожены прежнія наказанія рабочаго за оставленіе работы до срока найма и дѣло ограничивается лишь гражданскою отвѣтственностью [1]). Въ уголовныхъ мѣрахъ за нарушеніе контракта съ золотопромышленниками нѣтъ въ настоящее время и необходимости, такъ какъ предложеніе рукъ превышаетъ спросъ и задатки весьма ничтожны. Что рабочіе вообще довольно аккуратно исполняютъ свои обязанности, видно изъ того, что въ Олекминскомъ округѣ долги, оставшіеся за нѣкоторыми рабочими, при раздѣленіи на всѣхъ рабочихъ, составляли (въ 1887—89 гг.) лишь 2—5 руб. на человѣка, т.-е. ничтожную сумму въ общемъ пріисковомъ бюджетѣ. Томскій окружной инженеръ Реутовскій считаетъ необходимымъ предоставить пріисковымъ рабочимъ „право побѣговъ" [2]): это и означаетъ, другими словами, уничтоженіе уголовнаго преслѣдованія за оставленіе работы до срока найма.

Необходимо обратить вниманіе еще на слѣдующій, вредный для пріисковыхъ рабочихъ, обычай. На промыслахъ многихъ округовъ горные исправники по своему произволу, на основаніи непровѣренныхъ свѣдѣній пріисковыхъ управленій, составляютъ списки рабочихъ, *„не подлежащихъ впредь наемкѣ"* (за лѣность, дурное поведеніе и проч.) [3]).

1895 г., стр. 113, 195, 227, 283. *Conrad u. Lexis*: „Handwörtebuch der Staatswissenschaften", I. 611—612, IV, 691—696.

[1]) *Conrad u. Lexis*. „Handwörterbuch der Staatswissenschaften". I, 757. Замѣтимъ кстати, что когда одно изъ губернскихъ присутствій установило совершенно неправильную практику по дѣламъ о неявкѣ или самовольномъ уходѣ сельскихъ рабочихъ, признавъ, что наниматель, не желающій возвращенія рабочаго, въ правѣ преслѣдовать его за неявку или самовольный уходъ въ уголовномъ порядкѣ, по ст. 51-й Уст. о наказаніяхъ налаг. мир. суд., то сенатъ разъяснилъ, что „такое преслѣдованіе возможно лишь со стороны полиціи, въ случаѣ неисполненія рабочимъ ея требованія о возвращеніи къ нанимателю, а наниматель въ правѣ либо просить полицію о предъявленіи такого требованія, либо искать вознагражденія за убытки въ порядкѣ гражданскомъ". „Вѣстн. Европы" 1894 г., № 9, стр. 361.

[2]) „Вѣстн. Золот." 1896 г., № 12, стр. 244.

[3]) Такіе списки рабочіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ „погаными". См. выше т. II, стр. 122—123, 251—252, 294, 452—453.

Нѣтъ никакого основанія предоставлять такое право исправникамъ, находящимся въ полной экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ, и присвоеніе его ими было вполнѣ противозаконно. Въ виду этого, было бы желательно запретить горнымъ исправникамъ составленіе и распространеніе такихъ списковъ и вообще подвергнуть пересмотру инструкцію исправникамъ (1874 г.) и согласовать ее съ новыми правилами. Германское законодательство положительно воспрещаетъ нанимателямъ выражать какимъ-нибудь образомъ аттестацію рабочимъ [1]).

Необходимо ограничить также слишкомъ широко практикуемую нынѣшними горными исправниками высылку рабочихъ съ пріисковъ. Такъ какъ пріисковый районъ считается ненаселенною территоріей, то теперь разсчитанный пріисковымъ управленіемъ рабочій отправляется къ горному исправнику, и тотъ высылаетъ его въ первое жилое мѣсто (наприм., въ Олекминскомъ округѣ за нѣсколько сотъ верстъ). Рабочій обыкновенно опять тайно проникаетъ на пріиски, вновь высылается и проч., такъ что, какъ мы слышали отъ нѣкоторыхъ горныхъ исправниковъ, они сами считаютъ эту высылку нецѣлесообразной [2]).

Для успѣшности всѣхъ проектируемыхъ мѣръ необходимо прекращеніе указанной выше матеріальной зависимости горныхъ исправниковъ и окружныхъ инженеровъ отъ золотопромышленниковъ. Понятно, что, при, чуть не оффиціальныхъ, приношеніяхъ со стороны золотопромышленниковъ, чины полиціи и горнаго вѣдомства чувствуютъ нерѣдко нѣкоторую слабость къ золотопромышленникамъ. Нельзя не признать справедливою мысль начальника главнаго тюремнаго управленія въ его запискѣ 1882 г., что если считать чиновъ полиціи и ихъ канцеляріи (а также, прибавимъ отъ себя, и окружныхъ инженеровъ) заслуживающими повышеннаго вознагражденія, котораго можетъ дѣйствительно требовать дороговизна жизни на пріискахъ, въ такомъ случаѣ „было бы правильнѣе обложить золотопромышленниковъ особымъ сборомъ и употреблять его на усиленіе содержанія чиновъ полиціи, а также и горнаго вѣдомства“. (Эта мысль примѣнена уже теперь назначеніемъ на счетъ золотопромышленниковъ добавочнаго содержанія мировому судьѣ на витимскихъ пріискахъ). Замѣтимъ, что послѣ того всякіе лишніе поборы должны преслѣдоваться, какъ лихоимство.

Въ высшей степени важный вопросъ въ жизни пріисковаго рабочаго (буде онъ женатъ) состоитъ въ томъ, можетъ ли онъ явиться на пріискъ съ женой, если она не нанята, въ то же время, на работу?

---

[1]) *Гольденвейзеръ.* „Соціальное законод. Герман. имперіи“, стр. 173. *Kulemann.* „Der Arbeiterschutz“, S. 69.

[2]) См. выше т. II, стр. 449—452; срав. новые факты о высылкѣ рабочихъ съ промысловъ Томскаго горн. округа „Міръ Божій“, 1897 г., № 12, стр. 15—16.

Въ настоящее время женщинъ на промыслахъ бываетъ весьма немного: Въ Томской губ., въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, отъ 8 до 10%, въ Енисейской—5—10% [1]), въ 1887—1889 гг. въ олекминской системѣ—9—11%, въ витимской—9—13% всего количества рабочихъ (и только на болѣе крупныхъ промыслахъ послѣднихъ двухъ системъ—12—19%). Многіе золотопромышленники стремятся уменьшить количество женщинъ, считая пребываніе ихъ на промыслахъ для себя обременительнымъ, и довести ихъ до 5%, а, между тѣмъ, и въ настоящее время малочисленность женщинъ на пріискахъ вредно отзывается на здоровьѣ и нравственности рабочихъ. Это обстоятельство является причиной разврата, противоестественныхъ пороковъ и даже ужаснаго обычая „помочей“ (изнасилованіе женщины цѣлою массой рабочихъ въ видѣ мести за измѣну), а также безшабашныхъ кутежей при выходѣ съ нихъ рабочихъ (женатые рабочіе обыкновенно гораздо болѣе бережливы и сохраннѣе выносятъ свой заработокъ). Нельзя отрицать, что нынѣшняя пріисковая обстановка неблагопріятно вліяетъ на нравственность женщинъ и можетъ вызвать нѣкоторое сомнѣніе, желательно ли увеличеніе ихъ числа на пріискахъ. Но дѣло въ томъ, что съ увеличеніемъ на золотыхъ промыслахъ числа женатыхъ рабочихъ вредныя стороны пріисковой жизни несомнѣнно ослабѣютъ, съ устройствомъ отдѣльныхъ помѣщеній для женатыхъ будетъ возможна болѣе нормальная семейная жизнь, и, во всякомъ случаѣ, лучше предоставить усмотрѣнію самихъ рабочихъ, брать или не брать женъ на пріиски, чѣмъ насильственно вгонять ихъ въ нынѣшнія пріисковыя условія.

Горнозаводскія присутствія по закону должны установить размѣръ вычета за содержаніе такихъ женъ рабочихъ, которыя не принимаютъ на себя работъ на пріискѣ, и количество получаемой пищи (томскимъ горнозаводскимъ присутствіемъ это уже сдѣлано). Разъ будетъ установленъ такой вычетъ за содержаніе женщинъ на пріискѣ, намъ кажется, можно дозволить рабочимъ приводить съ собою женъ безъ предварительнаго разрѣшенія пріисковаго управленія или, другими словами, запретить высылку этихъ женщинъ безъ уважительныхъ причинъ и безъ разрѣшенія мѣстной администраціи.

Рабочіе получаютъ теперь разсчетъ при окончаніи лѣтней операціи, и тутъ имъ выдается деньгами то, что̀ осталось у нихъ отъ ихъ заработка за вычетомъ задатка, забора въ пріисковыхъ лавкахъ вещами и припасами, а также и предварительныхъ денежныхъ выдачъ. И въ

---

[1]) Впрочемъ, въ 1890 г. женщины составляли на промыслахъ Томскаго горнаго округа почти 29% всѣхъ *взрослыхъ* рабочихъ, находившихся на промыслахъ, и въ 1888—90 гг. на промыслахъ южно-енисейскаго округа 14—15%, но позднѣе въ послѣднемъ оно опять уменьшилось.

настоящее время часть заработка выдается деньгами на пріискахъ ранѣе разсчета. Но желательно, чтобы такія выдачи зависѣли не отъ произвола пріисковыхъ управленій, а производились всегда по желанію рабочихъ, если они не состоятъ въ долгу. По „Уставу о Промышленности“ (Св. Зак., т. XI, ч. II, изд. 1893 г., ст. 97), выдача рабочей платы должна производиться не менѣе 1 раза въ мѣсяцъ, если наемъ заключенъ на срокъ болѣе мѣсяца, и не рѣже 2 разъ въ мѣсяцъ при наймѣ на срокъ неопредѣленный. Поэтому и относительно пріисковыхъ рабочихъ должны быть установлены сроки, въ которые могутъ требовать выдачи денегъ тѣ, чей заработокъ превысилъ сдѣланный ими заборъ; не желающіе брать сами этихъ денегъ могутъ потребовать, чтобы золотопромышленникъ отправилъ эту сумму, куда они укажутъ. Золотопромышленники ссылаются на то, что они сами имѣютъ въ рукахъ деньги только послѣ сдачи золота; отвѣтомъ на это можетъ быть установленіе свободнаго обращенія золота.

Желательно также допустить пріѣздъ въ тайгу вольныхъ продавцовъ для продажи подобныхъ вещей и припасовъ. На возраженіе, что такимъ образомъ усилится тайная торговля спиртомъ, можно отвѣтить, что торговля эта, все равно, производится, и, притомъ, самими золотопромышленниками едва ли не въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ тайными спиртоносами; къ тому же, странствующіе торговцы уже допускаются въ нѣкоторыхъ золотопромышленныхъ системахъ (наприм., въ сѣверной части Енисейскаго округа). Что касается возможности для такихъ продавцевъ тайной скупки золота, то она только побудитъ золотопромышленниковъ повысить плату за золото старателямъ. Всѣ эти возраженія падутъ съ установленіемъ свободнаго обращенія золота [1]).

Закономъ 9 мая 1892 г. о надзорѣ за горными заводами на горныхъ инженеровъ возложено попеченіе объ учрежденіи школъ для малолѣтнихъ рабочихъ. Поэтому, при допущеніи употребленія на пріискахъ такихъ рабочихъ, необходимо обязать хозяевъ всѣхъ тѣхъ пріисковъ, на которыхъ работаютъ болѣе 10 человѣкъ малолѣтнихъ рабочихъ и вблизи которыхъ нѣтъ школъ, устроить свою школу (срав. ст. 112—119 Уст. о промыш).

Законъ 1895 г. о пріисковыхъ рабочихъ распространяется и на

---

[1]) Слѣдуетъ также опредѣлить, чтобы выдача вещей и припасовъ изъ пріисковыхъ складовъ тѣмъ рабочимъ, которые имѣютъ на нее право по своему заработку, производилась не разъ въ мѣсяцъ, какъ это обыкновенно дѣлается теперь, а во всякое время; теперь же на нѣкоторыхъ пріискахъ, наприм., сносившему обувь рабочему приходится долго щеголять босикомъ до выдачи новыхъ вещей. По договору 1888 г. съ золотопромышленниками Иваницкимъ и Жилемъ, рабочимъ, нанявшимся на ихъ промыслы въ южной части Енисейскаго округа, разрѣшалось брать изъ хозяйскихъ складовъ одежныя вещи въ счетъ заработка не чаще *одного раза въ 2 мѣсяца*.

такъ называемыхъ старателей-золотничниковъ (см. о нихъ гл. IX). Такъ какъ по этому закону „составленіе дополнительныхъ правилъ, касающихся отношеній къ промысловому управленію рабочихъ, работающихъ артелью", возлагается на присутствіе по горнозаводскимъ дѣламъ (А, 2, п. 3), то мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе иркутскаго горнозаводскаго присутствія на „Условіе на золотничныя работы на промыслахъ Ленскаго золотопромышленнаго товарищества" Ленскаго горнаго округа, напечатанное въ брошюрѣ горн. инж. Л. Граумана объ этомъ товариществѣ. Такъ какъ контрактъ съ золотничниками напечатанъ послѣ общаго контракта операціи 1895—96 г., то слѣдуетъ думать, что и условіе съ золотничниками относится къ этой операціи, т.-е. уже послѣ изданія закона 1895 г., а между тѣмъ въ немъ есть постановленія, противорѣчащія этому закону. Такъ, напр., въ условіи (§ 17) постановлено, что „въ случаѣ если бы правленію потребовались рабочіе, то золотничники обязаны давать таковыхъ изъ своихъ артелей въ количествѣ не болѣе двухъ человѣкъ съ артели... За уклоненіе отъ этихъ работъ виновная артель подвергается штрафу въ размѣрѣ 3 руб. за каждую требовавшуюся поденщину". Между тѣмъ по закону 1895 г. (§ 53) „для рабочихъ, получающихъ задѣльную плату, взысканіе за прогулъ опредѣляется не свыше одного рубля за прогульный день". По 19 § Условія съ каждаго золотничника производится вычетъ по 2 р. единовременно на содержаніе пріюта для больныхъ и безпріютныхъ рабочихъ близъ резиденціи Горнаго Исправника. Между тѣмъ по 14 § закона 1895 г. запрещается включеніе въ договоры условій „о производствѣ завѣдывающимъ промысломъ съ рабочихъ вычетовъ и взысканій", не предусмотрѣнныхъ этимъ закономъ. Далѣе въ § 20 „Условія" за неявку на экстренныя работы (въ случаѣ пожара, наводненія и проч.) золотничнику грозитъ штрафъ въ 10 р., между тѣмъ по 55 ст. закона 1895 г. въ Олекминской системѣ денежное взысканіе за отдѣльное нарушеніе порядка не можетъ превышать 5 р. Наконецъ въ § 23 „Условія" сказано: „еслибы кто-либо изъ золотничниковъ потерпѣлъ во время работъ увѣчье или ушибъ, то промысловое управленіе не отвѣтствуетъ предъ нимъ имущественно, и золотничникъ не вправѣ искать вознагражденія судебнымъ порядкомъ". Этотъ пунктъ условія противорѣчитъ 676 ст. Горнаго Устава (изд. 1893 г.), сохранившей свою силу и послѣ изданія закона 1895 г. и несомнѣнно распространяющейся и на золотничниковъ, такъ какъ рабочими на промыслахъ признаны всѣ служащіе на нихъ по вольному найму, въ томъ числѣ и „работающіе артелью" (срав. законъ 20 февр. 1895 г. А, 2, п. 3 и Б, 2). Горная администрація обязана не допускать существованія на промыслахъ такихъ противозаконныхъ контрактовъ. Не знать о существованіи разсматриваемаго до-

говора мѣстная администрація не могла, такъ какъ онъ появился въ печатномъ отчетѣ.

Пріисковыя работы принадлежатъ къ числу наиболѣе трудныхъ, и хорошо справляться съ ними могутъ только молодые и вполнѣ здоровые люди. Крайне утомительно, во-первыхъ, путешествіе на золотые промыслы и обратно на родину. Какія огромныя пространства приходится проѣзжать и проходить рабочему, видно изъ того, что олекминскіе промыслы (Якутской области) почти на 2,000 верстъ отстоятъ отъ Иркутска, а нѣкоторые рабочіе приходятъ на нихъ не только изъ Западной Сибири, но и изъ Европейской Россіи. Обратный путь съ пріисковъ приходится совершать осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ, что при суровомъ сибирскомъ климатѣ оказывается дѣломъ не легкимъ. Работа на пріискахъ производится или на открытомъ воздухѣ, такъ что рабочій подвергается всѣмъ вліяніямъ перемѣнчиваго таежнаго климата, или (хотя и рѣже) въ шахтахъ подъ землею. Крайне неудовлетворительныя помѣщенія, питаніе большую часть года солониной,—все это подтачиваетъ здоровье рабочаго, вызываетъ развитіе цынги въ большихъ размѣрахъ и, въ концѣ-концовъ, приводитъ къ преждевременной старости.

„Пріисковый рабочій,—говоритъ одинъ мѣстный наблюдатель,—изнашивается очень скоро. Лѣтъ 10 онъ работаетъ какъ забойщикъ на высшемъ окладѣ, затѣмъ онъ уже радъ, если попадетъ въ возчики, а потомъ счастливцы изъ нихъ добиваются должности караульщика, рабочаго при резиденціи или на зимовьѣ, большинство же пропадаетъ Богъ знаетъ гдѣ и неизвѣстно чѣмъ кормитъ свое старое, изможденное тѣло... Тайга быстро выбрасываетъ всѣхъ тѣхъ, въ комъ замѣтны признаки физической слабости... На резиденціяхъ нѣкоторыхъ, очень немногихъ, компаній такимъ выслужившимся рабочимъ владѣльцы выдаютъ содержаніе и небольшую пенсію на старости лѣтъ. Трудно повѣрить, глядя на этихъ дряхлыхъ, еле волочащихъ ноги стариковъ, тому, что они разсказываютъ про себя, что другіе разсказываютъ про нихъ. Оказывается, что лѣтъ пятнадцать назадъ это были геркулесы, дивившіе тайгу своею богатырскою силой и выносливостью... Но немногіе и у немногихъ лучшихъ хозяевъ находятъ пріютъ и кусокъ хлѣба на старости“ [1]).

Когда „дряхлость, продолжительная болѣзнь или увѣчье,—говоритъ г. Пантелѣевъ,—преграждаютъ дорогу на пріиски, для бывшаго пріисковаго рабочаго открывается вполнѣ безотрадное будущее. Своего дома и хозяйства, по большей части, нѣтъ, а сбереженій отъ прежнихъ заработковъ никакихъ. Сначала онъ ищетъ въ городахъ легкой работы, но постепенно и тутъ для него становится труднѣе находить средства къ

[1]) „Восточное Обозрѣніе“ 1891 г., № 50, стр. 2—3.

существованію; тогда онъ переселяется въ деревню, гдѣ по временамъ нанимается въ пастухи, въ сторожа поскотины, но преимущественно живетъ мірскимъ подаяніемъ. Кто часто ѣздилъ по большому сибирскому тракту, тотъ на каждомъ шагу встрѣчалъ безпріютныхъ стариковъ и калѣкъ и, вступивши съ ними въ разговоръ, нерѣдко узнавалъ, что они когда-то ходили на пріиски" [1]).

Такимъ образомъ, въ помощи нуждаются рабочіе, получившіе увѣчье отъ несчастныхъ случаевъ на промыслахъ или потерявшіе здоровье и силы на пріисковыхъ работахъ и вслѣдствіе этого неспособные къ пропитанію собственнымъ трудомъ, семейства тѣхъ и другихъ рабочихъ, а также лишившихся жизни на промыслахъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ. Между тѣмъ, въ настоящее время золотопромышленники крайне рѣдко выдаютъ пенсіи рабочимъ и ихъ семействамъ, а обыкновенно только единовременныя пособія, высшій размѣръ которыхъ рѣдко превышаетъ тысячу рублей. На эти деньги увѣчному семейству убитаго прожить невозможно.

И. М. Сибиряковъ пожертвовалъ капиталъ въ 420,000 рублей на вспомоществованіе рабочимъ и ихъ семействамъ на золотыхъ промыслахъ Якутской области, имени его отца, Михаила Александровича Сибирякова. Осенью 1893 г. жертвователь обратился ко мнѣ съ предложеніемъ составить проектъ правилъ выдачи пособій изъ процентовъ съ жертвуемаго капитала. Положеніе объ этомъ капиталѣ съ Высочайшаго соизволенія утверждено 15-го марта 1894 года министромъ государственныхъ имуществъ [2]).

Болѣе нормальная постановка промышленнаго труда, безъ сомнѣнія, одна изъ главныхъ задачъ нашего времени; во всемъ ея объемѣ она можетъ быть разрѣшена лишь законодательнымъ путемъ, но и частныя лица, и всего болѣе тѣ, которыхъ судьба сдѣлала участниками въ веденіи промышленныхъ предпріятій, обязаны позаботиться объ облегченіи тяжелой доли рабочаго.

Организація помощи пріисковымъ рабочимъ затрудняется совершенно оригинальными условіями, при которыхъ производится добыча золота. Между тѣмъ какъ фабрики и заводы Европейской Россіи находятся въ мѣстахъ населенныхъ, и нерѣдко весьма значительная часть рабочихъ вербуется изъ числа мѣстныхъ жителей, Витимская и Олекминская золотоносныя системы Якутской области расположены въ районѣ, который считается ненаселеннымъ; въ немъ допускается пребываніе лишь тѣхъ рабочихъ, которые въ данное время наняты на золотые про-

---

[1]) „Вост. Обозр." 1885 г., № 25, стр. 2.

[2]) Оно напечатано въ „Собр. узак. и распор. правительства" 1894 г., № 142, стр. 1029, а также и отдѣльною брошюрою.

мысли. Разсчитанный рабочій немедленно выдворяется изъ промысловаго района въ первое жилое мѣсто, которое отстоитъ отъ промысловъ Витимской системы на нѣсколько сотъ верстъ. Рабочіе, нанимающіеся на промыслы, обыкновенно бываютъ уроженцами не Якутской области, а приходятъ изъ болѣе отдаленныхъ отъ промысловъ мѣстностей Сибири и даже Европейской Россіи. Такимъ образомъ пріисковые рабочіе разсѣяны на огромной территоріи, и это составляетъ сильный аргументъ въ пользу того, чтобы организацію помощи этимъ рабочимъ взяло въ свои руки правительство, но до тѣхъ поръ, пока этого нѣтъ, пока не существуетъ никакого соглашенія между золотопромышленниками относительно помощи рабочимъ на промыслахъ извѣстнаго округа, пока въ Иркутскѣ нѣтъ общества вспомоществованія пріисковымъ рабочимъ, частному лицу, желающему оказать имъ существенную помощь, приходится обратиться съ этою цѣлью къ посредству мѣстнаго учрежденія, вѣдающаго золотые промыслы.

Вопросъ о томъ, кому ввѣрить расходованіе процентовъ съ капитала имени М. А. Сибирякова на вспомоществованіе рабочимъ, въ Положеніи о немъ рѣшается такимъ образомъ: выдача пособій рабочимъ Якутской области организуется при иркутскомъ горномъ управленіи, въ завѣдываніи котораго находятся промысла этой мѣстности. Правда, Иркутскъ далеко отстоитъ отъ Витимской и Олекминской золотоносныхъ системъ, и незнакомые съ условіями жизни пріисковыхъ рабочихъ могутъ подумать, что было бы цѣлесообразнѣе организовать помощь въ самомъ пріисковомъ районѣ; но это совершенно неудобно. На промыслахъ Олекминскаго округа, Якутской области, оффиціальными лицами во время составленія Положенія о названномъ капиталѣ были лишь окружной инженеръ и два горные исправника, но эти лица находятся въ экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ, а три пріисковыхъ врача этого округа состоятъ прямо у нихъ на жалованьѣ; такимъ образомъ, въ этомъ округѣ вовсе не было представителей власти, которые могли бы отнестись къ настоящему дѣлу съ полною самостоятельностью, а это необходимо для того, чтобы вспомоществованія изъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала не избавляли золотопромышленниковъ отъ денежной отвѣтственности по закону при несчастныхъ случаяхъ съ рабочими. По этой же причинѣ было бы еще болѣе немыслимо довѣрить расходованіе названныхъ суммъ самимъ олекминскимъ золотопромышленникамъ, хотя необходимость производить нѣкоторые общіе расходы создаетъ среди нихъ извѣстную организацію и хотя было бы весьма желательно, чтобы, послѣдовавъ примѣру жертвователя, они подумали о томъ, что можно сдѣлать для вспомоществованія пріисковымъ рабочимъ.

Въ помощи особенно нуждаются рабочіе, получившіе увѣчье отъ

несчастныхъ случаевъ на промыслахъ или потерявшіе здоровье и силы на пріисковыхъ работахъ и вслѣдствіе этого неспособные къ пропитанію собственнымъ трудомъ, семейства тѣхъ и другихъ рабочихъ, а также лишившихся жизни на промыслахъ какъ отъ болѣзни, такъ и вслѣдствіе особыхъ несчастныхъ случаевъ. Этимъ лицамъ и производится пособіе изъ пожертвованнаго капитала [1]). При этомъ не лишаются права на помощь и тѣ рабочіе, которые пострадали вслѣдствіе собственной неосторожности [2]).

Выдача пособій изъ процентовъ съ жертвуемаго капитала организована при иркутскомъ горномъ управленіи, въ завѣдываніи котораго находятся золотые промыслы Якутской области. Но учрежденію этому подчинены лишь представители горной администраціи (окружные инженеры) на самыхъ промыслахъ; между тѣмъ бывшіе пріисковые рабочіе разсѣяны по всей Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, и слѣдовательно въ дѣлѣ оказанія имъ помощи необходимо содѣйствіе и общей администраціи. Поэтому необходимо было распредѣленіе пособій изъ процентовъ съ жертвуемаго капитала ввѣрить такому учрежденію, въ которомъ представители горнаго вѣдомства соединялись бы съ представителями общей администраціи и юстиціи; это обезпечиваетъ и наилучшій контроль правильнаго расходованія денежныхъ суммъ.

Такимъ учрежденіемъ является установляемое Высочайше утвержденнымъ 9-го марта 1892 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта присутствіе по горнозаводскимъ дѣламъ, которое образуется при горномъ управленіи, подъ предсѣдательствомъ начальника этого послѣдняго, изъ помощника начальника, представителя отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, лица прокурорскаго надзора, по назначенію министра юстиціи, и двухъ представителей частной горной промышленности, причемъ въ засѣданія присутствія для назначенія пособій изъ означеннаго капитала приглашаются: 1) представитель жертвователя, по его указанію (или онъ самъ, если будетъ находиться въ Иркутскѣ), и 2) врачъ, выбираемый съ этою цѣлью иркутскимъ Обществомъ врачей Восточной Сибири на три года [3]).

---

[1]) Состоявшіе въ личномъ услуженіи у представителей пріисковаго управленія не будутъ имѣть права на пособіе, за исключеніемъ тѣхъ, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ и на пріисковыхъ работахъ.

[2]) Изъ числа лицъ, имѣющихъ право на пособіе, исключены распорядители работъ и надзирающіе за рабочими, вообще такъ-называемые служащіе на золотыхъ пріискахъ. Правда, положеніе низшихъ служащихъ бываетъ сплошь и рядомъ не лучше положенія рабочихъ, но нѣкоторыя компаніи (напримѣръ, компанія Промышленности) имѣютъ для вспомоществованія имъ особый капиталъ.

[3]) До учрежденія въ Иркутскѣ присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ для завѣдыванія этимъ дѣломъ былъ составленъ при иркутскомъ горномъ управленіи особый комитетъ изъ начальника горнаго управленія или его помощника, представителя отъ

Пособія единовременныя, продолжительныя и постоянныя (пенсіи) назначаются пострадавшимъ пріисковымъ рабочимъ (и ихъ семействамъ), а также семействамъ умершихъ пріисковыхъ рабочихъ всѣхъ разрядовъ и наименованій безъ различія въ вѣроисповѣданіи, сословіи и правахъ состоянія, хотя бы они находились самое непродолжительное время на пріисковыхъ работахъ золотыхъ промысловъ Якутской области. Право на пособіе не обусловливается извѣстнымъ срокомъ пребыванія на промыслахъ, потому что пріисковыя работы не принадлежатъ къ числу такихъ, на которыя желательно было бы искусственно привлекать рабочихъ. Жертвователь желалъ, чтобы лишенные правъ состоянія и сосланные въ каторжную работу, если они работали на пріискахъ Якутской области (какъ это было въ 70-хъ и первой половинѣ 80-хъ годовъ по иниціативѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири Синельникова), имѣли такое же право на вспомоществованіе, какъ и остальные рабочіе. Тѣмъ болѣе должны были имѣть это право ссыльнопоселенцы, которыхъ находится не мало на пріискахъ Якутской области (въ первой половинѣ 80-хъ годовъ они составляли 37—41% всѣхъ рабочихъ).

Пособія выдаются исключительно въ денежной формѣ: устройство богадѣленъ и вообще вспомоществованія натурою изъ процентовъ съ жертвуемаго капитала не допускаются. Изъ процентовъ съ капитала въ 420.000 руб. проценты съ 10.000 руб. назначаются на расходы по веденію дѣла, а изъ дохода съ остального капитала (за вычетомъ почтовыхъ расходовъ на пересылку денегъ) $^4/_{10}$ назначается на пенсіи, $^4/_{10}$ на продолжительныя пособія и $^2/_{10}$ на пособія единовременныя. Тѣ рабочіе, которымъ будетъ назначена пенсія отъ золотопромышленниковъ, не имѣютъ права на пенсіи и пособія изъ процентовъ съ капитала М. А. Сибирякова, но выдача единовременнаго пособія отъ золотопромышленника не препятствуетъ оказанію помощи такому рабочему [1]), хотя, разумѣется, при прочихъ равныхъ условіяхъ, предпочтеніе должно быть отдаваемо такому нуждающемуся рабочему (изъ имѣющихъ право на пособіе) или семейству такого рабочаго, которые не получили никакого

министерства внутреннихъ дѣлъ, по назначенію генералъ-губернатора, лица прокурорскаго надзора, по назначенію губернскаго прокурора, представителя золотопромышленниковъ Якутской области, врача, по выбору иркутскаго Общества врачей Восточной Сибири (два послѣднихъ лица выбирались на три года) и представителя жертвователя.

[1]) Впрочемъ, въ положеніи о выдачѣ пособій сдѣлана такая оговорка: „лица, имѣющія право на вспомоществованіе отъ золотопромышленниковъ по закону, но *не воспользовавшіяся имъ въ полной мѣрѣ*, не имѣютъ права на вспомоществованіе изъ капитала имени М. А. Сибирякова". Нарушеніе этого правила допускается лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Цѣль этой оговорки состоитъ въ томъ, чтобы помѣшать золотопромышленникамъ уменьшать пособія пострадавшимъ рабочимъ (при добровольномъ съ ними соглашеніи) ссылкою на возможность полученія пособія изъ нынѣ жертвуемаго капитала.

вспомоществованія отъ золотопромышленника. Такъ какъ предполагалось, что число лицъ, имѣющихъ право на пособіе, будетъ всегда болѣе того числа рабочихъ, которымъ можетъ быть оказана помощь, то постановлено отдавать преимущество тѣмъ рабочимъ, которые находились или пострадали при собственно горныхъ работахъ. Это преимущество вполнѣ заслужено, такъ какъ горныя работы (вскрываніе торфа, т. е. незолотоноснаго пласта, добыча золотоносныхъ песковъ, отвозка того и другого, промывка пласта и отвозка отбросовъ послѣ нея) являются самыми тяжелыми изъ пріисковыхъ работъ.

Продолжительныя и постоянныя пособія (пенсіи) увѣчнымъ назначаются въ размѣрѣ не болѣе 10 р. въ мѣсяцъ (120 руб. въ годъ), для мѣстностей же Сибири, отличающихся особою дешевизною жизни, а также и лицамъ, не обремененнымъ семействомъ, могутъ быть назначаемы и въ меньшемъ размѣрѣ.

Такъ какъ внесенный жертвователемъ капиталъ долженъ храниться неприкосновенно въ иркутскомъ отдѣленіи государственнаго банка, а расходоваться будутъ только проценты, то естественно возникаетъ вопросъ, что дѣлать въ случаѣ существенныхъ измѣненій въ положеніи пріисковыхъ рабочихъ Якутской области. Измѣненія эти могутъ быть вызваны или принятіемъ законодательнымъ путемъ мѣръ, обезпечивающихъ положеніе тѣхъ рабочихъ, которымъ желаетъ оказывать помощь жертвователь, или паденіемъ золотопромышленности Якутской области и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшеніемъ количества занятыхъ въ ней рабочихъ въ такой степени, что проценты съ жертвуемаго капитала не могутъ быть всѣ израсходованы. Эти вопросы разрѣшаются въ положеніи такимъ образомъ: въ случаѣ „установленія иныхъ способовъ обезпеченія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ на золотыхъ промыслахъ“ (напр., учрежденія государственнаго страхованія рабочихъ или изданія закона объ отвѣтственности отдѣльныхъ предпринимателей) проценты съ капитала имени М. А. Сибирякова обращаются на выдачу пенсій и пособій рабочимъ, потерявшимъ здоровье и силы на пріисковыхъ работахъ и семействамъ умершихъ на промыслахъ; въ случаѣ же „обезпеченія потерявшихъ здоровье и силы на промыслахъ“ (напр., введенія и для нихъ государственнаго страхованія) пособія выдаются семействамъ умершихъ тамъ отъ болѣзней и другихъ несчастныхъ случаевъ [1]). Если число рабочихъ на промыслахъ Якутской области уменьшится до 1.000 человѣкъ наличныхъ, то пособія будутъ выдаваться рабочимъ золотыхъ про-

[1]) Въ виду этихъ, совершенно ясныхъ постановленій Положенія о капиталѣ имени М. А. Сибирякова, не могутъ быть приняты несогласныя съ нимъ предложенія относительно этого капитала (срав. предложеніе г. Граумана въ „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 11, стр. 118).

мысловъ всей Восточной Сибири, а если бы золотопромышленность всей Восточной Сибири настолько пришла въ упадокъ, что ею будетъ занято менѣе 1.000 рабочихъ, то пособія могутъ быть выдаваемы и всѣмъ вообще горнымъ рабочимъ Восточной Сибири, причемъ завѣдываніе этимъ капиталомъ должно быть поручено тому правительственному учрежденію, въ вѣдѣніи котораго будутъ находиться эти рабочіе.

Таковы основныя начала Положенія о капиталѣ имени М. А. Сибирякова для выдачи пособій пріисковымъ рабочимъ Якутской области.

Это крупное пожертвованіе не можетъ не вызвать живѣйшаго сочувствія всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы рабочихъ. Исторія Сибири представляетъ примѣры и другихъ крупныхъ пожертвованій на просвѣщеніе, благотворительность и тому подобное, но до сихъ поръ не было сдѣлано никѣмъ такой крупной жертвы въ пользу рабочихъ. Это дѣло само-по-себѣ прекрасное, но оно прекрасно и какъ примѣръ, какъ громкое признаніе общественной обязанности, лежащей на всѣхъ владѣльцахъ торговыхъ, промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ предпріятій. Къ сожалѣнію, объ этой обязанности думаютъ весьма немногіе.

Та польза, которую немедленно должно было приносить пожертвованіе И. М. Сибирякова, была сильно ограничена совершенно неправильнымъ постановленіемъ въ 1895 году комитета, завѣдывавшаго выдачами пособій изъ этого капитала. Опасаясь, очевидно, слишкомъ большого наплыва просителей, а также предполагая, что за старые годы невозможно будетъ получить справокъ, комитетъ совершенно произвольно постановилъ, что право на пенсіи и пособія могутъ имѣть только тѣ рабочіе, которые будутъ находиться на промыслахъ со времени утвержденія положенія о капиталѣ имени М. А. Сибирякова, т.-е. съ марта 1894 г. [1]). Постановленіе это совершенно противорѣчитъ желанію жертвователя, чтобы правомъ на пенсіи и пособія пользовались всѣ рабочіе, когда-либо бывшіе на золотыхъ промыслахъ въ Якутской области, въ томъ числѣ и прежніе ссыльно-каторжные и поселенцы. Желаніе это было выражено въ проектѣ Положенія, представленномъ мною въ Горный Департаментъ, и если оно не сохранилось въ текстѣ § 2 Положенія, то только потому, что упоминаніе о немъ было признано Горнымъ

---

[1]) Комитетъ постановилъ „всѣ ходатайства рабочихъ, пострадавшихъ на пріискахъ до 15-го марта 1894 г. оставлять безъ удовлетворенія, потому что пострадавшія на пріискахъ ранѣе лица или ихъ семейства получили отъ золотопромышленниковъ пособія и вознагражденія, между тѣмъ какъ вновь пострадавшія лица не могутъ уже разсчитывать на особенное призрѣніе въ виду существованія капитала имени М. А. Сибирякова (?), и сверхъ того по невозможности собрать достовѣрныя свѣдѣнія о бывшихъ за прошедшее время на пріискахъ рабочихъ“. Ссылка при этомъ на 60 ст. т. I, ч. I Св. Зак., изд. 1892 г. совершенно не соотвѣтствуетъ данному случаю. „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1896 г. № 14.

Департаментомъ излишнимъ, такъ какъ въ Положеніи не сдѣлано никакихъ оговорокъ ни относительно времени нахожденія рабочихъ на промыслахъ, ни относительно принадлежности ихъ къ тому или другому разряду населенія Сибири. Предположеніе о томъ, что за прежніе годы нельзя навести справокъ относительно пребыванія того или другого рабочаго на промыслахъ, совершенно неосновательно: во всѣхъ благоустроенныхъ компаніяхъ хранятся прежнія разсчетныя книги, въ которыхъ и можно навести необходимую справку, если только извѣстно, въ какомъ году рабочій былъ на пріискахъ. Могло бы случиться, что не оказалось свѣдѣній о рабочемъ, находившемся на пріискахъ компаніи, прекратившей свое существованіе, но изъ того, что пришлось бы отказать нѣсколькимъ рабочимъ по бездоказательности ихъ просьбъ, никакъ не слѣдовало, что нужно лишить права на пенсіи и пособія всѣхъ рабочихъ, бывшихъ на пріискахъ до 15-го марта 1894 г.

Постановленіе это привело къ очень грустнымъ послѣдствіямъ: въ теченіе 1895 г. изъ капитала имени М. А. Сибирякова было выдано всего пенсій на сумму 171 р. и продолжительныхъ пособій на 52 р., въ 1896 г. пенсій—954 р. и продолжительныхъ пособій—346 р., [1]), а десятки тысячъ рублей отчислены въ расходный капиталъ на будущее время [2]). Конечно со временемъ число лицъ, пользующихся пенсіями и пособіями, будетъ все увеличиваться, но къ сожалѣнію, безъ всякой основательной причины, уменьшается та польза, которую могъ бы приносить этотъ капиталъ особенно теперь, когда не существуетъ еще государственнаго страхованія рабочихъ.

Какъ ни велико пожертвованіе, вызвавшее настоящую замѣтку, оно могло бы обезпечить лишь часть всѣхъ нуждающихся въ помощи, если бы они пожелали обратиться за нею. Количество рабочихъ обоего пола на промыслахъ Олекминскаго округа колебалось въ 80-хъ годахъ между 10½ и 13 тысячами человѣкъ, количество же умершихъ отъ болѣзни и всевозможныхъ несчастныхъ случаевъ въ среднемъ выводѣ за семь лѣтъ (1879—1884 и 1887 гг.) равняется 112 человѣкамъ въ годъ, не считая потерпѣвшихъ увѣчья („ушибленныхъ при работахъ“) [3]). А какъ много такихъ рабочихъ, которые, хотя и не получили никакого увѣчья, но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе продолжительной работы на пріискахъ, „выработались“, какъ тамъ говорятъ, т.-е. потеряли силу и здоровье и сдѣлались инвалидами золотопромышленности! Нужно

---

[1]) Въ 1896 г. пенсіи и продолжительныя пособія получали всего 10 лицъ.

[2]) „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1897 г. № 19; „Вѣстникъ Золотопромышл.“ 1897 г. № 11, стр. 253.

[3]) Этихъ послѣднихъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, было въ 1881 г. 8 чел., въ 1882—2, въ 1883—8, въ 1884—12, въ 1886—18, въ 1887—17 чел.

также помнить, что вспомоществованія изъ процентовъ съ жертвуемаго капитала будутъ выдаваться только рабочимъ Олекминскаго округа, а всего рабочихъ, занятыхъ золотопромышленностью въ Сибири и Европейской Россіи, считалось въ 1892 г., по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ горнаго департамента, 103.624 чел.,—цифра несомнѣнно гораздо ниже дѣйствительнаго количества рабочихъ, судя по тому, что въ Олекминскомъ округѣ, по этимъ свѣдѣніямъ, числилось всего 7.660 рабочихъ [1]).

Пока государство не взяло въ свои руки обезпеченія рабочихъ, пострадавшихъ на пріискахъ, и ихъ семей, желательно было бы, чтобы сами золотопромышленники, а также и сибирское общество подумали объ организаціи помощи пріисковымъ рабочимъ. Въ этомъ направленіи не сдѣлано пока ничего, но начинаетъ распространяться сознаніе, что нужно сдѣлать хоть что-нибудь [2]). Мы упоминали [3]) о предположеніяхъ въ этомъ отношеніи Л. Ѳ. Пантелѣева, когда онъ управлялъ Ниманскими золотыми промыслами Амурскаго округа (1883 г.). Мысль г. Пантелѣева въ нѣсколько измѣненномъ видѣ предлагалъ г. Черемныхъ: по его мнѣнію, рабочіе могутъ вносить по одной копѣйкѣ съ рубля додачи (какъ непосредственно за работу, такъ и за подъемное золото), а золотопромышленники вдвое большую сумму. Г. Черемныхъ полагалъ, что средняя додача „*у всѣхъ солидныхъ компаній*“ въ Енисейскомъ округѣ достигаетъ 60 р. на человѣкъ, „а въ остальныхъ округахъ“ Енисейской губ., „считая тутъ и системы съ убогимъ содержаніемъ золота, до 40 р.“. Въ среднемъ онъ принимаетъ 50 руб. на человѣка [4]). „Всѣхъ рабочихъ въ Енисейской губерніи“,—по словамъ г. Черемныхъ,—„до 12.000 человѣкъ, слѣдовательно, въ первый же годъ поступитъ 12.000 р. отъ золотопромышленниковъ и 6.000 р. отъ рабочихъ, а всего 18.000 р. Капиталъ не малый для перваго года, а *по прошествіи 10 лѣтъ уже вполнѣ солидный!* Такой суммы оказалось бы достаточно, если не для устройства богадѣленъ, *въ которыхъ, пожалуй, рабочіе и жить не станутъ*, то по крайней мѣрѣ для выдачи ежемѣсячныхъ пенсій, въ размѣрѣ, вполнѣ достаточномъ для пропитанія въ крестьянской семьѣ“. Единовременныя пособія авторъ считалъ не цѣлесообразными [5]). Въ приведенныхъ словахъ важно указаніе на то,

[1]) Очевидно, по вычисленію на годовыхъ рабочихъ.

[2]) Золотопромышленники Устькаменогорскаго и Зайсанскаго уѣздовъ на съѣздѣ 1894 г. рѣшили вносить по 10 коп. съ каждаго рабочаго на помощь увѣчнымъ и выработавшимся пріисковымъ рабочимъ („Вѣстн. Золотопр.“ 1894 г., № 24, стр. 416). Взносъ этотъ, разумѣется, слишкомъ ничтоженъ.

[3]) См. т. II, стр. 553—554.

[4]) Какъ средняя для всѣхъ промысловъ даже Енисейскаго округа, эта цифра слишкомъ велика; изъ отчетовъ окружныхъ инженеровъ въ сѣверной и южной его части за 1888 г. видно, что средняя додача въ этомъ году равнялась 30—35 р.

[5]) „Вѣстникъ Золотопромышленности“, 1893 г., № 4, стр. 66.

что рабочіе очень несочувственно относятся къ богадѣльнямъ [1]); что же касается основныхъ началъ проекта г. Черемныхъ, то, не говоря уже о томъ, что въ виду меньшаго, чѣмъ онъ предполагаетъ, средняго размѣра додачи, получилось бы денегъ менѣе, чѣмъ выходитъ по его разсчету, слѣдуетъ не забывать, что теперь по закону 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы (ст. 14) запрещается вносить въ договоры условіе о производствѣ нанимателемъ вычетовъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ [2]).

Другую попытку придти на помощь главнымъ труженикамъ золотопромышленности представляетъ томское „Общество вспомоществованія рабочимъ горныхъ и золотыхъ промысловъ“, уставъ котораго утвержденъ въ 1894 г. Это первое общество въ Сибири, труды котораго спеціально посвящены интересамъ рабочаго класса. По уставу, цѣль Общества состоитъ въ слѣдующемъ: 1) снабжать одеждою, пищею и пріютомъ рабочихъ, которые при работахъ на горныхъ и золотыхъ пріискахъ лишились возможности трудиться, вслѣдствіе увѣчья или утраты здоровья и силъ, а въ крайнихъ случаяхъ выдавать имъ и денежныя пособія; 2) устраивать особые пріюты для такихъ рабочихъ; 3) содѣйствовать матеріальными средствами къ скорѣйшему и успѣшному излѣченію увѣчныхъ и давать пособія ихъ семействамъ, и 4) оказывать содѣйствіе къ страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ въ страховыхъ обществахъ [3]).

Желательно было бы, чтобы общество вспомоществованія пріисковымъ рабочимъ, но съ болѣе широкою программою, было учреждено также и въ Иркутскѣ; толчкомъ къ этому можетъ послужить крупное пожертвованіе въ пользу рабочихъ И. М. Сибирякова, тѣмъ болѣе, что, на случай основанія такого общества, жертвователь сохранилъ за собою право передать ему весь капиталъ или часть его [4]).

---

[1]) Противъ богадѣленъ высказался также и г. Янчуковскій на съѣздѣ золотопромышленниковъ въ г. Читѣ. „Вост. Обозр.“ 1886 г., № 14, стр. 3.

[2]) И. Д. Черемныхъ, умершій въ 1894 г., оставилъ завѣщаніе, по которому опредѣлилъ весь свой капиталъ, имѣющій остаться за покрытіемъ болѣе 200.000 р. кредита, съ ежегоднымъ выдѣломъ по 600 р. его женѣ и дѣтямъ и 2% прибыли душеприказчику, положить въ банкъ для образованія капитала для престарѣлыхъ и увѣчныхъ пріисковыхъ рабочихъ. „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 3, стр. 74; ср. 1896 № 3, стр. 56 Подробный разсказъ душеприказчика И. Д. Черемныхъ, г. Лазичева, о томъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи онъ очутился, вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, желая исполнить волю покойнаго, см. въ газетѣ „Енисей“ 1897 г. №№ 72 и 75.

[3]) См. уставъ этого Общества въ „Томскомъ Справочномъ Листкѣ“ 1894 г. № 57 и въ „Вѣстн. Золот.“ 1894 г. № 13. Къ 1898-му году Общество имѣло капиталъ 18233 р. „Сиб. Жизнь“, 1898 г., № 10.

[4]) Мы уже указывали (т. II, стр. 431), что золотопромышленники начинаютъ страховать рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ въ страховыхъ обществахъ. Срав. „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 3, стр. 57.

Недавно обсуждался въ правительственныхъ сферахъ проектъ закона объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за увѣчье и смерть рабочихъ. Проектъ, составленный 15 марта 1893 г. въ департаментѣ мануфактуръ и торговли министерства финансовъ, состоялъ, въ главныхъ чертахъ, въ слѣдующемъ. Владѣльцы фабрикъ, заводовъ, мануфактуръ, желѣзно-дорожныхъ и иныхъ механическихъ мастерскихъ, *горныхъ разработокъ всякаго рода*, а равно предпринимателей строительныхъ работъ (казна, городскія и земскія учрежденія, общества и частныя лица), въ случаѣ смерти, увѣчья и другихъ поврежденій въ здоровьѣ (профессіональныхъ болѣзней), причиненныхъ рабочему или служащему работою въ означенныхъ предпріятіяхъ обязаны вознаградить его или его семейство за вредъ или убытокъ, отъ того проистекающіе. Отъ отвѣтственности этой владѣльцевъ вышеупомянутыхъ предпріятій предполагалось освобождать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда *они докажутъ*, что единственною причиной являются: или 1) непреодолимая (внѣшняя или стихійная) сила, или 2) преступленіе или проступокъ, могущіе быть вмѣненными въ вину третьимъ лицамъ, къ промышленному предпріятію непричастнымъ, или 3) исключительно собственная вина или умыселъ пострадавшаго лица. Въ случаѣ обнаруженія совершенной неспособности къ труду, пенсію пострадавшему предполагалось назначить въ размѣрѣ полнаго послѣдняго его годового оклада содержанія, а при неполной способности къ труду—сообразно ослабленію трудоспособности. Въ случаѣ смерти пострадавшаго, послѣдовавшей прямо отъ несчастнаго случая или послѣ предварительной потери или уменьшенія трудоспособности, причиненной такимъ несчастіемъ, вознагражденіе сверхъ расходовъ на лѣченіе и погребеніе назначается въ слѣдующемъ размѣрѣ: а) вдовѣ или вдовцу, если онъ по состоянію своего здоровья неспособенъ самъ зарабатывать себѣ пропитаніе, пожизненная пенсія до 30% содержанія умершаго или умершей; производство пенсій прекращается со вступленіемъ въ новый бракъ; б) малолѣтнимъ дѣтямъ обоего пола пенсія до 15% каждому при жизни одного изъ родителей, остающимся же круглыми сиротами до 20%; производство этихъ пенсій прекращается по достиженіи этими дѣтьми 15-ти-лѣтняго возраста, и в) родителямъ потерпѣвшаго до 15% каждому. Всѣ эти пенсіи въ совокупности не могутъ превышать 60% послѣдняго полнаго годового оклада содержанія погибшаго лица [1]).

[1]) „Новое Время“ 1893 г., № 6130; *Яроцкій*. „Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣт. предпринимат.“ 1895, II, 1077. Первоначальный проектъ, подвергся впослѣдствіи нѣкоторымъ ограниченіямъ. Самое существенное измѣненіе состояло въ томъ, что, въ случаѣ такого увѣчья или поврежденія здоровья пострадавшаго, которое влечетъ за собою постоянную неспособность къ труду, владѣлецъ предпріятія обязанъ выдавать пострадавшему пенсію въ размѣрѣ не полнаго его годового оклада, какъ предполагалось прежде, а лишь $^2/_3$ этого оклада.

Противъ проекта министерства финансовъ ополчилась группа фабрикантовъ и заводчиковъ. Въ поданной ими въ это министерство запискѣ они въ замѣнъ изложеннаго проекта предлагали: 1) „ввести общее государственное вспомоществованіе рабочимъ, получившимъ при работахъ на промышленныхъ заведеніяхъ увѣчье или иное поврежденіе въ здоровьѣ", а въ случаѣ ихъ смерти, семействамъ этихъ рабочихъ; 2) съ этою цѣлью установить сборъ со всѣхъ промышленныхъ заведеній по числу рабочихъ или суммѣ производимой заработной платы, причемъ уплату сбора возложить на обязанность владѣльцевъ предпріятій безъ всякаго участія въ томъ рабочихъ; 3) установить максимальный размѣръ постоянныхъ вспомоществованій, *несравненно ниже предлагаемаго министерствомъ финансовъ*. Мотивомъ этого предложенія выставляется „большее удобство назначенія пособій помимо суда, при несчастіяхъ, происшедшихъ по неосторожности ли владѣльца предпріятія, или винѣ самого рабочаго" [1]).

Протесты фабрикантовъ не остались безъ результата, и есть извѣстіе, что законопроектъ объ отвѣтственности фабрикантовъ и заводчиковъ за смерть и увѣчья рабочихъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ разработанъ министерствомъ финансовъ, не осуществится вовсе [2]).

Между тѣмъ какъ министерство финансовъ руководствовалось въ своемъ проектѣ принципомъ личной отвѣтственности предпринимателей, министерство государственныхъ имуществъ склоняется къ мысли о непосредственномъ введеніи государственнаго страхованія по примѣру Германіи, Австріи и Швейцаріи. Въ № 64 „Правительственнаго Вѣстника" за 1891 г. было сообщено, что министерство государственныхъ имуществъ, оза-

---

[1]) По поводу этой записки „Русскія Вѣдомости" (1894 г. № 28) справедливо писали: „Забота группы фабрикантовъ и заводчиковъ объ участіи рабочихъ, пострадавшихъ по собственной винѣ, въ запискѣ тѣсно сплетается съ другою, мало похвальною заботой о новой отсрочкѣ на неопредѣленное время какого бы то ни было обезпеченія инвалидовъ труда даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно предоставляется по проекту министерства финансовъ. Фабриканты и заводчики даже въ той части своей записки, въ которой рисуются блестящія перспективы вѣрнаго обезпеченія рабочаго „на всякій случай", заняты не столько вопросомъ о дѣйствительной помощи рабочимъ, сколько о томъ, чтобы и государственное вспомоществованіе, предложенное ими, не „обременяло" владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій: вотъ почему они не считаютъ возможнымъ „задаваться мыслью, чтобы вознагражденіе равнялось послѣднему получавшемуся содержанію"... „Авторы записки правы только до тѣхъ поръ, пока утверждаютъ, что обезпеченіе на страховомъ началѣ вѣрнѣе, нежели вознагражденіе по закону о гражданской отвѣтственности предпринимателей... Группа фабрикантовъ и заводчиковъ... повидимому, не прочь продолжить разработку вопроса объ обезпеченіи рабочихъ въ разныхъ инстанціяхъ еще десятокъ-другой лѣтъ. Но желанія небольшого числа авторовъ ходатайства и ихъ единомышленниковъ въ промышленной средѣ идутъ въ разрѣзъ съ насущными интересами многихъ тысячъ людей".

[2]) „Новое Время" 1895 г., 22 авг.

бочиваясь матеріальнымъ обезпеченіемъ участи жертвъ насчастныхъ случаевъ въ горнозаводскихъ работахъ, приступило къ собранію подробныхъ свѣдѣній какъ о несчастіяхъ за продолжительный періодъ времени по отдѣльнымъ русскимъ заводамъ, рудникамъ, копямъ и промысламъ, такъ и объ устройствѣ и дѣятельности существующихъ въ Западной Европѣ учрежденій по страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и изданныхъ по этому предмету законоположеніяхъ. Въ настоящее время въ министерствѣ государственныхъ имуществъ имѣется уже обширный, относящійся къ этому вопросу матеріалъ, на основаніи котораго предположено выработать проектъ государственной кассы для страхованія горныхъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ".

Въ виду этого извѣстія имѣла особый интересъ брошюра горнаго инженера А. Кеппена, члена горнаго совѣта: „Вѣроятныя финансовыя послѣдствія законопроекта объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за увѣчье и смерть рабочихъ для русской промышленности вообще и горной въ особенности" [1]). (Нужно замѣтить, что авторъ исключилъ изъ своего изслѣдованія золотопромышленность и нефтепромышленность „за неимѣніемъ для нихъ сравнительныхъ данныхъ о числѣ несчастныхъ случаевъ"). Брошюра эта была вызвана вышеизложеннымъ законопроектомъ министерства финансовъ, который оно предполагало распространить и на горнопромышленность. Г. Кеппенъ высказывается противъ этого послѣдняго предположенія. Общій выводъ его таковъ: „Если для другихъ отраслей промышленности, уплаты, которыя окажутся послѣдствіемъ введенія новаго закона, не настолько велики, чтобы можно было думать объ обращеніи ихъ на страхованіе рабочихъ, то горные промыслы, могущіе легко перейти на болѣе полное обезпеченіе занятыхъ на нихъ рабочихъ, слѣдовало бы совершенно выдѣлить" (стр. 34). Взамѣнъ предположеній министерства финансовъ г. Кеппенъ рекомендуетъ для горной промышленности страхованіе рабочихъ „отъ болѣзни, отъ увѣчій и отъ старости, т.-е. страхованіе всѣхъ трехъ видовъ, которые существуютъ въ Германіи и совокупность которыхъ, безъ сомнѣнія, составляетъ идеалъ обезпеченія рабочихъ и ихъ семействъ" (стр. 33—34). Такимъ образомъ, г. Кеппенъ предлагаетъ воспользоваться примѣромъ германскаго государственнаго страхованія, но тутъ же онъ почему-то въ самомъ существенномъ вопросѣ отступаетъ отъ этого образца: „При учрежденіи кассъ для обезпеченія рабочихъ на случай неспособности къ труду, отъ чего бы таковая неспособность ни происходила: отъ болѣзни, отъ увѣчья или отъ истощенія силъ,—утверждаетъ онъ,—обыкновенно принято раздѣлять взносы поровну между хозяевами промышленныхъ предпріятій и рабочими" (?), почему и предлагаетъ обложить хозяевъ предпріятій сборомъ въ размѣрѣ 6% заработка рабочихъ и такой же % заработка взыскивать и съ этихъ послѣднихъ. А между тѣмъ, въ другомъ трудѣ г. Кеппенъ совершенно справедливо говоритъ, что при государственномъ страхованіи рабочихъ *отъ несчастныхъ случаевъ, одни хозяева* вносятъ необходимыя для дѣйствія страхованія средства. Было бы очень желательно, чтобы при перенесеніи германскаго

[1]) Мы получили эту брошюру при циркулярѣ высочайше утвержденной постоянной совѣщательной конторы желѣзозаводчиковъ (подписанномъ Е. Рагозинымъ), изъ котораго видно, что брошюра г. Кеппена напечатана этою конторой желѣзозаводчиковъ, постановившею „сообщить ее всѣмъ желѣзозаводчикамъ на ихъ заключеніе".

законодательства о страхованіи рабочихъ на русскую почву оно не подвергалось столь невыгоднымъ для нихъ измѣненіямъ. Въ виду того, что г. Кешенъ весьма неточно излагаетъ постановленія иностранныхъ законодательствъ, измѣняя ихъ въ пользу предпринимателей, нельзя не порадоваться, что вмѣсто него предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ по выработкѣ устава государственной кассы помощи горнорабочимъ, назначенъ А. А. Штофъ.

Въ настоящее время (январь 1898 г.) комиссіею по выработкѣ устава государственной кассы помощи горнорабочимъ уже выработаны предварительные проекты: 1) закона о страхованіи горнорабочихъ, 2) положенія о больничныхъ кассахъ при горныхъ заводахъ и промыслахъ и 3) устава государственной кассы страхованія горнорабочихъ. Такъ какъ главныя основанія этихъ проектовъ, осуществленіе которыхъ можетъ положить прочное начало государственному страхованію рабочихъ вообще, нынѣ опубликованы [1]), то это даетъ намъ возможность изложить здѣсь ихъ главные принципы.

Комиссія проектируетъ обезпечить помощь горнорабочимъ страхованіемъ: 1) въ случаѣ болѣзни какъ самого рабочаго, такъ и членовъ его семейства, 2) въ случаѣ смерти рабочаго, 3) въ случаѣ лишенія его въ бо́льшей или меньшей степени трудоспособности на время или навсегда и 4) при наступленіи старости.

Лѣченіе горнорабочихъ лежитъ по нашимъ законамъ всецѣло на обязанности хозяина завода или промысла. Обязанность эта и не должна быть съ него снимаема, но лѣченіе членовъ семейства рабочаго и оказаніе денежной помощи больному для хозяина не обязательны; эти виды помощи и должны быть задачею страхованія. Больничныя кассы должны быть учрежденіями мѣстными; на нихъ предполагается возложить помощь лишь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Напротивъ пособія, вызываемыя смертью рабочаго, а также потерею трудоспособности и наступленіемъ старости, являются пособіями весьма продолжительными, и касса, выдающая ихъ, можетъ успѣшно дѣйствовать лишь на основахъ страховой техники; существованіе ея будетъ тѣмъ прочнѣе, и страхованіе въ ней тѣмъ дешевле, чѣмъ болѣе будетъ въ ней членовъ (страхуемыхъ). Въ горной промышленности, болѣе чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности, возможны такія несчастныя происшествія, которыя сразу лишаютъ жизни или трудоспособности весьма значительное число лицъ; это требуетъ учрежденія государствомъ одной общей кассы при участіи промышленниковъ. По примѣру германскаго и австрійскаго законодательствъ, предполагается предоставить застрахованнымъ рабочимъ право получать *отъ кассы* возна-

[1]) „С.-Петербург. Вѣдом.“ 1897 г. № 345; „Русск. Вѣд.“ 1898 г. № 10.

гражденіе за *всякій* причиненный при работахъ вредъ, отъ какихъ бы причинъ онъ ни произошелъ, сохранить за ними право искать судомъ какой-либо доплаты къ этому вознагражденію *лично отъ хозяина* лишь въ случаѣ *умышленнаго* причиненія послѣднимъ рабочему вреда. Затѣмъ *кассѣ* должно быть предоставлено въ случаяхъ, когда, по мнѣнію ея правленія, причиною несчастія была вина хозяина, отыскивать судебнымъ порядкомъ съ послѣдняго возмѣщенія своихъ расходовъ, вызванныхъ этихъ несчастіемъ. Сверхъ случаевъ лишенія рабочихъ жизни или трудоспособности, происходящихъ по винѣ предпринимателя, существуетъ весьма много такихъ, которые вызываются условіями промысла. Сюда относятся прежде всего профессіональныя болѣзни, а затѣмъ несчастные случаи, которые, если и происходятъ съ одной стороны отъ неосторожности рабочаго, то съ другой—существеннымъ факторомъ является опасность самой работы или ея орудій. Во всѣхъ этихъ случаяхъ есть „вина промышленности", которая и должна быть признаваема экономически отвѣтственною за ихъ послѣдствія; другими словами: профессіональный рискъ долженъ лежать на предпринимателяхъ, а не на рабочихъ. Въ случаяхъ смерти, не обусловленной работою, и лишенія трудоспособности, хотя объясняемой изнашиваніемъ силъ на пользу промышленности, но не связанной съ какимъ-либо частнымъ случаемъ, предполагается возложить одинаковые взносы какъ на рабочихъ, такъ и на предпринимателей. То же предполагается и относительно больничныхъ кассъ, подспорьемъ къ которымъ могутъ служить „штрафные капиталы", образуемые на отдѣльныхъ горныхъ заводахъ и промыслахъ на основаніи 152 ст. Уст. Пром. изъ взысканій, налагаемыхъ на рабочихъ властью нанимателя. И такъ страхованіе рабочихъ на случаи смерти и лишенія трудоспособности, зависящія отъ причинъ, связанныхъ съ самыми работами, должно быть относимо *всецѣло* на счетъ хозяевъ предпріятій, страхованія же на случаи того же рода, происходящія отъ всякихъ иныхъ причинъ, а также на старость и на случаи болѣзни—пополамъ на счетъ хозяевъ и самихъ рабочихъ.

Для опредѣленія размѣра ежегодныхъ взносовъ хозяевъ и рабочихъ предполагается капитализировать стоимость пенсій, ежегодно назначаемыхъ, т.-е. ту сумму, которая, расходуемая вмѣстѣ съ приносимыми ею процентами, достаточна по теоріи вѣроятности, для покрытія расходовъ на выдачу пенсіи во все время жизни пенсіонеровъ; что же касается больничныхъ кассъ, то здѣсь ежегодные взносы должны быть соразмѣряемы съ ежегодными расходами при собираніи, впрочемъ, и нѣкотораго запаснаго фонда. Такимъ образомъ какъ для кассы страховой, такъ и для кассъ больничныхъ законъ долженъ опредѣлить размѣръ выдачъ, размѣръ же взносовъ будетъ зависѣть отъ этихъ послѣднихъ. Размѣръ выдачъ изъ кассъ долженъ быть опредѣленъ въ извѣстномъ

отношеніи къ заработку. Пенсіи отъ страховой кассы предполагается назначать въ размѣрѣ не болѣе двухъ третей заработка пострадавшаго [1]). Такой же размѣръ пенсіи предполагается назначить и на случай „полной выслуги", т.-е. достиженія рабочимъ предѣльнаго возраста при производствѣ въ кассу взносовъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Такимъ предѣльнымъ возрастомъ, разумѣется кромѣ случаевъ потери трудоспособности, предполагается назначить 55 лѣтъ въ виду того, что средняя продолжительность жизни у насъ меньше, чѣмъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Право на полную пенсію будутъ имѣть рабочіе, дѣлавшіе взносы. Въ управленіи больничными кассами должны принимать участіе какъ представители заводовладѣльцевъ, такъ и выборные отъ рабочихъ.

Правленія больничныхъ кассъ могутъ принять на себя роль низшей инстанціи въ дѣлѣ страхованія на случай смерти, потери трудоспособности и старости; въ нихъ могутъ поступать просьбы рабочихъ и членовъ ихъ семействъ о назначеніи пенсіи; правленія собираютъ всѣ свѣдѣнія и постановляютъ предварительныя рѣшенія, которыя переходятъ на разсмотрѣніе высшей инстанціи мѣстнаго управленія кассою при каждомъ горномъ управленіи. Въ случаѣ жалобы на рѣшеніе мѣстнаго управленія кассы дѣло переносится въ центральное управленіе. Мѣстныя и центральныя управленія кассою должны быть учрежденіями коллегіальными, и въ нихъ участвуютъ и представители горнопромышленниковъ по приглашенію министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, которому должно быть дано право предоставлять избраніе всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ этихъ представителей мѣстнымъ съѣздамъ горнопромышленниковъ. Составители проекта полагаютъ, что участіе въ этихъ управленіяхъ рабочихъ „трудно осуществимо и едва-ли принесло бы существенную пользу дѣлу"; но мы думаемъ, что, по крайней мѣрѣ въ мѣстныхъ управленіяхъ, такое участіе осуществимо: если представители крестьянъ участвовали, напримѣръ, въ Екатерининской законодательной комиссіи, то почему же представители рабочихъ не могутъ быть полезны въ учрежденіи, вѣдающемъ дѣла имъ хорошо извѣстныя, связанные же съ этимъ расходы (представители рабочихъ, если они сами рабочіе, не могутъ исполнять свои обязанности безвозмездно) очень мало увеличатъ общую сумму расходовъ, вызываемую страхованіемъ рабочихъ. Содержаніе правительственныхъ должностныхъ лицъ въ мѣстныхъ и центральномъ управленіяхъ кассы предполагается принять на счетъ правительства.

Правительство, по мнѣнію составителей проекта, можетъ также оказать помощь страховой кассѣ въ предоставленіи въ ея собственность двухъ капиталовъ:

[1]) Въ случаѣ несчастія съ малолѣтнимъ или подросткомъ принимается заработокъ взрослаго рабочаго, занимающагося тѣмъ же дѣломъ.

1) „фонда горнозаводскихъ товариществъ“, составлявшаго къ 1-му іюлю 1897 г. 1,617,800 р. и 2) капитала, пожертвованнаго гороблагодатскими золотопромышленниками „для призрѣнія сиротъ и увѣчныхъ нижнихъ горныхъ чиновъ“, равнявшагося къ 1-му января 1897 г. 126,649 рублямъ. Сверхъ того, законъ 5-го апрѣля 1894 г. положилъ основаніе общему для всей Россіи капиталу „для выдачи вспомоществованій больнымъ и увѣчнымъ горнорабочимъ“, въ который поступаютъ денежныя взысканія: а) налагаемыя на горнопромышленниковъ за неисполненіе даваемыхъ имъ горнымъ надзоромъ указаній о недостаткахъ подземныхъ и горнозаводскихъ работъ; б) налагаемыя хозяевами золотыхъ и платиновыхъ промысловъ на рабочихъ (кромѣ ссыльно-поселенцевъ) и в) налагаемыя на этихъ хозяевъ въ административномъ порядкѣ за нарушеніе закона о рабочихъ. Въ настоящее время этотъ капиталъ ничтоженъ, но онъ будетъ возростать. Кромѣ того, составители проекта справедливо указываютъ, что для горныхъ заводовъ и промысловъ долженъ быть изданъ дополнительный законъ, соотвѣтствующій Высочайше утвержденному 29 мая 1895 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, касающемуся фабрикъ и заводовъ вѣдомства министерства финансовъ. По этому послѣднему закону всѣ денежныя взысканія съ хозяевъ означенныхъ промышленныхъ заведеній, налагаемыя на нихъ судомъ или губернскими по фабричнымъ дѣламъ присутствіями за нарушеніе законовъ о рабочихъ, а равно тѣ суммы штрафныхъ капиталовъ (образуемыхъ на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ изъ взысканій, налагаемыхъ на рабочихъ властью ихъ хозяевъ), которыя остаются свободными, вслѣдствіе закрытія промышленныхъ заведеній, обращаются на составленіе состоящаго въ вѣдомствѣ министерства финансовъ капитала для вспомоществованія больнымъ и увѣчнымъ рабочимъ.

Кассы горнозаводскихъ товариществъ при казенныхъ заводахъ и рудникахъ [1]) предполагается проектомъ обратить въ больничныя, причемъ за ними можетъ быть сохранена и существующая ссудосберегательная операція. Изъ предварительнаго проекта положенія о больничныхъ кассахъ на горныхъ заводахъ и промыслахъ отмѣтимъ слѣдующія черты: устройство больничныхъ кассъ обязательно для владѣльцевъ всѣхъ тѣхъ горныхъ заводовъ и промысловъ, въ которыхъ работа производится съ помощью *наемныхъ* рабочихъ. Участвовать съ производствомъ ежемѣсячныхъ взносовъ обязаны также и тѣ рабочіе, которые работаютъ на промыслѣ и заводѣ по найму отъ подрядчика, а также служащіе, получающіе ежегодное вознагражденіе въ размѣрѣ не болѣе 500 руб. Право участія въ кассѣ предоставляется по желанію и рабочимъ, занимающимся при горныхъ заводахъ и промыслахъ рубкою лѣса, выжиганіемъ угля, сплавомъ каравановъ и перевозками разнаго рода. Средства кассы составляются: а) изъ ежемѣсячныхъ взносовъ членовъ кассы въ размѣрѣ не меньшемъ $^1/_2$% и не большемъ 2% заработной платы; б) изъ ежемѣсячныхъ взносовъ со стороны горнопромышленника, не меньшихъ суммы взносовъ всѣхъ членовъ, не исключая и участниковъ необязательныхъ; в) изъ штрафного капитала и пр. Во время болѣзни

[1]) См. о нихъ брошюру г. Тигранова, изд. въ 1895 г.

члена кассы отъ взноса ея освобождаются какъ онъ самъ, такъ и горнопромышленникъ. Во время беременности женъ членовъ кассы и работницъ пособія выдаются въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль беременности и двухъ недѣль послѣ родовъ. Въ случаѣ смерти члена кассы на погребеніе его выдается пособіе въ размѣрѣ не менѣ 20-кратнаго поденнаго его заработка. Учрежденіе больничныхъ кассъ не избавляетъ владѣльцевъ горныхъ заводовъ и промысловъ отъ обязанности оказывать рабочимъ безвозмездную врачебную помощь. Но уставомъ кассы могутъ быть возложены на нее расходы по лѣченію самихъ членовъ кассы и содержанію для этого лѣчебныхъ учрежденій съ условіемъ, чтобы въ такомъ случаѣ взносы горнопромышленниковъ превышали взносы членовъ кассы по крайней мѣрѣ на сумму, необходимую для покрытія этихъ расходовъ, и чтобы помѣщенія для лѣчебныхъ заведеній съ ихъ принадлежностями и со всѣми требуемыми приспособленіями были предоставлены кассѣ горнопромышленниковъ безвозмездно.

По предварительному проекту устава государственной кассы страхованія горнорабочихъ полная потеря трудоспособности навсегда, въ случаѣ увѣчья или болѣзни, полученныхъ на заводскихъ или промысловыхъ работахъ неумышленно со стороны потерпѣвшаго, даетъ ему пожизненное право на постоянное пособіе въ размѣрѣ $^2/_3$ годового его заработка ежегодно [1]). Временная потеря трудоспособности, продолжающаяся болѣе трехъ мѣсяцевъ вслѣдствіе болѣзни или увѣчья, полученныхъ на работахъ, даетъ ему право до возстановленія трудоспособности, на лѣченіе на счетъ кассы и на ежемѣсячное пособіе въ размѣрѣ $^1/_2$ мѣсячнаго заработка одинокому рабочему или работницѣ и $^2/_3$ мѣсячнаго заработка, имѣющему на своемъ попеченіи жену (мужа), или дѣтей, или родителей. Смерть, причиненная на работахъ неумышленно со стороны потерпѣвшаго, даетъ право: а) вдовѣ его на полученіе ежегодно $^1/_2$ годового заработка мужа пожизненно или до вступленія въ новое замужество; б) дѣтямъ умершаго, а также пасынкамъ и падчерицамъ ежегодно: при жизни матери по $^1/_6$ годового заработка умершаго до достиженія 17-тилѣтняго возраста или до вступленія матери ихъ въ замужество, а круглымъ сиротамъ по $^1/_4$ этого заработка до достиженія того же возраста, и в) родителямъ умершаго, находившимся на его попеченіи, каждому на полученіе ежегодно $^1/_6$ годового заработка умершаго—пожизненно; но совокупность пенсій не можетъ превышать $^2/_3$ заработка. При вычисленіи пенсій, получаемыя рабочими отъ хозяина пищевое довольство и квартиры оцѣниваются на деньги по мѣстнымъ среднимъ цѣнамъ и присоединяются къ годо-

[1]) По первому проекту министерства финансовъ объ отвѣтственности предпринимателей предполагалась выдача пенсій въ размѣрѣ полнаго годового заработка.

вому заработку. Смерть пенсіонера даетъ право на ежегодное полученіе въ пенсію вдовѣ $^1/_2$ его пенсіи, дѣтямъ по $^1/_4$ (а круглымъ сиротамъ по $^3/_8$) и родителямъ, находившимся на его попеченіи, по $^1/_4$ его пенсіи, но съ тѣмъ, чтобы совокупность пенсій не превышала пенсіи умершаго. Смерть жены-работницы, или пенсіонерки даетъ мужу право на ежегодное пожизненное полученіе въ пособіе $^1/_3$ заработка, или $^1/_2$ пенсіи лишь въ случаѣ, если онъ по нетрудоспособности находился на ея иждивеніи. Пенсіонеръ, вновь поступившій на горныя работы, утрачиваетъ право на пенсію. На первый годъ дѣйствія устава взносъ рабочихъ опредѣляется въ $^1/_2$ % ихъ заработка, а взносъ владѣльцевъ заводовъ и промысловъ въ $3^1/_2$ % заработка занятыхъ на каждомъ заводѣ или промыслахъ рабочихъ.

Выгодная особенность всего этого проекта состоитъ въ томъ, что онъ можетъ быть осуществленъ немедленно и не требуетъ предварительнаго собиранія точныхъ статическихъ свѣдѣній о количествѣ рабочихъ, умершихъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ и пр. [1]) вслѣдствіе того, что, для пересмотра размѣра взносовъ, назначенъ годовой срокъ, т.-е. этотъ размѣръ опредѣляется ежегодно.

Мы говорили до сихъ поръ о жизни рабочихъ (общеконтрактныхъ, отрядныхъ, золотничниковъ и проч.), легально и открыто работающихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Но кромѣ нихъ на всѣхъ золотоносныхъ системахъ Сибири находится большее или меньшее количество рабочихъ, тайно добывающихъ золото—такъ называемыхъ хищниковъ, которыхъ иначе называютъ „летучкою“ [2]). Такими хищниками дѣлаются, во-первыхъ, рабочіе, не нашедшіе заработка на промыслахъ или разсчитанные съ нихъ, а также почему-либо оказавшіеся безъ паспорта; къ нимъ примыкаютъ рабочіе, уже выработавшіеся и потерявшіе силу, которымъ совершенно закрытъ доступъ на пріиски. Особенно большое количество „вольныхъ старателей“, какъ они сами себя называютъ, находится на амурскихъ промыслахъ, но встрѣчаются они и во всѣхъ другихъ системахъ. Они или вновь открываютъ золотоносныя мѣстности, или пользуются площадями заявленными, но не обрабатываемыми, или, наконецъ, подбираютъ остатки золота на пріискахъ, считающихся уже совершенно выработанными. Они ютятся гдѣ попало: то въ избушкахъ, разбросанныхъ по тайгѣ, то проникаютъ на пріиски и находятъ себѣ пріютъ и пищу у рабочихъ, живущихъ на мѣстѣ. Если имъ удастся найти неразработанное, богатое золотомъ мѣсто, имъ обыкновенно не

---

[1]) Составитель проекта указываетъ на „совершенную неудовлетворительность регистраціи случаевъ потери трудоспособности на нашихъ горныхъ заводахъ и промыслахъ“.

[2]) См. *Нургали.* „Въ гостяхъ у летучки“. „Сѣвер. Вѣстн.“ 1890 г., № 6.

удается долго скрыть въ тайнѣ свое открытіе, и тогда являются довѣренные золотопромышленниковъ и заявляютъ найденныя летучкою мѣста на имя своихъ довѣрителей.

Въ Ленскомъ горномъ округѣ, какъ мы знаемъ, довольно сильно развита добыча золота шахтами; здѣсь хищники сплошь и рядомъ роются въ оставленныхъ шахтахъ съ большою опасностью для жизни.

„Земляной сводъ, толщиною въ нѣсколько десятковъ, а иногда и сотенъ аршинъ, поддерживается во время производства работъ съ помощью цѣлой системы подпорокъ, изъ которыхъ надежнѣйшія состоятъ изъ четырехъугольныхъ земляныхъ колоннъ въ полторы, двѣ, а иногда и болѣе сажени длины и ширины... Но лишь работы окончены и вмѣстѣ съ тѣмъ вывезены наверхъ и эти колонны, какъ содержащія въ себѣ золото, видъ шахты быстро измѣняется. Оставляемыя въ шахтахъ деревянныя подпорки въ 1 — 1½ обхвата, не могутъ удержать громадной, давящей на нихъ тяжести верхняго слоя земли; онѣ разламываются въ щепки и пустота постепенно заполняется... Въ такой-то подземный лабиринтъ спускаются хищники. Бываютъ случаи, что, добравшись ползкомъ къ мѣсту съ золотомъ, несчастный хищникъ не можетъ уже вернуться назадъ: пока онъ возился, добывая крупинки золота, его путь засыпало землею, и онъ оказался заживо погребеннымъ. Часто хищникамъ приходится прожить подъ землею довольно долго, и тогда туда доставляются запасы провизіи, свѣчей и орудій, необходимыхъ при подземныхъ работахъ... Давитъ хищниковъ земля, топитъ вода, гибнутъ они и отъ угаровъ, которые неизбѣжны, такъ какъ въ шахтахъ необходимо раскладывать небольшіе костры для оттаиванія вѣчно мерзлой земли, содержащей въ себѣ золото“. Впрочемъ „въ шахтахъ, не особенно осѣвшихъ и богатыхъ золотомъ, хищникамъ удается иногда устроиться даже съ комфортомъ (съ хищнической, конечно, точки зрѣнія). Выбравъ поудобнѣе и посуше мѣсто, они устраиваютъ тамъ нѣчто вродѣ комнаты: на деревянномъ полу возлѣ стѣнъ разостланы постели изъ войлока; жаровня съ горячими угольями замѣняетъ каминъ; къ стѣнѣ прибито нѣсколько полокъ, уставленныхъ чайникомъ, чашками, запасами пищи, а при удачной добычѣ золота и бутылками съ водкой; гдѣ-нибудь въ углу стоитъ ящикъ со стеариновыми свѣчами и запасными орудіями, кайлами, лопатами, и т. п.—Въ случаѣ удачной добычи золота никакія опасности не остановятъ хищниковъ“. Спускаться въ шахту глубиной въ 50 и даже въ 100 аршинъ приходится по веревкѣ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ лѣстницы по окончаніи работъ въ шахтахъ убираются пріисковыми управленіями. Чтобы скрыть отъ казаковъ свое присутствіе въ шахтахъ, хищники, спустившись туда, часто заваливаютъ путь камнями и лѣсомъ и, благодаря этому, иногда гибнутъ тамъ. Поиски золота въ неразвѣданныхъ мѣстахъ бываютъ особенно затруднительны зимою. Работать приходится на открытомъ воздухѣ при страшныхъ морозахъ, и промывка золотосодержащихъ песковъ въ маленькихъ лоткахъ крайне мучительна [1]).

На амурскихъ промыслахъ количество хищниковъ особенно увеличилось съ половины 80-хъ годовъ, со времени разгрома Желтугинскихъ пріисковъ, или, такъ называемой, Амурской Калифорніи.

Желтугинскіе пріиски, открытые въ 1883 г. въ сѣверной Маньд-

[1]) „Восточ. Обозрѣніе“, 1895 г. № 26.

журіи, получили свое названіе отъ небольшой рѣчки, извѣстной у мѣстныхъ инородцевъ подъ названіемъ „Желта“ и переименованной русскими рабочими въ „Желтугу“. Лѣтомъ 1883 года по всему Амуру и Забайкалью быстро распространились слухи о найденномъ здѣсь богатомъ золотѣ. Въ сентябрѣ, по окончаніи пріисковой операціи, въ Благовѣщенскѣ появилось множество рабочихъ различныхъ золотопромышленныхъ компаній и, услышавъ здѣсь о найденномъ богатствѣ, они устремились на Желтугу, несмотря на то, что многіе нанялись на частные пріиски и получили задатки. Сюда явились и каторжники, бѣжавшіе съ Карійскихъ промысловъ, ссыльные и разные авантюристы. Такимъ образомъ, въ короткое время здѣсь собралось до 5—7 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ много китайцевъ и корейцевъ, но были и представители различныхъ національностей. Въ началѣ 1885 года число рабочихъ доходило здѣсь по разнымъ источникамъ до 10—15 тысячъ, а въ концѣ этого года ихъ насчитывали около 5000. Такое скопленіе народа вызвало чрезмѣрную дороговизну припасовъ: мясо, продававшееся въ Благовѣщенскѣ по 4 р. за пудъ, стоило здѣсь 10—15 рублей; пудъ сухарей, вмѣсто 3 р. 20 к., продавался по 12 руб., позднѣе и по 16 р.; за топоръ, вмѣсто 5 р., платили 10 р.; за лопату—10 р.; бутылка ланинской шипучей воды стоила 12 р., бутылка водки—1 р. 50 к., фунтъ свѣчей 4 р. Слухи о такой дороговизнѣ вызвали наѣздъ торговцевъ изъ Забайкалья, такъ что постепенно количество лавокъ увеличилось здѣсь до 150. Появились гостиницы съ громкими названіями „Марсель“, „Бесѣда“, „Калифорнія“, двѣ бани—общая и номерная, игорные дома, въ одномъ изъ которыхъ была рулетка, буфетъ и оркестръ музыки. Появился звѣринецъ, труппа жонглеровъ, фокусниковъ, гимнастовъ, наѣздниковъ, два оркестра музыки и нѣсколько органовъ. Жили рабочіе въ зимовьяхъ, строившихся въ два ряда улицею [1]). Всѣхъ зимовьевъ было болѣе 400. Образованная ими улица носила названіе Милліонной, а въ серединѣ всего стана находилась обширная площадь, называвшаяся „Орлинымъ“ или „Орловымъ полемъ“ (отъ игры въ орлянку). Здѣсь происходили общественные сходы и казни преступниковъ. Площадь была окружена со всѣхъ сторонъ магазинами и кабаками, а въ центрѣ ея помѣщалось длинное зданіе съ надписью „Управленіе Желтугинскими пріисками“, предъ которымъ было устроено возвышеніе, и на столбѣ висѣлъ двухпудовый колоколъ.

[1]) „Зимовье, это—обыкновенный срубъ изъ бревенъ, имѣющій окна и двери и законопаченный со всѣхъ сторонъ мхомъ; для сохраненія теплоты сверху насыпаютъ на бревна, замѣняющія собою крышу, достаточное количество земли, полъ же большею частью остается земляной и только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлается изъ бревенъ; отапливались эти зимовья на Желтугѣ желѣзными или чаще русскими глинобитными печами“. Постройка такого жилища стоила до 200 рублей.

По бокамъ возвышенія стояли двѣ чугунныхъ пушки, а впереди виднѣлась небольшая пирамидка ядеръ: тутъ же былъ выстроенъ молитвенный домъ, гдѣ совершалась служба (часы), для чего при домѣ состояли чтецъ, бѣглый каторжникъ изъ духовнаго званія, и ктиторъ; надъ входною дверью было написано: „Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы", т.-е. та же надпись, которую мы встрѣтили въ каторжныхъ тюрьмахъ на Карѣ. Съ другой стороны находилось зданіе общественнаго склада и рядомъ пороховой погребъ, врытый въ землю. Устроена была также и больница, раздѣленная на четыре отдѣленія. Въ самомъ большомъ изъ нихъ помѣщалось 15 деревянныхъ коекъ, покрытыхъ въ два ряда мягкимъ войлокомъ и застланныхъ бѣлою простынею; на нихъ находились парусинныя подушки, набитыя соломой, и байковыя одѣяла. Другое отдѣленіе было занято аптекою; третье предназначалось для пріема приходящихъ больныхъ, наконецъ въ послѣднемъ помѣщались больничная прислуга и кухня. Больные, поступившіе въ лазаретъ, лѣчились на общественный счетъ, а также съ разрѣшенія врача пользовались полнымъ продовольствіемъ, состоявшимъ изъ утренняго и вечерняго чая, завтрака и обѣда изъ трехъ блюдъ. Такое содержаніе больного обходилось до 5 р. въ сутки, что при полномъ комплектѣ на 15 человѣкъ составляло въ мѣсяцъ 2250 р. Въ лазаретъ помѣщались рабочіе наиболѣе бѣдные и страдающіе самыми тяжкими болѣзнями, особенно тифомъ и цынгою.

Все населеніе работало и жило артелями (женщины на Желтугу первоначально не допускались, а позднѣе ихъ было не много, не болѣе 5% населенія). Каждая артель состояла изъ 10—15 человѣкъ, и число артелей зимою 1884—1885 г. превышала 700. Въ началѣ существованія Желтуги здѣсь нерѣдко происходили воровство и разнаго рода насилія. Въ декабрѣ 1884 г. былъ убитъ самымъ звѣрскимъ способомъ поваръ артели бѣжавшихъ съ Кары каторжниковъ. Это убійство поразило всѣхъ; начались сходки, и черезъ 6 дней было рѣшено выбрать одно лицо, выдѣлявшееся изъ толпы своимъ образованіемъ, практическими свѣдѣніями и энергіей, для введенія порядка и дисциплины, и далъ ему титулъ старшины Желтугинскаго пріиска. Пріискъ по числу зимовьевъ былъ раздѣленъ на 5 участковъ, изъ которыхъ одинъ былъ образованъ китайцами; въ каждомъ участкѣ было выбрано по два старосты, которые вмѣстѣ со старшиной составили „правленіе" Желтугинскихъ пріисковъ. Старшина получалъ жалованье, по однимъ свѣдѣніямъ, 400 р., по другимъ—1000 р. въ мѣсяцъ, а старосты по 200 руб. Эти лица были облечены административною и судебною властью. Старосты въ своихъ участкахъ могли приговаривать къ наказанію до 100 ударовъ, а болѣе важныя дѣла рѣшались въ присутствіи старшины. Самыя тяжкія преступленія, какъ, напримѣръ, убійство, представлялись

на рѣшеніе общественнаго схода, который созывался только въ исключительныхъ случаяхъ. Сигналомъ къ этому служили выстрѣлы изъ обѣихъ пушекъ, стоявшихъ на Орлиномъ полѣ. Для руководства властямъ и общаго свѣдѣнія было выработано цѣлое уложеніе. Убійство наказывалось по закону Моисея: „око за око, зубъ за зубъ". За прочія преступленія назначались тѣлесныя наказанія. За воровство, за мужеложство и другіе сверхъестественные пороки и преступленія, за ношеніе оружія въ пьяномъ видѣ, за поддѣлку золотого песка, за выстрѣлы въ предѣлахъ Желтуги безъ уважительной причины полагалось по 500 ударовъ терновникомъ, т.-е. кнутомъ, набитымъ гвоздями, что было равносильно смертной казни; за приводъ на пріискъ женщинъ—400 ударовъ палкою, за отдачу подъ залогъ рабочихъ инструментовъ 300, за ночной шумъ 200 ударовъ, за открытое пьянство 100 розогъ. Всякій наказанный въ Желтугѣ немедленно изгонялся безъ права возвращенія и получалъ на границѣ 100 добавочныхъ ударовъ. Отъ тѣлеснаго наказанія не былъ изъятъ никто безъ различія сословія, національности и подданства за исключеніемъ лицъ, несшихъ общественную службу по выбору. Постановленія этого уложенія стали немедленно примѣняться. Если вѣрить свидѣтельству одного иностраннаго источника, въ одинъ день было повѣшено около 30 человѣкъ [1]), обвиненныхъ въ убійствахъ, а затѣмъ, какъ видно и изъ другихъ показаній, въ теченіе двухъ недѣль происходило тѣлесное наказаніе менѣе важныхъ преступниковъ. Вѣсти о вновь введенныхъ строгихъ порядкахъ разнеслись по всему Забайкалью, торговцы стали смѣлѣе появляться на пріиски, и цѣны начали падать. Торговцы были обложены налогами въ размѣрѣ 10% стоимости товаровъ за исключеніемъ мяса и сухарей. Съ торгующихъ спиртными напитками оптомъ взималось 25%, содержатели трактировъ и увеселительныхъ заведеній вносили 20% съ общей валовой ежемѣсячной выручки. При сборѣ пошлинъ выдавалась квитанція за печатью управленія и подписью старшины. Собранныя такимъ образомъ деньги составляли общественный капиталъ желтугинскихъ вольныхъ промышленниковъ. Для завѣдыванія имъ избирался особый казначей. Изъ средствъ этого капитала между прочимъ содержалась стража въ 100—150 вооруженныхъ человѣкъ, находившихся подъ вѣдѣніемъ старшины для охраны общественнаго порядка; изъ нихъ составлялись три патруля, обходившіе каждую ночь всю Желтугу; они же исполняли обязанности пожарныхъ.

Разработка пріисковъ основывалась на артельномъ началѣ, но и

---

[1]) „Revue Française", 1886, XII, p. 543—544. Цитата заимствована изъ сочиненія *Д. Позднѣева* „Описаніе Маньчжуріи", Спб. 1897 г., т. I, 495. О томъ, что смертная казнь примѣнялась иногда въ Желтугѣ, есть и русскія свидѣтельства. „Сибир. Сборн." 1886 г. I, 165.

индивидуальная собственность имѣла при этомъ немалое значеніе. Каждому, вступающему въ артель, безъ различія сословій, вмѣнялось въ обязанность работать наравнѣ со всѣми прочими членами.

„Капиталъ для покупки жилища, инструментовъ, коня и прочихъ рабочихъ принадлежностей вносилъ каждый членъ на паяхъ поровну, за что добывавшееся золото, за вычетомъ расходовъ на содержаніе всѣхъ членовъ, ежедневно дѣлилось также поровну. Новый членъ могъ быть принятъ только съ согласія всей артели. Если кто по законнымъ причинамъ желалъ не явиться на работу, то обязанъ былъ ранѣе, за день до своего отсутствія, нанять за себя на свой счетъ поденщика. Если пайщикъ не являлся на работу въ продолженіе трехъ дней, то по желанію артели могъ быть лишенъ участія въ паяхъ безвозвратно и безпрекословно, о чемъ своевременно должно было извѣстить старшину; изъ этого правила исключались только больные. Каждый членъ, желавшій оставить участіе въ товариществѣ, обязанъ былъ прежде всего предложить свой пай артели, которая, уплативъ ему ея стоимость, нанимала на свой счетъ поденщика и прибыль дѣлила между собою. Если артель не желала купить продаваемый пай, обладатель его имѣлъ полное право продать его кому-либо за произвольную цѣну, и артель не могла отказаться отъ принятія въ свою среду новаго владѣльца.—Вначалѣ, когда населеніе на пріискѣ было невелико, всѣмъ представлялась возможность соединяться въ артели и выбивать въ незанятомъ мѣстѣ яму для добыванія золота. Въ это время всѣ артели заготовляли себѣ значительное число такихъ ямъ, которыя онѣ затѣмъ сами разрабатывали или продавали другимъ, когда число рабочихъ увеличилось, а все золотоносное пространство оказалось занятымъ; цѣны за отдѣльныя ямы отъ 400 р. доходили до 2—$2^1/_2$ тысячъ рублей. Между тѣмъ многія артели, дорого заплативъ за яму, не находили въ ней золота и разорялись. Такимъ разорившимся оставалось только идти въ поденщики къ разбогатѣвшимъ лицамъ, которыя, платя имъ отъ 3 до 5 руб. въ день [1]) и давая полное содержаніе, жилище и нужные инструменты на правахъ хозяевъ, наживались за ихъ счетъ. Такихъ рабочихъ собственники ямъ могли имѣть неограниченное число; часть рабочихъ называлась половинщиками, такъ какъ они обыкновенно получали половину добывавшагося золота. Но далеко не всѣ прибывшіе на пріискъ могли найти себѣ работу; въ силу разныхъ условій образовался значительный пролетаріатъ, который влачилъ, не находя работы, крайне бѣдственное существованіе въ то время, какъ нѣкоторыя артели имѣли очень большое число запасныхъ ямъ. Въ виду этого, съ введеніемъ правильнаго устройства въ Желтугѣ, было постановлено, что артели въ 9 человѣкъ могутъ имѣть только 2 запасныя ямы, 18 человѣкъ—4 и 27 человѣкъ—6 ямъ; всѣ же излишнія ямы были объявлены достояніемъ желтугинской команды вольныхъ промышленниковъ и раздавались по усмотрѣнію правленія“.

Въ Желтугѣ считалось невыгоднымъ разрабатывать яму, гдѣ въ 100 пуд. песку содержалось 5 золотн. золота. Счастливыя артели добывали въ день до 150 золотн., а большинство довольствовалось 10—15 золотниками. Въ самомъ началѣ изъ 100 пуд. песку намывали отъ 1 до $1^1/_2$ ф. шлиховаго золота. Полагаютъ, что за все время существованія Желтуги было намыто до 500 пуд. золота. Русская администрація ску-

[1]) Въ 1884 г. рабочая плата поднималась до 8 р., но въ 1885 г. падала и до 2 р.

пала золото по 3 р. 40 к.—3 р. 60 к. за золотникъ, но китайцы платили по 4 р., и потому большая часть желтугинскаго золота ушла въ Китай.

Въ январѣ 1886 года китайское правительство разогнало рабочихъ съ Желтуги, причемъ китайцы, попавшіеся въ руки отряда, посланнаго для ея разгрома, убивались съ величайшею жестокостью. Полагаютъ, что при этомъ было убито до 300 человѣкъ китайцевъ [1]).

Со времени разгрома Желтуги мѣстные наблюдатели отмѣчаютъ значительное усиленіе хищничества на промыслахъ Амурской области [2]). Отъ времени до времени хищники нападали на особенно золотоносныя мѣста; вѣсть объ этомъ быстро разносилась, и на это мѣсто собиралось особенно значительное количество вольныхъ старателей. Такъ въ 1892 и 1893 годахъ прогремѣла „Бомская Калифорнія“ (по р. Бому системы р. Селемджи, притока Зеи). Для того, чтобы разогнать собравшійся туда народъ, послали военный отрядъ подъ начальствомъ хорунжаго Кузьмицкаго, который слишкомъ энергично принялся за исполненіе даннаго ему порученія и сталъ примѣнять весьма жестокія мѣры. „Разогнавъ хищниковъ съ мѣста работъ, хорунжій сталъ ихъ преслѣдовать по тайгѣ, подкарауливалъ подходящихъ, пристрѣливалъ, а золото отбиралъ... Однажды выстрѣлами онъ потопилъ лодку и убилъ мальчика, плывшаго въ ней съ отцомъ... Могильные кресты, разсѣянные по Селемджинской тайгѣ, еще долго будутъ указывать путь, по которому хищники уходили съ Бома. Хищники разсѣялись по всей этой тайгѣ, и то тутъ, то тамъ стали открывать золото; тогда въ тайгу послали подвижной отрядъ подъ начальствомъ казачьяго офицера Черноты-де-Боярыбоярскаго. „Этотъ офицеръ, помня, что широкое примѣненіе Кузьмицкимъ огнестрѣльнаго оружія не было одобрено начальствомъ, выбралъ другое оружіе—розги“. Гоняя хищниковъ, онъ отбиралъ у нихъ золото и припасы, но затѣмъ самъ былъ удаленъ.

Суровая расправа, произведенная этими двумя офицерами, заставила хищниковъ изъ системы Селемджи перейти на р. Гилюй, правый притокъ р. Зеи, гдѣ они и сдѣлали рядъ весьма удачныхъ открытій. Раннею весною 1896 г. разнеслась вѣсть о томъ, что найдено чрез-

---

[1]) Наше изложеніе желтугинской эпопеи основано на соч. *Дмитрія Позднѣева* „Описаніе Маньчжуріи“ (изд. Минист. Финансовъ, Спб. 1897 г. т. I, стр. 485—509), авторъ котораго внимательно изучилъ всѣ источники. Къ сожалѣнію нельзя того же сказать о г. А. Лебедевѣ, авторѣ интереснаго очерка „Желтугинская республика въ Китаѣ“ („Рус. Богатство“, 1896 г. № 9). Срав. „Амурская Калифорнія (по разсказамъ очевидца)“ въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ 1886 г. кн. I или въ книгѣ „Сибир. разсказы изъ жизни пріисковаго люда“. Спб. 1888 г.

[2]) „Обзоръ Амур. Обл. за 1892 г.“ стр. 15—20; *Бацевичъ*. „Матеріалы для изученія Амур. Обл.“ стр. 154—155.

вычайно богатое золото въ разстояніи 130 верстъ отъ Зейской пристани. Найденное богатство было такъ велико, что ключъ назвали Милліоннымъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ здѣсь работало уже до 700 человѣкъ, а въ іюнѣ ихъ уже было до 3000; рабочіе называли себя „обществомъ вольныхъ старателей".

Подобно тому, какъ на Желтугѣ и Бомѣ, и здѣсь установилось самоуправленіе, были выработаны свои законы и порядки. Работа производилась небольшими артелями; каждая артель избирала себѣ мѣсто по своему усмотрѣнію. „Для жилья построили шалаши и балаганы, изъ камней сложили печи для печенья хлѣба. Нѣкоторыя работы пришлось дѣлать сообща, какъ-то: отводъ русла ключа, устройство плотины и т. п. На работу принимался всякій, лишь бы онъ не имѣлъ правъ на золотопромышленность, лишь бы онъ не былъ контрактованный пріисковый рабочій. Если такіе попадались, то наказывались розгами и удалялись за предѣлы ключа". Китайцы и корейцы совершенно не принимались. Женщинъ было постановлено на сходѣ вовсе не допускать. Безобразное пьянство, драка, нечестность и воровство наказывались розгами по опредѣленію схода [1]). Здѣсь, какъ и въ Желтугѣ, появились балаганы съ питейными домами, ресторанами и т. п. Недостатка ни въ чемъ не было, всевозможные товары—мануфактурные, бакалейные, виноградныя вина и спиртъ доставлялись сюда въ изобиліи. Когда подходила лодка или караванъ къ устью ключа, староста съ помощникомъ встрѣчали его, осматривали привезенное и дѣлали расцѣнку. За продажу выше установленной таксы виновные наказывались розгами. Съ торговцевъ товарами и припасами, съ гостиницъ, игорныхъ домовъ и бань собирали денежныя пошлины [2]).

Работа производилась ямами при помощи пожоговъ; воду изъ ямъ выкачивали насосами; пески поднимались на поверхность въ особыхъ деревянныхъ сосудахъ, или же въ керосиновыхъ банкахъ, и промывались тутъ же на лоткахъ. Нѣкоторыя ямы были закрѣплены прочною деревянною крѣпью, которая доказывала, что здѣсь работали люди, хорошо знакомые съ дѣломъ [3]). Полагаютъ, что всего на Милліонномъ ключѣ было добыто хищниками отъ 40—100 пуд. золота.

Вѣсть о Милліонномъ ключѣ быстро разнеслась на далекое пространство; началось движеніе среди рабочихъ и въ Зейской, и въ Селемджинской тайгѣ, и на Нимани, и на Амгунн. Въ Джалиндинскомъ районѣ произошло волненіе на Нижне-Ивановскомъ пріискѣ, арендуе-

---

[1]) Ср. „Уложеніе о наказаніяхъ", дѣйствовавшее на Гилюѣ, въ „Томскомъ Листкѣ" 1896 г. № 195.

[2]) „Вѣстн. Золот." 1896 г., № 17, стр. 315.

[3]) *Е. Васильевъ.* „Милліонный ключъ". „Горный Журналъ", 1897 г. № 1, стр. 111.

момъ Доенинымъ и К°. 31-го мая 1896 г. 82 человѣка рабочихъ не пошли на работу, потребовали управляющаго, стали жаловаться на прижимки въ пріемѣ уроковъ, на худой хлѣбъ, на дурное обращеніе съ ними служащихъ. На другой день въ квартирѣ управляющаго разбили стекла и хотѣли разнести контору; но урядникъ отстоялъ ее и съ двумя казаками арестовалъ и заковалъ въ кандалы 23 человѣка. На мѣсто происшествія изъ Благовѣщенска пріѣхалъ представитель прокурорскаго надзора, явился и горный исправникъ. Многія жалобы рабочихъ были признаны безусловно правильными, контракты, заключенные съ рабочими, найдены невозможными, установленіе урока слишкомъ неопредѣленнымъ. Тѣмъ не менѣе 22 человѣка были отвезены подъ конвоемъ до Срѣтенска, а затѣмъ имъ были выданы проходные виды для отправленія на родину.

„Вольные старатели“ на Гилюѣ поняли, что броженіе среди пріисковыхъ рабочихъ вызоветъ жалобы среди золотопромышленниковъ высшему начальству, которое приметъ энергическія мѣры для прекращенія хищнической добычи золота, а потому они рѣшили не принимать къ себѣ рабочихъ, ушедшихъ съ пріисковъ, о чемъ и разослали объявленіе. Золотопромышленныя компаніи приглашались прислать списки бѣжавшихъ съ пріисковъ рабочихъ, и объявлялось, что они будутъ немедленно наказаны розгамя и высланы за предѣлы Милліоннаго ключа.

Въ половинѣ іюня отъ главнаго начальника края пришелъ приказъ о немедленномъ изгнаніи хищниковъ. Въ Благовѣщенскѣ былъ сформированъ отрядъ изъ 20 солдатъ подъ командою поручика Вржосека, который 27 іюня подошелъ къ устью Милліоннаго ключа. „Не доходя саженъ 100 до устья ключа, отрядъ отаборился, и поручикъ Вржосекъ послалъ сказать, чтобы къ нему вышли для переговоровъ три человѣка. Когда пришли депутаты, офицеръ объявилъ имъ, чтобы всѣ работающіе оставили работы и ушли съ ключа, въ противномъ случаѣ онъ вынужденъ будетъ силою выдворить ихъ оттуда. Депутаты вскорѣ вернулись съ отвѣтомъ, что уходить не желаютъ, а просятъ разрѣшить имъ поработать еще недѣльку, много другую, и тогда они сами уйдутъ. Кромѣ того просили офицера дать имъ для просмотра инструкцію губернатора. Получивъ отказъ въ своей просьбѣ, депутаты ушли на ключъ“. 28-го числа поручикъ Вржосекъ потребовалъ, чтобы толпа расходилась, грозя въ противномъ случаѣ открыть огонь; въ отвѣтъ послышались брань и крики: „всѣхъ не перестрѣляешь“. Сдѣланы были въ два пріема выстрѣлы поверхъ толпы, не причинившіе никому вреда. Послышались одобряющіе толпу крики, что стрѣляютъ холостыми зарядами, увѣряли, будто у офицера нѣтъ приказа стрѣлять въ народъ боевыми патронами. Послѣ третьяго требованія разойтись ружья направляются внизъ, отрядъ даетъ залпъ, и нѣсколько человѣкъ падаетъ. Тогда

„общество вольныхъ старателей“ выслало депутатовъ для переговоровъ. Было рѣшено, что въ теченіе двухъ дней ключъ долженъ быть очищенъ, что никого не будутъ задерживать, и каждый можетъ унести съ собой все свое имущество. Послѣднимъ залпомъ одинъ человѣкъ былъ убитъ и семеро ранено; ихъ отправили въ больницы Верхне-Амурской компаніи; двое изъ нихъ умерли, остальные поправились. Горный исправникъ и окружной инженеръ Оранскій, ѣхавшій на Милліонный ключъ, возвратили 4-го іюля отрядъ поручика Вржосека, считавшаго свою миссію покончennою. Оказалось, что на ключѣ вновь возобновилась работа; 24 человѣка были арестованы и высланы на родину по этапу. Отрядъ остался на мѣстѣ для охраны ключа и его окрестностей [1]).

Въ 1896 г. и 1897 г. скоплялось нѣсколько сотъ хищниковъ на Каменномъ ключѣ системы р. Муи, лѣвомъ притокѣ Витима. Здѣсь опять организовалось нѣчто вродѣ Амурской Калифорніи: были выборные старосты, самосудъ, извѣстная дисциплина въ работахъ [2]).

Сильное развитіе хищничества въ Амурской области заставило еще въ 1893 году горнаго инженера Оранскаго и горнаго исправника Маркевича на Хабаровскомъ съѣздѣ высказать мнѣніе, что слѣдуетъ облегчить доступъ къ золотопромышленности, каждому дать возможность заниматься добычею золота за извѣстную плату въ казну за землю, т.-е. „хищниковъ превратить въ законныхъ промышленниковъ“. Нужно, чтобы участки отводились желающимъ немедленно, не стѣсняясь размѣромъ, доводя ихъ по желанію заявителя до минимума хотя бы въ нѣсколько квадратныхъ саженъ. Такой порядокъ существуетъ на владѣльческихъ дачахъ Урала, гдѣ каждому желающему дается участокъ въ 10 кв. саженъ съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы все добытое золото сдавалось въ контору владѣльца земли, откуда онъ и получаетъ деньги за золото немедленно. По мнѣнію Оранскаго и Маркевича единственнымъ средствомъ для искорененія хищничества *„является полная свобода золотопромышленности“* [3]). Эти взгляды проникли теперь и въ высшія сферы, и въ 1897 г. въ министерствѣ государственныхъ имуществъ былъ выработанъ проектъ о замѣнѣ существующей горной подати съ золота при введеніи его свободнаго обращенія [4]). Почти всѣ съѣзды золотопромышленниковъ отнеслись несочувственно къ этому проекту, но скопленія хищниковъ на рр. Бомѣ, Гилюѣ и въ другихъ мѣстахъ вы-

---

[1]) Разсказъ о хищникахъ на Бомѣ и Гилюѣ основанъ преимущественно на ст. *П. Надина* „Хищники и золотопромышленники на Амурѣ“. „Русск. Мысль“ 1898 г. № 2. О хищникахъ въ Уссурійскомъ краѣ см. въ книгѣ *А. Я. Максимова* „На далекомъ Востокѣ“ т. I—1887 г., т. II—1894 г.

[2]) „Восточное Обозр.“ 1898 г. № 11.

[3]) „Труды III-го Хабаровскаго съѣзда“ 1893 г., стр. 138—139.

[4]) „Вѣстн. Золот.“ 1897 г. № 13, стр. 289.

зываютъ убѣжденіе, что правительству необходимо легализировать хищническую добычу золота, если оно не желаетъ, чтобы золото сотнями пудовъ уходило въ Китай, и чтобы тысячи рабочихъ трудились въ такихъ ненормальныхъ условіяхъ. Введеніе свободы обращенія золота положитъ конецъ промышленной и торговой монополіи золотопромышленныхъ компаній, произведетъ весьма значительныя измѣненія въ бытѣ рабочихъ и, въ концѣ концовъ, вызоветъ въ нихъ ту самодѣятельность, которая является главнымъ стимуломъ къ улучшенію быта рабочаго класса.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I. Для статистики пріисковыхъ рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Западной Сибири въ 70-хъ годахъ мы имѣемъ гораздо менѣе данныхъ, чѣмъ въ 60-хъ.

Въ 1870 г. на 77 пріискахъ Маріинскаго округа было добыто и промыто 28.513.100 пудовъ золотосодержащаго песку съ среднимъ содержаніемъ 41 доля шлиховаго золота на 100 пуд. песку. Рабочихъ на пріискахъ этого округа было 1754 чел. и шлиховаго золота получено 31 п. 25 ф. 24 зол. Въ Алтайскомъ округѣ было 29 частныхъ пріисковъ; на нихъ въ томъ же году промыто 38.511.470 пуд. песку съ среднимъ содержаніемъ 63 доли на 100 пуд.; золота добыто 65 п. 25 ф. 13 зол., рабочихъ было 1600 чел. Въ Семипалатинской, Семирѣченской и Акмолинской областяхъ было 16 пріисковъ, на которыхъ промыто 21.042.470 пуд. песку съ среднимъ содержаніемъ 17 долей; добыто золота 9 п. 35 ф. 69 зол.; рабочихъ было 1382 [1]).

Въ 1871 г. въ Маріинскомъ округѣ было добыто золота 47 п. 10 ф. 38 зол., въ 1872 г.—45 п. 10 ф. 63 зол. (пріисковъ въ этомъ году было 69). Въ Алтайскомъ округѣ добыто золота въ 1871 г. 77 п. 11 ф. 52 зол., въ 1872 г.—119 п. 31 ф. 91 з. (пріисковъ было 26). Въ 1871 г. на пріискахъ обоихъ названныхъ округовъ было 3974 чел. рабочихъ, въ 1872 г.—3841 чел. [2]).

Въ 1876 г. въ Маріинскомъ округѣ разрабатывалось 79 пріисковъ, въ Алтайскомъ—33. На нихъ промыто песковъ 141.482.751 пудъ и добыто шлиховаго золота 103 п. 33 ф. 37 зол.; среднее содержаніе золота въ 100 пуд. песку на пріискахъ Маріинскаго округа было $24^3/_4$ доли, Алтайскаго—$29^1/_2$ долей; рабочихъ въ обоихъ округахъ—4627 чел. [3]).

---

[1]) „Горный Журналъ“ 1871 г. № 7, стр. 136—138, 142; *Кеппенъ*. „Статистич. таблицы горной промышл. въ Россіи“, Спб. 1879 г., стр. 28; *Боголюбскій*. „Золото“, стр. VI.

[2]) *Кеппенъ*, стр. 28; „Томск. Губ. Вѣд.“ 1874 г. № 6.

[3]) „Сибирь“ 1877 г. № 5. По даннымъ Кеппена, золота было промыто нѣсколько болѣе.

Въ 1878 г. въ Маріинскомъ округѣ разрабатывалось 90 и въ Алтайскомъ 35 пріисковъ; на нихъ промыто 147.537.167 пуд. песку и добыто шлиховаго золота 118 п. 7 ф. 69 зол.; среднее содержаніе золота въ Маріинскомъ округѣ было $24^1/_2$ доли, въ Алтайскомъ $35^1/_2$ долей; рабочихъ на пріискахъ обоихъ округовъ 4605 человѣкъ [1])

Въ 1879 г. на 90 пріискахъ Маріинскаго округа было промыто 76.530.995 пуд. съ среднимъ содержаніемъ $25^3/_4$ доли и получено шлиховаго и руднаго золота 53 п. 28 ф. 52 зол.; рабочихъ было 2824 чел. м. п. На 42 частныхъ пріискахъ Алтайскаго округа промыто 68.508.050 пуд. песку съ среднимъ содержаніемъ $43^1/_4$ доли и добыто шлиховаго и руднаго золота 80 п. 20 ф. 64 зол.; рабочихъ было 2164 ч. м. п. На 24 пріискахъ Семипалатинской области было промыто 37.559.500 пуд. песку съ среднимъ содержаніемъ $9^1/_8$ доли и добыто 9 п. 16 ф. 42 зол. шлиховаго золота; рабочихъ было 1776 чел. (въ томъ числѣ 19 дѣтей). Въ Акмолинской области былъ 1 пріискъ въ Кокчетавскомъ округѣ, на немъ промыто 1.489.600 пуд. песку съ среднимъ содержаніемъ 17 долей и добыто 26 ф. 15 зол.; рабочихъ было 90 ч. м. п. Всего въ 1879 г. на золотыхъ промыслахъ Западной Сибири было 6854 чел. рабочихъ [2]).

По даннымъ горнаго департамента всего въ Западной Сибири на частныхъ золотыхъ пріискахъ было:

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
1874	132	139.167,032	6,537	138 п. 11 ф. 19 з.
1875	124	156.239,414	6,086	120 „ 14 „ 31 „
1876	150	170,409,206	6,581	119 „ 39 „ 3 „
1877	150	165.194,019	5,872	130 „ 24 „ 37 „
1878	156	180.321,567	6,740	134 „ 5 „ 28 „
1879	157	184.088,145	6,989	144 „ 11 „ 78„ [3])

По сравненію съ шестидесятыми годами мы находимъ значительное увеличеніе количества рабочихъ на пріискахъ Западной Сибири: въ 1865—69 гг. среднее годовое количество рабочихъ равнялось 3655 чел., въ 1875—79 гг.—6453 чел.

Относительно Восточной Сибири мы имѣемъ для 70-хъ гг. болѣе подробныя данныя о рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ.

---

[1]) „Сибирь“ 1879 г. № 14.

[2]) Арх. Горн. Департ., отчетъ о частной золотопромышленности Алтайскаго горнаго округа; „Горный Журналъ“ 1881 г. № 4—5, стр. 242.

[3]) Свѣдѣнія о золотопромышленности за 1874—79 гг. заимствованы изъ напечатанныхъ въ „Горномъ Журналѣ“ 1876—81 гг. трудовъ секретаря горн. учен. комит. К. Скальковскаго подъ заглавіемъ „Горнозаводская производительность въ Россіи“.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Въ сѣверной части Енисейскаго округа.					
1870	151	176.040,900	62 д.	9,486	295 п. 20 ф. 82 з. [1])
1871	—	—	—	8,871 [2])	290 „ 3 „ 17 „
1872	—	—	61 1/4 „	7,222	246 „ 15 „ — „ [3])
1873	—	—	50 2/3 „	6,689	192 „ — „ 36 „ [4])
1874	104	112.478,422	—	5,071 м. п.	165 „ 20 „ 83 „
1875	119	117.112,570	—	5,255 [5]) м. п.	158 „ 8 „ 9 „
1876	109	110.706,650	48 1/2 „	5,086	176 „ 4 „ 90 „
1877	120	137.469,550	42 2/3 „	5,698 [6])	158 „ 22 „ 78 „
1878	115	171.219,750	37 1/2 „	6,857 [7]) об. п.	175 „ 26 „ 79 „ [8])
1879	109	175.282,055	33 „	6,817 об. п.	155 „ 27 „ 45 „ [9])
Въ южной части Енисейскаго округа.					
1870	131	103.163,700	52 д.	7,507	131 п. 11 ф. 19 з.
1871	—	—	—	5,393 [10])	139 „ 22 „ 54 „
1872	—	—	55 1/2 „	5,871	162 „ 25 „ 11 „
1873	—	—	59 1/4 „	5,304	165 „ 8 „ 5 „
1874	110	113.309,729	—	4,528 м. п.	173 „ 26 „ 68 „
1875	129	130.675,410	—	5,232 [11]) м. п.	182 „ 35 „ 18 „
1876	138	132.802,200	47 „	6,401	140 „ 33 „ 18 „
1877	135	149.760,100	41 1/6 „	5,935	167 „ 7 „ 75 „
1878	146	176.090,075	34 1/2 „	6,673 [12])	164 „ 15 „ 70 „
1879	147	185.820,006	29 „	6,792 [13])	147 „ 25 „ 25 „

[1]) „Горный Журналъ“ 1871 г. № 7, стр. 136—138, 142.

[2]) Изъ матеріаловъ, сообщенныхъ г. Савинскимъ.

[3]) „Енисейск. Губ. Вѣд.“ 1874 г. № 4, стр. 13; *Кеппенъ*, 30. По другимъ свѣдѣніямъ, рабочихъ 7709 м. п. и 765 ж. п. „Ирк. Губ. Вѣд.“ 1873 г. № 51.

[4]) *Кеппенъ*, 30; „Енис. Губ. Вѣд.“ 1874 г. № 4.

[5]) „Приложеніе 1-е къ выпуску I Сборн. главн. оффиц. докум.“ т. VII, отчетъ горн. отд. вѣд. № 3.

[6]) Въ 1876 г. рабочихъ м. п. 4708, въ 1877 г.—5369. „Приложеніе 1-е къ Сборнику оффиц. докум., отчетъ горн. отд.“.

[7]) „Енис. Губ. Вѣд.“ 1879 г. № 30 стр. 118.

[8]) Свѣдѣнія о 1874—78 гг. заимствованы изъ отчетовъ о „Горнозавод. производит. Россіи“, составленныхъ Скальковскимъ и напечатанныхъ въ „Горн. Журн.“ и отдѣльно, а количество рабочихъ за 1876—77 гг.—изъ „Ирк. Губ. Вѣд.“ 1878 г. № 18, стр. 4.

[9]) „Енис. Губ. Вѣд.“ 1880 г. № 24; Арх. Горн. Департ., отчетъ о частн. золотопром. за 1879 г. Рабочихъ м. п. было 6221, женщинъ и дѣтей 596.

[10]) Взято изъ таблицы Савинскаго.

[11]) „Прилож. 1-е къ вып. I Сборн. оффиц. докум.“ т. VII, отчетъ горн. отд., вѣд. № 3.

[12]) Рабочихъ м. п. 6113, женщ. и дѣтей 560. „Енисейск. Губ. Вѣд.“ 1879 г. № 30.

[13]) Рабочихъ м. п. 6250, женщинъ и дѣтей 542. „Енисейск. Губ. Вѣд.“ 1880 г. № 24. По отчету о золотопром. за 1879 г. въ горномъ департаментѣ, 6400 раб. м. п.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Въ Ачинскомъ округѣ.					
1870	29	30.960,600	26 д.	— [1]	24 п. 4 ф. 13 з.
1871	—	—	—	799 [2]	19 „ 20 „ 56 „
1872	—	—	25 1/4 „	732	15 „ 33 „ — „
1873	—	—	22 3/8 „	762	18 „ 33 „ 15 „
1874	19	15.961,100	—	577 [2]	16 „ 32 „ 13 „
1875	23	20.130,700	—	722 [2]	15 „ 8 „ 94 „
1876	23	25.299,080	21 „	722	14 „ 18 „ 39 „
1877	31	36.142,799	—	1,115	20 „ — „ 40 „
1878	32	48.271,200	17 „	815 [3] об. п.	22 „ 3 „ 14 „
1879	32	51.049,950	14 5/8 „	751 [4] об. п.	20 „ 12 „ 58 „
Въ Минусинскомъ округѣ.					
1870	45	35.645,950	29 д.	—	28 п. 21 ф. 50 з.
1871	—	—	—	1,263 [2]	30 „ 22 „ 11 „
1872	—	—	29 1/4 „	1,896	29 „ 20 „ 60 „
1873	—	—	40 3/4 „	978	30 „ 19 „ 62 „
1874	30	30.061,300	—	1,015 [2]	32 „ 35 „ 15 „
1875	40	33.368,230	—	1,154 [2]	34 „ — „ 76 „
1876	38	36.185,420	29 3/8 „	1,124	28 „ 36 „ 4 „
1877	43	35.635,800	40 1/3 „	1,085	37 „ 9 „ 16 „
1878	47	32.003,550	43 1/2 „	1,250 [5] об. п.	37 „ 36 „ 66 „
1879	38	30.417,400	37 1/2 „	1,311 [6] об. п.	30 „ 38 „ 42 „

[1]) Въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ вмѣстѣ было въ 1870 г. 1865 рабочихъ.

[2]) Изъ таблицы, сообщенной Савинскимъ.

[3]) 723 рабочихъ м. п. и 92 ч. женщинъ и дѣтей. „Енис. Губ. Вѣд.“ 1879 г. № 30, стр. 118.

[4]) 650 рабочихъ м. п., 59 ж. п., 42 дѣтей. Отчетъ о золотопром. Вост. Сиб. за 1879 г. въ горн. департ.

[5]) Рабочихъ м. п. 1075, женщинъ и дѣтей 175. „Енис. Губ. Вѣд.“ 1879 г. № 30.

[6]) Рабочихъ м. п. 1182, ж. п. 107 и дѣтей 22.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ.					
1870	16	12.854,014	53 д.	671	18 п. 27 ф. 7 з.
1871	—	—	—	666 [1])	18 „ 22 „ 80 „
1872	—	—	—	533 [2])	12 „ 26 „ 19 „
1873	—	—	—	523 [1])	16 „ 1 „ 4 „
1874	20	10.876,266	—	749 [1])	16 „ 32 „ 39 „
1875	27	13.715,157	—	1,017 [3])	22 „ 37 „ 30 „
1876	28	13.191,500	70 3/4 „	1,010	25 „ 22 „ 94 „
1877	34	18.926,504	59 1/4 „	1,576	37 „ 35 „ 27 „
1878	37	23.076,371	62 „	1,407 [3])	38 „ 36 „ 7 „
1879	33	24.079,510	51 „	1,512 [3])	33 „ 8 „ 20 „
Въ Иркутскомъ округѣ.					
1877	1	—	—	105	— п. 7 ф. 15 з.
1878	1	—	—	—	— „ 10 „ 94 „
1879	1	—	—	25 м. п.	— „ 11 „ 7 „
Въ Верхоленскомъ округѣ.					
1872	—	—	—	—	1 п. 5 ф. 55 з.
1873	—	—	—	—	1 „ 6 „ 16 „
1874	—	—	—	54 [1])	— „ 15 „ 84 „
1875	—	—	—	25 [1])	— „ 1 „ 5 „
1876	—	—	—	—	— „ 3 „ 2 „
1877	—	—	61 д.	12	— „ 4 „ 55 „
1879	—	—	—	—	— „ 3 „ 40 „

[1]) Изъ таблицы, сообщенной Савинскимъ.

[2]) Рабочихъ м. п. 516, женщинъ и дѣтей 17. „Ирк. Губ. Вѣд.“ 1873 г. № 51 стр. 4.

[3]) „Приложеніе 1-е къ выпуску I Сборн. оффиц. докум.“ т. VII, отчетъ о Нижнеудинск. окр., стр. 25.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
Въ Верхнеудинскомъ округѣ Забайкальской области.					
1870	19	7.917,663	93½ д.	— [1])	20 п. 3 ф. 78 з.
1871	—	—	—	468 [2])	16 „ 5 „ 95 „
1872	—	—	—	— [3])	12 „ 18 „ 16 „
1873	—	—	—	425 [2])	8 „ 8 „ 28 „
1874	13	5.583,190	—	113 [2])	6 „ 4 „ 48 „
1875	12	5.612,900	—	426 [2])	6 „ 39 „ 20 „
1876	13	6.637,895	47 „	415	7 „ 32 „ 8 „
1877	11	12.542,711	39⅛ „	737	13 „ 12 „ 37 „
1878	17	10.646,478	48¾ „	—	14 „ 1 „ 83 „
1879	17	8.207,925	40½ „	— [4])	9 „ 1 „ 20 „
Въ Баргузинскомъ округѣ.					
1870	31	22.937,117	1 з. 18 д.	—	68 п. 13 ф. 18 з.
1871	—	—	—	1,264 [2])	74 „ 37 „ 41 „
1872	—	—	—	—	60 „ 17 „ 6 „
1873	—	—	—	1,295 [2])	41 „ 25 „ 66 „
1874	22	14.658,095	—	1,112 [2])	39 „ 12 „ 62 „
1875	20	13.008,323	—	756 [2])	28 „ 14 „ 95 „
1876	20	13.860,106	89⅓ „	979	33 „ 22 „ 43 „
1877	21	14.207,580	70¾ „	1,026	27 „ 11 „ 43 „
1878	24	17.469,511	72 „	—	31 „ 23 „ 5 „
1879	29	21.786,520	67 „	—	39 „ 24 „ 2 „

[1]) Вмѣстѣ съ Баргузинскимъ округомъ было 2768 рабочихъ.

[2]) Изъ таблицы, сообщенной Савинскимъ.

[3]) Вмѣстѣ съ Баргузинскимъ округомъ, по матеріаламъ Савинскаго, было 2216 рабочихъ.

[4]) Вмѣстѣ съ Баргузинскимъ округомъ 2820 рабочихъ м. п., 186 ж. п. и 66 дѣтей, всего 3072 чел.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
Въ Нерчинскомъ округѣ.					
1870	24	81.779,051	81 д.	4,416	180 п. 24 ф. 73 з.
1871	—	—	—	4,562 [1])	176 „ 17 „ 52 „
1872	—	—	—	3,813 [2])	177 „ 1 „ 68 „
1873	—	—	—	3,934 [3])	114 „ 27 „ 54 „
1874	—	—	—	3,133 [1])	173 „ — „ 85 „
1875	28	65.059,986	—	3,828 [1])	169 „ 20 „ 53 „
1876	30	88.009,903	87½ „	3,614	192 „ 17 „ 26 „
1877	32	90.082,588	86 „	4,445	227 „ 31 „ 76 „
1878	33	103.786,080	76 „	—	214 „ 36 „ 2 „
1879	41	119.246,021	66 „	3,687 [4]) м. п.	213 „ 28 „ 57 „
Въ Олекминскомъ округѣ Якутской области.					
1870	40	97.761,825	2 з. 73 д.	5,196	601 п. 19 ф. 2 з.
1871	—	—	—	5,457	761 „ 15 „ 51 „
1872	—	—	—	8,207 [1])	630 „ 29 „ 72 „
1873	30 [5])	73.823,874 [5])	3 „ 8¼ „ [5])	8,070 [6])	593 „ 18 „ 48 „
1874	34	64.965,235	3 „ 58 „ [5])	6,845 [6])	618 „ 3 „ 61 „
1875	40	86.285,009	3 „ 47½ „ [5])	6,153 [6])	592 „ 4 „ 72 „
1876	35	52.906,745	4 „ 39 „	4,804 [6])	627 „ 20 „ 84 „
1877	38	64.191.174	5 „ 46 „	7,171	928 „ 2 „ 69 „
1878	48	87.607,985	2 „ 68 „	6,987 [6])	851 „ 14 „ 60 „
1879	50	96.125,205	3 „ 26 „	8,116 [7])	825 „ 10 „ 25 „

[1]) Изъ таблицы, сообщенной Савинскимъ.

[2]) „Ирк. Губ. Вѣд.“ 1873 г. № 51, стр. 4.

[3]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2560, № 130—184, л. 256.

[4]) Сверхъ того 492 ж. п. и 527 дѣтей рабочихъ.

[5]) „Приложеніе 1-е къ Сборн. оффиц. докум.“ 1883 г., таблица № 1.

[6]) Ibid, таблица № 3.

[7]) „Приложеніе 1-е къ выпуску I Сборн. оффиц. докум., отчетъ горн. отд. за 1882 г“. Приложеніе № 3. По другимъ источникамъ 9725 чел. м. п., 902 ж. п. и 150 дѣтей рабочихъ; итого 10777 ч. об. п.; вѣроятно, это не одни дѣйствительно находившіеся на работахъ, а все пріисковое населеніе. Арх. Горн. Департ.; „Енис. Губ. Вѣд.“ 1880 г. № 24.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Въ Амурской области.					
1870	6	19.026,537	2з. 72 д.	1,606	136 п. 37 ф. 74 з.
1871	4	—	—	2,291 [1]) об. п.	152 „ 30 „ 38 „
1872	—	—	—	2,375 об. п.	195 „ 38 „ 44 „
1873	—	—	—	1,687 [2])	161 „ 37 „ 33 „
1874	4	31.068,765	—	1,993 [3])	150 „ 11 „ 32 „
1875	8	46.025,750	—	1,365	173 „ 6 „ 32 „
1876	10	54.446,100	1 „ 20 „	1,924	171 „ 26 „ 69 „
1877	10	50.734,825	—	1,877	172 „ 1 „ 62 „
1878	11	50.423,800	1 „ 26 „	2,978	167 „ 7 „ 33 „
1879	12	67.521,940	1 „ 27¼ „	3,606 об. п.	225 „ 32 „ — „
Въ Приморской области.					
1872	—	—	—	128	4 п. 20 ф. 1 з.
1873	—	—	—	—	4 „ 13 „ 55 „
1874	—	—	—	—	—
1875	8	3.513,469	—	458 [3])	7 „ 2 „ 58 [4])
1876	3	9.194,290	49½ д.	482	12 „ 14 „ 2 „
1877	2	6.376,100	69 „	370	12 „ 29 „ 23 „
1878	3	7.640,900	74 „	—	15 „ 36 „ 64 „
1879	3	7.320,500	63 „	116	12 „ 23 „ 88 „

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2555, № 106—160, л. 222.

[2]) Число рабочихъ за 1873, 75, 76 и 78 гг. взято изъ „Приложенія 1-го къ выпуску I Сборн. оффиц. докум., отчетъ за 1882 г“. Приложеніе, табл. № 3.

[3]) Изъ таблицы, сообщенной Савинскимъ.

[4]) По Кеппену 6 п. 21 ф. 89 зол.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
На всѣхъ частныхъ золотыхъ пріискахъ Восточной Сибири.				
1870	492	588.087,357	33,515	1,505 п. 23 ф. 32 з.
1871	—	—	31,034	1,679 „ 38 „ 15 „
1872	—	—	32,993	1,549 „ 10 „ 64 „
1873	—	—	29,667	1,347 „ 39 „ 38 „
1874	356	398.962,102	25,190	1,392 „ 36 „ 14 „
1875	454	534.507,504	26,391	1.390 „ 19 „ 82 „
1876	447	543.239,889	26,561	1,431 „ 11 „ 95 „
1877	478	616.069,731	31,152	1,802 „ 16 „ 40 „
1878	514	728.235,700	26,967	1,734 „ 9 „ 1 „
1879	512	786.857,032	35,805	1,714 „ 6 „ 45 „
На всѣхъ частныхъ золотыхъ пріискахъ Восточной и Западной Сибири.				
1870	614	676.154,397	38,251	1,612 п. 29 ф. 42 з.
1871	—	—	35,008	1,804 „ 20 „ 9 „
1872	—	—	36,834	1,714 „ 13 „ 26 „
1874	488	538.129,134	31,727	1,531 „ 7 „ 33 „
1875	578	690.746,918	32,477	1,510 „ 34 „ 17 „
1876	597	713.649,095	33,142	1,551 „ 11 „ 2 „
1877	628	781.263,750	37,024	1,933 „ — „ 77 „
1878	670	908.557,267	33,707	1,868 „ 14 „ 29 „
1879	669	970.945,177	42,794	1,858 „ 18 „ 27 „

Относительно того, изъ кого состояли пріисковые рабочіе, мы имѣемъ для 70-хъ гг. очень мало свѣдѣній. На промыслахъ Томской губерніи (Маріинскаго и Алтайскаго округовъ) въ 1876 г. изъ числа 4627 чел. рабочихъ 208 (т.-е. $4^1/_2$%) были изъ великороссійскихъ губерній [1]), а въ 1878 г. тамъ же изъ 4605 рабочихъ 328 чел., т.-е. 7% было изъ великороссійскихъ обывателей [2]), а въ 1879 г.—болѣе $4^2/_2$% [3]).

По сословіямъ пріисковые рабочіе Томской губ. распредѣлялись въ 1879 г. слѣдующимъ образомъ: въ Алтайскомъ округѣ было мѣщанъ 5,7%, крестьянъ 49,7%, инородцевъ 13,3%, ссыльно-поселенцевъ 28,3%, разночинцевъ 3%; въ Маріинскомъ и Томскомъ округахъ: мѣщанъ 8,3%, крестьянъ 65,1%, инородцевъ 10,4%, ссыльно-поселенцевъ 11,3%, разночинцевъ 4,9% [4]).

[1]) „Сибирь“ 1877 г. № 5, стр. 3.
[2]) „Сибирь“ 1879 г. № 14, стр. 1—2.
[3]) „Сибирская Газета“ 1881 г. № 7.
[4]) Отчетъ о частн. золотопром. за 1879 г. въ горн. департаментѣ.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа въ 1870 г. изъ числа пріисковыхъ рабочихъ было сибирскихъ обывателей 87,8%, великороссійскихъ губерній 12,2% [1]), въ 1872 г. обывателей Сибири 91%, великороссійскихъ губерній 9% [2]). Въ 1877 г. мѣщанъ и крестьянъ сибирскихъ губерній на промыслахъ этого округа было 62%, ссыльно-поселенцевъ 30%, итого сибирскихъ обывателей 92%, обывателей великороссійскихъ губерній 8% [3]). Въ 1879 г. изъ числа рабочихъ на пріискахъ этого округа было ссыльно-поселенцевъ 1278 чел. (20%) и инородцевъ 2% [4]).

Въ южной части Енисейскаго округа въ 1870 г. изъ числа пріисковыхъ рабочихъ было 68% сибирскихъ обывателей и 32% великороссійскихъ [5]), въ 1872 г. первыхъ 92%, вторыхъ 8%. Въ 1874 г. сибирскіе крестьяне и мѣщане составляли на промыслахъ этого округа 41%, ссыльно-поселенцы 51%, итого сибирскіе обыватели 92%, а великороссійскіе 8%. Въ 1875 г. сибирскихъ крестьянъ и мѣщанъ было 38%, ссыльно-поселенцевъ 55%, итого сибирскихъ обывателей 93%, а великороссійскихъ 7% [6]). Въ 1877 г. мѣщане и крестьяне сибирскихъ губерній составляли 50%, поселенцы 45%, итого сибирскіе обыватели 95%, а великороссійскіе 5%. Въ 1879 г. изъ числа рабочихъ на пріискахъ этого округа было 47% ссыльно-поселенцевъ.

Въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ въ 1870 г. изъ числа рабочихъ было 94% обывателей Сибири и 6% великороссійскихъ; въ 1872 г. первыхъ 96%, вторыхъ 4%. Въ 1879 г. ссыльно-поселенцы составляли здѣсь 55% въ числѣ рабочихъ, инородцы—менѣе 4%.

На промыслахъ всей Енисейской губерніи въ 1873 г. сибирскіе мѣщане и крестьяне составляли 53,6%, ссыльно-поселенцы 39,8, слѣдовательно, сибирскіе обыватели вообще 93,4%, а великороссійскіе мѣщане и крестьяне—6,6% [7]). Въ 1878 г. сибирскихъ мѣщанъ и крестьянъ на промыслахъ этой губерніи было 53,7%, ссыльно-поселенцевъ 37,5, инородцевъ 1,2, итого сибирскихъ обывателей 92,4%, великороссійскихъ мѣщанъ и крестьянъ 7,6% [8]). Сравнивая эти данныя со свѣдѣніями о 60-хъ годахъ, мы видимъ, что процентъ ссыльно-поселенцевъ сильно повизился: въ 1863 г. ихъ было 53%, въ 1868 г.—46%, а въ 1873 г.—39,8, въ 1878 г.—37,5%.

На промыслахъ Нерчинскаго округа 1870 г. сибирскіе обыватели составляли 97%, великороссійскіе—3%; въ 1873 г. ссыльно-поселенцевъ на промыслахъ Читинскаго, Нерчинскаго, Акшинскаго и Нерчинско-Заводскаго округовъ былъ 21% [9]); въ 1879 г. тамъ же поселенцы составляли 30%, инородцы 5% и каторжные 4%.

На промыслахъ Олекминскаго округа въ 1870 г. сибирскіе обыватели составляли 97%, великороссійскіе—3%; въ 1877 г. первые—95%, вторые—5%.

На промыслахъ Амурской области въ 1870 г. сибирскихъ обывателей было 96% и великороссійскихъ 4%. Въ 1871 г. сибирскіе обыватели мужского пола (мѣщане, крестьяне, ссыльно-поселенцы и инородцы) составляли 87%, мѣщане и

---

[1]) „Горный Журналъ“ 1871 г. № 7, стр. 138.
[2]) „Ирк. Губ. Вѣд.“ 1873 г. № 51, стр. 4.
[3]) „Сибирь“ 1878 г. № 23, стр. 5.
[4]) Отчетъ о золотопром. за 1879 г. въ горн. департаментѣ.
[5]) „Горный Журналъ“ 1871 г. № 7, стр. 138.
[6]) Арх. горн. исправн. южно-енис. округа, дѣло 1874 г. № 34 и 1875 г. № 38.
[7]) „Енис. Губ. Вѣд.“ 1874 г. № 31, стр. 119.
[8]) „Енис. Губ. Вѣд.“ 1879 г. № 30, стр. 118.
[9]) Арх. иркутск. горн. упр. К. 2560, № 130—184, л. 256.

крестьяне Великороссіи—около 3%, отставные офицеры, чиновники, почетные граждане и купцы—около 1%, ссыльно-каторжные—2% и женщины и дѣти рабочихъ—7% [1]). Въ 1876 г. на промыслахъ Амурской области ссыльно-каторжныхъ было всего 4 чел. (на пріискахъ Верхне-Амурской К°) [2]). Въ 1879 г. поселенцы составляли здѣсь всего 2%, инородцы—около 3% рабочихъ.

Переходимъ къ статистикѣ частныхъ сибирскихъ промысловъ въ 80-хъ гг.

Въ 1880 г. въ Томской губерніи на 88 частныхъ золотыхъ промыслахъ Маріинскаго округа было промыто 63.090.215 пуд. песку и кварца съ содержаніемъ въ 30½ долей и добыто 52 п. 18 ф. 40 зол. шлиховаго и руднаго золота; на 43 частныхъ алтайскихъ промыслахъ промыто 57.235.910 пуд. песковъ и кварца съ среднимъ содержаніемъ 54¼ доли и добыто 84 п. 15 ф. 47 зол. шлиховаго и руднаго золота. Итого на 131 частномъ промыслѣ Томской губерніи было промыто 120.326.125 пуд. и добыто 136 п. 34 ф. 1 зол. золота [3]). Рабочихъ на частныхъ промыслахъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ въ 1880 г. было 4816 чел. м. п., 478 ж. п. и 86 дѣтей [4]). Въ Семипалатинской области на 30 пріискахъ было въ 1880 г. промыто 30.740.000 пуд. песковъ и кварца и добыто 8 п. 38 ф. 7 зол. шлиховаго золота; рабочихъ, преимущественно изъ киргизъ, было 1920 м. п., 221 ж. п. и 84 дѣтей. Въ Акмолинской области на трехъ Кокчетавскихъ промыслахъ было промыто 1.925.400 пуд. песку и кварца съ среднимъ содержаніемъ песковъ въ 26 долей и добыто 1 п. 16 ф. 92 зол. шлиховаго и руднаго золота; рабочихъ было 118 ч. м. п. [5]).

Въ 1881 г. на 79 пріискахъ Маріинскаго округа было промыто песковъ и кварца 56.143.026 пуд. съ среднимъ содержаніемъ песковъ въ 30 долей и всего добыто шлиховаго и руднаго золота 46 п. 7 ф. 21 зол. На 36 частныхъ промыслахъ Алтайскаго округа было промыто 52.821.000 пуд. съ среднимъ содержаніемъ въ 48 долей и добыто 70 п. 5 ф. 85 зол. шлиховаго золота. Всего на 115 частныхъ пріискахъ Томской губерніи было промыто 108.964.026 пуд. и добыто 116 п. 13 ф. 10 зол. шлиховаго золота [6]). Рабочихъ на этихъ пріискахъ было 4101 м. п., 412 женщинъ и 182 дѣтей [7]). Въ Семипалатинской области на 31 пріискѣ было промыто 32.473.000 пуд. песковъ и кварца съ среднимъ содержаніемъ въ 10½ долей и добыто 9 п. 12 ф. 42 зол. золота, а на одномъ пріискѣ Акмолинской области промыто 480.600 пуд. съ среднимъ содержаніемъ въ 32 доли и добыто всего 17 ф. 17 зол. [8]). Рабочихъ въ Семипалатинской области было 1819 чел. м. п., 178 ж. п. и 127 дѣтей, въ Акмолинской области—31 ч. м. п.

---

[1]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2555, № 106—160, л. 222. Въ 1875—76 гг. на островѣ Аскольдѣ въ Южно-уссурійскомъ краѣ находилось 331 рабочій м. п. и 4 ж. п., въ томъ числѣ русскихъ 57 м. п. и 4 ж. п., китайцевъ 153 и корейцевъ 21. „Изв. Восточно-Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1877 г. т. VIII, стр. 77.

[2]) Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 2574, № 189—243, л. 351.

[3]) *Іосса*. Горнозаводская производительность Россіи въ 1880 г., стр. 42.

[4]) Отчетъ о частн. золотопром. Зап. Сиб. за 1880 г. въ горн. департаментѣ; „Сибирская Газета“ 1883 г. № 22; „Горный Журналъ“ 1882 г. № 9, стр. 384.

[5]) *Іосса*, стр. 43.

[6]) „Горный Журналъ“ 1883 г. № 5, стр. 211.

[7]) „Горный Журналъ“ 1882 г. № 9, стр. 384.

[8]) „Горный Журналъ“ 1883 г. № 5, стр. 212.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Въ Маріинскомъ округѣ.					
1882	71	43.378,450	31 д.	1,877	34 п. 8 ф. 24 з.
1883	70	40.805,900	33 „	2,053	37 „ 16 „ 56 „
1884	86	42.121,035	30¼ „	2,093	34 „ 7 „ 92 „
1885	95	33.825,940	35½ „	2,068	32 „ 30 „ 26 „
1886	105	39.322,275	34½ „	2,203	36 „ 29 „ 21 „
1887	116	44.396,596	30 „	2,490	36 „ 21 „ 25 „
1888	113	40.378,070	34 „	2,185	37 „ 19 „ 75 „
1889	118	49.077,665	30¼ „	2,137	40 „ 25 „ 37 „
На частныхъ пріискахъ Алтайскаго округа.					
1882	47	72.265,300	37¼ д.	2,560	72 п. 26 ф. 5 з.
1883	50	74.467,735	42 „	2,577	77 „ 19 „ 67 „ [1]
1884	53	77.841,300	35½ „	2,795	74 „ 38 „ 40 „
1885	56	81.652,361	35½ „	2,746	78 „ 23 „ 32 „ [2]
1886	52	73.330,936	37 „	2,768	74 „ 3 „ 17 „
1887	56	78.897,580	38 „	2,977	81 „ 25 „ 25 „
1888	66	80.606,409	37½ „	3,306	82 „ 11 „ 46 „
1889	70	89.847,890	39 „	3,000	95 „ 18 „ 50 „
Въ Семипалатинской области.					
1882	29	36.160,600	11⅜ д.	1,785	11 п. 7 ф. 74 з.
1883	31	30.869,000	10⅜ „	1,637	8 „ 29 „ 29 „
1884	27	24.866,400	10⅜ „	1,601	7 „ 2 „ 77 „
1885	27	21.975,000	10¾ „	1,565	6 „ 16 „ 35 „
1886	26	28.484,000	10 „	1,544	7 „ 34 „ 69 „
1887	33	36.153,610	12¼ „	1,928	12 „ 4 „ 75 „
1888	35	43.748,930	12 „	2,408	14 „ 25 „ 23 „
1889	38	42.277,650	13 „	2,114	14 „ 33 „ 55 „

[1]) По свѣдѣніямъ о полицейской части на частныхъ золотыхъ промыслахъ Томской губерніи за 1883 г. на пріискахъ Маріинскаго и Алтайскаго горныхъ округовъ было 5084 рабочихъ об. пола (Арх. Горн. Департ.).

[2]) По отчету о частн. золотопром. въ Томской губ. въ 1885 г. на пріискахъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ было 5222 чел. рабочихъ (Арх. Горн. Департ.).

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
Въ Акмолинской области.					
1882	10	3.619,250	26½ д.	431	2 п. 24 ф. 3 з.
1883	12	5.373,900	21 „	884	5 „ 31 „ — „
1884	20	7.913,525	37 „	1,537	7 „ 37 „ 17 „
1885	29	9.082,850	32⅜ „	1,897	7 „ 39 „ 35 „
1886	28	9.270,125	25 „	2,135	6 „ 16 „ 92 „
1887	30	14.843,480	16 „	3,210	6 „ 19 „ 23 „
1888	29	12.690,275	21¼ „	2,899	7 „ 13 „ 88 „
1889	31	7.609,490	23 „	2,228 [1])	4 „ 28 „ 24 „
На всѣхъ частныхъ золотыхъ промыслахъ Западной Сибири.					
1882	157	155.423,600	—	6,653	120 п. 26 ф. 9 з.
1883	163	151.516,535	32⅗ д.	7,148	130 „ 16 „ 57 „
1884	186	152.742,260	31½ „	8,026	124 „ 6 „ 34 „
1885	207	146.536,151	32⅜ „	8,276	125 „ 29 „ 33 „
1886	211	150.407,336	33 „	8,650	125 „ 4 „ 7 „
1887	235	174.291,348	31 „	10,605	136 „ 30 „ 53 „
1888	243	177.423,672	31¾ „	10,798	147 „ 30 „ 40 „
1889	257	188.812,695	32 „	9,515	155 „ 25 „ 88 „ [2])

[1]) По отчету Томскаго Горнаго Управленія 2785 мужчинъ и 37 дѣтей (Арх. Томск. Горн. Упр.).

[2]) Всѣ данныя о промыслахъ Западной Сибири за 1882—89 гг. взяты изъ офиціальныхъ изданій Горнаго Департамента подъ заглавіемъ: „Горнозаводская производительность Россіи“.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ. По „Горнозавод. производительности“.	Число рабочихъ. По другимъ источникамъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
На частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири.						
Въ сѣверной части Енисейскаго округа.						
1880	105	145.858,652	$36^3/_4$ д.	—	6,387 [1]) об. п.	146 п. 15 ф. 28 з.
1881	—	—	—	—	5,764	131 „ 32 „ 83 „ [2])
1882	86	101.278,194	$34^3/_4$ „	4,278	4,278 [3]) об. п.	95 „ 36 „ 75 „
1883	95	105.349,496	33 „	4,447	4,463 [4]) „	93 „ 13 „ 54 „
1884	88	106.222,315	$37^1/_{10}$ „	4,698	4,722 [5]) „	106 „ 36 „ 59 „
1885	104	101.859,920	38 „	4,433	4,437 [6]) „	104 „ 35 „ 87 „
1886	89	89.116,400	40 „	3,675	4,153 [7]) „	97 „ 11 „ 22 „
1887	109	100.802,890	$36^1/_2$ „	3,568	4,023 [8]) „	99 „ 33 „ 29 „
1888	108	104.050,760	$34^1/_2$ „	3,713	3,776 [9])	97 „ 19 „ 2 „
1889	103	101.264,934	$20^1/_4$ „	3,873	3,993 [10])	83 „ 33 „ 48 „ [11])
Въ южной части Енисейскаго округа.						
1880	145	138.566,950	$35^1/_7$ д.	—	5,830 [1]) об. п.	134 п. 23 ф. 32 з.
1881	—	—	—	—	4,424	121 „ 30 „ 53 „
1882	136	120.192,305	$32^1/_2$ „	4,297	4,297	115 „ 18 „ 45 „
1883	135	144.381,030	33 „	4,618	4,682 [4]) об. п.	125 „ 30 „ 10 „
1884	130	139.320,609	$33^1/_3$ „	3,626	4,080 [5]) „	126 „ 7 „ 25 „
1885	149	157.828,525	$27^7/_8$ „	4,989 об. п.	—	118 „ 32 „ 33 „
1886	150	147.269,825	28 „	5,327	6,187 [7]) об. п.	110 „ 34 „ 78 „
1887	152	162.895,063	27 „	4,650	4,894 [8]) „	118 „ 27 „ 48 „
1888	144	165.783,500	$26^3/_4$ „	4,376	5,448 [12]) „	120 „ 3 „ 24 „
1889	146	138.957,485	$27^3/_4$ „	4,395	5,769 [13]) „	104 „ 23 „ 43 „ [11])

[1]) Отчетъ о золот. Вост. Сиб. за 1880 г. въ Гор. Депар.

[2]) Данныя о 1881 г. взяты изъ таблицы, сообщенной Савинскимъ и „Гор. Жур.“ 1882 г., № 9, стр. 371. На 250 пр. Енисейскаго округа было промыто 274.018.328 п. песку.

[3]) „Прилож. 1-е къ выпуску I Сборн. оффиц. докум.“, т. VII, отчет. Гор. Отдѣленія.

[4]) Отчетъ о золот. Вост. Сибири за 1883 г. въ Гор. Депар.

[5]) Отчетъ за 1884 г.

[6]) Отчетъ за 1885 г.

[7]) Отчетъ за 1886 г.

[8]) Отчетъ за 1887 г.

[9]) Отчетъ мѣстнаго Гор. Инж. въ Арх. Том. Гор. Управ.

[10]) Отчетъ Томскаго Гор. Управ. въ его Архивѣ.

[11]) *Кулибинъ*. Сбор. стат. свѣд. о горноз. производ. въ Россіи за 1889 г.

[12]) Отчетъ мѣстн. Горн. Инжен. въ Арх. Том. Горн. Упр.

[13]) Со включеніемъ Красноярск. и Канск. округовъ. Отчетъ мѣстнаго Гор. Инжен.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ. По „Горнозавод. производительности".	Число рабочихъ. По другимъ источникамъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
Въ Ачинскомъ округѣ.						
1880	31	44.855,900	18 3/4 д.	—	1,081 [1]) об. п.	21 п. 39 ф. 84 з.
1881	34	43.227,440	19 1/2 „	—	994 [2]) м. п.	23 „ 2 „ 11 „
1882	31	43.354,380	18 3/4 „	1,028	1,028	22 „ 2 „ 34 „
1883	33	35.402,840	18 1/8 „	922	940 [3])	17 „ 16 „ 66 „
1884	40	32.749,910	21 1/3 „	825	948 [4])	18 „ 34 „ 32 „
1885	37	29.781,618	24 „	857	—	19 „ 15 „ 45 „
1886	37	31.047,000	21 „	876	1,117 [5]) об. п.	17 „ 21 „ 68 „
1887	42	30.400,900	22 „	1,055	—	18 „ 9 „ 2 „
1888	37	31.616,680	24 „	916	—	20 „ 29 „ 63 „
1689	36	35.640,000	24 „	935	—	23 „ 13 „ 78 „
Въ Минусинскомъ округѣ.						
1880	45	34.116,700	35 3/4 д.	—	1,286 [1]) об. п.	32 п. 39 ф. 24 з.
1881	42	30.627,700	41 1/4 „	—	913 [2]) м. п.	34 „ 3 „ 47 „
1882	41	36.331,500	31 1/4 „	1,122	1,337 [6]) об. п.	30 „ 37 „ 55 „
1883	41	38.118,150	29 „	1,102	—	30 „ 3 „ 29 „
1884	42	35,221,490	36 1/2 „	917	1,283 [4]) об. п.	34 „ 39 „ 51 „
1885	40	33.918.100	35 1/2 „	1,128	—	32 „ 13 „ 65 „
1886	41	32.607,100	35 1/4 „	1,167	1,477 [5]) об. п.	31 „ 10 „ 19 „
1887	41	35.469,000	31 3/4 „	1,343	—	30 „ 24 „ 64 „
1888	43	33.122,140	35 1/2 „	1,379	—	32 „ 2 „ 3 „
1889	46	32.401,270	30 „	1,187	—	26 „ 24 „ 57 „

[1]) Отчетъ о золотопр. въ Сибири за 1880 г.

[2]) Прилож. первое къ выпуску I Сб. оффиц. док. Вост. Сиб., т. VII, отчет. Гор. Отд., вѣд. № 3.

[3]) Отчет. о золотопр. Вост. Сиб. за 1883 г. въ Горн. Департ.

[4]) Отчетъ за 1884 г.

[5]) Отчетъ за 1886 г.

[6]) Прилож. первое къ выпуску I оффиц. докум., отчет. Горн. Отдѣл. стр. 9.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ. По „Горнозавод. производительности".	Число рабочихъ. По другимъ источникамъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Въ Красноярскомъ округѣ.						
1880	4	8.122,360	25¼ д.	—	316 [1]) об. п.	8 п. 35 ф. 33 з.
1881	3	5.212,800	32¼ „	—	297 [2]) м. п.	4 „ 22 „ 57 „
1882	1	1.543,500	48 „	60	80 [3]) об. п.	2 „ — „ 56 „
1883	3	5.290,510	24¾ „	182	207 [4]) „	3 „ 32 „ — „
1884	3	6.021,600	36½ „	163	260 [5]) „	5 „ 38 „ 62 „
1885	2	6.369,800	24½ „	123	—	4 „ 11 „ 15 „
1886	2	6.032,000	25½ „	138	155 [6]) „	4 „ 6 „ 68 „
1887	4	4.202,000	25½ „	124	—	2 „ 34 „ 76 „
1888	3	1.678,400	37¾ „	51	—	1 „ 28 „ 93 „
1889	3	1.058,400	71¾ „	95	—	2 „ 2 „ 47 „
Въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ.						
1880	33	29.862,943	36 д.	—	953 [1]) об. п.	23 п. 25 ф. 16 з.
1881	21	11.137,666	47 „	—	600 [2]) „	14 „ 9 „ 57 „
1882	26	14.089,675	46 „	368	907 [3]) „	17 „ 31 „ 70 „
1883	29	18.813,580	46 „	591	1,235 [4])	22 „ 14 „ 31 „
1884	33	27.601,110	39 „	1,599	1,619 [5])	29 „ 9 „ 23 „
1885	27	29,917,200	33⅛ „	1,078	—	27 „ 23 „ 31 „
1886	34	25.951,175	31¼ „	601	—	22 „ 4 „ 68 „
1887	31	25.722,800	30¾ „	543	—	21 „ 27 „ 77 „
1888	27	28.992,160	30 „	762	—	23 „ 22 „ 25 „
1889	31	32,922,900	31¼ „	1,332	—	28 „ 7 „ 29 „

[1]) Отчетъ о золотопр. Вост. Сиб. за 1880 г. въ Горн. Депар.

[2]) Горн. Жур. 1882 г. № 9, стр. 371.

[3]) Прилож. пер. къ выпуску I Сбор. оффиц. док., отчет. Глав. Управ. за 1882 г., стр. 9.

[4]) Отчетъ о золотопр. Вост. Сиб. за 1883 г. въ Горн. Депар.

[5]) Отчетъ за 1884 г.

[6]) Отчетъ за 1886 г.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Въ Иркутскомъ округѣ.					
1883	1	—	—	—	1 ф. 30 з.
1884	1	65,000	26½ д.	—	1 „ 86 „
1885	1	51,000	1 з. 10¼ „	—	6 „ 88 „
1887	1	10,800	— „ 16¾ „	4	— „ 19 „
1888	1	196,600	— „ 31 „	—	5 „ 46 „
Въ Верхоленскомъ округѣ Иркутской губерніи.					
1880	1	10,600	2 з. 42 д.	6 м. п.	2 ф. 67 з.
1881	1	18,300	1 „ 68 „	—[1])	3 „ 26 „
1882	1	30,800	1 „ 21 „	10	4 „ 4 „
1883	1	78,000	— „ 51 „	6	4 „ 37 „
1884	1	59,500	— „ 33 „	20	2 „ 12 „
1885	1	74,000	— „ 93 „	11	7 „ 48 „
1886	1	180,000	— „ 94¾ „	23 м. п.	18 „ 50 „
1887	1	180,600	1 „ 18 „	16	22 „ 34 „
1888	1	361,700	1 „ 4¾ „	22	39 „ 48 „
1889	1	520,000	1 „ 74 „	40	2 п. 15 „ 74 „
Въ Киренскомъ округѣ Иркутской губерніи.					
1886	1	315,900	1 з. 19½ д.	30 м. п.	— п. 39 ф. 61 з.
1888	2	372,820	2 „ 28½ „	24	2 „ 9 „ 33 „
1889	4	526,240	4 „ 1¾ „	159	5 „ 20 „ 24 „

[1]) Въ Верхол. и Иркут. округахъ было вмѣстѣ въ 1881 г. всего 8 рабочихъ. Горн. Жур. 1882 г. № 9, стр. 371.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ. По „Горнозавод. производительности“.	Число рабочихъ. По другимъ источникамъ.	Количество добытаго шлихового золото.
Въ Верхнеудинскомъ округѣ Забайкальской области.						
1880	10	2.913,020	43½ д.	—	370 [1]) м. п.	3 п. 17 ф. 22 з.
1881	9	4.313,300	43½ „	—	206 [1]) „	5 „ 3 „ 35 „
1882	12	2.840,720	43½ „	285	285	3 „ 14 „ 36 „
1883	6	2.345,200	49¾ „	206	225 [2])	3 „ 6 „ 54 „
1884	9	2.525,500	27⅞ „	95 [3])	—	1 „ 36 „ 35 „
1885	9	2.926,400	35 „	235	—	2 „ 31 „ 24 „
1886	11	852,600	29½ „	211	278 [4])	— „ 27 „ 13 „
1887	12	875,350	34½ „	186	—	— „ 32 „ 72 „
1888	15	1.399,620	39½ „	179	—	1 „ 20 „ 3 „
1889	12	2.269,750	57¾ „	192	—	3 „ 21 „ 74 „
Въ Баргузинскомъ округѣ Забайкальской области.						
1880	30	15.756,230	62¼ д.	—	1,260 [1]) м. п.	26 п. 25 ф. 92 з.
1881	18	9.424,522	71⅜ „	—	891 [1]) „	18 „ 10 „ 49 „
1882	25	13.984,920	89¾ „	940	1,180 [5]) об. п.	34 „ 1 „ 58 „
1883	24	18.529,505	58⅔ „	839	1,405 „	29 „ 18 „ 64 „
1884	24	11.864,310	77½ „	482	1,270 [6]) „	24 „ 38 „ 24 „
1885	24	12.321,702	73 „	789	—	24 „ 15 „ 66 „
1886	37	11.940,256	78 „	643	—	25 „ 9 „ 91 „
1887	29	18.659,700	67 „	862	1,384 [7]) „	34 „ 11 „ 51 „
1888	41	9.232,590	1 з. 4¼ „	1,225	—	25 „ 9 „ 53 „
1889	55	12.280,255	1 „ 8 „	1,036	—	34 „ 26 „ 22 „

[1]) Прилож. 1-е къ вып. I Сборн. оффиц. док., отчетъ Глав. Упр. за 1882 г., вѣд. № 3.
[2]) Отчетъ о частн. золотопр. Вост. Сиб. за 1883 г. въ Горн. Департ.
[3]) Свѣдѣнія неполны.
[4]) Отчетъ о золотопр. Вост. Сиб. за 1886 г. въ Горн. Департ.
[5]) Прилож. перв. къ выпуску I Сборн. оффиц. док. по Упр. Вост. Сибири, отчетъ Главн. Управленія за 1882, г. стр. 9.
[6]) Отчетъ о золотопр. Вост. Сиб. за 1884 г. въ Горн. Департ.
[7]) Отчетъ за 1887 г.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ. По „Горнозавод. производительности“.	Число рабочихъ. По другимъ источникамъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Въ Нерчинскомъ [1]) округѣ на частныхъ пріискахъ.						
1880	43	117.629,450	62²/₈ д.	—	7,047 [2]) об. п.	200 п. 2 ф. 46 з.
1881	40	111.164,905	58³/₄ „	—	5,698 [3]) „	177 „ 14 „ 95 „
1882	39	108.183,836	60³/₄ „	5,037	5,564 [4]) „	178 „ 21 „ 47 „
1883	43	109.539.448	59 „	4,511	6,002 [5]) „	175 „ 21 „ 17 „
1884	42	114.575,930	56¹/₈ „	4,722	6,324 [6]) „	175 „ 13 „ 89 „
1885	36	65.297,815	48 „	3,082	—	84 „ 33 „ 75 „
1886	37	79.938,663	42 „	2,881	3,692 [7]) „	91 „ 22 „ 64 „
1887	43	75.108,875	38¹/₄ „	2,075	2,929 [8]) „	77 „ 37 „ 29 „
1888	42	62.220,245	—	1,783	—	58 „ 33 „ 7 „
1889	57	79.493,166	—	2,637	—	76 „ 6 „ 54 „
Въ Олекминскомъ округѣ (Олекминской и Витимской системахъ).						
1880	51	98.988,747	3 з. 51 д.	8,543	10,798 [2]) об. п.	939 п. 2 ф. 80 з.
1881	55	83,494,791	3 „ 27 „	9,256	10,543 [3]) „	717 „ 6 „ 51 „
1882	62	90.173,615	3 „ 22 „	4,558	10,712 [4]) „	759 „ 1 „ 57 „
1883	58	76.150,700	2 „ 82 „	3,529	10,805 [5]) „	686 „ 5 „ 52 „
1884	57	79.354,640	3 „ 39 „	5,421	11,937 [6]) „	704 „ 13 „ 13 „
1885	65	76.418,050	2 „ 67 „	5,278	12,382 [9]) „	538 „ 38 „ 85 „
1886	64	76.941,331	2 „ 31¹/₂ „	4,910	—	466 „ 32 „ 75 „
1887	75	76.421,258	2 „ 25¹/₂ „	5,073	11,256 „	451 „ 7 „ 38 „
1888	78	78.171,572	2 „ 26³/₄ „	5,638	13,046 „	464 „ 3 „ 65 „
1889	77	85.587,058	2 „ 13 „	5,880	13,166 [10]) „	495 „ 29 „ 23 „

[1]) Съ 1889 г. въ „Горнозаводской производительности“ обозначаются округа Нерчинскій, Нерчинско-заводскій, Читинскій и Акшинскій.

[2]) Отчетъ о золот. Вост. Сиб. за 1880 г. въ Горн. Департ.

[3]) „Горн. Жур.“ 1882 г. № 9, стр. 371.

[4]) Прилож. первое къ вып. I Сбор. глав. оффиц. док. по упр. Вост. Сиб., т. VII, отчетъ Главн. Упр. за 1882 г., вѣд. 3, стр. 9.

[5]) Отчетъ о частн. золот. Вост. Сиб. за 1883 г. въ Горн. Департ.

[6]) Отчетъ о частн. золот. Вост. Сиб. за 1884 г. въ Горн. Департ.

[7]) Отчетъ о частн. золот. Вост. Сиб. за 1886 г.

[8]) Отчетъ о частн. золот. Вост. Сиб. за 1887 г. въ Горн. Департ.

[9]) Архивъ Ирк. Горн. Упр. К. 2772, № 135—124, л. 180 об. „на пріискахъ и резиденціяхъ“.

[10]) Свѣдѣнія за 1887—1889 гг. взяты изъ Памятной книжки Як. обл. за 1891 г., стр. 111.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ. По „Горнозавод. производительности".	Число рабочихъ. По другимъ источникамъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Въ Амурской области.						
1880	13	65.721,100	1 з. 36 д.	—	3,682 [1]	235 п. 35 ф. 6 з.
1881	14	77.875,700	1 „ 26¼ „	—	3,490 [2] об. п.	263 „ 36 „ 54 „
1882	15	75.600,850	1 „ 28 „	2,307	4,059 [3] „	254 „ 16 „ 15 „
1883	19	73.524,385	1 „ 29 „	2,969	4,374 [4] „	248 „ 38 „ 65 „
1884	22	82.068,230	1 „ 64½ „	2,492	5,861 [4] „	323 „ 24 „ 54 „
1885	22	78.504,600	1 „ 46 „	2,445	— [5]	302 „ 13 „ 49 „
1886	19	80.166,560	1 „ 62¾ „	1,997	— [5]	345 „ 15 „ 62 „
1887	21	70.611,680	1 „ 89 „	2,132	— [5]	355 „ 22 „ 88 „
1888	22	67.878,250	2 „ 13 „	2,226	— [5]	377 „ 18 „ 48 „
1889	34	83.594,600	2 „ 10 „	2,701	— [5]	458 „ 18 „ 70 „
Въ Приморской области.						
1880	2	5.570,200	62⅔ д.	—	355 [1] об. п.	9 п. 34 ф. 24 з.
1881	1	6.496,600	63¼ „	—	276 [2] „	11 „ 15 „ 67 „
1882	3	8.323,450	59⅛ „	290	605 [3] „	16 „ 2 „ 82 „
1883	3	8.158,650	1 з. 4½ „	68	612 [4] „	22 „ 19 „ 93 „
1884	2	9.741,000	78⅞ „	307	355 [4]	20 „ 32 „ 71 „
1885	4	8.918,500	90⅝ „	293	— [5]	21 „ 37 „ 25 „
1886	2	5.270,895	82 „	148	— [5]	11 „ 29 „ 59 „
1887	3	4.029,900	62¾ „	—	— [5]	6 „ 33 „ 54 „
1888	4	7.184,600	46 „	203	— [5]	8 „ 38 „ 49 „
1889	3	3.241,000	83½ „	175	— [5]	7 „ 14 „ 2 „ [6]

[1]) Прибав. первое къ вып. I Сбор. глав. оффиц. док. Вост. Сиб., отчетъ Глав. Упр. за 1882 г., вѣд. 3; по отчету о золот. Вост. Сиб. за 1880 г. (въ Горн. Департ.) въ Амур. обл. было рабоч. 3503 чел. об п.

[2]) Горн. Жур. 1882 г., № 9, стр. 371.

[3]) Прил. первое къ вып. I Сбор. оффиц. док., отчетъ Глав. Упр. за 1882 г., стр. 9.

[4]) Отчеты о золот. Вост. Сиб. 1883—84 гг. въ Горн. Департ.

[5]) Обзоры Амурск. области за 1885 г. стр. 10, 1886 г. стр. 17, 1887 г. стр. 7, 1888 г. стр. 7, 1889 г. стр. 8. Число рабочихъ указано вмѣстѣ съ Приморскою областью: въ 1885 г.—5500, въ 1886 г.—4712, въ 1887 г.—5272, въ 1888 г.—6134.

[6]) Всѣ данныя относительно Вост. Сиб., источники которыхъ не указаны, заимствованы изъ „Горнозаводской производительности Россіи" за соотвѣтственные годы.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
	Кромѣ того, въ Восточной Сибири добывалось жильнаго золота:				
1885	На 1 пріискѣ Сѣв. части Енис. округа и 5 пріискахъ Нерчин. округа	794,180	6 з. 80 д.	396	14 п. 5 ф. 25 з.
1886	На 2 пріиск. Сѣв. части Енис. окр., 1 Южн.-Енис. и 4 Нерчин. окр.	1.042,725	10 „ — „	760	27 „ 7 „ 2 „
1887	На 1 пр. Сѣв. части Енис. окр., на 1 Южн. ч. и 4 Нерчин. округа . .	804,100	12 „ 69¼ „	412	26 „ 25 „ 73 „
1888	На 1 пр. Сѣв. части Енис. окр., на 1 Южн. ч. и 1 Нерчин. округа . .	285,960	22 „ 55½ „	247	16 „ 32 „ 58 „
1889	На 1 пр. Сѣв.-Ен. окр., на 1 Южн.-Ен. и 2 Читин. ок.	620,188	12 „ 17¼ „	295	19 „ 26 „ 85 „

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.		Количество добытаго шлиховаго золота.
			По „Горнозавод. производительности“.	По другимъ источникамъ.	
	На всѣхъ частныхъ золотыхъ пріискахъ Восточной Сибири.				
1880	513	707.972,852	—	39,365	1,783 п. 18 ф. 74 з.
1881	488	657.012,052	—	34,096	1,522 „ 32 „ 13 „
1882	478	615.927,755	24,580	34,332	1,529 „ 29 „ 58 „
1883	491	635.681,494	23,990	34,950	1,458 „ 26 „ 26 „
1884	494	647.391,144	25,367	38,659	1,573 „ 8 „ 56 „
1885	527	604.981,410	25,137	—	1,297 „ 1 „ 89 „
1886	532	588.672,430	23,387	—	1,261 „ 26 „ 37 „
1887	570	606.194,916	22,043	—	1,242 „ 30 „ 82 „
1888	571	592.597,597	22,744	—	1,250 „ 25 „ 44 „
1889	612	610.377,246	24,932	—	1,372 „ 4 „ 58 „

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ. По „Горнозавод. производительности“.	Число рабочихъ. По другимъ источникамъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
На всѣхъ частныхъ золотыхъ пріискахъ Восточной и Западной Сибири.					
1880	677	860.964,377	—	47,088	1,930 п. 27 ф. 68 з.
1881	635	798.929,678	—	40,946	1,648 „ 34 „ 82 „
1882	635	871.451,355	31,233	40,985 [1])	1,650 „ 15 „ 67 „
1883	654	787.198,029	31,138	42,098 [1])	1,589 „ 2 „ 83 „
1884	680	800.133,404	33,393	46,685 [1])	1,697 „ 14 „ 90 „
1885	734	751.517,561	33,413	—	1,422 „ 31 „ 26 „
1886	743	739.079,766	32,037	—	1,386 „ 30 „ 44 „
1887	805	780.486,264	32,648	—	1,379 „ 21 „ 39 „
1888	814	770.021,269	33,542	—	1,398 „ 15 „ 84 „
1889	869	799.189,941	34,447	—	1,527 „ 30 „ 50 „

Въ оффиціальныхъ отчетахъ о частной золотопромышленности въ Сибири свѣдѣнія о составѣ рабочихъ располагались по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) мѣщанъ и крестьянъ, 2) инородцевъ, 3) ссыльно-поселенцевъ и 4) разночинцевъ.

Въ 1880 г. въ отчетѣ о золотопромышленности *въ Западной Сибири* изъ всего числа — 5380 рабочихъ обоего пола въ Маріинскомъ и Алтайскомъ округахъ указано происхожденіе 4816 рабочихъ, т.-е. 90%. Изъ этихъ 4816 человѣкъ было мѣщанъ и крестьянъ 3276 (68%), ссыльно-поселенцевъ 896 (18,6%), инородцевъ 518 (10,8%) и разночинцевъ 126 (2,6%). Въ Семипалатинской области въ томъ же году было 2256 рабочихъ, преимущественно изъ киргизовъ.

Въ отчетѣ за 1881 г. въ Маріинскомъ и Алтайскомъ округахъ изъ 4695 рабочихъ обоего пола указано происхожденіе 4101 чел. (87,4%). Изъ этихъ 4101 раб. было мѣщанъ 463 (11,3%), крестьянъ 2304 (56,2%), сыльно-поселенцевъ 589 (14,3%), инородцевъ 591 (14,4%) и разночинцевъ 154 [2]).

По свѣдѣніямъ мѣстной полиціи на пріискахъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ въ 1883 г. было рабочихъ 5084 человѣка обоего пола; о происхожденіи же рабочихъ имѣются свѣдѣнія лишь о 4559 чел.; изъ нихъ было: мѣщанъ 430 (9,6%), крестьянъ 3150 (70%), инородцевъ 498 (10,9%), ссыльно-поселенцевъ 338 (7,4%) и разночинцевъ 143 (3,1%).

По отчету о частной золотопромышленности въ Западной Сибири за 1884 г. въ Семипалатинской области было 1544 рабочихъ, въ Акмолинской области 1537 и въ той и въ другой—изъ киргизъ. Въ 1885 г. всѣ 1897 человѣкъ рабоч. на пріи

---

[1]) Дѣйствительное число рабочихъ должно было быть больше, такъ какъ для Западной Сибири взяты данныя изъ „Горнозаводской производительности Россіи“, т.-е. по разсчету на всю операцію.

[2]) „Горн. Жур.“ 1882 г. № 9 стр. 384; „Томск. Губ. Вѣд.“ 1882 г. № 24 стр. 263.

скахъ Акмолинской области были также изъ киргизъ [1]), въ 1887 г. въ Семипалатинской области рабочіе—всѣ киргизы тѣхъ волостей, въ раіонѣ которыхъ находятся ея золотые пріиски; въ отчетѣ же за 1887 г. добавлено, что бываютъ на пріискахъ киргизы и изъ отдаленныхъ областей, служащіе же русскіе [2]).

Въ Томской губерніи по отчету о частной золотопромышленности на пріискахъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ въ 1885 г. показано 5222 чел. рабочихъ обоего пола; изъ нихъ указано происхожденіе 4652 (89%), въ томъ числѣ было: мѣщанъ 463 ч. (10%), крестьянъ 3154 (67,8%), инородцевъ 498 (10,7%), ссыльно-поселенцевъ 362 (7,8%), разночинцевъ 175 (3,7%).

Такимъ образомъ въ первой половинѣ 80-хъ гг. на промыслахъ Томской губерніи въ числѣ рабочихъ мѣщане составляли 10—11%, крестьяне 56—70%, ссыльно-поселенцы 7—18%, инородцы 10—14%, разночинцы 2—3%.

Въ отчетахъ о частной золотопромышленности, доставленныхъ въ министерство государственныхъ имуществъ, мы находимъ свѣдѣнія о томъ, сколько въ числѣ рабочихъ было мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Въ 1880 г. въ Маріинскомъ и Алтайскомъ округахъ изъ числа 5380 раб. обоего пола было: 4816 мужчинъ (89,5%), 478 женщинъ (8,9%) и 86 дѣтей (1,6%). Въ Семипалатинской области изъ числа 2225 раб., преимущественно киргизъ, было мужчинъ 1920 (86,3%), женщинъ 221 (9,9%) и дѣтей 84 (3,8%).

Въ 1881 г. въ Маріинскомъ и Алтайскомъ округахъ изъ 4695 раб. об. п. было мужч. 4101 (87,5%), женщинъ 412 (87%), дѣтей 182 (3,8%) [3]).

Въ 1883 г. въ Маріинскомъ и Алтайскомъ округахъ изъ 5084 раб. об. п. было мужчинъ 4565 (89,8%), женщинъ 437 (8,6%), дѣтей 82 (1,6%).

Въ 1885 г. въ тѣхъ же округахъ изъ 5222 раб. было: 4652 мужчинъ (89%) 467 женщинъ (9%) и 103 дѣтей (2%).

Такимъ образомъ въ первой половинѣ 80-хъ гг. въ числѣ рабочихъ на пріискахъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ было мужчинъ 87—89%, женщинъ 8—10%, дѣтей 1,6—3,8%. Въ Семипалатинской области въ 1881 г. было рабочихъ м. п. 1819 чел. (85,6%), ж. п. 178 (8,4%) и дѣтей 127 (6%), но въ отчетѣ за 1887 г. пояснено, что „женщины и малолѣтнія дѣти въ работы не задолжались, а жили при своихъ мужьяхъ и семействахъ, находившихся при работѣ“.

Въ отчетахъ о золотопромышленности Восточной Сибири за восьмидесятые годы не указывалось, сколько было въ составѣ рабочихъ мѣщанъ и крестьянъ, а сообщались свѣдѣнія лишь о томъ, сколько было инородцевъ и ссыльно-поселенцевъ, а также ссыльно-каторжныхъ, гдѣ были эти послѣдніе.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа въ 1880 г. изъ 6387 раб. об. п. было 101 чел. изъ инородцевъ (менѣе 2%) и 2152 ссыльно-поселенца (менѣе 34%).

Въ 1882 г. всего рабочихъ об. п. было 4278, въ томъ числѣ инородцевъ 65 (болѣе 1%), ссыльно-поселенцевъ 1086 (25%) [4]).

Въ 1883 г. по отчету о частной золотопромышленности Восточной Сибири было рабочихъ въ сѣверной части Енисейскаго округа 4463 раб. об. п.; въ отчетѣ окружнаго ревизора показано въ общемъ итогѣ 4437, а при подведеніи итога дан-

---

[1]) Въ Семипалатинской области по Уставу о частной золотопромышленности запрещено было принимать на частные пріиски поселенцевъ, которымъ не дозволялось и жительство въ этой области.

[2]) Архивъ Томск. Гор. Упр. дѣло 1888 г. № 31—2.

[3]) Горн. Журн. 1882 г. № 9, стр. 384.

[4]) Прилож. первое къ вып. I Сбор. глав. оффиц. докум. т. VII, отчетъ Главн. Управ. Вост. Сиб. за 1882 г., стр. 9.

ныхъ по сословіямъ оказывается 4516 чел., а именно дворянъ 2, мѣщанъ и цеховыхъ 409 чел. об. п. (8,9%) крестьянъ всѣхъ наименованій 2694 чел. обоего п. (58%), безсрочно-отпускныхъ, отпускныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ съ ихъ женами и дѣтьми 59 ч. (болѣе 1%), инородцевъ 69 об. п. (болѣе 1%), разночинцевъ 6 ч. об. п., поселенцевъ 1196 чел. об. п. (26%) [1]).

Въ 1884 г. изъ числа 4722 раб. об. п. было инородцевъ 55 (болѣе 1%), ссыльно-поселенцевъ 1130 (24%); въ 1886 г. изъ числа 4153 раб. об. п. ссыльно-поселенцевъ 1552 (37%); въ 1887 г. изъ 4023 раб. об. п. ссыльно-поселенцевъ 1103 (27%) [2]).

Въ 1888 г. въ сѣверной части Енисейскаго округа по отчету мѣстнаго окружнаго инженера изъ 3776 раб. было всего болѣе крестьянъ—1845 человѣкъ 48,5%) и 1468 поселенцевъ (38,8%), а затѣмъ было 275 мѣщанъ, 86 безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, 51 чел. инородцевъ, 38 отставныхъ нижнихъ чиновъ, 14 разночинцевъ и 1 почетный гражданинъ.

Въ 1889 г. по отчету томскаго горнаго управленія изъ 3993 раб. об. п. въ сѣверной части Енисейскаго округа было ссыльно-поселенцевъ 1061 (26%) и инородцевъ 53 чел. (болѣе 1%) [3]).

Слѣдовательно въ сѣверной части Енисейскаго округа было въ 80-хъ годахъ въ числѣ рабочихъ инородцевъ не болѣе 2%, ссыльно-поселенцевъ отъ 24 до 38,8%; что мѣщане составляли значительный, а крестьяне наибольшій процентъ рабочихъ,—это видно изъ цифръ 1883 и 1888 гг.

Въ южной части Енисейскаго округа въ 1882 г. по отчету Главнаго Управленія Восточной Сибири было 4258 раб. об. п.; въ томъ числѣ инородцевъ (52 (болѣе 1%), ссыльно-поселенцевъ 2021 (47%) [4]).

Въ 1883 г. изъ 4682 раб. об. п. было мѣщанъ и цеховыхъ 291 чел. об. п. (6%), крестьянъ всѣхъ наименованій 2037 об. п. (43%), безсрочно-отпускныхъ и др. нижнихъ чиновъ съ женами и дѣтьми 90 чел., инородцевъ 28, разночинцевъ 19, поселенцевъ 1947 чел. об. п. (41%) [5]).

Въ 1884 г. изъ числа рабочихъ 4080 чел. об. п. было ссыльно-поселенцевъ 1897 (46%).

Въ 1889 г. по отчету томскаго горнаго управленія на пріискахъ южной части Енисейскаго округа со включеніемъ Красноярскаго и Канскаго округовъ 5769 рабочихъ об. п., въ томъ числѣ ссыльно-поселенцевъ 998 (17%) и инородцевъ 27 [6]).

Слѣдовательно, въ южной части Енисейскаго округа въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ было ссыльно-поселенцевъ 41—47%, но въ 1889 г. они составляли уже всего 17%; судя по 1883 г., наибольшею составною частью рабочихъ были здѣсь крестьяне.

Въ Минусинскомъ округѣ въ 1880, 82—84 гг. въ числѣ пріисковыхъ рабочихъ было инородцевъ 2—5½% и ссыльно-поселенцевъ 42—59%.

---

[1]) Ibid. Отчетъ окружного горнаго ревизора Енисейскаго округа за 1883 г. стр. 12, отчетъ о частн. золот. Вост. Сиб. за 1883 г. въ Горн. Департ.

[2]) Отчеты о золот. Вост. Сиб. за 1884, 86 и 88 года въ Гор. Департ.

[3]) Арх. Томск. Горн. Упр.

[4]) Прилож. первое къ вып. I къ Сбор. глав. оффиц. докум., отчетъ Глав. Упр. Вост. Сиб. стр. 9.

[5]) Ibid. Отчетъ окружн. горн. ревиз. Енис. округа за 1883 г. стр. 12.

[6]) Дѣло Томскаго Горн. Упр.

Въ Нерчинскомъ округѣ [1]) въ 80-хъ гг. (1880—84, 86—87 гг.) инородцы составляли въ числѣ пріисковыхъ рабочихъ отъ 4 до 8%, причемъ процентъ инородцевъ постепенно все уменьшался, а ссыльно-поселенцы отъ 16 до 21%. Ссыльно-каторжные, число которыхъ въ началѣ 80-хъ гг. не превышало 3%, затѣмъ совершенно не появляются на частныхъ пріискахъ этого округа.

Въ Олекминскомъ округѣ (Олекминская и Витимская системы) въ 1880 г. было изъ числа 10798 раб. об. п. инородцевъ 144 (болѣе 1%), ссыльно-поселенцевъ 4150 (38%) и ссыльно-каторжныхъ 303 (около 3%).

Въ 1881 г. изъ 10543 раб. об. п. было инородцевъ 415 (около 4%), ссыльно-поселенцевъ 4370 (41%) и ссыльно-каторжныхъ 171 чел. (менѣе 2%).

Въ 1882 г. изъ 10712 раб. об. пола было инородцевъ 372 (болѣе 3%) ссыльно-поселенцевъ 4188 (39%), ссыльно-каторжныхъ (въ Витимской системѣ) 95 чел. (менѣе 1%).

Въ 1883 г. изъ 10805 раб. об. п. было инородцевъ 633 (менѣе 6%), ссыльно-поселенцевъ 4262 (39%) и ссыльно-каторжныхъ 76 (менѣе 1%).

Въ 1884 г. изъ 11937 раб. об. п. было инородцевъ 590 (болѣе 5%), ссыльно-поселенцевъ 4423 (37%) и ссыльно-каторжныхъ 24.

Въ 1887 г. на промыслахъ Олекминскаго округа ссыльно-поселенцы составляли 46%, крестьяне 43%; изъ европейской Россіи было рабочихъ 9,4%, остальные были сибирскіе обыватели [2]).

Такимъ образомъ въ Олекминскомъ округѣ инородцы составляли отъ 1 до 6%, ссыльно-поселенцы отъ 37 до 46%; число ссыльно-каторжныхъ въ первой половинѣ 80-хъ гг. все уменьшалось, пока ихъ не перестали брать на работы.

Особенность пріисковъ *Амурской области* состояла въ томъ, что на нихъ употреблялось весьма мало ссыльно-поселенцевъ. Въ 1880 г. по отчету о золотопромышленности въ Восточной Сибири здѣсь было 3503 чел. рабочихъ, въ томъ числѣ 66 инородцевъ (менѣе 2%) и ссыльно-поселенцевъ 97 (менѣе 3%).

Въ 1881 г. изъ 3490 раб. об. п. было инородцевъ 47 (болѣе 1%) и ссыльно-поселенцевъ 127 (болѣе 3%).

Въ 1882 г. изъ 4059 раб. об. п. было инородцевъ 94 (болѣе 2%) и ссыльно-поселенцевъ 193 (болѣе 4%).

Въ 1883 г. изъ 4374 ч. об. п. было инородцевъ 121 (около 3%) и ссыльно-поселенцевъ 232 (5%).

Въ 1884 г. изъ 5861 ч. об. п. было инородцевъ 266 (4%) и ссыльно-поселенцевъ 406 (7%).

Слѣдовательно на пріискахъ Амурской области въ первой половинѣ 80-хъ гг. инородцы составляли отъ 1 до 4%, ссыльно-поселенцы отъ 3 до 8%, причемъ процентъ ссыльно-поселенцевъ постепенно все возрасталъ.

Что касается состава рабочихъ по полу и возрасту на пріискахъ Восточной Сибири, то въ Минусинскомъ округѣ мужчины составляли 78—91%, женщины 7—9%, дѣти 2—12%, въ Олекминскомъ округѣ мужчинъ 88—90%, женщинъ 8—11%, дѣтей 1—3%; въ Нерчинскомъ округѣ мужчинъ 89—92% (но въ 1880 г. 79%), женщинъ 5—10%, дѣтей 1—3% (но въ 80-хъ гг. 11%); въ Амурской области мужчинъ 92—94%, женщинъ 5—7%, дѣтей менѣе 1% (объ Енисейскомъ округѣ см. гл. V стр. 210—211.

---

[1]) Считая въ составѣ его Читинскій, Акшинскій, Нерчинскій и Нерчинско-заводскій округа.

[2]) Арх. Канц. Ирк. Генер.-губер. № 611.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
Въ Маріинскомъ округѣ.					
1890	106	48.511,255	25 1/2 д.	1,890	33 п. 24 ф. 92 з.
1891	104	49.285,300	24 „	1,858	31 „ 34 „ 85 „
1892	99	51.021,699	23 3/5 „	840	32 „ 29 „ 6 „
1893	103	59.362,937	23 1/2 „	1,110 [1]	37 „ 25 „ 62 „
1894	97	42.232,242	—	867 [2]	28 „ 1 „ 64 „
1895	76	34.539,095	—	1,448	25 „ 36 „ 48 „
На частныхъ промыслахъ Алтайскаго округа.					
1890	72	89.164,171	40 1/2 д.	3,164	98 п. 29 ф. 53 з.
1891	72	101.482,360	38 3/4 „	3,555	107 „ 2 „ 58 „
1892	74	103.687,945	37 1/2 „	1,938	105 „ 36 „ 33 „
1893	77	114.032,261	33 1/2 „	1,976 [1]	104 „ 2 „ 35 „
1894	79	106.546,270	32 „	1,959 [3]	92 „ 24 „ 50 „
1895	64	90.692,500	33 1/2 „	3,002	82 „ 32 „ 48 „
Въ Семипалатинской области.					
1890	38	35.873,200	14 1/4 з.	2,045	13 п. 32 ф. 57 з.
1891	42	44.556,800	13 3/4 „	2,688	16 „ 25 „ 47 „
1892	46	52.038,000	14 1/3 „	2,734	20 „ 9 „ 12 „
1893	65	65.959,400	13,7 „	4,015	24 „ 21 „ 2 „
1894	69	72.583,500	—	4,378 [4]	28 „ 12 „ 63 „
1895	83	87.674,100	12,9 „	4,564	30 „ 23 „ 54 „
Въ Семирѣченской области.					
1890	1	120,000	17 д.	110	— п. 2 ф. 18 з.
1891	1	742,000	11 „	101	— „ 8 „ 86 „
1892	1	946,000	13 7/8 „	130	— „ 14 „ 30 „
1893	4	1.550,800	8,9 „	179	— „ 15 „ 8 „
1894	2	1.588,000	6,4 „	76 [4]	— „ 9 „ 24 „
1895	1	1.129,000	7 „	46	— „ 8 „ 57 „

[1]) По друг. свѣд. во всемъ Томск. горн. окр., т.-е. въ Маріинской и Алтайской систем. было въ 1893 г. 4150 годов. рабочихъ. „Вѣст. Золот.“ 1896 г. № 11, стр. 226.

[2]) По свѣд., сообщ. Шостакомъ,—1825 ч. „Золот. въ Томск. Горн. Обл.“, табл. II.

[3]) По Шостаку (табл. II) 3435 ч.

[4]) Иныя цифры за 1891, 93 и 94 гг. см. въ „Вѣст. Золот.“ 1895 г. № 10, стр. 165, и 1896 г. № 14, стр. 267.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
Въ Акмолинской области.					
1890	26	5.637,500	16¼ д.	1,536 [1])	2 п. 19 ф. 83 з.
1891	25	4.643,721	23¼ „	400 [2])	2 „ 37 „ 80 „
1892	24	3,896.255	27 „	400	2 „ 34 „ 70 „
1893	29	5.091,936	18,3 „	1,607 [3])	2 „ 21 „ 34 „
1894	14	3.624,450	20 „	429 [4])	1 „ 38 „ 88 „
1895	18	2.667,960	20,6 „	311	1 „ 34 „ 86 „
Жильное золото.					
Въ Маріинскомъ округѣ.					
1892	1	8,000	9 з. 11 д.	44	— п. 7 ф. 57 з.
1894	1	165,630	8 „ 63 „	51	3 „ 29 „ 40 „
1895	1	175,467	4 „ 83 „	61	2 „ 9 „ — „
На частныхъ промыслахъ Западной Сибири.					
1890	243	179.306,126	32 д.	8,745	148 п. 29 ф. 15 з.
1891	244	200.710,181	30½ „	8,602	158 „ 29 „ 68 „
1892	245	211.597,899	—	6.086	162 „ 11 „ 16 „
1893	278	245.997,334	—	8,887	169 „ 5 „ 45 „
1894	262	226.740,092	27½ „	7,760	154 „ 36 „ 41 „
1895	243	216.710,655	—	9,415	141 „ 23 „ 62 „

[1]) Въ томъ числѣ 1268 м. п., 158 ж. п. и 110 дѣтей. „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 520.

[2]) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Н. Боголюбскимъ—2786 ч. (очевидно, дѣйствительныхъ рабочихъ, а не годовыхъ). „Кратк. очеркъ сост. горн. пром. въ Запад. Сиб.“.

[3]) Въ томъ числѣ 1163 м. п., 319 ж. п. и 125 подростковъ. „Горн. Журн.“ 1894 г. № 11, стр. 298.

[4]) Въ томъ числѣ 293 м. п., 105 ж. п. и 31 подростк. „Горн. Журн.“ 1894 г. № 11, стр. 298.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлихового золота.
			Восточная Сибирь.		
			Сѣверно-енисейскій округъ.		
1890	114	104.301,370	31¼ д.	4,183 [1])	88 п. 36 ф. 6 з.
1891	104	89.803,150	31⅝ „	3,256	77 „ 4 „ 38 „
1892	123	106.021,000	30⅗ „	3,700	87 „ 39 „ 80 „
1893	134	124.889,475	28,7 „	4,286	93 „ 13 „ 33 „
1894	123	114.244,380	25¾ „	3,602	80 „ 6 „ 86 „
1895	128	88.264,370	28⅓ „	3,740	67 „ 31 „ 54 „
			Южно-енисейскій округъ.		
1890	143	160.279,702	28¼ д.	4,436 [2])	122 „ 28 „ 79 „
1891	138	140.128,681	30⅐ „	4,408	117 „ 1 „ 86 „
1892	145	169.109,640	25½ „	4,874	116 „ 31 „ 91 „
1893	144	195.645,755	25,4 „	5,049	134 „ 33 „ 81 „
1894	148	180.098,795	24,4 „	5,027 [3])	121 „ 26 „ 40 „
1895	145	153.C54,275	27,6 „	5,470	114 „ 20 „ 16 „
			Усинскій пограничный округъ.		
1891	7	4.386,500	44 д.	267	5 п. 9 ф. 47 з.
1892	7	7.782,000	40½ „	248	8 „ 22 „ 50 „
1893	8	11.232,200	28,2 „	306	8 „ 24 „ 70 „
1894	9	10.275,600	29,3 „	334	7 „ 15 „ 67 „
1895	12	9.222,400	27,6 „	361	6 „ 35 „ 79 „

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ 3292 м. п., 388 ж. п. и 103 дѣтей, итого 3783 ч. „Горн. Жур.“ 1891 г. № 12, стр. 520.

[2]) По другимъ свѣдѣніямъ 4586 м. п., 838 ж. п. и 527 дѣтей, итого 5951 об. п. (очевидно это все пріисковое населеніе). „Горн. Журн.“ 1891 г. № 12, стр. 520.

[3]) По *Шостаку* (табл. II)—5492 ч.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Красноярскій округъ.					
1890	3	1.191,600	41 1/2 д.	85	1 п. 13 ф. 84 з.
1891	3	1.374,600	31 2/3 „	71	1 „ 8 „ 22 „
1892	3	1.752,200	29 4/5 „	82	1 „ 12 „ 32 „
1893	4	1.865,860	28,4 „	91	1 „ 17 „ 60 „
1894	4	1.984,200	21,2 „	91	1 „ 5 „ 57 „
1895	2	200,250	44 1/2 „	38	— „ 9 „ 63 „
Ачинскій округъ.					
1890	36	35.377,500	22 1/2 д.	1,061	21 п. 24 ф. 8 з.
1891	33	28.201,000	33 9/10 „	952	25 „ 38 „ 12 „
1892	35	33.838,300	25 9/10 „	984	23 „ 31 „ 42 „
1893	40	36.094,500	23,5 „	984	23 „ 3 „ 34 „
1894	47	32.976,000	—	1,000	17 „ 23 „ 7 „
1895	38	31.615,900	23,4 „	1,068	20 „ 2 „ 20 „
Минусинскій округъ.					
1890	46	35.601,080	29 д.	1,242	28 п. 8 ф. 35 з.
1891	35	27.345,650	39 „	1,174	29 „ 6 „ 72 „
1892	41	36.593,400	34 7/10 „	1,416	34 „ 17 „ 93 „
1893	52	42.759,615	31,5 „	1,627	36 „ 12 „ 65 „
1894	56	40.313,600	—	1,747	33 „ 1 „ 70 „
1895	65	43.323,000	27,6 „	1,844	32 „ 19 „ 82 „

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
Канскій и Нижнеудинскій округа.					
1890	34	32.626,470	28 д.	1,076	24 п. 33 ф. 43 з.
1891	29	30.672,650	29 „	1,050	23 „ 30 „ 75 „
1892	35	46.018,650	25⁹/₁₀ „	1,044	32 „ 13 „ 87 „
1893	50	48.278,060	26 „	1,927	34 „ 4 „ 75 „
1894	50	48.035,830	—	1,791	33 „ 6 „ 65 „
1895	40	30.557,070	—	1,218	22 „ 26 „ 87 „
Верхоленскій округъ.					
1890	1	639,000	91 д.	55	1 п. 29 ф. — з.
1891	1	819,300	1 з. 38 „	54	2 „ 35 „ 21 „
1892	1	1.005,000	1 „ 84 „	57	4 „ 32 „ 80 „
1893	3	950,000	— „ 84¹/₆ „	62	2 „ 9 „ 1 „
1894	3	2.184,100	—	153	3 „ 34 „ 24 „
1895	3	795,070	1 „ 54²/₃ „	120	3 „ 9 „ 66 „
Киренскій округъ.					
1890	3	410,500	2 з. 55¹/₂ д.	65	2 п. 30 ф. 11 з.
1891	3	670,000	2 „ 81 „	65	4 „ 38 „ 70 „
1892	3	1.149,510	1 „ 30 „	135	3 „ 36 „ 75 „
1893	1	90,300	1 „ 30 „	7	— „ 12 „ 37 „
1894	2	723,865	—	32	1 „ 33 „ 17 „
1895	3	1.803,450	81,3 „	62	3 „ 39 „ 27 „
Иркутскій округъ.					
1891	2	610,635	42 д.	39	— п. 28 ф. 3 з.
1892	4	1.549,262	32³/₅ „	45	1 „ 14 „ 77 „
1893	4	3.956,900	18⁷/₈ „	87	1 „ 39 „ 84 „
1894	5	5.316,140	—	323	2 „ 34 „ 67 „
1895	5	2.653,800	22¹/₈ „	214	1 „ 24 „ 41 „

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Олекминскій округъ.					
1890	79	92.414,991	2 з. 37 3/4 д.	6,464	575 п. 33 ф. 56 з.
1891	87	98.589,577	2 „ 12 „	6,772	545 „ 27 „ 52 „
1892	92	101.299,636	2 „ 47 „	7,684	657 „ 13 „ 57 „
1893	95	114.882,297	2 „ 33 „	6,851	700 „ 20 „ 10 „
1894	97	129.300,492	2 „ 5,9 „	7,873	692 „ 19 „ 64 „
1895	101	117.818,706	2 „ 33,9 „	7,418	718 „ 29 „ 85 „
Верхнеудинскій округъ.					
1890	17	3.896,915	27 д.	319	2 п. 35 ф. 53 з.
1891	15	2.867,100	45 1/2 „	173	4 „ 36 „ 70 „
1892	14	5.244,410	46 „	243	6 „ 6 „ 75 „
1893	13	4.758,450	58 „	227	7 „ 29 „ 80 „
1894	15	7.110,850	—	232	5 „ 13 „ 61 „
1895	19	7.889,360	24 1/2 „	406	5 „ 11 „ 69 „
Баргузинскій округъ.					
1890	60	14.091,710	82 д.	995	31 п. 8 ф. 70 з.
1891	64	12.345,685	82 „	738	27 „ 34 „ 85 „
1892	69	18.195,788	75 „	1,316	38 „ 12 „ 81 „
1893	71	17.404,520	88 1/4 „	1,070	40 „ 16 „ 16 „
1894	88	21.406,250	52 „	1,168	38 „ 20 „ 76 „
1895	82	18.731,555	69 „	1,156	35 „ 20 „ 6 „
Троицкосавскій округъ.					
1893	1	21,774	1 з. 39 1/2 д.	35	— п. 3 ф. 19 з.
1894	1	609,000	69 „	35	1 „ 5 „ 88 „
1895	5	4.068,550	26 „	164	3 „ — „ 48 „
Селенгинскій округъ.					
1895	1	208,900	11 „	22	— п. 2 ф. 59 з.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлихового золота.
Нерчинско-заводскій, Нерчинскій, Читинскій и Акшинскій округа.					
1890	63	89.864,665	—	3,368	85 п. 4 ф. 59 з.
1891	66	70.237,475	—	2,912	81 „ 29 „ 15 „
1892	64	110.308,033	—	3,484	90 „ 15 „ 86 „
1893	64	123.085,950	—	3,633	92 „ 16 „ 44 „
1894	72	138.109,350	—	4,194	95 „ 19 „ 22 „
1895	66	101.083,430	—	3,541	68 „ 6 „ 90 „
Амурскій округъ.					
1890	51	114.584,370	1 з. 60¼ д.	2,727 [1]	485 п. 25 ф. 58 з.
1891	46	111.168,708	1 „ 37½ „	3,400 [2]	427 „ 22 „ 75 „
1892	61	127.872,800	1 „ 25 „	4,810 [2]	428 „ 16 „ 73 „
1893	83	151.708,325	1 „ 5½ „	4,019	434 „ 39 „ 90 „
1894	118	158.618,925	— „ 95 „	4,669	409 „ 20 „ 89 „
1895	142	160.136,800	1 „ 3½ „	6,000	434 „ 10 „ 18 „
Приморскій округъ.					
1890	3	5.150,000	49¾ д.	319	6 п. 38 ф. 29 з.
1891	6	6.480,46)	1 з. — „	551	16 „ 35 „ 52 „
1892	5	13.285,000	1 „ 11 „	401	38 „ 20 „ 72 „
1893	5	16.738,625	1 „ 62 „	699	71 „ 26 „ 26 „
1894	7	25.891,125	1 „ 78 „	956	119 „ 10 „ 2 „
1895	16	25.784,251	1 „ 22 „	1,079	82 „ 38 „ 6 „

[1]) По другому источнику — 4,683 ч. „Обзоръ Амур. Обл.“ за 1890 г., стр. 6. По отчету Иркут. Горн. Управл. за 1890 г.—6,936 ч. „Горн. Жур.“ 1891 г., № 11, стр. 346.

[2]) По другому источнику въ 1891 г.—6,540 ч. и въ 1892 г.—6,296 ч. „Обзоръ Амур. Обл.“ за 1891 г. стр. 10, за 1892 г. стр. 13.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлихового золота.
			Жильное золото.		
			Сѣверно-енисейскій и Южно-енисейскій округа.		
1890	1	37,650	3 з. 45¼ д.	40	— п. 13 ф. 61 з.
1891	3	117,900	3 „ 40 „	120	1 „ 2 „ 2 „
1892	5	148,008	4 „ 55 „	169	1 „ 28 „ 77 „
1893	3	120,125	3 „ 6½ „	81	— „ 38 „ 37 „
1895	1	—	—	24	— „ 3 „ 7 „
			Читинскій и Акшинскій округа.		
1890	3	440,500	—	282	17 п. 29 ф. 12 з.
1891	3	428,800	11 з. 33 д.	210	12 „ 26 „ 79 „
1892	3	481,800	11 „ 23 „	269	14 „ 4 „ 8 „
1893	2	450,600	14 „ 21 „	193	16 „ 27 „ 62 „
1894	2	505,100	—	334	12 „ 2 „ 27 „
1895	3	917,300	—	353	12 „ 14 „ 78 „
			Итого на частныхъ промыслахъ Восточной Сибири.		
1890	657	690.890,023	—	26,717	1,497 п. 32 ф. 88 з.
1891	645	626.247,871	—	26,212	1,406 „ 17 „ 12 „
1892	710	781.654,437	—	30,961	1,590 „ 13 „ 84 „
1893	777	894.933,331	—	31,234	1,701 „ 29 „ 60 „
1894	847	917.703,602	—	33,561	1,676 „ 30 „ 65 „
1895	877	798.128,437	—	34,298	1,633 „ 37 „ 41 „
			Итого на частныхъ промыслахъ Западной и Восточной Сибири.		
1890	900	870.196,149	—	35,462	1,646 п. 22 ф. 7 з.
1891	889	826.958,052	—	34,814	1,565 „ 6 „ 80 „
1892	955	993.252,336	—	37,047	1,752 „ 25 „ 4 „
1893	1,055	1.140.930,665	—	40,121	1,870 „ 35 „ 9 „
1894	1,109	1.144.443,694	—	41,321	1,831 „ 27 „ 10 „
1895	1,120	1.014.839,092	—	43,713	1,775 „ 21 „ 7 „ [1]

[1]) Всѣ данныя о 90-хъ годахъ, приведенныя въ текстѣ таблицъ, заимствованы изъ изданій Горнаго Департамента „Горнозавод. производит. Россіи“ за соотвѣтственные годы.

II (къ стр. 106).

Жалованье мастеровымъ и разночинцамъ въ Алтайскомъ округѣ.

	На пріискахъ Данилова 80-хъ гг.		На пріискахъ Южноалтайской К° 1890 г.			На пріискахъ Попова 1890 г.	
	Съ 1 окт. по 1 мая.	Съ 1 мая по 1 окт.	Съ 1 октября по 1 марта.	Съ 1 марта по 1 мая.	Съ 1 мая по 1 окт.		
	рубли.	рубли.	рубли.	рубли.	рубли.	рубли.	рубли.
Плотники	9—12	15—18	10 р. 50 к.—12 р.	12—15	15—21	8—12	12—18
Кузнецы	12—15	18—25	12—18	15—21	18—25	12—50	15—18
Слесари	—	—	15	15	20	—	—
Шорники	—	—	10 р. 50 к.	12	15	—	—
Молотобойцы . .	9	15	10 р. 50 к.	12	15	8—10	10—12
Старосты артельн.	—	—	12	12	18	—	—
Повара	—	—	12	12	18	—	—
Кашевары. . . .	—	—	9	9	12	8—12	10—15
Хлѣбопеки . . .	—	—	10 р. 50 к.	12	12	8—12	10—15
Караульные . . .	8	20	9	9	10 р. 50 к.	6—8	8—10
Дровопилы и водовозы	9	15	9	10 р. 50 к.	12	—	—
Старосты конюховскіе			15	15	21	—	—
Конюха.	9—12	15	10 р. 50 к.	12	15—18	8—12	10—15
Въ поторжныхъ и надворныхъ работахъ	9	15	—	—	—	—	—

III (къ стр. 117).

Вѣдомость о справочныхъ цѣнахъ на припасы и матеріалы за 1876—77 гг.

Названіе предметовъ.		Цѣна, существующая на пріискахъ.		Цѣна, существующая въ Томскѣ.		Разность между этими цѣнами, т.-е. выше.			ниже.
		руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	%	коп.
Мука: ржаная	1 фун.	—	40	—	33	—	7	21	—
крупитчатая 2-го сор.	1 „	—	4	—	3	—	1	33	—
„ 3-го „	1 „	—	3	—	2	—	1	50	—
Крупа: ячная	1 „	—	3	—	2	—	1	50	—
просовая	1 „	—	4	—	2	—	2	100	—
Горохъ	1 „	—	3	—	2	—	1	50	—
Мясо: свѣжее	1 „	—	5½	—	4	—	1½	31	—
провѣсное	1 „	—	7	—	3	—	4	133	—
Масло: скоромное	1 „	—	30	—	23	—	7	30	—
постное	1 „	—	25	—	10	—	15	150	—
Сало: сырцовое	1 „	—	10	—	10	—	—	—	—
топленое очищенное	1 „	—	20	—	11	—	9	82	—
Соль озерная	1 „	—	3	—	2	—	1	50	—
Чай: фамильный красный	1 „	1	50	1	55	—	—	—	5
кирпичный обыкнов.	1 кирп.	—	75	—	90	—	—	—	15
Сахаръ	1 фун.	—	30	—	30	—	—	—	—
Медъ	1 „	—	20	—	15	—	5	33	—
Рубашка ситцевая 1-го сор.	1 шт.	2	—	1	—	1	—	100	—
2-го „	1 „	1	40	—	90	—	50	55	—
дабовая	1 „	2	—	1	50	—	50	33	—
холщевая	1 „	1	20	—	60	—	60	100	—
Шаровары кожан. 1-го сорта	1 пара	2	10	1	25	—	85	68	—
2-го „	1 „	1	75	1	10	—	65	59	—
Бродни: отборные	1 „	2	60	2	20	—	40	18	—
1-го сорта	1 „	2	25	2	—	—	25	12	—
2-го „	1 „	2	—	1	90	—	10	5	—
Сапоги кунгурскіе: отборные	1 „	6	—	5	—	1	—	20	—
1-го сорта	1 „	5	50	4	50	1	—	22	—
2-го „	1 „	4	50	4	—	—	50	12	—
Головки броденныя: 1-го сор.	1 „	1	20	1	20	—	—	—	—
2-го „	1 „	1	—	—	70	—	30	43	—

Названіе предметовъ.	Цѣна, существующая на пріискахъ.		Цѣна, существующая въ Томскѣ.		Разность между этими цѣнами, т.-е. выше.			ниже.
	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	%	коп
Голяшки броденныя: 1-го сор. 1 пара	1	20	1	—	—	20	20	—
2-го „ 1 „	1	—	—	65	—	35	54	—
Подошвы: сапожные . . . . 1 „	—	60	—	30	—	30	100	—
броденн. 1-го сор. 1 „	—	60	—	25	—	35	140	—
2-го „ 1 „	—	40	—	20	—	20	100	—
Шубы киргизскія: большія . 1 шт.	6	—	4	50	1	50	33	—
среднія . 1 „	5	—	4	—	1	—	25	—
Тулупчики. . . . . 1 „	3	50	3	—	—	50	16	—
Азямы 1-го сорта лучш. . . 1 „	6	50	5	—	1	50	30	—
2-го „ . . . . . 1 „	5	50	4	—	1	50	37	—
3-го „ . . . . . 1 „	3	50	3	—	—	50	16	—
4-го „ . . . . . 1 „	2	75	—	—	—	—	—	—
Шляпы сѣрыя 1-го сорта . . 1 „	1	50	1	—	—	50	50	—
2-го „ . . 1 „	1	30	—	60	—	70	117	—
Рукавицы бараньи 1-го сорта 1 пара	—	60	—	40	—	20	50	—
2-го „ 1 „	—	45	—	37	—	8	22	—
Вареги . . . . . 1 „	—	25	—	20	—	5	25	—
Табакъ черкасскій лучшій . 1 фун.	—	30	—	20	—	10	50	—
2-го сорта 1 „	—	20	—	16	—	4	25	—
Кожи подошвен. дублен. . . 1 шт.	12	—	10	—	2	—	20	—
Сукно верблюжье . . . . . 1 арш.	1	40	1	—	—	40	40	—
крестьянское 1-го сор. 1 „	—	25	—	13	—	12	92	—
2-го „ 1 „	—	15	—	10	—	5	50	—
Холстъ льняной . . . . . 1 „	—	15	—	12	—	3	25	—
межеумокъ. . . . . 1 „	—	12	—	8	—	4	50	—
подкладочный . . . 1 „	—	10	—	7	—	3	43	—
Шестрядь . . . . . 1 „	—	12	—	8	—	4	50	—
Тоже почесная . . . . . 1 „	—	14	—	10	—	4	40	—
Даба коновалов. . . . . 1 конецъ	3	—	2	60	—	40	15	—
Иглы простыя . . . . . 1 шт.	—	1	—	½	—	½	100	—
Нитки суровыя . . . . . 1 пасма	—	2	—	½	—	1½	300	— [1]

[1]) Арх. Дмитріев. волостн. правл. въ с. Тисулѣ, по описи № 21.

IV (къ стр. 185).

Поденная плата на пріискахъ Енисейскаго округа.

	Пріиски Базилевскаго (сѣв. ч. Енис. окр.) 1870—1875 г.				Пріиски Шанявскаго (юж. ч. Енис. окр.) 1874 г. съ начала промывки.	
	Съ начала промывки до окончанія лѣтней операціи.		До начала промывки.			
	Въ будни.	Въ праздн.	Въ будни.	Въ празд.	Въ будни.	Въ праздн.
Разночинцы.	коп.	р. к. р. к.	коп.	коп.	коп.	р. к. р. к.
Поваръ	30—50	0.80—1.50	30—50	30—50	30	1 р.
Хлѣбопекъ	35—55	1.00—2.00	30—40	30—40	35—50	1 р.
Дровопилъ	40—50	1 р.	25—30	25—30	30	1 р.
Караульные	35—40	1 р.	20—30	20—30	30	1 р.
Староста артельный	50—55	1.25—1.50	—	—	30	1 р.
Кашевары и чаевары	30—50	1 р.	25—30	25—30	30	1 р.
Квасовары	35—50	1 р.	—	—	—	—
Прислуга мужч.	30—40	0.50—1.00	25—50	25—50	30	1 р.
Прислуга женщ.	10—15	0.30—0.50	10—15	10—15	10—15	0.10—0.15
Стряпки	10—20	0.30—0.50	15—20	15—20	10—15	0.10—0.15
Прачки	10—20	0.30—0.50	25	25	10—20	0.10—0.20
Мукосѣйки	10—20	30 к.	15	15	—	—
Коровницы	10	30 к.	10—15	10—15	10	10 к.
Мастеровые.						
Кузнецы	35—50	1.00—2.50	25—50	30—50	40—50	1.00—1.50
Молотобойцы	35—50	1.00—1.50	25—30	25—30	35	1 р.
Шорники	35—50	1.00—2.00	30—40	30—40	40	1 р.
Плотники	40—50	0.80—2.50	25—50	40-1 р.	40—50	1.00—1.50
Печники	35—50	1.00—1.50	25—50	25—50	—	—
Конюхи.						
Староста конюховск.	40—65	1.40—2.00	50	50	50	1 р. 50 к.
Коновалъ	40—55	1.00—1.60	40—50	40—50	50	1 р.
Конюхи	40—50	1.00—1.60	25—40	40—50	35—50	1 р.

	Пріиски Базилевскаго (сѣв. ч. Енис. окр.) 1870—1875 г.				Пріиски Шанявскаго (юж. ч. Енис. окр.) 1874 г. съ начала промывки.	
	Съ начала промывки до окончанія лѣтней операціи.		До начала промывки.			
	Въ будни.	Въ праздн.	Въ будни.	Въ празд.	Въ будни.	Въ праздн.
Въ горныхъ работахъ при промывкѣ песковъ.	р. к. р. к.	р. к. р. к.	коп.	коп.	коп.	
Забойщики	0.45—0.60	1.40—1.60	—	—	50	1 р. 25 к.
Свальщики	0.45—0.60	1.40—1.60	—	—	50	1 р. 25 к.
Промывальщики	0.40—0.80	0.80—1.80	—	—	45	1 р.
Возчики песковъ	0.40—0.50	1.15—1.50	—	—	45	1 р.
Люковщики	0.35—0.50	0.80—1.50	—	—	35	1 р.
Возчики гальки и эфеля	0.35—1.40	0.60—0.90	—	—	35	1 р.
Пробщики	0.45—0.50	0.90—1.50	—	—	—	—
Отвальные	0.30—0 50	0.80—1.40	—	—	35	1 р.
Въ поторжныхъ горныхъ работахъ.						
При исправленіи таратаекъ, тачекъ и проч. работ.	0.40—0.50	1.20—2.50	—	—	—	—
При вскрытіи торфа [1].						
Коннымъ отвозомъ и ручнымъ откатомъ	0.40—0.50	0.80—1.50	25—30	50—60	35—40	1 р.
Въ разныхъ работахъ.						
Чернорабочіе	0.30—0.50	0.80—1.00	—	—	40	1 р.

[1]) На шурфовкѣ иногда также назначалась поденная плата.

V (къ стр. 216).

Изъ таксъ южно-енисейской системы.

	1864 г.	Установ. собран. 1864 г.	1879 г.	1880 г.	1888 г.	1889 г.
	Р. К. Р. К.	до	Р. К. Р. К.	Р. К. Р. К.	Р. К. Р. К.	Р. К. Р. К.
Сахаръ, фунтъ . .	0.50—0.70	50 к.	0.40—0.60	0.40—0.60	0.35—0.50	0.35—0.45
Чай кирпич., 1 кирп.	0.90—1.20	1 р.	1.15—1.50	1.50—2.00	1.40—1.80	1.20—1.80
Табакъ черкас., фун.	0.23—0.35	25 к.	0.30—0.40	0.30—0.40	0.25—0.45	0.25—0.50
Холстъ 1 сортъ, арш.	0.10—0.16	12 к.	0.14—0.20	0.16—0.20	0.15—0.25	0.15—0.25
Даба, конецъ . . .	2.10—3.10	2 р. 50 к.	3.00—4.50	3.50—4.50	2.70—4.50	2.70—4.50
Вареги, пара . . .	0.20—0.30	25 к.	0.26—0.40	0.25—0.40	0.25—0.40	0.20—0.40
Рукавицы, пара . .	0.40—0.60	50 к.	0.55—0.70	0.50—0.70	0.50—0.70	0.50—0.70
Полушубки простые.	2.75—5.00	3 р. 50 к.	кирг. 3.00—5.50	3.20—5.50	3.00—5.00	3.20—4.50
Бродни, пара . . .	1.80—2.30	2 р.	2.25—3.25	2.30—3.50	2.60—3.50	2.30—3.50
Сукно крест., 1 арш.	0.18—0.35	25 к.	0.20—0.50	0.20—0.30	0.20—0.50	0.20—0.45

Изъ таксъ сѣверо-енисейской системы.

	1878 г. [1]).	1879 г. [2]).	1880 г. [2]).	1889 г. [3]).
	Р. К. Р. К.	Р. К. Р. К.	Р. К. Р. К.	Р. К. Р. К.
Сахаръ, фунтъ	0.45—0.50	50 к.	0.40—0.50	0.32—0.40
Чай кирпич., 1 кирпичъ. .	1.00—1.25	1.20—1.25	1.50—1.80	1.30—1.60
Табакъ черкас., фунтъ . .	0.25—0.32	0.25—0.30	0.25—0.30	0.30—0.35
Холстъ 1 сорта, арш. . .	0.14—0.20	0.16—0.20	0.16—0.20	0.15—0.22
Даба, конецъ	2.50—4.00	кусокъ. 2.80—3.60	кусокъ. 3.00—4.00	2.80—3.40
Вареги, пара	0.25—0.30	0.26—0.32	0.27—0.35	0.25—0.40
Рукавицы пара (баран.). .	0.45—0.60	0.48—0.60	0.48—0.65	0.55—0.65
Полушубки кирг.	3.20—7.00	3.25—4.50	3.20—6.00	3.50—4.50
Бродни, пара	2.00—3.20	2.00—2.80	2.25—3.00	2.60—3.00
Сукно крест., 1 арш. . .	0.15—0.30	0.18—0.30	0.18—0.35	0.18—0.50

[1]) Арх. Горн. Испр. Сѣв. Енис. окр., дѣло 1878 г. № 5; дѣло Иркут. Гор. Упр. 1881 г. № 35, л. 85—90. Самыя дешевыя цѣны въ этомъ году были здѣсь на промыслахъ Асташева.

[2]) Дѣло Иркут. Горн. Управ. 1881 г. № 35, 107—112, 129—134.

[3]) Изъ дѣла объ утвержденіи таксъ. Арх. Горн. Испр. Сѣв. Енис. Окр. 1889 г. № 4.

VI (къ стр. 218).

Изъ отношенія Горнаго Исправника Поротова въ главную контору В. И. Базилевскаго отъ 7 мая 1872 г.

	Справочныя цѣны въ г. Енисейскѣ.		Провозная плата.	Показанная въ таксѣ.		Насколько цѣна на пріискахъ выше цѣны въ Енисейскѣ.		Барышъ.
	Руб.	Коп.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	%
Крупа ячневая и гречн.	1	20	60	2	60	—	80	31
Мука ржаная	—	50	тоже	1	60	—	50	31
„ пшеничная . . .	—	85	тоже	2	60	1	15	44
„ крупичатая . . .	2	60	тоже	4	80	1	60	33
Сахаръ	15	—	тоже	24	—	8	40	35
Свѣчи сальныя. . . .	6	50	тоже	10	—	2	90	29
Азямы 2-го сорта. . .	3	75	—	5	50	1	75	—
„ 3-го сорта. . .	3	—	—	4	—	1	—	—
Кожи дубленыя . . .	5	—	—	10	—	5	—	—
Кушаки	—	30	—	1	—	—	70	—
Подошвы	—	30	—	—	60	—	—	—
Ситецъ, аршинъ . . .	—	22	—	—	30	—	—	—
Сукно крестьян. . . .	—	15	—	—	25	—	—	—

Данныя о барышахъ, получаемыхъ золотопромышленниками, мы можемъ почерпнуть еще изъ статистическихъ свѣдѣній о промыслахъ В. И. Базилевскаго (сѣв. ч. Енис. окр.) за 1877—1887 г. По отчетамъ пріисковыхъ управленій стоимость главныхъ предметовъ за пудъ (т.-е. во что себѣ обошлось) была слѣдующая:

	1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.
Муки ржаной	1 р. 7½ к.	1 р. 7¾ к.	1 р. 2 к.	1 р. 33½ к.
Говядины	2 р. 17 к.	2 р. 28¾ к.	2 р. 8¾ к.	2 р. 32¼ к.
Крупы	1 р. 57 к.	1 р. 57½ к.	1 р. 54 к.	2 р. 7 к.
Соли	2 р.	1 р. 94¾ к.	1 р. 86 к.	2 р. 1 к.
Овса	1 р. 3 к.	91¼ к.	87¾ к.	1 р. 28 к.
Сѣна	62 к.	58½ к.	61¾ к.	61 к.
Масла коровьяго	6 р. 82 к.	9 р. 80 к.	10 р. 54¾ к.	8 р. 61 к.
Сахару	11 р. 82 к.	11 р. 60 к.	12 р. 40 к.	10 р. 76½ к.

Между тѣмъ рабочимъ тѣ же припасы и фуражъ продавались по слѣдующимъ таксамъ:

	1878 г.[1]) (на промыслахъ Базилевскаго, бывш. Толкачева).	1879 г.[1]) (на промыслахъ Базилевскаго, бывш. Толкачева).	1879 г. съ 1 окт. (на промыслахъ Базилев. и Малевинскаго)[2]).	1880 г. (на промыслахъ Базилевскаго и Толкачева).	1880 г. съ 1 апр. (на промыслахъ Базилев. и Малевинскаго)[2]).
Муки ржаной	1 р. 20 к.	1 р. 25 к.	1 р. 50 к.	1 р. 60 к.	1 р. 50 к.
Говядины	3 р. 20 к.	3 р. 20 к.	3 р. 60 к.	3 р. 30 к.	3 р. 50 к.
Крупы	—	—	2 р. 20 к.	—	2 р.
Соли	2 р.	2 р. 20 к.	2 р. 40 к.	2 р. 40 к.	2 р. 20 к.
Овса	1 р. 20 к.	1 р. 40 к.	1 р. 50 к.	1 р. 60 к.	1 р. 50 к.
Сѣна	1 р.	1 р.	1 р.	1 р. 10 к.	1 р.
Масла коровьяго	12 р. 80 к.	12 р. 80 к.	16 р.	14 р.	14 р.
Сахару	20 р.	20 р.	20 р.	19 р. 20 к.	20 р.

[1]) Арх. Иркут. Горн. Управ., Дѣло 1881 г. № 35, л. 446—466.
[2]) Арх. Базилевскаго въ Енисейскѣ.

VII (къ стр. 235).

Въ южной части Енисейскаго округа.

Годъ.	Заболѣло.	% общ. числа рабочихъ.	Выздоровѣло.	Умерло.	Умерло % общ. числа рабочихъ.
1873	2,024	38	1,880	24	0,5
1874	1,813	40	1,800	13	0,3
1875	2,115	40	2,088	27	0,5
1876	1,816	28	1,795	21	0,3
1877	1,507	25	1,488	19	0,3
1878	1,203	18	1,176	27	0,4
1879	1,314	19	1,282	32	0,5
1880	1,708	29	1,647	61	0,3
1882	2,612	61	2,572	40	1 [1])

Годъ.	Число больницъ.	Число кроватей.	Число заболѣвш. лицъ.		% всего числа рабочихъ.	Число больныхъ въ поденщинахъ.	Изъ нихъ.				Умерло % всѣхъ рабоч.
							Выздоровѣло.		Умерло.		
			Мужч.	Женщ.			Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	
1881	38	267	2,128	64	50	34,235 [2])	2,083	58	44	6	1,1 [3])
1883	47	303	1,801	61	40	37,393 [4])	1,725	41	59	19	1,7
1884	38	270	2,028	65	51	—	1,999	59	27	6	0,8
1887	40	254	1,760	170	39	—	1,723	163	37	7	0,9 [5])
1888	40	260	1,800	125	34	—	1,735	114	65	11	1,4 [6])
1889	40	260	2,940	287	56	—	2,940	287	80	13	1,6 [6])

[1]) „Прилож. I къ вып. I Сборн. глав. оф. док. по управ. Восточ. Сиб.“ т. VII. Отч. Горн. Отд. Глав. Управ. о частн. золот. Вост. Сиб. за 1882 г. № 4.

[2]) По другимъ свѣдѣніямъ 39975 поденщинъ, что составляетъ 3,9% всего числа поденщинъ. „Прилож. II къ вып. I. Сборн. глав. оф. докум. по упр. Вост. Сиб.“ т. VII. Иркут. 1885 г.

[3]) Горн. Жур. 1882 г. № 9, стр. 377.

[4]) По другимъ свѣдѣніямъ 41904 поденщины, что составляетъ 3,7% всего числа поденщинъ. Прилож. II къ „Сборн. оф. докум.“.

[5]) Данныя о 1883, 1884 и 1887 гг. взяты изъ официальныхъ отчет. о золот. Вост. Сиб. въ Горн. департаментѣ.

[6]) Отчетъ окружн. инж. въ Томск. Горн. Управл.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа.

Годъ.	Заболѣло.	% общ. числа рабочихъ.	Выздоровѣло.	Умерло.	Умерло % общ. числа рабочихъ.
1873	3,053	46	2,982	68	1
1874	2,197	43	2,154	34	0,7
1875	1,856	35	1,827	27	0,5
1876	1,711	33	1,680	29	0,6
1877	2,469	43	2,425	35	0,6
1878	3,068	45	3,032	30	0,4
1879	2,426	36	2,393	33	0,5
1880	1,876	29	1,835	40	0,6
1882	1,640	38	1,618	22	0,5

Годъ.	Число больницъ.	Число кроватей.	Число заболѣвш. лицъ.		% всего числа рабочихъ.	Число больныхъ въ поденщинахъ.	Изъ нихъ.				Умерло % всѣхъ рабоч.
							Выздоровѣло.		Умерло.		
			Мужч.	Женщ.			Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	
1881	35	294	3,043	8	53	76,716 [1]	3,017	5	25	3	0,5
1883	26	221	2,275	30	52	—	1,725	41	30	3	0,7
1884	23	195	2,334	142	52	—	2,307	140	26	2	0,6
1887	23	192	1,286	28	32	—	1,291	26	15	2	0,4
1889	24	188	1,693		42	—	—	—	20		0,5 [2]
1890	25	181	3,107		74	—	—	—	23		0,5

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ больныхъ въ поденщинахъ 45462, что составляло 4% всего числа поденщинъ. „Прилож. II къ вып. I Сборн. глав. оф. докум.“ т. VII. По тѣмъ же свѣдѣніямъ въ 1882 г. больныхъ въ поденщинахъ было 25398 (что составляло 3% всего числа поденщинъ), а въ 1883 г.—39337 (4% всего числа поденщинъ). Въ 1887 г. на промыслахъ В. И. Базилевскаго больныя поденщины составляли 3,1% всего числа поденщинъ (Мат. сообщ. Л. Ѳ. Пантелѣевымъ).

[2]) Отчетъ окруж. инженера въ Томск. Горн. Управ.

VIII (къ стр. 236).

	1873 г.		1874 г.		1875 г.		1876 г.		1877 г.		1878 г.		1879 г.		1880 г.		1881 г.		1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1888 г.		1889 г.		1890 г.	
	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Весь Енис. округъ.	Весь Енис. округъ.	Весь Енис. округъ.	Весь Енис. округъ.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.	Южн. часть Енис. окр.	Сѣвер. часть Енис. окр.
Убійствъ.	1	—	3	5	4	—	4	—	3	-	1	3	4	3	5	3	6	—	—	4	2	—	—	5	1		1	2
Самоубійствъ . . .	1	1	—	—	1	-	—	—	—	—	—	—	—	1		-	1	—	3	—	1	—		—		—		
Скоропостижно умершихъ	7	—	6	—	6	1	3	—	3	-	3	1	4	6	2	1	3	4	4		7	1	—	7	—	3	—	3
Утонувшихъ . . .	—	2	—		1		1	1	—	—	1	—	1		—		1	1	—	—			—					2
Замерзшихъ. . . .		-		1	—	-	—	—	—	1	—		-	-	-	—	—	—	1	—	—		—	—	—			—
Задавленныхъ обваломъ земли во время работъ.	—	—	—	—	2	—	2		—	1	2	—	—	3	3	2	—	1	1	—	5	—	—	—	—	—	—	—
Убито при работахъ .		—	—	—	—		—	—	—	-	—	-		—	—	—	—			—			4	2	—	—	—	—
Задавленныхъ возомъ.	—	—	—	—	—	—		—		1		-		—	—	—	-	1		-	—			—	—	—		
Несчастныхъ случаевъ при горныхъ работахъ	—	—		—	—	—	—	—	—	-	—	—	—	—		—	—	—	—	—	—	—		—	6	4	9	6 [1]
Найдено мертв. тѣлъ.	—	—	1	—	-	-	—	—	—	—	—	-	—	-	3	—	3	1		1	—	2	—	—	4		—	—
Смертныхъ случаевъ во время работъ. .	—		—		—			-	—				—	—	—		—	—	-	3 [2]	—	—	—	—	—	—	—	
Ушибленныхъ при работахъ.	—	-	—	—	—	1	-	—	—	—	—	—		-	—	—	—		1	2	—	2	1		—		1	1
Неначлн. смертныхъ случаевъ	1	2	1	—	—				—	—	1	3	—		1	1	-	—		12		—	—	—	—	—	—	—

[1]) Окончились выздоровленіемъ пострадавшихъ.

[2]) „Прилож. I къ вып. I Сборн. глав. оф. докум. по управ. Вост. Сиб.“, т. VII, Отч. окруж. врачей. Енис. окр. стр. 14—15.

IX (къ стр. 238).

Годъ.	Умерло.	% общ. числа рабочихъ.
	Въ южной части Енисейскаго округа.	
1873	34	0,6
1874	23	0,5
1875	4	0,8
1876	31	0,5
1877	25	0,4
1878	35	0,5
1879	41	0,6
1880	75	1,3
1881	64	1,4
1888	80	1,5
1889	98 [1])	1,7
	Въ сѣверной части Енисейскаго округа.	
1873	73	1,1
1874	40	0,8
1875	28	0,6
1876	30	0,6
1877	38	0,6
1878	37	0,5
1879	46	0,7
1880	47	0,7
1881	36	0,6
1889	27	0,7
1890	30	0,8
	Во всемъ Енисейскомъ округѣ.	
1882	72	0,8
1883	132	1,4
1884	76	0,9

[1]) Сверхъ того неизвѣстно, какой исходъ имѣли шесть несчастныхъ случаевъ при горныхъ работахъ.

X (къ стр. 264).

Число рабочихъ, бѣжавшихъ съ пріисковъ Енисейскаго округа.

Годъ.	Въ сѣверной части.		Въ южной части.	
	Число бѣжавшихъ.	% всего числа бывшихъ на пріискахъ.	Число бѣжавшихъ.	% всего числа бывшихъ на пріискахъ.
1873	235	3,5	282	5,2
1874	149	2,9	270	6
1875	178	3,4	392	7,5
1876	163	3,2	319	5
1877	225	4	497	8,3
1878	391	5,7	507	7,6
1879	270	4	521	7,7
1880	186	2,9	439 [1])	7,5
1881	149	2,6	397	9
1882 [2])	127	3	266	6,2
1883	120	2,7	261	5,6
1884	67	1,4	267	6,5
1885	58 [3])	1,3	265 [3])	5,3
1886 [4])	60	1,5	231	3,8
1887	75	1,8	178	3,7
1888	77	2,4	265	4,9
1889	96	2,4	250	4,3
1890	88	2,1	314	7,1
1891	63 [5])	1,9	257 [5])	5,8

[1]) По даннымъ отчета о золот. Вост. Сиб. въ Горн. департаментѣ.

[2]) Данныя о числѣ бѣжавшихъ взяты изъ „Прилож. I къ вып. I Сборн. оф. докум. по управ. Вост. Сиб.“ т. VII, Отчетъ Главн. Управ. за 1882 г., Вѣдом. № 3.

[3]) Отч. Горн. Испр.

[4]) Данныя о 1883—1887 гг. заимствованы изъ оф. отчет. о золот. въ Вост. Сиб. въ Горн. департ.

[5]) „Вѣст. Золот.“ 1892—1893 г. № 16, стр. 226.

XI (къ стр. 274).

По отчетамъ горнаго исправника изъ всей выдачи рабочимъ

въ сѣверной части Енисейскаго округа:

	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1888 г.	1889 г.
	Въ процентахъ.							
Выдано на пріискахъ для отсылки семействамъ и вообще на поддержаніе хозяйства.	2,1	2,3	2,3	2,5	3,5	3	2,3	2,8
Выдано на пріискахъ на уплату податей и на исходатайствованіе видовъ на проживаніе .	2,5	3,3	3,3	3,3	3,5	3,3	5,8	3,6
Выдано на пріискахъ деньгами на личныя надобности рабочихъ и вообще на уплату за нихъ долговъ разнымъ лицамъ	3,8	3,2	[1]	[1]	[1]	[1]	[1]	[1]
Выдано припасами и вещами изъ пріисковыхъ магазиновъ	33,7	35	33	36	34,9	34,7	30,5	39
Наличными деньгами при разсчетѣ (такъ называемая *додача*) . . .	21,5	24	27 [2]	26 [2]	26,6 [2]	29,2 [2]	27,6 [2]	32,1

[1]) Показано вмѣстѣ съ додачею.

[2]) „На личныя надобности рабочихъ“ и додача.

Въ южной части Енисейскаго округа:

	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1888 г.
	Въ процентахъ.			
Выдано для отсылки семействамъ и на содерженіе хозяйствъ. . .	2,2	2,5	2,9	4,2
Отослано на уплату податей и исходатайствованіе видовъ на проживаніе	4,9	4,3	5,2	3,4
Выдано деньгами на личныя надобности. . .	1,7	3,7	5,7	4,1
Выдано припасами и вещами изъ пріисковыхъ магазиновъ	38,4	37,3	36,7	38,7
Выдано наличными деньгами по разсчету . .	27,9	29,5	27,4	31,8

XII (къ стр. 351).

Поденная плата въ Олекминскомъ округѣ.

	По договору съ К° Трапезниковыхъ первой половины 70-хъ годовъ. Лѣтомъ		По договору К° Трапезниковыхъ 1878 г. Зимою.		По договору К° Трапезниковыхъ 1878 г. Лѣтомъ.		По договору К° Трапезниковыхъ 1880 г. Зимою.		По договору К° Трапезниковыхъ 1880 г. Лѣтомъ.		По договору К° Пром. и Прибрежно-Витимской 1887 г. Въ будни и праздники. Съ 10 сент. по 1 мая.		По договору К° Пром. и Прибрежно-Витимской 1887 г. Въ будни и праздники. Съ 1 мая по 10 сент.		По договору Бодайбинской К° 1890 г. Въ будни и праздники. Съ 10 сент. по 1 мая.		По договору Бодайбинской К° 1890 г. Въ будни и праздники. Съ 1 мая по 10 сент.		По договору Ленскаго товарищества 1891 г.
	Въ будни.	Въ праздн.	Въ будни.	Въ праздн.	Въ будни.	Въ праздн.	Въ будни.	Въ празд.	Въ будни.	Въ празд.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
При перевозкѣ и промывкѣ песковъ.	коп.	р. к.	коп.	коп.	коп.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.									
Промывальщикамъ 1 разр.	70	1.50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90	1	20	1	—	1	20	1 р. 25 к.
Промывальщикамъ 2 разр.	60	1.50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	70	—	80	—	70	—	85	1 р.
Подкатчикамъ и откатчикамъ песковъ и песковыхъ вагоновъ	—	—	—	—				—	—	—	—	80	—	80	—	80	—	80	—
Раскатнымъ и подводчикамъ	—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	80	—	80	—	80	—	80	—
Люковщикамъ и разборщикамъ	55	1.20	—	—	60	1.50	—	—	70	1.50	—	80	—	80	—	60	—	60	60 к.
Плотинщикамъ		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80	—	80	—	60	—	60	—
Пробойщикамъ и съемщикамъ	—	—	—	—	60	1.50	—	—	70	1.50	—	80	—	80	—	60	—	60	—
Пробщикамъ	55	1.20	—	—	—	—	—	—	70	1.50	—	—		—	—		—	—	—
Водоливамъ и мазникамъ или мазилкамъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80	—	80	—	80		80	—
Галечникамъ и эфельщикамъ	55	1.20	—	—	60	1.50	—	—	70	1.50	—	80	—	80	—	60	—	60	60 к.
Тормазовщикамъ	—	—	—	—		—	—			—	—	—	1		—	—	1	—	—
Отвальнымъ	55	1.20	—	—	60	1.50	—	—	70	1.50	—	90	—	90	—	90		90	—
При возкѣ вагоновъ на песковомъ отвалѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	60	—	60	—	60	—	60	—
При возкѣ камня	60	1.20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80	—	80	—	60		60	60 к.
При постройкѣ мостовъ		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80	—	80	—	70	—	70	—
Разной прислугѣ и за разныя работы и поторжнымъ	—	—		—	—	—	—	—	70	1.50	—	60	—	60	—	60	—	60	—
Свальщикамъ песковъ	75	1.50	—	—	82	1.90	1.20	1.60	1 20	2.20	—		—	—	—	—	—	—	—
Подводчикамъ лошадей на машинѣ	75	1.50	—	—	82	1.90	—	—	—	—		—	—	—	—	—		—	—
При выработкѣ шахтъ, шурфовъ и пр. поденными, внѣурочными работами	—		—	—	—	—	—		—	—	—	50—70	отъ	70-1 р.	—	50—70	отъ	70-1 р.	—
За поторжныя работы.																			
Мужчинамъ	—	—	20	60	50	1.50	—		—	—	отъ	50	до	70	отъ	50	до	70	—
Женщинамъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	отъ	25	до	35	отъ	25	до	35	—

Поденная плата мастеровымъ и р[illegible]чинцамъ въ Олекминскомъ округѣ.

	По договору съ К° Трапезниковыхъ первой половины 70-хъ г.г.		По договору съ Базилевск 1876 г.		По договору Базилевск. 8[illegible] годовъ.		По договору съ Малопатомскимъ товарищ. 1880 г.		По договору съ Плетюхинымъ 1886 г.		По договору съ Ленскимъ товариществомъ 1883 г.		По договору съ Ленскимъ товариществомъ 1891 г.	
	Лѣтомъ [1]).		Въ будни и праздники.		Въ будни и п[illegible]ники.				Лѣтомъ.		Въ день, по назначенію управленія.			
	Будни.	Праздн.	Съ 1 окт. по 1 мая.	Съ 1 мая по 1 окт.	Съ 1 окт. по 1 мая.	Съ по	Съ 10 сент. по 1 мая.	Съ 1 мая по 10 сент.	Будни.	Празд. [2]).	Отъ	До	Руб	Коп.
	коп.	р. к.	коп.	коп.	коп.	[illegible]	коп.	коп.	коп	р. к.	коп.	коп		
Артельный (и конюховск.) старосты	60	2.00	50—70	75—1 р.	75		40	75	50—60	1.50-2 р.	70	1 р.	отъ 75 к.	до 1 р. 50 к.
Конюхи 1 разряда	60	2.00					60	—	60	2.00	60	90	—	90
Шорники 1 разряда	60	2 00	50	75	75		60	85			—	до 90	1	25
Конюхи 2 разряда	50	1.50					40	80	50	1.50	50	80	—	
Шорники 2 разряда	50	1.50					40	75			отъ 50		-	
Кузнецъ 1 разряда	—	—	-	—	—		-	—	60	2.00	80	1 р.	1	80
Кузнецы (и слесари) 2 разряда	50	1.50	50	90	75		50	80	50	1.50	60	80	—	—
Слесари 1 разряда	—	—	—	—	—		—	—	—	—	50	70	2	—
Молотобойцы	50	1.50	40	80	60		35 -45	70—75	50	1.50	50	70	-	75
Слесари 2 разряда	—	—	—	—	—			80	-	—	—	—	1	50
Хлѣбопеки	50	1.50	-	—	—		45 -50	80	60	1.50	50	80	отъ 1 р. 50 к.	до 1 р. 25 к.
Столяры	50	1.50	50	85	75		отъ 50	отъ 75	60	1.50	—	—	1	25
Повара 1 разряда	60	1.50	40—60	70—85	—		85	85	50	1.50	65	90	1	80
Повара 2 разряда	-	—	—	—	70		65	65	—	—	40	70	1	25
Караульные			35	70	75		40	60			50	70	—	75—90
Зимовщики	50	1.50	30	50	50		50	50	50	1.50	—	—	—	—
Кашевары			40	60	70		35	70			40	70	—	—
Квасовары								70	—	—	40	65	—	—
Плотники 1 разряда	70	1.50	60	90	95	1 р.	60	85	70	1.50	60	1 р.	1	25 [2])
Плотники 2 и 3 разрядовъ	50	1.50	40	80	75		40—50	70—80	40	1.50	45	75	1 [3])	—
Печники	50	1.50	40	80	75		50	70	50	1.50	—	—	отъ 1	25
Бурильщики	50	1.50	—	—	—			—	50	1.50	—	—	—	—
Прислуга мужского пола	50	1.50	30	60	отъ 70	до	35 -40	65—70	40	1.50	40	80	—	—
Бондари	—	—	50	85	60		45	75	—	—	45	75	—	—
Дроворубы и дрововозы	—	—	50	70	75		40	60	—	—	—	—	—	75
Водовозы							35	55	—	—	—	—	—	75
Кановалы		—	—	—	—		—	—	—	—	50	80	1	—
Колесники	—	—	—	—	—		—	—	—	—	—		1	25
Кучера	—	—	—	—	—		—	—	—	—	—		1	—
Прачки, стряпки, поломойки	—	—	30	30	отъ 40	до	25—33	25—33	—	—	—	—	—	—
Прислуга женскаго пола	—	—	—	—	—		20—30	20—30	—	—	—		—	—
Подростки моложе 16 лѣтъ	—	—	30	30	отъ 40	до	—	—	—	—	—			—

[1]) Зимою полагалась мѣсячная плата.

[2]) По договору съ Плетюхинымъ 1889 г. праздничная плата всѣмъ этимъ рабочимъ жена до 1 р.

[3]) Зимою плата плотниковъ опредѣляется на 1/5 менѣе противъ лѣтней.

XIII (къ стр. 353).

Мѣсячное жалованье мастеровыхъ и разночинцевъ Олекминскаго округа.

	По договору К° Промышл. 1874 г.		По договорамъ К° Промышл. 1878 г. и 1888 г. [1].		По договору К° Промышл. 1887 г. [2].		По договору К° Трапезниковыхъ 1878 г.		По договору К° Трапезниковыхъ 80-хъ гг.		По договору съ Чаринскимъ товариществомъ 1880 г.	
	Съ 10 сент. по 1 мая.	Съ 1 мая по 10 сент.	Съ 10 сент. по 1 мая.	Съ 1 мая по 10 сент.	Съ 10 сент. по 1 мая.	Съ 1 мая по 10 сент.	Съ 10 сент. по 1 мая.	Съ 10 мая по 10 сент.	Съ 10 сент. по 1 мая.	Съ 10 мая по 10 сент.	Съ 10 сент. по 1 мая.	Съ 1 мая по 10 сент.
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
Нарядчикамъ	12—15	20—30	15—18	20—30	21—40	25 -45	15 - 25	25 —35	25—30	30—35	15	25
	20	25	25	30	40	45	15 -25	25 40	15—20	25—40	—	—
Артельному старостѣ	9—12	18—20	12	20	18	21 -25	12	25	12	25	10	20
Кашеварамъ	12—15	20—25	12 -15	20—25	25	30	15	30	20	30	10—15	30—25
Хлѣбопекамъ	10—15	20—25	10—15	20—25	30—40	40—50	20	25	30	30	10	20
Поварамъ	—	—	—	—	18	25	-	—	—	—	—	—
Помощникамъ поваровъ	9	18	9	18	18	21	9	22	9	25	—	—
Мукосѣямъ	12	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пекарямъ бѣлаго хлѣба	12	20	12	25	—	25	12	25	12	25	10	20
Квасоварамъ	—	—	—	—	—	—	10	25	12	20	—	—
Часоварамъ	9—12	18— 22	8—12	15—25	18—21	21 —25	12—15	20 25	15	25	10	20
Караульнымъ	9—15	15 20	9—15	15—20	21—30	21 30	15	25	20	30	—	—
Сторожамъ при больницахъ	10	18	—	—			12	20	15	24	—	—
Дроворубамъ, дровоколамъ	9—15	15—20	9—15	15 20	15	25	6 -15	15—20	15—25	20—30	10	20
Прислугамъ мужского пола	—	18	-	18	отъ 21	до 25	—	—	—	—	—	—
Пастухамъ	12—15	20—25	12—18	20 -30	30—40	40—50	15	25	20	30	—	—
Слесарямъ	отъ 15	до 40	отъ 15	до 40	20—40	35—45	25	30	30	50	25	25
Кузнецамъ 1 разряда	12	25	12	25	отъ 25	до 35	20	25	25	30	12	20
Кузнецамъ 2 разряда	10.50 к.-12 р.	18—22	10.50 к.-12 р.	18—22	18	25	10	22	18	25	10	20
Молотобойцамъ	10—15	18—25	10—15	18—25	21—40	25—50	12—18	20—25	15—20	20—36	12—15	20—25
Плотникамъ	12—15	20—25	12—20	20—25	30	40	20—25	25 - 30	20 -25	25—30	12	25
Столярамъ	9—12	18—22	9—12	18—25	25	35	18	25	18	25	—	—
Бондарямъ	10—12	20—32.50 к.	10—12	20—22	25	30	18	25	-	—	12	20
Печникамъ	12—15	20—25	12—15	20—25	25	35	15—18	22—25	18—20	25—30	12 -15	20—25
Шорникамъ	15—20	20—25	15—20	20—25	35	45	25	30	25	30	—	—
Коноваламъ	отъ 25	до 35	отъ 20	до 40	отъ 40	до 50	30	40	30	40	15	25
Старостѣ конюховскому	12—15	22— 25	12—18	22—25	20—30	30—40	15—18	25—28	18 -20	25—30	12—15	20—25
Конюхамъ	12—15	18—30	12—15	18—30	—	—	15	25—30	20	25—30	10—15	20—25
Промывальщикамъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24	—	—
Плотницкимъ	9	15	9	15	—	-	—	-	—	—	—	-
Разборщикамъ при машинахъ	—	18	—	18	—	-	—	-	—	—	—	20
Галечникамъ и эфельщикамъ	10	18	-	18	—	—	—	—	-	—	—	—
Прислугѣ мальчикамъ	6	9	-	-	—	—	—	—	—	—	—	—
Прислугѣ женщинамъ	6	9	6	9	8	12	-	-	—	—	—	—
Прачкамъ и стрѣпкамъ	отъ 6	до 9	отъ 6	до 9	10—12	15	-	-	—	—	—	—
При мытьѣ половъ и шитьѣ бѣлья	4 р. 50 к.	7	4 р. 50 к.	7	—	—	-	-	—	—	—	—
Помощницамъ поваровъ	—	—	—	—	12	15	-	-	—	—	—	—
Булочницамъ	—	—	—	—	15	20	—	—	—	—	—	-

[1]) Тоже въ договорахъ Бодайбин. К° 1880, 83, 84.

[2]) Почти тоже въ договорѣ Бодайб. К° 1890 г.

XIV (къ стр. 405).

Таксы пріисковъ Олекминскаго округа.

Наименованіе припасовъ и товаровъ, съ обозначеніемъ количества.	1879 г. На Благовѣщенскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К°. Руб.	К.	На Олекминскихъ промыслахъ Ѳ. И. Базилевскаго. Руб.	К.	На Успенскомъ пріискѣ К° Арендаторовъ. Руб.	К.	На промыслахъ наслѣдниковъ К. П. Трапезникова. Руб.	К.	1880 г. На Крещенскомъ пріискѣ А. М. Плетюхиной и К°. Руб.	К.	1887 г. На пріискахъ К° Промышленности. Руб.	К.	На Современномъ пріискѣ Яково-Николаевскаго Т-ва Руб.	К.	На Вѣрномъ пріискѣ И. Г. Пригорнаго. Руб.	К.	На Утесистомъ пріискѣ П. Т. Серебренникова. Руб.	К.	На Парасковьевск. пріискѣ Аканакъ-Накатамин. Т-ва. Руб.	К.	На Олекминскихъ промыслахъ Ѳ. И. Базилевскаго. Руб.	К.	На промыслахъ Мало-Патомскаго Т-ва. Руб.	К.	На промыслахъ Ленскаго Т—ва. Руб	К.
Припасы:																										
Крупа гречневая и ячная . 1 пудъ	3	10	4	—	3	60	—	—	4	80	4	90	—		греч. 6 ячная 5	— 20	—		—	—	-	—	5	40	5	50
Мука ржаная . . . . . 1 „	2	80	3	40	3	—	—	—	4	60	3	20	—	—	4	—			4	—	-	—	4	20	4	20
пшеничная . . . . . 1 „	4	—	4	—	4	—	—	—	5	40	4	60	—	—	—		—	—	—	—	5	40	5	40	5	60
Мясо свѣжее и соленое . . 1 „	7	20	6	40	6	—	—	—	7	20	9	—	—	—	[illegible]	—	—	—	7 и 8	—	—	—	6	60	6	40
Масло скоромное . . . . . 1 фунт.	—	36	—	40	—	40		40	-	45	—	36		42	—	50		50	пудъ 18	—	пудъ 16	—		45	-	46
Медъ . . . . . 1 „	-	30		30	—	28	—	—	—	30	—	38	—	—	—	—	—	—	-	—	пудъ 14	40	—	—	—	—
Сахаръ . . . . . 1 „	—	46	—	50	—	50		45	—	50	—	38	—	40	—	50		45	пудъ 18	—	пудъ 18	—	—	45	—	46
Соль поваренная. . . . . 1 пудъ	3		4	—	3	40	—		—	фун 7½	2	50		—	3	—	—		—	—	—	—	2	90	—	—
Чай кирпичный . . . . . 1 кирп.	1	06	1	—	1	10	1	10	1	20	1	50	1	40	1	40	1	60	1	30	1	25	1	30	1	40
байховый . . . . . 1 фун.	1	50	1	60	1	50	—	—	1	80	2		—	—	—	—	2	—	1	90	1	80	—		1	80
Товары:																										
Армяки 1 сорта . . . . . 1 шт.	5	40	—		—	—	6	75	—	—	—		—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
2 сорта . . . . . 1 „	4	50		—	—	-	5	25		—	—		—	-	—	—	—	—	—	—	-	—	—	—	—	
3 сорта . . . . . 1 „	4	10	-	—	—	—	4	50	—	—	—		—	—		—	—		—	—	—	—	—	—	—	-
Азямы суконно-вербл. . . . 1 „	7	50	4 7	— 50	8		—	—	4 8	— 50	5 5	— 75	5 9	30 —	—		6		6	—	8	—	3 5	80 80	2 7	60 70
Бродни отборные . . . . 1 пара	2	10	1 3	— —	3	40	3	10	3	—	1	20	—	—	—		2	—	—	—	1 3	40 50	2	—	1	80
Вареги . . . . . 1 „	—	30	—	30		30	—	30	—	30	—	35	—	35	-	30	—	40	—	30	—	36	-	30	—	34
Головки броденн. сортовыя. 1 „	—	80	—	60		—	-		—	—	—	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80	-	—	—	80
отборныя. 1 „	1	20	1	70	1	20	1	20	1	20	1	20	-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	-	—	—
Дабы синія и бѣлыя, 1 сор. 1 кон.	3	10	3	40	3	60	3	60	—	—	3	50	—	—	—	—	3	85	3	50	3	60	—	—	3	12
2 сор. 1 „	2	80	—	—	3	20	3	20		—	—	—	—	—	-	—	3	60	—	—	—	—	—	—	—	—
3 сор. 1 „	2	60	—		—	—					-	—	—	-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кушаки бумажные . . . . . 1 шт.	—	90	1	36 50	1 1	— 20	—	60	1	10	— 1	65 —	1 1	— 70	—	—	1	—	1	—	1 1	10 50	—	80	1	26

Наименованіе припасовъ и товаровъ, съ обозначеніемъ количества.	1879 г. На Благовѣщенскомъ пріискѣ Прибрежно-Витимской К°. Руб.	К.	На Олекминскихъ промыслахъ Ѳ. И. Базилевскаго. Руб.	К.	На Успенскомъ пріискѣ К° Арендаторовъ. Руб.	К.	На промыслахъ наслѣдниковъ К. П. Тракезникова. Руб.	К.	1880 г. На Крещенскомъ пріискѣ А. М. Плетюхиной и К°. Руб.	К.	1887 г. На пріискахъ К° Промышленности. Руб.	К.	На Современномъ пріискѣ Яково-Николаевскаго Т-ва. Руб.	К.	На Вѣрномъ пріискѣ И. Г. Пригорнаго. Руб.	К.	На Утесистомъ пріискѣ П. Т. Серебренникова. Руб.	К.	На Парасковьевск. пріискѣ Аканакъ-Накатамин. Т-ва. Руб.	К.	На Олекминскихъ промыслахъ Ѳ. И. Базилевскаго. Руб.	К.	На промыслахъ Мало-Патомскаго Т—ва. Руб.	К.	На промыслахъ Ленскаго Т—ва. Руб.	К.
Полушубки шадринскіе . . . 1 шт.	7	—	—	—	9		—	—	4	53	7	20	12	—	—			—	—	—	7	—	10 3	50 50	— 4	— 40
киргизскіе . . . 1 „	5	20	3		5	20	—	—																		
перешитые . . . 1 „	6	20	7	—	—	—	—	—																		
Подошвы дубленыя . . . . 1 пара	—	50	—	—	—	80	—	—	—	—	1	—	—	90	-	—	—	80		80	1		-	60	1	46 32
Рукавицы мурашинскія . . 1 „	—	55	—	—		—	—	75	—				—	—	—	75	—	—	—	—		—	—	—	—	
барановыя . . . 1 „	—	55	—	60	—	60	—	65		55	—	65	—	85			-	75	—	70	—	65	-	65	—	71
лосиныя . . . . 1 „	—	90	1	—	—	—	1	—	1	10	1	30	1	20	—	—	1	60	1	40	1	50	1	20	1	20
Рубахи ситцев. цвѣтн. обыкн. 1 шт.	1	80	2	20	2	—	2	25	2		1	80	1	80	2	50	2	25	2	—	2	—	2	40	1	68
„ пунсовыя . . 1 „	2	50	3	50	2	80	—	-	3	-	2	50	2	50	3	—	2	50	2	50	3	20	2	70	2	10
холщевыя . . . . . 1 „	1	75	1	—		—	—	—	—	—	1	50	—	—	—		—	—	—	—	1	20	-	—	—	—
дабовыя . . . . . 1 „	1	95	2	20	2	—	2	25	2	—	2	20	-		-	—	1	75	2	50	2	30	2	30	1	83
Сапоги кунгур. отбор. и заказ. 1 пара	6	-	6	50	7	60	6	50	7	80	7		—		7		8	—	8	—	7	50	7	—	7	10
сортовые . . . . . 1 „	5	40	—		7	—		-	6	25	—	-	—	-	—	—	—	—	—		—		—	—	—	-
Сукно крестьянское . . . . 1 „	—	22	—	25	—	28	—	25	—	25	—	25	—	30	—	35 60	—	35	—	35	—	40		25	-	28
Табакъ черкасскій . . . . . 1 фун.		34	—	36	—	40	—	35	—	40	—	36		56	—	50	—	60	—	40		—	—	—	—	44
Холстъ 1 сорта . . . . . 1 арш.	—	18	—	20	—	18	—	20	—	18	—	18	—	—	—	25	—	25	—	25		24	—	22		24
2 сорта . . . . . 1 „	—	15	—	15	—	16		15		—	—	16	—	—	—	—	—	—	—	—			—	20		18
3 сорта . . . . . 1 „		13	—	10	—	—	—	—		—	—	—	—		—	—		—	—	—	—	-	-	—	-	—
Шаровары плисовые . . . . 1 шт.	5	20	4	—			—	—	5	-	5	70	—	—	отъ 6 до 8	50 —		—		—	—	—		—	—	—
тиков. и триков. 1 „	2	50	2 2	— 50	2	50	—	-	2	60	2	75	2	—	3	—	2	50	2	50	2	40	2 2	30 50	2	40
дабовые . . . . 1 „	1	80	2		1	80	2	25	2	—	2	20	2	50	2	50	—	—			2	40	2	30	1	90
кожанные . . . 1 „	2	—	2	—	1	70	2	25	2	—	1	50	2	—	-	—	—	—	—	—	1	60	—		1	04
холщевые . . . . 1 „	1	40	1	—		—	1	70	—	—	1	30	—	—		—		—			—	—	-			—
Шубы русскія . . . . . 1 „	10	50	11 26		—	—	8 10	50 50	25	—	16	—	—			-	15	—	14	—	16	-	12 15	50 —	—	-
киргизскія . . . . . 1 „	7	20									7	—	—		—	—	9	50			—	-	7	80	10	50
Шляпы мужскія черныя . . 1 „	1	80	1	60	—	—	—	—	2—3	—	2	50	1		—	-	—	—		—	2	30	—	-	1	[1] 42
бѣлыя . . . 1 „	1	50	2	—																						

[1]) Таблица эта составлена на основаніи таксъ, находящихся въ дѣлахъ Иркут. Горн. управ. 1881 г., 2 дѣлопроизвод. № 35, л. 42—43, 156—157, 175—179, 191—192, 198, Горн. исправ. Витимской системы 1887 г. № 13 и Горн. исправ. Олекминскаго окр. 1887 г. № 34.

XV (къ стр. 428).

Вѣдомость о происшествіяхъ на промыслахъ Олекминскаго горнаго округа.

	1873 г.		1875 г.		1876 г.		1877 г.		1878 г.		1879 г.		1880 г.		1881 г.		1882 г.		1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.
	Витимская система.	Олекминск. система.	Витимская система.	Олекминск. система.	Витимская система.	Олекминск. система.	Витимская система.	Олекминск. система.	Витимская система.	Олекминск. система.	Витимская система.	Олекминск. система.	Витимская система.	Олекминск. система.	Витимская система.	Олекминск. система.	Витимская система.	Олекминск. система.	Олекминский округъ.	Олекминский округъ.	Олекминский округъ.	Олекминский округъ.	Олекминский округъ.
Убійствъ	—	3	1	5	1	7	—	4	1	1	-	7	1	5	1	2	3	3	9	10	2	-	5
Самоубійствъ	—	2	1	—	1	1	3	1	1	1	-	1	1	—	-	—	1	—	1	3	—	—	—
Скоропостижно умерш.	—	8	4	5	2	9	3	6	5	5	6	3	5	4	10	8	16	7	17	15	—	—	1
Утонувшихъ	—	8	2	3	2	2	2	4	1	—	5	1	—	—	2	2	1	—	2	3	—	—	
Умершихъ отъ взна.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—
Угорѣвшихъ до смерти		3	—	—		1	—	1	—	4	2	4	3	2	1	1	—	1	3	1	4	1	6
Замерзшихъ	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Задавленныхъ обваломъ земли во время работъ	—	1	—	2	—		2	—	—	—	—	—	1	1	1	1	—	2	—	—	7	—	—
Смертныхъ случаевъ во время работъ		—	—	—	—	-	-	—		—	—	—	—	—	-	—		—	6	—	—	—	—
Умершихъ отъ взрыва пороха	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
Задавленныхъ возомъ	—		—	—	—	—	—	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Найдено мертвыхъ тѣлъ	—		1	—	1	—	4	6	1	7	5	—	4	2	2	8	1	1	5	1	—	2	—
Потерявшихся безъ вѣсти	—	—	—	—	—	-	—	—	—	—	1	—	—	—	-	—	—	—	1	-	1	—	—
Неизвѣстныхъ смертныхъ случаевъ		2	3	5	—		3	—	3	—	—	—	2		5	3	3	2	3	3	2	3	1
Ушибленныхъ при работахъ	—	—	—	—	—	5	—	—	1	—	—	—	—	—	—	8	2	—	8	12	—	18	17
Покушеній на убійство	—		—	4	2	—		—	—	—	-	—	—	—	—	—	1	—	4	1	—	—	-
Покушеній на самоубійство	—	—	—	—	—	—	-	—			—	—	-	—	—	—	2	—	—	2	-	-	—
Ушибленныхъ внѣ прiисковыхъ работъ	-	—	—	—	—	—	—	—		—	—	-	—	—	-	-	1	—	—	-	—	—	—
Нанесеніе ранъ	—	1	—		4	—	5	4	2	3	—	6	7	5	7	4	—	6	7	7	—	—	4
Умершихъ отъ болѣзней:																							
мужчинъ	—	119	45	40	16	63	28	47	23	62	40	69	32	57	32	28	32	25	51	59	—	—	66
женщинъ	—	8	6	6	2	3	—	2	—	3					2	8	1	3	6	8	—	—	6
Итого умершихъ отъ болѣзней	—	127	51	46	18	69	28	49	23	65	40	69	32	57	34	36	33	28	57	67	—	—	72 [1]

[1]) Свѣдѣнія о 1873—82 г. заимствованы изъ „Прилож. I къ вып. 1 Сбор глав офф. докум. 15, за 1883—87 гг. изъ отчетовъ о золот. въ Вост. Сиб. въ Горн. Деп.; свѣдѣнія объ умершихъ по Управ. Вост. Сиб. т. VII, Отчетъ Горн. Отд. Главн. Управл. Вост Сиб. за 1882 г., табл. 4 и отъ болѣзней за 1887 г. изъ „Пам. книжки Якут. обл. за 1891 г.".

XVI (къ стр. 428).

Число рабочихъ больныхъ и умершихъ отъ болѣзней въ Олекминскомъ горномъ округѣ [1]):

Годъ.	Больныхъ.		Выздоровѣвшихъ.	Умершихъ.	
	Число.	% всѣхъ рабочихъ.		Число.	% всѣхъ рабочихъ.
1879	6,311 об. п.	59	6,183	109	1
1880	7,895 об. п.	73	7,806	89	0,8
1881	11,448 об. п.	109	11,339	70	0,7
1882	7,376 об. п.	—	7,300	61	0,7
1883	9,068 об. п.	84	8,999	57	0,5
1884	8,054 об. п.	67	7,987	67	0,5
1887	5,505 об. п.	49	5,433	72	0,6
1888	4,477	34	3,249	75	0,6
1889	4,571	35	4,510	54	0,4

Число рабочихъ, умершихъ отъ болѣзней и разныхъ несчастныхъ случаевъ въ Олекминскомъ горномъ округѣ:

Годъ.	Всего рабочихъ обоего пола.	Умерло отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ.	
		Число.	% всѣхъ рабочихъ.
1879	10,777	144	1,3
1880	10,798	120	1,1
1881	10,543	118	1,1
1882	10,712	109	1
1883	10,805	104	1
1884	11,937	103	0,9
1887	11,256	85	0,8
1888	13,046	—	—
1889	13,166	—	—

[1]) Данныя о 1875—82 гг. взяты изъ „Приложенія I къ вып. I Сбор. офф. док. по управл. Вост. Сиб., т. VII“, 1884 г. Отчетъ Горн. Отд. Главн. Управ. Вост. Сиб. за 1882 г., Прилож. № 4; за 1883—84 г. изъ отчетовъ того же Горн. Отд. въ Арх. Горн. Департ. за 1887—89 г. (и свѣдѣнія о количествѣ рабочихъ) изъ „Памятн. Книж. Якутск. обл. на 1891 г.“, стр. 115.

XVII (къ стр. 467).

Число рабочихъ, бѣжавшихъ съ промысловъ Олекминскаго горнаго округа.

Годъ.	Бѣжало.	
	Число.	% всѣхъ рабочихъ.
1871	350	6,41
1872	173	2,1 [1])
1873	252	3,12
1874	132	1,93
1875	198	3,22
1876	222	4,62
1877	256	4,16
1878	323	4,62
1879	269	3,31
1880	112	1,31
1881	139	1,5
1882	113	1,18 [2])
1883	112	1,03
1884	139	1,16 [3])

[1]) Свѣдѣнія о числѣ бѣжавшихъ въ 1871 и 72 гг. взяты изъ матеріаловъ Субботина; о 1872 г. см. также „Иркут. Губ. Вѣд." 1873 г., № 51; изъ числа бѣжавшихъ было поймано въ 1871 г.—46 чел. (13%), въ 1872 г.—39 чел. (22% бѣжавшихъ). Въ 1872 г. были летучіе кордоны для поимки рабочихъ, которыхъ не было въ 1871 г.

[2]) Свѣдѣнія за 1873—82 гг. взяты изъ „Прилож. I къ вып. I Сборн. главн. оффиц. докум. по управл. Вост. Сиб.", т. VII, Отчетъ о золотопр. Вост. Сиб. за 1882 г., прилож. № 2. Въ 1879 г. изъ числа бѣжавшихъ рабочихъ поймано 85 чел. (31%), въ 1881 г.—22 (15%), въ 1882 г.—16 чел. (14%).

[3]) Свѣдѣнія о 1883—84 гг. заимствованы изъ отчетовъ о золотопр. Вост. Сиб. въ Арх. Горн. Департ. Въ 1883 г. изъ числа бѣжавшихъ поймано 14 чел. (12%), въ 1884 г.—13 чел. (9%).

XVIII (къ стр. 475).

Распредѣленіе заработка рабочихъ Олекминскаго горнаго округа въ процентахъ [1]).

	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	Олекминская и Витимская вмѣстѣ. 1885 г.
Витимская система.										
Отослано въ уплату податей и семействамъ	10	9,8	6,8	7,1	—	13,9	13,1	8,7	7,3	8,6
Отослано въ банковыя учрежденія	1	1,7	1,4	1,2	—	2	4,3	5,3	3,2	1
Выдано на пріискахъ товарами и припасами	39	29	27,5	34,4	—	33,1	50	53,3	59 [и деньгами].	65,3
Выдано на руки во время работъ и при разсчетѣ . .	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Выдано при разсчетѣ (додача).	—	53,5	56	49,8	—	45,5	23,7	26,8	25,5	19,6
Удержано штрафовъ	—	—	—	—	—	—	0,5	0,3	0,5	0,5
Пропало долговъ за рабоч. бѣжавшими, неявившимися и др.	—	—	—	—	—	2	3,6	2,3	—	—
Олекминская система.										
Отослано въ уплату податей и семействамъ	—	—	—	—	8,3	6,2	8,8	7,9	—	
Отослано въ банковыя учрежденія	—	—	—	—	1,7	1,9	2	1,7	—	
Выдано на руки во время работъ товарами, съѣстн. припасами (въ 1885 г. и деньгами)	—	—	—	—	55	39,8	64,9	59,5	—	
Выдано при окончательномъ разсчетѣ деньгами . . .	—	—	—	—	25,5	47,1	19,1	26,2	—	
Удержано штрафовъ	—	—	—	—	1	1	0,4	0,4	—	
Пропало долговъ за рабоч. бѣжавшими, неявившимися и др.	—	—	—	—	—	1,3	1,4	1	—	

[1]) Данныя заимствованы изъ отчетовъ горныхъ исправниковъ, а относительно 1887—89 гг. изъ „Памятн. Книжки Якут. обл. на 1891 г.“, стр. 111. Въ этомъ послѣднемъ источникѣ указано собственно распредѣленіе не заработка, а выдачи рабочимъ, такъ какъ включены и долги рабочихъ, но такъ какъ долги составляютъ процентъ ничтожный, то и небольшую разницу между % *заработка* и % *выдачи* можно игнорировать.

XIX (къ стр. 542).

Таксы на пріискахъ Амурской области.

	1879 г. Компаніи Верхне-Амурская, Бутиныхъ, Тетюкова и Нижанская.	1881 г. Компаніи б. Бутиныхъ, Верхне-Зейская, Нижанская и Тетюкова.	1883 г. Компаніи Зейская, Нижанская и Бутиныхъ.	1884 г. Компаніи Нижанская, Бутиныхъ и Тетюкова.	1892 г. Зейская пристань, Верхне-Амурская К°, Нижанск. К°, Хинганск. система.
	Р. К. Р. К.	Р. К. Р. К.	Р. К. Р. К.	Р. К. Р. К.	коп.
Масло коровье фунтъ . . .	0.40—0.60	0.50—0.65	0.55—0.60	60 к.	40—60
Сахаръ	0.40—0.60	0.40—0.60	50 к.	50 к.	26—30
Чай кирпичный 1 кирп. . .	0.70—1.00	0.70—1.00	0.80—1.00	80 к.	—
Табакъ черкасскій 1 фунтъ.	0.35—0.50	0.45—0.55	0.45—0.50	0.35—0.50	—
Холстъ 1 сорта арш. . . .	0.20—0.27	0.20—0.25	—	—	15—25
Даба кусокъ	3.00—3.85	3.00—4.50	—	—	—
Вареги пара	0.32—0.40	0.35—0.40	35 к.	0.35—0.40	—
Рукавицы	0.60—0.85	0.75—0.80	0.70—0.75	0.30—0.80	—
Полушубокъ простой. . . .	5 р.	6.00—8.50	4.20	—	—
Бродни пара	2.90—4.25	3.25—4.20	2.50—4.00	2.50—4.20	—
Сукно крестьянское 1 арш. .	0.21—0.36	0.25—0.35	—	—	—

XX (къ стр. 553).

Происшествія на промыслахъ Амурской и Приморской областей.

	1873.	1874.	1878.	1879.	1880.	1881.	1882.	1883.	1884.	1885.	1887.
Скоропостижно умершихъ	2	—	—	2	2	1	1	—	—	—	—
Самоубійствъ	—	—	—	5	1	—	—	—	1	1	2
Нанесенія ранъ . . .	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Утайка и кража золота	1	—	—	1	2	2	—	—	—	—	—
Покушенія на убійство	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Убійствъ.	—	—	—	—	—	1	2	2	1	—	3
Утонувшихъ.	4	—	—	—	—	2	9	1	—	—	—
Найдено мертв. тѣлъ.	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Ушибленныхъ при работахъ.	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Потерявшихся безъ вѣсти.	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—
Нанесеніе ранъ . .	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Буйствъ рабочихъ. .	—	2	—	—	—	—	—	1	2	1	—
Тайная торговля спиртомъ	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нечаянныхъ смертн. случаевъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2 [1]

[1]) Одинъ сгорѣлъ въ кашеварнѣ, одинъ съѣденъ медвѣдемъ.

XXI (къ стр. 559).

Распредѣленіе заработковъ рабочихъ на промыслахъ Амурской области въ процентахъ.

	1881 г.			1882 г.			1883 г.		1884 г.				1885 г.				1886 г.		1892 г.	1893 г.
	Нижанской К°.	Зейской и Верхне-зейской К°.	Верхне-амурскіе промыслы.	Зейской и Верхне-зейской К°.	Нижанской К°.	На Верхне-амурскихъ промыслахъ.	Зейской и Верхне-зейской К°.	На пріискѣ бр. Бутиныхъ.	Нижанской К°.	На пріискахъ бр. Бутиныхъ.	На пріискѣ Тетюкова.	На Верхне-амурскихъ пріискахъ.	Нижанской К°.	На пріискахъ бр. Бутиныхъ.	На пріискѣ Тетюкова.	На Верхне-амурскихъ пріискахъ.	Нижанской К°.	На пріискѣ Тетюкова.	Нижанской К°.	На пріискахъ на р. Амгуни [1]).
Выдано въ задатокъ деньгами.	6	33	23	33	10	25	32	18	8	6	24	19	7	20	21	17	27	25	—	18
Отослано въ подати и семействамъ во время работъ на пріискахъ	9	10	8	7	4	9	7	4	9	10	2	24	7	2	2	11	7	4	11	16
Выдано на руки деньгами, припасами и вещами во время работъ	71	28	—	46	76	—	28	67	—	—	—	24	—	—	61	32	—	59	—	39
Выдано во время работъ деньгами	—	—	—	—	—	—	—	—	29	17	14	—	10	7	—	—	7	—	—	—
Выдано во время работъ товарами	—	—	—	—	—	—	—	—	43	44	45	—	44	49	—	—	45	—	35	—
Выдано при разсчетѣ деньгами.	14	29	—	14	10	—	33	11	11	23	15	33	32	22	16	40	14	12	—	27
Выдано на руки припасами, вещами и деньгами во время работъ на пріискахъ и при разсчетѣ.	—	—	69	—	—	66	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Выдано деньгами въ теченіе операціи и при разсчетѣ. .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	54	—

[1]) „Вѣстн. Золотопр.“ 1893 г., № 23, Прил., стр. 2.

XXII (къ стр. 566).

Кабинетскіе промыслы Нерчинскаго округа [1]).

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
1874	18	53.397,380	—	—	152 п. 9 ф. 74 з.
1875	11	57.649,030	—	—	145 „ 28 „ 27 „
1876	15	58.065,625	84 3/4 д.	—	141 „ 7 „ 52 „
1877	16	56.944,750	98 2/8 „	—	142 „ 28 „ 22 „
1878	18	62.627,750	81 1/2 „	—	138 „ 2 „ 8 „
1879	24	58.397,000	75 1/2 „	—	119 „ 31 „ 71 „
1880	19	59.946,750	75,4 „	—	122 „ 24 „ 22 „
1881	28	53.744,000	67 „	—	97 „ 29 „ 28 „
1882	9	47.458,250	67 7/8 „	2,188	93 „ 1 „ 27 „
1883	10	51.454,250	64 „	2,262	95 „ 35 „ 64 „
1884	10	51.766,250	59 1/2 „	2,074	84 „ 16 „ 83 „
1885	10	30.197,750	63 3/4 „	2,305	52 „ 10 „ 87 „
1886	10	54.796,500	61 1/2 „	2,206	91 „ 28 „ 27 „
1887	10	50.674,500	60 „	2,150	82 „ 15 „ 60 „
1888	14	38.270,250	71 1/2 „	2,059	74 „ 6 „ 26 „
1889	15	42.615,750	79 1/2 „	1,765	92 „ 4 „ 54 „
1890	14	44.169,300	—	1,565	101 „ 7 „ 38 „
1891	14	34.823,000	64 4/5 „	1,309	103 „ 24 „ 52 „ [2])
1892	15	33.983,670	68,9 „	1,285	111 „ 20 „ 86 „ [3])
1893	14	36.208,000	73 „	1,205	120 „ 20 „ 5 „ [4])
1894	11	36.977,840	—	1,260	124 „ 39 „ 60 „ [5])
1895	11	33.694,000	79,12	1,144	118 „ 18 „ 85 „

[1]) Всѣ данныя заимств. изъ офф. изд. Горн. Деп. „Горнозав. Произв. Россіи".
[2]) Въ томъ числѣ старательскаго 42 п. 10 ф. 64 з.
[3]) „ „ „ „ 47 „ 18 „ 51 „
[4]) „ „ „ „ 48 „ 30 „ 57 „
[5]) „ „ „ „ 51 „ 38 „ 72 „

XXIII (къ стр. 606).

Барыши золотничнаго подрядчика въ 1881 г.

	Отпущено отъ К°.		Продается рабочимъ.		% барыша.
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
Мука пшеничная пудъ	1	70	2	20	29
Сало топленое пудъ	—	15	—	25	66
Чай кирпичный кирпичъ	1	20	1	60	33
Сахаръ фунтъ	—	35	—	50	43
Азямъ 1-го сорта	5	30	7	—	32
2-го сорта	3	—	4	50	50
Бродни	2	20	2	80	27
Рубахи ситцевыя	1	30	2	50	92
Сукно крестьянское аршинъ	—	16	—	25	56
Холстъ 1-го сорта аршинъ	—	12	—	20	66
2-го сорта аршинъ	—	11	—	15	36
Табакъ черкасскій фунтъ	—	22	—	35	59
Свѣчи сальныя фунтъ	—	17½	—	25	43 [1]

[1] „Сибирь“ 1881 г. № 33, стр. 3.

XXIV (къ стр. 642).

Кабинетская золотопромышленность на Алтаѣ [1]).

А) Добыто розсыпного золота.

Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Число рабочихъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
1875	—	—	—	—	8 п. 20 ф. — з. [2])
1876	—	—	—	—	7 „ 2 „ 52 „ [2])
1877	7	—	—	—	7 „ 12 „ 90 „ [2])
1879	—	—	—	—	7 „ 30 „ 78 „
1880	—	—	—	—	7 „ 34 „ 13 „
1881	—	—	—	—	4 „ 30 „ 66 „
1882	—	—	—	—	1 „ 20 „ 66 „
1883	—	—	—	—	1 „ 20 „ 2 „
1884	—	—	—	—	2 „ 12 „ — „
1885	2	—	—	—	4 „ 16 „ 18 „
1886	2	—	—	508	5 „ 11 „ 20 „
1887	11	1.699,348	—	745	6 „ 11 „ 17 „ [3])
1888	7	1.140,400	—	547	5 „ 29 „ 58 „
1889	3	4.550,460	63 д.	960	7 „ 30 „ 95 „
1890	3	4.431,038	36 „	649	6 „ 16 „ 61 „
1891	5	4.511,702	50½ „	743	6 „ 7 „ 54 „
1892	3	4.644,459	43¼ „	687	5 „ 18 „ 46 „
1893	4	7.209,238	49,4 „	808	9 „ 26 „ 33 „ [4])
1894	5	7.923,618	—	907	10 „ 6 „ 58 „ [5])
1895	3	8.339,900	—	990	10 „ 32 „ 47 „

[1]) Всѣ данныя заимствованы изъ оффиціальнаго изданія „Горнозавод. произв. Россіи“.

[2]) Намыто старателями.

[3]) Изъ 11 пріисковъ только 3—Егорьевскій, Салаирскій и по системѣ Катуни разрабатывались старателями (597 ч.), которые добыли 5 п. 2 ф. 77 зол.

[4]) Артельными старателями и хозяйственными работами отъ Управленія округа, а также золотничниками.

[5]) Артельными старат. и хозяйств. работ. отъ упр. округа.

Б) Получено изъ кварцевъ Зыряновскаго и Риддерскаго серебряныхъ рудниковъ.

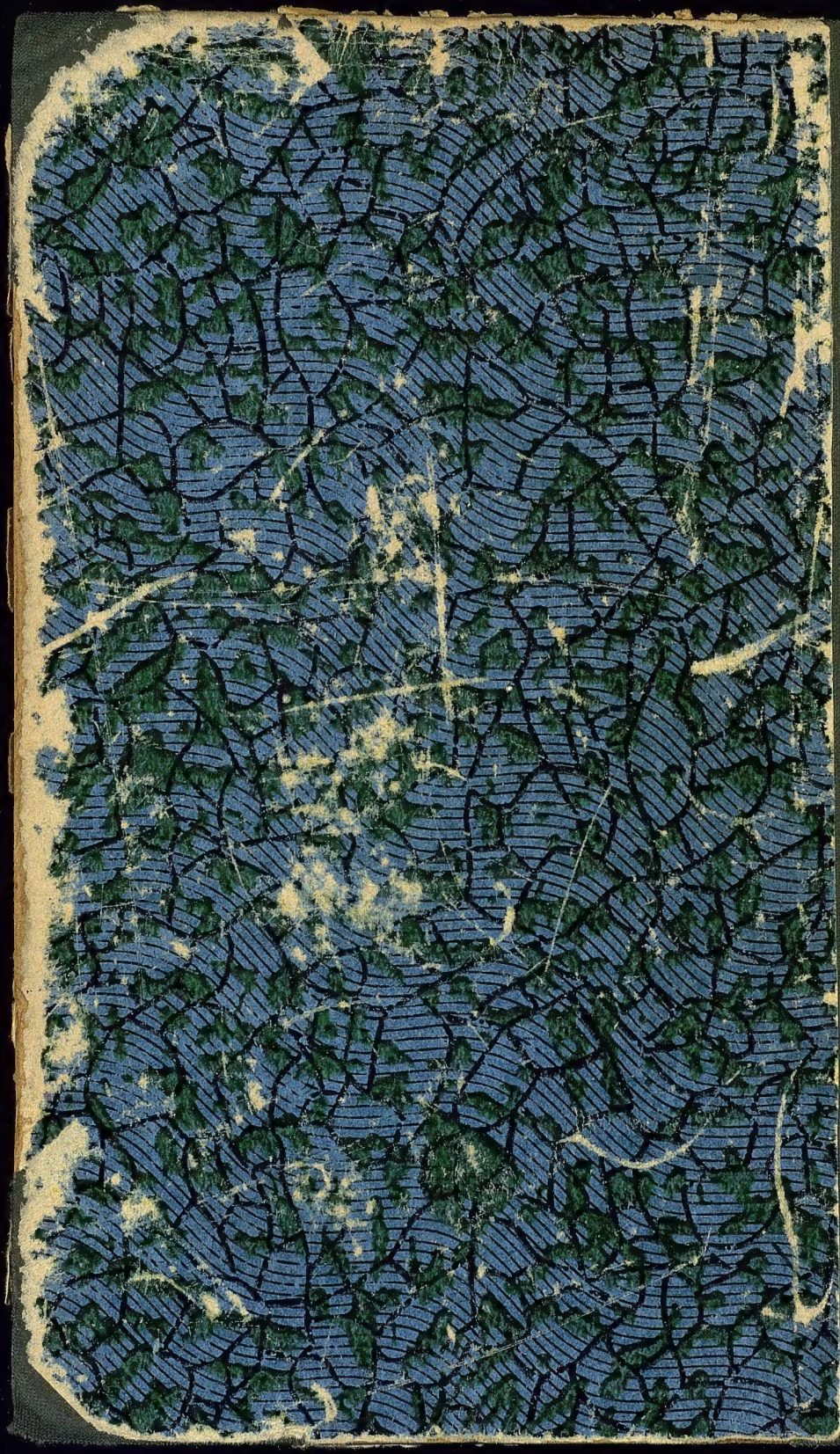
Годъ.	Число пріисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Содержаніе золота.	Число рабочихъ.	Количество добытаго золота.
1875	—	—	—	—	4 п. 15 ф. — з.
1876	—	—	—	—	4 „ 20 „ 8 „
1877	—	—	—	—	4 „ 22 „ 6 „
1879	—	—	—	—	3 „ 23 „ 19 „
1880	—	—	—	—	4 „ 5 „ 5 „
1881	—	—	—	—	4 „ 22 „ 82 „
1882	—	—	—	—	4 „ 23 „ 72 „
1883	—	—	—	—	3 „ 9 „ 78 „
1884	—	—	—	—	4 „ 28 „ 14 „
1885	—	—	—	—	4 „ 31 „ 12 „
1886	—	554,254	4 з. 30 д.	—	6 „ 8 „ 56 „
1887	—	668,000	3 „ 82 „	—	6 „ 27 „ 13 „ [1]
1888	—	751,063	3 „ 38½ „	175	6 „ 26 „ 24 „
1889	—	824,265	2 „ 79 „	110	6 „ 2 „ 40 „
1890	—	759,550	2 „ 91¾ „	118	5 „ 34 „ 3 „
1891	—	980,365	2 „ 25 „	109	5 „ 31 „ 4 „
1892	—	903,421	1 „ 78 „	123	4 „ 6 „ 69 „ [2]
1893	—	718,140	—	288	3 „ 6 „ 19 „ [3]
1894	—	696,676	—	100	5 „ 24 „ 58 „
1895	—	920,295	—	190	7 „ 39 „ 77 „ [4]

[1]) Въ томъ числѣ 16 ф. 76 з. старат. работами.

[2]) Кромѣ Зыряновскаго и Риддерскаго рудниковъ, на Москвинскомъ и Путинцевскомъ пріискахъ.

[3]) Въ томъ числѣ и золотничниками.

[4]) Общіе итоги добычи шлихового и чистаго золота въ Россіи съ 1880 г. см. въ книгѣ *М. Кошкарова* „Денежное обращеніе въ Россіи“, Спб. 1898 г., т. I, стр. 152—153.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.:	*строка:*	*напечатано:*	*должно быть:*
25	10 сверху	пріисковъ. Обязанность	пріисковъ обязанность
70	21 „	minimum 10	minimum 8
138	23 „	47319	407319
215	19 „	съ собраній	собраній
238	20 снизу	100	1000
319	20 сверху	вслѣдствіе печальную извѣстность	печальную извѣстность вслѣдствіе
332	18 снизу	1896	1892
357	11 „	почти 2	17
358	6 сверху	21	22
360	1 „	контрактахъ	контрактахъ 70-хъ годовъ , слѣдствіемъ
366	22 снизу	Слѣдствіемъ	
405	8 „	См. *Дополненіе XIV*, Б	Мыло 24—40 к.; табакъ черкасскій 36—60 к.
405	6 „	*Дополненіе XIV*, А.	*Дополненіе XIV.*
426	11 сверху	труба	труба до 20°;
430	5 снизу	годичный	тройной годичный
462	6 „	пріискѣ	пріискѣ 1882 г.
464	19 „	которыхъ	которомъ
473	13 „	28	22
474	14 „	18	17
495	17 сверху	рабочій... нуждается	рабочіе... нуждаются
507	9 снизу	1884	1894
517	24 сверху	имѣли	вмѣстѣ имѣли
543	20 „	яичную	яичную
771	18 „	Олекминскаго округа	Олекминской системы
783	11 „	обязательныхъ	обязательныхъ (въ случаѣ жеданія рабочихъ)
790	9 „	1897	1896
795	14 снизу	и	изъ
810	23 сверху	1358	1358[1]
824	12 „	ничего	почти ничего